

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ириналлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

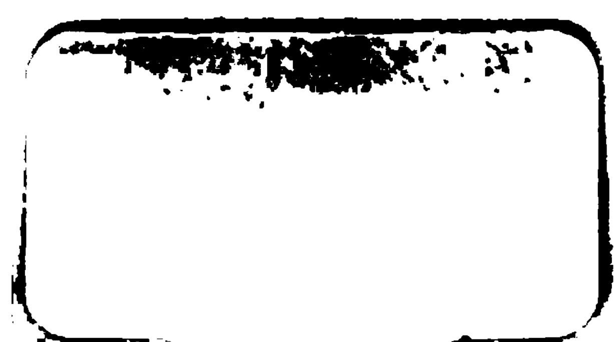
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

KF 16819

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ,

ДѢТОУБІЙСТВО

И

ПРОСТИТУЦІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ,

ДѢТОУБІЙСТВО И ПРОСТИТУЦІЯ.

С. С. Шашкова.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1872.

KF 16819

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе этой книги имѣло успѣхъ, превзошедшій скромныя надежды автора,—оно разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Для настоящаго, втораго изданія, книга исправлена и значительно дополнена. Кромѣ того, въ видѣ отдѣльнаго дополненія, авторъ издаетъ свой „Очеркъ Исторіи Русской Женщины.“

Вотъ списокъ источниковъ и пособій, которыми пользовался авторъ.

1) Maria Child, History of Women, 2 vol., 5 edition, 1854.
2) Klemm, Die Frauen, 6 Bänd., 1859.
3) Mac Lennan, Primitive Mariage, an inquiry into the origin of the form of capture in mariage ceremonies, 1865.
4) Bachofen, Das Mutterrecht, eine Untersuchung über die Gynäikokratie der alten Welt, 1861.
5) Reich, Geschichte, Natur und Gesundheitslehre des ehelichen Lebens, 1864.
6) Unger, die Ehe im welthistorischen Entwickelung, 1850.
7) Rossbach, Geschichte der Familie, 1859.
8) Riehl, Die Familie, 1862.
9) Buddeus und Richter, Die Ehe, въ энциклопедіи Эрша и Грубера, томъ XXXI.
10) Staatslexikon, oder allgemeine Encyclopädie der Staatswissenschaften, von Rottek und Welcker, 14 B., 1856—1866, монографіи: Kolb und Warnkoenig, Ehe; Warnkoenig, Ehelosigkeit; Eherecht, Familie; Bopp, Findlinge, Findelhäuser, Frauen, Kindesmord, Abtreibung der Leibesfrucht, Kindesaussetzung; Kolb, jus primæ noctis; Held. Misheirath; Iordan, Hausgesetze; Avè-Lallement, Sittenpolizei, и др.
11) Frankel, Mosaisch-talmudisches Eherecht, 1860.
12) Scherr, Geschichte der deutschen Fraunwelt, 2 B., 1865.
13) Bernard, Histoire de l'autorité paternelle en Françe, 1864.
14) Grindon, Etude sur l'amelioration progressive de la condition

des femmes en droit romain et français, 1862.
15) Scoutetten, Histoire des femmes medicines depuis l'antiquité jusqu'à nos jours, 1868.
16) Friedberg, Ehe im Mittelalter; Ehe in England und Schottland, zwei Vorträge, 1864.
17) Wrigt, History of domestic manners and sentiments in England during the middle age, 1862.
18) Maria Child, Biografies of good Wives, 1849.
19) Proudhon, Amour et Mariage.
20) Michelet, La Femme и L'Amour.
21) Anderson, Les Femmes de la Reformation, 3 v., 1869.
22) Capefigue, Les Heroines de la Ligue, 1864.
23) Cousin, Jeacqueline Pascal, 1869.
24) Griesinger, Das Damenregiment an d. Höfen Europa's in zweiletztvergang. Jahrh., 1868.
25) Armand Bachet, Le Roi chez la Reine, 1864.
26) Eascelles Wraxall, Life and time of the queen Caroline Mathilde of Denmark, 1864.
27) Goncourd, La femme au XVIII siècle, 1862.
28) Michelet, Les Femmes de la revolution, 1863.
29) Dauban, M-me Roland et son temps, 1864.
30) M. Child, Memoirs of m-me de Stael and m-me Roland, 1854.
31) Daubié, La Femme pauvre au XIX siècle, 1866.
32) Eyma, Les Femmes du Nouveau Monde, 1860.
33) Dixon, New America, 2 vol., 1868.
34) Dixon, Spiritual Wives, 2 v., 1868.
35) Legouvé, Les Pères et les Enfants au XIX s., 2 vol.
36) Koenigswarter, Histoire de la famille en Françe, 1851.
37) Jeannel, de la Prostitution au XIX siècle, 1868.
38) Dufour, Histoire de la Prostitution, 6 volumes, 1851.
39) Burke Rayan, Prostitution in London, 1839.
40) Parent-Duchatêlet, de la Prostitution dans la ville de Paris, 3 ed., completée par Trebuchet et Poirat-Duval, suivie d'un precis hygienique, statistique et administratif sur la prostitution dans les principales villes de l'Europe par Venot, Rochard, Potton, Baré, Strohl, Bertherand, Richelot, Behrend, d'Erlach, Marinus, Boeckh, Braestrup, Guardia, Lippert, Schneevogt, Jeacquot et Sperino, 2 gr. vol., 1857.
41) Burke Rayan, Infanticide, its law, prevention and history, 1862.
42) Clay, Infanticide and burial clubs, 1864.
43) C. Contini, l'enfanticides dans l'Angleterre, въ Journal de la societé de la statistique de Paris, № 5, 1865.
44) Foucher de Careil, Descartes et la Princesse Palatine, 1862.

45) Droit des Femmes, journal politique, 1869 et 1870 an.
46) Allgemeine Frauen-Zeitung, 1870 und 1871.
47) The Englishwoman's Rewiev, 1869.
48) Now-A-Days., 1869.
49) Bastian, Der Mensch in der Geschichte, 3 B., 1860.
50) Waitz, Anthropologie der Naturvölker, 5 B., 1859—1866.
51) Weinhold, Altnordisches Leben, 1859.
52) Maine, Ancient Law, its connection with the early history of mankind and its relation to modern ideas, 1866.
53) Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité, 18 volumes, 1861—1870.
54) A. Sudre, Histoire du Communisme, 1856.
55) L. Reybaud, Etudes sur les reformateurs ou sociălistes modernes, 2 vol., 1864.
56) Booth, Robert Owen, 1869.
57) Bonnemere, Histoire des Paysans, 2 v., 1856.
58) Riehl, Die bürgerliche Gesellschaft, 1858.
59) Avè-Lallement, Das Deutsche Gaunerthum, 4 B., 1861.
60) Lassale, Das System der erworbenen Rechte, 2 B., 1861.
61) Vollgraff, Staats-und Rechtsphilosophie auf Grundlage einer wissenschaftlichen Menschen und Völkerkunde, 2 B., 1864.
62) Drummond Hay, Marocco and the Moors, 1853.
63) Huc, L'Empire Chinois, 2 v., 1855.
64) Koeppen, Die Religion des Buddha, 2 B., 1859.
65) Kastren, Vorlesungen über die altaische Völker, 1857.
66) Hinrichs, Geschichte der Rechts und Staatsprincipien seit der Reformation, 3 B., 1852.
67) Greisinger, Mysterien des Vatican, oder die geheimen und offenen Sünden des Papstthums, 2 B. 1866.
68) Милль, О подчиненіи женщины, 1869.
69) М. Библіоманъ, Историческіе этюды о женщинѣ, вып. 1, 1867.
70) Шлоссеръ, Женщины французской революціи, 1865.
71) Бокль, О вліяніи женщинъ на успѣхи знанія, 1864.
72) Ровинскій, Изъ исторіи славянской женщины, „Недѣля", 1869,
73) Ордынскій и Знаменскій, статьи въ разныхъ журналахъ о женщинахъ и литературѣ классической древности.
74) Добряковъ, Русская женщина въ домонгольскій періодъ, 1867.
75) Фирховъ, О воспитаніи женщины, 1865.
76) Дауль, Женскій трудъ, 1869.
77) Луиза Отто, Неотъемлемое право женщины, 1868.
78) Энриветта Караччоло, Тайны женскихъ монастырей въ Неаполѣ, 1867.
79) Кэри, Руководство къ соціальной наукѣ, 1869.

80) Зедергольмъ, Катонъ старшій, 1857.
81) Маколей, Собраніе сочиненій, 14 томовъ.
82) Гизо, Исторія цивилизаціи во Франціи, 1861.
83) Бенвенутто Челлини, Записки, 2 ч., 1848.
84) Макушевъ, Сказанія иностранцевъ о бытѣ славянъ, 1861.
85) Кудрявцевъ, Юность Катерины Медичи, „Русск. Вѣстникъ", т. XI.
86) Вокругъ Свѣта и Природа и Землевѣдѣніе, журналы за разные годы.
87) Гизо, Исторія англійской революціи, 3 т.
88) Терещенко, Бытъ русскаго народа, 7 ч., 1848.
89) Макушевъ, Задунайскіе и адріатическіе Славяне, 1867.
90) Тайлоръ, Доисторическій бытъ человѣчества, 1868.
91) Аристотель, Политика, перев. Скворцова, 1865.
92) Монтескье, Духъ Законовъ, 3 ч., 1839.
93) Марецолль, Римское гражданское право, 1867.
94) Г-жа Милль, Объ эманципаціи женщинъ, „Современникъ", т. LXXXIV.
95) Михайловъ, О женщинахъ, ibid.
96) Ю. Жуковскій, Затрудненія женскаго дѣла, ib. т. XCIX.
97) Андре-Лео, Вопросъ о правахъ женщины, „Вѣстникъ Европы", 1869, V.
98) Н. Б-скій, Очеркъ проституціи въ Петербургѣ, „Архивъ Судебной Медицины", 1868, IV.
99) Де-Гуронъ, Исторія императорскихъ воспитательныхъ домовъ, „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей", 1860, II.
100) Уваженіе къ женщинамъ, „Современникъ", 1866.
101) Двадцать лѣтъ на Филиппинскихъ островахъ ib., т. LI.
102) Шерръ, Аспазія и Мессалина, „Отечеств. Записки", 1869.
103) Тэккерей, Четыре Георга, „Русскій Вѣстникъ", т. XXIX.
104) Карлгофъ, О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ, ib., т. XXVIII.
105) Capefigue, Les Déesses de la Liberté, 1863.
106) Tschudi, Peru, 1846.
107) Abbe ***, La Religieuse, rom., 1864.
108) Roscher, Grundlagen der Nationalökonomie, 2 B. 1865.
109) Virginia Penny, Think and Act, a series of articles, pertaining to men and women, work and wages, 1869.
110) Prescott, Histoire de la Conquete du Peru, 1861.
111) A. Bastian, Zur Amazonen-Sage, Zeitschrift für Ethnologie, 1870, Heft III.
112) Lubock, Origin of Civilisation and Primitive Condition of Man, 1870.

113) Krause, Die Bysantiner des Mittelalters in ihrem Staats-Hof- und Privatleden, 1869.
114) Шерръ, Исторія цивилизаціи въ Германіи, 1869.
115) Ламартинъ, Шарлотта Корде, „Современникъ", т. III.
116) Константинополь въ IV в., id., т. II.
117) Стрингольмъ, Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ, 1861.
118) Каземъ-Бекъ, Бабъ и Бабиды, 1865.
119) Зыбина, Взглядъ на значеніе женщины въ исторической жизни народовъ. I. Китай. 1870.
120) Организація рабочей силы женщины въ Германіи, „Вѣстникъ Европы", 1870, II.
121) Фанни Левальдъ, За и противъ женщинъ, 1871.
122) Цебрикова, Американки XVIII вѣка, 1871.
123) Бокль, Исторія Цивилизаціи, 2 т.
124) Новыя времена, „Современникъ", томъ CIX.
125) Jules Simon, L'Ouvrière, 1867.
126) Michelet. La Sorcière, 1865.
127) Способность женщины къ изученію точныхъ наукъ, „Знаніе", 1870, I.
128) Mamroth, Die Frau auf dem Gediete des modernen deutschen Roman, 1871.
129) Lecky, Die Steilung der Frauen, deutsch von Jolowicz, 1871.
130) Кузнецовъ, Историко-статистическій очеркъ развитія проституціи и сифилиса въ Москвѣ, „Архивъ Судебной Медицины", 1870 г., кн. IV.
131) Gervinus, Histoire du XIX Siècles, 22 volumes.
132) Mathews, The Future of Women, въ Essays of Birmingham Speculative Clud, 1870.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе I

Историческія судьбы женщины.

Вступленіе 1

ГЛАВА I. Первобытный бракъ. Борьба женщины за независимость. Поліандрія и общность женщинъ Материнство и гинейкократія. 3

ГЛАВА II. Паденіе материнства и гинейкократіи. Развитіе патріархальной системы 26

ГЛАВА III. Цѣль патріархальнаго брака — работа и дѣторожденіе. Отсутствіе у первобытныхъ народовъ рѣзкихъ половыхъ отличій, романической любви и ревности. Женщина борется за свою независимость и сохраняетъ за собою много вольностей. Мужчина употребляетъ всѣ усилія, чтобы поработить ее. Женщина водворяетъ моногамію. Участіе женщины въ общественныхъ дѣлахъ, въ промышленности, религіи, медицинѣ . . . 37

ГЛАВА IV. Патріархальное семейство. Женщина—орудіе для продолженія рода. Семейные принципы общественной жизни 56

ГЛАВА V. Окончательное порабощеніе женщины съ развитіемъ восточныхъ государствъ 68

ГЛАВА VI. Продолженіе. Оппозиція восточныхъ женщинъ порабощенію и ихъ борьба за независимость 86

ГЛАВА VII. Борьба мужчины и женщины въ первичную эпоху греческой исторіи. Порабощеніе женщины. Спартанки и ихъ борьба за свои интересы . . . . . . : 99

ГЛАВА VIII. Постепенное порабощеніе афинской женщины. Ея положеніе 106

ГЛАВА IX. Эманципація афинянки 113

ГЛАВА X. Римское семейство. Патриціи, плебеи, иностранцы. Постепенное реформированье семейства 118

ГЛАВА XI. Развитіе римскаго брака. Положеніе римлянки. Ея борьба за свободу и за права своей личности 125

ГЛАВА XII. Христіанство и женщина 140

ГЛАВА XIII. Феодализмъ и семейство. Порабощеніе феодальной женщины 144

ГЛАВА XIV. Вліяніе католицизма на порабощеніе женщины. Женское монашество. Процессы вѣдьмъ 158

стр.

ГЛАВА XV. Эмансипація женщины въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія 176
ГЛАВА XVI. Реформація и возстановленіе патріархальнаго семейства. Рабское положеніе женщины въ XVI и XVII в. 195
ГЛАВА XVII. Судьбы семейства въ новой исторіи. Эманципаціи плоти и развратъ. Развитіе половыхъ противоположностей. Стремленія женщины къ свободѣ и ея участіе въ разныхъ отрасляхъ общественной дѣятельности 213
ГЛАВА XVIII. Женщины французской революціи. Участіе въ политическихъ дѣлахъ женщинъ другихъ странъ. Американки. . . . 238
ГЛАВА XIX. Реакція XIX в. Современное положеніе женщины. Семейства встарь и нынѣ 264
ГЛАВА XX. Эманципація женщинъ въ XIX в. 281
ГЛАВА XXI. Враги эманципаціи. Разборъ нѣкоторыхъ ихъ измышленій и возраженій, Заключеніе 302

Дѣтоубійство.

ГЛАВА I. Дѣтоубійство, плодоизгнаніе и дѣтовыбрасываніе у дикихъ народовъ и въ государствахъ Востока 339
ГЛАВА II. Въ Греціи и Римѣ 357
ГЛАВА III. Дѣтоубійство въ Европѣ до XIX в. 364
ГЛАВА IV. Бѣдность народныхъ массъ, какъ главная причина дѣтоубійства. Развращеніе нравовъ и убійство незаконныхъ дѣтей . . 375
ГЛАВА V. Распространенность дѣтоубійствъ и постепенное увеличеніе ихъ численности 407
ГЛАВА VI. Безуспѣшная борьба противъ дѣтоубійствъ посредствомъ законовъ 419
ГЛАВА VII. Дома для найденышей и ихъ смертность 431
ГЛАВА VIII. Заключеніе. 449

Проституція.

ГЛАВА I. Общія причины запроса на развратъ. Проституція у нецивилизованныхъ народовъ. Вліянія на проституцію развитія государствъ. Проституція на Востокѣ 455
ГЛАВА II. Проституція въ Греціи и Римѣ 467
ГЛАВА III. Проституція въ старинной Европѣ 486
ГЛАВА IV. Развращенность современной Европы и бѣдность, какъ главный факторъ проституціи 504
ГЛАВА V. Численность проститутокъ. Ихъ горестная судьба 528
ГЛАВА VI. Эксплуататоры проституціи 537
ГЛАВА VII. Нравы проститутокъ. Смертность. Проститутки въ тюрьмахъ, въ убѣжищахъ и т. д. 544
ГЛАВА VIII. Законы о проституціи. Сифилисъ, пожирающій Европу . . 559

ПРИЛОЖЕНІЕ. Равноправность женщины въ Америкѣ 567

I

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДЬБЫ ЖЕНЩИНЫ.

Покойный Михайловъ, въ своей превосходной статьѣ о женщинахъ, обѣщалъ современемъ подробно обработать исторію женскаго элемента въ человѣчествѣ. Судьба не дозволила ему выполнить этой прекрасной задачи, отчего, конечно, русская публика очень много потеряла. Не только въ русской, но даже въ заграничной литературѣ до сихъ поръ нѣтъ хорошаго опыта по исторіи женщинъ, и, благодаря этому, распространено мнѣніе, что женская эманципація есть молодое растеніе, появившееся только въ позднѣйшее время, что во всѣ предыдущіе вѣка женщина была несчастною, безличною, безправной рабыней, что ни она сама, ни ея владыки не думали тогда объ улучшеніи ея судьбы, о ея свободѣ, о признаніи за нею правъ человѣка. Еслибы это было совершенно справедливо, то притязанія современной женщины и доводы ея защитниковъ потеряли бы значительную долю своей силы. Женщина оказалась бы существомъ въ родѣ прирученнаго домашняго животнаго, которое, разъ потерявъ свободу и сдѣлавшись собственностью человѣка, лишилось всякаго сознанія своей прежней воли. Если бы такія мнѣнія были вѣрны, то хотя женщины и могли бы, во имя справедливости, во имя всеобщаго блага, требовать улучшенія своей участи, но ихъ противники имѣли бы въ исторіи основаніе для доказательства ихъ естественной ограниченности, слабости, неспособности къ самостоятельной жизни. Къ счастію, это не такъ. Черезъ всю исторію человѣчества идетъ борьба женщины съ мужчиной, борьба за свободу или преобладаніе, и есть много фактовъ, доказывающихъ, что побѣда не всегда доставалась мужчинѣ; даже при настоящей неразработанности исторіи женщинъ, изслѣдователь видитъ ясные слѣды такихъ первобытныхъ порядковъ, при которыхъ въ жизни царили материнское право и гинейкократія, но грубая физическая сила разрушила такіе порядки. Ошибка людей, держащихся мнѣнія о новѣйшемъ происхожденіи эманципаціи, заключается, главнѣйшимъ

образомъ, въ томъ, что они даютъ понятію эманципація черезъ чуръ узкія границы и, опредѣляя его въ смыслѣ современныхъ эманципаціонныхъ доктринъ, забываютъ о тѣхъ ужасныхъ положеніяхъ, отъ которыхъ женщина избавилась уже навсегда, освобождаясь отъ нихъ съ упорною настойчивостью впродолженіи тысячелѣтій. Кромѣ того, видя эманципацію только въ одной новѣйшей формѣ ея, они говорятъ лишь объ однихъ извѣстныхъ средствахъ, употребляемыхъ нынѣ лучшими людьми женскаго общества, для достиженія своей цѣли, игнорируя или не понимая тѣ полные глубокаго смысла соціальные феномены, которые служатъ для семьи и женщины чѣмъ-то въ родѣ осадной артиллеріи, разбивающей своими гибельными ядрами крѣпкія стѣны патріархальнаго семейства. Въ исторіи женщины, какъ вообще въ исторіи соціальной жизни, нѣкоторыя ступени прогресса состоятъ не въ созданіи новаго, а въ порчѣ стараго. На это историки женщинъ обыкновенно обращаютъ мало вниманія и, горько сѣтуя о развращенности нѣкоторыхъ эпохъ и разложеніи семейства, не указываютъ ни на истинныя причины этихъ феноменовъ, ни на ихъ значеніе въ дѣлѣ самоосвобожденія женщины. Далѣе, многіе авторы, излагая исторію женщинъ, не касаются исторіи семейства, а женщина и семья—это такія же исторически-родственныя понятія, какъ гражданинъ и государство, солдатъ и войско, священникъ и церковь. Эманципація женщинъ тѣсно связана съ реформою семейнаго института; патріархальное семейство владѣетъ женщиной, какъ монополистъ, и первые звуки пѣсни освобожденія доносятся до нея только съ публичнаго форума. Чѣмъ патріархальнѣе семейство, чѣмъ болѣе семейнаго характера лежитъ на всей общественной жизни, тѣмъ менѣе можетъ женщина ожидать отъ общества и государства улучшенія своей судьбы. Только тамъ, гдѣ семейные принципы не совершенно овладѣли соціальными учрежденіями, гдѣ общество и государство основаны не на однихъ семейныхъ, а также и на политическихъ началахъ, только тамъ возможно существенное улучшеніе семейнаго быта и женской судьбы. Такимъ образомъ, исторія женской эманципаціи тѣсно связана съ исторіей семейства, государства и народа.

Доказать, что женщина идетъ впередъ также давно, какъ и мужчина, что женское дѣло стоитъ на прочномъ историческомъ основаніи, выяснить значеніе семейства и женщины въ исторіи цивилизаціи, обозначить ту цѣль, къ которой стремятся они въ своемъ прогрессивномъ развитіи, укрѣпить вѣру женщины въ свои силы и въ успѣхъ своего дѣла, — вотъ задача, которая для достойнаго своего выполненія ждетъ первостепеннаго историческаго таланта, соединеннаго съ громадной эрудиціей. Это предметъ еще совершенно непочатый. Многочисленные авторы, сочиненія которыхъ поименованы нами выше, занимаются или исключительно изложеніемъ разнообразныхъ историческихъ матеріаловъ, какъ напр. Клеммъ, Мэри Чайльдъ, Шерръ, Бернаръ, Гризингеръ, Гонкуръ, Райтъ и др., или же подгоняютъ матеріалы подъ свои изношенныя и рутинныя теоріи, какъ напр., Риль,

Россбахъ, Унгеръ и пр. Всѣ эти авторы болѣе или менѣе враждебны женской эманципаціи, и поэтому напрасно будете вы искать у нихъ ясныхъ взглядовъ на исторію женщинъ. Партизаны же эманципаціи, подъ вліяніемъ благороднаго энтузіазма партіи, обыкновенно отдаются другому увлеченію, видятъ въ исторіи только мартирологію женщинъ и, обращая исключительное вниманіе на великость женскихъ страданій, вовсе упускаютъ изъ вида ту борьбу, которую постоянно вела женщина за свою свободу, и тѣ побѣды, которыя уже одержала она. Наши настоящіе очерки есть опытъ историческаго обозрѣнія этой борьбы и этихъ побѣдъ.

I.

На низшей ступени общественнаго развитія человѣкъ не имѣетъ еще исключительной собственности; ведя кочевую жизнь, не заботясь о будущемъ, онъ только временно пользуется предметами, необходимыми для него. Между владѣльцемъ и обладаемою вещью нѣтъ прочной связи. Точно такой же характеръ носятъ и половыя отношенія людей. Женщина не принадлежитъ исключительно ни одному мужчинѣ; она не жена, не наложница, а просто самка, и любовныя отношенія къ ней мужчинъ ограничиваются только однимъ половымъ актомъ. Такъ живутъ до сихъ поръ нѣкоторые папуасы въ сѣверной Австраліи. Здѣсь—разсказываетъ Фоку въ своей «Histoire du travail» — можно встрѣтить общества женщинъ, живущія совершенно особо отъ мужескихъ обществъ. Весною половой инстинктъ пробуждается и самцы начинаютъ гоняться за самками; дѣтей, рожденныхъ отъ такихъ скоротечныхъ связей, матери выкармливаютъ грудью, и затѣмъ, если они не принадлежатъ къ женскому полу, выпроваживаютъ ихъ изъ своего общества. У многихъ народовъ сохранились преданія о первобытной жизни безъ брака и безъ собственности; такъ жили, напр., по греческимъ извѣстіямъ, троглодиты. Боги вывели людей изъ этого полуживотнаго состоянія; по сказаніямъ японцевъ, египтянъ, перуанцевъ и многихъ другихъ народовъ, одновременно съ учрежденіемъ брака, боги ввели между ними и собственность. Въ Китаѣ, напр., Фоги, научившій людей строить жилища, въ то же время учредилъ между ними и браки. Въ Перу, говоритъ легенда, люди сначала вовсе не имѣли правильныхъ жилищъ, а жили въ пещерахъ, ямахъ, на деревьяхъ; бракъ былъ совершенно неизвѣстенъ имъ. Но вотъ сходятъ на землю дѣти солнца и учатъ людей жить въ бракѣ, строить дома, обработывать землю и пользоваться плодами ея. Можетъ быть, и случалось, что выходцы какого нибудь цивилизованнаго народа, которыхъ преданіе превратило впослѣдствіи въ боговъ, выводили совершенно дикихъ людей изъ состоянія первобытнаго индивидуализма и пріучали ихъ жить въ семейственномъ союзѣ. Но, во всякомъ разѣ, такіе случаи были исключеніями, и все заставляетъ насъ предполагать, что перво-

бытный бракъ возникъ вездѣ путемъ борьбы, войны и рабства, вслѣдствіе насильнаго обращенія женщины въ неволю. Первобытныя жены были военноплѣнными рабынями, а такъ какъ обращеніе въ неволю враговъ начинается лишь тогда, когда дикарь, выйдя уже изъ совершенно-животнаго состоянія, почувствуетъ нужду въ работникѣ и помощникѣ для успѣшнаго веденія своего первобытнаго хозяйства, то упомянутыя нами древнія легенды совершенно справедливо относятъ къ одному и тому же времени возникновеніе брака и собственности. Первичная, извѣстная намъ форма соціальной жизни есть самостоятельность изолированныхъ другъ отъ друга семействъ, на которыя распадается племя. Такъ жили, напр., циклопы; «у нихъ нѣтъ—говоритъ Одиссея—ни народныхъ собраній, ни судебныхъ приговоровъ, а каждый творитъ судъ и расправу надъ своими женами и своими дѣтьми, и они совершенно не подчинены одни другимъ.» И до сихъ поръ еще нѣкоторые народы ведутъ такую жизнь, напр., австралійцы и эскимосы крайняго сѣвера. Племя эскимосовъ разсыпано по своимъ снѣжнымъ пустынямъ совершенно отдѣльными семействами; «между ними —говоритъ новѣйшій путешественникъ, капитанъ Голль,—нѣтъ никакой іерархіи, никакой зависимости. Каждый юноша, чувствующій въ себѣ довольно силы и ловкости для самостоятельной жизни, обзаводится женою, выходитъ изъ своего семейства и начинаетъ совершенно ни отъ кого независимое существованіе.»

И дальность разстояній, раздѣляющихъ эти семейства одно отъ другого, и физическія препятствія для сообщеній, и постоянная взаимная вражда этихъ семействъ обыкновенно держатъ ихъ въ полной изолированности другъ отъ друга. Взрослому, не женатому мужчинѣ трудно, часто даже невозможно достать себѣ женщину изъ чужой семьи, и онъ естественно старается удовлетворить свой половой инстинктъ посредствомъ сестры или другой родственницы, живущей съ нимъ въ одномъ шалашѣ. Историческіе памятники и извѣстія путешественниковъ о современныхъ дикаряхъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что на зарѣ народной исторіи такія кровосмѣсительныя связи въ большомъ ходу и часто удерживаются національными обычаями даже въ то время, когда всякая необходимость въ нихъ изчезаетъ. Древніе ассирійцы и персы женились даже на родныхъ матеряхъ, а египтяне на сестрахъ. Еврейскія хроники разсказываютъ не только о первобытныхъ бракахъ между братьями и сестрами, но даже о связяхъ отцовъ съ дочерьми. Въ сагахъ перуанцевъ, египтянъ, грековъ и многихъ другихъ народовъ первобытный бракъ часто является въ формѣ упомянутаго нами кровосмѣшенія. У многихъ современныхъ дикарей кровосмѣсительныя связи не только братьевъ съ сестрами, но даже отцовъ съ дочерьми далеко не рѣдки. Довольно хорошо выясняетъ причины происхожденія этого брака камчадальская мифологія. Земля была еще необитаема, когда въ Камчатку спустился съ неба богъ Кутху съ своею сестрою-женою. Вскорѣ у нихъ родились сынъ и дочь, которые, по примѣру роди-

телей, вступили между собою въ супружество. Кутху, сынъ его и ихъ жены носили платье, сшитое изъ древесныхъ листьевъ, питались сначала только березовою и таловою корой, пока не изобрѣли лодокъ и рыболовныхъ сѣтей, сплетенныхъ изъ крапивы. Наконецъ Кутху изчезъ изъ Камчатки; его дѣти продолжали размножаться, и за неимѣніемъ въ странѣ женщинъ, долго еще братья женились на своихъ сестрахъ. У островитянъ Южнаго океана до сихъ поръ случается, что ребенокъ имѣетъ въ одномъ и томъ же лицѣ мать и бабушку, или мать и тетку. Въ одной изъ индустанскихъ кастъ братья женятся обыкновенно на сестрахъ, а дяди на племянницахъ. Но у культурныхъ народовъ такіе кровосмѣсительные браки и связи продолжаютъ существовать только въ видѣ исключеній и удерживаются почти одними владѣтельными лицами, которыя опасаясь, оскверненія своей якобы божественной природы тѣломъ обыкновенной женщины, вступаютъ въ бракъ съ своими сестрами или другими родственницами, имѣющими также притязаніе на священность своей крови. Этого обычая держатся, напр., калмыцкіе князья, почему въ народѣ и существуетъ поговорка, что «князья и собаки вовсе не знаютъ родства.» Кацики Новой Англіи и перуанскіе императоры, эти божественные сыновья солнца, не могли вступать въ бракъ ни съ кѣмъ, кромѣ своихъ сестеръ, и это дѣлалось исключительно для поддержанія чистоты ихъ священной крови, для того, чтобы государь и по мужескому и по женскому колѣну былъ божественнаго происхожденія.

Путемъ такихъ кровосмѣсительныхъ браковъ семейство разростается въ родъ и племя, и тогда браки начинаютъ заключаться между членами не одной и той же семьи, а разныхъ семей одного племени. Извѣстная враждебность дикихъ народовъ другъ къ другу и основанное на ней между-племенное взаимное презрѣніе развиваютъ у многихъ племенъ обычай *эндогаміи*, запрещающій браки съ людьми чужихъ племенъ. Мы предполагаемъ, что эндогамія стоитъ въ тѣсной связи съ упомянутыми кровосмѣсительными браками и естественно выродилась изъ нихъ при размноженіи племени и при распаденіи его на отдѣльныя семейства, что дозволило жениться и выходить замужъ за членовъ чужой семьи, а не своей собственной. Впрочемъ происхожденіе эндогаміи и противоположнаго ей обычая *экзогаміи*, повелѣвающаго жениться непремѣнно на женщинѣ чужого рода или племени, — происхожденіе этихъ обычаевъ и ихъ историческая преемственность почти вовсе еще не изслѣдованы. Скажемъ только словами лучшаго изъ авторовъ, касавшихся этого предмета, Макъ Леннэна, что, по всей вѣроятности, первобытные народы сначала вовсе не держались исключительно ни эндогамическихъ, ни экзогамическихъ правилъ, а послѣ этого безразличнаго состоянія одни пошли къ эндогаміи, другіе къ экзогаміи. Изъ числа первыхъ, нѣкоторые, вѣроятно, перешли къ эндогаміи отъ упомянутыхъ кровосмѣсительныхъ браковъ между домочадцами, послѣ того, какъ сознали ихъ вредоносность для потомства и нашли воз-

можнымъ, запретивъ ихъ, не оскверняться союзами съ чужестранцами, а брачиться съ единоплеменниками, только не съ близкими родственниками. Тайлоръ предполагаетъ, что паденію семейной эндогаміи содѣйствовалъ, главнымъ обрязомъ, простой опытъ тѣхъ золъ, какія могутъ произойти отъ брака между близкими родственниками. Этого взгляда держится и компетентный знатокъ первобытныхъ народовъ, профессоръ Лазарусъ, справедливо замѣчая при этомъ, что «наблюденія и разсужденія дикихъ бываютъ часто весьма точны въ практическихъ вещахъ.» Запрещеніе брака между родственниками входитъ, наконецъ, въ такую силу, что у нѣкоторыхъ народовъ, напр., у манджуровъ, китайцевъ, индусовъ, мужчинѣ нельзя жениться на дѣвушкѣ, носящей одно съ нимъ фамильное прозвище. Запрещеніе это распространяется и на всѣ виды фиктивнаго родства; въ древнемъ Римѣ усыновленіе, а у мусульманъ молочное родство такія же препятствія къ браку, какъ и кровное родство. Два члена какого нибудь черкесскаго братства, хотя бы нельзя было доискаться между ними никакого родства, не могутъ брачиться между собою. У дикихъ тупинамбасовъ Бразиліи двумъ мужчинамъ, уговорившимся называть другъ друга братьями, запрещается жениться на дочеряхъ или сестрахъ другъ друга. У кондовъ нельзя вступать въ бракъ даже съ иностранцами, усыновленными племенемъ одного изъ супруговъ или живущими среди его. Нарушеніе этихъ экзогамическихъ правилъ наказывается чрезвычайно строго; конды казнятъ виновныхъ смертью, а баттасы рубятъ ихъ живыми и ѣдятъ ихъ мясо, изжаренное или сырое, съ солью и съ краснымъ перцомъ. Эти запрещенія единоплеменныхъ браковъ существуютъ у множества народовъ, — у черкесовъ, калмыковъ, ногайцевъ, киргизовъ, индѣйцевъ, остяковъ, самоѣдовъ, австралійцевъ, африканцевъ и т. д. Кромѣ упомянутыхъ уже нами обстоятельствъ этому содѣйствуетъ численная недостаточность женщинъ, замѣчаемая у всѣхъ первобытныхъ народовъ и являющаяся, главнымъ образомъ, вслѣдствіе чрезвычайно распространеннаго по всему земному шару обычая убивать дѣвочекъ. Многіе народы умерщвляютъ большую часть ихъ тотчасъ послѣ рожденія, чтобы не тратиться на убыточное прокормленіе ихъ до зрѣлаго возраста. Такое дѣтоубійство у нѣкорыхъ племенъ Индустана доходитъ до того, что въ иныхъ общинахъ не найдется и одного ребенка женскаго пола. По всей Азіи, Африкѣ, Америкѣ, Австраліи также щедро льется дѣтская кровь и бѣдность заставляетъ истреблять массы новорожденныхъ дѣвушекъ, тратиться на воспитаніе которыхъ дикарю не разсчетъ, такъ какъ женщина, потребляя почти столько же, сколько мужчина, не можетъ равняться съ нимъ въ дѣлахъ войны и охоты—этихъ главныхъ занятіяхъ дикой жизни, а неразвитость торговли женщинами препятствуетъ окупать издержки прокормленія дѣвушки ея продажею въ замужество. Экономическій разсчетъ и сила нужды въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что у бошисмановъ матери убиваютъ своихъ дѣтей для того, чтобы кормить своею грудью щенятъ, которыхъ онѣ воспитываютъ и дрессируютъ

для ловли двуутробокъ и кенгуру. Не меньшее число дѣвочекъ истребляется вслѣдствіе разныхъ суевѣрій и изъ желанія родителей угодить кровожаднымъ божествамъ, покормивъ ихъ мясомъ своихъ зарѣзанныхъ дѣтей. Въ древнихъ Финикіи, Карфагенѣ, Египтѣ, Палестинѣ, Греціи, Аравіи, у современныхъ индусовъ, индѣйцевъ, австралійцевъ, китайцевъ, японцевъ, африканцевъ,—словомъ, почти у всѣхъ дикихъ и малоцивилизованныхъ народовъ мы видимъ такое жертвенное истребленіе дѣвочекъ въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ и по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ. Самый способъ веденія первобытной войны часто лишаетъ извѣстныя племена всѣхъ женщинъ, уводимыхъ въ плѣнъ побѣдителями. Многіе дикари, видя неминуемость побѣды враговъ своихъ и не желая, чтобы ихъ семейства были захвачены въ плѣнъ, перерѣзываютъ своихъ женъ и дѣтей и съ отвагою отчаянія идутъ на смертный бой съ непріятелемъ; такъ дѣлали, напр., камчадалы во время своей борьбы съ русскими въ XVIII в. Независимо отъ всѣхъ подобныхъ истребленій, женщины дикарей, задавленныя тяжелыми трудами, истощаемыя общими съ мужчинами лишеніями и особенными, свойственными только ихъ полу, болѣзнями, умираютъ чаще и раньше мужчинъ. Это подтверждается множествомъ наблюденій надъ первобытными племенами всѣхъ частей свѣта. Драгоцѣнныя указанія въ этомъ отношеніи мы имѣемъ о сибирскихъ инородцахъ, чуть ли не единственныхъ дикаряхъ въ мірѣ, подлежащихъ вѣдѣнію статистики. Въ березовскомъ округѣ, напр., съ 1816 по 1828 г. мужское инородческое населеніе *увеличилось* на 260 ч., а женское *уменьшилось* на 1609 ч. Благодаря такой слабой устойчивости женщинъ противъ нападеній смерти, ихъ всегда было мало сравнительно съ числомъ мужчинъ, хотя сибирскіе инородцы и не ведутъ истребительныхъ войнъ и рѣдко убиваютъ дѣвушекъ. Въ томскомъ округѣ на 100 инородцевъ приходится женщинъ 84,4, а по мѣстамъ только 63,6; въ бійскомъ округѣ 83,3, а кое-гдѣ 60,1; въ березовскомъ округѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ maximum 95,7 въ другихъ мѣстностяхъ minimum 72,4, и т. д. У другихъ дикарей количество женщинъ должно быть еще меньше, такъ какъ, независимо отъ смертности, оно убываетъ еще отъ дѣтоубійствъ, умыканія и продажи дѣвушекъ. При родовой враждѣ, при недостаточности своихъ женщинъ и при отвращеніи отъ кровосмѣсительныхъ браковъ, мужчины естественно принимаются за насильственный захватъ или умыканіе женщинъ изъ другихъ племенъ. Эта первобытная форма брака — умыканіе дѣвицъ — долго продолжаетъ существовать даже и послѣ того, какъ народъ, переставъ жить отдѣльными семействами, образуетъ изъ себя многочисленные роды, даже государства. Племенная враждебность препятствуетъ заключенію мирныхъ браковъ съ женщинами чужого племени, а своихъ женщинъ или недостаточно, или жениться на нихъ мѣшаетъ обычай. Умыканіе на низшей ступени развитія такъ всеобще и служитъ такимъ единственнымъ основаніемъ правъ мужа, что даже послѣ исчезновенія его изъ жизни, символическая форма все-таки

продолжаетъ существовать, какъ необходимое условіе для законности брака. Почти у всѣхъ народовъ сохранились воспоминанія объ этой первобытной формѣ брака и указанія на нее въ сагахъ, пѣсняхъ и брачныхъ обрядахъ, изображающихъ нападеніе жениха на невѣсту, сопротивленіе послѣдней и насильственный увозъ ея; на основаніи этихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ мы имѣемъ полное основаніе заключить, что бракъ совершали въ древности исключительно посредствомъ умыканія у всѣхъ инородцевъ Сибири, у негровъ, арабовъ, горцевъ Кавказа, дикарей Полинезіи, индусовъ, кондовъ, туземцевъ Америки, негровъ, тунгусовъ, арабовъ, камчадаловъ, татаръ, монголовъ, финовъ, грековъ, римлянъ, поляковъ, литовцевъ, пруссовъ, германцевъ, малайцевъ, киргизовъ, ногаевъ, евреевъ, сирійцевъ, жителей Франціи, Англіи и т. д. О существованіи этого обычая у славянъ есть положительныя свидѣтельства Нестора и Козьмы Пражскаго. Тоже самое говоритъ о скандинавахъ Олай Великій, а братъ его Іоаннъ приводитъ много примѣровъ, доказывающихъ, что этимъ промысломъ нерѣдко занимались члены фамилій, царствовавшихъ въ Даніи и Швеціи. Подданные подражали имъ и похищеніе невѣстъ долго существовало тамъ даже послѣ введенія христіанства. Свадебныя свиты состояли обыкновенно изъ вооруженныхъ людей и бракосочетанія совершались въ церквахъ преимущественно по ночамъ, для большей безопасности. Въ одной старинной готландской церкви хранится до сихъ поръ пукъ, составленный изъ пикъ, въ которыя втыкались факелы. Оружіе это служило вмѣстѣ и для освѣщенія, и для защиты. Насильственное пріобрѣтеніе женъ не вывелось и до сихъ поръ въ Азіи, Америкѣ, Новой Зеландіи, на островахъ Тихаго океана и во многихъ другихъ странахъ. Этотъ обычай такъ укоренился въ жизни караибовъ, что, по словамъ Гумбольдта, тамъ нельзя найти замужней женщины, умѣющей говорить на языкѣ того племени, посреди котораго живетъ она. Безпрерывныя войны караибовъ доставляютъ имъ много плѣнниковъ, изъ которыхъ мужчины приготовляются въ пищу, а женщины для супружескаго дѣла и работы. Въ Австраліи женихъ ночью вторгается въ хижину, гдѣ спитъ его возлюбленная, колотитъ ея родителей и, оглушивъ невѣсту ударомъ дубины, съ торжествомъ уноситъ ее въ свой таборъ. Тоже самое и въ Новой Зеландіи. Нѣкоторые дикари умыкаютъ даже цивилизованныхъ женщинъ. Патагонцы, напр., живущіе исключительно охотой и грабежами, при своихъ набѣгахъ на Аргентинскую республику, похищаютъ не только скотъ и съѣстные припасы, но также и женщинъ. Изъ сѣверныхъ штатовъ Мехики не менѣе 600 женщинъ и дѣтей ежегодно похищается куманчами, апачами и другими разбойничьими племенами.

Понятно, что такое вооруженное сватовство не можетъ обойтись безъ борьбы и сопротивленія какъ со стороны самой невѣсты, такъ и со стороны ея семейства. Умыкаемой дѣвушкѣ приходится идти буквально въ рабство къ чуждому и враждебному племени, и вотъ основаніе тѣхъ невѣстиныхъ причитаній и плачей, которые, сохранившись до послѣдняго вре-

мени въ свадебныхъ обрядахъ нѣкоторыхъ народовъ, живо рисуютъ передъ нами душевныя волненія и тревогу невѣсты первобытной эпохи. И не одна только боязнь «чужого рода-племени» мучила невѣсту, а часто также и раззореніе своего дома, истребленіе или полонъ своего семейства, которыми сплошь и рядомъ сопровождалось умыканіе.

Въ одной русской пѣснѣ, напр., невѣстѣ не совѣтуется сидѣть подъ окномъ, потому что —

Бить саду да полоненному,
Всему роду да покоренному.

Въ другой пѣснѣ невѣста поетъ, что завтра чѣмъ-свѣтъ —

Пріѣдутъ ко батюшкѣ
Съ боемъ да со грабежомъ,
Что ограбятъ же батюшку,
Да полонятъ мою матушку,
Повезутъ меня молоду
На чужую да на сторонушку!

Въ третьей пѣснѣ невѣста проситъ спрятать ее «отъ лихого наѣздника» т. е. жениха, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ сохранился обрядъ этого прятанья.

Обрядовое сопротивленіе невѣсты жениху, какъ памятникъ первобытной борьбы съ нимъ, до сихъ поръ удерживается лапландцами, черкесами и многими другими народами. У гренландцевъ, напримѣръ, невѣста съ воплями и съ распущенной косой убѣгаетъ изъ дома въ пустыню; долго ищутъ ее здѣсь агенты жениха и наконецъ насильно увлекаютъ въ его домъ. По всей вѣроятности, всѣ эти обряды остались отъ того времени, когда борьба первобытной женщины за свою свободу приходила уже къ концу и рѣшалась въ пользу мужчины. Несомнѣнно, что въ глубокой древности, когда женщина была почти также сильна и воинственна, какъ и мужчина, борьба невѣсты противъ нападающаго на нее жениха нерѣдко кончалась побѣжденіемъ послѣдняго. Женщины Нибелунговъ такъ самостоятельны, воинственны и сильны, что самые знаменитые богатыри принуждены употреблять неимовѣрныя усилія, чтобы сдѣлаться ихъ мужьями или любовниками. Зигфридъ сватается и долго ухаживаетъ за прекрасной королевой Брунегильдой; онъ разбиваетъ семьдесятъ воротъ въ ея замкѣ, но гордая королева не сдается и прогоняетъ героя. Одному поклоннику, добивавшемуся ея руки, Брунегильда предложила поединокъ, съ условіемъ, если онъ побѣдитъ, то будетъ ея мужемъ, если будетъ побѣжденъ, то лишится головы,—послѣднее и случилось. Такое же условіе было предложено и ея жениху Гунтеру; но на этотъ разъ она была побѣждена Гунтеромъ съ помощью Зигфрида, наносившаго ей тяжкіе удары изъ подъ своего плаща-невидимки. Тотчасъ же по выходѣ замужъ, Брунегильда вступила съ Гунтеромъ въ бой, связала его по рукамъ и по ногамъ и повѣсивъ на цѣлую

ночь подъ самымъ потолкомъ, преспокойно легла спать на роскошной постели. Въ легендахъ другихъ народовъ мы также находимъ воспоминанія о подобныхъ Брунегильдѣ женщинахъ, которыя могли постоять за себя и отбиться отъ рабскаго брака. Есть также указанія и на то, что иногда не женихъ съ помощью своихъ сподвижниковъ умыкалъ невѣсту, а на оборотъ, невѣста ловила или умыкала жениха. Такъ, въ русской былинѣ Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ въ полѣ всадницу, «паленицу, женщину великую» и хочетъ вступить съ нею въ бой. Но она схватила Добрынюшку за кудри, посадила его во глубокъ карманъ и повезла къ себѣ домой, объявивъ, что если онъ «въ любовь ей придетъ», то она выйдетъ за него замужъ. И дѣйствительно, заставила плѣннаго богатыря жениться на себѣ. Бопланъ, оставившій описаніе Малороссіи въ половинѣ XVII вѣка, говоритъ, что здѣсь наперекоръ всѣмъ народамъ, не мужчины сватаются за дѣвицъ, а дѣвицы за мужчинъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ число свадебныхъ обрядовъ до сихъ поръ входитъ здѣсь *ловля жениха*. Въ то время, какъ женихъ съ боярами ѣдетъ мимо дома невѣсты, родные послѣдней выходятъ на улицу съ палками и стараются загнать его на дворъ къ невѣстѣ. Женихъ ускакиваетъ отъ нихъ съ боярами до трехъ разъ, потомъ его ловятъ и ведутъ въ домъ, въ сѣняхъ котораго встрѣчаетъ его невѣста. И если церемонія насильнаго увоза невѣсты несомнѣнно доказываетъ ея умыканіе въ древности, то обрядъ ловли жениха точно также убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ первобытной жизни женщины не всегда насильно вступали въ бракъ, а иногда сами искали себѣ подходящаго жениха и умыкали его съ помощью своихъ родныхъ, которые, принимая его въ свое семейство, получали въ немъ новаго члена и работника. Подобно тому, какъ одни племена дѣлали походы и набѣги для пріобрѣтенія себѣ женъ, другіе такими же точно средствами добывали мужей для своихъ дѣвушекъ. И въ древнихъ сагахъ и въ извѣстіяхъ о современныхъ дикаряхъ мы читаемъ, что нерѣдко извѣстное племя принимаетъ въ свой составъ захваченныхъ имъ на войнѣ плѣнниковъ и женитъ ихъ на своихъ дочеряхъ. Первобытному семейству, выростившему дѣвушку, конечно выгоднѣе было принимать ея будущаго мужа въ свой домъ, чѣмъ отдавать ее въ чужія руки: семья нуждалась въ мужчинахъ для приплода и для работы. А что принятіе въ домъ зятя нисколько не противорѣчитъ принципамъ и характеру первобытной жизни, это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что у многихъ народовъ, послѣ превращенія умыканія невѣсты въ покупку ея, женихъ часто поступаетъ въ работники къ своему будущему тестю, зарабатываетъ себѣ невѣсту и, вступивъ въ бракъ съ нею, дѣлается членомъ ея семьи.

Умыканіе дѣвицъ, сопровождаемое обыкновенно опустошеніями войны, вредило не только интересамъ невѣстъ, но также и интересамъ ихъ семей или родовъ. Родъ, лишившійся женщинъ вслѣдствіе набѣга непріятелей, естественно долженъ былъ мстить послѣднимъ и вознаграждать себя

на ихъ счетъ за свои потери. Похищеніе дѣвицъ—самая главная причина той племенной вражды и тѣхъ опустошительныхъ войнъ, которыми ознаменована первобытная исторія всѣхъ народовъ. Въ этой первобытной борьбѣ лучшимъ защитникомъ и союзникомъ дѣвушки является ея братъ. Въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ, напримѣръ, женихъ или борется съ братомъ невѣсты или подкупаетъ его. Намъ кажется, что эта древняя привязанность брата къ сестрѣ не можетъ быть объяснена одними родственными чувствами или хозяйственными разсчетами, а имѣетъ тѣсную связь съ тѣми кровосмѣсительными браками, о которыхъ мы уже говорили и которые несомнѣнно были въ обычаѣ во времена глубокой древности. Братъ терялъ въ сестрѣ не только свою родственницу и семейную сработницу, но и жену. И вѣроятно, сначала, когда ходъ общественныхъ событій началъ болѣе и болѣе разрушать семейные кровосмѣсительные браки, братъ хотя и вынуждался уступать жениху, но дѣлалъ эти уступки не даромъ. У австралійцевъ женихъ часто вымѣниваетъ себѣ невѣсту, отдавая вмѣсто нея свою сестру или другую родственницу. У нѣкоторыхъ народовъ, напр., у задунайскихъ славянъ до сихъ поръ сохранился свадебный обычай, указывающій на существованіе у нихъ въ древности семейнаго права первой ночи: братъ или другой родственникъ невѣсты пользовался этимъ правомъ прежде отдачи ея жениху. У другихъ народовъ, напр., у молува въ Африкѣ, это продолжается до сихъ поръ.

Такимъ образомъ исторія брачнаго права начинается у всѣхъ народовъ насиліемъ умыканія. Однакожъ умыканіе не всегда ведетъ за собою брачный союзъ. Дикарь, стоящій по развитію немногимъ выше животнаго, нерѣдко завладѣваетъ женщиною только ради кратковременнаго наслажденія ею. Дюмонъ Дюрвиль разсказываетъ, что если дикарю приглянулась какая нибудь женщина, то онъ, выбравъ удобную минуту, насильно овладѣваетъ ею и ведетъ къ себѣ. Если она сопротивляется, онъ бьетъ ее по лицу, по головѣ, по чему ни попало, окровавленную, черезъ лѣса, овраги, болота—тащитъ ее въ свой шалашъ, а потомъ бросаетъ ее, какъ негодную вещь. Такая дикая роскошь, конечно, не всегда возможна при малочисленности женщинъ, которыхъ, сравнительно съ числомъ мужчинъ, всегда недостаточно въ дикихъ обществахъ, какъ эндогамическихъ, такъ и экзогамическихъ. И чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ меньше онъ можетъ достать женщинъ. Вслѣдствіе этого, одна женщина должна удовлетворять многихъ мужчинъ, возникаетъ *поліандрія*, которую долго считали какою-то странною исключительностью въ исторіи, и которая, между тѣмъ, оказывается чрезвычайно распространенною и самою первичною формою брачнаго союза, естественно возникшею вслѣдствіе недостаточности женщинъ. Даже и въ настоящее время поліандрія распространена гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ, а по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ древности она была во время оно еще несравненно распространеннѣе. Она существуетъ въ Тибетѣ, Исландіи, на Малабарскомъ берегу, Цейлонѣ, Но-

вой-Зеландіи, островахъ Алеутскихъ, на Отаити и другихъ островахъ Южнаго океана, въ гималайскихъ и подгималайскихъ земляхъ, сосѣднихъ съ Тибетомъ, въ долинѣ Кашмира, у спитовъ въ Ладанѣ, въ Сиимѣрѣ, Казіи, въ горахъ Сиваликъ, въ нильгерскихъ горахъ у тудасовъ, у мисорскихъ курговъ и нейровъ, у коряковъ, на островахъ Канарскихъ и въ очень еще недавнее время на Ладранскихъ. Въ древности поліандрія существовала у жителей сѣверной Индіи, по китайскимъ источникамъ въ Токгарестанѣ, по греческимъ извѣстіямъ у сабеянъ, жителей Африки гарамантовъ, у ливійскаго племени авзеевъ, у троглодитовъ, жившихъ на западномъ берегу Аравійскаго моря, у скифовъ, мидянъ, массагетовъ, спартанцевъ, савроматовъ, кельтовъ, бриттовъ, пиктовъ, ирландцевъ, а по свидѣтельству Кампенгаузена (Bemerkungen über Russland, Leipzig, 1807) у нашихъ запорожцевъ. Несомнѣнные слѣды древняго существованія поліандріи, какъ мы увидимъ ниже, представляются также въ Ликіи, Кападокіи, Перу, Шампани и у множества народовъ Америки, Азіи и Африки. Словомъ, все убѣждаетъ насъ, что первичною формою брака была поліандрія и, основываясь на древнихъ извѣстіяхъ, равно какъ и на современныхъ этнографическихъ свѣденіяхъ, мы можемъ возстановить въ своемъ представленіи не только разныя ея видоизмѣненія, но даже и порядокъ ихъ исторической преемственности.

Низшая форма поліандріи—это общность женъ, являющаяся результатомъ крайней малочисленности женщинъ. Умыкаемыя или взрощенныя самимъ племенемъ женщины дѣлаются такимъ же коммунистическимъ достояніемъ его, какъ и другіе предметы пользованія, какъ дичь, настрѣлянная въ лѣсу или рыба, наловленная въ водѣ. На существованіе этого гетеризма или общности женъ у народовъ древности указываетъ много свидѣтельствъ и фактовъ. Общность женщинъ, или, по крайней мѣрѣ, слѣды ея существованія, древніе писатели указываютъ у египтянъ, троглодитовъ, гарамантовъ, гиндановъ, набатеевъ, ефіоповъ, фракійцевъ, лидянъ, персовъ, локровъ и т. д. Слѣды подобнаго гетеризма или полная общность женщинъ видны у многихъ современныхъ народовъ, у ансарійцевъ, еймоковъ въ Кабулѣ, у мпонгме въ Африкѣ, кашгарцевъ, куманцевъ, алеутовъ, лоандцевъ и т. д. У цыганъ *ссури*, живущихъ въ Белуджистанѣ, мужчины и женщины не знаютъ никакихъ ограниченій въ половомъ дѣлѣ, здѣсь царитъ полная общность женщинъ и дѣти считаются общиннымъ достояніемъ всего племени. Замѣчаемая у дикарей свобода половой страсти, отдача женъ другимъ во временное пользованіе, угощеніе ими и дочерьми друзей и знакомыхъ, наконецъ столь распространенная въ древнемъ мірѣ религіозная проституція,—все это только отдѣльныя проявленія одного и того же первобытнаго гетеризма, представительницею котораго въ религіи служитъ культъ Венеры, существующій въ разныхъ формахъ у множества народовъ и постепенно вытѣсняемый изъ жизни культомъ, представляющимъ идеалы брака и материнства.

Малочисленность женщинъ, ведущая за собою ихъ умыканіе, гетеризмъ и поліандрію до сихъ поръ поддерживаетъ въ дикаряхъ наклонность къ общему пользованію ими. Мужъ похищенной или купленной женщины свои исключительныя права на нее сплошь и рядомъ принужденъ бываетъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ противъ всѣхъ своихъ холостыхъ родичей: каждому изъ нихъ хочется отнять эту женщину. Такая борьба мужчинъ за женщинъ, и борьба не обрядовая, а очень серьезная и кровопролитная, до сихъ поръ существуетъ, напримѣръ, у дикарей Австраліи и Америки, а саги островитянъ Южнаго океана указываютъ на существованіе ея тамъ въ древности. Франклинъ говоритъ о нѣкоторыхъ племенахъ индійцевъ, что «они смотрятъ на женщинъ, какъ на всякую другую собственность, которую сильный всегда можетъ отнять у слабѣйшаго.» У гудзонбайскихъ индійцевъ, по словамъ другого наблюдателя, мужчины обыкновенно дерутся за каждую похищенную женщину, и сильнѣйшій овладѣваетъ этою добычею. Слабому человѣку рѣдко удается удержать жену, которая приглянулась сильнѣйшему. И у многихъ другихъ народовъ въ ихъ сказаніяхъ о первобытныхъ временахъ мы находимъ слѣды этой борьбы за женщинъ. Общность женъ не могла остановить подобныхъ раздоровъ; при господствѣ ея, мужчина естественно стремился къ исключительному обладанію женщиной, а послѣдней тоже хотѣлось избавиться отъ лишнихъ любовниковъ. Такъ, при общности женъ, сильнѣйшіе мужчины успѣваютъ основывать для себя исключительные, монопольные браки. У троглодитовъ, напримѣръ, по Страбону и Діодору, жены были общія, кромѣ женъ ихъ царьковъ, которыя составляли исключительную собственность своихъ супруговъ и за прелюбодѣяніе съ которыми соблазнитель платилъ, въ видѣ штрафа, одну овцу. Борьба исключительныхъ стремленій мужчинъ съ общинными притязаніями его родичей кончается компромиссомъ; мужу предоставляется право ненарушимаго владѣнія женой, а родичи оставляютъ за собой только право пользоваться невѣстой впродолженіе первой ночи или нѣсколькихъ первыхъ ночей брака. У древнихъ жителей балеарскихъ островов, напр., старѣйшій изъ родичей первымъ спалъ съ невѣстой, затѣмъ всѣ другіе по старшинству пользовались удовольствіями ея ложа, а потомъ уже женихъ. Въ Вавилонѣ, Арменіи, Карфагенѣ каждая женщина должна была однажды удовлетворять страсти всѣхъ желающихъ и только послѣ этого она имѣла право выходить замужъ.

Такимъ образомъ, общность женъ стремится перейти въ бракъ, но этотъ переходъ долго невозможенъ, во-первыхъ, по малочисленности женщинъ, которыхъ недостаетъ на всѣхъ мужчинъ по одной, а во-вторыхъ, отдѣльные личности безсильны охранять свои супружескія права отъ всѣхъ претендентовъ на женщину. Вслѣдствіе этого нѣсколько мужчинъ составляютъ компанію и, обзаведшись одной общей женой, отражаютъ всѣхъ другихъ искателей, желающихъ пользоваться ею. Эти компаніи соединен-

ными силами умыкают дѣвушекъ или покупаютъ ихъ. Такія компаніи были прежде на островахъ Маріанскихъ и существуютъ до сихъ поръ въ Австраліи, на Цейлонѣ, Отаити и другихъ островахъ Южнаго океана. Самая первичная форма этой поліандріи отличается тѣмъ, что мужья-компаньоны не родственники другъ другу, а общая жена ихъ живетъ или у своихъ родителей или въ собственномъ домѣ, независимо ни отъ мужей, ни отъ родителей. Такъ, напримѣръ, у нейровъ, жена, вышедшая за перваго мужа, поселяется въ своемъ домѣ и ведетъ самостоятельную жизнь; она можетъ взять себѣ еще нѣсколько мужей, не болѣе, впрочемъ, двѣнадцати, и въ выборѣ ихъ совершенно свободна. У тѣхъ же нейровъ и на Цейлонѣ жена остается иногда въ домѣ своихъ родственниковъ, а мужья переселяются къ ней или куда нибудь по близости. Дальнѣйшая форма поліандріи, еще болѣе отступающая отъ первобытной общности женъ, состоитъ въ томъ, что жена принадлежитъ не случайнымъ компаньонамъ, а нѣсколькимъ братьямъ и живетъ въ ихъ общемъ жилищѣ. Иногда обѣ эти формы встрѣчаются у одного и того же народа, но у большинства извѣстныхъ намъ поліандрическихъ племенъ, напримѣръ, у тибетцевъ, кашмирцевъ, ладакцевъ, цейлонцевъ, бриттовъ—господствуетъ послѣдняя форма поліандріи. Переходъ женщины въ чужое семейство и узы родства, связывающія ея мужей, служатъ необходимыми условіями для постепеннаго превращенія многомужества въ единоженство и полигамію. Какъ поліандрическія братства и компаніи стараются ограничить общность женъ и утвердить свои исключительныя права на содержимую ими компанейскую супругу, такъ и сильнѣйшіе изъ мужей-братьевъ стараются, отдаливъ отъ жены своихъ соперниковъ, владѣть ею нераздѣльно. Преобладаніе въ этой борьбѣ естественно беретъ старшій братъ и дѣлается сначала главнымъ, а потомъ и единственнымъ супругомъ своей семейной жены. Слѣды этого переворота можно видѣть въ разныхъ обычаяхъ поліандрическихъ народовъ. Въ распространенномъ по всему Тибету поліандрическомъ бракѣ всѣ братья равно могутъ пользоваться любовью своей общей жены, но и здѣсь уже замѣтно преобладаніе старшаго брата, которому принадлежитъ право выбирать жену, и который считается отцомъ всѣхъ ея дѣтей. Такое же значеніе имѣлъ старшій братъ и у бриттовъ. Въ Ладакѣ при женитьбѣ старшаго сына къ нему переходитъ вся собственность его родителей, которыхъ онъ обязуется содержать до смерти. Младшій братъ обыкновенно поступаетъ въ духовное званіе и дѣлается безбрачнымъ ламой, остальные братья считаются второстепенными мужьями жены первенца, которому принадлежатъ и всѣ рожденныя ею дѣти. Младшіе братья не имѣютъ никакой власти и всецѣло зависятъ отъ произвола старшаго. По смерти послѣдняго, его имѣніе, власть и вдова переходятъ къ слѣдующему брату. Наконецъ, на извѣстной ступени общественнаго прогресса, старшему брату удается вовсе устранить другихъ отъ пользованія женою при своей жизни и ограничить его только правомъ, переходящимъ послѣ

его смерти къ слѣдующему брату. Это *левиратный* бракъ, по которому вдова умершаго брата переходитъ по наслѣдству къ слѣдующему. Левиратъ существуетъ у множества народовъ, и такъ какъ онъ естественно развивается изъ поліандріи, то уже одного его существованія совершенно достаточно для доказательства, что многомужество господствовало нѣкогда у народовъ, держащихся левиратнаго обычая, т. е. у евреевъ, египтянъ, индусовъ, персовъ, друзовъ, моавитянъ, сирійскихъ арабовъ, монголовъ, остяковъ, киргизовъ, гольдовъ на Амурѣ и Уссури, кавказскихъ горцевъ, индѣйцевъ и множества племенъ Африки и т. д. Левиратъ, такимъ образомъ, есть моногамическій бракъ, носящій на себѣ явные слѣды поліандріи, изъ которой онъ развился. Нужно впрочемъ замѣтить, что господство поліандріи въ первобытной жизни слѣдуетъ считать отнюдь не исключительнымъ, а только болѣе или менѣе преобладающимъ надъ другими формами брака. Даже въ чисто поліандрическомъ обществѣ нерѣдко могутъ случаться примѣры моногаміи и полигаміи. Если мужчина не имѣетъ вовсе братьевъ и владѣетъ своимъ фамильнымъ имуществомъ нераздѣльно, то онъ естественно живетъ въ моногаміи, а большинство окружающихъ его семей, заключающихъ въ себѣ по нѣскольку братьевъ, держится поліандріи. Сильный или богатый человѣкъ даже въ поліандрическомъ обществѣ можетъ обзавестись не только отдѣльною женою, но даже нѣсколькими вдругъ, и полигамія, такимъ образомъ, возникаетъ на ряду съ единоженствомъ и многомужствомъ. При этомъ переходномъ состояніи сладострастіе и рабовладѣльческіе разсчеты мужчинъ стремятся къ утвержденію полигаміи, между тѣмъ какъ женщина, для которой полигамія неудовлетворительна и унизительна, а многомужство тяжело и истощительно, употребляетъ разныя усилія къ водворенію единоженства. Условія жизни первобытнаго общества, послѣ паденія поліандріи и послѣ того, какъ численныя отношенія половъ, вслѣдствіе извѣстной доли соціальнаго прогресса, болѣе или менѣе уравновѣсятся,—условія жизни даютъ моногаміи преобладаніе надъ другими формами брачнаго союза. Полигамія невозможна для низшихъ породъ человѣчества, не по малочисленности только женщинъ, но и потому, что содержаніе многихъ женъ стоитъ дорого, вслѣдствіе этого полигамія является только при дальнѣйшемъ развитіи народа и у однихъ лишь зажиточныхъ людей, между тѣмъ какъ бѣдняки и перебивающіеся со-дня на-день дикари живутъ съ одною женою. Кромѣ бѣдности, ихъ принуждаетъ къ моногаміи еще и то обстоятельство, что бродя постоянно со своими семьями вдали отъ другихъ людей, не зная никакой формы общественнаго союза, кромѣ семейной, они въ управленіи своимъ семействомъ должны полагаться только на собственныя свои силы; послѣднихъ у дикаря достанетъ на то, чтобы держать въ рабствѣ одну бабу, но съ нѣсколькими онъ, пожалуй, и не справится. Да и для чего ему много женъ? Хозяйственныя работы, для которыхъ впослѣдствіи употребляются женщины, въ первобытной жизни такъ ограничены, что для ихъ выполненія совер-

шенно достаточно одной женщины и ея ребятъ; а половое сладострастіе, которое, вмѣстѣ съ потребностью въ рабочихъ рукахъ, служитъ главною причиною полигаміи, у дикарей развито чрезвычайно слабо. И почти у всѣхъ извѣстныхъ намъ дикихъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и современныхъ, мы видимъ послѣ паденія поліандріи или исключительное господство моногаміи или, по крайней мѣрѣ, весьма значительное преобладаніе ея надъ другими формами брака. Саги и преданія не только цивилизованныхъ, но даже дикихъ народовъ, гласятъ, что первые люди жили въ моногамическомъ союзѣ. Большинство боговъ имѣетъ по одной женѣ. У современныхъ дикарей, стоящихъ на низшей ступени развитія, также господствуетъ моногамія. Изъ двадцати гренландцевъ развѣ одинъ только имѣетъ болѣе одной жены, да и то лишь въ случаѣ совершеннаго безплодія первой супруги. Лопари всегда жили не иначе, какъ въ единоженствѣ. Большинство бедуиновъ, несмотря на исламъ, дозволяющій четырехъ женъ, имѣетъ только по одной. Тоже самое у значительнаго большинства дикарей Сибири, Америки, Африки и т. д. Правда, что почти у всѣхъ этихъ народовъ рядомъ съ моногаміей существуетъ и многоженство, но первая все-таки является господствующею формою, а послѣдняя существуетъ уже какъ результат извѣстной степени богатства и общественнаго развитія; чѣмъ неразвитѣе и беднѣе народъ, тѣмъ сильнѣе у него моногамія, и на оборотъ.—Нужно впрочемъ сказать, что преемственность родовъ брака не имѣетъ безусловно неизмѣнной опредѣленности, завися отъ множества мѣстныхъ и временныхъ условій. Моногамія, какъ мы сказали, есть преимущественная форма брачнаго союза у дикарей. Но у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же дикихъ племенъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, существуетъ сплошная полигамія и при томъ въ громадныхъ размѣрахъ. Къ сѣверу отъ Мадраса, напр., живетъ одно самое дикое племя, въ которомъ число женщинъ до такой степени превосходитъ мужчинъ, что каждый имѣетъ по семи женъ. Подобныя исключенія, конечно, нисколько не отвергаютъ преобладанія единоженства въ дикой жизни, послѣ паденія поліандріи.

Всѣ древнія и новыя свидѣтельства утверждаютъ, что въ поліандріи женщина пользуется почти полною свободой и независимостью. Она владѣетъ отдѣльнымъ отъ супруговъ имуществомъ, по своему желанію выбираетъ мужей и послѣдніе относятся къ ней съ замѣчательнымъ уваженіемъ. Несомнѣнно, что и эту свободу и это уваженіе женщина пріобрѣтаетъ потому, что сама она служитъ рѣдкимъ и дорогимъ товаромъ, и цѣною своей любви можетъ купить у соперничающихъ за нее мужчинъ все, что угодно. Одинъ изъ самыхъ новыхъ наблюдателей поліандріи, Эрихъ фонъ-Шенбергъ, разсказываетъ, что каждый изъ мужей-компаньоновъ старается предпочтительно передъ другими угодить общей женѣ и готовъ поблажать каждому ея капризу. Малочисленность женщинъ, даже безъ поліандріи, всегда хорошо вліяетъ на ихъ положеніе въ семействѣ и въ обществѣ,

хотя и вредно дѣйствуетъ на ихъ нравственность. Чѣмъ меньше въ извѣстной странѣ женщинъ, тѣмъ болѣе цѣнятся онѣ во всѣхъ отношеніяхъ и тѣмъ удачнѣе могутъ они бороться съ эгоизмомъ мужчинъ. Но одною цѣнностью женщины и порождаемымъ ею уваженіемъ мужчинъ нельзя объяснять того замѣчательнаго положенія женщины, какое она занимаетъ въ поліандрическомъ семействѣ и обществѣ. Самое устройство семьи и характеръ поліандрическаго семейнаго права необходимо выдвигаютъ женщину на передній планъ и ея интересы ставятъ выше интересовъ всѣхъ другихъ домочадцевъ.

Въ патріархальномъ семействѣ, типомъ котораго можетъ служить извѣстная каждому читателю библейская семья, абсолютно и единовластно царитъ принципъ отцовства. Управленіе всѣми дѣлами, родство, наслѣдство, — все это сводится къ одному центру, — къ личности домовладыки, власть котораго служитъ основою семейнаго института. При поліандріи такіе порядки невозможны, здѣсь семья не имѣетъ отца, особенно въ періодъ общности женъ рѣшительно нельзя опредѣлить, кому принадлежатъ дѣти, рожденныя извѣстною женщиной, а позднѣе, при господствѣ одной изъ поліандрическихъ формъ, можно только сказать, что дѣти родились отъ одного изъ такихъ-то мужчинъ, число которыхъ доходитъ часто до десятка и болѣе. Да и понятіе о родствѣ по отцу, даже о необходимости для самаго происхожденія дѣтей извѣстнаго участія мужчины, должны были явиться уже послѣ понятія о происхожденіи дѣтей изъ материнской утробы, что, по своей осязательной для всѣхъ очевидности, прежде всего должно было поразить вниманіе первобытныхъ людей. Такимъ образомъ, самая первичная семейная система была основана на идеѣ кровнаго родства и родства только по матери или по женской линіи. Коль скоро человѣкъ усвоилъ себѣ мысль, что въ жилахъ его течетъ материнская кровь, немного стоитъ ему догадаться, что таже самая кровь въ его братьяхъ и сестрахъ, равно какъ въ братьяхъ и сестрахъ его матери и т. д. У нейровъ, у которыхъ мужья обыкновенно не братья и не родственники между собою, никто не знаетъ своего отца и каждый смотритъ на дѣтей сестры, какъ на своихъ наслѣдниковъ, потому что кровная связь съ этими племянниками для грубаго нейра гораздо очевиднѣе, чѣмъ его родство съ дѣтьми его жены, неизвѣстно отъ кого зачатыми. И всѣ семейные обычаи этого народа проникнуты тѣми же принципами материнства. Семействомъ управляетъ мать, а послѣ ея смерти—старшая сестра. Братья живутъ обыкновенно подъ одною кровлей; если одинъ изъ нихъ отдѣляется, то съ нимъ обыкновенно уходитъ любимая сестра его. Послѣ смерти мужчины, все его имущество дѣлится между всѣми дѣтьми его сестеръ; если у него есть земля, то управленіе ею вручается старшему лицу въ семействѣ. У другихъ поліандрическихъ народовъ родство считается также только по женской линіи; дѣти принадлежатъ семейству и роду матери, фамилія, права, имущество, — все это наслѣдуется по нача-

ламъ материнства; мужчинѣ наслѣдуетъ сестра или дѣти ея; часто братъ при сестрѣ не наслѣдникъ, главное лицо въ семействѣ мать или старшая сестра,—словомъ, вся система личныхъ и имущественныхъ семейныхъ отношеній проникнута началами кровнаго материнскаго родства. Эта система во время владычества поліандріи такъ крѣпко укореняется въ понятіяхъ народа и превращается въ такой священный обычай, что продолжаетъ даже существовать послѣ паденія многомужняго брака, при одноженствѣ и полигаміи. Такъ, напр., у кокковъ, которые держатся теперь моногаміи, мы видимъ эту систему въ ея чистѣйшей поліандрической формѣ, съ тѣмъ только отличіемъ, что въ число родственниковъ принятъ мужъ дочери, въ качествѣ служебнаго члена семьи. У ликійцевъ дѣти наслѣдовали по женской линіи, получая права и фамилію матери, такъ что, напр., если гражданка выходила за раба, то дѣти ея считались благородными, а если гражданинъ женился на рабынѣ или иностранкѣ, то его потомство принадлежало къ низшему сословію; родителямъ наслѣдовали не сыновья, а дочери; главою семейства была мать, а не отецъ. Тѣ же начала дѣйствовали и у многихъ другихъ народовъ, у карійцевъ, локридянъ, индусовъ, египтянъ, многихъ африканцевъ, пиктовъ, бриттовъ, кельтовъ, жителей Шампани, перуанцевъ и т. д. У иныхъ и теперь вмѣстѣ съ материнскимъ наслѣдствомъ сохраняется запрещеніе вступать въ бракъ съ родственниками по матери, между тѣмъ какъ съ роднею по отцу бракъ дозволенъ, подобно тому, какъ въ Библіи Авраамъ женится на сестрѣ, а Лотъ на племянницѣ по отцу, а не по матери. Словомъ, по всему міру до сихъ поръ уцѣлѣли еще разсѣянные остатки первобытнаго материнскаго права, которые могли возникнуть только изъ поліандріи, и которые несомнѣнно убѣждаютъ насъ въ повсемѣстномъ ея господствѣ въ первичную эпоху исторіи человѣчества.

Не только въ юридической, но и во всѣхъ другихъ отрасляхъ первобытной культуры мы видимъ тоже преобладаніе материнства и вслѣдствіе этого главенство женщины. Мать была источникомъ первыхъ чувствъ родственной любви и уваженіе къ ней родило первую идею о нравственномъ долгѣ. Извѣстія о жизни современныхъ дикарей показываютъ намъ, что изъ струнъ человѣческаго сердца на низшей ступени его развитія издаетъ самые сильные и самые благородные звуки любовь матери. На особенную силу любви между кровными родственниками въ ту эпоху указываютъ отношенія между братомъ и сестрой. И въ извѣстіяхъ этнографовъ, и въ историческихъ свидѣтельствахъ, и въ народныхъ пѣсняхъ, дышащихъ стариною,—всюду мы видимъ особенную нѣжность сестро-братскихъ отношеній. Братъ представляется защитникомъ и любимцемъ сестры, а она его вѣрною подругою. И сестробратскія отношенія стоятъ въ первичномъ міросозерцаніи до того выше всякаго дружественнаго союза, что если два мужчины или мужчина и женщина, по взаимной симпатіи, вступаютъ въ дружественное товарищество, то называютъ себя братьями и сестрами.

Такой обычай *побратимства* и *посестримства* въ ходу у многихъ народовъ, напр., у древнихъ египтянъ, у современныхъ задунайскихъ славянъ и т. д. Но материнство не ограничивается развитіемъ чувствъ братства только между кровными родственниками: чуждое той исключительности и тѣхъ аристократическихъ притязаній, какія проникаютъ въ жизнь вмѣстѣ съ началами отцовства, оно держится принциповъ всеобщности и равенства; «изъ него — говоритъ Баховенъ—возникаетъ братство всѣхъ людей, сознаніе и признаніе котораго погибаютъ съ развитіемъ отцовства». Материнство не знаетъ отца, и всѣ дѣти равны для него, какъ происходящіе отъ одной крови. А такъ какъ главнымъ божествомъ въ эту эпоху является земля, мать всего живущаго, то отсюда естественно возникаетъ представленіе о родствѣ и братствѣ всѣхъ людей. Материнство поэтому, какъ доказываютъ несомнѣнныя историческія свидѣтельства, благопріятствуетъ не только весьма важному для соціальнаго прогресса развитію сношеній съ иностранцами, но даже не препятствуетъ вступленію въ бракъ съ ними и съ рабами. Даже тамъ, гдѣ материнство находится въ измѣненномъ отцовскимъ принципомъ состояніи, все-таки сильно замѣтно его нивеллирующее, демократическое вліяніе, благодаря которому древній Египетъ, напр., былъ избавленъ отъ чудовищной системы кастъ, останавливавшихъ всякое развитіе и убивавшихъ всякую жизнь въ другихъ государствахъ, особенно въ Индустанѣ. Въ Римѣ, основанныя на материнствѣ плебейскія начала были семенами общественнаго прогресса и соціальнаго уравненія. Все это сознавалось еще древними, которые, въ своихъ легендахъ и пѣснопѣніяхъ о золотомъ вѣкѣ, объ этой эпохѣ всеобщаго равенства и братства, хотя и слишкомъ уже предавались фантазіи, но все-таки эта фантазія имѣла нѣкоторое историческое основаніе въ общественномъ и нравственномъ строѣ древнѣйшихъ обществъ, проникнутыхъ началами материнства. У Гезіода, напр., материнство является средоточнымъ пунктомъ всей домашней и общественной жизни рода человѣческаго въ эпоху серебрянаго вѣка. Памятники разныхъ отраслей древней жизни свидѣтельствуютъ, что на всѣхъ отношеніяхъ какъ соціальныхъ, такъ и нравственныхъ лежала печать одного материнскаго начала. Бракъ назывался «matrimonium», отъ mater—мать; прежде, чѣмъ говоритъ отечество и *языкъ отцовъ*, люди говорили «Mutterland, metropolia, Muttersprache», — *земля матерей*, *языкъ матерей* и т. д. Прежде, чѣмъ отцовство утвердило въ жизни первенство, любовь матери, особенно предпочитающая послѣдняго рожденнаго ею дитятю, старалась о нѣкоторыхъ преимуществахъ младшаго сына или дочери. Материнское чувство было первичною основою всей моральной культуры, утверждая среди дикой анархіи начала любви, единенія и мира. «Какъ ребенокъ, такъ и народы получаютъ первое свое воспитаніе отъ женщины»—говоритъ Баховенъ. Преданія многихъ народовъ разсказываютъ намъ, что женщины не разъ полагали конецъ бродячей жизни, сожигая корабли своихъ мужей, что онѣ

были основательницами земледѣлія и другихъ искуствъ мирной жизни, что онѣ водворяли на землѣ миръ и, давая законы, поддерживали правду, что онѣ, по выраженію Страбона, первыя стали поклоняться богамъ, и потомъ научили этому мужчинъ. Мы увидимъ ниже, что во всѣхъ этихъ легендарныхъ сказаніяхъ очень много исторической правды. О томъ же первобытномъ преобладаніи женщины свидѣтельствуетъ и исторія религіи. Разберите какую угодно мифологію и, вы увидите, что основнымъ и первымъ по времени божествомъ въ ней была Земля, эта щедродательная *мать* всѣхъ людей. Принципъ отцовства въ мифическихъ образахъ боговъ неба или солнца является уже послѣ, точно также, какъ въ человѣческой жизни отецъ утверждаетъ свои права послѣ матери. Такъ, напр., въ египетской религіи культъ Озириса (солнца) явился послѣ культа Изиды (земли), и послѣдняя имѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ ея супругъ. Она была царицею всей земли, матерью боговъ, первою законодательницею, верховною судьею, основательницею брака, земледѣлія и всей культуры. Въ древнихъ гимнахъ Изида говоритъ, что отъ нея, «законодательницы смертныхъ», проистекаетъ вся мудрость царей; что она уничтожила бѣдствія войны и утвердила благодѣтельную власть фараоновъ и т. д. Въ греческой религіи первое мѣсто принадлежитъ также матери боговъ и людей, источнику всякой жизни, Геѣ, землѣ, имѣвшей преобладающее значеніе въ пеласгическую эпоху. Стоитъ только припомнить нѣкоторыя подробности эллинской священной исторіи, и преобладаніе въ ней женскаго элемента сдѣлается яснымъ. Сверженіе старѣйшаго изъ боговъ было дѣломъ матерей. Кроносъ *младшій* изъ титановъ, по приказанію Геи, нападаетъ на Урана и побѣждаетъ его. Самъ Кроносъ сверженъ *младшимъ* изъ сыновей, Зевсомъ, дѣйствовавшимъ по волѣ своей жены, Реи, и матери, Геи Отецъ пожираетъ только сыновей, а дочери остаются неприкосновенными. Всѣ сыновья Урана повинуются матери, кромѣ Океана, этого поборника отцовскихъ принциповъ. Въ эпоху золотого и серебрянаго вѣковъ царитъ надъ человѣчествомъ Правда (Dikè), дочь стараго Астрея, возсѣдающая на *полночномъ* небѣ съ колосьями въ *лѣвой* рукѣ. Женщина является здѣсь носительницею права, устроительницею мира и добрыхъ нравовъ, подательницею всѣхъ жизненныхъ благъ. И Баховенъ, въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи о древней гинейкократіи,—которое, несмотря на всѣ его ошибки и парадоксы, извиняемыя совершенною новостью и неразработанностью предмета, должно занять видное мѣсто въ исторической наукѣ, — Баховенъ доказываетъ, что въ древнихъ религіяхъ все женственное преобладало надъ мужскимъ, луна надъ солнцемъ, ночь надъ днемъ, лѣвая рука надъ правой. Достоинство и значеніе земной женщины стояли въ самой тѣсной связи съ этими религіозными понятіями. Женщина была представительницею божественной земли; всѣ свойства какъ женщины, такъ и земли представлялись одинаковыми, а мужчина стоялъ къ женѣ въ такомъ же случайномъ отношеніи, какъ

пахатель или сѣятель къ землѣ. Въ главѣ всѣхъ вещей стоитъ здѣсь великая праматерь, изъ нѣдръ которой возникаетъ всякая жизнь. Представительница и жрица ея, земная женщина имѣетъ тоже значеніе силы и святости, какъ и богиня. Кто обидитъ женщину, тотъ обидитъ землю, и послѣдняя въ греческой мифологіи не разъ наказываетъ преступниковъ, нарушившихъ обязанности, требуемыя материнствомъ. При такихъ условіяхъ женщина предпочтительно передъ мужчиной дѣлается служительницею божества. Тацитъ говоритъ, что германцы «видѣли въ женщинахъ что-то святое, вдохновленное; они никогда не презирали ихъ совѣтовъ и приписывали важность ихъ отвѣтамъ». У современныхъ дикарей женщины считаются также особенно способными для сношенія съ міромъ боговъ и, въ качествѣ жрицъ или пророчицъ, играютъ важную роль въ обществѣ. У древнихъ народовъ, на зарѣ ихъ исторіи, женщины допускались къ обязанностямъ жречества наравнѣ съ мужчинами и имѣли гораздо больше религіознаго вліянія на народъ, чѣмъ впослѣдствіи, въ патріархальную эпоху. Такъ, напр., гуроны особенно заботятся о совѣщаніи съ женщинами въ важныхъ дѣлахъ. Съ этою ролью совѣтницы, женщина соединяетъ еще и значеніе судьи. Галльскія женщины составляли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже верховный судъ націи, и галлы договорились съ Аннибаломъ, что въ случаѣ какого нибудь неудовольствія на нихъ карфагенянъ, послѣдніе должны жаловаться галльскимъ женщинамъ, которыя и разсудятъ ихъ. У древнихъ чеховъ хранительницами законовъ и верховными судьями были женщины, равно какъ и у беотійцевъ. Павзаній разсказываетъ, что когда умеръ пизанскій царь Демафонъ, причинившій много зла элейцамъ, то для разбора притязаній и несогласій между Элисъ и Пизой шестьнадцать городовъ выбрали по одной женщинѣ каждый, которыя и установили миръ. О древнихъ и новыхъ народахъ извѣстно, что даже находящіяся въ рабскомъ состояніи женщины часто играютъ роль мировыхъ посредницъ, прекращая своимъ вмѣшательствомъ не только частныя ссоры, но даже и племенныя войны.

Было бы непонятнымъ фактомъ въ исторіи, если бы при упомянутомъ высокомъ положеніи первобытной женщины въ семействѣ и въ религіи, она не пользовалась равнымъ же значеніемъ въ общественной жизни. Права материнства, экономическая самостоятельность, религіозное и нравственное вліяніе, наконецъ сила мускуловъ и воинственность первобытной женщины, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, — все это естественно вело за собой, болѣе или менѣе полную гинейкократію. Остатки этого владычества женщинъ мы можемъ видѣть до сихъ поръ у нѣкоторыхъ дикарей разныхъ странъ свѣта. По словамъ Ливингстона, въ нѣкоторыхъ земляхъ Африки женщины занимаются торговлей, свободно разъѣзжаютъ по странѣ или же пашутъ землю, засѣваютъ поля и строятъ хижины; такая дѣятельная жизнь, развивая силу ихъ ума и мускуловъ, даетъ имъ не только свободу, но даже владычество надъ мужчинами,

которые тупѣютъ и изнѣживаются, сидя постоянно дома и занимаясь шитьемъ, тканьемъ, доеніемъ коровъ и сплетнями. У нѣкоторыхъ племенъ мандинго женщины принимаютъ участіе въ управленіи и составляютъ собранія, къ которымъ мужчины обращаются въ трудныхъ случаяхъ за совѣтомъ. У багнунсовъ есть даже особый женскій судъ. Въ Ангонѣ, Анголѣ и Конго на женщинъ переходитъ по наслѣдству королевская власть, а въ Лоанго король выбираетъ себѣ матрону, называетъ ее своею матерью и по всѣмъ важнымъ дѣламъ обращается къ ней за совѣтомъ. У народовъ южной Гамбіи женщины принимаютъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, законодательствѣ и судѣ. Въ Кабу и у Болонда они могутъ быть королевами и пользуются большимъ уваженіемъ. Въ Дагомеѣ женщины составляютъ королевскую гвардію, а родственницы короля завѣдуютъ прокурорскимъ надзоромъ въ странѣ. Вообще-же о жителяхъ Африки Вайцъ замѣчаетъ, что «богатство и знатное происхожденіе освобождаетъ женщину отъ ея обыкновенной судьбы». Богатыя дѣвушки въ Акрѣ живутъ съ кѣмъ хотятъ, нисколько не скандализируя себя этимъ; сестры короля ашантіевъ выбираютъ сами своихъ мужей, и обычай требуетъ, чтобы послѣдніе сопровождали ихъ въ могилу. Такой же свободой и преобладаніемъ надъ мужчинами пользуются женщины королевской крови въ Конго и Лоанго. У каффровъ мать вождя имѣетъ огромное значеніе, а каждая хозяйка дома управляетъ имъ независимо отъ своего мужа. У древнихъ нормановъ не одна женщина носила съ собою длинный ножъ, и не одинъ мужчина былъ рабомъ своей жены. У малайцевъ жена повелѣваетъ въ своемъ домѣ. Черкешенки принимаютъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ народа, воодушевляютъ юношей на подвиги, награждаютъ хвалою побѣдителей и ведутъ себя такъ самостоятельно и солидно, что путешественникъ Бель сравниваетъ ихъ съ Дѣвою Орлеанскою. Жены и сестры нѣкоторыхъ арабскихъ шейковъ, во время отсутствія послѣднихъ, ведутъ всѣ дѣла управленія. У чукчей и на островахъ Южнаго океана женщины являются нерѣдко родовыми княгинями и королевами. Такова была, напр., Помаре, королева Отаити, наслѣдовавшая въ 1832 г. своему брату, который вводилъ на островахъ христіанство, поднявшая гоненіе на эту религію и тѣмъ возбудившая французское вмѣшательство. Вообще же на островахъ Южнаго океана женщины имѣютъ право говорить въ народныхъ собраніяхъ и мужчины съ уваженіемъ внимаютъ ихъ совѣтамъ. На Явѣ, до введенія тамъ магометанства, женщины часто достигали высшихъ должностей администраціи, и даже теперь нерѣдко случается, что послѣ смерти начальника округа вдова его удерживаетъ за собою принадлежавшую ему власть. На Целебесѣ женщины не только участвуютъ въ общественныхъ дѣлахъ, но часто даже всходятъ на тронъ, хотя королевское достоинство и зависитъ здѣсь отъ народнаго выбора. Жена вождя Липукаски была однимъ изъ первыхъ государственныхъ людей и героевъ Целебеса. У европейскихъ варваровъ женщины пользовались

также гораздо большею свободой въ древности, чѣмъ впослѣдствіи. Однажды въ Галліи имъ удалось утушить въ самомъ началѣ возгорѣвшуюся было междоусобную войну, и съ тѣхъ поръ онѣ начали играть первенствующую роль въ военныхъ совѣтахъ и при заключеніи международныхъ договоровъ. Есть даже извѣстіе, что въ Галліи былъ женскій сенатъ, и что входившія въ его составъ представительницы галльскихъ племенъ имѣли верховную власть надъ ними. Въ Германіи онѣ наслѣдовали государственную власть и часто являлись такими героинями и правительницами, что величайшіе мужи считали за честь служить подъ ихъ знаменами и повергать къ стопамъ ихъ свои военные трофеи. Подобныхъ примѣровъ изъ дикой или полудикой жизни можно набрать множество, но мы ограничимся только вышеприведенными и слѣдующимъ извѣстіемъ новѣйшаго путешественника по Африкѣ, Ливингстона. Къ сѣверу отъ Замбези живетъ народъ балонда небольшими земледѣльческими общинами. Повсюду мужчины, женщины и дѣти заняты воздѣлываньемъ маиса, кофе, овса, бобовъ, риса, тыквъ и т. д. Что же касается соціальныхъ порядковъ, то замѣчательнѣе всего преобладающее значеніе женщинъ. Ливингстонъ, недовѣрявшій разсказамъ прежнихъ путешественниковъ о господствѣ у балонда гинейкократіи, наблюдалъ ее скептически, но все-таки убѣдился въ ея существованіи. «Женщины засѣдаютъ въ народныхъ совѣтахъ; женихъ долженъ переселяться въ деревню своей будущей супруги и жить тамъ; при заключеніи брачнаго договора онъ обязуется содержать до смерти свою тещу; жена одна имѣетъ право дать разводъ мужу и всѣ дѣти, въ такомъ случаѣ, остаются при матери; мужъ безъ дозволенія жены не можетъ входить ни съ кѣмъ въ обязательство, какъ бы незначительно оно ни было». И мужья до того уже свыклись съ своимъ положеніемъ, что не обнаруживаютъ никакой оппозиціи. Жены же стараются держать ихъ въ ежевыхъ рукавицахъ и часто наказываютъ лишеніемъ пищи, побоями и пощечинами. Иногда, впрочемъ, мужчины вступаются за такія жертвы женинаго деспотизма и принуждаютъ тиранку пронести мужа по улицѣ на своей спинѣ, при чемъ мужчины ругаютъ везущую, а женщины поощряютъ ее, восклицая: «поступай съ нимъ, какъ онъ заслуживаетъ; вздуй-ка его еще такъ же,» и т. п. Извѣстный знатокъ африканской цивилизаціи, Лепсіусъ, замѣчаетъ, что «съ древнѣйшихъ временъ въ этой части свѣта чрезвычайно распространено преобладаніе женскаго пола надъ мужчинами. Вспомните, какъ часто упоминаются королевы Эфіопіи. — На памятникахъ ваянія въ Мерое мы также видимъ воинственныхъ царицъ. Беги, бывшіе потомками меройскихъ эфіоповъ и предками нынѣшнихъ бишари, вели свои генеалогіи не по отцамъ, а по матерямъ, и наслѣдство переходило не на сына, а на сестру или дочь умершаго. Такіе же порядки были у жителей Нубіи.» По словамъ Діодора, въ древней Африкѣ было много племенъ, у которыхъ женщины занимались всѣми общественными дѣлами, мужья же подъ управленіемъ

своихъ женъ вели хозяйство, ихъ не допускали ни до управленія, ни до военныхъ занятій. Подобныхъ древнихъ извѣстій объ африканской гинейкократіи множество и владычество женщинъ въ извѣстной степени удержалось даже въ одномъ изъ самыхъ древнихъ цивилизованныхъ государствъ. въ Египтѣ. Здѣсь, по словамъ правдиваго Геродота, «царица пользовалась большимъ уваженіемъ и большею силою, чѣмъ царь,» и хотя на египетскомъ тронѣ возсѣдали немногія женщины въ качествѣ самостоятельныхъ государынь, за то фараонъ состоялъ подъ верховною опекой своей матери. «Даже въ частной жизни — по Геродоту — жена, посредствомъ брачнаго договора, пріобрѣтала власть надъ мужемъ, и женихъ обязывался во всемъ безпрекословно повиноваться своей будущей супругѣ. Женщины ходили на площадь, занимались торговлею и промыслами, а мужчины сидѣли дома и ткали. Сыновья не содержали родителей, обязанность прокормленія которыхъ лежала на дочеряхъ;» эта обязанность уравновѣшивалась правомъ дочери на полученіе отъ родителей всего наслѣдства, кромѣ земли. Приданое дѣвушки получали отъ своихъ матерей или добывали его путемъ проституціи, что указываетъ на остатки первобытнаго гетеризма.

Послѣ приведенныхъ нами фактовъ читателю уже не покажется страннымъ, что мы видимъ извѣстную долю историческй дѣйствительности и въ сагахъ объ амазонкахъ. Воинственный характеръ ихъ вполнѣ согласенъ съ воинственностью большинства первобытныхъ женщинъ. Поліандрія и преобладаніе надъ мужчинами существуютъ у разныхъ народовъ, поэтому мы и считаемъ саги объ амазонкахъ однимъ изъ доказательствъ существованія въ древности не малаго числа такихъ племенъ, у которыхъ женщины были воинственны, держались поліандріи, управляли мужчинами, а общественная жизнь была основана на началахъ материнства. Происхожденіе амазонства объясняется въ древнихъ источникахъ тѣмъ, что женщины, возставъ и перебивъ своихъ мужей, дѣлались независимыми и начинали жить съ рабами, плѣнниками и чужестранцами. Хотя и плохо вѣрится такому поголовному мужеистребленію, но уменьшивъ размѣры его, мы, основываясь на извѣстіяхъ о современныхъ дикаряхъ, имѣемъ полное право считать его господствовавшимъ обычаемъ эпохи первобытной борьбы мужчины съ женщиной, хотя объяснять происхожденіе амазонства подобнымъ переворотомъ и невозможно.

Діодоръ разсказываетъ слѣдующее о царицѣ амазонокъ, жившихъ на устьѣ р. Термадонъ. Со дня на день росла слава ея храбрости, и тотчасъ послѣ покоренія одного народа, она шла на завоеваніе другого. Она назвалась дочерью бога войны и заставила мужчинъ прясть шерсть. Изданіемъ своихъ законовъ она призвала женщинъ къ военнымъ занятіямъ, а мужчинъ осудила на униженіе и рабство, и, желая ихъ сдѣлать безопасными, велѣла уродовать всѣхъ мальчиковъ. О происхожденіи скифскихъ амазонокъ, сага говоритъ, что въ царствованіе египетскаго Сезо-

стриса нѣкоторые скифы съ своими семействами выселились въ Каппадокію; но вскорѣ большинство ихъ, кромѣ женщинъ, было измѣннически перебито врагами. Жены ихъ, избравъ изъ себя предводительницъ, вооружились и отказались навсегда отъ всякой подчиненности мужчинамъ; перебивъ остававшихся еще у нихъ мужей, онѣ покорили нѣсколько земель и обращенныхъ въ рабство жителей ихъ заставляли періодически сожительствовать съ собою, не вступая однакожъ съ ними въ сколько нибудь прочный брачный союзъ. Рожденныхъ ими дѣвочекъ онѣ оставляли у себя и воспитывали, а мальчиковъ убивали или отдавали ихъ отцамъ. Древніе авторы передаютъ намъ цѣлую полумифическую исторію царства этихъ азіятскихъ амазонокъ, разсказывая, какъ онѣ покоряли многія страны и строили многіе города, какъ онѣ боролись съ Геркулесомъ, принимали участіе въ троянской войнѣ и т. д. Въ Африкѣ было также много амазонокъ, составлявшихъ сильныя царства, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли женскую армію въ 3,000 пѣхоты и 20,000 конницы, дѣлавшихъ большія завоеванія и державшихъ своихъ мужей въ такомъ же рабскомъ подчиненіи, въ какомъ у другихъ народовъ находятся женщины. Геркулесъ, во время своихъ странствованій, рѣшился освободить мужчинъ отъ этого бабьяго владычества и положилъ конецъ царству амазонокъ. Амазонки существовали также, по древнимъ свидѣтельствамъ, въ Аттикѣ, Беотіи, Фессаліи, Южной Америкѣ, на берегахъ Балтики и т. д. Въ Европѣ были амазонки въ Богеміи. Въ первичную эпоху исторіи этой страны женщина была равноправна съ мужчиной и могла быть государыней; женщины же были и главными хранительницами законовъ *). Любуша, наслѣдница Крока, обладала по преданію государственною мудростью; ея старшая сестра, Тета, отличалась постройкою городовъ, а средняя, Кази—занималась медициной. Два брата ссорятся изъ-за наслѣдства; Любуша созываетъ народное собраніе и посреди его всходитъ на престолъ своего отца, сопровождаемая *двумя вѣщими дѣвами*, изучившими судейскую мудрость; у одной изъ нихъ законодательныя доски, у другой мечь—символъ наказанія. Княжна произноситъ свой приговоръ, ссылаясь на законы вѣчныхъ боговъ, и двѣ дѣвы собираютъ голоса народа. Но въ той же самой поэмѣ мы видимъ уже начало паденія гинекократіи. Любуша рѣшаетъ упомянутый споръ такъ: «по закону вѣчно-живущихъ боговъ, братья должны владѣть имѣньемъ вмѣстѣ или же раздѣлить его по ровну.» Большинствомъ голосовъ было рѣшено, что они должны владѣть вмѣстѣ. Тогда поднимается одинъ изъ тяжущихся братьевъ, лютый Хрудошъ; «жолчь разлилась по всей его внутренности, отъ ярости дрожатъ всѣ его члены; махнувъ ру-

*) «Въ древней Чехіи,— говоритъ Козьма Пражскій — дѣвушки росли свободно, упражнялись въ военномъ дѣлѣ, ходили на войну, охотились, однимъ словомъ, въ образѣ жизни мужчинъ и женщинъ не было тогда различія.»

кой, заревѣлъ онъ ярымъ туромъ: «горе птенцамъ, когда заползетъ къ нимъ въ гнѣздо змѣя, горе мужчинамъ, когда ими повелѣваетъ женщина. Мужчина только повелѣваетъ мужчинами, первенцу повелѣваетъ законъ отдать наслѣдство.» Оскорбленная такимъ протестомъ, Любуша хотѣла отказаться отъ престола, но она осталась на немъ, только должна была выбрать себѣ мужа изъ земскихъ людей. Такимъ образомъ, какъ и у германскихъ племенъ, у чеховъ право женщины на престолъ было ограничено тѣмъ, что она должна выходить замужъ. Легенда говоритъ, что женщины не безъ сопротивленія подчинились такому перевороту. По смерти Любуши, назначившей преемникомъ своего мужа Пржемислава, одна изъ ея дѣвушекъ, Власта, собравъ около себя множество женщинъ, вознамѣрилась превратить всю Богемію въ женское государство, лишивъ мужчинъ ихъ власти и значенія. Дѣла этихъ амазонокъ сначала пошли успѣшно и онѣ основали *Дѣвичій городъ* (Divin, Magdeburg). Власта постановила закономъ воспитывать изъ дѣтей только дѣвочекъ, а рождающихся мальчиковъ дѣлать неспособными къ владѣнію оружіемъ, выкалывая имъ правый глазъ и отрубая имъ на обѣихъ рукахъ большіе пальцы. Мужчины вооружились противъ амазонокъ, произошла битва, женщины были побѣждены, а Власта убита. Путешественники XVII в., посѣщавшіе Бискайю, видѣли амазонокъ и тамъ. Въ Фуэнте-Раббіа была община женщинъ, состоявшихъ подъ начальствомъ одной старой дѣвы. Всѣ онѣ жили судоходствомъ, на берегу моря въ маленькихъ хижинахъ. Эта женская республика существовала недолго.

II.

Въ поэмѣ о Любушѣ и Властѣ, въ греческихъ легендахъ о Геркулесѣ и другихъ герояхъ, отчасти и въ индѣйскомъ эпосѣ, разсказывается, какъ мужчины, силою своихъ сверхъестественныхъ покровителей, избавились отъ владычества женщинъ и какъ положенъ былъ конецъ амазонству. Здѣсь, какъ и въ вопросѣ о происхожденіи амазонокъ, нельзя соглашаться съ древними источниками. Такіе перевороты, какъ паденіе гинейкократіи и материнскаго начала, подобно измѣненіямъ земной коры, совершались медленно и постепенно. Еще въ періодъ полнаго господства материнства является уже зачатокъ будущихъ перемѣнъ въ семействѣ,—идея отцовства; когда люди узнали, что женщина, подобно самкѣ всѣхъ другихъ животныхъ, не можетъ родить безъ мужского оплодотворенія ея, когда, слѣдовательно, у каждаго ребенка предполагался отецъ, то родство начали считать не только по матери, но и по отцу. Начало отцовства долго было чисто фиктивнымъ, гипотетическимъ, между тѣмъ, какъ родство по матери представлялось для всѣхъ очевиднымъ фактомъ. При многомужствѣ и свободѣ половыхъ отношеній женщины невозможно съ достовѣрностью указать на лицо, бывшее родителемъ даннаго ребенка. Первымъ

средствомъ для опредѣленія личности отца служитъ физіономическое и вообще тѣлесное сходство ребенка съ однимъ изъ мужей его матери. Такъ напр., дѣлились дѣти у поліандрическихъ племенъ Ливіи и авзовъ; у либурнійцевъ, какъ жены, такъ и дѣти до пятилѣтняго возраста считались общими. Шестилѣтнихъ же дѣтей они приводили въ свое собраніе и по сходству ихъ съ мужчинами, раздавали предполагаемымъ ихъ отцамъ. Для признанія своихъ отцовскихъ правъ на ребенка мужчина употреблялъ и другое, еще болѣе фиктивное средство. Мы говоримъ о *кувадѣ*, обычаѣ, распространенномъ у скифовъ, корсиканцевъ, кипрянъ, иберійцевъ, караибовъ, индѣйцевъ Южной Америки и Калифорніи, въ Цунхели, въ западной Африкѣ, у басковъ, въ старинной Наваррѣ и т. д. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что при рожденіи ребенка отецъ ложится въ постель, подражаетъ крикамъ, стонамъ и всѣмъ болѣзненнымъ тѣлодвиженіямъ родильницы, выдерживаетъ самую строгую діэту, остается въ постели мнимо больнымъ нѣсколько дней и даже недѣль, и всѣ ухаживаютъ за нимъ также, какъ за родильницей. Смыслъ кувады заключается въ томъ, чтобы показать нагляднымъ образомъ, что отецъ имѣетъ такое же право на ребенка и такую же родственную связь съ нимъ, какъ и мать, родившая его въ мукахъ *). Дѣло признанія отцовскаго родства и отцовскихъ правъ много подвигается впередъ при переходѣ поліандріи въ ея семейную форму. Здѣсь число мужей гораздо ограниченнѣе, чѣмъ въ поліандріи несемейной, и поэтому гораздо легче, чѣмъ въ послѣдней, опредѣлить личность отца. Сначала впрочемъ и здѣсь всѣ братья считаются отцами всѣхъ дѣтей общей ихъ жены. Такая система родства удерживается до сихъ поръ между индѣйцами, свидѣтельствуя о томъ, что они жили нѣкогда въ поліандріи. У нихъ всѣ братья отца считаются отцами его дѣтей; всѣ дѣти разныхъ братьевъ суть братья и сестры другъ друга; всѣ внуки братьевъ индѣйца въ то же время и его внуки. Но, по мѣрѣ возрастанія авторитета старшаго брата, о чемъ мы говорили выше, отцовское значеніе младшихъ постепенно ограничивается и наконецъ вовсе падаетъ. У поліандристовъ южной Индіи, хотя всѣ братья считаются отцами, но старшій называется

*) У современныхъ дикарей, держащихся кувады, смыслъ ея, какъ и значеніе многихъ другихъ первобытныхъ обычаевъ потерянъ, и они объясняютъ его разными соображеніями, не имѣющими никакой связи съ первичнымъ значеніемъ кувады. На основаніи этихъ соображеній, Тайлоръ силится доказать, что кувада основана на первообытномъ понятіи объ единствѣ отца и ребенка; отецъ, дескать, держитъ діэту для того, чтобы не разстроить желудка ребенка и не повредить ему. Но Тайлоръ забываетъ, что сущность кувады не въ діэтѣ, а въ томъ, что мужчина подражаетъ всѣмъ мукамъ родильницы. Въ пользу предложеннаго здѣсь нами объясненія кувады говорятъ сходные съ нею обряды усыновленія. У грековъ и у римлянъ усыновленіе совершалась посредствомъ обряда, изображавшаго процессъ рожденія. Это продолжалось вплоть до Нервы, который, усыновляя Траяна, перенесъ совершеніе этой церемоніи съ брачнаго ложа въ храмъ Юпитера.

большимъ отцомъ, а слѣдующіе за нимъ *малыми отцами*. Ту же систему родства видимъ мы у нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Дальнѣйшая степень въ развитіи отношеній отцовскаго родства состоитъ въ раздѣлѣ дѣтей между всѣми братьями, какъ это иногда дѣлается у тибетцевъ, и вѣроятно такой раздѣлъ совершается на упомянутомъ уже нами основаніи физіономическаго сходства. Раздѣлъ дѣтей совершается еще и другимъ способомъ,—старшаго ребенка отдаютъ старшему брату, второго второму и т. д. Но подобные раздѣлы противны основнымъ началамъ устанавливающагося патріархальнаго общества; они нарушаютъ единство семьи и препятствуютъ развитію абсолютной отеческой власти, поэтому и служатъ только исключеніемъ изъ общаго правила. По мѣрѣ того, какъ старшій братъ захватываетъ себѣ супружескія права всѣхъ другихъ братьевъ, онъ присвоиваетъ и отеческія права надъ всѣми дѣтьми. Еще до совершенія этого переворота у многихъ народовъ, держащихся семейной поліандріи, напр., у тибетцевъ, старшій братъ считается единственнымъ отцомъ всѣхъ дѣтей общей жены, хотя было бы и очевидно, что нѣкоторые изъ этихъ дѣтей зачаты не отъ него, а отъ другихъ братьевъ. Когда же поліандрія падаетъ, когда вслѣдствіе улучшенія до извѣстной степени разнообразныхъ условій жизни, количество женщинъ возрастаетъ до того, что каждый мужчина можетъ имѣть не только отдѣльную жену, но даже нѣсколько ихъ, когда сила мужчинъ, соединенныхъ въ родовыя общества, беретъ верхъ надъ женщиною и имѣетъ за собою уже много шансовъ на обращеніе ея въ неволю,—тогда родство по отцу, подкрѣпляемое отношеніями, создаваемыми силою домовладыки, беретъ верхъ надъ родствомъ по матери. Развивается патріархальная система, материнство женщины отодвигается на задній планъ. Въ первобытную эпоху исторіи, когда человѣкъ безусловно преклонялся передъ могуществомъ природы и лобызалъ божественную землю, милосердно надѣлявшую его своими плодами, материнская производительность женщины стояла также высоко, какъ и производительность земли, матери всего живущаго. Но когда человѣкъ началъ бороться съ природой и отчасти даже покорять ее, когда онъ сознавалъ, что плодородіе земли зависитъ, въ извѣстной степени, отъ его воли и искуства, и главнымъ образомъ отъ дождя и другихъ атмосферныхъ вліяній, *отца* всѣхъ вещей—неба, тогда божественное значеніе земли значительно пало, на первый планъ выступилъ культъ неба или солнца, тогда и женщина превратилась только въ *орудіе* дѣторожденія, безполезное безъ мужского осѣмененія, подобно тому, какъ пашня непроизводительна безъ пахаря и сѣятеля. Такія притязанія патріарховъ не сразу могли побѣдить принципы материнства и гинейкократіи, которые, какъ мы уже видѣли и увидимъ еще ниже, долго борются съ принципами отцовства и держатся въ жизни на ряду съ ними. Но физическая сила мужчины въ концѣ концовъ все-таки восторжествовала и поработила женщину.

Когда вышеописанный ходъ событій ниспровергъ поліандрію и основан-

ное на материнскомъ правѣ преобладаніе женщины надъ мужчиной, когда кровное родство по матери было отодвинуто на второй планъ, а надъ нимъ вознеслось родство по отцу и отеческая власть, — то прежніе семейные обычаи, идеи, чувства и льготы женщины не сразу уступили мѣсто новымъ принципамъ и долго боролись съ послѣдними, дѣйствуя на ряду съ ними. Умыканіе дѣвицъ долго еще существуетъ, какъ мы видѣли, и послѣ водворенія новыхъ семейныхъ порядковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ древнѣйшую эпоху, при господствѣ поліандріи, умыкаемая дѣвушка рѣдко обращалась въ такое ужасное рабство, какое выпадаетъ ей на долю въ семьѣ, основанной на принципѣ отцовства. Въ началѣ патріархальнаго періода женихъ былъ врагомъ невѣсты и ея семьи, и послѣднія, поэтому, ненавидѣли его, боролись съ нимъ и такая свадьба оглашалась не музыкой и веселыми пѣснями, а воинственными криками схватки и воплями дѣвушки, увозимой на чужую сторону, но этого мало: захвативъ дѣвушку насиліемъ, мужчина, во имя новыхъ семейныхъ порядковъ, старался превратить ее въ свою безотвѣтную рабыню. Таковъ былъ фундаментъ брачнаго права. Бракъ и власть мужа основывались единственно на правѣ силы, что выражается и въ свадебныхъ обрядахъ многихъ народовъ. У однихъ невѣста обязана разувать жениха, у другихъ онъ даетъ ей плюху, у готтентотовъ женихъ и невѣста вступаютъ между собой въ обрядовую борьбу и бракъ считается заключеннымъ лишь тогда, какъ женихъ повалитъ и побѣдитъ невѣсту. Среди этой анархіи и при такихъ кулачныхъ порядкахъ, мы видимъ, что женщина хотя по необходимости и повинуется насилію, но все-таки по прежнему стремится къ возможной независимости и подъ ея вліяніемъ развиваются зачатки свободно-договорнаго брака. У всѣхъ дикихъ патріархаловъ дочь такая же рабыня, какъ и жена, а у нѣкоторыхъ положеніе дочери даже хуже, чѣмъ положеніе жены. Поэтому дѣвушка старается вырваться изъ семьи и выйти замужъ; она ищетъ себѣ *похитителя*, т. е. жениха, входитъ съ нимъ въ соглашеніе и послѣдній умыкаетъ ее тайкомъ отъ ея родителей. Такъ заключались браки, напр., у радимичей, вятичей и сѣверянъ, о которыхъ Несторъ говоритъ, что они сходились изъ разныхъ селъ на игрища «и тутъ умыкали въ жены себѣ дѣвушекъ, предварительно сговорившись съ ними». Подобныя умыканья случаются и до сихъ поръ у разныхъ дикарей.

При дальнѣйшемъ развитіи семей и родовъ, при водвореніи между ними большей дружелюбности, умыканіе невѣсты мало-по-малу уступаетъ мѣсто покупкѣ ея. Этотъ переходъ одного обычая въ другой изображается между прочимъ и въ тѣхъ многочисленныхъ свадебныхъ обрядахъ русскихъ, въ которыхъ поѣзжане и сваты жениха, хотя и представляются враждебною, напавшею на родъ невѣсты шайкою, но все-таки въ концѣ концевъ принуждены бываютъ платить родителямъ невѣсты за ея воспитаніе, выкупать ея постель, подкупать стерегущаго ее брата и т. д. Набѣги умыкателей не всегда кончались покореніемъ рода и воровствомъ невѣсты, а

иногда мировою сдѣлкою и покупкою дѣвушки, родъ которой былъ достаточно силенъ для ея защиты отъ хищниковъ, но въ то же время былъ не прочь выгодно продать ее. Умыканіе переходило въ продажу еще и другимъ способомъ. Женихъ воровалъ невѣсту, родственники которой старались возвратить ее; начинались распри, но денежная сдѣлка, такъ сказать вира, уплаченная женихомъ за свое преступленіе прекращала ихъ и водворяла миръ. У ауракамцевъ до сихъ поръ женихъ сначала умыкаетъ дѣвушку, а потомъ покупаетъ у ея родителей согласіе на бракъ. Наконецъ, входитъ въ обычай, что родители похищенной дѣвушки имѣютъ право хлопотать объ ея возвращеніи до извѣстнаго срока, и если умыкатель съумѣлъ удержать ее до этого времени, то онъ пріобрѣтаетъ надъ ней всѣ права мужа, уплативъ калымъ ея семейству. Такимъ образомъ мало-по-малу дочери дѣлаются цѣннымъ товаромъ и родители съ радостью сбываютъ ихъ за хорошую плату каждому встрѣчному; не наклонности невѣсты, не достоинства жениха, а только одна величина предлагаемой имъ суммы, одинъ денежный разсчетъ родителей дѣвушки служатъ основаніемъ для заключенія или незаключенія брака. Ходкость и цѣна этого живого товара сильно вліяетъ на участь женщины, и корыстолюбіе родителей нерѣдко заставляетъ ихъ лишать дѣвушку всякой свободы при выборѣ себѣ мужа. У каффровъ, напр., во время оно бракъ заключался не иначе, какъ съ согласія невѣсты; но въ позднѣйшее время, вслѣдствіе усиленія запроса на женщинъ, корыстолюбіе родителей уничтожило всякіе слѣды этого прекраснаго обычая и превратило дѣвушку въ совершенно пассивный товаръ. Этотъ древній бракъ-купля превосходно характеризуется русскими свадебными пѣснями и обычаями. Изъ нихъ мы видимъ, что въ періодъ родоваго быта покупка невѣстъ совершалась со всѣми формальностями обыкновенной купли-продажи. Покупателями были родники жениха или самъ женихъ, а продавцами родители или родники невѣсты. Женихъ постоянно называется *купцомъ*, а невѣста *товаромъ*. Въ вологодской губерніи смотрины, т. е. показыванье невѣсты, до сихъ поръ въ полномъ смыслѣ осмотръ товара. *Обрученіе* было и есть обрядовый знакъ того, что купецъ и продавецъ сошлись и въ знакъ вѣрности, при свидѣтеляхъ, *ударили по рукамъ* или дали другъ другу руки, что соблюдается до сихъ поръ при всѣхъ коммерческихъ сдѣлкахъ простонародья. Но, говоритъ Кавелинъ, при покупкѣ, «отношенія купца и продавца, равныя, когда рѣчь идетъ о вещи, не равны, когда предметомъ торга служитъ женщина, будущая жена покупателя. Семья жениха выбираетъ, семья невѣсты играетъ пассивную роль; первая постановляетъ свои требованія и условія, послѣдняя не имѣетъ права предъявлять такихъ же требованій, она соглашается на предлагаемое или не соглашается, но не смотритъ жениха и не дѣлаетъ выбора. Эта форма необходимо перерождается въ обоюдные договоры двухъ семей о взаимномъ союзѣ ихъ членовъ. Рядомъ со смотромъ невѣсты появляется смотръ жениха, имѣющій разительное

сходство со смотринами невѣсты, — тѣ же пріемы родителей невѣсты, та же пассивная роль жениха». У древнихъ германцевъ жена также покупалась, и уплачиваемый за нее калымъ былъ вовсе не символомъ перехода ея изъ-подъ власть отца во власть мужа, а буквально покупною цѣною. Такая продажа невѣсты ея родителями и покупка ея семействомъ жениха существовала въ древности у многихъ народовъ. И въ настоящее время у всѣхъ дикихъ и патріархальныхъ народовъ земного шара женщина продается и покупается съ формальностями и требованіями, обычными при покупкѣ животнаго для работы или на племя. Если, напр., купленная арабомъ жена сдѣлается больна, то онъ прогоняетъ ее обратно къ ея родителямъ, говоря, что платилъ деньги за здоровую, а не за больную и что тратиться на содержаніе хворой бабенки онъ не намѣренъ. Въ Трансильваніи у румыновъ до сихъ поръ ежегодно бываютъ ярмарки невѣстъ. Отцы привозятъ сюда своихъ дочерей вмѣстѣ съ приданымъ, выставляютъ ихъ на показъ и кричатъ; «у меня есть дочь невѣста; нѣтъ ли у кого сына — жениха?» Начинаются смотрины, переговоры, торгъ, затѣмъ сговоръ и попойка. Цѣны на невѣсть разнообразны, смотря по мѣстности, времени, достоинствамъ дѣвушки и т. д. Въ странахъ плодородныхъ и богатыхъ женщинами, напр., въ южной Америкѣ, дикарь можетъ купить себѣ невѣсту за извѣстное количество собранныхъ имъ въ лѣсу плодовъ или настрѣлянной имъ дичи. У черемисовъ дѣвушка стоитъ отъ 30 до 100 рублей, у татаръ цѣна ея доходитъ до 500 р., у негровъ крусъ невѣста стоитъ обыкновенно три коровы и одну овцу, у каффровъ — отъ 10 до 70 штукъ скота. Гдѣ цѣны на дѣвушекъ ничтожны, тамъ родители избиваютъ ихъ, а гдѣ высоки, тамъ рачительно воспитываютъ не только своихъ дочерей, но и чужихъ, покупая ихъ въ малолѣтствѣ задешево и съ выгодою продавая потомъ, по достиженіи ими совершеннолѣтія. Бѣдняки, которымъ не на что купить себѣ жены, поступаютъ къ своему будущему тестю въ работу на извѣстный условленный между ними срокъ и цѣною своего временнаго рабства у отца невѣсты покупаютъ ее себѣ въ вѣчное холопство. Если она умретъ во время этой работы жениха, то онъ получаетъ сестру ея, а при неимѣніи послѣдней, отецъ покойницы доставляетъ ему возможность пріобрѣсть жену изъ другого семейства. Эта кабала жениха до сихъ поръ существуетъ и въ Азіи, и въ Африкѣ, и въ Америкѣ и Полинезіи и даже въ Европѣ, у русскихъ инородцевъ; была она и у древнихъ народовъ, напр., у скандинавовъ. Бываетъ даже такъ, что женихъ, не уплачивая за невѣсту ни гроша, поступаетъ къ ней въ домъ, дѣлается подчиненнымъ членомъ его, не имѣетъ никакихъ правъ на своихъ дѣтей, словомъ, остается въ вѣчномъ рабствѣ своей жены и ея семейства. Таковъ напр., у малайцевъ бракъ, носящій названіе ambilanak.

Бракъ въ формѣ купли-продажи есть торговая сдѣлка двухъ семействъ слѣдовательно о желаніи и наклонностяхъ невѣсты тутъ не можетъ быть

и рѣчи; оно такъ и есть въ позднѣйшемъ періодѣ, когда право и религія санкціонируютъ и упрочиваютъ первобытныя семейныя отношенія, налагая на нихъ печать опредѣленности и неподвижности. Но пока народъ не сложился въ государство, семейныя отношенія не имѣютъ еще той силы и непоколебимой прочности, какую они пріобрѣтаютъ впослѣдствіи; женщина борется, протестуетъ противъ своей пассивной роли при заключеніи брака и стремится придать этому союзу характеръ свободнаго договора двухъ лицъ, а не семей. О неграхъ Вайцъ говоритъ, что у нихъ продаваемыя невѣсты нерѣдко оказываютъ рѣшительное сопротивленіе волѣ своихъ родителей, и если не легко встрѣтить у нихъ сильную романтическую любовь, то, во всякомъ случаѣ, можно видѣть примѣры замѣчательнаго постоянства любовниковъ при неблагопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ и разительнаго самопожертвованія, едва понятныхъ при господствующемъ между ними воззрѣніи на женщину. У американскихъ индѣйцевъ несчастный любовникъ нерѣдко стрѣляется, а дѣвушки, которыя не могутъ выйти за любимаго человѣка, вѣшаются или топятся. И не одна любовь можетъ довести дѣвушку до такого сопротивленія волѣ родителей, а также и извѣстныя дурныя свойства жениха, напр., его злой характеръ. Вслѣдствіе такой оппозиціи невѣсты, у очень многихъ первобытныхъ народовъ входитъ въ обычай, при заключеніи брака, сообразоваться съ желаніями и наклонностями невѣсты. Такъ дѣлаютъ напр., якуты, башкиры и нѣкоторые другіе инородцы алтайской расы. У многихъ арабовъ родители начинаютъ торгъ съ женихомъ не иначе, какъ справившись предварительно съ волею невѣсты. У горцевъ Китая, мяо-тзе, и корейцевъ молодые люди также часто заключаютъ браки по своимъ наклонностямъ. У алофовъ хотя согласіе невѣсты и не необходимо для заключенія брака, но она всегда можетъ воспротивиться родителямъ, желающимъ выдать ее за извѣстнаго человѣка, только за это она лишается права выходить замужъ за кого-бы то ни было. У нѣкоторыхъ народовъ женщины успѣли даже превратить продажу невѣсты родителями въ самопродажу ея. «Бракъ въ Марокко—говоритъ одинъ туристъ — есть чисто торговая сдѣлка; рынокъ для брачныхъ сдѣлокъ въ горахъ и равнинахъ, у мавровъ, арабовъ и берберовъ, открывается ежегодно въ опредѣленныхъ для того мѣстахъ, и женщины здѣсь беззастѣнчиво торгуютъ сами собой. Въ случаѣ соглашенія обѣихъ сторонъ испрашивается согласіе родителей дѣвицы, всѣ идутъ къ кадію и тамъ заключается брачный договоръ». Изъ легендъ и сагъ разныхъ народовъ мы также видимъ, что въ древности, при господствѣ покупной формы брака, часто не только не спрашивалось согласіе невѣсты, но даже ей предоставлялся вполнѣ свободный выборъ жениха и родители потомъ уже получали отъ него плату за дочь. Въ древней финской легендѣ, напр., солнце, мѣсяцъ и звѣзды сватаютъ за своихъ сыновей прекрасную дѣву Киликки. Невѣста отвѣчаетъ: «не хочу я идти къ мѣсяцу, потому что его лицо постоянно измѣняется: то кажется узкимъ, то полнымъ и

широкимъ. Ночью онъ въ движеніи, а днемъ отдыхаетъ, поэтому его хозяйство неустроено. Не хочу я идти къ солнцу, потому что оно походитъ на злого человѣка,—лѣтомъ мучитъ зноемъ, зимой же—холодомъ». Благопріятный отвѣтъ получаетъ только звѣзда: «охотно пойду я къ звѣздѣ, потому что она добра, постоянно дома и прекрасна въ своемъ отечествѣ, на плечахъ Большой Медвѣдицы, на спинѣ Семизвѣздія». Конечно, такая свобода дѣвушки въ дѣлѣ заключеніи брака не можетъ считаться исключительно господствующимъ обычаемъ даже у тѣхъ натуральныхъ народовъ, которые болѣе всего славятся ею, какъ напр., каффры. Въ жизни первично-патріархальнаго общества, или, лучше сказать, семейства, взаимныя отношенія лицъ не возведены еще на степень юридически-опредѣленныхъ началъ, они еще не установились окончательно и подвергаются частымъ измѣненіямъ и нарушеніямъ со стороны заинтересованныхъ ими лицъ. Не принципъ кровнаго родства, не права отеческой власти, не чувство патріархальной покорности лежатъ въ основаніи первобытнаго семейнаго союза, а одно только право силы. Женихъ силою добываетъ себѣ невѣсту, силою удерживаетъ ее у себя; родители силою продаютъ свою дочь и т. д. Естественно, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ дѣвушка противодѣйствуетъ силѣ, и въ однихъ случаяхъ, благодаря обстоятельствамъ или хорошимъ помощникамъ, она беретъ верхъ, въ другихъ — падаетъ жертвою насилія. И чѣмъ дальше развивается патріархальное общество, чѣмъ болѣе принципы архаической семьи находятъ себѣ поддержку въ представителяхъ другихъ соединенныхъ съ нею семействъ, въ религіи и правѣ, тѣмъ болѣе порабощается женщина. Въ первобытной жизни, если она и подчиняется, то грубому насилію; въ болѣе развитомъ обществѣ это насиліе превращается въ право, а покорность ему—въ юридическую обязанность. Но и въ эту эпоху, когда стремленія женщины къ самостоятельности еще довольно сильны и не всегда уступаютъ дѣйствію враждебныхъ ей началъ, можно уже видѣть начатки будущаго торжества послѣднихъ. Женихъ сильнѣе невѣсты и потому онъ обращаетъ ее въ рабство путемъ насильственнаго захвата или покупки; родители сильнѣе дочери, потому имъ удается наконецъ заставить ее безпрекословно повиноваться своей волѣ. «Волкъ, бери свою овцу», говоритъ мордвинъ, передавая свою дочь купившему ее жениху, и этою фразою отлично характеризуется и роль невѣсты и роль жениха и невѣстиныхъ родителей. Даже въ томъ случаѣ, когда дѣвушка успѣетъ взять перевѣсъ надъ разсчетомъ и самовластіемъ родителей, когда она вступаетъ въ бракъ по собственному желанію, то ея отношенія къ мужу мало-по-малу принимаютъ характеръ рабства; и въ бракѣ женщина ведетъ борьбу съ мужчиной, но ея энергія постепенно падаетъ, а сама она превращается въ невольницу своего повелителя, превосходящаго ее физическою силою и имѣющаго вѣрныхъ пособниковъ въ членахъ своего семейства, которое всегда недружелюбно относится къ его женѣ, похищенной, или купленной у чужого, а слѣдовательно, враждебнаго имъ, во вся-

комъ случаѣ, ненавистнаго семейства. По мѣрѣ того, какъ развивается обычай покупки женъ, властительскія права мужей болѣе и болѣе укрѣпляются и находятъ поддержку во всѣхъ членахъ семейства, которое потратилось на покупку невѣсты. Мужъ, сознавая свое право собственности на жену, требуетъ отъ нея безпрекословнаго повиновенія и старается, чтобы она вернула ему, посредствомъ своего труда, заплаченную за нее сумму. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ женщины пользуются довольно значительной свободой, но гдѣ рядомъ со свободнымъ бракомъ существуетъ заключеніе брака посредствомъ покупки невѣсты, положеніе женщинъ въ послѣднемъ самое жалкое. Коль скоро фактъ порабощенія женщины начинаетъ считаться правомъ, то онъ находитъ себѣ поддержку и защиту во всѣхъ лицахъ, имѣющихъ вліяніе на дѣла общества, въ отцахъ семей, родоначальникахъ, жрецахъ и т. д. Съ развитіемъ народной религіи, въ особенности же сословія жрецовъ, бракъ получаетъ также и религіозное освященіе. У большинства первобытныхъ народовъ оно состоитъ въ жертвахъ и въ молитвѣ богамъ о дарованіи супругамъ чадородія и богатства; но даже у совершенно дикихъ племенъ мы находимъ стремленіе принаровить религіозно-брачный обрядъ къ поддержанію правъ мужа и обязанностей жены. У многихъ негритянскихъ народовъ бракъ заключается передъ лицомъ, которое слыветъ священнымъ фетишемъ, чтобы жена, изъ страха его мести, оставалась покорною и вѣрною своему мужу. Конечно, и эти права и эти религіозные обряды не вовсе обезоруживаютъ женщину и не окончательно превращаютъ ее въ тупую, безотвѣтную рабыню; но дѣло въ томъ, что они служатъ сильнымъ нравственнымъ орудіемъ для интересовъ мужа, между тѣмъ какъ интересы жены не имѣютъ никакой подобной защиты.

Сдѣлавшись предметомъ если не дружелюбныхъ, то, во всякомъ разѣ, мирныхъ торговыхъ отношеній, браки стали сопровождаться пирами, весельемъ и замиреніемъ враговъ. Свадьбы служатъ однимъ изъ самыхъ частыхъ проявленій древняго общежитія. Но какъ сходившіеся на нихъ люди были сначала недовѣрчивы, подозрительны, осторожны — видно изъ многихъ частностей русскихъ свадебныхъ обычаевъ: вездѣ видна боязнь волшебныхъ чаръ, порчи, нападеній; всюду выкупъ и плата за каждое дѣйствіе. Свадьба стоитъ большихъ издержекъ, и поэтому въ древности у многихъ народовъ сходившіеся на нее семьи и роды приносили съ собою свою долю и пировали на складчину. У зажиточныхъ же племенъ, напр., у древнихъ скандинавовъ, отецъ невѣсты, женихъ и ихъ родственники соревновали между собою въ щедрости и обыкновенно долго спорили, въ чьемъ домѣ и на чей счетъ праздновать свадьбу, и каждаго изъ нихъ самолюбіе заставляло присвоивать исключительно себѣ честь издержекъ на брачное пиршество.

И любовь къ выдаваемой замужъ дочери и желаніе обезпечить ее, а главнымъ образомъ самолюбіе родителей рождаютъ обычай награждать

невѣсту приданымъ. Мало-по-малу продажа дочери становится въ общественномъ мнѣніи дѣломъ нехорошимъ и постыднымъ, не потому однако, чтобы ее считали безнравственнымъ поступкомъ, а потому, что она служитъ доказательствотъ бѣдности родителей или заставляетъ подозрѣвать ихъ въ корыстолюбіи. Въ Индустанѣ племя раджъ-кумаръ съ издавна избиваетъ большую часть своихъ дочерей, не имѣя возможности доставлять имъ приданаго, а безприданность невѣсты и позоритъ ее родителей и отталкиваетъ отъ нея жениховъ. Обычай приданаго окончательно развивается только при дальнѣйшихъ успѣхахъ народа въ цивилизаціи, но зачатки его можно видѣть и у многихъ дикихъ народовъ, напр., у каффровъ, туркменовъ и т. д. Приданое ведетъ къ нерасторжимости брака, такъ какъ мужъ, въ случаѣ даннаго имъ женѣ развода, обязанъ возвратить и все приданое. Это значеніе приданаго превосходно выражается однимъ обычаемъ тингіанъ, туземцевъ Филиппинскихъ островов. Женихъ и невѣста въ день совершенія брака приносятъ съ собою извѣстное количество фарфоровой посуды, стеклянныхъ вещей, коралловыхъ ожерелій и золотого порошка. Женихъ отдаетъ принесенное имъ родителямъ невѣсты, а невѣста родителямъ жениха. По словамъ самихъ дикарей, этотъ обычай введенъ для воспрепятствованія развода, для совершенія котораго необходимо, чтобы родители того изъ супруговъ, который требуетъ развода, возвратили въ совершенной цѣлости всѣ полученныя ими вещи, что, при ломкости послѣднихъ, особенно въ дикой жизни, сдѣлать чрезвычайно трудно. Приданое много улучшаетъ положеніе женщины; жена съ приданымъ чувствуетъ себя и держитъ гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ жена, купленная или похищенная, какъ рабыня. Кромѣ того, если родители продаютъ дѣвушку, то тѣмъ самымъ отказываются отъ всѣхъ правъ на нее и не могутъ защищать ее отъ самодурства и притѣсненій мужа, но если они даютъ ей приданое, то пріобрѣтаютъ нравственное право не только на благодарность и почтеніе зятя, но и на извѣстное вмѣшательство въ его отношенія къ ихъ дочери.

У дикарей и жителей мало развитыхъ странъ количество женъ зависитъ отъ степени достаточности мужа и каждый имѣетъ ихъ столько, сколько можетъ содержать. Нѣкоторые приписываютъ полигамію вліянію климата на половые инстинкты; но мы сплошь и рядомъ видимъ, что изъ разныхъ народовъ, живущихъ въ одномъ климатѣ, у однихъ господствуетъ моногамія, у другихъ полигамія, что нѣкоторыя жители холоднаго климата живутъ въ многоженствѣ, между тѣмъ какъ обитатели многихъ странъ теплыхъ держатся моногаміи. Климатъ имѣетъ на полигамію едва ли не одно только посредственное вліяніе: чѣмъ благорастворённѣе онъ, тѣмъ обильнѣе и дешевле съѣстные припасы, тѣмъ больше женъ, въ случаѣ надобности, можетъ содержать человѣкъ. Поэтому-то полигамія гораздо сильнѣе развита у дикарей юга, чѣмъ у жителей холоднаго сѣвера. Полигамія возрастаетъ по мѣрѣ культурнаго развитія народа, по мѣрѣ

возникновенія у него разнообразной промышленности, особенно земледѣлія и торговли. И это не потому только, что промышленность доставляетъ средства содержать многихъ женъ, но главнымъ образомъ потому, что она требуетъ много рабочихъ силъ, которыми и служатъ женщины. Полигамія служитъ основою экономической жизни многихъ дикарей. Взрослый мужчина, добывшій средства, необходимыя для содержанія нѣсколькихъ женъ, перестаетъ работать, и развѣ только немного занимается скотоводствомъ, грабежомъ, воровствомъ или охотою. Всѣ труды лежатъ на женщинахъ. И вездѣ эта первобытная полигамія имѣетъ тотъ же характеръ, вездѣ является она институціей существенно-аристократической: мужъ—праздный плантаторъ, жены—рабыни, изнуряемыя трудомъ и производящія богатство для своего повелителя. Обезпеченная, праздная жизнь усиливаетъ наклонности къ сладострастію и тщеславію, женщины дѣлаются предметами чувственнаго наслажденія, комфорта и роскоши. И въ то время, какъ бѣдняки довольствуются одной женой, люди зажиточные и сильные стараются завести ихъ какъ можно больше. Извѣстность дикаря зависитъ отъ количества его женъ и скота. Съ развитіемъ высшихъ классовъ, полигамія усиливается; они заводятъ цѣлыя толпы женъ и наложницъ, купленныхъ ими или захваченныхъ на войнѣ. У полудикаго короля ашантіевъ, напр., считается постоянно 333 жены; у одного незначительнаго индустанскаго князька было нѣсколько сотъ женъ, нѣкоторые зажиточные богосы, ландамасы иноласы имѣютъ по двѣсти женъ и по нѣскольку сотъ наложницъ. Но такая многочисленность женъ у дикихъ народовъ является въ видѣ исключенія, и князьки, родоначальники и богачи могутъ содержать лишь по нѣскольку женъ, на островахъ Южнаго океана, напр., бѣдность заставляетъ большинство дикарей жить въ моногаміи, а короли имѣютъ женъ по пяти, десяти, пятьнадцати, но не больше. Масса же народа живетъ по бѣдности въ моногаміи, хотя, достигнувъ извѣстной степени культурнаго развитія, и начинаетъ чувствовать сильную наклонность къ многоженству. Вслѣдствіе климатическихъ вліяній, раннихъ браковъ, разнообразныхъ лишеній и изнурительнаго труда, первобытная женщина отцвѣтаетъ очень рано; въ жаркомъ климатѣ она въ 30, даже въ 25 лѣтъ дѣлается старухой. неспособною для работы, негодною для дѣторожденія. Кромѣ того, беременность и кормленіе дѣтей грудью отнимаетъ у женщины отъ 2 до 3 лѣтъ и многіе дикари во все это время не имѣютъ съ своими женами супружескаго сожитія. При такихъ обстоятельствахъ, полигамія становится необходимостью, но бѣдность мѣшаетъ большинству удовлетворять этой необходимости, вслѣдствіе чего полигамія и принимаетъ особенную форму, очень распространенную и между дикарями, и между бѣдными жителями культурныхъ земель Востока. Когда жена надоѣстъ мужу или окажется негодною для работы и дѣторожденія, онъ прогоняетъ ее и беретъ другую, дѣлая это такъ часто, что въ теченіе жизни у него иногда перебываетъ до полсотни женъ. Такая полигамія очень сильна у

многихъ африканцевъ, индѣйцевъ Америки, калмыковъ и т. д. У многихъ племенъ, поэтому, бракъ заключается только на опредѣленный, часто очень короткій срокъ, — у нѣкоторыхъ арабовъ на три дни, у цейлонцевъ бракъ deega на двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ онъ или расторгается, или же возобновляется на столько же времени; на андаманскихъ островахъ супруги живутъ другъ съ другомъ только до рожденія перваго ребенка.

III.

Въ первобытной жизни семья служитъ единственною формою общественнаго союза. Она совершенно необходима человѣку не только для брачныхъ и семейныхъ радостей, но также для защиты отъ враговъ, для хозяйства, для экономической самостоятельности. Поэтому въ первичную эпоху неженатые люди чрезвычайно рѣдки и бракъ считается настоятельною необходимостью не только для земной жизни, но и для загробной, въ которой холостяки принуждены вести такое же безпомощное, жалкое и безпріютное существованіе, какъ и на землѣ. На этомъ основаніи у дикихъ и патріархальныхъ народовъ возникаетъ бракъ живыхъ съ мертвыми: холостяка-покойника вѣнчаютъ съ живой женщиной, которая съ этого времени считается его вдовой, а послѣ своей смерти соединится съ своимъ мужемъ «въ мѣстѣ злачнѣ». Точно также съ умершей дѣвушкой вѣнчаютъ мужчину. Этотъ обычай былъ, напр., у древнихъ персовъ. Арабскій писатель Массуди говоритъ, что если у славянъ мужчина умиралъ холостымъ, то его женили послѣ смерти, и женщины охотно обрекали себя на сожженіе, чтобы войти въ рай съ душою мужчины. Малороссы до сихъ поръ вѣрятъ, что умирающимъ холостыми нѣтъ мѣста на томъ свѣтѣ, и поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи похороны паробковъ и особенно дѣвушекъ напоминаютъ свадьбу. По смерти дѣвушки для нея на тотъ свѣтъ назначается женихъ, который провожаетъ покойницу до могилы и считается затѣмъ въ ея семействѣ. Въ послѣднее время первобытный бракъ живыхъ съ покойниками былъ возстановленъ мормонами, этими эклектиками нелѣпыхъ суевѣрій всѣхъ странъ и народовъ.

Пріобрѣтеніе жены первичный человѣкъ считаетъ первостепенною необходимостью, потому, во-первыхъ, что безъ нея онъ вовсе не можетъ вести своего хозяйства и достаточно удовлетворять самымъ обыкновеннымъ житейскимъ потребностямъ. Жена—прежде всего работница и слуга своего мужа; на ея долю выпадаютъ самыя тяжелыя и, въ тоже время, самыя полезныя для развитія культуры занятія. Поэтому, при выборѣ невѣсты, главнѣйшее вниманіе обращается на ея силу и способность къ работѣ. Бечуаны, желая узнать, терпѣлива ли невѣста и годится ли для тяжелой работы, кладутъ ей въ руку до-бѣла раскаленное желѣзо и приказываютъ держать его до тѣхъ поръ, пока не разрѣшатъ отъ него осво-

бодиться. Если дѣвица выдержала эту пытку, то ее признаютъ годною для супружества. Индѣецъ воюетъ и охотится, а жена его обработываетъ поле, приготовляетъ пищу, носитъ дрова и убитую мужемъ дичь, строитъ лѣтнія и зимнія хижины, дублитъ кожи, дѣлаетъ изъ нихъ платье и обувь для всего семейства и т. д. У народовъ пастушескихъ на женщинъ падаетъ множество трудовъ по скотоводству, — пастьба стадъ, доенье и приготовленіе разныхъ видовъ молочной пищи, уходъ за новорожденными животными, стрижка овецъ и т. д. И чѣмъ сложнѣе промышленность народа, тѣмъ хуже положеніе женщины. Особенно тяжко отзывается на ней развитіе земледѣлія и тѣсно соединенной съ нимъ осѣдлой жизни. Земледѣліе считалось долго занятіемъ недостойнымъ мужчины и поэтому взваливается исключительно на женщинъ, вмѣстѣ съ постройкой осѣдлыхъ жилищъ, приготовленіемъ посуды и другимъ хозяйственными работами. Такъ ведутся дѣла у всѣхъ почти первобытныхъ народовъ, напримѣръ въ Африкѣ и Америкѣ. Мужья охотятся, занимаются какимъ нибудь легкимъ дѣломъ или просто только жрутъ да лежатъ, а женщины изнываютъ подъ тяжестью трудовъ земледѣлія, скотоводства и домашняго хозяйства. Иногда переходъ отъ кочевой и охотничьей жизни къ осѣдлой и земледѣльческой бываетъ для женщинъ столь убійственнымъ, что черезъ нихъ онъ губительно дѣйствуетъ и на жизнь всего народа. Д-ръ Тирселенъ говоритъ, что всѣ народы Полинезіи носятъ въ себѣ зародышъ будущаго разрушенія, которое зависитъ отъ жалкаго положенія у нихъ женщины. Когда мужчина былъ постоянно вооруженъ, постоянно готовъ къ нападенію или къ защитѣ, женщина должна была ухаживать за дѣтьми и приготовлять пищу, которую она отыскивала въ водѣ или въ лѣсу. Теперь мужчины не воюютъ, а женщины трудятся болѣе, чѣмъ когда нибудь. Прежде онѣ собирали папоротникъ, теперь же таскаютъ картофель, но сперва должны посадить его, обкопать и выполоть, потомъ выкопать и убрать въ амбары; каждый день носятъ онѣ его въ хижину и угощаютъ своихъ могущественныхъ господъ, которые ничего не дѣлаютъ, кромѣ присмотра за скотомъ, да иногда ловли угрей и маленькихъ китовъ, попадающихъ въ заливъ.

Другая практическая цѣль брака есть дѣторожденіе; женщина берется въ семейство не только какъ рабочее животное, но и для приплода, для рожденія другихъ рабочихъ животныхъ. И женщина въ патріархальной жизни цѣнится, главнымъ образомъ, за свою физическую силу и за способность размноженія. Степень первой узнать легко, степень второй узнается посредствомъ пробныхъ и временныхъ браковъ или просто внѣбрачной связи, устрояемой въ видѣ опыта. Если дѣвушка забеременѣетъ, то мужчина оставляетъ ее своею женою, если же она оказывается безплодною или неподходящею къ его вкусу, то онъ расходится съ нею. Такія пробныя связи были, напримѣръ, у нѣкоторыхъ племенъ, входившихъ въ составъ древней Мехики, а въ настоящее время онѣ въ ходу у

негровъ и многихъ другихъ народовъ. Случается даже нерѣдко, что мужчина тѣмъ болѣе цѣнитъ дѣвушку, чѣмъ больше у нея любовниковъ и чѣмъ чаще она родитъ дѣтей отъ нихъ. Бездѣтная женщина принуждена терпѣть горькую участь, мужъ прогоняетъ ее на всѣ четыре стороны, презираетъ ее, никто никогда не захочетъ взять ее замужъ и она принуждена бываетъ или умереть съ голоду, или идти къ кому нибудь въ рабскую работу. Для дикаго охотника, для патріархальнаго скотовода или земледѣльца, для цивилизованнаго оріентала — для всѣхъ ихъ чадородіе служитъ знакомъ небеснаго благоволенія, а безплодіе — проклятіемъ. Кто будетъ работать на семейство, кто будетъ кормить и защищать родителей во время ихъ старости, кто будетъ приносить за нихъ искупительныя жертвы послѣ ихъ смерти, если у нихъ не будетъ дѣтей? Желаніе имѣть дѣтей, доходящее у этихъ народовъ до маніи, нельзя объяснять одною только потребностью въ потомствѣ, и одну изъ не послѣднихъ причинъ его нужно искать въ слабой способности первобытной женщины къ дѣторожденію, вслѣдствіе изнуренности ея работами, дурной обстановки и т. д. У индѣйцевъ сѣверной Америки въ 1843 г. каждая женщина имѣла среднимъ числомъ одного ребенка. Въ Бразиліи индіянка рѣдко родитъ больше 4 ребятъ, а вообще въ южной Америкѣ, нелишенная способности чадородія женщина имѣетъ только 2 или 3 дѣтей. У лапландцевъ, тунгусовъ, арабовъ — трое, четверо, пятеро дѣтей считаются уже весьма многочисленнымъ потомствомъ. У многихъ африканскихъ племенъ — тоже самое. Правда, что и въ дикой жизни можно встрѣчать примѣры замѣчательнаго чадородія, но это исключеніе. Одно рожденіе ребенка еще не обезпечиваетъ семейства,—оно каждую минуту можетъ лишиться его. Дѣти во множествѣ погибаютъ отъ болѣзней, дикихъ звѣрей, воруются непріятелями, тонутъ, убиваются матерями и т. д. Однимъ изъ главныхъ средствъ для избѣжанія несчастія бездѣтности служитъ левиратный бракъ, о которомъ мы уже говорили, объясняя связь его съ поліандріей, и который существуетъ или существовалъ въ Индустанѣ, Палестинѣ, Египтѣ, у арабовъ, калмыковъ, негровъ, индѣйцевъ, амурскихъ и уссурійскихъ гольдовъ и т. д. На этомъ же основаніи возникаютъ и другія формы усыновленія чужихъ дѣтей.

Итакъ, въ патріархальной жизни, женщина цѣнится только какъ работница и чадородная самка; бракъ, поэтому, является не результатомъ любви, а дѣломъ простого хозяйственнаго разсчета. О любви, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, здѣсь нѣтъ и рѣчи. Многіе изъ дикихъ народовъ отличаются слабостью половой страсти, какъ напримѣръ, старинные германцы. Холодность современныхъ дикарей въ дѣлахъ любви свидѣтельствуется многими путешественниками; Брюсъ былъ пораженъ ею у шангаласовъ, Левальенъ у готтентотовъ. Ирокезы говорятъ, что сношенія съ женщинами ослабляютъ ихъ силы и храбрость, а потому они должны пользоваться ими умѣренно. Но не это сознаніе въ сущности

удерживаетъ дикаря отъ половыхъ излишествъ, а слабость возбужденія, происходящая отъ дѣятельной его жизни и отъ незначительности половыхъ различій. Другіе дикари, подъ вліяніемъ международныхъ сношеній и развратныхъ иностранцевъ, развращены до крайней степени, у нихъ можно встрѣтить на каждомъ шагу развратные танцы и самый неудержимый цинизмъ. Въ томъ и другомъ случаѣ мужчина ничего не чувствуетъ къ женщинѣ, кромѣ физическаго вожделѣнія, неосложняемаго ничѣмъ въ родѣ увлеченій нѣжностью сердца, музыкой рѣчей, даже красотой лица. Подобныхъ увлеченій въ первобытной жизни нѣтъ и быть не можетъ, потому что, вслѣдствіе, одинаковой жизненной обстановки, женщина мало чѣмъ отличается тогда отъ мужчины. Половыя отличія развиваются только съ цивилизаціей, а въ первичныя эпохи народной жизни мужчины и женщины не только занимаются однѣми и тѣми же работами, не только носятъ платье, почти одинаковое для обоихъ половъ, но и весьма мало отличаются другъ отъ друга своими тѣлесными и психическими свойствами. У дикарей, даже у простонародья цивилизованныхъ странъ, голова мужчины и женщины имѣетъ почти одну и ту же физіономію; рѣзкихъ различій въ объемахъ и ростѣ тѣла, въ физической силѣ и смѣлости, въ тонѣ голоса, въ манерахъ и житейскихъ привычкахъ также вовсе нѣтъ. Непривычный наблюдатель сразу ни за что не отличитъ какую нибудь самоѣдку или патагонку отъ самоѣда или патагонца; конечно, глазъ, привыкшій къ такимъ физіономіямъ и формамъ тѣла, уловляетъ въ нихъ начатки половыхъ отличій, но послѣднія замѣтны только у людей нестарыхъ, старики же и старухи походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Женщина у совершенно дикихъ народовъ даже безобразнѣе мужчины, такъ какъ ея организмъ подвергается и разрушительному вліянію самыхъ тяжкихъ работъ и болѣзнямъ, которыя выпали на долю одному только женскому полу, и наконецъ варварскому обхожденію со стороны мужа. Романтической любви, которая, какъ увидимъ ниже, возникаетъ только съ полнымъ развитіемъ половыхъ противоположностей, — романтической любви при такихъ условіяхъ быть не можетъ и нѣтъ ея. Оба пола довольствуются удовлетвореніемъ одного только грубаго животнаго инстинкта и любовь ограничивается чувственнымъ опьяненіемъ. Но и это чувственное опьяненіе возникаетъ только на извѣстной степени развитія народа; чистый же дикарь цѣнитъ въ женщинѣ только силу, усердіе къ работѣ, плодовитость и приданое, не обращая никакого вниманія на ея красоту и нравственныя достоинства. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ къ женщинѣ мужчина или вовсе не ревнуетъ ее, а если и ревнуетъ, то меньше и иначе, чѣмъ это бываетъ въ цивилизованной жизни. Поліандрическая слабость ревности долго еще остается замѣтною и послѣ паденія поліандріи. Женщины вѣдь не убудетъ, если она въ связи съ чужимъ мужчиною; такая связь, напротивъ, можетъ принести пользу ея мужу или въ видѣ ребятъ, рожденныхъ его женою

отъ любовника, или въ видѣ какихъ нибудь цѣнностей, полученныхъ ею отъ послѣдняго. И мужья сплошь и рядомъ не только сквозь пальцы смотрятъ на любовныя шашни своихъ супружницъ, но даже сами поощряютъ ихъ къ тому; у многихъ дикарей домашняя проституція развита очень сильно. И не-мало есть племенъ, у которыхъ ни мужчины, ни женщины почти не ревнуютъ другъ друга. Ревность возможна только тамъ, гдѣ мужчина имѣетъ законное чувство собственности относительно своей жены. Но въ началѣ патріархальнаго періода женщина еще не побѣждена окончательно, еще не снизошла на степень законной принадлежности мужчины. Она пользуется здѣсь значительною свободой и можетъ отстаивать ее посредствомъ силы, которой она еще не лишилась вслѣдствіе изнѣженности, и посредствомъ оружія, которымъ она владѣетъ наравнѣ съ мужчиной. Мы уже указывали выше на воинственные образы Брунегильды, амазонокъ, нашихъ былинныхъ паленицъ; и исторія доказываетъ, что такая воинственность, сила и отвага принадлежала нѣкогда всѣмъ дикимъ женщинамъ. Религія германцевъ была религіей войны, богъ и изобрѣтатель которой, Вуотанъ, окруженъ дѣвами смерти, валькиріями, любящими запахъ труповъ и стоны раненыхъ; наканунѣ большихъ битвъ, онѣ, съ воинственными пѣснями, дѣлаютъ ткань изъ человѣческихъ кишекъ, вмѣсто челнока имъ служатъ стрѣлы и кровь ручьями льется на ихъ станокъ. День битвы — праздникъ для нихъ; онѣ выбираютъ себѣ жертвы между воинами и переносятъ ихъ въ чертоги Вуотана. Когда послѣ разбитія тевтоновъ при Э, римляне проникли въ ихъ лагерь, то на встрѣчу имъ вышли тевтонскія женщины съ мечами и сѣкирами и при бѣшеныхъ крикахъ погнали назадъ бѣгущихъ тевтоновъ вмѣстѣ съ ихъ преслѣдователями,—первыхъ, какъ измѣнниковъ, вторыхъ, какъ враговъ: нападая на римлянъ, онѣ вырывали ихъ щиты, хватались за острія мечей и дрались до тѣхъ поръ, пока не падали тяжко ранеными и изрубленными въ куски. Въ лагерѣ кимвровъ были сѣдовласыя, одѣтыя въ бѣлое предсказательницы, которыя, подходя съ мечомъ въ рукѣ къ плѣнникамъ, вѣнчали ихъ и вели къ большому желѣзному котлу, перерѣзывали имъ горло и по крови, текшей въ котелъ, предсказывали будущее. Когда при Верцелле кимвры были на голову разбиты римлянами, то ихъ женщины предавали смерти своихъ бѣжавшихъ съ поля сраженія отцовъ, мужей, братьевъ и сыновей, а малютокъ онѣ давили, бросали подъ колеса телѣгъ или подъ копыта быковъ и лошадей. Наконецъ, не желая отдаваться живыми непріятелю, онѣ налагали руки на самихъ себя; одна изъ нихъ удавилась на дышлѣ фуры, повѣсивъ тутъ же и дѣтей своихъ. Въ войну римлянъ съ херусками, свевами и сигамбрами, женщины этихъ племенъ дрались до послѣдней возможности, и за неимѣніемъ оружія разбивали о-земь головы своихъ дѣтей, а трупами ихъ бросали въ лицо непріятелю. О воинственности женщинъ другихъ народовъ древности говоритъ намъ и мифологія, и саги объ амазонкахъ, основанныя, какъ мы уже говорили выше, на

исторической достовѣрности. Хотя амазонство относится преимущественно къ періоду поліандріи и гинейкократіи, но воинственность сохраняется женщиной еще долго послѣ паденія ея преобладанія надъ мужчиной, въ чемъ насъ убѣждаютъ и исторія и этнографическія извѣстія о современныхъ дикаряхъ. Во времена Геродота, напр., женщины савроматовъ ѣздили верхомъ, какъ мужчины, участвовали вмѣстѣ съ послѣдними въ охотахъ и выходили замужъ не прежде, какъ убивъ одного врага. Въ настоящее время подобныхъ женщинъ можно видѣть подъ всѣми широтами земного шара. Въ Дагомеѣ, гдѣ мужчины храбры въ высшей степени, отъ нихъ не отстаютъ въ этомъ отношеніи и женщины, изъ которыхъ состоитъ вся королевская гвардія, числомъ въ 5,000 человѣкъ. У курдовъ женщины храбры не менѣе мужчинъ и воспитаніе въ сыновьяхъ воинственнаго духа и предпріимчивости зависитъ, главнымъ образомъ, отъ матерей. Даже въ сонливомъ Китаѣ, при покореніи его манджурами, женщины не только участвовали съ такою же ревностью, какъ и мужчины, въ работахъ по сооруженію оборонительныхъ средствъ страны, но и оказывали примѣры замѣчательной храбрости. А у китайскихъ горцевъ мяо-тзе женщины ходятъ также вооруженными, какъ и мужчины. Одна изъ нихъ съ отчаянною храбростью защищала крѣпость противъ китайскихъ войскъ впродолженіи двухъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ былъ перебитъ почти весь гарнизонъ. Женщины этого племени пользуются большою свободой и полнымъ уваженіемъ мужчинъ. Не менѣе смѣлы и храбры женщины воинственныхъ племенъ Индіи, сражающіяся нерѣдко на ряду съ мужьями и участвующія въ походахъ верхомъ на лошадяхъ. Жены африканцевъ и индѣйцевъ Америки не только поощряютъ своихъ мужей во время битвъ, но и сами участвуютъ въ послѣднихъ, равно какъ и въ опасныхъ охотахъ на львовъ, леопардовъ и тигровъ. Исторія арабовъ также выставляетъ примѣры нетолько отдѣльныхъ воинокъ, но и цѣлыхъ военныхъ отрядовъ, составленныхъ исключительно изъ женщинъ. Такъ, въ войскахъ Каледа былъ цѣлый отрядъ вооруженныхъ всадницъ, оказавшихъ огромную услугу при побѣдѣ надъ византійскою арміей подъ Дамаскомъ, въ 633 г. У неразвитыхъ народовъ сила доставляетъ уваженіе, на силѣ основывается всякое право и поэтому, гдѣ женщина воинственна, тамъ она и болѣе уважается и имѣетъ болѣе правъ и свободы. Оружіе служило женщинамъ не только къ освобожденію отъ мужчинъ, но и къ покоренію ихъ. И въ патріархальной жизни, мужчина тогда только успѣваетъ окончательно поработить женщину, когда или лишитъ ее возможности быть воинственной и владѣть оружіемъ, или же когда весь народъ, а съ нимъ и женщины, бросивъ войну, обратится къ болѣе мирнымъ занятіямъ. До тѣхъ же поръ, благодаря своему оружію, храбрости и силѣ мускуловъ, женщина умѣетъ поддерживать свою независимость отъ супруга. И не имѣемъ ли мы права предположить, что эта борьба была упорна и повсемѣстна въ тѣ сѣдыя времена, о которыхъ вовсе нѣтъ

историческихъ свидѣтельствъ, въ тѣ времена, когда только-что начиналось порабощеніе женщинъ мужчинами? Въ періоды, доступные историческому наблюденію, сохраняются еще слѣды этой борьбы и первобытной женской свободы, даже преобладанія женщинъ надъ мужчинами, о чемъ мы привели уже много фактовъ какъ изъ древней, такъ и изъ современной жизни. Мы видѣли выше, что женщины, уже обращенныя въ рабство, пользовались обстоятельствами и силою свергали иго своихъ поработителей, даже оставаясь покоренными, онѣ постоянно прибѣгали къ той же силѣ для ослабленія упомянутаго ига. Еще Аристотель, съ обычною своею проницательностью, замѣтилъ, что у воинственныхъ народовъ женщины пользуются не только свободой, но и преобладаніемъ надъ мужчинами. Это зависитъ, какъ уже сказано, и отъ воинственности самихъ женщинъ и еще отъ того обстоятельства, что при частыхъ отлучкахъ въ походы и набѣги мужчинъ, всѣ заботы о хозяйствѣ и даже общественныхъ дѣлахъ племени остаются, главнымъ образомъ, на женщинахъ, развивая въ нихъ и чувство самостоятельности и содѣйствуя ихъ экономической независимости. Экономическая самостоятельность и нравственное преобладаніе женщины, знаменующія собою эпоху гинейкократіи, не только долго сохраняются въ патріархальной жизни, но, вмѣстѣ съ воинственностью женщины и уцѣлѣвшими отъ отцовскаго погрома остатками материнскаго права, долго еще поддерживаютъ важное значеніе женщины въ разныхъ сферахъ общественной жизни. Приведенные нами въ первой главѣ факты изъ жизни древнихъ и современныхъ дикарей и патріархаловъ вполнѣ подтверждаютъ это. Вмѣстѣ съ тѣмъ женщина у очень многихъ народовъ пользуется значительной половой свободой, какъ въ дѣвичествѣ, такъ и въ замужествѣ, какъ въ выборѣ себѣ мужа, такъ и въ разводѣ съ нимъ. О гаремномъ заточеніи женщинъ, объ обращеніи ихъ въ монопольное владѣніе мужей здѣсь нѣтъ и рѣчи. Оба пола нерѣдко сходятся другъ съ другомъ на общественныхъ собраніяхъ и ихъ взаимное обращеніе, по своей вольности, не только не уступаетъ, но даже превосходитъ поведеніе европейцевъ на шпицбалахъ и въ непотребныхъ домахъ; танцы многихъ дикарей до крайности сладострастны и циничны. Брачныя обязанности женщины, вслѣдствіе слабаго развитія ревности и непрочности семейной власти, рѣдко хранятся ею во всей ихъ строгости. У нѣкоторыхъ народовъ, напр., у мальгашей, островитянъ Южнаго океана, индѣйцевъ Америки, женщины свободно предаются своей половой страсти, мужья не ревнуютъ ихъ и смотрятъ на это сквозь пальцы. У другихъ народовъ легкое поведеніе жены заставляетъ мужа вооружаться противъ него не менѣе легкимъ образомъ. У виннебагцевъ въ Африкѣ мужъ беретъ только денежный штрафъ съ соблазнителя своей жены и отдаетъ ему послѣднюю въ супружество. Въ Гроссъ-Баламѣ невѣрный мужъ платитъ своей женѣ въ видѣ пени извѣстное количество золотого песку. Въ Мингреліи соблазнитель женщины платитъ ея мужу только двухъ свиней, которыхъ

они тотчасъ же съѣдаютъ или пропиваютъ въ пріятельской пирушкѣ вдвоемъ. Узы брака у многихъ дикихъ народовъ еще чрезвычайно слабы, а разводъ чрезвычайно легокъ, и это обстоятельство значительно поддерживаетъ свободу женщины. На Золотомъ Берегу, напр., если мужъ пренебрегаетъ женою или грубо обходится съ нею, то послѣдняя имѣетъ полное право оставить его навсегда; она можетъ бросить его даже и безъ этихъ побудительныхъ причинъ, но въ такомъ случаѣ обязана возвратить полученные ею отъ него подарки. Въ Сулиманѣ жена всегда можетъ расторгнуть бракъ, уплативши мужу сумму даннаго имъ ея родителямъ калыма. У каффровъ и въ земляхъ конго она можетъ бросить мужа, если онъ плохо кормитъ и одѣваетъ или же бьетъ ее. У американскихъ индѣйцевъ супруги могутъ всегда развестись, если того желаетъ одинъ изъ нихъ и если нѣтъ дѣтей. У бедуиновъ жена можетъ убѣжать къ своимъ родителямъ и если она, несмотря ни на какія убѣжденія своего супруга, не хочетъ вернуться къ нему, то онъ обязанъ дать ей разводное письмо. На островахъ южнаго океана, у яванцевъ, абиссинцевъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ жена также имѣетъ полную свободу продолжать свое сожительство съ мужемъ или же бросить его. У европейскихъ варваровъ расторженіе брака было также нетрудно. Понятно, что такая легкая расторжимость брака много облегчаетъ положеніе женщины и въ большинствѣ случаевъ желательна для нея, какъ средство избавиться отъ противнаго или жестокаго мужа и перейти въ другую, болѣе хорошую обстановку. Но сколько, съ одной стороны, женщина выигрываетъ отъ легкой расторжимости брака, столько же, съ другой, она и проигрываетъ. Если жена всегда имѣетъ возможность бросить мужа, то мужъ тѣмъ болѣе вправѣ вытолкать жену вонъ, когда ему вздумается. Такое изгнаніе женъ по самымъ незначительнымъ къ тому поводамъ совершается у дикарей сплошь и рядомъ, не сопровождаясь у однихъ никакими формальностями, у другихъ—имѣя опредѣленную форму, показывающую, что это самовластіе начинаетъ превращаться въ право. Друзы, напр., выгоняютъ своихъ женъ по самымъ незначительнымъ предлогамъ. Если жена проситъ у мужа позволенія сходить куда нибудь и онъ отвѣчаетъ ей: «иди», не прибавляя: «но возвращайся назадъ», то она разведена. У гренландцевъ этотъ произволъ мужа оформенъ болѣе деликатнымъ образомъ; недовольный своею женою супругъ, не вступая съ ней ни въ какія объясненія, бросаетъ свой шалашъ и не возвращается въ него до тѣхъ поръ, пока его не оставитъ жена. Въ совершенно дикой жизни положеніе прогнанной такимъ образомъ женщины ужасно; ей предстоитъ или умереть съ голода, или погибнуть отъ холода и дикихъ звѣрей, и она счастлива, если какая нибудь кочующая семья возьметъ ее въ рабство. Даже въ родовомъ бытѣ, когда люди начинаютъ уже жить не одиночными семействами, а болѣе или менѣе многочисленными родами, и когда прогнанной мужемъ женѣ не грозитъ погибель въ безлюдной пустынѣ, ея участь бываетъ часто не менѣе пла-

чевною, чѣмъ и въ первомъ случаѣ. Даромъ кормить ее никто не будетъ и ей все-таки придется идти въ рабство; на второе замужество ей разсчитывать трудно, если въ странѣ много женщинъ, потому что она считается товаромъ забракованнымъ и женихи естественно смотрятъ на нее подозрительно; къ тому же, она не дѣвушка. Правда, что во многихъ полудикихъ странахъ, особенно въ странахъ, ведущихъ дѣятельныя сношенія съ другими землями, такія женщины вмѣстѣ со вдовами и сиротами находятъ себѣ занятіе,—дѣлаются торговками, проститутками, поступаютъ въ услуженіе къ путешественникамъ, уѣзжаютъ съ ними и т. д. Но въ большинствѣ случаевъ прогнанная мужемъ жена идетъ къ своимъ родителямъ, которые всегда будутъ тяготиться ея прокормленіемъ, если только не видятъ возможности выгодно продать ее въ бракъ во второй разъ. Родителямъ непріятенъ разводъ ихъ дочери и естественно, что они болѣе всего претендуютъ на мужа ея, который мало того, что повергаетъ ихъ такимъ образомъ въ экономическое затрудненіе, но еще и оскорбляетъ ихъ чувство семейной чести. Поэтому изгнаніе жены мужемъ всегда ведетъ къ ссорамъ и нерѣдко къ войнамъ между родомъ прогнанной жены и родомъ ея мужа. Борьба эта въ результатѣ приводитъ къ тому, что власть мужа изгонять жену ограничивается извѣстными условіями и употребляется только въ случаѣ непокорности, невѣрности, безплодія жены и т. д., хотя отсутствіе государственныхъ порядковъ, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ этомъ, даетъ возможность часто нарушать упомянутыя ограниченія, выработавшіяся въ борьбѣ мужниныхъ и жениныхъ интересовъ. Вмѣстѣ съ усиліями родителей женъ сдѣлать брачныя узы болѣе прочными, тому же содѣйствуютъ и усилія мужей, желающихъ водвориться единодержавцами въ своихъ жилищахъ и привести въ безусловную покорность всѣхъ своихъ домочадцевъ. Утвержденіе мужнинаго единовластія и признаніе его авторитета является только результатомъ продолжительной и ожесточенной борьбы между нимъ и женою. Женщина борется съ мужчиной за свободу своей личности, и эта борьба сопровождается ссорами, драками, рѣзнею, убійствами,—казусами, которые въ дикой жизни случаются гораздо чаще, чѣмъ въ цивилизованной, гдѣ семейство пріобрѣтаетъ уже характеръ священной институціи и въ немъ съ покорностью стушевываются личности его членовъ. У нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ, напр., у крусовъ и конго, супруги ведутъ такую враждебную жизнь между собой, что смерть одного изъ нихъ непремѣнно заставляетъ оставшагося живымъ оправдываться и очищаться посредствомъ божьяго суда отъ подозрѣній въ умерщвленіи! Изъ 60 женъ одного умершаго королевича, 31 умерла отъ яда, выпитаго при такой очистительной присягѣ на ордаліи. Въ древнемъ Индустанѣ жены сплошь и рядомъ умерщвляли своихъ мужей, выведенныя изъ терпѣнія ихъ деспотизмомъ. Послѣ неуспѣшныхъ попытокъ остановить эти мужеубійства посредствомъ жестокихъ наказаній, брамины ввели наконецъ вдовосожженіе. У галловъ

мужеубійства, въ особенности тайныя, были обыкновенны. По словамъ Цезаря, когда умиралъ какой нибудь извѣстный глава семейства, то его родственники изслѣдовали причину смерти и, при малѣйшихъ подозрѣніяхъ въ ея насильственности, подвергали допросамъ и пыткѣ, какъ рабовъ, такъ и женъ покойнаго. Объ австраліянкахъ путешественники разсказываютъ, что онѣ сопротивляются произволу и распоряженіямъ своихъ мужей съ большимъ упорствомъ, и дѣлаютъ имъ сцены болѣе шумныя и злостныя, чѣмъ женщины культурныхъ странъ. У бедуиновъ часто случается, что въ ссорѣ родителей принимаютъ участіе и дѣти, при чемъ сыновья, въ большинствѣ случаевъ, стоятъ на сторонѣ матери и нерѣдко вытуриваютъ своего батюшку изъ шатра. Эти раздоры бываютъ такъ часты, что входятъ въ какую-то странную привычку у дикарей. «Представьте себѣ кружокъ пьяныхъ остяковъ»—говоритъ очевидецъ—«сидящихъ за обѣдомъ вокругъ котла. Вдругъ одинъ изъ мужчинъ вскакиваетъ и начинаетъ бить свою жену, таскаетъ ее за волосы по землѣ, топчетъ ногами и т. д. Жена не издаетъ никакого стона и только по временамъ вскрикиваетъ: *«больно, больно!»* Уставъ, остякъ снова садится къ котлу; жена поднимается и садится тутъ же. Немного погодя вскакиваетъ жена и начинаетъ ту же операцію надъ мужемъ?» Но борьба, на которую указываетъ множество подобныхъ фактовъ, сообщаемыхъ наблюдателями дикарской жизни, все болѣе и болѣе склоняется въ пользу мужа, по мѣрѣ того, какъ развивается общество. Въ изолированной семьѣ женщина можетъ найти помощь въ своихъ дѣтяхъ, и ея противникъ нерѣдко бываетъ принужденъ въ такомъ случаѣ покориться превосходной силѣ. Но когда семьи соединяются въ роды, когда появляется общественная власть, то мужъ или отецъ можетъ дѣйствовать гораздо успѣшнѣе, потому что онъ имѣетъ помощниковъ не только въ родоначальникахъ, но и во всѣхъ соединенныхъ въ одно съ нимъ общество мужьяхъ и отцахъ. Они заставятъ его взять власть надъ женою, еслибы онъ даже и не хотѣлъ того; по мѣстамъ эти патріархи даже наказываютъ мужей за слабое управленіе ихъ супружницами. Здѣсь является на сцену такая же общность интересовъ, какую видимъ, напр., въ обществѣ рабовладѣльцевъ, которые враждебно относятся къ каждому своему собрату, человѣколюбиво управляющему рабами, дозволяющему имъ своевольничать и подающему этимъ дурной примѣръ всѣмъ другимъ невольникамъ, на безусловной покорности и эксплуатаціи которыхъ основано все плантаторское общество. У древнихъ норманновъ мужчина, подчинявшійся своей женѣ, подвергался общественному осмѣянію; у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ крестьянъ до XVI в. сохранялся слѣдующій древній обычай: если жена прибила своего мужа, то всѣ мужчины деревни приходили къ дому мужа, сбивали конекъ съ его кровли, а жену садили на осла и возили по улицамъ, «дабы мужья помнили, что они, по заповѣди Господа Бога, должны быть владыками и господами.» У нѣкоторыхъ племенъ негровъ въ

каждомъ мѣстечкѣ существуетъ особая полиція, которая тайно слѣдитъ за поведеніемъ женщинъ и наказываетъ ихъ за непокорность мужу, за невѣрность ему и т. п. проступки; эта полиція носитъ инквизиціонный характеръ, пуская въ ходъ противъ женщинъ и шпіоновъ, и пытки, и ордаліи, и ужасныя наказанія. Подобно, тому, какъ для обузданія дѣтей не только въ дикой, но даже въ цивилизованной жизни, взрослые пугаютъ ихъ чертями и другими чудищами, негры-мужчины образуютъ тайныя общества съ цѣлью держать женщинъ въ покорности не только страхомъ наказаній, но и суевѣрнымъ страхомъ правосудно-карающаго преступницъ бога, Мумбо-Юмбо, которымъ обыкновенно наряжается одинъ изъ мужчинъ. Мистеріи въ честь этого божества совершаются ночью; за нѣсколько дней до его появленія, въ сосѣднихъ лѣсахъ слышится сильный шумъ, признакъ, что богъ шествуетъ въ селеніе. Всѣ мужчины идутъ ему на встрѣчу. Одѣтый въ фантастическое платье изъ древесной коры, сопровождаемый музыкантами, при звукахъ пѣсень входитъ онъ въ деревню и поетъ гимнъ, особо предназначенный для такихъ случаевъ. Здѣсь со страхомъ ждутъ его женщины, составляющія кружокъ. На нѣсколько времени воцаряется глубокая тишина; Мумбо-Юмбо указываетъ на тѣхъ женщинъ, которыя втеченіе года чѣмъ нибудь провинились противъ своихъ мужей; ихъ немедленно схватываютъ и богъ собственноручно наказываетъ ихъ съ большею или меньшею жестокостью, смотря по степени ихъ виновности. Подобными-то общими усиліями мужчинъ и вводятся въ жизнь тѣ обычаи, которые лишаютъ женщину всѣхъ ея прежнихъ вольностей. У нея отнимается право имѣть оружіе, и это дѣлается не вслѣдствіе только перехода ея къ исключительно мирнымъ хозяйственнымъ занятіямъ, но и для безопасности мужчинъ. А такъ какъ въ первобытной жизни жена сплошь и рядомъ убѣгаетъ отъ своего мужа, то и противъ этого принимаются предупредительныя, ограничительныя мѣры. У нѣкоторыхъ индѣйцевъ, напр., жена не имѣетъ права не только ѣздить верхомъ на лошади, но даже надѣвать на нее узду,—ясно, что этотъ обычай ввелся въ видахъ предупрежденія женскихъ побѣговъ, равно какъ и обычай калмыковъ, въ силу котораго жена въ первые два года послѣ замужества не имѣетъ права посѣщать своихъ родителей. Такимъ образомъ, съ постепеннымъ развитіемъ общественной жизни крѣпнетъ власть мужа, его сила переходитъ въ право. Мало-по-малу жена дѣлается законною собственностью мужа, который можетъ продавать, дарить, убивать ее, а на островахъ Фиджи онъ имѣетъ право зарѣзать ее, какъ скотину и съѣсть. Австраліецъ отмѣчаетъ свою жену выворачиваньемъ суставовъ на ея пальцахъ и выколачиваньемъ переднихъ зубовъ, словно клеймитъ скотину. Бедуинъ часто обращается съ женой, какъ съ вьючнымъ животнымъ и колотитъ ее за каждую малость. Одинъ бедуинъ забилъ жену свою до смерти за то только, что она безъ позволенія взяла его ножикъ. И родовой судъ рѣшилъ, что мужъ всегда имѣетъ право убить свою непокорную жену.

Калмыкъ на совершенно законномъ основаніи умерщвляетъ жену при малѣйшемъ подозрѣніи въ ея невѣрности, но у жены, убившей супруга, обрѣзываютъ носъ и уши и она продается, какъ рабыня. Индѣйцы пользуются также абсолютною властью надъ жизнью и смертью своихъ женъ. У австралійцевъ многія женщины постоянно ходятъ въ синякахъ и ранахъ отъ мужниныхъ побоевъ, а дѣвушки, изъ страха мужа, нерѣдко предпочитаютъ здѣсь самоубійство браку. При томъ же мужъ имѣетъ право отдавать свою жену въ кортомъ, продавать ее для разврата каждому встрѣчному, и случается, что дикій пьяница уступаетъ ее на всегда за стаканъ водки. У большинства дикихъ народовъ жена считается даже вѣчною рабынею мужа, обязанною служить ему, какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей. На этомъ основано встрѣчаемое у многихъ дикихъ племенъ погребеніе или сожженіе вдовъ съ трупами ихъ мужей, чтобы они вступили вмѣстѣ въ загробныя обители. Этотъ обычай мы видимъ у африканцевъ, американцевъ, древнихъ норманновъ, славянъ и т. д. Нужно замѣтить, что такое обыкновеніе убивать овдовѣвшихъ женщинъ нерѣдко находило въ послѣднихъ полное сочувствіе. Положеніе вдовы у первичныхъ народовъ такъ невыносимо, что смерть кажется ей лучшимъ исходомъ, чѣмъ жизнь безъ защитника и кормильца мужа; и гдѣ вдовъ не сожигаютъ, тамъ онѣ нерѣдко сами убиваютъ себя, подкрѣпляясь вѣрою, что соединившись за гробомъ съ супругами, онѣ получаютъ награду за свое самопожертвованіе. Вмѣстѣ съ развитіемъ мужниныхъ правъ и половой противоположности, усиливается и чувство ревности,—одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ семейныхъ страданій женщины. У полудикихъ народовъ ревность нерѣдко бываетъ сильнѣе и нелѣпѣе, чѣмъ даже въ цивилизованныхъ странахъ Востока. Въ Кацембе, напр., жены, которыхъ выбираетъ себѣ государь, подъ пыткою допрашиваются, не любились ли онѣ до этого брака съ мужчинами, и съ какими именно; открытые такимъ образомъ любовники предаются смерти. Каждый мужчина, увидавшій жену своего государя, подлежитъ жестокому увѣчному наказанію. Сѣверные индѣйцы нерѣдко бываютъ также чрезвычайно ревнивы; сильно подозрѣваемую или уличенную въ прелюбодѣяніи жену индѣецъ наказываетъ палками, откусываетъ ей носъ и прогоняетъ. Соблазнъ замужней женщины у индѣйцевъ, какъ и у другихъ дикарей, иногда порождаетъ ожесточенную племенную вражду и войны. У бечуановъ и конго, новозеландцевъ и многихъ другихъ народовъ прелюбодѣяніе наказывается смертью; черкесъ имѣетъ полное право убить свою невѣрную жену, или, отрѣзавъ ей носъ и уши, обривъ голову, отослать ее къ ея родителямъ. Если арабъ убѣждаетъ отца или брата своей жены въ невѣрности ея, то послѣдніе, не задумываясь, перерѣзываютъ ей горло. Прелюбодѣи, соблазняющіе женъ, отдѣлываются большею частью штрафомъ, а у нѣкоторыхъ, кромѣ того, обязываются жениться на соблазненной или перемѣниться съ оскорбленнымъ мужемъ женами. На алеутскихъ о-вахъ мужъ, поймавшій любовника у своей жены, принуждаетъ его къ

поединку съ собой и побѣдитель беретъ себѣ женщину, бывшую предметомъ раздора. При введеніи наказаній за супружескую невѣрность, жены у нѣкоторыхъ народовъ стараются удержать и за собой тоже карательное право надъ мужьями, какое послѣдніе имѣютъ надъ ними. На ладронскихъ островахъ, гдѣ, какъ мы видѣли выше, царили нѣкогда поліандрія и гинейкократія, мужъ хотя и имѣетъ право убить любовника своей жены, но ей самой не долженъ причинять никакого зла. Если же мужчина соблудитъ, то узнавшая о томъ жена собираетъ всѣхъ женщинъ сосѣдства, которыя съ яростью раззоряютъ его садъ, разрушаютъ его хижину, и если находятъ самаго виновника, то подвергаютъ его жестокимъ побоямъ. Такія права женщина сохраняетъ въ патріархальной жизни недолго, и почти у всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ за прелюбодѣяніе отвѣчаютъ только жены и ихъ любовники, а отнюдь не мужья, имѣющіе право сколько угодно измѣнять своимъ брачнымъ обязанностямъ и подвергать своихъ супружницъ за такую измѣну какимъ угодно наказаніямъ. Но даже при такой строгости дикихъ законовъ ей подлежатъ сплошь и рядомъ однѣ только замужнія женщины, между тѣмъ какъ дѣвушки пользуются полной половой свободой. По мѣрѣ же того, какъ мужчины желаютъ имѣть женами невинныхъ дѣвушекъ, строгость ревнивыхъ обычаевъ распространяется и на дѣвушекъ, родители которыхъ принуждены бываютъ стеречь ихъ невинность, чтобы скорѣе и выгоднѣе найти имъ жениховъ-покупателей. Эта бдительность о невинности женщинъ принимаетъ иногда чудовищный, варварскій характеръ. У горцевъ Кавказа на дѣвушку надѣвается кожанный поясъ цѣломудрія, и его снимаетъ разрѣзывая своимъ кинжаломъ, только женихъ ея, въ первую брачную ночь. Въ восточной Африкѣ, задней Индіи и на малайскихъ островахъ дѣвушекъ подвергаютъ еще большимъ пыткамъ. У многихъ племенъ Африки женскіе члены *рѣжутся*, *перекраиваются*, *перешиваются*, сообразно со вкусами и физическими свойствами ея мужа. Въ Сеннаарѣ, напр., membrum дѣвочки зашивается и проходъ сращивается такъ, что остается только небольшое отверстіе для естественныхъ выдѣленій. Передъ свадьбой срощенную часть разрѣзаютъ. Въ Кордофанѣ поступаютъ точно такъ же, разрѣзаемое отверстіе дѣлается больше или меньше, смотря по потребностямъ мужа. При родинахъ дѣлается большой разрѣзъ, а послѣ нихъ края отверстія снова сращиваются и родильницы такимъ образомъ переходятъ въ состояніе, равнозначительное дѣвственности!..

Чѣмъ болѣе мужчина утверждаетъ и расширяетъ свою власть надъ женщиною, тѣмъ болѣе послѣдняя падаетъ въ его мнѣніи и дѣлается существомъ отверженнымъ, какъ чужестранка и непослушная рабыня. Извѣстныя физіологическія выдѣленія заставляютъ считать женщину существомъ нечистымъ, поганымъ. У большинства народовъ родины считаются осквернительными и родильницу переводятъ въ особое помѣщеніе. Нѣкоторые дикари даже не спятъ съ женами на одной постели, чтобы не опоганиться. При такомъ презрѣніи къ слабому полу, мужъ дѣлается прототипомъ вос-

точнаго деспота, а жена — прототипомъ отверженной касты парiевъ. Въ Фету, въ Африкѣ, каждое утро всѣ жены являются къ постели своего мужа, привѣтствуютъ, церемонiально одѣваютъ и моютъ его, какъ какого нибудь короля, а за тѣмъ расходятся. У нѣкоторыхъ народовъ при заключенiи брака мужъ, въ знакъ подчиненности жены, даетъ ей плюху, бьетъ ее плетью или заставляетъ, на колѣняхъ стоя, разувать его; послѣднiй обычай въ ходу между финскими инородцами и вѣроятно отъ нихъ перенятъ русскими. У нѣкоторыхъ народовъ жена не смѣетъ даже сидѣть въ присутствiи мужа безъ его позволенiя; а у дикихъ арабовъ женщина должна унижаться не только передъ своимъ мужемъ, но и передъ каждымъ чужимъ мужчиной, при встрѣчѣ съ которымъ, напр., она обязана сходить съ верблюда и кланяться. Въ Видагѣ негритянки должны преклонять колѣна и цѣловать прахъ — жены передъ мужьями, а дочери передъ отцами или старшими братьями. Низведенная такимъ образомъ на степень животнаго, принадлежащаго мужу, женщина можетъ быть не только убиваема, дарима, продаваема имъ, но подобно всякой собственности она дѣлается предметомъ наслѣдованiя его родственниковъ. Левиратный бракъ, столь распространенный между нецивилизованными племенами и служащiй остаткомъ древней поліандріи, служитъ одною изъ наименѣе возмутительныхъ формъ этого наслѣдованiя, которое доходитъ до того, что у мпонго, напр., сынъ обязанъ жениться на вдовахъ своего отца. Но даже у тѣхъ народовъ, которые успѣли, повидимому, совершенно поработить женщинъ, послѣднiя никогда не примиряются окончательно съ своимъ рабскимъ положенiемъ. Ихъ реакцiя проявляется главнымъ образомъ въ болѣзненной сварливости характера, въ семейныхъ сценахъ, руготнѣ и дракахъ съ мужьями, главнымъ же оружiемъ для защиты и нападенiя ей служитъ языкъ. Клаппертонъ замѣчаетъ, что никакая власть въ мiрѣ, даже африканскiй деспотизмъ, не въ состоянiи принудить къ молчанiю дикарку, особенно разозленную. И не однимъ языкомъ дѣйствуетъ угнетенная женщина, — а нерѣдко также ядомъ и ножомъ. Бѣгство отъ мужа служитъ ей также однимъ изъ главныхъ средствъ къ освобожденiю изъ семейной неволи. У негровъ, индѣйцевъ, калмыковъ, полинезiянъ, финскихъ племенъ жена бѣжитъ, большею частью, къ родителямъ и почти всегда мужъ возвращаетъ ее или самъ посредствомъ силы, или ее выдаютъ ему родители во избѣжанiе раздоровъ. Иногда впрочемъ такiя бѣглянки успѣваютъ освободиться отъ своихъ супруговъ, отдаваясь подъ покровительство какихъ нибудь постороннихъ людей, напр., европейскихъ моряковъ. Случается даже, что женщины вооружаются противъ своихъ мужей и дѣйствуютъ за одно съ ихъ врагами. Наконецъ у многихъ народовъ женщина такъ живо чувствуетъ невыносимую тяжесть своего положенiя, что прибѣгаетъ къ самоубiйству гораздо чаще, чѣмъ мужчина, между тѣмъ какъ въ цивилизованной жизни—несравненно рѣже послѣдняго. Австралiйскiя дѣвушки нерѣдко убиваются изъ одного только страха замужней жизни. У индѣйцевъ мужчины очень рѣдко накладываютъ на

себя руки, а дѣвушки, боясь брака, часто вѣшаются на деревьяхъ, убиваются, бросаясь со скалъ, топятся въ рѣкѣ или морѣ. Замужнія женщины индѣйцевъ убиваютъ себя такъ же гораздо чаще мужчинъ и истребляютъ во множествѣ своихъ малолѣтнихъ дочерей, желая, изъ любви къ нимъ, избавить ихъ отъ той ужасной судьбы, которая выпадаетъ на долю замужней женщины. Оправдывая сильную распространенность такого дѣтоубійства, индіянка на Ориноко говорила одному миссіонеру: «ахъ, какъ я жалѣю, что моя мать не убила меня и тѣмъ не избавила отъ множества страданій, которымъ я подвергаюсь въ жизни. Посмотри, отецъ, на наше плачевное положеніе:—наши мужья уходятъ на охоту, и мы тащимся за ними, держа одного ребенка у груди, а другого въ корзинѣ. Вернувшись крайне истомленными, мы не можемъ уснуть въ теченіе цѣлой ночи, и приготовляемъ ужинъ для мужей; они напиваются, бьютъ насъ, таскаютъ за волосы, топчатъ ногами... Проведя лѣтъ двадцать въ такомъ рабствѣ, что́ же мы получаемъ въ награду? Мужъ беретъ молодую жену, которая начинаетъ угнетать насъ и нашихъ дѣтей...»

Оскорбляемая и угнетаемая, жена находитъ только нѣкоторую поддержку въ своихъ кровныхъ родственникахъ; нерѣдко они упрашиваютъ мужа или, при своей авторитетности, строго внушаютъ ему относиться къ ихъ дочери человѣколюбивѣе; неправильно прогнанная мужемъ жена можетъ найти у своихъ родителей и защиту, и мстителей за ея безчестіе, можетъ, при ихъ помощи, заставить мужа снова принять ее. У черкесовъ, если мужъ убьетъ или продастъ свою жену, то подвергается мщенію со стороны ея родственниковъ, равно какъ и въ томъ случаѣ, если онъ прогонитъ ее отъ себя безъ основательной причины и дастъ ей разводъ. Обычай приданаго также много облегчаетъ положеніе женщины; съ тѣмъ вмѣстѣ развивается у нѣкоторыхъ народовъ другой обычай, въ силу котораго прежняя плата за невѣсту переходитъ въ такъ называемый «утренній подарокъ» (morgengabe) и поступаетъ въ исключительную собственность новобрачной, а не ея родителей. При подобныхъ столкновеніяхъ деспотическихъ притязаній мужа съ одной стороны, а съ другой, стремленій жены къ самостоятельности при помощи ея рода, въ нѣкоторыхъ странахъ удерживается навсегда свободная форма брачнаго союза, которая существовала вездѣ въ періодъ материнскаго права и которая, упрочившись въ юриспруденціи Рима, служила здѣсь однимъ изъ главныхъ способовъ женской эманципаціи. У негровъ, на ряду съ бракомъ, заключаемымъ посредствомъ купли-продажи невѣсты, есть другая форма брака, при которой жена, вмѣстѣ съ своими дѣтьми, принадлежитъ не мужу, а семейству своихъ родителей. Женихъ платитъ родителямъ невѣсты утренній даръ, возвращаемый ему въ случаѣ развода или смерти жены. Если же умираетъ напередъ мужъ, то жена переходитъ къ его наслѣдникамъ, а не къ своему семейству. Часто родители задалживаются у мужа своей дочери и она поэтому дѣлается такой же рабыней его, какъ и жена, пріобрѣтенная путемъ купли. У ма-

лайцевъ, даже при покупной формѣ брака, родители невѣсты вынуждаютъ жениха не доплачивать за нее извѣстной части условленной цѣны, чтобы онъ не могъ считать жены своею полною собственностью. Въ такъ называемомъ малайскомъ бракѣ *семандо* женихъ дѣлаетъ невѣстѣ подарокъ, а она устраиваетъ на свой счетъ брачный пиръ; супруги вслѣдствіе этого совершенно равноправны, какъ относительно дѣтей своихъ, такъ и движимаго имущества; въ случаѣ развода домъ остается женѣ, а дѣти поступаютъ къ тому изъ родителей, къ которому пожелаютъ сами. Иногда эта брачная независимость жены доходитъ до полнаго преобладанія надъ мужемъ. У негровъ конго, напр., принцессы сами выбираютъ себѣ мужей изъ людей богатыхъ, эксплуатируютъ ихъ и прогоняютъ, когда вздумается. Эти мужья состоятъ обыкновенно подъ стражей и много терпятъ отъ своихъ ревнивыхъ женъ. Случается даже, что ихъ хоронятъ живыми вмѣстѣ съ ихъ умершими супружницами.

Эти формы свободнаго брака развились, конечно, благодаря стремленіямъ жены къ самостоятельности, но, какъ показываетъ самое содержаніе ихъ, они могли возникнуть и утвердиться въ народной жизни только при дѣятельной помощи, оказанной въ этомъ дѣлѣ женѣ ея кровными родственниками. Другая важная реформа семейнаго быта—развитіе моногаміи, должна быть приписана почти исключительно усиліямъ женщины. При всемъ томъ, что полигамія облегчаетъ тяжесть трудовъ, лежащихъ на женѣ, при всемъ отсутствіи у дикарокъ любви и ревности къ своему мужу, онѣ открыто высказываютъ свое недовольство многоженствомъ, или, взвѣшивая благопріятные для женщины шансы полигаміи и моногаміи, сильно сомнѣваются въ достоинствѣ первой, или же съ восторгомъ хвалятъ послѣднюю. Путешественники свидѣтельствуютъ, что въ глуши первобытныхъ лѣсовъ, въ шалашахъ самыхъ звѣрообразныхъ дикарей, ихъ жены волнуются этими вопросами, на которые онѣ наталкиваются своею несчастною жизнію. Нѣсколько женъ въ одномъ домѣ рѣдко уживаются мирно; каждая хочетъ командовать другими и быть *первою* женою. Во избѣжаніе этого, многіе полигамисты помѣщаютъ каждую жену въ отдѣльномъ зданіи, и эти хижины располагаются иногда какъ можно дальше одна отъ другой, во избѣжаніе женскихъ стычекъ. По мѣрѣ развитія въ народѣ половой любви и ревности, междоусобіе женъ принимаетъ болѣе и болѣе ожесточенный характеръ. Въ концѣ концевъ эта борьба вездѣ кончается тѣмъ, что болѣе сильная, болѣе хитрая, или больше любимая супругомъ жена беретъ перевѣсъ надъ другими, дѣлается главной женой, а остальныя нерѣдко становятся къ ней въ отношеніе рабынь, и по мѣстамъ называются даже не *женами*, а только *наложницами*. Такой переходъ къ моногаміи мы видимъ почти у всѣхъ многоженцевъ,—у негровъ, индѣйцевъ, татаръ и т. д. Разнообразны способы, которыми женщина постепенно возвышала мужчинъ до моногаміи и тѣмъ производила одинъ изъ радикальнѣйшихъ и полезнѣйшихъ переворотовъ въ человѣческомъ обществѣ. Въ упомянутомъ нами переходѣ къ

единоженству мы замѣчаемъ двѣ ступени: на первой, главная жена беретъ перевѣсъ надъ другими, какъ хозяйка, и мужъ облекаетъ ее правомъ главенства, ради водворенія въ домѣ хозяйственнаго порядка и мира. Но еще въ дикой жизни женщина начинаетъ развивать въ себѣ свои половыя отличія отъ мужчины,—обзаводится разными украшеніями, заботится о красотѣ своего тѣла, и въ то же время особенности ея житейской обстановки вмѣстѣ съ особенностями ея организма порождаютъ въ ней большую чувствительность и большую способность къ сердечной привязанности, чѣмъ какими обладаетъ мужчина. Съ помощью этихъ средствъ женщина, даже въ дикой жизни, возбуждаетъ иногда въ мужчинѣ такую страстную, романтическую любовь къ себѣ, что онъ, обладая избранницей сердца, не хочетъ и думать о другихъ женахъ. Такая моногамія встрѣчается у дикарей, хотя и рѣдко.

Выше мы уже говорили объ услугахъ женщины, оказанныхъ ею развитію культуры въ эпоху гинейкократіи. Послѣ своего порабощенія патріархальному семейству, въ качествѣ хозяйки и работницы, она продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, поддерживая и развивая разныя отрасли патріархальнаго хозяйства и первоначальныхъ искуствъ. Она создала или развила не только ремесла: гончарное, портняжное, кухонное, выдѣлку и окраску матерій, разныя нарядныя украшенія, приготовленіе кожъ и обуви и т. д., но также вынесла на своихъ многострадательныхъ плечахъ и воспитала искуства строить жилища и обработывать землю. Она была матерью и кормилицей всей матеріальной культуры человѣчества и натурные народы, сознавая эти заслуги ея, чтили ее въ лицѣ своихъ великихъ богинь, дарующихъ плодородіе и счастіе, изобрѣтшихъ земледѣліе, покровительствующихъ всѣмъ отраслямъ матеріальной цивилизаціи, изобрѣтательницами которой были онѣ сами. Впрочемъ, эти патріархальныя вѣрованія въ богинь устроительницъ человѣческаго счастья являются въ патріархальномъ бытѣ только остатками первичнаго религіознаго міросозерцанія, въ которомъ, какъ мы видѣли, женскій элементъ игралъ такую важную роль. И по мѣрѣ развитія патріархальнаго общества, значеніе упомянутыхъ богинь постепенно слабѣетъ, соразмѣрно тому, какъ и женщина, облегчаясь отъ своего ига работы и передавая значительную часть ея рабамъ, теряетъ даже значеніе работящей машины, запирается въ гаремъ, обрекается на отупляющую, скучную праздность и содержится только для половой забавы своего властелина.

Мы уже говорили выше объ участіи женщины въ дѣлахъ войны. Мы видѣли и увидимъ еще не разъ, что женщины часто принимали въ войнахъ самое дѣятельное и вліятельное участіе. Но оттѣсненная мужчиной отъ общественной жизни, лишенная, какъ рабыня, правъ на употребленіе оружія, женщина начинаетъ служить дѣлу мира и противодѣйствовать насиліямъ войны. Посредствомъ мирныхъ браковъ она водворяетъ согласіе и даже дружбу между родами, до тѣхъ поръ постоянно воевавшими другъ

съ другомъ. Ея вмѣшательство какъ въ частныя распри ея родичей, такъ и въ непріязненныя столкновенія разныхъ племенъ, въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ миротворно и благодѣтельно для людей, что древніе германцы съ уваженіемъ называли ее *«ткущею миръ»*. Эта дѣятельность женщины, какъ примирительницы, очень разнообразна. У дикихъ народовъ примиреніе разсорившихся и даже разодравшихся мужчинъ совершается сплошь и рядомъ не иначе, какъ при помощи женщинъ. На пирушкахъ индѣйцевъ ихъ жены обыкновенно не пьютъ водки, для того, чтобы быть въ состояніи примирить мужчинъ, попойка которыхъ обыкновенно кончается дракою. У черкесовъ, если женщина бросается между двумя сражающимися врагами, то битва тотчасъ прекращается. Такую же роль часто играютъ женщины и при международныхъ столкновеніяхъ. У жителей Феццана дипломатія служитъ даже женскою спеціальностью, миръ между враждующими сторонами заключается здѣсь женами вождей, и женскій голосъ всегда можетъ остановить руку феццана, готоваго поразить своего врага. Женщины примиряютъ даже побѣдителей и побѣжденныхъ, по возможности сливая ихъ въ одинъ народъ. «Мы видимъ»—говоритъ Клеммъ—«что женщина примиряетъ расу завоевателей съ расою побѣжденныхъ,» въ западной Африкѣ, напр., на островахъ Южнаго океана, въ древнемъ Египтѣ и т. д. Наконецъ, у многихъ народовъ женщина милуетъ преступника и примиряетъ съ нимъ общество. У древнихъ славянъ присужденный къ смерти преступникъ избавлялся отъ нея, если его прикрывала своимъ подоломъ женщина. Если виноватый въ чемъ нибудь черкесъ успѣваетъ пробраться въ жилье женщины и прикоснуться ея руки или груди, то онъ становится неприкосновеннымъ на все время пребыванія у этой женщины. Въ присутствіи черкешенки не можетъ быть совершаемо никакое наказаніе и должно умолкать всякое чувство родовой мести. Вообще дикарки отличаются сострадательностью ко всѣмъ несчастнымъ, часто даже къ врагамъ своихъ мужей. «Во всѣхъ моихъ путешествіяхъ и несчастіяхъ»—говоритъ Мунго-Паркъ, «я находилъ въ женщинахъ нѣжность и сострадательность, какихъ нѣтъ въ мужчинахъ». Такимъ образомъ, не однимъ только матеріальнымъ трудомъ своимъ, а также водвореніемъ мира, развитіемъ въ людяхъ чувствъ любви, дружбы, сострадательности женщина содѣйствовала возникновенію и развитію культуры.

Сострадательность женщины нашла себѣ хорошій исходъ въ медицинской помощи больнымъ. Отыскиванье растительной пищи, наблюденія надъ питаніемъ животныхъ и занятіе земледѣліемъ очень рано знакомятъ женщину со свойствами растеній, и она не замедляетъ прилагать свои ботаническія знанія къ дѣлу. У многихъ натурныхъ народовъ медициной и хирургіей занимаются исключительно однѣ женщины, у другихъ—женщины вмѣстѣ съ мужчинами, пока послѣдніе, по своимъ корыстнымъ разсчетамъ, не оттѣсняютъ первыхъ отъ этой почтенной профессіи. У древнихъ норманновъ богинею медицины была Эйръ и искуство леченія находилось въ ру-

кахъ женщинъ, которыя, кромѣ средствъ знахарскихъ или волшебныхъ, употребляли также и много лекарственныхъ растеній. Лучше всего излечивались этими женщинами раны; хирургія была возведена ими на довольно высокую степень совершенства; онѣ употребляли не мало инструментовъ, отлично зондировали, перевязывали, зашивали и заживляли раны, извлекали изъ нихъ инородныя тѣла и т. д. Въ родовспомогательномъ искуствѣ онѣ были также довольно опытны и употребляли цезарское сѣченіе. У туземцевъ Америки женщины также во множествѣ занимаются медициной и хирургіей, лечатъ весьма успѣшно раны, переломы костей, отравленія ядами, лихорадки, горячки, запоры, общее слабосиліе и т. д. Такія лекарки у индѣйцевъ, какъ и у гренландцевъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, получаютъ со своей практики гонорарій, достаточный для ихъ прожитія. Черкешенки знали искуство оспопрививанія раньше европейцевъ; онѣ не только хорошія лекарки и хирурги, но и превосходныя сидѣлки, понимающія огромное значеніе гигіены для человѣческаго здоровья. У эскимосовъ, негровъ, древнихъ египтянъ, мехиканцевъ — всюду видимъ мы медицину въ рукахъ женщины и подъ покровительствомъ богинь. Да покроются же позоромъ тѣ изъ современныхъ жрецовъ Эскулапа, которые хотятъ всѣми возможными способами изгнать женщину изъ области медицинской профессіи, которая такъ много обязана ей своимъ развитіемъ, и право на которую насильно отнято у ней мужчиною, какъ увидимъ ниже!

Медицинское, какъ и всякое знаніе, въ первобытной жизни одѣто въ религіозную оболочку и тѣсно соединено съ волшебствомъ. Организація женщины и особенности ея жизненной обстановки дѣлаютъ ея нервы болѣе впечатлительными, а ея фантазію болѣе дѣятельною, чѣмъ нервы и фантазія мужчины. Поэтому у многихъ народовъ волшебство и сношенія съ богами становятся преимущественнымъ занятіемъ женщинъ. Древніе германцы, по словамъ Тацита, предполагали въ женщинѣ нѣчто священное и сверхъ-естественное, т. е. считали ее способнѣе мужчины къ сношенію съ духовнымъ міромъ. Волшебство, предсказанія, ворожба, жречество были у германцевъ занятіями женщинъ, доставляли имъ всеобщее уваженіе и огромное вліяніе на общество. У негровъ, поклоняющихся живымъ людямъ признаннымъ за боговъ, въ числѣ послѣднихъ бываютъ и женщины. У негровъ, камчадаловъ, монголовъ, остяковъ, самоѣдовъ, индѣйцевъ Южнаго океана—всюду женщины являются жрицами, посредницами между людьми и богами, ворожеями, толковательницами сновъ, хранительницами религіозныхъ вѣрованій, легендъ и обрядовъ. Такая профессія, вмѣстѣ съ занятіемъ медициною, не только заставляетъ ихъ знакомиться съ явленіями природы, но иногда даже даетъ имъ возможность разбивать грубыя суевѣрія народа. На одномъ изъ о-вовъ Южнаго океана, напр., есть волканъ; жители долго считали его мѣстопребываніемъ бога огня, Пеле, котораго ублажали жертвами и боялись приближаться къ кратеру до тѣхъ поръ, пока одна женщина не рискнула спуститься въ кратеръ и, возвра-

тившись оттуда, не показала найденной ею тамъ лавы, убѣдивъ такимъ образомъ своихъ родичей въ естественности вулкана и разрушивъ ихъ вѣру въ кровожаднаго Пеле. Но, съ другой стороны, вѣра въ особенную способность женщины къ волшебству и знахарству въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиняетъ ей много зла. У многихъ дикарей происхожденіе общественныхъ и частныхъ бѣдствій нерѣдко приписывается вѣдовству жрицъ и знахарокъ и онѣ расплачиваются за это жизнію. Процессы вѣдьмъ, встрѣчаемые у дикарей, состоятъ въ божьемъ судѣ, отъ котораго погибаетъ большинство подсудимыхъ.

Женщины всегда служатъ лучшими хранительницами народныхъ обычаевъ, вѣрованій, сказаній, пѣсенъ, костюмовъ и т. д. Онѣ гораздо консервативнѣе мужчинъ—явленіе, причины котораго будутъ выяснены нами въ своемъ мѣстѣ. Мы не будемъ здѣсь распространяться о значеніи женщинъ для развитія народной поэзіи и скажемъ только нѣсколько словъ объ ихъ вліяніи на исторію языка. У большинства первичныхъ народовъ жена—чужестранка, говорящая на чужомъ языкѣ; у караибовъ до сихъ поръ языкъ женщинъ особый отъ нарѣчія мужчинъ. Но въ семейной жизни языки мужа и жены должны непремѣнно сталкиваться и стремиться къ взаимному слитію, которое однакожъ не оканчивается абсолютнымъ воцареніемъ въ домѣ одного языка, и женщина продолжаетъ говорить на нарѣчіи, хотя и понятномъ мужу и близкомъ къ его языку, но все-таки отличномъ отъ послѣдняго. Такимъ образомъ языкъ женщинъ и дѣтей, по мнѣнію лучшихъ филологовъ, Боппа, В. Гумбольта, Макса Мюллера, развивается въ нарѣчіе болѣе звучное, мягкое и поэтическое, чѣмъ нарѣчіе мужчинъ. Въ этомъ-то упомянутые филологи и видятъ причину распаденія всѣхъ главныхъ языковъ на два нарѣчія, напр., языка греческаго на нарѣчія іонійское и дорійское, нѣмецкаго—на нарѣчія верхне и нижне-нѣмецкое и т. д.

IV.

Первобытное семейство, какъ мы видѣли выше, основано на кровномъ родствѣ по матери. Мало-по-малу преобладаніе материнскаго принципа падало, женщина подчинялась мужчинѣ и основаніемъ семейства дѣлалась власть отца, а не кровное родство. Наступилъ періодъ патріархальный, въ началѣ котораго семейный союзъ еще весьма слабъ и семейство еще не въ силахъ обратить женщину на исключительное служеніе себѣ. Прочность семьи, какъ и прочность брака, является только впослѣдствіи, а на первыхъ ступеняхъ развитія власть отца сплошь и рядомъ отвергается дѣтьми и члены семейства нерѣдко разрываютъ узы, прикрѣпляющія ихъ къ родному очагу. Выражаясь юридически, лицо физическое борется за свою свободу съ развивающеюся юридическою личностью семьи и разныя

случайности борьбы долго не даютъ семейству поглотить всѣхъ индивидуумовъ, входящихъ въ его составъ. Случается, напримѣръ, что въ патріархальной семьѣ дряхлый отецъ семейства лишается своей власти и она переходитъ къ болѣе сильному и мудрому, чѣмъ онъ, сыну. У нѣкоторыхъ европейскихъ варваровъ человѣкъ могъ свободно свергать съ себя ярмо семейной власти; по салическому закону онъ долженъ былъ только, явившись въ національное собраніе, объявить, что «отказывается отъ своихъ родителей и что съ этихъ поръ не имѣетъ съ ними ничего общаго». У эскимосовъ до сихъ поръ взрослыя дѣти безъ всякихъ затрудненій бросаютъ родительское семейство и начинаютъ совершенно самостоятельную жизнь. У нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ дѣти ростутъ на полной своей волѣ и, какъ у большинства совершенно дикихъ народовъ, легко расторгаютъ стѣсняющія ихъ свободу семейныя узы. О воспитаніи дѣтей, объ ихъ почтеніи къ старшимъ здѣсь нѣтъ и рѣчи: всѣми семейными отношеніями управляютъ случай и право силы; отецъ можетъ властвовать надъ сыномъ лишь до тѣхъ поръ, пока послѣдній не сдѣлается способнымъ для сопротивленія. Въ одной превосходной поэмѣ минусинскихъ татаръ ярко характеризуется эта анархія первично-патріархальной семьи въ слѣдующемъ разсказѣ. На берегу моря живетъ людоѣдъ Талай-Ханъ съ сыномъ своимъ Тазе-Меке. Пріѣзжаютъ къ нимъ три богатыря, ихъ встрѣчаетъ Тазе-Меке и говоритъ: «вотъ уже девять лѣтъ, какъ мой отецъ пытается сварить и съѣсть меня. Помогите мнѣ сварить и съѣсть его самого!» И съ помощью богатырей сынъ связалъ батюшку, сварилъ его и сожралъ. При слабости семейнаго союза также не проченъ и составленный по его модели союзъ общественный. Эскимосы не знаютъ никакой іерархіи, никакого подчиненія. Власть индѣйскихъ вождей, говоритъ Скулькрафтъ, болѣе номинальная, чѣмъ дѣйствительная, болѣе власть совѣта, чѣмъ власть принужденія. По мѣрѣ развитія общества, по мѣрѣ его выхода изъ первобытнаго состоянія изолированныхъ семей, семейная институція пріобрѣтаетъ больше и больше прочности. Союзъ семей образуетъ родъ, союзъ родовъ — племя, союзъ племенъ—государство. На всѣхъ ступеняхъ развитія древняго общества оно является ничѣмъ инымъ, какъ собраніемъ семействъ, или, выражаясь словами Мэна, «единицею древняго общества была семья, единицу же новѣйшаго общества составляетъ лицо». Каждое семейство имѣетъ характеръ небольшого государства, самодержецъ котораго отецъ совмѣщаетъ въ себѣ права и обязанности всѣхъ членовъ подвластнаго ему союза: гражданами общества, поэтому, служатъ только отцы и общественный союзъ семействъ имѣетъ близкое сходство съ международнымъ союзомъ государствъ. Фундаментомъ семейства служатъ отеческая власть и безусловная покорность ей всѣхъ живущихъ у одного домашняго очага. Отцовство для своего утвержденія на мѣстѣ вытѣсненнаго имъ материнства необходимо должно было измѣнить и самый характеръ семейнаго родства. Еслибы, при водвореніи отеческой власти, люди продолжали считать

роднею родственниковъ своей матери, то вышло бы, что одно лицо должно подчиняться двумъ отеческимъ властямъ, а за этимъ неизбѣжно слѣдовало бы столкновеніе на домашнемъ форумѣ двухъ семейныхъ законовъ, истекающихъ отъ отцовъ двухъ разныхъ семей. Поэтому въ патріархальномъ семействѣ родственниками считаются только лица, которыя состоятъ, или состояли, или могли состоять подъ одною и тою же отеческою властью. Полное развитіе этого начала, какъ и всѣхъ вообще главныхъ принциповъ архаическаго права, совершено, какъ мы увидимъ ниже, римской юриспруденціей. Но и кромѣ римлянъ, всѣ патріархальные народы держатся того же самаго агнатнаго начала, по которому отецъ — монархъ семьи, а всѣ его подданные — родственники между собой и съ нимъ. Частной собственности нѣтъ, а есть только общее семейное имущество, которымъ распоряжается отецъ. Онъ верховный жрецъ своего дома; слово его—законъ для всѣхъ домочадцевъ; его власть простирается на жизнь и на смерть ихъ; онъ женитъ сына, выдаетъ замужъ дочь, продаетъ, наказываетъ, убиваетъ дѣтей по своему произволу. Все заработанное дѣтьми отдается отцу; онъ распредѣляетъ труды между членами семейства, отдаетъ ихъ въ наемныя работы, какъ настоящихъ невольниковъ и т. д. Воспитаніе состоитъ въ формировкѣ изъ дѣтей рабовъ семейнаго главы; ихъ учатъ ремесламъ отца или матери и безусловной покорности, подвергая ихъ при этомъ жестокимъ истязаніямъ и запугивая чертями, которые похищаютъ и мучатъ непослушныхъ дѣтей. Словомъ, въ каждой такой семьѣ мы видимъ тотъ же деспотизмъ и тоже рабство, какъ и въ любомъ восточномъ султанствѣ. Такія отношенія, существующія сначала на фундаментѣ силы, съ развитіемъ государства получаютъ санкцію права и религіи. Раболѣпность дѣлается непремѣнно обязанностью домочадцевъ. У негровъ видага семья обязана преклонять колѣна передъ своимъ владыкой и лобзать прахъ его пяты. Въ Египтѣ, говоритъ Сэвари, каждое семейство есть маленькое государство, царемъ котораго служитъ отецъ. Домочадцы обязаны рабски слушаться его. Когда онъ обѣдаетъ, вся семья, стоя на ногахъ, прислуживаетъ ему и при всякомъ случаѣ заявляетъ передъ нимъ свою самую раболѣпную покорность и уваженіе. Китай и Японія довели эти семейныя отношенія до nec plus ultra. Въ Китаѣ вся общественная жизнь основана на семейномъ началѣ, и полицейскіе чиновники, расхаживая по улицамъ, постоянно напоминаютъ обывателямъ объ этомъ фундаментѣ китаизма, вскрикивая: «повинуйтесь вашимъ отцамъ и матерямъ, уважайте старшихъ и начальниковъ, живите мирно въ своихъ семействахъ, наставляйте своихъ дѣтей, не дѣлайте несправедливости!» «Міръ» — говоритъ Конфуцій—«можетъ достигнуть благополучія только съ водвореніемъ общественнаго порядка. Порядокъ достигнется при хорошемъ управленіи. Чтобы умѣть хорошо управлять государствомъ, государь долженъ сперва умѣть хорошо управлять собственнымъ семействомъ. По примѣру его каждый китаецъ будетъ достойнымъ правителемъ своей семьи.... Общее благоденствіе

водворится само собою: охотно подчинятся волѣ императора сперва всѣ члены его семейства, а потомъ водворятся во всей вселенной миръ и согласіе». Превосходно организованная система воспитанія имѣетъ главною своею цѣлью пріучить всѣхъ къ безусловному послушанію старшимъ и утвердить раболѣпную покорность родительской власти, какъ фундаментальное правило морали. Отецъ—безусловный владыка души, тѣла и имущества своихъ дѣтей; онъ можетъ продавать и казнить ихъ смертью, женить, выдавать замужъ, разводить женатаго сына съ его женой, отдавать въ кабалу, бить и сѣчь сколько ему угодно и т. д. Стоитъ ему только пожаловаться на сына въ судѣ, и въ чемъ бы ни обвинилъ онъ сына, судъ безъ всякихъ околичностей подвергаетъ его жестокимъ наказаніямъ, даже самой варварской смертной казни, не требуя никакихъ доказательствъ отъ обвинителя, не слушая никакихъ оправданій отъ обвиняемаго. За отцеубійство не только казнится виновный со своимъ семействомъ, но еще наказываются и всѣ чиновники той области, въ которой совершено убійство. Отъ крупныхъ оскорбленій со стороны сына отцы ограждаются смертною казнію оскорбителей, за малѣйшее невниманіе, за самое ничтожное непослушаніе дѣтей ожидаютъ сотни бамбуковыхъ ударовъ въ полиціи, которая неустанно вбиваетъ въ китайцевъ любовь и уваженіе къ родителямъ. Дѣтямъ вмѣняется даже въ преступленіе говорить въ присутствіи своихъ родителей о слабости старческаго возраста. И у всѣхъ, сколько нибудь культурныхъ народовъ: у индусовъ, турокъ, мехиканцевъ, древнихъ норманновъ и т. д.,—у всѣхъ у нихъ власть отца имѣетъ характеръ подобный китайскому. Для домочадцевъ нѣтъ никого выше ихъ главы, онъ ихъ первосвященникъ, законодатель, верховный судья, земной богъ. Эти понятія сыновняго долга и отеческихъ правъ прививаются съ дѣтства жителямъ патріархальныхъ странъ религіей, правомъ, воспитаніемъ, общественнымъ мнѣніемъ.

Хотя основою такого семейства и служитъ, главнымъ образомъ, родительская власть, а не родство крови, хотя рабъ является здѣсь такимъ же домочадцемъ, какъ и сынъ, хотя при неимѣніи дѣтей отецъ можетъ купить ихъ у кого нибудь, усыновить чужихъ, поручить своему родственнику или пріятелю осѣменить жену его и, такимъ образомъ, дать ему желаннаго наслѣдника, но ко всему этому прибѣгаютъ только въ случаѣ неизбѣжной необходимости и рожденіе своихъ кровныхъ дѣтей считается верхомъ благополучія и главною цѣлью брака. Безплодный бракъ, по воззрѣнію всѣхъ оріенталовъ, вовсе не бракъ, такъ какъ цѣль его не достигнута. Вмѣстѣ съ такими идеями о бракѣ религіозныя системы и законы Востока развиваютъ теорію объ исключительномъ назначеніи женщины быть матерью; они смотрятъ на нее, какъ на пашню, предназначенную для произведенія плодовъ. Бездѣтную жену мужъ презираетъ, бьетъ, продаетъ, гонитъ отъ себя. Напротивъ, женщина чадородная пріобрѣтаетъ хорошую славу и уваженіе, которыя соразмѣряются съ количествомъ рож-

денныхъ ею дѣтей; она цѣнится также, какъ и всякая самка животнаго. По вѣрованію древнихъ мехиканцевъ, герои, павшіе въ битвѣ и женщины, умершія въ мукахъ рожденія, получаютъ вѣчное блаженство въ райскихъ чертогахъ солнца. Такимъ образомъ право, религія и общественное мнѣніе, проникнутыя исключительными началами, ограничиваютъ дѣятельность женщины материнскими обязанностями. Въ архаическомъ обществѣ все существуетъ въ семействѣ и для семейства; каждый индивидуумъ есть не лицо, а членъ семейной корпораціи, съ которой связаны всѣ права его и обязанности; такъ и женщина: ходъ историческаго развитія принуждаетъ мужчину обратить ее на исключительное служеніе семьѣ, которая нуждается въ ея трудѣ и въ ея половой производительной силѣ.

Но говоря о маніи патріархальныхъ народовъ къ чадородію, мы выражаемся не совсѣмъ точно; всѣ они, отъ нагого звѣрообразнаго дикаря до цивилизованнаго китайца или индуса, желаютъ имѣть не дѣтей вообще, а *сыновей*. Дочери или избиваются вскорѣ послѣ рожденія, или воспитываются въ полномъ пренебреженіи и то только какъ товаръ, на выгодную продажу котораго впослѣдствіи можно разсчитывать. У арабовъ дочь называется «дряннымъ ребенкомъ». Спрашивать китайца, есть ли у него дочери, значитъ оскорблять его. Сынъ же другое дѣло; его рожденіе всеобщій праздникъ для семейства, а особенно для отца, такъ какъ послѣдній возрождается въ сынѣ и еще при своей жизни выходитъ вторымъ изданіемъ, если можно такъ выразиться. Сынъ тотчасъ по рожденіи дѣлается совладѣльцемъ отца по семейному имуществу и всѣ признаютъ въ немъ будущаго главу дома; у габунцевъ, въ Африкѣ, сынъ можетъ даже начать противъ своего отца судебный процессъ за растрату имъ семейнаго имѣнія и принудить его къ уплатѣ за промотанное. Какъ работникъ семьи, какъ защитникъ ея, какъ преемникъ отца—во всѣхъ отношеніяхъ сынъ долженъ цѣниться болѣе дочери. Въ дикой жизни семья часто вовсе погибаетъ послѣ смерти отца, неоставившаго ни одного сына; чужіе люди растаскиваютъ все имущество покойнаго, овладѣваютъ шалашомъ, изгоняютъ изъ него вдову и дочерей покойнаго. Сынъ нуженъ для семейства какъ *наслѣдникъ*, не въ современномъ, а въ архаическомъ значеніи этого слова. Первобытная семья считается безсмертной; входящія въ составъ ея лица мѣняются, она же, корпорація, никогда не умираетъ и средствомъ для этого безсмертія служитъ институція наслѣдства. Наслѣдникъ принимаетъ на себя всѣ права и обязанности или, по римскому техническому выраженію, universitas juris умершаго главы семейства, и поэтому смерть домовладыки не производитъ никакихъ существенныхъ измѣненій ни въ самомъ семействѣ, ни въ его отношеніяхъ къ обществу. Каждый членъ древняго общества желаетъ прежде всего имѣть наслѣдника, «да не погибнетъ имя его въ родномъ народѣ», какъ выражались евреи. Но первостепенная важность наслѣдства, какъ у дикихъ, такъ и у культурныхъ народовъ, заключается въ его назначеніи не для семейства вообще, а для умершаго

отца; главная обязанность наслѣдника состоитъ въ принесеніи жертвъ за умершаго, въ поддержаніи домашняго богослуженія. Мыслію объ этомъ проникнута вся семейная жизнь оріентала; онъ женится для того, чтобы имѣть сына, который могъ бы приносить жертвы послѣ его смерти; если у него нѣтъ дѣтей, то онъ долженъ усыновить чужихъ, «имѣя въ виду похоронные пироги, воду и торжественное жертвоприношеніе», какъ выражается одинъ индустанскій ученый. Мы остановимся на объясненіи этой чрезвычайно важной связи первобытнаго наслѣдства съ семейными жертвами.

Для дикаря смерть есть ничто иное, какъ продолженіе прежней жизни только при другой обстановкѣ; покойники также нуждаются въ пищѣ, одеждѣ, оружіи, какъ и живые, поэтому у всѣхъ первобытныхъ народовъ въ могилу кладутъ вмѣстѣ съ трупомъ и всѣ необходимыя хозяйственныя принадлежности; у нѣкоторыхъ дикарей покойнику отдается даже все его имущество, а самое жилье, брошенное семействомъ, сожигается и, по всей вѣроятности, это самый первобытный обычай, предшествующій возникновенію наслѣдства, при которомъ семья даетъ покойнику только часть общаго семейнаго имущества. Сношенія между домочадцемъ и ихъ покойнымъ родственникомъ не прекращаются, тѣмъ болѣе, что въ первобытной жизни умершіе хоронятся, большею частью, въ самомъ жилищѣ или по крайней мѣрѣ по близости его, какъ это дѣлается до сихъ поръ, напримѣръ, на Филиппинскихъ островахъ; обычай превращать трупы въ удобосохраняемыя муміи, напр., у тѣхъ же филиппинцевъ и многихъ другихъ дикарей, еще болѣе придаетъ прочности упомянутымъ сношеніямъ, сообщая имъ характеръ осязательности. Это первобытное міросозерцаніе, смѣшанное съ вѣрованіемъ въ метемпсихозисъ особенно рельефно выразилось въ Египтѣ. Пирамида—это вѣчный домъ умершаго, котораго посѣщаютъ въ извѣстные дни его родственники. Онъ живетъ тутъ окруженный своимъ семействомъ, своими невольниками, птицами, собаками, обезьянами, изображенными въ настѣнныхъ барельефахъ. Въ Перу по смерти каждаго государя всѣ принадлежавшія ему сокровища оставлялись въ томъ же видѣ, какъ были при его жизни, и никто не смѣлъ прикоснуться къ нимъ. Многочисленные дворцы его запирались на вѣки. Трупы умершихъ государей, бальзамированные, выставлялись въ главномъ храмѣ солнца. Они сидѣли тамъ въ два ряда, мужчины по правую, а женщины по лѣвую сторону отъ золотаго солнца, одѣтые въ царскія платья, съ наклоненными головами и съ скрещенными на груди руками. Покойниковъ всѣ дикари очень боятся; мучимые жаждою и голодомъ, они постоянно посѣщаютъ жилища своей семьи, отыскивая пищу и наказывая родственниковъ, нерадѣющихъ объ ихъ пропитаніи; въ разныхъ видахъ являются они живымъ, нагоняютъ на нихъ тревожные сны, безпокоятъ и мучатъ ихъ; нѣкоторые дикари приписываютъ своимъ умершимъ родственникамъ всякое приключившееся съ ними зло. Покойникъ имѣетъ прежнія притязанія на имущество и уваженіе къ себѣ семейства, поэтому, чтобы мирно жить съ нимъ, новый пред-

ставитель семьи, наслѣдникъ, долженъ кормить, поитъ и всячески ублажать умершаго. Въ Египтѣ феллахъ до сихъ поръ ходитъ на могилы своихъ умершихъ родственниковъ и угощаетъ ихъ; а завѣщатель, отказывая наслѣднику свое имѣніе, часть его предназначаетъ на свое продовольствіе въ будущей жизни. У чувашъ и черемисъ наслѣдники до сихъ поръ устрояютъ по временамъ обѣды, на которыхъ угощаютъ будто бы являющихся къ нимъ невидимыхъ родственниковъ и, кромѣ того, ходятъ кормить ихъ на ихъ могилы. У всѣхъ жителей Африки, индѣйцевъ, малайцевъ, инородцевъ Сибири, киргизовъ, китайцевъ, норманновъ, у русскихъ крестьянъ, въ старинной Силезіи, Польшѣ, верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ, — вездѣ мы видимъ это кормленіе покойниковъ ихъ наслѣдниками. Въ Бѣлоруссіи до сихъ поръ въ родительскій день устраивается на могилахъ угощеніе мертвыхъ, какъ и во многихъ мѣстахъ Россіи, и бѣлоруссы дѣлаютъ при этомъ такое воззваніе: «святые родители, пожалуйте хлѣба соли откушать!» У нѣкоторыхъ народовъ въ честь каждаго умершаго дѣлается идолъ, которому суютъ въ ротъ пищу и поклоняются. Вообще же благополучіе семейства требуетъ не только кормить предковъ, но и уважать ихъ, какъ они уважались живыми. Домашнее богослуженіе имъ мы видимъ у многихъ народовъ и оно совершается наслѣдникомъ. Въ Китаѣ, напримѣръ, каждое семейство имѣетъ особыя «*комнаты предковъ*»; въ извѣстное время здѣсь собираются всѣ члены фамиліи и поклоняются имъ. Забвеніе и пренебреженіе къ памяти умершихъ возбуждаетъ гнѣвъ и мстительность ихъ. Однажды калмыцкій князь Тогонъ съ пренебреженіемъ отозвался о покойномъ Чингисѣ, могилѣ котораго поклонялись всѣ его преемники,—и не хотѣлъ, по совѣту бывшихъ тутъ монголовъ, просить у тѣни Чингиса прощенія. Тотчасъ пошла у него горломъ кровь и онъ палъ мертвымъ. Всѣ бывшіе при этомъ приписали такое несчастіе гнѣву оскорбленной тѣни Чингиса.

При дальнѣйшемъ развитіи мифологіи эти вѣрованія измѣняются. На сцену является адъ съ своими злыми, кровожадными божествами; покойникъ мучается уже не голодомъ и жаждою, а духами ада, чтобы освободить его отъ этихъ тирановъ, наслѣдникъ долженъ приносить искупительныя жертвы его мучителямъ. Безъ очистительныхъ жертвъ сына индусъ, напр., не можетъ войти въ *суръ* или рай, почему сынъ и называется по-санскритски putra (отъ put, очистительный огонь, и tragata, освобождать), откуда происходятъ равнозначущія этому слову персидское *пузеръ* и *пуръ*, и латинское puer. По зендавестѣ жертвы, приносимыя наслѣдникомъ, необходимы покойнику для того, чтобы онъ могъ перейти черезъ мостъ *чиневадъ*, ведущій въ рай. Превосходно выражается это архаическое вѣрованіе въ древне-русской легендѣ о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ. Онъ былъ ростовщикомъ и живымъ взятъ на дно адово. Архіерей, въ поученіе православнымъ, велѣлъ изобразить на иконѣ адъ и горящаго въ немъ Щилу, всего объятаго пламенемъ; а наслѣднику его посовѣтовалъ

служить по немъ сорокоустъ 40 дней у 40 церквей. Послѣ сорокоуста голова Щилы на упомянутой картинѣ очутилась внѣ огня; послѣ второго сорокоуста онъ поднялся изъ адскаго пламени до пояса, а послѣ третьяго—совсѣмъ освободился.

Естественно, что по смерти родителя его дѣти получаютъ все его имущество, совладѣльцами котораго они были еще при жизни отца. Но такъ какъ семейная жизнь остается на прежнихъ условіяхъ нераздѣльности, то управителемъ, защитникомъ, судьей и жрецомъ осиротѣвшаго семейства, долженъ быть только одинъ изъ наслѣдниковъ, болѣе способный къ этимъ обязанностямъ по своему возрасту и опытности. Естественно развивается право первородства, и старшій сынъ дѣлается отцомъ семейства или, такъ сказать, намѣстникомъ умершаго отца. Въ Бассерелѣ и Бенинѣ, Дагомеѣ, Видагѣ, на островахъ Гаити главой семьи, по смерти отца, дѣлается всегда его старшій сынъ, а если онъ умираетъ, то имущество и власть переходятъ къ его слѣдующему брату. Извѣстно, какое значеніе приписывается первенцу сыну въ мозаизмѣ. У китайцевъ старшій сынъ рѣзко выдается изъ ряда другихъ домочадцевъ, которые обязаны чтить его всего болѣе послѣ отца. Тоже и у другихъ азіятскихъ народовъ. Нужно замѣтить впрочемъ, что даже тамъ, гдѣ наслѣдованіе подчинено принципу первородства, послѣдній часто нарушается или наслѣдниками, или наслѣдователями. Но даже и тамъ, гдѣ дѣйствуютъ другія начала, правило первородства часто исключительно регулируетъ наслѣдованіе царской и другой общественной власти. Въ Индіи, напримѣръ, хотя семейное имущество дѣлимо между всѣми наслѣдниками мужескаго пола, однакожъ общественныя достоинства, обязанности и политическая власть — отъ власти короля до власти деревенскаго старшины—наслѣдуются почти всегда по правиламъ первородства. Какъ на замѣчательное отступленіе отъ этого принципа, укажемъ на встрѣчаемое у нѣкоторыхъ патріархальныхъ народовъ наслѣдованіе младшаго брата. Причина такого обычая, по мнѣнію Фольграфа и Монтескье, лежитъ въ томъ, что младшій сынъ при смерти отца живетъ еще съ нимъ, между тѣмъ какъ старшіе его братья обзавелись уже своимъ хозяйствомъ. Но мы уже видѣли, что предпочтеніе младшаго брата возникло въ эпоху материнства и основано на особенной любви матери къ своему послѣднему ребенку. Что же касается первородства, то нельзя не предположить, что, въ качествѣ исключительнаго принципа, оно является лишь относительно поздно въ народной исторіи и прежде, чѣмъ утвердиться въ обычаѣ, должно выдержать борьбу съ другими, враждебными ему принципами. Если живой отецъ плохо сдерживаетъ въ семейномъ союзѣ своихъ домочадцевъ, то послѣ его смерти они естественно стремятся разойтись для самостоятельной жизни, раздѣливъ между собою все общее семейное имущество. Только при необходимости держаться семьѣ вмѣстѣ, наслѣдникамъ нуженъ предстоятель, глава; въ концѣ концовъ имъ почти всегда дѣлается старшій сынъ, но не всегда безпрепятственно. Прежде всего

ему приходится бороться съ долго сохраняющимися въ народной жизни остатками материнскаго права, и главнымъ соперникомъ его вездѣ являются дядя и тетка, братъ и сестра покойника. У многихъ народовъ—у мавровъ, сераколетовъ, мандинго, конго, лоанго, ашантіевъ, въ Иддагѣ, Бонду и во всей почти южной Африкѣ наслѣдуетъ или братъ или сынъ сестры, а у гуроновъ, черокезовъ, въ сѣверной Каролинѣ и многихъ другихъ мѣстахъ Америки, Африки и Азіи наслѣдуетъ сынъ сестры умершаго и иногда, при неимѣніи его, старшій сынъ покойнаго. Мусульманское право хотя и придерживается, вѣроятно, обычая древне-арабскаго—дѣлить наслѣдство поровну между всѣми сыновьями, но и въ немъ видно вліяніе началъ братняго наслѣдованія; если одинъ изъ наслѣдниковъ умираетъ, то имущество переходитъ не къ сыну его, а къ дядѣ или теткѣ. Престолы Турціи и Египта недавно еще наслѣдовались дядею предпочтительно передъ племянникомъ, хотя бы то и сыномъ старшаго брата, и поэтому-то чадолюбивые султаны такъ ревностно избивали всѣхъ своихъ братьевъ. Такою рѣзнею обезпечивалось право сыновей, но такъ какъ и между ними постоянно случаются распри за наслѣдство, то во избѣжаніе этого, персидскіе падишахи большую часть ихъ убиваютъ или лишаютъ глазъ. Султанша-мать сама заправляетъ этой безчеловѣчной экзекуціей. Такими-то мѣрами утверждаются въ жизни народа семейные принципы; всѣ главныя отношенія домочадцевъ, вслѣдствіе разнообразія ихъ личныхъ интересовъ и стремленій, прежде, чѣмъ подчиниться опредѣленнымъ и повидимому неподвижнымъ правиламъ, порождаютъ борьбу, козни, хитрости; не одинъ дядя очищаетъ себѣ дорогу къ наслѣдству отъ племянника, не одинъ Іаковъ завладѣваетъ первородствомъ Исава посредствомъ хитрости или открытой силы. Въ современной жизни нерѣдко встрѣчаются самыя возмутительныя сцены борьбы корыстолюбивыхъ наслѣдниковъ за имущество покойнаго; въ политической исторіи человѣчества мы сплошь и рядомъ видимъ ту же борьбу за престолонаслѣдіе; точно также идетъ и вся исторія вообще. Понятно, что въ этой наслѣдственной, какъ и во всякой семейной борьбѣ, мужчина, лишивъ женщину ея привилегій, которыми она обладала прежде, долго имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ нею. Дочь—не наслѣдница,—вотъ принципъ обычнаго патріархальнаго права. У бедуиновъ, большинства народовъ южной и западной Африки, у гренландцевъ дочери и жены не наслѣдуютъ вовсе, и случается, что по смерти родителей братья выгоняютъ своихъ сестеръ изъ дома. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ семейства женщина добываетъ себѣ это право. У евреевъ, напримѣръ, до Моисея, дочери не могли наслѣдовать, даже если у нихъ не было братьевъ; въ послѣднемъ случаѣ имущество переходило къ братьямъ покойнаго. Но вотъ умираетъ Целафедадъ, не оставивъ ни одного сына; дочери его, вопреки народному обычаю, начинаютъ требовать наслѣдства. Законодатель соглашается и постановляетъ, что, при неимѣніи сыновей, наслѣдство умирающихъ евреевъ должно переходить къ ихъ дочерямъ. Вообще наслѣдованіе

дочерей чрезвычайно рѣдкое явленіе. Дочь держится лишь для того, чтобы быть проданною въ чужое семейство, слѣдовательно ея наслѣдованіе было бы переводомъ имущества изъ одной семьи въ другую. У большинства сколько нибудь развитыхъ народовъ замѣною наслѣдственной доли дочери служитъ приданое, которымъ она надѣляется при выходѣ замужъ; точно также иногда и по смерти отца братья надѣляютъ сестру, чѣмъ могутъ. Наслѣдственныя права жены нѣсколько обширнѣе. Хотя у многихъ народовъ, какъ мы уже говорили, жена умершаго сама служитъ предметомъ наслѣдованія на ряду со скотомъ и домашнею утварью, но приданое, утренній даръ и заботливость родителей жены даютъ послѣдней возможность утвердить за собою извѣстную долю въ имуществѣ умершаго мужа. У нѣкоторыхъ народовъ женщина завоевала даже себѣ право общаго наслѣдства послѣ смерти своего супруга. У черкесовъ вдова управляетъ осиротѣвшимъ семействомъ, не раздѣляя собственности между дѣтьми; точно тоже и у сіамцевъ. Но въ большинствѣ случаевъ вдова не имѣетъ никакой власти; дѣти должны только уважать ее, какъ мать, но наслѣдникъ-сынъ въ тоже время является главою семейства и опекуномъ своей родительницы, напр., въ Индустанѣ. Иногда вдова возвращается подъ власть своихъ родителей. И въ исторической борьбѣ за наслѣдство вдова добилась только, да и то не вездѣ, извѣстной доли въ имуществѣ. Пока законъ относительно размѣровъ этой доли еще не установился, величина ея зависитъ отъ случайностей, отъ величины приданаго вдовы, отъ условій, заключенныхъ съ женихомъ ея родителями и т. д. У евреевъ жена имѣетъ право только жить въ домѣ умершаго мужа и кормиться изъ оставленнаго имъ имущества; но и это право долго оспаривалось разными коментаторами моисеевскихъ законовъ. По магометанскому праву жена и дочь всегда имѣютъ долю въ наслѣдствѣ; кромѣ того, при извѣстныхъ, весьма разнообразныхъ условіяхъ, покойному наслѣдуютъ его дочь, бабушка, дочь брата, сестра, госпожа (умершаго раба). Доли этихъ наслѣдницъ разнообразятся по обстоятельствамъ, на исчисленіе которыхъ потребовалось бы здѣсь не мало мѣста; онѣ наслѣдуютъ $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$ имущества и т. д. У нѣкоторыхъ полудикихъ народовъ вдова также наслѣдуетъ извѣстную долю. Но у большинства народовъ, въ томъ числѣ даже у индусовъ, она имѣетъ право только на житье въ домѣ покойника и на прокормленіе изъ его имущества.

Въ первобытной жизни особенно плачевно положеніе безсемейныхъ вдовъ и сиротъ; онѣ подвержены произволу каждаго сильнаго. Но разсчетъ имѣть въ нихъ даровыхъ работниковъ, а иногда и человѣколюбіе заставляютъ людей принимать ихъ въ свои семейства. У индѣйцевъ заботятся о сиротахъ иногда родственники или друзья ихъ родителей. У черкесовъ вдова поступаетъ подъ покровительство друзей и родственниковъ своего мужа; они обязаны пропитывать дѣтей покойнаго и его вдову, если только по своему возрасту она не способна еще выйти замужъ. Съ распространеніемъ

какой нибудь культурной религии положеніе безсемейныхъ людей начинаетъ болѣе обращать на себя вниманія, чѣмъ прежде. Буддизмъ, мозаизмъ, магометанство, разные виды христіанства—всѣ они особенно настойчиво проповѣдуютъ о состраданіи безпомощнымъ людямъ и особенно о призрѣніи вдовицъ и сиротъ. Возникаютъ кой-какія богоугодныя заведенія, но большинство вдовъ и сиротъ все-таки остается безъ пристанища; онѣ или просятъ милостыню, или идутъ къ кому нибудь въ кабальную работу, или проститутничаютъ за кусокъ хлѣба.

Мы сказали выше, что семья есть единица архаическаго общества и, что будучи корпораціей, она никогда не умираетъ. Эти положенія тѣсно связаны съ первобытной теоріей о корпоративномъ характерѣ человѣческихъ поступковъ. Личность здѣсь—ничто, семья и родъ—все. Если человѣкъ добродѣтеленъ, то въ заслугахъ его здѣсь участвуетъ вся семья, все его потомство. Преступленіе здѣсь также считается корпоративнымъ актомъ и виновность въ немъ падаетъ на гораздо большее число лицъ, чѣмъ сколько участвовало въ его дѣйствительномъ совершеніи. За вину человѣка отвѣчаетъ не только онъ самъ, но и его дѣти, его родъ, его племя, его сограждане, и эта виновность переходитъ въ потомство. Неизмѣнная наслѣдственность во всемъ—въ порокахъ и добродѣтеляхъ семей, кастъ и народовъ, наслѣдственность въ занятіяхъ, вѣрованіяхъ, знаніяхъ и обычаяхъ, передаваемыхъ отъ одного поколѣнія другому—вотъ идеальныя основы древней жизни. Власть царей и жрецовъ основана на ихъ божественномъ происхожденіи, высшія касты владычествуютъ надъ низшими въ силу почіющаго на нихъ благословенія, передаваемаго по наслѣдству изъ рода въ родъ; низшія касты осуждены на вѣчное рабство также въ силу лежащихъ на нихъ отверженности и божественнаго проклятія; женскій полъ по тому же долженъ быть въ постоянной зависимости отъ мужскаго; какъ рыба не можетъ сдѣлаться лошадью, заяцъ — львомъ, такъ не могутъ измѣниться и взаимныя общественныя отношенія людей. Принципы наслѣдственности и кровности лежатъ въ основаніи всего государственнаго права и тѣхъ народныхъ теорій, на которыхъ оно построено. Всѣ древнія общества можно раздѣлить на два рода: одни представляются единою великою семьею, другія — союзомъ нѣсколькихъ такихъ семей, изъ которыхъ однѣ состоятъ въ рабскомъ подчиненіи у другихъ.

Типомъ первыхъ могутъ служить сельскія общины арабовъ, индусовъ, государство еврейское, этотъ «домъ Израиля», и Китай, эта громадная единокровная семья, имѣющая въ Богдыханѣ своего общаго отца. Всѣ эти общества основаны на принципѣ единокровности, иногда дѣйствительной, а въ большинствѣ случаевъ фиктивной, и въ ихъ конституціяхъ нѣтъ другихъ принциповъ, кромѣ семейныхъ. Почему индусъ или еврей должны жить вмѣстѣ?—Потому, что они дѣти одной семьи. Почему должно повиноваться китайскому императору?—Потому, что онъ отецъ своего народа.

Типомъ вторыхъ обществъ можетъ служить Индустанъ съ своими кастами. Каждая каста есть семья, вѣчно обладающая своими наслѣдственными свойствами, въ силу которыхъ одна изъ нихъ владычествуетъ надъ другою. Царь въ такомъ государствѣ не можетъ уже считаться кровнымъ отцомъ низшихъ кастъ, онъ только господинъ ихъ, а самое государство есть союзъ семей, подчиненныхъ одна другой и имѣющихъ одного общаго владыку, *отца государства*, но отца агнатнаго, а не когнатнаго.

Если мы взглянемъ на уголовное право, то и оно окажется основаннымъ на тѣхъ же семейныхъ принципахъ. Народные юридическіе обычаи и древнѣйшіе законы считаютъ преступленіемъ только зло, причиняемое членамъ своей семьи, рода или націи. У черкесовъ, напримѣръ, къ преступленіямъ относятся только слѣдующіе поступки: измѣна народу, отцеубійство, кровосмѣшеніе, прелюбодѣяніе жены, поступки трусости, нарушеніе семейнаго гостепріимства, воровство у своей семьи или у ближнихъ сосѣдей, возстаніе, неповиновеніе или бѣгство раба. У бедуиновъ воровство въ средѣ своего племени наказывается очень строго, но обмануть или обворовать чужеплеменника считается дѣломъ похвальнымъ. У цыганъ только въ средѣ семейства или племени есть мораль, право, законъ, честь. Брата своей великой семьи цыганъ не долженъ ни обманывать, ни обворовывать, ни оставаться у него въ долгу. Для его же отношеній къ нецыганамъ нѣтъ никакихъ моральныхъ правилъ.

Какъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи грѣхи отцовъ переходятъ на дѣтей и обратно, такъ и въ правѣ. Въ Китаѣ за крупныя преступленія противъ царскаго величества подвергаются казни не только виновные, но и вся семья. Въ Японіи за убійство, если виновный не отысканъ, предаются смерти жители улицы, въ которой совершилось оно. Уголовное право выполняетъ здѣсь туже кровавую месть, которая замѣняетъ его у народовъ дикихъ. Мстятъ не лицу, а семейству, роду, даже цѣлой націи. Въ Конго и Лоанго вмѣсто родоначальника, виновнаго въ крупномъ преступленіи, казнятся его рабы. Такъ какъ весь народъ считается здѣсь однимъ семействомъ, то кредиторы, не получая съ должника, задерживаютъ и принуждаютъ къ уплатѣ его долга не только его родственниковъ, но и перваго встрѣчнаго земляка его. Каждая капля крови, каждая голова, потерянная семействомъ, каждая рана или обида, полученная однимъ изъ его членовъ, налагаетъ на послѣднихъ священную обязанность мстить виновному, и не только ему одному, но и всѣмъ ближнимъ его, даже всѣмъ животнымъ его. Месть за кровь родственника есть священный долгъ дикаря; пока онъ не выполнитъ его, надъ нимъ смѣются всѣ посторонніе, иногда даже его просаетъ жена, а если онъ не женатъ, то за него не пойдетъ никакая дѣвушка, мать постоянно плачетъ объ его несчастіи, а отецъ относится къ нему съ презрѣніемъ. У индѣйцевъ мститъ жена убитаго мужа, хотя и не собственноручно, а передавая эту обязанность своему второму мужу. Родовая месть, какъ уголовная такъ

и имущественная, порождаетъ вездѣ непрерывные анархическіе раздоры, которые впрочемъ у нѣкоторыхъ народовъ довольно рано начинаютъ оканчиваться примиреніемъ и взысканіемъ съ виновнаго виры.

Религія проникнута тѣми же семейными элементами; боги—отцы людей, и отцы не въ фигуральномъ, а въ буквальномъ значеніи этого слова: отъ нихъ происходятъ или цѣлые народы, или, по крайней мѣрѣ, царствующія надъ ними династіи. Когда общество раздѣлено еще на самостоятельныя семьи, тогда существуютъ только божества семейныя, въ родовомъ бытѣ появляются божества родовыя, и только послѣ соединенія родовъ въ одинъ народъ — божества національныя. Внутреннія отношенія божественнаго міра составлены также по семейному образцу; сначала главные боги — отцы семей, потомъ родоначальники, наконецъ патріархальные цари.

Такъ, семейные принципы проникаютъ собою всю нравственную и соціальную жизнь народа. Съ развитіемъ государства, права, религіозной системы и особенно жреческой касты архаическое семейство получаетъ норму, съ которой должны сообразоваться всѣ отношенія его членовъ; а положеніе женщины ухудшается во многихъ отношеніяхъ, особенно въ томъ, что за ней начинаютъ слѣдить и держать ее на крѣпкой уздѣ не только родители или мужъ, но и государство, и право, и религія, которыя проникнуты началами архаическаго семейства и всесильно стараются поддерживать его, какъ главную основу общества.

V.

Есть историческія данныя, несомнѣнно утверждающія, что на зарѣ восточной цивилизаціи положеніе женщинъ было несравненно лучше, чѣмъ впослѣдствіи. Въ древнемъ Индустанѣ женщина пользовалась большимъ общественнымъ уваженіемъ; она не подлежала смертной казни, никто не имѣлъ права ударить ее даже цвѣткомъ, мужъ называлъ ее госпожею; она пользовалась полной общественной свободой, ходила безъ покрывала, посѣщала храмы, участвовала въ публичныхъ увеселеніяхъ; чужіе мужчины посѣщали женскіе покои, короли давали свои аудіенціи въ присутствіи королевъ и ихъ женскаго двора; знатныя барыни предпринимали путешествія, дочери участвовали въ разговорѣ родительскихъ гостей; женщины не только бывали въ театрѣ, но даже исполняли на сценѣ женскія роли. Онѣ допускались тогда и въ суды для свидѣтельства, и если обвинялась женщина, то женское свидѣтельство предпочиталось мужскому. Религія поддерживала это высокое значеніе женщины. «Кто презираетъ женщину, тотъ презираетъ свою мать,» говорятъ Веды. «Кто проклятъ женщиной, тотъ проклятъ Богомъ.» «Женскія слезы низводятъ небесный огонь на голову тѣхъ, которые заставляютъ женщинъ проливать ихъ.» Также вы-

соко стоитъ женщина и въ древнихъ индусскихъ легендахъ о первыхъ людяхъ, Адамѣ и Евѣ. Индусская Ева не соблазняетъ мужа, но отклоняетъ его отъ грѣха, и когда онъ всетаки согрѣшилъ, то она слѣдуетъ его примѣру, побуждаемая любовью. Послѣ паденія она дѣлается утѣшительницею Адама и получаетъ прощеніе отъ Брамы. Прошли столѣтія, и женщина очутилась полной рабыней мужчины. Этимъ превращеніемъ она обязана развитію восточныхъ государствъ и духовенства съ его доктринами.

Всѣ деспотіи Востока основаны на поголовномъ рабствѣ подданныхъ; страна считается частной собственностью правительства, всѣ живутъ и работаютъ только для него. Богатство, роскошь и праздность высшаго класса порождаютъ полигамію, во многихъ мѣстахъ доходящую до ужасныхъ размѣровъ. Въ Индустанѣ у вліятельныхъ, богатыхъ, особенно у владѣтельныхъ лицъ часто по нѣскольку сотъ женъ. У персидскихъ шаховъ изъ династіи сассанидовъ бывало въ разныхъ резиденціяхъ по 3,000 женъ и 12,000 наложницъ. Ахмедъ I имѣлъ 3,000 женъ, а вельможи его имперіи по нѣскольку сотъ каждый. Забирая такую кучу женщинъ, высшій классъ ставитъ бѣдняковъ въ необходимость жить въ моногаміи, къ которой принуждаетъ ихъ еще и недостаточность средствъ для содержанія многихъ женъ. Полигамія, поэтому, институція чисто аристократическая. Въ Китаѣ только $^1/_{10}$ всего населенія живетъ въ полигаміи, а $^9/_{10}$, по бѣдности, могутъ жить не иначе, какъ въ единоженствѣ. Въ Бомбеѣ изъ 28,000 жителей въ полигаміи живутъ 100 и только 5 изъ нихъ имѣютъ не менѣе 3 женъ. Въ Турціи на 100 единоженцевъ приходится 5 двуженцевъ и только 1 многоженецъ. Въ Египтѣ и Аравіи 1 двоеженецъ приходится на 100 моногамистовъ, а изъ 500 многоженцевъ не найдется и одного мужа, имѣющаго болѣе двухъ женъ. О другихъ странахъ хотя и нѣтъ такихъ численныхъ данныхъ, но всѣ путешественники единогласно говорятъ объ этомъ, бросающемся каждому въ глаза, громадномъ численномъ перевѣсѣ моногамистовъ надъ многоженцами. Такой характеръ полигаміи, какъ привилегіи сильныхъ міра сего, такъ неизмѣненъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, что эта привилегія часто превращается сначала въ юридическій обычай, а потомъ въ законъ, повелѣвающій подданнымъ держать только по одной женѣ, а властителямъ дозволяющій сколько угодно. Такъ, напримѣръ, у императоровъ Китая, у раджей Индустана, такъ было въ древнихъ Перу и Мехикѣ.

Полигамія ведетъ за собою спеціальное воспитаніе женщины для половыхъ наслажденій; праздность, роскошь стола, жилища, одежды, украшеній, множество слугъ—все это передѣлываетъ ея организмъ и сообщаетъ ему ту нѣжность и красоту, которыя такъ плѣняютъ мужчину. У многихъ народовъ женщину воспитываютъ для брака, словно скотину на убой или каплуна на жаркое. У старинныхъ канарцевъ, напр., которые любили жирныхъ женщинъ, невѣсту запирали и лишали всякаго движенія, обильно

кормя ее ячменной кашей, саломъ, молокомъ и медомъ. Будучи рабыней, содержимой для удовольствія своего господина, женщина отрѣшается отъ всѣхъ другихъ стремленій жизни и поставляетъ себѣ единственною задачею понравиться мужу болѣе другихъ женъ. Соперничество порождаетъ среди гаремныхъ затворницъ ревность; та же страсть развивается и въ мужчинахъ, какъ результатъ правъ собственности на свою жену и какъ слѣдствіе другой страсти, любви, постепенно возрастающей въ исторіи по мѣрѣ развитія половыхъ противуположностей. Женщину, поэтому, удаляютъ отъ общества, заключаютъ въ гаремы и приставляютъ къ ней особую стражу евнуховъ, — одно изъ самыхъ варварскихъ учрежденій, выдуманныхъ человѣческою развращенностью. Число этихъ несчастныхъ иногда равняется числу гаремныхъ затворницъ, даже превосходитъ его. Древне-персидскіе шахи ежегодно получали въ видѣ натуральной дани съ Ассиріи и Вавилона по 500 оскопленныхъ мальчиковъ. На аудіенціи, данной византійскимъ посламъ калифомъ Моктадиромъ, присутствовало 4,000 бѣлыхъ и 3,000 черныхъ евнуховъ. Въ гаремахъ современныхъ персидскихъ вельможъ находится ихъ обыкновенно по 6 — 8. Въ верхнемъ Египтѣ приготовленіе мальчиковъ къ этому гнусному состоянію монополизировано монахами. Ревность оріенталовъ доходитъ до того, что они не довѣряютъ даже евнухамъ. У персидскихъ шаховъ всѣ должности внутри гарема—услуги, чтеніе молитвъ, леченіе больныхъ, погребеніе умершихъ, содержаніе карауловъ—исполняются особо предназначенными для того женщинами, евнухи не входятъ въ гаремъ, а только сторожатъ его снаружи. Управитель гарема всегда выбирается изъ самыхъ безобразныхъ стариковъ. Гаремъ — темница женщины, и знатныя дамы никогда не покидаютъ его; снабженныя всѣмъ необходимымъ, онѣ проводятъ цѣлую жизнь въ гаремныхъ стѣнахъ, занимаясь болтовнею, вышиваньемъ, нарядами, иногда музыкой, а больше — ничегонедѣланьемъ. Всѣ онѣ крайне невѣжественны, безграмотны, тупы; онѣ лишены даже утѣшеній общественнаго культа, а ревнивый Магометъ *освободилъ* ихъ отъ обязанности т. е., говоря проще, запретилъ имъ посѣщать храмы. Магометъ много виноватъ въ гаремной неволѣ женщинъ; онъ освятилъ ее религіей и посредствомъ своей вѣры водворилъ ее у такихъ народовъ, у которыхъ до него ея вовсе не было. Но не Магометъ основалъ гаремы; исключенность женщинъ изъ общественной жизни мы видимъ уже у многихъ патріархальныхъ народовъ, хотя окончательное водвореніе ея въ жизни и удается мужчинамъ только тогда, когда въ народѣ разовьется богатая аристократія, могущая содержать гаремы и ненуждающаяся въ трудѣ своихъ женъ. Еще въ эпоху патріарховъ жены евреевъ съ своими дочерьми и рабынями жили отдѣльно отъ мужчинъ, въ особомъ отдѣленіи шатра, иногда даже въ отдѣльныхъ палаткахъ, какъ это и по нынѣ дѣлается у многихъ африканцевъ. Когда евреи перешли къ городской жизни, положеніе женщинъ ухудшилось, потому что ихъ удаляли уже не за занавѣску только и не въ отдѣльный шатеръ,

а начали запирать въ гаремы съ каменными или деревянными стѣнами, съ крѣпкими дверьми, замыкавшимися хорошими замками; у царей гаремы сторожили евнухи. Женщины въ этихъ темницахъ шили, вязали, стряпали, болтали—и только. Въ Китаѣ, еще задолго до Конфуція, женщины были сдѣланы затворницами; но онѣ вновь успѣли завоевать себѣ свою прежнюю свободу, которую снова отняли у нихъ въ эпоху Конфуція, много содѣйствовавшаго своимъ ученіемъ этой побѣдѣ своекорыстной ревности мужчинъ. «Никакой мужчина не долженъ входить въ покой чужой женщины,» говоритъ философъ-законодатель. Съ тѣхъ поръ жилье женщинъ отдѣлено отъ покоевъ мужчинъ стѣною и охраняется карауломъ. Даже братья совершенно разобщаются съ сестрами съ девятилѣтняго возраста. Въ XVIII столѣтіи множество женщинъ пыталось разорвать наложенныя на нихъ оковы рабства, какъ увидимъ ниже, и возбудило противъ себя сильнѣйшую реакцію. До 1787 года женщины могли посѣщать храмы, но въ этомъ году, вслѣдствіе упомянутыхъ волненій, правительство своимъ указомъ запретило «всѣмъ женщинамъ бывать въ храмахъ и выходитъ изъ дома безъ самой крайней нужды. Отцамъ, братьямъ, мужьямъ, сыновьямъ и родственникамъ повелѣвается держать ихъ дома, подъ страхомъ наказанія за слабый надзоръ за ними. Послѣ этого указа, каждая женщина, вошедшая въ храмъ, должна быть арестована и заключена въ тюрьму, пока за нею не придетъ кто нибудь изъ родственниковъ, котораго тотчасъ же и наказать за слабость надзора». Чего же добраго можетъ ожидать женщина, если мужчину, и безъ того желающаго совершенно поработить ее, поощряетъ правительство и даже палочными ударами заставляетъ его лишать женщину всякой возможности сдѣлать хоть одинъ свободный шагъ?.. И нельзя удивляться, что китаянку успѣли превратить въ совершенную рабыню. Затворничество ея доходитъ до того, что если мужу случится ѣхать куда нибудь по необходимости съ женою, то онъ везетъ ее въ экипажѣ съ рѣшетками, имѣющемъ видъ клѣтки или арестантской повозки. Даже восточные христіане не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ язычниковъ и магометанъ. Затворничество женщинъ, эта одна изъ главнѣйшихъ язвъ древней Россіи, до сихъ поръ удерживается христіанами Турціи. Армяне, хотя и христіанскіе моногамисты, но держатъ своихъ женъ и дочерей въ такомъ же заточеніи, какъ и турки, и женихъ до самаго брака не видитъ лица своей невѣсты. Вмѣстѣ съ такимъ затворничествомъ окончательно утверждается обычай закрыванья женскаго лица отъ всѣхъ постороннихъ взоровъ. Мужчина, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ полное право исключительной собственности на свою жену. При полигаміи, гаремномъ затворничествѣ, спеціальномъ воспитаніи для половыхъ наслажденій, она дѣлается предметомъ роскоши и совершенною рабыней. Богачи покупаютъ себѣ красавицъ не только въ своей странѣ, но и за границей, дѣвушки Кавказа, напримѣръ, служатъ самымъ цѣннымъ и лучшимъ украшеніемъ гаремовъ Турціи. Хорошая плата, даваемая за дѣвушекъ, всегда

гибельно дѣйствуетъ на положеніе женщинъ, заставляя корыстолюбивыхъ родителей продавать своихъ дочерей богатымъ многоженцамъ. Вслѣдствіе этого, даже тамъ, гдѣ дѣвушка пользовалась до того свободою въ выборѣ жениха, она лишается ея и продается въ гаремъ, какъ невольница. Гаремъ поглощаетъ громадныя суммы, бросаемыя своими обитательницами на наряды и роскошную обстановку; женщина дѣлается въ этой обстановкѣ «нѣжною душистою розой», которую такъ любятъ воспѣвать восточные поэты; страстная женственность и возможность такъ часто мѣнять своихъ любовницъ доводятъ мужчинъ до положительнаго истощенія. Турки и арабы уже въ 30-ть лѣтъ обыкновенно дѣлаются импотентными. При этомъ ослабѣваетъ способность дадородія, дѣти родятся сплошь и рядомъ такими же слабыми, какъ и ихъ истаскавшіеся батюшки. Характеръ мужчинъ также мѣняется, они дѣлаются изнѣженными, слабыми, женственными. Это видимъ мы въ исторіи всѣхъ восточныхъ династій. Возьмите линію ассирійскихъ царей; въ началѣ ея стоитъ мощный образъ Семирамиды, этой героини, бывшей «великимъ мужемъ» Востока; мало въ ней женственности, но сколько ума и энергіи! Въ хвостѣ этой линіи стоитъ Сарданапалъ,—мужчина, превратившійся въ слабую, изнѣженную, распутную бабенку; у него женскій голосъ, женскія манеры, онъ даже наклоненъ къ женскимъ занятіямъ и, подобно гоголевскому вице-губернатору, вышивавшему по тюлю, занимается пряжей. Въ родѣ же его были въ Ассиріи и Вавилонѣ и всѣ высшихъ классовъ мужчины въ эпоху паденія этихъ государствъ. Таковы всегда результаты чрезмѣрно развившейся женственности.

Въ полигаміи цивилизованнаго Востока, какъ у народовъ полудикихъ, жены не перестаютъ соперничать и бороться между собою за исключительное обладаніе мужемъ, не перестаютъ стремиться къ моногаміи. Главнымъ орудіемъ служитъ имъ кокетство, и желая сдѣлать свою дочь царицею гарема, мать съ дѣтства обучаетъ ее всѣмъ тонкостямъ этого сладострастнаго искуства. Въ Турціи, при заключеніи брака, женихъ, по требованію невѣсты, даетъ часто торжественное обѣщаніе, что при жизни ея онъ не возьметъ себѣ другой жены; и такое требованіе заявляется большинствомъ невѣстъ. Вообще, на Востокѣ жены рѣдко уживаются въ одномъ домѣ и постоянно принуждаютъ мужа разбирать ихъ нескончаемыя ссоры; для водворенія мира онъ часто становится въ необходимость отводить каждой изъ нихъ отдѣльное жилище. И многіе оріенталы давно уже убѣдились, что съ нѣсколькими женами супругъ не можетъ быть такъ счастливъ, какъ съ одной. Въ арабскихъ пословицахъ часто выражается эта мысль, и въ среднемъ классѣ арабовъ полигаміи почти вовсе нѣтъ, не вслѣдствіе бѣдности, а единственно вслѣдствіе того, что женщина заставляетъ предпочитать единоженство. Даже нѣкоторые богатые турки довольствуются одною женою и держатъ гаремъ единственно для шику, для доказательства своей зажиточности. Подъ вліяніемъ описанныхъ обстоятельствъ, всѣ по-

чти древніе законодатели-мыслители выставляютъ моногамическій союзъ идеаломъ брака. Въ Мехикѣ, хотя императоры и богачи имѣли гаремы, но изъ многихъ женъ законною считалась только одна, и всѣ признавали ученіе мудрыхъ моралистовъ: «Богъ хочетъ, чтобы у женщины былъ одинъ мужъ, а у мужчины одна жена». Ману предсказываетъ особенное счастіе тому дому, въ которомъ царствуетъ моногамія; въ Рамайанѣ единоженцамъ обѣщается вѣчное блаженство на небѣ; и въ Индустанѣ есть религіозныя секты, напримѣръ делійскіе садсы, съ особенною строгостью охраняющіе признанную ими святость единоженства. Законы Зороастра также предписываютъ моногамію, и только въ случаѣ безплодія жены, этого величайшаго несчастія для оріентала, дозволяютъ ему жениться на другой, и то не иначе, какъ черезъ девять лѣтъ послѣ заключенія брака, съ согласія старой жены и съ сохраненіемъ за нею всѣхъ ея правъ Въ Китаѣ моногамія также рекомендуется закономъ, который и при многоженствѣ ревниво охраняетъ права главной жены. Мужъ, низведшій ее не степень второй или жены наложницы, получаетъ 100 палокъ; за возвышеніе второстепенно жены на мѣсто главной — 90 палокъ и т. д.; а главная жена съ тѣмъ вмѣстѣ возстановляется въ своихъ правахъ и привелегіяхъ. Въ Японіи и Сіамѣ полигамія запрещена. Въ моисеевомъ законодательствѣ моногамія хотя и не предписана, но все таки предпочитается многоженству; послѣднее начало падать у евреевъ послѣ возвращенія ихъ изъ плѣна вавилонскаго, а въ XI вѣкѣ раввинъ Герсонъ съ другими духовными авторитетами окончательно уничтожилъ его, изрѣкши проклятіе противъ всякаго, кто рѣшится имѣть двухъ женъ.

Такимъ образомъ, женщины, бѣдныя классы, проповѣдники нравственности составляли всегда оппозицію противъ полигаміи; но послѣдняя, созданная сладострастіемъ мужчинъ, властью и капиталомъ высшихъ классовъ, находитъ въ нихъ достаточно силы для своей поддержки. У однихъ народовъ сильные міра сего, повинуясь напору упомянутой оппозиціи, предписываютъ моногамію всѣмъ поданнымъ, а за собой оставляютъ привилегію многоженства; такъ было, напримѣръ въ Мехикѣ и Перу. Въ Китаѣ законъ предписываетъ моногамію, но императору дозволяется кромѣ неопредѣленнаго числа наложницъ, имѣть одну главную жену, двѣ второстепенныхъ и шесть третьестепенныхъ. Въ Индустанѣ количество женъ соразмѣряется съ сословнымъ положеніемъ мужчины; браминъ можетъ имѣть четырехъ женъ, воинъ—трехъ, замледѣлецъ—двухъ, судра—только одну. При этомъ, изъ женъ мужчины, пранадлежащаго къ первымъ тремъ классамъ, одна непремѣнно должна быть главною. Въ большинствѣ же случаевъ, сторонники полигаміи стараются обойти направленные противъ нея законы посредствомъ фикціи наложничества или канкубината. Наложница — не жена, а рабыня, въ буквальномъ смыслѣ, подчиненная женѣ и содержимая какъ самка для дѣторожденія или же для половыхъ услугъ мужчины. Конкубинатъ для мужчины еще выгоднѣе многоженства: законъ

не налагаетъ на него такихъ обязанностей относительно рабыни-наложницы, какія онъ предписываетъ ему относительно жены. Въ Персіи, Египтѣ, Іудеѣ, Японіи—вездѣ, гдѣ полигамія не одобряется религіей или запрещается закономъ, она замѣнена конкубинатомъ. Но и съ наложничествомъ не совсѣмъ примиряется женщина, и не одна Сарра изгоняетъ Агарь изъ дома своего мужа. Въ Китаѣ конкубинатъ хотя и въ обычаѣ, но онъ не считается законнымъ бракомъ; если китаецъ, имѣя дѣтей отъ законной жены, беретъ еще наложницу, то это не одобряется общественнымъ мнѣніемъ; конкубинатъ считается извинительнымъ только при бездѣтности законной жены. Востоку не суждено было окончательно утвердить въ жизни моногамію,—это сдѣлали христіанство, римское право и, подъ его вліяніемъ, еврейское законодательство. Но въ религіи Магомета полигамическія тенденціи Востока снова одержали побѣду. Нѣтъ сомнѣнія, что личные разсчеты Магомета имѣли значительное вліяніе на характеръ его ученія; это обстоятельство вмѣстѣ съ извѣстнымъ женолюбіемъ пророка и его наклонностью, по возможности, избѣгать враждебныхъ столкновеній съ народными обычаями и страстями, послужило основаніемъ мусульманской полигаміи. Въ XXXIII сурѣ корана Аллахъ дозволяетъ Магомету—«и только исключительно ему и кромѣ его никому изъ вѣрныхъ»—имѣть столько женъ, сколько онъ захочетъ, вступать съ ними въ законный бракъ, держать ихъ въ качествѣ наложницъ, прогонять, снова брать къ себѣ,—словомъ, поступать съ ними, какъ его душенькѣ угодно! Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ Аллахъ противорѣчитъ приведенному дозволенію, запрещая Магомету, кромѣ имѣющихся у него женъ, братъ другихъ, но не отказывая ему въ наложницахъ. Каждый магометанинъ можетъ имѣть только четыре законныхъ жены, а наложницъ—сколько угодно, хоть цѣлый табунъ. Всѣ жены равны между собою.

Купля-продажа невѣсты, столь распространенная въ патріархальномъ быту, сохраняется и послѣ перехода людей къ государственной жизни. Общество превращается въ громадную семью, управляемую деспотическимъ владыкой, который силится распространить свое право собственности на всю землю, обитаемую его подданными, на все ихъ имущество, даже на нихъ самихъ. На его лицо переносятся всѣ права и привилегіи отеческой власти. Первичнымъ типомъ такого царства служитъ Дагомея. Какъ отецъ своей семьи, дагомейскій король выдаетъ замужъ всѣхъ женщинъ и женитъ всѣхъ мужчинъ своей страны. Женихъ приноситъ ему установленную плату и получаетъ себѣ въ жены дагомейку или плѣнную чужестранку. Всѣ дѣти принадлежатъ королю, равно какъ и всѣ взрослые, которыхъ онъ часто продаетъ иностранцамъ. По свидѣтельству Спика также устраиваются браки у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ. Въ древнемъ Вавилонѣ существовалъ подобный же обычай. Въ каждомъ округѣ избирались три уважаемыхъ мужчины, которые собирали всѣхъ достигшихъ брачнаго возраста дѣвушекъ и продавали ихъ съ аукціона желающимъ. Прежде всего

продавались самыя красивыя, и изъ вырученной за нихъ платы составлялось приданое для самой неприглядной дѣвушки. Въ Китаѣ до сихъ поръ правительство раздаетъ бѣднякамъ въ жены воспитанницъ домовъ для найденышей. И въ лѣтописяхъ деспотическихъ государствъ можно найти не мало примѣровъ того, какъ общественная власть замѣняетъ собою въ брачныхъ дѣлахъ власть родительскую. Но такое вторженіе правительства въ семейную сферу рѣдко, только въ видѣ исключенія, превращается въ такой законный обычай, какъ въ Дагомеѣ и Вавилонѣ, въ большинствѣ же случаевъ оно является простымъ выраженіемъ произвола деспота. Семья или ея владыка сохраняютъ по прежнему свои права на дочь, и бракъ по прежнему остается торговою сдѣлкою между двумя семействами. Такой характеръ брака лучше всего выражается въ самой церемоніальной странѣ міра, въ Японіи. Самыя ничтожныя мелочи брачной церемоніи здѣсь регулированы, и описаніе ихъ, которое въ видѣ руководства раздается всѣмъ участвующимъ на свадьбѣ, составляетъ довольно объемистую книжку. Договаривающіяся стороны дѣлаютъ, между прочимъ, точные списки обоюдныхъ подарковъ; послѣдніе принимаются съ большою торжественностью и въ полученіи ихъ выдаются формальныя квитанціи. Въ индѣйскомъ покупномъ бракѣ женихъ дѣлаетъ визитъ отцу невѣсты и уплачиваетъ ему калымъ; отецъ отдаетъ визитъ съ большою торжественностью и даритъ жениха; послѣ этихъ формальностей дѣвушка считается проданною, но такой договоръ можетъ быть уничтоженъ по волѣ касты или же общаго собранія всѣхъ родственниковъ невѣсты, если они признаютъ, что отецъ заключилъ его неправильно. У большинства оріенталовъ бракъ заключается въ формѣ настоящаго торговаго договора; оба семейства обозначаютъ въ контрактѣ цѣну невѣсты, количество приданаго и т. д. Въ Китаѣ и другихъ странахъ для устройства брачныхъ дѣлъ существуютъ многочисленные классы свахъ, которыя нанимаются у родителей жениха, отыскивать для него приличный и выгодный *товаръ*, т. е. невѣсту, разузнавать объ ея качествахъ, цѣнѣ и т. д. При заключеніи покупного брака рѣдко спрашиваютъ согласія невѣсты, да въ большинствѣ случаевъ это и невозможно, такъ какъ множество дѣвушекъ обручается трехъ-четырехъ лѣтъ отъ рода, часто даже при самомъ рожденіи ихъ, а нарушить обручальнаго договора нельзя, и въ Китаѣ за это полагается отцу семейства 50 палочныхъ ударовъ. Замужъ выдаютъ тоже рано; — лѣтъ 10, 12, 15. Большею частію такія раннія обрученія и браки зависятъ отъ корыстныхъ разсчетовъ невѣстиныхъ родителей и отъ развращеннаго вкуса мужчинъ, падкихъ на молоденькую невинность,—но иногда они вынуждаются и другими обстоятельствами. Талмудическое законодательство, напримѣръ, уже давно запретило обручать дѣвушку ранѣе 12 лѣтъ, а выдавать замужъ ранѣе 17; но общественныя бѣдствія евреевъ заставляли ихъ уклоняться отъ этого правила; «гонимые съ одного мѣста на другое—говорятъ раввины—нигдѣ не находя пристанища, живя въ мучительной неиз-

вѣстности, что принесетъ намъ завтрашній день, — мы должны обезпечивать нашихъ дочерей при первой возможности и заблаговременно пріискивать имъ защиту». Цѣна дѣвушекъ разнообразится по обстоятельствамъ, регулирующимъ и колеблющимъ цѣну всякаго товара вообще; но законодательства стараются опредѣлить ея нормальный minimum, размѣры котораго вполнѣ гармонируютъ съ невыгоднымъ воззрѣніемъ оріенталовъ на женщину. По закону Моисея за невѣсту платилось столько же, сколько за невольника *). По корану, женихъ долженъ платить за дѣвушку не менѣе 10 диримъ (около 1 р. 50 к. с.). Въ индустанскомъ правѣ покупной бракъ имѣетъ двѣ степени, во-первыхъ, бракъ *арса*, если женихъ платитъ отцу невѣсты двухъ коровъ, и бракъ *асура*, при которомъ женихъ даетъ за невѣсту столько цѣнностей, сколько позволяютъ ему собрать его обстоятельства. Но оба эти брака не одобряются ни общественнымъ мнѣніемъ, ни даже законодательствомъ, какъ это видимъ и у другихъ цивилизованныхъ народовъ Востока. Постыдность этой продажи невѣсты заключается, по воззрѣнію оріенталовъ, не въ униженіи ея человѣческой личности, а въ томъ, что такая продажа компрометируетъ честь родителей; «порядочный человѣкъ» Востока, какъ и всѣхъ малоразвитыхъ странъ, считаетъ позорнымъ заниматься какою бы то ни было торговлею, какимъ бы то ни было промышленнымъ трудомъ,—единственно почетными занятіями для него служатъ воинскій грабежъ, эксплуатація народа поборами и работами и т. п. Поэтому даже тамъ, гдѣ продажа дочерей не одобряется, какъ напр. въ Индустанѣ, тамъ родители могутъ дарить ихъ, нисколько не пятная тѣмъ своей репутаціи порядочныхъ людей. Въ той же Индіи, гдѣ продажа невѣсты считается дѣломъ позорнымъ, особенно священными формами брака считаются такъ называемыя *церемоніи Брамы*, когда отецъ, по собственному побужденію, даритъ брамину свою дочь, одѣтую только въ одно простое платье, и *церемонія Даветасъ*, при которой даримая дѣвушка является къ жениху разодѣтою въ пухъ и прахъ. Такимъ образомъ, ложное чувство приличія выводитъ изъ употребленія продажу невѣсты, и хотя это нисколько не ослабляетъ родительскаго произвола, но все-таки приноситъ пользу женщинѣ. Заботы невѣсты о своей будущности, заботы о томъ же ея семейства, самолюбіе жениха, недозволяющее ему брать *товаръ* даромъ, — все это содѣйствуетъ переходу калыма въ утренній даръ. Этотъ переходъ совершается не вдругъ и имѣетъ нѣсколько ступеней. Въ мусульманскомъ правѣ и въ узаконенныхъ имъ народныхъ обычаяхъ часть утренняго дара, и часть самая большая,

*) Unger, 33. Франкель опровергаетъ это мнѣніе Унгера, такъ какъ въ цитуемомъ послѣднимъ мѣстѣ (Второзак., XXII, 29) «говорится не о цѣнѣ супруги, а о возмездіи, которое долженъ платить соблазнитель необрученной дѣвицы ея отцу за ея обезчещеніе». Такъ; но соблазнитель *долженъ жениться на ней*, и въ упомянутомъ мѣстѣ Второзаконія опредѣляется *сумма калыма, необходимая для заключенія брака*. Евреефильствующій Франкель не хочетъ понять того.

берется родителями невѣсты, какъ плата за нее, а другую часть женихъ отдаетъ невѣстѣ, какъ бы покупая у ней самой ея дѣвственность; эта послѣдняя сумма, дѣлаясь собственностью жены, обезпечиваетъ ея положеніе въ томъ случаѣ, если она овдовѣетъ или разведется съ мужемъ, безъ нарушенія съ ея стороны обязанностей брака. При дальнѣйшемъ развитіи права, уплата калыма становится пустою обрядовою формальностью, а утренній даръ возвышается въ своей цѣнности и передается невѣстѣ въ ея исключительную собственность. По талмудическому законодательству нормою упомянутаго обряднаго калыма служитъ ничтожный динарій, $1/8$ итальянскаго голаса; минимумъ же суммы, долженствующей обезпечить жену въ случаѣ ея вдовства или развода, опредѣляется въ 200 гульденовъ для дѣвушки и во 100 для вдовы; со II вѣка до Р. Х. этотъ даръ обезпечивается всѣмъ имуществомъ мужа.

Изчезновеніе калыма и развитіе обычая давать невѣстѣ утренній даръ или обязательство обезпечить ее на случай вдовства или развода конечно улучшаютъ положеніе женщины, и улучшаютъ не только этимъ обезпеченіемъ, но и тѣмъ, что тутъ мужу внушается чувство извѣстнаго долга, извѣстной обязанности относительно своей жены. А эта обязанность необходимо содѣйствуетъ прочности брачнаго союза, затрудняя разводъ по капризу одного мужа. Обычай приданаго, окончательно входящій въ силу при развитіи права и государства, также не мало содѣйствуетъ прочности брака и не только улучшаетъ отношенія жены къ мужу, но въ извѣстныхъ случаяхъ ставитъ первую главою дома. На мусульманскомъ Востокѣ богатые отцы часто выдаютъ своихъ дочерей за бѣдняковъ, и такіе мужья необходимо становятся въ полную зависимость отъ своихъ богатыхъ женъ. Такая жена — говоритъ одинъ наблюдатель турецкихъ нравовъ—«мало имѣетъ поводовъ жаловаться на свою участь. Она вовсе не плѣнница; она свободно разъѣзжаетъ въ своемъ позолоченомъ экипажѣ; она гуляетъ въ изящномъ каикѣ по водѣ, вдоль очаровательныхъ береговъ Босфора; она владычествуетъ надъ гаремомъ и надъ сердцемъ своего мужа». Не даромъ же на Востокѣ замѣчается реакція противъ значительнаго приданаго: оріенталъ хочетъ быть лучше господиномъ бѣдной жены, чѣмъ рабомъ богатой.

На всемъ Востокѣ сплошь и рядомъ дѣвушки обручаются, даже выдаются замужъ несовершеннолѣтними; родители, конечно, не спрашиваютъ ихъ согласія и, въ случаѣ ихъ сопротивленія, могутъ принудить ихъ къ замужеству силой. Вдовы же совершенно свободно располагаютъ своей рукой. Но и власть родителей женить сына и выдавать дочь, вполнѣ признаваемая юридическими обычаями и законами первичныхъ государствъ, впослѣдствіи значительно ограничивается законодательствомъ въ интересахъ женщины. Безъ согласія невѣсты бракъ дѣлается невозможнымъ, и у мусульманъ взрослая дочь сама выбираетъ себѣ мужа; но въ дѣйствительности родители всегда могутъ вынудить у дочери упомянутое согласіе

и тѣмъ отнять у закона всю его силу; и у насъ de jure бракъ заключается по свободному согласію невѣсты и жениха, но свадьбы нашихъ купцовъ и крестьянъ свидѣтельствуютъ, какъ призрачно въ грубомъ обществѣ согласіе невѣсты. Давши дѣвушкѣ такую льготу, законы Востока требуютъ также для заключенія брака и согласія родителей жениха и невѣсты, даже при неимѣніи такого закона, его замѣняютъ обычай и общественное мнѣніе, карающіе ослушниковъ. Безусловная покорность родительской волѣ предписывается здѣсь не только законодательствомъ, но и служитъ основнымъ правиломъ морали, нарушеніе котораго пятнаетъ репутацію человѣка. У евреевъ совершеннолѣтній сынъ по закону вполнѣ самостоятеленъ, но обычная мораль требуетъ, чтобы онъ не вступалъ въ бракъ безъ согласія своихъ родителей. Если онъ отступалъ отъ этого правила, то встарину родители его выносили на публичное мѣсто бочку съ фруктами и разламывали ее, говоря: «нашъ родственникъ женился на недостойной женщинѣ; мы не хотимъ, чтобъ его дѣти смѣшивались съ нашими, и да будетъ это знакомъ въ будущемъ» (т. е. какъ разъединились фрукты, такъ разъединяемся и мы съ нимъ).

Въ первобытной, государственной жизни, какъ мы уже видѣли, женщина стремилась къ свободному заключенію брака, къ превращенію его въ личный договоръ между нею и женихомъ. Это стремленіе перешло и въ государственную эпоху, проникло даже въ первобытные кодексы и народные обычаи. Въ Индустанѣ до сихъ поръ существуетъ «бракъ небесной гармоніи», заключаемый единственно по взаимной склонности влюбленныхъ жениха и невѣсты. Въ древне-индійскихъ стихотвореніяхъ часто упоминается еще объ обычаѣ, по которому родители невѣсты приглашали къ себѣ на пиръ юношей, намѣревающихся жениться, и невѣста сама выбирала изъ нихъ жениха себѣ, кладя на его голову цвѣточный вѣнокъ. Этотъ обычай сохранился до сихъ поръ въ Таньорѣ. Но да не увлечется читательница наружною прелестью этого брака; привилегія, добытая себѣ женщиною, состоитъ здѣсь почти всегда только въ свободномъ выборѣ своего господина; все отличіе формы свободнаго брачнаго союза отъ брака, заключаемаго по волѣ родителей, состоитъ въ томъ, что въ одномъ случаѣ дѣвушку отдаютъ, а въ другомъ — она сама поступаетъ въ рабство.

На Востокѣ право не отдѣлено отъ религіи и всѣ древніе кодексы оріенталовъ были въ тоже время сводами религіозныхъ заповѣдей. Эти кодексы не только узаконяли развившіеся въ народной жизни юридическіе обычаи, но съ тѣмъ вмѣстѣ предписывали новыя правила, пытались реформировать общества. Всѣ они, кромѣ Зендавесты, вооружаются противъ браковъ между ближними родственниками; коранъ запрещаетъ передавать жену по наслѣдству; законы евреевъ, японцевъ строго воспрещаютъ женитьбу на иностранкахъ, а коранъ — на иновѣркахъ; въ Китаѣ нельзя жениться на всѣхъ женщинахъ, носящихъ съ женихомъ одну фамилію, что чрезвычайно затруднительно для брачныхъ дѣлъ, такъ какъ у 400,000,000

китайцевъ число фамилій крайне незначительно, менѣе 500. Въ странахъ, въ которыхъ браки съ иностранками вошли уже въ употребленіе, запрещеніе ихъ часто долго еще тяготѣетъ на членахъ царскихъ фамилій, какъ напримѣръ въ Китаѣ, гдѣ женихъ-богдыханъ собираетъ всѣхъ красивѣйшихъ дѣвушекъ имперіи и выбираетъ себѣ изъ нихъ женъ. Такимъ же способомъ женились цари древней Руси, ханы Джунгаріи и до сегодня — владѣтели разныхъ среднеазіятскихъ и африканскихъ государствъ. Затѣмъ освящая существованіе кастъ и ихъ полную изолированность другъ отъ друга, восточныя законодательства всѣми мѣрами стараются основать бракъ на принципѣ *равнородности* обоихъ супруговъ; касты и сословія не должны смѣшиваться между собою и аристократъ не долженъ портить своего потомства примѣсью къ его благородной крови нечистой крови плебейки матери. Болѣе всего старается объ этомъ индійское законодательство, которое члену низшей касты запрещаетъ даже глядѣть на женщину высшей. Въ сущности эти запрещенія кастовыхъ браковъ есть тоже, что и запрещеніе браковъ международныхъ, — каждая каста состоитъ, по теоріи по крайней мѣрѣ, изъ людей особой породы, и членъ высшей касты относится къ нимъ съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ и къ иностранцамъ. Но всетаки нужно замѣтить, что требованіе равнородности супруговъ было шагомъ впередъ въ дѣлѣ уравненія жены съ мужемъ. Въ равнородномъ бракѣ мужъ не можетъ уже презирать жену, какъ онъ презираетъ ее въ томъ случаѣ, если она иностранка или происходитъ изъ низшей касты, хотя это уваженіе и это презрѣніе относятся къ ней не какъ къ женщинѣ, а только какъ къ члену рода или касты.

Религіозныя системы и проповѣди моралистовъ Востока рисуютъ намъ идеалъ брачной жизни и счастливый бракъ считаютъ однимъ изъ величайшихъ благъ земной жизни. Для достиженія этого блага, они считаютъ необходимымъ миръ въ семейной жизни и любовь супруга къ женѣ. Не мало авторитетныхъ голосовъ убѣждало деспотическихъ оріенталовъ къ гуманному обхожденію съ такими добродѣтельными женами. Законы Ману говорятъ, что женъ должны уважать и украшать нарядами не только мужья ихъ, но и всѣ другіе ихъ родственники; супругамъ совѣтуется жить въ полной любви и мирѣ; но все это необходимо не ради самой женщины, а ради благоденствія семьи; напр., упомянутое украшеніе нарядами жены нужно только для того, чтобы она любила мужа, ибо безъ любви не будетъ дѣтей. Даже варварское законодательство Китая даетъ женщинѣ нѣкоторыя привилегіи, изъ уваженія къ ея материнству. Китаянку нельзя посадить въ общественную тюрьму, если она не виновата въ прелюбодѣяніи или уголовномъ преступленіи; чиновникъ, нарушившій этотъ законъ, получаетъ 40 палокъ; беременная женщина, присужденная къ тѣлесному наказанію, наказывается не раньше, какъ черезъ сто дней послѣ родовъ. Магометъ увѣщеваетъ вѣрныхъ быть справедливыми и милосердыми къ женамъ, за что Богъ наградитъ мужей на небѣ. И вслѣдствіе вліянія

магометанства, положеніе женщинъ у дикарей, принявшихъ коранъ, дѣлается лучше, чѣмъ до ихъ обращенія къ исламу. Вмѣстѣ съ обязанностью любить и уважать жену, религіозныя системы и кодексы Востока предписываютъ мужу прилично одѣвать и пропитывать ее, а также имѣть съ нею половое совокупленіе въ опредѣленные сроки; у евреевъ, кромѣ того, онъ обязанъ лѣчить жену (но только отъ непродолжительной болѣзни, ибо за постоянную хворость онъ можетъ дать ей разводъ), выкупать изъ плѣна (на этомъ основаніи онъ пользуется доходами съ имущества жены), прилично хоронить умершую жену, за что онъ наслѣдуетъ ея приданое. Къ исполненію этихъ обязанностей жена можетъ принуждать мужа посредствомъ суда. Конечно, подобныя ограниченія мужняго произвола улучшаютъ семейный бытъ женщины, по возможности гарантируя ее отъ самодурческихъ капризовъ супруга; но всѣ упомянутыя заботы законодательствъ относятся не къ женщинѣ, даже не къ женѣ вообще, а только къ женѣ, какъ къ матери семейства и ревностной помощницѣ своего мужа. Убѣждая владыкъ быть человѣколюбивѣе съ своими рабынями, законодательства имѣютъ въ виду интересы семейства и самихъ мужей, такъ какъ опытъ всегда показываетъ, что человѣка гораздо успѣшнѣе можно превратить въ раба посредствомъ кроткаго управленія имъ, чѣмъ посредствомъ жестокостей и самодурскаго произвола. «Счастливъ человѣкъ, имѣющій добродѣтельную жену, потому что долгота дней его удвоится черезъ то»—говоритъ сынъ Сираховъ, высказывая общее желаніе всѣхъ оріенталовъ имѣть добродѣтельную жену. Идеалъ ея состоитъ въ томъ, чтобы она поступила къ мужу невинною, была вѣрна ему и чадородна, хорошо вела бы хозяйство, было бы покорною и всегда готовою слугою своего супруга. Всѣ заботы восточныхъ законодательствъ и моралистовъ устремлены на выработку этого идеала и средствъ къ его осуществленію въ жизни. Власть мужа получаетъ религіозную санкцію; жена обязана покоряться ему въ силу лежащаго на ней небеснаго проклятія за грѣхопаденіе; права мужа, основанныя на чисто гражданскомъ договорѣ его съ невѣстою и родителями ея, освящаются обрядомъ вѣнчанія и утверждаются государственною властью. Все стремится къ тому, чтобы сдѣлать изъ женщины добродѣтельную рабыню. Женщина, по законамъ Ману, никогда не должна стремиться къ независимости, она не должна даже мечтать о жизни отдѣльно отъ своего отца, своего мужа или своихъ сыновей; если она разойдется съ мужчиной, то оба подвергаются общественному презрѣнію. Единственное средство угодить богамъ и достичь небеснаго блаженства жена имѣетъ только въ безпрекословной покорности и вѣрности своему супругу; въ рай она можетъ войти только вмѣстѣ съ нимъ и съ помощью искупительныхъ жертвъ своего сына. Отъ нея не требуется даже исполненія религіозныхъ обязанностей. «Ей не нужны никакія жертвоприношенія, ни молитвы, ни посты, — говоритъ Ману — лишь бы она любила и почитала своего мужа и не дѣлала ничего такого, что могло бы не нравиться ему,—она навѣрно

будетъ угодна небу.» Отцы, братья, мужья, сыновья, ради благоденствія своего семейства и собственныхъ интересовъ, должны держать женщинъ въ постоянной отъ себя зависимости и слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ. Съ опытностью развитаго рабовладѣльца, Ману не рекомендуетъ дѣйствовать на женщинъ мѣрами жестокости, а чтобы предохранить ихъ отъ заразы свободолюбія, совѣтуетъ непрерывно занимать ихъ хозяйственными работами. Во избѣжаніе домашнихъ безурядицъ и возмущеній, женщинамъ запрещается употреблять крѣпкіе напитки, — какъ это запрещается и рабамъ, напримѣръ, въ южныхъ штатахъ сѣверной Америки, — имѣть сношенія съ дурными людьми, выходить безъ позволенія мужа изъ дома, спать не во время, говорить съ чужимъ мужчиной, смотрѣть изъ оконъ на улицу, чуждаться своего мужа—это шесть пороковъ, изъ коихъ каждый покрываетъ женщину позоромъ и безчестіемъ. Женщинѣ, какъ и рабу, какъ и судрѣ, запрещено чтеніе священныхъ книгъ, ее необходимо держать въ полномъ невѣжествѣ и въ Индустанѣ, покорномъ заповѣдямъ своего божественнаго законодателя, до сихъ поръ не дозволяется женщинамъ ни читать, ни писать, такъ какъ подобныя занятія «отрываютъ ихъ отъ хозяйственныхъ работъ и навлекаютъ несчастіе на семью». Даже женщинамъ, пользующимися ихъ довѣренностью, брамины не сообщаютъ никакихъ важныхъ свѣдѣній о своемъ ученіи, «дабы они, по своей глупости, не разбалтывались передъ непосвященнымъ народомъ и не бросили бы своихъ мужей; ибо *«кто научается презирать сладострастіе и страданія, жизнь и смерть, тотъ не захочетъ быть рабомъ другого»*. Очень основательно и откровенно!.. Такъ какъ жена существуетъ только для мужа, то священная книга Шастеръ, въ его отсутствіе, запрещаетъ ей смотрѣть на танцы, слушать музыку, сидѣть у окна, красить брови, смотрѣться въ зеркало. «Женщина, сынъ и рабъ ничѣмъ не владѣютъ самостоятельно, а пріобрѣтаютъ все для того, отъ кого они зависятъ». Жена обязана оказывать своему супругу такіе же знаки уваженія, какъ рабъ господину. «Неемотря на предосудительное поведеніе мужа, на его супружескую невѣрность и на отсутствіе въ немъ всѣхъ хорошихъ качествъ, жена должна постоянно чтить его, *какъ Бога*».

Вся китайская жизнь основана на семейномъ началѣ, и поэтому подчиненность жены мужу служитъ фундаментомъ китайскаго общества. Законодатели и философы, моралисты и полиція, мужья, отцы, братья — все проповѣдуетъ впродолженіе тысячелѣтій о рабствѣ женщины и объ его спасительной необходимости для благоденствія народа. «Женщина — говоритъ китайское правило — существо втройнѣ зависимое, какъ дочь — отъ отца, какъ жена — отъ мужа, какъ вдова—отъ сына». Отъ нея требуются четыре главныхъ достоинства — добродѣтель въ сердцѣ, скромность на челѣ, кротость на устахъ и руки, постоянно занятыя работой». Жена никогда не должна ѣсть съ мужемъ, никуда выходить безъ его позволенія. Только унизившись до состоянія безличной рабыни, женщина можетъ

устроить себѣ немного спокойную жизнь въ китайскомъ семействѣ, иначе ее ждутъ — брань, побои, изгнаніе изъ дома. Вотъ почему знаменитая писательница Панъ-Хои-Панъ въ своихъ «Семи книгахъ о женскихъ обязанностяхъ» увѣщеваетъ женщинъ «ради ихъ собственнного счастія, безгранично уважать мужей и постояннно наблюдать за собой, *не давая мужьямъ возможности замѣтить своихъ недостатковъ...* Мужъ — небо жены, говоритъ сентенція, противъ которой никогда не возражали. А есть ли на землѣ мѣсто, гдѣ бы не было неба? Поэтому жена навсегда остается на землѣ, т. е. всю жизнь находится подъ небомъ своего мужа. Жена, любящая мужа и имъ любимая — повинуется ему безъ труда. Но это только половина долга. Безусловное повиновеніе мужу, тещѣ и тестю только одно можетъ предохранить женщину отъ упрековъ, если она даже исполняетъ всѣ другія обязанности. Женщина—говоритъ Цію-Хинъ-Шу—должна быть въ домѣ настоящею тѣнью и простымъ эхомъ. А тѣнь не имѣетъ другой формы, кромѣ той, какую ей даетъ предметъ; эхо не говоритъ ничего другого, кромѣ того, что заставляютъ его сказать»... Далѣе Панъ-Хои-Панъ даетъ совѣтъ, какъ возбуждать любовь мужа; для этого женщина должна быть скромною, молчаливою, говорить лишь тогда, когда ее спрашиваютъ, и если она образована, то «не обнаруживать этого въ разговорѣ, потому что не любятъ, чтобы женщина цитировала безпрестанно исторію, священныя книги и поэтовъ»; наконецъ, она должна заботиться о своей внѣшности. Руки женщины постоянно должны быть заняты работою, и относительно причинъ этого требованія Китай совершенно сходится какъ съ Индустаномъ, такъ и съ остальнымъ Востокомъ. «Работа—говоритъ одна китайская баллада — есть хранительница женской добродѣтели; не дозволяйте женщинамъ быть праздными, пусть лучше онѣ круглый годъ наряжаются и раздѣваются. Имъ нужно доставлять наряды, чтобы, забавляясь ими, онѣ не думали о своеволіи!» Ученіе Панъ-Хои-Панъ считается въ Китаѣ однимъ изъ лучшихъ изложеній правилъ закона и морали объ обязанностяхъ жены; оно съ такою послѣдовательностью выведено изъ доктрины Конфуція, что было чрезвычайно благосклонно принято дворомъ и всѣми мандаринами. Ученый Ма-Юнгъ, начальникъ ученыхъ и литераторовъ, приказалъ своей женѣ выучить его наизусть, чтобы *совершенствовать женщинъ*. Заключенныхъ въ четырехъ стѣнахъ, подавленныхъ домашнимъ деспотизмомъ, китаянокъ съ молодыхъ лѣтъ стараются пропитать такими доктринами, преподавая имъ исключительно только правила и уроки семейнаго чинопочитанія и чисто азіятскаго раболѣпія, а мужчинъ заставляютъ построже присматривать за ними и за слабый надзоръ дуютъ бамбуковыми палками; женщина за свои отступленія отъ упомянутыхъ правилъ терпитъ столь же безчеловѣчное наказаніе. Напротивъ, женамъ, отличившимся семейными добродѣтелями и покорностью воздвигаются послѣ ихъ смерти публичные памятники. Въ каждомъ городѣ Китая есть оффиціальные храмы, построенные для поощренія жен-

скихъ добродѣтелей, въ честь женщинъ, замѣчательныхъ покорностью мужу и цѣломудріемъ, и въ честь дѣвушекъ, отличившихся дочернею преданностью и невинностью. Семейныя добродѣтели женщинъ, засвидѣтельствованныя мѣстнымъ начальствомъ, подтвержденныя императорскими указами и объявленныя во всеобщее по государству свѣдѣніе, награждаются деньгами, рисомъ, матеріями и правомъ выкупа отъ тѣлеснаго наказанія.

Мусульманинъ, совершенно въ духѣ своего вѣроученія, третируетъ жену, какъ невольницу; она прислуживаетъ за столомъ мужа, на колѣняхъ подаетъ ему трубку. Коранъ уполномочиваетъ супруга не только подвергать ее тѣлеснымъ наказаніямъ, но и употреблять какія угодно средства для приведенія ее въ покорность. Въ Египтѣ мужъ часто ведетъ свою непокорную жену къ кади и, записавъ ее у него въ штрафную книгу, тѣмъ избавляется отъ обязанностей заботиться объ ея жилищѣ, одеждѣ и содержаніи. Даже крѣпостной, забитый феллахъ относится къ своей супружницѣ съ явнымъ пренебреженіемъ, заставляетъ ее ходить за собой, какъ рабыню, и носить его трость, трубку и всякую тяжесть.

Вмѣстѣ съ усиліями изолировать женщину въ семействѣ и обратить ее въ домашнее рабство тѣснымъ образомъ связаны ея религіозная отверженность и общественное безправіе. Мнѣніе о нечистотѣ женскаго организма, существующее, какъ мы уже говорили, у дикарей, переходитъ въ религіозныя системы культурной эпохи, развивается и комментируется здѣсь жрецами, которые пользуются имъ для своихъ личныхъ цѣлей, для устраненія женщинъ отъ жреческой должности, для запрещенія имъ ходить въ храмы, читать священныя книги и т. д. Эта религіозная безправность имѣла еще своимъ послѣдствіемъ то, что женщина должна была сама сознавать необходимость для себя рабской зависимости отъ мужчины. Самостоятельно она не можетъ приносить жертвы: только жертвы сына или мужа могутъ открыть ей райскія двери, да и то, если она покорная жена! Развратъ и излишество половыхъ удовольствій, столь обыкновенныя на Востокѣ, достигая извѣстныхъ предѣловъ, производятъ аскетическую реакцію, отвергающую половую любовь и позорящую женщину, какъ источникъ всякаго зла. Таковы, напримѣръ, аскеты индѣйскіе, безбрачное буддійское духовенство, распространенное почти по всему Востоку, ессеяне и т. д. Разочаровавшись въ своихъ любовныхъ безобразіяхъ, истощенный, раззоренный ими, пораженный любострастными болѣзнями, возненавидѣвшій всякое половое удовольствіе, міръ мужчинъ создаетъ свою аскетическую доктрину и практику и указываетъ на женщину, какъ на источникъ всѣхъ нравственныхъ золъ, какъ на орудіе и вмѣстилище злого духа. У евреевъ во время менструаціи жена не можетъ ни ѣсть, ни пить съ мужемъ, ни сидѣть, ни лежать рядомъ съ нимъ; даже еврейскому лекарю запрещается въ это время щупать пульсъ своей жены. У парсовъ на все время мѣсячнаго очищенія женщину запираютъ въ отдѣльное помѣщеніе и всѣ избѣгаютъ ее, какъ прокаженную. Съ этими пред-

разсудками о физической нечистотѣ женщины тѣснымъ образомъ соединены мнѣнія объ ея нравственной низкости. Эти мнѣнія высказывались и высказываются даже самыми передовыми людьми Востока, напр., Аверроесомъ. Но нужно отдать ему справедливость, что эту нравственную несостоятельность женщины онъ приписываетъ не ея природѣ, а рабству, въ которомъ она находится. «Такъ какъ состояніе рабства» — говоритъ онъ — «лишило женщинъ всякой способности къ великимъ дѣламъ, то у насъ вовсе нѣтъ женщинъ, одаренныхъ моральными добродѣтелями. Онѣ прозябаютъ подобно растеніямъ и служатъ бременемъ даже для своихъ мужей.» Подобное же мнѣніе высказываетъ и китаянка Панъ-Хои-Панъ: «кажется, все въ заговорѣ, чтобы поддерживать несовершенство пола, который по самой природѣ своей слишкомъ несовершененъ.» Большинство же оріенталовъ относятъ всѣ дѣйствительные и воображаемые недостатки и пороки женщинъ къ прирожденнымъ и неизмѣннымъ свойствамъ ихъ природы. Законы Ману, напримѣръ, приписываютъ женской природѣ, въ видѣ отличительныхъ свойствъ ея, лѣность, похотливость, «дурныя наклонности», желаніе дѣлать зло и развращать мужчинъ. Борьба женщинъ противъ насилія, тѣ порочныя средства, къ которымъ она прибѣгаетъ, какъ къ орудіямъ защиты или нападенія, наконецъ, нравственные недостатки, развитые въ ней непосредственно ея рабскимъ положеніемъ и необходимостью прибѣгать къ коварству или хитрости, — все это служитъ главнымъ источникомъ тѣхъ ругательствъ, издѣвательствъ и нападокъ на женщину, которыми мужчины осыпаютъ ее впродолженіи тысячелѣтій. Система обязанностей, составленная для женщины мужчиною Востока, никогда въ точности не исполнялась ею и женщина никогда не допускала сдѣлать себя безусловною рабыней мужа,—вотъ въ этомъ-то, а ни въ чемъ другомъ, по нашему мнѣнію, и заключается главная причина упомянутыхъ ругательствъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ припомнить ихъ содержаніе. Всѣ оріенталы бранятъ женщинъ за ихъ сварливость, болтливость и наклонность къ домашнимъ сценамъ,—и понятно, какъ смѣетъ говорить, а тѣмъ болѣе ругаться, баба, которая по закону должна быть безмолвною, покорною рабынею. А главное, пылкость чувства всегда даетъ женщинѣ перевѣсъ надъ мужчиной, если дѣло дошло до перебранки. Китайская мудрость говоритъ: «языкъ женщины—мечь ея, который никогда не ржавѣетъ;» «не нѣмая женщина *всегда можетъ отомстить за себя!..*» «Кто вѣритъ своей женѣ, тотъ обманываетъ самъ себя, кто не вѣритъ ей, того обманываетъ она,» говоритъ восточная пословица; но чему же удивляться, если задавленная рабыня обманываетъ своего жестокаго владыку? Рабство всегда дѣлаетъ людей лжецами и лицемѣрами. Мотовство женщинъ, ихъ страсть къ нарядамъ и кокетство, развиваемыя въ нихъ, какъ мы видѣли, мужчинами, также ставятся совершенно несправедливо въ число обвинительныхъ пунктовъ. Несправедливость большей части нападокъ видна также и изъ того, что сплошь и рядомъ они выражаются въ самыхъ общихъ

злостныхъ фразахъ и обо всѣхъ женщинахъ. «Гдѣ найти добродѣтельную женщину,» съ отчаяніемъ восклицаетъ добродѣтельный мужчина, царь Соломонъ, имѣвшій 700 женъ и 300 наложницъ. Наконецъ, развитію теоретическаго пренебреженія къ женщинѣ много содѣйствовалъ и самый фактъ ея унизительнаго рабства. Какъ цивилизованный рабовладѣлецъ презираетъ даже своего любимаго раба, такъ и аристократъ мужчина свою невольницу-женщину. На основаніи этой отверженности и съ намѣреніемъ содѣйствовать закабаленію ея, законы и религіозныя системы налагаютъ на нее печать еще большей отверженности. Магометане сомнѣваются, есть ли у женщины душа и войдетъ ли она въ рай; болѣе благосклонные изъ нихъ допускаютъ ее въ рай, но въ особое отъ мужчинъ отдѣленіе. Ей недоступна мечеть, какъ и всѣмъ нечистымъ животнымъ; какъ всѣмъ сумасшедшимъ, пьянымъ и больнымъ, ей запрещено возвѣщать о молитвенномъ часѣ. Индусски не имѣютъ права быть свидѣтельницами въ судѣ; бирманки хотя и могутъ свидѣтельствовать, но не впускаются въ судный домъ, дабы своимъ присутствіемъ не осквернить этого святилища; въ Персіи свидѣтельство одного мужчины равняется свидѣтельству двухъ женщинъ и т. д. Воспитаніе женщинъ въ такой отверженности убѣждаетъ часто даже ихъ самихъ въ своемъ естественномъ ничтожествѣ передъ мужчинами и въ необходимости быть рабынями послѣднихъ. «Мы, говоритъ китаянка Панъ-Хои-Панъ, занимаемъ послѣднее мѣсто въ родѣ человѣческомъ, мы слабая часть его; это истина, которою мы должны быть проникнуты и которая должна вліять на все наше поведеніе. Женщина должна со смиреніемъ держать себя на мѣстѣ, указанномъ ей самою природою и знать, что она ничего не можетъ сдѣлать безъ посторонней помощи».

Прелюбодѣяніе — величайшее преступленіе женщины; будучи собственностью мужчины, она не имѣетъ никакого права отдаваться постороннему любовнику; мужъ всегда можетъ наказать ее за такое нарушеніе своихъ правъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прелюбодѣяніе служитъ дурнымъ примѣромъ для общества и вводитъ въ одно семейство кровь другого семейства, а такое смѣшеніе семей подрываетъ основы восточнаго общества и не можетъ быть терпимо государствомъ. Въ нѣкоторыхъ древне-американскихъ государствахъ мужъ, продолжавшій сожительство съ невѣрною женою, наказывался смертью. Въ Мехикѣ прелюбодѣйная жена наказывылась смертью, даже если ей прощалъ мужъ; въ Перу мужу самому дозволялось убить ее. Если согрѣшила съ мужчиной одна изъ дѣвъ, посвященныхъ солнцу, виновныхъ казнили, а ихъ дома, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже цѣлые села и города, въ которыхъ они родились, истребляли вмѣстѣ со всѣмъ населеніемъ. Браминъ имѣетъ право собственноручно казнить свою невѣрную жену. Законы Ману предписываютъ прелюбодѣя изжарить на желѣзной плитѣ, а невѣрную жену растерзать собаками. Въ настоящее время употребляются болѣе мягкія наказанія; преступная женщина жестоко

истязуется палками и изгоняется изъ своей касты. Но за то ревнивые мужья нерѣдко расправляются съ женами собственноручно и убиваютъ ихъ при малѣйшемъ, часто совершенно неосновательномъ подозрѣніи въ невѣрности. Китаецъ имѣетъ право убить и свою жену, и ея соблазнителя; если онъ продолжаетъ жить съ преступною женой, то подлежитъ наказанію. Онъ можетъ также продать ее въ рабство. У древнихъ египтянъ женщинѣ отрѣзывали носъ, а ея соблазнитель получалъ 1000 палокъ. У евреевъ побивали камнями не только прелюбодѣя и его соучастницу, но и дѣвушку, вышедшую замужъ не невинною. У древнихъ персовъ прелюбодѣяніе также влекло за собою смертную казнь. Магометъ нѣсколько смягчилъ варварскую жестокость такихъ законовъ. По корану, обвинитель женщины долженъ доказать свой доносъ четырьмя свидѣтелями, въ противномъ случаѣ онъ получаетъ 80 плетей; если же обвиняетъ мужъ, то онъ долженъ пятикратно присягнуть въ вѣрности. Уличенная жена, по корану, подвергается вѣчному тюремному заключенію, незамужняя женщина наказывается ста ударами розогъ и подвергается годичному изгнанію. Но мягкіе, сравнительно, законы Магомета не вездѣ сохраняютъ свою силу; сунниты считаютъ необходимымъ побивать прелюбодѣйную жену каменьями, а въ Египтѣ до сихъ поръ ее топятъ въ рѣкѣ. Часто мужья собственноручно расправляются, какъ съ подозрѣваемыми, такъ и съ уличенными въ невѣрности женщинами. Въ Константинополѣ, напримѣръ, часто женъ и ихъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ любовниковъ оскорбленные мужья топятъ въ морѣ или вѣшаютъ на внѣшней стѣнѣ гарема. Штраусъ расказываетъ объ одномъ персіянинѣ, какъ онъ въ припадкѣ ревности содралъ кожу со своей жены и повѣсилъ ее въ гаремѣ на поученіе другимъ женамъ, а трупъ несчастной выбросилъ на улицу. Подобное варварство на Востокѣ очень обыкновенно.

VI.

Мы знаемъ изъ предъидущей главы, до какого безусловнаго порабощенія доводится женщина на Востокѣ, подъ вліяніемъ полигаміи и варварскаго взгляда законодательной восточной власти. Но это порабощеніе никогда не было безусловнымъ, женщина боролась противъ него и постепенно улучшала свою судьбу. Въ брачныхъ и семейныхъ законахъ не разъ совершались важныя перемѣны. Такъ, напр., монголы до XVII в. были многоженцами, но въ этомъ столѣтіи манджуры ввели къ нимъ моногамію. Въ Японіи прежде невѣста умершаго жениха, а въ Китаѣ вдова не могли выйти за другаго, а нынѣ могутъ. Особенно же значительнымъ шагомъ впередъ была мусульманская реформа брака и семейства. Вообще, съ развитіемъ государствъ деспотическая власть мужа нѣсколько ограничивается; жена, напр., получаетъ возможность владѣть своимъ имуществомъ; право

мужа казнить жену ограничивается только случаемъ прелюбодѣянія, а въ нѣкоторыхъ законодательствахъ уничтожается вовсе. Государство, поддерживая семейный деспотизмъ владыки, даетъ ему извѣстную норму и наказываетъ за отступленіе отъ нея. Такъ, китаецъ можетъ убить прелюбодѣйную жену, но только въ присутствіи ея родственниковъ, чтобы они могли повѣрить справедливость его подозрѣній. Мужъ, убившій жену за то, что она обидѣла или прибила его родителей, получаетъ сто палокъ, а если убитая оказывается невинной, то казнится смертью. Вмѣстѣ съ этимъ религія и право стремятся регулировать расторженіе брака и дозволяютъ его только въ извѣстныхъ случаяхъ, причемъ мужъ хотя и пользуется огромными преимуществами передъ женою, но все-таки его произволъ поставленъ въ нѣкоторыя границы. У китайцевъ мужъ имѣетъ право развестись съ женою за безплодіе, невѣрность, *безстыдство*, оскорбленіе его родителей, *болтливость*, наклонность къ воровству, *ревность* и неизлечимую болѣзнь; но безъ утвержденія власти разводъ недѣйствителенъ и не можетъ состояться, если жена въ это время носитъ трехлѣтній трауръ по отцѣ или матери, если она сирота или родители, бывшіе богатыми при выходѣ ея замужъ, теперь раззорились. По обоюдному согласію мужъ и жена могутъ разойтись совершенно безпрепятственно — и Европа въ этомъ отношеніи можетъ поучиться у презираемаго ею Китая. Жена, убѣжавшая отъ мужа, подвергается тѣлесному наказанію и можетъ быть продана каждому, желающему взять ее; если же во время бѣгства она вступитъ во второй бракъ, то подлежитъ смертной казни черезъ повѣшеніе. Черезъ три года послѣ безъизвѣстнаго отсутствія мужа она имѣетъ право выйти за другого.

Въ Индустанѣ супругъ можетъ дать разводъ своей женѣ, если, безъ предувѣдомленія его родителями невѣсты, послѣдняя поступила къ нему не дѣвственницею, если жена втеченіи всего перваго года чувствуетъ отвращеніе къ мужу, если она употребляетъ хмѣльные напитки, ненавидитъ мужа, *неприлично ведетъ себя*, проматываетъ состояніе, если она неизлѣчимо больна, или втеченіе восьми лѣтъ безплодна. Если мужъ долго живетъ гдѣ нибудь въ отдаленныхъ мѣстахъ розно отъ жены, то послѣдняя, смотря по причинѣ его отсутствія, имѣетъ право выйти за другого черезъ 3, 6 или 8 лѣтъ. Жена также можетъ развестись съ мужемъ, если онъ окажется отверженнымъ грѣшникомъ, еретикомъ, импотентомъ, лишеннымъ правъ преступникомъ или больнымъ чахоткою.

Маготетанинъ можетъ дважды разводиться съ женой и снова брать ее къ себѣ безъ ея согласія; только послѣ третьяго развода она дѣлается свободною отъ мужа; срокъ, втеченіе котораго мужъ имѣетъ право снова жениться на разведенной имъ женѣ, для беременной — до дня ея разрѣшенія, для небеременной — три мѣсяца. Жена имѣетъ право требовать развода, если мужъ не можетъ содержать ее или не далъ ей утренняго дара. Бракъ расторгается еще въ томъ случаѣ, если жена, обвиненная

мужемъ въ прелюбодѣяніи, установленною для того четырекратною клятвою, не докажетъ своей невинности.

Такимъ образомъ восточные законы хотя и ограничиваютъ нѣсколько власть мужа, но самыя эти ограниченія такъ неопредѣленны, что мало стѣсняютъ произволъ мужа; вѣдь какую угодно жену можно выгнать за *болтливость*, *нескромность*, *безстыдство*, — свойства чисто относительныя. Этого мало; предоставляя женщинѣ право развода гораздо въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ мужчинѣ, всѣ упомянутыя законодательства ставятъ даже идеаломъ нерасторжимость брака и вѣчность мужниной власти. Китайская «Книга законовъ для женщинъ» говоритъ: «если женщина имѣетъ мужа по сердцу, она имѣетъ его на всю жизнь; если она имѣетъ мужа не по сердцу, она имѣетъ его на всю жизнь; въ первомъ случаѣ женщина счастлива навсегда, во второмъ случаѣ она несчастна вплоть до своей смерти». Нерасторжимость брака основывается и на правахъ мужа, пріобрѣтшаго жену въ вѣчную свою собственность, и на религіозномъ освященіи брачнаго союза, и на вѣрѣ въ будущую жизнь, гдѣ жена необходима мужу, и доступъ къ блаженству, который возможенъ женщинѣ только посредствомъ мужчины. Немаловажную роль играетъ здѣсь и вѣра въ предопредѣленіе боговъ, въ *судьбу*; даже у насъ, въ Россіи, женихъ до сихъ поръ называется *суженымъ*, а невѣста *судьбою*; оріенталы также вѣрятъ, что боги предназначаютъ извѣстныхъ мужчинъ къ браку съ извѣстными женщинами; расторгать такой союзъ значитъ противиться волѣ небесъ; «Богъ соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ!» Еврейское законодательство считаетъ нерасторжимость брака, кромѣ случая прелюбодѣянія, его идеаломъ, хотя многіе іудейскіе юристы и доказываютъ, что поводомъ къ разводу должно служить все, что разрушаетъ семейный миръ. Поэтому, у нѣкоторыхъ народовъ вдова не должна выходить за втораго мужа, а обязана ждать смерти, послѣ которой она соединится на вѣки съ первымъ своимъ супругомъ въ обителяхъ горнихъ. Въ Китаѣ до сихъ поръ вдовая императрица не можетъ вступать во вторичное замужество и вплоть до своей смерти обязана жить въ отдѣльномъ дворцѣ. Въ Индіи вдова должна вести уединенную жизнь и ей строжайше запрещено даже думать о второмъ замужествѣ. Но долго ждать вдовѣ посмертнаго соединенія съ своимъ мужемъ, — лучше ускорить его и вмѣстѣ съ супругомъ вступить въ небесныя обители! Сожженіе и погребеніе вдовъ и рабовъ съ трупами мужей мы видимъ у многихъ дикихъ и патріархальныхъ народовъ. Съ развитіемъ касты жрецовъ, они всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами начинаютъ поддерживать и развивать этотъ обычай, потому что сожженіе вдовъ также выгодно для нихъ, какъ прибыльно было для католическихъ поповъ сожженіе еретиковъ и вѣдьмъ; жрецы многимъ пользуются изъ имущества сожигающихся вдовъ. Въ древнѣйшихъ индѣйскихъ книгахъ ничего не говорится объ этомъ обычаѣ и народное преданіе справедливо приписываетъ браминамъ его введеніе и распространеніе въ Инду-

станѣ. Для приданія этому варварству религіозной санкціи, брамины совершили подлогъ въ Ригъ-Ведѣ, поступивъ въ этомъ случаѣ съ наглостью, достойною средневѣковаго католическаго духовенства. Въ защиту вдовосожженія они приводятъ слѣдующій текстъ Ригъ-Веды: «пусть жены, которыя не овдовѣли, у которыхъ есть добрые мужья, приступятъ, неся елей; пусть тѣ изъ нихъ, которыя уже сдѣлались матерями, первыми приступятъ къ алтарю». Но въ послѣднемъ словѣ текста брамины измѣнили одну букву и *алтарь* превратился въ *огонь* или *костеръ*. На этомъ фальшивомъ основаніи они развили слѣдующее ученіе: «если жена умираетъ съ своимъ мужемъ, то она дѣлаетъ святыми своихъ предковъ и будетъ наслаждаться вмѣстѣ съ супругомъ всѣми блаженствами небесъ. Своею смертью она искупитъ даже такіе грѣхи мужа, какъ убійство брамина или своего друга». Если мужъ умеръ гдѣ нибудь далеко и вдова не въ состояніи достать его трупа, то она «можетъ сгорѣть, прижавъ къ груди его сандаліи», такъ совѣтуютъ Пураны. Множество вдовъ, воодушевленныхъ внушеннымъ браминами фанатизмомъ, сожигается съ радостнымъ и геройскимъ самоотверженіемъ, тѣмъ болѣе, что брамины своими предписаніями сдѣлали положеніе вдовы крайне невыносимымъ; многимъ женщинамъ кажется легче умереть, чѣмъ жить вдовами. Энергическія старанія англичанъ истребить этотъ обычай долго были безуспѣшны, вызывали бунты, и еще не такъ давно ежегодно сожигалось въ Индустанѣ около 30,000 вдовъ. Нынѣ, вслѣдствіе преслѣдованій англичанъ, вдовы бѣгутъ съ трупами своихъ мужей куда нибудь въ глушь или въ независимыя отъ Британіи владѣнія и сожигаются, но все таки несравненно рѣже, чѣмъ прежде. Въ Мехикѣ и Перу съ королями и вельможами также погребались или сожигались ихъ жены и рабы.

Развитіе религіозныхъ системъ и жреческихъ сословій Востока нанесло такимъ образомъ женщинѣ роковой ударъ. Дуалистическое міросозерцаніе, раздѣляющее вселенную на двѣ половины,—добрую и злую, отнесло женщину ко второй, и во избѣжаніе оскверненія святыни лишило ее возможности дѣятельнаго участія въ религіозной жизни народа. Запертая въ четырехъ стѣнахъ гарема, чуждая всѣхъ общественныхъ движеній и вопросовъ, женщина горячо привязывается къ тѣмъ вѣрованіямъ, убѣжденіямъ, традиціямъ, которыя она приняла отъ отцовъ и которыя она, въ свою очередь, передаетъ дочерямъ своимъ. Въ качествѣ служительницы этой религіи она вторгается даже въ общественную жизнь, въ которой уже самовластно царятъ жрецы новой религіи. Происходитъ столкновеніе, жрецы побѣждаютъ, провозглашая женщину вредной волшебницей, а ея боговъ злыми духами. Изъ жрицы женщина дѣлается вѣдьмою. Всѣ оріенталы вѣрятъ, что демоны, намѣреваясь поселиться въ человѣкѣ, почти всегда избираютъ для того женщину. Это убѣжденіе, проповѣди жрецовъ, нервныя болѣзни женщинъ убѣждаютъ часто даже ихъ самихъ, что мнѣніе мужчинъ вполнѣ справедливо. Женщина становится дѣйствительною

волшебницей, жрицею духовнаго міра, противоположнаго и враждебнаго божествамъ мужчинъ. Силою своихъ чаръ и заклинаній она можетъ причинить много зла. Чья нибудь внезапная смерть, засуха, эпидемія — всѣ подобныя бѣдствія сваливаются на вѣдьму. Въ этомъ отношеніи всѣ оріенталы похожи на того араба, который, при вѣсти о пожарѣ, убійствѣ, опустошительной бурѣ, наводненіи и всѣхъ другихъ бѣдствіяхъ, всегда спрашивалъ: «кто она?» т. е. кто та женщина, которая устроила такую бѣду! Индусы во время необыкновенныхъ общественныхъ несчастій пишутъ имена всѣхъ женщинъ своей деревни, каждое на отдѣльной древесной вѣткѣ, и ставятъ эти вѣтки въ воду на четыре съ половиной часа; если вѣтка поблекнетъ или завянетъ, значитъ женщина, имя которой написано на ней, вѣдьма и достойна смерти. «Не оставляй въ живыхъ вѣдьмы,» говоритъ грозный голосъ Моисея, какъ бы выражая общую мысль всего жреческо-культурнаго Востока. Но вѣдьма осталась живою и живетъ до сихъ поръ, къ ея искуству прибѣгаютъ нерѣдко даже сами ея гонители, а для женщины эта профессія служитъ однимъ изъ средствъ къ самостоятельной жизни.

Женщина можетъ участвовать въ дѣлахъ религіи и получать вѣчное спасеніе только посредствомъ мужчины — это общій тезисъ всѣхъ жреческихъ вѣроученій Востока. Женщина не мирится съ этимъ и выступаетъ на общественную арену не только колдуньей, но также пророчицей, жрицей, святой подвижницей. Сестра Аарона, Миріамъ, имѣла пророческій даръ и немаловажное вліяніе на евреевъ. Деборра, жена Лапидота, была не только пророчицей, но и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ судьею израильской земли. Въ болѣе позднюю эпоху мы видимъ Анну-пророчицу, живущую въ храмѣ день и ночь и подвизающуюся въ постѣ и молитвахъ. Въ Индустанѣ у огнепоклонниковъ есть жрицы, ведущія строгую подвижническую жизнь и почитаемыя за святыхъ. Въ древнемъ Перу были весталки, дѣвы солнца, обязанность которыхъ состояла въ поддержаніи священнаго огня, въ тканьѣ изъ вигоньей шерсти священныхъ покрововъ, облаченій и одеждъ для инки и его родственниковъ. Дѣвы эти выбирались изъ красивѣйшихъ дочерей дворянъ, и только необыкновенная красота простолюдинки могла открыть ей доступъ сюда. Жили онѣ подъ начальствомъ старыхъ дѣвъ въ обширныхъ зданіяхъ, обнесенныхъ высокою стѣною, внутри же украшенныхъ и меблированныхъ съ необыкновенною роскошью. Кромѣ необходимой прислуги, только государь съ женою могли входить сюда и видѣть ихъ. Въ случаѣ небрежности сохраненія священнаго огня или нарушенія обѣта цѣломудрія, онѣ погребались заживо. Родители иногда отдавали сюда дочерей на время, во исполненіе своихъ обѣтовъ и чтобы заслугами посвященныхъ преклонить боговъ на милость къ семейству, на избавленіе кого нибудь изъ его членовъ отъ болѣзни, на дарованіе этимъ дѣвушкамъ хорошихъ жениховъ. Такимъ образомъ женщина возстановляла свое право на признаніе за нею самостоятельныхъ заслугъ въ дѣлѣ спа-

сенія. Подобное женское монашество существуетъ и въ Индустанѣ; дѣвушки, посвященныя богамъ, служатъ при храмѣ, брамины учатъ ихъ грамотѣ, музыкѣ, танцамъ, исторіи боговъ, хотя и запрещаютъ имъ читать Веды. Онѣ участвуютъ въ богослуженіи. Когда онѣ выходятъ изъ храма почему нибудь и снова вступаютъ въ общественную жизнь, всѣ относятся къ нимъ съ большимъ уваженіемъ и любой мужчина поставляетъ себѣ за особенную честь, если такая дѣвушка согласится выйти за него. Другой классъ такихъ дѣвушекъ, *баядерки*, или храмовыя танцовщицы, получаютъ одинаковое съ первыми воспитаніе, не живутъ запертыми въ своихъ монастыряхъ, участвуютъ въ общественной жизни и играютъ въ ней роль, въ родѣ новѣйшихъ балетныхъ танцорокъ или оперныхъ пѣвицъ. Профессія этихъ двухъ классовъ женщинъ не только снимаетъ съ нихъ проклятіе, лежащее вообще на женскомъ полѣ, но и даетъ имъ нѣкоторую возможность хоть сколько нибудь эманципироваться отъ того возмутительнаго деспотизма, который давитъ женщину Востока. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что вообще на Востокѣ профессія танцорокъ и пѣвицъ очень распространена и занятыя ею женщины составляютъ классъ, неподлежащій строгимъ законамъ семейства, хотя при этомъ многія изъ нихъ и принадлежатъ рабовладѣльцамъ и почти всѣ онѣ ведутъ распущенную жизнь *). Несчастно общество, въ которомъ женская свобода добывается только путемъ порока!

Религія Будды, сравнявшая судру съ браминомъ, плебея съ аристократомъ, относительно женщинъ явилась очень мало радикальною, хотя и очень прогрессивною, сравнительно съ системою брамизма. Открывая женщинѣ доступъ къ духовной жизни, Будда не совсѣмъ охотно соглашается на допущеніе ея въ монашество. «Каждая женщина будетъ грѣшить при всякомъ удобномъ случаѣ,» говоритъ онъ. Потому-то, дозволивъ женское монашество, основатели буддизма поставили всѣхъ монахинь въ безусловное, даже унизительное подчиненіе каждому духовному лицу, какъ бы незначительно оно ни было, и запретили имъ занятіе религіознымъ обученіемъ другихъ. Женское монашество особенно развилось въ Китаѣ и монахини успѣли здѣсь преодолѣть разныя ограниченія, наложенныя на нихъ первоначальнымъ буддизмомъ. Въ Китаѣ, Тибетѣ и Гималайѣ множество женскихъ монастырей, и женщинамъ открытъ здѣсь доступъ къ занятію

---

*) Въ Японіи женщины этого сорта «имѣютъ поэтическую и религіозную миссію, которая вытекаетъ изъ древнихъ основъ соціальной организаціи и позволяетъ имъ пользоваться общественнымъ уваженіемъ. Ихъ образованіе служитъ предметомъ самыхъ тщательныхъ заботъ. Ихъ учатъ всему, что можетъ содѣйствовать улучшенію ихъ физическихъ достоинствъ и развитію ума. Бросая свою профессію, многія изъ нихъ находятъ себѣ жениховъ, и никто не думаетъ укорять ихъ за прошлую жизнь. Число *чайныхъ домовъ*, въ которыхъ живутъ эти женщины, изумляетъ европейца. Въ Нангасаки, на 75,000 жителей ихъ считается болѣе 750» (Univers Pittoresque, t. VIII, p. 45).

не только мѣстъ аббатиссъ, но даже епископовъ и архіепископовъ. Въ рядахъ буддійскихъ святыхъ также не мало женщинъ. Въ Китаѣ, гдѣ бѣдные родственники умершаго мужа могутъ продать его вдову, чтобы вернуть себѣ потраченныя на покупку ея деньги, хотя вдовѣ и предоставлена возможность избавиться отъ такого насильственнаго брака, заявляя суду о своемъ нежеланіи вступать во второе супружество,—въ Китаѣ были когда-то основаны вдовами два женскихъ монашескихъ ордена... До конца XVIII в. они пользовались большимъ уваженіемъ. Но въ 1787 г. они начали сильное женское движеніе, стремившееся къ основанію самостоятельной женско-буддійской церкви. Одна изъ монахинь начала творить чудеса, предсказывать будущее и пріобрѣла такое вліяніе на умы всѣхъ женщинъ, что мужья не знали, какъ и справляться съ ними, дерзнувшими разсуждать о религіи и рвавшимися хоть однажды поклониться упомянутой пророчицѣ, возсѣдавшей на тронѣ въ платьѣ желтаго цвѣта, присвоеннаго только членамъ императорской фамиліи. Волненіе было подавлено и изданъ приведенный уже нами богдыханскій указъ, запрещавшій женщинамъ, подъ страхомъ жестокихъ наказаній, посѣщать храмы. Въ настоящее время, по словамъ Гюка, въ Китаѣ есть множество женщинъ, до того недовольныхъ своею отверженностью и рабскимъ положеніемъ, что онѣ составили секту, основанную на вѣрѣ въ метемпсихозисъ и имѣющую цѣлью путемъ добродѣтелей и пилигримства содѣйствовать переселенію женскихъ душъ въ тѣла мужчинъ. Всѣ упомянутые женскіе ордена имѣютъ болѣе или менѣе аскетическій характеръ, — въ теоріи конечно, — на практикѣ перуанскія дѣвы солнца поступали въ гаремы императора, баядерки и другія дѣвушки индѣйскихъ храмовъ живутъ съ браминами и проститутничаютъ, буддійскіе женскіе монастыри сплошь и рядомъ превращаются въ непотребные дома. Развратъ является реакціей аскетическимъ доктринамъ. Въ противоположность аскетическому культу возникаетъ культъ сладострастія, столь распространенный въ цивилизованныхъ странахъ древняго Востока. Принципы первобытной свободы, гетеризма и материнства воскресаютъ. Въ храмахъ богинь любви царитъ женщина и возбуждаетъ неистовые восторги мужчинъ своими физическими прелестями; здѣсь находятъ вѣрное пристанище дѣвушки, жены и вдовы, недовольныя тѣмъ, что ихъ тѣломъ владѣютъ монополисты; онѣ стремятся къ свободной страсти и находятъ ее въ оргіяхъ храмоваго разврата. Это—отрицаніе полового рабства, мужниннаго права ревновать, законовъ о прелюбодѣяніи,—отрицаніе, прикрываемое завѣсой религіи и стоящее въ тѣсной связи съ паденіемъ общественныхъ нравовъ. Независимо отъ столь распространенной на Востокѣ храмовой проституціи, реакція браку и семейству, доходившая до полнаго отрицанія, нерѣдко выражалась въ формѣ религіозныхъ ученій. Таковы были, напр., многія секты первыхъ вѣковъ христіанства, проповѣдывавшія безусловное удовлетвореніе инстинктовъ природы и общность женщинъ. Нисколько не преувеличивая дѣла, можно сказать, что если въ какой

странѣ и удавалось водворить бракъ такого характера, какой силятся придать ему законы Востока, то господство его не было долговременнымъ. Рѣдкая оріенталка считаетъ за собою обязанность вѣрности мужу и готова, при всякомъ удобномъ случаѣ, броситься въ объятія чужаго мужчины. Въ гаремахъ совершается едва ли не больше любовныхъ интригъ, чѣмъ въ открытыхъ домахъ цивилизованной Европы. Возьмите любого восточнаго моралиста или философа, и всѣ они скажутъ съ Соломономъ: «нигдѣ нельзя найти добродѣтельной женщины!» Сами вожди общественнаго строя, которые обязаны быть цензорами нравовъ, первые разрушаютъ брачныя узы и фактически отвергаютъ власть мужа, отнимая женъ и дочерей гражданъ. Исторія Востока полна такими происшествіями, ведущими за собою ослабленіе брачныхъ узъ. Страсть къ нарядамъ и кокетство, развивать которыя въ женщинахъ законодатели и моралисты Востока совѣтуютъ мужьямъ ради интереса послѣднихъ, употребляются женщинами для прельщенія чужихъ мужчинъ, когда есть возможность показаться послѣднимъ. И женщины крѣпко держатся за эти средства. Въ 1755 г. турецкій султанъ Османъ III, въ видахъ поддержанія общественныхъ нравовъ, строго запретилъ женщинамъ выходить на улицу въ роскошныхъ и нарядныхъ костюмахъ; но женщины, посредствомъ разнообразныхъ хитростей, съумѣли сдѣлать этотъ указъ безсильнымъ, удержавъ за собою возможность наряжаться и кокетничать. Въ испанскомъ калифатѣ семейство постепенно теряло свой строго-мусульманскій характеръ; утонченное общество Кордовы гордилось изяществомъ своего обращенія, женщина вышла на свободу изъ стѣнъ гарема и любовныя пѣсни въ честь ея огласили собою сады и улицы Испаніи. Турниры, карусели, псовая и соколиная охота, музыка и поэзія, пѣніе и танцы — все это увлекало арабское общество въ вихрь наслажденій. Старинное семейство и вѣрованія ислама пали, а женщина, содѣйствовавшая этому паденію, пріобрѣла значительную свободу. У современныхъ мусульманъ, особенно въ Турціи, паденіе семейныхъ и брачныхъ добродѣтелей дошло въ настоящее время, по свидѣтельству путешественниковъ, до весьма значительныхъ размѣровъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ противъ мусульманскихъ воззрѣній на женщину выступаютъ нѣкоторыя религіозныя ученія, поднимающія знамя женской эманципаціи. Такова, напр., секта, основанная Бабомъ въ настоящемъ столѣтіи въ Персіи и увлекшая своимъ ученіемъ большую часть жителей этой страны. Бабизмъ напоминаетъ собою систему Сенъ-Симона,—тѣ же принципы экономическаго равенства, то же значеніе труда, то же освобожденіе женщины отъ стѣснительныхъ ограниченій семейства, отъ религіозной отверженности и дарованіе ей доступа къ участію въ дѣлахъ общины, церкви и религіи. Въ числѣ первыхъ по времени, по энергіи и по уму апостоловъ бабизма, была дѣвушка Тагирэ. Эманципированная отъ традицій ислама, она стояла во главѣ цѣлой бабидской партіи и ходила съ проповѣдью новой доктрины изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню. Ее тайно казнили въ

1852 г. Бабъ и Тагирэ проповѣдывали о равенствѣ половъ, объ уничтоженіи основанныхъ на произволѣ мужа разводахъ, объ общественной свободѣ женщины. Бабъ училъ даже, что женщина передъ Богомъ болѣе возвеличена и любезна, чѣмъ мужчина и на этомъ основаніи его послѣдователи, лишивъ мужа права давать разводъ, предоставили это право женѣ и наконецъ совершенно отвергли всякій обязательно-формальный бракъ, провозгласивъ принципъ полной половой свободы. Бабизмъ сильно распространяется въ Персіи, и можно надѣяться, что, подъ вліяніемъ Европы, онъ освободитъ со временемъ оріенталку изъ рабства.

Восточная женщина при жизни мужа не имѣетъ никакой экономической самостоятельности; ея приданое поступаетъ въ собственность мужа, доходами съ ея отдѣльнаго имущества пользуется мужъ; только послѣ смерти его она получаетъ свою вдовью пенсію и отдѣльное свое имущество, но и тутъ въ большинствѣ случаевъ она поступаетъ подъ опеку мужнинаго наслѣдника или своихъ родителей. Однако ей удастся иногда добиться права на совершенно самостоятельную жизнь; у евреевъ женщины иногда вели свое независимое ни отъ кого хозяйство; напримѣръ, онѣ арендовали поля, разводили виноградники, торговали полотномъ и фруктами,—все это на свой счетъ и для своихъ выгодъ. Экономическая самостоятельность и промышленная дѣятельность были основами той свободы египтянокъ, которая такъ бросалась въ глаза всему древнему міру. Египтянки занимались торговлею, земледѣліемъ, управляли хозяйствомъ семейнымъ, самое пропитыванье престарѣлыхъ и больныхъ родителей законъ возлагалъ не на сына, а на дочь. Жены пользовались полною общественною свободой, и въ то время, какъ онѣ уходили на рынокъ торговать, «мужчины—говоритъ правдивый Геродотъ, — сидѣли дома и ткали». Въ одномъ изъ древне-египетскихъ мавзолеевъ открыто барельефное изображеніе мужчинъ, которые занимаются самыми разнообразными работами, а немного въ сторонѣ отъ нихъ веселятся и танцуютъ женщины. Лѣность, праздность, гаремная заключенность дѣлаютъ женщину постельною игрушкою и лишаютъ ее всякой свободы. Но число такихъ женщинъ на Востокѣ весьма незначительно въ сравненіи съ громаднымъ числомъ простонародныхъ женщинъ, мужья которыхъ не имѣютъ возможности ни существовать безъ ихъ труда, ни держать ихъ постоянно подъ замкомъ. Въ Китаѣ, Индустанѣ, Японіи, Турціи, — вездѣ на Востокѣ простолюдинокъ почти вовсе не коснулись тѣ вліянія восточной цивилизаціи, которыя изъ оріенталки высшаго и средняго круговъ сдѣлали положительную рабыню. Въ массахъ народа женщина не только пользуется извѣстною общественною свободой, но и нерѣдко своими трудами кормитъ цѣлое семейство и поэтому управляетъ имъ.

Въ дикой и патріархальной жизни медициною занимались преимущественно женщины; въ государствахъ Востока мужчины совершенно оттѣснили ихъ отъ этой профессіи и только одна ихъ ревность заставила оста-

вить за женщинами родовспомогательное искуство. Изъ лекаря и хирурга женщина превратилась въ повивальную бабку, которая въ то же время занимается и плодоизгнаніемъ, нерѣдко наживая этимъ большія деньги.

Въ идеально-восточномъ бракѣ отъ женщины требуется одно знаніе—знаніе хозяйства; но страстная любознательность женщинъ, надъ которою такъ нагло издѣваются ихъ господа и повелители, даетъ имъ наконецъ доступъ къ знаніямъ. Китаянки обучаются чтенію, письму, риторикѣ, морали, рисованію, музыкѣ, онѣ читаютъ книги и пишутъ стихи. Есть въ Китаѣ и писательницы, моралистки и поэтессы. Въ древней Индіи женщины имѣли доступъ и къ литературѣ, и къ искуству; даже божествомъ послѣднихъ считается богиня Сарасвади. Малабаръ гордится, что на немъ родилось семь мудрыхъ философовъ, и четверо изъ нихъ были женщины. Древнѣйшая и знаменитѣйшая изъ этихъ философокъ, Авіаръ, жила не ранѣе, какъ за 1,000 лѣтъ назадъ, но нѣкоторыя изъ ея сочиненій сохранились до сихъ поръ и пользуются большимъ уваженіемъ. «Книги, это лучшіе друзья наши,» — восклицаетъ восторженная философка, — «цѣль науки состоитъ въ отличеніи добра отъ зла», говоритъ она въ другомъ мѣстѣ и этими изрѣченіями какъ бы протестуетъ противъ жестокости мужчинъ, благодаря которой женщины лишены лучшаго утѣшенія въ своей одинокой жизни,—образованія, лишены возможности изслѣдовать истину, эту разрушительницу всякаго рабства. Въ Мехикѣ дѣвушки получали свое образованіе въ публичныхъ школахъ, начальницами которыхъ были женщины. Исламъ ввелъ женскія школы даже къ татарскимъ племенамъ. Въ калифатѣ испанскихъ арабовъ женщины нерѣдко получали даже высшее образованіе. Арабки изучали медицину и практически занимались акушерствомъ. Въ литературной исторіи Востока немаловажную роль играютъ арабскія поэтессы. Вольная жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ указываетъ, какъ неизбѣжно должна отказываться отъ подчиненности семейнымъ идеаламъ каждая оріенталка, желающая посвятить себя какой бы то ни было общественной дѣятельности. На Востокѣ, какъ и вездѣ въ Европѣ, эманципаціи семейныхъ женщинъ всегда предшествовала эманципація гетеръ, нестѣсняемыхъ узами семейства. Какъ въ Греціи, Римѣ, Франціи, такъ и у арабовъ, — у которыхъ женщины успѣли эманципироваться гораздо болѣе, чѣмъ въ какой нибудь другой восточной странѣ, — доступъ къ общественной дѣятельности получали прежде всего гетеры. Въ багдадскомъ калифатѣ, напримѣръ, при Джафарѣ II, гетеры играли при дворѣ очень значительную роль. Между ними особенно отличалась Ямекъ; она была свѣдуща въ правѣ болѣе всѣхъ юристовъ, такъ что судьи и учители закона постоянно прибѣгали къ ея совѣтамъ. И только одна убійственность восточной цивилизаціи не дозволяетъ оріенталкѣ выступить на поприще литературы и науки, подобно женщинамъ Европы. Способности на это найдутся не только у турчанки или китаянки, но и у дикой негритянки. Въ примѣръ можно привести Филлисъ Уитли, негритянку, привезенную

въ Бостонъ изъ Африки и впослѣдствіи обратившую на себя общее вниманіе Америки своими поэтическими произведеніями.

Дольше всего не удавалось мужчинѣ лишить женщину возможности участвовать въ общественномъ управленіи и царствовать надъ народами. Причина этого понятна: царица или военачальница и болѣе развита и болѣе имѣетъ средствъ къ борьбѣ, чѣмъ простая обывательница.

Мы уже говорили, что женщины нѣкогда правили судьбами Израиля— въ эпоху судей. Въ исторіи царства еврейскаго мы встрѣчаемъ двухъ женщинъ, имѣвшихъ верховную власть. Аталія, дочь царя Осира, истребивъ почти всю царскую фамилію, захватила тронъ и шесть лѣтъ управляла царствомъ. Въ позднѣйшій періодъ Александръ Янней оставилъ іудейскую корону своей женѣ, Александрѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣ ея смерти престолъ перешелъ къ избранному ею наслѣднику. Египетскія царевны также могли наслѣдовать престолъ фараоновъ. Первобытная полумифическая исторія Азіи выставляетъ образъ Семирамиды, которая своею жаждою дѣятельности и своими завоеваніями напоминаетъ Александра Великаго. Ассирійскій царь Нинъ безуспѣшно осаждалъ Бактрію и могъ взять ее только съ помощью Семирамиды, жены одного ассирійскаго военачальника. Нинъ женился на Семирамидѣ и послѣ его смерти послѣдняя вступила на тронъ. Она построила Вавилонъ съ его чудовищными стѣнами, дворцами, храмами, плотинами, обелисками. Походъ ея въ Мидію также ознаменовался устройствомъ по всему пути дорогъ, водопроводовъ, разведеніемъ садовъ, постройкою новыхъ городовъ, воздвиженіемъ статуй. Она покорила всю почти Азію, неудался только походъ ея въ Индію, и на старости, передавъ корону своему сыну, она «передъ глазами народа изчезла изъ виду въ образѣ голубя», говоритъ сага. Другая подобная царица была Никотриса. Ея управленіе называется справедливымъ и мудрымъ; долговѣчнымъ памятникомъ своей дѣятельности она оставила вавилонскіе мосты и каналы. Упомянувши о карійской царицѣ Артемизіи, союзницѣ Ксеркса въ его войнѣ съ Греціею, о знаменитой Клеопатрѣ египетской,—игравшей важную роль не только въ политикѣ древняго міра, но и въ цивилизаціи,— знавшей по-латыни, по-гречески, по-еврейски, по-арабски, по-персидски, покровительствовавшей ученымъ и основавшей въ Александріи большую библіотеку, — мы остановимся на Зеновіи, царицѣ Пальмиры и Востока. Пальмира (въ Финикіи) была зивисима отъ римлянъ, но мужъ Зеновіи отложился отъ нихъ; послѣ его смерти Зеновія приняла управленіе государствомъ и не только обезпечила его независимость, одержавъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ надъ римлянами, но еще завоевала Египетъ, Сирію, Миссопотамію. Она была красавица, но въ тоже время несла въ походахъ трудную службу наравнѣ съ простымъ солдатомъ, верхомъ на лошади водила въ битву свое войско, вела скромную и умѣренную жизнь, хотя и принимала пословъ съ восточною пышностью, искусно руководила политическими дѣлами, окружала себя учеными; брала уроки у извѣстнаго фило-

софа Лонгина, говорила по-гречески, по-латыни, по-сирійски, по-египетски, составила очеркъ исторіи Востока; ея военные таланты были признаваемы даже всѣми врагами ея. Императоръ Авреліанъ (270—275 г.) началъ съ нею войну въ большихъ размѣрахъ; Зеновія боролась съ римской арміей до послѣдней крайности; наконецъ, она была взята въ плѣнъ и Авреліанъ тріумфально ввелъ ее въ Римъ, закованною въ золотыя цѣпи. Императоръ подарилъ ей въ окрестностяхъ Рима прекрасную виллу и она сошла съ общественной сцены. Въ исторіи монгольскихъ и турецкихъ государствъ женщины также являются самостоятельными правительницами. Такою была, напримѣръ, Турканъ-Хатунъ, королева Каразма, во времена Чингиса. Нося титулъ защитницы вѣры и міра, она защищала слабыхъ отъ сильныхъ, была сострадательна къ бѣднымъ, разбирала судейскія дѣла и постановляла приговоры съ такою справедливостью, что считалась самымъ умнымъ и безпристрастнымъ судьей. Ея царство разрушено монголами. Въ исторіи Персіи, Китая и арабскаго калифата мы видимъ примѣры, какъ женщины, недовольствуясь закулиснымъ вліяніемъ на государственныя дѣла, стремятся къ самостоятельному управленію царствами. Зейда, жена персидскаго шаха Абу-Талебъ-Ростама, назначенная послѣ его смерти регентшей, во время малолѣтства своего сына успѣла упрочиться на персидскомъ престолѣ. Выросши, сынъ захотѣлъ лишить ее власти, но Зейда не покорилась, начала междоусобную войну съ сыномъ, побѣдила его, взяла въ плѣнъ и продолжала царствовать, пріобрѣтая мудрымъ управленіемъ любовь народа. Въ исторіи арабовъ женщины также стремились, и часто съ успѣхомъ, къ управленію государствомъ. Любимая жена Магомета, даровитая поэтесса Аеша, получившая послѣ смерти мужа титулъ матери вѣрныхъ и не мало содѣйствовавшая развитію ученія ислама, пользовалась такимъ вліяніемъ на общественныя дѣла, что даже отецъ всегда слушался ея совѣтовъ. Она болѣе всѣхъ содѣйствовала избранію въ калифы Абу-Бекра и къ устраненію Али, противъ котораго сама водила войско и взяла приступомъ Бафру. Не менѣе замѣчательною личностью была Зеттальмалюкъ, сестра Али-Гакема, калифа сирійскаго и египетскаго, извѣстнаго своими злодѣйствами. Особенно жестокъ былъ онъ относительно женщинъ, запретилъ имъ вовсе появляться на улицѣ, выходить на крыши своихъ домовъ, носить башмаки, предавая смертной казни всѣхъ ослушницъ этихъ повелѣній. Однажды Али-Гакемъ жестоко оскорбилъ свою сестру; она убила его черезъ двухъ невольниковъ; сынъ его сдѣлался калифомъ, но государствомъ въ его имени стала править Зеттальмалюкъ.

Въ Китаѣ мы видимъ тѣ же стремленія женщинъ и лѣтописи поднебесной имперіи говорятъ, что въ древности женщины составили однажды многочисленное тайное общество, имѣвшее цѣлью ниспровергнуть правительство и захватить въ свои руки управленіе государствомъ. Покушеніе не удалось; но женщины нерѣдко имѣли громадное вліяніе на государственныя дѣла и подъ именемъ своихъ сыновей или мужей богдыхановъ

управляли Китаемъ; однѣ изъ этихъ императрицъ достойны стоять на ряду съ самыми лучшими государями поднебеснаго царства, другія — нисколько не уступаютъ по силѣ характера самымъ непреклоннымъ въ своей жестокости тиранамъ-мужчинамъ. Такъ, жена развратнаго императора Шеу-Сина, честолюбивая и жестокая до крайности, заставила покориться своей волѣ и муженька, и всю имперію. Желая упрочить власть императора и сдѣлать ее вполнѣ неограниченной, она начала дѣйствовать посредствомъ террора, казня и изгоняя всѣхъ порядочныхъ людей и выдумывая новые мучительные виды смертной казни. Около 818 г. по Р. Х., Китаемъ правилъ Кіа, Неронъ своего времени, жена котораго Вигія разоряла имперію своимъ мотовствомъ и кутежами. Въ ней выразился въ безобразныхъ формахъ протестъ китайской женщины противъ половой опеки и стремленіе къ свободѣ любви. Въ своемъ дворцѣ она устроила постыдныя оргіи, вела себя какъ Мессалина и попирая всѣ строгіе обычаи семейной жизни, преслѣдовала и казнила чиновниковъ, осмѣливавшихся убѣждать императора къ прекращенію такихъ безобразій его вѣнчанной супружницы. Въ эпоху пятой династіи (206—220 г. по Р. Х.), Лію-Хи, мать слабаго и преданнаго исключительно разврату императора, управляла государствомъ отъ его имени, и послѣ смерти его успѣла оставить за собою совершенно неограниченную власть, посадивъ на престолъ крестьянскаго мальчика, выданнаго ею за своего сына. Наконецъ, она убила этого мальчика и продолжала царствовать уже подъ своимъ именемъ вплоть до своей скоропостижной смерти. Знаменитѣйшими изъ китайскихъ императрицъ были двѣ жены Тай-Тсонга, въ VII в. по Р. Х. Первая изъ нихъ считалась добрымъ геніемъ страны; она водворила въ Китаѣ миръ и благоденствіе, принявъ мѣры къ ослабленію столь обычныхъ на Востокѣ неправдъ и жестокостей. Послѣ ея смерти императоръ женился на Тзе-Тьянъ, которая, когда мужъ умеръ, вступила на престолъ, какъ самостоятельная государыня. Въ исторіи всемірныхъ монгольскихъ завоеваній мы видимъ прекрасный женскій образъ Толиконы, шестой жены Октай-Хана († 1241 г.), которая ревностнѣе самыхъ лучшихъ монгольскихъ государей старалась водворить въ царствѣ правду и благоденствіе народа. Узнавъ, что у императора дурные совѣтники, что должности продаются за деньги, что темницы наполнены честными людьми, возстававшими противъ взяточничества и несправедливостей лицъ, которыя занимали высшія должности государства, Толикона, даже по смерти мужа, пользуясь большимъ вліяніемъ на общественныя дѣла, боролась противъ упомянутыхъ злоупотребленій съ благородствомъ, достойнымъ самаго просвѣщеннаго мужчины. Въ Турціи султанши также иногда правили: напримѣръ, русская по происхожденію, Роксолана († 1558 г.), жена Солимана Великаго, и Коссемъ, жена Ахмеда I († 1617 г.); послѣдняя царствовала подъ именемъ сыновей своихъ, Османа и Ибрагима, а разсорившись съ послѣднимъ и низложивши его, подъ именемъ своего внука Магомета. Историки провозносятъ до небесъ ея государственныя способности. Жена Ахмеда III, почему-то горячо

принявшая къ сердцу дѣла Карла XII, употребляла всѣ усилія къ вооруженію Турціи противъ Россіи и даже, вопреки всѣмъ правиламъ гарема, писала собственноручно политическія письма шведскому королю и графу Понятовскому. Въ прежнемъ Индустанѣ, какъ и на всемъ Востокѣ, обитательницы царскихъ и княжескихъ гаремовъ имѣли всегда большое вліяніе на управленіе и внѣшнюю политику государствъ, на дѣла войны и мира. Случалось, что изъ придворныхъ дамъ одна управляла дѣлами перваго министра, другая—государственнаго секретаря; нѣкоторыя правили изъ столицы провинціями черезъ губернаторовъ, съ которыми онѣ имѣли постоянное сообщеніе посредствомъ курьеровъ. Лейбъ-конвой императора состоялъ изъ сотни женщинъ, вооруженныхъ саблями, кинжалами и стрѣлами; начальница ихъ имѣла чинъ и содержаніе эмира. Въ исторіи индѣйскихъ государствъ мы видимъ также не мало знаменитыхъ царицъ, изъ которыхъ однѣ правили дѣлами, другія покровительствовали искусствамъ и литературѣ, строили больницы и богадѣльни, третьи предводительствовали арміями съ искуствомъ пальмирской Зеновіи. Въ позднѣйшее время, въ 1840 г., на престолъ сейковъ взошла Чондъ-Конвуръ, жена умершаго государя, которая хотя и шокировала народъ своимъ неприличнымъ, по восточному, образомъ жизни, но такъ ловко обработывала дѣла, что ей первымъ присягнулъ ея сынъ, законный наслѣдникъ умершаго государя. Но вскорѣ противники Чондъ-Конвуръ возстали, осадили ее въ Лагорѣ и, взявъ городъ, изрубили королеву въ куски. По словамъ Милля, женское управленіе гораздо благотворнѣе для индустанскихъ государствъ, чѣмъ управленіе мужчинъ. Отчеты свидѣтельствуютъ, что гдѣ финансы въ хорошемъ состояніи, гдѣ наименѣе деспотизма и злоупотребленій, гдѣ больше условій, необходимыхъ для народнаго благосостоянія, — тамъ правитъ женщина.

Такимъ образомъ, ни законы, ни жестокія наказанія, ни гаремная стража, ни священный авторитетъ жрецовъ,—ничто не могло окончательно подавить самодѣятельности восточной женщины и ея стремленій выйти на ту же арену, по которой такъ свободно расхаживаютъ мужчины. Но восточные порядки такъ крѣпки относительно слабыхъ усилій женщины, что нечего и ждать ихъ паденія безъ усиленнаго вліянія европейской цивилизаціи. Европѣ предстоитъ славная задача просвѣтить Востокъ, задушить царящій тамъ деспотизмъ, освободить рабовъ, реформировать восточное семейство и эманципировать женщину.

VII.

Насколько можно вѣрить легендарной литературѣ, первобытная, пеласгическая эпоха Греціи была ознаменована владычествомъ женщинъ и материнскаго права. Слѣды этихъ порядковъ ясно видны и въ началѣ эллинскаго періода. До развитія государственнаго строя, во всѣхъ отправленіяхъ

общественной жизни, женскій элементъ равносиленъ мужскому или даже преобладаетъ надъ нимъ. Красотою и любовью женщина покоряетъ все. «Въ золотомъ поясѣ, на влажныхъ крыльяхъ Зефира мчится Венера по снѣжной пѣнѣ волнъ многошумнаго моря и является на Олимпъ. Боги, пораженные ея красотой, простираютъ къ ней руки и каждый желаетъ пріобрѣсть ея любовь. Внушивъ сладкое вожделѣніе богамъ, она смиряетъ племена людскія, и летающихъ по воздуху птицъ, и всѣхъ животныхъ, питаемыхъ моремъ и обширною землею. Волки, свирѣпые львы, быстрые леопарды мирно слѣдуютъ за ней. Она успѣваетъ обольстить и самаго Зевса, заставляя его увлекаться страстью къ смертнымъ женщинамъ.» При такомъ могуществѣ красоты половая свобода женщины не могла быть стѣснена. У Гомера дѣвушки появляются всюду въ общественной жизни и совершенно свободно обращаются съ мужчинами. Боги, богини и герои ведутъ жизнь, полную свободной любви. Легенды о Пирамѣ и Тисбеѣ, Геро и Леандрѣ, Тезеѣ и Аріаднѣ — не выдумки, а вѣрное изображеніе дѣйствительной жизни. Замужнія женщины были также свободны «У Гомера» — говоритъ Атеней—«женщины участвуютъ во всѣхъ пиршествахъ и собраніяхъ, — и возлежатъ за трапезами съ юношами и старцами, вмѣстѣ съ Несторомъ и Фениксомъ». И гомерическіе мужчины относятся къ женщинамъ съ ласковостью и вѣжливостью. Когда беззащитная Пенелопа входитъ въ залу, въ которой шумно пируютъ сорокъ пьяныхъ жениховъ ея, все смолкаетъ—и пѣсни, и взаимныя насмѣшки, и брань. Пенелопа начинаетъ говорить о своей вѣрности памяти Улисса, о своей безутѣшной скорби по немъ,—и гости мгновенно поддаются обаянію ея рѣчей, въ залѣ воцаряется мертвое молчаніе, пѣвецъ Фемій роняетъ слезу на свою пятиструнную арфу. Между тѣмъ всѣ эти гости недовольны Пенелопой, но только по уходѣ ея они осмѣливаются наносить ей оскорбленія. Уваженія къ женщинѣ и увлеченія ею не разрушали даже самые ея проступки. Какъ не виновна была Елена, но старцы Гомера восклицаютъ: «не обвиняйте изящнообутыхъ троянцевъ и ахеянъ, что они за подобную женщину претерпѣли столько несчастій! Женщина эта похожа на безсмертныхъ богинь!» Женщинамъ были доступны всѣ роды общественной дѣятельности. Въ олимпійскомъ совѣтѣ боговъ онѣ являются дѣятельными участницами. Онѣ могутъ постоять за себя, потому что, кромѣ красоты, владѣютъ и оружіемъ, какъ напримѣръ, Артемида. Афина, искусная копьеметательница, принимаетъ живое участіе въ военныхъ дѣлахъ. Въ Илліадѣ Андромаха и Елена постоянно участвуютъ во всѣхъ совѣщаніяхъ вождей, ихъ уважаютъ и слушаются. Въ первобытную эпоху Афинъ, женщины считались самостоятельными гражданками, имѣли голосъ въ общественныхъ собраніяхъ наравнѣ съ мужчинами, а въ семейной жизни даже преобладали надъ послѣдними въ извѣстной степени; семейство было основано на началахъ материнскаго права и дѣти носили имя матери. Ниже мы увидимъ, что слѣды этой женской самостоятельности сохранились въ Спартѣ до позднѣйшаго вре-

мени. И между тѣмъ какъ, въ героическую эпоху Греціи, мужчина является факторомъ насилія, разрушенія, войны, женщина дѣйствуетъ во имя мира и цивилизаціи. Марсъ—*разрушитель городовъ*, а Минерва—*покровительница городовъ*. Она останавливаетъ войны; въ то время, когда Улиссъ хочетъ преслѣдовать своихъ враговъ, она угрожаетъ ему гнѣвомъ Юпитера и заставляетъ его заключить миръ. Она наказываетъ воиновъ за жестокость. Въ матеріальной и умственной культурѣ народа, женщина изобрѣтаетъ и развиваетъ ремесла и искуства. Она научила людей земледѣлію и другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства (Деметра). Она изобрѣла пряжу, тканье, шитье и другія женскія ремесла; развела маслины, была творцомъ музыки, изобрѣтательницею вѣсовъ, строительницею кораблей (Паллада). Она — богиня правосудія (Фемида) и неумолимая мстительница за преступленія (Немезида). Она принесла людямъ огонь, это основное средство матеріяльной культуры (Гестія), и поддерживаетъ его священное пламя въ храмахъ, которые между прочимъ служатъ вѣрнымъ убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ преступниковъ. Минерва — богиня мудрости, музы — представительницы наукъ и искуствъ. Не Эскулапъ былъ первымъ по времени лекаремъ, а его мать Имута съ своими шестью дочерями, а до нихъ богинями цѣлительнаго искуства считались Геката и Діана. Въ области религіи женщина не только пользовалась большимъ уваженіемъ, но и владычествовала надъ умами, какъ вдохновенная пророчица.

Но всѣ эти права и преимущества были только остатками древней свободы, и чѣмъ далѣе развивались греческія общества, тѣмъ болѣе выдвигался на первый планъ мужской элементъ и во всѣхъ сферахъ жизни сталъ преобладать надъ женщиной. Владычество мужчинъ въ Греціи, какъ и на Востокѣ, окончательно было упрочено только съ возникновеніемъ государствъ и развитіемъ законодательныхъ системъ. Но еще въ предшествующую этимъ событіямъ эпоху, греческое семейство начинаетъ складываться въ прочный союзъ, безусловно подвластный отцу и чрезвычайно похожій на архаическую семью Востока. Между мужчиной и женщиной идетъ борьба; отцы стараются держать подъ замкомъ своихъ дочерей, мужья—женъ, чтобы лишить ихъ свободы въ распоряженіи своею красотою и сердцемъ; Гекуба жалуется, что она, какъ собака, прикована на цѣпи къ воротамъ Агамемнона; но стѣны и запоры долго еще остаются безсильными противъ любви и хитрости. Умыканіе, бывшее прежде исключительно разбойничьимъ захватомъ, теперь часто служитъ средствомъ для заключенія союза свободной любви, и не одна Елена бѣжитъ съ Александромъ изъ своей семейной темницы. Но, съ другой стороны, умыканіемъ же добываются жены и наложницы, и мужчины относятся къ нимъ, какъ къ рабынямъ. Особенно сильны были захваты иностранокъ для проституціи, наложничества и работы. Геродотъ говоритъ, что умыканіе женщинъ было первою причиною войны. Греки воровали женщинъ у финикійцевъ, колхидянъ, троянцевъ; во время междоусобныхъ войнъ эллинскихъ пле-

женъ побѣдители звѣрски избивали мужчинъ, а ихъ дѣтей и женъ уводили въ неволю. Отецъ семейства стремится къ абсолютной власти надъ всѣми его членами; онъ произвольно распоряжается рабомъ, приговариваетъ къ смерти новорожденныхъ дѣтей, которые почему нибудь не нравятся ему; жену онъ хочетъ сдѣлать своей наложницей и рабыней, необходимой для его половыхъ наслажденій, дѣторожденія и хозяйственныхъ трудовъ. Организація первичнаго общественнаго союза, брака и семьи, требовала для своей прочности солидной собственности и женскаго рабства. «Прежде всего домъ, — говоритъ Гезіодъ—«потомъ *пріобрѣтенная* (т. е. наложница, рабыня, а по объясненію Аристотеля, жена) и рабочій волъ». Половую сторону женщины семья также стремится обратить въ исключительное служеніе себѣ; женщина должна быть чадородною матерью и хозяйкою, — вотъ тотъ отдаленный идеалъ, который старается осуществить мужчина. Женщина, конечно, не сразу поддается подобнымъ стремленіямъ его, она борется, хитритъ, измѣняетъ, обращается въ бѣгство, водворяетъ въ семьѣ домашній адъ. Какъ же не бранить, не презирать, не колотить такую дерзкую рабыню! Мужъ и бранитъ, и колотитъ, и убиваетъ ее, и продаетъ въ рабство или вымѣниваетъ ее на какую нибудь другую женщину. Но такой деспотизмъ возможенъ не всегда и не каждому мужу, и много должно утечь воды, прежде чѣмъ супругъ успѣлъ, да и то не вполнѣ, реализировать идеалъ своего самовластія. Изъ тѣхъ же временъ, когда дочерей старались держать подъ замкомъ, а женъ обратить въ невольницъ, мы имѣемъ свидѣтельство Гезіода о борьбѣ женщины противъ семейныхъ поработителей, даже о побѣдахъ ея надъ ними. Гезіодъ нападаетъ на женщинъ за ихъ капризы, вспыльчивость, увлеченія, за кокетство и хитрость, посредствомъ которыхъ имъ удавалось всецѣло подчинять себѣ мужчинъ. Конечно, всѣ подобные успѣхи женщины только отсрочивали побѣду мужчины. Къ тому же сила была тогда единственнымъ правомъ, которое признавалось людьми, и, какъ всегда въ подобныхъ обстоятельствахъ, слабые были принуждены цѣною своей свободы покупать покровительство сильныхъ. Особенно несчастно было положеніе сиротъ и вдовъ. Естественно, что такія обстоятельства сильно парализировали стремленіе женщинъ къ свободѣ и независимости. Есть данныя, что въ эпоху патріархальныхъ царей, на ряду съ свободными и самостоятельными женщинами, было уже не мало такихъ, которыя могли удовлетворять вкусамъ самого Солона или Гезіода. Съ развитіемъ богатства, житейскаго комфорта и международныхъ сношеній въ Элладѣ начало усиливаться многоженство то въ формѣ полигаміи, то въ формѣ конкубината. Но греческая женщина упорно боролась противъ многоженства. Большая часть мифологовъ объясняютъ преступленія Клитемнестры единственно ревностью и негодованіемъ, которыя внушали ей полигамическія наклонности ея мужа. Изъ Гомера видно, что жена считала себя «обезчещенною», если мужъ ея бралъ, кромѣ нея, другую жену или наложницу. Медея такое

безчестіе доводитъ до страшнаго желанія отомстить мужу смертью своей соперницы и кровью собственныхъ дѣтей. Образцомъ этой брачной борьбы могутъ служить отношенія Геры къ Зевсу. Гера — настоящая греческая жена, которая желаетъ одна обладать своимъ мужемъ, за невѣрность преслѣдуетъ и его самого, и его дѣтей, и его любовницъ. Даже когда мужья заводили себѣ наложницъ, которыя большею частью были рабынями, а дѣти ихъ считались незаконными, то и тутъ старались скрывать отъ женъ свои отношенія къ этимъ любовницамъ. Такимъ образомъ, еще до развитія государствъ, женщинѣ удалось поставить моногамію идеаломъ брака.

Съ переходомъ семей и родовъ въ государственный бытъ, женщина проигрываетъ свое дѣло почти во всѣхъ отношеніяхъ. Въ періодъ патріархальныхъ царей, когда не было не только писанныхъ законовъ, но и прочныхъ юридическихъ обычаевъ, когда судебный приговоръ царя, внушенный ему свыше (*фемистъ*), одинъ только регулировалъ взаимныя отношенія людей, борьба мужа или жены, нерѣшенная хитростью или силой одного изъ нихъ, рѣшалась царскимъ приговоромъ. А царь былъ мужчина, отецъ и мужъ, тоже стремившійся къ покоренію женщины; понятно, чью сторону должны были поддерживать его вдохновенныя рѣшенія. Серіи одинаковыхъ случаевъ, подлежащихъ разбирательству, естественно ведутъ за собой серіи одинаковыхъ судебныхъ приговоровъ, порождающихъ юридическій обычай, или обычный законъ. Всѣ первичные кодексы Европы были только изложеніемъ этихъ обычаевъ, болѣе или менѣе измѣненныхъ законодательствомъ.

Съ возникновеніемъ государствъ законодательства подчиняютъ женщину тому же деспотизму, къ утвержденію котораго въ семействѣ стремился мужчина. Античное государство, основанное на эксплуатаціи невольниковъ, превратило женщину въ свою рабыню, обязанную производить ему здоровыхъ, способныхъ и красивыхъ гражданъ. При этомъ у воинственныхъ и грубыхъ дорянъ порядки архаическаго семейства расшатались несравненно болѣе, а женщины были закрѣпощены и стѣснены гораздо менѣе, чѣмъ то было у цивилизованныхъ іонійцевъ.

Въ Спартѣ государство захватило въ свои руки управленіе всѣмъ, — и распредѣленіемъ народнаго имущества, и отношеніями половъ, и дѣлами семейными, и воспитаніемъ дѣтей. Главною цѣлью государства было распложеніе здоровыхъ людей, охраненіе простыхъ, даже грубыхъ нравовъ, воспитаніе въ гражданахъ храбрости и другихъ доблестей воина. Плутархъ, защищая спартанскую конституцію отъ нареканій, говоритъ, что если разумно стараться объ усовершенствованіи породы собакъ и лошадей, то нелѣпо и глупо порицать подобныя же заботы о людской породѣ. Такимъ образомъ, цѣлью спартанскаго государства было усовершенствованіе и воспитаніе человѣческой породы для военныхъ дѣлъ. Какъ у всѣхъ воинственныхъ націй, такъ и въ Спартѣ, въ этой общинѣ суровыхъ коммунистовъ-воиновъ, женщины являются довольно свободными и съ большими

правами, чѣмъ въ государствахъ іоническихъ, напримѣръ, въ Афинахъ, гдѣ ихъ дѣятельность ограничена семейною сферою и гдѣ онѣ подчинены общественной власти несравненно менѣе, чѣмъ семейной. Спартанецъ вовсе не жилъ домашнею жизнію, весь день онъ проводилъ въ публичныхъ мѣстахъ, ѣлъ за общественнымъ столомъ, спалъ въ общественномъ зданіи и только по временамъ посѣщалъ свою жену, почти всегда ночью украдкою ото всѣхъ и не надолго. Не любовницей, не хозяйкой предписывалось быть спартанкѣ, а родильницей хорошихъ дѣтей и матерью героевъ. Поэтому дѣвушки получали одинаковое воспитаніе съ мальчиками. «Другіе греки—говоритъ Ксенофонтъ—хотятъ, чтобы дѣвушки въ домашнемъ уединеніи занимались обработкою шерсти. Можетъ ли такимъ образомъ воспитанная дѣвица произвесть на свѣтъ что-нибудь путное! Ликургъ же думалъ, что для приготовленія одежды годятся и рабыни, а важнѣйшею задачею свободныхъ женщинъ онъ считалъ дѣторожденіе, и постановилъ, чтобы женскій полъ занимался тѣлесными упражненіями наравнѣ съ мужскимъ, такъ какъ сильныя дѣти могутъ быть рождены только сильными родителями». «Ликургъ—говоритъ Плутархъ—старался о томъ, чтобы плодъ, зачатый въ здоровомъ тѣлѣ матери, развивался и созрѣвалъ какъ слѣдуетъ, а мать имѣла бы достаточно силъ, необходимыхъ для легкаго и безопаснаго перенесенія родильныхъ мукъ. Разнообразныя гимнастическія упражненія нашихъ юношей и дѣвицъ, совершавшіяся публично, имѣли еще цѣлью возбуждать въ молодыхъ людяхъ половые инстинкты и охоту къ браку.» Безбрачіе или поздній бракъ навлекали на виноватыхъ въ нихъ мужчинъ нѣкоторыя наказанія, — они лишались права присутствовать на гимнастическихъ упражненіяхъ дѣвушекъ, а зимою ихъ заставляли танцовать нагишомъ вокругъ всей большой площади, причемъ зрители осыпали ихъ насмѣшками и пѣли нарочно для этого случая составленныя саркастическія стихотворенія. Государство опредѣляло какъ мѣсто и время для брака, такъ и возрастъ жениха и невѣсты, запрещало жениться на слишкомъ молодыхъ дѣвушкахъ, а мужчинамъ предписывало вступать въ бракъ около 30 лѣтъ. Занимаясь общественными дѣлами, служа государству, спартанецъ ночью, не на долго, да и то украдкой отъ всѣхъ, могъ ходить къ своей женѣ; только послѣ рожденія сына ему дозволялось посѣщать ее днемъ и оставаться у ней подольше. За извѣстное число произведенныхъ гражданиномъ дѣтей государство награждало его, — за трехъ ребятъ онъ освобождался отъ караульной службы, за четырехъ—отъ всѣхъ общественныхъ повинностей. «Пожилой супругъ молодой жены—разсказываетъ Плутархъ—могъ свести ее съ молодымъ и храбрымъ мужчиной и присвоить себѣ ребенка, рожденнаго отъ столь благородной крови. Доблестный мужчина, которому приглянулась какая нибудь чадородная и добродѣтельная женщина, могъ просить у мужа ея позволенія на сожительство съ нею». Такимъ образомъ, утвержденная закономъ моногамія нерѣдко превращалась въ поліандрію.

Послѣдній видъ брака существовалъ у спартанцевъ еще и въ другой формѣ, сохранившейся вѣроятно отъ первичной эпохи ихъ исторіи. Земельный участокъ спартанца не могъ быть дѣлимымъ и отъ отца переходилъ къ его старшему сыну, который дѣлался собственникомъ; остальные братья только пользовались доходами съ семейнаго имущества и, по свидѣтельству Полибія, у всѣхъ ихъ была общая жена и общія дѣти. Въ подобномъ семействѣ, у главы его, старшаго брата, не было сыновей, и наслѣдство, поэтому, переходило къ старшей дочери, на которой долженъ былъ жениться кто нибудь изъ родственниковъ, неимѣвшій земельнаго участка. Такимъ образомъ, въ Спартѣ были перемѣшаны между собою моногамія, поліандрія, даже общность женъ и, въ видѣ исключенія, встрѣчалась даже полигамія. Дѣти съ самаго своего рожденія принадлежали государству, и отецъ не имѣлъ права убивать или выбрасывать ихъ, какъ это было во всей остальной Греціи, кромѣ Фивъ; комиссія изъ чиновниковъ свидѣтельствовала новорожденныхъ и оставляла годныхъ для государства, забракованныхъ же предавала смерти.

По мысли Ликургова законодательства, женщина должна быть государственной самкой; до замужества она приготовляется къ этой роли, ведетъ общественную жизнь, получаетъ воспитаніе наравнѣ съ мужчинами; по выходѣ же замужъ, она удаляется отъ общественной жизни и даже, по восточному обычаю, должна ходить съ покрытымъ лицомъ. Ей строго предписывается быть вѣрною мужу. Но спартанская конституція недолго могла устоять противъ стремленій женщины къ свободѣ. Аристотель и Плутархъ разсказываютъ, что даже при самомъ введеніи своей конституціи, Ликургъ встрѣтилъ самое энергическое сопротивленіе со стороны женщинъ и лишился при этомъ глаза. Законы были все-таки введены, но уже Ксенофонтъ говоритъ: «еслибы кто нибудь спросилъ меня, сохранились ли законы Ликурга до сихъ поръ во всей ихъ чистотѣ, то, клянусь Зевсомъ, я не осмѣлился бы отвѣчать утвердительно». Болѣе древніе греческіе писатели изображаютъ спартанокъ женщинами добродѣтельными, съ строгими нравами, словомъ, хорошими воспитанницами Ликурга, между тѣмъ, какъ Аристотель сообщаетъ, что онѣ «ведутъ жизнь, распущенную во всѣхъ отношеніяхъ и роскошную». Гротъ справедливо, кажется, объясняетъ такое противорѣчіе тѣмъ, что во время Аристотеля богатымъ спартанкамъ удалось освободиться отъ общей дисциплины, и что этихъ-то эманципированныхъ женщинъ Аристотель имѣетъ въ виду. И нужно замѣтить при этомъ, что, вѣроятно, вслѣдствіе упомянутой оппозиціи женщинъ при введеніи ликурговыхъ законовъ, послѣдніе плохо опредѣляли ихъ обязанности и права. Эти законы давали правила, какъ воспитывать женщину и какъ пользоваться ею для дѣторожденія; почти во всѣхъ другихъ отношеніяхъ положеніе женщинъ оставалось неопредѣленнымъ, «какимъ-то внѣ законнымъ», по выраженію Аристотеля. Равныя мужчинамъ по своему воспитанію, храбрости, патріотизму, спартанки скоро успѣли пріобрѣсть

громадное вліяніе на общественныя дѣла, появляясь въ публичныхъ собраніяхъ, воодушевляя воиновъ, внушая героизмъ своимъ дѣтямъ. Онѣ были виновницами паденія тѣхъ экономическихъ началъ, которыя лежали въ основѣ спартанской конституціи и о возстановленіи которыхъ напрасно старались послѣдніе патріоты, Агисъ и Клеоменъ. Въ Спартѣ было запрещено давать за дочерьми большое приданое, какъ ради охраненія экономическихъ порядковъ этого государства, такъ и во избѣжаніе владычества богатой жены надъ бѣднымъ мужемъ. Но интересы женщинъ взяли верхъ надъ этими разсчетами законодателя; приданое пріобрѣтало все большіе и большіе размѣры, и вотъ, вслѣдствіе большого числа наслѣдницъ и вслѣдствіе обычая давать за дочерьми большое приданое, почти ²/₅ всей земли очутились въ рукахъ спартанскихъ женщинъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, вліяніе женщинъ въ Спартѣ сдѣлалось столь громаднымъ, что Аристотель называетъ его гинейкократіей; «правители государства находились подъ властью женщинъ, и во время гегемоніи спартанцевъ многія дѣла совершались по распоряженію женщинъ». Рабыни государства сдѣлались владычицами его и, подточивъ основы конституціи, навсегда лишили Спарту возможности третировать себя, какъ заводскихъ кобылъ.

VIII.

Развитіе іоническихъ государствъ вообще, и въ частности главнаго изъ нихъ—афинской республики, сопровождалось постепеннымъ отдаленіемъ женщинъ отъ общественной дѣятельности, постепеннымъ закрѣпощеніемъ ихъ семейству. Въ правленіе Кекропса,—которому приписывается введеніе въ Грецію брачнаго института,—вдругъ на одномъ мѣстѣ выросла маслина, а на другомъ выступила вода. Царь послалъ въ Дельфы просить у оракула объясненія такого феномена. Оракулъ отвѣчалъ, что маслина означаетъ Минерву, а вода — Нептуна. Между гражданами родилось сомнѣніе, именемъ какого божества назвать городъ? Царь собралъ народное собраніе какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Мужчины стояли за Нептуна, женщины—за Минерву; а такъ какъ на сторонѣ послѣднихъ было голосовъ больше, то женщины одержали верхъ и городъ названъ въ честь Минервы или Афины — Афинами. Нептунъ разгнѣвался и залилъ моремъ всю афинскую землю. Чтобы умилостивить бога, женщины должны были отказаться отъ права голоса въ народныхъ собраніяхъ; дѣти ихъ не должны были называться именемъ матери, какъ это было до той поры, а сами онѣ перестали именоваться афинянками и изъ полноправныхъ гражданокъ обратились въ женъ гражданъ. Сказочный элементъ этого сказанія, конечно, нисколько не роняетъ исторической достовѣрности того факта, что при развитіи афинскаго государства женщины лишены были политическихъ правъ, которыми онѣ пользовались прежде. Вмѣстѣ съ тѣмъ женщинъ мстара-

лись удалить почти отъ всякой общественной дѣятельности. Имъ и рабамъ запретили, напримѣръ, заниматься медицинской практикой; даже родовспомогательное искуство было отнято у нихъ мужчинами. Съ упорною настойчивостью женщины отстаивали свое право на занятіе врачебною наукою. Одна изъ нихъ, Агнодика, обрѣзавъ волосы, одѣвшись въ мужское платье, поступила къ извѣстному въ то время медику въ ученье, по окончаніи котораго она пріобрѣла обширную практику, преимущественно въ кругу своего пола. Своею славою она возбудила зависть во всѣхъ лекаряхъ; на нее донесли, что она развращаетъ честныхъ женщинъ. Агнодика явилась передъ судомъ ареопага и въ опроверженіе доноса открыла свой полъ. Но ареопагъ все-таки не хотѣлъ дозволить ей практики и уступилъ только настойчивымъ требованіямъ всѣхъ знатныхъ афинянокъ, явившихся ходатайствовать за Агнодику и за право женщинъ заниматься акушерствомъ. Въ области религіи женщина была также ограничена сословіемъ жрецовъ. Въ древнѣйшую эпоху Греціи жрицами могли быть и замужнія женщины; но въ болѣе позднія времена отъ желающихъ быть жрицами безусловно требовался тягостный обѣтъ безбрачія. Греческія прорицательницы, пифониссы, имѣли громадное вліяніе на всѣ важныя дѣла мира и войны. Посягнуть открыто на права этихъ священныхъ жрицъ мужчины не осмѣлились, но все-таки успѣли отнять у нихъ всякое самостоятельное вліяніе. Верховные жрецы старались выбирать въ пифониссы молоденькихъ, необразованныхъ и глупенькихъ дѣвушекъ, или же старухъ, имѣвшихъ не менѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду. Вслѣдствіе этого жрицы скоро сдѣлались совершенно пассивными орудіями въ рукахъ жрецовъ. Число верховныхъ жрицъ и пифониссъ было крайне ограничено; въ Додонѣ, Дельфахъ, Іосѣ, Аргосѣ, Амиклаѣ, при капищѣ двухъ дочерей Аполлона, при храмѣ Діониза никогда не бывало болѣе двухъ или трехъ жрицъ. Стѣсняя и ограничивая пифониссъ, жрецы равнодушно относились къ существованію второстепенныхъ жрицъ и покровитетьствовали гіеродуламъ, священнымъ дѣвамъ, которыя жили при разныхъ храмахъ и часто превращали послѣдніе въ дома разврата. Религіозная проституція была довольно сильна въ Греціи и, принося денежныя выгоды жрецамъ, находилась подъ ихъ мощнымъ покровительствомъ.

Лишивъ женщину всѣхъ политическихъ правъ, постарались вовсе удалить ее изъ общества; она не посѣщала театровъ, не могла присутствовать на олимпійскихъ играхъ, участвовать въ общественныхъ и домашнихъ праздникахъ, обѣдать въ одной комнатѣ съ мужчинами, являться до шестидесятилѣтняго возраста на чьихъ бы то ни было похоронахъ и т. д. За исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, ей было запрещено быть на улицѣ днемъ, а ночью дозволялось не иначе, какъ въ экипажѣ и съ факеломъ. Женщины были заключены въ гинекеи и гаремы, которые у высшихъ классовъ охранялись часто карауломъ, имъ запрещали даже смотрѣть изъ оконъ на улицу. Словомъ, женщину хотѣли держать такъ, чтобы всѣ по-

сторонніе люди забыли даже о самомъ ея существованіи. «Имя честной женщины — говоритъ Плутархъ — вмѣстѣ съ ея личностью должно быть заключено въ стѣнахъ дома».

Все это закрѣпощеніе производилось съ тою цѣлью, чтобы спеціализировать женщину для материнства, чтобы мужъ могъ имѣть отъ нея хорошихъ дѣтей, семья — хорошую мать и хозяйку, а государство — хорошихъ гражданъ. Изъ личности она была превращена въ орудіе семейныхъ и общественныхъ цѣлей. Все воспитаніе дѣвушекъ — этотъ самый могучій рычагъ измѣненія соціальныхъ порядковъ—клонилось къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ здоровыхъ матерей, трудолюбивыхъ и покорныхъ работницъ. Глава семьи, имѣвшій надъ дѣтьми право жизни и смерти, совершенно произвольно распоряжался рукою своей дочери и отдавалъ ее за кого хотѣлъ; онъ имѣлъ право продавать своихъ дѣтей, и, не стѣсняясь, торговалъ дочерьми, сбывая этотъ товаръ выгоднымъ женихамъ. Но гречанки не всегда безропотно сносили такое третированье себя, какъ скотинъ. «Когда мы выростаемъ и приходимъ въ разумъ — жалуется софокловская Прокна — насъ сбываютъ съ рукъ и продаютъ вдаль отъ отеческихъ боговъ и отъ родителей». Солонъ запретилъ продажу невѣстъ, но онъ же ограничилъ сумму вошедшаго уже тогда въ обычай приданаго, размѣры котораго бывали такъ велики, что греческія царевны получали часто въ приданое цѣлыя царства. И хотя Медея у Эврипида говоритъ, что женщины самыя жалкія существа, ибо покупаютъ слишкомъ дорого своихъ господъ, но приданое все-таки доставляло женѣ извѣстную самостоятельность въ семействѣ, а при значительности суммы даже власть надъ мужемъ, почему Солонъ и запретилъ давать его въ большихъ размѣрахъ. Сироты знаменитыхъ гражданъ получали казенное приданое, а сиротамъ вообще предписывалось давать его ихъ родственникамъ, если послѣдніе не хотѣли брать ихъ замужъ. Супругъ могъ только пользоваться доходами приданаго, оно было неприкосновенно даже при конфискаціи мужниннаго имущества, и жена получала его въ случаѣ развода вмѣстѣ съ даннымъ ей при заключеніи брака утреннимъ даромъ жениха. Дѣвушка могла быть также наслѣдницей, но въ такомъ случаѣ, ради нераздробленія семейнаго имущества, она обязана была выйти замужъ за одного изъ своихъ близкихъ родственниковъ; если же она, по старости, безобразію или болѣзни не годилась для брака, то родственникъ поступалъ къ ней въ домъ, считался ея номинальнымъ мужемъ, хотя въ качествѣ послѣдняго и не имѣлъ права наслѣдовать ея имущества. Такимъ образомъ, даже богатыя сироты не могли свободно располагать своею рукою и должны были отдавать ее тому, кому предписывалъ законъ. Къ немаловажнымъ стѣсненіямъ женщины принадлежало и запрещеніе брака съ иностранцами. Каждый иностранецъ, женившійся на афинянкѣ, продавался вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ, и треть вырученной за него суммы отдавалась доносчику; афинянку, вышедшую за иностранца, тоже продавали

въ рабство, а отца ея подвергали штрафу въ 1000 драхмъ. При Периклѣ было продано такимъ образомъ 5000 афинскихъ гражданокъ. Цѣлью подобныхъ карательныхъ мѣръ было поддержаніе чистоты семейной крови и нераздѣльности семейнаго имущества, почему допускались браки даже между братомъ и сестрой. Моногамія была единственною законною формою брака, но столь ревнивое, относительно поведенія женщинъ, государство часто смотрѣло сквозь пальцы на противозаконныя дѣйствія мужчинъ, державшихъ не только множество наложницъ, но и нерѣдко вступавшихъ въ бракъ съ нѣсколькими женами. Запирая женщину въ гинекей, требуя отъ нея безусловной вѣрности мужу и другихъ семейныхъ добродѣтелей, государство, въ то же время, поблажаетъ развращенности мужчинъ, открываетъ для нихъ казенные непотребные дома, чтобы они могли и безумствовать въ оргіяхъ публичнаго разврата, и отдыхать отъ нихъ въ тиши чистой семейной жизни. Мужъ дѣлается абсолютнымъ повелителемъ жены; онъ могъ прогнать ее отъ себя по малѣйшему неудовольствію; мужья въ первую эпоху нерѣдко продавали своихъ женъ, а потомъ—мѣнялись ими или, лежа на смертномъ одрѣ, обручали ихъ съ своими пріятелями. Впрочемъ, при этомъ мы видимъ и совершенно другія по характеру явленія. Нерѣдко супруги расходились по взаимному соглашенію; недовольная мужемъ жена могла жаловаться на него суду и просить развода; но уже одна заключенность женщинъ въ гинекеяхъ дѣлала этотъ законъ недѣйствительнымъ. Къ тому же законъ требовалъ, чтобы жена являлась лично въ судъ въ сопровожденіи своего опекуна, т. е. мужа! Когда Гиппарета, жена Алкивіада, выведенная изъ терпѣнія его развратомъ, явилась передъ архонтами съ жалобой, то Алкивіадъ схватилъ ее, силою утащилъ изъ суда домой, и никто не счелъ нужнымъ вступиться за несчастную жену и за законъ, поруганный поступкомъ ея мужа. Супругъ былъ владыкой жены, и послѣдняя называла его не по имени, а *господиномъ*. Аристотель, правда, смягчаетъ нѣсколько характеръ ихъ отношеній, говоря, что глава семьи властвуетъ надъ женою, какъ государственный человѣкъ, или какъ правитель республики, а надъ дѣтьми — какъ царь. Особенно доставалось безприданнымъ женамъ, — мужья третировали ихъ, какъ рабынь. Но нужно замѣтить, что власть мужа была не единственная, тяготѣвшая надъ женщиною втеченіе ея жизни; мужъ получалъ эту власть отъ отца жены, и умирая, передавалъ ее наслѣднику, какъ это бываетъ во всѣхъ архаическихъ обществахъ. Такая вѣчная опека надъ женщиной стоитъ въ тѣсной связи съ принципами патріархальнаго семейства. Единицею древняго общества служитъ семья или лучше отецъ ея, совмѣщающій въ себѣ права и обязанности своихъ домочадцевъ; послѣ его смерти, его сынъ или внукъ дѣлаются самостоятельными потому только, что могутъ сдѣлаться главами семействъ. Женщина же не можетъ получить семейнаго главенства, и поэтому не можетъ пріобрѣсть и сопряженной съ нимъ самостоятельности. Безсмертіе семьи было главною заботою грека и для него не

было ничего ужаснѣе вымиранія семейства, вслѣдствіе котораго изчезаетъ въ потомствѣ имя умершихъ предковъ, они лишаются религіозныхъ почестей, родовые боги остаются безъ жертвъ, домашній очагъ безъ огня. Отъ такой бѣды семейство избавлялось посредствомъ женщины, которая, не имѣя никакого самостоятельнаго значенія въ брачной жизни, служила только орудіемъ рожденія дѣтей, этихъ «якорей жизни», а въ особенности сыновей,—«столповъ дома, спасителей имени умирающаго отца», «новыхъ граждaнъ государству и новыхъ служителей богамъ». Только для этого и держалась жена, а вовсе не для любви, для которой существовали гетеры. Плутархъ пишетъ, что «съ честной женщиной вовсе нельзя жить въ одно и тоже время, какъ съ супругой и какъ съ гетерой»; а Демосфенъ говоритъ: «мы имѣемъ гетеръ для душевныхъ наслажденій, прелестницъ — для грубыхъ ласкъ, и законныхъ женъ — для поддержанія нашего рода и имени и для охраненія нашихъ жилищъ». При этомъ отъ женщины требовалось, чтобы она была, по выраженію Софокла, «вѣрна мужу, какъ собака». Прелюбодѣйную жену мужъ могъ продать, а ея соблазнителя убить на мѣстѣ; отецъ также имѣлъ право продать свою павшую дочь, а до изданія солоновскихъ законовъ, даже казнить ее смертью. Кромѣ того, жена должна быть хозяйкою или экономкою мужа. «Женщина — говоритъ Ксенофонтъ — должна походить на пчелиную матку, — не уходить изъ дому, имѣть неусыпный надзоръ за невольницами, давать каждой изъ нихъ приличное занятіе, принимать домашніе запасы и приводить ихъ въ порядокъ, припрятывать въ надежное мѣсто то, что можетъ быть неупотребляемо въ хозяйствѣ до времени, надсматривать за выдѣлкою полотна и одеждъ, равно какъ и за печеніемъ хлѣба, заботиться о больныхъ служанкахъ, содержать въ порядкѣ и чистотѣ всѣ кухонныя принадлежности, кормить и воспитывать дѣтей и наконецъ заботиться о собственномъ своемъ приличномъ украшеніи». Съ теченіемъ времени даже эта хозяйственная дѣятельность женщины была крайне ограничена и вовсе лишена самостоятельности. Въ одной изъ комедій Аристофана женщины жалуются, что «даже мука, масло и вино, бывшія прежде въ полномъ ихъ распоряженіи, теперь отъ нихъ уже не зависятъ, а ключи отъ домашняго хозяйства, очень надежные и сдѣланные съ большимъ искуствомъ, находятся у ихъ мужей». Ни въ дѣлахъ хозяйства, ни въ дѣлахъ воспитанія дѣтей женщина не имѣла никакого права на самостоятельный голосъ. На гробницахъ хозяекъ изваялись узда, вѣникъ и сова, эмблемы бдительности, экономіи и молчаливости. Цѣломудренная Венера,—Венера законнаго брака, — изображалась опирающеюся пятою на черепаху, въ знакъ того, что женщина не должна обнаруживать никакихъ порывовъ ума и сердца. Когда Пенелопа дѣлаетъ сыну совершенно разумное замѣчаніе, то Телемакъ отвѣчаетъ ей: «отправляйся-ка въ свои бабьи комнаты, да займись своимъ дѣломъ, смотри за прялкою и веретеномъ, распоряжайся прислужницами, задавай имъ работу; *говорить имѣютъ право только мужчины*,

всѣ они и я прежде всѣхъ, потому что я въ своемъ домѣ хозяинъ». Пенелопа тотчасъ повинуется и находитъ слова сына «разумными».

Мы увидимъ ниже, что гречанка, подобно женщинѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ, не подчинялась вполнѣ, да и не могла подчиняться тѣмъ нелѣпымъ постановленіямъ, которыя предписывалъ ей мужчина. И она сдѣлалась въ глазахъ послѣдняго презрѣнною тварью. Эврипидъ восклицаетъ, что «природа сотворила женщинъ неспособными къ благороднымъ искуствамъ, но изобрѣтательными и искусными во всякомъ зломъ дѣлѣ». «Женщина—это большое несчастіе», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Женщина была первою виновницей зла на землѣ, и женское потомство греческой Евы постепенно совершенствовалось въ искуствѣ злотворенія. Нѣтъ порока, нѣтъ гадости, которыхъ греческіе писатели не приписывали бы женщинамъ въ видѣ прирожденныхъ свойствъ ихъ натуры. Сатиру на женщинъ нѣкоторые писатели дѣлали даже своею спеціальностью и она доставляла имъ славу. Таковъ былъ Симонидъ Аморгосскій, который, подражая стариннымъ сагамъ о созданіи человѣка, изображаетъ разныя качества женщинъ, созданныхъ изъ свиньи, лисицы, собаки, изъ земли, моря, изъ осла, кошки, коня, обезьяны. Вотъ характеристика пятой, морской женщины: «сегодня она весела, смѣется; гость, видящій ее въ домѣ, не знаетъ, какъ похвалить ее; лучше и прекраснѣе нѣтъ на свѣтѣ женщины! Завтра она невыносима; видѣть ее, приблизиться къ ней нѣтъ силы; она неистовствуетъ также неукротимо, какъ собака около своихъ щенковъ. Другъ-ли, врагъ-ли, на всѣхъ она ворчитъ и злится, подобно морю, которое въ лѣтнее время такъ прекрасно, спокойно и ровно, такъ радуетъ мореходцевъ, и вдругъ забушуетъ, вспѣнитъ свои волны!..» Идеалъ, это десятая женщина, происходящая отъ пчелы; она обходительна, ласкова, лучшее украшеніе дома; «счастливъ мужчина, получившій на свою долю такую, но счастливѣе всѣхъ тотъ, кто никогда не имѣлъ близкихъ сношеній съ женщинами!» Удачныя эпиграммы на женщинъ быстро входили во всеобщее употребленіе между греками, какъ напримѣръ изрѣченіе Гиппонакса: «два дня въ жизни жена болѣе всего счастливитъ мужа: въ день свадьбы и въ день ея похоронъ». Подобныя воззрѣнія вліяли и на философію, и мыслители старались подвести раціональныя основанія подъ то, что было создано грубымъ эгоизмомъ мужчинъ и выдумано пошлою фантазіей толпы. Самыя гуманныя воззрѣнія на женщину и бракъ были выработаны Аристотелемъ, учившимъ, что «сожительство другихъ животныхъ имѣетъ цѣлью только распложеніе породы; напротивъ, люди живутъ вмѣстѣ не только для произведенія дѣтей, но и для другихъ отношеній; задачи мужчины и женщины различны, но они помогаютъ другъ другу тѣмъ, что каждый изъ нихъ дѣлаетъ свою особенность общимъ достояніемъ, и поэтому въ такомъ союзѣ пріятное соединяется съ полезнымъ». Но если вникнуть въ сущность подобныхъ, относительно гуманныхъ, изрѣченій Стагирита, то выйдетъ, что они немногимъ выше другихъ эллин-

скихъ измышленій о женщинѣ. По ученію Аристотеля, женская душа ниже мужской, хотя немного выше рабской, мужъ повелительный элементъ въ семьѣ и обществѣ, женщина служебный, «рабъ вовсе не имѣетъ способности обдумывать; женщина хотя и имѣетъ эту способность, но въ слабой степени. Разсудительность мужчины не одно и тоже, что разсудительность женщины, равно мужество и справедливость; въ одномъ случаѣ мужество имѣетъ характеръ властительный, а въ другомъ—служебный. Подобнымъ же образомъ должно разсуждать и о другихъ нравственныхъ качествахъ». Даже въ загробной жизни женщинамъ отведенъ мрачный адъ, гдѣ владычествуетъ Прозерпина и гдѣ онѣ присуждены «блуждать между мрачными тѣнями», по выраженію Сафо. Презрѣніе къ несчастному полу доходило часто до того, что даже лучшіе люди выражали его въ такихъ формахъ, которыя только подстать какому нибудь Титу Титычу Брускову. Фемистоклъ въ первые годы своей юности забавлялся тѣмъ, что запрягалъ четырехъ совершенно нагихъ женщинъ въ свою колесницу и, при одобрительныхъ крикахъ толпы, проѣзжалъ на нихъ черезъ всю Агору. Въ Сибири самодуры-золотопромышленники и пріисковые рабочіе нерѣдко подражаютъ этому великому герою Эллады.

IX.

Одни вышеприведенные нападки на женщинъ и руготня ихъ свидѣтельствуютъ, что женщины не выполнили предначертанныхъ имъ правилъ жизни, хотя за ихъ поведеніемъ слѣдили не только мужья и другіе родственники, но и особые общественные инспекторы. Учрежденіе такой полиціи ясно указываетъ, что надзирать было за чѣмъ. О томъ же свидѣтельствуетъ и законъ, налагавшій на женщину штрафъ въ тысячу драхмъ за публичное появленіе ея нагишомъ. И это было въ самыя первыя времена послѣ того, какъ мужчины, съ помощью государственной власти, начали стараться объ осуществленіи строгихъ семейныхъ идеаловъ. Чѣмъ болѣе жило греческое общество, тѣмъ болѣе стремилась женщина къ противной строгому браку эманципаціи плоти. Мужья сами развивали въ своихъ супругахъ страсть къ нарядамъ и дѣлали ихъ кокетками. Женщина чернила брови, румянилась, бѣлилась, пудрила волосы золотымъ пескомъ, украшала голову цвѣтами, умащалась благовоніями, заботилась о гибкости стана и т. д., дѣлая все это для возбужденія любви въ мужѣ или другихъ мужчинахъ, смотря по обстоятельствамъ. Удаленная отъ всѣхъ интересовъ общественныхъ, лишенная всякой самостоятельности въ семействѣ, женщина спеціально занялась своими половыми инстинктами, и они повлекли ее за стѣны дома. «Афинянки—говоритъ авторъ путешествія Анахарсиса—удаленныя отъ общественныхъ дѣлъ постановленіями правительства, часто не имѣютъ иного честолюбія, какъ быть любимыми, иной добродѣтели, кромѣ одного страха безчестія. Впрочемъ, употребляя все стараніе, чтобы покрыться мракомъ спасительной тайны, немногія изъ нихъ дѣлаются извѣстны своими любовными похожденіями.» Нарушеніе женою брачной вѣрности дѣлалось все чаще и чаще, оставалось ненаказаннымъ или же только давало мужу поводъ для поживы посредствомъ взысканія штрафа съ любовника жены. Женщины не мирились съ своимъ семейнымъ положеніемъ и, въ нѣкоторыхъ областяхъ Греціи, не находя удовлетворенія своему инстинкту свободы, онѣ во множествѣ прибѣгали къ самоубійству. Нерѣдко женщины добивались полнаго главенства въ семьѣ, жена управляла мужемъ, мать сыномъ, сестра братомъ. Стремленіямъ женщины къ семейной самостоятельности много содѣйствовала и защита ея родственниковъ; въ исторіи Греціи мы видимъ не мало примѣровъ того, какъ родъ женщины, оскорбленный въ лицѣ послѣдней ея женихомъ или мужемъ, вооружался противъ оскорбителя и доводилъ дѣло даже до войны. Власть мужа, сохраняя de jure свой прежній характеръ, de facto значительно ослабѣла, а во многихъ случаяхъ даже уступила свое мѣсто власти жены. Греческіе писатели

горько оплакивают такое паденіе архаическаго семейства и основаннаго на немъ общества; они говорятъ, что результатами разложенія семьи были паденіе всѣхъ древнихъ добродѣтелей, развитіе своекорыстія, хитрости, клятвопреступничества и безобразнаго сладострастія. Это отчасти справедливо, но все это было только простымъ и самымъ естественнымъ слѣдствіемъ неестественныхъ учрежденій. Рабство, чье бы то ни было, всегда портитъ и губитъ основанное на немъ рабовладѣльческое общество.

Разложенію семейства и эманципаціи гречанокъ болѣе всего содѣйствовали служительницы красоты и любви — гетеры. Стараясь о поддержаніи въ семействѣ строгихъ порядковъ, объ обращеніи женщины на исключительное занятіе материнствомъ и хозяйствомъ, грекъ искалъ въ то же время жгучихъ наслажденій красоты и страсти; признавая законность его желаній, государство открывало для него казенные дома терпимости, а толпы стекавшихся въ Грецію иностранныхъ красавицъ доставляли ему подругъ, или гетеръ, любовь которыхъ до того увлекала эллиновъ, что они всегда предпочитали ее браку, и государство принуждено было подавлять строгими законами постепенно возраставшее между мужчинами стремленіе къ безбрачію. Женская красота была въ Греціи всемогущею. «Природа — говоритъ Анакреонъ—дала быкамъ рога, лошадямъ копыта, быстроту ногъ зайцу, зубастый зѣвъ львамъ, плавательныя перья рыбамъ, птицамъ полетъ, а мужчинѣ разумъ. Для женщины ничего у нея не осталось. Какъ же тутъ быть? Вмѣсто щитовъ и всякихъ мечей, она дала ей красоту: прекрасная побѣдитъ и огонь и желѣзо». Большинство гетеръ было сначала изъ невольницъ или отпущенницъ. Красота освобождала ихъ изъ рабства и доставляла имъ богатства, равнявшіяся царскимъ; государственные люди, полководцы, философы, поэты ухаживали за гетерами и не щадили ничего, чтобы только наслаждаться ихъ красотою, бесѣдою и дружбою. Не разъ гетера служила для художника моделью для изображенія богини; не разъ суровый ареопагъ прощалъ виновную гетеру, пораженный блескомъ ея красоты; не разъ Эллада воздвигала пышные мавзолеи въ память этихъ красавицъ, именемъ которыхъ гордились и хвастались мѣста ихъ родины. Имя знаменитой гетеры раздавалось всюду, въ лавкахъ продавцевъ благовоній, подъ сводами театровъ, въ публичныхъ собраніяхъ, въ судилищахъ, въ сенатѣ. Не одна впрочемъ естественная красота давала гетерѣ такое значеніе, а также и достоинства, пріобрѣтенныя воспитаніемъ. Въ Греціи гетеръ „дрессировали", по тогдашнему техническому выраженію, и разные любители красоты и спеціальныя преподавательницы кокетства. Гетеры пѣли, танцовали, играли на разныхъ инструментахъ, были знакомы съ литературой, славились своимъ остроуміемъ и каламбурами, съ ними охотно бесѣдовали и государственные люди, и философы, а дома ихъ были такими же центрами ума и талантовъ, какъ салоны

парижскихъ дамъ XVIII вѣка. Въ лицѣ гетеры женщина разбила стѣснявшія ее оковы архаическихъ порядковъ, получила доступъ къ общественной жизни, къ занятіямъ наукой и искуствомъ, къ вліянію на дѣла правленія. Семейныя женщины шли вслѣдъ за гетерами и дѣло не обходилось безъ ожесточенной борьбы съ эгоизмомъ мужчинъ. Моды, кокетство, образъ жизни гетеръ проникали въ домашніе гинекеи и увлекали ихъ обитательницъ. Мало-по-малу женщины протѣснялись въ общественную жизнь. Имъ запрещено было, напримѣръ, являться на олимпійскихъ играхъ, но этотъ законъ не оставался ненарушеннымъ и спартанская царевна была первою женщиною, выигравшею призъ на олимпійскихъ гонкахъ колесницъ. Законъ Солона, запрещавшій женщинамъ появляться на чьихъ бы то ни было похоронахъ, также былъ выведенъ гречанками изъ употребленія, и онѣ нерѣдко пользовались этими выходами изъ дому для прельщенія молодыхъ людей своей красотой. Послѣ проникновенія въ Грецію римской цивилизаціи началъ выходить изъ употребленія обычай, въ силу котораго женщинамъ не дозволялось принимать участія въ домашнихъ праздникахъ и пировать вмѣстѣ съ своими мужьями. Ареопагъ своимъ декретомъ запрещалъ гетерамъ отправлять религіозныя торжества вмѣстѣ съ семейными женщинами, но на праздникахъ въ честь Венеры мы видимъ этихъ куртизанокъ, пирующихъ за однимъ столомъ съ женами и дочерьми гражданъ. Не одной половой свободы добивались женщины, а также и политическихъ правъ. Въ исторіи Македоніи и греческихъ династій Востока мы видимъ женщинъ, которыя борются съ мужчинами за царскую власть. Въ религіозной сферѣ, недовольныя разными ограниченіями своихъ правъ, женщины стали присвоивать самовольно непринадлежащія имъ религіозныя преимущества, и нѣкоторыя гіерофантиды были наказаны смертью за присвоеніе себѣ правъ жрицы Цереры. Изъ многихъ мѣстъ греческихъ писателей видно, что гречанки мечтали о пріобрѣтеніи всѣхъ гражданскихъ правъ, о полной равноправности съ мужчинами, о необходимости радикальныхъ реформъ въ семьѣ и въ основанномъ на ней обществѣ. Онѣ—какъ высказываетъ Аристофанъ въ своей комедіи „Женщины въ народномъ собраніи“—помышляли о присвоеніи себѣ политической власти. „Я требую—восклицаетъ аристофановская Проксагора—чтобы все было общее, чтобы все принадлежало всѣмъ, чтобы не было больше ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, чтобы одни не владѣли громадными полями въ то время, какъ другіе имѣютъ только клочекъ земли, едва достаточный для ихъ погребенія. Женщины также должны быть общимъ достояніемъ, и пусть каждый производитъ дѣтей, съ кѣмъ хочетъ“. Очень вѣроятно, что Аристофанъ, заклятый врагъ женскаго освобожденія, преувеличиваетъ и искажаетъ стремленія женщинъ, но что онѣ упорно хлопотали о выходѣ изъ своего рабскаго положенія и о пріобрѣтеніи себѣ разныхъ правъ, — это несо-

мнѣнно. И имъ удавалось принимать участіе въ общественной дѣятельности, причемъ онѣ нерѣдко вели себя такъ доблестно, что могли служить примѣромъ для любого мужчины. Такъ, напримѣръ, въ 514 году до Р. Х. гетера Леена, извѣстная философка, играла не маловажную роль въ заговорѣ, составленномъ противъ тирановъ Пизистрата и Гиппія. Арестованная правительствомъ и подвергнутая ужасной пыткѣ, она съ твердостью великихъ героевъ перенесла все, но не выдала ни тайнъ заговора, ни именъ своихъ соучастниковъ, и изъ боязни, чтобы муки не заставили ее проговориться противъ своего желанія, она откусила свой языкъ и выплюнула его въ лицо судьямъ. Леена умерла подъ пыткой и афиняне воздвигли ей памятникъ. Правитель афинской республики въ самый цвѣтущій періодъ ея жизни, Периклъ, находился подъ сильнымъ и благотворнымъ вліяніемъ своей жены Аспазіи, обладавшей и образованіемъ, и такими талантами, что вокругъ ея собиралось постоянно все лучшее афинское общество и разсуждало съ ней о предметахъ политики, науки, художествъ и краснорѣчія. Одна изъ рѣчей Перикла, составленная для него Аспазіей, считается образцомъ греческаго краснорѣчія. Аспазію справедливо считаютъ не только другомъ, но даже учительницею Сократа и Алкивіада; афиняне говорили, что въ тѣлѣ ея обитаетъ душа Пифагора.

Въ области искуствъ и литературы женщины пріобрѣли еще болѣе обширную арену дѣятельности и вліянія, чѣмъ въ политикѣ. Кромѣ множества музыкантшъ, Греція имѣла не мало поэтессъ, какъ напримѣръ извѣстную Сафо и фивянку Коринну, пять разъ выигрывавшую на поэтическихъ состязаніяхъ призы отъ Пиндара. Занятіе искуствами, особенно музыкой и танцами, доставляло многимъ женщинамъ и самостоятельное экономическое положеніе, и даже извѣстное вліяніе на общество. Трудно, конечно, было женщинамъ добиться доступа къ серьезнымъ занятіямъ наукой, но онѣ съ успѣхомъ преодолѣли эту трудность. Между гетерами было не мало ученыхъ женщинъ. Неера и Никарета серьезно занимались математикой, Филенида составила ученый трактатъ о физикѣ и объ атомахъ и т. д. Теодора, дочь Діогена и Корины, отличалась въ арифметикѣ и геометріи; Аганика была такъ свѣдуща въ астрономіи, что предсказывала лунныя затмѣнія, и суевѣрная чернь говорила, что она можетъ снять луну съ неба; Клеопатра Амагаллида, корцирская граматикесса, имѣла обширныя филологическія познанія. Болѣе всего гречанки занимались философіей, напримѣръ, три дочери Пифагора, изъ которыхъ одна, Айзара, составила книгу о природѣ людей и долгое время управляла пифагорейскою школой. Мать ихъ, Теана, по смерти Пифагора, заняла въ школѣ его мѣсто и оставила недошедшія до насъ: книгу о добродѣтели, біографію Пифагора и стихотворенія, кромѣ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ отрывковъ, писемъ о воспитаніи дѣтей и о ревности. Къ

пифагорейскому союзу принадлежали еще двадцать четыре другихъ женщины, имена которыхъ дошли до потомства. На основателя киренайской школы, Аристиппа, имѣла немаловажное вліяніе подруга его Лаиса. Дочь Аристиппа, Арета, о которой современники говорили, что въ нее перешла душа Сократа, двадцать пять лѣтъ преподавала въ Афинахъ философію и другія науки, образовала 110 учениковъ, написала біографію Сократа, книги о воспитаніи дѣтей, о войнахъ афинянъ, о несчастномъ положеніи женщинъ, о чудесахъ Олимпа, о пчеловодствѣ и др. Въ эпитафіи, которою почтили афиняне ея могилу, она названа свѣтомъ всей Эллады, Еленой по красотѣ, Аристиппомъ — по слогу, Сократомъ — по уму, Гомеромъ — по краснорѣчію. У Платона было также нѣсколько непосредственныхъ учениць. Мегарская школа имѣла даровитую философку Никарету, циническая школа — Гиппархію, оставившую нѣсколько трагедій и другихъ поэтическихъ и философскихъ сочиненій; въ эпикурейской школѣ извѣстны Батида и Фемисто Лампсакская.

Въ началѣ христіанской эры въ Александріи дѣйствовала Гипатія (род. въ 370 г.), дочь перваго математика и астронома своего времени, получившая блестящее образованіе и ѣздившая въ Афины для изученія системы неоплатонизма. Когда же вернулась въ Александрію, то домъ ея сдѣлался центромъ всѣхъ передовыхъ людей этого передового города. Она увлекала умы и своей красотой, и ораторскимъ талантомъ, и обширными познаніями въ математикѣ, астрономіи и философіи. Ставши во главѣ неоплатонической школы, Гипатія возбуждала во всѣхъ своихъ слушателяхъ самый пламенный энтузіазмъ и сильную зависть въ епископѣ Кириллѣ, видѣвшемъ въ ней не только опасную соперницу въ ораторствѣ, но и врага вѣры, отвлекавшаго умы отъ церкви къ неоплатонической школѣ. Вліяніе Гипатіи на ея друга Ореста, александрійскаго губернатора, съ которымъ Кириллъ имѣлъ нѣсколько столкновеній, еще болѣе вооружало епископа противъ знаменитой философки. Онъ началъ ажитировать противъ нея чернь. И вотъ, въ началѣ 415 года на колесницу Гипатіи напала разъяренная толпа, стащила ее съ экипажа, разорвала одежды и, убивъ ее каменьями, стала растерзывать ея трупъ, таская его по улицамъ Александріи, и наконецъ сожгла на кострѣ оставшіеся куски тѣла знаменитой учительницы и мученицы за женское дѣло.

Слегка очерченная нами свобода, которой успѣли добиться гречанки, была несовмѣстима съ патріархальными семейными порядками, а общественное значеніе, пріобрѣтенное женщиною въ лицѣ гетеры, шло въ разрѣзъ съ господствовавшими до тѣхъ поръ унизительными воззрѣніями на женскій полъ. Борьба, веденная женщиной, имѣла такіе осязательные результаты, которые ясно указывали на необходимость семейныхъ и соціальныхъ реформъ, и величайшій изъ греческихъ мыс-

лителей, Платонъ, въ своемъ проэктѣ о раціональномъ устройствѣ республики, является отцемъ великой идеи женской эманципаціи. Хотя онъ и не могъ освободиться отъ античной теоріи, всецѣло подчинявшей отдѣльную личность государству, но въ то же время онъ учитъ, что женская природа одинакова съ мужской, что женщины поэтому способны къ умственной и гражданской дѣятельности наравнѣ съ мужчинами, и поэтому ихъ не слѣдуетъ устранять ни отъ занятій науками, ни отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Идея Платона осталась только мечтою благороднаго мыслителя и Элладѣ не суждено было видѣть ея полнаго осуществленія. Но послѣднія эпохи греческой исторіи, ознаменованныя проникновеніемъ женщины въ разныя сферы умственной и общественной дѣятельности, все-таки значительно подняли ее въ глазахъ передовыхъ людей тѣхъ временъ. Прежде женщина цѣнилась только за покорность, домовитость и красоту, а греческая любовь, по справедливому замѣчанію Клемма, имѣла исключительно чувственный характеръ; съ успѣхами же нравственнаго развитія и относительной эманципаціи гречанокъ, воззрѣнія на любовь радикально измѣняются. Отъ женщины требуются не только красота и искуство услаждать ею мужчину, но и нравственныя совершенства и развитость ума. Еще Ксенофонтъ поставилъ себѣ цѣлью защищать превосходство красоты нравственной передъ тѣлесною и, возставая противъ роскоши, изнѣженности, расточительности, онъ порицаетъ греческій обычай, по которому развитіе физическихъ силъ предпочиталось умственному, *игры атлетовъ* — философіи. Вмѣстѣ съ этимъ развивалось и уваженіе къ женщинамъ. Александръ Македонскій обращался даже съ женами побѣжденныхъ персовъ съ такою рыцарскою деликатностью и такъ увлекалъ собою персіянокъ, что мать Дарія, пережившая смерть своего сына, съ горя объ умершемъ Александрѣ лишила себя жизни.

X.

Какъ во всякой первичной цивилизаціи, такъ и въ римской семья была соціальною единицей, а представитель и неограниченный владыка ея, отецъ, единственнымъ изъ всѣхъ домочадцевъ полноправнымъ гражданиномъ. Подчиненный членъ семейства былъ не лицомъ, а вещью, и судьба его всецѣло зависѣла отъ произвола домовладыки. Та же частная власть римскаго гражданина, которой подчинялись всѣ вещи, составлявшія его имущество въ собственномъ смыслѣ, господствовала въ лицѣ его надъ подчиненными ему членами семейства и эксплуатировала ихъ въ денежномъ отношеніи въ свою пользу. Онъ распоряжался своимъ семействомъ такъ же, какъ и своимъ имуще-

ствомъ. Такое приравненіе домочадцевъ къ имуществу особенно рѣзко выразилось „въ завѣщаніи съ мѣдью и вѣсами;“ здѣсь наслѣдникъ назывался „покупателемъ семейства“ и въ обыкновенной формѣ купли пріобрѣталъ отъ наслѣдодателя семейство съ его имуществомъ. Отецъ женилъ сына, выдавалъ замужъ дочь; безконтрольно распоряжался работами и имуществомъ домочадцевъ, могъ заключать ихъ въ тюрьму, заковывать въ кандалы, наказывать плетьми и розгами, продавать и казнить смертью. Этимъ правомъ жизни и смерти отцы пользовались какъ надъ малолѣтними, такъ и надъ взрослыми дѣтьми. Впрочемъ, уже въ самыя первыя времена римской исторіи мы видимъ нѣкоторое ограниченіе родительскаго деспотизма въ институтѣ семейнаго совѣта, который составлялся изъ родственниковъ и созваніе котораго было обязательно для отца при обсужденіи важнѣйшихъ семейныхъ дѣлъ, хотя этотъ совѣтъ и не имѣлъ никакого другого значенія, кромѣ совѣщательнаго. Правда, что при столь громадныхъ правахъ отецъ семейства отвѣчалъ за преступленія своего сына и своего раба, но онъ могъ и отдѣлаться отъ отвѣтственности, выдавъ преступника головой. На совершенную безправность семейства относительно домовладыки указываетъ и то обстоятельство, что связью, соединявшею древне-римское, какъ и всякое другое патріархальное семейство, было не когнатное родство, не единство происхожденія отъ одной брачной пары, но родство агнатное, основаніемъ котораго служитъ не бракъ отца или матери, а власть отца. Агнатическими узами связаны между собою всѣ тѣ лица, которыя или состоятъ или состояли или могли состоять подъ одной и той же отеческой властью. Гдѣ начинается эта власть, тамъ начинается и родство, гдѣ прекращается она, тамъ прекращается и родство. Чужой усыновленникъ — родственникъ семьи, а эманципированный сынъ теряетъ всѣ права агнатства. Дѣти замужней женщины, подчиненныя власти не отца ея, а мужа, не суть родственники ея родителей. Сама же женщина вступала въ агнатное родство съ своимъ мужемъ только потому, что онъ пріобрѣталъ власть надъ нею, не какъ супругъ, а какъ *отецъ*, и она становилась его дочерью (filiae loco) и фиктивною сестрою своихъ собственныхъ дѣтей. На основаніи той же отеческой власти и рабъ былъ членомъ семейства, подобнымъ сыну; въ извѣстныхъ случаяхъ онъ могъ быть даже наслѣдникомъ своего господина. Послѣ паденія материнскаго права и для утвержденія отеческой власти такая организація семейства была настоятельною необходимостью. „Еслибы“ — говоритъ Мэнъ — „люди считались родственниками родни своей метери,“ — какъ это было въ эпоху материнства, — „то вышло бы, что одно лицо должно подчиняться двумъ разнымъ отеческимъ властямъ. И пока семейство было государствомъ въ государствѣ, пока оно управлялось своими собственными институціями, источникомъ которыхъ былъ отецъ, до тѣхъ

поръ ограниченіе родства предѣлами агнатства было необходимо во избѣжаніе столкновеній законовъ на домашнемъ форумѣ". Въ объединенной посредствомъ отеческой власти семьѣ царило полное тождество индивидуумовъ, всѣ домочадцы составляли одно юридическое лицо, полнымъ представителемъ котораго служилъ отецъ. Семейная корпорація считалась безсмертною и путемъ наслѣдства отецъ передавалъ своему преемнику не только всю совокупность своихъ правъ и обязанностей (universitas juris), но даже поручалъ ему быть выразителемъ и продолжателемъ своихъ нравственныхъ принциповъ. Какъ у всѣхъ народовъ, такъ и у римлянъ наслѣдство было тѣснымъ образомъ связано съ домашнимъ культомъ. Во времена глубокой древности, въ такъ называемый пеласгическій періодъ, греки хоронили покойниковъ въ своихъ жилищахъ. То же было и въ Римѣ, гдѣ погребеніе умершихъ въ домахъ запрещено было только законодательствомъ XII таблицъ. Такимъ образомъ, умершій домовладыка, сокрытый въ домѣ, продолжалъ жить въ семействѣ и вліять на него. Изъ домовладыки-человѣка онъ превращался въ домовладыку-бога, становился *ларомъ*. И послѣ, когда грубыя понятія народа о загробной жизни измѣнились, превратились въ болѣе одухотворенныя, когда покойниковъ стали погребать внѣ дома или сожигать, ихъ тѣни все-таки продолжали жить въ своемъ прежнемъ домѣ, гдѣ имъ устраивалась особая капелла или *ларарiумъ*. Лары оставались такими же абсолютными владыками семьи, какими они были при своей жизни. Какъ въ доисторическій періодъ отцы становились иногда людоѣдами и пожирали своихъ дѣтей, какъ впослѣдствіи отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ сыномъ или дочерью, такъ въ древности гнѣвъ или голодъ покойнаго предка, лара, для своего утоленія и для безопасности семьи, требовалъ человѣческой жизни, и кровь дѣтей часто обагряла домашніе алтари римлянъ. Это происходило чаще всего въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное семейство переходило въ новое жилище, вторгалось во владѣнія не своего родного, а чужого лара; у послѣдняго и у главы переселившагося семейства возникало столкновеніе правъ и интересовъ, ларъ требовалъ отступного и отецъ семьи приносилъ ему въ жертву своего ребенка. Съ теченіемъ времени, когда значительно смягчилась и дѣйствительная отеческая власть, культъ ларъ принялъ болѣе кроткій характеръ и человѣческія жертвы замѣнились обыкновенными. Весь смыслъ этого культа состоялъ въ томъ, что въ дѣлѣ владѣнія домомъ и семействомъ сталкивались интересы двухъ субъектовъ: прежняго *господина*, лара и новаго *господина*, наслѣдника *); примиреніе этихъ интересовъ совершалось посредствомъ жертвоприношеній лару отъ его преемника; здѣсь происходило въ сущности одно и тоже съ тѣмъ, что мы видимъ въ

---

*) Какъ lar знач. господинъ, такъ и heres — господинъ, повелитель.

одной изъ первобытныхъ формъ римскаго наслѣдства, въ „завѣщаніи съ мѣдью и вѣсами“, при которомъ наслѣдникъ платилъ наслѣдователю за получаемыя имъ семейство и имущество. Понятія, соединявшіяся у римлянъ съ семейнымъ наслѣдствомъ и съ культомъ ларъ, распространялись и на всю націю, получившую въ наслѣдство отъ своихъ предковъ занимаемую ею землю. По преданію, публичная женщина Акка Ларенція завѣщала римскому народу всѣ свои земли, послужившія основою его территоріи. Какъ каждый наслѣдникъ поклонялся своимъ ларамъ, такъ и весь римскій народъ воздавалъ божескія почести Аккѣ Ларенціи, посвящая этой публичной женщинѣ одинъ день изъ своихъ праздниковъ и принося ей жертвы. Такимъ образомъ, и частное наслѣдство каждой семьи, и общее наслѣдіе всего народа соединялось съ культомъ и жертвоприношеніями въ честь предковъ. Этотъ культъ принималъ иногда кровавый характеръ какъ въ семействахъ, такъ и въ общественной жизни. Какъ домашніе лары требовали для своего умилостивленія человѣческой жизни отъ семьи, такъ лары всего народа иногда заставляли его приносить имъ въ жертву гражданъ.

Была еще другая, не менѣе важная связь, соединявшая наслѣдство съ домашнимъ культомъ — это обѣты, vota, выполненіемъ которыхъ служили домашнія жертвы, sacra privata. Обѣты отца переходили на его преемниковъ, и главная забота о sacra состояло въ томъ, чтобы они существовали постоянно, не прекращаясь. Выполненіе этой религіозной обязанности лежало на наслѣдникѣ, былъ ли то сынъ или другое лицо. Основываясь на одномъ, извѣстномъ мѣстѣ Цицерона (de leg., II, 19 — 22). Лассаль весьма остроумно и убѣдительно доказалъ, что въ древности sacra не были необходимо связаны съ наслѣдственнымъ имуществомъ, слѣдовательно было такое время, что въ гражданскомъ правѣ наслѣдство и полученіе имущества наслѣдодателя были двумя различными, независимыми одно отъ другого понятіями. Древне-римское наслѣдство, сущность котораго особенно рельефно выразилась въ завѣщаніи, было не „простымъ только дополненіемъ имущественнаго права“, какъ думаютъ многіе вмѣстѣ съ Пухтой. Наслѣдство осуществляло собою идею безсмертія семейства: наслѣдодатель продолжалъ жить въ лицѣ своего наслѣдника, а завѣщаніе было римскимъ безсмертіемъ *). „Нѣтъ другого утѣшенія въ смерти, кромѣ воли, переживающей смерть“, восклицаетъ Квинтиліанъ, открывая тѣмъ

*) Завѣщаніе—доказываетъ Мэнъ—создано Римомъ и всюду, гдѣ оно есть, возникло подъ вліяніемъ римскаго права; слабые зачатки завѣщанія мы видимъ въ Афинахъ и Бенгалѣ, но и они приписываются римскому вліянію, въ Афинахъ непосредственному, а въ Бенгалѣ—посредствомъ англійскихъ законовѣдовъ. Но это несправедливо; у джурджурскихъ кабиловъ, напр., мы видимъ очень развитую форму завѣщанія. См. ст. Бибеско о кабилахъ, въ Revue des deux mondes, 1865, 1 avril.

сущность римскаго завѣщательнаго права. Этимъ и только этимъ однимъ можно объяснить то религіозное уваженіе, ту чрезвычайную приверженность къ завѣщанію, которыми такъ отличались римляне и которыя можно сравнить только съ заботливостью древняго египтянина объ устройствѣ себѣ посмертнаго жилища. Въ связи только съ такимъ пониманіемъ завѣщанія и становится яснымъ тотъ характеристическій обычай, въ силу котораго римляне дѣлали изъ завѣщанія памятникъ позора для своихъ враговъ и преподавали въ немъ наслѣднику свое политическое profession de foi. Такъ, по свидѣтельству Тацита, Фульциніусъ Тріо „много и жестоко" поноситъ въ своемъ завѣщаніи императора Тиберія и его фаворитовъ; Фабриціусъ Веенто позоритъ въ завѣщаніи сенатъ и жрецовъ, Петроній—Нерона и т. д. Свобода завѣщанія была безгранична и въ ея религіозную сферу не смѣли вторгаться самые капризные цезари, подобно тому, какъ величайшіе изъ христіанскихъ деспотовъ признаютъ равенство всѣхъ людей на небѣ. Однажды раболѣпный сенатъ хотѣлъ запретить дѣлать изъ завѣщанія пасквиль на враговъ, но этому воспрепятствовалъ Августъ. Въ другой разъ трусливые наслѣдники Фульциніуса Тріо хотѣли скрыть его завѣщаніе, наполненное жестокими нападками на Тиберія, но послѣдній велѣлъ прочесть это завѣщаніе по обычаю публично. Будучи орудіемъ *позора* для враговъ, завѣщаніе доставляло честь наслѣднику, честь быть продолжателемъ воли завѣщателя. Что завѣщаніе не было только распоряженіемъ объ имуществѣ, это можно видѣть изъ одного уже того, что иногда богатѣйшіе и знаменитѣйшіе люди государства назначались наслѣдниками людей незначительныхъ и бѣдныхъ, конечно не ради полученія ничтожнаго имущества, въ которомъ они вовсе не нуждались.

Римское патриціянское общество было основано на изложенныхъ нами семейныхъ началахъ. Союзъ семей образовалъ родъ, союзъ родовъ — племя, союзъ племенъ — государство. Отеческая власть надъ государствомъ принадлежала царю, а мѣсто семейнаго совѣта занималъ сенатъ, составленный изъ 300 представителей родовъ. Гражданами были одни домовладыки. Основою общественнаго союза была гипотеза объ единокровномъ происхожденіи всѣхъ семей, входившихъ въ составъ его. Какъ на Востокѣ, въ Греціи, въ позднѣшей Европѣ, такъ и въ Римѣ исторія политическихъ идей начинается предположеніемъ, что всѣ члены общества, кромѣ рабовъ, имѣютъ единокровное происхожденіе, и что послѣднее только и можетъ служить основою общественнаго союза. При этомъ въ исторіи всѣхъ подобныхъ государствъ мы видимъ ясные слѣды такихъ событій, благодаря которымъ въ составъ ихъ принимались люди совершенно чуждаго происхожденія. Но такой фактъ, подрывавшій теорію единокровности, замаскировывался посредствомъ фикціи усыновленія, и принятыхъ обществомъ

чужеплеменниковъ оно начинало считать потомками одного корня съ собой. Такое поглощеніе обществомъ чуждыхъ ему элементовъ продолжается только до извѣстнаго времени, начиная съ котораго общество превращается въ замкнутый аристократическій кругъ, недоступный тѣмъ элементамъ чуждой ему крови, которые почему нибудь тѣснятся около него и желаютъ войти въ составъ его. Эти народные элементы, состоящіе, большею частію, изъ осколковъ разныхъ національностей, неимѣющіе между собою ни дѣйствительнаго, ни фиктивнаго родства, образуютъ особый общественный союзъ на новомъ политическомъ принципѣ *мѣстной смежности*. Таковы были римскіе плебеи, и ихъ борьба съ патриціями, кончившаяся побѣдой, была борьбой демократически-политическихъ началъ съ аристократической теоріей единокровности, на которой было основано государство патриціевъ. Кромѣ плебеевъ около патриціянскаго государства постоянно тѣснились многочисленныя толпы иностранцевъ и натурализированныхъ чужеземцевъ. Патриціи относились къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ; *иностранецъ* и *врагъ* были синонимами; рабы были иностранцами, обращенными въ неволю, а всѣ иностранцы считались рабами по принципу. Такъ какъ патриціянское общество было союзомъ единокровныхъ или считавшихъ себя единокровными семей, такъ какъ домовладыки были царями своихъ семействъ и единственными полноправными гражданами государства, то естественно, что плебеи и особенно иностранцы, хотя по необходимости и принимались въ составъ государства, но патриціи не давали имъ никакихъ значительныхъ правъ. Основою древне-римской правоспособности была отеческая власть; поэтому плебеи и иностранцы не имѣли права вступать въ патриціянскій бракъ, дѣлать завѣщаніе, участвовать въ управленіи и въ общественномъ культѣ; иностранцы не могли пользоваться ни выгодами римскаго суда, ни заключать контрактовъ, ни вступать въ важныя гражданскія обязательства. Борьба патриціянскаго элемента съ плебейскимъ имѣла результатомъ преобразованіе государства изъ патриціянскаго въ политическое и реформу семейства, о которой мы будемъ говорить ниже. Борьба съ иностраннымъ элементомъ была еще плодотворнѣе. Хотя древнѣйшая римская конституція держалась принципа абсолютнаго исключенія и полнѣйшей безправности иностранцевъ, но торговые интересы и безопасность государства, въ виду постоянно толпившихся на его территоріи чужеземныхъ полчищъ, заставляли постепенно ослаблять дѣйствіе упомянутаго принципа. Давая иностранцамъ судъ и извѣстныя права, Римъ въ тоже время постепенно создавалъ для нихъ jus gentium, „право общее всѣмъ націямъ“, систему, составленную изъ законовъ и юридическихъ обычаевъ, общихъ разнымъ народамъ, въ особенности племенамъ Италіи. Когда же въ Италію проникла греческая философія, когда она распространила здѣсь теорію естественнаго права или за-

кона, которому всѣхъ людей научаетъ природа, когда основнымъ правиломъ морали лучшаго общественнаго слоя сдѣлалась „жизнь согласная съ природой“, когда на римскихъ юристовъ начали сильно влiять гуманныя доктрины стоиковъ, тогда право народовъ, jus gentium, подвергавшееся влiянiю упомянутыхъ греческихъ теорiй, было возведено на степень кодекса естественнаго права, на степень идеала, къ осуществленiю котораго должна была стремиться строгая римская юриспруденцiя.

Подъ влiянiемъ этого новаго направленiя, институцiя семейства постепенно измѣнялась къ лучшему и власть общественнаго форума постепенно ограничивала права деспотовъ, возсѣдавшихъ у каждаго домашняго очага. Еще въ то время, когда отеческая власть была въ полной силѣ, государство не допускало ее преслѣдовать сына въ отношенiяхъ публичнаго права. Отецъ и сынъ могли вмѣстѣ вотировать, служить наравнѣ въ армiи, сынъ въ качествѣ генерала могъ даже командовать отцомъ, а въ качествѣ судьи рѣшать его дѣла и наказывать его за преступленiя. Во всѣхъ же отношенiяхъ частнаго права отецъ былъ безконтрольнымъ владыкою дѣтей. Когда извѣстный трибунъ Спурiй Кассiй, державшiйся интересовъ народа и установившiй аграрные законы, сложилъ съ себя свою должность, то отецъ его, мстя за патрицiятъ демократу сыну, казнилъ его смертью у подножiя домашняго алтаря. Государство, конечно, не могло терпѣть подобнаго произвола и наконецъ признало отца, пользующагося надъ своими дѣтьми древнимъ правомъ жизни и смерти, однимъ изъ самыхъ страшныхъ уголовныхъ преступниковъ. Вмѣстѣ съ этимъ, отцы были лишены права продавать своихъ дѣтей, безконтрольно подвергать ихъ тѣлесному наказанiю, даже усыновлять чужихъ дѣтей безъ согласiя послѣднихъ. Но эти перемѣны совершались уже въ эпоху разложенiя римской общественной жизни, подъ влiянiемъ смягчающей греческой цивилизацiи. Постоянныя войны римлянъ, торговыя путешествiя, управленiе провинцiями, требовавшее множества чиновниковъ, колонизацiя покоренныхъ земель солдатами — все это сильно влiяло на разложенiе семейства и умножало число лицъ, достигавшихъ такимъ путемъ фактической эманципацiи отъ отеческой власти. Вскорѣ послѣ этого уничтожена абсолютная власть отца надъ собственностью дѣтей, полученною ими въ наслѣдство отъ матери и наконецъ за отцомъ было оставлено только право пожизненнаго пользованiя всѣми другими видами собственности его дѣтей. Наслѣдственное право также подверглось значительнымъ перемѣнамъ; отецъ лишенъ власти обезнаслѣдовать своихъ законныхъ наслѣдниковъ; преторъ, на основанiи своихъ принциповъ справедливости, допускалъ къ наслѣдству многихъ лицъ которыя не допускались къ нему прежнимъ агнатическимъ правомъ; если завѣщатель обходилъ или обдѣлялъ извѣстныхъ близкихъ род-

ственниковъ, то государство, въ интересѣ послѣднихъ, признавало недѣйствительнымъ и самое завѣщаніе, и т. д. Въ древнѣйшую эпоху отецъ женилъ сына, отдавалъ замужъ дочь, расторгалъ браки своихъ дѣтей, но позднѣе его права въ этомъ отношеніи были ограничены только согласіемъ или несогласіемъ на женитьбу сына и замужество дочери. Правда, что этимъ отеческая власть мало была стѣснена въ своемъ произволѣ, а дѣти не очень много выигрывали отъ такого ея ограниченія, потому что необходимость родительскаго согласія какъ у другихъ народовъ, такъ и въ Римѣ, имѣла почти такое же стѣснительное вліяніе на развитіе свободныхъ браковъ, какъ и безконтрольное распоряженіе ими домовладыкъ. Но хотя римляне и не успѣли вычеркнуть этого правила изъ своего кодекса, все-таки его сила постепенно ослабѣвала по мѣрѣ смягченія общественныхъ нравовъ, по мѣрѣ того, какъ духъ личной свободы измѣнялъ разные отдѣлы брачнаго права и потрясалъ ветхое зданіе архаическего семейства.

Такимъ образомъ, человѣческая личность при помощи государства разбивала стѣснявшіе ее семейные оковы и римское общество мало-по-малу шло къ тому, чтобы изъ союза семей превратиться въ союзъ индивидуумовъ. Женщина не мало содѣйствовала этому соціальному движенію и въ то же время находила въ немъ важную опору для своей эманципаціи.

XI.

Бракъ дозволялся римлянамъ только въ формѣ моногаміи; наложничество было запрещено вплоть до императорской эпохи; близкіе родственники не могли брачиться между собою; въ большинствѣ случаевъ бракъ былъ чисто гражданскимъ договоромъ и только у патриціевъ онъ носилъ характеръ религіознаго таинства. Патриціанскій бракъ, или confarreatio, ставилъ жену въ совершенную зависимость отъ мужа, она поступала подъ отеческую власть супруга въ качествѣ его дочери (filiæ loco); ея имущество со всѣми правами на него переходило къ мужу, а если онъ былъ не эманципированнымъ сыномъ, то къ его отцу. Жена не могла ни пріобрѣтать въ свою собственность чего бы то ни было, ни дѣлать завѣщанія, ни принимать подарковъ отъ мужа. Она подлежала юрисдикціи супруга, который, вмѣстѣ съ семейнымъ совѣтомъ, судилъ ее и даже приговаривалъ къ смертной казни. Игнатій Метеллъ убилъ свою жену за то, что она напилась пьяною, и, по словамъ Валерія Максима, не нашлось никого, кто бы порицалъ это убійство; всѣ, напротивъ, смотрѣли на него какъ на спасительный примѣръ. Въ одномъ только отношеніи законъ ограничивалъ произволъ мужа, именно, запрещалъ разводъ, кромѣ

случаевъ прелюбодѣянія жены, небреженія ея о хозяйствѣ или совершоннаго ею плодоизгнанія. Такой бракъ уничтожался чрезвычайно трудно и первый случай его расторженія совершился только въ 232 г. до Рож. Христ.

Патриціанскій бракъ былъ основанъ на идеѣ единокровности общества и самостоятельности семейства; въ основѣ патриціата лежалъ аристократически-патріархальный принципъ отцовства (патрицій—отъ pater, отецъ); женщина въ такой семьѣ могла быть только приплодною самкой и рабынею семьи, или, по позднѣйшему облагороженному выраженію, матерью и хозяйкою. Въ разнохарактерномъ же и неимѣвшемъ никакихъ общихъ традицій обществѣ плебеевъ *) семейство не могло имѣтъ такого характера, какъ у патриціевъ, и плебейскій бракъ вполнѣ справедливо называется свободнымъ бракомъ. Для совершенія его не требовалось даже контрактовъ и было совершенно достаточно одного согласія жениха и невѣсты, а для расторженія довольно было одного желанія супруговъ, основаннаго на простомъ несходствѣ характеровъ. Жена въ такомъ бракѣ подчинялась не мужу, а домовладыкѣ воспитавшаго или усыновившаго ее семейства.

Упорная и продолжительная борьба плебеевъ и патриціевъ, измѣнившая основы римскаго общества, не осталась безъ вліянія и на исторію брака. Плебеи стремились къ равноправности съ патриціями, къ возможности заключать съ ними брачные союзы и къ утвержденію въ своихъ семействахъ болѣе прочныхъ порядковъ (послѣднее стремленіе мужскаго элемента, какъ мы уже говорили, всегда усиливается въ эпоху первоначальнаго развитія государствъ). Патриціи, нежелавшіе утверждать за отцами плебейскихъ семей строгой родительской власти, служащей въ архаическомъ обществѣ основою соціальной силы и гражданскихъ правъ, недолго могли отстаивать свои исключительные принципы и законодательство XII таблицъ нанесло значительный ударъ интересамъ плебеянокъ, гарантировавъ мужьямъ ихъ почти такія же права, какія давались институтомъ патриціанскаго брака. Жена поступала въ полное подчиненіе мужа, не имѣла отдѣльной собственности, а право на разводъ предоставлялось одному только мужу. Но этотъ бракъ могъ установиться не тотчасъ по заключеніи его, а черезъ годъ и то лишь въ случаѣ согласія жены, выраженнаго ею тѣмъ, что она въ продолженіи года не проводила внѣ мужнинаго дома болѣе двухъ ночей; если же она не ночевала дома три ночи, то оставалась относительно своего супруга лицомъ самостоятельнымъ.

*) Плебеи состояли главнымъ образомъ изъ переселенныхъ въ Римъ жителей разныхъ покоренныхъ странъ; къ нимъ присоединялось много эмигрантовъ и даже много аристократическихъ фамилій, имѣвшихъ важное значеніе и громкую родословную въ покинутыхъ ими общинахъ. Плебеи были лично свободны, но политически безправны.

Въ 311 г. отъ основанія города плебеи вынудили патриціевъ выйти изъ своей семейной изолированности и согласиться на заключеніе патриціанско-плебейскихъ браковъ. Бракъ этотъ хотя и былъ гражданскимъ, но имѣлъ такой же строгій характеръ и ставилъ жену въ такое же безправное положеніе, какъ и confarreatio. Патриціи вступали въ такой бракъ между собой и съ плебеями, а плебеи держались свободной формы брака, которая, благодаря усиліямъ женщинъ, все болѣе и болѣе стремилась къ полному перевѣсу надъ формами болѣе строгими.

Совмѣстное и единовременное существованіе свободнаго и строгаго браковъ указываетъ на то, что борьба женщины за свою свободу и самостоятельность началась съ древнѣйшихъ временъ, даже раньше борьбы патриціата съ плебсомъ. Древне-римскимъ идеаломъ женщины было—покорная жена, хорошая мать, трудолюбивая хозяйка, и вмѣсто другихъ похвалъ на гробницѣ добродѣтельной матроны дѣлалась надпись, что она „смотрѣла за домомъ и пряла шерсть". Въ древнѣйшія времена женщина не могла даже выходить на улицу, не закрывъ своего лица по-восточному. Но всѣ подобные обычаи скоро вышли изъ употребленія, и римлянки, даже въ строгія времена господства древнихъ нравовъ, пользовались общественною свободою въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ гречанки. „Мы"—говоритъ Корнелій Непотъ—„не стыдимся вводить нашихъ женъ на пиршества, на которыхъ сами присутствуемъ; наши матери семействъ видятъ людей и общество; у насъ жена занимаетъ первое послѣ мужа мѣсто въ домѣ". На общественныхъ гуляньяхъ и процессіяхъ, въ театрахъ и храмахъ женщины также являлись вмѣстѣ съ своими отцами, мужьями, братьями, сыновьями. Ликторъ, хотя бы онъ для самаго консула очищалъ дорогу отъ людей, не имѣлъ права отстранить идущую по ней матрону. Этимъ уваженіемъ женщина была обязана своему материнству; законъ покровительствовалъ ей только „procreandorum liberorum causa," какъ орудію, служащему для произведенія на свѣтъ гражданъ и слѣдовательно, для поддержанія жизни государства. Но при всемъ этомъ женщина имѣла здѣсь возможность достигать и самостоятельнаго значенія. Дѣвушкамъ давали образованіе. Учили ихъ, во-первыхъ, рукодѣльямъ, прясть и ткать; это считалось необходимымъ условіемъ хорошаго воспитанія въ духѣ старины, и въ домахъ, строго державшихся отеческихъ преданій, вся одежда для семейства приготовлялась если не самою хозяйкою, то, во всякомъ разѣ, подъ ея непосредственнымъ руководствомъ. Научное образованіе дѣвочки высшаго круга получали дома, а средняго и низшаго—въ школахъ и даже вмѣстѣ съ мальчиками. Предметами обученія были, главнымъ образомъ, литературы Греціи и Рима. Съ особеннымъ стараніемъ также обучали дѣвушекъ музыкѣ, танцамъ и пѣнію; иногда даже ихъ подвергали публичному

испытанію въ этихъ искуствахъ. Религія не отвергала женщинъ и въ лицѣ хранительницъ священнаго огня, весталокъ, выставляла ихъ образцами чистоты и цѣломудрія. Въ театрѣ весталки имѣли мѣста на ряду съ высшими сановниками государства; если ведомый на казнь преступникъ встрѣчался имъ, то получалъ свободу. Римскія сивиллы, подобно пифониссамъ Эллады, имѣли вліяніе не только на отдѣльныя лица, но и на дѣла общественныя. Посредствомъ мужчинъ римлянки всегда принимали участіе въ соціальной жизни своего отечества. Женщина возвела на тронъ Анка Марція; женщина спасла Римъ отъ Коріолана; женщина воспитала и подарила отечеству великихъ друзей народа, Гракховъ; женщины не разъ самымъ дѣятельнымъ образомъ участвовали въ защитѣ Рима отъ чужеземныхъ враговъ; благодаря ихъ заботамъ о воспитаніи дѣтей, великая республика такъ прославилась гражданскими добродѣтелями; женщины не разъ управляли посредствомъ своихъ мужей дѣлами государства. Но такая посредственная дѣятельность женщинъ ограничивалась извѣстными предѣлами и главнымъ назначеніемъ ихъ все-таки чтилась семья и хозяйство. Женщина могла воспитывать изъ своихъ дѣтей хорошихъ гражданъ, могла быть совѣтницей и помощницей мужа въ его занятіяхъ, и только; самостоятельной роли въ обществѣ она не играла. И законъ, и общественное мнѣніе употребляли всѣ силы для удержанія ея въ сферѣ семейства, для охраненія послѣдняго отъ ея эманципаціонныхъ покушеній, для поддержанія древнихъ патріархальныхъ нравовъ. Прелюбодѣяніе наказывалось одинаково строго съ самыми крупными государственными преступленіями, несохранившую обѣта цѣломудрія весталку погребали заживо, а ея соблазнителя засѣкали до смерти. Въ древнѣйшую эпоху прелюбодѣйную женщину имѣлъ право казнить ея мужъ, а дѣвушку отецъ; они также могли лишить жизни и пойманнаго ими любовника. Идеѣ патріархальной половой добродѣтели древній римлянинъ не задумываясь приносилъ въ жертву даже вовсе невиноватую, но только насильно обезчещенную женщину, какъ показываетъ примѣръ Лукреціи, убитой своимъ отцомъ. Впослѣдствіи государство ограничило карательную власть отца и мужа, и смягчило самыя наказанія за блудъ, кровосмѣшеніе и сводничество, опредѣливъ подвергать виновныхъ конфискаціи части имущества и ссылкѣ на острова. Но по мѣрѣ возраставшаго въ Римѣ развращенія нравовъ, снова начали вводиться жестокія наказанія за половыя преступленія, и христіанскіе императоры положили: виновную въ прелюбодѣяніи женщину, конфисковавъ ее имущество, заключать навсегда въ монастырь, а ея соблазнителя казнить смертью. Такими кровавыми мѣрами хотѣли задержать неминуемое при тогдашнихъ соціальныхъ порядкахъ разложеніе семейства. И еще задолго до христіанства ревнители патріаркальной добродѣтели зорко слѣдили за каждымъ шагомъ женщины, и дозволяя мужчинѣ наслаж-

денія проституціей, наказывая его за прелюбодѣяніе только въ томъ случаѣ, если его любовница была замужемъ, они преслѣдовали въ женщинѣ всякое поползновеніе къ свободѣ чувства, всякое проявленіе кокетства. Даже брачному союзу они старались придать какой-то оффиціальный характеръ, стараясь изгнать изъ него всякое обнаруженіе страсти. Катонъ старшій, напр., исключилъ изъ сената сенатора Манилія за то только, что послѣдній въ присутствіи взрослой дочери поцѣловалъ свою жену. Если отецъ семьи дѣлалъ послабленія членамъ ея, если мужъ не поддерживалъ своей власти надъ женой во всей строгости, если напр., онъ не разводился съ нею послѣ нарушенія ею супружеской вѣрности, то строгій цензоръ нравовъ всегда могъ понудить такихъ нерадивыхъ къ надлежащему управленію ихъ семействами. При этомъ холостая жизнь не только не одобрялась съ нравственной точки зрѣнія, но и преслѣдовалась юридически. Еще въ періодъ республики цензоры постоянно убѣждали молодежь къ вступленію въ бракъ и налагали штрафъ на бездѣтныхъ. Императоры, какъ увидимъ ниже, еще строже преслѣдовали безбрачіе и поощряли чадородіе. Такимъ образомъ, поддерживая архаическое семейство, государство хотя и дѣлало нѣкоторыя уступки стремленіямъ женской личности, хотя и устраняло женщину отъ общественной жизни, но все-таки ограничивало ея дѣятельность сферою семейства и, „по причинѣ ея легкомысленности", держало ее подъ постоянной опекой мужчинъ-родственниковъ. Какъ существо опекаемое, зависимое, женщина не могла ни имѣть родительской власти надъ своими дѣтьми, ни опекать ихъ, ни совершать, въ качествѣ самостоятельнаго лица, какого бы ни было гражданскаго договора, ни вести процесса безъ своего опекуна.

Если бы бракъ и семейство въ Римѣ были устроены болѣе разумно и справедливо, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, то женщинѣ оставалось бы только стремиться къ полной равноправности съ мужчиною. Но путь къ этой цѣли заграждался прежде всего крѣпкими стѣнами патріархальнаго семейства. Достичь какой бы то ни было свободы женщина могла не иначе, какъ сдѣлавъ проломъ въ этихъ стѣнахъ или вовсе разрушивъ ихъ. Прежде всего ей нужно было освободиться отъ семейной неволи и добыть себѣ свободу полового чувства, которое въ ней развивали въ ущербъ всѣмъ другимъ психическимъ функціямъ и въ то же время монополизировали и дѣлали его обязательнымъ. Рабство всегда было, есть и будетъ противно природѣ человѣка вообще и женщины въ частности; обязательность чувства — логическая нелѣпость, невозможность; по-этому-то въ исторіи всѣхъ народовъ мы видимъ, что рабство женщины и семейства, обязательность любви, даже при отсутствіи ея, и монополизированіе половой функціи всегда вели за собой паденіе семейства и стремленіе женщины къ полной свободѣ половой страсти. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ этой

мысли служитъ исторія Рима. Монотонный, оффиціальный, обязательно-неизмѣнный характеръ брака не удовлетворялъ ни женщинъ, ни мужчинъ; естественное стремленіе къ свободной любви, не находя себѣ надлежащаго выхода, обратилось къ проституціи. Человѣкъ хотѣлъ страсти и наслажденія; его женили и предписывали ему производить дѣтей; но онъ все-таки хотѣлъ страсти и находилъ ее въ объятіяхъ гетеры. Брачныя обязанности дѣлались чѣмъ-то въ родѣ общественной повинности, а внѣбрачная любовная связь замѣняла собою то, чѣмъ собственно долженъ бы быть бракъ. Гетера разрушала семейство и своею свободою прельщала семейную женщину, которая на ея примѣрѣ видѣла, что порокъ освобождаетъ, а оффиціальная добродѣтель порабощаетъ. Римлянка стала подражать гетерѣ во всемъ, и толпы матронъ, являясь въ полицейскую префектуру, требовали помѣщенія своихъ именъ въ проституціонные списки. Гетеризмъ доставлялъ женщинамъ хотя на время экономическую самостоятельность и личную независимость. Тоже освободительное значеніе имѣло и занятіе искуствомъ. Танцорки, музыкантши, пѣвицы не обремѣняли себя вовсе семейными узами, могли жить своимъ трудомъ и наслаждаться независимостью, неизвѣстною семейной женщинѣ. Экономическая самостоятельность,—это необходимое условіе женской свободы, рано сдѣлалась цѣлью самыхъ настойчивыхъ стремленій семейной римлянки. И она скоро достигла своей цѣли. Въ плебейскомъ бракѣ имущество жены составляло ея полную, независимую отъ мужа собственность, которая давала женѣ возможность не только не дѣлаться рабынею или содержанкою своего супруга, но даже управлять имъ. Мужъ богатой женщины становился обыкновенно ея кабальникомъ и, сдѣлавшіяся экономически независимыми, римлянки начали эксплуатировать супруговъ силою своего капитала съ такимъ же безсердечіемъ, съ какимъ мужья угнетали зависимыхъ женъ силою своей власти. Жена обыкновенно давала мужу въ займы на короткіе сроки и подъ большіе проценты; мужъ обыкновенно не могъ расплатиться въ срокъ, входилъ въ новые долги, принималъ на себя новыя обязательства и наконецъ дѣлался полнымъ рабомъ своей дражайшей половины. Она могла и въ конецъ разорить его и погубить его репутацію, подвергнувъ его столь тяжкой для римскаго гражданина infamia. Всѣ подобныя стремленія римлянки къ самостоятельности стоили ей упорной борьбы и напряженныхъ усилій, направленныхъ къ ниспроверженію власти мужа и половой опеки. Жена часто покорялась мужу и жила съ нимъ только въ силу необходимости, какъ рабыня и плѣнница. Когда началась война между Римомъ и латинами, то жены римлянъ тотчасъ побросали своихъ мужей и бѣжали къ родичамъ-латинамъ. Стремленіе къ независимости доводило римлянокъ не только до мужеубійства и другихъ одиночныхъ преступленій, но даже организовало между ними

тайныя общества и заговоры съ цѣлью ниспроверженія патріархально-семейныхъ порядковъ. Такъ въ 326 г. до Р. Х. Римъ былъ пораженъ ужасною вѣстью о заговорѣ женщинъ съ цѣлью отравленія мужей, о томъ, что матроны приготовляютъ для этого ядъ и уже многіе мужчины пали жертвою ихъ умысловъ. Число заговорщицъ историческія извѣстія опредѣляютъ неодинаково, одни считаютъ 170, другіе 360. Уличенныхъ женщинъ судьи заставили выпить ядъ, приготовленный ими для мужей. Иногда римлянки доходили даже до открытыхъ столкновеній съ правительствомъ и силою принуждали его отмѣнять законы, стѣснявшіе ихъ свободу. Во время пунической войны консулъ Оппій провелъ законъ, запрещавшій женщинамъ имѣть въ своихъ украшеніяхъ болѣе 1/2 унціи золота, носить пестрое платье и ѣздить на парѣ. Когда финансовыя дѣла Рима поправились, законъ этотъ, все еще продолжавшій существовать, сдѣлался невыносимымъ для женщинъ, и римлянки, подавъ черезъ двухъ трибуновъ петицію объ его уничтоженіи, пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы заставить правительство уступить ихъ желаніямъ. Громадныя толпы женщинъ, несмотря на запрещеніе своихъ мужей, стекались впродолженіе нѣсколькихъ дней въ Капитолій, гдѣ обсуждался вопросъ объ оппіевомъ законѣ; къ римлянкамъ присоединились здѣсь женщины изъ окрестныхъ поселеній и городовъ; консулы и преторы были оглушаемы женскими криками и требованіями объ отмѣнѣ закона. Въ пользу женщинъ держалъ рѣчь трибунъ Люцій Валерій. При настоящемъ развитіи общественнаго благосостоянія — говорилъ онъ — законъ Оппія является неумѣстнымъ и несправедливымъ. „Мужчины и дѣти могутъ теперь носить роскошныя платья, мужчина имѣетъ право покрывать свою лошадь попоной изъ пурпура, но женщинѣ не дѣлается никакого снисхожденія и лошадь одѣвается роскошнѣе, чѣмъ жена! Женщины нашихъ латинскихъ союзниковъ могутъ щеголять золотомъ и пурпуромъ, ѣздить по городу, а римлянкѣ это запрещено, римлянкѣ, которая лишена доступа къ важнымъ должностямъ, къ жреческому сану, не имѣетъ участія въ тріумфахъ, не можетъ получать никакихъ почетныхъ наградъ. Оставьте же ей, по крайней мѣрѣ, наряды и приличную обстановку!“ Противъ Валерія поднялся знаменитый Катонъ, рѣчь котораго хорошо выражаетъ и взглядъ строго-патріархальныхъ римлянъ на женщину и ихъ страхъ передъ ея эмаципаціонными стремленіями. „Еслибы каждый изъ насъ — говорилъ ораторъ — умѣлъ поддерживать передъ своей женой права и величество мужа, то мы справились бы мигомъ съ бабами. Но мы допустили мужчину подчиниться женскому своеволію въ семействѣ, и вотъ теперь на форумѣ не можемъ устоять въ борьбѣ съ женщинами и боимся ихъ. Опасность сдѣлалась особенно сильною потому, что мы допустили сходки и тайныя совѣщанія женщинъ... Наши предки не дозволяли имъ безъ надзора мужчины заниматься даже част-

ными дѣлами; они хотѣли, чтобы женщины были подъ постоянной опекой своихъ отцевъ, или братьевъ, или мужей. Мы же дойдемъ, наконецъ, до того, что охотно допустимъ бабъ въ управленіе государствомъ, въ дѣла форума, въ національныя и избирательныя собранія. Да и теперь развѣ онѣ уже недостигли этого? Развѣ онѣ не толкуютъ на улицахъ и перекресткахъ о принятіи предложенія трибуновъ, развѣ онѣ не поднимаются за отмѣну закона! Предоставьте только свободно дѣйствовать этому роду, этимъ тварямъ необузданнаго характера, и вы увидите, могутъ ли онѣ держаться мѣры, могутъ ли полагать для себя извѣстныя ограниченія, если послѣднихъ не опредѣляетъ для нихъ кто нибудь другой. На все смотрять онѣ съ неудовольствіемъ, для нихъ невыносимы правила, предписываемыя закономъ и обычаемъ. Онѣ хотятъ свободы во всемъ или, правильнѣе говоря, необузданности и что будетъ, если онѣ достигнутъ ея? Онѣ, наконецъ, сдѣлаются совершенно равными вамъ, а сравнявшись съ вами, онѣ немедленно сдѣлаются вашими повелителями!...“ Но, не смотря даже на противодѣйствіе такихъ людей, какъ Катонъ, женщины взяли верхъ и законъ Оппія былъ отмѣненъ.—Во время втораго тріумвирата произошло другое замѣчательное столкновеніе римлянокъ съ правительствомъ. Тріумвиры до того истощили народъ сборами на военныя издержки, что были вынуждены забрать наконецъ даже суммы, хранившіяся у весталокъ; но денегъ все-таки недоставало, и тріумвиры вздумали сдѣлать огромный сборъ съ 1,400 богатыхъ римлянокъ, которыхъ они считали беззащитными, такъ какъ все это были жены, дочери, сестры и другія родственницы гражданъ казненныхъ, изгнанныхъ или преслѣдуемыхъ правительствомъ. Но тріумвиры ошиблись,—женщины съумѣли защитить сами себя. Густая толпа римлянокъ энергично двинулась на форумъ, пролагая себѣ дорогу черезъ массы народа и стражу. Тріумвиры распорядились силою розогнать женщинъ, но народъ не допустилъ этого, и женщинамъ было дано право слова, которымъ превосходно воспользовалась Гортензія, дочь извѣстнаго оратора того же имени. „Несчастныя женщины, которыхъ вы видите передъ собой — между прочимъ говорила она — просятъ справедливости. Власть, достоинства, почести—все это не для насъ, женщинъ; почему же мы должны участвовать въ издержкахъ войны, которая не можетъ принести намъ рѣшительно никакой пользы? Правда, наши матери помогали республикѣ въ годину ея крайней нужды, но для этого ихъ не заставляли продавать домовъ и земель, и ихъ пожертвованія были добровольными. Если бы теперь галлы или парфы раскинули свой лагерь на берегахъ Тибра, то вы нашли бы насъ не менѣе ревностными къ защитѣ родины, чѣмъ были прежде наши матери; но мы рѣшились не принимать никакого участія въ войнѣ междоусобной. Ни Марій, ни Цезарь, ни Помпей, ни даже самъ Силла, первый водворившій въ Римѣ

тиранію, никто изъ нихъ и не думалъ принуждать насъ къ участію въ междоусобныхъ смутахъ. Вы присвоиваете себѣ громкое титло реформаторовъ государства, но это титло обратится вамъ въ вѣчный позоръ, если вы, не смотря на законы справедливости, будете продолжать отнятіе жизни и имущества у тѣхъ, которыя не подали къ тому никакого законнаго повода". Рѣчь Гортензіи привела тріумвировъ въ бѣшенство и только грозный голосъ народа удержалъ ихъ отъ насилій надъ смѣлыми гражданками. Налогъ былъ сложенъ съ 1,000, но 400 женщинъ все-таки были принуждены уплатить его. Въ этихъ двухъ женскихъ движеніяхъ, имѣвшихъ цѣлью отмѣну законовъ и административныхъ декретовъ, мы видимъ, что эманципаціонныя стремленія римлянокъ не ограничивались реформою семейнаго права. Особенно въ борьбѣ съ тріумвирами женщины являются истыми гражданками, благородными врагами тиранніи, а въ рѣчахъ Валерія и Гортензіи сильно замѣтно недовольство тѣми общественными порядками, при которомъ „власть, достоинства, почести — все это не для женщины". Но такъ какъ о доступѣ къ общественной дѣятельности нечего было и думать при сохраненіи строго-патріархальныхъ порядковъ, которые прежде всего и болѣе всего давили женскую личность, такъ какъ большинство римлянокъ, по своему воспитанію, вовсе не годилось для какого нибудь серьезнаго занятія, такъ какъ все населеніе Рима, пренебрегая трудомъ, жило безсовѣстной эксплуатаціей рабовъ и побѣжденныхъ народовъ, такъ какъ господство плутократіи, чудовищный деспотизмъ цезарей, постоянные организованные разбои за-границей, систематическое разграбленіе міра и другія подобныя условія дѣлали изъ римлянина празднаго барина, живущаго кровью подвластныхъ ему людей, то понятно, что первые и самые сильные удары женской эманципаціи были направлены противъ семейства, понятно, что римлянка, зараженная всѣми недостатками окружавшаго ее общества, прежде всего должна была стремиться къ тому, чтобы, сдѣлавшись независимой отъ мужчины *барыней*, наслаждаться всѣми благами жизни на своей волѣ. Конечно, такой порывъ женской эманципаціи достоинъ всякаго сожалѣнія, но это былъ порывъ естественный, обусловленный всею предыдущею исторіей Рима. Большинство авторовъ, касающихся послѣдней эпохи Рима и толкующихъ о крайней развращенности тогдашнихъ женщинъ, не видятъ или не хотятъ видѣть истинной причины такого положенія дѣлъ. Римъ жилъ не производительнымъ трудомъ своихъ гражданъ, а грабежомъ міра и рабствомъ. Поколѣнія же людей, преемственно и неустанно занимающіяся этими позорными дѣлами, всегда естественно вырождаются въ отвратительную породу физическихъ и нравственныхъ чудовищъ; изъ героевъ они дѣлаются разбойниками, изъ людей прямыхъ и независимыхъ—раболѣпными угодниками и двоедушными мерзавцами, изъ ревнителей строгой жизни—отчаянными раз-

вратниками, изъ сильныхъ и здоровыхъ физически искаженными и разслабленными. По этому закону шла и исторія Рима. Утвержденіе свободнаго брака, уничтоженіе половой опеки, облегченіе развода, пріобрѣтеніе женщиною права личной собственности, реформирующее вліяніе государственной власти, ограничивавшей произволъ домовладыки и гарантировавшей личность домочадцевъ, войны, колонизація покоренныхъ земель, торговля и другія международныя сношенія — все это неизбѣжно расшатывало основы стариннаго семейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ развившихся съ цивилизаціей половыхъ противоположностей и подъ растлѣвающимъ дѣйствіемъ рабства и богатствъ, хищнически отнимаемыхъ Римомъ у покоренной имъ земли, половая страсть чувствовала себя неудовлетворенной даже въ свободной формѣ брака. Сытый и думавшій только о наслажденіяхъ римлянинъ хотѣлъ превратить свою жизнь въ непрерывное наслажденіе страсти съ перемѣнными любовницами. Заботясь о половой нравственности женъ, государство покровительствовало разврату съ невольницами и отпущенницами, спеціально воспитанными для утонченнаго гетеризма. Большая часть несмѣтныхъ богатствъ, награбленныхъ римлянами, пошла на проститутокъ и сладострастныя оргіи. Женщину бракъ удовлетворялъ еще менѣе, чѣмъ мужчину. Мужья пренебрегали своими скучными, старомодными женами для прекрасныхъ, остроумныхъ и блестящихъ камелій; жены подражали мужьямъ, пріискивали себѣ любовниковъ по сердцу и старались поровняться въ свѣтскости, манерахъ и роскоши съ гетерами, такъ увлекавшими и раззорявшими мужчинъ. Главною заботою воспитанія женщины сдѣлалось то, чтобы развить изъ нея свѣтскую львицу и обольстительную кокетку. Долго боролась женщина за право роскошничать наравнѣ съ мужемъ и его любовницами, долго завоевывала она себѣ экономическую самостоятельность. Ревнители старины употребляли всѣ усилія, чтобы удержать ее отъ роскоши и съ большимъ еще рвеніемъ старались объ ограниченіи ея имущественныхъ правъ, такъ часто дававшихъ ей полный перевѣсъ надъ мужчиною, что Катонъ говорилъ: „всѣмъ людямъ повинуются жены ихъ, намъ повинуются всѣ люди, а мы повинуемся женамъ“. Хорошо понимая эту эманципирующую силу женскаго имущества, консервативное правительство старалось по возможности давить его своими репрессивными мѣрами, въ родѣ вышеупомянутаго закона Оппія и декрета тріумвировъ. Таковъ же былъ и законъ Воконія, запрещавшій назначать женщинъ наслѣдницами или завѣщать имъ болѣе, чѣмъ доставалось наслѣднику или наслѣдникамъ. Цѣлью закона было отчасти предупрежденіе раздробки семейныхъ имуществъ, а главнымъ образомъ обузданіе „незаконно“ присвоенной женщинами независимости, возроставшей все болѣе и болѣе. Въ своей рѣчи въ защиту этого закона, Катонъ указываетъ главнымъ образомъ на то, какъ женщины упо-

требляютъ независимое состояніе и богатство для униженія своихъ мужей, и напоминаетъ, что у древнихъ римлянъ мужъ былъ господиномъ и судьей жены, могъ подвергать ее наказаніямъ и казни. „Обличивъ ее въ невѣрности, ты можешь убить ее, а она, обличивъ тебя въ томъ же, и пальцемъ не смѣетъ тронуть; такъ оно и должно быть!" Законъ Воконія хотя былъ принятъ, но онъ мало стѣснялъ римлянокъ: въ завѣщаніяхъ назначали подставныхъ наслѣдниковъ, а отъ нихъ имущество переходило все-таки къ женщинамъ. Утвердивъ свою имущественную самостоятельность, женщина начала пользоваться ею для преобладанія надъ мужчиною и путемъ экономическимъ и путемъ роскошнаго кокетства. Рабство и другіе соціальные порядки не дозволяли ей пока сдѣлаться эманципированнымъ человѣкомъ, и она, сдѣлавшись эманципированной барыней-рабовладѣлицей, не отставала въ роскоши отъ мужчины. Даже самыя скромныя и добродѣтельныя римлянки, по словамъ Плинія, начали считать неприличнымъ выходить изъ дома не въ модномъ платьѣ и безъ алмазовъ. Знатныя матроны даже для простыхъ визитовъ нанизывали на себя алмазовъ иногда на 200,000,000 сестерцій и держали стада ослицъ спеціально для того, чтобы ежедневно купаться въ молокѣ ихъ. Туалетное искуство было очень развито, туалетная прислуга дамы многочисленна, туалетныя занятія богатой римлянки отнимали у нея все утро. Власть цензора сдѣлалась безсильною для того, чтобы удерживать женщину въ предѣлахъ семьи и старинныхъ нравовъ. Не патріархальная традиція, а мода стала управлять внѣшнею жизнію гражданокъ, законодательницами же моды и новыхъ общественныхъ обычаевъ были женщины. Въ царствованіе Геліогабала, по настоянію его матери, матроны составляютъ изъ себя „малый сенатъ", который держитъ свои засѣданія на квиринальской горѣ, постановляя законы моды и свѣтскихъ приличій, рѣшая разные вопросы о жизни женщинъ. Это былъ предшественникъ средневѣковыхъ „судовъ любви". Роскошь, наряды, кокетничанье были только простыми средствами къ удовлетворенію половой страсти, привлекавшими къ нарядной кокеткѣ толпы поклонниковъ. Поэтому вмѣстѣ съ борьбой женщины за право роскошничать и кокетничать идетъ борьба за свободу половой страсти. Выведенная изъ терпѣнія рабыня сначала мститъ мужу секретною измѣною, а потомъ разбиваетъ свои семейныя цѣпи и съ одуреніемъ пускается въ оргіи публичнаго разврата. Черезъ десять лѣтъ послѣ отмѣны Оппіева закона учреждаются вакханаліи, на которыя сначала сходятся однѣ женщины, а потомъ онѣ привлекаютъ и мужчинъ, убивая для сохраненія тайны тѣхъ изъ нихъ, которые не соглашались любиться съ ними. Преслѣдованіе и запрещеніе этихъ сладострастныхъ сборищъ нисколько не задерживаетъ быстро-усиливающагося разврата и своеволія женщинъ. Сами цезари, эти вѣнчанные артисты порока, предаваясь ему до отвалу, нерѣдко

пытались въ видахъ государственной пользы ограничить его между своими подданными, преслѣдуя безбрачіе и бездѣтность. Lex Julia запрещаетъ безбрачную жизнь мужчинамъ отъ 20 до 60, а женщинамъ до 50 лѣтъ. Для того, чтобы пользоваться всѣми гражданскими правами, мужчины съ 25, а женщины съ 20 лѣтъ обязывались имѣть дѣтей. Имѣніе нѣсколькихъ дѣтей доставляло мужчинамъ земельные надѣлы и освобождало ихъ отъ извѣстныхъ повинностей, а женщинъ отъ половой опеки. Безбрачіе и бездѣтность наказывались штрафомъ; безбрачный не имѣлъ права ни получать наслѣдства, ни дѣлать завѣщанія; бездѣтный получалъ только половину слѣдующаго ему наслѣдства. Подобныя мѣры еще болѣе разрушали бракъ, дѣлая его ненавистною оффиціальностью, необходимою только для пріобрѣтенія извѣстныхъ правъ. „Люди женились не для рожденія наслѣдниковъ, а для полученія наслѣдства“, говоритъ Плутархъ. Мужья мѣняли женъ, а жены мужей иногда ежегодно; случалось, что женщина имѣла преемственно до двадцати мужей и больше. Нарушеніе супружеской вѣрности сдѣлалось всеобщимъ, и Діонъ Кассій, при своемъ вступленіи въ должность консула, нашелъ въ Римѣ 3,000 жалобъ на прелюбодѣяніе. Скоро настало еще худшее время, когда на невѣрность жены или мужа не только не жаловались, но даже не обращали вниманія. Бракъ замѣнился конкубинатомъ. Мужчина обзаводится содержанками; матрона, при неимѣніи добровольнаго любовника, держитъ для этой роли гистріона или раба и нерѣдко, бросая мужа и дѣтей, убѣгаетъ на чужбину съ своимъ фаворитомъ. Отъ строгихъ мужей, отъ дѣтей, отъ соискателей наслѣдства женщина отдѣлывается часто посредствомъ кинжала или яда. А гдѣ можно защитить себя или удовлетворить свои желанія посредствомъ закона, тамъ римлянки начинаютъ процессъ и ведутъ его съ такой настойчивостью, что даютъ основаніе тогдашней сатирѣ нападать на нихъ, какъ на самыхъ отчаянныхъ сутягъ. Главною обязанностью древней римлянки была материнская, но, скажемъ словами Россбаха, „матери древнихъ временъ лежали въ могилахъ, а матери новаго времени не имѣли болѣе любви къ своимъ дѣтямъ, предоставляя воспитаніе ихъ рабамъ. Рабъ же зналъ, что питомецъ будетъ современемъ его господиномъ, и чтобы пріобрѣсть его благосклонность въ будущемъ, поблажалъ его страстямъ и открывалъ источники еще неизвѣстныхъ ему наслажденій. Плодъ, сѣмена котораго были насажены рабомъ, окончательно созрѣвалъ подъ вліяніемъ театра и цирка“. Воспитаніе дочери если и велось матерью, то, во всякомъ разѣ, стремилось къ тому, чтобы приготовить изъ дѣвушки не семейную женщину, а свободную кокетку. Воспитаніе такимъ образомъ значительно содѣйствовало разложенію семьи и паденію древнихъ нравовъ; то же самое дѣлали и религія, и искуства, и литература, и торговыя сношенія, и войны, и одурѣвшіе отъ деспотизма правители, и

обезсмысленныя тиранніей народныя массы. Это былъ радикальный переворотъ, который долго совершался незамѣтно для глазъ наблюдателей и только въ эпоху императоровъ созрѣлъ до окончательнаго взрыва. Основанное на рабствѣ и силѣ, аристократическое военное общество губило само себя; порабощенная государству, человѣческая личность стремилась къ освобожденію; рабы, съ яростью Самсона, потрясали основы общественнаго зданія, дѣти отбивались отъ родительскаго деспотизма и гарантировали отъ него свою личность съ помощью закона, женщины разбивали стѣны своей семейной темницы. Взгляните на эту эпоху анархіи и всеобщаго разврата не съ моральной, а съ соціально-физіологической точки зрѣнія, и вы увидите, что это только кризисъ долговременной болѣзни, порожденной рабствомъ народовъ Риму, рабствомъ гражданъ государству, рабствомъ невольниковъ господамъ, рабствомъ женщины мужчинѣ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ человѣческая личность стремилась къ свободѣ, и съ каждымъ ея шагомъ впередъ по этому пути разрушались и погружались въ анархію семья, государство и другія юридическія институціи, всецѣло поглощавшія до тѣхъ поръ индивидуумовъ, входившихъ въ составъ ихъ и бывшихъ не активными личностями, а пассивными частями юридическихъ лицъ. Это былъ не только закатъ античной цивилизаціи, но и заря новой. Стоики учатъ жить согласно съ природой, умирать за истину и твердо переносить несчастія. На мѣсто разоблаченнаго суевѣрія, философія ставитъ разумъ, на мѣсто прежнихъ юридическихъ понятій являются идеи справедливости, равенства, верховной власти народа; справедливость и любовь къ ближнему ставятся идеальными основами общества; литература вооружается противъ войны и проситъ мира; римляне уравниваются съ иностранцами; императоры дѣлаютъ въ одной изъ варварскихъ областей попытку ввести представительное правленіе; Луканъ поетъ о святой любви къ вселенной; Сенека проповѣдуетъ космополитизмъ, вооружается противъ гладіаторскихъ побоищъ, отрицаетъ рабство. Вмѣстѣ съ этими новыми общественными принципами рождаются и проникаютъ сначала въ римскую жизнь, а потомъ, съ дарованіемъ правъ римскаго гражданства, и ко всѣмъ жителямъ имперіи, новыя семейныя начала. Борьба женской личности за свою самостоятельность въ семействѣ кончилась въ пользу женщины. Бракъ окончательно принялъ форму моногаміи. Выходя замужъ, женщина оставалась подъ опекой отца или другого родственника, но когда эта форма брака вполнѣ утвердилась, то половая опека была уже уничтожена, власть отца значительно ослабла, а относительно замужней дочери сдѣлалась чисто номинальною и дѣйствительною лишь въ одномъ томъ, что она устраняла собою власть мужа надъ женой и дѣлала послѣднюю лицомъ вполнѣ самостоятельнымъ. Жена имѣла свою отдѣльную собственность, которою она управляла и пользовалась независимо

отъ мужа. Наслѣдственныя права женщины, расширенныя и окончательно утвержденныя, сдѣлались сильною опорою ея экономической независимости. Приданое жены составляло общее достояніе супруговъ; но безъ согласія жены мужъ не могъ сдѣлать изъ него никакого употребленія, ни продать, ни заложить его; по закону Юстиніана, онъ не имѣлъ на это права даже и при согласіи жены. Законъ требовалъ, чтобы супругъ гарантировалъ женѣ ея приданое равною ему суммою своего приданаго (dos propter nuptias). Имущество жены послѣ ея смерти переходило къ ея наслѣдникамъ. Между мужемъ и женой, какъ между лицами совершенно самостоятельными, совершались договоры, денежные займы и т. п. Вмѣстѣ съ развитіемъ свободнаго брака падала и половая опека надъ женщиной. Подъ вліяніемъ эманципаціонныхъ стремленій женщины и идей естественнаго права позднѣйшая римская юриспруденція отступаетъ отъ своей прежней теоріи, по которой женщина подлежала пожизненной опекѣ „по причинѣ ея легкомысленности". Юрисконсульты признали наконецъ равенство половъ принципомъ своего кодекса справедливости. Гай опровергаетъ защитниковъ половой опеки, доводы которыхъ основаны на предполагаемой низкости женской природы, и сообщаетъ много средствъ и уловокъ, употреблявшихся юристами для того, чтобы дать женщинамъ возможность обходить стѣснительныя для нихъ постановленія стариннаго права. Императоры вовсе уничтожили институтъ половой опеки, и такимъ образомъ въ предсмертную эпоху Рима личность женщины явилась совершенно свободною отъ юридическихъ оковъ патріархальнаго семейства. Римлянка позднѣйшихъ временъ равноправна мужу, она уже не стоитъ подъ опекой, а сама пріобрѣтаетъ права опеки надъ своими дѣтьми и внуками. Она можетъ имѣть самостоятельное хозяйство, заключать контракты, вести процессы и т. д. Вмѣстѣ съ положеніемъ гражданокъ улучшалось также положеніе рабынь, отпущенницъ и иностранокъ. „Иностранка, отпущенница, рабыня"—говоритъ Гриндонъ—„имѣютъ каждая свою роль въ исторіи римской женщины и кладутъ каждая свой камень въ зданіе ея свободы. Рабыня служитъ орудіемъ того блеска, благодаря которому женщина подчиняетъ себѣ гражданина. Отпущенница, сближая и смѣшивая расы, пробиваетъ брешь въ гражданскомъ правѣ, враждебномъ женщинѣ, и содѣйствуетъ побѣдѣ естественнаго права, въ которомъ она занимаетъ надлежащее положеніе... Благодаря иностранкѣ, слово „hostis," обозначавшее въ эпоху XII таблицъ и врага и чужестранца, начинаетъ прилагаться только къ вооруженному непріятелю, а для иностранца создается новое выраженіе, „peregrinus". Иностранецъ получилъ такое важное значеніе, что для него учрежденъ особый преторъ, который начинаетъ постепенно гуманизировать и улучшать римское право во имя принциповъ равенства и справедливости. „Женщинѣ принадлежитъ значительная

доля участія въ дѣлѣ этого соціальнаго прогресса, потому что она-то сильнѣе всего и содѣйствуетъ тѣсному союзу разныхъ элементовъ общества, посредствомъ смѣшенія крови и слитія интересовъ.“

Добившись семейной свободы и экономической самостоятельности, римлянка начала проникать во всѣ сферы общественной дѣятельности. Еще во времена полнаго господства древнихъ нравовъ, римлянки, какъ мы уже говорили, принимали участіе въ дѣлахъ отечества, посредствомъ мужчинъ вліяли на ходъ событій, воспитывали цѣлыя поколѣнія доблестныхъ республиканцевъ. Съ усиленіемъ женскихъ стремленій къ свободѣ, съ постепеннымъ расширеніемъ правъ, женское вліяніе на общество дѣлалось все значительнѣе и значительнѣе, такъ что, по замѣчанію Катона[1], обладавшіе цѣлымъ міромъ римляне очутились, наконецъ, подъ властью своихъ женъ. Повелители государства, въ послѣднюю эпоху его существованія, не только находились подъ сильнымъ вліяніемъ женщинъ, но и нерѣдко были вынуждаемы отстаивать свою власть отъ окончательнаго захвата ея честолюбивыми и ловкими матронами. Таковы были, напр., Фульвія, жена Антонія, Ливія, жена Августа, которой сенатъ предложилъ титулъ „матери отечества;“ Агриппина, являвшаяся вездѣ на ряду съ цезаремъ, принимавшая дѣятельное участіе въ управленіи и сдѣлавшаяся, наконецъ, соправительницею своего сына Нерона. Мать Геліогабала, Семіамира, засѣдала въ сенатѣ на ряду съ консулами. Во дворцѣ цезарей идетъ ожесточенная борьба за власть. Женщины отравляютъ и убиваютъ своихъ бывшихъ повелителей, ведутъ противъ нихъ коварныя интриги, составляютъ заговоры, но въ то же время и сами ежеминутно подвергаются опасности насильственной смерти или ссылки на острова. Въ развратѣ и жестокости онѣ не уступаютъ мужчинамъ, а умомъ, хитростью, энергіей далеко превосходятъ ихъ и не имѣютъ между собою ни такихъ идіотовъ, ни такихъ сумасшедшихъ, какъ многіе изъ цезарей. Въ то же время дѣлаютъ замѣтные успѣхи въ образованіи. Не говоря уже о сильномъ распространеніи между ними знанія греческой литературы, римлянки знакомились также съ науками и правомъ, нерѣдко получали высшее образованіе, кое-что писали и по умственному своему развитію достигали одного уровня съ образованными мужчинами того времени. Таковы были, напр., Юлія, жена Септимія Севера, Юлія-Маммея, мать Александра Севера, Семпронія, жена Брута, Теренція, жена Цицерона, и Туллія, дочь его, Кальпурнія, жена Плинія младшаго, Кремуція, дочь историка Кремуція Корда и др. Многія изъ этихъ женщинъ участвовали въ научныхъ и литературныхъ занятіяхъ близкихъ имъ мужчинъ, имѣя на нихъ немаловажное вліяніе. Болѣе дѣятельную и самостоятельную роль играли римлянки въ медицинѣ. Лекарки (medicae) были довольно многочисленны. Въ Римѣ и, вѣроятно, въ главныхъ городахъ имперіи были „присяжныя лекарки“, (medicae ju-

ratae), о которыхъ Анніанъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ кодексу Феодосія говоритъ: „каждый разъ, какъ только возникаетъ сомнѣніе о беременности женщины, пять присяжныхъ, занимающихся медициною женщинъ, получаютъ приказаніе освидѣтельствовать эту беременную." Эти лекарки были свѣдущи и въ медицинѣ вообще, а не въ одномъ только родовспомогательномъ искуствѣ, которое было спеціальностью акушерокъ, obsestrices, и ихъ помощницъ adsestrices. Акушерки же приготовляли разные косметики, любовные напитки и конфертативы, совершали плодоизгнаніе, кастрировали мужчинъ, инфибулировали женщинъ и другими способами служили тому разврату и тому разложенію семьи, которыми ознаменована послѣдняя эпоха Рима.

XII.

Такъ разваливалось древне-римское семейство, такъ римлянка изъ рабыни дѣлалась свободною личностью. Но радикальныя реформы, сѣмена которыхъ уже были въ римскомъ обществѣ, не успѣли совершиться вполнѣ; расшатавшееся зданіе государства пало подъ напоромъ варваровъ. На встрѣчу варварамъ съ береговъ Іордана шло христіанство, благодаря которому семья и женщина приняли направленіе, среднее между архаическимъ состояніемъ и идеалами, бывшими завѣтною мечтою послѣдней эпохи язычества.

Большинство церковныхъ писателей ставитъ женщину ниже мужчины. На маконскомъ соборѣ (585 г.) одинъ епископъ доказывалъ даже, что женщина не человѣкъ, что она не принадлежитъ къ роду человѣческому. Признавъ въ женщинѣ человѣка, стали заботиться о томъ, въ какомъ видѣ предстанетъ она при воскресеніи и не преобразится-ли въ мужчину для того, „чтобы не смущать своимъ присутствіемъ мужчинъ, воскреснувшихъ для святой, безстрастной жизни?" Грѣхъ Евы вмѣнялся всѣмъ дочерямъ ея. „Женщина—источникъ всѣхъ золъ, потому что черезъ нее смерть вошла въ міръ". Но при этомъ учители христіанства проповѣдывали и полное религіозное равенство половъ. Язычество предписывало каждому полу особыя обязанности. „Оно" — говоритъ Іеронимъ — „разнуздывало страсти мужчинъ, дозволяя имъ развратъ, и въ тоже время наказывало за послѣдній женщинъ. У христіанъ же, что предписывается женщинамъ, то предписывается и мужчинамъ; обязанности равны". „Мужчина и женщина" — пишетъ Климентъ Александрійскій—„совершенно равны между собою, какъ существа человѣческія; у нихъ одна и таже природа, и поэтому, одни и тѣ же свойства. Значитъ-ли это, что предназначеніе женщины одинаково съ мужскимъ? Физическая организація ихъ доказываетъ противное. Но различіе призваній нисколько не мѣшаетъ равенству".

Христіанство сняло съ женщины древнее иго проклятія и рабства, сдѣлавъ ее подругою мужа и участницею вмѣстѣ съ нимъ загробнаго блаженства, составляющаго конечную цѣль христіанской жизни. Бракъ получилъ характеръ таинства. Образцомъ для него поставленъ союзъ Христа съ церковью; этотъ союзъ вѣченъ, и бракъ нерасторжимъ; Христосъ глава церкви, и мужъ глава жены; какъ „Христосъ возлюбилъ церковь и пожертвовалъ собою за нее“, такъ и мужъ долженъ любить жену, какъ себя самого, а жена должна повиноваться ему, какъ Христу церковь; „жена да боится своего мужа“, говоритъ апостолъ. Супруги должны составлять одно лицо—„да будутъ два одною плотью“, т. е., принимая во вниманіе главенство мужа, личность жены должна во всемъ сливаться съ его личностью, а женщина вообще должна подчиняться мужчинѣ. Апостолъ запрещаетъ ей учить мужчинъ, „потому что Адамъ сотворенъ прежде Евы“. Четвертый карфагенскій соборъ запрещаетъ женщинѣ наставлять мужчинъ, если бы она была даже *ученою и святою*. Цѣль брака—христіанское рожденіе и воспитаніе дѣтей; половой инстинктъ признается нечистымъ, удовлетвореніе его ради одного удовольствія—смертный грѣхъ; поэтому-то цѣлью брака религія ставитъ рожденіе и воспитаніе добрыхъ христіанъ, освящая плотскій и самъ по себѣ грѣховный союзъ благодатью таинства. Считая своихъ послѣдователей странниками и пришельцами на землѣ, людьми не отъ міра сего, гражданами небеснаго царства, христіанство хотя и защищало бракъ отъ крайнихъ аскетическихъ доктринъ, но все-таки не ставило его идеальною нормою христіанской жизни. Апостолъ ясно говоритъ, что кто можетъ прожить дѣвственно, тотъ не долженъ вступать въ бракъ, а кто не надѣется провести свою жизнь ангелоподобно, тотъ долженъ прибѣгнуть къ „честному и нескверному ложу брака“. Высшимъ идеаломъ жизни служитъ дѣвственность, божественные примѣры которой даны Христомъ и его матерью. Плоть, міръ и дьяволъ — вотъ три главныхъ врага христіанина, преграждающихъ ему путь въ небесное царство. Въ борьбѣ съ ними должна проходить земная жизнь, изъ которой нужно изгнать все, что поблажаетъ чувствамъ и плоти. „Только тотъ совершенъ,—говоритъ Августинъ, — кто и духомъ, и плотью отрѣшился отъ міра“. Дѣвственность и отреченіе отъ удовольствій брака даютъ мужчинамъ и женщинамъ доступъ въ райскія обители; дѣвственницы называются христовыми невѣстами, дѣвственники—земными ангелами. И съ первыхъ же вѣковъ христіанства идея безбрачія осуществляется въ монашествѣ и отчасти въ мірскомъ духовенствѣ, а въ рядахъ святыхъ появляется особый классъ дѣвственниковъ и дѣвственницъ. При такомъ настроеніи умовъ, нѣкоторые церковные писатели, особенно причастные гностицизму, вовсе отвергали бракъ, какъ безнравственную институцію. Іустинъ мученикъ считаетъ его несправедливымъ учрежденіемъ и сознается, что онъ не

понимаетъ, какимъ образомъ грѣховная чувственность можетъ сдѣлаться въ бракѣ чѣмъ-то нравственнымъ. Тертулліанъ учитъ пренебрегать бракомъ, хотя бы изъ-за этого пренебреженія суждено было вымереть всему роду человѣческому. Григорій нисскій пишетъ, что если бы Адамъ въ раю не отступилъ отъ Бога, то брака никогда бы не было, и размноженіе людей совершалось бы другимъ, болѣе достойнымъ образомъ. Іеронимъ допускаетъ бракъ „только потому, что отъ него раждаются дѣвственники". „Цѣль святаго"—говоритъ онъ—„порубать лѣсъ брака топоромъ дѣвственности". Не только въ монашескомъ, но и въ мірскомъ бытѣ первыхъ вѣковъ христіанства этотъ идеалъ былъ всемогущимъ. Въ противоположность античному поясу Венеры, люди благочестивые носили поясъ цѣломудрія. Св. Аммонъ встрѣтилъ въ первую ночь свою невѣсту проповѣдью о грѣховности брака, и они тотчасъ же разлучились. Св. Меланія употребила всѣ усилія, чтобы заставить своего мужа не жить съ нею, какъ съ женою. Св. Авраамъ и Алексѣй убѣжали отъ своихъ невѣстъ въ первую брачную ночь. Во всякомъ случаѣ, даже у учителей, признающихъ святость его, бракъ считается милосердою уступкою религіи слабости человѣческой, а безбрачіе — жизнію ангеловъ, по выраженію Дамаскина. Допуская бракъ, учители и законодатели церкви старались по возможности ослабить его чувственный характеръ, составляли скрупулезныя правила о физическихъ сношеніяхъ между супругами, увѣщевали послѣднихъ предаваться половымъ наслажденіямъ съ возможною умѣренностью и т. п. Санкціонировавъ моногамію и желая утвердить самую строгую форму ея, церковь не одобрила вторичнаго и третичнаго брака, дозволяя ихъ только ради избѣжанія грѣха и положительно запрещая жениться и выходить замужъ болѣе трехъ разъ. Преслѣдуя конкубинатъ и всякую внѣбрачную связь, христіанское законадательство установило рѣзкое, неизвѣстное древнему міру различіе между законными и незаконными дѣтьми. Считая бракъ союзомъ нерасторжимымъ, христіанскіе законодатели, въ особенности же Константинъ и Юстиніанъ, начали строго преслѣдовать самовольные разводы супруговъ, налагая за нихъ не только денежные штрафы, но и тяжкія уголовныя наказанія. Словомъ, подъ вліяніемъ реакціи римское семейное право, хотя и освободившееся отъ многихъ архаическихъ постановленій и обычаевъ, получило новую силу для поддержанія своихъ прежнихъ принциповъ. Хотя свобода женщины отъ половой опеки и самостоятельность ея личности, признанныя позднѣйшей римской юриспруденціей, и были утверждены церковью, но, съ другой стороны, главенство мужа и нерасторжимость брака показывали, до какой степени вѣра, пришедшая съ береговъ Іордана, радикально противоположна послѣднимъ стремленіямъ язычества. Къ тому же самая главная основа архаическаго семейства, — отеческая власть, послѣ всѣхъ ограниченій,

наложенныхъ на нее общественнымъ прогрессомъ, оставалась de jure болѣе строгою, чѣмъ даже отеческая власть многихъ полудикихъ европейскихъ варваровъ. Принципы христіанства не реформировали по своему римскаго семейства и Римъ умеръ язычникомъ.

Но при всемъ этомъ, женщины были такъ подняты новой религіей, что играли въ ней важную роль съ самаго начала. Онѣ были орудіями распространенія и поддержанія христіанства; онѣ постоянно окружали Христа, занимали видное мѣсто въ первенствующей церкви, осуществляли, повидимому, невозможные идеалы аскетизма, служили страждущему человѣчеству, геройски шли за свою вѣру и на костеръ, и подъ топоръ палача; женщины же, какъ увидимъ ниже, были первыми насадительницами христіанства почти у всѣхъ европейскихъ варваровъ. Но все-таки новая религія, которой суждено было утвердить въ Европѣ строгую систему патріархальнаго семейства и въ тоже время нѣсколько улучшить положеніе европеянки, мало вліяла на измѣненіе восточной семьи. Большая часть Востока приняла не христіанство, а измѣненный и смѣшанный съ другими вѣрованіями особый видъ его—магометанство. Да и у настоящихъ восточныхъ христіанъ, напр., у армянъ и грузиновъ, семейство представляется чистѣйшей деспотіей, а женщина находится въ рабствѣ.

Впрочемъ, въ первое время христіанства, оно, подъ вліяніемъ разныхъ греческихъ и восточныхъ идей, принимало въ своихъ сектахъ часто самое крайнее направленіе, стремившееся возродить гетеризмъ и материнство первобытнаго міра. Николаиты, фибіониты, стратіотики и многіе другіе сектанты проповѣдуютъ общность женъ и законность всѣхъ плотскихъ инстинктовъ, хотя мерзости, въ которыхъ они обличаются своими противниками и были, по всей вѣроятности, выдуманы или сильно преувеличены послѣдними. Всѣ подобныя секты были реакціей аскетическимъ и патріархальнымъ идеаламъ христіанства, и въ дѣлѣ этой реакціи женщина играла весьма важную роль. Развитію и распространенію карпократіанизма, напр., много содѣйствовали Марцеллина, Стимула и Агапа. И вообще въ исторіи гностицизма женщины стоятъ на переднемъ планѣ. Елена имѣла безграничное вліяніе на Симона волхва; жена Николая произвела расколъ николаитовъ; Филомена сообщала Апеллесу откровенія, приходившіяся по вкусу женщинамъ высшаго класса; Флора пропагандируетъ свое ученіе передъ Птоломеемъ; женщины монтанистовъ, особенно пророчицы Присцилла и Максимилла, предсказывали будущее и проповѣдывали и т. д. По объясненіямъ Баховена, сущность ученія упомянутыхъ сектъ состоитъ въ реставраціи гинейкократическаго материнства, и въ этомъ религіозномъ движеніи принимали главное участіе тѣ племена, которыя прежде особенно славились своей гинейкократіей, какъ напр., ликіяне. Снова

пѣлись гимны богинѣ гетеризма, снова женскіе принципы въ религіи брали верхъ надъ мужскими, снова въ таинствахъ мистерій прославлялось материнство, снова отдавались свободной любви,—но Галилеянинъ побѣдилъ, и новые народы приняли новую вѣру, говорившую больше о небесномъ, чѣмъ о земномъ и заставлявшую забыть о той разнузданности страстей, которая такъ истощила древній міръ.

XIII.

Когда послѣ неудачныхъ попытокъ построить изъ варваровъ новую римскую имперію, наступилъ періодъ феодализма или кулачнаго права, то вся Европа распалась на множество мелкихъ землицъ, сдѣлавшихся достояніемъ сильныхъ тогдашняго міра. Въ неприступныхъ и безопасныхъ мѣстахъ порабощенный народъ выстроилъ крѣпкіе замки для своихъ тирановъ, а передъ воротами ихъ поставилъ висѣлицы на тѣ случаи, когда господамъ благоугодно будетъ казнить его. Зависимыя народныя массы окончательно низведены на степень вьючныхъ скотовъ, обязанныхъ работать на своихъ благородныхъ владыкъ. Гордый своей силою и безнаказанностію, господинъ не чувствовалъ ничего общаго между собою и жителями убогихъ хижинъ, стоявшихъ около его грознаго замка. „Народонаселеніе, окружавшее средневѣковаго собственника, и по роду своихъ занятій, и по степени богатства, и по происхожденію не имѣло съ нимъ ни одной изъ тѣхъ связей, которыя соединяютъ, напр., патріархальнаго родоначальника съ его родомъ, или предводителя клана съ другими членами послѣдняго. Феодальное семейство живетъ совершеннымъ особнякомъ отъ остальнаго народонаселенія, въ совершенно особенномъ положеніи" (Гизо). Всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобы феодальное право приняло чисто семейный характеръ. Сила и значеніе владѣльца зависѣли отъ количества его земель и рабовъ, отъ прочной и единой власти, заправляющей абсолютно и членами феодальной семьи, и вассалами, и крестьянами. Нераздробляемость семейнаго имущества и строгая отеческая власть сдѣлались необходимостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ вошла въ полную силу и кастальная теорія о благородствѣ аристократической крови. Феодальное общество считало себя избранною расою и каждая фамилія строго должна была остерегаться порчи вслѣдствіе смѣшенія своей породы съ породами низшими по происхожденію. Эта теорія находила себѣ поддержку даже въ католической религіи. Подобно браминамъ, наложившимъ религіозно-мифологическую санкцію на существованіе кастъ, католическіе сочинители, попирая евангельскія заповѣди братства и равенства и угождая баронамъ, оправдывали именемъ Бога кастальные порядки феодализма.

Каждый феодалъ былъ или стремился быть независимымъ деспотомъ въ своихъ владѣніяхъ и абсолютнымъ повелителемъ своего семейства. Отеческая власть, какъ всѣ тогдашнія права и привилегіи, не составляла одного стройнаго, систематически-развитаго института, общаго всей странѣ, а безконечно разнообразилась, смотря по различнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. У германцевъ до-феодальнаго періода семейныя узы и власть родителя не успѣли еще достаточно окрѣпнуть и обратиться въ непреложные юридическіе обычаи, такъ какъ для утвержденія ихъ они не имѣли ни содѣйствія сильной государственной власти, ни вліянія жреческой касты, которая, путемъ религіозной проповѣди и школьнаго воспитанія, всюду помагала государству и отцамъ семей пропагандировать и строго поддерживать патріархальные порядки. Однакожъ, нельзя соглашаться съ мнѣніемъ германофиловъ, что семейныя отношенія европейскихъ варваровъ отличались особенною мягкостію, бывшею будто бы характерною чертою германской расы. Въ первыхъ главахъ нашихъ этюдовъ мы уже говорили, что слабость семейныхъ узъ и отеческой власти, замѣчаемая у германцевъ, какъ и у другихъ полудикихъ народовъ, были результатомъ не народнаго характера, а борьбы домочадцевъ съ произволомъ домовладыки, борьбы, некончившейся еще рѣшительной побѣдой послѣдняго. Эта относительная мягкость семейныхъ отношеній, благодаря энергической борьбѣ индивидуума противъ поработительныхъ стремленій домовладыки, упрочилась въ жизни и отразилась на средневѣковомъ семейномъ правѣ тѣхъ странъ, которыя не были вполнѣ подчинены римской юриспруденціи. Въ особенности франки представляются народомъ, рѣзко отличающимся отъ римлянъ своими родительскими правами, и старинные французскіе законовѣды энергично противились признанію строгаго института римской patria potestas, упорно удерживая свое правило, что „отеческой власти нѣтъ мѣста во Франціи." По германскимъ обычаямъ, отецъ, а по смерти его мать имѣли право опеки (mundium) надъ личностью и имуществомъ своихъ дѣтей. Бракъ эманципировалъ сына, а опеку надъ дочерью передавалъ ея мужу. Даже холостой сынъ освобождался отъ родительской власти, коль скоро онъ становился способнымъ носить оружіе или достигалъ совершеннолѣтія. Напротивъ, въ странахъ, подчиненныхъ римскому праву, отцамъ предоставлено было пользоваться такою же неограниченною властью надъ дѣтьми, а послѣдніе ставились въ такую же рабскую зависимость, какъ это было и въ Римѣ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что историки юриспруденціи придаютъ слишкомъ ужъ много значенія упомянутому различію родительской власти въ странахъ обычно-германскаго и писаннаго римскаго права. Средніе вѣка были эпохой произвола и ходъ жизни зависѣлъ не отъ уложеній или юридическихъ обычаевъ, а отъ произвола и кулачнаго права. Отеческая германская власть была го-

раздо слабѣе и легче римской, но при всемъ томъ феодалъ такъ могъ деспотствовать въ своемъ семействѣ, какъ не деспотствовали даже самые жестокіе домовладыки Рима. Феодалъ старался держать свое семейство въ такихъ же ежевыхъ рукавицахъ, какъ и подвластныхъ ему крестьянъ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣднихъ онъ презиралъ, какъ скотовъ и высасывалъ изъ нихъ всѣ жизненные соки въ пользу своей фамиліи. Исторія среднихъ вѣковъ представляетъ не мало примѣровъ того, какъ феодальные самодуры звѣрски мучатъ своихъ домочадцевъ, рѣжутъ, топятъ ихъ, морятъ ихъ голодною смертью, выкалываютъ имъ глаза и т. п. Во Франціи, даже въ XIV вѣкѣ, отецъ могъ безнаказанно убить сына, поклявшись только, что онъ совершилъ это въ припадкѣ гнѣва и безъ предварительнаго размышленія. Продажа дѣтей въ этой странѣ продолжалась почти до эпохи Возрожденія, равно какъ и отдача ихъ въ залогъ или на удовлетвореніе обязательствъ, сдѣланныхъ родителями. Въ Германіи было не лучше, и даже въ XV вѣкѣ церковь, въ лицѣ знаменитаго проповѣдника того времени, Гейлера, учила, что, „въ случаѣ голода, отецъ можетъ продать своего сына; мать же не имѣетъ права продавать сына, терпитъ ли она голодъ, или нѣтъ.“ Семейный совѣтъ изъ родственниковъ, созывавшійся отцомъ въ важныхъ случаяхъ въ средневѣковой Европѣ, какъ и въ Римѣ, имѣлъ только совѣщательное значеніе; не ограничивая самодурства домовладыки, онъ поддерживалъ его авторитетъ во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся чести и интересовъ фамиліи. И если, не обращая вниманія на многочисленныя проявленія самаго дикаго и безсмысленнаго произвола средневѣковыхъ домовладыкъ, разсмотрѣть сущность ихъ власти и притязаній, то окажется, что она, подобно другимъ семейнымъ институціямъ тѣхъ временъ, была необходима для поддержанія феодальнаго строя, основаннаго исключительно на семейныхъ принципахъ. Среди всеобщей анархіи и насилія, феодальное семейство, съ своими вассалами, слугами и рабами, нуждалось въ прочной власти, чтобы отстаивать свои богатства, свою жизнь и свою свободу, основанную на тяжкой неволѣ народныхъ массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ интересы фамиліи требовали, чтобы она, несмотря на перемѣны въ личномъ составѣ ея членовъ вслѣдствіе смерти, продолжала нераздѣльное свое существованіе какъ можно дольше и сохраняла бы какъ можно строже чистоту своей благородной крови, богатство и величіе, завѣщанныя ей предками. Для достиженія этой цѣли необходимы были реформы въ германскомъ наслѣдственномъ правѣ, по которому имущество умершаго безъ завѣщанія переходило къ его законнымъ наслѣдникамъ, въ томъ числѣ и къ женщинамъ, и дѣлилось ими по-ровну. Когда при помощи церкви введено было римское право завѣщанія, то этотъ порядокъ значительно нарушился, и родители имѣли полную возможность и лишать своихъ дѣтей наслѣдства, и предпочитать од-

ного или нѣкоторыхъ изъ нихъ прочимъ. Но здѣсь отцовскому произволу скоро были положены границы въ интересахъ фамиліи; онъ могъ распоряжаться только благопріобрѣтеннымъ и движимымъ имуществомъ, а отнюдь не фамильнымъ, недвижимымъ. Далѣе, тѣже фамильные интересы старались удалить отъ наслѣдства женщинъ и создали институцію первородства. Дочери лишались наслѣдства чаще всего посредствомъ завѣщаній; были правда и положительные законы, исключавшіе ихъ изъ числа наслѣдниковъ, но это были законы мѣстные и притомъ нерѣдко нарушаемые. Если же дочь имѣла наслѣдовать, то ее старались выдать замужъ. Полученное ею приданое, несмотря на его сумму, считалось замѣною ея наслѣдственной доли. Въ брачныхъ контрактахъ невѣстъ обыкновенно заставляли отрекаться отъ наслѣдства; потомъ, когда такія отреченія сдѣлались юридически недѣйствительными, при распространеніи римскаго права, то ихъ стали замѣнять присягою. Стремленіе къ обезнаслѣдованію женщинъ касалось даже наслѣдственныхъ правъ матери. Такъ, во Франціи Карлъ IX, „въ интересахъ дворянства и короны“, запретилъ матерямъ быть наслѣдницами собственныхъ своихъ дѣтей; но большинство парламентовъ юга отказалось принять такой эдиктъ. Введеніе института первородства нанесло еще болѣе сильный ударъ наслѣдственнымъ правамъ женщины. Посредствомъ этого института, введеннаго въ юридическую жизнь семейными законами и договорами (Hausgesetze и pactes de famille), старшій сынъ дѣлался отцомъ семейства и главнымъ наслѣдникомъ, пользуясь этими привилегіями не только при наслѣдованіи отъ отца, но и отъ матери. Младшіе братья и особенно сестры были осуждены на полную подчиненность первенцу, уважать и бояться котораго ихъ училъ еще при своей жизни отецъ, указывавшій всѣмъ на него, какъ на своего будущаго представителя. Авторитетъ первенца былъ такъ великъ, что нерѣдко ему подчинялись не только братья и сестры, но даже родители. Старшіе сыновья не только обирали и грабили своихъ братьевъ и сестеръ, но и торговали послѣдними; иногда ни отецъ, ни мать не могли избавить своихъ дочерей отъ этой гнусной продажи ихъ братьями. Установивъ первородство, феодальное право должно было позаботиться о томъ, чтобы фамильное имущество не могло распадаться не только при настоящихъ, но и при будущихъ поколѣніяхъ. Римская юриспруденція оказала ему въ этомъ случаѣ большую услугу своими субституціями. Фамильные интересы и забота о будущемъ процвѣтаніи рода доходили до того, какъ разсказываетъ Озанамъ въ „Les Germaines avant le Christianisme“, что „въ нѣкоторыхъ кантонахъ Германіи въ средніе вѣка сохранялся еще древній обычай, въ силу котораго мужъ, состарѣвшійся бездѣтнымъ, приглашалъ къ своей женѣ сосѣда, съ тѣмъ, чтобы онъ родилъ ему сына“.

При такомъ произволѣ, среди такихъ семейныхъ порядковъ поло-

женіе средневѣковой женщины не могло быть очень завиднымъ. Всѣхъ авторовъ, трактующихъ объ этомъ предметѣ, можно раздѣлить на три класса. Одни просто сводятъ въ кучу разныя историческія данныя, и, сообщая имъ только внѣшнее литературное единство, не дѣлаютъ никакихъ выводовъ о томъ, хорошо или худо жилось тогда женщинамъ сравнительно съ другими историческими эпохами, въ чемъ состояли и отчего зависѣли выгоды или невыгоды ихъ положенія и т. д. Другіе восторгаются средними вѣками, какъ періодомъ женской свободы и рыцарскаго поклоненія прекрасному полу. Третьи не хотятъ видѣть въ среднихъ вѣкахъ ничего, кромѣ возмутительнаго разврата, безсовѣстной эксплуатаціи женщинъ и звѣрской тираніи надъ ними. Оба послѣдніе сорта авторовъ, увлекаясь духомъ партій, грѣшатъ односторонностью и болѣе или менѣе сильнымъ преувеличеніемъ характера изображаемыхъ ими соціальныхъ отношеній. Но тѣ и другіе изъ нихъ имѣютъ на своей сторонѣ извѣстную долю правды. При безпристрастномъ взглядѣ на средневѣковую жизнь оказывается, что, съ одной стороны, женщина сильно страдала тогда отъ семейнаго деспотизма, отъ аристократическо-фамильныхъ порядковъ, отъ общественной безурядицы, отъ постановленій и козней католицизма; но въ то же время, съ другой стороны, мы видимъ множество фактовъ и замѣчательной свободы женщинъ, и сильнаго ихъ вліянія, и безграничнаго уваженія къ нимъ, даже слѣды ихъ политической, военной и научной дѣятельности. Эти двѣ серіи противоположныхъ явленій связываются между собою тѣмъ важнымъ фактомъ, что средніе вѣка были періодомъ упорной борьбы женщины за свою свободу. Постараемся теперь очертить главные элементы этой борьбы и ходъ ея.

Частыя войны и разбойничества феодаловъ нерѣдко сопровождались умыканіемъ дѣвушекъ, на которыхъ потомъ похитители и женились. Церковь и законодательство сильно противодѣйствовали этому первобытному способу заключенія брака. Вестготскій законъ, напр., грозилъ смертною казнью не только похитителю, но и похищенной, если она соглашалась выйти за него замужъ. По фризскому праву, умыкателя и увезенную имъ дѣвушку не охраняло даже церковное убѣжище; судья долженъ былъ сжечь всѣ жилища, въ которыхъ останавливались они по дорогѣ въ церковь, разрушить церковь и, захвативъ ихъ, вести на жестокое наказаніе. Но умыканія долго не прекращались, тѣмъ болѣе, что сплошь и рядомъ они совершались съ вѣдома и согласія невѣстъ, которыя были рады случаю избавиться отъ своего домашняго ада. А рисковать такимъ образомъ дѣвушкѣ было изъ-за чего. Не говоря уже о томъ, что часто она терпѣла невыносимое угнетеніе со стороны домовладыки, что отецъ или его намѣстникъ — первенецъ нерѣдко продавали ее не только для брака, но даже просто для наложничества, самое феодальное брачное право было для нея

источникомъ жестокихъ страданій. Феодализмъ уничтожилъ свободный бракъ полудикихъ германцевъ, превративъ его въ такое же орудіе политики и фамильныхъ интересовъ, какимъ всегда были браки царственныхъ домовъ. Въ феодальной кастѣ бракъ былъ договоромъ, упрочивавшимъ миръ, дружбу или союзъ между двумя сеньорами. Невѣста тутъ была не причемъ, ей оставалось только стать на колѣни предъ отцомъ и принять назначеннаго имъ жениха. Цѣною дочери баронъ и его потомство увеличивали свое фамильное имущество и покупали себѣ союзъ сильнаго и вліятельнаго зятя. Надъ дочерью вассала, кромѣ произвола родительскаго, висѣлъ еще произволъ сюзерена, безъ согласія котораго наслѣдница лена не могла выходить замужъ, а наслѣдникъ жениться. Сюзеренъ назначалъ дѣвушкѣ супруга, устроялъ браки съ цѣлію соединенія двухъ леновъ въ одинъ, словомъ, дѣлалъ все, что обыкновенно дѣлается при такихъ союзахъ въ домахъ князей и въ семействахъ крестьянъ. Въ огромномъ большинствѣ такихъ браковъ не могло быть и помина о любви, и если женихъ и невѣста нерѣдко были довольны союзомъ, устроеннымъ для нихъ родителями или сюзереномъ, то смотрѣли на него только глазами практическаго разсчета. Свободнаго выбора, взаимной склонности здѣсь не могло быть по одному уже тому, что женихъ и невѣста сплошь и рядомъ были не только малолѣтними, но обручались даже въ колыбели, а иногда родители сговаривали ихъ еще до рожденія. Повѣнчавъ, физически неспособныхъ еще къ сожитію дѣтей, родители преждевременно будили ихъ половые инстинкты, развращали и истощали ихъ.

Фамильные интересы устраняли свободу жениха и особенно невѣсты не однимъ тѣмъ, что дѣлали изъ брака договоръ не жениха и невѣсты, а ихъ семей, но еще и тѣмъ, что для дѣйствительности такого союза считалось необходимымъ равенство состояній или равнофамильность вступающихъ въ него лицъ. Бракъ не съ дворяниномъ, а тѣмъ болѣе съ человѣкомъ зависимымъ, былъ не только позоромъ для семейства, но и тяжкимъ преступленіемъ. Такіе неравные браки (Misheirath, mèsalliance) строго преслѣдовались еще во времена дофеодальныя, когда повидимому не должны были имѣть мѣста подобные аристократическіе предразсудки. Въ особенности былъ преступенъ бракъ между членомъ высшаго сословія и рабомъ; по вестготскому, напр., закону, первый обращался въ рабство, а послѣдній казнился смертію. Другія законодательства хотя и не угрожали смертью, однакожъ очень строго относились къ такимъ союзамъ свободныхъ съ несвободными. Но, не смотря на всѣ строгости, любовь часто устрояла такіе браки, и Бонмеръ справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что „женщины, которыя часто равняются съ мужчинами по уму, всегда превосходятъ ихъ по сердцу“. Въ „Polyptique d'Irminon“ упоминается 248 такихъ смѣшанныхъ браковъ, изъ нихъ въ 190 жены были высшаго и только

въ 58 низшаго званія, чѣмъ ихъ мужья. Впослѣдствіи, при развитіи многочисленныхъ и рѣзкихъ подраздѣленій, въ рядахъ самой феодальной аристократіи бракъ между членами высшихъ и нисшихъ классовъ ея считался также неравнымъ и позорнымъ для могущественной фамиліи, хотя онъ не велъ за собою такихъ варварскихъ послѣдствій, какъ бракъ съ людьми не дворянскаго происхожденія. Въ такихъ союзахъ, если званіе жены было выше мужнинаго, то она теряла свои права и нисходила въ званіе супруга; если же наоборотъ, то жена оставалась въ своемъ состояніи и сословныя права мужа не переходили на нее. Дѣти, по тогдашнему выраженію, „слѣдовали худшей рукѣ", т. е. принимали званіе низшаго изъ своихъ родителей. Католико-каноническое право, угождая сильнымъ тогдашняго міра, санкціонировало эти постановленія и не признавало дѣтей неравнаго брака законными наслѣдниками. По статутамъ императора Генриха I, виновные и ихъ потомки до третьяго поколѣнія подъ страхомъ наказанія кнутомъ лишались права участвовать на турнирахъ. Во Франціи такіе господа не могли получать высокихъ званій, исключались изъ разряда des gentilshommes de nom et d'armes, удалялись изъ всѣхъ рыцарскихъ собраній. Независимо отъ юридическихъ послѣдствій неравнаго брака, вступившія въ него лица терпѣли со стороны гордаго семейства не только всевозможныя оскорбленія, лишенія наслѣдства и т. п., но даже нерѣдко надменный феодалъ, сынъ котораго самовольно женился на недворянкѣ, расторгалъ такой союзъ, даже смывалъ позоръ, нанесенный его гербу, кровью своей презрѣнной невѣстки. Въ 1436 г. Альбрехтъ, сынъ герцога баваро-мюнхенскаго, влюбившись въ красавицу Агнессу Бернауеръ, дочь баньщика, женился на ней. Герцогъ не призналъ этого брака; по его приказанію, въ отсутствіе Альбрехта, Агнесса была схвачена и брошена въ рѣку. Она начала выплывать къ берегу, но палачи закрутили длинный багоръ въ ея прекрасныхъ волосахъ и погрузили несчастную красавицу на дно рѣки. Въ такихъ случаяхъ не щадили и дочерей, бывшихъ виновницами упомянутаго позора. Считая дѣломъ позорнымъ и вреднымъ брачиться съ обыкновенными смертными, феодалы часто женились на родственницахъ и, продолжая такое смѣшеніе одной и той же крови втеченіе долгаго времени, производили тѣмъ вырожденіе своей породы. Случалось даже, что брачились члены одной семьи; такъ, напр., въ 1454 г. одинъ арманьякскій графъ открыто женился на своей родной сестрѣ.

Не понимая другой любви, кромѣ физической, феодальный женихъ и не требовалъ отъ невѣсты большею частію ничего, кромѣ дѣвственности. У нашихъ крестьянъ гнусный обрядъ свидѣтельствованія невѣсты совершается, по крайней мѣрѣ, послѣ свадьбы, когда увлеченіе женщины уже прикрыто бракомъ; у феодаловъ это дѣлалось до свадьбы: женихъ не хотѣлъ быть обманутымъ. Дамы раздѣвали невѣсту до нага,

изслѣдовали ея невинность и способность къ чадородію; только въ случаѣ благопріятныхъ результатовъ такого осмотра, ее начинали одѣвать къ вѣнцу. Извѣстный обычай свидѣтельствованія рубашки былъ также въ ходу и у феодаловъ и у королей. Кромѣ того, въ средѣ высшихъ классовъ нерѣдко подражали простонародью, у котораго по всей сѣверной Европѣ держался обычай *пробныхъ ночей*. По словамъ одного нѣмецкаго писателя XVIII вѣка, во всей Германіи крестьяне, желавшіе жениться, посѣщали по ночамъ своихъ невѣстъ, любились съ ними и сватались за нихъ, если находили ихъ по своему вкусу. Репутація дѣвушки отъ того страдала только въ томъ случаѣ, если ее бросали нѣсколько жениховъ-любовниковъ одинъ вслѣдъ за другимъ, что свидѣтельствовало объ ея негодности къ браку. Такія же пробныя ночи были въ употребленіи и у высшихъ классовъ; они предшествовали, напр., свадьбамъ императора Фридриха III, Альберта IV баварскаго, баварскаго герцога Лудвига I и другихъ. Свадебный пиръ сопровождался обыкновенно самыми грязными остротами и пѣснями, самымъ циническимъ разгуломъ. Это было повальное развратничанье, пьянство и обжорство. Десятки, сотни тысячъ крестьянъ положительно раззорялись по случаю брака между какими нибудь двумя сильными фамиліями.

Вступивъ въ домъ мужа, жена принимала на себя множество обязанностей, несуществовавшихъ вовсе для ея супруга. Вся жизнь феодала была непрерывнымъ распутствомъ и многіе бароны не только часто мѣняли своихъ женъ, но имѣли ихъ по нѣскольку разомъ, содержа въ тоже время формальные гаремы и пользуясь невинностью каждой выходящей замужъ крестьянской дѣвушки. Отъ женщины же требовали, чтобы она, поступивъ къ мужу невинною, оставалась ему вѣрною всю жизнь. Такое требованіе основывалось не столько на ревности, сколько на самолюбіи мужа и репутаціи его фамиліи. Любовная связь дѣвушки или женщины считалась позоромъ для ея семейства, особенно, если любовникъ былъ низкаго происхожденія. Женщину карали даже за то, что она была изнасилована. Такъ, во время крестовыхъ походовъ, дочь графа Жана де-Понтье, бывшая замужемъ за однимъ дворяниномъ, была изнасилована неизвѣстными лицами. Отецъ утѣшалъ ее въ несчастіи, но однажды, гуляя съ ней на берегу моря, сказалъ: „смерть должна смыть позоръ, нанесенный твоимъ несчастіемъ всей нашей фамиліи". Приготовлена была пустая бочка, графъ закупорилъ въ нее свою дочь и бросилъ въ море. Сильные феодалы чаще всего старались не предавать гласности своихъ семейныхъ скандалезныхъ исторій, и такія дѣла порѣшались однимъ домовладыкой или вмѣстѣ съ семейнымъ совѣтомъ. Тѣни подозрѣнія, клеветы, ложнаго доноса отвергнутаго поклонника было достаточно, чтобы семейный совѣтъ, собравшійся съ такою же таинственностію, съ какою испанская

инквизиція собиралась на допросы, произнесъ надъ обвиненною тотъ приговоръ, который одинъ, по тогдашнему мнѣнію, могъ возвратить прежній блескъ обезславленному гербу. Замужнюю женщину душили или закалывали кинжаломъ въ собственной ея постели, дѣвушку осуждали на гражданскую смерть въ монастырѣ, или лишали жизни посредствомъ яда. Вооруженная предательскимъ стилетомъ рука наемнаго убійцы настигала всюду того, на кого падали подозрѣнія домашней инквизиціи. И этотъ предразсудокъ былъ до того силенъ, особенно въ Италіи, что не одинъ кардиналъ самъ вооружалъ кинжаломъ руку убійцѣ, не одинъ папа помогалъ въ мести своимъ родственникамъ. Самое мягкое наказаніе, какого только могъ ожидать виновный отъ родственниковъ своей любовницы, состояло въ томъ, что его или безсрочно запирали въ тюрьму замка, или оскопивъ, заставляли произнесть монашескій обѣтъ въ какой нибудь обители. Горожане среднихъ вѣковъ преслѣдовали любовниковъ съ такою же строгостью. По городскимъ законамъ, соблазнителю бюргерской дочери отрѣзывали языкъ, а изнасилователю вбивали колъ въ сердце. Не легче доставалось и провинившейся женщинѣ. Католическая церковь не только не смягчала, но еще поддерживала и усиливала строгость наказаній. Сикстъ V объявилъ смертную казнь мужу, который не жалуется на невѣрность жены. Церковь поддерживала обычай суда Божія; впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ судебный поединокъ и испытаніе огнемъ и водою были главными способами для окончательнаго оправданія или обвиненія женщины, подозрѣваемой въ невѣрности. Впрочемъ даже въ средніе вѣка уже многіе не вѣрили въ дѣйствительность такого суда, и завѣдывавшее имъ духовенство, подкупленное подсудимыми, устроивало такъ, что женщину не обваривалъ кипятокъ, въ который она погружала свою руку, и нисколько невредило ей раскаленное желѣзо.

Не смотря на сильную распущенность нравовъ, семейные принципы въ средніе вѣка служили основою всего соціальнаго строя и всѣ тогдашніе ревнители общественнаго блага, законодатели, моралисты, поэты, церковные учители, — одни отъ чистаго сердца, а другіе ex officio и лицемѣрно,—старались пропагандировать, развивать и поддерживать эти принципы. Разработкѣ и изображенію идеала жены и семейной жизни въ тогдашней Европѣ посвящались даже отдѣльныя сочиненія, какъ это нѣсколько позднѣе было и въ Россіи, получившей такое руководство въ „Домостроѣ“ попа Сильверста. На западѣ такимъ „домостроемъ“ была книга „Mènagier de Paris“, кромѣ множества другихъ сочиненій прозаическихъ и стихотворныхъ, посвященныхъ регулированью женскаго поведенія, которое, какъ мы увидимъ дальше, было далеко не безупречнымъ. Женщина должна быть распорядительною хозяйкою. Тканье, пряденье, шитье, изготовленіе платья для всего семейства, заготовка и сохраненіе провизіи, приготовленіе пищи, надзоръ за поведе-

ніемъ и работами прислуги — вотъ были обязанности жены, какъ короля или графа, такъ и послѣдняго крестьянина. И въ средніе вѣка этотъ отдѣлъ домостройныхъ предписаній исполнялся женщинами весьма рачительно. Далѣе отъ женщины требовалось рожденіе возможно большаго количества дѣтей. Чадородная мать чрезвычайно цѣнилась въ старинной Европѣ и тогда бывали до того поразительные примѣры замѣчательнаго чадородія, что даже подавали поводъ къ чудовищнымъ мифамъ. Такъ напр., по словамъ хроникъ, въ 1276 году супруга графа Германа фонъ-Геннебергъ родила разомъ 364 ребенка; епископъ утрехтскій Гвидо окрестилъ ихъ, назвавъ всѣхъ мальчиковъ Іоганнами, а дѣвочекъ Елизаветами; всѣ они скоро умерли вмѣстѣ съ матерью. Родивъ дѣтей, женщина должна была воспитывать ихъ физически и нравственно, и своею покорностію домовладыкѣ подавать имъ примѣръ повиновенія родителямъ и благоговѣйнаго уваженія къ ихъ волѣ. Въ особенности на ея рукахъ лежало образованіе дочери, обученіе ея рукодѣльямъ, хозяйству, свѣтскимъ приличіямъ, чтенію, письму. Впрочемъ обязанность воспитанія мало стѣсняла тогдашнихъ женщинъ. Дѣвочекъ отдавали учиться въ монастыри или, вмѣстѣ съ ихъ братьями, на воспитаніе въ знатные дома. Послѣдній обычай выродился изъ средневѣковой анархіи, среди которой покровительство сильнаго человѣка или дружба съ нимъ были необходимы для благоденствія каждаго. Поэтому отецъ, заботившійся о будущей судьбѣ дѣтей, отдавалъ мальчиковъ въ почетное служеніе и обученіе сильному сеньору, а дочерей къ знатной госпожѣ. Этотъ обычай, существовавшій еще у норманновъ въ до-феодальное время, въ средніе вѣка былъ въ большомъ ходу по всей Европѣ. Наконецъ, женщинѣ предписывалось быть достойною женою своею мужа, любить, безпрекословно повиноваться ему и не ронять своимъ поведеніемъ его чести. Средневѣковые моралисты постоянно убѣждаютъ женщинъ не лѣниться, не пьянствовать, не быть жестокими, грязными и неряшливыми. Все это были дѣйствительные пороки тогдашняго прекраснаго пола. Въ безчеловѣчной тиранніи, напр., многія изъ средневѣковыхъ европеянокъ не уступали мужчинамъ. Госпожи нерѣдко запарывали и замучивали до смерти и своихъ крестьянъ, и своихъ служанокъ. Извѣстная германская монахиня, многоученая Гедвига, за пустое и невольное оскорбленіе, сдѣланное ея учителю слугою, выщипала у послѣдняго всѣ волоса съ головы и спустила съ несчастнаго кожу посредствомъ розогъ. Въ другой разъ, разгнѣвавшись за что-то на своего учителя-монаха, она вздула его плетьми. Проповѣдь моралистовъ о чистоплотности имѣла также основаніе. Женщины были крайне неряшливы и даже знатныя дамы до того изобиловали вшами и блохами, что не одинъ рыцарь объяснялъ свою холостую жизнь желаніемъ сохранить чистыми своихъ собакъ, которыя неминуемо заразились бы отъ жены разными насѣкомыми. Женщины

плохо мылись, даже не считали нужнымъ очищаться послѣ менструацій и другихъ физіологическихъ отправленій. По словамъ одного тогдашняго писателя, ихъ „caleçons etaient ordinairement remplis de souillure et sentaient plus fort qu'un retrait!“ Только съ XVI в. тѣлесная чистота начинаетъ считаться необходимымъ условіемъ женской красоты. Но рекомендуя чистоплотность, заботу о нарядахъ, привѣтливость и любезность съ гостями, средневѣковые моралисты не поощряли кокетства, требовали цѣломудренности, скромности и въ платьѣ, и въ рѣчахъ, и во всемъ. Такъ, напр., въ популярномъ тогда въ Англіи и Франціи стихотворномъ кодексѣ женскихъ приличій, „Chastiment des Dames“, женщинѣ „не позволяется много говорить и смѣяться, допускать мужчинъ цѣловать себя, или класть руки къ ней за пазуху; по улицѣ она должна ходить не быстро, со взоромъ, устремленнымъ впередъ, а не оглядываясь и не смотря по сторонамъ; одѣваться ей слѣдуетъ скромно, не оставляя голыми ни рукъ, ни ногъ, ни грудей“ и т. д. Жизнь дѣвушки была обставлена еще большими стѣсненіями. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Гоффмансвалдау говоритъ, что ей запрещено „свободно смотрѣть на мужчину; уши ея должны быть глухи и она обязана краснѣть при каждой шуткѣ...“ Мы увидимъ дальше, что въ большинствѣ случаевъ всѣ эти требованія оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Впрочемъ, нарушая правила семейной морали на каждомъ шагу, средневѣковая женщина сплошь и рядомъ носила маску лицемѣрія, казалась добродѣтельною женою и вѣрною подданною своего мужа. Домостройныя начала здѣсь, какъ и вездѣ, почти вовсе не достигали своей цѣли и порождали въ семействѣ только массу хитростей, наружнаго раболѣпства и вражды, скрытой подъ личиною покорности и уваженія. Чтобы убѣждать и обуздывать своего тирана, хозяйка замка должна была льстить ему и повиноваться его капризамъ безропотно, съ видомъ самаго глубокаго уваженія. Нѣкоторыя средневѣковыя легенды изображаютъ женъ, являющихся предъ своими супругами не иначе, какъ на колѣняхъ. Такая рабская униженность жены вполнѣ равнялась громадной власти мужа. Произволъ его часто не зналъ границъ. Случалось, что мужъ убивалъ, проигрывалъ, продавалъ свою дражайшую половину; въ Исландіи женъ отдавали даже въ кортомъ. Многіе мѣняли женъ безпрестанно, прогоняли старыхъ и вмѣсто ихъ брали новыхъ. Въ Англіи законъ дозволялъ выводить ихъ на веревкѣ на базаръ и продавать тамъ. Въ галантной Франціи законъ давалъ мужу волю бить и истязать жену сколько угодно, только не переламывать ей членовъ и не наносить смертельныхъ ранъ. Мужья имѣли право наказывать жену тѣлесно, и средневѣковые моралисты, подобно нашему „Домострою“, увѣщевали ихъ пользоваться этимъ правомъ почаще. „Возьми — говоритъ миннезингеръ Реймаръ фонъ-Цветеръ—дубинку и вытягивай жену по спинѣ, да по-

лучше, изо всей силы, чтобы она знала въ тебѣ господина и забыла бы свою злобу". Случалось, что мужъ колотилъ жену по нѣскольку разъ въ недѣлю, даже каждый день, и она не выходила изъ шрамовъ и синяковъ. Вильгельмъ Завоеватель билъ свою жену даже въ то время, когда она была еще невѣстою. Образцомъ такихъ семейныхъ тирановъ можетъ служить шрофшайрскій графъ Робертъ Белезмъ. Онъ предпочиталъ избіеніе плѣнниковъ полученію выкупа за нихъ; онъ выкололъ глаза своимъ дѣтямъ и превратилъ жизнь жены въ одно непрерывное мученіе. Заключенную въ оковы и запертую въ тюрьму графиню онъ истязалъ днемъ, вымогая отъ нея деньги, а ночью заставлялъ спать съ собой. Каждое утро слуги вели ее въ тюрьму, и каждый вечеръ силою волокли ее, избитую и покрытую ранами, на постель графа.

Всѣ эти жестокости и самодурства, какими бы произвольными и случайными ни казались они, сводятся къ одному преобладающему стремленію тѣхъ вѣковъ, стремленію водворить прочную отеческую власть въ семействѣ и тѣмъ укрѣпить семейное начало. Семейный принципъ долженъ былъ восторжествовать и женщина, не смотря на свою постоянную подверженность произволу домовладыки, должна была возвыситься при этомъ, какъ мать и хозяйка. „Феодальное семейство— говоритъ Гизо—живетъ совершенно особнякомъ отъ остального народонаселенія. Внутренняя жизнь, домашнее общество должны были взять перевѣсъ. Правда, что грубость и звѣрскія страсти домовладыки, его обыкновеніе проводить свое время въ войнѣ и охотѣ, должны были мѣшать образованію семейныхъ привычекъ; но это препятствіе изчезнетъ. Глава долженъ естественно возвращаться въ свой домъ; здѣсь онъ всегда находитъ свою жену, своихъ дѣтей и только ихъ однихъ или почти однихъ; они и никто другой составляютъ его постоянное общество; они одни всегда участвуютъ въ его интересахъ и намѣреніяхъ. Невозможно, чтобы семейная жизнь не развилась при такихъ условіяхъ". Главною основою и связью такого семейства служили чувство фамильной гордости и желаніе передать поколѣніямъ потомковъ и свою власть, и свое богатство, и свою славу. Все это сообщало семейству энергію и силу. Мать и хозяйка такой семьи также должна была получить извѣстное значеніе. Въ отсутствіе мужа, она одна оставалась его представительницею и госпожею лена, обязанною защищать его и поддерживать честь своего герба. Въ обычномъ французскомъ правѣ родительская власть по смерти отца переходила къ матери, которая становилась опекуншею и представительницею фамиліи. Такимъ образомъ, семейное начало феодализма, принижая личность женщины, въ тоже время давало ей нѣкоторое значеніе, какъ члену знатной фамиліи, хотя, какъ увидимъ ниже, и невозможно согласиться съ мнѣніемъ Гизо, что „женщины пріобрѣли въ Европѣ высо-

кое положеніе, благодаря развитію семейныхъ началъ феодализма". Замѣтимъ, однакожъ, что это мнѣніе было въ свое время огромнымъ шагомъ впередъ, такъ какъ имъ замѣнялась нелѣпая выдумка германофиловъ объ уваженіи къ женщинѣ и нравственной чистотѣ половыхъ отношеній у германцевъ, какъ объ отличительныхъ чертахъ германской расы.

Въ средѣ большей части народныхъ массъ, на трудѣ и несчастіяхъ которыхъ развивался феодализмъ, семейства, подъ властью бароновъ, можно сказать не существовало. Владѣлецъ для распложенія своихъ рабовъ случалъ по произволу мужчинъ и женщинъ и по малѣйшему капризу расторгалъ такіе союзы. Отецъ не могъ выдать замужъ своей дочери или женить сына, вдова не имѣла права вступить добровольно во второй бракъ или отказаться отъ мужа, навязаннаго ей сеньоромъ. Все зависѣло отъ воли послѣдняго. Слѣды этого владыческаго права сохранялись вплоть до XVI в. Подобно тому, какъ въ древней Россіи браки заключались

По божьему повелѣнью,
По царскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мірскому приговору,

въ западной Европѣ сильный баронъ или король устроялъ браки своихъ придворныхъ и слугъ. Если какому нибудь изъ окружавшихъ его мужчинъ понравилась дѣвушка или дѣвушкѣ юноша, владѣлецъ посылалъ къ дому предмета такой страсти своего маршала, и послѣдній кричалъ: „слушайте, что повелѣваетъ вамъ государь вашъ; что повелѣваетъ онъ, то должно исполниться; я сватаю NN за NN...." Такое сватовство не допускало ни возраженій, ни отказовъ.

Сеньоръ не только безусловно завѣдывалъ браками своихъ подданныхъ, но и имѣлъ право первой ночи. Дѣвственность каждой зависимой невѣсты нарушалъ онъ, а не мужъ. Это гнусное право существовало во всей Европѣ, въ Шотландіи, Франціи, Германіи, Италіи, Нидерландахъ, Испаніи; въ Россіи оно продолжало дѣйствовать, хотя и въ видѣ злоупотребленія, вплоть до отмѣны крѣпостничества, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ фактовъ, сообщенныхъ въ „Русскихъ уголовныхъ процессахъ" Любавскаго. Наравнѣ съ свѣтскими этимъ правомъ пользовались и духовные феодалы, епископы, аббаты, даже приходскіе священники и монахи. И они дѣлали это не только гласно, но даже защищали свои притязанія въ судахъ. Такъ, въ началѣ XVI в. въ Буржѣ, одинъ приходскій священникъ отстаивалъ свое „право пользоваться, по обычаю, первой ночью каждой обвѣнчанной новобрачной женщины!" Право первой ночи было такъ невыносимо, что причиняло нерѣдкіе бунты крестьянъ противъ развратныхъ сеньоровъ. Оно начало падать еще въ средніе вѣка и въ нѣкоторыхъ странахъ его уни-

чтоженіе приписывается вліянію женщинъ. Такъ, въ Шотландіи, гдѣ оно въ особенности свирѣпствовало, его отмѣнилъ Малькольмъ III, по просьбѣ и настоянію своей жены. Городскія общины и освобожденные крестьяне откупались отъ обязанности приводить сеньорамъ своихъ женъ на поруганіе. Наконецъ въ большинствѣ европейскихъ странъ эта натуральная дань была замѣнена денежною, носившею разныя названія. Зависимый отъ сеньора женихъ покупалъ у послѣдняго позволеніе вступить на свое брачное ложе; безъ этого позволенія и платы за него онъ подвергался большому штрафу за каждую ночь, проведенную имъ съ женою. Но и послѣ взноса этой платы, крестьянинъ не вовсе избавлялся отъ притязаній сеньора на его семейство и жену.

Мы не будемъ говорить о томъ, какъ всѣ сильные и значительные люди старинной Европы, потентаты, солдаты, духовные, развращали массы народа, овладѣвая женщинами силою, или увлекая ихъ соблазномъ, плодя нищихъ и отверженныхъ дѣтей, умножая контингентъ проституціи. Мы не будемъ говорить, какъ феодалы отнимали женъ у мужей, дочерей у отцовъ, какъ они портили и развращали поголовно все женское населеніе, продавали женщинъ, дарили ихъ, проигрывали, ставили въ призъ побѣдителямъ на турнирахъ и т. п. Они положительно не допускали развитія крестьянской семьи и смотрѣли на бракъ простонародья, какъ на случку лошадей или собакъ, полезную для нихъ, феодаловъ, произведеніемъ на свѣтъ потомства. Какъ только семья образовалась, сеньоръ сплошь и рядомъ разбивалъ ее, распродавая въ разныя руки или женя отца на другой женщинѣ, а мать отдавая замужъ за другого мужчину и т. п. Особенно возмутительно было положеніе семейства, принадлежавшаго нѣсколькимъ господамъ, какъ это зачастую бывало тогда. „Мужчины, женщины, дѣти — говоритъ Бонмеръ въ своей Histoire des Paysans—все это дѣлилось и передѣлялось владѣльцами и совладѣльцами, которые спорили между собой о половинѣ женщины, о трети или четверти ребенка; и часто, для скорѣйшаго окончанія спора, буквально приводился въ исполненіе судебный приговоръ Соломона". Въ Испаніи, напримѣръ, въ случаѣ раздѣла между сеньорами феодальной земли, прикрѣпленнаго къ ней раба законъ дозволялъ раздѣлить на нѣсколько кусковъ, по числу владѣльцевъ. Словомъ, крестьянская семья подъ владычествомъ феодаловъ была крайне непрочна, власть отца и мужа, взаимная вѣрность супруговъ, семейное единство и имущество—все это фактически отрицалось безграничною властью сеньора. Безпрестанныя войны, грабежи бароновъ, разбойниковъ, солдатъ и патеровъ, голодовки и опустошительныя эпидеміи, громадныя массы кочевого пролетаріата — все это содѣйствовало развитію той же безсемейности въ средѣ простонародья. Только по мѣрѣ паденія феодализма, освобожденія городскихъ общинъ

и крестьянъ, уменьшенія войнъ и грабежей — древне-патріархальные принципы воскресаютъ ко времени реформаціи и въ крестьянствѣ. Но объ этомъ ниже.

XIV.

Горацій Вальполь замѣтилъ, что ни одна религія не была основана женщиною, но въ тоже время ни одна религія не распространялась иначе, какъ посредствомъ женщинъ. Относительно христіанства это вполнѣ справедливо; почти во всѣ европейскія страны оно введено впервые женщинами, преимущественно женами, дочерьми и матерями тогдашнихъ владѣтелей. Христіанство, при всемъ своемъ искаженіи въ формѣ средневѣковаго католицизма и при всѣхъ злоупотребленіяхъ служителей послѣдняго, содѣйствовало смягченію нравовъ и законовъ, водворенію общественнаго мира, оно учило людей любви и равенству, соединяло всю Европу духовными узами и среди анархіи феодализма вводило солидарность людей и народовъ. „Въ этомъ переворотѣ громадной важности женщины принимали значительное участіе"—говоритъ Шерръ. „Онѣ обвивали крестъ розами, смягчали строгость догмата, подъ ихъ заботливыми руками развивались лежавшія въ христіанствѣ сѣмена гуманности". Не говоря уже объ ихъ услугахъ, оказанныхъ дѣлу христіанской филантропіи, онѣ много содѣйствовали развитію семейства, побѣдѣ моногаміи надъ многоженствомъ, уничтоженію права первой ночи, водворенію женскаго образованія. Но допустивъ женщинъ до такой важной роли въ дѣлѣ своего распространенія, католицизмъ долженъ былъ во многомъ ограничить ихъ. Не только во времена глубокаго варварства, но и во все продолженіе среднихъ вѣковъ европейцы считали бракъ чисто-гражданскимъ договоромъ и высшіе классы наравнѣ съ простонародьемъ вплоть до половины XVI ст. избѣгали церковнаго вѣнчанья, или, по необходимости, заключая его по совершеніи брака, не придавали ему никакого значенія. Много пришлось бороться духовенству противъ такого нечестія; оно проклинало гражданскій бракъ, какъ прелюбодѣяніе, анафематствовало виновныхъ, клало на рожденныхъ въ немъ дѣтей печать отверженности, но не смотря на всѣ эти старанія, только въ XIV, XV и XVI в. разныя страны Европы постепенно признаютъ церковное вѣнчанье необходимымъ условіемъ дѣйствительности брака. Далѣе, церкви приходилось бороться противъ многоженства и постоянныхъ разводовъ между супругами, постоянной перемѣны женъ, чѣмъ особенно отличались короли и другіе аристократы. Провозгласивъ единство и нерасторжимость брака, духовенство старинной Европы твердо стояло за ихъ осуществленіе въ жизни, дѣйствуя противъ нарушителей этихъ правилъ и увѣщаніями, и проклятіями, и постановленіями соборовъ, и отлученіемъ

отъ церкви. Это была борьба ожесточенная и не одинъ духовный палъ жертвою своей католической ревности. Претекстатъ, епископъ руанскій, былъ убитъ агентомъ Фредегонды, Дидье, епископъ вьенскій, побитъ каменьями по распоряженію Брунегильды, св. Ламбертъ зарѣзанъ за отторженіе Пепина отъ его наложницы и т. д. Долго эти старанія духовенства были безуспѣшны, потому что церковь имѣла мало власти, да и сами учители большею частію вели крайне распутную жизнь, и примѣръ церкви освящалъ развратъ вельможъ. Только по мѣрѣ развитія церковнаго могущества и проникновенія свѣтскихъ законодательствъ каноническими принципами, бракъ и положеніе женщины начали постепенно принимать тотъ характеръ, какого отъ нихъ требовало католичество. Страхомъ денежнаго штрафа и даже тѣлеснаго наказанія оно заставляло брачущихся прибѣгать къ церковному благословенію. Съ XII в. церковь начала ревностно проводить ученіе о сакраментальномъ свойствѣ брака и его нерасторжимости даже въ случаѣ прелюбодѣянія. Каноническо-брачное право получило свое окончательное утвержденіе на тридентскомъ соборѣ, изрѣкшемъ проклятіе на всѣхъ отрицающихъ, что „бракъ есть одно изъ семи евангельскихъ таинствъ, установленныхъ Христомъ“. Расторженіе брака, столь частое въ средневѣковой Европѣ, встрѣтило самое сильное противодѣйствіе церкви, утверждавшей начало абсолютной его нерасторжимости. Принципъ нерасторжимой моногаміи такъ ревниво поддерживался католицизмомъ, что онъ запрещалъ или, по крайней мѣрѣ, ясно не одобрялъ вступленіе во второй бракъ овдовѣвшихъ или разведшихся супруговъ. Его воззрѣніе на бракъ вполнѣ гармонировало съ коренившимся въ патріархальныхъ обычаяхъ древности общественнымъ мнѣніемъ европейцевъ. Во Франціи, напримѣръ, вступившей въ бракъ вдовѣ въ день ея свадьбы обыватели давали кошачій концертъ. Съ XII в. церковь поставила необходимымъ условіемъ брачнаго союза согласіе на него родителей жениха и невѣсты. Кровное родство до седьмого колѣна и свойство сдѣланы препятствіемъ ко вступленію въ бракъ; со временъ латеранскаго собора это постановленіе обращено въ общій законъ для всей Европы. Духовное родство по крещенію также не допускало брака между воспріемникомъ и воспріемницей, между крестными и крестниками и т. д. Всѣ эти ограниченія въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ, почти всѣ жители которыхъ обыкновенно состоятъ между собою въ родствѣ или въ свойствѣ, или въ кумовствѣ, развивали только развратъ и поддерживали гражданскіе браки. Иннокентій III смягчилъ эти ограниченія, запретивъ бракъ для родственниковъ до 4, а для свойственниковъ до 3 колѣна. Кромѣ общихъ, такъ называемыхъ, естественныхъ препятствій къ вступленію въ бракъ, напр. идіотизма, несовершеннолѣтія, временнаго умственнаго разстройства, католицизмъ съ своею обычною нетерпимостью запретилъ браки съ язычниками, евре-

ями, магометанами и еретиками, хотя, съ другой стороны, приводя начало сакраментальности, онъ признавалъ браки еретиковъ дѣйствительными. Однакожъ послѣднее запрещеніе никогда не входило въ свою полную силу, и въ старинной Европѣ мы встрѣчаемъ браки между аріанами и католиками, между христіанами, язычниками, іудеями и магометанами, позднѣе между католиками и протестантами. Церковь должна была отступить отъ своего первоначальнаго намѣренія и, не одобряя „смѣшанныхъ браковъ", она все-таки признавала ихъ дѣйствительность, только обязывала родителей воспитывать дѣтей въ католической вѣрѣ. Развивая съ послѣдовательностью семейные принципы христіанства, католицизмъ относился съ особенною строгостью къ внѣбрачнымъ связямъ и къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, хотя крайне распутная жизнь самого духовенства и заставляла его сплошь и рядомъ уклоняться отъ приложенія къ дѣлу своихъ строгихъ постановленій. По смыслу каноническаго права, прелюбодѣяніе должно подлежать только церковнымъ наказаніямъ, отлученію на извѣстное время отъ причастія, публичному покаянію и т. п., но церковь скоро соединилась въ этомъ дѣлѣ съ гражданскою властью и ея эпитеміи были поглощены уголовными законами. Швабское и саксонское Зерцала полагаютъ за прелюбодѣяніе отсѣченіе головы. Часто и простую смертную казнь считали недостаточною; прелюбодѣевъ клали одного на другого въ яму, дно которой было устлано терновникомъ, и затѣмъ прогнавъ чрезъ нихъ обоихъ колъ, засыпали ихъ землею. Незаконные дѣти были лишены правъ отцовскаго состоянія и отвержены церковью, какъ плодъ грѣха, и хотя въ средніе вѣка батарды королей и феодаловъ нерѣдко пріобрѣтали разными способами всѣ права законныхъ дѣтей, но ихъ побѣды никогда не были побѣдами принципа.

Юридическое положеніе средневѣковыхъ женщинъ развивалось подъ вліяніемъ борьбы римско-германскаго и каноническаго права. Втеченіе смутнаго времени, которымъ начинается исторія новой Европы, женщины, по патріархальнымъ обычаямъ варваровъ, подлежали разнымъ формамъ половой опеки, право на которую женихъ покупалъ у отца невѣсты. Въ средневѣковыхъ кодексахъ положеніе женщины опредѣляется смѣсью принциповъ римскихъ и варварскихъ; незамужнія женщины, за извѣстными мѣстными исключеніями, пользовались, подъ вліяніемъ идей римской юриспруденціи, значительной свободой, а замужнія женщины, по обычаю варваровъ, состояли подъ властью мужа и были почти безправны. Каноническое законодательство увеличивало эту безправность и поддерживало ее до такой степени, что положеніе женщинъ было хуже всего въ тѣхъ европейскихъ странахъ, въ которыхъ брачное законодательство наиболѣе развивалось подъ вліяніемъ каноническаго права, напр. въ Англіи. Каноническое законо-

дательство всѣми силами помогало осуществленію тиранническихъ притязаній феодальнаго мужа, о которыхъ мы говорили выше, приводило ихъ въ систему и облекало авторитетомъ священности. По воззрѣніямъ католицизма, жены должны не только подчиняться мужьямъ, но и быть ихъ *служанками.* «Католическая женщина»—говоритъ Лоранъ—«существо безличное и безправное. На ней тяготѣетъ проклятіе, наложенное на Еву. Подъ вліяніемъ-то этого вѣрованія христіанскіе средніе вѣка и были менѣе благопріятны для женщины, чѣмъ законодательства варварской эпохи.» По законамъ варваровъ, напримѣръ, вира за женщину была больше виры за мужчину; а по средневѣковому христіанскому праву, женская вира равнялась только половинѣ мужской. Католицизмъ благопріятствовалъ только вдовамъ и сиротамъ, забота о которыхъ была первою обязанностью христіанской филантропіи въ тѣ смутныя времена. Цѣлыхъ три или четыре столѣтія церковь заботилась объ участи женъ, переживавшихъ своихъ мужей, и наконецъ ей удалось водворить принципъ вдовьей пенсіи въ обычномъ правѣ всей западной Европы. Но заботы патеровъ о сиротахъ и вдовицахъ объясняются столько же требованіями евангельской филантропіи, сколько и тѣмъ рядомъ фактовъ, что имущества вдовицъ и сиротъ путемъ завѣщаній и пожертвованій несравненно чаще переходили въ руки духовенства, чѣмъ имущества семейныхъ женщинъ, связанныхъ интересами фамиліи. Вдовы были полезны католицизму, и онъ стоялъ за нихъ, какъ всегда онъ стоялъ за тѣхъ женщинъ, которыя ревностно служили его дѣлу. Исторія католицизма есть исторія религіозныхъ аферъ и спекуляцій. Духовное воинство папы пользовалось всѣми средствами для собиранія въ свои карманы народныхъ богатствъ. «И духовные»—говоритъ Лоранъ—«имѣя плохой успѣхъ у мужчинъ, обращались къ женщинамъ. Множество дарственныхъ записей, данныхъ церкви, начинаются такимъ предисловіемъ: «наша возлюбленная супруга умоляла насъ сдѣлать даръ такому-то монастырю, и мы, признавъ ея просьбу справедливою» и т. д. Необразованныя, неразвитыя женщины были совершенно въ рукахъ духовенства. Ужасъ, внушаемый имъ распущенною жизнью ихъ супруговъ и сыновей, заставлялъ ихъ, ради душевнаго спасенія любимыхъ ими лицъ, жертвовать своими земными интересами. Такія женщины превозносились, конечно, духовенствомъ и оно радо было сдѣлать для нихъ все, что угодно, смотрѣло сквозь пальцы на ихъ поведеніе, и величало ихъ благочестивѣйшими ревнительницами святой вѣры. Но католицизмъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ дѣлѣ защиты вдовъ, руководился только тенденціями, противными семейному началу, нарушалъ цѣлость фамильнаго имущества и, проповѣдуя нищенство, отрицалъ накопленіе богатствъ, бывшее одною изъ главныхъ задачъ феодальнаго семейнаго права. И за всѣ услуги, оказанныя ему женщинами,

католицизмъ нисколько не улучшалъ ихъ семейнаго положенія. Онъ старался освободить женщину отъ семейства, но только для того, чтобы обратить ее на служеніе церкви. Проповѣдуя крайній дуализмъ и презирая плоть, онъ естественно нападалъ и на соблазнительнѣйшую представительницу плоти, женщину. Въ его исторіи первое совращеніе въ грѣхъ совершено дьяволомъ, второе Евою, и съ тѣхъ поръ женщина неизмѣнно шла по стопамъ своей прародительницы. Сочиненія отцовъ и учителей католицизма наполнены точно такими же нападками на слабую половину рода человѣческаго, какими изобилуетъ наша древне-русская письменность, заимствовавшая ихъ изъ Византіи. По словамъ св. Антонина, женщина — „глава преступленія, рука дьявола. Когда ты видишь женщину, то знай, что передъ тобою не человѣкъ, не дикій звѣрь, а дьяволъ самолично. Голосъ ея — шипѣніе змѣи".— „Женщина"—говоритъ св. Іеронимъ—„это врата дьявола, путь нечестія, укушеніе скорпіоново". По словамъ Гюго де-С.-Викторъ, она — „виновница зла, причина паденія, гнѣздилище грѣха, она соблазнила мужчину въ раю, она соблазняетъ его на землѣ, она увлечетъ его въ бездну ада". И такъ думали не одни только мистики; по мнѣнію схоластиковъ, „женщина есть пріятный ядъ, причиняющій вѣчную смерть, факелъ сатаны, дверь, черезъ которую входитъ дьяволъ". По авторитетнымъ словамъ средневѣковаго спеціалиста въ демонологіи, Вильгельма д'Овернскаго, черти всегда являются подъ видомъ женщины, между тѣмъ какъ добрые ангелы принимаютъ образъ мужчины. Къ этимъ оріентальнымъ понятіямъ католическіе писатели присоединили еще разныя измышленія, основанныя большею частію на Аристотелѣ, по которому женская натура ниже мужской. Св. Томасъ, напримѣръ, учитъ, что мужчина есть типъ совершенства, а женщина типъ несовершенства. Это неравенство половъ существовало съ самаго начала, ибо Ева сотворена изъ ребра Адамова. „Даже безъ грѣхопаденія" — говоритъ Св. Томасъ — „женщина была бы подчинена мужчинѣ, потому что у послѣдняго больше разума". Августинъ, комментируя выраженіе книги бытія, что жена должна быть помощницей мужа, учитъ, что она необходима мужчинѣ только какъ орудіе дѣторожденія, „подобно тому, какъ необходима ему земля, чтобы брошенное въ нее сѣмя произвело растеніе". „Женщина" — говоритъ онъ — „не можетъ ни учить, ни свидѣтельствовать, ни судить, тѣмъ менѣе — повелѣвать". Католическія филиппики противъ женщинъ находили себѣ поддержку въ народной *мудрости*, или правильнѣе глупости, которая никогда не переставала обливать ихъ помоями своего остроумія. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько нѣмецкихъ пословицъ. „У бабы платье длинно, а умъ коротокъ"; „гдѣ женщина управляетъ домомъ, тамъ прислуживаетъ чортъ"; „женщины и деньги—виновники всѣхъ золъ въ мірѣ"; „нельзя вѣрить женщинѣ даже мертвой" и т. д. Впрочемъ развитіе такихъ

воззрѣній въ народѣ нужно приписать главнымъ образомъ тому же католицизму; хотя и до него и безъ него грубые патріархалы всегда свысока смотрѣли на бабу, но католицизмъ значительно увеличилъ ихъ презрѣніе и далъ ему догматическую санкцію. Эта отверженность женщины выражалась не въ однихъ только словахъ, но также въ церковныхъ обрядахъ и постановленіяхъ. При такихъ воззрѣніяхъ бракъ, понимаемый католицизмомъ исключительно съ точки зрѣнія плотскаго союза и считаемый дѣйствительнымъ и состоявшимся не иначе, какъ по совершеніи полового акта,—бракъ, даже самыми благосклонными къ нему католическими мыслителями среднихъ вѣковъ, считался только „предохранительнымъ средствомъ отъ большаго еще зла". Но самые строгіе и самые логическіе послѣдователи католицизма думали вмѣстѣ съ св. Томасомъ, что „бракъ есть зло". „Любовь женщины есть пропасть смерти; бракъ не узаконяетъ ея, онъ едва только извиняетъ ее". Презирая плоть, католицизмъ не могъ даже помирить святость Богоматери съ ея обыкновеннымъ происхожденіемъ отъ родителей и составилъ догматъ о безпорочномъ зачатіи ея. Конечно, и самые рьяные поборники средневѣковаго аскетизма видѣли, что ихъ идеалы осуществимы только для немногихъ избранныхъ, но никогда не могутъ быть приняты большинствомъ общества. Поэтому католицизмъ ограничился только введеніемъ въ семейную жизнь извѣстныхъ правилъ аскетизма и, вопреки основному своему закону о дѣйствительности брака только послѣ coitus, устроилъ и старался распространить аскетическій бракъ безъ половыхъ сношеній между супругами (*). Въ старинной Европѣ такіе браки заключались нерѣдко и въ нихъ обѣтъ брачной дѣвственности хранился большею частію только женами, пропитанными католическимъ духомъ и выданными замужъ изъ-за династическихъ или фамильныхъ расчетовъ, между тѣмъ какъ мужья ихъ вели распутную жизнь. Даже тѣмъ людямъ, которые наслаждались всѣми брачными удовольствіями, католицизмъ успѣлъ внушать мысль объ извѣстной грѣховности и сквернѣ супружескаго плотскаго союза. Часто удавалось духовенству превращать семейный домъ въ какое-то странное жилище, въ которомъ, несмотря на безпорядочную и буйную жизнь хозяина, его жена устроивала у себя покаянную келью, превращалась изъ жены и хозяйки въ монахиню, замаливающую грѣхи мужа

*) Въ такомъ бракѣ жили, напр. императоръ Генрихъ II, Эдуардъ исповѣдникъ, Альфонсъ II испанскій. Григорій Турскій разсказываетъ, какъ одинъ гальскій дворянинъ женился на дѣвушкѣ, которая въ первую ночь призналась ему, что дала обѣтъ вѣчной дѣвственности, и сожалѣетъ о вступленіи въ бракъ, на который она согласилась единственно изъ повиновенія родителямъ. Мужъ согласился хранить ея дѣвственность и когда она черезъ нѣсколько лѣтъ умерла, то, опуская ее въ могилу, онъ сказалъ: «благодарю тебя Боже за то, что я могу возвратить твоей любви это сокровище такимъ же неприкосновеннымъ, какимъ получилъ его.»

и свои, состоящіе между прочимъ въ вольныхъ и невольныхъ супружескихъ излишествахъ и нарушеніяхъ правилъ, которыми церковь старалась регулировать жизнь брачнаго ложа. Но все это, вмѣстѣ съ аскетическими браками, были исключенія, хотя и нерѣдкія. Свой идеалъ католическая церковь думала осуществить вполнѣ только въ монашествѣ, въ этой институціи, водворявшей на землѣ „небесный рай и равно-ангельскую жизнь". Потомъ начали стремиться къ безбрачію бѣлаго духовенства и при этомъ обнаружилось, до какой степени масса народа, настаивавшая на безбрачіи, успѣла проникнуться аскетическими идеями объ извѣстной доли грѣховности даже въ освященномъ церковью бракѣ *). Хотя въ первоначальной церкви были женатые епископы, но были и безбрачные, и вѣрующіе отдавали послѣднимъ предпочтеніе предъ женатыми. Церковные соборы Запада и Востока, равно какъ и нѣкоторые изъ папъ, рекомендовали духовенству безбрачіе, хотя и не дѣлали его закономъ. Агитація въ пользу безбрачія усилилась особеннно послѣ того, какъ въ пустыняхъ Фиваиды и въ лѣсахъ Европы возникло монашество и сразу понизило значеніе бѣлаго духовенства своимъ подвижничествомъ и своей дѣвственностью, которой тогда еще вѣрили. Во многихъ мѣстахъ народъ началъ просто презирать женатое духовенство, и гангрензскій соборъ принужденъ былъ анафематствовать тѣхъ, которые отвергали обѣдню, совершаемую женатымъ священникомъ. Требовали — выражаясь грубымъ тогдашнимъ языкомъ—чтобы „попъ, ежедневно творящій Бога",—der täglich Gott schaffe,— т. е. совершающій евхаристію, былъ совершенно чистъ и дѣвственъ. Наконецъ, когда жалобы на развращенность духовенства загремѣли по всей Европѣ, когда церковь была въ опасности отъ своихъ враговъ, когда она нуждалась въ хорошо дисциплинированномъ, совершенно преданномъ ей и отрѣшенномъ отъ мірскихъ интересовъ войскѣ, — безбрачіе было сдѣлано закономъ и для бѣлаго духовенства. Папа Григорій VII ввелъ его въ концѣ XII вѣка, поступивъ въ этомъ случаѣ совершенно послѣдовательно, какъ истинный католикъ и разсчетливый политикъ. Женатые духовные должны были расторгнуть бракъ, а холостые не вступать въ него. Отлученіе отъ церкви угрожало не только каждому духовному, осмѣлившемуся послѣ этого держать жену или наложницу, но и всѣмъ мірянамъ, слушающимъ совершаемую имъ обѣдню или принимающимъ отъ него причастіе. Безбрачіе духовенства, водворенное несмотря на противодѣй-

*) Супругамъ запрещалось присутствовать при церковныхъ торжествахъ и богослуженіи, если наканунѣ они дѣлили свое ложе, и Григорій Великій разсказываетъ, какъ за нарушеніе этого правила въ одну женщину вселился бѣсъ. Въ извѣстномъ видѣніи Альберика, грѣшные въ этомъ люди мучатся въ особомъ отдѣленіи ада, составляющемъ море кипящаго свинца и смолы. Въ народныхъ массахъ Запада это вѣрованіе было распространено также сильно, какъ въ средѣ нашего простонародья.

ствіе послѣдняго, хотя и вело за собою сильное развращеніе нравовъ, но въ то же время воспрепятствовало духовенству обратиться въ наслѣдственную касту, оно спасло Европу отъ ужаснѣйшаго вида тираннін, отъ тиранніи всемогущей, наслѣдственной левитской аристократіи. Безбрачіе принесло и другую важную пользу, доказавъ неосуществимость идеала, съ такою ревностью поддерживаемаго католицизмомъ.

Своимъ аскетическимъ міросозерцаніемъ католицизмъ, какъ мы уже говорили, увлекалъ множество женщинъ и вносилъ черезъ нихъ монастырскіе обычаи даже въ среду семействъ. Вотъ, напримѣръ, какую жизнь вела въ своемъ семействѣ мать Эдуарда IV. Вставъ въ семь часовъ, она тотчасъ слушала въ своей комнатѣ малую обѣдню, затѣмъ, позавтракавъ, шла въ капеллу и оставалась тамъ вплоть до обѣда, послѣ обѣда она посвящала одинъ часъ на семейныя дѣла, спала четверть часа, и потомъ вплоть до вечера проводила время въ молитвѣ, посѣтивъ снова капеллу, она возвращалась къ ужину, послѣ котораго проводила часъ въ бесѣдѣ съ домашними, часъ въ молитвѣ и ложилась спать. Такіе примѣры женскаго благочестія были далеко не рѣдкостью, и женщины въ средніе вѣка были несравненно больше преданы католицизму, чѣмъ мужчины. Онѣ первыя обогащали духовенство пожертвованіями, первыя увлекались его проповѣдью, первыя стекались къ вновь открытымъ мощамъ, первыя принимали составленныя патерами легенды и изобрѣтенныя ими чудеса, онѣ далеко превосходили мужчинъ своею ревностью въ дѣлахъ христіанской филантропіи, въ помощи бѣднымъ, несчастнымъ, больнымъ, въ смягченіи участи осужденныхъ преступниковъ, въ выкупѣ плѣнныхъ; благодаря имъ-то главнымъ образомъ зажиточные дома старинной Европы и грозные замки феодаловъ всегда давали пріютъ и пищу странникамъ и неимущимъ. Такова была, напр., тюрингенская ландграфиня Елизавета, въ XIII вѣкѣ, которая, терпя въ своей семейной жизни притѣсненія и оскорбленія, всецѣло посвятила себя служенію несчастнымъ; она не только основывала и содержала больницы, но и собственноручно лечила брошенныхъ всѣми зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями. Католицизмъ, недовольствуясь одиночною благотворительностью, соединилъ ее съ женскимъ монашествомъ и нѣкоторые ордена обратилъ на исключительное служеніе бѣднымъ, уходъ за больными, выкупъ плѣнниковъ и т. д. Такъ, орденъ Маріи въ Сіеннѣ еще въ IX вѣкѣ былъ основанъ для ухода за больными; два такихъ же ордена въ XIII столѣтіи были посвящены выкупу плѣнниковъ; орденъ, основанный въ XIII же вѣкѣ тюрингенскою ландграфинею Елизаветою, имѣлъ своими цѣлями уходъ за больными, воспитаніе юношества, покровительство раскаявшимся грѣшницамъ, воспитаніе найденышей, нравственное исправленіе преступниковъ. Орденъ бегинокъ имѣлъ еще

болѣе разнообразныя цѣли. Эти и множество другихъ подобныхъ имъ женскихъ союзовъ имѣли для средневѣковой женщины извѣстное освободительное значеніе. Сама религія учила, что и отказываясь отъ семейныхъ обязанностей, женщина не только не роняетъ, но даже увеличиваетъ свое достоинство, что семейная дѣятельность не есть единственное предназначеніе женщины, которая можетъ и должна посвящать себя еще и другой, болѣе широкой и болѣе почетной дѣятельности, служенію обществу, человѣчеству. Другое важное значеніе женскихъ орденовъ въ средніе вѣка состояло въ томъ, что отдѣльная безпомощная личность, бывъ предоставлена тогда силѣ и произволу каждаго разбойника,—имѣлъ ли онъ на головѣ графскую корону или же былъ пролетаріемъ-висѣльникомъ, — естественно должна была искать опоры въ другихъ. Отсюда весь феодальный строй, основанный на договорѣ, въ которомъ одна сторона покупала у другой сильнѣйшей защиту себѣ цѣною своей свободы. Городскія общины пошли дальше и, купивъ себѣ свободу, организовали изъ себя крѣпкія оборонительныя братства. Женскіе ордена имѣли кое-что подобное этимъ общинамъ. Женщины, дѣвушки, вдовы не могли не чувствовать потребности общаго союза для пріобрѣтенія себѣ жилья и пищи, пріюта во время болѣзни, для избѣжанія всевозможныхъ насилій, для поддержки своей нравственной самостоятельности, для выполненія своихъ обѣтовъ и религіозныхъ идеаловъ жизни. Женское монашество выродилось изъ потребностей женскаго міра, но такъ какъ католицизмъ много содѣйствовалъ его возникновенію и съ перваго же раза ввелъ его въ общій строй своей церкви, то оно и потеряло всякое самостоятельное значеніе, всецѣло подчинившись общему теченію католической жизни. Въ короткій періодъ первоначальной чистоты монашества, когда оно могло славиться еще своею филантропическою дѣятельностью, надъ послѣднею все-таки брали перевесъ себялюбивыя и мрачныя тенденціи аскетизма. Не мало силъ и дарованій гибло въ изобрѣтеніи разныхъ самоистязаній и въ разрушеніи ими своего организма. Аскетическія идеи католицизма увлекали женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, и распространялись по Европѣ преимущественно посредствомъ женской пропаганды. Тысячи, десятки тысячъ женщинъ и дѣвушекъ стремились удостоиться величайшей чести быть названными невѣстами Христа, вели суровую жизнь, терзали свое тѣло бичами и плетьми, морили себя голодомъ и холодомъ, нарочно расплождали на себѣ вшей и вдобавокъ ко всему этому нерѣдко подвергались еще болѣе суровымъ истязаніямъ отъ своихъ строгихъ аббатиссъ. Сначала въ большинствѣ монастырей обѣты, произнесенные набожными женщинами, были только временные и возобновлялись ежегодно, предоставляя монахинямъ возможность снова перейти въ міръ. Но скоро церковь уничтожила эту льготу. Слагать съ себя обѣта монахинѣ не

дозволяли, а въ случаѣ самовольнаго сложенія, подвергали ее наказанію. Капитуляріи Карла В., запретившіе монахинямъ даже переписываться съ мірянами и подвергшія ихъ многимъ другимъ подобнымъ ограниченіямъ, положили отлучать отъ церкви какъ монахиню, вступившую въ бракъ, такъ и ея мужа. Въ Англіи нарушившая свой обѣтъ монахиня наказывалась голодною смертью. Изъ свободныхъ религіозныхъ общинъ, соединявшихъ, подобно каноникатамъ Германіи, пріятности общественной жизни съ преимуществами жизни благочестивой и назидательной, женскіе монастыри сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ церковныхъ каторжныхъ работъ, на которыхъ женщины искупали не только свои грѣхи, но часто и свои поступки, считавшіеся тогда преступными или наносившіе позоръ ихъ фамиліи. Извѣстно, какъ часто семейные тираны старинной Европы пользовались угодливостью духовенства для того, чтобы упекать въ монастырь своихъ женъ, дочерей и другихъ родственницъ, удаленіе которыхъ изъ семейства они считали почему нибудь необходимымъ. Принудительная система благочестія держалась недолго; какъ всегда бываетъ съ противуестественными стремленіями людей, такъ и въ настоящемъ случаѣ католическій аскетизмъ неминуемо велъ за собой вторженіе въ монастыри совершенно противоположныхъ ему нравовъ. Женскіе монастыри скоро сдѣлались гаремами епископовъ, аббатовъ и другихъ церковниковъ, и пристанищами разгула для дворянъ и солдатъ, которые при своихъ походахъ дѣлали остановки между прочимъ и въ женскихъ монастыряхъ, и по уходѣ которыхъ значительная часть населенія монастыря часто оказывалась въ интересномъ положеніи. Дѣтоубійство и плодоизгнаніе были развиты въ женскихъ обителяхъ въ сильной степени *). Такимъ образомъ, аскетизмъ не только приходилъ къ самоотрицанію, не только отвлекалъ женщинъ отъ практической дѣятельности на пользу людямъ, не только вырождался въ разнузданность страстей, но, при своемъ противорѣчіи идеала съ дѣйствительностью, неминуемо велъ за собою и нравственную развращенность, пріучая женщинъ къ тому отвратительному лицемѣрію, которое каждый читатель можетъ видѣть на нашихъ странницахъ и другихъ подобныхъ женщинахъ. Несмотря на то, что аскетическіе идеалы никѣмъ не восполнялись, несмотря на то, что природа, которую хотѣли подчинить имъ, возмущала и увлекала людей по совершенно противоположному направленію, аскетическая проповѣдь не прекращалась и не переставала увлекать наивныя женскія души, ненаходившія никакой отрады среди окружавшей ихъ безобразной жизни. Аскетическая пропаганда духовенства была съ особенною силою направлена на женщинъ аристократіи; увлекая ихъ въ

---

*) Подробности о развращеніи монастырскихъ и мірскихъ нравовъ см. въ этюдѣ «Проституція».

монастырь, духовенство пріобрѣтало щедрыхъ дателей, сильныхъ защитниковъ и вѣрныхъ слугъ въ нихъ и ихъ родственникахъ. Часто цѣлыя фамильныя имѣнія переходили, при помощи подобныхъ средствъ, въ руки монаховъ. Женскіе монастыри, въ свою очередь, были также въ рукахъ духовенства важными орудіями для покоренія его власти умовъ и сердецъ. Монастыри были центрами женскаго образованія, которое, будучи проникнуто монашескимъ духомъ, разносилось изъ нихъ по лицу всей Европы. Выше мы уже видѣли, до какой степени тогдашняя семейная жизнь принимала часто совершенно монастырскій характеръ, и женщины, забывая все земное, жили только для духовенства, употребляя всѣ свои силы на подвиги аскетическаго благочестія.

Такимъ образомъ, и своимъ аскетизмомъ и порожденною послѣднимъ реакціей, католицизмъ отрывалъ женщину отъ семейства и дѣлалъ ее орудіемъ своихъ выгодъ, власти, пропаганды. Рабыня мужа или семейства превращалась въ рабыню корпораціи, а послѣдняя не переставала внушать людямъ презрѣніе къ этому исчадію Евы. Независимо отъ того, что такія воззрѣнія на женщину много ухудшали ея семейное и общественное положеніе, они были еще источникомъ ужаснѣйшихъ преслѣдованій ея, обливавшихъ Европу женской кровью впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Мы говоримъ о вѣдовскихъ процессахъ. По дуалистическому ученію католицизма, вселенная раздѣляется на двѣ половины,—на одной сторонѣ Богъ, ангелы, святые и вѣрные сыны католической церкви; на другой—сатана, черти, еретики, язычники и нераскаянные грѣшники; первая половина образуетъ церковь божію, а вторая—сатанинскую; обѣ церкви постоянно борются между собой, стараясь какъ можно больше истребить или привлечь въ свое лоно своихъ враговъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ орудій дьявола и самою ревностною пропагандисткою сатанинскаго культа служитъ женщина, *вѣдьма*. Вѣрованіе въ вѣдовство, распространенное у всѣхъ грубыхъ народовъ, въ Европѣ, подъ вліяніемъ католическаго дуализма, получило особенно сильное развитіе. Женщины гораздо упорнѣе мужчинъ сохраняли вѣрованія и обряды язычества, соединяя съ ними леченіе больныхъ травами и заклинаніями *). Но такъ какъ католиче-

*) Вѣдьма была единственнымъ медикомъ народа впродолженіе тысячи лѣтъ. Императоры, короли, папы, болѣе богатые изъ бароновъ имѣли докторовъ салернскихъ, мавровъ, евреевъ, но масса всѣхъ состояній прибѣгала за помощью только къ знахаркѣ (saga) или *sage-femme*. Ее называли вѣдьмою. Но изъ уваженія, смѣшаннаго со страхомъ, ее обыкновенно величали, какъ фею, bonne dame или belle dame, bella donna». Своею профессіей вѣдьма вооружала противъ себя медиковъ, и церковь, ненавидѣвшая послѣднихъ, однако взяла ихъ сторону въ видахъ истребленія вѣдьмъ. «Она искусно раздѣлила царство сатаны. Противъ его дочери, его супруги, вѣдьмы, она вооружила его сына, медика... Въ XIV в. она объявила, что если женщина осмѣливается лечить *безъ предварительнаго изученія медицины*, то она — вѣдьма и должна умереть» (Michelet).

ство превратило языческихъ боговъ въ духовъ ада, то остававшіяся вѣрными имъ женщины естественно дѣлались въ глазахъ католика служительницами сатаны. Жрицы Фреи, совершавшія службу этой богинѣ на горахъ ночнымъ временемъ, сдѣлались волшебницами, имѣющими связь съ сатаною, а ихъ ночныя религіозныя собранія превратились въ шабаши вѣдьмъ на Брокенѣ и другихъ горахъ. Языческая вѣра женщинъ въ дѣйствительность заклинаній и знахарскихъ обрядовъ еще болѣе утверждала за ними эту печальную славу. Но до XIII вѣка вѣдьмы не подвергались особенно жестокимъ наказаніямъ, да и самая вѣра въ нихъ не была еще формулирована церковью и не возведена ею на степень догмата. Въ упомянутомъ же вѣкѣ невѣрованіе въ вѣдьмъ было провозглашено еретичествомъ, а самое понятіе вѣдовства значительно расширилось въ сравненіи съ предыдущимъ временемъ. Вредъ, наносимый людямъ, животнымъ и растеніямъ, любовное привораживанье, летанье по воздуху, таинственныя исцѣленія, возбужденіе бурь перестаютъ считаться отдѣльными искуствами и сводятся къ одному главному пункту, къ культу въ честь сатаны. Явный или тайный союзъ съ дьяволомъ, скверное поклоненіе и присяга ему, плотское совокупленіе съ нимъ и съ его демонами, поруганіе надъ крестомъ и таинствами, отреченіе отъ Бога, формальное отрицаніе христіанской вѣры, истребленіе людей, животныхъ и растеній, лишеніе женщинъ чадородія, причиненіе мужчинамъ полового безсилія и множество другихъ преступленій,—все это сдѣлано существенными атрибутами вѣдовства. Папы Иннокентій VIII, Юлій II, Адріанъ VI формулировали эти вѣрованія въ своихъ буллахъ и побуждали всѣхъ католиковъ къ истребленію вѣдьмъ. Германскій инквизиторъ Шпренгеръ составилъ *„Молотъ вѣдьмъ"*, который сдѣлался и систематическимъ изложеніемъ догмата вѣры, и руководствомъ для судей. Когда же начались вѣдовскіе процессы, то вынужденныя пыткою ложныя показанія обвиняемыхъ и разныя галлюцинаціи несчастныхъ суевѣровъ присоединялись къ изобрѣтеннымъ церковью свѣдѣніямъ о вѣдовствѣ, а терроръ и отчаяніе, нагоняемые упомянутыми процессами на массы народа, вели за собой усиленіе суевѣрія и все болѣе и болѣе развивали вѣру въ вѣдьмъ и страхъ, внушаемый ихъ мнимыми кознями. По ученію церкви, женщина, желающая обладать волшебною силою, вступаетъ въ словесный или письменный договоръ съ сатаной, отрекается отъ Бога и блудодѣйствуетъ съ дьяволомъ. Возможность и существованіе совокупленія женщинъ съ сатаною подтверждались часто самими мнимыми любовницами чорта и доказывались теологами и юристами. Это вѣрованіе поддерживалось въ средѣ народа главнымъ образомъ суевѣрными галлюцинаціями, въ соединенныхъ съ которыми сновидѣніяхъ чортъ игралъ важную роль, какъ idée fixe того времени. Отъ такого совокупленія, по мнѣнію однихъ, между прочимъ и Люте-

ра, рождаются даже дѣти, а по мнѣнію другихъ только всякаго рода гнусъ, — жабы, змѣи, черви и т. д. Послѣ отреченія отъ Бога и совокупленія съ сатаной, новая вѣдьма въ ночь ближайшаго шабаша летитъ на метлѣ или козлѣ въ собраніе сатанинской церкви, бывающее еженедѣльно, кромѣ главнаго собранія ночью, 1 мая. Сатана является здѣсь подъ разными видами, чаще же въ образѣ получеловѣка-полукозла, возсѣдающаго на эбеновомъ позолоченомъ тронѣ. На его головѣ расположены въ формѣ короны маленькіе рожки; изъ длиннаго рога, сидящаго во лбу его, льется свѣтъ сильнѣе луннаго, его глаза сіяютъ страшнымъ блескомъ. Шабашъ, служащій пародіей католической мессы, начинается поклоненіемъ сатанѣ демоновъ, волшебниковъ и вѣдьмъ, которые при этомъ отрекаются отъ Христа и Маріи, цѣлуя у дьявола лѣвую руку, лѣвую ногу, лѣвый бокъ и пр. Затѣмъ слѣдуетъ исповѣдь, — демоны, волшебники и вѣдьмы каются сатанѣ въ разныхъ упущеніяхъ при исполненіи своей обязанности чинить какъ можно больше зла. Сатана разрѣшаетъ, налагаетъ эпитеміи и начинаетъ дьявольскую обѣдню, при чемъ говоритъ проповѣдь и причащаетъ всѣхъ своихъ поклонниковъ подъ обоими видами, раздавая имъ черную и гнилую гостію и какой-то отвратительный напитокъ. На банкетѣ, слѣдующемъ за мессою, всѣ кушанья и напитки состоятъ изъ всего, что только могла выдумать гнуснаго средневѣковая фантазія. Послѣ обѣда и танцевъ начинается повальный блудъ, при чемъ сатана замѣняетъ мужчинамъ женщину, а женщинамъ мужчину. Насладившись такимъ образомъ, сатана увѣщеваетъ присутствующихъ дѣлать по возможности больше зла, сожигаетъ свой чувственный образъ, въ которомъ присутствовалъ на собраніи, вѣдьмы собираютъ оставшуюся отъ этого козла золу, имѣющую чудотворную силу и разлетаются по домамъ.

Задача вѣдьмъ, какъ слугъ сатаны, состоитъ въ томъ, чтобы вредитъ людямъ, губить и соблазнять ихъ. Кромѣ упомянутыхъ выше злодѣяній, вѣдьмамъ приписывались всевозможныя преступленія, какія только могла изобрѣсти безумная средневѣковая фантазія. Шпренгеръ говоритъ, напр., что самыя опасныя изъ вѣдьмъ — это повивальныя бабки; онѣ производятъ плодоизгнаніе и приносятъ дѣтей въ жертву демонамъ. Нѣкоторыя вѣдьмы ѣдятъ даже собственныхъ своихъ дѣтей. Въ 1484 г. сожгли 41 вѣдьму за то, что онѣ ѣли новорожденныхъ малютокъ. «Я зналъ — говоритъ Шпренгеръ — одну старуху, которая околдовала трехъ аббатовъ и довела ихъ до смерти; она попалась въ руки правосудія въ то время, когда хотѣла сдѣлать тоже самое съ четвертымъ аббатомъ.» Упомянутые святые мужи были соблазнены ею при помощи очень оригинальнаго вѣдовскаго средства: вѣдьма заставляла ихъ ѣсть свои испражненія! Каждое подозрѣніе, какъ бы оно нелѣпо ни было, каждый доносъ, каждое обвиненіе съ радостью при-

нимались инквизиторами и подсудимые сожигались на кострахъ или погибали подъ топорами палачей. И не одинъ суевѣрный фанатизмъ руководилъ судьями и слѣдователями,—главную роль въ этомъ дѣлѣ играла жажда обогащенія имуществомъ казненныхъ, которое конфисковалось, и Корнеліусъ Лоосъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что вѣдовская инквизиція была «вновь изобрѣтеннымъ алхимическимъ средствомъ превращать въ золото человѣческую кровь.» Для поповъ, графовъ, герцоговъ вѣдовскіе процессы были просто источникомъ дохода, особенно во время раззорительныхъ погромовъ тридцатилѣтней войны. Въ Англіи и Шотландіи во время смутъ революціи отличался по части этой гнусной промышленности Гопкинсъ, получившій титулъ *«генералъ-открыватели вѣдьмъ.»* О подобной же охотѣ за вѣдьмами разсказываетъ Зольданъ. Одинъ шотландецъ передъ смертною казнію признался, что онъ своими ложными обвиненіями въ вѣдовствѣ погубилъ болѣе 220 женщинъ, получая отъ судей въ награду по 20 шиллинговъ за каждую голову. Независимо отъ этого, преданіе суду и почти неизбѣжно слѣдовавшей за нимъ смертной казни было великолѣпнымъ средствомъ отдѣлаться отъ какого нибудь либерала, отъ опаснаго соперника, отъ личнаго врага, обвинивъ ихъ въ колдовствѣ. Инквизиція и усиленное ею суевѣріе страшно развили шпіонство, мужъ доносилъ на жену, дѣти на родителей, родители на дѣтей, попы на міранъ, міряне на поповъ. Ни полъ, ни возрастъ, ни званіе,—ничто не гарантировало отъ желѣзныхъ лапъ инквизиціи. Она проникала даже во дворцы государей и тамъ находила себѣ жертвы. До чего дошелъ этотъ терроръ въ Баваріи, напр., можно судить потому, что здѣсь обвинялись, какъ волшебники и вѣдьмы, лица княжескаго и герцогскаго званія. Въ 1572 г. судилась принцесса Сидонія Брауншвейгская, обвиненная въ связи съ дьяволомъ и въ намѣреніи умертвить своего супруга. Не мало погибло въ этомъ погромѣ и людей науки,— этихъ опасныхъ враговъ католическаго поповства,—случалось, напр., что ученыхъ казнили за физическіе опыты, а лекарей за изцѣленіе больныхъ, болѣзни которыхъ считались тогда неизлечимыми и инквизиторы выставляли поэтому такихъ медиковъ волшебниками. Такъ, въ 1521 г. въ Гамбургѣ былъ сожженъ на кострѣ докторъ Фейтесъ за то, что при его искусной помощи совершенно благополучно родила очень трудно беременная женщина. Добыча жертвъ инквизиторами была незатруднительна: если ужасныя пытки не заставляли подсудимаго сознаться во взводимомъ на него преступленіи, то инквизиторы пускали въ дѣло улики (indicia), дѣлавшія собственное сознаніе арестантки излишнимъ для того, чтобы отправить ее на костеръ. А эти улики были безчисленны: „серьезное и смѣшное",—говоритъ Шерръ— „возвышенное и комическое, преимущества и преступленія, добродѣтели и пороки, красота и безобразіе, богатство и бѣдность, благоче-

стіе и индиферентизмъ, здоровье и болѣзнь, умъ и глупость, хорошая и дурная репутація, слова и тѣлодвиженія—все, рѣшительно все, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могло возбудить подозрѣніе въ вѣдовствѣ. А обвиненіе въ девяносто-девяти случаяхъ изъ ста было и приговоромъ." Прежде всего подсудимую старались поймать на какомъ нибудь отвѣтѣ, который бы можно было сдѣлать фундаментомъ для дальнѣйшаго слѣдствія, —обыкновенная уловка инквизиціоннаго процесса въ тѣхъ случаяхъ, когда судьи и слѣдователи даже не имѣютъ сколько нибудь опредѣленнаго подозрѣнія насчетъ рода и степени вины подсудимаго. Арестантку спрашивали, напр., вѣритъ ли она въ вѣдьмъ? Если она говорила: нѣтъ, то оказывалась еретичкой, достойной смерти, если говорила: да, то это было уликой, что она знаетъ кое-что о вѣдовствѣ и вѣдьмахъ, а знаніе и недонесеніе, тѣмъ болѣе знакомство съ вѣдьмами, было уже преступленіемъ. Если подсудимая не признавалась, то ее заключали въ тюрьму на извѣстное время и она подвергалась мученію голодомъ, жаждой, лишеніемъ сна, тѣлесными истязаніями; тюремные сторожа и сами судьи часто насиловали заключенныхъ, а оставшіеся отъ этого насилія признаки на тѣлѣ дѣвушки были выставляемы потомъ, какъ явныя улики ея связи съ сатаной: она вѣдьма! Сжечь ее! Немудрено, что множество подозрѣваемыхъ признавалось во взводимой на нихъ небывальщинѣ единственно съ тою цѣлью, чтобы костеръ избавилъ ихъ отъ ужасовъ тюремнаго мученія. Если же темница не вынуждала признанія, то подсудимую подвергали суду Божію; бросали ее въ воду, и если она, побуждаемая инстинктомъ самосохраненія, начинала плавать и не шла ко дну, то признавалась виновной, если же начинала тонуть, то невинной; но въ послѣднемъ случаѣ ее освобождали только тогда, когда противъ нея не было никакихъ свидѣтельскихъ показаній, при имѣніи которыхъ ее снова вели въ тюрьму и мучили до тѣхъ поръ, пока она не признавалась или не умирала отъ ужасныхъ пытокъ. Послѣднее случалось нерѣдко, и судьи объясняли такую смерть тѣмъ, что сатана, желая спасти вѣдьму отъ позора и костра, заблаговременно отнялъ у нея жизнь. Пыткамъ предшествовало такъ называемое „испытаніе иглой." Обвиняемую раздѣвали до-нага, обрывали всѣ волосы съ ея тѣла и начинали искать на ней *вѣдовской знакъ*; если находили желчное пятно, родинку, бородавку, то вонзали въ нихъ иголку; если кровь не шла,—ясная улика, что обвиняемая вѣдьма, если кровь показывалась, то это признавалось дѣломъ дьявола, желавшимъ спасти свою подругу; если упомянутаго знака вовсе не было, то заключали изъ этого, что его уничтожилъ сатана. Отысканіе вѣдовскаго знака поручалось „пытальщику" или „сыщику"; людей, занимавшихся этой профессіей было множество. Въ Шотландіи особенно прославились по этой части. Кинкэйдъ и Кэти. Послѣдній былъ постоянно заваленъ работой, состоя „главнымъ сы-

щикомъ“ при Court of justiciary. Вознагражденіе его возрастало по мѣрѣ распространенія его репутаціи. Кинкэйдъ былъ такъ искусенъ въ своей профессіи, что всегда находилъ вѣдовскій знакъ. Обнаживъ подсудимую и связавъ ее, онъ втыкалъ ей въ тѣло множество иголокъ, и затѣмъ объявлялъ, что нашелъ знакъ. Одного этого увѣренія эксперта для судей было достаточно, чтобы объявить подсудимую вѣдьмой. Пытка начиналась оффиціальной формулой: „ты будешь пытана до тѣхъ поръ, пока сквозь тебя не будетъ просвѣчивать солнце!“ И это не было пустой угрозой. По законамъ пытка не могла продолжаться дольше четверти часа и непризнавшійся на первой пыткѣ не могъ быть подвергаемъ второй, — но этотъ законъ оставался мертвой буквой, и судьи продолжали пытку до тѣхъ поръ, пока не достигали желаемой цѣли. Несчастныхъ били кнутами, жгли раскаленнымъ желѣзомъ; кости рукъ и ногъ раздроблялись и изъ нихъ текъ наружу мозгъ; ихъ терзали раскаленными клещами, вырѣзывали кусками мясо съ такимъ же равнодушіемъ, какъ у мертвой скотины и т. д. Немногія имѣли силу, несмотря на всѣ эти ужасы, не признаваться, да и эти немногія большею частію умирали отъ пытокъ, которыя были такъ ужасны, что арестованныя изъ страха ихъ убивали себя, если только находили къ тому возможность. Реми, знаменитый лотарингскій судья, сожегшій 800 человѣкъ, хвастался: „я такъ правосуденъ, что шестнадцать арестованныхъ на другой же день всѣ удавились, не дождавшись суда.„ Признаніе вело за собой смертную казнь чрезъ сожженіе, вошедшую во всѣ европейскіе кодексы, благодаря католицизму, который, установивъ этотъ, по истинѣ адскій, родъ казни, со всегдашнею своею изворотливостью старался отклонить отъ себя заслуженный упрекъ въ жестокости тѣмъ соображеніемъ, что служители Бога мира не имѣютъ права проливать человѣческой крови! Только для раскаявшихся вѣдьмъ казнь облегчалась тѣмъ, что ихъ сначала топили или обезглавливали, а сожигали на кострѣ только ихъ трупы. Постановленія же кодексовъ о наказаніи за вѣдовство были такъ сбивчивы и неопредѣленны, что на основаніи ихъ судья могъ приговорить къ смерти кого угодно. Вотъ что говоритъ, напр., объ этомъ Каролина: „Если кто причиняетъ людямъ вредъ посредствомъ волшебства, то его должно лишить жизни чрезъ сожженіе. Если же кто занимается волшебствомъ, но вреда никому не причиняетъ, то должно наказывать его, смотря по обстоятельствамъ дѣла.“ „Если кто нибудь предлагаетъ научить другихъ людей волшебству, или грозится околдовать кого нибудь, или имѣетъ общеніе съ волшебниками или волшебницами, или имѣетъ такія подозрительныя вещи, тѣлодвиженія, слова, которыя носятъ въ себѣ волшебство, — то это служитъ ясною уликою въ колдовствѣ и достаточнымъ поводомъ къ уголовному слѣдствію.“ Виртембергскій законъ полагалъ сожженіе всѣмъ „волшебникамъ, сатанинскимъ заклинателямъ,

предсказателямъ и тѣмъ, кто обращается къ нимъ за совѣтомъ или помощью.“ По австрійскому закону „адское преступленіе волшебства наказывается огненною смертью, которой подлежать и всѣ участвующіе по ночамъ въ дьявольскихъ пиршествахъ и танцахъ, устрояемыхъ подъ висѣлицей, равно какъ и люди, производящіе грозы, громъ, градъ, червей и др. чудовищъ.“

Нѣсколько вѣковъ дымились въ Европѣ вѣдовскіе костры, зажженные церковью и старинныя хроники полны разсказовъ объ этихъ ужасныхъ зрѣлищахъ. Нѣкоторыя казни замѣчательны по количеству жертвъ, другія по нелѣпости самихъ обвиненій. Въ Швейцаріи однажды обвинялась въ вѣдовствѣ сумасшедшая семнадцатилѣтняя дѣвушка. На основаніи ея показаній были привлечены къ дѣлу и подвергнуты всѣмъ степенямъ пытки восемь женщинъ и одинъ мужчина; доносчицу обезглавили, шесть обвиненныхъ ею женщинъ сожгли, а остальныхъ освободили. Въ Севильѣ была сожжена одна дѣвушка, обвиненная въ томъ, что будто бы несла яйца, какъ птица! Въ Наваррѣ въ 1527 г. обвинено 150 женщинъ за участіе въ сатанинской обѣднѣ или вѣдовскомъ шабашѣ. Многіе казнились вслѣдствіе своего, вынужденнаго пыткою, сознанія, что они *не люди, а волки и оборотни.* Одинъ духовный, Урбанъ Грандье, былъ обвиненъ въ томъ, что околдовывалъ и отдавалъ чорту урсулинскихъ монахинь въ Лаудунѣ. Онъ не выдержалъ пытокъ и признался во всемъ, что взводила на него инквизиція. Голодъ, болѣзни, общественный и семейный деспотизмъ, войны — все это доводило людей, и въ особенности женщинъ, до такаго суевѣрнаго сумасшествія, до такого отчаянія, что они не рѣдко сами лезли на костеръ. Часто итальянки превращались въ кошекъ и, по ихъ словамъ, сосали кровь изъ дѣтей. Ихъ сожигали. Въ лѣсистыхъ областяхъ Лотарингіи и Юры женщины дѣлались волчицами и пожирали прохожихъ. Ихъ сожигали. Дѣвушки увѣряли, что онѣ отдавались дьяволу. Ихъ свидѣтельствовали и находили дѣвственницами, но все-таки сожигали. Одна англичанка, взведенная на костеръ, сказала народу: „не обвиняйте моихъ судей. Я сама захотѣла погубить себя. Мои родители прогнали бы меня съ ужасомъ. Мой мужъ отвергнулъ бы меня. Я могла бы вернуться въ жизнь только обезчещенною. Я захотѣла умереть и налгала на себя!“ Даже при очевидно нелѣпомъ признаніи вѣдьмы ее отсылали на костеръ. Одна призналась, что украла съ кладбища трупъ недавно умершаго ребенка для своихъ магическихъ операцій. По настоянію ея мужа раскопали могилу и трупъ нашли лежащимъ въ ней; но судья рѣшилъ, что это обманъ чувствъ, произведенный дьяволомъ, что трупъ украденъ—и арестованную сожгли!... Количество казненныхъ жертвъ въ Европѣ было громадно. Сплошь и рядомъ сожигали разомъ цѣлыя толпы несчастныхъ, такъ что, по словамъ одного лѣтописца, столбы, къ которымъ привязывали сожигае-

мыхъ, имѣли видъ густого лѣса. Въ Брауншвейгѣ въ концѣ XVI в. въ одинъ день было сожжено 133 вѣдьмы. Въ первые года XVII в. въ крошечномъ графствѣ Геннебергъ сожжено 144; въ епископствѣ Вюрцсбургѣ втеченіе трехъ лѣтъ — 200 человѣкъ, между которыми были даже дѣти 8 — 12 лѣтъ; въ Фульдѣ нѣкто Фоссъ хвалился, что онъ сжегъ 700 вѣдьмъ и надѣялся довести это число до 1000; въ небольшомъ городкѣ Бюдингенѣ въ 1633 году предано смерти за волшебство 64 человѣка, а въ слѣдующемъ году—50; въ 1627 г. въ городкѣ Дибургѣ казнено 36; въ городкѣ Нейссе въ 1651 г. сожжено 42 женщины; въ Зальцбургѣ въ 1678 г. — 97 человѣкъ: въ маленькомъ швейцарскомъ кантонѣ Цугъ въ два мѣсяца 1660 года сожжено 27 женщинъ; въ Италіи, въ округѣ Комо, сожигалось ежегодно около 100 вѣдьмъ; въ Каркасонѣ, во Франціи, въ 1520—1550 г. казнено болѣе 200, а въ 1557 г. — 31 и т. д. Въ одной только Германіи казнено за вѣдовство никакъ не менѣе 100,000 человѣкъ, а въ Англіи не менѣе 30,000 чел. Поповская ревность къ истребленію простиралась до того, что королямъ приходилось опасаться, какъ бы отцы инквизиторы не сожгли всѣхъ ихъ подданныхъ. Легкость обвиненія и суевѣрность народныхъ массъ были таковы, что иногда въ вѣдовствѣ заподозрѣвались цѣлыя страны. „Франція, это — вѣдьма", говорилъ нѣкто при Карлѣ IX. Въ началѣ XVII вѣка начался вѣдовскій процессъ въ землѣ басковъ, гдѣ тогда свирѣпствовало что-то въ родѣ психической эпидеміи, гдѣ люди всѣхъ званій занимались волшебствомъ, гдѣ страхъ, внушаемый вѣдьмами терроризировалъ всѣ умы, гдѣ тысячи несчастныхъ считались бѣсноватыми, лаяли по собачьи и т. д. Женщины доносили одна на другую, дѣти доносили на матерей: инквизиторамъ приходилось судить *и сожечь весь народъ!..* Но, по рѣшенію папы, только самые виновные и упорные были присуждены къ костру. Трудно описать въ немногихъ словахъ ужасъ этого дьявольскаго терроризма и принесенный имъ вредъ Европѣ. Папы и государи, попы и юристы, монахи и палачи какъ будто превратились въ это время въ тѣхъ самыхъ злыхъ духовъ, за мнимое поклоненіе которымъ они сожигали людей и грабили ихъ имущества. Подобно полчищамъ какого нибудь Тамерлана, духовное воинство католической церкви разносило по міру смерть и самыя варварскія истязанія, плодя шпіоновъ, подкупая ложныхъ доносчиковъ, внося раздоры и подозрительность въ семейства, сочиняя возмутительныя сказки о чертяхъ и вѣдьмахъ, насилуя арестованныхъ за волшебство женщинъ и наживаясь имуществомъ своихъ жертвъ. Съ водвореніемъ во многихъ европейскихъ странахъ реформаціи, вѣра въ вѣдовство не изчезла и лютеране продолжали истреблять вѣдьмъ почти съ такимъ же рвеніемъ, какъ и католики. Вѣдовскіе костры потухли только въ концѣ XVIII в., а въ Испаніи послѣдняя вѣдьма была осуждена въ 1807 году.

Такъ душилъ, отвергалъ и порабощалъ женщину католицизмъ. Но она все-таки нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы не только не пасть подъ его всеподавляющимъ деспотизмомъ, но и чтобы по возможности внести въ его систему нѣкоторые облагораживающіе элементы. Мы говоримъ о культѣ Св. Маріи, развитіе котораго принадлежало, главнымъ образомъ, женщинѣ. Культъ Дѣвы былъ культомъ самой безграничной любви и красоты, прекраснымъ выраженіемъ свѣтлыхъ сторонъ женской души, окончательно помрачить которую не могли всѣ ужасы средневѣковаго католицизма. Хотя этимъ культомъ многія старались прикрыть свою распущенность и испорченность, но божественное сіяніе любвеобильной Маріи такъ животворно дѣйствовало на людей среди потемокъ католичества, что упомянутые печальные результаты теряли значительную долю своей силы. Этотъ культъ не мало поддерживалъ и возвышавшуюся изъ феодальнаго униженія женщину. Ее не такъ легко было уже преслѣдовать за вину Евы, когда за нее стояла непорочная Дѣва. Дѣва—царила на небѣ, а женщина, какъ увидимъ ниже, воцарилась на землѣ.

XV.

Средніе вѣка и эпоха Возрожденія, ознаменованныя стараніями феодализма и католичества поработить женщину, были также періодомъ усиленной борьбы ея за свою свободу, за самостоятельность своей личности и современная женщина найдетъ не мало поучительнаго въ исторіи упомянутыхъ столѣтій.

Въ бракѣ, который, въ большинствѣ случаевъ, былъ дѣломъ фамильныхъ разсчетовъ и родительскаго произвола, въ семействѣ, которое старались превратить въ неограниченную деспотію, женщина была пассивною рабыней только въ рѣдкихъ случаяхъ; большею же частью она, своими постоянными протестами и сопротивленіемъ деспотическимъ притязаніямъ домовладыки и его сторонниковъ, превращала домашнюю жизнь въ тотъ семейный адъ, изображеніемъ котораго такъ часто занималась и занимается европейская литература. Въ старинномъ нѣмецкомъ сочиненіи „о злыхъ женщинахъ“ представляется слѣдующая картина супружеской войны. Мужъ и жена постоянно ссорятся и ежеминутно готовы начать битву; одинъ вооруженъ кулаками, дубиною, сапогами, другая — связкою ключей, швабрами, ухватомъ. Жена во всемъ противорѣчитъ мужу, все дѣлаетъ на зло ему; начинается перебранка и немедленно переходитъ въ обоюдную потасовку. Эти битвы перемежаются часто примиреніями, но нерѣдко они доводятся до окончательнаго разрыва между супругами, до жено - и мужеубійства. Такой характеръ семейная жизнь носила во всей старин-

ной Европѣ. Въ средневѣковой Англіи, напр., говоритъ Райтъ, женщины были крайне строптивы, буйны, семейная жизнь была полна ссоръ, раздоровъ, козней и вскорѣ послѣ брака наступало полное разъединеніе между супругами. Женщины, будучи не въ силахъ ни освободиться отъ мужниной власти, ни ограничить ея, нерѣдко предпочитали своей судьбѣ смерть и покончивали свои страданія самоубійствомъ. Но чаще всего они избавлялись отъ своихъ тирановъ посредствомъ мужеубійства, прибѣгая для совершенія его большею частью къ яду. Постоянная оппозиція жены часто заставляла мужа нетолько отступаться отъ многихъ своихъ притязаній, нетолько смягчать свою супружескую власть, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ женщины являлись судьями и наказательницами своихъ владыкъ. Такъ, въ Шотландіи вплоть до XIX вѣка господствовалъ обычай, въ силу котораго женщины, предварительно сговорившись между собою, нападали на мужчинъ, злоупотреблявшихъ своею властью надъ женами, привязывали ихъ за руки и за ноги къ длинной жерди и обносили ихъ съ позоромъ по улицамъ. Подобныя карательныя наклонности женщинъ можно замѣтить во всѣхъ странахъ и классахъ старинной Европы, но они рѣдко могли быть осуществляемы безъ посторонней помощи. Въ среднихъ и низшихъ сословіяхъ эта помощь носила охранительный и патріархальный характеръ, стремилась къ водворенію семейныхъ добродѣтелей и болѣе или менѣе человѣчныхъ отношеній между супругами. Въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи мужей, невѣрныхъ своимъ женамъ или жестоко обходившихся съ ними, схватывали, съ позоромъ обводили по улицамъ и наказывали обливаньемъ ихъ холодной водою изъ помпъ. Въ Швабіи крестьяне выбирали честнаго человѣка, который, нося названіе *батьки* (Datte), съ двумя своими помощниками секретно наблюдалъ за семейною жизнію обывателей. Если они узнавали, что такіе-то супруги ссорятся между собою или что одинъ изъ нихъ обижаетъ другаго, то ночью врывались въ домъ къ нимъ и наказывали виновнаго. Женщины высшихъ классовъ имѣли сильную помощь и защиту въ рыцарствѣ, обязанность котораго состояла въ покровительствѣ „женщинамъ, вдовамъ, сиротамъ, людямъ угнетеннымъ“. „Вооруженный деревомъ, желѣзомъ и сталью“ — поетъ одинъ трубадуръ—„я поддерживаю слабыхъ противъ сильныхъ“. Рыцарство возникло по голосу женщины, которую угнетали въ семействѣ, которую продавали въ бракъ и которая собирала всѣ свои силы для сопротивленія притѣснителямъ. Многіе знаменитые рыцари отважно пускались на самые отважные подвиги съ единственною цѣлью освобожденія женщинъ отъ упомянутой тираніи. Напр., въ посланіи одного трубадура къ извѣстному маркизу де-Монферра, поэтъ воспѣваетъ подвигъ такого рыцаря, освободившаго дѣвушку, которую тиранъ отецъ хотѣлъ выдать замужъ противъ ея воли. Форіель въ своей Histoire

de la poésie provençale приводитъ много подобныхъ фактовъ. При этомъ нужно замѣтить, что всѣ рыцари дѣйствовали подъ непосредственнымъ вліяніемъ женщинъ, по ихъ просьбамъ, совѣтамъ и приказаніямъ, повиноваться которымъ они были обязаны и неисполненіе которыхъ навлекало на нихъ неудовольствіе дамъ; а дама могла предать рыцаря суду, и судъ навсегда исключалъ виновнаго изъ ордена. „Ни дамѣ, ни дѣвушкѣ"—говоритъ одна рыцарская поэма—„никогда нельзя отказывать въ совѣтѣ и помощи; должно уважать женщинъ и всѣми силами бороться за ихъ права". Тѣ же принципы выражались и въ законодательствѣ. По нѣкоторымъ французскимъ „Assises", напр., „если членъ суда отказывается дать совѣтъ вдовѣ или сиротѣ, то онъ исключается изъ общества рыцарей, изгоняется изъ города, не можетъ выходить на дуэль, теряетъ свой ленъ и все, что имѣетъ отъ короля"! Даже въ періодъ полнаго паденія рыцарства голосъ угнетаемой женщины могъ поднимать цѣлыя ватаги на службу ей. Рыцарь Лебедя возвратилъ одной дамѣ ея владѣнія, отнятыя у нея саксонскимъ герцогомъ. Во Франціи, при Карлѣ VI, многія дамы жаловались королю на свои страданія и лишенія, причиняемыя хищными баронами, и на то, что выродившееся рыцарство вовсе не помогаетъ имъ. На голосъ этихъ женщинъ поспѣшилъ храбрый Бодико, собралъ банду рыцарей и организовалъ изъ нихъ братство съ цѣлью покровительства дамамъ, возвращенія имъ похищенныхъ у нихъ имѣній и мести благороднымъ разбойникамъ. Самое воспитаніе въ рыцаряхъ идеи служенія дамамъ и защиты ихъ отъ насилій семейныхъ тирановъ и посторонних разбойниковъ принадлежало женщинамъ. Красотою, фантазіей, чувствительностью женщина пріобрѣтала себѣ поклонниковъ, дѣлалась царицею, въ придворномъ штатѣ которой состояли мужчины всѣхъ возрастовъ, начиная съ малолѣтняго пажа и оканчивая сѣдовласымъ вздыхателемъ. Всѣ эти люди жили подъ ея вліяніемъ. Мальчику уже внушали тогда, что „онъ долженъ выбрать себѣ благородную госпожу, которая могла бы руководить его своими совѣтами и помогать ему, а онъ обязанъ вѣрно служить ей и неизмѣнно любить ее". Цѣлыя поколѣнія мужчинъ воспитывались женщинами для служенія дамамъ, въ награду за которое они получали ихъ любовь. Отношенія рыцаря къ дамѣ образовались по образцу отношеній вассала къ сюзерену. Рыцарь обязывался служить дамѣ, быть ея вассаломъ и защитникомъ, а она за это награждала его любовью. Сюзерену вассалъ служилъ ради его силы, а дамѣ — ради ея любви. Угнетаемая въ семействѣ, отверженная церковью женщина нашла въ рыцарствѣ вознагражденіе за свою униженность. Рабыня своего мужа, она была царицею для всѣхъ постороннихъ. Она предсѣдательствовала на турнирахъ, она пользовалась всѣми съѣздами и праздниками, охотами и свадьбами, рейхстагами и церковными процессіями, чтобы увлечь мужчинъ своею красотою и ко-

жетствомъ, пѣніемъ и музыкой, танцами и остроуміемъ. Внушаемая ею страсть обуздывала и покоряла грубую натуру феодала. Въ Испаніи встрѣтившійся съ дамою рыцарь обязанъ былъ сойти съ коня и, предложивъ ей свои услуги, безпрекословно исполнить всѣ ея приказанія. При всѣхъ безобразныхъ жестокостяхъ средневѣковой войны принято было однакожъ за правило, чтобы побѣдители не только не трогали дамъ, но даже обходились съ ними съ полнымъ уваженіемъ. Когда англичане взяли замокъ Дю-Гесленъ, то навлекли на себя упреки въ томъ, что нарушили правила войны, начавъ штурмъ ночью и потревоживъ сонъ жительницъ замка. Во время гвельфогибелинскихъ войнъ императоръ Конрадъ осаждалъ Виннисбергъ и отказалъ гарнизону его во всѣхъ предложенныхъ послѣднимъ условіяхъ капитуляціи; но, какъ истинный рыцарь, онъ не могъ не согласиться на просьбу женщинъ о дозволеніи выйти имъ изъ города, забравъ съ собою все, наиболѣе драгоцѣнное для нихъ. Когда ворота отворились, то осаждающіе увидѣли большую вереницу женщинъ и дѣвушекъ, и каждая изъ нихъ несла на себѣ отца, мужа, брата или сына. Войска Конрада были поражены подвигомъ женщинъ и разразились въ честь ихъ рукоплесканьями и выстрѣлами. Имя дамы сердца служило тогда воинственнымъ крикомъ рыцаря, оно воодушевляло его и на турнирахъ и въ дѣйствительныхъ битвахъ, а самыя войны, сопровождавшіяся обыкновенно грабежами, приносили дамамъ существенныя выгоды. Знаменитый трубадуръ временъ Генриха II, Бертранъ-де-Боркъ говоритъ, что „законы чести прежде всего предписываютъ воевать и обогащать женщинъ военной добычей“. Это служеніе дамамъ доходило часто до комическаго и породило особый типъ рыцаря, который пускался на самыя нелѣпыя предпріятія, на самые сумасбродные подвиги, чтобы только угодить царицѣ своей души и заслужить поцѣлуй или болѣе существенные знаки ея любви. Дамы часто сами требовали такихъ услугъ отъ своихъ поклонниковъ, что послѣдніе изъ любовниковъ превращались въ мучениковъ, но все-таки выполняли свой обѣтъ служенія прекрасному полу. Таковъ былъ, напр., Ульрихъ-фонъ-Лихтенштейнъ (род. въ 1200 г.), этотъ дѣйствительный, а не вымышленный, подобно сервантесовскому, Донъ-Кихотъ Германіи. Ульрихъ еще мальчикомъ посвятилъ себя на служеніе женщинамъ и выбравъ своею „госпожею“ одну замужнюю аристократку, началъ подвиги въ честь ея. Онъ пьетъ съ удовольствіемъ воду, въ которой мылась его дама; онъ отрѣзываетъ свою уродливо-толстую нижнюю губу, такъ какъ, по мнѣнію его, возлюбленной она могла бы мѣшать поцѣлуямъ, когда Ульрихъ заслужитъ ихъ. Отрубивъ себѣ палецъ, онъ посылаетъ его своей дамѣ въ доказательство, что онъ безъ мѣры любитъ ее и можетъ перенести для нея всякое страданіе. Одѣтый и замаскированный Венерою, шатается онъ по всей странѣ и на турнирахъ, ломаетъ копья въ честь своей владычицы.

По ея приказанію онъ поселяется даже внѣ общества, среди прокаженныхъ отверженниковъ и ѣстъ съ ними изъ одной чашки. Всѣ эти сумасбродства имѣютъ одну цѣль—заслужить ночь возлюбленной. Наконецъ, она соглашается; Ульрихъ пріѣзжаетъ къ ней; постель уже готова; но бѣдный волокита снова получаетъ жесточайшій аффронтъ и отказъ, и снова съ неизмѣнною покорностью пускается на подвиги. Другимъ примѣромъ такого любовника можетъ служить Петръ Видаль: влюбившись въ одну даму, имя которой означало волчицу, онъ облекся въ волчью шкуру, началъ ходить на четверенькахъ около замка своей возлюбленной, выть волкомъ и продолжалъ такую жизнь до тѣхъ поръ, пока его чуть не до смерти затрепали собаки. Такіе мученики были далеко не рѣдкостью. За неимѣніемъ дѣйствительныхъ подвиговъ и страданій въ честь дамъ, рыцари выдумывали ихъ. Особенно былъ распространенъ обычай бичеванія. Въ Испаніи молодежъ каждую недѣлю ходила по городскимъ улицамъ, разряженная въ любимые цвѣта своихъ дамъ. При встрѣчѣ съ красивыми женщинами, эти кавалеры начинали изо всей силы хлестать себя плетьми, такъ что кровь ручьями текла съ ихъ спинъ; дамы кланялись и благодарили. Любовники также имѣли обыкновеніе полосовать себя передъ окнами или балконами своихъ возлюбленныхъ, которыя любовались на истерзанныя спины обожателей, жалѣли ихъ и награждали улыбками. Измѣна рыцаря дамѣ, даже простое невыполненіе ея желаній, часто нелѣпыхъ и капризныхъ, подвергали виновнаго нетолько женской мести и пренебреженію рыцарства, но и мученіямъ собственной совѣсти. Ричардъ-де-Барбесье, нарушивъ обѣтъ вѣрности, данный имъ одной принцессѣ, удалился въ лѣсъ, выстроилъ тамъ хижину и поклялся не возвращаться въ общество до тѣхъ поръ, пока не получитъ прощенія своей возлюбленной. Рыцари и дамы, терявшіе въ немъ любимаго друга и минестреля, напрасно умоляли его вернуться. Сто рыцарей и столько же дамъ обратились къ оскорбленной принцессѣ и на колѣняхъ передъ нею просили прощенія Ричарду; наконецъ, онъ былъ помилованъ и вышелъ изъ своего пустыножительства.

Рыцарская любовь, любовь свободная и честная, была прямою реакціей феодальному браку, основанному на разсчетахъ фамиліи и произволѣ домовладыки, порабощавшему и унижавшему женщину. Женщины порѣшили, что въ бракѣ нѣтъ и не можетъ быть любви, что мужъ не имѣетъ права любить свою жену, а жена свободно любить посторонняго мужчину. Эта эмансипація чувства началась въ страстной Италіи и на благословенномъ югѣ Франціи, среди нивъ, виноградниковъ, богатыхъ городовъ и великолѣпныхъ замковъ Ленгедока, куда рано проникли отъ арабовъ комфортъ, образованность, турниры и сладостное искуство любви. Здѣсь впервые возникли новыя антибрачныя идеи, развитію которыхъ много содѣйствовали трубадуры, устроявшія даже

поэтическія состязанія, на которыхъ противники спорили о разныхъ вопросахъ, относящихся къ женщинѣ и страсти. Трубадуры и романисты дѣйствовали подъ тѣмъ же женскимъ вліяніемъ, благодаря которому и возникли во Франціи формальные *суды любви*, состоявшіе изъ дамъ и рыцарей, подъ предсѣдательствомъ *князя любви*, и вырабатывавшіе новыя правила жизни, благопріятныя для эмансипаціи чувства. Такіе суды въ XII в. были въ Авиньонѣ, Лиллѣ, Турнэ, Парижѣ, а въ XIII столѣтіи появились и въ Германіи. Главнымъ ихъ занятіемъ было обсужденіе встрѣчавшихся въ жизни любовныхъ отношеній, ссоръ, измѣнъ, неудовольствій. Приговоръ не наказывалъ виновныхъ, а только рѣшалъ дѣло въ отвлеченной формѣ. Иногда, впрочемъ, налагались и наказанія. Такъ одинъ секретарь, посланный своимъ господиномъ къ дамѣ по интимному дѣлу, осмѣлился просить ея любви для самаго себя и получилъ ее. Судъ, состоявшій изъ шестидесяти дамъ подъ предсѣдательствомъ графини Фландрской, приговорилъ виновныхъ къ исключенію изъ общества рыцарей и дамъ. Одинъ любовникъ, измѣнивъ своей дамѣ, полюбилъ другую; первая донесла на него виконтессѣ нарбонской. Судъ любви постановилъ, чтобы ни одна честная женщина не отдавала своего сердца такому измѣннику. Путемъ подобныхъ приговоровъ, а главнымъ образомъ, посредствомъ рѣшенія отвлеченныхъ вопросовъ, вырабатывалась цѣлая система свободной любви, которая разносилась по Европѣ въ романахъ и въ звучныхъ пѣсняхъ трубадуровъ. Подавляемыя произволомъ феодализма и моралью католичества, женскія сердца быстро усваивали новыя идеи, ведшія за собою жизнь, полную страсти, удовольствій и приключеній. Бракъ отрицается; мужа любить невозможно, но слѣдуетъ любить кого-нибудь безъ любви нѣтъ жизни, говоритъ эта философія, радикально противорѣча на каждомъ пунктѣ догмату и морали католичества. Любовь выше всѣхъ другихъ радостей; всѣ поклонники ея, даже набожные миннезингеры открыто признаются, что они скорѣе готовы отказаться отъ райскаго блаженства, чѣмъ отъ удовольствій любви. Предметъ этой страсти, женщина, которую католицизмъ считалъ источникомъ грѣха, является теперь у трубадуровъ „образцовымъ произведеніемъ божіимъ"; для достойнаго прославленія ея поэты не находятъ словъ. Католичество клеймило женщинъ за Еву, пѣвцы любви опровергаютъ его обвиненія, говоря, что людей погубилъ Адамъ, а Ева спасла ихъ, такъ какъ она была родоначальницей Христа. По католицизму, любовь—корень погибели, по словамъ же партизановъ средневѣковой эманципаціи, она — „высшій источникъ всякой добродѣтели, всякой нравственной заслуги, всякой славы. Она улучшаетъ самыхъ хорошихъ людей и облагораживаетъ самыхъ дурныхъ". „Любовь свободна; она получаетъ законы только отъ самой себя; поэтому, ея и не можетъ быть въ бракѣ, гдѣ она становится обязанностью". Многіе считаютъ эту

философію любви системою распущенности, между тѣмъ, какъ она требовала, чтобы каждый мужчина выбиралъ себѣ одну возлюбленную и оставался вѣрнымъ ей до гроба; она требовала также, чтобы дама не принимала подарковъ отъ своего возлюбленнаго и не унижалась такимъ образомъ до степени куртизанки; она требовала любви чистой, безкорыстной и свободной, даже рутинно противорѣчила себѣ, предписывая пожизненную обязательность этого чувства. Другое противорѣчіе излагаемой системы состояло въ томъ, что женщина, отрицая возможность любви въ феодальномъ бракѣ и чувствуя себя не въ силахъ избавиться отъ этого союза, хотѣла примирить права мужа съ правами любовника, оставляя на долю перваго чисто физическія удовольствія и награждая втораго всею полнотою любви и дружбы. Грубые феодалы понимали страсть только въ послѣднемъ актѣ ея и видѣли вѣрность жены только въ матеріальной цѣломудренности ея. За нарушеніе послѣдней они расплачивались жестоко и съ женою и съ ея любовникомъ, между тѣмъ какъ платоническое ухаживанье чужихъ мужчинъ за дамою не только не возбуждало ревности мужа, но даже щекотало его самолюбіе. Въ самыхъ ревнивыхъ странахъ Европы, въ Италіи и Испаніи, независимо отъ рыцарей, женщины открыто имѣли при себѣ постоянныхъ друзей, *чичисбеевъ*, которые всюду сопровождали ихъ и стояли съ ними на короткой ногѣ. Мужья не вооружались противъ этого обычая, если только не видѣли полной связи своихъ женъ съ ихъ чичисбеями. Многія женщины также мало думали о другой любви, кромѣ платонической; половыя брачныя отношенія, не освященныя никакимъ нравственнымъ чувствомъ, возбуждали наконецъ въ нихъ отвращеніе, и они, мечтая о любви чистой и свободной воображали ее себѣ безъ этихъ опротивѣвшихъ имъ отправленій. Всѣ эти обстоятельства вели къ тому, что любовь многими понималась сначала чисто въ платоническомъ смыслѣ. „Любовь перестаетъ быть любовью, коль скоро она обратится къ реальному", говоритъ одинъ поэтъ. „Чистая любовь"—говоритъ Андре, авторъ „Principalia Amoris Praecepta" — „соединяетъ сердца двухъ любовниковъ узами взаимной нѣжности. Эта любовь состоитъ въ духовномъ созерцаніи и въ пламенной страсти; она можетъ доходить до поцѣлуя, до объятій, даже до взаимнаго прикосновенія двухъ обнаженныхъ тѣлъ, *но отнюдь не далѣе*". И въ средніе вѣка нерѣдко практиковались въ этой трудной любви, цѣловались, спали на одной постели, обнимались, но все-таки удерживались отъ окончательныхъ удовольствій. Понятно, что такое воздерживаніе могло продолжаться не долго и раздражаемая постоянно страсть вырывалась всетаки на полную свободу. Даже у людей, которые болѣе другихъ могли бы ограничиваться платонизмомъ, даже у Абеляра и Элоизы, подъ покровомъ духовной любви, скрывалась самая жгучая чувственная страсть, какъ это можно видѣть изъ ихъ нѣ-

реписки. Тоже самое отношеніе можно замѣтить и въ любви рыцарей вообще; всѣ они и трудятся, и сражаются, и служать своимъ дамамъ съ единственною цѣлью заслужить удовольствіе ихъ ложа. Отступая отъ своихъ первыхъ постановленій, запрещавшихъ финальное удовольствіе, новая система скоро провозгласила принципомъ, что *„любовь ни въ чемъ не можетъ отказывать любви“*. Если же обожателямъ не всегда удавалось достигнуть цѣли, если дамы, какъ объ этомъ постоянно рассказываютъ средневѣковые хроники и романы, часто ограничивали свои ласки поцѣлуемъ и многихъ поклонниковъ, какъ упомянутаго уже Ульриха-фонъ-Лихтенштейна, не награждали вовсе своими милостями, а только забавлялись ихъ любовною угодливостью,—то это свидѣтельствуетъ лишь о сдержанности подобныхъ женщинъ. Они не могли удовлетворять страстнымъ поползновеніямъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ поклонниковъ, потому что хотѣли не разврата, а только свободной любви, хотя самолюбіе и заставляло ихъ, не ограничиваясь однимъ любовникомъ, привлекать побольше обожателей и держать ихъ около себя, питая ихъ надежду на сладостную награду. Любовь и наслажденье жизнью сдѣлались девизомъ конца среднихъ вѣковъ и особенно эпохи Возрожденья, когда католицизмъ со своими идеалами почти вовсе потерялъ кредитъ въ средѣ образованнаго общества, когда, вслѣдствіе возрожденія древнихъ наукъ, вліянія арабовъ, умственной самодѣятельности европейцевъ и развитія матерьяльной культуры — общество болѣе и болѣе предавалось раціонализму и эпикурейской философіи, когда разумъ и природа были вознесены выше всѣхъ другихъ авторитетовъ, которымъ до тѣхъ поръ поклонялись люди. Въ этомъ антикатолическомъ движеніи главную роль играла женщина; она своею красотой и любовью отвлекала умы отъ мрачныхъ идеаловъ католицизма, заставила ихъ жить и наслаждаться, научила ихъ думать не объ отвлеченныхъ фантасмагоріяхъ, а о природѣ и дѣйствительности. Поэты, философы, странствующіе трубадуры, рыцари и дамы — всѣ говорятъ и поютъ, пишутъ и мечтаютъ о наслажденіяхъ свободной любви, объ эманципаціи чувства. Любовь дѣлается главнымъ предметомъ литературы; извѣстія о замѣчательныхъ любовныхъ исторіяхъ обходятъ всю Европу; страдальцы за любовь занимаютъ мѣсто мучениковъ въ новомъ культѣ; даже самъ суровый Данте стоитъ за свободу чувства и увѣковѣчиваетъ память двухъ такихъ мучениковъ въ пятой пѣснѣ своего „Ада“, разсказывая исторію Франчески ди Римини, очаровательной дѣвушки, выданной за безобразнаго и злаго хромца, полюбившей брата его и убитой мужемъ вмѣстѣ со своимъ любовникомъ. Когда черезъ двѣсти лѣтъ послѣ ихъ трагической смерти открыли ихъ тѣла, то они оказались совершенно цѣлыми и въ объятьяхъ другъ друга. По словамъ Данте, ихъ пламенная любовь перешла и въ загробную жизнь... И культъ любви, кромѣ многихъ подоб-

ныхъ мучениковъ за свободу чувства, имѣлъ также, подобно католицизму, своихъ апостоловъ, учителей, подвижниковъ, свои кодексы, свою мораль, свои обряды и мистеріи. Женщина царила надъ жизнью и превращала ее въ ежедневное праздненство, въ непрерывный рядъ баловъ, турнировъ, охотъ, увеселительныхъ поѣздокъ и т. д. „Не только поэты, но и всѣ образованные люди — говоритъ Лоранъ — „считали тогда любовь самымъ серьезнымъ занятіемъ жизни. Это подтверждается свидѣтельствами лучшихъ средневѣковыхъ историковъ. Въ 1284 г., разсказываетъ, наприм., Виллани, во Флоренціи составилась богатая и благородная компанія, которая, съ княземъ любви во главѣ, не думала ни о чемъ другомъ, какъ объ играхъ, танцахъ и увеселеніяхъ". Черезъ пять лѣтъ хроники опять прославляютъ другія подобныя же общества, состоявшія изъ дамъ и кавалеровъ, которые постоянно пировали въ шелковыхъ шатрахъ и расхаживали, подъ предводительствомъ князя любви, по улицамъ города, увѣнчанные гирляндами, съ пѣснями, танцами и музыкой. Такъ жила Флоренція, такъ жила и остальная Европа. Искусительница Ева побѣждала своихъ гонителей. Домостройные принципы падали, женщина дѣлалась главою общественной жизни; не только семейные праздники, балы и турниры, но даже охоты и дуэли не обходились безъ нея. Будуаръ и гостинная сдѣлались главными комнатами дома. Въ королевскихъ дворцахъ, замкахъ феодаловъ, домахъ цивилизованныхъ буржуа — вездѣ на переднемъ планѣ стали дамы. Отношенія половъ между собою, мало стѣсняемыя съ самаго начала среднихъ вѣковъ, подъ конецъ ихъ получили полную свободу. Все это неизбѣжно вело за собой крайнюю развращенность. Аристократическій эпикуреизмъ всегда губитъ общество. Женщины достигли свободы чувства, но воспитанныя, какъ и мужчины, въ тѣхъ понятіяхъ, что единственная цѣль жизни благороднаго человѣка—любовь и наслажденіе, что трудъ есть удѣлъ презрѣнной массы народа, не занятыя никакой серьезной работой, беззаботно жившія на чужой счетъ,—онѣ отдавались безъ всякаго удержу страсти и естественно доходили до всѣхъ ея излишествъ. Дамы и дѣвушки модничаютъ своею полураздѣтостью, своимъ костюмомъ, оставляющимъ на виду всѣ тайныя прелести; полунагими или даже вовсе нагими принимаютъ онѣ мужчинъ въ своихъ будуарахъ; провожаютъ гостей въ ихъ спальни, раздѣваютъ ихъ и нерѣдко сами ложатся съ ними въ постель; придворныя дамы и принцессы стараются превзойти другъ друга въ необузданности, дочери графовъ проникаютъ ночью въ комнаты чужихъ мужчинъ и принуждаютъ ихъ удовлетворять своимъ желаніямъ. Угощеніе путешественника женскимъ тѣломъ сдѣлалось какъ-бы обязанностью феодальнаго гостепріимства. Въ одномъ французскомъ стихотвореніи разсказывается, какъ рыцарь пріѣхалъ въ графскій замокъ и какъ графиня, обрадовавшись его посѣщенію, велѣла изжарить ему

огромнаго гуся и приготовить роскошную постель. „Когда же графиня пошла спать, то позвавъ красивѣйшую изъ своихъ дѣвушекъ, она сказала ей потихоньку: „поди, лягъ въ постель къ этому рыцарю и угоди ему какъ слѣдуетъ. Я охотно бы сдѣлала это сама, еслибы не моя стыдливость и не графъ, мой мужъ, который еще не уснулъ“. Всѣ общественныя увеселенія были направлены къ раздраженію половаго инстинкта, на балахъ танцы перемежались интимными rande-vous въ отдѣльныхъ комнатахъ, въ театрахъ циническія до крайности пьесы приправлялись еще непристойными жестами актеровъ, а иногда и наготою актрисъ; маскерады часто оканчивались сплошнымъ свальнымъ грѣхомъ; въ баняхъ и купальняхъ оба пола зачастую мылись вмѣстѣ; при этомъ на баденскихъ водахъ надъ купальнями устраивались галлереи, на которыхъ мужчины собирались болтать съ купающимися дамами и бросали имъ деньги и другіе подарки, а красавицы старались взапуски подхватить ихъ подолами своихъ рубашекъ; сводничество сдѣлалось самымъ прибыльнымъ и распространеннымъ ремесломъ; ни одна почти дѣвушка изъ высшихъ классовъ не выходила замужъ невинною, по свидѣтельству тогдашнихъ компетентныхъ писателей; женскіе монастыри приняли видъ домовъ терпимости, а королевскіе дворцы, наполненные благородными проститутками, содомитами, вельможными сводниками,—были даже развращеннѣе любаго публичнаго дома. Исторія превратилась въ скандальную хронику дворовъ; живопись, скульптура, поэзія занялись исключительно изображеніемъ любви на всѣ манеры, отрицаніемъ семейной жизни, осмѣяніемъ мужей и патріархальныхъ добродѣтелей. Въ низшихъ и среднихъ классахъ отражались тѣ же вліянія, и вмѣстѣ съ войнами, разбойничествомъ, забираніемъ мужчинъ въ солдаты, страшными злоупотребленіями власти,—совершенно уничтожали здѣсь и бракъ и семью. Сотни тысячъ разнаго народа вели бродячую жизнь безъ семейства, безъ собственности и среди нихъ царилъ полный гетеризмъ, дѣти не знали не только своихъ отцовъ, но часто даже и матерей. У странствующихъ актеровъ, фигляровъ, нищихъ и мошенниковъ жены сплошь и рядомъ были общія. Разложеніе семейства происходило даже въ средѣ патріархальныхъ крестьянъ и бюргеровъ. Таверны въ средніе вѣка были мѣстомъ, въ которомъ протекала большая часть жизни людей низшаго и средняго классовъ. Даже женщины постоянно пили, играли и вели любовныя интриги въ этихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, иногда съ вѣдома мужей, а большею частью тайкомъ отъ нихъ. Мужья же, въ свою очередь, пировали въ другихъ тавернахъ и наслаждались съ другими женщинами. Домъ и семейство оставлялись на произволъ судьбы, бракъ, не удовлетворявшій чувству, былъ въ пренебреженіи. Сильное развитіе проституціи шло параллельно съ паденіемъ семейства; сифилисъ свободно разгуливалъ по Европѣ, губя сотни тысячъ народа; цѣлые ряды итальянскихъ кардиналовъ и

французскихъ королей сведены въ могилу этою болѣзнью. Между тѣмъ, окончательное паденіе семейства возбудило умы къ изысканію средствъ для реформы никого уже не удовлетворявшихъ брачныхъ отношеній. Вліяніе классицизма, въ особенности Платона и эпикурейской философіи, наталкивало разсуждавшихъ объ этомъ людей на идею о безусловной свободѣ половыхъ отношеній. Авторъ самаго распространеннаго изъ произведеній средневѣковой литературы, „Roman de la Rose", говоритъ, что женщины должны быть общими, —

Toutes pour tous et tous pour toutes
Chacune pour chacun commune
Et chacun commun pour chacune!..

Остальная беллетристика, хотя и не выражалась такъ ясно, но проводила въ сущности туже мысль, которая въ подробности была развита утопистомъ-реформаторомъ Кампанеллой въ его „Республикѣ Солнца". Верховный глава этого государства, Гогъ, имѣетъ трехъ помощниковъ, Силу, Мудрость и *Любовь*. Послѣдняя заботится главнымъ образомъ о томъ, чтобы браки устроялись цѣлесообразно съ рожденіемъ хорошихъ дѣтей. „До супружества каждый мужчина можетъ жить съ каждою безплодною женщиною". Старцы-начальники и матроны-начальницы, досконально узнающіе молодыхъ людей обоего пола, когда они совершенно обнаженные занимаются гимнастикой въ палестрѣ, „сводятъ тѣхъ, которые болѣе сладострастны и болѣе возбуждаются. Если вступившая въ бракъ женщина не зачнетъ отъ одного мужчины, ее отдаютъ другимъ, если она и послѣ этого остается безплодною, то дѣлается общею..." По окончаніи кормленія материнскою грудью, дѣти поступаютъ въ общественное заведеніе, гдѣ они получаютъ образованіе, одинаковое для дѣвочекъ и мальчиковъ. Мужчины и женщины носятъ одинаковую одежду и *одинаково участвуютъ во всѣхъ занятіяхъ войны и мира*.—Въ многочисленныхъ соціально-демократическихъ сектахъ, реакціей которымъ была реформа Лютера, Кальвина и Цвингли, мы видимъ тоже стремленіе къ радикальнымъ перемѣнамъ въ области семейства и брака, къ эманципаціи женщины. „Свободный мистицизмъ", по выраженію Мишле, „рѣшился поднять женщину, которую священническая суровость волочила въ грязи". Наступила великая религіозная революція. Во многихъ сектахъ женщины были допущены къ проповѣднической и жреческой дѣятельности наравнѣ съ мужчинами; проклятіе Евы было снято съ нихъ; любовь объявлена свободною. Во многихъ другихъ сектахъ женщины являются главными ихъ учительницами и проповѣдницами эманципаціи. Таковы были, напр., дѣвица Шурманъ, принцесса палатинская Елисавета, Гиллермина миланская, дѣвицы Броганъ и Шере, Антуанета Буриньонъ,

Маргарита Порретъ; всѣ они, болѣе или менѣе, примѣшивали къ своимъ мистическимъ ученіямъ идеи эманципаціи. Во многихъ другихъ сектахъ мы также видимъ отрицаніе брака и семьи. Анабаптисты, напр., вмѣстѣ съ общностью имущества проповѣдывали и общность женъ, доказывая благодѣтельность ея мѣстами библіи. Женщины и дѣвушки играли въ этой сектѣ первенствующую роль, какъ вдохновенныя свыше пророчицы и учительницы. Но подобно многимъ другимъ мистикамъ, у которыхъ чувство и страсть всегда преобладають надъ разумомъ, анабаптисты въ своей реакціи тогдашнему браку ударились совершенно въ сторону и объявили, что многоженство не противно ни закону божескому, ни закону природы. Когда же они овладѣли Мюнстеромъ и во главѣ основанной тамъ Сіонской республики сталъ страстный, фанатическій Иванъ Лейденскій, когда при крикахъ неистовавшихъ еретиковъ *„перекрещиванье или смерть"*, въ занятомъ ими городѣ рухнули всѣ основы прежняго общественнаго и религіознаго порядка,—тогда были установлены общность имуществъ и многоженство. Иванъ Лейденскій первый подалъ тому примѣръ, заведя у себя семьнадцать женъ, блиставшихъ красотою и богатыми нарядами. Другіе анабаптисты слѣдовали своему главѣ и обзаводились нѣсколькими женами. Но полигамія вводилась въ обществѣ анабаптистовъ только силою мужчинъ и встрѣчала энергическое противодѣйствіе со стороны женщинъ. Въ католичествѣ также не мало было подобныхъ проявленій. Въ началѣ XIV в. возникъ „орденъ братьевъ и сестеръ свободнаго духа", проповѣдывавшихъ полную свободу половыхъ инстинктовъ. Въ томъ же родѣ были братства „бичующихся", „плясуновъ" и т. д.

Читатель видитъ, что и суды любви, и пѣсни трубадуровъ, и скандальныя новеллы Боккачіо, и средневѣковой развратъ, и идеи Кампанеллы, и ученія еретиковъ — все это стремилось къ отрицанію брака, къ реформѣ семейства. Какъ бы ни были уродливы проявленія этого нравственнаго переворота, въ нихъ безпристрастный изслѣдователь найдетъ извѣстное число совершенно справедливыхъ мыслей, подобно тому, какъ въ бредняхъ средневѣковыхъ мистиковъ мы находимъ начатки общепринятыхъ теперь идей прогресса и личной свободы, а въ алхиміи—зародыши истинъ химическихъ. Дѣло въ томъ, что женщина и партизаны ея чувствовали и сознавали нераціональность женской безправности и отверженности, а какъ устроить дѣло лучше, они не понимали и поэтому вдавались въ нелѣпости. Республика Кампанеллы, напр., есть ничто иное, какъ плодъ больной фантазіи, дѣйствовавшей подъ вліяніемъ платоновской утопіи, но тотъ же Кампанелла высказываетъ и совершенно справедливую мысль, — впрочемъ не свою, а тоже платоновскую,—что *женщины должны быть допущены ко всѣмъ занятіямъ мужчинъ*. Такая смѣсь истиннаго съ ложнымъ, здравыхъ идей съ утопіей, смѣсь, характеризующая собою почти всѣ проявленія

молодой мысли среднихъ вѣковъ и Возрожденія, проявляется и въ другихъ тогдашнихъ сочиненіяхъ по женскому вопросу. Многіе сознавали тогда нераціональность рабскаго, отверженнаго положенія женщинъ, но почти никто не понималъ вполнѣ, въ чемъ должно состоять ея освобожденіе и какія реформы должны совершиться вмѣстѣ съ нимъ въ обществѣ. Многія итальянскія и французскія женщины въ естественномъ порывѣ своего эманципаціоннаго энтузіазма писали книги и доказывали въ нихъ, что природа мужчины ниже женской, что женщина во всемъ стоитъ гораздо выше своего владыки. Такую мысль пропагандировали, напр. Маргарита наваррская, первая жена Генриха IV и Христина Пизанская. Одинъ изъ величайшихъ средневѣковыхъ ученыхъ, Агриппа Нетерсгеймскій, написалъ также книгу, доказывавшую превосходство женскаго пола передъ мужскимъ. Изъ этой мысли естественно вытекала другая, о томъ, что роли половъ должны перемѣниться и женщины должны сдѣлаться владычицами своихъ бывшихъ господъ. Во всей этой пестрой серіи идей и стремленій мы однако видимъ нѣсколько ясно сознанныхъ мыслей, именно, что женщина не должна быть рабыней мужа и семьи; что бракъ долженъ быть договоромъ двухъ свободныхъ личностей; что любовь есть чувство свободное и нельзя превращать его въ обязанность. Что же касается требованія Кампанеллы, чтобы мужчины и женщины одинаково участвовали во всѣхъ дѣлахъ мира и войны, то мы хотя и не находимъ у тогдашнихъ авторовъ не только болѣе подробнаго его развитія, но даже подтвержденія, однакожъ въ дѣйствительной жизни среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія мы видимъ, что женщина, наравнѣ съ мужчиною, принимаетъ участіе и въ дѣлахъ мира и въ дѣлахъ войны.

Слегка очерченныя нами эманципаціонныя стремленія во многомъ измѣняли къ лучшему положеніе женщины и спасали ее отъ разныхъ пагубныхъ притязаній мужа и феодальнаго семейства. Чѣмъ дальше подвигаемся къ концу среднихъ вѣковъ, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ браковъ, заключаемыхъ не по фамильнымъ разсчетамъ, а по свободному чувству жениха и невѣсты. Много дѣвушекъ, принадлежащихъ къ дворянству и буржуазіи, выходитъ замужъ даже противъ воли родителей и убѣгаетъ изъ ихъ дома съ любимымъ человѣкомъ. Законы сильно вооружаются противъ этого и дозволяютъ родителямъ лишать такихъ своевольныхъ дѣтей наслѣдства. Старинный народный обычай *валентинства* все более и болѣе распространяется въ высшихъ и въ среднихъ классахъ. По этому обычаю, особенно распространенному въ Англіи и Франціи, въ день Валентина, 14 февраля, молодые люди выбирали себѣ любовника или любовницу, ухаживали за ними и часто кончали бракомъ *). Многія обстоятельства, особенно гибель цѣлыхъ

*) Слѣды этого обычая сохранились въ Англіи до сихъ поръ, и ежегодно 14 февраля англійская почта развозитъ по всему государству цѣлыя тысячи любовныхъ посланій отъ дѣвушекъ къ юношамъ и на о боротъ.

тысячъ дворянъ въ крестовыхъ походахъ и возвышеніе богатой буржуазіи, ослабляли феодальное отвращеніе отъ неравныхъ браковъ (Misheirath) и тѣмъ еще болѣе давали свободы брачному союзу. Наслѣдственныя права женщины также постепенно разширялись. Ея безправность въ этомъ отношеніи возбуждала иногда негодованіе даже въ тѣхъ, которые поддерживали эту безправность. „Изъ среды этихъ воинственныхъ народовъ“ — говоритъ Легуве — „поднимается голосъ противъ обезнаслѣдованія дочерей и возбуждаетъ переворотъ“. Въ завѣщаніяхъ отцы, руководимые чувствомъ любви и справедливости, пишутъ: „милая моя дочь! между нами господствуетъ древній, но нечестивый обычай, запрещающій братьямъ дѣлить съ сестрами родительское наслѣдство. Сознавая эту несправедливость и любя равно всѣхъ васъ, моихъ дѣтей, я желаю, чтобы по сему акту, послѣ моей смерти, ты раздѣлила съ братьями поровну и родовое и благопріобрѣтенное имущество, и рабовъ, и движимость“. Это правило сдѣлалось закономъ для сѣверной Франціи, а съ постепеннымъ паденіемъ феодализма оно начало утверждаться и въ другихъ земляхъ. Уже въ половинѣ XII в. женщины были допущены къ феодальному наслѣдству въ Англіи, Кастиліи, Аррагоніи, Іерусалимѣ, Бургундіи, Фландріи, Аквитаніи, Провансѣ, нижнемъ Лангедокѣ. Быстрое уменьшеніе числа мужчинъ, вслѣдствіе крестовыхъ походовъ, смягченіе нравовъ, успѣхи женскаго вліянія возвратили имъ эти права, отнятыя у нихъ феодальнымъ варварствомъ. „Они вмѣстѣ со своею рукою передавали владѣнія въ иностранные дома, ускорили сліяніе государствъ и приготовили консолидацію великихъ монархій“, говоритъ Мишле. Но это было уже новымъ подчиненіемъ женщины фамильнымъ и политическимъ разсчетамъ, между тѣмъ какъ признаніе за нею наслѣдственныхъ правъ давало ей возможность не только семейной, но и гражданской самостоятельности. Вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ имуществомъ, съ землею, на женщинъ переходили всѣ права феодальнаго владѣльца, и средневѣковыя хроники часто разсыпаются въ похвалахъ умному и человѣколюбивому управленію многихъ самостоятельнихъ сеньоринъ. Трогательными красками описываетъ одинъ современникъ скорбь аквитанцевъ объ ихъ правительницѣ Элеонорѣ, вышедшей замужъ за Людовика VII. Она была чрезвычайно милостива къ своимъ подданнымъ, дала законы городскимъ общинамъ, первая освободила торговлю отъ стѣснявшихъ ее пошлинъ и привиллегій. Съ такимъ же искуствомъ управляли своими владѣніями многія другія королевы и сеньорины, напр., Анна Бретанская. Женщины, наслѣдовавшія перство участвовали въ юрисдикціи перовъ наравнѣ съ мужчинами; они засѣдали въ судахъ, въ парламентахъ и занимали перскія мѣста во время разныхъ торжественныхъ церемоній. Такъ Моганъ, графиня Артуа и Бургоня, при коронаціи Филиппа V держала надъ нимъ корону, вмѣстѣ съ перами-мужчинами;

она участвовала во многихъ знаменитыхъ процессахъ своего времени, напр., она была судьей въ процессѣ графа Артуа. Правомъ суда пользовались не только феодалки, но даже и настоятельницы монастырей, которыя вмѣстѣ съ деканиссами творили судъ въ своемъ округѣ и выбирали депутатовъ въ парламентъ. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что судебная власть часто переходила по наслѣдству даже къ молодымъ дѣвушкамъ, которыя, такимъ образомъ, и засѣдали въ судахъ наравнѣ съ мужчинами, одѣтыя въ судейскія шляпы. Недавно извѣстный англійскій юристъ Анстей доказалъ, что въ средневѣковой Англіи женщины, владѣвшія поземельною собственностью въ графствахъ и домами въ бургахъ, постоянно вотировали при избраніи членовъ въ парламентъ и что это право утрачено ими только въ эпоху гражданскихъ войнъ XVII вѣка. Короли и папы всегда защищали феодальныя права упомянутыхъ владѣлицъ отъ притязаній и насилій хищныхъ бароновъ. Иннокентій III признавалъ даже, что ихъ власть и привиллегіи „основаны на древнемъ обычномъ французскомъ правѣ". Но женщины тогда и сами могли постоять за себя. Участвуя въ охотахъ, верховой ѣздѣ, военныхъ упражненіяхъ, они развивали въ себѣ не только духъ храбрости, но нерѣдко и замѣчательную физическую силу, обладая которыми, они не только могли обуздывать семейныхъ тирановъ и самодуровъ, но и вести войну не хуже мужчинъ. Жены рыцарей назывались часто *всадницами* (equitissa) или *воинками* (militissa) и были вполнѣ достойны такихъ названій. Въ книгѣ Траншона (Les femmes militaires de la Françe) помѣщено около двухсотъ біографій однихъ только француженокъ, отличившихся военными доблестями со временъ Галловъ до первой имперіи. Въ другихъ странахъ женщины были не менѣе воинственны; они отличались и въ качествѣ простыхъ солдатъ и въ качествѣ полководцевъ; св. Женевьева дважды защищала Парижъ— отъ Аттилы и франковъ. Гаэта прославилась въ битвахъ съ византійскимъ императоромъ Комниномъ (1081 г.). Анна Даркъ спасла Францію отъ англійскихъ полчищъ. Филиппа, жена Эдуарда III, одержала побѣду при Невиль-Крессѣ. Жанна, графиня монфортская, когда ея мужъ былъ засаженъ въ тюрьму, съ оружіемъ въ рукахъ и во главѣ войскъ защищала его права на Бретань противъ Карла Блуа; о ней говорили, что она стоитъ храбрѣйшаго рыцаря и имѣетъ львиное сердце. И трудно перечесть всѣхъ подобныхъ героинь. Вовремя крестовыхъ походовъ множество женщинъ ходило въ Палестину вмѣстѣ съ мужьями и билось тамъ на ряду съ ними противъ невѣрныхъ. Организовались даже цѣлые женскіе эскадроны. Во главѣ нѣкоторыхъ крестоносныхъ отрядовъ стояли женщины. Одинъ арабскій историкъ, напр., разсказываетъ о дамѣ, которая, снарядивъ на свой счетъ военный корабль и собравъ 500 своихъ вассаловъ, повела ихъ въ Палестину.

Средневѣковыя женщины не только равнялись своимъ образова-

ніемъ съ мужчинами, но даже превосходили ихъ. Большинство феодаловъ состояло изъ круглыхъ невѣждъ, между тѣмъ какъ ихъ жены и дочери читали, писали, рисовали и любили книги. Многія произведенія средневѣковыхъ поэтовъ, напр., Вольфрама Эшенбаха, по безграмотству авторовъ, писаны подъ ихъ диктовку женщинами. Женщины воспитывались не только дома и въ монастыряхъ, но уже въ XIII в. мы видимъ школы для дѣвочекъ, содержимыя преимущественно женщинами. Въ монастыряхъ они серьезно занимались науками и не мало содѣйствовали развитію европейской мысли. „Среди варваровъ, раздѣлившихъ между собою остатки римской имперіи"—говоритъ г-жа Добіе—„женщины сберегли и сохранили въ монастыряхъ традиціи науки первыхъ вѣковъ христіанской эры, и въ полудикой Франціи, у грубыхъ меровинговъ были открыты для нихъ знаменитыя школы въ Арле и Пуатье". Эти ученыя женщины имѣли обыновенно свои школы, въ которыя толпами стекалось юношество обоихъ половъ. Таковы были Гертруда въ Нивеллѣ, Бертилла въ Шеллѣ, Элоиза въ Параклетѣ, Альдегонда въ Мобежѣ. Во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ женщины также имѣли доступъ ко всякому образованію, къ занятію высшими и самыми серьезными вопросами науки. Въ XIII в. одна молодая дѣвушка, получивъ степень доктора правъ, заняла въ болонскомъ университетѣ кафедру юриспруденціи и привлекала своими чтеніями толпу слушателей. Въ XIV в. одними изъ ученѣйшихъ юристовъ были двѣ дочери болонскаго профессора Д'Андреа, Новелла и Беттина, образованіемъ которыхъ руководила ихъ мать вмѣстѣ со своимъ мужемъ. Новелла часто читала вмѣсто отца съ университетской кафедры лекціи права, а Беттина, не менѣе ея знакомая съ юриспруденціей и философіей и вышедшая замужъ за профессора Санъ-Грегоріо, всегда преподавала вмѣсто него, когда что-нибудь мѣшало ему читать лекціи. Около того же времени славилась Маддалена Бусиньори, которая съ 1380 по 1396 г. читала публичныя лекціи права и оставила трактатъ о брачныхъ законахъ. Теодора Данти и Елеонора Санвитали, въ XIV в., были одними изъ лучшихъ знатоковъ математики и физики. Историческими трудами, составленіемъ лѣтописей и мемуаровъ занимались многія итальянки. Исторія филологіи и краснорѣчія также имѣетъ на своихъ страницахъ не мало именъ женщинъ, которыя успѣшно подвизались на этихъ поприщахъ. Таковы были напр., Олимпія Мората, занимавшая кафедру греческой литературы въ гейдельбергскомъ университетѣ и состоявшая въ серьезной перепискѣ со многими учеными своего времени. Лаура Борромеа, современница предыдущей, была профессоромъ классической литературы въ падуанскомъ университетѣ. Въ числѣ древнѣйшихъ авторовъ нѣмецкой литературы считается монахиня Гротсвита (940 — 1002 г.), ревностно изучавшая классическую литературу, написавшая много драмъ и эпическихъ произведеній. Въ 1179 г. умерла въ

монастырѣ Рупертсбергъ его ученая настоятельница Гильдегардъ. „Изслѣдуя загадку бытія, она возвысилась умомъ своимъ до того пантеизма, который видитъ во вселенной одну только воплотившуюся божественную сущность. По всей Германіи, даже Европѣ вела она свою переписку съ папами, прелатами и князьями“ (Scherr). Современница ея, Геррадъ, абатисса монастыря св. Одиліи, составила книгу „Садъ наслажденій“, родъ энциклопедіи, въ которой собраны тогдашнія достойныя вниманія свѣдѣнія изъ теологіи, философіи, астрономіи, географіи, исторіи, искусствъ. Все это было изложено на латинскомъ языкѣ, знаніе котораго было такъ распространено между женщинами, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахини говорили между собою по-латыни нѣмецкія императрицы и княгини вели свою переписку по-латыни дамы вышивали на поясахъ и лентахъ разныя изрѣченія, чаще всего на латинскомъ же языкѣ. Послѣ упомянутыхъ ученыхъ женщинъ, нѣмки долгое время занимались усердно церковною литературой, держались въ сторонѣ отъ свѣтской. Но съ XV в., съ этой эпохи пробужденія разума, нѣмецкія женщины, какъ увидимъ въ слѣдующихъ главахъ, внесли въ литературу и науку такую же значительную долю участія, какъ и итальянки. Во Франціи наряду съ первыми по времени ея мыслителями стоитъ несчастная любовница Абеляра, Элоиза, знавшая латинскую литературу, теологію, философію, математику и принимавшая вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ самое дѣятельное участіе въ умственномъ движеніи XIII в. Француженки, подобно своимъ сестрамъ въ другихъ странахъ Европы, во все продолженіе среднихъ вѣковъ сплошь и рядомъ получали очень хорошее образованіе, но ихъ учено-литературная дѣятельность послѣ Элоизы и вплоть до XVI в. была крайне незначительною, какъ и дѣятельность женщинъ Англіи, Германіи, Скандинавіи.

У скандинавовъ и другихъ германскихъ племенъ, какъ мы уже говорили, медицина была женскою спеціальностью, у римлянъ женщины также занимались ею. Въ періодъ феодальный, какъ въ Италіи, такъ и въ сѣверной Европѣ, уходъ за больными, составленіе лекарствъ, собираніе цѣлебныхъ матерьяловъ, храненіе устныхъ медицинскихъ традицій и изученіе имѣвшихся тогда медицинскихъ сочиненій — все это лежало на женщинахъ. Мать семейства или другая женщина была и лекаремъ и аптекаремъ для своихъ домочадцевъ и подданныхъ. Въ средневѣковыхъ разсказахъ идеальная женщина рисуется обыкновенно медикомъ. Хотя медицинскія знанія тогдашнихъ женщинъ были чисто эмпирическими, традиціонными и не имѣли вовсе научнаго характера, но вѣдь и вся медицина была такою. Парацельсій, отвергавшій медицинскіе трактаты древнихъ и арабскихъ докторовъ, говоритъ даже, что ему не нужно никакихъ другихъ учителей, кромѣ женщинъ съ ихъ опытною медициною. Когда же медицину стали преподавать въ уни-

верситетахъ, то женщины ревностно принялись изучать ее здѣсь, и многія изъ нихъ упоминаются на ряду съ извѣстнѣйшими тогда докторами-мужчинами. Въ самый блестящій періодъ салернской академіи толпы слушателей стекались въ нее на лекціи женщины, читавшей медицинскій курсъ. Доротея Букка, родившаяся въ 1400 г., основательно знакомая съ классическою литературою, математикой и философіей, занимала въ Болони кафедру медицины. Въ 1250 г. Людовикъ IX далъ граммату одной женщинѣ, служившей при немъ домашнимъ лекаремъ во время крестоваго похода. Въ грамматѣ этой восхваляются способности и неподражаемое искусство женщины-доктора и назначается ей пожизненный пенсіонъ. Не мало и другихъ женщинъ славилось своими познаніями и учеными трудами по части медицины, хирургіи, фармацевтики и ботаники. Акушерство было спеціальностью женщины, и получить званіе акушерки могли только тѣ, которыя слушали нѣсколько лѣтъ курсы теоретической и практической анатоміи, присутствовали при разсѣченіи труповъ женщинъ и дѣтей и выдерживали довольно трудный экзаменъ. „При общественныхъ церемоніяхъ, при оффиціальныхъ празднествахъ акушерки пользовались правами, равными съ правами врачей, и въ собраніяхъ медицинскихъ корпорацій они сидѣли рядомъ съ ними, въ своихъ форменныхъ костюмахъ и со своими значками. Почетныя отличія, которыми ихъ удостоивали общество и правительство, основательность и обширность ихъ свѣдѣній, огромное вліяніе, которымъ они по праву пользовались, все это вело къ тому, что во Франціи, до самой революціи, было множество въ высшей степени способныхъ акушерокъ. При Генрихѣ IV акушерка королевы Маріи Медичи оставила послѣ себя цѣлые фоліанты рукописей, свидѣтельствующихъ объ ея основательномъ знаніи профессіи и объ ея необыкновенной эрудиціи. Съ ея легкой руки и другія акушерки стали печатать и издавать свои сочиненія; теперь они уже устарѣли, но если вспомнить, въ какомъ положеніи находилась тогда медицина, то какъ бы строго мы не смотрѣли на эти работы женщинъ-докторовъ, мы все-таки должны сознаться, что ихъ знанія стояли на одномъ уровнѣ съ познаніями мужчинъ, съ тою только разницею, что ни одна изъ нихъ никогда не разражалась комическими проклятіями по поводу кровообращенія, оспопрививанія и другихъ открытій науки“ (Dodie).

Въ разсматриваемый періодъ исторіи, женщины приняли дѣятельное участіе въ развитіи музыки и пѣнія. Не перечисляя именъ этихъ пѣвицъ, музыкантшъ и композистокъ, скажемъ только, что они произвели значительный переворотъ въ упомянутыхъ искусствахъ. Когда, напр., женщины получили доступъ къ церковной музыкѣ, то весь католическій культъ совершенно преобразился. Церковная музыка потеряла свой монашескій характеръ, свой аскетическій букетъ, приняла въ себя много народныхъ элементовъ, сдѣлалась драматическою и бо-

лѣе земною, чѣмъ прежде. Появленіе женщины на театральной сценѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ дало также новую жизнь сценическому искуству, доставивъ ему возможность полнаго развитія и естественности. Кромѣ того, добытое женщиною съ большимъ трудомъ и цѣною большихъ страданій право быть актрисою, послужило для извѣстнаго числа женскихъ личностей средствомъ освобожденія отъ семейной неволи, средствомъ для самостоятельной жизни, независимой ни отъ мужа, ни отъ родителей. Мы не будемъ говорить объ участіи женщинъ въ ваяніи, живописи, архитектурѣ, поэзіи. Способность ихъ въ искуствамъ никѣмъ не отрицается, и особенно поэзія всегда имѣла въ нихъ усердныхъ дѣятельницъ. Замѣтимъ, что въ средніе вѣка и въ эпоху Возрожденія какъ непосредственная дѣятельность женщины въ поэтическомъ искуствѣ, такъ и ея посредственное вліяніе на него, имѣли тотъ результатъ, что главною задачею этой литературной отрасли сдѣлалась тогда пропаганда эманципаціи чувства, и поэзія много содѣйствовала паденію архаическаго семейства, паденію, къ которому сводились тогда всѣ другія проявленія женской дѣятельности.

Такимъ образомъ, средніе вѣка и эпоха возрожденія приходили къ полному отрицанію многихъ основъ прежняго европейскаго общества. Авторитетъ католицизма замѣнялся авторитетомъ разума, теологія уступала мѣсто наукѣ, аскетизмъ изгонялся эпикурействомъ, строгія законодательства подтачивались гуманными идеями естественнаго права, женщина значительно эманципировалась, научныя, географическія и промышленныя открытія слѣдовали одно за другимъ, свобода мысли сдѣлалась принципомъ гуманистовъ,—начиналась, повидимому, новая эпоха быстраго прогрессивнаго развитія человѣчества и многіе съ увлеченіемъ восклицали, что „возвращается золотой вѣкъ“. Но это была иллюзія. Сытое, довольное, тунеядное образованное общество забывало, что подъ нимъ волнуются милліонныя массы народа, которыя тоже стремятся къ жизни и развитію и для которыхъ идеи и формы аристократической цивилизаціи недоступны, невозможны, неудовлетворительны; а эманципированная дама и ея партизаны вовсе не думали о женщинѣ среднихъ и низшихъ классовъ, объ этой многострадательной матери, объ этой рабынѣ, подверженной и деспотизму мужа, и деспотизму феодала, и еще болѣе ужасному деспотизму бѣдности. Народъ стремился не къ раціонализму и скептицизму, а къ вѣрѣ, болѣе дешевой и человѣчной, чѣмъ католицизмъ, — явилась реформація, которая, вмѣстѣ съ возрожденнымъ католичествомъ, ниспровергла господство раціонализма и невѣрія. Буржуазія и крестьянство, постепенно освобождаясь отъ феодальной тиранніи, отъ постоянныхъ погромовъ войскъ, разбойниковъ, духовенства, получая возможность жизни болѣе мирной и самостоятельной, чѣмъ прежде,—осуществляли свои давнишнія стремленія къ патріархально-семейной жизни, развитію которой

мѣшала до тѣхъ поръ средневѣковая анархія. Семейныя, домостройныя начала воскресали съ новою силою не только въ среднихъ и низшихъ классахъ, но и въ высшихъ. Разложеніе феодальнаго семейства и эманципація женщины наносили роковой ударъ аристократическому обществу, и оно употребило всѣ усилія, чтобы отвратить отъ себя этотъ ударъ. Такимъ образомъ, XVI, XVII, XVIII столѣтія были эпохою реставраціи семейства и реакціи женскому освобожденію; но такъ какъ въ европейскомъ обществѣ не исчезли идеи, выработанныя великимъ періодомъ возрожденія разума, такъ какъ женщина не могла покориться снова тому режиму, котораго она не выноситъ даже на Востокѣ, то въ упомянутыя столѣтія, не смотря на силу реакціи, она съумѣла удержать за собою многія изъ добытыхъ ею прежде правъ, успѣшно защищала справедливость своихъ притязаній вплоть до XIX в. и всѣми способами противодѣйствовала прочному водворенію въ Европѣ тѣхъ идей, учрежденій и чувствованій, которыя превращаютъ ее въ служанку семьи и въ подневольную самку мужа.

XVI.

Реформація была реакціей той нравственной революціи, которая, съ одной стороны, проповѣдывала раціонализмъ и верховные законы природы, съ другой стороны—заявляла требованія соціально-демократическихъ перемѣнъ въ общественномъ строѣ. Реформа была компромиссомъ между католицизмомъ и стремленіями новой жизни. Она также относится къ католицизму, какъ монархія конституціонная къ абсолютной. Лютеръ вовсе не былъ поборникомъ свободы мысли, онъ ставилъ эту свободу въ очень тѣсныя границы, и Шерръ совершенно справедливо называетъ его изобрѣтателемъ ограниченнаго вѣрноподданническаго разума, а Сенъ-Симонъ—новымъ папой. Очищая католицизмъ отъ вопіющихъ злоупотребленій и вредныхъ нелѣпостей, лютеранство сохраняло и его нетерпимость и его вражду ко всякой существенной свободѣ. Будучи поставлено съ перваго же раза въ зависимость отъ свѣтской власти, оно начало проповѣдывать самое безнравственное раболѣпіе передъ сильными міра. Лютеръ защищалъ крѣпостное право и говорилъ, что простой народъ слѣдуетъ давить, иначе онъ будетъ „своеволенъ"; онъ поощрялъ феодаловъ и королей къ истребленію возставшихъ крестьянъ, послѣдователей Мюнцера и всѣхъ вообще партизановъ тогдашней демократіи. Сущность христіанства, по его мнѣнію, заключается въ пассивной покорности. „2 и 5 = 7,— это ты понимаешь своимъ разумомъ;—говоритъ онъ—но если начальство говоритъ, что 2 и 5 = 8, то ты обязанъ вѣрить ему вопреки

своему сознанію и чувству". Лютеръ, такимъ образомъ, былъ предтечею, приготовлявшимъ пути народившемуся уже тогда абсолютизму.

Обновивъ потрясенную католицизмомъ вѣру, лютеранство вооружилось противъ аскетическихъ доктринъ и учрежденій, уничтожило монастыри, дозволило бракъ духовенству, отвергло посты, смѣялось надъ самоистязаніями и въ лицѣ своего основателя говорило, что „кто не любитъ вина, женщинъ и пѣсенъ, тотъ останется дуракомъ всю свою жизнь". Но въ то же время реформація была прямо противоположна свободѣ чувства и санкціонировала тотъ патріархальный ригоризмъ, который развивался въ постепенно усиливавшейся буржуазіи и крестьянствѣ, начинавшемъ послѣ средневѣковой анархіи слагаться въ общины, пропитанныя архаическимъ духомъ. Фундаментомъ реформы была библія, и опираясь на нее, реформаторы всѣми силами старались возстановить въ Европѣ патріархальное семейство въ чисто библейскомъ духѣ. Вмѣстѣ съ аристократико-католической поэзіей церковныхъ обрядовъ, процессій, легендъ, фантастическихъ представленій лютеранство изгоняло изъ жизни всю веселость и живость предыдущихъ вѣковъ, замѣняя ихъ трудомъ, умѣренностью, порядкомъ, патріархальными радостями, и стараясь изо всѣхъ силъ о развитіи патріархальныхъ добродѣтелей. Протестантское духовенство Франціи строго запрещало всѣмъ посѣщать театры, считало танцы богопротивнымъ занятіемъ; предписывало, чтобы никто не носилъ яркой одежды и волосы у всѣхъ были бы причесаны съ надлежащею скромностью; объявляло, что женщины, прибѣгающія къ румянамъ, будутъ лишаемы причастія, что они „должны избѣгать новыхъ модъ нынѣшняго свѣта", не увлекать мужчинъ „роскошью сладострастныхъ кудрей", не имѣть на платьѣ кистей, а на перчаткахъ лентъ и шелковыхъ украшеній, не носить пышныхъ юбокъ и широкихъ рукавовъ. Протестанты, кальвинисты, квакеры, пуритане, даже послѣдователи возрожденнаго католичества—всѣ съ большею или меньшею ревностью возстали въ XVII в. противъ кокетства, роскоши, вольности нравовъ. У пуританъ, напр., нравы и обычаи были подчинены кодексу, похожему на кодексъ синагоги, когда она была въ наихудшемъ своемъ состояніи, говоритъ Маколей. „Украшать гирляндами майскую березку, пить за здоровье другъ друга, помыкать сокола, охотиться на оленя, играть въ шахматы, носить локоны, крахмалить брыжи, играть на клавикордахъ, читать произведенія поэзіи—все это считалось грѣхомъ. Ученость и краснорѣчіе они презирали, изящныя искуства ожесточенно преслѣдовали, театры были закрыты, актеры выдраны розгами, печать подчинена надзору строгихъ цензоровъ, музы изгнаны изъ Кембриджа и Оксфорда". Въ протестантскихъ и даже въ католическихъ странахъ въ эпоху реформаціи свѣтская власть вмѣстѣ съ духовенствомъ начинаетъ преслѣдовать фривольные нравы, соблазнительныя моды, женскую расточитель-

ность, „безстыдные танцы“, соблазнительныя сборища, непристойныя женскія платья, „ничего не прикрывающія ни спереди, ни сзади“. Проступки противъ половой нравственности наказываются съ особенною строгостью. Лютеръ ненавидѣлъ проститутокъ болѣе, чѣмъ чорта; „еслибы я былъ судьей, то колесовалъ бы этихъ каналій, жилы бы вытягивать сталъ изъ нихъ“, говорилъ онъ. При такихъ воззрѣніяхъ, строгіе законы противъ половыхъ преступленій и проступковъ начали приводиться въ исполненіе гораздо чаще прежняго. Въ нѣмецкихъ городахъ падшія дѣвушки съ позоромъ изгонялись изъ мѣстъ своего жительства. Съ барабаннымъ боемъ обводили ихъ вокругъ городской площади, наказывали публично розгами и потомъ выгоняли за городскія ворота. Противъ проститутокъ часто предпринимались чуть-чуть не крестовые походы. Мужья жестоко наказывали своихъ провинившихся женъ, а государи выдумывали строгіе законы противъ половой безнравственности. Чистоту брачнаго ложа и невинность дѣвушки хотѣли охранить страхомъ плетей, тюрьмы, позора. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрожденіе патріархальности и стариныхъ доктринъ о бракѣ вело за собой отнятіе у незаконнорожденныхъ дѣтей не только матеріальнаго обезпеченія и семейнаго пріюта, но даже и чести. Европа въ этомъ отношеніи стала ниже и безчеловѣчнѣе презираемаго ею Востока.

Реформація не проклинала и не отвергала женщины, подобно католицизму. Лютеръ, жена котораго имѣла на него большое вліяніе и въ дѣлѣ котораго женщины играли значительную роль,—Лютеръ смотрѣлъ на женщину довольно благосклонно. „Если женщины принимаютъ евангельское ученіе“,—говорилъ онъ,—„то онѣ гораздо крѣпче и пламеннѣе въ вѣрѣ, чѣмъ мущины.“ Но при этомъ онъ смотритъ на семейное и общественное положеніе женщины съ той же точки зрѣнія, какъ и нашъ попъ Сильверстъ, авторъ *Домостроя*. Женщина, по его воззрѣнію, должна служить мужу, неустанно работать для него, во всемъ повиноваться его волѣ и не причинять ему никакого горя во всю свою жизнь. Она уподобляется купеческому судну, которое везетъ изъ дальнихъ странъ много добра и товаровъ... Она открываетъ уста свои съ мудростью; на языкѣ ея пріятное поученіе; она воспитываетъ дѣтей своихъ словомъ божіимъ.“ Любовь къ такой женѣ, проникнутая „страхомъ божіимъ“, вполнѣ законна; безбрачіе противно законамъ природы и Бога. Отвергнувъ церковное вѣнчанье, лютеранство признало бракъ священнымъ въ собственной его сущности. Но противодѣйствуя аскетическимъ понятіямъ о бракѣ, эпоха реформаціи еще сильнѣе вооружалась противъ средневѣковыхъ доктринъ, отрицавшихъ бракъ и пропагандировавшихъ свободу чувства. Лучшимъ выразителемъ этой реакціи можетъ служить Альбрехтъ фонъ-Эйбъ, который свою книгу о бракѣ представилъ нюрнбергскому городскому совѣту, какъ бы предугадывая ту роль, которую должна была играть буржуазія въ дѣлѣ воз-

становленія семейства. „Богъ создалъ сначала мужчину по своему божественному подобію, а потомъ женщину по образу мужчины, чтобы они рождали дѣтей и населяли землю.“ Для этого онъ самъ учредилъ и освятилъ бракъ. Бракъ священенъ и полезенъ, потому что онъ создаетъ и содержитъ въ мирѣ дома, города и страны, посредствомъ его обработываются поля, прекращаются многія распри и войны, между людьми чужими установляются родство и дружба, увѣковѣчивается родъ человѣческій. Бракъ также даетъ радости и наслажденія, которыя заключаются въ привязанности дѣтей къ родителямъ и „въ праведной любви супруговъ.“ Любовь же эта не должна быть цѣлью для самой себя,—она законна только „въ страхѣ божіемъ“, и цѣлью ея должны быть, во первыхъ, нравственное преуспѣяніе самихъ супруговъ, а во вторыхъ, христіанское рожденіе и воспитаніе дѣтей. При водвореніи въ умахъ такихъ понятій, отъ женщины начали требовать, чтобы она была хорошею христіанкою, доброю матерью, вѣрною женою, распорядительною хозяйкою и послушною помощницей мужа, которому должна во всемъ повиноваться. Пасторы, буржуа, крестьяне, аристократы, государи, мужчины, женщины—всѣ проникались идеаломъ этой доброй жены. Даже философы и публицисты трактовали о томъ же лютеранско-патріархальномъ идеалѣ, вводя его въ свои доктрины естественнаго права. По Гуго Гроту, Пуффендорфу, Альберти, Томазіусу и другимъ подобнымъ мыслителямъ, цѣль брака—произведеніе потомства. Почти всѣ они учатъ, что, по естественному праву, жена подчинена власти мужа во всѣхъ отношеніяхъ и что на такую подчиненность она осуждена и природой, и самою цѣлью брачнаго союза. Даже лучшіе представители гуманизма XVI в., и тѣ, стремясь къ мирной семейной жизни, невольно увлекались идеаломъ „доброй жены“, и хотя и не смотрѣли на бракъ такъ патріархально, какъ лютеране, но все-таки желали видѣть въ женѣ служанку мужа, которую онъ держитъ для своего удовольствія. „Теперь“—пишетъ одному своему другу Ульрихъ фонъ-Гуттенъ—„мною овладѣло страстное желаніе покоя. Для этого мнѣ необходима жена, которая бы заботилась обо мнѣ. Мой характеръ ты знаешь. Я не люблю быть одинъ, особенно ночью. Мнѣ нужно существо, подлѣ котораго я могъ бы отдыхать отъ заботъ и серьезныхъ занятій и съ которымъ я могъ бы играть, шутить и вести пріятную, легкую бесѣду. Дай мнѣ жену, мой Фридрихъ, прекрасную, молодую, воспитанную, веселую, цѣломудренную, терпѣливую!“ Вотъ чего требовали отъ брака даже лучшіе мужчины реформаціонной эпохи. Развившись на греческихъ и латинскихъ авторахъ, они старались осуществить классическіе идеалы брака, подобно тому, какъ лютеране—библейскіе.

Стремленія реформаторовъ и законодателей къ возстановленію патріархальныхъ добродѣтелей вполнѣ гармонировали съ духомъ массъ,

увлеченныхъ религіознымъ движеніемъ. Какъ лютеране, такъ и всѣ предшествовавшія имъ многочисленныя секты еретиковъ, руководимыя религіознымъ энтузіазмомъ, отличались примѣрною жизнью. Еретика можно было узнать даже по наружности, по его скромности, серьезности, по слѣдамъ воздержности, отпечатаннымъ на его физіономіи, по благочестивости его разговора. Въ 1170 г. одинъ католическій попъ въ Реймсѣ, встрѣтивъ молодую дѣвушку, хотѣлъ соблазнить ее; она отвергла его предложеніе, сказавъ, что если потеряетъ дѣвственность, то будетъ осуждена на вѣчныя муки. Попъ тотчасъ понялъ, что это еретичка, донесъ на нее, и ее сожгли на кострѣ. Въ этомъ религіозномъ движеніи женщины играли весьма важную роль. Еще задолго до Лютера и Кальвина, въ тиши семейной жизни женщины воспитывали тѣ мысли и чувствованія, которыя вполнѣ обнаружились при появленіи реформаторовъ. Изъ біографій замѣчательныхъ реформатокъ видно, что свое религіозное направленіе они получали отъ матерей, хотя нѣкоторыя изъ послѣднихъ никогда не имѣли смѣлости формально перейти въ новую вѣру. Но ихъ дочери явно ставали подъ знамя реформы и посвящали всю свою жизнь служенію ей. Женщины реформаціи играютъ туже самую роль и въ тѣхъ же широкихъ размѣрахъ, какъ и женщины первыхъ вѣковъ христіанства. Въ дворцахъ государей XVI и XVII в., какъ и при дворахъ варварскихъ вождей VII, VIII и IX столѣтій, женщины держатъ втайнѣ проповѣдниковъ новой вѣры, отправляютъ реформатское богослуженіе, ведутъ пропаганду и своею искреннею ревностью къ реформѣ поддерживаютъ ее гораздо дѣятельнѣе, чѣмъ государи, зараженные индифферентизмомъ и приставшіе къ реформаціи большею частью по разсчету. Королевы останавливаютъ или ослабляютъ религіозныя гоненія, облегчаютъ участь осужденныхъ еретиковъ, покровительствуютъ проповѣдникамъ, воспитываютъ въ своихъ дѣтяхъ будущихъ героевъ и защитниковъ новой вѣры. Вообще же, женщины реформы строятъ храмы, проповѣдуютъ, распространяютъ библію на живыхъ языкахъ, поддерживаютъ колеблющихся въ вѣрѣ, изучаютъ писаніе, ведутъ бесѣды съ учеными и проповѣдниками, пишутъ книги противъ католицизма и за реформацію, съ героизмомъ древнихъ мученицъ переносятъ пытки инквизиціи, безбоязненно идутъ на смерть и своимъ примѣромъ, сплошь и рядомъ, поддерживаютъ духъ мужчинъ, обрѣченныхъ смерти за свои вѣрованія. Среди ужасныхъ гоненій на послѣдователей новой религіи, среди религіозныхъ войнъ и междоусобицъ, потрясавшихъ Европу и подвергавшихъ ея жителей всевозможнымъ бѣдствіямъ, женщины, лишенныя дѣтей, мужей, родителей, имущества, пристанища, заключаемыя въ тюрьмы, подвергаемыя возможнымъ жестокостямъ палачей-судей, сожигаемыя на кострахъ—изумляли даже гонителей своею стойкостью и непреклонностью своихъ стремленій. Ихъ религіозная ревность съ изу-

мительною силою противодѣйствовала духу среднихъ вѣковъ и эпохѣ возрожденія. Женщины удаляются отъ забавъ и радостей свѣтской жизни, чтобы вести одинокую жизнь, посвященную религіи. Физическая красота, кокетство, поэзія, музыка, танцы — все-это теряетъ въ ихъ глазахъ свою прелесть. Ученыя женщины отрицаютъ науку во имя вѣры, какъ напр., знаменитая Олимпія Мората, промѣнявшая учено-литературную дѣятельность на роль девотки, жены и хозяйки во вкусѣ Лютера. При такомъ энтузіазмѣ, овладѣвшемъ сердцами какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, легко было на время осуществиться идеалу патріархальнаго брака въ духѣ библіи. Мужчина и женщина служили одному дѣлу, и брачный союзъ ихъ былъ также однимъ изъ проявленій этого служенія. Во всѣхъ тогдашнихъ бракахъ, женихъ и нѣвѣста, сплошь и рядомъ, очень пожилые, увлекаются другъ въ другѣ не красотою, а христіанскими добродѣтелями. Жены Кальвина, Цвингли, Лютера и другихъ реформаторовъ были ихъ ревностными ученицами, ихъ созданіемъ, ихъ добровольными рабынями. Личность жены совершенно сливалась съ личностью мужа. Они вмѣстѣ молились, вмѣстѣ воспитывали дѣтей, вмѣстѣ читали, вмѣстѣ помогали бѣднымъ, и не разъ случалось, что даже вмѣстѣ умирали, — одинъ изъ нихъ не могъ пережить другаго и, узнавъ объ его смерти, испускалъ духъ свой въ надеждѣ соединиться съ умершимъ другомъ въ царствѣ небесномъ (См. M. Child, Biografies of good wives, 41). Овдовѣвшая женщина считала преступленіемъ нарушить вторичнымъ бракомъ обѣтъ, данный покойному мужу; она жила только воспоминаніемъ о немъ, и эта упорная любовь нерѣдко доходила до того, что вдова чувствовала, какъ около нея витаетъ любящій ее духъ покойнаго. Такъ, напр., овдовѣвшая мистриссъ Флетчеръ говоритъ, что мужъ „теперь ближе къ ней, чѣмъ прежде; что онъ хранитъ и бережетъ ее, знаетъ всѣ ея мысли." „Вчера ночью" — пишетъ она въ дневникѣ — „во время сна я совершенно ясно чувствовала присутствіе моего дорогаго мужа и ощущала сладостное блаженство, соединяясь съ его духомъ." Для такихъ преданныхъ женъ мужья были высшими авторитетами, полными господами ихъ умовъ и сердецъ. Упомянутая уже нами жена извѣстнаго пастора Флетчера говоритъ о себѣ: „Господь вразумилъ меня въ томъ, что будетъ объявлять мнѣ волю свою посредствомъ моего дорогаго мужа, распоряженія котораго я принимала, какъ повелѣнія божіи и повиновалась ему, какъ Христу церковь. Я отдалась, какъ ребенокъ, его руководительству и повиновалась его волѣ, отрекаясь отъ своихъ собственныхъ желаній." И такія жены встрѣчались не въ одной только средѣ пасторовъ, проповѣдниковъ и религіозныхъ энтузіастовъ, а во всѣхъ классахъ общества. Таковы были, напр., жены живописцевъ Флаксмана и Блэка. Біографъ послѣдней говоритъ: „она считала своего мужа величайшимъ геніемъ на землѣ; она благоговѣла передъ его

стихами и картинами; она преклоняла колѣна передъ самыми дикими порывами его фантазіи. Она отлично вела его хозяйство, училась думать, какъ онъ думалъ и, поблажая его нелѣпымъ капризамъ, сдѣлалась вполнѣ костью отъ костей его и плотью отъ плоти его.“

Вмѣстѣ съ возстановленіемъ строгаго брака, эпоха реформаціи, какъ въ протестантскихъ, такъ и въ католическихъ земляхъ, стремилась къ реставраціи патріархальнаго семейства и строгой отеческой власти. Библейская семья снова выставляется образцомъ и раціональность ея доказывается аргументами, заимствованными изъ новой системы естественнаго права. Даже одинъ изъ величайшихъ мыслителей тѣхъ временъ, Гоббсъ, поетъ въ унисонъ съ протестантскою церковью, признавая отца неограниченнымъ государемъ дома, который третируетъ дѣтей, какъ ему угодно, а въ случаѣ нужды, *можетъ даже продавать ихъ и отдавать въ залогъ*. Другой знаменитый ученый, Боденъ, ревностно пропагандируя возстановленіе патріархальной родительской власти, доказываетъ, что необходимо ввести снова самые строгіе законы противъ семейныхъ проступковъ и преступленій, а отцамъ предоставить право надъ жизнью и смертью своихъ дѣтей. Для семейства, по его мнѣнію, есть только одна естественная власть—власть домовладыки, который служитъ „истиннымъ подобіемъ отца всѣхъ вещей вышняго Бога.“ Боденъ чуть-чуть не доказываетъ всемогущество родителя, выставляя на видъ дѣйствительность его проклятій и благословеній..... Отецъ обязанъ только кормить дѣтей и наставлять ихъ нравственности; дѣти же должны „любить, уважать, кормить отца; безусловно повиноваться и служить ему, скрывать и маскировать всѣ его недостатки и пороки, не щадить ни своихъ интересовъ, ни своей крови для спасенія и поддержанія его жизни.“ Дѣти не имѣютъ права не только пренебрегать своими обязанностями, если родитель не исполняетъ своихъ, но даже и защищаться отъ нападеній отца, хотя бы онъ въ припадкѣ безумнаго раздраженія намѣревался убить ихъ. Мысли и желанія Гоббса, Бодена и другихъ, писавшихъ о реставраціи родительской власти, были только эхомъ голосовъ, всюду раздававшихся въ европейскомъ обществѣ. Насколько были успѣшны всѣ эти реставраціонныя старанія, можно судить по Франціи, въ которой отеческая власть была наименѣе слаба, а попытки къ ея укрѣпленію наименѣе удачны, вслѣдствіе противодѣйствій государственной власти. Въ концѣ XVI в. одинъ французскій судья писалъ, что въ земляхъ обычнаго права „несчастные отцы не имѣютъ и тѣни власти надъ своими дѣтьми.“ Между тѣмъ отцы продавали дѣтей, имѣли право заключать ихъ въ тюрьмы, лишать наслѣдства; большинство обычныхъ законовъ считало сына совершенно неспособнымъ къ самостоятельной дѣятельности; все, что пріобрѣталъ онъ, принадлежало отцу. Правомъ подвергать дѣтей дисциплинарнымъ наказаніямъ

родители пользовались съ особеннымъ рвеніемъ. Парижскій парламентъ писалъ въ 1697 г., что „этотъ остатокъ древней родительской власти приводитъ ко многимъ злоупотребленіямъ, что въ тюрьмахъ сидятъ заключенные по волѣ отцовъ даже взрослые люди, имѣющіе отъ роду лѣтъ 30 и болѣе, что брошенные въ среду всякаго рода преступниковъ подобные заключенники только портятся нравственно“ и т. д. Еще ужаснѣе была отеческая власть въ странахъ, управлявшихся римскимъ правомъ. Здѣсь отецъ былъ всеправнымъ деспотомъ и могъ даже, лишивъ дѣтей всѣхъ правъ, ссылать ихъ на галеры. Особенно беззащитны были дочери и младшіе сыновья. Институція первородства отъ аристократіи мало-по-малу переходила къ низшимъ классамъ, принимавшимъ ее вслѣдствіе бѣдности, ради сохраненія въ семействахъ тѣхъ клочковъ земли, которые кормили ихъ. Младшіе сыновья принуждены были жить въ безбрачіи и дѣлались работниками семейства. Въ Пиринеяхъ до сихъ поръ можно видѣть образецъ такихъ порядковъ. Здѣсь младшіе сыновья живутъ и работаютъ для своихъ племянниковъ. „Дурно одѣтые, лишенные всего необходимаго“, говоритъ очевидецъ, „они могутъ завидовать собакѣ, которая содержится лучше ихъ... Они—безплатные работники своей сестры, своего брата, своихъ племянниковъ или племянницъ, съ ними обращаются, какъ со скотинами“ *). Богатая буржуазія въ XVI и XVII в. также начинаетъ устраивать свои семейства по аристократическому образцу, вводя право первородства и устраняя отъ наслѣдства дочерей. Необходимость заставляла младшихъ сыновей въ бѣдныхъ семействахъ покоряться первенцамъ; въ богатыхъ же домахъ первородство поддерживалось властью отца, который могъ всегда удалить и обуздать строптиваго сына, заключивъ его въ монастырь или въ тюрьму, отославъ его на флотъ, въ армію или даже на галеры. Что могла значить въ старинной Европѣ родительская власть, показываетъ біографія Мирабо, отецъ котораго ненавидѣлъ его, когда тотъ еще былъ ребенкомъ, пріискивалъ для него самыхъ взыскательныхъ и жестокихъ учителей, а потомъ отдалъ его въ военную службу. За долгъ въ 40 луидоровъ Мирабо былъ посаженъ отцомъ въ крѣпость и освободился только потому, что полкъ его приготовлялся въ корсиканскую экспедицію. Мирабо женился и снова вошелъ въ долги, отецъ за это подвергаетъ его ссылкѣ и заключаетъ, какъ опаснаго человѣка, въ Маноскѣ. Мирабо, побуждаемый однимъ важнымъ семейнымъ дѣломъ, бѣжитъ изъ Маноска; его арестуютъ, отрывая отъ умирающаго сына и садятъ въ мрачный замокъ д'Ифъ, поступая съ нимъ, какъ съ государственнымъ преступникомъ,

*) Въ средніе вѣка въ этихъ мѣстностяхъ, «на уединенныхъ фермахъ, удаленныхъ отъ всякаго сосѣдства и всякой женщины, братья жили со своими сестрами, которыя были ихъ служанками и всѣмъ, чѣмъ угодно» (Michelet).

и запрещая ему всякую корреспонденцію. Друзья хлопочутъ у властей объ его освобожденіи; но ни просьбы, ни жалобы, ни голосъ общественнаго мнѣнія, ни вмѣшательство королевскаго прокурора не въ силахъ не только освободить Мирабо, но даже избавить его отъ тѣхъ жестокостей и притѣсненій, которымъ онъ подвергался въ тюрьмѣ. Мирабо со своей возлюбленной бѣжалъ въ Амстердамъ; его приговорили заочно къ отсѣченію головы. Отецъ послалъ въ Голландію своего агента, приказавъ ему привести Мирабо живаго или мертваго. Его арестовали, привезли въ кандалахъ во Францію и заключили въ Венсенъ. Только смерть старшаго сына заставила отца, въ интересахъ фамиліи, освободить Мирабо, когда ему было уже тридцать два года. Такъ деспотствовали отцы и такъ правительство содѣйствовало ихъ произволу.

Реставрація отеческой власти и патріархальнаго семейства, возрожденіе семейныхъ чувствованій и добродѣтелей совершились въ буржуазіи и крестьянствѣ гораздо полнѣе, чѣмъ въ высшихъ классахъ общества. Свобода городовъ и ослабленіе феодальнаго произвола дали городскимъ и сельскимъ жителямъ возможность устроить свою частную жизнь такъ, какъ она всегда существовала у людей ихъ положенія и развитія. Въ XVI, XVII, XVIII в. семья бюргера или крестьянина была такимъ же патріархальнымъ, изолированнымъ, традиціоннымъ, состоявшимъ подъ абсолютною властью отца союзомъ, какъ и семьи нашихъ крестьянъ и купцовъ. Въ семействахъ дворянъ, государей, пасторовъ, профессоровъ, ученыхъ произошла такая же перемѣна, хотя и въ гораздо меньшей степени. Народные обычаи и воззрѣнія на семейство и женщину вмѣстѣ съ библейскими и церковными идеями о нихъ распространились въ обществѣ гораздо больше, чѣмъ когда либо прежде. Семейные праздники, семейныя молитвы, семейныя работы, хроники семейной жизни, книги, проповѣди, стихотворенія, изрѣченія и пословицы, написанныя на стѣнахъ и дверяхъ домовъ и внушавшія ихъ обитателямъ правила патріархальной нравственности, образованіе и воспитаніе юношества, общественное мнѣніе и отеческая власть—все это поддерживало и развивало возрожденную семью, набрасывая на всю общественную жизнь оттѣнокъ патріархальности. Образованіе и воспитаніе женщины были направлены къ приготовленію изъ нея патріархальной жены и хозяйки. Отцы, мужья, братья имѣли надъ женщиною огромную власть и старались держать ее въ ежевыхъ рукавицахъ. Даже въ концѣ XVIII в. въ Германіи отцы управляли семействомъ, говоритъ Льюисъ, посредствомъ палки и плети. „Даже братья имѣли почти родительскую власть надъ сестрами. Женщина находилась не только подъ игомъ родителей, мужей и братьевъ, но и общество сильно ограничивало ее своими предразсудками. Ни одна, напр., горожанка высшаго класса не могла выходить изъ дому одна;

служанка слѣдовала за нею и въ церковь, и въ лавку, и на прогулку". Женское образованіе у нѣмцевъ вплоть до XIX в. было самое жалкое. Въ высшемъ кругу общества оно не шло далѣе французской болтовни, пѣнія и музыки. Въ буржуазіи чтеніе романовъ женщиною считалось грѣхомъ и преступленіемъ. Дѣвушекъ съ малолѣтства, иногда съ пяти лѣтъ, заставляли долбить протестантскій катихизисъ и библію, читать проповѣди и разныя благоговѣйныя размышленія. Въ нихъ такимъ образомъ убивали все живое. Въ дѣвичьихъ нѣмецкихъ школахъ XVI в. учили читать и писать, пѣть псалмы, зубрить наизусть катехизисъ и нѣкоторыя мѣста изъ библіи. Учительницами выбирались старыя дѣвы, набожныя, знавшія библію, отличавшіяся добродѣтелями. Послѣ школы, дѣвушка поступала подъ руководство матери, которая пріучала ее къ хозяйству, внушала ей страхъ божій и своимъ примѣромъ наставляла ее пассивной покорности домовладыкѣ и рутинной приверженности къ патріархальнымъ обычаямъ. Въ Англіи, по словамъ Маколея, литературные запасы женъ и дочерей помѣщиковъ обыкновенно состояли изъ молитвенниковъ и рецептурныхъ книгъ. Если дѣвица имѣла малѣйшія литературныя свѣдѣнія, на нее смотрѣли, какъ на чудо. Благорожденныя, благовоспитанныя и весьма понятливыя дамы не могли написать одной строчки на своемъ родномъ языкѣ безъ такихъ солецизмовъ и орфографическихъ ошибокъ, какихъ теперь постыдилась бы даже ученица школы для бѣдныхъ. Уровень женскаго образованія былъ низокъ, и опаснѣе было стоять выше, чѣмъ ниже этого уровня. Крайнее невѣжество и легкомысліе считалось въ дамѣ менѣе неприличными, нежели легчайшій оттѣнокъ педантства и учености. Только во Франціи, да частью въ Италіи въ это время, какъ увидимъ ниже, образованіе женщинъ стояло довольно высоко и они гораздо менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, были подавлены семействомъ и устранены отъ общественной дѣятельности. Но и здѣсь, какъ и въ Германіи, религіозное движеніе эпохи много противодѣйствовало умственному развитію женщины, погружая ее въ хаосъ крайняго мистицизма. Другъ Декарта, Елизавета Палатинская, принадлежавшая къ самымъ передовымъ людямъ своего времени, кончила тѣмъ, что сдѣлалась настоятельницею монастыря, не заразившись, впрочемъ, ни мистицизмомъ, ни фанатизмомъ. Современница ея, знаменитая писательница и ученая Анна Шурманъ, кончила гораздо хуже, всецѣло предавшись мистицизму. Таже участь постигла и Жакелину Паскаль, сестру извѣстнаго писателя, которая не уступала послѣднему своими талантами; но эти таланты она убила въ себѣ, предавшись аскетическому мистицизму и за живо похоронивъ себя въ монастырской кельѣ.

Въ юридическомъ отношеніи въ этотъ періодъ интересы женщинъ пострадали значительно. Ихъ феодальныя права были ограничены Людовикомъ XIV; въ Англіи женщины - собственницы лишились

избирательнаго права; въ крестьянствѣ, буржазіи и аристократіи начала развиваться общность имущества супруговъ, которая почти равнозначительна полному отрицанію правъ собственности жены.

Протестантскія законодательства признали согласіе родителей необходимымъ условіемъ для заключенія брака ихъ дѣтей. Не только въ лютеранскихъ земляхъ, но и въ католическихъ, даже во Франціи въ XVI вѣкѣ юристы и попы употребляли всѣ усилія, чтобы сдѣлать браки невозможными безъ согласія на нихъ родителей. Въ общинахъ гернгутеровъ и многихъ другихъ сектантовъ для заключенія брака не достаточно было даже родительскаго дозволенія, а требовалось еще согласіе общины или ея предстоятеля. Личныя наклонности и чувства брачущихся были окончательно принесены въ жертву отцовскому произволу и фамильнымъ разсчетамъ. Въ царственныхъ семействахъ, въ домахъ феодаловъ, буржуа, крестьянъ — бракъ былъ въ большинствѣ случаевъ средствомъ для заключенія выгоднаго союза, для избѣжанія какого нибудь семейнаго несчастія, для поправленія финансовыхъ обстоятельствъ, для полученія хорошей должности, для пріобрѣтенія въ лицѣ жены работницы и хозяйки. Съ малолѣтства дѣвушкѣ, нерѣдко съ того времени, какъ она еще лежала въ колыбели, ей старались найти выгодный сбытъ и обручивъ съ женихомъ, откладывали свадьбу до совершеннолѣтія. Часто вѣнчали даже ребенка съ ребенкомъ, и еще чаще отдавали ребенка замужъ за стараго, истасканнаго старика. Повѣнчавъ неспособныхъ еще къ супружескому сожительству дѣтей, родители преждевременно будили ихъ половые инстинкты, развращали ихъ и поселяли между ними взаимное отвращеніе. Людовика XIII мать женила четырнадцати лѣтъ. Онъ былъ совершенно равнодушенъ къ этому браку и вечеромъ послѣ роскошной свадьбы завалился спать. Впродолженіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ мать и жена Людовика, придворные, иностранные посланники безуспѣшно старались пробудить въ немъ половой инстинктъ. Прошло четыре года. 25 января 1617 года Людовикъ, проведшій часть вечера у королевы, пошелъ спать на свою половину. Но въ 11 часовъ его разбудилъ Люинь: „пойдемте, государь, пора уже; васъ ожидаетъ королева“. Людовикъ упирается. Люинь схватываетъ его въ охабку и уноситъ въ спальню королевы. Тогда только его величество позналъ ея величество. Въ высшихъ слояхъ общества, бракъ превратился такимъ образомъ въ чисто торговую сдѣлку и невѣстой распоряжались, какъ хотѣли. Съ развитіемъ королевскаго абсолютизма и съ превращеніемъ феодаловъ въ придворныхъ и чиновниковъ, короли начали также вмѣшиваться въ брачныя дѣла своихъ подданныхъ, устроя союзы по своимъ капризамъ или разсчетамъ. Во Франціи королевская власть въ этомъ отношеніи давила равнымъ образомъ и отца, и сына, и дочь. Изъ фамиліи Монморанси, напр., никто никогда не женился по своей волѣ. Короли здѣсь приказывали же-

ниться, приказывали и выходить замужъ; иногда они силою захватывали невѣсту и силою выдавали ее за того, за кого не хотѣла ни она сама, ни ея семья; браки, состоявшіеся вопреки видамъ и желаніямъ короля, расторгались имъ, и т. д. Разсчетъ до того овладѣлъ брачными союзами, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣвушки имѣли возможность свободно выбирать себѣ мужа, они руководились вовсе не любовью и вкусомъ, а только практическими соображеніями. Падающій феодализмъ, оставляя свою гордость и не дорожа своими сгнившими пергаментами, искалъ союзовъ съ богатой буржуазіей, а послѣдняя цѣною золота покупала себѣ родство со знатными родами. Особенно во Франціи XVII и XVIII в. любовь къ деньгамъ и страсть легкой наживы окончательно опошлили собою институцію семейства. Дѣвушки и сами торговали собой, и еще чаще эту торговлю вели отцы и получали деньги за своихъ дочерей во время ихъ малолѣтства. Графъ Буильонъ, напр., проигравшись въ пухъ, женился на двѣнадцатилѣтней дѣвицѣ Крозá. Получивъ въ приданое два милліона, онъ промоталъ ихъ въ то время, какъ его малолѣтняя жена училась читать и пѣть въ монастырѣ, куда ее отдали тотчасъ послѣ вѣнчанья. Маркизъ д'Оазъ заключилъ договоръ съ Андре ле-Мисисипьянъ, который обязался выдать за него свою двухлѣтнюю дочь и, уплачивая ему ежегодно по 20,000 ливровъ даже въ случаѣ, еслибы бракъ не состоялся, дать въ приданное 2,000,000 ливровъ. Такая торговля женскимъ тѣломъ, такая проституція въ формѣ брака продолжаетъ существовать даже до сегодня какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ слояхъ европейскаго общества. Бракъ даетъ и карьеру и деньги. Тоже самое и у крестьянъ. Одинъ изъ самыхъ глубокихъ знатаковъ народнаго быта, Риль, говоритъ, что „въ странахъ, въ которыхъ еще сохраняются старинные крестьянскіе обычаи, браки, заключаемые по разсчету, также часты между крестьянами, какъ и между аристократами. Сначала думаютъ о соединеніи имуществъ, а о союзѣ сердецъ уже потомъ". Духовенство не только не противодѣйствовало такимъ порядкамъ, но даже поддерживало ихъ своимъ ученіемъ, а протестантское и своею жизнію. Въ Англіи, напр., говоритъ Маколей, послѣ реформаціи духовное званіе утратило привлекательность для высшихъ классовъ. Въ помѣстьѣ церковнослужитель стоялъ на ряду съ дворней. Съ духовною паствою онъ нерѣдко получалъ и жену, которая обыкновенно была въ услуженіи у патрона, если только не состояла въ болѣе интимныхъ отношеніяхъ съ нимъ. Горничная вообще считалась самою подходящею сожительницею для приходскаго священника.

Положеніе женщины въ подобныхъ бракахъ, особенно въ патріархальныхъ семействахъ, всегда было невыносимымъ. Въ Агліи законы, существующіе до сихъ поръ, не только не признавали за женою никакихъ рѣшительно правъ, не только подвергали ее вѣчной и всесто-

ронней опекѣ мужа, но даже дозволяли ему отвесть жену на веревкѣ на базаръ и продать тамъ. Европейскія газеты даже конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія часто сообщаютъ извѣстія о ходѣ этой женоторговли. Такъ напр., въ 1837 г. въ Бирмингамѣ одинъ англичанинъ вывелъ на веревкѣ свою жену на базаръ и тотчасъ же продалъ ее за *55 су*. Въ Лондонѣ 20 марта 1838 г. одна жена была продана мужемъ за *3 шиллинга*. Нерѣдко женъ продавали съ аукціона. И англичане долго удерживали за собою это гнусное право даже на свободной почвѣ Америки. Такъ, въ 1837 г. одинъ нетойскій фермеръ продалъ свою жену, заключивъ съ покупателемъ формальный контрактъ, по которому онъ получалъ 4000 франковъ за жену и 1100 франковъ ежегодно за дѣтей. Въ нѣкоторыхъ штатахъ велась даже организованная торговля женщинами, какъ замужними, такъ и незамужними. Въ одной нью-йоркской газетѣ 1837 г. напечатано: „нѣсколько дней назадъ, фургонъ, нагруженный молодыми дѣвушками, прошелъ въ Чикаго, на западъ, гдѣ на этотъ *товаръ* весьма большой запросъ...“ Въ томъ же году корреспондентъ New-York-Evening-Post писалъ изъ Иллинойса: *„здѣсь большой запросъ на дамъ; сбытъ ихъ вѣренъ*, по причинѣ чрезвычайнаго наплыва сюда богатыхъ холостяковъ“. Можно судить по этому, каково было положеніе женщины въ семействахъ старинной Европы, въ семействахъ или строго державшихся патріархальныхъ обычаевъ или управлявшихся деспотическими домовладыками. Возрожденіе патріархальности естественно отняло у женщины то уваженіе, которымъ она, до извѣстной степени, пользовалась въ средніе вѣка. „Съ XIII столѣтія“ — говоритъ Клеммъ — „начинается сильная насмѣшка надъ женскимъ поломъ, которая, не щадя священной личности жены, издѣвалась въ особенности надъ дѣвушкою“. Нѣмцы соперничали въ этомъ дѣлѣ съ французами. Ларембергъ, Логау и другіе поэты сочиняли множество сатиръ на женщинъ; также много издавалось и прозаическихъ сочиненій, изъ которыхъ одно было до такой степени неприлично, что сожжено въ Лейпцигѣ въ 1670 г. рукою палача... Въ Англіи Попъ, Свифтъ, Юнгъ, Шекспиръ и цѣлая толпа второстепенныхъ писателей сдѣлали также изъ женщинъ мишень для своихъ насмѣшекъ и ругательствъ. Свифтъ доказываетъ даже, что женскій полъ занимаетъ среднее мѣсто между человѣкомъ и обезьяною. Въ это же время женщины, любившія книги и занимавшіяся серьезными вопросами, были впервые заклеймены прозвищемъ *синихъ чулковъ*. Преступленіе Евы снова вмѣнялось женщинѣ, а ея происхожденіе изъ ребра адамова снова клалось въ основаніе теоріи, указывавшей низкость ея природы и ея служебное предназначеніе. Народныя воззрѣнія на бабу проникали и въ образованное общество. Въ тоже время публицисты отстаивали права мужа бить и наказывать жену. Такъ, Фредеръ издалъ въ Данцигѣ латинскую книгу объ этомъ, пере-

веденную потомъ на нѣмецкій два раза, въ 1652 и 1736 гг. Въ Парижѣ въ концѣ XVI в. издано было сочиненіе „о мужниной власти, т. е. о томъ, имѣетъ ли мужъ право бить и наказывать свою жену?" Въ нѣмецкой книгѣ „о злыхъ женщинахъ" проповѣдуется, что „оселъ, женщина и орѣхъ нуждаются въ ударахъ". Англійскіе законы дозволяли мужу наказывать жену „плетьми и палками". При такихъ воззрѣніяхъ на женщину, положеніе ея въ семействѣ не могло быть сноснымъ. Стѣсненная множествомъ приличій и общественнымъ мнѣніемъ, принужденная заниматься исключительно мужемъ и семействомъ, женщина была подвержена и ревности и самодурству своего владыки, защитить отъ котораго ее никто не могъ,—рыцарство изчезло, а власть и законъ были противъ нея. Даже въ царственныхъ семействахъ „мужья обходились съ женами съ такою грубостью, которая могла бы ужаснуть и турка", говоритъ Шерръ. „Исторія государей" — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—„есть исторія страданій государынь", а исторія мужчинъ того времени — мартирологія женщинъ. Герцогъ фонъ-Лигницъ въ присутствіи пажа принуждаетъ свою жену къ исполненію супружеской обязанности. Карлъ II испанскій приписывалъ свою импотентность и безплодіе жены колдовству; монахи поддерживали въ немъ эту мысль и рѣшили избавить супруговъ отъ чаръ. Король и королева были раздѣты до-нага, монахъ въ полномъ облаченіи прочиталъ надъ ними заклинаніе, и Карлъ въ его же присутствіи силою хотѣлъ заставить жену испытать дѣйствительность монашескаго искуства; но королева отбилась отъ своего безстыднаго мужа. Обычай свидѣтельствованія невѣсты и ея рубашки послѣ первой ночи брака показываетъ, что случаи, подобные двумъ сейчасъ упомянутымъ, естественно вытекали изъ тогдашнихъ воззрѣній на женщину. Не говоря уже о простыхъ смертныхъ, даже королевы часто не пользовались никакимъ уваженіемъ. Когда, напр., жена испанскаго Филиппа II, Елисавета, пріѣхала на свиданіе съ матерью въ Байону, то ее продержали трое сутки въ полѣ передъ городскими воротами, ожидая мнѣнія короля о томъ, должна ли она ѣхать черезъ городъ или мимо его. Женщину по возможности старались удалить отъ общества, и это стремленіе рѣзче всего выразилось въ Испаніи. Знатныя испанки XVI, XVII, XVIII в. жили совершенно изолированно; только въ теченіи перваго года брачной жизни они могли выѣзжать съ мужемъ въ открытой коляскѣ, а послѣ принуждены были ѣздить не иначе, какъ въ глухой каретѣ. Въ Германіи вплоть до XIX в. въ почтенныхъ семействахъ считалось неприличнымъ и опаснымъ выпускать изъ дому женщину одну, безъ конвоя родственниковъ или, по крайней мѣрѣ, прислуги. Въ высшихъ классахъ общества мужья, дозволяя себѣ всѣ излишества разврата, карали женъ не только за дѣйствительную связь ихъ съ чужими мужчинами, но часто по одному только неосновательному по-

дозрѣнію въ ней. Женъ заключали на вѣки въ монастыри, въ какой нибудь замокъ, тюрьму, убивали ихъ, разводились съ ними и покрывали вѣчнымъ позоромъ ихъ репутацію. Семейная жизнь женщины была однимъ непрерывнымъ мученіемъ, какъ напр., жизнь сестры Георга III, Каролины-Матильды, выданной въ 1766 г. за датскаго короля Христіана VII, циника и тупоумнаго развратника. Съ перваго же дня брака, Каролина начала страдать отъ безнравственности всѣхъ окружавшихъ ее, особенно своего мужа и его мачихи, Юліаны, желавшей посадить на престолъ своего сына Фридриха. Намѣреваясь окончательно разсорить Каролину съ ея мужемъ, Юліана постоянно передавала ей о всѣхъ грязныхъ похожденіяхъ его. Когда же Христіана взялъ въ руки знаменитый докторъ Струэнзе, столь много сдѣлавшій и еще болѣе хотѣвшій сдѣлать хорошаго для несчастной Даніи, когда этотъ умный министръ сблизился съ Каролиной, нашедши въ ней и полное сочувствіе и дѣятельную помощь своимъ предпріятіямъ, тогда Юліана употребила всѣ средства, чтобы оклеветать Каролину и погубить ее вмѣстѣ съ Струэнзе. Христіанъ въ то время отъ пьянства и разврата окончательно потерялъ и разсудокъ и память. Однажды, напр., при помощи своихъ любимцевъ, онъ вдругъ началъ выбрасывать съ балкона дрова, щипцы, мебель, государственныя бумаги и наконецъ захотѣлъ выбросить своего любимца Гурмана и одного маленькаго негра, но ему помѣшали. Въ другой разъ онъ выбилъ всѣ стекла въ своихъ и королевскихъ покояхъ, разломалъ зеркала, стулья, столы, дорогія китайскія вазы, а обломки побросалъ на дворъ. У него не трудно было выхлопотать позволеніе объ арестѣ королевы и Струэнзе. При помощи пытки и угрозъ послѣдняго заставили дать ложное показаніе объ его преступной связи съ королевой. Его казнили. Королева не хотѣла покориться указу объ арестѣ, но ее взяли силою и осыпали при этомъ самыми грубыми оскорбленіями. Ее увѣрили, что она спасетъ жизнь Струэнзе, если только подтвердитъ его ложное показаніе, и благородная женщина взяла на себя небывалую вину. Только предстательство посланника и двора Англіи спасло ея жизнь. Подобныхъ примѣровъ множество въ исторіи Европы XVII—XIX в. Вспомните, напр., несчастныхъ женъ Генриха VIII, Марію Стюартъ или судьбу принцессъ изъ несчастной фамиліи Тюдоровъ. Лэди Дженъ-Грей выходитъ замужъ противъ своей воли, побуждаемая настояніемъ матери, насиліями и побоями отца. Сестра ея, Катерина, за то, что вышла замужъ безъ позволенія королевы Елисаветы, была разлучена съ мужемъ и умерла въ неволѣ съ разбитымъ сердцемъ. Третья сестра, Марія, виновная въ томъ же поступкѣ, какъ и Катерина, окончила свою жизнь, полную лишеній, страданій и притѣсненій, на тридцать третьемъ году жизни. Маргарита Клиффордъ, вогнанная въ болѣзнь своимъ негоднымъ мужемъ, начала лечиться у какого-то знахаря, но ее обвинили

по этому поводу въ вѣдовскомъ умыслѣ противъ королевы, посадили въ тюрьму и преслѣдовали до смерти. Арабелла Стюартъ, виновная въ самовольномъ выходѣ замужъ, была заключена въ Тоуэръ, гдѣ и умерла, предварительно сошедши съума. Столько женскихъ жертвъ въ одной фамиліи! А сколько было ихъ во всей Европѣ! Милліоны женщинъ выдавались и выдаются замужъ насильно, насильно держатся въ бракѣ, подвергаясь ревности, брани, побоямъ, униженію передъ глазами собственныхъ своихъ дѣтей, невыносимой скукѣ и тяжкому, скрытому отвращенію къ мужу, страданіямъ любви, за обнаруженіе которой ихъ покараютъ и законъ и общественное мнѣніе; сколько слезъ, сколько преждевременныхъ и нерѣдко насильственныхъ смертей, сколько отчаянія и, что всего хуже, сколько рабскаго, безсмысленнаго отупѣнія вынесла европейская женщина на своихъ многострадальныхъ плечахъ. Мало того, что она подвергалась въ семействѣ стѣсненіямъ, лишеніямъ и страданіямъ, отъ которыхъ мужчина оставался свободнымъ, но и общество угнетало ее несравненно больше, чѣмъ послѣдняго. Законы, обычаи, общественное мнѣніе требовали отъ нея гораздо большихъ добродѣтелей, чѣмъ отъ мужчины и несравненно строже карали ее за нарушеніе правилъ, составленныхъ ея эгоистическими и жестокими повелителями. До конца XVIII в. и протестанты и католики преслѣдовали и сожигали женщинъ какъ вѣдьмъ, и число мужчинъ, погибшихъ по тому же обвиненію, въ тысячи разъ меньше числа женскихъ жертвъ. Епископъ вюрцбургскій, напр., въ два года (1627—1629) сжегъ 900 вѣдьмъ; архіепископъ зальцбургскій въ 1678 г. сжегъ въ одинъ день 97 вѣдьмъ; въ графствѣ Нейссе съ 1640 по 1651 г. сожжено ихъ около 1000 и т. д. Ни одна женщина, ни одна дѣвочка не были безопасны отъ преслѣдованія за вѣдовство. Самое пустое обвиненіе вело къ невыносимымъ пыткамъ и на костеръ. Въ 1749 г. напр., въ Вюрцбургѣ сожгли семидесятилѣтнюю монахиню Марію Ренату, обвиненную въ колдовствѣ. Марія девятнадцати лѣтъ была силой отдана въ монастырь, вела здѣсь примѣрную жизнь, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и была сдѣлана помощницей игуменьи. Но какая-то монахиня, вѣроятно по злобѣ на Марію, сказала передъ смертью, что она вѣдьма. Пытка вынудила у Маріи сознаніе, что она еще на седьмомъ году отъ роду отдалась дьяволу, сдѣлалась вѣдьмою и вгоняла чертей въ утробы монахинь. У смертнаго костра этой мученицы патеръ говорилъ слово и называлъ атеистами всѣхъ, невѣрующихъ въ вѣдьмъ. Преслѣдуя женщину за вѣдовство, ее угнетали, мучили и казнили за религіозныя мнѣнія, несогласныя съ вѣрою церкви или правительства. Въ религіозныхъ движеніяхъ XVI и XVII в. женщины принимали самое дѣятельное участіе, и непреклонная честность ихъ убѣжденія нерѣдко вела ихъ подъ мученическій вѣнецъ, который они принимали съ мужествомъ истинныхъ героевъ. Въ Шотландіи, напр., угнетенной рели-

гіозными преслѣдованіями Іакова II, между прочими потерпѣли смерть пожилая вдова Марія Маклачланъ и молоденькая дѣвушка Маргарита Вильсонъ. Они отказались отречься отъ своихъ вѣрованій и были приговорены къ утопленію. „Ихъ повели на то мѣсто,—разсказываетъ Маколей—которое Солвей заливаетъ ежедневно два раза, и привязали къ столбамъ, врытымъ въ песокъ, между знаками высокой и низкой воды. Старшая страдалица была помѣщена ближе къ прибывающей водѣ, въ надеждѣ, что ея послѣднія мученія ужаснутъ младшую и заставятъ ее покориться. Но послѣдняя сохранила мужество до самой смерти. Она видѣла море подходящимъ все ближе и ближе, но не обнаруживала никакого признака тревоги. Она молилась и пѣла псаломные стихи, пока волны не прервали ея голоса. Когда она вкусила горечь смерти, ее изъ жестокой пощады отвязали, возвратили къ жизни и предлагали отречься. „Никогда! я христіанка, топите меня“, воскликнула она, и воды слились надъ нею въ послѣдній разъ. Не мало женщинъ судилось и преслѣдовалось за то, что они по чувству нѣжнаго состраданія спасали и укрывали гонимыхъ правительствомъ лицъ, особенно политическихъ преступниковъ. Даже въ Англіи, гдѣ большинство правительствъ не поступало сурово съ укрывателями побѣжденныхъ инсургентовъ и гдѣ женщинамъ—выражаясь словами Маколея — было предоставлено, какъ бы по какому-то молчаливому преданію, право выражать посреди раззоренія и мести состраданіе къ побѣжденнымъ,— даже въ Англіи, при Іаковѣ II, съ такими женщинами нерѣдко поступали самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Въ 1685 г. напр., послѣ казни Монмута, Алиса Лайль, за укрывательство двухъ мятежниковъ была приговорена къ сожженію; это возмутило даже негодяевъ. Друзья Алисы, многіе сильные аристократы и приверженцы Іакова, ходатайствовали у него о помилованіи; онъ помиловалъ ее обезглавленіемъ, и Алиса съ кроткимъ мужествомъ легла подъ топоръ палача на эшафотѣ, воздвигнутомъ посреди торговой винчестерской площади. Въ тоже время въ Тибурнѣ, Елисавета Гонтъ за укрывательство бѣжавшаго мятежника Баторна была сожжена. До самой смерти она сохраняла мужество, напоминавшее самыя героическія кончины, и когда на кострѣ она начала укладывать солому такимъ образомъ, чтобы сократить свои мученія, вся площадь зарыдала. Если женщины шли такъ безстрашно на встрѣчу смерти за совершенно постороннихъ имъ людей, спасаемыхъ ими только по чувству человѣколюбія, котораго такъ мало оказывалось у мужчинъ, то любовь и привязанность къ своимъ братьямъ, родителямъ, дѣтямъ, любовникамъ побуждала ихъ еще на большіе подвиги и вела за собою еще большее количество женскихъ жертвъ. Въ исторіи Европы, напр., сплошь и рядомъ разсказывается, какъ женщины жертвовали и своею жизнію и своею честью за спасеніе любимыхъ ими людей и какъ мужчины съ истинно дьявольскою

подлостью пользовались этими жертвами для удовлетворенія своихъ скотскихъ наклонностей. Ринсо, любимецъ Карла Смѣлаго Бургундскаго, Оливеръ-ле-Денъ, фаворитъ Людовика XI, Кэркъ, военный авантюристъ и слуга Іакова II, Жозефъ Лебонъ, полицейскій агентъ, дѣйствовавшій во время реакціи послѣ якобинскаго террора, и многіе другіе обвиняются въ томъ, что побѣждали добродѣтели красавицъ обѣщаніемъ пощадить жизнь любимыхъ ими людей, но удовлетворивъ свою страсть, они показывали этимъ женщинамъ висящіе на висѣлицѣ безжизненные остатки тѣхъ, за кого они жертвовали своею честью. Случалось, съ такимъ же звѣрствомъ издѣвались надъ чувствами любящей женщины изъ одного только желанія вымучить у нея побольше денегъ, а потомъ всетаки казнили человѣка, котораго она хотѣла выкупить. Во время старинныхъ войнъ женщины также страдали больше мужчинъ, неговоря уже о томъ, что потеря родственниковъ и семействъ потрясала гораздо сильнѣе чувствительные организмы женщинъ, чѣмъ мужчинъ,—насилованіе женщинъ и безчеловѣчныя издѣвательства надъ ними были общимъ обычаемъ у европейской солдатчины. Во Франціи, напр., въ 1685 г. преслѣдователи протестантовъ мучили послѣднихъ съ такимъ звѣрствомъ, котораго никогда не проявлялось даже въ полчищахъ Тимура или Чингиса. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они привязывали отцовъ и мужей къ кровати и передъ глазами ихъ позорили женъ и дочерей. Нерѣдко посредствомъ мѣховъ они надували женщинъ до того, что тѣ чуть не лопались. Клали имъ во влагалище порохъ и зажигали его; раздѣвали ихъ до-нага и заставляли плясать съ собой среди улицы или же нагихъ и связанныхъ растягивали ихъ на мостовой и каждый прохожій могъ дѣлать съ ними, что ему угодно; кромѣ всего этого женщины подвергались еще всѣмъ тѣмъ мученіямъ, которыя падали на мужчинъ; ихъ обкалывали булавками съ головы до ногъ, рѣзали перочинными ножами, водили за носъ раскаленными щипцами, вырывали ногти рукъ и ногъ, что производило невыносимую боль; лили имъ въ ротъ кипятокъ, обжигали всю кожу ихъ тѣла, прикладывали къ подошвамъ раскаленныя лопаты, кипятили въ салѣ ихъ ноги, набивали уши порохомъ и воспламеняли его, поливали раны уксусомъ и посыпали солью. И народамъ, въ средѣ которыхъ могли совершаться такія злодѣянія, германофилы приписываютъ какое-то врожденное уваженіе къ женщинамъ! Бывали, правда, эпохи, когда женщина умѣла заставлять мужчину въ извѣстныхъ случаяхъ пресмыкаться у своихъ ногъ и повелѣвала имъ, но и тутъ мужчина, собственно говоря, не уважалъ свою подругу и владычицу, а только цѣнилъ ее, ухаживалъ за нею, какъ за источникомъ высочайшихъ наслажденій и благоговѣлъ передъ ея красотою. Уважать можно только человѣка, а не *даму*, не женщину, если ее ставятъ ниже мужчины, и уваженіе къ женщинѣ можетъ развиться лишь тогда, когда она сдѣлается свободною и равною мужчинѣ.

XVII.

Реставрація семейства и порабощеніе женщины, совершенныя въ эпоху реформаціи, даже въ самомъ разгарѣ патріархальныхъ стремленій не могли водвориться въ жизни совершенно спокойно. Весь соціальный строй Европы, вопреки даже волѣ и сознанію его основателей и партизановъ, дѣйствовалъ разрушительно на патріархальные порядки, а женщина, съ своей стороны, продолжала ту же борьбу за свою свободу, которую вела она и въ лѣсахъ полудикой Германіи и въ средневѣковыхъ феодальныхъ замкахъ. Мы укажемъ здѣсь главныя причины разложенія семейства съ XVI в. и до нашего времени.

Развитіе королевскаго абсолютизма стремилось къ возможной нивеллировкѣ общества, значительно ограничивало отеческую власть, отнимало у семейства его членовъ для государственной службы, для арміи, для двора и для многихъ другихъ цѣлей. Военные вербовщики, напр., постоянно заманивали въ свои сѣти тысячи сыновей; поступивъ въ армію путемъ вербовки или рекрутства, молодые люди вовсе отвыкали отъ семейства и начинали вести образъ жизни, мало согласный съ патріархальными обычаями. Черезъ солдатъ, по справедливому замѣчанію Риля, городскіе нравы и антипатріархальныя понятія всегда сильно распространялись и распространяются между сельскимъ населеніемъ. Войска — это главные факторы женскаго развращенія, а семейства военныхъ людей, особенно солдатъ, рѣдко имѣютъ такой патріархальный характеръ, какъ семейства крестьянъ или бюргеровъ. Стягиванье людей ко дворамъ имѣло результатомъ ослабленіе семейныхъ чувствованій въ высшихъ классахъ и распространеніе между ними антисемейнаго духа. Въ нѣкоторыхъ странахъ даже религіозное изувѣрство доводило королевскій абсолютизмъ до полнаго отрицанія семейной власти. Въ Франціи, послѣ отмѣны нантскаго эдикта, еретикамъ было запрещено воспитывать своихъ дѣтей въ какой нибудь другой религіи, кромѣ католической, а въ январѣ 1686 г. изданъ декретъ, въ силу котораго полиція начала отнимать у протестантовъ дѣтей и помѣщать ихъ въ католическія семейства. Борьба государства противъ отеческой власти не всегда однако носила такой характеръ, а часто велась и въ интересахъ дѣтей, и результатомъ ея было превращеніе этой *власти* въ *опекунство*. Борьба королевскаго абсолютизма съ феодалами также сильно подорвала патріархальность высшихъ классовъ общества, а распространеніе публичнаго, да еще обязательнаго образованія, воспитывало цѣлыя поколѣнія въ новыхъ соціальныхъ понятіяхъ, вовсе не родственныхъ патріархальному быту. Новое общество слагалось не изъ семейныхъ единицъ, какъ патріархальное, а изъ личностей, и соціальные мыслители новой Европы, держась вы-

работанныхъ ими идей о свободѣ и правахъ индивидуума, начали объяснять происхожденіе общественнаго быта путемъ договора. Теорія договора съ государства переносилась на бракъ и семейство и тѣмъ участвовала въ разложеніи послѣдняго. Развитіе умственной и политической жизни еще болѣе подтачивало семейныя чувствованія и обычаи, расширяя духовный кругозоръ людей, увлекая ихъ за тѣсныя границы семейной жизни, водворяя въ мирныхъ дотолѣ жилищахъ разномыслie и раздоры. Христосъ говорилъ о себѣ, что онъ пришелъ на землю „разлучить дѣтей съ родителями, мужей съ женами", и всѣ умственные и политическіе перевороты, которыми такъ обильна новая исторія, непремѣнно сопровождались семейными несогласіями и разрушеніемъ множества семей. Реформація и порожденныя ею безчисленныя секты, революціи, борьба абсолютизма съ феодалами, войны, умственныя движенія XVIII в., развитіе и взаимная борьба научныхъ доктринъ и философскихъ теорій,—все это вмѣстѣ съ постоянно присущими семейству элементами раздора, между входящими въ составъ его лицами, вооружало братьевъ на братьевъ, дѣтей на родителей, мужей на женъ. Во время религіозныхъ войнъ XVI в., напр., отцы сражались противъ своихъ дѣтей, братья противъ братьевъ. Случалось даже при такихъ смутахъ, что жены бывали противницами своихъ мужей. Такъ, напр., въ англійской исторіи извѣстна „полковникъ Анна", командовавшая отрядомъ въ стюартской арміи, между тѣмъ какъ ея мужъ, Мак'Интошъ былъ капитаномъ въ войскѣ непріятеля. Въ битвѣ при Фелькорѣ Анна взяла его въ плѣнъ, и приподнявъ свою шляпу, сдѣлала ему оффиціальное привѣтствіе—„къ вашимъ услугамъ, капитанъ"; Мак'Интошъ поклонился женѣ и отвѣчалъ—„къ вашимъ услугамъ, полковникъ".—Въ Римѣ, покореніе большей части міра, требовавшее много войскъ для завоеваній и колонизаціи и много чиновниковъ для управленія покоренными странами, отторгало отъ семействъ сотни тысячъ дѣтей, de facto эманципировало ихъ отъ родительской власти, воспитывало въ нихъ характеръ и понятія, мало согласныя съ патріархальною и семейною жизнію, и тѣмъ быстро изгоняло изъ головъ патріархальное міросозерцаніе, ослабляло семейныя чувствованія, разрушало архаическое семейство. Тотъ же самый процессъ, но гораздо въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, совершается въ новой исторіи. Служба, школы, занятія на фабрикахъ, отдаленныя и частыя путешествія по дѣламъ, удобство и дешевизна путей сообщенія, чрезвычайное развитіе разнообразныхъ сторонъ общественной жизни, клубовъ, трактировъ, водъ, театровъ и другихъ чисто публичныхъ удовольствій и занятій,—все это такъ мало оставляетъ времени для семейной жизни и такъ сильно подрываетъ семейныя чувствованія, какъ не бывало въ Римѣ, который, однакожъ, при относительной слабости своихъ антисемейныхъ факторовъ, всетаки покончилъ окончательнымъ разруше-

ніемъ патріархальной семьи и основаннаго на ней общества. Современная цивилизація, конечно, не погибнетъ такимъ же образомъ. Крайнее развитіе индивидуализма со времени французской революціи, соціальная анархія, чисто животная борьба личностей за кусокъ хлѣба и за право жизни приходятъ уже къ самоотрицанію; паденіе патріархальныхъ понятій и чувствованій расширило умственный кругозоръ новыхъ людей, нетерпѣливо ожидающихъ восхода солнца братства и общественной солидарности, подъ лучами котораго семейныя чувствованія должны возродиться къ новой облагороженной жизни.

Одну изъ главныхъ ролей въ упомянутомъ процессѣ разложенія семейства играла женщина. Подневольный бракъ и архаическое семейство нигдѣ и никогда по долгу не сохранялись въ своей первоначальной чистотѣ. Половая страсть, какъ и всѣ другія страсти, не можетъ быть скована ни юридическими постановленіями, ни религіей, ни обычаями. Гдѣ чувство находится въ неволѣ, гдѣ въ однихъ случаяхъ заставляютъ людей чувствовавать то, что не чувствуется, а въ другомъ притѣсняютъ и гонятъ ихъ за обнаруженіе чувства, тамъ невозможны ни миръ, ни добродѣтели. Чувство выходитъ наружу путемъ порока и преступленія. Рабство никсгда не будетъ вѣчнымъ, пока рабами будутъ люди, т. е. существа съ умомъ, съ чувствомъ, съ жаждою свободы и возможно большаго счастія въ своей жизни. Тоже самое нужно сказать и о порабощеніи женщины.

Дворы и высшіе классы общества не долго могли подчиняться патріархальному ригоризму, совершенно несовмѣстному ни съ ихъ обстановкою, ни съ ихъ характеромъ. Любовь и наслажденія остались по прежнему главною цѣлью ихъ жизни. Любовь потеряла уже послѣдніе остатки средневѣковаго романтизма, она превратилась въ чисто животное опьяненіе, хотя въ XVII и XVIII в. и было еще въ модѣ романическое ухаживанье за женщинами. „Но—говоритъ Теккерей—это не страсть, не любовь, — это волокитство, смѣсь серьезности и притворства, напыщенныхъ комплиментовъ, низкихъ поклоновъ, обѣтовъ, вздоховъ, нѣжныхъ взглядовъ. Тогда были въ ходу церемоніи и этикетъ, установленная форма колѣнопреклоненій и ухаживанья“. Бракъ не удовлетворялъ ни мужчинъ, ни женщинъ, — въ него вступали изъ разсчетовъ и тотчасъ же заводили любовныя связи. Патріархальный ригоризмъ даже въ періодъ полной своей силы нисколько не измѣнялъ характера высшихъ классовъ, онъ только заставлялъ ихъ лицемѣрить, и Европа въ этомъ случаѣ походила на того придворнаго Антуана Арно, о которомъ разсказываютъ французскія скандальныя хроники. Арно, святоша и развратникъ, каждую ночь толкалъ обыкновенно свою уснувшую жену. „Катинька! Катинька!“ Жена пробуждалась. Арно, прежде чѣмъ идти дальше, творилъ молитву ради освященія плотскаго дѣла... И такъ онъ будилъ жену разъ по пяти или по шести

въ ночь". Періоды такого лицемѣрія никогда не бывали продолжительны, и послѣ нихъ развратъ обыкновенно усиливался. Въ XVII в. развращенность высшихъ классовъ доходила до того, что люди доказывали даже раціональность и законность полигаміи. Въ 1671 г. Іоаннъ Лейзеръ издалъ въ Лондонѣ книгу, въ которой проповѣдывалъ, что „многоженство есть единственное истинное основаніе счастья и свободы, а моногамія—рабство". „Полигамія не противна ни закону природы, ни естестественному праву; она есть вполнѣ законное средство для выполненія той первой заповѣди божіей, которая повелѣваетъ людямъ плодиться и множиться". Въ подобномъ же направленіи написана и книга Лоренца Бегера (1679 г.). Всѣ подобные защитники многоженства являются наемными креатурами развратныхъ потентатовъ, желавшихъ имѣть теоритическое оправданіе своей дурной жизни. Лейзеръ писалъ по найму одного графа, наскучившаго своею женой, а Бегеръ—по порученію курфирста пфальцкаго, двоеженца. Подобные полигамисты не могли имѣть большихъ успѣховъ, встрѣчая сильное противодѣйствіе и въ защитникахъ половой нравственности и въ женщинахъ, для которыхъ полигамія всегда ненавистна. Гораздо развратительнѣе этихъ проповѣдниковъ многоженства дѣйствовали іезуиты. Католицизмъ вообще не благопріятенъ развитію семейства; онъ всегда стремится освобождать отъ семейства личность и всецѣло подчинять ее своей корпораціи. Для достиженія этой цѣли, іезуиты пустили въ ходъ всѣ средства. Санхецъ, Филліуцій, Лейманъ, Ескобаръ Риччи оправдываютъ всевозможные половые пороки и преступленія, совершаемыя въ интересахъ католичества. Риччи, напр., пишетъ, что молодыхъ и старыхъ вдовъ іезуитъ долженъ отклонять отъ втораго замужества, если же они чувствуютъ въ немъ физическую потребность, то ей долженъ удовлетворить „благоразумный отецъ-іезуитъ". Іезуиты оправдывали даже педерастію и дѣтоубійство, въ которыхъ они постоянно упражнялись. Въ качествѣ духовниковъ, они пропагандировали эту свободу разврата во всѣхъ классахъ общества. Аристократія, развращенная до мозга костей, встрѣчала ихъ доктрины съ распростертыми объятіями. Іезуиты создавали религію порока, и главными адептами этой религіи были высшіе классы. За дворами и аристократіей обыкновенно тянулась буржуазія, и современная эпоха ея владычества, эпоха XIX в., не менѣе развратна, чѣмъ вѣка предыдущіе. Франція всегда стояла въ этомъ отношеніи во главѣ остальной Европы, а ея властители стояли во главѣ Франціи. Вѣнчанный, богатый, властительный порокъ не только разрушалъ множество браковъ и семействъ, но и дѣлалъ изъ внѣбрачныхъ связей какую-то родовую традицію для своихъ послѣдователей. Эта развращенность и развратительность высшихъ классовъ особенно сильны были въ XVII и XVIII в. Французскій дворъ наполнялся сотнями проститутокъ, содомитовъ, ведь-

можныхъ и невельможныхъ сводниковъ; каждый король, каждый принцъ, каждый придворный имѣли по нѣскольку любовницъ изъ семействъ аристократіи и буржуазіи, которыхъ они увлекали соблазномъ или овладѣвали ими силою. Женская добродѣтель не была отъ нихъ безопасна ни въ Парижѣ, ни въ провинціяхъ. Средневѣковыя идеи о несовмѣстности съ любовью брачной жизни были догматомъ высшаго французскаго общества, думавшаго, что „какъ только супруги вступаютъ на брачное ложе, любовь покидаетъ ихъ сердце". Мужья не только терпѣли, но даже сами поддерживали и развивали эту теорію. Мужъ говорилъ своей женѣ: „вамъ нужны развлеченія; выѣзжайте въ свѣтъ, заводите связи, живите, какъ всѣ женщины вашего возраста. Это единственное средство понравиться мнѣ, мой другъ"! (Goncourt), При Францискѣ I прелюбодѣяніе было терпимо, при Людовикѣ XIV оно сдѣлалось всеобщимъ, при Людовикѣ XV любовь и вѣрность сохранились только въ преданіи; мужчины и женщины были „вѣрны другъ другу только въ своей невѣрности". Развращеніе дошло до того, что надъ чистотою нравовъ открыто и ѣдко издѣвались, а стыдливость презирали. Свободная, порочная любовь разрушила и бракъ и семейство, оставивъ только одни ихъ безжизненныя формы, основанныя на разсчетѣ или честолюбіи. Французская литература была и вѣрнымъ зеркаломъ такой жизни и пропагандисткою ея не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Осмѣяніе брака и семейныхъ добродѣтелей, проповѣдь полной свободы любви, изображеніе разврата въ такихъ циническихъ формахъ, которыя теперь невозможны положительно ни въ одной литературѣ,—вотъ чѣмъ занимались французскіе писатели XVI, XVII, XVIII в. Вслѣдъ за Франціей шла остальная Европа. Въ Англіи, послѣ паденія власти пуританъ, съ началомъ реставраціи, высшіе классы общества пустились въ самую необузданную оргію порока. Пуританство начало подвергаться самымъ ожесточеннымъ нападкамъ. „Война между остроуміемъ и пуританствомъ скоро сдѣлалась войною между остроуміемъ и нравственностью. Неприязнь, возбужденная каррикатурою добродѣтели, не пощадила и самой добродѣтели. Все, что пуританинъ уважалъ, было оскорбляемо; все, что онъ преслѣдовалъ, было поощряемо. Противники его поднимали на смѣхъ всѣ проявленія нравственной щекотливости, выставляли съ циническимъ безстыдствомъ на всенародные очи всѣ свои самые предосудительные пороки; дѣвическая простота и супружеская вѣрность сдѣлались предметомъ шутокъ. Подобно тому, какъ пуританинъ не открывалъ рта безъ библейскихъ выраженій, новая порода остроумцевъ и изящныхъ джентельменовъ никогда не раскрывала рта безъ сквернословія, какого теперь постыдился бы даже носильщикъ. Театры сдѣлались разсадниками порока; отъ нихъ съ каждымъ днемъ требовалось все болѣе и болѣе пряностей; актеры

развращали зрителей, а зрители актеровъ. Самые безпутные стихи поэты влагали въ уста женщинъ". Даже все, что англійскіе писатели заимствовали тогда отъ иностранцевъ, они продушали своимъ букетомъ. „Въ ихъ подражаніяхъ дома знатныхъ и гордыхъ дворянъ Кальдерона являлись вертепами порока, Віола Шекспира — своднею, Мизантропъ Мольера—растлителемъ, мольеровская Агнесса—блудницею". (Маколей). Монтень, путешествовавшій по Италіи въ первой половинѣ XVI в., былъ изумленъ, что знатные люди держали своихъ женъ чуть-чуть не на запертии. И они имѣли основаніе не довѣрять ихъ добродѣтели. Италія, земля страсти, средоточіе тогдашней Европы, была для послѣдней непотребнымъ домомъ, въ которомъ владычествовали и наслаждались разные иностранцы и особенно безбрачное католическое духовенство, бывшее въ старину однимъ изъ главныхъ факторовъ разложенія семьи. Когда папа Иннокентій IV, жившій шесть лѣтъ въ Ліонѣ, уѣзжалъ изъ этого города, то одинъ изъ кардиналовъ въ своей прощальной рѣчи горожанамъ говорилъ имъ: „друзья, вы должны быть очень благодарны намъ. Мы принесли вамъ пользу, ибо при нашемъ сюда прибытіи здѣсь было три или четыре непотребныхъ дома; теперь же, при своемъ отъѣздѣ, мы оставляемъ вамъ только одинъ такой домъ, который простирается отъ западныхъ воротъ города до восточныхъ". Правдивая шутка кардинала была вполнѣ приложима и ко всей Италіи. Въ новеллахъ Боккаччіо, въ комедіяхъ Маккіавелли, въ стихотвореніяхъ Пульчи, Боярдо и Аріосто, въ грязнѣйшихъ и развратнѣйшихъ сочиненіяхъ Піетро Аретино и другихъ подобныхъ поэтовъ, въ родѣ нашего Баркова, наконецъ въ разсказахъ путешественниковъ и тогдашнихъ хроникахъ — вездѣ мы видимъ проявленія самаго необузданнаго разврата. „Италія — говоритъ Шерръ — была отечествомъ утонченнаго искуства любви, а въ самой Италіи высшею школою порока была Венеція. Царица Адріатики была столицею сладострастія вплоть до половины XVIII в., когда она принуждена была уступить свой скипетръ Парижу".—Германія въ XVII и XVIII в. была сильно офранцужена, она подражала во всемъ Франціи и французскій развратъ былъ идеаломъ, къ достиженію котораго стремились высшіе нѣмецкіе классы. Когда въ 1728 г. Фридрихъ Августъ саксонскій получилъ извѣстіе о смерти регента Франціи, пораженнаго ударомъ въ объятіяхъ любовницы, то воскликнулъ: „ахъ, еслибы и мнѣ умереть смертью этого праведника!" Жизнь нѣмецкихъ дворовъ и аристократіи была непрерывною оргіей пьянства, баловъ, маскерадовъ, дракъ, убійствъ, самаго грязнаго волокитства. Хозяева угощали гостей хорошенькими женщинами, а хозяйки предлагали имъ свое тѣло. Метрессы были всевластны; женскія моды дошли до крайняго безстыдства; спальня дамы сдѣлалась ея гостиною, въ которой она принимала по утрамъ своихъ поклонниковъ, вставала и одѣвалась при нихъ. Въ 1772 г. ан-

глійскій посланникъ писалъ о берлинскомъ обществѣ: „полное паденіе нравовъ царитъ между обоими полами всѣхъ классовъ. Женщины здѣсь отдаются тому, кто больше платитъ, нѣжныя чувства и истинная любовь неизвѣстны имъ“. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. развращенность берлинскаго общества еще увеличилась. „Женщины такъ испорчены—пишетъ одинъ очевидецъ—что даже самыя знатныя дворянки унижаются до роли сводницъ и плодоизгнательницъ“. Въ Австріи, Саксоніи, Баваріи и другихъ германскихъ странахъ нравы были не только не лучше, но по мѣстамъ даже хуже берлинскихъ. Нѣмецкая литература была также фривольна, также груба и цинична, какъ и тѣ люди, которые давали ей жизнь и для которыхъ она существовала. Переводы древнихъ и новыхъ пріапическихъ произведеній подъ перьями нѣмецкихъ переводчиковъ выходили площадною похабщиной, лишаясь художественности подлинниковъ. Поэты не умѣли восторгаться въ женщинѣ ничѣмъ, кромѣ ея физическихъ достоинствъ, и какъ какіе нибудь статисты описывали до мелочей ея тѣло. Въ романахъ, стихотвореніяхъ, драматическихъ пьесахъ—вездѣ смѣялись надъ бракомъ и супружескою вѣрностью; литература формулировала правила общественной жизни, проповѣдуя, что „своего ближняго должно любить, какъ самаго себя, т. е. жену своего ближняго слѣдуетъ любить, какъ свою собственную“ и т. д. Даже серьезные ученые Германіи увлекались подобными идеями, даже самъ Лейбницъ читывалъ дамамъ пріапическія стихотворенія и разсуждалъ по поводу ихъ любви. Ученые, литераторы часто вели тогда такую же жизнь, какъ и университетская молодежъ. Студенты были одними изъ первыхъ развратниковъ и развратителей женщинъ. Отъ нихъ не отставали не только профессора, но даже ихъ жены и дочери. Что всего потѣшнѣе, такъ это то, что ученые нѣмцы не могли даже и похабничать безъ педантизма и схоластическихъ пріемовъ. Такъ одинъ профессоръ дѣлилъ любовь: 1) на христіанскую любовь, 2) на супружескую любовь, 3) на любовь друга, 4) на любовь общественности или довѣрія, 5) на любовь галантную и 6) на любовь проституціонную (Hurenliebe). Онъ училъ, что „въ любовномъ дѣлѣ нужно и должно добиваться отъ возлюбленной доказательствъ ея любви“.

Такимъ образомъ, втеченіи XVI, XVII, XVIII столѣтій разрушался бракъ и замѣнялся свободою половыхъ отношеній, свободою, водворенію которой содѣйствовали дворы, аристократія, театръ, литература, войско, безбрачное духовенство, женскіе монастыри съ своею развратительною жизнію и т. д. Женщина и воспитывалась и жила для страсти; всѣ силы ума, чувства и денегъ были употреблены ею на кокетство. „Всѣ“—говоритъ Гонкуръ—„смотрѣли на женщину, освобожденную отъ брачнаго рабства и отъ хозяйственныхъ заботъ, какъ на существо, обязанное приносить удовольствіе“. Роскошь и изнѣженное

воспитаніе усилили въ женщинѣ до крайности ея половыя отличія, ея искуственную женственность. Выше мы уже говорили, что половыя противоположности развиваются только по мѣрѣ того, какъ женщину, оттѣсняя отъ мужской дѣятельности, начинаютъ держать и воспитывать спеціально для половыхъ удовольствій. Въ Европѣ такое развитіе женственности началось въ средніе вѣка, но результаты его долго не обнаруживались вполнѣ. Даже въ XVI в. красота, физіономія, размѣры тѣла, голосъ, чувствительность и другія свойства женщины не пріобрѣли еще той рѣзкой разницы отъ мужскихъ, какую они получили въ XVIII и XIX в. Въ наше и въ предыдущія столѣтія женщины являются уже вполнѣ *женственными*, по малому своему росту, слабосилію мускуловъ, по крохотности своихъ рукъ и ногъ. Подражая китайцамъ, европейцы давно уже стараются уменьшить объемы женскаго тѣла посредствомъ корсета, тѣсной обуви, ничего не дѣланья, и это доходитъ до такого комизма, какого нѣтъ даже и въ Китаѣ. Когда, напр., женѣ Филиппа IV, проѣздомъ ея черезъ одинъ городъ, жители его хотѣли предложить въ подарокъ партію великолѣпныхъ шелковыхъ чулковъ, то майордомъ отказался принять ихъ, говоря, что „у королевы Испаніи нѣтъ ногъ". Тонкость костей, слабость мускуловъ и нервовъ, нѣжность голоса—всѣ эти качества, развившіеся въ женщинахъ втеченіе столѣтій, сдѣлали изъ нихъ безпомощный, „слабый" полъ, который долженъ подчиняться „сильному" полу. Половая противоположность, едва замѣтная въ дикой и патріархальной жизни, достигаетъ вершины своего развитія въ высшихъ классахъ европейскаго общества. Полы радикально отличаются здѣсь одинъ отъ другаго и по органическимъ свойствамъ, и по платью, и по манерамъ; есть красота мужская и особая отъ нея красота женская; есть мужскія манеры и манеры женскія; мужскія доблести и нравственность и отличныя отъ нихъ, женскія; походка, голосъ, верховая ѣзда, перчатки, воспитаніе, — все это раздѣляется на мужское и женское. Въ умственномъ отношеніи мужчина оставилъ за собой все серьезное и продолжалъ развивать разсудокъ, а женщину воспитывали и развивали такъ, что сдѣлали ее крайне сантиментальною, впечатлительною, легкомысленною. Подобно тому, какъ корсеты и тѣсная обувь, дѣйствуя на сотни женскихъ поколѣній, сдѣлали тонкій станъ и маленькую ножку природными свойствами дамы, вѣковая умственная гигіена женщины умалила и ослабила ея умъ, развивъ не въ мѣру чувствительность. Въ болѣзняхъ мы видимъ то же различіе. У крестьянъ и натурныхъ народовъ женскія болѣзни чрезвычайно малочисленны, даже, можно сказать, что ихъ вовсе нѣтъ, потому что роды и менструація относятся здѣсь болѣе къ нормальнымъ физіологическимъ отправленіямъ, чѣмъ къ болѣзнямъ. Въ высшихъ же классахъ европейскаго общества женскія болѣзни такъ многочисленны, что требуютъ для

своего изученія и леченія особыхъ спеціалистовъ; дамскій лекарь здѣсь также необходимъ, какъ дамскій проповѣдникъ, дамскій духовникъ, дамскій учитель, дамскій писатель, дамскій портной, дамскій журналистъ, и т. д.

Романтическая любовь, неизвѣстная почти вовсе людямъ нецивилизованнымъ, росла въ Европѣ по мѣрѣ развитія половыхъ отличій. Въ ней женщина имѣла орудіе не только для своей защиты отъ мужчины, но также для покоренія его себѣ и для своей свободы. Поэтому въ средніе вѣка, бывшіе первою эпохою упомянутой любви въ Европѣ, женщина впервые потребовала свободы чувства. Въ XVIII в. половыя отличія развились еще болѣе, и не смотря на грубый развратъ общества, романтическая любовь всетаки существовала тогда и постепенно усиливалась, а женщина еще сильнѣе, чѣмъ въ средніе вѣка, начала заявлять требованіе на свободу чувства и свое недовольство тогдашнимъ бракомъ. Хотя реформація превратила бракъ въ гражданскій договоръ и дозволила при извѣстныхъ условіяхъ разводъ, но власть мужей оставалась всетаки прежнею, а разводомъ они пользовались гораздо чаще женъ и нерѣдко прогоняли ихъ отъ себя, вопреки ихъ желанію. Разводъ безъ экономической и общественной самостоятельности женщинъ для большинства ихъ всегда служитъ только ко вреду. Но главное стѣсненіе для женщины, противъ котораго она прежде всего и сильнѣе всего вооружалась, состояло въ томъ, что большею частью она не сама выходила, а ее выдавали замужъ родители, родственники или опекуны. Любовь возмущалась такими подневольными союзами и устрояла тайные свободные браки. Въ XVII и XVIII в. они были очень распространены по всей Европѣ. Въ Англіи тайные браки, совершавшіеся безъ всякихъ формальностей, начали быстро умножаться послѣ 1644 г., и число „беззаконныхъ церквей" (lawless churches), въ которыхъ они совершались, постепенно возрастало. Въ одной изъ нихъ съ 1664 по 1691 г. было заключено 40,000 тайныхъ браковъ! Въ то же время былъ въ огромномъ ходу такъ называемый *флитскій бракъ*. Флитъ, это часть Лондона, въ которой стояла тогда долговая тюрьма. Но такъ какъ она была недостаточна для помѣщенія всѣхъ неисправныхъ должниковъ, то множество ихъ было поселяемо около нея, во Флитскихъ кварталахъ. Въ числѣ жителей Флита было много духовныхъ, оказавшихся несостоятельными должниками. А такъ какъ стремленіе къ свободнымъ тайнымъ бракамъ было сильно въ обществѣ, то изъ совершенія такихъ браковъ раззорившіеся попы и сдѣлали для себя выгодную профессію. Одинъ пасторъ, проживш1й во Флитѣ тридцать шесть лѣтъ, благословилъ въ это время 36,000 флитскихъ браковъ, не смотря на то, что онъ конкурировалъ въ этомъ дѣлѣ со множествомъ другихъ поповъ. Браки эти совершались не въ однихъ церквахъ, но почти у каждаго пастора было

предназначено особое помѣщеніе для вѣнчанья. Трактирщики, у которыхъ обыкновенно происходили свадебные пиры, имѣли у себя на жалованьи поповъ, для вѣнчанія тайныхъ свадебъ. Эти браки не ограничивались предѣлами Флита, и быстро распространялись во всѣхъ классахъ общества; даже одинъ лордъ-канцлеръ и одинъ лордъ верховный судья Англіи были обвѣнчаны тайно. Въ 1758 г. законодательство постановило, что каждому браку должно предшествовать трехкратное оглашеніе, что вѣнчаніе должно совершаться только въ опредѣленныхъ церквахъ, а за тайное вѣнчанье пасторъ подвергался четырнадцатилѣтней ссылкѣ. Народъ былъ крайне недоволенъ этимъ закономъ, вошедшимъ въ силу 25 марта 1754 г. Однакожъ, вслѣдствіе оппозиціи нижней палаты сила этого закона не распространялась на острова, Ирландію и Шотландію, и почти вплоть до нашихъ дней тайный бракъ можно было заключить въ шотландской деревнѣ Гретна-Гринъ, лежащей на англійской границѣ. Сюда постоянно пріѣзжали цѣлыя толпы англичанъ обоего пола и здѣсь соединяли ихъ брачными узами безъ законныхъ формальностей за десять гиней каждую пару; при этомъ не было даже попа, а вѣнчалъ сначала кузнецъ, по смерти его трактирщикъ и т. д. Во всѣхъ другихъ странахъ тайные браки были также въ очень большомъ ходу, хотя и не достигали такихъ размѣровъ, какъ въ Великобританіи.

Не одно подневольное вступленіе въ бракъ было противно женщинѣ, она возмущалась своимъ рабскимъ положеніемъ въ семьѣ, своей подчиненностью множеству нелѣпыхъ обычаевъ, своею зависимостью отъ педантизма общественнаго мнѣнія. И нерѣдко разрывая опутывавшія ее узы, она предавалась неистовствамъ Мессалины. Представительницею женщины XVII и XVIII в., жаждущей свободы, стѣсненной со всѣхъ сторонъ, недовольной, ищущей выхода изъ своего положенія, раздраженной на все окружающее, намѣренно пренебрегающей традиціонными обычаями и правилами женскаго поведенія, — можетъ служить Христина, королева шведская (1626—1689). Еще въ дѣтствѣ она обнаружила сильную любовь къ наукамъ и искуствамъ и твердо рѣшилась никогда не принадлежать мужчинѣ. Рано развилось въ ней рѣшительное отвращеніе ко всему, что говорятъ и дѣлаютъ женщины, которыхъ она презирала за ихъ пассивность. Время свое она дѣлила между дѣлами государства и науками. Декартъ и Сальмазій жили при ея дворѣ и находились въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ нею. Она переписывалась со всѣми знаменитыми учеными Европы, которые часто посылали ей свои сочиненія и одобрительный отзывъ ея называли печатью славы. Она поддерживала шведскіе университеты, основывала новые, заводила музеи, награждала многихъ ученыхъ пенсіями, нѣкоторыхъ изъ нихъ избавила отъ рукъ инквизиціи. Положеніе королевы было для нея стѣснительно, и въ 1654 г. она сложила съ себя управленіе

Швеціей, одѣлась въ мужское платье и отправилась путешествовать по Европѣ. Протестанство было невыносимо для ея свободной души своимъ ригоризмомъ, и она кинулась въ католицизмъ. Іезуиты возрадовались и замѣчали ей, что она будетъ стоять въ ряду святыхъ, вмѣстѣ съ св. Бригиттою шведскою; „мнѣ бы гораздо болѣе хотѣлось быть причисленною къ лику умныхъ людей“, отвѣчала имъ весело Христина. Перешедши въ католицизмъ, она даже по наружности не подчинялась всѣмъ его правиламъ, и открыто вела себя, какъ совершенно свободная философка. Долго ѣздила она по всей Европѣ, посѣщая знаменитыхъ ученыхъ, художниковъ, музеи, библіотеки, театры и всюду возбуждая глубокое уваженіе къ своей учености и талантамъ, и въ то же время возмущая лицемѣровъ своимъ поведеніемъ. Вплоть до своей смерти она вела безпокойную, дѣятельную жизнь, посвященную преимущественно наукѣ. Жизнь этой замѣчательной женщины объясняетъ многое въ характерѣ тѣхъ Мессалинъ, которыми такъ богата и древняя и новая исторія Европы. Стѣсненная со всѣхъ сторонъ женщина, не находя свободнаго выхода изъ своей темницы, разрушаетъ стѣны ея, и съ неистовствомъ сумасшедшей предается всѣмъ излишествамъ свободы, попирая ногами все, что прежде стѣсняло ее и издѣваясь надъ тѣмъ, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ общественнаго развитія было бы для нея святынею. Недовольство женщинъ своимъ положеніемъ рѣзко выражалось и въ литературѣ XVII и XVIII в. Въ безчисленныхъ тогдашнихъ сатирахъ, стихотвореніяхъ, повѣстяхъ и водевиляхъ адвокаты женщины выставляли мужей пьяницами, тиранами, драчунами и потѣшались надъ искуствомъ, съ которымъ жены приставляли имъ рога. Строгая отеческая власть подвергалась такому же сомнѣнію, и въ тогдашнихъ комедіяхъ дѣти не только постоянно ссорятся съ отцами, но и составляютъ противъ нихъ заговоры вмѣстѣ съ адвокатами и нотаріусами. Литература издѣвалась надъ патріархальнымъ семействомъ и подъ вліяніемъ женщины вырабатывала доктрину объ эманципаціи чувства и о превращеніи семейства въ союзъ равныхъ другъ другу свободныхъ индивидуумовъ. Фактически, какъ мы уже видѣли, чувство не только эманципировалось, но вырвавшись на свободу, дошло до самыхъ безобразныхъ излишествъ. Свободная любовь уже не скрывалась ни передъ кѣмъ и открыто выставлялась на всенародныя очи. Этотъ протестъ разврата нуждался только въ теоретическихъ оправданіяхъ,—и они явились. Реакція католическому дуализму и феодальному праву, основанная на ученіи объ естественномъ состояніи людей, пришла къ отрицанію всего противоестественнаго и къ безусловному утвержденію всѣхъ естественныхъ наклонностей и стремленій человѣка. Возвращеніе къ природѣ сдѣлалось девизомъ эпохи. Половыя отношенія людей также подводили подъ эту теорію естественной свободы. Рѣзче всего доктрина половой свободы выражена

была въ XVIII в. въ книгѣ Бриссо-де-Варвиля, „Recherches Philosophiques sur le droit de la proprietè et le vol". „Естественныя потребности человѣка — говоритъ авторъ — суть питаніе, употребленіе членовъ, половое совокупленіе... Человѣкъ природы, слѣдуй ея голосу, повинуйся ея желанію,—это твой единственный владыка, твой руководитель! Чувствуешь-ли въ своихъ жилахъ тайный огонь, запылавшій при видѣ прекраснаго,—знай, что это говоритъ природа; наслаждайся; твои ласки будутъ невинны, твои поцѣлуи чисты..." Далѣе, Бриссо-де-Варвиль, доказывая естественную законность своихъ правилъ, приводитъ въ примѣръ дикарей, на которыхъ тогда смотрѣли, какъ на представителей воображаемаго естественнаго состоянія человѣчества. „Природа зажигаетъ въ сердцѣ дикаря огонь любви. Если онъ видитъ прекрасную женщину и если одно и тоже пламя охватываетъ ихъ обоихъ, то они дѣлаются супругами; они не даютъ другъ другу никакой клятвы и любятся потому, что чувствуютъ потребность любви. Коль скоро эта потребность удовлетворена, они перестаютъ быть супругами". Общество XVIII вѣка близко подходило къ этому идеалу; женщина свободно вступала тогда въ союзъ безъ намѣренія и безъ обѣщаній любить до гроба. Общественная мораль требовала отъ нея не вѣчной вѣрности, не патріархальныхъ женскихъ добродѣтелей, а только свойствъ *честнаго человѣка.* Несмотря на то XVII в. представляетъ примѣры самой возвышенной, самой благородной, самой постоянной любви, какъ напр. любовь мадамъ Роландъ къ Бюзо или любовь графини де-Станвиль къ Клервалю, доведшая ее до смерти. Стремленіе къ эманципаціи чувства выразилось между прочимъ и въ религіи. Мистическія секты XVIII и XIX в., какъ всѣ подобныя секты, обыкновенно доходили до половыхъ безобразій. Піэтизмъ XVIII вѣка былъ реакціей религіознаго чувства сухому, формальному догматизму протестанства. Онъ отнималъ у послѣдняго многихъ чувствительныхъ женщинъ, преимущественно изъ высшаго класса, скучавшихъ въ своей праздной жизни и не находившихъ никакой отрады въ бракѣ. Громы революціи и войны Наполеона еще болѣе усилили мистическое настроеніе высшихъ сословій. Явились цѣлыя толпы пророковъ, духовидцевъ, толкователей апокалипсиса, и даже такіе пустыя бабенки, какъ мадамъ Крюднеръ, пользуясь общимъ настроеніемъ, могли играть важную роль и при дворахъ и въ обществѣ. Подъ прикрытіемъ религіи дѣйствовали шарлатанство и развратъ. Многія колоніи и общества піэтистовъ вели самую безобразную жизнь. Религіозныя сборища ихъ сплошь и рядомъ начинались „серафимскими лобзаньями братьевъ и сестеръ", а оканчивались свальнымъ грѣхомъ. Болѣзненная чувственность развивалась въ этихъ сектахъ до ужасныхъ размѣровъ. Мы не будемъ останавливаться на этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ обществахъ, а упомянемъ только о двухъ сектахъ XIX в.—о кенигс-

бергскихъ піэтистахъ и принсеистахъ. Учителемъ или „утѣшителемъ“ кенигсбергскихъ піэтистовъ былъ Шенгерръ, родившійся въ 1711 г. Онъ доказывалъ, что вода и свѣтъ составляютъ основныя начала всего существующаго; вода женскій принципъ, свѣтъ — мужескій; время плотской любви прошло, и въ обществѣ, обновленномъ вѣрою въ утѣшителя, возможна только любовь духовная. Шенгерръ пріобрѣлъ многихъ послѣдователей, особенно изъ аристократіи. Три блестящихъ красавицы, — Ида фонъ-деръ-Гребенъ, Минна фонъ-Дершау и Эмилія фонъ-Шретеръ, — составили изъ себя правительственный совѣтъ этой церкви, въ которой никто не долженъ былъ ни рождаться, ни умирать и которою заправляли женщины аристократки. „Серафимскія лобзанія“, и ихъ послѣдствія были въ большомъ ходу на религіозныхъ собраніяхъ „мукеровъ“, какъ названы эти піэтисты за ихъ шарлатанство, развратъ и лицемѣріе. Въ настоящее время мукерство сильно распространено въ самыхъ богатыхъ и просвѣщенныхъ городахъ Германіи, — въ Галлѣ, Гейдельбергѣ, Берлинѣ, Кенигсбергѣ, Дрезденѣ, Штутгардтѣ, Временѣ, Альберфельдѣ. Лѣтъ тридцать назадъ мукерство появилось и въ Англіи, подъ именемъ *прайнсеизма*. Прайнсъ, родившійся въ Батѣ въ 1811 г., явился выразителемъ реакціи противъ чувственной развращенности, противникомъ брака и проповѣдникомъ безбрачной платонической любви. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ громилъ равнодушныхъ, маловѣрныхъ и слабыхъ, называя ихъ негодными плевелами и говоря, что ихъ нужно отдѣлить отъ пшеницы. Большая часть мужей и отцовъ оказались плевелами, а пшеница, состоявшая изъ фанатизированныхъ женъ и дочерей, стала сомнѣваться въ законности семейной дисциплины и обнаруживать постоянно возрастающія наклонности къ самоуправленію. Многіе отцы семей запретили своимъ женамъ, дѣтямъ и слугамъ ходить на молитвенныя собранія прайнсеистовъ. Ссоры и раздоры ознаменовали собою рожденіе секты. Наконецъ, было основано общее для мужчинъ и женщинъ *жилище любви*, въ которомъ братья и сестры вели цѣломудренную жизнь, чувственная любовь была запрещена даже между супругами, дѣторожденіе объявлено зломъ. Случалось, впрочемъ, что женщины беременѣли, и даже самъ Прайнсъ почувствовалъ наконецъ жажду чувственной любви, предметомъ которой сдѣлалась молоденькая миссъ Патерсонъ. Прайнсъ объявилъ братьямъ и сестрамъ, что приблизилось время великихъ событій, что онъ скоро, по волѣ Бога, сдѣлаетъ дѣву своей женой, вмѣсто своей старой супруги, и сдѣлаетъ это не въ страхѣ, стыдѣ и тайнѣ, а въ присутствіи всѣхъ святыхъ мужчинъ и женщинъ. Всѣ собрались въ торжественный залъ, служившій церковью; Прайнсъ подошелъ къ миссъ Патерсонъ, поцѣловалъ ее и объявилъ, что связь ихъ будетъ знаменіемъ любви Бога къ тѣлу. Затѣмъ, онъ тутъ же сдѣлалъ миссъ Патерсонъ своею женою, среди бѣлаго дня, въ при-

сутствіи нѣсколькихъ десятковъ мужчинъ и женщинъ, продолжавшихъ умиляться и благоговѣть. Но когда новая Мадонна, какъ назвали Патерсонъ, родила, то ребенокъ былъ всетаки объявленъ дѣломъ дьявола и это было первою и послѣднею попыткою прайнсеистовъ возвратиться явно къ чувственной любви.

XVIII вѣкъ, вѣкъ крайней развращенности и необузданности страстей, разрушавшихъ патріархальное семейство, вызвалъ къ жизни не только вопросъ объ эманципаціи чувства, но и вообще о свободѣ и правахъ женскаго пола. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ самими женщинами, отнесшимися критически къ своему подневольному положенію. Первыя, по времени, изъ этихъ писательницъ не заходили далеко въ своихъ требованяіхъ, но все-таки они оказали своему полу большую услугу тѣмъ, что критически отнеслись къ его положенію. Въ 1752 году дѣвица Аршамбо-де-Лаваль въ изданной ею книгѣ разбирала вопросъ, въ комъ больше постоянства, въ мужчинѣ или женщинѣ? Въ 1786 мадамъ Жанлисъ пошла уже далѣе, и въ своей брошюрѣ требовала уничтоженія женскихъ монастырей и публичнаго образованія женщинъ. Въ Германіи знаменитая ученая писательница XVII в., Анна Шурманъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій доказывала, что женщины имѣютъ такія же способности и такое же призваніе къ наукамъ, какъ и мужчины. Въ Италіи и Франціи многія писательницы пропагандировали ту же идею, которой сочувствовало и не мало мужчинъ. Въ 1765 г., въ одной газетѣ, издававшейся во Франкфуртѣ-на-Майнѣ была помѣщена статья „о владычествѣ мужчинъ надъ женщинами". Въ ней говорится, что „хотя мужчины поклоняются женщинамъ, какъ ангеламъ и земнымъ богинямъ, но, съ другой стороны, они такъ мало уважаютъ ихъ, что считаютъ ихъ какими-то выродками человѣчества и едва признаютъ за людей, или же, по крайней мѣрѣ, стараются унизить ихъ до степени своей старой обуви. Есть между ними такіе дураки, которые оправдываютъ это не только изъ библіи, но даже изъ Corpus Juris, и слѣдуютъ тому древнему пустомелѣ, который на вопросъ: почему женщины достигаютъ зрѣлости раньше мужчинъ? отвѣчалъ: потому что дурная трава растетъ скорѣе хорошей". Мнѣніе Аристотеля, что „женщина есть ошибка природы", авторъ называетъ смѣшнымъ и глупымъ. Въ той же газетѣ за 1767 г. былъ напечатанъ „Проэктъ женской академіи", въ которомъ доказывается необходимость для женщинъ высшаго университетскаго образованія. Въ Англіи, вслѣдъ за борковскою „защитою человѣческихъ правъ" (1792 г.), появилось сочиненіе извѣстной писательницы Мэри Ульстонкрафтъ Годвинъ „Защита правъ женщины". Въ этомъ страстномъ памфлетѣ Мэри Годвинъ доказываетъ, что во всѣхъ положеніяхъ жизни женщина-полная рабыня мужчины, что она предоставлена произволу отца, брата, мужа, опекуна, лишена возможности самостоятельно добывать

себѣ кусокъ хлѣба и вести независимую жизнь. Въ XVIII в. многіе высказывали подобныя эманципаціонныя идеи и желанія, но полнѣе и яснѣе всѣхъ выразилъ ихъ Кондорсе. „Люди — говоритъ онъ — до такой степени могутъ свыкнуться съ нарушеніемъ своихъ естественныхъ правъ, что даже въ средѣ тѣхъ, чьи права нарушены, никто и не думаетъ требовать возстановленія ихъ, даже никто не сознаетъ учиненной надъ нимъ несправедливости. Напр., не нарушенъ-ли всѣми нами принципъ равноправности, когда мы преспокойно лишили цѣлую половину человѣчества права участвовать въ составленіи законовъ, отстранивъ женщинъ отъ пользованія правомъ гражданства?.. Права человѣческой личности истекаютъ изъ ея разумности, изъ того факта, что человѣкъ способенъ усваивать нравственныя идеи и вырабатывать ихъ своимъ мышленіемъ. А такъ какъ женщинамъ присущи эти свойства, то по природѣ они должны быть равноправны. Или ни одна человѣческая личность не имѣетъ своихъ правъ, или всѣ должны быть равноправны“.

Во время французской революціи женщины, какъ мы увидимъ ниже, основывали много своихъ клубовъ; нѣкоторыя энергичныя и краснорѣчивыя француженки требовали женской равноправности. Но идеи радикальной эманципаціи мало находили сочувствія среди великихъ политическихъ переворотовъ XVIII в. Дѣятели французской революціи не увлекались идеями женской эманципаціи; свобода, равенство и братство требовались ими только для мужчинъ; но при всемъ этомъ многіе изъ нихъ, проникнутые понятіями эпохи, не мало содѣйствовали реформаціи семейства и успѣху женскихъ стремленій къ семейной свободѣ. Теорія общественнаго договора, лежавшаго тогда въ основаніи государственныхъ наукъ и ученіе объ естественныхъ правахъ человѣка распространялись не только на государство, но и на семейную институцію; идея договора, внесенная въ семейство, влекла за собой идею личной свободы его членовъ. Пуффендорфъ доказываетъ, что бракъ возникаетъ не изъ власти, а изъ любви и договора, что супруги совершенно равны одинъ другому; Фихте горячо вооружается противъ патріархальной отеческой власти; знаменитая французская „энциклопедія“ говоритъ, что „рожденіе дѣтей не даетъ ихъ родителямъ никакихъ правъ надъ ними... Родители не имѣютъ права давать своимъ дѣтямъ приказаній, тѣмъ менѣе употреблять противъ нихъ угрозы или наказанія... Но что же дѣлать, если ребенокъ хочетъ себѣ зла? Такъ какъ онъ можетъ желать зла себѣ вслѣдствіе заблужденія, то родители обязаны только растолковать ему суть дѣла....“ Взрослые дѣти должны быть совершенно свободны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и ни въ чемъ не зависѣть отъ родителей. „Словомъ, отецъ не можетъ имѣть никакихъ правъ на своихъ дѣтей, кромѣ тѣхъ, которыя существуютъ для пользы послѣднихъ, и общественная власть не должна содѣйствовать наказа-

нію дѣтей за ихъ домашніе проступки или за неповиновеніе родителямъ". Въ то же время въ заговорѣ Бабефа выразилось стремленіе уничтожить институцію наслѣдства и такимъ образомъ отнять у семейства главную его основу. Законодательная практика не осуществила этихъ утопическихъ требованій. Уничтоживъ первородство и субституцію, установивъ равенство дѣтей въ наслѣдованіи, предоставивъ право исправительныхъ наказаній не отцу, а семейному совѣту, объявивъ совершеннолѣтнихъ дѣтей вполнѣ свободными отъ отеческой власти, уравнявъ незаконныхъ дѣтей съ законнорожденными, революція внесла такой же духъ свободы и въ брачную жизнь, предоставивъ супругамъ свободу развода.

Но, не смотря на то, что ни законодатели, ни революціонеры, ни мыслители, кромѣ Кондорсе, не думали о *полной* женской эманципаціи, женщины XVI, XVII и XVIII в. принимали дѣятельное участіе во всѣхъ сферахъ общественной жизни, и хотя такія личности были исключеніями изъ общаго правила, но ихъ всегда было много и никто не думалъ гнать ихъ съ общественной арены. Женщины были однимъ изъ главныхъ орудій возрожденія католицизма, который, захвативъ въ свои руки вмѣстѣ съ ихъ образованіемъ и ихъ совѣсть, сдѣлалъ ихъ своими рабынями, развращаемыми имъ и физически и нравственно. Іезуитская мораль, проповѣди, монастырское воспитаніе — все было устремлено къ тому, чтобы притупить умъ женщины и посредствомъ ея утвердить католическое вліяніе въ семействахъ. Въ реформаціи женщины были съ самаго начала ревностными пропагандистками новаго ученія, а потомъ, въ разныхъ сектахъ, на которыя распалось протестантство, они начали играть еще болѣе дѣятельную роль. Религіозная филантропія сдѣлалась женскою спеціальностью, и протестантство, по свойственнымъ всѣмъ подобнымъ системамъ, внутреннему противорѣчію и невыдержанности, поощряло филантропическую дѣятельность женщины, опровергая этимъ справедливость своего положенія, что женщина должна существовать для одного своего семейства. Начиная съ XVII в., кромѣ католическихъ благотворительныхъ орденовъ, возникаетъ множество протестантскихъ женскихъ союзовъ, съ самыми разнообразными филантропическими цѣлями, и женская филантропія принимаетъ изумительно-громадные размѣры. Помощь бѣднымъ, распространеніе грамотности и христіанства, уходъ за больными и ранеными, заботы объ ех - проституткахъ, о доставленіи бѣднымъ дѣвушкамъ работы или приданаго, погребеніе бѣдныхъ покойниковъ, помощь вдовамъ и сиротамъ, нравственное образованіе преступниковъ, распространеніе христіанства между дикарями — вотъ главныя цѣли женской филантропіи.

Образованіе всегда было могущественнѣйшимъ орудіемъ соціальныхъ реформъ. Съ утвержденіемъ въ Европѣ королевскаго абсолю-

тизма воспитаніе юношества начало постепенно дѣлаться не только публичнымъ, но и обязательнымъ. Обязательное обученіе является впервые во Франціи въ 1560 г., вслѣдствіе мѣстнаго распоряженія орлеанскаго парламента. Людовики XIV и XV издали общіе законы о посѣщеніи школъ дѣтьми, подтвержденные въ 1793 г. конвентомъ. Въ Пруссіи Фридрихъ II въ 1763 г. ввелъ обязательное обученіе для всѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 7 до 13 лѣтъ, и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія изъ 3.090,294 дѣтей обоего пола не посѣщало школъ только 130,437. Въ Австріи обязательное обученіе введено въ 1774 г. Въ большинствѣ государствъ родители подвергаются штрафу за уклоненіе отъ общественнаго обязательнаго обученія своихъ дѣтей. Эта система, между прочимъ, вела и ведетъ къ ослабленію патріархальнаго семейнаго духа, такъ какъ она съ дѣтства пріучаетъ людей къ общественности и къ мысли, что родительская власть должна зависѣть отъ власти общества и государства, что семейные интересы должны подчиняться общественнымъ. Кромѣ школъ для общаго образованія, съ XVII в. во множествѣ возникаютъ женскія школы, монастырскія и мірскія. Даже нѣкоторые ревнители патріархальныхъ началъ доказываютъ необходимость женскаго образованія. „Женщину — говоритъ Фенелонъ — слѣдуетъ обучать тому, что составляетъ задачу ея жизни; ей придется наблюдать за воспитаніемъ дѣтей, — сыновей до извѣстнаго возраста, дочерей до ихъ замужества, — наблюдать за образомъ жизни, за нравственностью и за службою домочадцевъ, за всѣмъ хозяйствомъ, за расходами и т. д. Въ этомъ заключается ея обязанность и по этимъ предметамъ она должна обладать свѣдѣніями“. Въ Германіи съ самаго начала XVIII в. возникаетъ идея женской академіи и выходитъ много книгъ, преимущественно женскаго сочиненія, о необходимости расширить и улучшить образованіе женщинъ. Во Франціи женское образованіе поднялось прежде, чѣмъ въ другихъ странахъ. Во всѣхъ біографіяхъ XVII в. мы видимъ, что и отцы и матери неутомимо заботятся объ умственномъ развитіи своихъ дѣтей. Женщины получаютъ самое блестящее по тому времени образованіе, какъ это можно видѣть изъ мемуаровъ госпожъ Кейлю, Лафайетъ, Скюдери, Саблê, Монтозье и многихъ другихъ. Они были образованы не менѣе мужчинъ. Особенно сильное вліяніе на женщинъ того времени имѣлъ Декартъ. „Философія Декарта, отвергнутая школою, была отлично принята салонами“, говоритъ Фуше-де-Карель. „Женщины, пользовавшіяся тогда верховною властью, были первыми послѣдовательницами ея, и Мальбраншъ—который есть ничто иное, какъ тотъ же Декартъ, только болѣе христіанскій и болѣе нѣжный —говаривалъ, что женщины болѣе свободны отъ предразсудковъ и лучше понимаютъ его уроки, чѣмъ ученые“. Лучшимъ другомъ и самою ревностною послѣдовательницею Декарта

была Елисавета, принцесса палатинская, которая распространила картезіанизмъ въ Германіи, и, сдѣлавшись при концѣ жизни настоятельницею Герфордскаго аббатства, превратила его чуть-чуть не въ картезіанскую академію. Въ XVIII в. женщины даже нерѣдко превосходили мужчинъ своею просвѣщенностью. Въ нихъ развилась лихорадочная универсальная любознательность, удовлетворяемая публичными чтеніями, бесѣдами съ учеными и писателями, книгами и журналами. Романы вышли изъ моды и замѣнились учеными трактатами и популярными сочиненіями по философіи, естественнымъ наукамъ, физикѣ, химіи, праву, исторіи, астрономіи. Даже переписка дамъ потеряла свой прежній характеръ свѣтской болтовни и наполнилась серьезными размышленіями, серьезными вопросами и серьезнымъ разрѣшеніемъ ихъ. Парижскіе музеи и лицеи наполнились женщинами, стекавшимися сюда на публичные курсы и опыты. Въ 1786 г. даже Королевская Коллегія была осаждаема толпами любознательныхъ женщинъ. Высшее университетское образованіе было доступно женщинамъ и во Франціи, и въ Германіи, и въ Италіи. Въ Сорбоннѣ они слушали курсы вмѣстѣ съ мужчинами и обыкновенно присутствовали на ученыхъ докторскихъ диспутахъ. Въ итальянскихъ университетахъ, даже во времена извѣстнаго ученаго Росси, были женщины, изучавшія право и медицину. „Я имѣлъ счастіе — говоритъ Росси — знать такихъ женщинъ, одаренныхъ обширными талантами и даже замѣчательнымъ геніемъ; въ университетѣ я сидѣлъ на одной скамьѣ съ женщинами, изучавшими право и медицину; вмѣстѣ со мною степень доктора правъ получила одна прехорошенькая дама“. Женщины бывали членами академій и другихъ ученыхъ обществъ. Гаетана Агнести и Лаура Басси, напр., были членами болонскаго института; послѣдняя, кромѣ того, принадлежала къ обществу аркадцевъ.

Образованность женщинъ имѣла громадное вліяніе на развитіе европейскаго общества. Это вліяніе совершалось прежде всего посредствомъ семейства и домашняго воспитанія. Женщины передавали дѣтямъ и свои знанія и свои нравственныя достоинства. Время ученыхъ женщинъ XV и XVI в. было вмѣстѣ и временемъ *ученыхъ дѣтей*, подобно тому, какъ впослѣдствіи время женскаго художественнаго образованія совпадало съ періодомъ дѣтей-диллетантовъ въ разныхъ искуствахъ. Женское вліяніе въ этихъ случаяхъ было такъ сильно и неотразимо, что вполнѣ обнаруживалось на дѣтяхъ еще въ ихъ малолѣтствѣ. Меланхтонъ на пятнадцатомъ году написалъ свою греческую грамматику, а на шестьнадцатомъ въ качествѣ магистра началъ читать лекціи объ Аристотелѣ. Андреасъ Кантеръ изъ Грёнингена, не имѣя еще десяти лѣтъ отъ роду, публично толковалъ св. писаніе, а на десятомъ году былъ уже докторомъ обоихъ правъ и держалъ диспутъ передъ императоромъ Конрадомъ III, вызвавшимъ его въ Вѣну.

Въ дѣлѣ воспитанія поколѣнія, дѣйствовавшаго въ эпоху великой французской революціи, женщинамъ принадлежитъ чуть ли не главная роль. Въ жизни Шиллера, Гёте и многихъ другихъ писателей ихъ матери и другія женщины имѣли также громадное значеніе. Вообще, умственное вліяніе женскаго пола въ знаменательнѣйшую эпоху европейской исторіи, въ XVIII в., было неизмѣримо. Женщина была воспитательницею цѣлыхъ поколѣній патріотовъ и героевъ. Она была музою, помощницею и совѣтницею писателей, верховнымъ судьею ихъ и защитницею отъ гоненій правительствъ. Французскіе салоны еще въ первой четверти XVIII в. сдѣлались центрами умственной и политической жизни. Дамы аристократіи и буржуазіи, собирая у себя ученыхъ, художниковъ, поэтовъ, государственныхъ дѣятелей, увлекались модою образованности, а многія стояли даже во главѣ умственнаго движенія, охватывавшаго тогда общество, серьезно занимались наукой, давали ходъ извѣстнымъ книгамъ, теоріямъ, музыкальнымъ піэсамъ и т. д. Конечно, не мало было между этими барынями пустыхъ фразерокъ, которыя, полиберальничавъ въ молодые годы, дѣлались на старости святошами и отвратительными суевѣрками, но не мало было между ними и женщинъ вполнѣ достойныхъ уваженія. Въ Англіи, Италіи, Швеціи, Германіи въ XVIII в. было также не мало дамскихъ салоновъ и серьезно образованныхъ женщинъ, покровительствовавшихъ наукамъ и искуствамъ или имѣвшихъ умственное вліяніе на ученыхъ и художниковъ. Въ Германіи въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежало Рахели Варнгагенъ-фонъ-Энзе (1771—1833), которая была въ личныхъ или письменныхъ сношеніяхъ съ лучшими представителями нѣмецкой литературы и имѣла на нихъ большое вліяніе. „Ея салонъ въ Берлинѣ былъ умственною мастерскою", по выраженію Шерра. Не менѣе вліянія имѣла и знаменитая Шарлотта Кальбъ.

Вліяніе женщинъ на европейскую литературу было особенно важнымъ для популяризаціи знаній. Съ тѣхъ поръ, какъ женщины приняли самое дѣятельное участіе въ умственномъ движеніи, наука стала отбрасывать свои схоластическіе пріемы и заговорила понятнымъ для всѣхъ языкомъ. Вѣроятно, вслѣдствіе того же женскаго вліянія, французскіе писатели удержали за собой навсегда одно изъ своихъ главныхъ достоинствъ — популярность и ясность изложенія.

Женщины имѣли не одно только посредственное вліяніе на умственное движеніе Европы,—они участвовали въ немъ непосредственно. Медицина и естествознаніе по прежнему оставались ихъ *любимою* профессіей вплоть до реакціи XVIII в. Анна Мецолини Моранди (1717—1774 г.), бывшая членомъ многихъ ученыхъ обществъ, отличавшаяся въ скульптурѣ и живописи, занимала въ Болоньѣ кафедру анатоміи. Марія Магдалина Петраччини (1759 — 1791 г.) славилась въ Италіи своими медицинскими знаніями, имѣла большую практику и оставила

сочиненіе „о физическомъ воспитаніи дѣтей“. Въ 1799 г. въ Болоньѣ получила степень доктора хирургіи Марія Мастеллари. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія многія итальянки пріобрѣли извѣстность своими знаніями и трудами въ области естественныхъ наукъ, физики, математики и филологіи, какъ напр., Клелія Гримальди Дураццо, Елизавета Фіорини, Лаура Босси и мн. др. Росси упоминаетъ объ одной женщинѣ, читавшей въ его время университетскія лекціи о греческой литературѣ. Онъ слушалъ у нея курсъ и былъ очарованъ ея ученостью, ея блестящимъ умомъ и граціей. Во Франціи ученыхъ женщинъ было множество. Однимъ перечисленіемъ ихъ именъ и сочиненій можно занять нѣсколько страницъ. Между ними болѣе замѣчательны дѣвица Гурне, другъ и усыновленная дочь Монтэня; мадамъ Дасье, знаменитая переводчица произведеній классической древности, оказавшая своими трудами весьма важное вліяніе на французскую литературу; Эмилія де-Бретейль (1706 — 1749 г.), переведшая на французскій языкъ сочиненія Лейбница и Ньютона съ такими введеніями и замѣчаніями, которыя Вольтеръ называетъ образцовымъ произведеніемъ ума и краснорѣчія. Астроному Лаланду помогали въ его трудахъ жена его, оставившая сочиненіе „tables horaires“, и мадамъ Дюпьери, дѣлавшая самостоятельныя астрономическія изслѣдованія и написавшая для Лаланда нѣсколько разсужденій, которыя онъ помѣстилъ въ своей астрономіи для дамъ. Жена знаменитаго химика Лавуазье принимала дѣятельное участіе въ его трудахъ и изслѣдованіяхъ. Сестра Паскаля, помогавшая ему во всѣхъ его работахъ, по своей разносторонней учености и по уму мало чѣмъ уступала этому всеобъемлющему и талантливому мыслителю. Не менѣе француженокъ извѣстно своими мемуарами, историческими и педагогическими сочиненіями. Начиная съ XVIII в. француженки взяли въ свои руки воспитаніе дѣтей не только въ своемъ отечествѣ, но и за границей. Французскія гувернантки и учительницы вскорѣ распространились по всему образованному міру. Въ эпоху революціи француженки выступили и на поприще публицистики. Такъ въ 1761 дѣвица Берманъ представила нантской академіи замѣчательное изслѣдованіе о сравнительныхъ заслугахъ беллетристовъ и моралистовъ. Въ 1789 г. мадамъ Леруа издала „Проэктъ гражданки объ исцѣленіи золъ, угнетающихъ Францію, о возстановленіи порядка въ судахъ и администраціи“. Въ 1792 г. дѣвица Лезардьеръ издала въ четырехъ томахъ „Теорію политическихъ законовъ французской монархіи“, которой Варнкенигъ въ своей исторіи французскаго права приписываетъ весьма важное значеніе. Литературная дѣятельность мадамъ Сталь извѣстна каждому. Въ области медицины француженки славились не одною только практикой, но могли соперничать съ мужчинами и въ теоріи. Такова была, напр., актриса Глапіонъ, пріобрѣтшая себѣ громкую извѣстность сво-

ими обширными познаніями въ медицинѣ, хирургіи, фармацевтикѣ и ботаникѣ. Г-жи Роланъ и Жанлисъ занимались медициною и лечили больныхъ. Мадамъ Кастанье, получившая докторскій дипломъ въ 1794 г., была послѣднею женщиною-медикомъ во Франціи. Въ Англіи замѣчательныя своею ученостью женщины являются еще въ XVI в., какъ напр., Елисавета Бартонъ, леди Грей, двѣ дочери знаменитаго канцлера Томаса Моруса, Катарина Маколей (1738—1791 г.), написавшая между прочимъ замѣчательную исторію Англіи, книгу о непреложности нравственной истины и мн. др. Въ Германіи съ XVII в. также пробуждается ученая дѣятельность женщинъ, которой предшествовало изданіе многихъ женскихъ сочиненій, доказывавшихъ способность и право женскаго пола на занятіе науками. Знаменитѣйшею ученою того времени была Анна Марія Шурманъ (1607—1675). Искусная въ скульптурѣ и живописи, она основательно знала четырнадцать языковъ, философію, астрономію, географію и возбуждала такое уваженіе къ себѣ во всѣхъ образованныхъ людяхъ Европы, что никто изъ нихъ не бывалъ въ Утрехтѣ, не посѣтивъ ея дома. Дочь извѣстнаго историка и публициста Шлецера, Теодора (1770—1825 г.), изучившая нѣсколько языковъ, исторію, математику, физику, горнозаводство и написавшая исторію русскихъ монетъ, получила въ Геттингенѣ степень доктора философіи. Еще большею извѣстностью пользуется Тереза Якобъ, родившаяся въ Галлѣ въ 1797 г. Ея переводы сербскихъ народныхъ пѣсенъ, ея изслѣдованіе о славянскихъ языкахъ, о германской народной поэзіи, о подлинности оссіановскихъ поэмъ, наконецъ, ея исторія колонизаціи Новой Англіи до сихъ поръ не потеряли значенія въ нѣмецкой литературѣ. Въ естественныхъ наукахъ извѣстны своими трудами дочь лекаря Куниціуса, сдѣлавшая много изслѣдованій въ астрономіи и оставившая нѣсколько сочиненій по этой наукѣ; Марія Кирхъ (1670—1720) и Каролина Гершель, открывшая въ 1791 г. пять планетъ, также извѣстны въ исторіи астрономіи. Нѣсколько нѣмокъ въ XVII и XVIII в., имѣли дипломы медиковъ, и многія акушерки пріобрѣли извѣстность въ родовспомогательномъ искуствѣ. Вслѣдъ за француженками и англичанками, нѣмки начали дѣлать отдаленныя путешествія по Европѣ и другимъ частямъ свѣта, и много сочиненій этихъ путешественницъ занимаетъ почетное мѣсто въ этнографической литературѣ.

Въ беллетристикѣ и поэзіи женщины давно уже упрочили свое положеніе во всѣхъ странахъ Европы. Имена Скюдери, Севинье, Жанлисъ, Сталь, Фелиціи Гименсъ и множества другихъ писательницъ извѣстны всѣмъ, знакомымъ съ исторіей литературы. Женщина пріобрѣла себѣ полное право на эту дѣятельность, но такое пріобрѣтеніе стоило ей не малыхъ усилій, какъ это хорошо видно изъ исторіи нѣмецкихъ писательницъ. Не смѣя выйти за границу патріархальныхъ

обычаевъ, первыя нѣмецкія поэтессы писали только о такихъ предметахъ, занятіе которыми никто не могъ поставить въ упрекъ женщинѣ; они перелагали въ стихи житія святыхъ, псалмы, молитвы; затѣмъ начали брать сюжеты для своихъ произведеній изъ сферы семейства, воспѣвали колыбель ребенка, родину, бракъ и другіе случаи семейной жизни. Вотъ, напр., заглавія нѣкоторыхъ стихотвореній поэтессы XVIII в. Анны Барбары Кнаккрюгенъ: „псалмы Давида", „пѣснь Іереміи", „притчи", „мысли при работѣ", „о тернѣніи", „о громѣ", „*размышленія при мытьѣ бѣлья*", „размышленія при кровопусканіи", „при наймѣ прислуги" и т. д. Всѣ почти подобныя писательницы доказывали, при всякомъ удобномъ случаѣ, что они въ своихъ стихотвореніяхъ говорятъ о матеріяхъ вполнѣ приличныхъ и нисколько не выходятъ изъ сферы, предназначенной женщинѣ. Затѣмъ нѣмки сдѣлали шагъ еще далѣе, начавъ воспѣвать разные предметы и явленія природы; наконецъ они добрались и до любви, послѣ чего вскорѣ дѣятельность германскихъ беллетристокъ, какъ и беллетристокъ всей остальной Европы, устремилась, главнымъ образомъ, на пропагандированіе свободы чувства и много содѣйствовала развитію и распространенію идей женской эманципаціи.

Мы не будемъ здѣсь перечислять множества женщинъ, прославившихся своими произведеніями и талантами въ области живописи, музыки, скульптуры, пѣнія, въ драматическомъ искуствѣ. Замѣтимъ только, что искуства въ Европѣ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ древняго и новаго міра, были сильными средствами для освобожденія множества женщинъ отъ семейной неволи и экономической зависимости. Драматическое искуство получило свою настоящую силу и значеніе только со времени появленія на сценѣ женщинъ. Патріархальные нравы долго не дозволяли женщинѣ быть актрисою; въ Италіи и Франціи женщины завоевали себѣ это право въ XVI в., а въ Португаліи женщина появилась въ первый разъ на лиссабонской сценѣ только въ 1755 г. Сколько церковныхъ проклятій, полицейскихъ насилій, общественнаго презрѣнія, сколько нападокъ, брани, скандаловъ выносили, а частію даже до сихъ поръ выносятъ женщины за свое званіе актрисы, за свое служеніе возвышеннѣйшему изъ искуствъ! А между тѣмъ, драмматическое искуство получило свою настоящую силу и значеніе лишь со времени появленія на сценѣ женщинъ, которыя не только оживили драму и комедію, но и содѣйствовали возникновенію и развитію оперы.

Начиная съ XVI в. женщины пріобрѣтаютъ сильное вліяніе на государственныя дѣла. Королевы-супруги, королевы-матери, метрессы королей и принцевъ, придворныя дамы играютъ чрезвычайно важную роль въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, въ жизни двора и общества, въ искуствѣ и литературѣ. Дамы рѣшаютъ дѣла управленія, на-

значаютъ важнѣйшихъ чиновниковъ, устанавливаютъ налоги, возбуждаютъ войны, заключаютъ миръ. Старинная Франція употребляла женщинъ въ качествѣ посланниковъ; г-жа Delahaye-Vantelay была посланницей въ Венеціи, мадамъ Гебріанъ въ Польшѣ; Катеринѣ Клермонтъ было поручено отвѣчать польскимъ посланникамъ, прибывшимъ съ извѣстіемъ объ избраніи герцога анжуйскаго въ короли Польши. Въ Англіи, Италіи, Германіи—всюду видимъ мы это владычество женщинъ. Особенно сильно и продолжительно было оно во Франціи. „Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ исторіей Франціи,“—говоритъ Шлоссеръ — чтобы знать, что во Франціи женщины всегда вмѣшиваются въ государственныя дѣла, и притомъ совершенно открыто, а не въ тихомолку, какъ въ другихъ странахъ. При Францискѣ I и послѣдующихъ короляхъ до Генриха III мы видимъ открытое и гласное правленіе женщинъ. При Генрихѣ III оно прекращается, но объ этомъ едва-ли не приходится сожалѣть, — миньоны (содомиты) этого короля вредили гораздо болѣе, чѣмъ матери, жены и любовницы предшествовавшихъ правителей. При Генрихѣ IV вліяніе женщинъ на общественныя дѣла не такъ замѣтно, потому что государствомъ управлялъ не король, а Сюльи; слабость же къ женщинамъ самаго Генриха слишкомъ хорошо извѣстна. Онъ постоянно былъ подъ башмакомъ женщинъ и часто за волокитствомъ забывалъ государственныя дѣла. На него пало даже обвиненіе, что будто онъ изъ за любви къ женщинѣ не задолго до своей смерти замышлялъ новую войну съ Испаніей и вмѣшался въ споръ за Юлихъ-Клевское наслѣдство. По смерти Генриха IV государствомъ стали управлять Марія Медичи и наперсница ея Галигай. Люинь склонилъ своего товарища, Людовика XIII, убійствомъ отдѣлаться отъ опеки, т. е. собственно говоря, передать правленіе фавориту. Все это дѣлалось подъ предлогомъ освобожденія народа отъ тяжкаго владычества женщинъ и ихъ креатуры, маршала д'Анкра. Народъ съ восторгомъ принялъ вѣсть объ убійствѣ маршала и издѣвался надъ его трупомъ, ожидая освобожденія отъ ига; но смерть маршала не принесла ему никакихъ выгодъ и даже не освободила отъ женскихъ интригъ. При Ришелье не могло быть и рѣчи о господствѣ женщинъ. Но въ смутахъ, происходившихъ во время малолѣтства Людовика XIV, женщины были центромъ движенія, а дома ихъ служили для сборищъ партій. При Людовикѣ XIV государствомъ управляла не только Мэнтенонъ, но и другія женщины. Въ началѣ войны за испанское наслѣдство и даже еще со времени уничтоженія нантскаго эдикта, истинныя причины и пружины всѣхъ событій въ политикѣ и литературѣ слѣдуетъ искать въ отношеніяхъ женщинъ между собою и къ обществу. Всѣмъ извѣстно, что при герцогѣ регентѣ, до вступленія въ управленіе дѣлами кардинала Флери, самыя наглыя и развратныя женщины знали всѣ государственныя тайны, продавали

должности, почести, милости и даже вели переговоры о бракѣ молодаго короля. При кардиналѣ Флери вліяніе женщинъ ограничивалось литературою, совершенно подчинившеюся вліянію парижскихъ дамъ. Посредствомъ литературы женщины управляли общественнымъ мнѣніемъ, которое, какъ извѣстно, безгранично владычествуетъ надъ людьми. По смерти Флери Людовикъ XV безусловно подчинился вліянію женщинъ, удовлетворявшихъ сладострастью, и чѣмъ онъ болѣе старѣлъ, тѣмъ сильнѣе становились злоупотребленія женской власти. Взбалмошная и вѣтреная жена Людовика XVI управляла имъ также неограниченно, какъ любовницы Людовикомъ XV". При Людовикахъ XV и XVI женщины управляли изъ Версаля всѣми государственными дѣлами. По словамъ Монтескье, „не было ни одного человѣка, занимавшаго какое-нибудь мѣсто при дворѣ, въ Парижѣ или въ провинціяхъ, который не былъ бы въ рукахъ женщинъ". Эти женщины были въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою и „составляли родъ республики, всѣ члены которой всегда помогали и содѣйствовали другъ другу; это было государство въ государствѣ". Владычествуя надъ государствомъ и надъ королемъ, всѣ эти дамы были повелительницами своихъ семействъ и мужей. Они пріобрѣтали свободу и власть большею частью посредствомъ проституціи и принадлежа по духу своей общественной среды и по воспитанію къ эксплуататорскому сословію феодаловъ, они, достигая власти, не думали ни о чемъ другомъ, кромѣ удовлетворенія своего честолюбія, составленія себѣ сильной партіи, роскоши и удовольствій, угнетенія и эксплуатаціи народа. Это были рабыни, освободившіяся отъ своихъ господъ и покорившія ихъ посредствомъ интригъ, преступленій и пороковъ. Поэтому-то эманципація и владычество женщинъ XVII и XVIII в. принесли Европѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Старые порядки были такого сорта, что при нихъ могла эманципироваться только досужая, богатая, кокетливая, изнѣженная барыня, которая, достигнувъ свободы путемъ интриги, лжи и порока, становилась раззорительницею и тиранкою какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, стоявшихъ ниже ея. Кромѣ этого зла, эманципація барынь вела за собою во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, еще не меньшее и гораздо болѣе прочное зло. Аристократизмъ, комфортъ, роскошь и кокетство развили въ женщинахъ ту слабость, раздражительность, излишнюю чувствительность, легкомысліе и вялость характера, которыя Риль справедливо называетъ *чрезмѣрной женственностью*, Ueberweiblichkeit, и на основаніи которыхъ Мишле заключаетъ, что „женщина—это болѣзнь, существо больное". Вліяніе такихъ женщинъ на литературу заразило послѣднюю сентиментальностью, болтливостью, фельетонною пустотою. Мужчины обабились и потеряли силу характера. „Не подлежитъ сомнѣнію,—справедливо замѣчаетъ Шлоссеръ—что отъ женскаго вліянія жизнь французской націи потеряла серьезный

характеръ, и французы пріучились относиться ко всему какъ-то слегка и поверхностно". Несчастны времена, когда можно достигать свободы только женщинамъ высшихъ классовъ и достигать не путемъ честнаго труда, а путемъ интриги и порока! Между тѣмъ, этотъ путь до сихъ поръ былъ самымъ надежнымъ и самымъ употребительнымъ. Пора бы понять людямъ, что не только задерживать, но даже пассивно относиться къ дѣлу женскаго освобожденія, значитъ губить и развращать нравственность народа, разрушать семейство, совращать женщинъ на путь лжи, порока и преступленія. Неравенство есть рабство, а рабство портитъ и господъ и невольниковъ.

„Изъ семи королей—говоритъ Фурье—пять—являются посредственными личностями; изъ семи же королевъ—всѣ семь замѣчательны". Дѣйствительно въ исторіи Европы замѣчательныхъ государынь было гораздо больше сравнительно съ общимъ числомъ царствовавшихъ женщинъ, чѣмъ самостоятельныхъ государей. Елисавета Англійская, Марія Терезія, Марія Португальская, Анна Амалія Веймарская, Екатерина Русская, Маргарита Датская, Изабелла Испанская,—вотъ имена, славу которыхъ напрасно старались бы пріобрѣсть сотни европейскихъ государей. Примѣры этихъ царственныхъ женщинъ несомнѣнно убѣждаютъ насъ, что даже при современной неусовершенности женской породы посредствомъ солиднаго образованія и серьезной практики, женщины вполнѣ способны къ самымъ труднымъ отраслямъ общественной дѣятельности.

Вплоть до XIX в. женщина удерживала за собой возможность самостоятельной жизни и экономической независимости. Въ нѣмецкихъ городахъ множество женщинъ вело торговлю и содержало ремесленныя мастерскія. Во Франціи цвѣточницы и другія ремеслиницы составляли многочисленные, богатые цѣхи. Мѣста почтмейстеровъ, контролеровъ, ихъ помощниковъ, сборщиковъ косвенныхъ податей, архиваріусовъ, библіотекарей, смотрителей тюремъ, домовъ для найденышей, богадѣленъ, разныхъ исправительныхъ заведеній и т. д.,—сплошь и рядомъ занимались женщинами на равныхъ правахъ съ мужчинами. Даже во время первой имперіи и реставраціи можно было встрѣтить сотни женщинъ, занимавшихъ эти должности во французскихъ городахъ. Кромѣ того, женщины отправляли тогда обязанности адвокатовъ и посланниковъ, какъ напр. дѣвица Д'Еонъ де Бомонъ, которая сначала была адвокатомъ, потомъ служила королевскимъ сборщикомъ податей, затѣмъ поступила въ военную службу и наконецъ прославилась на дипломатическомъ поприщѣ въ качествѣ посланника при разныхъ иностранныхъ дворахъ. Въ 1775 г. вышли ея сочиненія, обнаружившія въ ней и обширность свѣдѣній и литературный талантъ,—„Исторія папъ"; „Политическая исторія Польши"; „Записки о Россіи и объ ея торговлѣ съ Англіей" и мн. др.

XVIII.

Здѣсь мы позволяемъ себѣ распространиться нѣсколько подробнѣе о женщинахъ французской революціи, объ ихъ участіи въ этомъ великомъ переворотѣ, объ оказанной ими способности къ веденію общественныхъ дѣлъ и вмѣстѣ о тѣхъ недостаткахъ ихъ, благодаря которымъ они вредили общественному дѣлу и которые нужно приписать не низкости ихъ породы, не слабости ихъ ума, а единственно ихъ воспитанію и ненормальному положенію въ обществѣ.

Паденіе половой нравственности и семейныхъ добродѣтелей достигло въ XVIII в. высшей степени. Бракъ превратился въ чисто торговую сдѣлку, надъ супружескою вѣрностью открыто издѣвались, женщина, которую впродолженіе вѣковъ воспитывали исключительно для половыхъ наслажденій мужчины и для служенія семейству, успѣла наконецъ окончательно разорвать оковы, стѣснявшія ея чувство и провозгласила свободу любви. Она пріобрѣла себѣ то право, которымъ издревле пользовался мужчина, насильно обязывавшій ее подчиниться исключительно составленнымъ для нея правиламъ половой нравственности. Женщина уже не клялась болѣе въ вѣрности по гробъ ни своему мужу, ни своему любовнику; въ этомъ отношеніи она была свободна, повиновалась только голосу своего сердца и отъ нея требовали лишь однихъ добродѣтелей *честнаго человѣка*. Конечно, эта свобода чувства приводила ко многимъ безобразнымъ излишествамъ, и кромѣ того, она была удѣломъ только высшихъ классовъ, кутившихъ и наслаждавшихся на трудовыя деньги народныхъ массъ, но при всемъ томъ, она имѣла важное значеніе въ дѣлѣ освобожденія женщины. Послѣдняя по прежнему оставалась одалискою, но одалискою свободною, личностью, а не постельною куклою, составляющею собственность мужчины. Съ тѣмъ вмѣстѣ, женщина высшихъ и среднихъ классовъ значительно освободилась отъ пагубныхъ вліяній католицизма, который столько вѣковъ губилъ француженокъ и кастрировалъ немало замѣчательныхъ женскихъ талантовъ, погибшихъ безъ слѣда въ душныхъ стѣнахъ монастырей. Въ XVIII в. монастырское воспитаніе женщинъ значительно подрывалось тѣмъ потокомъ умственной жизни, который разрушилъ основы стараго общества и обновилъ страждущую землю. Женщины добились доступа въ литературу, начали посѣщать публичныя лекціи, музеумы, пустые романы замѣнились у нихъ популярными научными трактатами и журналами, дамскіе салоны Франціи сдѣлались центрами умственной европейской жизни. Плутархъ и другіе классическіе авторы воспитывали въ цѣлыхъ женскихъ поколѣніяхъ республиканскія добродѣтели, мощное слово Вольтера развивало въ нихъ благородную ненависть ко злу,

пріучая въ то же время къ гуманности и терпимости; благородная проповѣдь Руссо въ особенности увлекала женскія сердца своею пламенною любовью къ человѣчеству, своими идеями свободы и равенства, своими совѣтами обратиться къ материнскимъ обязанностямъ и воспитывать дѣтей для счастливой жизни, чуждой ложной искуственности и общественныхъ золъ, подлежащихъ истребленію. Благодаря своему умственному развитію, женщина во многомъ сравнялась съ мужчиной, и при всей вольности тогдашнихъ нравовъ, мы видимъ не мало примѣровъ такихъ счастливыхъ браковъ, какихъ никогда не бывало да и не можетъ быть при полномъ господствѣ строго патріархальной морали. Мы видимъ, напр., брачную жизнь Кондорсе и Роллановъ; жены стоятъ на одномъ уровнѣ со своими мужьями, они служатъ одной и той же великой идеѣ, они работаютъ вмѣстѣ, и ихъ бракъ представляется совершенно свободнымъ союзомъ равныхъ личностей, заключеннымъ не для однихъ только семейныхъ цѣлей и наслажденій, но и для цѣлей общественныхъ.

Давно уже замѣчено наблюдателями, что браки, заключенные по разсчету, при явномъ отвращеніи или полномъ равнодушіи супруговъ другъ къ другу никогда не даютъ такого даровитаго потомства, какъ браки или внѣбрачныя связи по любви, по страсти. Поэтому, эпохи, отмѣченныя особою свободою чувства, какъ напр., эпоха Возрожденія и XVIII в., отличаются особенною плодовитостью на талантливыхъ и геніальныхъ дѣтей. Конечно, здѣсь много значатъ соціальныя условія, особенно содѣйствующія въ подобные періоды умственному развитію подростающихъ поколѣній, но самый фактъ обилія природныхъ дарованій долженъ быть приписанъ упомянутому нами условію. Въ подобныя эпохи добившаяся половой свободы женщина обыкновенно старается и въ умственномъ отношеніи поровняться съ мужчиною, и въ качествѣ воспитательницы своихъ дѣтей успѣваетъ положить первыя прочныя основы ихъ дальнѣйшему развитію внѣ семейства. Въ XVIII в. французская женщина любила свободно, была довольно развита умственно и дала міру множество геніевъ, воспитавъ цѣлыя поколѣнія героевъ. Въ особенности много даровитыхъ дѣтей рождено было въ половинѣ XVIII в.,—Бонапартъ, Фурье, Сенъ-Симонъ, Шатобріанъ, Кювье, Жоффруа - Сентъ-Илеръ, Биша, Амперъ, Роланъ, Робеспьеръ, Дантонъ, Камиль Демуленъ,—столько изобрѣтателей въ разныхъ отрасляхъ умственной дѣятельности, множество дѣятелей Горы и Жиронды, цѣлыя арміи отважныхъ бойцовъ, сокрушившихъ царство вѣкового зла и спасшихъ молодую республику отъ коалиціонныхъ армій, грозившихъ удушить новорожденную свободу въ ея колыбели.

При всемъ своемъ хорошемъ вліяніи на общество, женское образованіе XVIII в. имѣло однакожъ такіе крупные недостатки, ко-

торые ставятъ его гораздо ниже порядочнаго образованія современной женщины, напр,, американки. Въ большинствѣ случаевъ француженка того времени училась урывками, безъ системы, читая все, что попадалось подъ руку, увлекаясь новыми идеями, какъ модою, легко измѣняя свои мнѣнія и повинуясь каждому вѣтру ученія, волновавшему общество. Не одна атеистка или деистка во вкусѣ Вольтера кончала свои дни въ упражненіяхъ католическаго ханжества, не одна жирондистка и монтаньярка дѣлалась поклонницею Наполеона, а потомъ украшала своею отцвѣтшею особою салоны Реставраціи. Даже въ лучшихъ представительницахъ женщинъ тогдашней Франціи мы видимъ тѣ крупные недостатки, которые искони вѣковъ не только поддерживались въ женщинахъ, но даже развивались ихъ ложнымъ образованіемъ,—это преобладаніе фантазіи и чувства надъ разсудкомъ. Шарлотта Корде и другія подобныя героини революціи, пропитанныя республиканскими идеалами древности и проповѣдью Руссо, представляются намъ поэтому такими же личностями, какъ христіанскія мученицы или средневѣковыя подвижницы, съ тѣмъ только различіемъ, что они молятся инымъ божествамъ, имѣютъ свой символъ вѣры и ихъ сердце повинуется другимъ вдохновеніямъ, а не тѣмъ, которыя вели на муки Варваръ и Катеринъ, посылали Жанну д'Аркъ на спасеніе отечества и заставили Жакелину Паскаль погубить свои таланты въ упражненіяхъ и мечтаніяхъ монастырской жизни. Это свойство женскаго развитія имѣло результатомъ то, что большинство женщинъ, не сохраняя вѣрности своему направленію, которое основывалось у нихъ не на раціональныхъ началахъ, а на чувствѣ, увлекались самыми противоположными вліяніями, а другія, какъ Шарлотта Корде, исключительно руководимыя тѣмъ же чувствомъ, дѣлали радикальные промахи, которые хотя и служатъ вѣчнымъ памятникомъ благородства ихъ души, но всетаки принесли болѣе вреда, чѣмъ пользы тому дѣлу, во имя котораго подобныя героини шли на явную гибель. Далѣе, самымъ крупнымъ недостаткомъ женскаго образованія было преобладаніе въ немъ идеи долга надъ понятіемъ о правѣ. Всѣ великіе воспитатели тогдашней француженки—Плутархъ, Тацитъ, Руссо, Монтескье и др. учили ее только обязанностямъ жены и матери, поставляя ея гражданскій долгъ въ одномъ воспитаніи дѣтей, внушая ей патріархально-классическія понятія объ исключительномъ назначеніи женщины для семейной жизни. О семейной и политической равноправности женщины большинство даже и не думало, хотя не мало женщинъ дѣйствовало самостоятельно на разныхъ поприщахъ общественной жизни, и во время революціи многія изъ нихъ принимали въ ней самое живое участіе, не только въ качествѣ матерей или женъ, но и въ качествѣ гражданокъ. Вліяніе классическихъ идей и Руссо во многихъ женскихъ натурахъ уживалось вмѣстѣ съ ихъ самостоя-

тельными общественными стремленіями и производило какую-то странную смѣсь понятій и поступковъ. Даже тѣ женщины, которыя принимали самое дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, старались по возможности казаться только добродѣтельными матронами во вкусѣ древнихъ и были такъ придавлены господствующими теоріями о подчиненности женщины, что только немногія изъ нихъ имѣли смѣлость притязать на семейную и политическую равноправность.

Наконецъ, умственное состояніе женщины нисшихъ классовъ ко времени революціи оставалось почти тѣмъ же, какимъ было и въ предыдущіе вѣка. Не только крестьянки, работницы, но даже большинство буржуазъ и множество аристократокъ по прежнему воспитывалось въ вѣковѣчныхъ понятіяхъ рабства и слѣпо вѣрило каждому слову католическаго попа.

Посмотримъ же теперь, какъ достоинства и недостатки французской женщины отразились на дѣлахъ революціи.

Еще до революціи дамскіе салоны были центрами идей, приведшихъ вскорѣ къ общественному перевороту. Во время самаго переворота, выражаясь словами Мишле, „богини вдохновительницы находятся въ каждомъ салонѣ. Онѣ диктуютъ, исправляютъ, передѣлываютъ рѣчи, которыя завтра будутъ произноситься въ клубахъ, въ національномъ собраніи. Онѣ слѣдятъ за этими рѣчами, отправляются слушать произнесеніе ихъ съ трибунъ, онѣ поддерживаютъ своимъ присутствіемъ слабаго или робкаго оратора“. Мало этого, они дѣлаются душою партій и виновницами самыхъ крупныхъ событій. Мы остановимся здѣсь только на двухъ такихъ женщинахъ, — Сталь и Роланъ.

При всѣхъ своихъ талантахъ, госпожа Сталь имѣла множество крупныхъ недостатковъ, которые неизбѣжно прививались и прививаются къ женщинамъ ихъ рутиннымъ воспитаніемъ и тою средою, въ которой выросла дочь Неккера. Богатое семейство буржуа Неккера тянуло къ аристократіи, заводило связи съ лицами высшаго круга, и по обычаю такихъ домовъ, собирало въ своемъ салонѣ знаменитыхъ дѣятелей политики, науки и литературы. Мать Сталь, женщина хорошо образованная, руководила воспитаніемъ своей дочери. Чрезвычайная воспріимчивость и живость этой дѣвочки поражали всѣхъ знавшихъ ее. Не удивительно, что ее воспитывали на показъ, какъ воспитывается большинство женщинъ. Съ самаго дѣтства она сидитъ уже въ гостинной своей матери и трактуетъ о политикѣ, о литераратурѣ, о наукѣ. „Она училась болтать, не умѣя еще думать“, говоритъ Шлоссеръ. Родители умиляются, гости засыпаютъ ее комплиментами, и такая система салоннаго образованія развиваетъ въ этой дѣвушкѣ крайнее честолюбіе, поверхностность, любовь къ блеску и внѣшности. На 12-мъ году она уже пишетъ такія пьесы, которыя

друзья дома находятъ превосходными. Четырнадцати лѣтъ она дѣлаетъ комментаріи на „Духъ законовъ“ Монтескье, переписывается съ отцомъ о финансовыхъ и другихъ дѣлахъ государства, Рейналь заказываетъ ей статью объ уничтоженіи нантскаго эдикта. Вошедши въ лѣта, она дѣлается аристократкою съ головы до ногъ и во всю свою жизнь сохраняетъ слабость къ большимъ господамъ. Поклонница Руссо, вдругъ превращается въ ревностную прозелитку Монтескье и англійской аристократіи, а потомъ дѣлается усердною роялисткою. Проповѣдуя свободу чувства, она выходитъ замужъ по разсчету за жениха, пріисканнаго для нея королевой; Сталя назначаютъ шведскимъ посланникомъ въ Парижѣ, и его жена чрезвычайно довольна своимъ положеніемъ, дозволяющимъ ей блистать въ столицѣ и очаровывать своихъ многочисленныхъ поклонниковъ, благоговѣющихъ передъ ней, какъ передъ оракуломъ. Настаетъ бурная эпоха революціи. Сталь, во всю жизнь преклонявшаяся передъ мнимыми государственными дарованіями своего отца, оказалась положительно неспособною понять сущности и важности начавшагося переворота. „Ее — говоритъ Шлоссеръ — трогали проповѣди Неккера; она, по Монтескье, восхищалась англійской конституціей какъ идеаломъ гражданства, и полагала, что конституцію можно давать, какъ лекарство. Она не имѣла понятія о надеждахъ средняго сословія, съ которымъ никогда не сталкивалась, а тѣмъ менѣе, о нуждахъ крестьянъ; она знала народъ только по романамъ. Великія общественныя событія, совершавшіяся передъ ея глазами, не возбуждаютъ въ ней никакого энтузіазма, — для нея это не болѣе, какъ интересная драма, въ которой она желаетъ отличаться въ одной изъ первыхъ ролей. Пустая болтовня забавляетъ ее даже тогда, когда рѣчь идетъ о благосостояніи милліоновъ людей и о судьбахъ грядущихъ поколѣній“. Правда, что она стояла цѣлою головою выше тѣхъ людей, которые окружали ее во время революціи, и во многихъ отношеніяхъ была гораздо лучше всѣхъ своихъ сторонниковъ, ничтожныхъ баръ, превратившихся въ либераловъ и подслуживавшихъ имъ политическихъ говоруновъ. Но все-таки она не понимала ни революціи, ни ея дѣятелей. Она напр., пыталась примирять враждебныя политическія партіи посредствомъ обѣдовъ, какъ будто это была борьба какихъ нибудь нашихъ уѣздныхъ обывателей, которую можно прекратить, приглашая враговъ на пирогъ и водку и возстановляя тутъ ихъ прежнюю дружбу, нарушенную какими-нибудь сплетнями. Лучшихъ изъ дѣятелей того времени она всячески унижаетъ или вслѣдствіе непониманія ихъ, или по зависти и мести. Она доходитъ даже до такой нелѣпости, что приписываетъ крайнія демократическія движенія зависти демократовъ къ изящнымъ манерамъ дворянства. Не менѣе ошибалась она и при оцѣнкѣ людей своей партіи. Когда въ декабрѣ 1791 г. министерство составилось изъ друзей Сталь, при ея помощи военнымъ министромъ былъ сдѣланъ Нарбонъ, котораго Шлоссеръ

называетъ просто на просто „дуракомъ“ и который, безъ сомнѣнія, увлекъ г-жу Сталь тѣмъ, что, по характеристикѣ хорошо знавшаго его человѣка, былъ „придворнымъ, интриганомъ, весельчакомъ, обладалъ остроуміемъ, живостью, граціей, превосходнымъ тономъ и большою долею фатства“. Сталь дѣйствовала съ своей партіей такъ нелѣпо, что, погубивъ ее и свое министерство, потеряла всякое вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ. При Наполеонѣ, ея парижскій салонъ, по-прежнему наполненный либеральными болтунами, показался подозрительнымъ. Шпіоны Бонапарта доносили ему, что Сталь вооружаетъ противъ него всѣхъ своихъ друзей. Надо отдать справедливость этой писательницѣ, что въ то время, какъ французскіе литераторы превратились въ лакеевъ вѣнчаннаго солдата, она не только не слагала въ честь его хвалебныхъ гимновъ, но даже положительно игнорировала его во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Для Наполеона это было уже преступленіемъ. Кромѣ того, вскорѣ послѣ перваго знакомства между нимъ и Сталь возникли личности. Съ обычной наглостью свѣтской женщины, навязываясь на комплиментъ, Сталь однажды спросила у Бонапарта: „кого онъ считаетъ величайшею женщиною въ мірѣ“, — „ту сударыня, которая наиболѣе родила дѣтей“, отвѣчалъ грубый солдатъ,, презиравшій всѣхъ женщинъ. Вражда Наполеона къ знаменитой писательницѣ обнаружилась прежде всего ея высылкою изъ Парижа. Въ Коппете, гдѣ она поселилась, императорскіе шпіоны слѣдили за всѣми ея движеніями; лица, посѣщавшіе ее, подвергались гоненію, сочиненія конфисковались въ Парижѣ; Бонапартъ запретилъ даже вовсе писать ей что бы то ни было; креатуры правительства не разъ предлагали ей положить конецъ своимъ страданіямъ, напечатавъ нѣсколько страницъ, даже строкъ въ похвалу императора, но Сталь оставалась непреклонною и, наконецъ, принуждена была бѣжать въ Россію и Швецію. Эти вмѣстѣ и забавныя и возмутительныя преслѣдованія даровитой женщины еще болѣе увеличили ея европейскую славу, которою она справедливо пользовалась за свои сочиненія, въ особенности за романъ „Коринна“ и знаменитую книгу о Германіи, имѣвшую большое значеніе во французской литературѣ и пробудившую во Франціи и Англіи живѣйшее вниманіе къ нѣмцамъ. Изгнаніе было для нея мукой, потому что удаляло ее отъ общества, въ которомъ она привыкла блистать и которое преклонялось передъ ея талантами. Подъ старость, подобно многимъ другимъ либераламъ высшаго общества, довольно нашалившимъ въ молодости, она ударяется въ мистицизмъ; Фома Кемпійскій дѣлается любимѣйшимъ ея авторитетомъ, и г-жа Сталь начинаетъ даже вѣрить разнымъ суевѣрнымъ примѣтамъ. Проживъ свою молодость съ нелюбимымъ мужемъ, за котораго вышла по разсчету, она подъ старость влюбляется въ одного молодого человѣка, Рокка, и вступаетъ съ нимъ въ тайный бракъ. Словомъ, возвышаясь

надъ окружавшими ее людьми своею поэтическою силою, мадамъ Сталь носила въ своемъ характерѣ всѣ недостатки, какими отличались французскіе бары, превращенные силою обстоятельствъ въ либераловъ, а потомъ, подъ конецъ своей жизни, сдѣлавшіеся слугами реставраціи и героями реакціи. Сталь служитъ еще лучшею представительницею людей этого сорта во время революціи.

Представительницею француженокъ совершенно противоположнаго разряда является мадамъ Роланъ. Дочь небогатаго гравера, выросшая при нѣжныхъ попеченіяхъ матери, Роланъ также рано, какъ и дочь Неккера, обнаружила замѣчательныя способности и страстную любознательность. Но она не была окружена изящнымъ салоннымъ обществомъ, и ея развитіе не пошло по тому пути, на которомъ образованіе г-жи Сталь приняло такой ложный характеръ. Дѣвочка Флипонъ, какъ называлась Роланъ по отцу, училась не для салона, а единственно для себя, и рано привыкла увлекаться новыми свѣдѣніями и новыми чувствами, почерпаемыми ею изъ самыхъ разнообразныхъ книгъ, которыя она пожирала безъ всякаго разбора. Кромѣ учебниковъ, проходимыхъ съ наставникомъ, маленькая Флипонъ читала и мемуары Монпасье, и библію, и романы, и путешествія, и Тассо, и житія святыхъ,— все, что попадалось подъ руку. „Страсть учиться — пишетъ она въ своихъ мемуарахъ — была такъ сильна во мнѣ, что разъ откопавъ гдѣ-то трактатъ о геральдическомъ искусствѣ, я принялась изучать его". Особенное вліяніе имѣлъ на нее Плутархъ. „Со времени знакомства съ нимъ — говоритъ она — начинаются тѣ мои впечатлѣнія и идеи, которыя, помимо моего желанія, сдѣлали меня страстной поклонницей свободы". При всемъ этомъ, Флипонъ не избѣгла вліянія католицизма; богослуженіе, увлекавшее ее, уединенная домашняя жизнь, развившая въ ней склонность къ меланхолической мечтательности, набожность матери и книги духовнаго содержанія, особенно же біографіи подвижниковъ и мучениковъ,—все это вкоренило въ ребенка желаніе отречься отъ треволненій и радостей жизни. Однажды вечеромъ дѣвочка падаетъ къ ногамъ родителей и, обливаясь слезами, проситъ отдать ее въ монастырь. Ее отдали на одиннадцатомъ году отъ рожденія. „Я воображала, — говоритъ она — что чувствую присутствіе божества, благосклонно взирающаго на мою жертву, и слезы радости текли по моимъ щекамъ." Но ей суждено было принести себя въ жертву не тому божеству. Еслибы она поступила въ монастырь лѣтъ сто или двѣсти назадъ, то, конечно, изъ нея вышла бы фанатическая монахиня. Но теперь время было уже не то; въ воздухѣ носились новыя идеи, и еще до монастыря въ душу этой дѣвушки залегли сѣмена уже другаго, вовсе не католическаго міросозерцанія. По выходѣ изъ монастыря, черезъ годъ, Флипонъ начала мало по малу разочаровываться въ католицизмѣ, подъ вліяніемъ собственныхъ размышленій и философскихъ

сочиненій того времени. Но развившіеся въ дѣтствѣ религіозность, мечтательность и вліяніе Плутарха, дѣйствующаго своими идеализированными характерами только на чувство и фантазію, оставили глубокіе слѣды на характерѣ Роланъ, какъ и вообще на людяхъ того времени. Все это развивало восторженность, благородство, энтузіазмъ къ свободѣ, самоотверженность,—но при этомъ разсудокъ игралъ второстепенную роль, и воспитанные такъ люди дѣлались героями, доблестными мучениками за свои вѣрованія, но были плохими политиками. Всѣ они въ особенности увлекались, по Плутарху и другимъ подобнымъ риторамъ, добродѣтелями и республиканскою свободою древняго міра, совершенно также, какъ легковѣрные католики увлекались своими идеалами, изображенными въ разныхъ мартирологіяхъ и легендахъ. Пороки и недостатки античной цивилизаціи исчезали передъ вѣрою ихъ новѣйшихъ поклонниковъ, точно также, какъ легковѣріе истинныхъ сыновъ папы не дозволяло имъ видѣть въ духовенствѣ ничего, кромѣ христіанскихъ добродѣтелей. Но это вліяніе христіанства и древности имѣло и свою хорошую сторону. Христіанское самоотверженіе превращалось въ гражданскій героизмъ. „Въ дѣтствѣ — говоритъ г-жа Роланъ — я должна была принять ту вѣру, какую мнѣ дали, но и послѣ всѣ мои дѣйствія были строгими ея послѣдствіями. Я удивлялась легкомысленности тѣхъ, которые, заявляя свою вѣру, поступали вопреки ей; точно такъ и теперь возбуждаетъ во мнѣ негодованіе низость людей, желающихъ имѣть отечество, и въ тоже время придающихъ своей жизни какую нибудь цѣну, когда приходится рискнуть ею за отечество". „Въ полученномъ мною воспитаніи и въ идеяхъ, пріобрѣтенныхъ посредствомъ изученія и наблюденій надъ людьми, все какъ нарочно комбинировалось такъ, чтобы воодушевлять меня республиканскимъ энтузіазмомъ. При чтеніи я всегда брала сторону поборниковъ равенства. Я была Агисомъ и Клеоменомъ въ Спартѣ, Гракхами въ Римѣ; вмѣстѣ съ плебеями я уходила на Авентинскую гору и вотировала за трибуновъ." Деспотизмъ и безнравственность аристократіи, видъ французской націи, которая съ дѣтскимъ легкомысліемъ смѣялась и пѣла среди угнетавшихъ ее бѣдствій; азіятская роскошь двора и „крайняя бѣдность народныхъ массъ, падавшихъ ницъ передъ своими идолами и рукоплескавшихъ тому мишурному блеску, за который платили они же сами, лишая себя первыхъ жизненныхъ необходимостей", — все это порождало въ душѣ Роланъ ненависть, отчаяніе, желаніе радикальныхъ перемѣнъ въ обществѣ. Еще за семнадцать лѣтъ до революціи, Роланъ уже предусматривала неизбѣжность или „сильнаго кризиса, который разрушитъ старый порядокъ и дастъ новую форму правленія, или же — летаргическаго сна, похожаго на смерть." Но Роланъ не была изъ тѣхъ ограниченныхъ людей, которые поставляютъ всю суть соціальныхъ реформъ въ перемѣнѣ образа правленія; ея благородной душѣ были

одинаково противны и деспотизмъ, и нравственная испорченность, и вся искуственная мишура жизни, которая такъ увлекала собою людей, подобныхъ г-жѣ Сталь. Роланъ вѣрила въ нравственное возрожденіе своего народа, въ осуществленіе тѣхъ идеаловъ добродѣтели, которые съ дѣтства сроднились съ ея прекрасной душой. Роль свѣтской образованной барыни была совершенно противна Роланъ; она глубоко презирала свѣтскую жизнь со всѣмъ ея надменнымъ великолѣпіемъ и блескомъ, съ ея приличіями и удовольствіями, съ ея равнодушіемъ къ нравственнымъ правиламъ. Въ этомъ отношеніи ее можно назвать нигилисткой. Но при всемъ своемъ гражданскомъ мужествѣ, при всѣхъ своихъ общественныхъ стремленіяхъ, Роланъ не была поборницей женской эманципаціи. Уроки католицизма, классическихъ писателей и Руссо, равно какъ и воспитаніе въ буржуазномъ семействѣ,—все это вооружало Роланъ противъ эманципированныхъ женщинъ, особенно аристократокъ, съ ихъ нравственной распущенностью; все это заставило ее остановиться на классическихъ идеалахъ женщины, какъ подруги, помощницы и воспитательницы хорошихъ гражданъ. Въ своихъ мемуарахъ она разсказываетъ, какъ ее осаждало множество жениховъ и она отказывала всѣмъ имъ, не находя сочувствія въ своемъ сердцѣ никому изъ нихъ. „Для супружескаго счастія необходимъ тѣснѣйшій союзъ сердецъ", говорила она. *Мой мужъ долженъ быть выше меня*; я стыдилась бы его, еслибы онъ не заслуживалъ дѣйствительно того преобладанія, какое дается ему природой и законодательствомъ.„ Въ письмѣ къ одному своему другу она говоритъ, что „уваженіе, оказываемое мужчинами женскому полу, есть ничто иное, какъ снисхожденіе силы и великодушія къ слабости... Законы ставятъ насъ въ положеніе почти постоянной подчиненности, между тѣмъ, какъ обычаи доставляютъ намъ почти всѣ общественныя почести. Въ сущности мы ничто, а повидимому все. Вы (т. е. мужчины) обладаете силою со всѣми доставляемыми ею преимуществами. Вамъ суждено составлять политическіе законы и совершать научныя открытія, управлять міромъ, измѣнять поверхность земнаго шара, быть великодушными, ужасными, искусными и учеными. Вы достигаете всего этого безъ нашей помощи, и это дѣлаетъ васъ нашими господами. Но безъ насъ вы никогда не были бы ни добродѣтельными, ни кроткими, ни любезными, ни счастливыми. Оставьте же за собой славу и власть всякаго рода; мы не желаемъ другой власти, кромѣ власти надъ нравами, другаго трона, кромѣ вашего сердца. Мнѣ грустно видѣть нѣкоторыхъ женщинъ, имѣющихъ притязанія на преимущества, которыя такъ плохо идутъ къ нимъ. Каждое изъ этихъ преимуществъ, даже авторство, кажется мнѣ смѣшнымъ въ рукахъ женщины". Однакожъ Роланъ на практикѣ не выдерживала этихъ принциповъ, хотя по возможности старалась быть вѣрною имъ. Еще до своего замужества она выступила на литературное поприще

съ диссертаціей на тему, предложенную безансонской академіей: „какимъ образомъ воспитаніе женщинъ можетъ вести къ улучшенію мужчинъ?“ Роланъ старалась доказать, что для достиженія упомянутой цѣли необходимъ совершенно новый порядокъ вещей, что усовершенствованія одного пола посредствомъ другаго невозможно ожидать до тѣхъ поръ, пока не улучшится положеніе всѣхъ людей съ помощью справедливаго законодательства. Далѣе, она вышла за Ролана, человѣка порядочнаго, и ихъ союзъ былъ не только союзомъ сердецъ, но и умовъ; оба они соединенными усиліями служили одной и той же идеѣ; но Роланъ во многомъ былъ *ниже своей жены*, и она всетаки уважала его, не смотря на приведенное нами выше обѣщаніе ея презирать подобнаго мужа. До революціи она помогала своему мужу въ его служебныхъ и литературныхъ занятіяхъ, была секретаремъ его, какъ выражается сама она. Но вотъ наступаетъ революція. „Она воспламенила меня и мужа“ пишетъ Роланъ. „Будучи друзьями человѣчества и поклонниками свободы, мы думали, что она возродитъ человѣчество и на вѣки прекратитъ бѣдствія, гнетущія тотъ классъ, положеніе котораго такъ часто глубоко трогало насъ; мы съ восторгомъ привѣтствовали ее.“ Роланъ и жена его принадлежали къ жирондѣ, состоявшей изъ фанатическихъ поклонниковъ свободы и республиканскихъ добродѣтелей. Въ этой партіи женское вліяніе было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой; ею „управляло чувство, и слѣдовательно,—женщина“, говоритъ Мишле. Это преобладаніе чувства надъ холоднымъ разсудкомъ и погубило жирондистовъ вообще и г-жу Роланъ въ частности. Со своею пламенною вѣрою въ нравственное возрожденіе человѣчества, со своими принципами стоической добродѣтели, г-жа Роланъ начинаетъ разочаровываться въ своихъ надеждахъ уже съ первыхъ же дней учредительнаго собранія. Она усердно посѣщала всѣ его засѣданія, а потомъ еще ближе познакомилась съ Робеспьеромъ, Петіономъ и другими его членами, когда они стали собираться у ея мужа по четыре раза въ недѣлю. „Больше всего поражали и огорчали меня въ этихъ собраніяхъ болтовня и легкость, съ какою эти люди съ здравымъ смысломъ могутъ говорить по три по четыре часа, не приходя ни къ какому рѣшенію. Нетерпѣніе мое не разъ доходило до того, что мнѣ хотѣлось надавать пощечинъ этимъ мудрецамъ, которыхъ съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе уважала за честность и благородство ихъ намѣреній. Я видѣла, что они превосходно могутъ изслѣдовать извѣстный вопросъ, что всѣ они философы и на словахъ мудрые политики: но что никто изъ нихъ не умѣетъ управлять людьми, а слѣдовательно не можетъ дѣйствовать на массу; они совершенно безплодно тратили свой умъ и знанія.“ Впрочемъ, въ это время Роланъ еще надѣялась на осуществленіе своихъ надеждъ. „Заря новой жизни — писала она въ то время—занялась въ моемъ отечествѣ, она не потухнетъ больше.

Свѣтъ разума соединился съ инстинктомъ чувства для поддержанія этого яснаго дня.“ Когда дворъ вынужденъ былъ призвать въ министерство республиканцевъ, Роланъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ, и съ этого времени начинается общественная дѣятельность г-жи Роланъ, хотя она всячески старается скрыть ее и увѣряетъ, что никогда „не переступала границъ, назначенныхъ ей ея поломъ“, что была только секретаремъ своего мужа; но исторія показываетъ, что скорѣе, наоборотъ, она была министромъ, а мужъ ея — секретаремъ. Всѣ современники понимали дѣйствительную роль ея, которую она старалась не только скрыть отъ другихъ, но даже и смягчить въ собственныхъ своихъ глазахъ такое отступленіе отъ своихъ понятій объ обязанностяхъ женщины. Первымъ крупнымъ дѣломъ г-жи Роланъ было ея содѣйствіе окончательному разрыву жирондистовъ съ королемъ. Ея мужъ и другіе республиканскіе министры были такъ наивны, что вѣрили въ искренность Людовика XVI и въ возможность соглашенія съ нимъ. Но г-жа Роланъ очень хорошо понимала, что это человѣкъ дюжинный, боязливый, развращенный придворнымъ воспитаніемъ и испорченный іезуитскими предразсудками. „Вступивъ на престолъ среди развращеннаго двора и при разстроенныхъ финансахъ — пишетъ Роланъ — окруженный испорченными людьми, онъ былъ увлеченъ вѣтреною женщиной, которая съ австрійской надменностью соединяла самонадѣянность молодости и величія, упоеніе чувственности и полную безпечность“. Онъ своимъ управленіемъ только ускорилъ паденіе королевской власти. Неспособный разумно управлять государствомъ, онъ былъ мастеръ интриговать и притворяться; Роланъ и Клавьеръ были въ восторгѣ отъ него. Г-жа Роланъ убѣждала мужа въ фальшивости короля, который водилъ своихъ республиканскихъ министровъ за носъ и отказалъ принять два предложенные ими закона. Тогда она написала королю рѣзкое письмо, которое Роланъ долженъ былъ представить ему за подписью всѣхъ министровъ. Послѣдніе отказались подписывать. Тогда г-жа Роланъ составила новое письмо, которое ея мужъ подалъ королю отъ своего имени. На завтра же послѣдовалъ окончательный разрывъ Людовика съ демократическими министрами; они были уволены. Послѣ низверженія короля, Роланъ снова сталъ министромъ, а его жена — душою жирондистской партіи; ея имя сдѣлалось извѣстнымъ цѣлой Франціи; враги жирондистовъ, крайніе демагоги, повели противъ нея ожесточенную борьбу, въ которой г-жа Роланъ проявила такое благородство и мужество, которыя ставятъ ее на ряду съ самыми великими героями исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и политическую безтактность, которая свидѣтельствуетъ объ ея неприготовленности къ принятой ею на себя роли. Впрочемъ, нужно замѣтить, что всѣ подобные недостатки ея были недостатками не женщины, а той партіи, къ которой она принадлежала. Она требовала отъ людей тѣхъ идеаль-

ныхъ добродѣтелей, въ существованіе которыхъ вѣрила, благодаря Плутарху и другимъ подобнымъ учителямъ. Она думала, что съ помощью добродѣтельныхъ героевъ свобода можетъ быть водворена во Франціи безъ жестокостей, безъ увлеченій, безъ несправедливостей, безъ угнетенія, безъ террора. Вся ея дѣятельность въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ была направлена къ этой цѣли. Она въ это время прекращаетъ почти всѣ знакомства съ другими женщинами, не дѣлаетъ и не принимаетъ визитовъ, но постоянно работаетъ съ мужемъ, пишетъ политическія брошюры, руководитъ дѣлами своей партіи и глубоко страдаетъ при видѣ недостатковъ своихъ политическихъ сотрудниковъ; „о, еслибы у нихъ было мужество — говоритъ она — у этихъ трусовъ, недостойныхъ имени мужчины, слабость которыхъ, прикрытая маскою осторожности, погубила всю достойную уваженія партію двадцати двухъ; если бы у нихъ было это мужество, они искупили бы свои первыя ошибки; а еслибы они погибли, то, по крайней мѣрѣ, со славою для себя и съ пользою для отечества. Но они вступили въ переговоры съ преступленіемъ, жалкіе трусы“! Этимъ преступленіемъ для г-жи Роланъ былъ революціонный терроръ. Она была слишкомъ фанатизирована своими понятіями о добродѣтели и справедливости, чтобы усвоить себѣ правила политической морали, освящавшей всѣ средства хорошею цѣлью; она не могла и не хотѣла ни въ чемъ уступить крайнимъ демагогамъ, и не уступила, между тѣмъ какъ другіе члены ея партіи, имѣя одинаковыя съ нею убѣжденія, не обладали ея героизмомъ и пошли на сдѣлку. Роланъ же предпочла смерть. Во время самаго разгара террора она продолжала вести себя по-прежнему неустрашимо и неуступчиво, хотя ясно видѣла какъ слабость своей партіи, такъ и могущество враговъ, питавшихъ къ ней заклятую ненависть. Такъ, напр., она настояла, чтобы конвентъ велѣлъ произвесть слѣдствіе о сентябрьскихъ убійствахъ. „Это рѣшеніе — говоритъ Бальель — навело ужасъ не только на людей прикосновенныхъ къ дѣлу, но и на всѣхъ принимавшихъ участіе въ іюньскихъ и августовскихъ событіяхъ“. Желая служить дѣлу справедливости, г-жа Роланъ этою безразсудною мѣрою повредила только своей партіи, вооруживъ противъ жирондистовъ всѣхъ республиканцевъ, разрушившихъ старый порядокъ. Когда комитетъ общественной безопасности потребовалъ отъ Ролана, чтобы онъ велѣлъ запереть парижскія ворота для удержанія въ городѣ всѣхъ лицъ, приготовившихся къ побѣгу, г-жа Роланъ послала 10 ноября 1792 г. въ комитетъ отъ имени своего мужа рѣзкое письмо, наполненное жестокихъ нападокъ на комитетъ, передъ которымъ тогда всѣ трепетали. „Вы извѣщаете меня, что изъ Парижа бѣгутъ многіе жители и что необходимо запереть городскія ворота для прекращенія этихъ побѣговъ, нарушающихъ общественное спокойствіе. Правда, въ послѣдній мѣсяцъ много лицъ, независимыхъ по своимъ средствамъ и отношеніямъ, по-

кидаетъ городъ, гдѣ ежедневно говорится о повтореніи преслѣдованій, воспоминаніе которыхъ наводитъ страхъ, а ожиданіе — ужасъ. Уже давно намекали имъ о господствующемъ волненіи, о планахъ новой рѣзни, о готовящихся убійствахъ. Неправильныя дѣйствія многихъ чиновниковъ, зажигательныя прокламаціи, кровожадное ученіе, публично проповѣдуемое въ клубахъ, появленіе пушекъ, стоявшихъ въ Сенъ-Дени и привезенныхъ вчера для раздачи всѣмъ отдѣленіямъ, — все это, конечно, устрашило людей, которые не могутъ забыть, что въ позорные сентябрьскіе дни Парижъ дозволилъ небольшой шайкѣ разбойниковъ, посредствомъ убійствъ, очистить тюрьмы и запятнать Францію стыдомъ и позоромъ. Можно ли при такихъ обстоятельствахъ удивляться эмиграціи. Не высшая ли степень наглости и ослѣпленія называть побѣги изъ города возстаніемъ противъ общественнаго порядка и спокойствія и предписывать запирать городскія ворота, чтобы возстановить спокойствіе. Господа, ужели убійцы дошли до того, что осмѣливаются пользоваться результатами своего перваго преступленія для обезпеченія себѣ возможности совершать дальнѣйшія? Я не сомнѣваюсь въ этомъ и считаю преступнымъ предложеніе людей, выдумавшихъ эти возмутительныя мѣры". Независимо отъ подобныхъ протестовъ, г-жа Роланъ убѣждала своихъ друзей положить конецъ анархіи, „уничтожить городское управленіе, избрать другой муниципалитетъ по законнымъ правиламъ, организовать военную силу, на которую можно было бы опереться въ случаѣ нужды и назначить ея начальника, который завѣдывалъ бы городской полиціей. Безъ этихъ мѣръ всякіе законы были безполезны, а при отсутствіи войска, независимаго отъ городскаго совѣта, національный конвентъ неизбѣжно подчинялся необузданному городскому управленію". Но другіе жирондисты даже боялись и говорить о планахъ мужественной женщины, — такъ были слабы они. Между тѣмъ, якобинцы готовили окончательное паденіе жиронды, и ихъ ненависть къ партіи сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на г-жѣ Роланъ. Они осыпали ее самою возмутительною бранью, пятнали ее честь самыми гнусными обвиненіями. Революціонная газета „Père Duchesne" обличала ее въ куртизанствѣ, а ея мужа въ воровствѣ. „Мы — говоритъ эта газета — уничтожили феодализмъ, но дозволяемъ существовать власти болѣе ненавистной. Нѣжная половина добродѣтельнаго Ролана водитъ теперь Францію на помочахъ точно также, какъ прежде—Помпадуръ и Дюбарри. Бриссо—главный конюхъ этой новой королевы, Луве—ея камергеръ, Бюзо—главный канцлеръ, Фоше—духовникъ, Барбару, котораго Мара называетъ шпіономъ, капитанъ ея гвардіи, Верньо — церемоніймейстеръ, Гюаде — оберъ-шенкъ. Таковъ новый дворъ, заправляющій всѣми дѣлами въ конвентѣ и департаментахъ. Засѣданія этого двора происходятъ каждый вечеръ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Антуанета подготовляла съ австрійскимъ комитетомъ

новую варфоломѣевскую ночь. Подобно этой бывшей королевѣ, г-жа Роланъ лежитъ на кушеткѣ, окруженная этими beaux-esprits и толкуетъ о войнѣ, о политикѣ, о народномъ продовольствіи". Мара не переставалъ вооружать своихъ приверженцевъ, говоря, что въ „будуарѣ г-жи Роланъ фабрикуются заговоры для разрушенія республики". Между прочимъ, однимъ изъ главныхъ обвиненій противъ нея было то, что вступивъ на арену политической дѣятельности, она нарушила обязанности своего пола. „Имѣя дочь, она пожертвовала долгомъ и чувствомъ матери, чтобы возвыситься, а желаніе быть учоною заставило ее забыть добродѣтели своего пола; эта забывчивость, всегда опасная, довела ее до смерти отъ руки палача", писала послѣ казни Роланъ якобинская газета. Ненависть противъ этой женщины была такъ велика, что она ежеминутно должна была ожидать вторженія убійцъ, и спала не иначе, какъ съ заряженными пистолетами подъ подушкой. 31 мая 1793 года жирондисты окончательно пали, Роланъ былъ арестованъ, но бѣжалъ, благодаря энергіи и неустрашимости своей жены, которая осталась въ Парижѣ и старалась одушевить своихъ совершенно павшихъ духомъ друзей. Наконецъ, ее арестовали и повезли въ тюрьму въ каретѣ, окруженной конвоемъ. Чернь бѣжала за экипажемъ и женщины кричали „на гильотину!" Въ своемъ письмѣ конвенту и министрамъ, въ своихъ отвѣтахъ на слѣдственные вопросы, при освобожденіи изъ подъ перваго ареста и при слѣдовавшемъ тотчасъ же второмъ арестованіи, всегда и во всемъ она обнаруживала свои всегдашнія стойкость и мужество. Въ тюрьмѣ она совершенно спокойно ожидала смерти. Только „бѣдствія моего отечества"— писала она — „заставляютъ меня страдать; невольная печаль овладѣваетъ моими чувствами, подавляетъ мое воображеніе и сушитъ сердце. Франція теперь ничто иное, какъ широкая сцена рѣзни, кровавая арена, на которой собственныя дѣти ея терзаютъ другъ друга." Въ тюрьмѣ она пишетъ свои знаменитые мемуары и ведетъ переписку со своимъ арестованнымъ другомъ Бюзо, съ которымъ ее соединяла самая чистая платоническая любовь. „Мой милый Бюзо — пишетъ она — останемся вѣрными своему долгу. Отечество наша мать, да падетъ посрамленіе на того, кто дерзнетъ поразить грудь матери! Ободрись, любезный Бюзо, я терпѣливо буду ждать дня правосудія или же умру такъ, что смерть моя не будетъ безполезнымъ примѣромъ.... Я чувствую наслажденіе, неизвѣстное тиранамъ. Понимаешь ли ты, мой другъ, наслажденіе господствовать надъ своимъ бѣдствіемъ, надъ предстоящею смертью, находить въ своемъ сердцѣ возможность наслажденія жизнію и украшать ее до послѣдняго издыханія?! Я горжусь, что я гонима въ то время, когда преслѣдуются твердость характера и честность". Она старается помочь своему гонимому мужу, къ которому не чувствовала никакой страстной любви, и обративъ

на себя весь гнѣвъ враговъ Ролана, заплатить ему вознагражденіемъ, котораго онъ достоинъ за всѣ свои огорченія. „Я готова бы пожертвовать ему своею жизнію, чтобы пріобрѣсть право отдать тебѣ одному (т. е. Бюзо) мой послѣдній вздохъ“. Она не хочетъ бѣжать, чтобы враги не сказали „гражданка Роланъ труситъ“. Она отвергаетъ мысль о самоубійствѣ, чтобы сдѣлать изъ своей казни поучительный примѣръ для другихъ. Вотъ, послѣ процесса, ведшагося только ради формальности, она узнаетъ свой смертный приговоръ; на улицѣ раздаются неистовые крики толпы, требующей ея казни. Она готова, и пишетъ Бюзо въ послѣдній разъ: „прощай, мой милый, прощай! Я пишу тебѣ при громкомъ звонѣ набатнаго колокола, при грохотѣ пушекъ и при ужасныхъ крикахъ мятежа. О, еслибы я, покрайней мѣрѣ, знала, что ты въ безопасности, между храбрыми республиканцами Соединенныхъ-Штатовъ“. 9-го ноября въ пятомъ часу вечера Роланъ повезли на эшафотъ. „Она стояла — говоритъ очевидецъ — непоколебимо спокойная въ своей телѣгѣ; на ней было бѣлое платье съ букетами розоваго цвѣта. Никакого унынія не было замѣтно на ея лицѣ. Глаза ея сверкали живымъ огнемъ, лицо сіяло свѣжестью, очаровательная улыбка играла на губахъ. Подлѣ нея сидѣлъ несчастный Ламаркъ, окончательно убитый страхомъ. Героиня ободряла этого бѣдняка, который уже не былъ похожъ на человѣка. Она находила слова, полныя умной веселости и вызывала ими улыбку у своего подавленнаго страхомъ товарища“. Роланъ не приняла священника, но проѣзжая, преклонилась передъ статуей свободы. Чтобы избавить Ламарка отъ ужаснаго зрѣлища своей казни, она упросила казнить напередъ его. Затѣмъ и ее привязали; послѣдній взглядъ ея обратился къ той же статуѣ свободы. „О свобода, сколько преступленій совершено въ твое имя“, проговорила она. Гильотина отрубила ея голову.

Незадолго передъ Роланъ казнили другую героиню, Шарлоту Кордэ. Она выросла въ провинціи. Сначала она также, какъ и Роланъ, увлеклась католицизмомъ, но потомъ Рейналь, Руссо, Плутархъ и другіе авторы свели ее съ этого пути; во всю свою остальную жизнь она не была въ сношеніяхъ ни съ однимъ патеромъ и никогда не исповѣдывалась. Постоянное чтеніе всевозможныхъ книгъ, уединенная мечтательность, слухи о совершившихся во Франціи великихъ событіяхъ, все это сдѣлало изъ Шарлоты такую же страстную поклонницу свободы и такую же героиню, какъ Роланъ. Терроръ и анархія внушали ей глубокую печаль о родинѣ. Тетка однажды замѣтила слезы на ея глазахъ. „Я плачу — отвѣчала ей Шарлотта — о Франціи, о моихъ родственникахъ, о васъ... Пока Мара живъ, развѣ кто-нибудь безопасенъ въ своей жизни!“ Ради водворенія мира въ отечествѣ, она рѣшилась принести себя въ жертву, убивъ этого страшнаго террориста и не подозрѣвая того, что Мара былъ только орудіемъ, что его смерть

не дастъ мира. Она покидаетъ родныхъ, одна добирается до Парижа, покупаетъ здѣсь кинжалъ и проситъ свиданія съ Мара, обѣщаясь открыть ему государственную тайну. Почти силою пробивается она въ квартиру Мара, гдѣ онъ больной сидитъ въ ваннѣ. Онъ спросилъ у Шарлотты имена депутатовъ, бѣжавшихъ въ Каенъ. Шарлотта назвала ихъ, Мара записалъ, говоря—„хорошо, черезъ восемь дней они пойдутъ на гильотину". Эти слова придали дѣвушкѣ новыя силы, и она вонзила свой кинжалъ въ грудь Мара. Онъ умеръ. Арестъ, процессъ и казнь не замедлили. „Когда голова Шарлотты упала, одинъ плотникъ маратистъ, помогавшій палачу, поднялъ ее и далъ ей плюху. Дрожь ужаса и ропота пробѣжали по площади. Показалось, что голова покраснѣла, потому что въ это время въ глаза взволнованной толпы падали красные лучи вечерняго солнца, проникавшіе сквозь деревья елисейскихъ полей". (Michelet). Мстители Мара имѣли наглость свидѣтельствовать трупъ Шарлотты, изслѣдуя ея невинность (Lamartine), и хотя они убѣдились въ послѣдней, но всетаки не переставали и послѣ клеймить ея память самою возмутительною бранью; даже Прудонъ называетъ ее такимъ словомъ (archicatin), которое по-русски можно слышать только въ непотребномъ домѣ низшаго разбора. Роланъ, казненная послѣ Корде, съ увлеченіемъ отзывается о послѣдней. „Эта удивительная женщина достойна уваженія міра. Но плохо знакомая съ положеніемъ дѣлъ, она дурно выбрала время и свою жертву: смерть принесла пользу только презрѣннымъ сторонникамъ Мара". Между тѣмъ, современница этихъ героинь-мученицъ, г-жа Сталь вовсе не сочла ихъ достойными даже простаго упоминовенія въ своихъ многовѣщательныхъ сочиненіяхъ. „Мы—замѣчаетъ по этому поводу Шлоссеръ—не хотимъ особенно восхвалять ни Роланъ, ни Корде. Они ошибались въ людяхъ, но это заблужденіе было достойнѣе для человѣчества, чѣмъ напыщенная и риторическая истина Сталь; они совершили большую политическую ошибку, но происхожденіе этой ошибки было чище и прекраснѣе источника той мудрости, которая привела многихъ противниковъ ихъ къ почестямъ во время имперіи и сохранила за ними высокія мѣста при Реставраціи.

Упомянемъ здѣсь еще объ одной республиканкѣ, о мадамъ Роберъ. Отецъ ея, Кераліо, далъ ей солидное образованіе, и она, не имѣя еще семнадцати лѣтъ отъ рода, уже переводила и компилировала статьи для „Mercure" и „Journal des Savants", въ которыхъ сотрудничалъ ея отецъ. Восемнадцати лѣтъ она написала романъ, а затѣмъ посвятила цѣлыхъ десять лѣтъ на составленіе ученой и серьезной „Исторіи Елисаветы", оконченной въ 1789 г. Въ это время политическія событія окончательно овладѣли душой мадмуазель Кераліо, она сдѣлалась редакторомъ „Journal de l'Etat et du Citoyen", а за тѣмъ, вышедши замужъ за кордельера Робера, очутилась въ самомъ центрѣ

революціонныхъ движеній и сдѣлалась дѣятельнымъ членомъ кордильерской партіи. Мадамъ Роберъ составила петицію о томъ, что не нужно ни Людовика XVI и никакого другаго короля; 17 іюля 91 года эта петиція была положена на марсовомъ полѣ на алтарѣ отечества и сдѣлалась первымъ актомъ новорожденной республики. Тысячи народа стремились подписать ее, и въ томъ числѣ множество женщинъ и дѣвушекъ. Послѣ революціи мадамъ Роберъ жила литературнымъ трудомъ. „Всѣ ея сочиненія,—говоритъ Мишле — даже „Исторія Елисаветы“—забыты, но никогда не забудется великій починъ ея, сдѣланный ею во имя республики 17 іюля 91 года“.

Спускаясь отъ подобныхъ дѣятельницъ въ болѣе низкіе слои общества, мы видимъ здѣсь цѣлыя толпы женщинъ, доведенныхъ до революціоннаго изступленія и играющихъ немаловажную роль въ общественномъ погромѣ. „Женщины были авангардомъ нашей революціи“, говоритъ Мишле. Когда въ октябрѣ 89 г. голодъ началъ волновать столицу, одна женщина начала проповѣдывать походъ на Версаль. Надъ ней смѣялись, она дала плюху одному изъ этихъ насмѣшниковъ. На завтра, она, съ обнаженною шпагою, верхомъ на лошади, ажитировала народъ, призывая его къ походу на Версаль. Въ разныхъ мѣстахъ города волновались женщины, голодныя, безработныя, озлобленныя. Говорились возбуждающія рѣчи. Какая-то молоденькая дѣвочка достала барабанъ и ударила тревогу. Торговки бросили лавки, и толпы женщинъ пошли искать булочниковъ и вмѣстѣ „послушать *маменьку-Мирабо*. Толпы ихъ постоянно увеличивались. Многія изъ нихъ кричали—„хлѣба и оружія!“ Эта голодная, постоянно увеличивавшаяся толпа подвигалась съ разными препятствіями и неистовствами къ Версалю, помѣшала бѣжать королевскому семейству, привела короля въ Парижъ, окружая его карету, и такимъ образомъ совершился знаменитый переворотъ 6 октября, исполненіе котораго принадлежитъ, главнымъ образомъ, женщинамъ. „Мужчины взяли Бастилію, а женщины взяли короля“, говоритъ Мишле. Во все продолженіе революціи женщины дѣйствовали по возможности наравнѣ съ мужчинами, обнаруживая такую же смѣлость, такое же увлеченіе и совершая такія же неистовства, какими отличались и революціонеры. Изъ толпы этихъ революціонерокъ, между прочимъ, выдается Теруань де-Мерикуръ, которую обожалъ народъ за ея красоту и храбрость. Эта красавица предводительствовала толпами верхомъ на лошади въ шляпѣ à la Henri IV. Она принимала самое дѣятельное участіе въ событіяхъ 10 Августа, когда марсельцы возложили на нее побѣдный вѣнокъ. Послѣ сентябрскихъ убійствъ, она окончательно разошлась съ партіей Робеспьера. Враги ужасно отомстили ей. Они схватили ее во время прогулки, обнажили ея тѣло и публично высѣкли плетью. Она помѣшалась отъ этого варварства и прожила въ сумашествіи 24 года. Дѣй-

ствуя въ салонахъ и на улицахъ, женщины въ тоже время составляли свои клубы, о которыхъ, впрочемъ, мало сохранилось извѣстій. Въ 90 и 91 годахъ въ этихъ женскихъ клубахъ играла особенно выдающуюся роль Олимпія де-Гужъ, вовсе необразованная, но очень даровитая поэтесса; она могла импровизировать цѣлую трагедію. Крайне впечатлительная, зараженная недостатками, которые обыкновенно прививаются къ женщинѣ ложной цивилизаціей, Олимпія жила исключительно сердцемъ. Изъ революціонерки она дѣлается роялисткою, тронутая несчастіями короля; въ іюнѣ 91 года — она республиканка, но во время процесса Людовика XVI снова превращается въ его сторонницу. Надъ ней смѣялись за такое непостоянство, но она вызывала насмѣшниковъ на дуэль на пистолетахъ. Революціонная инквизиція незамедлила захватить ее. Потрясенная неизбѣжностью предстоящей казни и услышавъ, что для беременныхъ казнь отсрачивается, Олимпія постаралась прибѣгнуть къ этому средству. „Одинъ другъ—говоритъ Мишле—со слезами оказалъ ей эту печальную услугу, предвидя ея безполезность". Олимпію всетаки казнили. Изъ женскихъ обществъ особеннымъ значеніемъ пользовалось „общество революціонерокъ;" президентомъ его была одна крайне смѣлая и краснорѣчивая дѣвушка, которая руководила собраніемъ 31 мая, рѣшившимъ погибель жирондистовъ. Она была гражданскою женою Леклерка и другомъ Ру, издававшимъ журналъ *„Тѣнь Мара"*, находившій особенное сочувствіе въ женскихъ обществахъ. Робеспьеръ и якобинцы, заклятые враги этихъ редакторовъ и ихъ направленія, сдѣлались и врагами женскихъ обществъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднихъ уже начинали проявляться эманципаціонныя стремленія. Въ 1792 г. конвентъ рѣшительно отклонилъ заявленныя женщинами требованія равноправности. Женщины, подъ предводительствомъ Розы Лакомбъ, составили революціонный клубъ и потомъ проникли въ залу засѣданій парижскаго правительственнаго совѣта, желая принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Противъ этихъ притязаній возсталъ генеральный прокуроръ Шометъ. „Съ которыхъ это поръ — воскликнулъ онъ — дозволено женщинамъ отрицать свой полъ и превращаться въ мужчинъ? Съ которыхъ поръ вошло у васъ въ обыкновеніе жертвовать смиренными заботами о домашнемъ благѣ, покидать колыбели вашихъ дѣтей? Все это вы дѣлаете для того только, чтобы захватить государственныя должности, взбѣгать на трибуны, проникать въ ряды арміи и принимать на себя такія обязанности, которыя природа возложила исключительно на мужчинъ. Что же, развѣ природа даровала намъ груди, чтобы кормить нашихъ дѣтей? Нѣтъ; она сказала мужчинѣ: будь мужчиной; трудъ, политика и забота всякаго рода—вотъ твои права. Она сказала женщинѣ: будь женщиной; забота о дѣтяхъ, о хозяйствѣ, пріятныя тревоги матери, — вотъ твои права. Неразумныя женщины, къ чему стремитесь вы сдѣлаться муж-

чинами? Во имя природы умоляю васъ, останьтесь тѣмъ, что вы есть!..“ Адвокатомъ женскаго дѣла въ это время былъ Кондорсе, выдержки изъ сочиненія котораго „О дарованіи женщинамъ гражданскихъ правъ“, приведены уже нами выше. Сійесъ требовалъ также признанія женской равноправности. Знаменитый аббатъ Фоше и мадамъ Пальмъ Эльдеръ публично проповѣдывали эманципацію, окруженные толпами женщинъ. Олимпія де-Гужъ вела ту же пропаганду. „Женщины—говорила она между прочимъ—имѣютъ полное право вступать на трибуну, потому что они имѣютъ право всходить на эшафотъ!“ Но всѣ эти голоса погибали безслѣдно среди шума и анархіи великаго переворота. Наконецъ, были запрещены и самыя женскія общества. Женщинамъ прекращена всякая возможность къ самостоятельной дѣятельности. Но они всетаки не переставали распространять и поддерживать тотъ энтузіазмъ, который воодушевлялъ тогда всю Францію. Въ празднествахъ свободы они являются ея вдохновенными жрицами. „Здѣсь женщина произноситъ благородную, прекрасную рѣчь, которая завтра же рождаетъ героевъ; тамъ прекрасная дѣвушка несетъ пальмовую вѣтвь съ надписью: „лучшему изъ гражданъ“. Въ Дофине, батальонъ вооруженныхъ дѣтей, батальонъ вооруженныхъ женщинъ, батальонъ вооруженныхъ дѣвушекъ! Въ Мобекѣ они, со знаменемъ и съ обнаженными шпагами въ рукахъ, маршируютъ въ отличномъ порядкѣ, съ тою граціозною живостью, которая свойственна только женщинамъ Франціи. Женщины и дѣвушки Анжера хотятъ идти въ походъ, слѣдовать за молодою арміей, принять участіе въ первомъ крестовомъ походѣ свободы, кормить воиновъ, ухаживать за ранеными. Они клянутся не выходить замужъ ни за кого, кромѣ хорошихъ гражданъ, любить только мужественныхъ и соединять свою жизнь только съ тѣми, которые готовы жертвовать Франціи своею жизнью... Женщины оказывали, какъ свидѣтельствуютъ о томъ всѣ письменные памятники, болѣе, чѣмъ мужчины, энергіи, энтузіазма, страстнаго рвенія въ дѣлѣ принесенія гражданской присяги“. (Michelet). Это былъ не простой энтузіазмъ, это было религіозное увлеченіе свободой. Женщина представляла собою богиню Разума, и хоры молодыхъ дѣвушекъ пѣли передъ нею гимнъ свободѣ. Основатели новаго культа предписывали выбирать для этой роли „женщинъ строгой нравственности, способныхъ внушать честныя и благородныя чувства“. Этими „богинями“ были вообще дѣвушки изъ уважаемыхъ семействъ страны. Неудивительно, что женщины съ сердцемъ и фантазіей, чрезмѣрно развитыми на счетъ разума, впадали въ революціонный мистицизмъ. Многія изъ нихъ буквально обожали Робеспьера и благоговѣйно преклонялись передъ всѣми его дѣйствіями. Онъ получалъ не мало писемъ, въ которыхъ его признавали за мессію; его портреты служили иконами новаго культа; многія женщины постоянно носили ихъ на себѣ, цѣловали ихъ, моли-

лись передъ ними, называли его Богомъ! Чрезвычайно распространенная тогда секта иллюминатовъ приняла имя Робеспьера въ число своихъ святыхъ именъ. Старуха Катерина Тео, слывшая подъ именемъ Богоматери, пророчествовала и проповѣдывала поклоненіе „грядущему Спасителю", „первому пророку", „Сыну Высочайшаго Существа", „Искупителю", „Мессіи",—Робеспьеру! Этотъ культъ сильно содѣйствовалъ паденію Робеспьера. Такой мистицизмъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ тогдашнихъ войнъ, бѣдствій, междоусобій, террора, голода. Такія эпохи всегда ознаменовывались подобными припадками народнаго умопомѣшательства. Кромѣ того, во время этихъ бѣдственныхъ періодовъ обыкновенно развивается равнодушіе къ жизни и страстное необузданное желаніе наслажденій. Пушкинъ превосходно изобразилъ эту черту народной жизни въ своей піэсѣ „Пиръ во время чумы", гдѣ крестьяне, въ виду страшной и неизбѣжной смерти отъ заразы, кутятъ на-пропалую и поютъ —

Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы,
И заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе чумы!

Революція со своимъ терроромъ, со своими казнями производила такое же дѣйствіе, особенно на болѣе впечатлительный женскій полъ. Ежеминутно ожидая арестовъ, смерти, бѣдствій, они спѣшили насладиться жизнью и любовью. Даже въ тюрьмахъ, биткомъ набитыхъ арестованными обоихъ половъ, шли пиры и забавы; одни репетировали церемонію предстоявшей имъ казни, другіе — заводили мимолетныя предсмертныя связи. Сегодня любовь, завтра смерть; а если случится забеременѣть, то казнь отсрочена, — и такъ, да здравствуетъ любовь!... Въ большихъ городахъ, особенно въ Парижѣ, оргіи разврата дошли въ это время до высшей степени. Этому, безъ сомнѣнія, много способствовала усилившаяся бѣдность и безпомощность женской массы. Нужно замѣтить, что всю эту разнузданность нравовъ многіе совершенно несправедливо приписываютъ исключительно революціонерамъ. Главная роль въ этихъ подвигахъ принадлежала консерваторамъ и роялистамъ. „Ех-лакеи, дворники, парикмахеры,—въ особенности же парикмахеры, раззоренные революціей, были ревностными роялистами. Любовные агенты и посланники при старомъ порядкѣ, неизбѣжные свидѣтели пробужденій отъ сна и самыхъ вольныхъ сценъ алькова, они и сами были вообще развратниками". Одинъ изъ нихъ вздумалъ забраться 17 іюля 91 года подъ помостъ около алтаря отечества, чтобы смотрѣть сквозь щели подъ женскія платья.... При дворѣ, гдѣ царствовала полная распущенность нравовъ и въ роялистскихъ салонахъ эта штука встрѣтила полное одобреніе. Однакожъ, соглядатай-парикмахеръ со своимъ товари-

щемъ солдатомъ были открыты; имъ тутъ же отрубили головы. Республика чрезвычайно строго слѣдила за нравами, и только съ ослабленіемъ этой цензуры французы, и во главѣ ихъ люди реакціи, пустились во вся тяжкая.

Въ то время, какъ образованныя женщины среднихъ классовъ служили дѣлу революціи, женщины низшихъ слоевъ населенія, невѣжественныя, неразвитыя, суевѣрныя, начинали уже реакцію великому перевороту. Вандейскіе крестьяне поголовно возстали противъ своихъ освободителей; инниціатива же вандейской войны принадлежитъ попамъ и женщинамъ. Вандея была тогда самою невѣжественною, самою католическою провинціей Франціи; а извѣстно, что своимъ вліяніемъ и своею властью католическое духовенство всегда было обязано, главнымъ образомъ, фанатизированнымъ имъ женщинамъ. Вандейскіе попы, такимъ образомъ, производили контръ-революцію въ каждомъ семействѣ, въ каждомъ домѣ, въ каждомъ замкѣ. Женщины всюду были ревностными апостолами ихъ идей и орудіями ихъ гнусныхъ замысловъ. „Все это темное дѣло—говоритъ Мишле— совершилось по внутреннему и глубокому согласію женщины и попа. Сорокъ тысячъ каѳедръ, сто тысячъ исповѣдниковъ работали въ этомъ направленіи. Громадная машина неизмѣримой силы безъ труда боролась противъ революціонной машины прессы и клубовъ, заставляя революціонеровъ, если они хотѣли побѣдить, организировать терроръ. Но еще въ 89, 90 и 91 годахъ уже свирѣпствовалъ церковный терроръ, дѣйствуя посредствомъ проповѣдей и исповѣди. Женщина приходила изъ церкви домой не иначе, какъ съ поникшею головою, съ сокрушеннымъ сердцемъ, объятая ужасомъ. Ей грезились только адъ и вѣчный огнь геены.... Такъ шли дѣла во всей Франціи. Но мужчина сопротивлялся реакціоннымъ стремленіямъ женщины и остался вѣрнымъ революціи. Въ Вандеѣ же, значительной части Анжу, Мэна и Бретани, женщина взяла верхъ,—женщина и попъ, соединенные тѣсными узами“. Одинъ изъ тогдашнихъ республиканскихъ военачальниковъ, бывшій до революціи попомъ, вполнѣ понималъ эту роль женщины. „Женщины—говоритъ онъ—причина всѣхъ нашихъ несчастій; безъ нихъ республика давно уже установилась бы и мы наслаждались бы миромъ“. Фанатизированная попомъ, женщина не переставала убѣждать мужа въ томъ, что всѣ новые порядки отъ дьявола. „Мужъ спитъ, утомленный. Но жена не спитъ; она ворочается съ боку на бокъ и будитъ его. Глубокіе вздохи, по временамъ рыданія. „Что съ тобою дѣлается эту ночь?“— „Увы, бѣдный король въ Тамплѣ!.. Увы, они били его, какъ Господа нашего Іисуса Христа!..“ Мужъ на минуту засыпаетъ. Жена снова: „говорятъ, что будутъ продавать церковь,—церковь и священническій домъ! Бѣда, бѣда тому, кто купитъ ихъ!“ Продажа церковныхъ имуществъ особенно волновала поповъ и ихъ пенитентокъ. Всюду ходили

разсказы, какъ Богъ явно наказывалъ покупателей. „Жанъ, купившій что-то изъ церковнаго, тотчасъ разоренъ градобитіемъ, Жакъ—наводненіемъ; съ Пьеромъ еще хуже—онъ упалъ съ кровли; у Поля умеръ ребенокъ. Правду говоритъ священникъ: „тако погибнутъ всѣ первенцы египетскіе!“ Духовные, присягнувшіе новому правительству, подвергались страшнымъ гоненіямъ. Наложницы, экономки, стряпки, пенитентки патеровъ всюду разжигали ненависть къ конституціонному духовенству. Въ одной мѣстности поповская экономка первая ударила въ набатъ, призывая жителей къ нападенію на присягнувшихъ патеровъ; бретонки, вооруженныя метлами, врывались въ церкви и били такихъ священниковъ; урсулинскія монахини принимали самое дѣятельное участіе въ шуанской войнѣ, и женскіе монастыри были центрами роялистскихъ интригъ и козней. Всюду ходили слухи о мнимыхъ чудесахъ. Марія являлась будто бы во многихъ мѣстахъ и призывала вѣрныхъ къ истребленію республиканцевъ, и въ особенности конституціонныхъ священниковъ. Такъ началась несчастная вандейская война.

Кромѣ суевѣрія и католическаго фанатизма, женщинъ толкали на путь реакціи ихъ сострадательность и отвращеніе отъ ужасовъ, насилій и несправедливостей революціоннаго террора. Грустная участь короля и королевы, рѣзня, ежедневныя казни, потеря дорогихъ людей,—все это заставляло ихъ желать мира и дѣйствовать противъ революціи. Революціонное управленіе, кромѣ того, оскорбляло женщину во многихъ ея вкусахъ и наклонностяхъ, привитыхъ къ ней воспитаніемъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно угнетало женщинъ еще болѣе, чѣмъ правительство абсолютныхъ королей. Республиканцы старались ввести въ жизнь грубую простоту нравовъ и тѣмъ оскорбляли вкусъ къ изящнымъ манерамъ и свѣтскому обращенію, вкусъ, прививавшійся до тѣхъ поръ къ женщинамъ съ молодыхъ ногтей. Поклонники римскихъ идеаловъ, республиканцы возстановили и классическую цензуру нравовъ, зорко слѣдя за половою нравственностью гражданъ и гражданокъ. За прелюбодѣяніе нерѣдко преслѣдовали, какъ будто за государственное преступленіе; человѣкъ вольнаго поведенія или же человѣкъ, не сообразовавшійся въ дѣлахъ любви съ общепринятыми взглядами и законами, былъ уже *подозрителенъ* для коммуны и якобинцевъ. До чего доходило это цензорское безуміе, можно видѣть изъ того, что однимъ изъ важныхъ поводовъ къ паденію Максимиліана Робеспьера была мнимая связь его съ нѣкоторыми женщинами двусмысленнаго поведенія, связь, въ которой былъ виновенъ его братъ, но которая по ошибкѣ была приписана Максимиліану. Вмѣстѣ съ этимъ ни одно правительство такъ жестоко не преслѣдовало публичныхъ женщинъ, какъ республиканское. Естественно, что проститутки и всѣ француженки, завоевавшія уже право на свободу чувства, должны были сдѣлаться врагами новаго порядка, благодаря которому они лишались

дорогихъ ихъ сердцу людей, подвергались ожесточеннымъ преслѣдованіямъ, раззорялись, страдали отъ вмѣшательства администраціи въ ихъ частную жизнь. Къ тому же, революціонеры задушили всѣ стремленія женщинъ къ полноправности и лишили большинство ихъ тѣхъ удовольствій и того комфорта, привычка къ которымъ была привита къ нимъ ихъ нелѣпымъ воспитаніемъ. Роскошь изгонялась и навлекала на человѣка подозрѣніе. Бальные и игорные вечера почти вовсе прекратились. До революціи женщины царили въ салонахъ, но къ 93 г. закрылись и салоны. Всѣ упомянутыя обстоятельства неизбѣжно вели за собой реакцію, вліяніе которой мы видимъ какъ на отдѣльныхъ дѣятеляхъ, такъ и на общемъ ходѣ дѣлъ той эпохи. Другъ Джефферсона, поклонникъ Америки, безкорыстный республиканецъ Лафайетъ, подъ вліяніемъ своей жены, воспитанной въ правилахъ католическаго фанатизма и стараго порядка, постепенно превращается въ сторонника роялизма. Жирондистъ Верньо, убаюканный ласками мадмуазель Кандейль, теряетъ всякую энергію. Паденіе Робеспьера женщины привѣтствовали какъ начало ихъ освобожденія отъ строгой цензуры нравовъ. Страсти, до тѣхъ поръ сдерживаемыя силою, вырвались на свободу. Когда Робеспьера везли на эшафотъ, балконы и окна домовъ были набиты женщинами, въ роскошныхъ и фривольныхъ нарядахъ; воздухъ оглашался ихъ злорадостными криками—„на гильотину!“ Актрисы плясали вокругъ позорной колесницы. Съ этого же дня начались пиршества, вакханки бѣгали по улицамъ, Парижъ ликовалъ и дамы вели себя съ такимъ цинизмомъ, что далеко превосходили самыхъ отпѣтыхъ проститутокъ. Начались *балы жертвъ*, на роскошныя оргіи которыхъ съѣзжались лица, потерявшія во время революціи кого-нибудь изъ своихъ родныхъ или друзей, въ знакъ чего у каждаго посѣтителя шея была обвязана краснымъ шнуркомъ. Маркизы, графини, роялистскія актрисы, аристократическія проститутки возвращались во Францію изъ бѣгства или изгнанія, выходили изъ своихъ темницъ и убѣжищъ, и употребляли всѣ силы своего ума и женскаго обаянія для реставраціи, для погибели и роялизированья революціонныхъ дѣятелей. Одни возстановляли старую роскошь, возвращались къ прежней жизни, полной блеска и удовольствій; другія хотѣли мира и облегченья для своего сердца, разбитаго страданіями; зло, причиненное революціей женщинамъ и семейству, наполняло ихъ душу ненавистью къ этимъ смутамъ и желаніемъ мира во что-бы то ни стало. Женщины, говоритъ Мишле, самымъ дѣятельнымъ образомъ содѣйствовали погибели всѣхъ партій революціи. Однакожъ, необходимо замѣтить при этомъ, что Мишле слишкомъ ужъ увлекается, говоря о пагубномъ вліяніи женщины на ходъ революціи. Несомнѣнно, что француженка того времени, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, стояла ниже мужчины по своему развитію; но не она одна портила дѣло,

не она одна создавала реакцію, — вмѣстѣ съ нею и во многихъ случаяхъ независимо отъ нея точно также дѣйствовалъ и мужчина. Ошибки и недостатки Сталь, Роланъ, Кордэ были не только результатами несостоятельнаго женскаго воспитанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ошибками партіи. И Сталь, и Роланъ во многомъ были лучше мужчинъ своихъ партій.

Французская женщина была гораздо развитѣе и эмаципированнѣе, чѣмъ женщина другихъ странъ. Но если уже и развитіе француженки оказалось недостаточнымъ, коль скоро она взялась за общественно-политическую дѣятельность, то тѣмъ менѣе способны были дѣйствовать на этомъ поприщѣ массы женщинъ другихъ странъ. Не смотря, однакожъ, на это, онѣ не рѣдко появлялись на общественной аренѣ и пытались оказать свое вліяніе на ходъ событій. Исторія Италіи насчитываетъ нѣсколько благородныхъ и замѣчательныхъ патріотокъ. Въ Англіи, во время междоусобныхъ войнъ, нѣкоторыя женщины даже сражались въ войскахъ, подобно „полковнику-Аннѣ", о которой мы уже упоминали. Во время войнъ 1643 г. къ партіи, требовавшей мира, принадлежало множество женщинъ, разсказываетъ Гизо. Девятаго августа, около Вестминстера собралось ихъ до 3,000, и они подали въ палату петицію о мирѣ. „Ваши бѣдныя просительницы,—писали онѣ—хотя и принадлежатъ къ слабому полу, но, тѣмъ не менѣе, слишкомъ ясно предвидятъ, какое бѣдствіе готово разразиться надъ этимъ королевствомъ и надъ страною, покрытою кровью и находящеюся почти при послѣднемъ издыханіи, Ирландіей, если только не будутъ употреблены всѣ средства для достиженія скораго мира". Женщинамъ отвѣтили, что палата также желаетъ мира, и просили ихъ разойтись. Но они остались, толпа ихъ возрасла до 5,000 и съ криками—„мира, мира!" „подайте сюда измѣнниковъ, не желающихъ мира,—въ клочки ихъ",—бросились къ дверямъ нижней палаты; на женщинъ двинулось войско, произошла схватка, и они бѣжали, оставивъ 2 убитыхъ и 8 раненыхъ. Въ 1649 г. былъ наряженъ судъ надъ памфлетистомъ и республиканцемъ Лильберномъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались петиціи объ его помилованіи и одна между ними была отъ 1,000 женщинъ, которыя, ходатайствуя за подсудимаго, протестовали противъ дѣйствій парламента, говоря, что онъ „хочетъ подавить всякую свободу слова,—а это самое унизительное рабство". Палата велѣла прогнать этихъ

женщинъ домой „мыть тарелки". Нѣмки принимали самое дѣятельное участіе въ войнѣ за независимость. „Поведеніе женщинъ заслуживаетъ похвалы — писалъ въ 1813 г. Нибуръ изъ Берлина, — сотни ихъ отказываются не только отъ удовольствій, но даже и отъ излишнихъ заботъ о своемъ хозяйствѣ, чтобы служить въ лазаретахъ, стряпать тамъ, ходить за больными, починять бѣлье, снабжать раненыхъ деньгами и всѣмъ нужнымъ, присматривать за наемной прислугой. Многія стали уже жертвами нервной горячки". Богатыя женщины отдавали отечеству свое имущество и нѣкоторыя дѣвушки храбро дрались и погибали въ рядахъ войскъ.

Въ то время, какъ Европа переживала бурный періодъ XVII и XVIII столѣтій, въ Америкѣ развивалось новое государство, сильное своею свободой, богатое сѣмянами быстраго и пышнаго развитія.

Съ самаго начала своей исторіи, Америка уже обладала множествомъ условій, чтобы стать во главѣ человѣческаго прогресса и сдѣлаться передовою страною въ дѣлѣ освобожденія женщины. Принципы братства и равенства, служившіе догматами во многихъ американскихъ сектахъ, распространялись и на женщинъ, которыя учили, проповѣдывали, ставали во главѣ религіозныхъ общинъ и цѣлымъ рядомъ героическихъ подвиговъ упрочивали свою фактическую равноправность съ мужчинами на поприщѣ общественной дѣятельности. Анна Гётчинсонъ за свою проповѣдь была изгнана изъ Массачузетса и основала колонію Родъ-Эйландъ. Когда квакеры подвергались гоненію въ Массачузетсѣ, двѣ квакерши, Мери Фёстеръ и Анна Аустинъ проѣхали всю Европу, проповѣдуя свое ученіе. Мери писала противъ смертной казни. Ее изгнали изъ Бостона подъ страхомъ смерти въ случаѣ возвращенія. Она вернулась, считая безчестнымъ подчиненіе законамъ, стѣсняющимъ свободу совѣсти. Товарищей ея повѣсили, но ей объявили прощеніе, когда у ней была уже петля на шеѣ. Она отказалась отъ помилованія, громко закричавъ народу: „дайте мнѣ погибнуть съ братьями или уничтожьте вашъ злодѣйскій законъ!" Ее снова изгнали, но она снова вернулась и была повѣшена. Въ такой суровой школѣ американка имѣла много благопріятныхъ условій для развитія въ себѣ чувства самостоятельности и энергіи характера. Малочисленность женщинъ въ Америкѣ съ самаго начала хорошо отозвалась на ихъ судьбѣ, послуживъ основаніемъ для того уваженія къ „дамѣ", которымъ такъ отличается американецъ. Еще болѣе возвысило американку то образованіе, которое она получала съ самаго начала англійской колонизаціи Америки. Въ первое время этой колонизаціи немногія мѣстности имѣли достаточно средствъ для содержанія двухъ отдѣльныхъ школъ, для дѣвочекъ и мальчиковъ. Оба пола, поэтому, учились въ одной школѣ, воспитываясь въ понятіяхъ равенства и взаимнаго уваженія. Дѣвочки не только не отставали отъ мальчиковъ, но

даже превосходили ихъ. Молодые люди оставляли школу раньше дѣвицъ, отдаваясь практической дѣятельности, а послѣднія, продолжая ученіе, пріобрѣтали и болѣе обширныя и болѣе высокія знанія. Такъ какъ недоставало учителей, то приглашали къ преподаванію женщинъ, и послѣднія оказали до того блестящіе успѣхи въ дѣлѣ педагогики, что большинство учительскихъ мѣстъ очутилось наконецъ въ ихъ рукахъ. Поставленная въ такія благопріятныя условія, американка начала играть важную роль въ семействѣ и обществѣ. Токвиль справедливо замѣчаетъ, что быстрымъ своимъ развитіемъ и своими гражданскими доблестями Америка обязана воспитанію, получаемому американцами отъ своихъ матерей и отъ женщинъ, заправляющихъ большею частію школъ. „Матери-патріотки — говоритъ мистриссъ Эллетъ — вскормили дѣтство свободы. Онѣ дали отечеству гражданъ, которые отстояли его независимость своею кровью". Но не посредствомъ одного только воспитанія вліяла американка на общество, — она всегда принимала участіе въ политическихъ, научныхъ и промышленныхъ вопросахъ, волновавшихъ страну. Въ войну за независимость женщины жертвовали и собою и своими дѣтьми для блага родины. Многія изъ нихъ поступали въ войско, храбро перенося всѣ опасности и труды войны. Женщины Виргиніи писали прокламаціи къ народу, которыя читались въ церквяхъ и возбуждали возстаніе. Женщины Филадельфіи сформировали на свой счетъ цѣлый полкъ. Женщины Пенсильваніи послали въ армію обозы провизіи и тѣмъ устранили бѣдствія голода и угрожавшаго войску паденія духа. Въ Новомъ Мекленбургѣ, въ графствахъ гоуенскихъ и Сѣверной Каролинѣ молодыя дѣвушки самыхъ извѣстныхъ фамилій дали обѣщаніе не отдавать своей руки тѣмъ обожателямъ, которые не послушаютъ призыва отечества къ оружію. Вдохновляя храбрыхъ, поддерживая слабыхъ, помогая раненымъ, снабжая войско бѣльемъ и провизіей, обработывая въ отсутствіе своихъ воевавшихъ мужей землю, женщины возбуждали своими подвигами восторгъ всей страны. Въ ряду этихъ патріотокъ первое мѣсто принадлежитъ молодой женѣ плимутскаго купца, Мерси Уарренъ, которую можно назвать г-жею Роланъ Америки. Другъ обоихъ Адамсовъ, Джефферсона, Джерри, Нокса и другихъ дѣятелей революціи, талантливая поэтесса и хорошо образованная политическая писательница, Мерси Уарренъ имѣла большое вліяніе какъ на руководителей революціи, такъ и на массу. Ей принадлежатъ лучшіе гимны свободѣ, которые пѣлъ народъ въ эти бурные дни, ей же принадлежитъ и много стихотвореній, внушавшихъ народу твердую увѣренность въ будущемъ величіи Америки, въ которой „никогда деспотъ не будетъ управлять своею властью, республика утвердится на широкомъ основаніи, корона и скипетръ сдѣлаются ненужными игрушками и низкіе преторіанцы не будутъ болѣе грабить насъ для королей".

XIX.

При грохотѣ наполеоновскихъ пушекъ и барабановъ, Европа схоронила много вольностей, добытыхъ революціей. Наступило празднованіе тризны свободы и разума, вѣкъ Меттерниховъ, конгрессовъ, гнета и деспотизма, вѣкъ реакціи и возстановленія старины, сокрушенной революціоннымъ погромомъ. Вмѣстѣ съ реставраціей королевской власти и абсолютнаго государства возстановлялись власть отца и мужа, а семейство снова принимало прежній патріархальный характеръ. Войны и смуты конца XVIII и начала XIX столѣтій разрушили множество европейскихъ семействъ, раскидавъ членовъ ихъ по всей Европѣ и истребивъ громадное количество людей; въ однихъ только наполеоновскихъ войнахъ погибло до 8,000,000 человѣкъ. Съ умиротвореніемъ Европы феодалы, буржуа, крестьяне, лишенные имуществъ и многихъ родственниковъ, собирали свои уцѣлѣвшія семейства и старались о возстановленіи старинныхъ обычаевъ, о возрожденіи до-революціонныхъ идей и чувствованій. Даже во Франціи, гдѣ патріархальное семейство было расшатано болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, различные писатели и юристы старались возстановить строгую отеческую власть и уничтожить расторженіе брака. Бональдъ, возводившій всякую общественную власть къ одному источнику—къ Богу, старается внушить законодателямъ, что отецъ есть представитель Бога въ семействѣ и поэтому долженъ имѣть абсолютную власть надъ всѣми домочадцами. По мнѣнію Реаля, дѣти должны не только уважать своихъ родителей, но и воздавать имъ *поклоненіе* (culte) въ теченіи всей своей жизни. Наполеонъ хотѣлъ опредѣлить закономъ всѣ мельчайшія отношенія дѣтей къ родителямъ, какъ ихъ должно воспитывать, какъ приготовлять къ извѣстной профессіи, при какихъ условіяхъ они могутъ жениться, отправляться въ путешествія, избирать себѣ занятіе и т. д. Къ счастію, судьба избавила Францію отъ такихъ законовъ, хотя наполеоновскій кодексъ все-таки успѣлъ возстановить и нѣкоторыя патріархальныя права отца и многія патріархальныя обязанности дѣтей. Дѣти впродолженіе всей своей жизни обязаны уважать и почитать своихъ родителей. Они остаются подъ родительскою властью до своего совершеннолѣтія или эманципаціи. До восемнадцатилѣтняго возраста или до эманципаціи дѣтей ихъ имущество находится въ пользованіи родителей. Родители руководятъ воспитаніемъ дѣтей и предназначаютъ ихъ къ извѣстной профессіи. До шестнадцатилѣтняго возраста отецъ можетъ безъ суда подвергать своихъ дѣтей тюремному одномѣсячному аресту. Если же дѣтямъ болѣе шестнадцати лѣтъ, то родительская жалоба на нихъ разбирается властью, и въ случаѣ признанія ее справедливою, виновные подвергаются заключенію не болѣе какъ на шесть мѣсяцевъ. Въ

настоящее время государство содержитъ множество исправительныхъ заведеній, въ которыхъ заключаются дѣти по волѣ ихъ родителей. Въ 1830 г. было заключено такимъ образомъ 215 ч., въ 1850 г.—1607 ч., въ 1857 г.—9493 ч. Въ этомъ отношеніи французское законодательство хуже почти всѣхъ другихъ европейскихъ. Только въ Сардиніи отецъ имѣетъ право подвергать своихъ дѣтей до двадцатилѣтняго ихъ возраста дисциплинарному тюремному заключенію, да еще въ Пруссіи, съ согласія короля и министра юстиціи. Впрочемъ, въ другихъ отношеніяхъ отеческая власть строже всего въ Англіи. Здѣсь она почти также абсолютна, какъ въ древнемъ Римѣ. По англійскому праву, даже содержаніе и воспитаніе дѣтей обязательно для отца только въ томъ случаѣ, если они рѣшительно неспособны сами добывать себѣ пропитанія. Отецъ не обязанъ оставлять дѣтямъ никакой доли въ наслѣдство. По прусскому праву, дѣти обязаны не только повиноваться родителямъ и уважать ихъ, но и работать въ ихъ пользу по своимъ силамъ и умѣнью. Отеческая власть прекращается не съ совершеннолѣтіемъ, а съ основаніемъ дѣтьми отдѣльнаго хозяйства. Согласіе родителей на бракъ не эманципированныхъ дѣтей требуется всѣми европейскими законодательствами, признающими также право родителей пользоваться доходами съ имущества дѣтей.

Реакція XIX в. коснулась и брачныхъ отношеній. Кодексъ Наполеона значительно ограничилъ возможность расторженія брака, дозволивъ его, во-первыхъ, вслѣдствіе прелюбодѣянія жены; во-вторыхъ, вслѣдствіе прелюбодѣянія мужа, *но въ томъ только случаѣ, если онъ держитъ наложницу въ одной квартирѣ съ женою*; въ третьихъ, по причинѣ жестокаго обхожденія одного изъ супруговъ съ другимъ и въ четвертыхъ, вслѣдствіе присужденія одного изъ нихъ къ позорному наказанію. Въ 1816 г. расторженіе брака было вовсе запрещено, но послѣ іюльской революціи снова дозволено по наполеоновскому кодексу. Англійское законодательство до сихъ поръ еще враждебно относится къ расторжимости брака. И вообще брачные законы всей цивилизованной Европы до сихъ поръ сохраняютъ еще древній варварскій характеръ, хотя смягченіе нравовъ и даетъ возможность оставлять такіе законы въ бездѣйствіи. Англичанинъ имѣетъ право вывести свою жену на базаръ и продать ее. Жена, по англійскимъ законамъ, невольница мужа, она не имѣетъ собственности, не можетъ заключать договоровъ, все, что ни пріобрѣтаетъ она въ бракѣ, принадлежитъ мужу вмѣстѣ съ ея приданымъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, лордомъ Бругамомъ былъ внесенъ въ парламентъ билль объ отмѣнѣ этого закона и представлена о томъ же петиція отъ множества графовъ, лордовъ, писателей и извѣстныхъ женщинъ. Билль отвергнутъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что англійская практика выработала извѣстныя фикціонныя

уловки, посредствомъ которыхъ жены могутъ сохранять за собою свое отдѣльное имущество, полученное ими въ приданое. Возмутительнѣе всего положеніе женщины по французскому законодательству. Относительно налоговъ, штрафовъ, тюремнаго заключенія, смертной казни она равна мужчинѣ; уголовный кодексъ признаетъ ее совершеннолѣтнею, а гражданскій — несовершеннолѣтнею, опекаемою личностью! Мужъ—полный владыка семейства, опекунъ жены и собственникъ ея имущества. Жена не можетъ ни покупать, ни продавать, ни дарить, ни принимать подарковъ, ни входить въ обязательства, ни приниматься за какое бы то ни было занятіе, ни приносить жалобы безъ дозволенія мужа. При его жизни она не имѣетъ власти надъ своими дѣтьми. „Опекунами и членами семейнаго совѣта не могутъ быть малолѣтніе, лишенные правъ, осужденные на позорное наказаніе и женщины.“ Смерть мужа дѣлаетъ его вдову главою семейства и правоспособною личностью. Прусское законодательство считаетъ незамужнихъ женщинъ относительно заключенія договоровъ равными мужчинамъ. Они могутъ быть поручительницами, а матери и бабки — опекуншами. Австрійское право признаетъ оба пола равными въ частноюридическихъ отношеніяхъ, только не допускаетъ женщинъ до опекунства и до свидѣтельства при завѣщаніяхъ. Вообще же въ европейскихъ законодательствахъ о бракѣ и семейномъ положеніи женщины безпорядочно перемѣшаны между собою постановленія совершенно варварскія съ новыми, явившимися результатомъ стремленій къ уравненію половъ.

Мужъ — владыка жены, говорятъ европейскія законодательства, и большинство мужей дѣйствительно ведетъ себя, какъ подобаетъ деспотамъ. Въ низшихъ классахъ мужчины до сихъ поръ третируютъ женщину, какъ животное; сколько оскорбленій, брани, побоевъ, увѣчій выноситъ на своихъ многострадальныхъ плечахъ эта рабыня рабовъ, обезсмысленныхъ бѣдностью! Въ высшихъ и среднихъ классахъ гораздо меньше подобныхъ жестокостей, но за то и здѣсь сколько произвола, униженія, самодурства, деспотизма! Въ самыхъ высокообразованныхъ странахъ, въ Англіи и Франціи, мужъ можетъ совершенно безнаказанно промотать все имѣніе жены, истрачивать на свои прихоти всѣ ея доходы, держать ее при себѣ какъ невольницу; здѣсь до сихъ поръ мужья сохранили за собой возможность отдѣлываться отъ жены, заключая ее, только не въ монастырь, какъ бывало въ старину, а въ сумашедшій домъ! Бракъ, въ большинствѣ случаевъ, есть ничто иное, какъ коммерческая сдѣлка. Мужчина беретъ собственно деньги, а жену въ придачу. „Во Франціи около 3,000,000 женщинъ живетъ трудами или доходами своихъ мужей; *гораздо большее число мужчинъ* живетъ приданымъ или наслѣдствомъ своихъ женъ.“ (Daubié). Разо-

реніе женъ мужьями сдѣлалось самымъ обыкновеннымъ явленіемъ *). Кромѣ богатства, бракъ сплошь и рядомъ доставляетъ мужчинѣ карьеру, протекцію, положеніе въ обществѣ. Наконецъ, большинство невѣстъ доживаетъ до свадьбы не зная мужчинъ, а изъ послѣднихъ, можно сказать, ни одинъ не удерживаетъ своихъ инстинктовъ до брака, въ который онъ вступаетъ нерѣдко только ради наслажденія чистотою и свѣжестью жены. Во Франціи—да не въ одной Франціи—браки сплошь и рядомъ заключаются мужчинами по одному лишь этому побужденію.

Женщины, лишенныя образованія и правъ, оттѣсненныя отъ производительнаго труда, испорченныя воспитаніемъ, не могутъ вести самостоятельной жизни,—бракъ для нихъ неизбѣжная необходимость, подчиняться которой ихъ заставляетъ весь строй общественной жизни. И вотъ, весь смыслъ, все чувство женщины устремляется на ловлю жениховъ, на брачную карьеру, на пріисканіе выгоднаго жениха. Со стороны невѣсты здѣсь тотъ же коммерческій разсчетъ, какъ и со стороны жениха. Такіе браки по разсчету естественно водворяютъ въ домѣ адъ,—отвратительную жизнь, переполненную ссорами, взаимнымъ отвращеніемъ супруговъ, развратничаньемъ и лицемѣріемъ одного изъ нихъ или обоихъ, интригами, угнетеніемъ, преступленіями..... Впрочемъ, все это хорошо извѣстно читательницѣ, и мы перейдемъ теперь къ общественному положенію женщины.

Паденіе феодализма съ его привиллегіями и развитіе различныхъ отраслей труда вели за собой то обстоятельство, что множество мужчинъ, прежде праздныхъ, жившихъ на счетъ народа, вынуждено было теперь обратиться къ государственной службѣ, къ занятіямъ промышленнымъ, научнымъ и литературнымъ. Женщины были устранены отъ всѣхъ этихъ отраслей дѣятельности. „Прогрессъ нашего времени—писала нѣсколько лѣтъ назадъ ліонская академія—вмѣсто того, чтобы улучшить печальное положеніе женщинъ, старался повидимому только ухудшить его, ежедневно отнимая у женщинъ тѣ занятія и труды, которые прежде были ихъ неотъемлемымъ достояніемъ. Это постепенное отнятіе у женщины ея правъ, это постоянно возрастающее угнетеніе ея, столь противное справедливости и человѣческому достоинству, породило множество физическихъ и нравственныхъ золъ, которыя съ каждымъ днемъ обнаруживаются теперь все яснѣе и яснѣе." Еще въ 1817 г. Моршанжи горько жаловался, что „въ нашъ неблагодарный и эгоистическій вѣкъ за женщинами не хотятъ признавать

*) Когда г-жа Одуаръ недавно высказала это въ своей публичной лекціи, читанной въ Парижѣ, слушатели мужчины запротестовали, крича, что, напротивъ, всѣ они раззорены женщинами (femmes). «Да, господа,—отвѣчала имъ Одуаръ,—извѣстнаго сорта мужья дѣйствительно раззоряются женщинами, но только не своими женами» (sont ruinés par des femmes, mais pas par leurs femmes).

никакихъ правъ. Согнаннымъ съ трона, отстраненнымъ отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, признаннымъ неспособными къ общественнымъ должностямъ, имъ дозволяютъ только продавать лотерейные билеты, да торговать гербовой бумагой и табакомъ. Вотъ все, что считаютъ возможнымъ поручить имъ; вотъ мѣра ихъ способностей; вотъ до чего умалились ихъ права!" Имъ нѣтъ мѣста ни на студенческой скамьѣ, ни на профессорской каѳедрѣ; правительства употребили всѣ усилія, чтобы удалить ихъ даже отъ самыхъ незначительныхъ должностей. При Людовикѣ Филиппѣ было постановлено, что „женщины не должны быть назначаемы на мѣста почтмейстеровъ въ главные города округовъ, а также въ тѣ города и селенія, гдѣ засѣдаетъ судъ первой инстанціи или коммерческій судъ." Подтвердивъ это постановленіе, правительство Наполеона III запретило давать женщинамъ мѣста съ окладомъ выше 1000 франковъ; большинство почтмейстершъ получаетъ теперь отъ 250 до 350 франковъ, т. е. 62½—87½ руб. въ годъ. Чтобы еще болѣе затруднить женщинамъ доступъ къ службѣ, законъ постановилъ принимать въ почтовое вѣдомство только женщинъ не моложе 25 лѣтъ и не старше 35 лѣтъ, а ихъ мужья не должны заниматься при этомъ ни государственною службою, ни торговлею, ни какимъ бы то ни было ремесломъ! Въ XVIII в. множество женщинъ служило сборщицами косвенныхъ налоговъ; но въ 1815 г. на 350 сборщиковъ приходилось уже 30 женщинъ, а въ 1840 г. только 3. Мѣста хранителей и продавцовъ гербовой бумаги также почти всѣ отняты у женщинъ и занимаются отставными военными; за женщинами оставлены лишь мѣста съ окладомъ въ 30 или 40 франковъ въ годъ. При складахъ гербовой бумаги на однихъ и тѣхъ же должностяхъ мужчина получаетъ отъ 1000 до 1700 франковъ, а женщина никакъ не болѣе 1000. Въ императорской типографіи мужчина зарабатываетъ въ день 4—6, а женщина 2—2½ фр. Заболѣвшій рабочій получаетъ въ день пособія 1½ фр., а работница только 80 сантимовъ. Чтобы отстранить женщинъ отъ должностей библіотекарей, архиваріусовъ и ихъ помощниковъ, постановлено опредѣлять на эти должности только лицъ, прослужившихъ трехгодичный курсъ въ École des Chartes, доступъ въ которую запрещенъ женщинамъ, или получившимъ степень баккалавра словесныхъ наукъ, степень, къ пріобрѣтенію которой женщины также не допускаются. Остальная Европа относится къ общественной дѣятельности женщинъ не менѣе враждебно, чѣмъ и французское общество. Въ германской общинѣ женщина несетъ всѣ обязанности и не имѣетъ права участвовать въ выборахъ и собраніяхъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напр., въ Баваріи ей запрещено принадлежать къ политическимъ обществамъ, а законодательство Германскаго союза не дозволяетъ ей даже писать въ политическихъ газетахъ! Въ Саксоніи, Баваріи, Дармштадтѣ, Вир-

темберге, Бадене, Великом Герцогстве Гессене, в Ганновере, в Кургессене, Нассау до 1848 г. женщинам запрещалось присутствие на парламентских, земских и других публичных политических собраниях.

Еще во время революции начала подниматься реакция, стремившаяся подавить или ограничить женское образование. В начале XIX в. эта реакция вошла в полную свою силу. До чего доходило безумие реакционеров—можно видеть из книги пламеннаго сторонника принципов революции, Пьера Сильвена Марешаля (1803 г.), — книги, носящей заглавие: *„Женщины не должны быть грамотными, или проэкт закона, воспрещающаго женщинам учиться читать.“* Все семейныя добродетели женщины, говорит автор, могут процветать и без образования; женскому полу природой назначено быть пассивным и жить исключительно для семейства; к чему же тут образование? Грамотная девушка будет развращаться чтением романов и войдет в любовную переписку! „Обыкновенно, чем женщина становится образованнее, тем более лишается она своей грации и *тем более падает нравственно.*“ „Женщина имеет слишком много занятий по хозяйству и у ней нет лишняго времени, которое она могла бы тратить на чтение и письмо!“ „В семействе, в котором жена знает столько же, сколько муж, или даже более, происходят постоянные скандалы и раздоры.“ Приведши множество подобных оснований, Марешаль делает выводы, в роде следующих: „§ 1. Разум требует, чтобы женщины никогда не совали носа в книгу (ne mettent jamais le nez dans un livre), никогда не брали пера в руки.“ „§ 7. Разум требует запрещения женщинам учиться читать, писать, печатать, гравировать, литографировать и т. д. Когда они хоть немного умеют делать что-нибудь подобное, то от этого терпит ущерб их хозяйство.“ „§ 12. Мужья должны быть единственными книгами для своих жен.“ Подобная ерунда высказывалась не одним Марешалем, а почти всеми реакционерами, хотя требования их не всегда доходили до такой крайности. Ученую женщину стали звать не иначе, как бранным названием *синяго чулка*. Женщину снова старались превратить в постельную куклу, *„Женщина должна учиться только, как угождать своему мужу и исполнять нежныя обязанности, налагаемыя на нее природой“*, говорит книга „L'art de rendre les femmes fideles.“ Никакого характера, никакой самодеятельности реакционеры не допускают в женщине. „Застенчивость должна быть отличительным свойством женщин, она гарантирует их добродетели.“ (M-me de Lambert). Не только образование, даже природный ум излишен для женщины. „Умному человеку в жене необходимо только одно чувство — двух умов слишком уж много для одного дома!“ (Bonald). „Женщина тем выше, чем больше народила она

ребятъ", по мнѣнію Наполеона. Самые либеральные изъ реакціонеровъ соглашались только на то мишурное образованіе, какое нынѣ получаетъ большинство европейскихъ барынь, употребляя его въ видѣ приправы къ своимъ половымъ прелестямъ. Противъ солиднаго женскаго образованія приняты были строгія мѣры. Женщины изгнаны изъ университетовъ. Имъ поставлены были всевозможныя препятствія, чтобы устранить ихъ отъ учительской профессіи. Въ 1820 г., напр. парижскій университетъ установилъ строжайшія испытанія для начальницъ и учительницъ пансіоновъ, изслѣдуя не только степень ихъ знаній, не только ихъ частную жизнь, но даже „нравъ, поведеніе и принципы ихъ мужей." Школы для взрослыхъ во Франціи долго были общими для обоихъ половъ, но женщинамъ, наконецъ, запретили посѣщать ихъ, не замѣнивъ ихъ другими. Съ заключеніемъ конкордатовъ, съ возстановленіемъ монастырей женское образованіе въ католическихъ странахъ снова перешло въ руки духовенства, и большинство женщинъ, фанатизированное и развращенное патерами, снова превратилось въ клику служительницъ суевѣрія и тупоумнаго консерватизма. Успѣшнѣе всего это отупленіе женщины, о которомъ такъ стараются всѣ темныя силы цивилизованныхъ обществъ, совершилось и поддерживается въ южной Америкѣ, въ этой странѣ патеровъ, рабовладѣльцевъ и грубой солдатчины. Женщину здѣсь учатъ почти только одному чтенію и письму. Домашняя жизнь ея крайне однообразна, каждый шагъ обстановленъ ревнивымъ надзоромъ. Многіе бразиліанцы, отправляясь въ путешествіе, запираютъ своихъ женъ и дочерей въ монастырь для сохраненія ихъ половой чистоты. Если бразиліанецъ хочетъ взять наложницу и жена мѣшаетъ ему въ этомъ, то онъ отправляетъ ее съ полицейскимъ чиновникомъ въ монастырь, внося плату за ея содержаніе. Немудрено, что женщины здѣсь тупы и невѣжественны до крайности; они ничѣмъ не выше гаремныхъ затворницъ Востока. „Домашняя жизнь женщины также безцвѣтна, какъ и жизнь монахини. Она проводитъ день за днемъ, не выходя изъ своихъ четырехъ стѣнъ, даже не смотря на улицу въ окно или двери и оставаясь постоянно въ небрежномъ дезабилье. Міръ книгъ совершенно закрытъ для нея, и она находится въ полномъ невѣжествѣ относительно всего, что выходитъ за предѣлы ея тѣснаго домашняго круга." (Agassiz). Отупленная до послѣдней степени, женщина здѣсь не только безпрекословно носитъ цѣпи своего рабства, но готова даже защищать права своихъ тирановъ. Чуди былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Одинъ боливіецъ немилосердно билъ свою жену на площади Лимы; стоявшій по близости мулатъ вступился за нее; но она бросилась на своего освободителя и изцарапала ему лицо, восклицая: „не зачѣмъ тебѣ мѣшаться въ мои дѣла, я принадлежу своему мужу, „и онъ дѣлаетъ со мной, что хочетъ!

Въ Испаніи, Португаліи, Италіи образованіе и воспитаніе женщинъ до послѣдняго времени стояли на той же низкой ступени, какъ и въ Южной Америкѣ. Даже во Франціи, въ передовой Франціи, эпоха реакціи дѣйствовала такъ успѣшно посредствомъ поповъ и монастырей, что милліоны женщинъ, получивъ монастырское воспитаніе, всецѣло поработившее ихъ католицизму, сдѣлались положительно вредными и для общественнаго развитія вообще и для дѣла женскаго освобожденія въ частности. Реакція женскому образованію принесла не малую пользу всѣмъ ея творцамъ и поборникамъ. Невѣжество служитъ самыми крѣпкими основами для удержанія женщины въ рабствѣ. „Скифы — пишетъ Даніель Стернъ — вырывали глаза своимъ рабамъ, чтобы они ничѣмъ не развлекались при работѣ. Есть также люди, которые выкалываютъ глаза соловью, чтобы онъ лучше пѣлъ. Не подобная ли идея лежитъ и въ основѣ того образованія, которое дается женщинамъ? Боятся того, что если не ослѣпятъ ихъ разума, то они не будутъ хорошими хозяйками или пріятными болтуньями“.

Реакція женскому образованію вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности и машиннаго производства нанесла роковой ударъ женщинѣ народныхъ массъ и трудящагося средняго класса. Пониженіе задѣльной платы мужчины до минимума, достаточнаго только для поддержанія его жизни, разрушило семейство работника, заставивъ его жену и дѣтей идти на фабрики и заработывать тамъ кусокъ хлѣба. Улучшивъ и ускоривъ производство, машины произвели уменьшеніе спроса на женскія рабочія руки и вмѣстѣ съ тѣмъ пониженіе задѣльной платы женщинъ, между тѣмъ какъ предложеніе женскаго труда не только не осталось въ прежнихъ размѣрахъ, но даже увеличилось. Мужчины, машины, мастерскія тюремъ и монастырей отняли у женщинъ множество такихъ ремеслъ, благодаря которымъ они жили прежде, если не въ довольствѣ, то, во всякомъ разѣ, не подвергаясь опасности голодной смерти. Мастерства швейное, портняжное, парикмахерское и множество другихъ постепенно захватывались мужчинами и задѣльная плата женщины, вслѣдствіе убійственной для нея конкуренціи съ мужчинами, упала наконецъ до $1/2$ и даже до $1/3$ мужской задѣльной платы. Причина этого явленія лежитъ, главнымъ образомъ, въ невѣжествѣ женщинъ, въ недостаточной подготовкѣ ихъ къ промышленному труду. „Мужчины — говоритъ Виргинія Пенни — начинаютъ учиться тому или другому занятію очень рано. Женщины же большею частію прибѣгаютъ къ нему уже вслѣдствіе необходимости и не имѣютъ времени къ достаточной подготовкѣ“. Въ Парижѣ, на фабрикахъ химическихъ зажигательныхъ спичекъ, нѣтъ ни одной грамотной работницы. На перчаточныхъ фабрикахъ работникъ получаетъ отъ 3 до 10 франковъ, а работница отъ 1 до 4. Низкость платы работницъ зависитъ отъ ихъ неприготовленности къ дѣлу, благодаря которой они

неспособны ни кроить перчатокъ, ни скоблить ихъ, и ограничиваются только ролью швей. Въ типографіяхъ и литографіяхъ мужчины получаютъ отъ $2^1/_2$ до 12 фр., а женщины — благодаря „низкой степени своихъ знаній, необходимыхъ для выполненія различныхъ спеціальностей этой профессіи, только отъ $1^1/_2$ до 6 франк. Недоступность для женщинъ школъ рисованія ведетъ за собой тотъ результатъ, что вся важная отрасль промышленнаго рисованія монополизирована мужчинами. Тотъ же недостатокъ образованія мѣшаетъ женщинамъ заниматься фотографіей наравнѣ съ мужчинами; во Франціи, въ громадномъ большинствѣ фотографій, работаютъ одни мужчины. Акушерки, не имѣющія права изучать медицину, убиваются конкурренціей акушеровъ-медиковъ. Еще болѣе страдаютъ учительницы, конкурирующія съ болѣе образованными, чѣмъ онѣ, учителями. „Словомъ, достаточно одного взгляда на наше экономическое положеніе, чтобы убѣдиться, что малоцѣнность женскаго труда есть естественный результатъ низкаго уровня женскаго образованія... Анализъ различныхъ родовъ промышленности достаточно доказываетъ, что женщина не имѣетъ спеціальныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для надлежащаго отправленія своей профессіи, сплошь и рядомъ она даже не умѣетъ ни читать, ни писать.... На нашихъ провинціальныхъ мануфактурахъ, превращенная въ машину работница не умѣетъ ни заштопать чулка, ни починить платья, ни расчитать своего бюджета, ни приготовить пищи,—она не знакома съ тысячью этихъ полезныхъ и производительныхъ занятій, которыя нѣкогда были принадлежностью каждой хозяйки и матери семейства.“ (Daubié). Такимъ образомъ, женская задѣльная плата упала до самой ничтожной суммы. Въ Англіи, напр., швея получаетъ въ день за 16 — 18 часовъ работы около 20 к.; за шитье рубашки 7 к.; во Франціи 1 франкъ; въ Германіи чулочная вязальщица зарабатываетъ въ день отъ 5 до $7^1/_2$ к., а кружевница $1^1/_2$ к.; на французскихъ шелковыхъ, льняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ женщина получаетъ въ день отъ 15 до 40 к.; въ Діеппѣ кружевница за 15 часовъ работы не болѣе $6^1/_2$ к. и т. д. На фабрикахъ, платя женщинѣ вдвое меньше, чѣмъ мужчинѣ, даютъ ей работу, которая даже тяжелѣе мужской. „Когда мужчины и женщины работаютъ вмѣстѣ въ одномъ заведеніи, то женщинамъ никогда не даютъ самой легкой, наименѣе вредной для здоровья и наиболѣе пріятной работы. Намъ стоитъ только указать на фабрики хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ издѣлій, на металлическіе заводы, на каменноугольныя копи; нѣтъ, женщинамъ достается самая тяжелая, скаредно-оплачиваемая и нездоровая работа. Ломовой трудъ и нищенская подачка — вотъ на что обречены работницы“ (Virginia Penny). Низкость задѣльной платы женщины во всѣхъ отрасляхъ промышленности и множество женщинъ, остающихся безъ работы, ведутъ къ тому, что женская плата гораздо ниже мужской

даже въ тѣхъ занятіяхъ, въ которыхъ трудъ мужчины и женщины совершенно равносильны и равнозначительны. Такъ, въ американскихъ кухмистерскихъ и трактирахъ прислужницы получаютъ отъ 6 до 10 долларовъ въ мѣсяцъ, а мужчины за ту же самую работу, которую они выполняютъ ничѣмъ не лучше женщинъ, отъ 10 до 20 долларовъ *). Женская прислуга, которой вездѣ больше, во Франціи, напр., втрое больше чѣмъ мужской, находится, сравнительно съ послѣдней, также въ самомъ плачевномъ положеніи. Во многихъ отношеніяхъ участь современной служанки гораздо хуже, чѣмъ древней рабыни. Въ Афинахъ, напр., рабы носили то же платье какъ и господа, законъ запрещалъ бить ихъ, отъ жестокихъ господъ они могли бѣжать и находили убѣжище въ тезеевомъ храмѣ; въ Римѣ наложницы-рабыни и ихъ дѣти всегда содержались господами, жившими съ ними въ связи; по словамъ Цицерона, трудолюбивый и искусный рабъ впродолженіе шести лѣтъ могъ скопить сумму, достаточную для выкупа на свободу, и завести самостоятельное хозяйство; римляне даже заботились объ образованіи своихъ рабовъ. Взгляните теперь на современную служанку. Цѣлую жизнь, пока хватаетъ силъ, она работаетъ на господъ, отказываясь совершенно отъ собственной воли, ея обязанность—угождать; она несетъ на себѣ всѣ физическія и нравственныя тяжести лакейской службы, и кромѣ того подвергается еще такимъ ударамъ судьбы, отъ которыхъ вовсе избавленъ слуга-мужчина. Вспомните, что самая значительная часть проститутокъ и дѣтоубійцъ принадлежитъ къ служанкамъ, которыя соблазнены и затѣмъ прогнаны своими господами. Въ Парижѣ болѣе половины женщинъ, поступающихъ въ родильные дома, тоже изъ служанокъ, большинство которыхъ соблазнено хозяевами. Большая часть подкинутыхъ дѣтей принадлежитъ тому же классу женщинъ. Служанка, это та же поденщица, которая ежедневно можетъ лишиться мѣста и подвергнуться опасности голодной смерти.

Женщина, такимъ образомъ, сдѣлалась нищею и вмѣстѣ паразитомъ, живущимъ на излишекъ задѣльной платы своего отца, мужа,

---

*) Почти всѣ экономисты говорятъ, что рабочая плата опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Но въ очень многихъ случаяхъ это отношеніе вовсе не вліяетъ на плату, и она опредѣляется, по выраженію Торнтона, «молчаливой» (tacitum) стачкой нанимателей, какъ, напр., въ приведенныхъ случаяхъ или въ слѣдующемъ, о которомъ разсказываетъ «Петербургскій Листокъ». Въ одной петербургской редакціи смѣнился корректоръ, получавшій въ мѣсяцъ 50 руб. На его мѣсто просится дама, которую самъ редакторъ, по надлежащемъ испытаніи, признаетъ болѣе способною къ этому занятію, чѣмъ прежній корректоръ, но 50 рублей ей все-таки не даетъ на томъ основаніи, что *она женщина*. Редакторъ хорошо зналъ, что женщинѣ, будь она хотя семи пядей во лбу, никто изъ нанимателей не дастъ столько же, сколько мужчинѣ, и пользуясь выгодами этой молчаливой стачки, радъ былъ случаю пріобрѣсть превосходнаго корректора по цѣнѣ ниже обыкновенной.

любовника, сына. При этомъ женщины гораздо менѣе мужчины пользуются общественною благотворительностью. Во Франціи, при іюльской монархіи, женщины были исключены изъ обществъ взаимнаго вспоможенія. Изъ монтіоновскихъ пожертвованій для выздоравливающихъ бѣдняковъ мужчины получали въ годъ 253 фр., а женщины — 195 фр. Въ заведеніи для глухонѣмыхъ мальчиковъ принимается втрое больше, чѣмъ дѣвочекъ; въ школы для слѣпыхъ—также вдвое больше первыхъ, чѣмъ послѣднихъ, между тѣмъ какъ бѣдныя слѣпыя дѣвушки берутся за проституцію, чтобы не умереть съ голода. Женщина вынуждена добывать посредствомъ разврата и воровства то, въ чемъ отказываетъ ей трудъ. Усиленіе нищеты ведетъ за собой усиленіе проституціи, дѣтоубійства и преступленій противъ собственности. Пролетаріатъ разрушаетъ всѣ слои общества. Между рабочими браковъ заключается всего менѣе. Они чувствуютъ даже отвращеніе къ продолжительнымъ связямъ съ любовницами и стараются мѣнять ихъ какъ можно чаще. Водворяется общность женщинъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Семейства и семейной жизни вовсе нѣтъ. Дѣти, едва начавшія ходить и лепетать, уже работаютъ на фабрикахъ, и если сходятся со своими родителями, то только на ночь. Поколѣнія выростаютъ, не зная вовсе ни родственной любви, ни другихъ семейныхъ чувствованій. И такое воспитаніе народныхъ массъ въ анти-семейномъ духѣ началось давно. Въ Англіи въ XVII в. обычай преждевременнаго употребленія дѣтей въ работу господствовалъ уже въ громадныхъ размѣрахъ. Въ Норичѣ, главномъ мѣстѣ суконнаго производства, шестилѣтнія малютки считались уже годными къ работѣ. Въ одномъ этомъ городѣ мальчики и дѣвочки самаго нѣжнаго возраста создавали ежегодно богатство, превышавшее на 12,000 фун. стерлинговъ сумму, необходимую для собственнаго ихъ пропитанія. Въ настоящее время, всѣ дѣти пролетаріевъ въ первой же молодости принимаются за тяжкій трудъ, истощаясь и развращаясь прежде, чѣмъ достигнутъ зрѣлаго возраста. „Тѣлосложеніе рабочихъ — говоритъ докторъ Мичель — становится слабѣе и слабѣе; поколѣнія постоянно приближаются къ росту лиллипутовъ, старики ихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ молодые люди". И это вырожденіе человѣческой породы, это разрушеніе семьи современною промышленностью неизбѣжно при существующемъ соціально-экономическомъ строѣ. Безъ труда женщинъ и дѣтей семья рабочаго не можетъ существовать, она умретъ съ голода; трудъ же, при настоящихъ отношеніяхъ его къ капиталу, окончательно разрушаетъ семейство и вырываетъ съ корнемъ семейныя идеи и чувства. Это отрицаніе семейства, какъ извѣстно, возведено даже въ доктрину многими экономистами, доказывающими, что бѣднякамъ необходимо воспретить бракъ и рожденіе дѣтей. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напр., въ Виртембергѣ и Баденѣ для вступленія въ бракъ былъ въ 30-хъ годахъ установленъ цензъ. Въ то

же время Вейнгольдъ представилъ подробный проектъ, чтобы каждаго юношу, достигшаго 14 лѣтъ, инфибулировать извѣстнымъ образомъ и снимать инфибуляцію не прежде, чѣмъ онъ пріобрѣтетъ достаточныя средства для содержанія жены или любовницы и дѣтей!

Это разложеніе семейства и патріархальнаго быта не ограничивается однимъ рабочимъ классомъ, оно совершается и въ главномъ сѣдалищѣ патріархальности — въ крестьянствѣ. Здѣсь развивается пролетаріатъ земледѣльческій, который, вмѣстѣ съ вліяніемъ городовъ, фабрикъ, солдатъ болѣе и болѣе искореняетъ въ деревняхъ патріархальные нравы и обычаи, отрываетъ у семейства его домочадцевъ, разбрасываетъ ихъ далеко отъ родительскаго очага, уменьшаетъ браки и до безобразія усиливаетъ развратъ. Въ высшихъ и среднихъ классахъ общества разнообразные факторы, о которыхъ мы уже говорили выше, также постепенно измѣняютъ старинное семейство. Современное семейство—вовсе уже не то, какимъ оно было у европейскихъ варваровъ, даже не то, какимъ оно было лѣтъ двѣсти назадъ.

Объемъ семьи постепенно съуживается. Въ древнемъ обществѣ къ семейству принадлежали не только всѣ кровные родственники, но и всѣ лица, состоявшія подъ властью домовладыки; рабы и слуги были также домочадцами; часто не имѣя сами семейства, они были связаны тѣсными узами съ тою семьей, которой служили; а если они сами были семьянинами, то подчинялись хозяину-домовладыкѣ тѣмъ же порядкомъ, какой существуетъ въ этомъ случаѣ въ чисто патріархальныхъ обществахъ. Въ изолированныхъ крестьянскихъ общинахъ Германіи работники до сихъ поръ называютъ хозяина „батюшкой“, а хозяйку „матушкой“. Въ старинномъ сельскомъ и городскомъ бытѣ прислуга очень рѣдко перемѣнялась, сплошь и рядомъ она служила пожизненно, привыкая къ хозяевамъ, какъ къ роднымъ, обѣдая съ ними за однимъ столомъ, участвуя въ общихъ семейныхъ молитвахъ, усвоивая себѣ общіе семейные интересы и наклонности. Образцы такой прислуги можно видѣть до сихъ поръ въ разныхъ россійскихъ захолустьяхъ, не сильно еще тронутыхъ современной цивилизаціей, а въ недавнія времена крѣпостнаго права ее можно было встрѣтить на каждомъ шагу. Одинаковое положеніе съ прислугой занимали въ старинномъ ремесленномъ семействѣ ученики и подмастерья; мастеръ былъ отцомъ, а они домочадцами. Въ настоящее время характеръ этихъ отношеній совершенно измѣнился; слуги и служанки превратились во временныхъ наемниковъ и изъ домочадцевъ сдѣлались лакеями. Въ Америкѣ прислугу обыкновенно нанимаютъ не болѣе, какъ на мѣсяцъ, по истеченіи котораго заключается снова наемный договоръ. Съ семействомъ хозяевъ у современной прислуги нѣтъ ничего общаго, и постоянно возрастающія жалобы на ея испорченность свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ антагонизмѣ между нею и хозяевами.

Въ древнемъ обществѣ семейство обнимало всѣхъ кровныхъ родственниковъ, на какихъ бы отдаленныхъ ступеняхъ родства они ни стояли. До папы Иннокентія III во всей западной Европѣ седьмая степень родства считалась до того близкою, что служила даже препятствіемъ къ браку. Нетронутый цивилизаціей крестьянинъ до сихъ поръ уважаетъ такія отдаленныя степени родства, даже названія которыхъ сплошь и рядомъ неизвѣстны цивилизованному горожанину. Независимо отъ этого, въ архаическомъ семействѣ считаются близкими родственниками не только кумовья, но даже иногда однофамильцы; сосѣди всегда стоятъ также въ чисто родственныхъ отношеніяхъ между собою. Къ такому семейству принадлежатъ еще люди одинокіе, неимущіе, изъ родни и изъ чужихъ, — разные паразиты и приживалки, которыхъ такъ много, напр., у нашихъ богачей стариннаго покроя. Въ новѣйшемъ семействѣ этихъ приживалокъ уже вовсе нѣтъ, они удержались только въ однихъ аристократическихъ семействахъ подъ облагороженнымъ названіемъ компаньонокъ. Сосѣди и кумовья не принимаютъ уже никакого участія въ чужой семейной жизни. Отдаленные родственники не имѣютъ уже никакой взаимности между собой и большею частію даже теряютъ другъ друга изъ вида, позабывая о тѣхъ своихъ отношеніяхъ, которыя прежде постоянно сводили людей у одного и того же очага. Даже братья и сестры, родители и ихъ дѣти составляютъ одно семейство только до совершеннолѣтія послѣднихъ, съ наступленіемъ котораго родительскій домъ пустѣетъ, одни изъ дѣтей обзаводятся собственною семьей, а другіе начинаютъ холостую самостоятельную жизнь. Чрезвычайное развитіе разныхъ видовъ частной дѣятельности, постепенное усиленіе и улучшеніе средствъ сообщенія, постоянное передвиженіе людей по всему земному шару, лихорадочная, непосидчивая дѣятельность, развитіе индивидуализма—все это дѣлаетъ болѣе и болѣе невозможными семейства, которыми такъ увлекаются археофилы и въ которыхъ за однимъ столомъ обѣдаютъ родители со своими дѣтьми, внуками, правнуками, дядями и племянниками. Въ настоящее время болѣе и болѣе изчезаетъ даже тотъ обычай, въ силу котораго въ старину престарѣлые родители поселялись обыкновенно до смерти въ семействѣ дѣтей своихъ.

Старинное семейство жило общею патріархальною жизнію подъ деспотическою властью домовладыки, который былъ единственнымъ повелителемъ домочадцевъ и ихъ представителемъ передъ закономъ. Въ настоящее время государство сильно ограничило власть отца, сдѣлавъ его только опекуномъ дѣтей. Теорія договора и свободы личности прилагается теперь и къ семейнымъ отношеніямъ. Ребенокъ принадлежитъ уже не семейству и не отцу, а обществу, взрослый сынъ такой же самостоятельный гражданинъ, какъ и его отецъ. Единицею древняго общества была семья, единицею же современнаго общества

служитъ лицо. Институтъ семейнаго имущества болѣе и болѣе падаетъ, и состояніе дѣлится между домочадцами. Отвѣтственность родственниковъ другъ за друга теперь уже немыслима. Древнее право отца проклинать и изгонять дѣтей, жестоко наказывать ихъ, силою женить и выдавать замужъ, лишать наслѣдства, — это право необузданнаго деспота имѣетъ нынѣ враговъ и въ законѣ и въ общественномъ мнѣніи. Окончательное образованіе дѣтей, формирующее ихъ убѣжденія и характеръ мысли, не принадлежитъ уже болѣе семейству, какъ въ старинномъ обществѣ, въ которомъ ребенокъ съ колыбели до зрѣлаго возраста пропитывался патріархальною рутиною и въ свою очередь передавалъ ее собственнымъ дѣтямъ. Встарину дѣтей воспитывали въ семействѣ, въ своемъ или чужомъ; принцы и дворяне проводили свое дѣтство въ чужихъ благородныхъ семействахъ; искуству, ремеслу, торговлѣ, наукамъ дѣти и взрослые учились у наставниковъ, въ семействахъ которыхъ они большею частію и жили; теперь образованіе получается въ общественныхъ заведеніяхъ, люди достаточные стараются какъ можно скорѣе сдать своихъ дѣтей на руки гувернерамъ и учителямъ. Цивилизованныя женщины не занимаются не только воспитаніемъ, но даже первоначальнымъ питаніемъ своего семейства, и ребенокъ часто имѣетъ большую привязанность къ кормилицѣ, чѣмъ къ матери. Древній идеалъ чадородія и хозяйственности отрицается современною женщиною, которая въ большинствѣ случаевъ думаетъ только о наслажденіяхъ, играя роль содержанки мужа и его постельной куклы. При такомъ характерѣ матери, при отсутствіи вліяній отца, дѣла котораго совершенно отдаляютъ его отъ семейства, при общественномъ воспитаніи, современныя поколѣнія выростаютъ совершенно чуждыми старинной семейной морали и патріархальныхъ чувствованій. Они являются прежде всего индивидуумами, потомъ членами общества, а съ семействомъ уже не имѣютъ никакой неразрывной связи, ни моральной, ни юридической.

Старинное семейство имѣло свои фамильныя традиціи, свое богослуженіе, свои семейные праздники, на которые собирались въ извѣстное время всѣ родственники. Современный индивидуализмъ погубилъ всѣ эти проявленія патріархальныхъ чувствъ, служившія для поддержанія послѣднихъ. Обычай веденія семейныхъ хроникъ уже не существуетъ. Предметы, напоминающіе собою о жизни предковъ, ихъ мебель, книги, работы и т. п., уже не сохраняются потомками съ такою рачительностью и съ такимъ благоговѣніемъ, какъ прежде. Теперь, напр., дѣдовская или прадѣдовская мебель считается уже никуда негодною; а лѣтъ сто назадъ въ Германіи невѣста обыкновенно приносила съ собою въ приданое нѣсколько штукъ старинной фамильной мебели. Богослуженія, общаго для всѣхъ домочадцевъ и прислуги и совершаемаго отцомъ семейства по наслѣдственному старому молит-

веннику или по фамильной библіи, вы теперь не встрѣтите ни въ одномъ цивилизованномъ домѣ: отецъ совершенно потерялъ свое древнее жреческое достоинство. Въ старинномъ семействѣ всѣ фамильныя событія, бракъ, родины, крестины, дни рожденія и имянинъ, годовщины свадьбы давали поводъ къ семейнымъ праздникамъ, на которые сходились всѣ родственники, сосѣди и друзья. Многіе изъ религіозныхъ праздниковъ, напр., рождество, новый годъ, пасха, у германскихъ народовъ были также семейными. Въ современномъ обществѣ семейные праздники изчезаютъ все болѣе и болѣе, американцы смѣются надъ европейскимъ празднованіемъ дней рожденія и имянинъ. Праздники же религіозные изъ семейныхъ превратились въ чисто общественные, ихъ проводятъ не дома, а гдѣ нибудь на публичномъ гуляньѣ, въ оперѣ, на балу. О старинномъ патріархальномъ гостепріимствѣ и хлѣбосольствѣ нѣтъ и помина. Вмѣсто того, чтобы посадить гостя за свой семейный столъ, теперь сплошь и рядомъ ведутъ угощать его въ трактиръ или кафе-ресторанъ. Въ старину гостей принимали въ жилыхъ семейныхъ покояхъ, и они могли видѣть всю жизнь семейства, его обстановку, его обычаи; теперь гостепріимство вовсе лишилось своего семейнаго характера, для гостей предназначается парадный салонъ, въ которомъ хозяева являются такими же гостями, какъ и тѣ люди, которыхъ они принимаютъ. Салонъ посвященъ не семейству и его друзьямъ, а обществу и постороннимъ людямъ. Словомъ, семейная жизнь поглотилась общественною. Театры, концерты, гулянья, публичныя лекціи, выставки, скачки, пикники, путешествія, чрезвычайное развитіе клубной и трактирной жизни — отнимаютъ у современнаго человѣка все его свободное время, которое встарину проводилось въ семейномъ кругу.

Патріархальная жизнь стариннаго общества много поддерживалась прочнымъ фамильнымъ поземельнымъ владѣніемъ, нераздѣльность котораго заставляла жить вмѣстѣ съ отцомъ его дѣтей и внуковъ. Въ настоящее время, когда массы народа лишены поземельной собственности, когда измѣнившіяся экономическія условія и владычество денегъ не требуетъ уже отъ зажиточныхъ семействъ той прочности, какая прежде необходима была для ихъ благосостоянія, — домочадцы ведутъ большею частью самостоятельную и совершенно отдѣльную другъ отъ друга жизнь. На вымираніе семейныхъ обычаевъ и чувствованій имѣетъ вліяніе еще и то обстоятельство, что въ старину большинство семей владѣло собственными домами, между тѣмъ какъ въ современныхъ городахъ, при постоянно усиливающемся передвиженіи народонаселенія, люди болѣе и болѣе отказываются отъ собственныхъ жилищъ и живутъ на квартирахъ. Фамильный домъ, въ которомъ живутъ попеременно цѣлыя чередующіяся поколѣнія, имѣетъ свои традиціи, свой духъ, которые неизбѣжно вліяютъ на поддержаніе семей-

ныхъ чувствованій. Фамильный домъ также сплачиваетъ семейство, какъ замокъ феодала или наслѣдственный земельный участокъ крестьянина. Современная культура, замѣняя фамильныя жилища перемѣнными квартирами, тѣмъ самымъ прерываетъ между смѣняющимися поколѣніями ихъ традиціонную связь и даетъ домочадцамъ возможность отрываться и отъ общаго семейнаго очага. Самая архитектура дома радикально измѣнилась, свидѣтельствуя тѣмъ о разложеніи архаическаго семейства и въ свою очередь содѣйствуя этому разложенію. Въ старинномъ домѣ большая часть помѣщенія предназначалась для всѣхъ домочадцевъ, обширныя залы, галлереи, внутренніе дворы, общія спальни постоянно держали вмѣстѣ всѣхъ членовъ семейства. Въ домѣ богатаго нѣмецкаго бюргера обширная и чистая кухня служила мѣстомъ собранія для семейства и его друзей. Въ новѣйшемъ же домѣ все принаравливается къ индивидуальной жизни; помѣщенія, служащія для собранія всего семейства, уничтожены или сокращены до крайности, на счетъ ихъ увеличены отдѣльныя комнаты для каждаго домочадца,—кабинеты, спальни, пріемныя. Общія супружескія спальни и кровати изчезли почти изо всей западной Европы. Мужъ, жена, дѣти, прислуга, гувернантка—всѣ имѣютъ свой уголокъ, свои занятія, часто даже свои отдѣльныя знакомства и своихъ гостей.

Такимъ образомъ, въ теченіе какихъ нибудь двухсотъ лѣтъ характеръ европейскаго семейства совершенно измѣнился. Отъ той семьи, о которой мечтаютъ славянофилы, германофилы и другіе поклонники старины, остались только одни развалины, и все убѣждаетъ насъ, что при современной цивилизаціи возстановленіе архаическаго семейства невозможно. Исторія Востока, Греціи, Рима, среднихъ вѣковъ несомнѣнно доказываетъ, что чѣмъ далѣе развивается цивилизація, тѣмъ болѣе она разлагаетъ патріархальное семейство, прочное существованіе котораго возможно только въ чисто патріархальномъ бытѣ и болѣе ни въ какомъ. Радикальная реформа семейной жизни настоятельно необходима для современнаго человѣчества, которое безъ этой реформы угрожаетъ дойти до самаго грубаго безсемейнаго состоянія.

Разложеніе патріархальнаго семейства необходимо ведетъ за собой разрушеніе сословій. Аристократія, буржуазія, крестьянство давно уже начали терять характеръ родовыхъ кастъ. Они постепенно разрушаются, болѣе и болѣе отдавая своихъ членовъ тому безсословному, вполнѣ демократическому классу, который Риль называетъ *четвертымъ сословіемъ* и который постепенно поглощаетъ всѣ остальныя сословія.

Разложеніе семейства, какъ мы уже говорили, совершается во всѣхъ классахъ общества, и вслѣдствіе этого, вмѣстѣ съ пролетаріатомъ фабричнымъ, земледѣльческимъ, чиновническимъ, литературнымъ и другими, постепенно возрастаетъ пролетаріатъ женскій. Старинное семей-

ство покоило въ своихъ нѣдрахъ всѣхъ одинокихъ родственницъ, — тетокъ, сестеръ, племянницъ и т. д. При господствѣ патріархальныхъ понятій всѣ такія личности мирились со своимъ зависимымъ положеніемъ и нисколько не возмущались тѣмъ, что они—содержанки, приживалки, паразиты. Современное семейство отказалось содержать и кормить родственницъ, неуспѣвшихъ поступить на содержаніе мужа. Въ современномъ обществѣ женщина, чтобы имѣть кусокъ хлѣба, должна вступить въ бракъ; безъ мужа она становится пролетаріаткою и такихъ пролетаріатокъ множество во всѣхъ сословіяхъ. „Число ихъ — говоритъ Риль — угрожаетъ увеличиваться въ геометрической прогрессіи, между тѣмъ какъ число семейныхъ женщинъ возрастаетъ только въ ариѳметической“. Этотъ женскій пролетаріатъ увеличивается вслѣдствіе уменьшенія браковъ, умноженія разводовъ, вслѣдствіе усиленія въ женщинахъ сознанія своей личности и отвращенія отъ жизни въ подневольномъ бракѣ и архаическомъ семействѣ. Старыя дѣвы, вдовы, дѣвушки, прогнанныя родителями или бѣжавшія отъ нихъ жены, брошенныя мужьями или сами бросившія ихъ, составляютъ главный контингентъ женскаго пролетаріата, который вмѣстѣ съ милліонами пролетаріата фабричнаго и земледѣльческаго все громче и громче оглашаетъ землю своими отчаянными воплями. Развитіе промышленности умножаетъ постепенно рабочій пролетаріатъ, а разложеніе семейства и стремленіе женщины къ самостоятельности быстро увеличиваютъ размѣры женскаго пролетаріата. Гувернантки, учительницы, писательницы, компаньонки, ремесленницы, торговки, служанки быстро умножаются; ихъ предложеніе въ нѣсколько разъ превышаетъ спросъ на нихъ, и эта дисгармонія между спросомъ и предложеніемъ постоянно возрастаетъ. Цивилизованный міръ находится въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ Римъ въ послѣднюю эпоху своей исторіи. Та же роскошь, тотъ же развратъ, то же разложеніе семейства, та же эксплуатація труда... Но при всемъ этомъ мы видимъ зачатки новой жизни, какихъ не было въ Римѣ, и современныя женщины, требующія эманципаціи, несравненно выше эманципированныхъ матронъ вѣчнаго города. Римлянки сдѣлались свободными барынями и вмѣстѣ съ барами своимъ мотовствомъ и развратомъ, своею безчеловѣчною эксплуатаціей народныхъ массъ погубили націю и были покорены варварами. Новѣйшая женская эманципація не имѣетъ въ себѣ ничего барскаго, дѣло современной женщины тѣсно связано съ дѣломъ народныхъ массъ, и въ этомъ заключается несомнѣнный залогъ успѣха.

XX.

Конецъ XVIII и начало XIX в. были ознаменованы развитіемъ слезливой чувствительности, болѣзненной мечтательности, увлеченія идеалами среднихъ вѣковъ. Пораженный тѣмъ, что „кончившійся вѣкъ ознаменованъ грозой, а новый родился въ крови", что на землѣ до сихъ поръ нѣтъ еще ни одной страны свободной и счастливой, Шиллеръ восклицалъ —

Заключись въ святомъ уединеньи,
Въ мірѣ сердца, чуждомъ суеты,
Красота живетъ лишь въ пѣснопѣньи,
А свобода — въ области мечты!

И дѣйствительно, подавленное грубой реакціей, европейское общество старалось вознаградить свои лишенія хотя тою свободой, которая оставалась ему въ области чувства и фантазіи. Слезливые романы, мечтанія объ идеалахъ возлюбленной, клятвы въ вѣчной вѣрности, таинственная симпатія душъ, платоническое ухаживанье, увлеченіе идилліей, страданія отвергнутой любви, сантиментальная болтливость— овладѣли тогда и публикой и литературой. Къ этому присоединялось стремленіе къ свободѣ чувства и къ преобразованію общественныхъ отношеній. „Въ сердцѣ міра — писалъ въ 1799 г. Жанъ-Поль — совершается духовная революція, большая, чѣмъ революція политическая и столь же смертоносная". Главною представительницею этого переворота въ Германіи была Шарлотта Кальбъ, *титанида*, какъ называлъ ее Жанъ-Поль. „Всѣ наши законы—говорила она — слѣдствіе самаго жалкаго безсилія, рѣдко благоразумія; любовь не нуждается ни въ какихъ законахъ". Но дѣйствительность слишкомъ уже рѣзко расходилась съ идеалами романтиковъ, и поэтому періодъ романтизма такъ богатъ самоубійствами, совершенными изъ-за неудовлетворенной любви. Лучшій изъ романтическихъ поэтовъ, Генрихъ Клейстъ, влюбившись въ замужнюю женщину, не находитъ другого выхода, какъ застрѣлиться съ нею вмѣстѣ. Въ 1808 году романтическая красавица Каролина Гюнтероде зарѣзалась отъ неудовлетворенной любви. Исторія несчастнаго гетевскаго Вертера повторялась въ жизни сплошь и рядомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, любовь вызывала людей на такія жертвы, которыя ясно указываютъ на чрезвычайную силу этого чувства въ эпоху романтизма. Такъ, напр., въ 1834 г. Шарлотта Штиглицъ убила себя съ той единственною цѣлью, чтобы, поразивъ любящаго мужа своею смертью, пробудить въ немъ поэтическій геній, который, думала она, дремалъ въ немъ и требовалъ для своего обнаруженія какого нибудь сильнаго потрясенія.

Чувство, такимъ образомъ, искало свободы, искало идеальной жизни и не находило ихъ. Оно изнывало по своимъ туманнымъ идеаламъ, жило въ мистицизмѣ или, полное недовольства всѣмъ окружающимъ, переходило въ байронизмъ и въ злѣйшую иронію Гейне.

Но вотъ снова поднимается во Франціи никогда неумолкавшій окончательно вопросъ о женскомъ освобожденіи.

Въ самый разгаръ европейской реакціи раздается проповѣдь Сенъ-Симона о томъ, что „всѣ соціальныя учрежденія должны имѣть своею цѣлью нравственное, умственное и физическое улучшеніе самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса". Сенъ-симонизмъ касался всѣхъ основныхъ принциповъ современной цивилизаціи и хотѣлъ совершить радикальныя реформы въ семействѣ. Отвергая общность имущества, онъ ставилъ „первымъ изъ нравственныхъ законовъ то положеніе, чтобы каждый человѣкъ занималъ мѣсто по своимъ способностямъ и вознаграждался по своимъ дѣламъ". На основаніи этого закона, сенъ-симонисты требовали отмѣны всѣхъ привиллегій рожденія и уничтоженія самой важной изъ этихъ привиллегій—наслѣдства. Имущества, оставшіяся послѣ смерти гражданина, должны поступать въ вѣдѣніе общественной власти, обязанной заботиться о воспитаніи осиротѣвшихъ дѣтей.

Отрицая католическій дуализмъ, борьбу плоти съ духомъ, вѣры съ разумомъ, сенъ-симонисты снимали съ женщины древнее проклятіе, коренящееся въ этомъ дуализмѣ. Въ своей брошюрѣ, адресованной въ 1830 г. палатѣ депутатовъ, они писали: „христіанство освободило женщинъ отъ рабства, но они однакожъ остались осужденными на подчиненность, и повсюду въ Европѣ на нихъ лежитъ религіозная, политическая и гражданская отверженность".

„Сенъ-симонисты требуютъ ихъ окончательнаго освобожденія, ихъ полной эманципаціи, не желая однако уничтожать провозглашеннаго христіанствомъ священнаго закона брака; они стремятся, напротивъ, къ тому, чтобы выполнить этотъ законъ, чтобы дать ему новую санкцію, чтобы поддержать силу и ненарушимость освященнаго имъ союза".

„Они, какъ христіане, требуютъ, чтобы одинъ мужчина соединялся съ одною женщиной; но они учатъ, что жена должна быть равна мужу и, по особенной благодати божіей, дарованной ея полу, должна соединяться съ нимъ въ исполненіи троякой обязанности — религіи, государства и семейства, такъ чтобы общественнымъ индивидуумомъ, которымъ былъ до сихъ поръ одинъ мужчина, были отнынѣ мужчина вмѣстѣ съ женщиной".

„Религія Сенъ-Симона стремится только положить конецъ этому позорному торгу, этой легальной проституціи, которыя въ настоящее

время часто освящают чудовищный союз любви и эгоизма, образования и невѣжества, юности и дряхлой старости".

Такимъ образомъ, сенъ-симонисты стремились только къ искорененію несвободныхъ браковъ, служащихъ къ порабощенію женщины. Они хотѣли только реформировать этотъ союзъ, превратить его въ свободный союзъ двухъ равноправныхъ лицъ, дѣйствующихъ соединенными силами въ сферѣ семейства, религіи и государства. Но это было только сначала, и женскій вопросъ раздѣлилъ сенъ-симонистовъ на двѣ партіи, изъ которыхъ одна, съ Базаромъ во главѣ, осталась при вышеизложенныхъ понятіяхъ о женской эманципаціи, а другая, подъ руководительствомъ Анфантеня, пошла гораздо далѣе. 19-го и 21-го марта 1831 года были послѣднія общія собранія сенъ-симонистовъ, посвященныя женскому вопросу. Анфантень излагалъ на нихъ доктрину, отдѣлившую отъ него Базара. Сенъ-симонизмъ,—говорилъ онъ—вооружаясь противъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, не можетъ ни допускать, ни терпѣть эксплуатаціи женщины мужчиной. Христіанство, освободивъ женщину отъ рабства, оставило ее въ зависимости; сенъ-симонизмъ долженъ окончательно эманципировать ее и сдѣлать вполнѣ равноправною съ мужчиной. „Новый нравственный порядокъ призываетъ женщину къ новой жизни, пусть она откроетъ намъ все, что чувствуетъ, все, чего желаетъ она въ будущемъ. Мужчина, претендующій предписывать женщинѣ законъ, не можетъ быть сенъ-симонистомъ, истинный сенъ-симонистъ можетъ только объявить себя некомпетентнымъ въ судѣ надъ нею". Вмѣстѣ съ тѣмъ Анфантень провозглашалъ полную свободу чувства и регабилитацію плоти. Многихъ членовъ сенъ-симонистскаго семейства эти идеи заставили отдѣлиться отъ него. Оставшіеся съ особеннымъ рвеніемъ начали заниматься своимъ новымъ культомъ, освящать трудъ, освящать пищу, освящать плотскія страсти. Зимою 1832 года весь почти Парижъ съѣзжался на ихъ *религіозные балы* въ улицѣ Монсиньи; но молодыя, граціозныя, увѣнчанныя цвѣтами женщины танцовали и наслаждались здѣсь, необращая даже вниманія на религіозное значеніе этихъ праздниковъ. А сенъ-симонисты, болѣе и болѣе погружавшіеся въ нелѣпый мистицизмъ, все ждали появленія новаго Мессіи женскаго пола, которому суждено возродить человѣчество. Они ѣздили даже на Востокъ отыскивать этого Мессію.

Современникъ первыхъ сенъ-симонистовъ, Фурье, пораженный не менѣе ихъ мрачными сторонами современной цивилизаціи, горестнымъ положеніемъ народныхъ массъ, роковой связью, соединяющей выгоды однихъ съ несчастіемъ и гибелью другихъ, положилъ всѣ силы ума своего на созданіе плановъ новаго общественнаго порядка, который, въ противоположность современной цивилизаціи, называется у него *гармоніей*. Считая современный бракъ несостоятельнымъ, Фурье объя-

вляетъ себя противъ всякаго „нерасторжимаго и исключительнаго брака“, и кладетъ полную свободу страсти въ основу половыхъ отношеній въ гармоніи. Наблюденія надъ жизнью и нравами дикарей вполнѣ убѣждаютъ его, что „счастіе мужчины въ любви пропорціонально той свободѣ, которою пользуется женщина“. Желая искоренить пороки лицемѣрія, обмана, ревности, порождаемыя нерасторжимостью брака, и признавая вполнѣ законными желанія страсти, Фурье допускаетъ три рода половыхъ союзовъ, — союзъ любовниковъ и любовницъ, союзъ родителей и родительницъ, союзъ супруговъ. Эта безграничная свобода страсти была въ школѣ Фурье такимъ же яблокомъ раздора, какъ и въ сенъ-симонизмѣ. Принимая образы и фантазіи Фурье буквально, многіе съ отвращеніемъ отворачивались отъ его доктрины о половомъ союзѣ. Представительницею этого раскола въ Фурьеризмѣ была мадамъ Гатти де-Гамонъ. Въ своихъ сочиненіяхъ „Fourier et son système“ и „Realisation d'une commune sociétaire“, она признаетъ идеи Фурье, но водворяетъ въ фаланстерѣ строгую чистоту нравовъ и изгоняетъ вовсе изъ нея свободу половыхъ отношеній.

Робертъ Оуэнъ также сказалъ свое слово противъ рабства женщины и за ея освобожденіе.

Дѣло, начатое соціальною школою, стали продолжать поэты и беллетристы. Романы многочисленныхъ писателей, и въ особенности Авроры Дюдеванъ (Ж. Зандъ), изображая разныя степени и формы угнетенія женщины въ современной жизни, служили главными и самыми сильными средствами для пропаганды идей о свободномъ бракѣ и свободѣ чувства. Благодаря романистамъ, эти идеи вошли во всеобщее сознаніе образованнаго міра. Начиная съ 1830 г., со времени окончательнаго развитія сенъ-симонизма, женщины Франціи и другихъ странъ, неограничивая своего дѣла реформою семейныхъ отношеній, начинаютъ требовать полнаго равенства съ мужчиной и одинаковаго участія съ нимъ въ общественныхъ дѣлахъ. Лабулэ издаетъ свою книгу о правѣ наслѣдованія женщины съ древности до нашихъ дней, и не смотря на тѣсныя рамки этого сочиненія, оно имѣло громадное вліяніе на женщинъ, такъ какъ авторъ коснулся всѣхъ существенныхъ сторонъ ихъ положенія и вводилъ въ обоюдныя отношенія половъ принципъ равенства и справедливости. Въ 1848 г. вышла другая книга, которая, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣла однакожъ значительный успѣхъ, это „Исторія женщинъ“ Легуве. Авторъ требовалъ для женскаго пола высшаго образованія, публичныхъ курсовъ, допущенія ко всѣмъ занятіямъ, непревышающимъ его силъ. Въ 1834 г. возникаетъ спеціально посвященный женскому дѣлу журналъ „Женская трибуна“; въ 1848 г. извѣстная Жанна Деруанъ начинаетъ издавать другой — „Женское мнѣніе“. Около того же времени Маццини въ своемъ сочи-

неніи „Объ обязанностяхъ человѣка“ писалъ, что эманципація женщинъ есть самая настоятельная потребность вѣка. „До сихъ поръ — говоритъ онъ — цѣлая половина человѣческой семьи—именно та, которая вдохновляетъ насъ и утѣшаетъ въ горькія минуты, которой ввѣрено воспитаніе дѣтей—по старинному противорѣчію лишена всякихъ правъ въ гражданскомъ, политическомъ и соціальномъ отношеніи; вы, ищущіе свободы, должны всѣми силами стремиться къ эманципаціи женщины!“ Послѣ 1830 года женщина проникла и въ литературу и въ политику. Подъ градомъ насмѣшекъ, брани и преслѣдованій, она проводила въ жизнь свои эманципаціонныя идеи. Настала 1848 годъ. Начали организоваться женскіе клубы съ цѣлью ажитаціи въ пользу дарованія женскому полу гражданскихъ и политическихъ правъ. Въ парижскій клубъ женской эманципаціи принимались безъ права голоса только тѣ мужчины, которые отказывались отъ всякой власти надъ своими женами. Во Франціи и Германіи многія женщины и дѣвушки начали носить мужское платье, вести мужской образъ жизни, драться на баррикадахъ. Появилось много журналовъ по женскому вопросу. Полина Роланъ заставила внести свое имя въ избирательный списокъ, а Жанна Деруанъ заявила свою кандидатуру въ члены законодательнаго собранія. „Но—говоритъ г-жа д'Эрикуръ — республиканцы не только закрыли наши клубы, но даже запретили намъ входъ въ клубы мужчинъ. Жанна Деруанъ, Полина Роланъ и многія другія женщины были заключены въ тюрьмы; ассоціаціи лишились своихъ предводительницъ. Тогда негодующія женщины оставили республику и не позволили больше ни своимъ мужьямъ, ни своимъ сыновьямъ защищать ее. Такъ какъ не хотѣли равенства въ правѣ, то и сдѣлались равными въ безправіи!“ На Францію сѣлъ Наполеонъ. Тяжелая всеобщая реакція наложила молчаніе на женскій вопросъ вплоть до 1857 г., когда появились „La Justice“ Прудона, наполненная грубою бранью на женщину, и “L'Amour“ Мишле, третирующая женщину съ точки зрѣнія волокитства. Но подъ гнетомъ реакціи женскій вопросъ продолжалъ вырабатываться въ частныхъ кружкахъ, изъ которыхъ, по свидѣтельству Женни д'Эрикуръ, имѣлъ наиболѣе значенія кружокъ редакціи Revue Philosophique. Къ этому кружку принадлежала основательница профессіональныхъ школъ для дѣвушекъ, умная и добрая Елиза Лемонье. Къ этому же кружку принадлежала и другая женщина, которая, своими четырнадцатью статьями, напечатанными въ туринскомъ журналѣ „Ragione“, пробудила женщинъ сѣверной Италіи и начала полемику съ Прудономъ. „Антипрудоновскія идеи“ Жюльетты Ламберъ и „Освобожденная женщина“ Женни д'Эрикуръ, бывшія серьезными отвѣтами Конту, Прудону, Мишле и всѣмъ другимъ отрицателямъ женской полноправности, имѣли большое вліяніе и во Франціи и за-границей. „Работница“ Жюль-Си-

мона и „Бѣдная женщина въ XIX в.“ дѣвицы Добіе обрисовали самыми мрачными красками нищету, умственное убожество и другіе ужасные результаты порабощенія женщинъ. Упомянутая уже нами писательница, много послужившая успѣхамъ женскаго дѣла, докторъ медицины Женни д'Эрикуръ, въ своихъ сочиненіяхъ „Библія и женскій вопросъ“ и „Христіанство и женскій вопросъ“ выяснила вліяніе католицизма на порабощеніе женщины и на держаніе ихъ въ неволѣ; патеры назвали ее за это „чортовой дочерью“. Въ послѣднее время за пропаганду и развитіе идей эманципаціи принялась молодая даровитая писательница, извѣстная подъ псевдонимомъ Андре Лео, не мало и другихъ женскихъ талантовъ служитъ тому же дѣлу своими публичными лекціями, журнальными статьями, книгами, устройствомъ школъ и т. д. Таковы, напр., Марія Деремъ, Амелія Боске, Олимпія Одуаръ. Съ апрѣля 1869 г. въ Парижѣ начала выходить еженедѣльная газета „Le Droit des Femmes“, спеціально посвященная женскому вопросу и, при своей фельетонной популярности, проникающая во всѣ классы женскаго населенія, къ общему ужасу мужчинъ, отмачивающихъ разныя штуки, чтобы избавить своихъ женъ и дочерей отъ зараженія этимъ газетнымъ ядомъ. „Многія женщины изъ провинцій извѣщаютъ насъ, — пишетъ редакція — что ихъ мужья сопротивляются выпискѣ нашего журнала.... Въ Парижѣ то же самое. Одна изъ нашихъ пріятельницъ, покупая вечеромъ въ кіоскѣ послѣдній нумеръ „Droit des Femmes“, спросила у торговки: многіе ли покупаютъ журналъ? „Женщины покупаютъ много, когда онѣ однѣ,—отвѣчала торговка —но когда съ ними вмѣстѣ бываютъ мужчины, то непремѣнно рекомендуютъ дамамъ другой журналъ, а этотъ, говорятъ, глупость!“ „Вопросъ о правѣ женщинъ — пишетъ г-жа Андре Лео—такъ сильно занимаетъ у насъ умы, такъ современенъ, что правомъ общественныхъ сходокъ воспользовались здѣсь прежде всего для преній о немъ“. Эти сходки народны; въ нихъ участвуютъ преимущественно рабочіе, большинство которыхъ подъ гибельнымъ вліяніемъ вѣковыхъ предразсудковъ и прудоновской книги о семействѣ, обыкновенно горячо спорятъ противъ равноправности половъ, но женщины находятъ себѣ защитниковъ и изъ мужчинъ, защищаютъ свои притязанія и сами. Перенесенный, такимъ образомъ, въ чисто народную сферу, вопросъ о женской эманципаціи получаетъ нынѣ особенное значеніе и становится уже не аристократическимъ только вопросомъ *дамы*, но вполнѣ вопросомъ женщины, къ какому бы классу общества ни принадлежала она. Приверженцы женской эманципаціи недавно составили въ Парижѣ лигу, которая хочетъ поставить женщину во главѣ народнаго образованія, и прежде всего основать образцовую школу для такого первоначальнаго образованія женщинъ, въ которомъ не было бы мѣста ни суевѣріямъ, ни предразсудкамъ. Лига эта напечатала въ разныхъ журна-

лахъ нѣсколько манифестовъ, критикующихъ современное законодательство о женщинахъ и требующихъ полнаго ихъ освобожденія. Такіе манифесты, покрытые громаднымъ числомъ женскихъ подписей, часто появляются на столбцахъ французскихъ газетъ. Требуя себѣ гражданской равноправности и реформы своего семейнаго положенія, французскія женщины употребляютъ всѣ усилія къ повышенію уровня женскаго образованія и къ проложенію себѣ торнаго пути въ высшія учебныя заведенія. Сочувствующій женскому дѣлу, бывшій министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи отнялъ женское образованіе изъ рукъ духовенства. Публичные курсы для женщинъ распространяются все болѣе и болѣе, число женщинъ, получающихъ высшее образованіе, увеличивается. Въ 1860 г. Добіе получила степень магистра словесности, вслѣдъ за нею г-жа Шеніо — степень магистра словесности и кандидата математическихъ наукъ, въ 1868 г. наша соотечественница, г-жа Гончарова, получила въ Парижѣ дипломъ на магистра математики; такіе примѣры не рѣдки. Въ настоящее время слушаютъ медицинскій курсъ въ Парижѣ француженки, американки и русскія. Парижскій университетъ открылся для женщинъ. Духовенство возмущено, и старый попъ, сидящій въ Римѣ, писалъ епископу Моннелье, что онъ осуждаетъ всѣ эти хлопоты о женскомъ образованіи, потому что оно будетъ производить „не добрыхъ матерей, а женщинъ надменныхъ тщеславнымъ и пустымъ знаніемъ". Въ средѣ самого общества находится не мало негодяевъ, которые, по своимъ корыстнымъ разсчетамъ, употребляютъ всѣ средства для отстраненія женщинъ отъ образованія. Такъ, напр., недавно общество парижскихъ фармацевтовъ письменно ходатайствовало передъ министромъ земледѣлія, торговли и публичныхъ работъ о томъ, чтобы медицина, гигіена, ботаника, химія и фармація не были преподаваемы въ профессіональныхъ школахъ для дѣвушекъ, такъ какъ преподаваніе этихъ предметовъ создаетъ „конкурренцію, убійственную для фармацевтовъ и медиковъ". Читатель видитъ, что парижскіе фармацевты и медики ужасно глупы въ сравненіи съ тѣми изъ отечественныхъ врачей, которые, опасаясь соперничества женщинъ-медиковъ, употребляютъ противъ нихъ не просьбы къ начальству съ откровеннымъ признаніемъ страха передъ женской конкурренціей, а пользуются болѣе дѣйствительнымъ оружіемъ литературныхъ доносовъ. Война 1870 года и слѣдовавшія за ней смуты и бѣдствія временно отодвинули женскій вопросъ на задній планъ; но въ эту страшную годину женщины Франціи проявили столько героическаго патріотизма, что далеко превзошли императорскія арміи деморализированныхъ трусовъ, сдававшихся безъ боя. Женщины парижской коммуны трудились, страдали и сражались наравнѣ съ храбрѣйшими изъ мужчинъ, и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ революціон-

ныхъ отрядовъ былъ женскій легіонъ, во главѣ котораго стояла наша соотечественница Ольга Дмитріева...

Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ женщины всегда пользовались гораздо лучшимъ положеніемъ, чѣмъ въ старомъ свѣтѣ, и гдѣ семейство не имѣетъ той патріархальности, какую оно такъ долго сохраняло въ Европѣ,—въ Соединенныхъ Штатахъ женское движеніе имѣетъ наиболѣе благопріятную для себя почву. Прежде всего оно проявилось здѣсь въ различныхъ религіозныхъ сектахъ. Спиритисты, напр., вѣруя въ двойственность божества, приписывая ему мужское и женское естество, выводятъ изъ этой двойственности равноправность обоихъ половъ. Мужчины и женщины у нихъ одинаково могутъ быть избираемы на церковнослужебныя должности. Но въ то же время они сильно заражены аскетизмомъ и допускаютъ бракъ только ради немощи человѣческой. Шекеры идутъ еще далѣе, и допуская равенство половъ, не дозволяютъ въ своихъ общинахъ никакихъ половыхъ отношеній. Совершенную противоположность имъ составляютъ въ этомъ „перфекціонисты“ или „библейскіе коммунисты“, недопускающіе никакихъ ограниченій въ семейной жизни. У нихъ господствуетъ „многосложный бракъ“ или полная свобода половыхъ отношеній, законность и нравственность которой они стараются доказывать разными мѣстами библіи и потребностью человѣческой природы, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, „сердце способно любить безконечное число разъ и неограниченное число лицъ“. Съ нѣкотораго времени въ американскомъ союзѣ начала распространяться съ поразительною быстротою выродившаяся изъ спиритизма „Школа бунтованія женщинъ“ (of rewolt of women). Основательницею ея была бѣдная, необразованная, но одаренная живымъ умомъ и краснорѣчіемъ, дѣвушка Элиза Фарнгэмъ. Въ 1842 г. на нее низошло „откровеніе женской истины“, и она убѣдилась въ превосходствѣ женскаго пола надъ мужскимъ. Свои мысли объ этомъ она дѣлила сначала только съ немногими друзьями. „Но женщины — говоритъ она — быстро понимаютъ другъ друга, и мое ученье распространялось какъ бы невидимою силой“. Чтобы испытать всѣ радости и горести женской доли и провѣрить истинность своихъ мнѣній, Элиза вышла замужъ; она сдѣлалась матерью, схоронила сначала мужа, а потомъ дѣтей; стала жить работой, странствовать изъ города въ городъ, и только убѣлившись сѣдиною и чувствуя приближеніе старости, она выступила на подвигъ „бутованія женщинъ“. По ученію Элизы и ея послѣдовательницъ, у мужчины ткани грубѣе, нервы менѣе чувствительны, духъ тупѣе, чѣмъ у женщины, которая во всемъ на столько же выше его, на сколько онъ выше орангутанга, на сколько всякая животная самка выше самца. Мужчина пользуется разумомъ и создавая имъ разныя системы, теоріи, науки, обращаетъ ихъ къ порабощенію своей подруги. Но разумъ, это грубый невѣжа, который относится къ

природѣ тупо и поверхностно, собираетъ жалкія, скудныя данныя и ощупью отыскиваетъ какіе-то законы. Женская способность, чутье, гораздо выше этого мужского разума. Женщина постигаетъ фактъ, лишь только увидитъ его, и сразу познаетъ истину даже тогда, когда она остается невидимою. „Бунтующія женщины“ допускаютъ, что люди были нѣкогда обезьянами, но и тогда, дескать, женщина была совершеннѣе мужчины, что можно видѣть изъ одного уже того, что самки были покрыты менѣе густымъ мѣхомъ и держали себя прямѣе самцовъ. Элиза Фарнгемъ доказываетъ далѣе, что превосходство женщины обнаружилось еще въ раю. Мудрость, въ образѣ змія, обратилась къ женщинѣ, а не къ мужчинѣ, понимая очень хорошо, что „его умъ ужъ слишкомъ слабъ для пониманія. Съѣденное яблоко было знаніемъ, открытымъ несчастному Адаму его женою!“ На основаніи своей доктрины, „бунтующія женщины“ стремятся къ преобладанію надъ мужскимъ поломъ. „Мы требуемъ — говоритъ Элиза — не равенства, не власти, не эманципаціи, а владычества. Мы лучше, умнѣе, сильнѣе мужчинъ; вотъ евангеліе, долженствующее спасти міръ!“ Мужчину, по ихъ мнѣнію, убѣждать не стоитъ, а слѣдуетъ покорить его и заставить служить посланницѣ небесъ, пророчицѣ, духовной царицѣ-женщинѣ. Это ученіе, изложенное Элизою Фарнгемъ въ книгѣ: „Woman and Her Era“, 2 vol.—находитъ себѣ множество партизанокъ и служитъ яснымъ указаніемъ на чрезвычайную силу недовольства женщины современнымъ ея положеніемъ и на ея страстное желаніе свободы.

Малочисленность женщинъ въ Сѣверной Америкѣ, свободный характеръ ея учрежденій, религіозно-эманципаціонное движеніе американокъ, агитація противъ рабства негровъ—все это давно уже приготовило пути къ широкому и быстрому развитію здѣсь женскаго вопроса. Общественная свобода американокъ, распространенность между ними образованія и въ особенности столь обыкновенныя въ Америкѣ учебныя заведенія, общія для обоихъ половъ, вели къ тому же. Мальчики и дѣвочки здѣсь вмѣстѣ воспитываются дома, вмѣстѣ посѣщаютъ первоначальныя школы, церкви и воскресныя школы. Американцы уже сознали, что глупо раздѣлять ихъ на какихъ нибудь пять лѣтъ, на время обученія въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1868 году было уже двадцать девять коллегій и университетовъ, въ которыхъ вмѣстѣ обучается юношество обоихъ половъ, а профессорами служатъ мужчины и женщины. Число такихъ смѣшанныхъ заведеній постоянно возрастаетъ. Идея равенства половъ подъ вліяніемъ этого факта твердо укореняется въ молодыхъ умахъ. Число высшихъ и среднихъ заведеній для женщинъ также постоянно увеличивается. Изъ нихъ особенно замѣчательны Черная Академія въ Филадельфіи, въ которой слушаютъ лекціи негры и негритянки, Пак-

керовъ коллегіяльный институтъ въ Брукленѣ, Рутжерова женская коллегія въ Нью-Йоркѣ и Вассарова коллегія въ Паукипсѣ; во второмъ изъ этихъ заведеній въ 1869 г. было 756 студентокъ, а въ послѣднемъ 400. Въ программу преподаванія входятъ тригонометрія, аналитическая геометрія, высшая алгебра, физика, химія, геологія, ботаника, зоологія, анатомія, физіологія, риторика, логика, политическая экономія и т. д. Кромѣ общеобразовательныхъ заведеній, въ Америкѣ много спеціально-медицинскихъ; прежде всего открылся для женщинъ медицинскій институтъ въ Филадельфіи, затѣмъ въ Бостонѣ и въ другихъ мѣстахъ союза; нѣкоторые изъ медицинскихъ факультетовъ посѣщаются вмѣстѣ студентами обоихъ половъ. Въ настоящее время въ Америкѣ болѣе 300 женщинъ-докторовъ. Всѣ компетентные педагоги Америки, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій, единогласно утверждаютъ, что и въ среднихъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ оба пола *абсолютно равны между собою*, какъ по способностямъ, такъ и по успѣхамъ во всѣхъ отрасляхъ знанія. Солидное образованіе давно уже дало американкѣ возможность взять въ свои руки народное просвѣщеніе. Женщины преподаютъ совершенно на равнѣ съ мужчинами во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ низшихъ, среднихъ и высшихъ, въ мужскихъ, женскихъ и смѣшанныхъ. Въ Филадельфіи на 82 учителя приходится 1,112 учительницъ; въ Массачузетсѣ 1,580 учителей и 4,000 учительницъ; въ Нью-Йоркѣ 176 учителей и 2,806 учительницъ; въ нью-йоркскомъ штатѣ 26,000 учителей и 21,000 учительницъ; въ огайскомъ штатѣ 8,348 учителей и 13,220 учительницъ — вообще въ Союзѣ на 100 учителей приходится 70 учительницъ.

Образованность и развитость американки давно уже дали ей возможность играть самую видную роль въ семействѣ и обществѣ. „Самостоятельность, любовь къ отечеству и къ конституціи, твердость характера и гордое сознаніе себя республиканкой -- вотъ отличительныя свойства американской женщины“ — говоритъ А. Циглеръ. Уваженіе къ женщинѣ въ Америкѣ не имѣетъ ничего общаго съ тою пошлостью, которая извѣстна подъ этимъ именемъ въ Европѣ; въ Америкѣ, это дѣйствительное уваженіе къд достоинствамъ, въ Европѣ же — снисхожденіе къ слабостямъ и недостаткамъ. Американка свободно и не подвергаясь никакимъ оскорбленіямъ можетъ разъѣзжать по всему союзу, посѣщать мужчинъ, имѣть какія ей угодно знакомства. Многія дѣвушки совершенно одни проводятъ цѣлые сезоны на водахъ, живутъ въ нумерахъ гостинницъ, путешествуютъ вдоль и поперегъ страны, не возбуждая въ своихъ родителяхъ никакого безпокойства. „Здѣсь не легко соблазнить даже пятнадцатилѣтнюю дѣвушку, если только она сама не захочетъ поддаться; она очень хорошо знакома со всѣми сѣтями, которыя вы думали бы разставлять ей,“ говоритъ Кейма. Соблазнъ дѣвушки, нарушенное обѣщаніе жениться на ней,

малѣйшее оскорбленіе, нанесенное женщинѣ, рѣдко остаются безнаказанными, между тѣмъ какъ въ Европѣ они рѣдко наказываются. Судебные приговоры, напр., въ родѣ слѣдующихъ невозможны пока ни въ одной европейской странѣ. Г. и г-жа Д. жили вмѣстѣ шестнадцать лѣтъ; г-жа Д. поѣхала во Францію, и въ ея отсутствіе г. Д. постарался не только разрушить этотъ союзъ, но и очернить ея репутацію. Оскорбленная обратилась къ суду, который и постановилъ: „хотя надъ ними и не было совершено никакого формальнаго обряда, ни церковнаго, ни гражданскаго, но такъ какъ брачное обязательство освящено уже однимъ шестнадцатилѣтнимъ сожительствомъ ихъ въ качествѣ мужа и жены, то одного этого уже достаточно, чтобы считать это сожительство состояніемъ законнаго брака". Другой случай. Джонъ Биссель, принадлежащій къ высшему обществу, ухаживалъ за бѣдною дѣвушкой и обѣщалъ жениться на ней, но въ сущности никогда не хотѣлъ выполнить этого обѣщанія. Дѣвушка настаивала. Наконецъ, однажды Джонъ и его возлюбленная „передъ лицомъ неба" дали другъ другу слово считать себя мужемъ и женой. Черезъ пять недѣль онъ бросилъ дѣвушку. Судъ призналъ эту *связь законнымъ бракомъ*, далъ Беатрисѣ Бессель формальный *разводъ* и обязалъ ея *мужа* доставлять ей слѣдуемое содержаніе. Вотъ это — дѣйствительное уваженіе къ женщинѣ! Отъ европейскаго это уваженіе отличается въ особенности тѣмъ, что американка съумѣетъ, въ случаѣ необходимости, *заставить* уважать себя. Она, пожалуй, убьетъ изъ револьвера наглаго обидчика; она, не стѣсняясь, явится въ судъ съ жалобой на соблазнителя, она не упадетъ въ обморокъ при сдѣланномъ ей скандалѣ и всегда постоитъ за себя. Въ своемъ семействѣ американка также самостоятельна, какъ и въ обществѣ. Во многихъ штатахъ жена имѣетъ полныя права надъ своимъ имуществомъ, а въ штатахъ, которые удерживаютъ еще англійскіе законы о неправоспособности и опекаемости женщинъ, вступающіе въ бракъ нерѣдко даютъ другъ другу торжественное обязательство—мужъ не командовать женою, а жена — не повиноваться мужу. Экономическая независимость женщины самымъ благотворнымъ образомъ дѣйствуетъ на семейную жизнь. Г-жа Брэддонъ статистическими данными, собранными въ ея книгѣ „Очерки женскаго пролетаріата", доказываетъ, что на десять семей, гдѣ женщина обезпечена независимо отъ мужа, приходится не болѣе одного, въ которомъ жизнь супруговъ отравлена разными дрязгами; напротивъ, въ семействахъ, въ которыхъ женщина экономически вполнѣ зависитъ отъ своего мужа, одна счастливая жизнь приходится на девять несчастныхъ. Въ этомъ отношеніи семейная жизнь также гораздо лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Здѣсь много женщинъ, живущихъ своимъ трудомъ. Кромѣ женщинъ-медиковъ и громаднаго контингента учительницъ, женщины занимаютъ здѣсь многія администра-

тивныя должности, работають на телеграфахъ и въ почтамтахъ, они уже пробились и на скамьи присяжныхъ и адвокатовъ, они служатъ архиваріусами, мировыми судьями, библіотекарями, нотаріусами, даже пасторами и т. д. Въ американскихъ газетахъ постоянно встрѣчаются теперь извѣстія въ родѣ слѣдующихъ: „Миссъ Ева Мильсъ, дочь судьи Мильса, выбрана ректоромъ лаврентьевскаго университета въ Висконсинѣ„.—„Миссъ Елиза Дженнингъ выбрана директоромъ банка въ Кемфильдѣ, въ Огайо" и т. п. Въ 1869 г. на гражданской службѣ Соединенныхъ Штатовъ состояло около 1400 женщинъ. Государство начинаетъ уже третировать ихъ наравнѣ съ мужчинами. Сооруженіе статуи Линкольну конгрессъ поручилъ одной дѣвушкѣ-художницѣ. Въ послѣднее время американки начинаютъ даже проникать въ земледѣльческую жизнь въ качествѣ совершенно самостоятельныхъ предпринимательницъ. Одна корреспонденція нью-йоркскаго женскаго журнала „Revolution" сообщаетъ, что „въ Винландѣ, около Филадельфіи, многія женщины обзаводятся фермами и живутъ самостоятельно. Между ними вовсе нѣтъ грубыхъ и невоспитанныхъ, а нѣкоторыя получили даже хорошее образованіе. Одна изъ нихъ, напр., была лѣтъ 16-ть учительницей въ Массачузетсѣ, потомъ, переселившись въ Винландъ, купила здѣсь 10 акровъ земли. Всѣ работы, кромѣ рубки лѣса, она совершаетъ сама съ помощью тринадцатилѣтняго мальчика". Въ той же мѣстности многія одинокія женщины разводятъ большіе фруктовые сады. Въ 60 миляхъ отъ St. Paul, разсказываетъ „Minnesota Monthly", находится большая ферма со 160 акрами земли, принадлежащая семи дѣвушкамъ, которыя переселились сюда три года назадъ со своими неспособными къ работѣ родителями. Эта ферма состоитъ изъ обширнаго блокгауса, устроеннаго съ прилежаніемъ и вкусомъ, изъ помѣщеній для лошадей, коровъ, птицъ, свиней и изъ 45 воздѣланныхъ акровъ земли. Всѣ безъ исключенія работы производятся упомянутыми образованными дѣвушками, изъ которыхъ младшей 15, а старшей 25 лѣтъ. За удовлетвореніемъ потребностей своего семейства, онѣ продали въ годъ на 200 долларовъ садовыхъ растеній, 900 бушелей картофеля, 500 буш. маиса, 200 буш. пшеницы, 250 буш. рѣпы и 1,100 кочановъ капусты. Американокъ мы видимъ и въ другой, не менѣе трудной профессіи, въ морской службѣ. Вотъ, напр., составъ экипажа одного американскаго брига: капитанъ Анагностъ Андреасъ, комисаръ—его жена; рулевой—сынъ его Александръ; остальная прислуга—двѣ дочери его и четыре сына. Три упомянутыхъ женщины управляютъ парусами и стоятъ въ экстренныхъ случаяхъ на вахтѣ днемъ и ночью. Образованность и развитость женщины чрезвычайно благотворно дѣйствуютъ и на положеніе фабричныхъ работницъ. Въ лоуэльскихъ мастерскихъ, напр., въ Массачузетсѣ, живетъ 9,000 работницъ, сошедшихся сюда изъ разныхъ мѣстъ Союза. Онѣ

построили здѣсь церковь, академію, устроили публичные курсы, читать которые пригласили извѣстныхъ профессоровъ, основали журналъ. Всѣ они образованы и многія изъ нихъ занимаются литературой. Незаконныхъ рожденій вовсе нѣтъ. Работница, откладывая половину своей выручки, черезъ четыре года скопляетъ себѣ достаточное приданое.

При такой распраcтраненности женскаго образованія и при большемъ числѣ женщинъ, ведущихъ самостоятельную жизнь, женское движеніе съ 1848 г. получило въ Америкѣ особенную силу. Прежде всего было основано общество равноправности, на первомъ собраніи котораго въ штатѣ Огайо, подъ предсѣдательствомъ Бетси Коульзъ, было принято двадцать двѣ основныхъ резолюцій, составленныхъ по образцу деклараціи о независимости Соединенныхъ Штатовъ. Въ этихъ резолюціяхъ между прочимъ заявлялось, что — „всѣ законы, устраняющіе женщинъ отъ права подачи голоса, объявляются недѣйствительными. Всѣ общественныя, литературныя, денежныя, религіозныя различія между мужчиной и женщиной противны природѣ. — Несправедливо и противоестественно имѣть различныя нравственныя мѣрила для мужчинъ и для женщинъ". Въ штатѣ Массачузетсъ составился „первый національный конвентъ для заявленія правъ женщины", открытый рѣчью Полины Дэвисъ, въ которой она заявляла, между прочимъ, о тѣсной связи женскаго вопроса съ преобразованіемъ всѣхъ соціальныхъ, политическихъ и экономическихъ интересовъ и учрежденій. „Вѣкъ нашъ — говорила она — вѣкъ мира, а женщина есть знаменіе мира". Конвентъ, между прочимъ, принялъ слѣдующія резолюціи. „Каждое совершеннолѣтнее человѣческое существо, обязанное повиноваться закону и платить налоги для поддержанія правительства, должно, по справедливости, пользоваться правомъ подачи голоса. Политическія права не имѣютъ ничего общаго съ поломъ, и слово *„мужчина"* (male) должно быть исключено изъ конституцій всѣхъ американскихъ штатовъ. „Законы о собственности, на сколько они относятся къ лицамъ, соединеннымъ бракомъ, слѣдуетъ пересмотрѣть, чтобы вполнѣ уравнять и въ этомъ отношеніи мужчину съ женщиной." Женское движеніе приняло здѣсь самые громадные размѣры; постоянные митинги, лекціи, сотни тысячъ книгъ и брошюръ, денежные сборы, разныя постоянно возникающія общества, женскій конгрессъ въ Нью-Йоркѣ, большая часть прессы, поддерживающая женское дѣло, полное сочувствіе къ нему президента Гранта и верховнаго судьи Чеза, — все это доказываетъ, что женскій вопросъ долженъ разрѣшиться въ этой великой странѣ въ самомъ непродолжительномъ времени. О размѣрахъ женскаго движенія можно судить по слѣдующему обстоятельству. Самымъ талантливымъ и краснорѣчивымъ ораторомъ и адвокатомъ женскаго дѣла изъ мужчинъ служитъ Фрэнсисъ Трэнъ. Въ концѣ 1869 года онъ получилъ слѣдующую телеграмму изъ Нью-Йорка отъ г-жъ Стэнни, Броунъ, Стэнтонъ и другихъ

членовъ общества женской равноправности: „Не угодно ли вамъ говорить рѣчи въ Омагѣ 19 ноября, въ Демуанѣ 21, въ Чикаго 22, въ Мильууки 23, въ Сенъ-Луи 26, въ Луивиллѣ 27, въ Цинцинатти 28, въ Клевеландѣ 29, въ Буффало 30, въ Рочестерѣ 2 декабря, въ Сиракузахъ 3, въ Альбани 4, въ Спрингфильдѣ 6, въ Уорчестерѣ 7, въ Бостонѣ 9, въ Гартфордѣ 10, въ Филадельфіи 12, въ Нью-Йоркѣ 14? Скажите *да*, и женщины будутъ съ вами. Да здравствуетъ право!" На всѣхъ этихъ женскихъ митингахъ Трэнъ былъ и говорилъ рѣчи! Дѣятельная пропаганда эманципаціонныхъ идей посредствомъ подобныхъ собраній, преній, публичныхъ лекцій, книгъ и брошюръ въ последнее время особенно усилилась нѣсколькими женскими журналами. Въ Нью-Йоркѣ выходитъ „Переворотъ" подъ редакціей г-жъ Стэнтонъ и Энтони, въ Чикаго миссъ Уокеръ издаетъ „Агитаторъ", Елисавета Бернсъ — „Женскій Адвокатъ", извѣстная Бичеръ-Стоу — „Домашній Очагъ", мистриссъ Уордъ Бичеръ — „Мать и Семья" и какой-то анонимъ редактируетъ „Нью-Йоркскій Женскій Адвокатъ". Между нѣмецкимъ населеніемъ Союза женское движеніе начинаетъ обнаруживаться также съ большою силою; нѣмки основали свой органъ эманципаціи подъ названіемъ „Новое Время" и устраиваютъ также митинги, какъ и американки. Вмѣстѣ съ пропагандою равноправности, американскіе сторонники эманципаціи начинаютъ предусматривать тѣ перемѣны, которыя необходимо должны совершиться въ обществѣ съ полнымъ освобожденіемъ женщины. Выше мы уже упоминали, что еще на „первомъ конвентѣ женской равноправности" Полина Дэвисъ развивала мысль о томъ, что освобожденіе женщинъ должно повліять на общественную реформу и на водвореніе мира. Эта мысль начинаетъ теперь пріобрѣтать популярность и въ Америкѣ и въ Европѣ. На женскомъ конгрессѣ въ Нью-Йоркѣ, лѣтомъ 1869 г., извѣстная французская писательница Женни д'Эрикуръ предложила основать „всеобщую лигу для водворенія женскихъ правъ и мира". „Эти два вопроса—пишетъ она редактору „Le Droit de femme"—такъ тѣсно соединены между собой, что миръ можетъ воцариться только посредствомъ женскаго вліянія. Пусть всѣ женщины и мужчины, желающіе для всѣхъ мира и права, составятъ священный союзъ, и человѣчество изъ семейства животныхъ превратится въ разумное семейство, управляемое справедливостью." Въ Швейцаріи, на конгрессѣ друзей мира и свободы въ 1868 г. вопросъ о равноправности женщинъ былъ *единогласно* рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, и рѣшенъ не только во имя свободы, но также и во имя мира. Экономическій вопросъ въ этомъ движеніи стоитъ на первомъ планѣ. Еще въ 1852 г. въ Америкѣ было основано „Общество Женскаго Труда". Въ сентябрѣ 1869 г. оно имѣло громадный и блестящій митингъ въ Балтиморѣ. „Мы давно не видѣли—говоритъ балтиморскій „Democrat" —такого блистательнаго соединенія въ од-

номъ пунктѣ ума, честности, литературныхъ и ученыхъ отличій, такого братскаго согласія между самыми разнообразными общественными дѣятелями и соціальными положеніями. Все это ясно показываетъ, что женскій вопросъ стоитъ на очереди своего разрѣшенія". 21 октября, того же года, былъ другой не менѣе замѣчательный митингъ работницъ въ Бостонѣ, подъ руководительствомъ г-жъ Даніэльсъ, Ландъ, Дженни Коллинсъ и полковника Грина. Приняты резолюціи: 1) противъ скопленія капитала и основанной на немъ силы, мѣшающей развитію народа; 2) за равномѣрное вознагражденіе женскаго и мужскаго труда при его качественномъ и количественномъ равенствѣ; 3) за движенія, стремящіяся къ реформѣ быта рабочихъ; 4) противъ чрезмѣрнаго труда дѣтей. Вопросъ о полной политической равноправности половъ разрѣшенъ уже путемъ законодательнымъ въ территоріи Іомингъ; всѣ женщины, имѣющія 21 годъ отъ роду, получили здѣсь избирательныя права наравнѣ съ мужчинами. Даже у мормоновъ женщины получили избирательное право. Стремленіе женщинъ къ этимъ правамъ такъ сильно, что, по всей вѣроятности, онѣ очень скоро получатъ ихъ. Какъ во Франціи, въ Англіи, такъ и въ Америкѣ женское движеніе становится особенно сильнымъ вслѣдствіе того обстоятельства, что пристающія къ нему женщины бросаютъ на время всѣ разногласія политическихъ партій, къ которымъ они принадлежатъ и устремляютъ всѣ свои усилія на рѣшеніе одного женскаго вопроса. Между американками идетъ уже агитація, чтобы отказать правительству въ платежѣ налоговъ, если конгрессъ не признаетъ „равными всѣхъ гражданъ союза безъ различія половъ". Множество женщинъ уже уплачиваетъ налоги не иначе, какъ съ сильною протестаціей. Они утверждаютъ, что „кто не имѣетъ правъ гражданина, тотъ не имѣетъ и его обязанностей; что взиманіе налоговъ съ лицъ, неимѣющихъ своихъ представителей, незаконно; что, наконецъ, женщины имѣютъ полное право не повиноваться тому правительству, въ выборахъ котораго они не участвуютъ, такъ какъ законность правительственной власти основывается на согласіи управляемыхъ".

Независимо отъ этого движенія, во многихъ колоніяхъ Соединенныхъ Штатовъ женскій вопросъ уже разрѣшенъ самымъ радикальнымъ образомъ въ смыслѣ тѣхъ доктринъ, которыя обыкновенно называются утопическими. Свобода и многоземельность Америки даютъ полную возможность для такихъ соціальныхъ опытовъ. Таковы, напр., колоніи „Берлинскія Высоты", и „Новыя Времена", перенесенныя недавно въ Южную Америку. Такова колонія Насгоба, основанная въ первой четверти настоящаго вѣка талантливою и предпріимчивою миссъ Райтъ (Wright).

Въ „Новыхъ Временахъ", при совершенно раціональныхъ экономическихъ отношеніяхъ и при полномъ равенствѣ половъ, бракъ совер-

шенно свободенъ. Мужчина и женщина могутъ вступать въ формальный бракъ или въ неформальную связь, дѣлать свои отношенія гласными или неизвѣстными для остальныхъ гражданъ, жить въ одномъ или въ разныхъ домахъ, расходиться безъ всякихъ формальностей и т. д. Изъ этаго отсутствія законовъ о бракѣ произошли извѣстныя обычныя правила. Тайна сохраняется очень строго и считается невѣжливымъ спрашивать объ отцѣ новорожденнаго ребенка или кто мужъ или жена извѣстнаго лица.

„Воздухъ затемненъ разными проектами женскаго образованія", говоритъ „Quarterly Review" 1869 года, въ апрѣльской книгѣ.—„Права и несправедливости, достоинства и недостатки, настоящее и будущее женщинъ совершенно овладѣли сценой. Ими занимаются наши синія книги, наши литературные магазины, наши газеты. Въ ученыхъ собраніяхъ, въ адвокатскихъ корпораціяхъ, въ стѣнахъ парламента раздается эхо вопросовъ, поднимаемыхъ женщинами". Дѣйствительно, англійскіе журналы и газеты переполнены статьями по женскому вопросу; многія книги и брошюры посвящены тому же; издается особый эманципаціонный журналъ; на многочисленныхъ митингахъ и публичныхъ лекціяхъ тоже постоянно толкуютъ о женскомъ дѣлѣ. Главными цѣлями этой агитаціи служатъ распространеніе и улучшеніе женскаго образованія, равноправность семейная и равноправность политическая.

Для распространенія образованія основано нѣсколько обществъ, и въ 1869 г. университетскіе профессоры читали уже публичные курсы для женщинъ въ Манчестерѣ, Баудонѣ, Йоркѣ, Шеффильдѣ, Ньюкэстлѣ, Ливерпулѣ, Лидсѣ, Брэдфордѣ, Клифтонѣ, Чельтенгэмѣ, Эдинбургѣ, Гласговѣ и Бельфэстѣ. Предметомъ чтеній были исторія, англійская литература, логика, физика, астрономія, химія, біологія, математика и т. д. Объ успѣхахъ женщинъ всѣ профессора даютъ самые лестные отзывы. Лекціи въ Соутъ-Кенсингтонскомъ музеѣ читались смѣшанной аудиторіи слушателей обоего пола, которые подъ конецъ были подвергнуты общему экзамену. На этихъ испытаніяхъ положительный перевѣсъ остался за дѣвицами. Такіе же экзамены были произведены слушательницамъ и другихъ курсовъ въ различныхъ городахъ, и вездѣ, по общему отзыву, успѣхи ихъ превзошли всѣ ожиданія профессоровъ и общій уровень успѣховъ университетскихъ студентовъ. Вотъ что говоритъ, напр., въ журналѣ „Nature", 1870, № 33, проф. Фразеръ, преподающій женщинамъ логику и философію: „У меня было 65 слушательницъ. 48 изъ нихъ принимали участіе въ окончательныхъ экзаменахъ и всякаго рода испытаніяхъ. По мѣрѣ развитія моего курса, я все болѣе и болѣе убѣждался, что ученицы мои, по своимъ способностямъ и прилежанію, могли равняться только съ наиболѣе даровитыми и трудолюбивыми студентами, какимъ я когда-либо имѣлъ счастіе преподавать." Университеты лондонскій, дублинскій и кэм-

бриджскій открыли уже женщинамъ доступъ къ своимъ ученымъ степенямъ и экзаменамъ. Эдинбургскій университетъ уже принимаетъ женщинъ въ качествѣ студентовъ. Въ 1864 г. основано женское медицинское общество для образованія спеціалистокъ-акушерокъ, и съ этою цѣлью открыта съ довольно обширною программой женская медицинская колегія. Идетъ самая сильная агитація въ пользу высшаго образованія женщинъ. Образовательная дѣятельность усиленно распространяется и на женщинъ низшихъ классовъ. Въ Геддерсфельдѣ, напр., въ 1867 году было уже 22 класса и 16 учителей обоего пола для обученія дѣвочекъ и взрослыхъ женщинъ грамотности, арифметикѣ, англійской исторіи, астрономіи; для нихъ же читается ежемѣсячно по одной публичной лекціи. Въ Брэдфордѣ слѣдуютъ той же системѣ образованія. Въ 1857 г. ученицъ было здѣсь 100, а въ 1864 г. число ихъ возрасло до 858, они имѣли отъ рода отъ 13 до 31 года; въ 1868 году ихъ было 959. Даже въ англійскія колоніи посылаются миссіи для распространенія тамъ женскаго образованія. Такъ, миссъ Карпентеръ отправилась въ Индустанъ съ намѣреніемъ основать нормальныя школы для дѣвушекъ въ Калькуттѣ, Мадрасѣ и Бомбеѣ. Нѣкоторы индусскіе аристократы поддерживаютъ ея дѣло своими пожертвованіями и готовностью обучать своихъ родственницъ.

Реформа брачныхъ законовъ служитъ второю цѣлью англійскаго женскаго движенія. Мужъ, по англійскому праву, полновластный повелитель жены и собственникъ всего ея имущества. Все приданое жены и всѣ заработки ея до послѣдняго гроша принадлежатъ супругу. Жизнь замужнихъ женщинъ, особенно въ низшихъ классахъ, сплошь и рядомъ исполнена величайшихъ страданій, и англійская пресса нерѣдко разсказываетъ такія семейныя трагедіи, отъ которыхъ просто волосы становятся дыбомъ. Послѣ этого понятно, что въ журналахъ и на митингахъ, въ публичныхъ рѣчахъ и въ петиціяхъ къ правительству англичанки требуютъ себѣ имущественныхъ правъ и ограниченія мужниной власти. Даже принципы русскаго законодательства въ этомъ отношеніи кажутся достойными зависти, и „Fnglishwoman's Review“ въ іюльской книгѣ 1869 г. въ поученіе своимъ читательницамъ говоритъ, что они, вѣроятно, „изумятся, узнавъ, что по законамъ о правѣ голоса и собственности замужнихъ женщинъ Россія стоитъ впереди Англіи“. Но нѣтъ сомнѣнія, что еще на нашихъ глазахъ Англія далеко перегонитъ Россію даже и въ этомъ отношеніи. Движеніе въ пользу имущественныхъ правъ женщины такъ сильно, а общественное мнѣніе такъ благосклонно къ нему, что не сегодня — завтра права жены будутъ признаны, тѣмъ болѣе, что число женщинъ, заинтересованныхъ въ этомъ, довольно велико; изъ 11,900,000 женщинъ Англіи и Шотландіи 3,800,000 живутъ своимъ трудомъ. Въ 1870 г. законъ, дозволяющій женщинамъ

владѣть собственностью независимо отъ мужей, въ палатѣ общинъ, при вторичномъ чтеніи, принятъ безъ голосованія.

Этимъ требованія женщинъ не ограничиваются; по всему соединенному королевству они устраиваютъ митинги, говорятъ рѣчи, подаютъ петиціи о признаніи за ними избирательнаго права наравнѣ съ мужчинами. Въ этомъ желаніи роскошныя лэди сходятся съ простыми бѣдными горничными и въ разныхъ мѣстахъ Британіи составляютъ „Общества женскаго избирательнаго права“ (Society for Women's Suffrage). Женскія петиціи объ избирательномъ правѣ заваливаютъ собою парламентъ; отъ одного Лондона подана была петиція съ 21,783 подписями; въ 1869 г. въ парламентѣ было принято 260 женскихъ петицій отъ разныхъ мѣстъ и обществъ, съ 61,548 подписями, но и эта почтенная цифра далеко еще не полна. Въ 1870 г. эта агитація шла съ прежнее силою, и Брайтъ представилъ отъ женщинъ новую петицію, вполнѣ благосклонно принятую многими членами парламента. Женскія притязанія на политическія права далеко уже не встрѣчаютъ въ англійскомъ обществѣ того противодѣйствія, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ; въ палатѣ общинъ 73 члена подали голосъ въ пользу предложенія Милля о признаніи за женщинами избирательныхъ правъ. Женщина дѣлается силой и все начинаетъ льстить ей. И въ 1870 г. англичанки уже получили право на участіе въ муниципальныхъ выборахъ. 3 мая 1871 г. было снова представлено въ палату общинъ 420 петицій объ избирательныхъ правахъ женщинъ со 150,000 подписей. Билль, внесенный по этому поводу Брайтомъ, отвергнутъ большинствомъ 220 голосовъ противъ 161.

Въ Италіи вопросъ о женской эманципаціи доходилъ уже до парламента. Заботы о женскомъ образованіи, особенно высшемъ, занимаютъ здѣсь множество лицъ. Въ Венеціи открывается женскій лицей. Органомъ женскаго дѣла служитъ газета „La Donna“, редактируемая г-жами Беккари, Мадзони и др. Не мало выходитъ книгъ и брошюръ, посвященныхъ этому вопросу. Въ одномъ изъ этихъ изданій г-жа Франкъ, выражая желаніе всей эманципаціонной партіи, требуетъ для женщинъ солиднаго образованія, научнаго и профессіональнаго, выражая надежду, что итальянки получатъ и избирательныя права. Они давно уже достойны ихъ. „Когда итальянское юношество—говоритъ г-жа Франкъ—было призвано на битву за независимость отечества, тогда обратились также къ патріотизму и могучему вліянію женщины. Она со страстью принялась за дѣло и содѣйствовала всѣми своими силами возрожденію Италіи. Она участвовала въ общественныхъ демонстраціяхъ, возбуждавшихъ и поддерживавшихъ духъ народа, она собирала пожертвованія въ пользу раненыхъ; она помогала изгнанникамъ; возбуждала людей нерѣшительныхъ, награждала храбрыхъ и наказывала трусовъ своимъ презрѣніемъ; она безбоязненно шла и подъ судъ и въ тюрьму, и въ

ссылку. Будучи призвана къ дѣлу, она явилась благородною и храброю“.

Въ Германіи женскій вопросъ находится въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ въ Италіи; здѣсь для него давно уже приготовлена хорошая почва чрезвычайною распространенностью народнаго образованія. Сѣверная Германія, особенно Пруссія и Саксонія, славятся своими школами, изъ которыхъ низшія почти всегда общія для обоего пола. Пруссія въ послѣднее время имѣла 31,000 первоначальныхъ и 46,000 второстепенныхъ школъ для дѣвочекъ. Въ Берлинѣ одно только заведеніе Фридриха Вильгельма имѣетъ 2,200 учениковъ обоего пола. Недавно составилось общество для основанія въ Берлинѣ высшаго коммерческаго училища для женщинъ. Въ 1869 г. открыты женскій лицей въ Бреславлѣ и женская академія *Викторія* въ Берлинѣ, въ которую тотчасъ же поступило около 200 дѣвушекъ. Въ Лейпцигѣ съ 1804 года существуетъ высшая городская школа для 1,200 учениковъ обоего пола. Университеты вѣнскій и кенигсбергскій открылись для женщинъ. И хотя медицинскій дипломъ, о пріобрѣтеніи котораго хлопочетъ большинство студентокъ, не даетъ еще права на леченіе, но, по новому закону, медицинская практика объявлена совершенно свободною, и заниматься ею теперь могутъ нетолько женщины-медики, но и всѣ, кто хочетъ. Въ послѣднее время по всей Германіи начали основываться реальныя школы для женщинъ, цѣлью которыхъ служитъ обученіе ихъ разнымъ ремесламъ. Не только простолюдинки, но и множество дѣвушекъ изъ средняго сословія стремится въ эти школы и по, выходѣ изъ нихъ начинаетъ жить своимъ честнымъ трудомъ. Такъ какъ женщинамъ должно открыть доступъ ко всѣмъ профессіямъ, то германскіе сторонники женскаго дѣла посредствомъ школъ и обществъ хотятъ подготовить ихъ ко всѣмъ профессіямъ, эманципировать женскій трудъ и тѣмъ положить прочныя основы экономической независимости женщины *). Постоянное стремленіе женщинъ къ расширенію ихъ

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи женскій трудъ развитъ очень сильно. Въ Берлинѣ, напр., занимающихся чѣмъ нибудь мужчинъ и женщинъ приходится относительно не занимающихся, какъ 1 : 1,45 для мужчинъ и 1 : 3,40 для женщинъ; мужской прислуги 5,596 чел., а женской—42,639; портныхъ приходится женщинъ по 1 на 31 жительницу, а мужчинъ по 1 на 37 жителей; занимающихся прачешнымъ ремесломъ и пятновыводчествомъ женщинъ 1 : 108, мужчинъ 1 : 7473; торговлею женщинъ 1 : 115, мужчинъ 1 : 12; воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей женщинъ 1 : 206, мужчинъ 1 : 148, и т. д. Изъ 30,636 вдовъ живетъ собственнымъ трудомъ 20,124.— Благодаря такому развитію женскаго труда, въ Германіи теперь не рѣдко можно встрѣтить примѣры чисто американской независимости женщины, подобные тому, о которомъ разсказываетъ Фанни Левальдъ. «Дочь одного богатаго башмачника, работая на швейной машинѣ, наживаетъ до 300 талеровъ въ годъ. Я спросила его, работаетъ-ли она у него въ мастерской? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — я не хочу имѣть денежные разсчеты съ моими дѣтьми. Она работаетъ для большого магазина пальто и мантиліи, и я никогда не спрашиваю, на что она держитъ заработанныя деньги.

образованія должно принести хорошіе плоды въ близкомъ будущемъ. Женское дѣло въ Германіи уже нѣсколько лѣтъ имѣетъ свои спеціальные органы, какъ напр., „Allgemeine Frauenzeitung", „Neuen Bahnen", издаваемые Луизою-Отто Петерсъ и др. *). Книги, брошюры, лекціи, митинги, общества по женскому дѣлу здѣсь также многочисленны и часты, какъ въ Англіи. Эта агитація имѣетъ самыя обширныя цѣли,— 1) Основаніе стипендій для женщинъ въ гимназіяхъ и университетахъ. 2) Даровое образованіе бѣдныхъ дѣвушекъ въ низшихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. 3) Допущеніе женщинъ къ занятію государственныхъ должностей. 4) Учрежденіе вспомогательныхъ и пенсіонныхъ кассъ для заслуженныхъ учительницъ, гувернантокъ, нянекъ, и всѣхъ вообще женщинъ съ пользою трудящихся на поприщѣ воспитанія, науки или освобожденія женщины, и т. д. Женскія ассоціаціи, или ферейны, возникаютъ во всѣхъ мѣстахъ союза и приготовляя женщинъ къ разнообразнымъ профессіямъ, значительно улучшаютъ условія женскаго труда, освобождая его отъ эксплуатаціи хозяевъ. Не отличаясь радикализмомъ, масса нѣмецкихъ женщинъ и ихъ сторонниковъ имѣетъ преимущественно практическое направленіе и устремляетъ всѣ свои усилія на расширеніе сферы женскаго труда и на его болѣе раціональную организацію.

Въ Швеціи женская эманципація также сильно волнуетъ общество; здѣсь также хлопочутъ о расширеніи гражданскихъ правъ женщины и о доставленіи ей новыхъ производительныхъ занятій въ области народнаго образованія и медицины. Еще въ 1866 г. шведскому сейму былъ представленъ билль о допущеніи женщинъ „ко всѣмъ занятіямъ и должностямъ" и объ открытіи для нихъ доступа въ университеты. Въ настоящее время женщинамъ открытъ здѣсь Каролинскій институтъ, въ которомъ онѣ вмѣстѣ со студентами изучаютъ медицину, а также университеты упсальскій и лундскій и вновь открываемая медицинская коллегія въ Готенбургѣ. Медицинская практика дозволена

Ей теперь 22 года; съ пятнадцатилѣтняго возраста она начала заработывать для себя, и теперь имѣетъ около 1200 талеровъ. Но года три назадъ она познакомилась съ молодымъ студентомъ медицины очень бѣднаго происхожденія, который самъ проложилъ себѣ дорогу въ школѣ и въ университетѣ. Она мнѣ ничего не повѣряла и онъ также, но онъ часто ходитъ къ намъ, и я знаю, что она уже два года помогаетъ ему деньгами, чтобы онъ могъ давать менѣе частныхъ уроковъ и имѣлъ время скорѣе приготовиться къ выпускному экзамену, для котораго она тоже, вѣроятно, снабдитъ его нужными средствами. Когда дойдетъ до свадьбы, я дамъ приданое» и т. д. «Такихъ примѣровъ я могла бы привести множество», говоритъ Ф. Левальдъ.

*) Эти органы возбуждаютъ во многихъ такую сильную оппозицію, что редакторъ «Allg. Frauenzeitung» получилъ однажды изъ Граца письмо, въ которомъ ему грозятъ смертью, если онъ не перестанетъ агитировать въ пользу допуска женщинъ въ университеты!

женщинамъ на одинаковыхъ правахъ съ мужчинами. Журналъ, давно уже основанный извѣстною писательницею Фредерикою Бремеръ, пропагандируетъ въ этой странѣ въ пользу женскаго дѣла.

Даже въ Испаніи, въ этой изувѣрной странѣ поповъ, ревнивцевъ и женщинъ, запертыхъ въ терема,—даже въ Испаніи святое дѣло женскаго освобожденія нашло себѣ не мало горячихъ поборниковъ. Въ мадритскомъ университетѣ уже открылись публичныя лекціи для женщинъ, имѣющихъ цѣлью дать имъ возможность „подняться до уровня современнаго знанія и обязательствъ, налагаемыхъ настоящимъ временемъ“, какъ выразился въ своей вступительной лекціи ректоръ университета Фернандо-де-Кастро. Испанскіе эманципаторы издаютъ свой журналъ, „Прогрессъ“, который печатается въ Лиссабонѣ и замѣнилъ собою существовавшую въ этомъ городѣ газету „Женскій голосъ“.

Въ Богеміи, Бельгіи, Голландіи, Греціи, Финляндіи — всюду женское движеніе находитъ отголоски. Въ Швейцаріи основана „женская международная ассоціація“, въ члены которой приглашаются “всѣ дамы, воодушевленныя благороднымъ желаніемъ содѣйствовать улучшенію судьбы женщины, ея умственному развитію и равноправности“. Цюрихскій университетъ давно уже доступенъ женщинамъ, въ 1870 г. въ немъ изучало медицину 14 женщинъ, въ томъ числѣ 9 русскихъ. Въ 1871 г. въ него поступило вновь 3 англичанки и 6 русскихъ, всего слушало лекціи 30 женщинъ.

Даже въ Турціи основана женская эманципаціонная газета, которая издается женщинами въ Константинополѣ, на греческомъ языкѣ

Такимъ образомъ, женское движеніе Европы и Америки имѣетъ цѣлью: 1) повышеніе женскаго образованія до одного уровня съ мужскимъ, 2) семейную и политическую равноправность половъ. Женскій вопросъ такъ настоятельно требуетъ отвѣта, что отъ него нельзя отдѣлываться словами, это вопросъ жизни или смерти. Женщины „не просятъ уже болѣе милости, а требуютъ справедливости“, восклицаетъ Женни д'Эрикуръ. И не только восторженныя эманципированныя американки говорятъ, что „пѣсня мужчины уже спѣта, и очередь теперь за женщиной“, но даже серьезнѣйшіе изъ современныхъ мужчинъ проникаются глубокимъ убѣжденіемъ того, что эманципація женщины безусловно необходима для дальнѣйшаго общественнаго прогресса. Мы не говоримъ уже о Маццини и подобныхъ личностяхъ,—самый сдержанный, самый серьезный и, по крайней мѣрѣ у насъ, самый популярный европейскій мыслитель Д. С. Милль въ своемъ письмѣ къ петербургскимъ дамамъ высказываетъ свое „глубокое убѣжденіе въ томъ, что нравственный и умственный прогрессъ мужчинъ сильно рискуетъ остановиться или даже пойдти обратнымъ ходомъ, если развитіе женщинъ останется далеко позади отъ мужского; и это не потому только, что при воспи-

taнiи дѣтей ничто не можетъ замѣнить матери, но и потому, что на самого мужчину въ значительной степени вліяютъ характеръ и идеи его подруги; женщина если не толкаетъ его впередъ, то необходимо увлекаетъ назадъ".

XXI.

По общему закону исторической жизни, изображенныя нами выше стремленія женщинъ должны были вызвать сильную реакцію противъ ихъ дѣла. И реакція не заставила ждать себя, она настала, она явилась во всеоружіи подъ формою религіи, науки, полиціи, общественнаго мнѣнія.

Самымъ рѣзкимъ и откровеннымъ изъ реакціонныхъ явленій, враждебныхъ женскому дѣлу, служитъ мормонство—эта грубая смѣсь суевѣрій и варварскихъ обычаевъ самыхъ разнообразныхъ религій, начиная съ правилъ магометанства и кончая обычаями американскаго дикаря. Мормонство болѣе всего выдается изъ уровня другихъ сектъ возстановленіемъ полигаміи. Понятно, что такая вѣра должна была сдѣлать быстрые успѣхи среди тѣхъ поддонковъ новѣйшаго общества, для которыхъ клубничка и любовь на всѣ манеры служатъ высшею цѣлью жизни, а рабское положеніе женщины является священнымъ закономъ природы, но для которыхъ, въ то же время, необходима какая нибудь внѣшняя санкція такого ихъ поведенія, чтобы успокоить ихъ совѣсть, привыкшую основываться не на софизмахъ, а на религіозныхъ предписаніяхъ. И дѣйствительно, въ рядахъ мормоновъ вовсе нѣтъ образованныхъ индифферентистовъ, для которыхъ въ дѣлахъ половой любви не существуетъ никакихъ правилъ, никакихъ нравственныхъ ограниченій, для которыхъ вовсе не требуется ни религіи, ни философской системы, освящающей ихъ порокъ, и которые, поэтому, безнравственнѣе мормоновъ въ тысячу разъ. Мормоны всѣ почти принадлежатъ къ низшимъ въ умственномъ отношеніи слоямъ общества. Въ рядахъ ихъ не являлось до сихъ поръ сколько нибудь замѣчательныхъ личностей. По уму, пророкъ ихъ Джозефъ былъ ниже всякой посредственности, а изъ другихъ учителей и „апостоловъ" нѣкоторые были даже безграмотны, что рѣдкость въ Америкѣ. На подобныхъ людей столь грубое ученіе должно было дѣйствовать увлекательно. Въ 1830 г. въ Америкѣ было только 6 мормоновъ, а въ 1866 г.— 160,000 въ Америкѣ, да 45,000 въ другихъ частяхъ свѣта. По ученію мормоновъ, „богъ есть лицо съ видомъ и плотью человѣка". „*Мужчина принадлежитъ къ роду боговъ*, получаетъ посредствомъ женитьбы право на небесный престолъ; *его жены и дѣти составляютъ царство его* не только на землѣ, но и на небѣ". „Бракъ обязателенъ, потому что по-

рознь ни мужчина, ни женщина не могутъ исполнить воли Бога, ибо каждое человѣческое существо обязано приготовить обиталище изъ плоти для ожидающихъ рожденія на свѣтъ безсмертныхъ духовъ". Многоженство, возвѣщенное откровеніемъ свыше и вошедшее въ законную силу съ 17 августа 1852 года, основывается на примѣрѣ Авраама и другихъ святыхъ ветхаго завѣта. Не имѣть много женъ, значитъ не быть хорошимъ человѣкомъ, значитъ никогда не достичь виднаго мѣста въ мормонской іерархіи. У нынѣшняго главы мормоновъ, Юнга, двѣнадцать женъ, раздѣляющихъ его ложе, кромѣ множества женщинъ, носящихъ только одно почетное названіе супругъ пророка. У апостоловъ отъ 3 до 7 женъ у каждаго. Бракъ раздѣляется на *временный*, заключаемый только на время земной жизни супруговъ, и *вѣчный*, имѣющій продолжаться и за гробомъ. Кромѣ того, существуетъ еще особенный, фиктивный бракъ живыхъ съ мертвыми. Чѣмъ святѣе мужъ, тѣмъ болѣе шансовъ для его женъ насладиться величайшими удовольствіями загробнаго блаженства. И вотъ, фанатичныхъ женщинъ сластолюбивые мормоны соблазняютъ выйти за какого нибудь умершаго святого ихъ церкви, а сами вступаютъ въ роль земныхъ представителей покойнаго. Отвергнувъ моногамію, мормоны отвергли и существующія при ней запретительныя правила относительно брака между ближайшими родственниками, и здѣсь можно видѣть у одного мужа трехъ женъ — мать, дочь и внучку. Многоженство отразилось здѣсь на женщинахъ, какъ и вездѣ; они во всѣхъ своихъ пріемахъ и движеніяхъ необыкновенно тихи, застѣнчивы, вялы, утомленны. Въ семейной жизни ни одна женщина не властвуетъ, ни одна не является полной хозяйкой. Когда вы сидите у мужа, разсказываетъ Диксонъ — то женъ приводятъ въ гостиную точь-въ-точь, какъ у насъ дѣтей; они появятся на минуту, подадутъ руку и затѣмъ изчезнутъ, какъ будто чувствуя себя не на своемъ мѣстѣ между людьми. Большинство ихъ тяготится своимъ рабскимъ положеніемъ.

Мы совѣтовали бы вамъ, господа противники эманципаціи, распространять мормонство и хлопотать о возстановленіи въ Европѣ полигаміи,—для вашихъ рабовладѣльческихъ замысловъ и наклонностей это было бы несравненно полезнѣе всѣхъ вашихъ подвиговъ и инсинуацій, посредствомъ которыхъ вы думаете остановить развитіе женскаго вопроса!

Множество сектъ, новыхъ по происхожденію, но старыхъ по своимъ дуалистическимъ вѣрованіямъ, отвергаютъ бракъ и вообще удовлетвореніе половыхъ потребностей, хотя нѣкоторые изъ этихъ сектантовъ и признаютъ полное равенство обоихъ половъ. Сюда же нужно отнести и тѣ реформатскія секты, которыя хотя и не придерживаются аскетизма, но ведутъ такую ригористическую жизнь, такъ проникнуты чистѣйшими патріархальными началами, что ихъ общины на долго еще

останутся внѣ эманципаціонныхъ вліяній современной жизни. Таковы напр., многія колоніи гернгутеровъ.

Но упомянутыя нами явленія составляютъ лишь незначительную часть реакціонныхъ движеній противъ женской эманципаціи. Женское дѣло связано тѣснѣйшими узами со всѣми важнѣйшими соціальными вопросами, и изъ этого ты можешь понять, читательница, сколько у тебя противниковъ; изъ какихъ самыхъ разнородныхъ элементовъ состоитъ ихъ лагерь. Взгляни на диспозицію этой арміи и измѣрь ея силы.

Вотъ авангардъ... Бритыя макушки головъ, оригинальные костюмы католическаго духовенства, кардинальскія шапки и роскошная тіара святѣйшаго отца, заклятія и увѣщанія, кадильный дымъ, „ребро Адамово", неодобрительное поведеніе Евы, хвалы безбрачію, анафемы всѣмъ составляющимъ, исполняющимъ и уважающимъ законы о разводѣ и гражданскомъ бракѣ. Въ хвостѣ колонны идетъ нѣкій старецъ изъ предѣловъ россійскихъ и велегласно воспѣваетъ: „что есть жена? святымъ облажница, покоище зміино, діаволь увѣтъ, безъ увѣта болѣзнь, спасаемымъ соблазнъ, безъисцѣльная злоба, купница бѣсовская, гостиница жидовская!"

Важно и медленно движется вторая колонна,—тяжелая артиллерія статутовъ, уложеній, сводовъ и кодексовъ. Стражи ветхихъ законовъ, жрецы престарѣлой Фемиды шествуютъ съ безстрастною серьезностью и только въ концѣ колонны какой-то россіянинъ горячится и кричитъ зычнымъ голосомъ: „ну, бабье-ли это дѣло? розгачами ихъ!.."

Безъ фрунта, безъ порядка, въ допотопныхъ фракахъ и съ огромными фоліантами выступаютъ люди древніе, беззубые, плѣшивые, кривые и глухіе—то старая гвардія европейской науки. Что они шамкаютъ другъ другу своими старческими губами— разобрать невозможно. Идущая за ними молодая гвардія живѣе и разнообразнѣе; юристы, естественники, политико-экономы, историки — всѣ готовы задушить или одурманить новую женщину искусными софизмами и цитатами на всѣхъ языкахъ земного шара. Въ хвостѣ идетъ нѣсколько ученыхъ россіянъ, которые открыли способъ отдѣлываться отъ жаждущихъ знанія женщинъ, способъ, состоящій въ литературной инсинуаціи и въ томъ, чтобы елико-возможно болѣе усыпать свои лекціи непристойными шутками и сальными разсказами.

Далѣе волнуется пестрая толпа обывателей всѣхъ странъ,—англійскіе лорды, русскіе цѣловальники, французскіе банкиры, нѣмецкіе колбасники, ханжествующія барыни, Фамусовы и Скалозубы, Чичиковы и Ноздревы, Афонасьи Ивановичи и Пульхеріи Ивановны, Кирсановы и герои Островскаго. Титъ Титычъ Брусковъ замыкаетъ шествіе, угрожаетъ всѣмъ бабамъ превратить ихъ физіономіи въ чортовы перечницы.

Колонна жрецовъ любви и сладкой нѣги,—поэтовъ, нувеллистовъ, живописцевъ, музыкантовъ, воспѣвавшихъ любовь, пожалуй даже допускающихъ свободу чувства, но отвергающихъ свободу женщины. Хоръ пѣсенниковъ подъ дирекціей Всеволода Крестовскаго поетъ— „для любви одной природа насъ на свѣтъ произвела"... Позади ѣдутъ коляски съ камеліями, содержанками и гулящими барынями; въ одной изъ нихъ Авдотья Никитишна Кукшина съ компаніей пьетъ шампанское и кричитъ во все горло: vive l'amour! vive l'emancipation de la femme! И въ ея пустой головенкѣ нѣтъ даже и мысли о томъ, что при „emancipation" она должна будетъ трудиться, а въ ея бумажномъ сердцѣ не найдется и капли сочувствія къ труженицамъ женскаго дѣла и къ унылой, задавленной, многострадальной матери народа, положеніе которой требуетъ гораздо большихъ и скорѣйшихъ заботъ, чѣмъ положеніе барынь въ родѣ Кукшиной...

Какъ же дѣйствуетъ эта армія? Въ нашемъ любезномъ отечествѣ она дѣйствуетъ преимущественно страхомъ и сплетней. Наши консерваторы видятъ въ женскомъ дѣлѣ прежде всего попытку разорвать всѣ узы, налагаемыя закономъ, религіей и обычаемъ на половую страсть, и водворить въ современномъ обществѣ нравы Содома и Гоморры. Во всѣхъ выходящихъ изъ обыденной рамки дѣйствіяхъ женщины эти господа чуютъ клубничный букетецъ и вопіютъ о страшномъ распространеніи разврата. Такихъ людей не мало на Западѣ, но особенно много у насъ въ Россіи, гдѣ въ крестовомъ походѣ противъ женщинъ новаго направленія соединились всѣ отжившія литературныя силы съ Аскоченскимъ въ хвостѣ. Писемскій, Стебницкій, Авенаріусъ стяжали себѣ неувядаемую славу, изобразивъ мнимую развращенность эманципированныхъ женщинъ такими красками, что при чтеніи ихъ романовъ у любителей клубники начинается нервная дрожь удовольствія и сладострастное слюноистеченіе. Возможность этихъ безсовѣстныхъ пасквилей объясняется прежде всего запросомъ извѣстной публики на скабрезныя книженки, нашимъ общественнымъ скудомысліемъ, суевѣрною боязнью какихъ-то призраковъ и еще слѣдующими двумя обстоятельствами. И въ Европѣ и въ Россіи всегда много было людей, вся жизнь которыхъ проходила въ служеніи Венерѣ. До распространенія идей о женской эманципаціи они развратничали втихомолку, прикидываясь передъ обществомъ Лукреціями и Іосифами. Нравственныя, общественныя и религіозныя понятія, въ которыхъ они воспитывались, расходились совершенно съ ихъ жизнію. Но вотъ появились признаки эманципаціи; упомянутые шелопаи ухватились за эти новыя идеи; не понявъ и исказивъ ихъ, они начали прикрывать модною формою ихъ свои грѣшки. Авдотья Никитишна Кукшина со своей мужской компаніей развернулась во всю ивановскую и пошелъ пиръ горой. „Развратъ, развратъ одинъ эта эманципація", затвердили доморощенные

философы, и въ доказательство своей мысли приводили женщинъ кукшинскаго типа, приплетая тутъ же женщинъ, неимѣющихъ съ Авдотьей Никитишной ничего общаго, кромѣ нѣкоторыхъ чисто наружныхъ признаковъ,—дѣвушекъ, посѣщающихъ лекціи и анатомическій театръ, неносящихъ длинныхъ волосъ и кринолина, или осмѣлившихся полюбить чистою любовью, презирающею всѣ нелѣпые предразсудки; къ этой же кучѣ причислялись и жены, разошедшіяся со своими негодными мужьями, и вообще всѣ женщины, чѣмъ нибудь рѣзко возвысившіяся надъ уровнемъ тѣхъ жалкихъ, забитыхъ рабынь, которыя одни только и могутъ удовлетворять рабовладѣльческіе, глуповскіе вкусы сикофантовъ и подъячихъ нашей литературы. Подъ вліяніемъ упомянутыхъ пасквилей на женщинъ новаго направленія общественное мнѣніе до того вооружилось противъ нихъ, что ихъ чуть-чуть не таскали въ чижовку за неношеніе кринолина, а нѣкоторые не прочь были надѣлить ихъ *желтыми билетами*... Но и на этомъ не остановились. Противники женскаго дѣла, воспользовавшись нѣкоторыми довольно сомнительными случаями, обвинили всѣхъ новыхъ женщинъ въ нигилизмѣ, а открывъ связь женскаго вопроса съ коммунизмомъ и соціализмомъ, провозгласили что русскіе толки объ эманципаціи клонятся къ общности женъ и имуществъ и къ уничтоженію семейства. Мы видѣли, что на Западѣ, особенно въ средніе вѣка и въ эпоху классической цивилизаціи революціонные мыслители доходили иногда до этихъ утопій; но то были крайнія увлеченія, неизбѣжныя во всякомъ, какъ соціальномъ, такъ и нравственномъ переворотѣ. Не за Платономъ или Кампанеллой, не за Бриссо-де-Варвиль или „библейскими коммунистами" Америки идутъ современные эманципаторы, и, какъ мы уже видѣли, разрушеніе семейства и водвореніе общности женъ производятъ не они, а совершенно враждебныя имъ начала. Утопическихъ стремленій, столь мало ходячихъ на Западѣ, вовсе не проявлялось у насъ. Самыя крайнія тенденціи, заявленныя въ нашей литературѣ относительно женскаго дѣла, принадлежатъ покойной г-жѣ Милль. Сочиненіе Милль, и вслѣдъ за нею и лучшія изъ русскихъ сочиненій по этому предмету, требовали, во имя справедливосии, *ради блага общества, семьи и брачнаго союза* семейной и общественной равноправности половъ, открытія женщинамъ доступа къ солидному образованію и ко всѣмъ профессіямъ мужчинъ. Они толковали не объ уничтоженіи брака и семьи, а о внесеніи въ нихъ большей гармоніи и лучшихъ условій развитія. Той части публики, которая не далеко еще ушла отъ гоголевскаго Петрушки, извинительно, конечно, видѣть въ тенденціяхъ эманципаторовъ à la Милль поползновенія къ коммунизму и къ нелѣпой общности женъ, но чѣмъ могутъ быть извинены учители упомянутыхъ Петрушекъ, эти рыцари литературной ночи, ударившіе ложную тревогу и науськивавшіе недалекихъ обывателей на послѣдовательницъ

г-жи Милль? Понятно, что эти надзиратели литературнаго благоустройства дѣйствовали не безъ задней мысли и сами не вѣрили въ опасность, по поводу которой били въ набатъ. Честно служа своему дѣлу, они должны были вести противъ враждебнаго имъ лагеря литературно-научную борьбу, дѣйствуя критикой, а не инсинуаціей. Если же это не ихъ ума дѣло, то обратились бы къ иностраннымъ литературамъ, въ которыхъ нашли бы серьезныя сочиненія авторовъ, вполнѣ солидарныхъ съ ними по своимъ воззрѣніямъ. Книга Мишле „О любви", отдѣлъ о семействѣ прудоновскаго сочиненія „De la Justice", „Die Familie" Риля доставили бы имъ значительныя пособія. Но они не хотѣли пользоваться ими потому, что всѣ ихъ теоріи и аргументы тотчасъ были бы разбиты—такъ шатки они, а между тѣмъ выбранное упомянутыми сочинителями орудіе дѣйствовало успѣшнѣе всякой критики, потому что само оно вовсе не подлежитъ критикѣ...

Упомянутыя сочиненія Мишле, Прудона и Риля свидѣтельствуютъ, какъ сильна европейская реакція женскому дѣлу и какъ мало приготовлены мужчины къ неминуемому освобожденію женщинъ, если ужъ геніальнѣйшій и честнѣйшій изъ современныхъ мыслителей, Прудонъ, и даровитѣйшій изъ этнографовъ, Риль, братски лобзаются съ Титъ Титычемъ Брусковымъ, пропагандируя идеи „Домостроя", а талантливѣйшій и благороднѣйшій историкъ, Мишле, городитъ такую ерунду, которая подстать только волокитѣ-юнкеру, посвящающему все свободное отъ казарменной науки время ухаживанью за прекраснымъ поломъ. Всѣ эти глубокомысленныя творенія такъ солидарны съ реакціоными взглядами толпы, что мы избавлены отъ необходимости разсматривать ихъ отдѣльно отъ послѣднихъ. Они дѣти одного отца—эгоизма мужчины—они пополняютъ и объясняютъ другъ друга. Необходимо замѣтить при этомъ, что всѣ новѣйшіе противники эманципаціи не говорятъ ничего новаго сравнительно съ древнѣйшими врагами женщины. Въ то время, какъ женскій вопросъ постепенно и прогрессивно развивался, а стремленія женщины къ свободѣ усиливались, раціонализировались, измѣнялись къ лучшему, консервативно-рабовладѣльческія тенденціи мужчинъ втеченіе долгихъ тысячелѣтій оставались одни и тѣ же, будучи неспособными къ прогрессивному развитію вслѣдствіе своей радикальной фальшивости. Убѣжденія и стремленія эманципированной женщины современной Европы и Америки совершенно другія, чѣмъ убѣжденія и стремленія китаянки, желающей тоже своего рода эманципаціи; между тѣмъ, убѣжденія и тенденціи враговъ женскаго дѣла совершенно одинаковы, принадлежатъ-ли эти враги древнему Востоку или новѣйшей Европѣ. Сколько найдется мужчинъ, которые думаютъ о женщинѣ не только одинаково съ Конфуціемъ, Ману, Іеронимомъ, но даже хуже ихъ! Сколько знаменитыхъ ученыхъ совершенно согласны съ ними! Потье, напр., изложивъ рабовладѣльческое ученіе Кон-

фуція о женщинѣ, восклицаетъ: „эти слова великаго китайскаго философа достаточно опровергаютъ обвиненіе его въ томъ, что будто бы онъ увѣковѣчилъ унизительное положеніе женщины, и въ то же время доказываютъ неосновательность новѣйшаго ученія объ эманципаціи женщины, несвойственной истинной природѣ ея.“ Древняя китайская писательница Панъ-Хоэ-Панъ совѣтуетъ женщинамъ: „еслибы вы были дѣйствительно учены, то притворяйтесь невѣждами и говорите только о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ, потому что ученость въ женщинѣ не нравится, да и тщеславіе человѣческое не можетъ выносить чужаго тщеславія, оскорбляющаго его.“ Одинъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ писателей, Мишле, говоритъ женщинѣ то же самое: „если вы дѣйствительно обладаете высокимъ умомъ, то притворяйтесь глуповатою и неразвитою, потому что самолюбіе мужчины не можетъ выносить здраваго и солиднаго сужденія въ женщинѣ.“ Тотъ же Мишле, принижаясь еще до болѣе грубыхъ и первобытныхъ понятій, предлагаетъ, чтобы „*мужья* (въ случаѣ своей смерти) *завѣщали своихъ женъ кому-либо изъ друзей своихъ*“; это, дескать, будетъ „иллюзіей продолженія перваго брака въ интересахъ самой женщины“!... Подобныхъ параллелей можно привести множество. И хотя противники женскаго дѣла постепенно отступаютъ отъ прежнихъ своихъ рабовладѣльческихъ мнѣній, но ихъ уступки вынужденныя; а за этими уступками таится все та же рабовладѣльческая тенденція, которою одержимы были противники эманципаціи впродолженіе всей исторіи и которую наиболѣе искренніе изъ нихъ поддерживаютъ и въ настоящее время совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ она является во времена глубокой древности.

„Соціальное неравенство — пишетъ Риль — есть законъ природы. Если бы человѣкъ былъ существомъ безполымъ, если бы не было мужчины и женщины, то можно было бы мечтать, что люди призваны къ свободѣ и равенству. Но сотворивъ мужчину и женщину, Господь Богъ положилъ основнымъ условіемъ всякаго человѣческаго развитія неравенство и зависимость... Это основное и въ буквальномъ смыслѣ органическое раздѣленіе рода человѣческаго на два различныхъ пола не только сохраняется, но даже постепенно и непрерывно развивается съ ходомъ цивилизаціи. На низшихъ ступеняхъ общественной жизни характеристическія черты мужчины и женщины еще не обнаруживаются въ своихъ полныхъ и опредѣленныхъ очертаніяхъ; но чѣмъ дальше развивается народъ, тѣмъ больше обрисовываются половыя отличія, тѣмъ болѣе женщина удаляется отъ мужчины по чертамъ физіономіи, по размѣрамъ тѣла, по силѣ мускуловъ и здоровости нервовъ, по тону голоса, платью, роду занятій, по степени умственнаго развитія„. Мы уже видѣли, что все это совершенно справедливо и что причиною этого явленія служитъ особенное положеніе женщины во все продолженіе

исторіи, а вовсе не ея прирожденные недостатки или естественныя качества. Подавленная рабствомъ и деспотизмомъ, правомъ и суевѣріемъ, женщина воспитывалась и содержалась такъ, что половая функція развилась въ ней на счетъ всѣхъ другихъ. Въ связи съ половою противоположностью Риль ставитъ и соціальное неравенство, какъ законъ природы. Но исторія доказываетъ, что общественное неравенство не есть категорія природы, а только историческая категорія; къ такого же рода категоріямъ относятся и всѣ отличія мужчины отъ женщины, кромѣ пола. Въ исторіи каждаго народа есть періоды, впродолженіе которыхъ однородная и цѣлостная сначала народная масса постепенно разлагается на разныя сословія, взаимныя отличія и противоположности которыхъ постепенно усиливаются. Въ дикомъ или патріархальномъ племени родоначальникъ, его приближенные и остальные родичи ничѣмъ рѣзко не отличаются другъ отъ друга; у нихъ все одинаково—и типъ, и размѣры тѣла, и платье, и родъ занятій, и физическая сила и умственныя способности. Но слѣдите дальше за исторіей этого народа, и послѣ возникновенія кастъ или сословій, послѣ того, какъ это раздѣленіе народной массы окончательно совершится и выяснится, вы увидите картину совершенно противоположную первой. Типическими чертами физіономіи, среднимъ размѣромъ и формами тѣла, цвѣтомъ волосъ и кожи, характеромъ мыслей и чувствъ, родомъ занятій и платьемъ, правами и обычаями — всѣмъ эти два класса отличаются другъ отъ друга и часто съ такою же рѣзкостью, какъ два разныхъ народа. Но вѣдь этимъ дѣло не оканчивается, и у одного народа очень рано въ его исторіи, у другого позже начинается движеніе совершенно противоположнаго характера. Рабство падаетъ; народная жизнь подтачиваетъ и разрушаетъ перегородки кастальныхъ разграниченій, разнообразныя монополіи высшихъ классовъ уничтожаются и исторія идетъ твердыми, хотя медленными шагами къ водворенію первобытной формы только съ измѣненнымъ цивилизаціей содержаніемъ. Въ этомъ, а не въ кастальности заключается естественный законъ общественнаго развитія вообще и взаимныхъ отношеній половъ въ частности. Этотъ поворотъ давно уже начался, какъ мы видѣли, и въ исторіи женщинъ, которыя начинаютъ понимать, что упомянутая противоположность есть основаніе ихъ рабства, а постепенное развитіе ея было результатомъ постепеннаго порабощенія женщины.

До сихъ поръ единственнымъ назначеніемъ женщины считались обязанности жены и матери; всѣ дороги къ иной дѣятельности, кромѣ супружеской и семейной, были заперты для нея; красота и половыя отправленія остались у нея единственными орудіями къ соціальной борьбѣ за существованіе; продажею своего тѣла проститутка добываетъ себѣ кусокъ хлѣба и спасается отъ голодной смерти; огромное

большинство женщинъ, лишенныхъ всякой возможности жить самостоятельно, вынуждено ловить жениховъ и отдаваться имъ на всю жизнь ради того же куска хлѣба; всѣ соціальныя отношенія устроены такъ, что превращаютъ *любовь женщины въ средство для ея существованія*. Впродолженіе тысячелѣтій женщину воспитывали на утѣху мужчины, и подавляя въ ней всякую умственную самодѣятельность, улучшали ея породу только въ одномъ половомъ отношеніи. На усовершенствованіе красоты и любовнаго искуства былъ обращенъ до сихъ поръ почти весь умъ женщины. Этими средствами она удерживалась отъ окончательнаго общественнаго униженія, ими поднималась она по временамъ, и будучи рабыней, все-таки владычествовала надъ мужчиною. Обобщая въ своемъ умѣ эти факты, обращая особенное вниманіе на кокетство и другіе пороки, порожденные такимъ положеніемъ, и въ то же время чувствуя всю выгодность этихъ условій для себя, противники женскаго дѣла говорятъ, что „женщина создана для любви." Всѣхъ откровеннѣе и рѣзче высказался въ этомъ отношеніи Прудонъ. „У женщины — пишетъ онъ — нѣтъ иной наклонности, иной способности, кромѣ любви... У звѣрей самка ищетъ самца и подаетъ ему знакъ; надо сознаться, что то же самое мы видимъ и въ женщинѣ въ ея естественномъ состояніи, въ которомъ застаетъ ее общество. Вся разница между ею и другими самками состоитъ въ томъ, что время любви у нея не прерывается, а иногда продолжается всю жизнь. Она кокетка, — не все ли сказано этимъ словомъ? И не лучшее ли средство понравиться ей, снять съ нея трудъ объясненія, — такъ глубоко сознаетъ она свою похотливость!.. Посмотрите на женщинъ Востока и всѣхъ странъ полуцивилизованныхъ или варварскихъ; вспомните исторію Сары, Ревекки, Руфи, Вирсавіи и всѣхъ этихъ пригожихъ самокъ (gentes femelles), которыя ложатся, только что взглянетъ на нихъ мужчина; перечитайте, наконецъ, учителей первыхъ вѣковъ нашей эры, и вы поймете побудительную причину отверженія, такъ долго тяготѣвшаго надъ женскимъ поломъ... А отчего, независимо отъ причинъ экономическихъ и политическихъ, проституція несравненно значительнѣе у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ; отчего въ общей жизни народовъ многоженство встрѣчается такъ часто, а многомужество такъ рѣдко? Оттого, что естественное назначеніе женщины прежде всего дѣторожденіе, и она всѣми силами существа своего стремится къ этой единственной цѣли." Мало того, что женщина всецѣло предана грубой, чувственной любви, она и въ самой-то этой любви ведетъ себя, по мнѣнію Прудона, какъ нельзя хуже. „Распущенность характера яснѣе всего видна въ любви женщинъ. Говорятъ, что по какому-то инстинкту самки животныхъ преимущественно выбираютъ старыхъ самцовъ, самыхъ злыхъ и безобразныхъ; женщина, слѣдуя своему влеченію, ведетъ себя также. Мы уже не говоримъ о внѣш-

нихъ качествахъ, въ выборѣ которыхъ женщины обнаруживаютъ самую странную причудливость, посмотримъ, что предпочитается ими въ качествахъ нравственныхъ. Женщина всегда предпочтетъ хорошенькаго манкена, сладенькаго любезника человѣку честному. Женщина, это сокрушеніе человѣка справедливаго. Какой нибудь волокита, негодяй можетъ всего добиться отъ нея. Преступленіе, совершенное для нея, трогаетъ ее въ высшей степени; и наоборотъ, у нея не найдется ничего, кромѣ презрѣнія, къ человѣку, способному любовь свою принести въ жертву совѣсти. Это Венера, изъ всѣхъ боговъ избирающая Вулкана, хромоногаго, заплывшаго жиромъ, покрытаго грязью, а потомъ утѣшающаяся съ Марсомъ или съ Адонисомъ.

Мы увѣрены, что опроверженіе этихъ нелѣпостей совершенно излишне, и читательница можетъ сама обнаружить всю ихъ внутреннюю пустоту, основываясь на данныхъ, изложенныхъ въ нашихъ предыдущихъ статьяхъ; она уже знаетъ, что многоженство коренится въ скотской похотливости мужчинъ и отчасти въ экономическихъ условіяхъ, а вовсе не въ чувственности женщинъ. Проституція свирѣпствуетъ между женщинами въ силу той же нищеты, необезпеченности, отверженности и нравственной неразвитости, которыя порождаютъ столько пороковъ и преступленій въ средѣ пролетаріевъ. Проститутки ненавидятъ свою жизнь, — гдѣ же тутъ удовлетвореніе чувственности и кто изъ двухъ развратнѣе, мужчина ли, покупающій женщину, или женщина, отдающаяся ему съ отвращеніемъ? А кто соблазняетъ, кто насилуетъ—женщины мужчинъ или наоборотъ? А кто разбойнически захватываетъ себѣ дражайшую половину, кто умыкаетъ, кто продаетъ „товаръ" для брака, — не мужчины ли? Въ своемъ рвеніи доказать грубую развращенность женщинъ Прудонъ совершенно зарапортовывается и приписываетъ женской чувственности то обстоятельство, что „многоженство встрѣчается такъ часто, а многомужество такъ рѣдко." Не трудно понять, кто чувственнѣе, мужчина ли, имѣющій много женъ, или женщина, дѣлящая ложе своего мужа съ десятками, съ сотнями другихъ женъ! Если бы перевѣсъ одной изъ этихъ брачныхъ формъ зависѣлъ отъ степени похотливости котораго нибудь изъ половъ (что несправедливо), и если бы при этомъ, какъ увѣряетъ Прудонъ, женщина была бы чувственнѣе мужчины, то многомужество всюду преобладало бы надъ многоженствомъ. Нельзя не согласиться, конечно, что громадное большинство женщинъ кокетки, что главную цѣль своей жизни они видятъ на постели.... Но кто же виноватъ въ этомъ? Не сами ли мужчины твердятъ постоянно, что женщина создана для любви; не заставляютъ ли ее впитывать въ себя это чувство съ молокомъ матери; что такое женское образованіе, какъ не кокетство на разныя манеры; не осуждена ли на неудовольствія со стороны родныхъ, на насмѣшки, отверженность, часто на совершенную безпомощность та дѣвушка, которая не съумѣла поймать себѣ жениха? Но и при всемъ томъ, что

женщину развращают систематически, число развратных женщин, всегда было несравненно менѣе развратных мужчин. Мужчины даже оградили свой разврат законами; въ древности и въ средніе вѣка государство строило публичные дома, чтобы дать имъ возможность, кромѣ наслажденія женниным ложемъ, позабавиться и другими женщинами. Впродолженіе всей извѣстной намъ исторіи человѣчества рѣдкій мужчина женился что называется *невиннымъ*, и рѣдкій не требовалъ невинности отъ своей невѣсты; Мишле хвалитъ современныхъ матерей за то, что они „желаютъ, чтобы дочь ихъ вошла подъ кровлю мужа чистой и дѣвственной, даже *ничего незнающей*, если можно, и чтобы мужъ былъ счастливъ, встрѣчая въ ней такую дѣвочку. И это удивляетъ его — *онъ зналъ только павшихъ женщинъ* — удивляетъ до того, что онъ подозрѣваетъ ее въ лицемѣріи.“ Не окажись невѣста невинною,—ее ожидаютъ упреки, брань, презрѣніе, нерѣдко побои и истязанія, а въ прежніе вѣка ее побивали даже каменьями. Между тѣмъ требующій невинности мужъ не только самъ давно потерялъ ее, но нерѣдко похитилъ нѣсколько дѣвичьихъ невинностей, пожалуй, даже близокъ къ импотенціи, вслѣдствіе истощенія развратомъ,—всѣ знаютъ это и никто не укоритъ его. Во имя чего же онъ требуетъ невинности отъ невѣсты, — вѣдь не во имя же добродѣтели! Такой развратникъ требуетъ этой невинности въ силу той же наклонности къ наслажденію дѣвственностью, которая такъ часто заставляетъ подобныхъ людей покупать себѣ дѣвственность.... Кто тутъ развратнѣе, женихъ или невѣста? Далѣе, блудъ и прелюбодѣяніе, совершаемое мужчиною, считаются вполнѣ извинительными шалостями, даже подвигами или, во всякомъ разѣ, удовлетвореніемъ „естественной потребности;“ но тѣ же акты, совершенные женщиной, считаются преступленіями, пороками, покрываютъ ее безчестіемъ и позоромъ. Не развратнѣе ли тотъ полъ, который узаконилъ развратъ за собою, сдѣлалъ его своимъ правомъ! Защитники statu quo доказываютъ обыкновенно раціональность упомянутой несправедливости тѣмъ соображеніемъ, что жена, невѣрная мужу, рискуетъ ввести въ его семейство своего незаконнаго ребенка и поэтому, дескать, должна быть наказана за свой проступокъ строже невѣрнаго мужа. Сколько скудоумія и низости въ этомъ, столь ходячемъ измышленіи! И здѣсь, какъ и вездѣ, берутся во вниманіе только интересы семьи мужа, а не интересы женщины, любовницы невѣрнаго мужа. Вѣдь онъ тоже вводитъ своего ребенка въ чужое семейство, наказывайте же его за это; мало того, онъ сплошь и рядомъ любится съ одинокой, безпомощной дѣвушкой, и сдѣлавъ ее матерью, подвергаетъ ужаснымъ несчастіямъ не только ее, но и своего незаконнаго ребенка. Такимъ образомъ, приведенное выше воззрѣніе есть ничто иное, какъ софизмъ, созданный эгоизмомъ мужчины.

Ужели же, спросите вы, читательница, такой даровитый и честный мыслитель, какъ Прудонъ, не видитъ въ исторіи женщинъ ничего, кромѣ „самокъ“, ужели онъ не знаетъ многочисленныхъ примѣровъ того, какъ женщины отрекались отъ своихъ половыхъ инстинктовъ, какъ они старались выбраться на поле общественной дѣятельности, дѣйствуя въ качествѣ жрицъ, филантропокъ, государынь, писательницъ, художницъ и т. д. Конечно, Прудонъ и ему подобные враги женщины знаютъ все это, но они видятъ въ упомянутыхъ примѣрахъ только доказательство умственной женской слабости, только доказательство того, что внѣ своей природной сферы—любви женщина не годится никуда.

„Женщина отъ природы дура“, говоритъ Жоржъ Зандъ, выражая этою фразою одно изъ главныхъ правилъ того катехизиса, по которому учились всѣ противники женскаго дѣла. Женщина, изволите ли видѣть, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, ни въ общественно-политическихъ дѣлахъ не создавала никогда и не можетъ создать ничего новаго, самостоятельнаго, геніальнаго; она можетъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ только помогать и подражать мужчинѣ. Но мы уже видѣли, что въ разные періоды исторіи и во всѣхъ сферахъ жизни женщины дѣйствовали не только наравнѣ съ мужчинами, но сплошь и рядомъ превосходили ихъ въ искуствѣ государственнаго управленія, въ дѣлахъ филантропіи, въ наукѣ, въ литературѣ. Способность ихъ ко всѣмъ родамъ общественной дѣятельности давно уже доказана исторіей. Что же касается геніальности, то если бы женская природа и вовсе была лишена ея, и въ такомъ случаѣ глупо было бы устранять женщину на этомъ основаніи отъ какой нибудь почтмейстерской или адвокатской должности. Но дѣло еще въ томъ, что отсутствіе геніальной самостоятельности и подражательный характеръ женской дѣятельности въ наукѣ и въ искуствахъ кладутъ вину не на тупость женской природы, а на дурацкое воспитаніе женщины впродолженіе долгихъ тысячелѣтій. Въ ней развивали только чувствительность да физическую красоту и обезсиливали ея умъ, удаляя его отъ всякой серьезной дѣятельности; ей не даютъ никакого солиднаго образованія, связываютъ ее по рукамъ и по ногамъ, и потомъ недостатками, развившимися вслѣдствіе такой системы, доказываютъ ея умственную низкость. „Скифы — говоритъ Даніель Стернъ — вырывали глаза своимъ рабамъ, чтобы они не развлекались, сбивая масло; есть люди, которые выкалываютъ глаза соловью, чтобы онъ лучше пѣлъ. Не подобный ли же умыселъ лежитъ въ основѣ женскаго воспитанія? Повидимому, боятся, что если не ослѣплять ихъ ума, то они будутъ менѣе хорошими хозяйками и менѣе пріятными болтуньями.“ Риль справедливо замѣчаетъ, что женщины-литераторы своею подражательностью очень походятъ на русскихъ писателей, которые, не создавая ничего

самобытнаго, слѣдуютъ литературнымъ образцамъ и научнымъ идеямъ Запада. Въ томъ и въ другомъ случаѣ виноваты не природные недостатки, а отсутствіе солиднаго образованія, младенческая неразвитость ума, разныя преграды, положенныя вѣками и препятствующія свободному развитію способностей. Какой нибудь русскій литераторъ, въ родѣ Бѣлинскаго или Добролюбова, принужденъ истощать всѣ свои силы не на открытіе новыхъ истинъ, а на усвоеніе и распространеніе идей, уже выработанныхъ опередившей насъ Европой. Да и это ему не удается. Такъ и женщина. Уже не говоря о томъ, что на пріобрѣтеніе однихъ и тѣхъ же знаній, одинаковой степени навыка въ дѣлахъ извѣстной профессіи, женщина, вслѣдствіе разныхъ, независящихъ отъ нея обстоятельствъ, должна потратить гораздо больше, чѣмъ мужчина, и силъ и времени, — она должна прежде всего силою своего ума и характера проложить себѣ дорогу къ желанной профессіи, преодолѣвая злоумышленно устрояемыя ей препятствія, подвергаясь глумленію умственной черни, семейнымъ непріятностямъ, проискамъ мужчинъ, напуганныхъ женской конкурренціей и т. д. Нужно удивляться не тому, что на аренѣ наукъ и искуствъ вовсе нѣтъ геніальныхъ женщинъ, а тому, какъ успѣваютъ продраться на нее цѣлыми тѣ даровитыя и достойныя всякаго уваженія женщины, первыми представительницами которыхъ въ Россіи служатъ г-жи Суслова и Кашеварова.

Упорство мужчинъ, съ которымъ они стараются доказать умственную низкость женскаго пола, напоминаетъ собою то презрѣніе, какое питали римляне къ своимъ рабамъ изъ европейскихъ варваровъ; вѣдь весь цивилизованный міръ считалъ тогда аксіомой, что природа лишила варваровъ всѣхъ качествъ ума, необходимыхъ для самостоятельной жизни, и осудила ихъ на вѣчное рабство. Эта теорія держалась долго, не смотря на то, что постоянно опровергалась фактами, не смотря на многочисленныхъ рабовъ, не только равнявшихся съ римлянами своимъ умственнымъ развитіемъ, но даже воспитывавшихъ и учившихъ цѣлыя поколѣнія барченковъ, которые съ молодыхъ ногтей начинали уже презирать отверженную породу своихъ наставниковъ. Прошли сотни лѣтъ и презрѣнная раса дала міру Шекспировъ, Ньютоновъ, Гегелей, Дарвиновъ. И мы увѣрены, что такая же эпоха настанетъ и для отверженной нынѣ женской породы.

Но, говорятъ противники женскаго дѣла, вся исторія доказываетъ, что женщина служитъ воплощеніемъ охранительнаго начала; она сохраняетъ и народныя вѣрованья, и древніе обычаи, и старинные костюмы и національныя пѣсни. Большинство женщинъ не стремится къ эманципаціи и вполнѣ довольствуется своею судьбою; самыя лучшія женщины, въ родѣ Сталь, Рахели Фарнгагенъ фонъ-Энзе, Авроры Дюдеванъ (Ж. Занда), вовсе не считаютъ нужною и раціональною

ту эманципацію, о которой хлопочутъ адвокаты женскаго дѣла. „Когда въ 1848 г. г-жѣ Дюдеванъ была предложена кандидатура во французскомъ національномъ собраніи, то съ естественнымъ тактомъ женщины знаменитая поэтесса отвергла эту *безсмысленную выдумку мужчинъ*". (Riehl). А теперь въ Англіи, въ Америкѣ, во Франціи за эту „выдумку мужчинъ" стоятъ цѣлыя толпы женщинъ, трактуя о ней на бурныхъ митингахъ и осаждая петиціями правительство! Что же касается большинства женщинъ, не заинтересованныхъ вовсе этими вопросами, то справедливое мнѣніе объ этомъ мы можемъ составить лишь тогда, *когда, познакомивъ обстоятельно этихъ женщинъ съ упомянутыми вопросами*, мы спросимъ ихъ мнѣнія о нихъ. Настоящее положеніе женщинъ очень схоже въ этомъ отношеніи съ моральнымъ состояніемъ восточныхъ народовъ, изнывающихъ подъ игомъ безобразной тираніи, и въ то же время не только не заявляющихъ самостоятельныхъ притязаній на лучшую участь, но даже готовыхъ, въ яростномъ припадкѣ своего рабскаго ослѣпленія, растерзать каждаго, желающаго имъ добра, реформатора. Чуди разсказываетъ случай, какъ одинъ солдатъ билъ свою жену на площади Лимы; стоявшій по близости мулатъ вступился за нее; но она кинулась на своего освободителя и исцарапала ему лицо, восклицая: „не за чѣмъ тебѣ мѣшаться въ мои дѣла, я принадлежу своему мужу, и онъ дѣлаетъ со мною, что хочетъ!" Подобныхъ женщинъ можно встрѣтить нерѣдко. Большинство ихъ не сознаетъ всей тяжести своего рабства, всей глубины своего униженія, потому что всѣ они воспитаны въ тѣхъ понятіяхъ, что сама природа осудила ихъ на подчиненіе мужчинамъ. Мальчики, которые растутъ вмѣстѣ съ ними, съ молокомъ всасываютъ убѣжденіе, что безъ всякихъ заслугъ съ своей стороны, по одному только тому, что родились мужчинами, они выше каждаго существа женскаго пола; доктрина подчиненія, такимъ образомъ, начинаетъ вбиваться въ голову дѣвушки еще въ дѣтской, и ее проповѣдуютъ не только взрослые, но даже и мальчуганы, только что надѣвшіе свои первые штанишки. При своей неразвитости, нравственной испорченности, нелѣпомъ воспитаніи многія женщины, особенно изъ высшихъ классовъ, даже дорожатъ своей золотой неволей и готовы загнать до смерти каждую эманципированную сестру свою, потому что эманципація нарушаетъ покой этихъ откормленныхъ и отупѣвшихъ барынь, потому что она призываетъ ихъ къ труду и налагаетъ на нихъ обязанности. Вѣдь освобожденіе женщины есть не только дѣло ея интереса, но и дѣло ея чести, совѣсти; она стремится къ свободѣ и самостоятельности не потому только, что они необходимы для улучшенія ея судьбы, но и потому, что рабство унизительно, а житье на чужой счетъ постыдно для нея. Когда солидное образованіе и нравственное развитіе проникнутъ въ массу женщинъ, тогда, конечно, мало найдется между

ними такихъ уродовъ, которые бы стали лобзать свои цѣпи и проклинать своихъ освободителей. Нужно также замѣтить, что мнѣніе о пассивной покорности женщинъ и ихъ всегдашней консервативности должно быть принимаемо съ большими ограниченіями. Не смотря на то, что большинство женщинъ не требуетъ освобожденія, потому что ничего не знаетъ о немъ или же считаетъ его утопіей, женщины все-таки во всѣ времена и у всѣхъ народовъ хорошо чувствовали тяжесть своего положенія и *никогда вполнѣ не мирились съ нимъ*. Въ первобытныхъ лѣсахъ, въ хижинахъ самыхъ грубыхъ дикарей, въ шатрахъ патріархаловъ, въ гаремахъ Востока, въ гинекеяхъ Эллады и Рима, въ замкахъ феодаловъ, въ домахъ бюргеровъ и крестьянъ, во дворцахъ и въ землянкахъ — всегда и вездѣ, черезъ всю исторію идетъ борьба женщины съ мужчиной; эти семейные раздоры, этотъ домашній адъ, эти измѣны, отравы, мужеубійства, бѣгства съ любовниками, разводы и супружескіе процессы, поджоги родительскаго или мужнинаго дома, наконецъ, эти самоубійства — показываютъ на исконную древность и нескончаемость упомянутой борьбы. Въ тѣ періоды исторіи, когда эта борьба озарялась свѣтомъ знанія и дѣлалась борьбою за сознанное право, женщины совершенно теряли свой характеръ узкой консервативности и дѣлались ревностными служительницами прогресса, какъ, напр., въ XVIII в. или въ настоящее время, послѣ 1848 г. Консервативность женщины есть такой же результатъ ея порабощенія, какъ слабость ея ума, нервовъ и мускуловъ. Консервативны не однѣ женщины, но и цѣлые народы, изолированные отъ всѣхъ вліяній міроваго прогресса и живущіе только одними традиціями своихъ предковъ. Удаленная отъ разнообразныхъ вліяній, дѣйствующихъ на мужчину и постепенно измѣняющихъ его характеръ и убѣжденія, проникнутая исключительною атмосферой семейства, женщина всѣмъ сердцемъ привязывается къ своимъ богамъ, своимъ традиціоннымъ вѣрованіямъ, своимъ праотческимъ обычаямъ. Какой нибудь переворотъ въ общественной жизни совершается мужчиною, помимо ея воли, безъ ея участія; она не понимаетъ этого переворота, не привыкла къ его новизнамъ, и потому не сразу подчиняется ему, поклоняясь своимъ старымъ божествамъ, распѣвая старинныя пѣсни, слѣдуя прадѣдовскимъ обычаямъ.

Физическая слабость женщины служитъ однимъ изъ главныхъ аргументовъ противниковъ женскаго дѣла. По разсчету Прудона, физическая сила мужчины относится къ женской силѣ, какъ 3 къ 2; слѣдовательно, производительность и воля мужчины должны превышать производительность и волю женщины, какъ 3 : 2; т. е. при равномъ числѣ мужчины должны управлять женщинами, какъ это мы видимъ въ акціонерныхъ обществахъ, гдѣ дѣла рѣшаются большинствомъ акцій, а не большинствомъ голосовъ; таковъ законъ политическій. „При

всѣхъ возможныхъ условіяхъ воспитанія, развитія, инициативы, мужчина долженъ господствовать, а женщина повиноваться. Dura lex, sed lex!" *)

Сколько можно сказать противъ этого!

Во первыхъ, приведенное вычисленіе Прудона чисто гипотетическое и болѣе точное вычисленіе объ относительной силѣ мужчины и женщины пока невозможно. При этомъ нужно замѣтить, что упомянутое исчисленіе должно основываться на данныхъ, взятыхъ изъ жизни низшихъ классовъ общества и нецивилизованныхъ народовъ, такъ какъ здѣсь женщина работаетъ наравнѣ съ мужчиной и посредствомъ труда развиваетъ свои силы до ихъ естественныхъ размѣровъ. И есть данныя, дозволяющія предполагать, что при одинаковости труда физическая сила мужчинъ и женщинъ почти одинакова. Сколько этнографія и исторія представляютъ примѣровъ того, какъ отдѣльныя женщины и цѣлые женскіе отряды несли наравнѣ съ мужчинами всѣ труды и лишенія войны, бились и умирали на ряду съ лучшими солдатами. У дикарей, принявшихся за земледѣліе, оно ведется исключительно женщинами. Въ Англіи, по изслѣдованіямъ комиссіи, назначенной въ 1868 г. для изученія женскаго и дѣтскаго труда, оказалось, что физическая сила женщинъ почти одинакова съ мужскою, по крайней мѣрѣ крестьянки работаютъ нисколько не меньше, не медленнѣе и не безуспѣшнѣе крестьянъ. Женщины, напр., постоянно таскаютъ здѣсь по лѣстницамъ въ житницы мѣшки вѣсомъ отъ 112 до 126 фунтовъ. „По общему мнѣнію и сознанію ихъ труды благодѣтельно дѣйствуютъ на здоровье". Во многихъ крестьянскихъ обществахъ Германіи женщина, повидимому, также равняется мужчинѣ и по росту и по силѣ; между крестьянками здѣсь можно встрѣтить настоящихъ гренадеровъ, замѣчаетъ Риль. Наша крестьянка работаетъ нисколько не меньше, а во многихъ мѣстахъ даже больше мужчины; никто не укоритъ ее въ физическомъ безсиліи, —

Въ игрѣ ее конный не словитъ,
Въ бѣдѣ не сробѣетъ, — спасетъ,
Коня на скаку остановитъ,
Въ горящую избу войдетъ!

По нашимъ цивилизованнымъ барынямъ, получившимъ отъ своихъ родительницъ всѣ слабости и недостатки женской породы, „прирученной и воздѣланной" эгоизмомъ мужчинъ, — по нимъ вовсе нельзя судить о силѣ женщины. Барыня искалѣчена убійственнымъ воспитаніемъ, корсетами, ничего недѣланьемъ; ей трудно даже поднять уроненный на полъ платокъ и требуется для этого услуга лакействую-

*) „Жестокій законъ, но все-таки законъ!"

щаго любезника, и если бы ее бросить въ крестьянскую жизнь, то она не въ силахъ была бы даже бить тѣхъ вшей, которыми награждается баба за ея труды и лишенія. Цивилизованную женщину необходимо перевоспитать не только умственно, но и физически, и гимнастика въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ должна быть введена во всѣ женскія учебныя заведенія. Только уравнявъ воспитаніе и жизнь половъ, мы можемъ судить объ ихъ относительной силѣ.

Но предположимъ, что женская организація дѣйствительно менѣе сильна, чѣмъ мужская, слѣдуетъ ли отсюда, что мужчина долженъ владычествовать надъ своею подругою и владычествовать на основаніи права сильнаго? „Таковъ законъ политическій“, говоритъ Прудонъ; онъ таковъ, это извѣстно каждому, но таковъ ли онъ долженъ быть, не свидѣтельствуетъ ли исторія объ его постепенномъ вытѣсненіи другими, совершенно противоположными ему началами! Вѣдь сила мускуловъ все болѣе и болѣе замѣняется силою машины, усовершенствованіе орудій и оружія быстро уравновѣшиваютъ силы разныхъ индивидуумовъ и недалеко то время, когда слабосильный человѣкъ будетъ въ состояніи производить столько же, сколько и богатырь. За мужчиной тогда останется одно только право кулака! Да и теперь, если женщина производитъ меньше мужчины въ промышленности, то она вознаграждаетъ свой дефицитъ воспитаніемъ дѣтей и святыми муками рожденія, отнимающими у нея не мало силы. Она терпитъ больше мужчины и имѣетъ полное право пользоваться наравнѣ съ нимъ всѣми выгодами общественной жизни. Обыкновенно возражаютъ, что требуя себѣ всѣхъ правъ мужчины, женщины должны принять на себя и всѣ обязанности его, а въ числѣ ихъ находится обязанность солдата (и палача, прибавимъ мы отъ себя), которой женщина исполнять не можетъ, а слѣдовательно, не можетъ и требовать себѣ всѣхъ правъ. Допускаемъ, что женщина не можетъ быть солдатомъ, особенно при существовавшихъ у насъ шпицрутенахъ или при линькахъ, не уничтоженныхъ до сихъ поръ даже на англійскомъ флотѣ, — не можетъ не только по трудности военной службы, которую нерѣдко несла она и несетъ до сихъ поръ, въ Дагомеѣ, напр., сколько по своей натурѣ, менѣе испорченной въ этомъ отношеніи и менѣе привыкшей къ рѣзнѣ, чѣмъ натура мужчины. Миссія женщины есть миссія мира, а не войны и разрушенія, и нужно желать, чтобы, по своемъ освобожденіи, она оставалась въ сторонѣ отъ всѣхъ вліяній войны и при своей полноправности содѣйствовала бы умиротворенію земли, которую мужчины упитывали и упитываютъ человѣческою кровью. Но и при существованіи войнъ, избавленіе женщинъ отъ военной службы, при ихъ совершенной полноправности, вовсе не будетъ несправедливой привиллегіей; вѣдь мужчинъ, оказавшихся по своимъ физическимъ не-

достаткамъ неспособными къ военной службѣ, не лишаютъ же за это правъ и никто не считаетъ этого несправедливостью.

„Женщина—существо больное", говорятъ вмѣстѣ съ Мишле противники женскаго дѣла. Причисляя физіологическое отправленіе менструаціи къ періодически-болѣзненнымъ припадкамъ, возвышая продолжительность ихъ до 8 сутокъ въ мѣсяцъ, утверждая, что въ это время женщина находится въ такомъ положеніи, что ей положительно невозможно заниматься какой нибудь работой, они насчитываютъ такимъ образомъ 96 сутокъ въ году, въ которые сама природа будто бы удерживаетъ ее отъ труда. Относя за тѣмъ къ такимъ же временамъ необходимаго бездѣлья для женщины 9 мѣсяцевъ ея беременности, 40 дней для возстановленія силъ послѣ родовъ, 12 мѣсяцевъ на кормленіе ребенка грудью, — эти господа хотятъ убѣдить своими разсчетами, что женщину сама природа удерживаетъ отъ всякой другой дѣятельности, кромѣ чисто половой. „Устраивайте, какъ хотите — говоритъ Прудонъ — отношенія половъ, вы все-таки придете къ убѣжденію, что женщина, своею органическою слабостью и своимъ *интереснымъ положеніемъ*, въ которое она не замедлитъ попасть лишь было бы на то желаніе мужчины, неизбѣжно и справедливо должна быть исключена изъ всякаго управленія политическаго, административнаго, ученаго и промышленнаго". Если же она не можетъ трудиться сама, то несправедливо было бы поручать ей управленіе трудомъ другихъ; „если мужчина остается единственнымъ производителемъ, то какъ можетъ онъ подчиниться контролю и управленію женщины; какимъ образомъ, существо не работающее, живущее трудомъ другого, будетъ управлять трудомъ втеченіе своихъ постоянныхъ родовъ и беременностей?" А какимъ образомъ крестьянка, поденьщица, фабричная работница „втеченіе своихъ постоянныхъ трудовъ и беременностей" трудится до кроваваго пота нисколько не въ ущербъ для своего здоровья, трудится не только не меньше, но часто даже больше мужчины? Если роды, беременности и менструаціи очень не долго мѣшаютъ женщинѣ жать, косить, ходить за скотомъ и т. д., то еще менѣе они могутъ помѣшать ей быть адвокатомъ, профессоромъ, членомъ парламента, учителемъ. И въ настоящее время въ Европѣ и Америкѣ десятки тысячъ женщинъ служатъ медиками, профессорами, наставницами, телеграфистками, всѣ они исполняютъ свою работу не хуже мужчинъ и въ прессѣ, на сколько намъ извѣстно, не было даже попытокъ доказать, что ихъ общественныя занятія вредно вліяютъ на ихъ семейныя дѣла. Далѣе, есть множество женщинъ безплодныхъ въ замужествѣ, безсемейныхъ вдовъ, женъ, разошедшихся съ мужьями, одинокихъ дѣвушекъ, къ нимъ разбираемые доводы не шли бы и въ томъ случаѣ, если бы они были справедливы. Кромѣ того, много женщинъ выходитъ замужъ и дѣлается матерями единственно потому,

что имъ закрытъ доступъ ко всякой общественной дѣятельности и они могутъ обезпечить себя только бракомъ. „Ни необходимость, ни справедливость — говоритъ г-жа Милль—не оправдываютъ требованья, чтобы женщина была или матерью, или ни чѣмъ; или, если она однажды была матерью, то не должна быть ничѣмъ другимъ во все остальное время своей жизни. Ни для женщинъ, ни для мужчинъ не нужно закона, который бы отстранялъ отъ какого либо занятія, если они взялись въ то же время за другое занятіе, несовмѣстное съ первымъ. Никто еще не предлагалъ устранить мужчинъ изъ парламента потому, что мужчина можетъ быть солдатомъ или морякомъ въ дѣйствительной службѣ, или купцомъ, дѣла котораго требуютъ всего его времени и всей его энергіи. Девять десятыхъ изъ числа всѣхъ мужскихъ занятій устраняютъ мужчинъ de facto изъ публичной жизни столь же дѣйствительно, какъ если бы ихъ устранялъ законъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что нужно составить законъ, который исключалъ бы даже эти $^{9}/_{10}$, не говоря уже объ остальной $^{1}/_{10}$. Это примѣняется равнымъ образомъ и къ женщинамъ и къ мужчинамъ. Не для чего предписывать закономъ, чтобы женщина, занимаясь веденіемъ домашняго хозяйства или воспитаніемъ дѣтей, не смѣла въ то же время заниматься никакою профессіей или не могла быть выбрана въ парламентъ. Если занятія дѣйствительно несовмѣстны, она и безъ того выберетъ одно изъ нихъ, но не большая ли несправедливость, ради несовмѣстности какихъ нибудь занятій отстранять отъ нихъ тѣхъ, для которыхъ она не существуетъ!“ Да, современная безправность женскаго пола въ высшей степени несправедлива относительно громаднаго и постепенно возрастающаго множества женщинъ безсемейныхъ, одинокихъ и тѣхъ матерей, на рукахъ которыхъ лежитъ содержаніе ихъ семействъ. Но предполагаютъ, что дарованіе женщинамъ всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ должно подѣйствовать на многихъ изъ нихъ такъ увлекательно, что они, ради новыхъ своихъ занятій, будутъ пренебрегать своими материнскими обязанностями, подобно тому, какъ аристократки, предаваясь свѣтской жизни, и знать не хотятъ о своихъ семействахъ. Конечно, такое увлеченіе возможно, но лишь для нѣкоторыхъ, а не для всѣхъ, предполагать послѣднее крайне глупо — и что же, развѣ безъ эманципаціи женщинъ множество ихъ не пренебрегаетъ своими семейными обязанностями, принося ихъ въ жертву свѣту, разгулу или свинской лѣни. Между тѣмъ, при равноправности и хорошемъ воспитаніи эти же самыя женщины должны были бы трудиться если не для семейства, то для общества. Нужно еще замѣтить, что современное понятіе о родительскихъ обязанностяхъ крайне несовершенно. Всѣ предписываютъ женщинѣ исполненіе ея *материнскихъ* обязанностей и проходятъ молчаніемъ *отцовскія* обязанности мужчины; по справедливости онъ также

долженъ воспитывать дѣтей, ухаживать за ними, наблюдать за ихъ развитіемъ, какъ и мать. И нерѣдко можно встрѣтить такихъ образцовыхъ отцовъ, которые, при всѣхъ своихъ общественныхъ занятіяхъ, находятъ не мало времени и для воспитанія своихъ дѣтей, хотя большинство мужчинъ всегда уклоняется отъ этого отцовскаго долга. Въ развитомъ семействѣ будущаго мужчина, конечно, лишится такой привилегіи и будетъ раздѣлять съ матерью труды воспитанія дѣтей. Наконецъ, трактуя объ эманципаціи женщинъ, никогда не должно забывать, что полное, окончательное рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ будущему, хотя женская равноправность можетъ утвердиться въ жизни и при современныхъ условіяхъ. Воспитаніе же дѣтей все болѣе и болѣе начинаетъ получать характеръ общественный. Будучи одной изъ самыхъ трудныхъ профессій, оно требуетъ отъ воспитателей спеціальныхъ знаній и спеціальной опытности; оно требуетъ такихъ средствъ и издержекъ, которыя для большинства семействъ даже и немыслимы. Поэтому образованіе юношества давно уже перенесено изъ семьи въ публичную школу, а воспитаніе дѣтей въ достаточныхъ классахъ передано гувернерамъ и гувернанткамъ. Никто не споритъ, что современные гувернеры и гувернантки, въ большинствѣ случаевъ, никуда негодны, но настанетъ время, что ихъ замѣнятъ вполнѣ годные воспитатели спеціалисты и гувернерство организуется такъ, что будетъ доступно каждому семейству, подобно школѣ. Уже и въ настоящее время значительная доля первоначальнаго воспитанія дѣтей начинаетъ поручаться такъ называемымъ „дѣтскимъ садамъ".... Что же касается мнѣнія о невозможности и вредности общественныхъ занятій для женщины во время ея менструацій, беременности и послѣ родовъ, то очень компетентные въ этихъ дѣлахъ люди доказываютъ, что трудъ и разнообразіе занятій очень благотворно дѣйствуютъ на женщину и при ихъ беременности и *помогаютъ ей надлежащимъ образомъ выполнять ея материнское назначеніе—производить здоровыхъ и хорошихъ дѣтей.* Порода горожанъ постепенно мельчаетъ, страдаетъ слабостью нервовъ и мускуловъ и другими недостатками, изъ которыхъ очень многіе унаслѣдованы отъ больныхъ и чахлыхъ родительницъ, болѣзнь и чахлость которыхъ считаются обыкновенно естественными свойствами женщины, но въ сущности развиты въ нихъ ихъ праздною, бездѣльною жизнью въ узкой сферѣ, опредѣленной для нихъ вѣковыми традиціями. Извѣстный авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, Андрью Комбъ, въ своей „Physiologie applied to Health and Education" говоритъ, что „недѣятельность ума и чувства весьма часто служитъ причиною разныхъ формъ нервныхъ болѣзней. Чтобы убѣдиться въ этомъ съ очевидностью, стоитъ только посмотрѣть на многочисленныя жертвы этихъ болѣзней въ среднихъ и высшихъ классахъ, — на женщинъ, которыя вовсе не занимаются пріобрѣтеніемъ средствъ для

своего существованія и не имѣютъ никакихъ предметовъ, которые бы интересовали ихъ и на которыхъ они могли бы упражнять свои умственныя способности; вслѣдствіе этого они впадаютъ въ состояніе умственной лѣности и нервной слабости, не только лишающихъ ихъ многихъ наслажденій, но и подвергающихъ ихъ, при малѣйшей причинѣ, и духовнымъ и тѣлеснымъ страданіямъ.... Они тратятъ буквально ни на что половину той нервной силы, которою природа одарила ихъ для лучшихъ цѣлей.... Подверженность ихъ меланхоліи, истерикѣ, ипохондріи и разнымъ другимъ душевнымъ болѣзнямъ зависитъ отъ того состоянія бездѣятельности, въ какомъ находится ихъ мозгъ". Въ частности о вліяніи труда на беременность говоритъ французскій врачъ Руссель въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Systeme physique et morale de la femme." „Самки животныхъ и женщины, неискаженныя нѣгой, обыкновенно не больны во время плодоношенія. Беременность служитъ болѣзнью лишь для тѣхъ женщинъ, обезсиленнымъ органамъ которыхъ тягостно каждое отправленіе, лишь для тѣхъ хрупкихъ и нѣжныхъ созданій, для которыхъ и каждое пищевареніе есть краткая болѣзнь. Всѣ прочія достигаютъ обыкновенно предѣла беременности не чувствуя никакой хворости, кромѣ тягости, неизбѣжной при этомъ состояніи". Женщины простонародья во время своей беременности „извлекаютъ для себя большую пользу изъ труда, къ которому обязываетъ ихъ общественное положеніе; они находятъ въ нихъ потребное и необходимое упражненіе, отстраняемое отъ себя по ложнымъ соображеніямъ женщинами богатыми, ибо осторожность запрещаетъ во время беременности одни только чрезмѣрныя усилія. Одно изъ великихъ благъ труда состоитъ въ томъ, что онъ спасаетъ насъ отъ господства страстей, которыя зрѣютъ и кипятъ въ спокойствіи и праздности. Смущая жизненныя отправленія вообще, они не менѣе пагубны и для того отправленія, которое служитъ для сохраненія рода. Въ нихъ причина большей части случающихся выкидышей: оттого-то эти случаи болѣе обыкновенны тамъ, гдѣ окружающее общество или положеніе въ немъ женщины способствуютъ сильной игрѣ страстей. Выкидыши въ сельскомъ населеніи происходятъ почти всегда отъ чрезмѣрныхъ усилій или паденій и рѣдко вслѣдствіе нравственныхъ причинъ. Животныя, будучи еще болѣе охраняемы отъ этого вліянія, выкидываютъ лишь вслѣдствіе насилій человѣка".

„Положимъ, — говорятъ противники женскаго дѣла — что беременность и материнскія обязанности не могутъ быть основаніемъ политической безправности женщинъ; но допущеніе ихъ до всѣхъ родовъ общественной дѣятельности неминуемо должно огрубить ихъ натуру и лишить ихъ благотворно дѣйствующей на мужчинъ женственности". „Счастье женщинъ — говоритъ Кабани—всегда будетъ зави-

сѣть отъ впечатлѣнія, производимаго ими на мужчинъ, и едва ли тотъ, кто ихъ дѣйствительно любитъ, будетъ особенно доволенъ при видѣ ихъ марширующими съ ружьемъ въ рукахъ, или поучающими съ высоты кафедры, а тѣмъ болѣе съ трибуны, на которой обсуживаются интересы цѣлаго народа". Даже теперь люди, смотрящіе на женщину, какъ на сладостный сосудъ любви, изъ котораго мужчина можетъ упиваться наслажденіемъ, какъ на утѣху жизни человѣческой, какъ на какую-то реторту, предназначенную исключительно для приготовленія людей, сторонятся отъ женщинъ, занятыхъ сколько нибудь серьезными предметами, позоря ихъ названіемъ *синихъ чулковъ* и восклицая съ поэтомъ—

Избави Богъ сойтись на балѣ,
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой шали,
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!

И не ужасно ли, въ самомъ дѣлѣ, будетъ, если женщина потеряетъ граціозную шаловливость кокетки, наивность и сентиментальность институтки, если занятая серьезно какимъ нибудь дѣломъ, она не будетъ искать развлеченія въ томъ, чтобы находиться въ положеніи крѣпости, обложенной войскомъ поклонниковъ и обстрѣливаемой ихъ любезностями, въ томъ, чтобы съ честью выдержать эту осаду или, если осаждающіе милы для ея тряпичнаго сердца, сдаться имъ и потомъ, смотря по обстоятельствамъ, или вѣрно служить своему побѣдителю и владыкѣ, или ловить новыхъ обожателей и затѣмъ самой попадаться въ новыя сѣти. Что будетъ тогда съ вами, маленькіе рыцари свѣтской жизни, съ вами, двадцатилѣтніе импотенты, съ вами, мышиные жеребчики! Вѣдь пріятная штука имѣть въ женѣ или любовницѣ существо ангельски-незлобное, скромное и покорное, дѣтски-наивное, непонимающее жизни, не сознающее своихъ человѣческихъ достоинствъ и обязанностей, слитое съ существомъ мужчины и изчезающее въ немъ. Слабый умъ въ слабомъ тѣлѣ,—вотъ существенный смыслъ женственности, о которой мы говоримъ. Да погибнетъ такая женственность! Она искуственно развита въ женщинахъ рабствомъ ихъ, да погибнетъ же она вмѣстѣ съ этимъ рабствомъ! Умъ, чувство, воля женщины разнятся отъ ума, чувства и воли мужчины только вслѣдствіе историческихъ и соціальныхъ вліяній; эманципація женщинъ должна уравнять ихъ съ мужскими и превратить въ единые для обоихъ половъ; женщина будетъ добрымъ, честнымъ, умнымъ, сильнымъ волею *человѣкомъ*, всѣ существующія половыя отличія превратятся въ общечеловѣческое единство и ограничатся только поломъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, что есть теперь хорошаго у каждаго пола въ отдѣльности, то сдѣлается тогда общимъ ихъ достоя-

ніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ любовь и брачныя отношенія неминуемо перейдутъ въ новую, высшую форму своего развитія. Любовь до сихъ поръ почти исключительно основывалась на сочетаніи противоположностей—мужественности и женственности, силы и слабости, властительности и преданности, мужского ума и женскаго чувства; она пополняетъ недостатки мужчины достоинствами женщины и наоборотъ. Такія отношенія могутъ существовать только при порабощеніи женщины, по освобожденіи которой и по достиженіи ею равенства съ мужчиной любовь будетъ уже не взаимнымъ пополненіемъ недостатковъ, а союзомъ достоинствъ, не сочетаніемъ противоположностей, недопускающихъ равенства, а единеніемъ равной красоты, равнаго ума, равнаго чувства, по возможности одинаковыхъ достоинствъ и убѣжденій. Тогда, и только тогда любовь соединится со взаимнымъ уваженіемъ свободныхъ и равныхъ супруговъ и не будетъ уже страстью чисто животною.

Но, пожалуй, нѣкоторые поборники женственности укорятъ насъ въ извращеніи смысла этого слова и скажутъ, что они опасаются не изчезновенія женскихъ слабостей, а огрубѣнія женскаго чувства, доброты, сострадательности, безкорыстія, зараженія женщинъ тѣми страстями и пороками, которые такъ часто обезображиваютъ нравственный характеръ дѣловыхъ мужчинъ; эманципація, скажутъ они, ослабивъ семейныя узы, ограничивъ семейную дѣятельность женщины, должна отнять значительную долю силы изъ ея любви къ мужу и къ дѣтямъ, а соперничество, интриги, дѣловыя столкновенія, исполненіе какихъ нибудь грубыхъ обязанностей, напр., полицейскихъ, превратятъ женщину въ честолюбку, въ существо, преслѣдующее только свои личныя цѣли, сдѣлаютъ ее равнодушною къ горю и къ счастію людей, и она будетъ относиться къ явленіямъ жизни—

Какъ дьякъ, въ приказѣ посѣдѣлый,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни радости, ни гнѣва.

Дѣйствительно, всеобщая конкурренція силъ и способностей, ожесточенная борьба за существованіе, интриги и попираніе ногами человѣческой личности идутъ черезъ весь строй соціальной жизни и дѣйствуютъ пагубно на человѣка. Но вѣдь дѣло въ томъ, что съ другой стороны и люди дѣйствуютъ на смягченіе упомянутыхъ отношеній, а женщины, допущенныя во всѣ сферы общественной жизни непремѣнно во многомъ облагородятъ ее. Далѣе, борьба индивидуальныхъ интересовъ и пожираніе людьми другъ друга постепенно ведутъ къ миру, къ уравновѣшенію эгоизмовъ, къ водворенію солидарности; допущеніе же къ общественной дѣятельности, устраненной теперь отъ нея цѣлой половины человѣческаго рода, необходимо должно ускорить тѣ со-

ціальныя реформы, которыя будутъ основами мира. Съ другой стороны, женщины и теперь нисколько не избавлены отъ вліянія на нихъ грязи жизни не только семейной, но и общественной. Они за кулисами публичной арены являются помощницами своихъ мужей, отцовъ, братьевъ, любовниковъ; сплошь и рядомъ общественные дѣятели, какъ высшаго, такъ и самаго низшаго разбора, являются только орудіями женщинъ, подстрекающихъ ихъ на дѣло, участвующихъ въ ихъ подвигѣ, наслаждающихся ихъ успѣхами и страдающими отъ ихъ неудачъ. Развѣ все это не очерствляетъ сердца женщины, не превращаетъ ее въ эгоистку, интриганку и т. д... Того же самаго результата достигаетъ ея семейная обстановка, столкновенія и борьба съ мужьями и родственниками, ловля жениховъ и любовниковъ, споры и ссоры за имущественные интересы, наконецъ, эти глуповскія междоусобицы семей и личностей, эта безконечная цѣпь сплетень и ссоръ, лжи и наушничества, эта остервенѣлая вражда обывателей между собою за свои грошовые интересы, которая наполняетъ собою всю жизнь неразвитыхъ обществъ и особенно русскихъ городовъ,—развѣ все это менѣе огрубляетъ натуру женщины, чѣмъ любая изъ общественныхъ профессій!.. Да и какое противорѣчіе самимъ себѣ вы обнаруживаете, милые защитники женственности. Отъ погибели, вслѣдствіе занятій, вы даже и не думаете предохранять крестьянокъ, изнывающихъ подъ тяжестью труда, фабричныхъ работницъ, поденьщицъ, торговокъ, шатающихся по улицамъ городовъ съ утра до глубокой ночи, и вопіете о погибели женственности, коль скоро дѣло коснется дарованія правъ вашимъ женамъ и дочерямъ. Очевидно, что въ вашихъ измышленіяхъ говоритъ не теплое участіе къ женскому полу, а рабовладѣльческій разсчетъ. Да и чему, какой это женственности грозитъ опасность огрубленія въ современномъ обществѣ, особенно французскомъ, гдѣ бракъ превратился въ чисто коммерческую сдѣлку, гдѣ всѣ силы женскаго ума уходятъ на бездушное кокетство, гдѣ супружеская измѣна подвигъ, а любовь—удовлетвореніе чувственности или дѣло разсчета, гдѣ проституція заражаетъ собою все. Да покажите же эту, прославляемую вами, женственность въ высшихъ слояхъ европейскаго общества; мы не видимъ ея, если только она состоитъ въ чемъ нибудь другомъ, а не въ слабости тѣла и ума, не въ нѣжности кожи, не въ болѣзненной раздражительности нервовъ, не въ кокетствѣ и салонной сентиментальности. Покажите эту женственность и въ низшихъ классахъ, гдѣ бракъ является скорѣе дѣломъ хозяйственнаго разсчета, чѣмъ любви, гдѣ женщина сплошь и рядомъ унижена и забита до такой степени, что становится совершенно безчувственною къ своему положенію, гдѣ вы часто встрѣтите развратъ въ самыхъ циническихъ проявленіяхъ, гдѣ семейная жизнь порождаетъ столько убійствъ, отравленій, поджоговъ, гдѣ матери убиваютъ дѣтей, чтобы поживиться сум-

мою, на которую была застрахована жизнь малютокъ и т. д. Конечно, имѣютъ полное право возразить намъ, что мы указываемъ только на мрачную сторону народной жизни, оставляя безъ вниманія свѣтлыя черты ея; что въ аристократіи очень естественно женственность развилась до крайности, до такой Ueberweiblichkeit, по выраженію Риля, что пришла къ отрицанію самой себя, а въ низшихъ классахъ, подавленныхъ бѣдностью, непользующихся плодами цивилизаціи, женственность находится еще въ зародышѣ, въ той едва замѣтной формѣ, въ которой она сливается еще съ формами свойствъ мужской натуры. „Не здѣсь, — скажутъ намъ—а въ среднихъ классахъ вы найдете ту женственность, за которую мы стоимъ и которая дорога для мужчины, какъ животворный дождь и небесная роса для производительности земли". Мы совершенно согласны, что въ среднихъ классахъ болѣе всего достойныхъ уваженія женщинъ, что здѣсь бракъ и семья болѣе свободны, а любовь болѣе чиста и разумна, чѣмъ въ высшемъ сословіи. Но вѣдь здѣсь и болѣе образованныхъ женщинъ, вѣдь отсюда-то и выходятъ почти всѣ притязанія женщинъ на солидное образованіе и на равноправность съ мужчинами; крестьянки и пролетаріатки не занимаются женскимъ вопросомъ, большинство ихъ не знаютъ даже и о самомъ существованіи его, а въ аристократической сферѣ эманципаціей если и увлекаются, то увлекаются большею частію въ духѣ Жоржъ Занда. Слѣдовательно, женственность сама протягиваетъ руку эманципаціи, нисколько не опасаясь мнимо-пагубныхъ вліяній ея. Да и чего опасаться? Столкновеніе съ дѣйствительною жизнію можетъ не столько огрубить, сколько укрѣпить, возвысить и наполнить новыми чувствами впечатлительную натуру женщины, чувствованія и мысли которой рѣдко теперь выходятъ за предѣлы своего дома и семейства. И отстаиваемое нами расширеніе сферы женской дѣятельности представляется необходимымъ не только для дальнѣйшаго прогресса человѣчества, но и для спасенія семьи, слѣдовательно и для спасенія общества, если только оно не желаетъ дойти до состоянія во сто-кратъ худшаго, чѣмъ то, которое положило конецъ существованію древняго Рима. Въ высшихъ классахъ, какъ мы уже говорили, отъ семьи и брака остались только одни пустыя, безсодержательныя формы; въ низшихъ классахъ семейство и бракъ также постепенно разрушаются, проституція усиливается, дѣтоубійства увеличиваются. Вспомните при этомъ, что какъ обычаи и жизнь высшаго круга все больше и больше распространяются въ среднихъ классахъ, такъ жизнь и обычаи европейскаго пролетарія, вмѣстѣ со многими другими факторами, постепенно разрушаютъ патріархальную жизнь крестьянства и губятъ то, что, повидимому, такъ дорого для общества. А въ среднемъ классѣ между тѣмъ идетъ дѣло женской эманципаціи, увлекая все болѣе и болѣе женщинъ какъ высшаго, такъ и низшаго сословій.

И поклонники старины и защитники существующаго statu quo сознают всю критичность такого положенія вещей, всю важность совершающагося переворота, но сваливают всю вину на тѣх именно дѣятелей, программа которых наиболѣе полезна и тенденціи которых наименѣе разрушительны. Вмѣсто стараній приготовить потоку народной жизни надлежащее русло, мы видим усилія вовсе остановить его и принудить к обратному теченію. Растерявшіеся консерваторы хотят искуственно внушить людям тѣ чувствованія, которыя или вымерли в них, или совершенно видоизмѣнились. Такія попытки мы видим во всѣх отраслях умственной дѣятельности. Знаменитый дрезденскій живописец Лудвиг Рихтер во множествѣ своих картин старается выразить прелесть семейной жизни и воплотить тот старинный семейный дух, котораго уже нѣт болѣе в обществѣ. Беллетрист Іеремія Готтхельф, подобно соименному ему еврейскому пророку, горько плакавшему на развалинах Іерусалима, оплакивает разрушенное святилище древненѣмецкаго семейства, самыми радужными красками рисует его прелести и громит все, что содѣйствует его паденію. Даже знаменитый этнограф, Риль, не довольствуясь книжною пропагандою, взялся для воспитанія семейнаго чувства за музыку и переложив на ноты много пѣсен нѣмецких поэтов, издал их под заглавіем Hausmusik—„Домашняя музыка“. И не в одной Германіи,—в других странах есть также свои Рихтеры, свои Готтхельфы, свои Рили. Чтобы понять их растерянность в виду совершающихся явленій и комичность их затѣй, мы приведем здѣсь планы и стремленія Риля, имѣющіе цѣлью реставрацію старинной семьи, воспламѣненіе погасающих семейных чувствованій и охраненіе женщины от окончательной потери женственности. Кромѣ чисто литературной и музыкальной пропаганды, он не прочь прибѣгнуть к мѣрам уголовным и полицейским; он не прочь, напр., эманципированных и неспокойных дам посылать для „соціально-политическаго леченія“ куда нибудь в родѣ Сибири. Он говорит, что женщина, дѣйствующая по своему естественному призванію в семействѣ и для семейства, должна требовать не своего допущенія ко всѣм отраслям общественной дѣятельности, а „государственнаго признанія семьи“, того, чтобы „государство в дѣлах народнаго представительства и управленія обращало большее вниманіе, чѣм нынѣ, на громадную политическую силу семейства“. Отвергая недавно предлагавшійся в нѣкоторых германских парламентах закон о налогѣ на безбрачіе, Риль совѣтует, чтобы „при выборах обращали вниманіе не только на сословіе, имущество, занятія избирателей и избираемых, но также и на то, холостяки ли они или отцы семейств. Только отец семьи может быть избирателем, а выбираемыми могут быть и холостяки, но только в небольшом числѣ,

такъ, чтобы въ палатѣ на двухъ отцовъ семействъ приходилось не болѣе одного холостяка". Цензъ онъ предлагаетъ вовсе уничтожить, такъ какъ при существованіи теоріи, доказывающей его раціональность, каждая женщина, живущая своимъ доходомъ, имѣетъ полное основаніе требовать права голоса наравнѣ съ мужчиной. Впрочемъ, онъ сознаетъ, что однихъ государственныхъ мѣръ тутъ недостаточно, а что нужна прежде всего апостольская ревность и дѣятельная пропаганда реставраціи семейства. Государство можетъ помогать только разгорѣться яркимъ пламенемъ тѣмъ искрамъ народнаго духа, которыя тлѣютъ еще подъ развалинами семейства. Онъ убѣждаетъ распространять по возможности кругъ семейства, включая въ него, по патріархальному, не только дальнихъ родственниковъ, но даже и прислугу; онъ проповѣдуетъ реставрацію всѣхъ старинныхъ семейныхъ обычаевъ, старинной архитектуры домовъ и горько оплакиваетъ исчезновеніе старинныхъ домашнихъ предразсудковъ и суевѣрій. „Высшая задача въ перестройкѣ наполовину уже разрушеннаго общества заключается въ возобновленіи семейныхъ обычаевъ. Даже женщинамъ открывается здѣсь поле политической дѣятельности. Вмѣсто того, чтобы фантазировать о новыхъ конституціяхъ, постараемся лучше водворить въ своихъ семействахъ дисциплину и порядокъ, а потомъ уже будемъ политиками. Кто хочетъ изгнать чертей, тотъ долженъ очиститься самъ. Прежде всего мы должны очиститься въ собственномъ домѣ"... „Каждое семейство должно имѣть свою аристократическую гордость, быть своеобразнымъ. Поэтому, оно должно заботливо собирать и сохранять все, чѣмъ обрисовывается его особенный характеръ... Семейная хроника должна быть въ каждомъ домѣ, въ которомъ умѣютъ читать и писать". И подобными-то проповѣдническими разглагольствіями думаютъ остановить ходъ соціальной жизни, сознавая въ то же время, если не непобѣдимую, то во всякомъ случаѣ громадную силу и многочисленность враждебныхъ имъ факторовъ, начиная съ теорій индивидуальной свободы и оканчивая трактиромъ. Какъ остановить дѣйствіе этихъ факторовъ, разрушающихъ архаическую семью и патріархальныя отношенія—никто не говоритъ, а забавникъ Риль, во имя спасенія общества посредствомъ реставраціи семейства, совѣтуетъ только „послать къ чорту всю новѣйшую политическую экономію". И нагородивъ въ своей пропагандирующей книжкѣ („Die Familie") такой ерунды, онъ предсказываетъ полное осуществленіе своихъ принциповъ въ XX столѣтіи. Дома, изволите ли видѣть, будутъ строиться тогда вполнѣ по старинному: въ домѣ будетъ жить все семейство,—дѣдушка, бабушка, отецъ, мать, сыновья, внуки и т. д.; прислуга снова войдетъ въ семейный кругъ; молиться будутъ всѣ вмѣстѣ и дома и въ церкви; возстановятся во всей своей патріархальности семейные праздники и общественность приметъ совершенно семейный характеръ.

„Въ долгіе зимніе вечера будутъ заниматься домашнею музыкой, старою домашнею музыкой Гайдна, а въ особенно торжественные и священные дни — Себастіана Баха“... „Сидя у теплой печки“, родственники и друзья ихъ будутъ забавляться надъ нашимъ вѣкомъ, надъ нашими стремленіями и теоріями, либералами и консерваторами, политической экономіей, педагогіей и т. д. „Авторитетъ и уваженіе къ нему“ водворятся вполнѣ. „Законы о бракѣ будутъ гораздо строже, чѣмъ въ настоящее время“.

Нѣтъ, господа, не вашимъ ртомъ ловить мышей, не вашего ума дѣло разсуждать о реформѣ семейныхъ институцій, о развитіи семейныхъ чувствованій! Поймите, что безъ истинной любви ни бракъ, ни семейство непрочны; а эта любовь убивается экономическою зависимостью, денежными разсчетами, стѣсненіемъ свободы, неравенствомъ сторонъ, состоящихъ, повидимому, въ договорномъ союзѣ. Ужели вы не знаете, что чѣмъ свободнѣе и независимѣе чувство, тѣмъ оно глубже и сильнѣе. Любовь собаки къ хозяину или раба къ господину вовсе не то, что любовь развитой и свободной женщины къ избраннику ея сердца, но почти одно и то же съ любовью какой нибудь китаянки или турчанки къ своему повелителю мужу. Рабская преданность и женственная покорность, абсолютность власти патріарха, возсѣдающаго у домашняго очага, нераздѣльность интересовъ всѣхъ членовъ семейства, поглощеніе семьей и въ особенности отцомъ ея всѣхъ подвластныхъ личностей, — всѣ эти pia desideria консерваторовъ возможны только на зарѣ народной исторіи, а гдѣ они остаются въ окаменѣломъ состояніи долѣе, тамъ вся народная жизнь останавливается въ своемъ теченіи и люди дѣлаются ходячими машинами, какъ, напр., въ Китаѣ. Совмѣстное существованіе развитой, прогрессивной общественной жизни и патріархальныхъ порядковъ положительно невозможно, равнымъ образомъ невозможно и возстановленіе послѣднихъ тамъ, гдѣ они уже разрушены. Это доказываетъ исторія. Послѣ паденія Рима и Греціи патріархальное семейство могло быть возстановлено на европейской почвѣ только полудикими германцами и турками, да и то не на долго; послѣ реформаціи оно было, но также лишь на короткое время, реставрировано подъ вліяніемъ буржуазіи, крестьянства и религіи; но буржуазія и крестьянство теперь сами выходятъ уже изъ сферы патріархальнаго міросозерцанія, а религія — это замѣчаютъ даже всѣ теологи и указываютъ, какъ на исполненіе евангельскихъ пророчествъ — религія болѣе и болѣе теряетъ власть надъ умами. Поэтому, реставрація патріархальной жизни возможна только въ томъ случаѣ, если Европу покорятъ какіе нибудь монголы или киргизы, подобно германцамъ, покорившимъ Римскую имперію. Да, соціальный прогрессъ существовавшихъ до сихъ поръ обществъ состоялъ главнымъ образомъ въ томъ, что патріархальное общество, единицею

котораго служитъ семья, всюду, гдѣ только жизнь идетъ прогрессивно, превращается въ новое общество, единицею котораго служитъ лицо. Сообразно съ этимъ переворотомъ измѣняются мысли и чувствованія. Рабъ семьи превращается въ гражданина. Кругъ соціальныхъ предметовъ, занимающихъ собою сердце и умъ, постепенно расширяется; на ряду съ семействомъ, сердце и умъ заняты общиной, націей, человѣчествомъ; узкій эгоизмъ патріархальности облагораживается. Чувство, отданное въ первобытной цивилизаціи исключительно семейству, необходимо должно раздѣлиться теперь между нѣсколькими объектами и потерять значительную долю силы, присущей ему въ его прежнемъ состояніи. Положимъ, что въ современномъ человѣкѣ ослабѣваютъ многія семейныя чувства, но вѣдь онъ не остается же бездушнымъ истуканомъ, вѣдь они замѣняются другими чувствами, болѣе прочными и болѣе просвѣтленными разумнымъ сознаніемъ. „Да оставитъ человѣкъ отца своего и мать свою и идетъ за мной", говорилъ Іисусъ, такъ какъ его ученіе не дозволяло вѣрующему отдаваться исключительно семейству. Въ новѣйшей жизни происходитъ подобное же движеніе. Семейство должно быть первоначальнымъ воспитательнымъ заведеніемъ человѣка для него самого и для общества. Любовь къ женщинѣ и другія семейныя чувствованія необходимо должны раздѣлить свое монопольное владычество надъ сердцемъ съ болѣе обширными чувствами общественными. Этотъ переворотъ еще не совершился, но окончательный исходъ его уже видѣнъ, и понятно, на чьей сторонѣ будетъ побѣда въ этой борьбѣ домашняго очага съ общественнымъ форумомъ. Исходъ этой борьбы должна ускорить женская эманципація, потому что изолированность женщины отъ общества служитъ одною изъ главныхъ преградъ воспитанію въ народахъ гражданскихъ чувствъ. Занятая исключительно мелкими интересами дома, не заинтересованная въ ходѣ общественной жизни, лишенная всякаго солиднаго образованія, женщина, при своемъ громадномъ вліяніи на мужа и дѣтей, задерживаетъ ходъ общественнаго развитія, и въ своемъ отупѣніи воспитываетъ дѣтей въ чувствахъ покорности злу и равнодушія къ пороку. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ, напр., въ рабствѣ или крѣпостномъ бытѣ, по словамъ поэта, для женщины,

Три тяжкія доли имѣла судьба,
И первая доля—съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая—быть матерью сына раба,
А третья—до гроба рабу покоряться, —

даже во всѣхъ подобныхъ положеніяхъ женщина оказываетъ немаловажное вліяніе на сохраненіе statu quo. Она постоянно вовлекаетъ мужчину въ сферу своихъ ограниченныхъ и суетныхъ интересовъ, ослабляя, даже вовсе истребляя въ немъ любовь къ дѣятельности бо-

лѣе возвышенной и разумной, чѣмъ та, которой посвящаетъ себя женщина. При своей жалкой неразвитости и семейной исключительности она необходимо дѣлаетъ мужчину семейнымъ эгоистомъ. Пресловутое самооправданіе взяточниковъ—„жена... дѣти"... имѣетъ глубокое и обширное значеніе. „Какъ рѣдко — говоритъ г-жа Милль — вліяніе жены клонится къ поддержкѣ гражданскихъ добродѣтелей, какъ рѣдко возбуждаетъ въ ней что нибудь, кромѣ неодобренія, каждый рѣшительный шагъ, отъ котораго можетъ пострадать частный интересъ или суетное значеніе семьи". И сколько общественныхъ пороковъ и недостатковъ зарождается и воспитывается у домашняго очага; сколько пороковъ рабской изворотливости развивается въ женщинѣ и пороковъ власти въ мужчинѣ; сколько гибнетъ силъ и дарованій въ тѣсной и душной атмосферѣ деспотическаго патріархальнаго семейства. Какъ часто тѣ формы семейныхъ отношеній, поддержку которыхъ консерваторы считаютъ необходимостью, приводятъ людей къ полному отрицанію семейства, вырывая изъ ихъ сердца всѣ семейныя чувства и привязанности и заставляя ихъ отрясать прахъ отъ ногъ своихъ при бѣгствѣ изъ домашняго ада. Кромѣ того, безправное, исключительное положеніе женщины, воспитывая въ ней тѣ слабости и недостатки, которые входятъ въ понятіе женственности, сильно вліяютъ и на мужчину. Онъ, по мѣрѣ развитія упомянутой женственности, все болѣе и болѣе впадаетъ въ ту слабость, которую такъ долго воспитывалъ въ своей подругѣ. На глазахъ современныхъ поколѣній совершается эпидемическое зараженіе мужчинъ болѣзненною чувствительностью, кокетствомъ, дамскимъ легкомысліемъ, упадкомъ энергіи и самостоятельности и другими недостатками, которые столько столѣтій считались въ ряду достоинствъ женщины и которые усвоялись всегда мужчинами въ мрачные періоды паденія государствъ и народовъ.

Оставляя въ сторонѣ всѣ другія возраженія противъ женской эманципаціи, мы въ заключеніе приведемъ еще одно, которое отличается не замѣтною въ другихъ серьезностью. По вычисленію Вильерме, до пятнадцатилѣтняго возраста рабочая плата мужчинъ и женщинъ почти одинакова, затѣмъ женская плата становится постепенно незначительнѣе мужской и, начиная съ двадцатилѣтнаго возраста, равняется только половинѣ мужской рабочей платы. Объявленіе женщинъ самостоятельными тотчасъ усилитъ на промышленномъ рынкѣ предложеніе рабочихъ рукъ, увеличитъ число конкуррентовъ и, слѣдовательно, понизитъ и безъ того крайне скудную задѣльную плату.

Это возраженіе относится собственно не къ женскому, а къ рабочему вопросу; оно нисколько не извиняетъ устраненія женщинъ отъ семейной равноправности съ мужемъ, отъ высшаго образованія, отъ профессіи медицинской, адвокатской и ученой, отъ участія въ судѣ, законодательствѣ, администраціи, народномъ представительствѣ. Въ

промышленномъ же отношеніи освобожденіе женщинъ, если только оно совершится раньше разрѣшенія рабочаго вопроса, дѣйствительно должно произвесть паденіе задѣльной платы. Но что же изъ этого? Вѣдь вопросъ о трудѣ, объ его справедливомъ вознагражденіи, объ освобожденіи труда отъ вліянія фальшивыхъ понятій о капиталѣ имѣетъ всѣ шансы на раціональное рѣшеніе. А женщины могутъ только ускорить это рѣшеніе, хотя бы и цѣною временнаго ухудшенія рабочаго быта, вслѣдствіе пониженія задѣльной платы.

Всѣ приведенныя нами и многія другія возраженія противниковъ женскаго дѣла, равно какъ и ихъ враждебные этому дѣлу поступки не въ силахъ побороть великую идею, увлекающую все болѣе и болѣе честныхъ сердецъ и проникающую въ самые отдаленные уголки цивилизованнаго міра. Что значатъ анафемы католическаго духовенства, доводы беззубой науки, инсинуаціи Стебницкихъ, вонючіе романы Писемскаго? „Ихъ громкій лай свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что мы ѣдемъ“, дорогая читательница. За успѣхъ твоего дѣла ручается одно то, что сила женскаго движенія уже принудила противниковъ его къ значительнымъ уступкамъ. Конституціонный компромиссъ совершился не только между политическими партіями, но и между обоими полами или, вѣрнѣе, между адвокатами обоихъ половъ. Самая консервативная фракція этой конституціонной партіи требуетъ такой организаціи женскаго воспитанія, чтобы женщина была достойною, развитою подругою и помощницей мужчины, не рабой, а подругой, не невѣжественной, а образованной. Она можетъ принимать участіе въ умственной и политической жизни окружающаго ее общества, но не иначе, какъ при посредствѣ мужа. Даже самъ патріархолюбивый Риль готовъ на такія уступки. „Я далеко не такой варваръ,— пишетъ онъ — чтобы желать устраненія женщинъ отъ всякаго высшаго образованія и ограниченія сферы ихъ дѣятельности однимъ только хозяйствомъ. Женщина можетъ полнѣйшимъ образомъ развивать свой умъ изученіемъ наукъ и искуствъ; но это образованіе должно быть для нея самостоятельною цѣлью только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ; только въ видѣ исключенія женщина можетъ дѣлать изъ него свою профессію. Ужели же, поэтому, такое образованіе должно быть только празднымъ украшеніемъ ума? Вовсе нѣтъ. Мужъ, семейство, друзья, всѣ окружающіе женщину будутъ пожинать роскошные плоды благородной, просвѣщенной женственности. Женщина должна владычествовать, услуживая; должна исторгать мужа изъ его ограниченности, ограничивая себя; должна вліять тамъ, гдѣ, повидимому, она только подвергается вліяніямъ. Самый блистительный примѣръ такой вполнѣ женской дѣятельности въ высшихъ сферахъ умственной жизни даетъ намъ новѣйшая культурная исторія въ отношеніяхъ къ

Гёте его подруги Шарлотты фонъ-Штейнъ, воспламенявшей для друга и съ другомъ свѣточи своихъ мыслей и вдыхавшей въ душу поэта тотъ примирительный, кроткій, гармоническій духъ благородной женственности, который поставилъ его такъ высоко надъ всѣми". Въ другомъ мѣстѣ Риль приводитъ въ примѣръ жену живописца Пармиджіано, которая участвовала въ экскурсіяхъ мужа и помогала ему, и еще Доротею Шлецеръ, дочь знаменитаго историка. Сія благонравная дѣвица, имѣвшая степень доктора, хотя и могла бы самостоятельно трудиться надъ наукой, но все дѣлала лишь для отца и только для того, чтобы порадовать его родительское сердце, обработала и написала свою исторію русскихъ монетъ. «Когда же она надѣла чепчикъ замужней женщины, то вовсе оставила свою докторскую шляпу и начала жить для одного семейства". Не многимъ дальше Риля идетъ знаменитый ученый и прусскій конституціонистъ Рудольфъ Вирховъ, съ брошюрой котораго читательница, конечно, знакома по ея русскому переводу. Если формулировать всѣ идеи о реформѣ женскаго быта, принадлежащія къ наиболѣе прогрессивному отдѣлу упомянутой конституціонной партіи, то ихъ можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ:

Необходимо радикально реформировать женское воспитаніе, какъ домашнее, такъ и общественное, уравнявъ его съ мужскимъ и доставивъ желающимъ женщинамъ полный доступъ къ высшему образованію.

Не ограничиваясь допущеніемъ женщинъ къ литературной дѣятельности, чего они давно уже добились, открыть всѣмъ желающимъ свободный путь къ профессіямъ ученой, педагогической, медицинской, адвокатской, чиновничьей.

Вполнѣ признать бракъ договоромъ двухъ свободныхъ и равныхъ между собою лицъ, со всѣми послѣдствіями, вытекающими изъ такого понятія.

Узаконить имущественную независимость женщины и ея самостоятельныя занятія всѣми видами промышленной и торговой дѣятельности.

Вы, русская читательница, конечно, вполнѣ удовольствовались бы такими скромными уступками. Мы съ вами такъ мало требовательны, что готовы радоваться, какъ небесной маннѣ, тому, что на Западѣ недостаточно не только для такихъ образованныхъ женщинъ, какъ г-жа Милль, но и для простыхъ горничныхъ, подающихъ петиціи въ англійскій парламентъ о дарованіи имъ избирательнаго права. Но вѣдь насъ это пока не касается, и поэтому, у насъ легче, чѣмъ на Западѣ, сравняться женщинѣ съ мужчиной во всѣхъ правахъ: различіе между ними не такъ велико, какъ тамъ. Но и при всей умѣренности твоихъ

желаній, ты не воображай, что успѣешь удовлетворить имъ безъ безсмысленнаго издѣвательства надъ тобой умственной черни, безъ настойчивой борьбы съ общественными предразсудками и растлѣніемъ. Ты уже успѣла испытать все это: ученые намѣренно говорили тебѣ на лекціяхъ сальныя мерзости; эскулапы, боясь твоей конкурренціи, инсинуировали на тебя въ газетахъ; случалось нерѣдко, что при твоей работѣ на телеграфѣ, со всѣхъ станцій телеграфисты посылали тебѣ пахабныя телеграммы; беллетристы обливали тебя вонючими помоями своей фантазіи; надъ тобой издѣвались за твое пренебреженіе китайскими приличіями, тебя преслѣдовали за неношеніе кринолина. Ты не отступила передъ этими пошлостями, и честь тебѣ. Не отступай же никогда и при каждой своей удачѣ, какъ бы значительна она ни была, не забывай опасностей, отъ которыхъ твое дѣло можетъ погибнуть также, какъ погибло дѣло женской эманципаціи при паденіи Греціи, Рима, въ эпоху реформаціи, въ началѣ XIX столѣтія. Бойся тѣхъ элементовъ, которые въ упомянутые періоды губили женское дѣло, а главное, бойся основывать свою свободу на какой бы то ни было неволѣ другихъ. Вспомни о томъ первичномъ періодѣ женской исторіи, когда не было еще ни патріархальной іерархіи, ни привилегій рожденія, ни кастъ, ни подчиненія женщины; когда въ жизни царили принципы материнства и равенства. Мужчина своею физическою силою поработилъ женщину, а созданная имъ патріархальная система осудила ее на вѣчное рабство, ознаменовавъ періодъ своего господства развитіемъ привилегій рожденія, кастъ, семейнаго деспотизма и общественной тиранніи. Въ Греціи, въ Римѣ, въ новой Европѣ женщина вела почти непрерывную борьбу за свое освобожденіе, и достигая нерѣдко значительныхъ успѣховъ, не могла однакожъ долго пользоваться ими и снова падала модъ напоромъ реакціи. Главная причина этого заключалась въ аристократическомъ характерѣ тогдашней эманципаціи. Эманципированныя барыни заражались всѣми пороками и недостатками тунеядной и выродившейся аристократіи; они пользовались свободой только для того, чтобы кутить на пропалую и проматывать богатства, созданныя трудомъ рабовъ ихъ. Когда же низшіе классы, вовсе непричастные ни къ цивилизаціи аристократіи, ни къ освобожденію барынь, принуждали аристократію къ уступкамъ и дѣлались общественною силою, то при возстановленныхъ ими патріархальныхъ порядкахъ женщина снова и надолго лишалась уже достигнутой ею свободы. Таковы были результаты развитія въ Европѣ буржуазіи и крестьянства, а Римъ, если бы его не покорили варвары, возстановившіе патріархальное семейство, по всей вѣроятности, перешелъ бы въ руки своихъ рабовъ и раззоренныхъ массъ народа, а тогда реставрація патріархальности и новое порабощеніе женщины были бы также неиз-

бѣжны. Эманципація женщины будетъ успѣшна вполнѣ лишь тогда, когда она распространится на всѣхъ женщинъ. Но развѣ возможно эманципировать невольницу отъ мужа, оставивъ ее въ рабствѣ у господина или кулака эксплуататора; развѣ возможно, освободивъ женщину отъ мужа, оставить послѣдняго въ нищенской неволѣ или кабалѣ!.. Да, женское дѣло связано тѣснѣйшими узами со всѣмъ соціальнымъ прогрессомъ человѣчества. Это обстоятельство, увеличивая число враговъ женщины, въ то же время даетъ ей многихъ и сильныхъ союзниковъ, подъ общимъ напоромъ которыхъ должны постепенно изчезать разные виды общественныхъ золъ и напастей. Много тормазовъ, препятствующихъ нашему развитію, много преградъ на пути къ нашему благоденствію; но эти тормазы сокрушимы, эти преграды уже ветхи. Передъ умомъ, просвѣщеннымъ наукою, передъ знаніемъ, разумнымъ трудомъ и любовью, они должны пасть, и падутъ одна за другой, и ужъ падаютъ!..

II

ДѢТОУБІЙСТВО.

ДѢТОУБІЙСТВО.

Съ тѣхъ поръ, какъ статистика, вооруженная цифрами и строго логическими выводами, основанными на цифрахъ, бросила свѣтъ на явленія общественной жизни, дѣтоубійство, въ различныхъ своихъ формахъ и проявленіяхъ, сдѣлалось предметомъ величайшаго интереса для современной литературы. Экономическое значеніе этого вопроса имѣетъ громадную важность для общества; оно не можетъ оставаться равнодушнымъ къ дѣтоистребленію, если хоть сколько нибудь заботится о своемъ благосостояніи. Мы увидимъ ниже, что бѣдность служитъ главнымъ источникомъ дѣтоубійства и прямо вліяетъ на его развитіе. Чѣмъ бѣднѣе общество, чѣмъ ниже уровень его матеріяльнаго существованія, тѣмъ слабѣе любовь родителей къ дѣтямъ и тѣмъ выше цифра дѣтоубійствъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ гнетущей нужды. Дѣти — первая жертва такого ненормальнаго порядка вещей. Кромѣ того дѣтоубійство имѣетъ непосредственное отношеніе къ организаціи брака, семейства, къ воспитанію, и вообще къ тѣмъ основнымъ принципамъ, на которыхъ установлена политическая и общественная форма народной жизни. Исторія поясняетъ этотъ вопросъ во многихъ отношеніяхъ, и потому мы обратимся прямо къ ней, говоря о дѣтоубійствѣ.

I.

Основная форма общественной жизни—брачный союзъ, у народовъ дикихъ и полудикихъ вовсе не имѣетъ того значенія, какое придается ей новѣйшимъ правомъ; это не свободный союзъ мужчины и женщины, а безусловное подчиненіе жены мужу. Жена относится здѣсь къ своему супругу, какъ вещь къ владѣльцу, какъ раба къ господину.

Сообразно съ такими отношеніями мужа къ женѣ устроены на первыхъ ступеняхъ человѣческой культуры и отношенія дѣтей къ родителямъ. Дѣти, какъ существа слабыя, представляютъ собою рабовъ, собственность ихъ сильнаго отца. Они стоятъ къ нему точно въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ находится дикій человѣкъ къ своимъ грознымъ божествамъ. Какъ боги сотворили міръ, такъ и отецъ сотворилъ своихъ дѣтей. Какъ боги — властители вселенной, такъ и отецъ властитель своихъ дѣтей. Какъ личность человѣка совершенно отрицается грозными своимъ необузданнымъ всемогуществомъ божествами, такъ и личность дѣтей совершенно изчезаетъ передъ ихъ отцомъ, передъ ихъ земнымъ, домашнимъ, видимымъ божествомъ. Онъ полный ихъ господинъ; онъ можетъ продать, бросить, убить ихъ; у нѣкоторыхъ народовъ, напр., у китайцевъ характеръ такого отношенія отца къ дѣтямъ, какъ къ собственности, выясняется еще тѣмъ обычаемъ, по которому неимѣющій своихъ дѣтей отецъ можетъ *купить* чужихъ и усыновить ихъ. У дикаго народа положеніе дѣтей самое несчастное: отецъ дѣлаетъ съ ними что хочетъ, и никто не можетъ да и не думаетъ вмѣшиваться въ его домашнія дѣла, въ его распоряженія своею собственностью. Любовь къ матери также не можетъ служить дѣтямъ защитою и охраною отъ отцовскаго деспотизма и самодурства: мать такая же раба, какъ и дѣти, она также безусловно зависитъ отъ того человѣка, котораго они называютъ своимъ отцомъ. Отецъ иногда убиваетъ здѣсь ребенка также не стѣсняясь, какъ человѣкъ цивилизованный разбиваетъ иногда въ гнѣвѣ чашку. Дарвинъ въ своемъ путешествіи, напр., разсказываетъ: „Байронъ былъ свидѣтелемъ въ Огненной Землѣ, какъ несчастная мать поднимала своего окровавленнаго и умирающаго ребенка, котораго отецъ швырнулъ о камни за то, что онъ уронилъ корзину съ морскими яйцами“. Съ переходомъ дикаго народа къ общественной жизни, такой порядокъ вещей не только не прекращается, но даже санкціонируется писаннымъ правомъ. Отецъ по прежнему остается верховнымъ владѣльцемъ и судьей своего дитяти; онъ можетъ наказывать его и казнить смертью, т. е. убивать. И даже въ довольно развитыхъ государствахъ, напр., въ Китаѣ, законы вполнѣ утверждаютъ за отцомъ такое право жизни и смерти надъ своимъ ребенкомъ. Дѣтоубійство здѣсь не преступленіе закона, а только его выполненіе. У другихъ же народовъ, болѣе развитыхъ соціально, законъ предписываетъ отцу передавать совершеніе этого юридическаго дѣтоубійства судебной власти. Такъ у древнихъ евреевъ отецъ передавалъ своего провинившагося сына судьямъ, которые и назначали ему наказаніе, часто весьма жестокое, напр. смертную казнь черезъ побіеніе камнями. Убійство ребенка, совершенное самимъ отцомъ при господствѣ такого закона, считается, однакожъ, не столько уголовнымъ преступленіемъ, сколько нравственнымъ проступкомъ. При

этомъ отцовскія права собственности на ребенка нисколько не отвергаются закономъ, и послѣдній налагаетъ на дѣтоубійцу-отца самое легкое наказаніе, въ родѣ христіанскихъ церковныхъ покаяній. Въ древнемъ Египтѣ, напр., отецъ, убившій своего ребенка, былъ обязанъ въ наказаніе продержать на своихъ рукахъ его трупъ три дня и три ночи, подъ надзоромъ стражи.

При такомъ покровительствѣ преступленіямъ, совершаемымъ родителями противъ личности своихъ дѣтей, право варварскихъ народовъ строго, жестоко наказываетъ каждый проступокъ дѣтей по отношенію къ родителямъ. Такъ, напр., по китайскому праву дѣти подвергаются смертной казни „за недостатокъ уваженія въ своимъ родителямъ" и за самыя незначительныя ихъ оскорбленія. Если же сынъ обругаетъ отца, замахнется или ударитъ его, то онъ осуждается на ужасную смерть, на такъ называемое „разсѣченіе на 10,000 частей"; его жилище сравнивается съ землею, всѣ чиновники той области, въ которой совершено столь ужасное преступленіе, лишаются своихъ мѣстъ; объ этомъ злодѣяніи немедленно докладывается самому Сыну Неба, и скоро по всему Китаю разносится о преступленіи вѣсть и раздаются народныя проклятія противъ ужаснаго злодѣя. И что всего хуже, судъ, во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ, не требуетъ отъ отца никакихъ доказательствъ, а казнитъ обвиняемаго по одному голословному доносу родителя.

При такомъ отсутствіи нравственныхъ и юридическихъ обязанностей родителей къ дѣтямъ, при такой безконтрольности отцовскаго произвола не можетъ быть вовсе или можетъ быть, но чрезвычайно мало, причинъ, которыя задерживали бы преступныя стремленія къ дѣтоубійству, вызываемыя разнообразными побудительными обстоятельствами.

Самымъ сильнымъ изъ этихъ обстоятельствъ является исконный и заклятый врагъ человѣка—бѣдность. Въ дикой жизни люди не дѣлаютъ, да и не могутъ дѣлать большихъ сбереженій, значительныхъ запасовъ; живя охотою или рыболовствомъ, они добываютъ себѣ только насущное пропитаніе. Малѣйшая неудача въ промыслахъ подвергаетъ ихъ голоду, со всѣми ужасными его послѣдствіями. Значительная прибыль непроизводительныхъ лицъ въ семьѣ или племени—дѣтей, стариковъ и больныхъ—ведетъ за собою тѣ же результаты. И въ томъ и другомъ случаѣ является потребность уравновѣсить число потребляющихъ пищу лицъ съ количествомъ самой пищи. Средствомъ для такого уравновѣшиванія служитъ истребленіе лишнихъ, непроизводительныхъ членовъ семьи. Если голодъ достигаетъ высшей степени, то эти непроизводительные члены истребляются *производительно*, т. е. съѣдаются тѣми, кто ихъ убиваетъ. Голодъ служитъ самою сильною и, у большинства антропофаговъ, единственною причиною людоѣдства. Одна

древняя сѣверная легенда, приводимая Клеммомъ въ его Allgemeine Culturwissenschaft, говоритъ, что какое-то семейство въ своихъ отдаленныхъ странствованіяхъ встрѣтилось съ дикими людьми, которые, въ случаѣ голода, пожирали своихъ престарѣлыхъ родственниковъ, *убивая охотнѣе этихъ безполезныхъ людей, чѣмъ своихъ полезныхъ собакъ.* Такимъ же разсчетомъ руководятся, въ случаѣ голода, и другіе дикари. Почти всѣ дикіе жители островов Южнаго океана, въ случаѣ крайности, убиваютъ и ѣдятъ своихъ женъ, дѣтей и родителей. То же самое говоритъ Дарвинъ въ своемъ путешествіи о дикаряхъ южной Америки, а многіе другіе путешественники о варварахъ Австраліи. Африки и Азіи. Между инородцами Сибири также не разъ проявлялось людоѣдство, до котораго ихъ доводилъ голодъ—родители пожирали своихъ дѣтей, дѣти родителей, какъ было, напр., въ Туруханскомъ краѣ въ 1816 году *).

Мы сказали выше, что бѣдность и вообще плохія условія варварской и полуварварской жизни принуждаютъ часто людей, посредствомъ убійства непроизводительныхъ членовъ семьи, возстановлять равновѣсіе между скуднымъ количествомъ пищи и числомъ ея потребителей. Горестный опытъ жизни скоро научаетъ людей предупреждать нарушенія такого равновѣсія посредствомъ дѣтоубійства и плодоизгнанія. Всѣ народы употребляютъ эти ужасныя средства, чтобы избавиться отъ чрезмѣрнаго увеличенія народонаселенія. Само собою понятно, что при этомъ долженъ дѣлаться выборъ между убиваемыми; разсчетъ заставляетъ истреблять только тѣхъ, которые или уродливы или больны, и поэтому всегда будутъ непроизводительными потребителями и тягостью своихъ семействъ, обязанныхъ ихъ пропитывать. Далѣе, тотъ же разсчетъ заставляетъ истреблять преимущественно дѣвушекъ, а мальчиковъ оставлять и воспитывать. Мальчикъ будетъ помощникомъ отца, работникомъ семьи, ея защитникомъ и мстителемъ въ смутахъ варварской жизни. Онъ съ лихвой вознаградитъ за свое воспитаніе. Дѣвушку же нужно воспитывать, тратиться на нее, а потомъ отдать ее замужъ, и, у многихъ народовъ, непремѣнно съ приданымъ. Слѣдовательно, ея жизнь—чистый убытокъ для ея родителей. Кромѣ того, это предпочтеніе сыновей дочерямъ имѣетъ еще и религіозное основаніе, тѣсно связанное съ институтомъ первобытнаго наслѣдства. Умираетъ отецъ патріархальнаго семейства, и его власть, его имущество, всѣ его прерогативы и семейныя обязанности переходятъ къ сыну. Сынъ становится главою осиротѣвшаго семейства и обязанъ кормить душу своего умершаго родителя—обычай, превращающійся съ дальнѣйшимъ развитіемъ народа, въ принесеніе жертвъ съ цѣлью

*) Подробности объ этомъ см. въ моей статьѣ: «Сибирскіе Инородцы въ XIX столѣтіи», въ журналѣ «Дѣло» 1867 г., книжка VIII.

искупленія души покойника отъ мученій ада. Яснѣе всего это первобытное воззрѣніе выражается въ индійскомъ наслѣдственномъ правѣ, которое Гансъ справедливо называетъ *наслѣдственнымъ правомъ жертвъ по усопшемъ*. Женщина же, по воззрѣнію дикихъ народовъ, недостойна такой роли; это существо отверженное, хотя и прекрасное, источникъ зла и оскверненія, хотя въ тоже время и источникъ высочайшихъ чувственныхъ наслажденій. Поэтому у всѣхъ дикихъ и культурныхъ народовъ, стоящихъ внѣ европейской цивилизаціи, рожденіе сына считается благословеніемъ неба и наполняетъ весь домъ радостью; рожденіе же дочери, напротивъ, считается бѣдствіемъ и повергаетъ всѣхъ въ уныніе. Такъ было, напр., у старинныхъ арабовъ. Магометъ, описывая впечатлѣніе, производимое на араба рожденіемъ его дочери, говоритъ въ своемъ Коранѣ: „когда его извѣщаютъ о рожденіи дѣвушки, его лицо дѣлается мрачнымъ и онъ впадаетъ въ глубокую печаль; онъ скрывается отъ людей, размышляя про себя— долженъ ли онъ держать рожденную съ безчестіемъ или погребсти ее во прахѣ“. И до сихъ поръ у арабовъ рожденіе мальчика сопровождается шумными празднествами, а рожденіе дѣвушки, „ничтожнаго ребенка“, по ихъ выраженію, повергаетъ всѣхъ въ печаль. То же самое мы видимъ у индѣйцевъ, индусовъ, персовъ, негровъ, японцевъ и у другихъ древнихъ и новыхъ народовъ, въ особенностя же у китайцевъ. „Спрашивать китайскаго мандарина,—говоритъ Гюцлафъ—есть ли у него дочери, значитъ наноситъ ему жестокую обиду“. Неимѣніе сыновей и постоянное рожденіе дочерей считается величайшимъ бѣдствіемъ для отца китайскаго семейства. Въ книгѣ Гюка „l'Empire Chinois“, разсказывается, что такіе отцы иногда перерѣзываютъ горло своимъ дочерямъ, хладнокровно наблюдая за стремительностью и направленіемъ кровавой струи, такъ какъ по этимъ признакамъ, вѣрятъ они, можно узнать, скоро ли у нихъ родится сынъ.

Всю силу и роковое значеніе приведенныхъ выше причинъ показываютъ страшные размѣры и сильная распространенность производимаго ими дѣтоубійства.

По словамъ Діодора, въ Табропанѣ (вѣроятно, на о. Цейлонѣ) всѣ безобразныя дѣти предавались смерти. То же самое было, по свидѣтельству Кв. Курція, въ Сапитскомъ царствѣ. Въ настоящее время на Цейлонѣ и Мадагаскарѣ убиваются всѣ дѣти, рожденіе которыхъ астрологи объявляютъ несчастливымъ. Ребенокъ, обыкновенно, выбрасывается на съѣденіе звѣрямъ и муравьямъ или же умираетъ отъ холода и голода. Всѣ мальчики оставляются въ живыхъ, и кромѣ того первая дѣвочка; всѣ слѣдующіе истребляются, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ дѣтоубійство, рѣдко можно встрѣтить въ семействѣ больше одной дочери.

Гагасы, жившіе до 1540 г. Сіерра-де-Леонъ, убивали своихъ дѣтей

при самомъ ихъ рожденіи, погребая ихъ живыми. Они не воспитывали ни одного своего ребенка, но захватывали у враждебныхъ народовъ въ плѣнъ взрослыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ и присоединяли ихъ къ своимъ семействамъ.

У нѣкоторыхъ племенъ языческихъ арабовъ дочерямъ позволяется жить только до шестилѣтняго возраста. Когда наступитъ этотъ возрастъ, и когда отецъ рѣшается убить свою дочь, онъ приказываетъ нарядить ее и умастить благоуханіями; затѣмъ онъ ведетъ ее къ глубокому колодцу и, поставивъ ее передъ собой, приказываетъ наклониться и посмотрѣть въ колодезь. Сильнымъ ударомъ въ затылокъ онъ сталкиваетъ ее внизъ головой; затѣмъ колодезь забрасывается и сравнивается съ землей. По другимъ извѣстіямъ, лишь только женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, тотчасъ выкапывается глубокая яма, и если родится дочь, ее немедленно погребаютъ живою въ этой ямѣ.

Въ Новой Голландіи матери, обыкновенно, убиваютъ больныхъ и уродливыхъ дѣтей. Если мать умираетъ вскорѣ послѣ родовъ, ребенокъ живымъ погребается вмѣстѣ съ нею, такъ какъ его некому кормить грудью. Изъ новорожденныхъ близнецовъ одинъ также убивается, въ особенности если это дѣвочка.

Въ Новой Зеландіи дѣтоубійство чрезвычайно распространено. Матери, всосывая свои пальцы въ слабые швы черепа новорожденныхъ, разворачиваютъ имъ голову.

На Отаити, по словамъ Тернбулля, до введенія христіанства истреблялось около двухъ третей новорожденныхъ, и этому ужасному обычаю путешественники приписываютъ, главнымъ образомъ, быструю убыль отаитскаго народа, котораго въ 1746 г. считалось около 20,000, а въ началѣ нынѣшняго вѣка только 5,000. Дѣтоубійство здѣсь не считалось ни преступленіемъ, ни безнравственнымъ дѣломъ, и племенные начальники не имѣли никакого права вмѣшиваться въ то, какъ отецъ семьи „распоряжается своею собственностью“. Если мужъ прогонялъ отъ себя жену, то могъ убить и рожденнаго отъ нея ребенка. Если вождь имѣлъ сожительство съ женщиною низшаго сословія, то всѣ дѣти, бывшія результатомъ такой связи, предавались смерти; равнымъ образомъ истреблялись всѣ незаконнорожденныя дѣти женщинъ высшаго сословія. Могила для ребенка была готова еще до его рожденія, и сплошь и рядомъ изъ утробы матери онъ переходилъ прямо въ эту могилу. Дочерей своихъ отаитяне отдавали въ кортомъ для разврата; въ случаѣ выбора себѣ новой любовницы мужъ могъ бросить прежнюю и убить рожденныхъ отъ нея дѣтей. Сильное распространеніе между жителями разврата вело за собою и усиленіе дѣтоубійства.

На Сандвичевыхъ островахъ дѣтоубійство было также всеобщимъ.

Но съ недавняго времени оно значительно уменьшилось, по крайней мѣрѣ, не совершается открыто, такъ какъ законъ объявилъ его уголовнымъ преступленіемъ. За то усилилось плодоизгнаніе, какъ это всегда бываетъ въ варварскихъ странахъ, лишь только законъ и религія начинаютъ преслѣдовать дѣтоубійство; дѣти вытравляются на четвертомъ или пятомъ мѣсяцѣ беремености, съ большимъ вредомъ для здоровья и жизни ихъ матерей.

На о-вѣ Формозѣ женщинамъ не дозволяется родить до 35-лѣтняго возраста; въ случаѣ беременности до этого срока, жрецы производятъ вытравленіе плода.

На Парагоѣ, одномъ изъ Филиппиновъ, дѣти несовершеннаго тѣлосложенія, которыя не могли бы впослѣдствіи сами добывать себѣ пропитаніе, закапываются живыми въ землю.

Въ Камчаткѣ, послѣ завоеванія и раззоренія ея казаками, дѣтоубійство приняло громадные размѣры. Изъ двухъ близнецовъ одного непремѣнно убивали. Часто отцы семействъ взбунтовавшагося рода избивали своихъ женъ и дѣтей и шли на смертельную битву съ русскими. По словамъ Крашенинникова, камчадалки часто стараются сдѣлаться безплодными или вытравить плодъ посредствомъ пріема травъ и кореньевъ.

На Курильскихъ островахъ дѣтоубійство также въ ходу, и изъ двухъ близнецовъ въ живыхъ оставляется обыкновенно одинъ. Этому, между прочимъ, слѣдуетъ приписать то, что съ многочисленнаго нѣкогда племени курильцевъ въ 1860 г. осталось въ живыхъ только 66 человѣкъ обоего пола.

Въ Гренландіи, если умершая мать оставляетъ младенца, и если у отца некому воспитывать его, то онъ завертываетъ его живаго вмѣстѣ съ трупомъ матери въ звѣриныя шкуры и, отнесши ихъ на высокій холмъ, заваливаетъ ихъ тяжелыми каменьями.

Эскимосы, кочующіе по берегамъ Гудсонова залива, часто заставляютъ своихъ женъ производить плодоизгнаніе посредствомъ принятія годныхъ для того травъ.

Хотя, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ, нѣкоторыя племена сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, имѣютъ благородное отвращеніе отъ дѣтоубійства; хотя индѣйцы Кри вѣрятъ въ загробное наказаніе за это преступленіе, думая, что дѣтоубійца никогда не будетъ въ состояніи взобраться на *гору*, — какъ они называютъ свой рай, — а будетъ вѣчно блуждать около мѣста совершенія преступленія, съ множествомъ древесныхъ вѣтвей, опутавшихъ его ноги, — тѣмъ не менѣе дѣтоубійство распространено и между сѣверными индѣйцами. О старинныхъ индѣйцахъ авторъ Исторіи Америки, Робертсонъ, говоритъ, что бѣдность и постоянныя лишенія заставляли ихъ женъ избавляться отъ дѣтей еще до ихъ рожденія посредствомъ плодоизгнанія. Женщины, обыкновенно кормили ребенка грудью впродолженіе

нѣсколькихъ лѣтъ, а такъ какъ трудно кормить заразъ нѣсколькихъ дѣтей, то всѣ зачатые въ этотъ періодъ или вытравлялись, или убивались послѣ рожденія. Одинъ изъ родившихся близнецовъ убивался. Вмѣстѣ съ умершею матерью погребался и оставленный ею младенецъ. У нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ эти обычаи сохранились до позднѣйшаго времени. Такъ чоктавы иногда погребаютъ своихъ дѣтей живыми, удавляютъ или удушаютъ ихъ. По свидѣтельству Дениза плодоизгнаніе также до сихъ поръ въ большомъ употребленіи у индѣйцевъ, а Шарльвуа говоритъ, что малютки, потерявшія свою мать, погребаются вмѣстѣ съ нею, если только, по другому извѣстію, ихъ не берутъ себѣ на воспитаніе ближайшіе родственники. Положеніе женщинъ у многихъ племенъ такъ несчастно, что матери избиваютъ дочерей изъ любви къ нимъ, считая *благодѣяніемъ* избавить ихъ такимъ образомъ отъ угрожающей имъ участи. По тѣмъ же самымъ побужденіямъ, жены южныхъ индѣйцевъ на Ориноко убиваютъ своихъ дочерей при самомъ ихъ рожденіи. Дѣтоубійство очень распространено и между другими племенами Южной Америки; оно господствуетъ у абипоньяновъ, ароканов и т. д. Женщины Гвіаны, не желая подвергать своихъ дочерей той же судьбѣ, какую терпятъ сами, убиваютъ ихъ тотчасъ послѣ рожденія. Одного изъ близнецовъ убиваютъ, чтобы избавить семейство отъ позора, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, общему многимъ дикарямъ, два близнеца имѣютъ не одного, а двухъ отцовъ; только крысы, опоссумы и т. п. животныя, говорятъ они, рождаютъ разомъ отъ одного отца нѣсколько дѣтей, а не человѣкъ. Безобразныя и больныя дѣти также истребляются.

Тѣ же самыя причины—бѣдность, непропорціональность народонаселенія матеріальнымъ средствамъ и несчастное положеніе женщины,—дѣлаютъ дѣтоубійство необходимою принадлежностью жизни не однихъ дикихъ, но и культурныхъ народовъ. У народовъ Востока, достигшихъ извѣстной степени цивилизаціи, упомянутыя причины дѣйствуютъ даже сильнѣе, чѣмъ въ дикой жизни. Съ осѣдлостью, съ развитіемъ промышленности и съ образованіемъ немногочисленнаго класса богачей и многочисленныхъ нищенствующихъ массъ, съ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ народонаселенія, какъ наприм. въ Китаѣ, дѣтоубійство необходимо усиливается. Но, съ другой стороны, въ культурной жизни является реакція этому преступленію, хотя довольно слабая. Мы видѣли выше, что даже нѣкоторые дикари чувствуютъ отвращеніе отъ дѣтоубійства, облекаемаго ими въ форму религіознаго вѣрованія. Съ развитіемъ же народа постепенно усиливается и сознаніе преступности дѣтоубійства. Такъ китайское право запрещаетъ дѣтоубійство, считаетъ его преступленіемъ, и Гюкъ говоритъ, что китайскіе администраторы часто издаютъ указы, подтверждающіе упомянутый законъ и грозящіе за его нарушеніе. Индѣйское право въ *Брема-Виванта-*

Пурана запрещаетъ даже плодоизгнаніе; оно говоритъ, что это — великое преступленіе, равнозначительное убійству брамина, и что преступникъ будетъ мучиться за него на днѣ ада *Нарка* столько лѣтъ, сколько необходимо для того, чтобы на тѣлѣ ребенка выросли волосы. Магометъ въ Коранѣ также вооружается противъ дѣтоубійства: „не убивайте своихъ дѣтей, ибо убійство ихъ есть великій грѣхъ!" Послѣ принятія магометанства арабами господствовавшее между ними дѣтоубійство уменьшилось, а у нѣкоторыхъ племенъ даже вовсе прекратилось. То же было замѣчено и въ другихъ странахъ, гдѣ магометане вводили свою религію. Но магометанство, какъ и всякая другая религія, ослабляло дѣтоубійство только на первыхъ порахъ, въ тотъ короткій періодъ религіознаго увлеченія новообращенныхъ, типомъ котораго можетъ служить первое время христіанства, съ его мучениками, братскими общинами, аскетами и подвижниками. Обыкновенно этотъ періодъ продолжается недолго. Религіозное увлеченіе остываетъ, на религію ложится печать обыденности и сдержанные ею на время инстинкты проявляются съ прежнею силою, хотя, иногда, и въ отличной отъ прежняго формѣ. Во многихъ странахъ, гдѣ, подъ вліяніемъ новой религіи, законъ началъ вооружаться противъ дѣтоубійства, усилилось плодоизгнаніе или потому, что законъ данной страны не считалъ его преступленіемъ, или потому, что его легче скрывать, чѣмъ дѣтоубійство. Кромѣ того, съ переходомъ народа къ осѣдлой жизни у него является еще другой суррогатъ дѣтоубійства — подкидыванье или выбрасыванье дѣтей. Въ дикой, кочевой жизни выбросить ребенка значитъ навѣрное подвергнуть его смерти или отъ холода и голода, или отъ животныхъ; выбрасывая же его въ осѣдлой, населенной странѣ можно надѣяться, что его подберетъ какой нибудь сострадательный человѣкъ и сохранитъ ему жизнь. А для большинства родителей, конечно, легче, выбрасывая ребенка, утѣшаться этою надеждою, чѣмъ прямо своими руками душить или рѣзать его. Выбрасыванье и продажа дѣтей особенно свирѣпствовали всегда въ Китаѣ. Родители здѣсь съ древности продаютъ мальчиковъ въ рабство, а дочерей содержателямъ проституціонныхъ домовъ; Марко-Поло говоритъ, что при немъ въ одномъ какомъ-то городѣ такихъ проститутокъ было 25,000. Стаунтонъ, Дюгальдъ, Гюкъ и др. свидѣтельствуютъ, что дѣти выбрасываются по всему Китаю, ежегодно десятками тысячъ, и выбрасываются не только на улицы городовъ, но и на большія дороги, гдѣ они погибаютъ или отъ животныхъ, или подъ колесами экипажей. „Въ Кантонской провинціи — напр., говоритъ губернаторскій приказъ 1848 г.,—существуетъ гнусный обычай бросать маленькихъ дѣвочекъ,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ потому, что семья бѣдна и не въ состояніи пропитывать многихъ дѣтей; въ другихъ же случаяхъ потому, что родители желаютъ мальчика". Въ Пекинѣ и дру-

гихъ большихъ городахъ дѣтей бросаютъ въ общія могилы, устроиваемыя правительствомъ для бѣдныхъ покойниковъ, родственники которыхъ не имѣютъ средствъ на ихъ погребеніе. Кромѣ того ребятъ бросаютъ въ рѣки, привязывая ихъ часто къ тыквѣ, чтобы они не утонули и чтобы сострадательные люди могли спасти ихъ. Баррау, основываясь на лучшихъ авторитетахъ, говоритъ, что въ одномъ только Пекинѣ ежегодно выбрасывается родителями 9,000 дѣвочекъ. Такое громадное выбрасыванье дѣтей вело за собою въ Китаѣ, какъ и во всѣхъ культурныхъ странахъ, учрежденіе домовъ для найденышей. Одинъ вельможа въ провинціи Манги ежегодно спасалъ отъ смерти до 20,000 найденышей, выброшенныхъ ихъ бѣдными родителями. Онъ обучалъ мальчиковъ ремесламъ и потомъ женилъ ихъ на дѣвочкахъ-найденышахъ, воспитанныхъ имъ же. Около 1720 г. домъ для найденышей былъ основанъ въ Пекинѣ. Еще есть такой же домъ въ Макао, основанный португальцами.

Но ни угрозы закона, ни обычай выбрасыванья дѣтей, ни дома для найденышей — ничто не уменьшаетъ размѣровъ дѣтоубійства. По словамъ аббата Бержье, въ Китаѣ ежегодно около 30,000 дѣтей предается смерти; Баррау считаетъ ихъ отъ 10,000 до 20,000 въ годъ. Ихъ топятъ, душатъ, закапываютъ живыми въ землю, рѣжутъ. Кромѣ того весьма распространенъ обычай плодоизгнанія. Въ Тонкинѣ, напр., существуетъ цѣлый классъ женщинъ, занимающихся исключительно этою выгодною профессіей.

Въ Японіи, которая, подобно Китаю, страдаетъ чрезвычайною густотою населенія, дѣтоубійство, по словамъ Неймана, также въ большомъ ходу, особенно у бѣднаго класса.

То же самое видимъ и въ странахъ магометанскихъ, несмотря на запрещеніе Корана и основаннаго на немъ закона. Въ этихъ странахъ въ особенности свирѣпствуетъ плодоизгнаніе. Блакьеръ говоритъ, что триполисскіе паши заставляли дѣлать это своихъ беременныхъ женъ. Докторъ Брайсъ пишетъ, что турчанки очень склонны къ этому преступленію, частію по своему отвращенію къ частой беременности, частію побуждаемыя своими мужьями, которые боятся чрезмѣрнаго увеличенія гаремнаго населенія, сидящаго на ихъ содержаніи. Вытравленіемъ плода и лишеніемъ женщинъ способности производить въ Турціи занимаются повивальныя бабки, нѣкоторыя изъ нихъ наживаютъ этимъ искуствомъ и богатство и славу. Въ Египтѣ дѣтоубійство и плодоизгнаніе также распространены, особенно послѣднее; имъ занимаются арабскіе медики. Дѣтоубійство здѣсь рѣдко наказывается, такъ какъ виновнымъ легко избѣжать уличенія. Дѣвушка, вытравившая плодъ, должна въ наказаніе освободить одного невольника. Замужняя женщина, убившая своего новорожденнаго ребенка, можетъ быть наказана только въ томъ случаѣ, если при самомъ убійствѣ присутство-

вали два свидѣтеля. Если она уличена, то мужъ долженъ или оштрафовать ее деньгами или посадить въ тюрьму. Поклявшись въ своей невинности, она тотчасъ освобождается отъ дѣла.

Въ Индустанѣ дѣтоубійство существовало еще до завоеванія его индусами и удержалось между туземцами до сихъ поръ. Гонды, по словамъ Неймана, истребляютъ своихъ дочерей въ огромномъ числѣ. „Этотъ обычай основывается частію на ихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, частію на ихъ общественныхъ отношеніяхъ. Женщины, подобно богинѣ земли, считаются виновницами всякаго зла. За каждый проступокъ своей замужней дочери отецъ долженъ отвѣчать ея мужу, семейству или роду. Распутная женщина считается позоромъ и проклятіемъ для всѣхъ ея родственниковъ, для всей общины. Поэтому дѣвушки убиваются массами, обыкновенно въ седьмой день послѣ ихъ рожденія. Въ трехъ общинахъ гондовъ и шеріевъ, слѣдовательно только на одномъ небольшомъ клочкѣ великой индійской земли, ихъ убивается ежегодно до 1,300“. На полуостровѣ Гуджератѣ число ежегодно истребляемыхъ дѣтей полагается въ 5,000, а въ Кучъ-Галларъ и Матсинъ-Канта до 30,000 ежегодно. Истребляются вездѣ преимущественно дѣвочки. Мотивы этого истребленія различны. У племенъ раджъ-кумаръ, рагуванса, раджпутъ, джамъ, міазе и др. дѣвушки убиваются главнымъ образомъ по невозможности составить имъ приличную партію и дать имъ приданое; недача приданаго дочери считается несмываемымъ позоромъ для отца семейства. Поэтому всѣ почти дѣвушки у этихъ племенъ истребляются, а жены берутся изъ другихъ племенъ. Въ нѣкоторыхъ семействахъ, впрочемъ, одна оставляется въ живыхъ, если нѣтъ сыновей. Кромѣ того, незаконнорожденныя дочери большею частію избавляются отъ избіенія, такъ какъ народный обычай не обязываетъ ихъ отцовъ давать имъ такое же приличное приданое, какъ законнымъ. Кастовая гордость раджей заставляетъ ихъ также убивать своихъ дочерей, такъ какъ они считаютъ неприличнымъ своему званію выдавать ихъ за кого бы то ни было изъ жителей своей страны. Кромѣ того были еще сильныя историческія причины, содѣйствовавшія усиленію дѣтоубійства. По словамъ Кармака и полковника Уокера, обычай дѣтоубійства между джареджами особенно усилился послѣ магометанскаго завоеванія Сцинде, когда большая часть жителей были принуждены перемѣнить свою вѣру и джареджи были поставлены въ невозможность отдавать своихъ дочерей за окружавшихъ ихъ иновѣрцевъ. Они переселились въ Кучъ, гдѣ и сохранили свою прежнюю религію. Между тѣмъ отдавать дочерей все-таки было не за кого изъ ихъ единовѣрцевъ и въ новомъ мѣстѣ ихъ жительства. Тогда жрецы, раджгуры, предложили убивать дѣвочекъ и взяли на себя религіозную отвѣтственность за этотъ грѣхъ. И съ тѣхъ поръ втеченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ въ ихъ семействахъ вовсе не было дочерей, всѣ онѣ убивались. Этотъ обычай

крѣпко утвердился въ народѣ и упорно продолжалъ держаться даже тогда, когда джареджи нашли возможность отдавать замужъ своихъ дочерей въ родственныя и единовѣрныя имъ племена. Даже индіянки, вышедшія за мужъ за магометанъ, вопреки религіи и желаніямъ своихъ супруговъ, продолжаютъ совершать это преступленіе. Способы дѣтоубійства въ Индіи разнообразны; дѣтей топятъ въ вазѣ, наполненной молокомъ, задушаютъ ихъ тотчасъ послѣ рожденія, заткнувъ имъ ротъ плацентой, отравляютъ опіемъ и т. д. Кромѣ того сильно распространено плодоизгнаніе и на базарахъ британской Индіи открыто продаются средства и даются совѣты для совершенія этого преступленія.

Мы уже говорили выше, что религія и право индусовъ вооружаются противъ разсматриваемаго преступленія, и поэтому мѣры, принимаемыя противъ него англичанами, не могли не найти себѣ партизановъ въ средѣ самихъ индусовъ. И благодаря этимъ мѣрамъ, размѣры индійскаго дѣтоубійства уменьшаются; конечно, этому содѣйствуетъ не законъ, кары котораго были всегда безсильны противъ этого зла, а просвѣтительное вліяніе англійскаго управленія, разрушающаго постепенно тѣ предразсудки, въ силу которыхъ избиваются новорожденныя дѣвушки и вообще дѣти. Дѣтоубійство же, производимое вслѣдствіе бѣдности, продолжаетъ существовать подъ англійскимъ владычествомъ, какъ и прежде. Еще въ декабрѣ 1789 г., вслѣдствіе мѣръ и настояній губернатора Дункана, племя раджъ-кумаръ составило и передало губернатору слѣдующій замѣчательный актъ. „Такъ какъ дошло до свѣдѣнія достопочтенной англійской остъиндской компаніи, что мы не терпимъ у себя своихъ дѣтей женскаго пола; такъ какъ это великое преступленіе, по словамъ Брема-Виванта-Пурана, въ которой даже вытравленіе плода считается также преступнымъ, какъ убійство брамина; такъ какъ за убійство дѣвушки или женщины преступникъ долженъ страдать въ наказаніе въ *Наракъ*, или адѣ, называемомъ *Шутала*, столько лѣтъ, сколько необходимо для того, чтобы на тѣлѣ женщины выросли волоса, такъ какъ послѣ того онъ долженъ родиться снова и преемственно подвергнуться проказѣ и джакхимѣ; такъ какъ британское управленіе Индіи, подданными котораго мы состоимъ, ненавидитъ этотъ убійственный обычай и мы сами, несмотря на господство этого обычая между нами, сознаемъ всю его грѣховность,— то мы рѣшаемся не совершать впредь столь постыдныхъ дѣяній, и кто изъ насъ окажется виновнымъ въ этомъ или не будетъ воспитывать и выдавать своихъ дочерей замужъ за членовъ своей касты, тотъ будетъ изгнанъ изъ нашего племени, не будетъ ни ѣсть, ни имѣть общенія съ нами, кромѣ перенесенія того наказанія, которое опредѣлено въ *Пурана* и *Шастре*". Къ подобной же цѣли и не безъ нѣкотораго успѣха стремился полковникъ Уокеръ (Walker). Принятыя имъ мѣры дѣйствительно уменьшили число избиваемыхъ дѣвочекъ; „естественная

привязанность и родительскія чувства начали брать такой перевѣсъ надъ предразсудками и суевѣріемъ, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ искорененіи этого безчеловѣчнаго обычая". Такъ же успѣшно дѣйствовалъ въ Аудѣ вице-король Индіи лордъ Каннингъ. Подъ его вліяніемъ британско-индійская ассоціація объявила дѣтоубійство важнымъ и гнуснымъ преступленіемъ. Виновный въ немъ лишается своей касты и изгоняется изъ общества равныхъ. Точно также общественное мнѣніе туземцевъ Лагора было возбуждено противъ дѣтоубійства Джономъ Лауренсомъ. Племена, у которыхъ оно господствовало, были приглашены на совѣщаніе по этому поводу, и здѣсь англичане довели ихъ до сознанія великой грѣховности дѣтоистребленія. Здѣсь, съ общаго согласія ихъ, было положено, что размѣры приданаго дочерямъ не должны быть велики, и дѣвушка, вышедшая за члена низшей касты, не теряетъ привилегій своей касты; такимъ образомъ были устранены двѣ самыя сильныя причины убійства дочерей.

До сихъ поръ мы выставляли только тѣ факты дѣтоубійства, которые проистекаютъ или изъ бѣдности, или изъ уродливыхъ общественныхъ отношеній. Но есть еще факторъ, производящій это преступленіе, факторъ, если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, столь же сильный, какъ и бѣдность. Религіозныя вѣрованія и суевѣрія сплошь и рядомъ оказываютъ столь сильное вліяніе на всю жизнь, на всѣ дѣйствія народа, что заставляютъ людей идти противъ законовъ своей природы и извращаютъ самыя лучшія чувствованія человѣческаго сердца. Timor fecit deos, говоритъ Цицеронъ, и это изрѣченіе древняго мыслителя вполнѣ подтверждается изслѣдованіями новѣйшихъ ученыхъ о первобытныхъ религіяхъ, особенно восточныхъ. Сущность отношеній людей къ этимъ жестокимъ божествамъ состоитъ въ жертвоприношеніяхъ. Боги эти требуютъ жертвъ за исполненіе просьбъ вѣрующихъ въ нихъ, и чѣмъ цѣннѣе жертвы, тѣмъ божества благосклоннѣе къ людямъ. Слѣдовательно, во время великихъ общественныхъ бѣдствій или предъ началомъ важныхъ предпріятій, словомъ, при обращеніи къ богамъ съ молитвою о какой-нибудь милости, человѣкъ долженъ приносить въ жертву не телятъ или барановъ, а самую цѣнную свою собственность, т.-е. *своихъ дѣтей* или, по крайней мѣрѣ, своихъ рабовъ. Кромѣ того суевѣрія часто заставляютъ истреблять дѣтей въ силу какихъ-нибудь примѣтъ, показывающихъ, что или смерть дѣтей принесетъ пользу, или ихъ жизнь повлечетъ за собою бѣдствіе.

По свидѣтельству историковъ, древніе египтяне приносили въ жертву своихъ дѣтей. „У древнихъ—говоритъ Санхоніатонъ — былъ обычай, въ силу котораго правители города или народа, во время великихъ бѣдствій и чтобы отвратить погибель всѣхъ, приносили въ жертву мстительнымъ божествамъ самыхъ любимыхъ своихъ дѣтей, какъ цѣну искупленія." Далѣе историкъ говоритъ, что этотъ обычай

былъ введенъ Крономъ, „котораго финикіяне называютъ Илъ, и который послѣ своей смерти былъ обоготворенъ и помѣщенъ на планетѣ, носящей его имя. Будучи царемъ, онъ прижилъ съ нимфой Анобретъ одного сына. Во время великой опасности отъ войны, объявшей страну, онъ украсилъ алтарь и, облекши своего сына эмблемами царства, принесъ его въ жертву.“ Діодоръ разсказываетъ, что „старинные египетскіе цари на могилѣ Озириса приносили въ жертву людей, имѣвшихъ одинъ цвѣтъ кожи съ Тифономъ.“ Манетонъ подтверждаетъ это извѣстіе, говоря, что „египтяне людей *тифонеянъ* сожигали живыми въ городѣ Идифіа и развѣвали ихъ прахъ по вѣтру; это они дѣлали публично и въ опредѣленное время, въ дни собаки.“ Ювеналъ, въ одной изъ своихъ сатиръ, удивляется тому, что египтяне, считая даже лукъ божествомъ, ѣдятъ человѣческое мясо. По словамъ Уистона, еще задолго до Авраама, человѣческія жертвоприношенія существовали и въ Египтѣ, и въ Финикіи; и во многихъ мѣстахъ, хотя и не въ Египтѣ, они продолжались до III, если не до V вѣка по Р. Х.

Исторія Авраама содержитъ въ себѣ всѣмъ извѣстное свидѣтельство о существованіи у евреевъ жертвоприношенія дѣтей и, какъ кажется, объ уничтоженіи этого обычая. Іегова останавливаетъ ножъ Авраама, велитъ ему пощадить Исаака и заколоть вмѣсто него овна. Въ послѣдующіе періоды еврейской исторіи мы вовсе не встрѣчаемъ фактовъ жертвеннаго дѣтоубійства. Іегова постоянно предостерегаетъ свой народъ отъ этого преступленія и сильно осуждаетъ за него язычниковъ. „Кто изъ сыновъ Израиля или изъ иностранцевъ, живущихъ во Израилѣ, принесетъ въ жертву Молоху свое сѣмя (дѣтей), будетъ наказанъ смертью, народъ страны побьетъ его камнями“ *(Левитъ XX, 2)*. Подобныя строгія предписанія были направлены не противъ дѣйствительныхъ, а только противъ возможныхъ фактовъ; они шли не противъ стремленій народа, а совершенно согласовались съ ними, по крайней мѣрѣ, въ извѣстный періодъ еврейской исторіи. Израиль чувствовалъ отвращеніе отъ этой религіозной рѣзни дѣтей. Когда царь моавитскій былъ разбитъ, то онъ принесъ въ жертву всесожженія своего старшаго сына, наслѣдника престола; узнавъ объ этомъ, евреи пришли въ сильное негодованіе и покинули страну. Особенное благоговѣйное уваженіе къ чадородію и вѣра въ пришествіе Мессіи объясняютъ такое отвращеніе ихъ отъ дѣтоубійства. Но лишь только они отступали отъ своей вѣры, тотчасъ воздвигали алтари жестокимъ божествамъ и обагряли ихъ кровью своихъ дѣтей. Объ Ахазѣ разсказывается, что онъ дѣлалъ истукановъ Ваала, сожигалъ благоуханія въ долинѣ Беннемонской и приносилъ въ жертву дѣтей, по обычаю сосѣднихъ язычниковъ. Пророки часто вооружаются противъ этихъ языческихъ обычаевъ и говорятъ, что „израильтяне проливали невинную кровь, кровь своихъ сыновей и своихъ дочерей, приносимыхъ въ жертву идоламъ

Ханаана;" что „они сожигали огнемъ" своихъ дѣтей, „чего Іегова не повелѣлъ и не помыслилъ въ сердцѣ своемъ." Обычай былъ нѣсколько времени сильно распространенъ по Палестинѣ. Долина сыновъ Гинномовыхъ, вблизи Іерусалима, названа такъ отъ криковъ жертвоприносимыхъ тутъ дѣтей; названіе *Тафетъ* также заимствовано отъ шума, которымъ старались заглушить вопли малютокъ, убиваемыхъ на этой горѣ. Царь Іосія положилъ конецъ идолопоклонству и соединенному съ нимъ дѣтоубійству, и „осквернилъ Тафетъ, чтобы никто не могъ приносить тамъ своихъ сыновей и дочерей въ жертву Молоху." Въ послѣдующее время жертвоприношенія дѣтей вовсе не было у евреевъ; въ этомъ ихъ не обвиняютъ даже ихъ жестокіе враги.

Во древней Мехикѣ этотъ варварскій обычай былъ въ большомъ употребленіи. Въ концѣ каждаго мѣсяца приносилось въ жертву нѣсколько плѣнниковъ. Когда начиналъ созрѣвать хлѣбъ, мехиканцы рѣзали въ честь бога водъ трехлѣтнихъ мальчика и дѣвочку. Когда хлѣба поднимались на корнѣ выше двухъ футовъ, приносилось въ жертву четыре шести или семилѣтнихъ ребенка. Кромѣ того, дѣтей топили еще въ озерахъ, жертвуя ихъ озернымъ божествамъ. Въ 1338 г. по Р. X. одинъ царь пожертвовалъ свою дочь въ жены какому-то богу, и она была зарѣзана. По словамъ Торквемады и перваго мехиканскаго епископа Зумурраги, въ одной столицѣ Мехики приносилось въ жертву *ежегодно 20,000* человѣкъ. Акоста говоритъ, что въ одинъ день по всему царству должно было приноситься въ жертву *50,000*, а въ другой день *20,000* человѣкъ. При освященіи главнаго храма въ Мехикѣ въ 1486 г. зарѣзано жрецами на жертвенныхъ алтаряхъ *72,344* ч.! Отъ мехиканцевъ не отставали и подвластные имъ народы. Самое жертвоприношеніе сопровождалось ужасными жестокостями. Приносимому въ жертву человѣку разрѣзывали грудь, вырывали трепещущее сердце и ложкою клали его въ пасть идола. Масо съѣдалось людьми. Отомисы даже на базарахъ продавали человѣческое мясо. Въ жертву приносились плѣнники и преступники; въ случаѣ оскудѣнія этого запаса, дѣлался походъ и налавливались новые плѣнники.

Хотя Робертсонъ въ своей исторіи и прославляетъ кротость перуанскихъ нравовъ, однакожъ говоритъ, что „перуанцы въ праздники приносили въ жертву хлѣбныя лепешки, намоченныя кровью, добытою изъ рукъ, бровей и носовъ своихъ дѣтей. По другимъ извѣстіямъ, больной отецъ, чтобы избавиться отъ болѣзни, приносилъ въ жертву солнцу своего сына. Въ случаѣ болѣзни инки, или какого нибудь общественнаго бѣдствія, также рѣзали дѣтей. При коронаціи одного инки было принесено въ жертву 200 ребятъ.

Въ Китаѣ разсматриваемый обычай, существующій тамъ съ глубокой древности, не вывелся до сихъ поръ. Въ надеждѣ получить хорошій урожай, китайскіе простолюдины разсѣкаютъ на двое или от-

равляютъ своихъ дѣтей; часто ихъ бросаютъ въ воду, какъ жертву воднымъ божествамъ. По словамъ Гюка, религіозное дѣтоубійство особенно сильно между китайцами, вѣрующими въ переселеніе душъ. Каждый человѣкъ, вѣрятъ они, имѣетъ трехъ *гуановъ*, особаго рода духовъ. Послѣ смерти человѣка, одинъ изъ этихъ духовъ избираетъ себѣ для жительства трупъ, другой остается въ семьѣ, а третій поселяется на могилѣ умершаго. Для умилостивленія послѣдняго ему приносятся жертвы. Но эти жертвы могутъ быть приносимы только гуану взрослаго человѣка, а не ребенка. Гуанъ послѣдняго не совершенно еще развитъ и поэтому недостоинъ жертвы. Но онъ также золъ, какъ и взрослый гуанъ, и заблаговременно нужно принимать мѣры, чтобы онъ не могъ вредить семейству. „Поэтому отъ больныхъ дѣтей отдѣлываются такимъ образомъ, чтобы гуаны, при своемъ выходѣ изъ тѣла, не знали семейства умершаго. Малютку бросаютъ въ воду или выбрасываютъ подальше или закапываютъ въ какомъ нибудь захолустьѣ. Въ такомъ случаѣ, гуаны, негодующіе на то, что имъ не воздается поклоненія, привязываются къ рыбамъ или къ лѣснымъ звѣрямъ, и семейство спасено отъ нихъ. Обыкновенно человѣкъ, уносящій больного малютку, нейдетъ по прямой линіи, по зигзагамъ, то возвращаясь назадъ, то завертывая въ сторону, описывая множество треугольниковъ, чтобы въ этомъ лабиринтѣ ломаныхъ линій гуаны никогда не могли узнать дороги, если бы они захотѣли вернуться на прежнее мѣстожительство своего хозяина. Таково основаніе, по которому истребляется столько дѣтей; и тѣ, которыя только выбрасываются — еще самыя счастливыя.“ Далѣе Гюкъ разсказываетъ такой случай: „у одного китайца по сосѣдству заболѣлъ ребенокъ, и онъ зарубилъ его, такъ какъ, по его мнѣнію, гуанъ этого ребенка могъ броситься на другихъ и такимъ образомъ умертвить всѣхъ его дѣтей.“ При совершеніи этого вида дѣтоубійства у нѣкоторыхъ китайцевъ требуется исполненіе двухъ правилъ: „1) должно разсѣчь ребенка на три части и 2) разрубить его должны или отецъ или мать.“

„До самаго послѣдняго времени — говоритъ Боркъ Рэйанъ — въ Индіи совершаются секретно (отъ европейцевъ) человѣческія жертвоприношенія. Мой покойный другъ Коль, служившій въ остъиндской компаніи, разсказывалъ мнѣ, что вплоть до его времени (до 1855 г.) женщины, находящіяся внѣ европейскаго вліянія, убивали своихъ дѣтей. Слиманъ говоритъ то же въ своемъ послѣднемъ сочиненіи объ Аудѣ, гдѣ дѣтей травятъ декоктомъ datura stramonium... Въ Ганго-Сагорѣ женщины имѣютъ обыкновеніе бросать своихъ дѣтей въ воду, во исполненіе какого нибудь торжественнаго обѣта; они считаютъ это жертвоприношеніе удачнымъ только въ томъ случаѣ, если акула или другое морское животное пожретъ дѣтей передъ ихъ глазами.“ У туземцевъ Индустана, гондовъ, ежегодно сотни взрослыхъ дѣтей при-

носятся въ жертву богинѣ земли. „Богиня земли!“ поютъ при этомъ гонды — „ты источникъ всякаго зла, твоя праведная месть угнетаетъ насъ! Мы недостаточно почитаемъ тебя! О, прости насъ, великая богиня, нашъ запасъ такъ малъ! Богиня, научившая человѣка смерти посредствомъ растеній, смерти посредствомъ желѣза и стали, прости, прости насъ, и мы впредь никогда не замедлимъ обагрять человѣческою кровью алтари твои! Вотъ принесенная тебѣ жизнь, это искупительная жертва тебѣ!“

Подобно этимъ гондамъ, того же обычая держатся и многія другія расы дикарей.

Въ Аравіи душаты ежегодно жертвоприносили ребенка. — Африканское племя гилановъ ежегодно приноситъ въ жертву истокамъ Нила своихъ дѣтей, или дѣтей, похищенныхъ у сосѣднихъ народовъ. Гагасы, предпринимая какое нибудь важное дѣло, рѣжутъ для боговъ мальчика. — Африканское же племя кваква добываетъ себѣ посредствомъ войнъ взрослыхъ и дѣтей для жертвъ; если этихъ плѣнниковъ недостаточно, то рѣжутъ своихъ единоплеменниковъ; эта рѣзня принимаетъ особенно огромные размѣры при смерти князя. — Отаитяне до введенія христіанства приносили такія жертвы своему богу *Эту*.— Бельтрами говоритъ, что у индѣйцевъ Сѣверной Америки вплоть до его путешествія (1827 г.) были въ обычаѣ человѣческія жертвы, въ особенности богу войны Маниту. Такой же обычай былъ у дикарей Флориды; жертвовали обыкновенно мальчиковъ.

Кромѣ этихъ жертвоприношеній, дѣти у дикарей погибаютъ еще вслѣдствіе суевѣрнаго страха, внушаемаго ими родителямъ. Убиваются уроды или дѣти, родившіяся подъ неблагопріятними предзнаменованіями. Въ Камчаткѣ, напр., убиваютъ или, по крайней мѣрѣ, убивали прежде дѣтей, родившихся во время грозы.

Въ государствахъ первоначальной культуры очень силенъ еще особый, *политическій*, такъ сказать, видъ дѣтоубійства. Въ постоянныхъ династическихъ раздорахъ правителей Востока побѣдитель сплошь и рядомъ истребляетъ все племя побѣжденнаго. Такъ царица Аталія перебила своихъ внуковъ, чтобы царствовать самой. Такъ въ Турціи, по словамъ Торнтона, дѣти принцевъ королевской крови умерщвляются при самомъ ихъ рожденіи. Иногда политическій разсчетъ заставляетъ истреблять не однѣхъ только дѣтей знатныхъ фамилій. Египетскій фараонъ, желая положить предѣлы быстрому и опасному для него размноженію евреевъ, велѣлъ повивальнымъ бабкамъ убивать всѣхъ новорожденныхъ еврейскихъ мальчиковъ. Къ этому библейскому сказанію Іосифъ Флавій прибавляетъ еще, что родителей, спасшихъ, вопреки этому повелѣнію, своихъ сыновей, фараонъ велѣлъ убивать вмѣстѣ съ ихъ дочерьми. Другой подобный примѣръ представляетъ та же исторія евреевъ—это избіеніе младенцевъ во время Ирода, когда

„онъ смутился и весь Іерусалимъ съ нимъ" вѣстью о рожденіи Мессіи. Иродъ „велѣлъ тогда избить въ Вифлеемѣ и на его территоріи всѣхъ дѣтей мужескаго пола, начиная съ двухлѣтнихъ и ниже." Подобныя дѣтоубійства en grand совершаются особенно во время тѣхъ кровопролитныхъ войнъ, которыми наполнена тысячелѣтняя исторія внѣевропейскихъ странъ. Осаждающіе, напримѣръ, берутъ городъ, избиваютъ всѣхъ мужчинъ, насилуютъ женщинъ, „а младенцевъ ихъ разбиваютъ о камни", какъ выражается одинъ еврейскій псаломъ. Или вотъ идетъ грозная армія восточнаго владыки; зарево и дымъ пожаровъ всюду сопровождаютъ ее; поля вытоптаны, скотъ истребленъ, селенія сожжены и между грудами труповъ хищныя птицы находятъ молодыя, вкусныя тѣла умерщвленныхъ дѣтей. Иногда такая рѣзня производится съ разсчетомъ: завоеватели хотятъ обезсилить побѣжденную страну и истребляютъ ея будущихъ гражданъ, питающихся еще материнскимъ молокомъ. Но въ большинствѣ случаевъ, здѣсь дѣйствуетъ звѣрская вражда къ побѣжденнымъ и варварскій инстинктъ разрушенія. „Счастливѣе всѣхъ на землѣ тотъ, — говорилъ Чингисханъ — кто гонитъ разбитыхъ имъ непріятелей, грабитъ ихъ добро, скачетъ на коняхъ ихъ, любуется слезами людей имъ близкихъ и ласкаетъ ихъ женъ и дочерей!" Удивительно ли, что при такихъ инстинктахъ, варварскіе и полуварварскіе народы находятъ наслажденіе въ истребленіи вражескихъ дѣтей, особенно въ томъ случаѣ, если они хотятъ тѣмъ отомстить ихъ родителямъ. „Однажды жители города, навлекшаго на себя гнѣвъ Тимура, выслали для умилостивленія его дѣтей своихъ. При видѣ этихъ малютокъ, шедшихъ съ пѣснями изъ корана ему на встрѣчу, въ Тимурѣ разыгрался духъ истребленія. Онъ помчался на нихъ на конѣ своемъ и приказалъ своей конницѣ слѣдовать за нимъ. Несчастные родители, стоявшіе на городскихъ стѣнахъ, были свидѣтелями гибели дѣтей своихъ, потоптанныхъ татарскими конями. Случай этотъ, вѣроятно, повторился нѣсколько разъ. Шильдпергеръ разсказываетъ его объ Испагани, магометанскіе историки объ одномъ изъ городовъ Малой Азіи."

Обобщая все сказанное нами о дѣтоубійствѣ у народовъ, стоящихъ внѣ европейской цивилизаціи, мы находимъ, во-первыхъ, что причины его—абсолютизмъ отцовской власти, бѣдность, тѣснота народонаселенія и подобныя общественныя бѣдствія, религіозныя суевѣрія, общественные предразсудки, политическіе разсчеты и жестокость нравовъ. Во-вторыхъ, вліяніе магометанства, христіанства и европейской цивилизаціи уменьшаетъ дѣтоубійство лишь настолько, насколько оно содѣйствуетъ устраненію моральныхъ причинъ его, насколько онъ смягчаетъ нравы, ограничиваетъ отцовскій абсолютизмъ, разбиваетъ вредные предразсудки. И, какъ мы видѣли изъ примѣровъ успѣшнаго дѣйствія англичанъ противъ индусскаго дѣтоубійства, Европа въ этомъ

отношеніи можетъ оказать дѣйствительныя услуги варварскимъ націямъ и полуварварскимъ государствамъ Востока. Но дѣтоубійства, проистекающаго изъ бѣдности, современная Европа все-таки уничтожить не въ состояніи. Кромѣ того, съ постепеннымъ усиленіемъ на Востокѣ христіанско-цивилизованныхъ элементовъ, будетъ усиливаться тамъ новый для Востока, но старый для Европы видъ дѣтоубійства: убійство незаконнорожденныхъ дѣтей изъ стыда или страха стыда.

II.

Какъ бы ни прославляли классическую Элладу поклонники ея, какъ бы дѣйствительно не были привлекательны ея миѳы и поэзія, архитектура и скульптура, глубокомысленная философія и развитая общественная жизнь, доблесть ея государственныхъ мужей и патріотизмъ ея гражданъ,—но при безпристрастномъ и всестороннемъ взглядѣ на древнеэллинскую жизнь, рядомъ съ этими свѣтлыми чертами, предъ нами встанетъ много тѣней, помрачающихъ блескъ родины Периклов, Аристидовъ, Софокловъ, Аристотелей. Къ числу такихъ мрачныхъ чертъ относится и сильное развитіе дѣтоубійства, въ особенности характеръ тѣхъ причинъ, которыми оно вызывалось.

Отецъ, особенно въ началѣ греческой жизни, былъ абсолютнымъ владѣльцемъ и верховнымъ судьею своихъ дѣтей. До Солона, отецъ имѣлъ право продавать своихъ дѣтей и отдавать ихъ въ залогъ, а нецѣломудренную дочь казнить смертію; послѣднее Солонъ замѣнилъ продажей ея. Жизнь или смерть новорожденнаго ребенка также была въ рукахъ отца. Едва только дитя показалось на свѣтъ, его клали къ ногамъ родителя. Если онъ бралъ ребенка на руки, значитъ позволялъ ему жить; но если онъ не имѣлъ средствъ воспитывать его или находилъ въ немъ телѣсные недостатки, то отвертывался отъ него,—и малютку тотчасъ убивали или выбрасывали. Въ Спартѣ, гдѣ, болѣе чѣмъ въ остальной Элладѣ, человѣкъ служилъ только орудіемъ, для достиженія цѣлей государства и всецѣло принадлежалъ ему,—въ Спартѣ дѣти были собственностію государства, и дѣтоубійство новорожденныхъ совершалось его чиновниками. Тотчасъ послѣ рожденія ребенка, родители были обязаны нести его на извѣстную площадь (Λέσχη), гдѣ его свидѣтельствовали назначенные для того старцы; если ребенокъ оказывался здоровымъ и хорошо сложеннымъ, то власть дозволяла ему жить, въ противномъ случаѣ его бросали въ пропасть съ Тайгетской горы, такъ какъ его жизнь не могла принести пользы отечеству, которому нужны были только сильныя мышцы и здоровыя тѣла. Этотъ обычай былъ распространенъ по всей Греціи, за исключеніемъ однихъ Ѳивъ. Столь же распространено было выбрасыванье

новорожденныхъ, особенно дѣвочекъ, что не только дозволялось, но даже поощрялось законодателями. Въ Афинахъ, мѣстомъ для выбрасыванья дѣтей служила одна изъ гимназій, *киносаргъ*. Иногда дѣти выбрасывались отцами съ надеждою, что кто нибудь подберетъ и воспитаетъ ихъ; иногда же при выбрасываньи прямо разсчитывали на ихъ смерть, при чемъ старались совершить надъ ребенкомъ такое истязаніе, послѣ котораго не могла бы спасти его никакая случайность. Плодоизгнаніе въ Греціи было такъ же всеобщее, такъ же терпимо, какъ дѣтоубійство и дѣтовыбрасыванье. Даже объ Иппократѣ разсказываютъ, что онъ доставлялъ желающимъ средства для плодоизгнанія, хотя, по другимъ извѣстіямъ, онъ далъ клятву никогда не содѣйствовать столь преступному дѣлу. Одни только фиванцы, какъ мы уже замѣтили, были противъ дѣтоистребленія. Запрещая плодоизгнаніе, фиванскій законъ наказывалъ за дѣтоубійство, какъ за уголовное преступленіе. Это было единственное исключеніе. Даже самые лучшіе умы Эллады защищали истребленіе дѣтей и старались доказать его раціональность. Этому отчасти содѣйствовало и состояніе тогдашней науки о человѣкѣ и обществѣ. Плодоизгнаніе, въ большинствѣ случаевъ, не могло быть преступленіемъ, какъ дѣйствіе, объектомъ котораго, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, было не *живое лицо*. Плутархъ говоритъ, что, по мнѣнію стоиковъ, ребенокъ начинаетъ жить и принимаетъ душу въ моментъ рожденія, въ моментъ перваго вдыханія воздуха. Иппократъ утверждалъ, что foetus мальчика одухотворяется въ 30-й, а дѣвочки въ 40-й день послѣ зачатія По Аристотелю, зародышъ мальчика получаетъ душу въ 40-й, а дѣвочки въ 80-й день по зачатіи. Понятно, что истребленіе зародыша до той поры, которая считалась эпохой начала его жизни, не могло считаться преступленіемъ. Даже Аристотель считалъ плодоизгнаніе вполнѣ законнымъ, если оно совершалось до времени одухотворенія зародыша и не подвергало опасности жизни или здоровья матери. Дѣтоубійство также оправдывалось лучшими философами, какъ одно изъ средствъ ка сохраненію и преуспѣянію государства. Въ Элладѣ государство значило все, а личность цѣнилась только какъ государственная единица. Даже высокія и ничѣмъ незапятнанныя личности, коль скоро они стояли выше окружавшихъ ихъ, подвергались изгнанію посредствомъ остракизма, съ цѣлью предупредить нарушеніе государственнаго равновѣсія и равенства. Поэтому, коль скоро государству грозила опасность отъ чрезмѣрнаго увеличенія народа или отъ появленія въ средѣ его уродливыхъ, безобразныхъ, больныхъ или безполезныхъ личностей, то философы указывали на дѣтоубійство, какъ на противоядіе этому злу. Платонъ, напримѣръ, допуская плодоизгнаніе въ своей *Республикѣ*, говоритъ, что мужчины низшаго класса должны жениться на женщинахъ того же класса, и рожденныхъ отъ нихъ дѣтей, въ случаѣ

государственной надобности, онъ велитъ закапывать живыми въ одномъ мѣстѣ съ дѣтьми уродливыми или больными. Поставляя половыя отношенія подъ строгій полицейскій надзоръ, онъ дозволяетъ большую свободу ихъ только съ того времени, когда совокупляющаяся пара достигла возраста, въ которомъ трудно ожидать отъ нея способности къ дѣторожденію. Но если, сверхъ ожиданія, у такой пары родится ребенокъ, то философъ - законодатель предписываетъ выбросить его.

Если философія и право покровительствовали и допускали дѣтоубійство, то греческая религія прямо вызывала его. Эта религія, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не была избавлена и отъ тѣхъ мрачныхъ началъ, которыя такъ отталкиваютъ насъ отъ религіи мехиканцевъ или индусовъ. Въ прекрасной Элладѣ алтари ея человѣчныхъ божествъ такъ же обагрялись кровью человѣческихъ жертвъ, какъ и алтари Востока. Пеласги, во времена общественныхъ бѣдствій, приносили своимъ богамъ человѣческія жертвы. Спартанцы убивали своихъ дѣтей въ честь Діаны. Виргилій, въ своей Энеидѣ, говоритъ о принесеніи въ жертву Ифигеніи, дочери Агамемнона и Поликсены, и дочери Пріама; а Овидій о жертвоприношеніи Поликсены на могилѣ Ахиллеса. Геродотъ разсказываетъ, что когда греки не нашли Елены во взятой ими Троѣ, то съ Менелаемъ отправились преслѣдовать ее въ Египетъ. Менелай былъ хорошо принятъ фараономъ и получилъ Елену со всѣми ея сокровищами. Но онъ долго не могъ выѣхать изъ Египта по причинѣ противныхъ вѣтровъ; чтобы вымолить у боговъ устраненіе этого препятствія, онъ принесъ имъ въ жертву двухъ туземныхъ дѣтей, по обычаю, распространенному тогда въ Греціи. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что принесеніе въ жертву дѣтей омрачало собою только разсвѣтъ греческой жизни и постепенно изчезало съ ея развитіемъ. Но за то постепенно увеличивалось дѣтоубійство, совершаемое вслѣдствіе другихъ причинъ, — густоты народонаселенія, бѣдности низшихъ классовъ, распущенности нравовъ.

Переходя къ исторіи Рима, мы, на первыхъ же шагахъ, въ легендѣ о Ромулѣ, встрѣчаемся съ фактомъ, доказывающимъ если не дѣтоубійство, то, во всякомъ случаѣ, дѣтовыбрасыванье въ самую раннюю эпоху римской исторіи.

Абсолютизмъ отцовской власти у римлянъ получилъ вполнѣ легальный характеръ и былъ доведенъ до высшей степени. Какъ полный и неограниченный владѣлецъ ребенка, отецъ могъ убить его при самомъ рожденіи. XII таблицъ позволяли убивать и уродливыхъ новорожденныхъ дѣтей, какъ это было въ Греціи, подъ вліяніемъ которой составленъ этотъ кодексъ. Новорожденнаго клали къ ногамъ родителя, и если онъ поднималъ его, то это служило знакомъ, что онъ даруетъ ему жизнь, въ противномъ случаѣ, его убивали или выбра-

сывали. Отецъ былъ также верховнымъ судьей своихъ дѣтей и совершенно безконтрольно могъ осуждать ихъ на смерть. Онъ не имѣлъ этой власти только въ то время, когда его сынъ исправлялъ какую нибудь общественную должность. Но коль скоро онъ смѣнялся съ этой должности, отецъ снова пріобрѣталъ надъ нимъ право жизни и смерти. Такъ Спурій Кассій, по словамъ Т. Ливія, по сложеніи съ себя должности консула, былъ приговоренъ своимъ отцомъ къ смерти и казненъ имъ. Такъ былъ казненъ отцомъ одинъ изъ участвовавшихъ въ заговорѣ Катилины, А. Фульвій. Въ то время, какъ законы такъ покровительствовали дѣтоубійству, они были варварски жестоки къ отцеубійцамъ. Отцеубійцу римляне сажали въ мѣшокъ вмѣстѣ съ собакою, обезьяною и пѣтухомъ; зашивали этотъ мѣшокъ и бросали его въ воду. По ихъ мнѣнію, вода была бы осквернена, если бы отцеубійцу бросить въ нее незашитымъ въ мѣшокъ; они боялись его и отдать на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, чтобы послѣдніе, напитавшись его мясомъ, не сдѣлались еще болѣе хищными. Отцеубійцы должны были умирать такъ, чтобы ихъ кости не осквернили земли своимъ прикосновеніемъ.

Постепенно усилившіяся въ Римѣ бѣдность народныхъ массъ и крайняя развращенность нравовъ постоянно поддерживали и увеличивали размѣры дѣтоубійства, плодоизгнанія и дѣтовыбрасыванья. Всѣ эти преступленія были самыми обыкновенными явленіями въ Римѣ. Они совершались иногда изъ побужденій самыхъ варварскихъ. По словамъ Ювенала, очень нерѣдко дѣти убивались изъ какихъ нибудь денежныхъ разсчетовъ. Сатирикъ совѣтуетъ дѣтямъ беречь свою жизнь и не садиться съ довѣрчивостью за обѣденные столы, блюда которыхъ *отравлены матерями*. Чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ выдумкѣ, Ювеналъ указываетъ на жену Веттія Болана, Понцію, которая отравила за ужиномъ двухъ своихъ дѣтей и была осуждена Нерономъ на смертную казнь. „Ужели ты, лютая эхидна, отравила двухъ за однимъ ужиномъ? двухъ?“ спрашиваетъ сатирикъ, и потомъ, оправившись отъ своего изумленія, восклицаетъ: „ты отравила бы семерыхъ, если бы у тебя ихъ было семь!“ Къ этому Ювеналъ прибавляетъ, что такія дѣла совершались и прежде, но *не изъ-за денегъ*. На могилѣ Понціи было написано: „здѣсь положена я, Понція, дочь Тита Понція, которая отравила двухъ своихъ сыновей“. Минуцій Феликсъ говоритъ, что римляне выбрасываютъ своихъ дѣтей звѣрямъ и птицамъ, а иногда удавляютъ ихъ. Другой обличитель римскаго общества, Тертулліанъ, защищая христіанъ отъ нелѣпаго обвиненія въ дѣтоубійствѣ во время ихъ ночныхъ религіозныхъ собраній, говоритъ своимъ обвинителямъ, что они сами секретно и публично совершаютъ страшное дѣло дѣтоубійства, въ которомъ обвиняютъ христіанъ. Тертулліанъ говоритъ, что въ римской Африкѣ, при одномъ изъ прокон-

словъ Тиверія, дѣти публично приносились въ жертву Сатурну, и что это продолжалось секретно до его времени. Способы дѣтоубійства, по Тертулліану, были очень разнообразны: дѣтей задушали, топили въ водѣ, выбрасывали собакамъ или на холодъ; смерть отъ меча была для нихъ самою лучшею.

Плодоизгнаніе было также чрезвычайно распространено въ Римѣ и находило себѣ защитника даже въ старшемъ Плиніѣ, который говоритъ, что есть такія плодовитыя женщины, что они непремѣнно погибали бы отъ множества своихъ дѣтей, если бы не прибѣгали къ помощи упомянутаго средства. Законъ не обращалъ вниманія на этотъ обычай. Только дважды женщины были наказаны за плодоизгнаніе, и то не за самое плодоизгнаніе, а за злостную цѣль его; одна римлянка, изъ ненависти къ отцу своего ребенка, хотѣла лишить его тѣхъ выгодъ, которыя онъ получилъ бы съ рожденіемъ сына; она была присуждена къ изгнанію. Цицеронъ, въ одной изъ своихъ рѣчей, говоритъ о другой женщинѣ, приговоренной къ смерти за то, что, будучи подкуплена отдаленными родственниками своего мужа, она вытравила свой плодъ, чтобы доставить этимъ родственникамъ то наслѣдство мужа, которое иначе перешло бы къ ребенку. Минуцій Феликсъ свидѣтельствуетъ о сильной распространенности плодоизгнанія, говоря, что римляне убиваютъ тѣхъ, которыхъ они еще не родили. По словамъ Ювенала, даже дѣвушки, едва только достигшія половой зрѣлости, знаютъ уже средства для плодоизгнанія. А другія, „будучи беременными и лежа на раззолоченномъ ложѣ, посылаютъ за наемниками, умѣющими истреблять то, что находится въ ихъ чревѣ". Дѣтовыбрасыванье совершалось также постоянно. Для этого выбирались обыкновенно торговыя площади, храмы, перекрестки дорогъ, мѣста около фонтановъ и морскихъ купаленъ, словомъ, большею частію мѣста, часто посѣщаемыя людьми; большинство родителей, повидимому, желало спасенія жизни выбрасываемыхъ дѣтей. Когда ихъ бросали въ воду, то привязывали ихъ къ чему нибудь, чтобы они не утонули. Часто навѣшивались на нихъ драгоцѣнныя украшенія, чтобы привлечь людей взять ихъ. Но тѣмъ не менѣе ихъ бросали иногда и въ такія мѣста, гдѣ ихъ могла спасти только баснословная волчица Ромула, да, пожалуй, еще римскія барыни. Ювеналъ говоритъ, что матроны иногда пріобрѣтали себѣ этихъ выброшенныхъ дѣтей и обманывали ими своихъ супруговъ, выдавая ихъ за своихъ новорожденныхъ. У грязныхъ озеръ, говоритъ онъ, куда выбрасываются эти несчастныя, нагія малютки, по временамъ появляется Фортуна; прижавъ малютокъ съ улыбкою къ своей груди, она уноситъ ихъ въ знаменитыя семейства.

Столь сильное и распространенное зло не могло не возбудить противъ себя реакціи и въ законодательствѣ и въ народномъ сознаніи. Императоры и общественное мнѣніе, въ эпоху упадка, начали сильно

оппонировать противъ абсолютизма отцовской власти. При Августѣ, одинъ отецъ, засѣкшій до смерти своего сына, только благодаря заступничеству императора былъ избавленъ отъ разъяреннаго народа. Александръ Северъ ограничилъ судебную власть отца, предоставивъ ему только маловажныя исправительныя наказанія своихъ дѣтей. Извѣстный юристъ Павелъ считалъ убійцею отца, умерщвлявшаго, морившаго голодомъ или выбрасывавшаго своего ребенка. „Но уроки юриспруденціи и христіанства — говоритъ Гиббонъ — оказались недостаточными для искорененія безчеловѣчнаго обычая, и ихъ кроткое вліяніе было усилено ужасами уголовнаго наказанія". Законы Константина, Валентиніана и др. старались мученіями и кровью родителей остановить пролитіе крови дѣтей. Такъ Константинъ, смертную казнь черезъ утопленіе въ мѣшкѣ, налагавшуюся прежде только на отцеубійцъ, распространилъ и на дѣтоубійцъ. Но дѣтоубійство всетаки усилилось и не только вслѣдствіе возраставшей бѣдности, но и вслѣдствіе столкновенія народной развращенности съ новыми идеями христіанства. Самое уже рожденіе незаконныхъ дѣтей навлекало на родителей позоръ и отлученіе отъ церкви за блудодѣяніе. А между тѣмъ, развращенности нравовъ и внѣбрачнаго сожитія христіанство не могло изгнать даже изъ среды тѣхъ лицъ, которыя выставляли себя его лучшими поборниками. Благодаря такимъ нравамъ, количество незаконнорожденныхъ дѣтей было очень велико, а такъ какъ родители однимъ уже рожденіемъ ихъ навлекали и на себя, и на дѣтей позоръ и преслѣдованія, то изъ этого затрудненія представлялся одинъ выходъ—плодоизгнаніе, дѣтоубійство и дѣтовыбрасыванье. Увеличенію дѣтоубійства содѣйствовало также и окончательное разореніе народныхъ массъ передъ нашествіемъ варваровъ. Скопленіе земель въ рукахъ немногихъ, варварская эксплуатація низшихъ классовъ общества высшими, безсовѣстность властей и продажность судовъ, безчеловѣчные налоги и междоусобицы — все это раззорило и Восточную и Западную имперіи. „Всѣ упали духомъ — говоритъ Мишле;—мертвящая недѣятельность распространилась во всемъ обществѣ. Народъ распростерся по землѣ отъ усталости и отчаянія, какъ вьючная скотина ложится подъ ударами и отказывается подняться. Поля необработаны, всюду бѣдность, голодъ; ужасныя болѣзни ходятъ по лицу умирающаго міра, усѣвая трупами людей путь свой. И люди были рады смерти. Ничто не возбуждало народа, отупѣвшаго подъ тяжестью бѣдствій, онъ болѣе не безпокоился объ императорахъ, онъ умолялъ только о смерти". И въ это-то несчастное время множество матерей рождало дѣтей только для того, чтобы убивать или выбрасывать ихъ; иначе, рано или поздно, они умерли бы съ голода. Но этимъ число жертвъ не ограничивалось, и рядомъ съ убитыми малютками законъ клалъ обезглавленные трупы ихъ убійцъ. Печальное заблужденіе: же-

лали уменьшить число убитыхъ, а вмѣсто того только прибавляли новыхъ!...

Но древнее общество доживало свои послѣдніе дни; на него двигались уже легіоны варваровъ; послѣднія вакханаліи умирающей древности заглушались дикими, воинственными кликами пришельцевъ; для римской имперіи насталъ день смерти, и вмѣстѣ со взрослыми, подъ ударами варваровъ погибали массы дѣтей. „Одни — пишетъ Сальвіанъ — покрытые ранами, влачили жалкую жизнь; другіе, полуобгорѣлые, долго чувствовали на себѣ жестокія послѣдствія обжога; одни погибали отъ голода, другіе отъ наготы; огромное число людей погибло отъ болѣзней или отъ суровости холода. Вездѣ валялись перемѣшанные трупы мужчинъ и женщинъ, нагіе, истерзанные и брошенные на съѣденіе собакамъ и птицамъ". Варвары воевали вполнѣ по варварски. Туринги, напр., по словамъ Григорія Турскаго, „обрушившись на отцовъ, похитили у нихъ все. За тѣмъ они вѣшали ихъ дѣтей по деревьямъ за ноги. Они умертвили ужасною смертью болѣе 200 молодыхъ дѣвушекъ: однихъ привязывали за руку къ шеѣ лошадей и потомъ гнали животныхъ рожномъ и разрывали жертву на куски; другихъ растягивали на дорогѣ и прибивали кольями къ землѣ; потомъ проѣзжали по нимъ съ нагруженными телѣгами, раздробляли имъ кости и наконецъ бросали ихъ на съѣденіе воронамъ и собакамъ". Въ Метцѣ гунны умертвили всѣхъ жителей, даже *всѣхъ дѣтей*, которыхъ епископъ поспѣшилъ окрестить. Въ Африкѣ, по словамъ Августина, при нашествіи варваровъ, вмѣстѣ со взрослыми часто погибали и дѣти. Въ Италіи — то же опустошеніе, и уцѣлѣвшіе жители съ голоду дѣлались людоѣдами. „Женщины — говоритъ Іеронимъ — не щадили даже дѣтей, которыя лежали на ихъ груди, и *возвращали назадъ въ утробу свой плодъ, который только что вышелъ оттуда*". Варвары—сарацины, скифы, будины, гелоны и др. — также часто ѣли побѣжденныхъ ими взрослыхъ и дѣтей, и пили иногда кровь изъ ранъ, нанесенныхъ ими въ бою непріятелю. „Если я — восклицаетъ Сальвіанъ — не могу сожалѣть объ истребленіи безъ разбора цѣлыхъ народовъ или людей, которые, быть можетъ, получили справедливое возмездіе за свои преступленія, то, по крайней мѣрѣ, мнѣ будетъ позволено спросить, что сдѣлали дурного дѣти, подвергшіяся той же участи, дѣти, которыя по возрасту своему неспособны были совершить преступленіе!"

Древній міръ погибъ, завѣщавъ новому только два средства противъ дѣтоубійства—кару закона и дома найденышей. Ему понадобились цѣлыя тысячелѣтія, чтобы додуматься до этихъ средствъ. Новому міру также предстояло прожить долгій періодъ — и онъ еще не совсѣмъ пережилъ его—чтобы убѣдиться въ ничтожности и недѣйствительности эти мѣры, выдуманныхъ въ первый разъ умирающею древностью.

III.

Варвары, пришедшіе въ Европу и разрушившіе древній міръ, далеко не были такъ непорочны и благодушны, какъ ихъ стараются изобразить многіе археофилы. Выше мы уже видѣли, какую звѣрскую жестокость они проявляли надъ побѣжденными народами. Не менѣе жестоки бывали они и съ своими единоплеменниками, даже съ своими домочадцами. Ихъ междоусобицы были такъ же кровавы и разрушительны, во время ихъ такъ же часто истреблялись вмѣстѣ со взрослыми и дѣти, какъ и въ ихъ войнахъ противъ римлянъ. „Въ случаѣ же пораженія — говорятъ римскіе писатели — они обращали ярость противъ самихъ себя! Ихъ жены, вооружившись мечами и копьями, воя, скрежеща зубами отъ бѣшенства и отчаянія, окровавленныя, съ распущенными волосами, входили въ повозки затѣмъ, чтобы избить своихъ мужей, братьевъ, отцовъ, сыновей, задушить новорожденныхъ, бросить ихъ подъ ноги лошадей и наконецъ заколоть себя. Одна изъ нихъ повѣсилась на дышлѣ телѣги, предварительно привязавъ къ каждой изъ своихъ ногъ по ребенку". И это было результатомъ германскихъ понятій объ отцовской власти. У германскихъ племенъ отецъ былъ полнымъ собственникомъ своихъ дѣтей; онъ могъ принять новорожденнаго въ свое семейство, убить или бросить его; новорожденное дитя лежало на полу у ногъ отца до тѣхъ поръ, пока онъ рѣшалъ—бросить его или принять въ семейство. Въ послѣднемъ случаѣ его поднимали съ земли, подавали отцу, который обливалъ его водой и нарекалъ ему имя *). Но если отецъ по чему нибудь не хотѣлъ принять новорожденнаго, то приказывалъ выбросить его или умертвить. Главнымъ побужденіемъ къ этому была бѣдность, особенно, если дѣтей въ семьѣ было очень много. Но бѣдность была не единственною причиною: самые богатые люди убивали или выбрасывали дѣтей или за ихъ уродливость, или потому, что мать ихъ была нелюбима, или же потому, что ребенокъ былъ рожденъ незаконно, и поэтому его жизнь дѣлалась постояннымъ позоромъ для семейства. Дѣтоубійство большею частію поручалось рабамъ. Нельзя сказать, чтобы столь варварскій обычай не возмущалъ добрыхъ чувствъ народа: они высказывались противъ него и въ легендахъ и въ поступкахъ людей. Объ одномъ изъ первыхъ поселенцевъ Исландіи легенда говоритъ, что при рожденіи онъ былъ обреченъ на смерть своимъ богатымъ и жестокимъ отцомъ. „Рабъ уже точилъ заступъ для копанья могилы; дитя

*) Поэтому и повивальныя бабки называются у шведовъ Jordegumma (Erdmutterchen), у нѣмцевъ Hebamme, отъ heben; шведское *boren* и нѣмец. *geboren* означаютъ собственно не рожденнаго, но *принесеннаго* къ отцу.

лежало на полу; вдругъ всѣ услышали, что оно заговорило: „пустите меня къ матери, мнѣ холодно на полу; гдѣ безопаснѣе для ребенка, какъ не въ объятіяхъ матери! За чѣмъ же точить желѣзо, зачѣмъ рѣзать дерновую землю! Оставьте ваше жестокое дѣло, я могу жить съ храбрыми людьми!" Тогда полили на ребенка воду и назвали его Торстейнъ. „Онъ выросъ и сдѣлался великимъ человѣкомъ". „Часто— говоритъ Стрингольмъ — человѣколюбивые рабы, изъ сожалѣнія къ невиннымъ покинутымъ дѣтямъ, относили ихъ въ лѣсъ и, выбравъ близкое къ какому нибудь жилью мѣсто или на большой дорогѣ, клали ихъ между каменьями или въ древесныхъ дуплахъ, тщательно ограждая это убѣжище отъ птицъ и звѣрей, и тамъ оставляли малютокъ съ кускомъ маса во рту, чтобы они не умерли съ голода. Нерѣдко такія дѣти, оставшись въ живыхъ, были заботливо воспитаны тѣми, кто находилъ ихъ". Право также вооружалось противъ убійства не только признанныхъ уже отцомъ дѣтей, но у нѣкоторыхъ племенъ и вообще противъ дѣтоубійства и плодоизгнанія. Вильде, въ своемъ „Strafrecht der Germanen" говоритъ, что „вытравленіе плода у древнихъ германцевъ считалось дѣяніемъ наказуемымъ". Тацитъ также свидѣтельствуетъ, что дѣтоубійство у германцевъ было однимъ изъ сильно наказуемыхъ преступленій, разумѣя, вѣроятно, подъ дѣтоубійствомъ убійство уже принятыхъ отцомъ дѣтей. Противъ распространенныхъ у визиготовъ дѣтоубійства и плодоизгнанія, король ихъ Киндасвинтъ издалъ строгіе карательные законы. Всякаго, кто давалъ женщинѣ плодоизгоняющій напитокъ, законъ присуждалъ къ смерти, а беременную женщину, принявшую такое питье—рабу къ бичеванью, а свободную къ рабству. Несмотря на эти законы, дѣтоубійство было сильно развито и такъ укоренено въ народныхъ нравахъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ препятствовало распространенію христіанства, требовавшаго его всецѣлаго уничтоженія. Въ Исландіи, по словамъ Стрингольма, введеніе христіанства встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны тѣхъ, которые никакъ не могли понять, какъ можно, и почему должно, и богатымъ и бѣднымъ воспитывать всѣхъ рождающихся у нихъ дѣтей. Они приняли христіанство только подъ условіемъ сохраненія этого обычая. Когда же совѣтъ вождей, съ общаго согласія народа, запретилъ выбрасывать малютокъ, то въ то же время постановилъ, чтобы, подъ страхомъ изгнанія съ острова, не смѣлъ жениться ни одинъ бѣднякъ, неимѣвшій средствъ воспитывать дѣтей. Проповѣдники христіанства принуждены были также щадить на первыхъ порахъ религіозное чувство ужаса, внушаемое варварамъ новорожденными уродами. Уродовъ тогда рождалось гораздо больше, чѣмъ теперь, вѣроятно, вслѣдствіе условій варварской жизни, неблагопріятныхъ для развитія плода въ чревѣ матери. Рожденіе урода считалось предзнаменованіемъ бѣды; суевѣрному взгляду уродъ представлялся

неестественнымъ чудовищемъ, а молва еще болѣе увеличивала его безобразіе. Такъ, напр., русскій лѣтописецъ подъ 1065 годомъ пишетъ: „въ Кіевѣ рыболове ловяше рыбы, выволокша въ неводѣ дѣтищъ, его же сходящеся позоровахомъ до вечера, дивящеся, и паки ввергоша его въ воду: бяше бо у него на лицѣ срамніи удове, иного же нельзе сказати срама ради“. Далѣе лѣтописецъ упоминаетъ о нѣсколькихъ подобныхъ чудищахъ, появлявшихся у иностранцевъ,—о ребенкѣ безъ глазъ, безъ рукъ и съ рыбьимъ хвостомъ, о дѣтяхъ съ четырьмя ногами, двумя головами и т. п. Уродовъ, которыхъ такъ разрисовывали фантазія и молва, европейскіе варвары убивали даже послѣ принятія христіанства, но только въ присутствіи священника. Какъ бы то ни было, но христіанство взяло перевѣсъ, ограничило абсолютизмъ отцовской власти и объявило дѣтоубійство сильнымъ преступленіемъ. Постановленія папъ и соборовъ, правила отцовъ церкви и римскіе законы—все это одинаково побуждало варварскихъ законодателей наказывать дѣтоубійцъ. Но въ началѣ, при господствовавшей у европейскихъ народовъ системѣ композицій, эти наказанія большею частью были легки и ограничивались денежнымъ штрафомъ.

Религіи варваровъ также доводили ихъ до дѣтоубійства съ цѣлью умилостивленія боговъ кровью малютокъ. Кромѣ прямыхъ свидѣтельствъ о жертвоприношеніи дѣтей, на это указываютъ и извѣстія о приношеніи въ жертву взрослыхъ людей, съ которымъ почти всегда неразлучны и жертвенныя дѣтоубійства.

Тацитъ говоритъ, что германцы приносили человѣческія жертвы своему главному богу, котораго онъ называетъ Меркуріемъ. Хотя этому извѣстію и противорѣчитъ свидѣтельство Юлія Цезаря, однакожъ несомнѣнно извѣстно, что человѣческія жертвоприношенія были очень обыкновенны на германскомъ сѣверѣ. „Обычай приносить въ жертву людей — говоритъ Рейно въ своей „La Religion d'Odin“ — постоянно возрастая, сдѣлался рѣшительнымъ, такъ что храмы превратились наконецъ въ человѣческія бойни. Въ нихъ закалаемо было до 99 жертвъ разомъ. Кровью обмывались и храмы, и идолы и окроплялся народъ. Для того, чтобы умилостивить своихъ боговъ, они не отступали передъ самыми ужасными преступленіями. Случалось, что или короли приносили въ жертву своихъ подданныхъ, или подданные своихъ королей“. Приносились и дѣти; по свидѣтельству лѣтописцевъ, короли, желая одержать побѣду, нерѣдко приносили въ жертву и собственныхъ дѣтей. У древнихъ германцевъ, кромѣ того, существовалъ обычай сожигать вдовъ вмѣстѣ съ трупами ихъ мужей и убивать рабовъ на могилахъ ихъ господъ.

У литовцевъ слѣды человѣческихъ жертвоприношеній сохранялись до XV вѣка. Шайноха въ своей „Jadwiga i Jagello“ разсказываетъ, что въ августѣ 1382 г. умеръ Кейстутъ, братъ великаго князя литов-

скаго. Трупъ его повезли въ Вильно, гдѣ на Святогорской горѣ, надъ глубокою могилою, былъ сложенъ костеръ. На него положили одѣтый по-княжески трупъ Кейстута, съ оружіемъ, охотничьимъ рогомъ, когтями медвѣдя и рыси; затѣмъ взвели на костеръ любимаго слугу покойнаго и четыре пары собакъ. Послѣ молитвы и погребальной пѣсни, въ которой прославлялись всѣ великія дѣянія усопшаго, костеръ былъ зажженъ, и все, что было на немъ, превратилось въ прахъ.

Въ V в. часть жителей Верхняго Норика отреклась отъ христіанства, возстановила язычество и человѣческая кровь снова начала обагрять алтари боговъ.

Русскіе, по словамъ Ибнъ Фоцлана и другихъ древнихъ географовъ, приносили въ жертву и людей вообще, и дѣтей въ частности. Этотъ обычай существовалъ вплоть до принятія христіанства Владиміромъ.

Съ развитіемъ европейской цивилизаціи, двѣ упомянутыя причины дѣтоубійства—юридическій абсолютизмъ отцовской власти и религіозное суевѣріе—постепенно изчезали. Съ ними вмѣстѣ изчезали и принесеніе дѣтей въ жертву и смертныя казни дѣтей, совершаемыя отцами. Но такъ какъ это были не единственныя причины дѣтоубійства, то оно и не прекращалось.

Массы европейскаго народа во все продолженіе среднихъ вѣковъ и начала новой исторіи находились, какъ извѣстно, въ бѣдности, раззоряемыя феодалами, духовенствомъ, королями, безпрерывными войнами, чрезмѣрными налогами, всевозможными грабительствами, частыми голодовками и ужасными эпидеміями. Бѣдность сплошь и рядомъ заставляла европейцевъ бросать и убивать своихъ малютокъ. Хотя мы не имѣемъ изъ тѣхъ временъ даже самыхъ скудныхъ статистическихъ данныхъ, но многія свидѣтельства убѣждаютъ насъ, что дѣтоубійство въ тѣ времена было не слабѣе современнаго. До какихъ крайностей европейцевъ доводили тогда общественныя бѣдствія, мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго разсказа монаха Радульфа Глабера (ум. 1050 г.). „Въ 1027 г. землю началъ опустошать голодъ и роду человѣческому грозила близкая погибель. Вся земля была залита постоянными дождями до того, что втеченіе трехъ лѣтъ невозможно было имѣть ни одной удобной для посѣва пяди земли. Этотъ мстительный бичъ начался на Востокѣ, опустошилъ Грецію, потомъ Италію, всю Галлію и наконецъ Англію. Сильные земли, люди средніе и бѣдняки равно испытывали голодъ, и чело у всѣхъ покрылось блѣдностью; насилія и жестокости бароновъ смолкли передъ всеобщимъ голодомъ... Но свирѣпство голода породило примѣры жестокости, столь рѣдкой въ исторіи, и люди ѣли мясо людей! Путникъ, подвергшись нападенію на дорогѣ, падалъ подъ ударами убійцъ, они разрывали его члены на части, жарили ихъ и пожирали. Другіе, убѣгая изъ своей страны, чтобы избавиться отъ голода, были принимаемы въ дома и хозяева душили ихъ ночью, чтобы

послѣ съѣсть. Нѣкоторые показывали дѣтямъ яйца или фрукты, заманивали ихъ въ сторону и пожирали... Одинъ злодѣй въ г. Турнюсѣ выставилъ на рынкѣ для продажи вареное человѣческое мясо, какъ это обыкновенно дѣлается съ мясомъ животныхъ. Его арестовали, судили и сожгли. Близь Макона, въ лѣсу Шатене, какой-то злодѣй построилъ хижину, гдѣ онъ рѣзалъ всѣхъ, которые искали у него убѣжища на ночь. Одинъ путникъ, зайдя къ нему со своей женой, увидѣлъ въ углу комнаты головы мужчинъ, женщинъ и дѣтей... По его доносу въ хижинѣ сдѣланъ обыскъ и найдено 48 головъ зарѣзанныхъ и пожранныхъ жертвъ. Злодѣя привезли въ городъ и сожгли". Крестовый походъ на альбигойцевъ, усмиреніе крестьянскихъ возстаній въ разныхъ странахъ, кулачное право, грабежи феодаловъ и поповъ, тридцатилѣтняя война,— все это вело за собою голодъ, нищету, эпидеміи, дѣтоубійства. Матери очень часто отнимали у своихъ дѣтей жизнь, желая этимъ только прекратить муки голода, терзавшаго малютокъ и предварить ихъ голодную смерть. Во время голода, сопровождавшаго обыкновенно войны, убійство родителями своихъ дѣтей было даже благодѣяніемъ для послѣднихъ: если бы которые дѣти и не умерли голодною смертью, то они могли погибнуть отъ оружія разсвирѣпѣвшихъ солдатъ. Въ тогдашнихъ войнахъ солдаты были не только жестокими врагами взрослыхъ, но и отвратительными дѣтоубійцами. Такъ, напримѣръ, во время междоусобицъ въ Византіи, враждующія партіи, по словамъ Шлоссера, „не щадили ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ, ни больныхъ". То же самое мы видимъ въ походѣ на альбигойцевъ, въ войнѣ католиковъ съ гугенотами во Франціи и т. п. Солдаты поступали равно жестоко и съ дѣтьми своихъ единоплеменниковъ и съ дѣтьми дикарей внѣ Европы. Русскіе, даже во второй половинѣ XVIII в., въ своихъ войнахъ съ инородцами южной Сибири, „у бабъ обрѣзывали титьки, а малыхъ ребятъ на огнѣ жгли". Подобнымъ же образомъ воевали въ XVII в. англичане съ сѣверо-американскими индѣйцами, какъ разсказываетъ Вашингтонъ Ирвингъ въ своей Sketch-Book. Чтобы дать понятіе объ этой варварской рѣзнѣ, мы укажемъ на три примѣра изъ русской исторіи. Изъ „Ливонской войны" г. Костомарова мы видимъ, что „у нѣмцевъ русскіе сожигали до тла всѣ поселенія, истребляли хлѣбъ и скотъ; малыхъ дѣтей моложе десяти лѣтъ прикалывали копьями и втыкали на плетни; беременнымъ женщинамъ вырѣзывали утробы и вытаскивали изъ нихъ младенцевъ; у дѣтей вырывали сердца, вѣшали ихъ на деревьяхъ и стрѣляли изъ лука". Авторъ еврейской книги: „*Бѣдствія временъ* (1648—49 г.) *въ Украйнѣ, Подоліи и Бѣлоруссіи отъ бунтовщиковъ подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго*" говоритъ, что казаки, при взятіи крѣпостей, кололи живыхъ младенцевъ, варили и жарили на копьяхъ и преспокойно съѣдали въ присутствіи отчаянно плачущихъ матерей-евреекъ. Убивая еврейскихъ младенцевъ, они

предварительно ощупывали ихъ, чтобы убѣдиться, жирны они или нѣтъ, а потомъ уже насмѣшливо осматривали внутренности ихъ, разрѣзывали на куски и продавали какъ говядину... Въ Томашевѣ мальчики еврейскіе сидѣли за учебнымъ столомъ; враги, прибывъ туда, придавили ихъ къ стѣнѣ такъ, что ни одинъ изъ нихъ не остался въ живыхъ... Въ другихъ мѣстахъ дѣтей топили въ грязи. Даже начало XIX в. не свободно отъ позора такихъ дѣтоубійствъ. Разсказъ некрасовскаго мужика о своихъ подвигахъ противъ французовъ въ 1812 г. имѣетъ историческую вѣрность.

Внутреннія смуты европейскихъ государствъ и царившій въ нихъ деспотизмъ производили также не мало дѣтоубійствъ. На первомъ планѣ выходятъ здѣсь дѣтоубійства изъ-за наслѣдства. Наслѣдники королей, герцоговъ, бароновъ и другихъ потентатовъ; наслѣдники вельможъ, богачей и даже обыкновенныхъ смертныхъ постоянно враждуютъ другъ съ другомъ и, часто убивая своихъ соперниковъ еще въ колыбели, тѣмъ стараются избавиться отъ тревогъ и опасностей, которымъ они непремѣнно подверглись бы отъ убитыхъ впослѣдствіи. Иногда, съ этою цѣлью, истреблялись цѣлыя семейства, и судьба малютки-наслѣдника, жизнь котораго подвергается опасности отъ преслѣдующихъ соперниковъ, сдѣлалась одною изъ любимыхъ темъ европейскихъ романистовъ. Иногда короли самолично совершали дѣтоубійство. Григорій Турскій разсказываетъ, напримѣръ, что короли Гильдебертъ и Лотарь, опасаясь малолѣтнихъ дѣтей Клодомира, жившихъ въ Парижѣ съ королевою Кротекильдою, рѣшились умертвить ихъ. Они послали къ Кротекильдѣ своихъ агентовъ и просили ее отправить къ нимъ этихъ дѣтей для возведенія ихъ на престолъ. „Она, исполненная радости и не подозрѣвая коварства, напоила, накормила внучатъ и отправила ихъ. Но дѣти были немедленно схвачены, разлучены съ своими служителями и воспитателями и отданы подъ стражу. Тогда Гильдебертъ и Лотарь послали къ королевѣ Аркадія съ ножницами и съ обнаженнымъ мечомъ. Аркадій показалъ Кротекильдѣ ножницы и мечь говоря: „что ты предпочитаешь, преславная королева,—твои сыновья, наши властители, спрашиваютъ тебя, какъ ты думаешь относительно тѣхъ дѣтей—прикажешь ли имъ жить съ остриженными волосами, или предать смерти?“ Королева, пораженная такимъ вопросомъ, неодумавшись же отвѣчала, что хотѣла бы видѣть дѣтей лучше мертвыми, чѣмъ остриженными. Аркадій передалъ этотъ отвѣтъ королямъ. Тотчасъ Лотарь схватываетъ старшаго ребенка за руку, съ лютостью бросаетъ его на полъ и убиваетъ вонзая ему ножъ подъ мышки. При крикѣ дитяти, братъ его падаетъ къ ногамъ Гильдеберта и, обнимая его колѣни, умоляетъ о спасеніи. Гильдебертъ сталъ просить за него Лотаря, но Лотарь отвѣчалъ ему съ яростью: „или оттолкни его отъ себя или ты самъ умрешь за него“. Гильдебертъ оттолкнулъ ребенка къ Лотарю, который, схвативъ его, поразилъ ножемъ

въ то же мѣсто, какъ его брата, и убилъ. Королевство Клодомира, принадлежавшее этимъ дѣтямъ, Лотарь и Гильдебертъ раздѣлили между собою.“ Но такая расправа была только въ началѣ европейской цивилизаціи. Позднѣе, вельможные дѣтоубійцы, оставаясь сами за ширмами, дѣйствовали обыкновенно посредствомъ наемныхъ злодѣевъ, какъ, напримѣръ, поступилъ нашъ царь Борисъ съ царевичемъ Димитріемъ, или какъ въ трагедіи Шекспира маленькому Глочестеру выжигаютъ глаза и убиваютъ его.

Ссоры между собою сильныхъ фамилій и деспотизмъ королей часто вели также къ дѣтоубійству. Сильный или богатый человѣкъ, желая поразить своего врага, истребляетъ вмѣстѣ съ нимъ и его дѣтей; такъ погибли, напримѣръ, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ въ башнѣ Голода дѣти графа Уголино. Или король, гнѣваясь на своихъ подданныхъ, убиваетъ вмѣстѣ съ ними и ихъ дѣтей. Самые разительные примѣры дѣтоубійства послѣдняго рода мы находимъ въ русской исторіи. Корбъ, напримѣръ, разсказываетъ много подобныхъ случаевъ объ Іоаннѣ IV. Въ 1568 г., вернувшись въ Москву изъ польскаго похода и подозрѣвая въ измѣнѣ одного боярина, котораго Корбъ называетъ Иваномъ Петровичемъ, царь призвалъ его во дворецъ и собственноручно поразилъ его въ сердце нѣсколько разъ длиннымъ ножемъ. Дворяне и стрѣльцы вытащили трупъ на площадь и изрубили въ куски. Они, по приказанію царя, истребили всѣхъ домашнихъ боярина, даже всѣхъ его животныхъ. 3,000 его служителей съ друзьями и родными погибли горькою смертью. Всѣ его деревни были выжжены, а крестьяне съ ихъ женами и дѣтьми или перебиты или разсѣяны. Его беременная жена и дочери сначала опозорены палачами, а потомъ изрублены въ куски. Князю Афанасію Вяземскому царь выломалъ руки и затѣмъ посадилъ на колъ. Его жена, дѣти и вся челядь, въ числѣ 60 человѣкъ, были казнены. 150 дворянъ, испуганныхъ казнями, задумали бѣжать въ Польшу; ихъ поймали и растоптали лошадьми; ихъ служители и дѣти были также казнены. Однажды Іоаннъ заподозрилъ въ измѣнѣ нѣсколькихъ бояръ и послалъ цѣлый на нихъ военный отрядъ, приказавъ ему истребить этихъ бояръ *со всѣмъ ихъ родомъ, съ женами, съ дѣтьми, прислугою, крестьянами, рогатымъ скотомъ, собаками, кошками, даже съ рыбою въ прудахъ.* Приказъ былъ исполненъ въ точности и все истреблено безъ всякаго сожалѣнія. Только эти палачи были тронуты въ одномъ домѣ красотою и улыбками одного ребенка. Они пощадили его и спрятали. Но Іоаннъ узналъ объ этомъ; притворясь сострадательнымъ и нежелающимъ зла этому ребенку, онъ велѣлъ принести его къ себѣ. Принесли. Іоаннъ взялъ его на руки и осыпалъ нѣжными ласками. Между тѣмъ онъ потихоньку досталъ ножъ и, пронзивъ имъ сердце ребенка, выбросилъ трупъ въ окно на съѣденіе собакамъ.

Народная фантазія въ средніе вѣка сильно преувеличивала число

суевѣрныхъ дѣтоубійствъ, хотя такія и существовали дѣйствительно. Сюда относятся прежде всего убійства дѣтей вѣдьмами и колдунами, какъ, напримѣръ, убійство малютки пани Катерины колдуномъ, отцомъ послѣдней, въ повѣсти Гоголя „Страшная месть". Папа Иннокентій VIII, въ своей знаменитой буллѣ, служившей инструкціей для слѣдователей и судей по вѣдовскимъ дѣламъ, говоритъ, между прочимъ, что вѣдьмы, „посредствомъ призываній, пѣсенъ, заклинаній и другихъ средствъ, портятъ, удушаютъ и губятъ плодъ женщинъ и животныхъ". Убійство дѣтей также входило иногда въ число обвиненій противъ колдуновъ и вѣдьмъ. Нѣтъ спора, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти обвиненія были гнусными выдумками судей или нелѣпыми фантазіями народа, но все-таки въ основаніи ихъ лежали дѣйствительные факты. Женщины, которыхъ обвиняли какъ вѣдьмъ и волшебницъ, занимались иногда и практикой плодоизгнанія, обставляя его разными суевѣрными обрядами, какъ это дѣлаютъ наши знахари.

Въ средневѣковой Европѣ было сильно распространено пришедшее съ Востока вѣрованіе о цѣлебности въ сильныхъ болѣзняхъ дѣтской крови. У евреевъ есть преданіе, что фараонъ, неотпускавшій евреевъ изъ Египта, страдалъ проказою и велѣлъ приносить къ себѣ еврейскихъ мальчиковъ съ тѣмъ, чтобы выпускать изъ нихъ кровь и обмываться ею. Въ одной еврейской книгѣ XVI в., *Чинъ Пасхи*, есть рисунокъ, изображающій царя, который съ короною на головѣ стоитъ въ ваннѣ; кругомъ его дѣти, изъ отворенныхъ жилъ которыхъ кровь брызжетъ фонтанами на покрытое язвами тѣло царя; вдали изображены плачущія матери. Въ числѣ обвиненій на орденъ тампліеровъ было и то, что его члены въ своихъ тайныхъ собраніяхъ закалывали дѣтей. То же обвиненіе часто взводилось и на евреевъ, при чемъ говорили, что они убиваютъ дѣтей съ цѣлью лечиться ихъ кровью. Дѣйствительно, бывали случаи, что потерянныя дѣти были находимы съ выпущенною изъ нихъ кровью. И достаточно было нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ, чтобы болѣзненная фантазія народа распространила это обвиненіе на всѣхъ евреевъ и поддерживала его втеченіе столѣтій. Этотъ обычай существовалъ даже между французами. Коллетъ говоритъ, что при жизни св. Винцента де-Поля (1576—1660 г.) въ Парижѣ дѣти были убиваемы для магическихъ операцій и для полученія дѣтской крови для ваннъ, принимавшихся съ цѣлью полученія долголѣтія. Кажется, что тотъ же обычай существовалъ и въ Россіи. Игнатій, митрополитъ тобольскій, говоритъ, что онъ встрѣчался у раскольниковъ. Въ одной русской легендѣ XVI в. разсказывается, что нѣкій раззорившійся купецъ былъ пораженъ „язвою злою отъ ногъ и до головы". Всѣ средства были безуспѣшны противъ его болѣзни, хотя объ излѣченіи его сильно старался одинъ богачъ, нажившійся прежде, благодаря этому больному купцу. Но вотъ приходитъ къ упомянутому

богачу нѣкій врачъ и говоритъ ему: „ничѣмъ нельзя болѣзни той исцѣлить, кромѣ какъ кровью зарѣзаннаго младенца-первенца". У богача былъ младенецъ-первенецъ и онъ рѣшился зарѣзать его „здравія ради недужнаго". „Обрѣте же часъ, егда жена его въ баню идетъ мытися, видѣ младенца своего на ложѣ спяща покровенна, и съ тщаніемъ притече закла его и источи кровь въ лохань, и паки вложи мертваго младенца и покры его;" затѣмъ, взявъ больного въ сокровенное мѣсто, раздѣлъ его до нага и помазалъ все тѣло его кровью своего убитаго сына. „И абіе здравъ бысть больной, якоже исперва".

Далѣе существуетъ еще довольно легендъ о существованіи въ старинной Европѣ цивилизованнаго людоѣдства изъ гастрономическихъ побужденій. Было нѣсколько случаевъ, что люди убивались для того, чтобы полакомиться ихъ мясомъ. Это случалось и со взрослыми и съ дѣтьми. Одинъ трактирщикъ въ старинномъ Парижѣ прославился своими необыкновенно вкусными пирожками, которые съ жадностью пожирались парижанами, пока не открылось, что они приготовляются изъ человѣческаго мяса *). 26 октября 1553 года, въ Бреттенбургѣ одна беременная женщина зарѣзала ночью своего мужа и съѣвъ его грудь и лѣвую руку, остальное посолила. Во время этого пира она родила трехъ сыновей. Въ 1562 г. одна беременная женщина въ Драйссигѣ убила своего мужа, отрубила ему голову, руки и ноги, сварила ихъ и съѣла, а остатки посолила и прокоптила. Въ Шотландіи одинъ мужчина съ своею женою и ребенкомъ былъ осужденъ на смертную казнь черезъ сожженіе за то, что онъ заманивалъ въ свой домъ молодыхъ людей и дѣтей, убивалъ ихъ, варилъ и съѣдалъ со своею семьею ради лакомства. Отъ казни избавили только одну маленькую дѣвочку. Но едва она достигла двѣнадцатилѣтняго возраста, какъ начала обнаруживать страстное желаніе полакомиться человѣчиной. Приведенная въ судъ, она вскричала: „зачѣмъ вы такъ гнушаетесь мною? Нужно только однажды испытать, какъ вкусно человѣческое мясо, и послѣ этого никто не удержался бы, чтобы не съѣсть даже своихъ дѣтей!"

Всѣ упомянутые виды дѣтоубійствъ, совершаемыхъ разъяренными солдатами, знахарями и колдунами, жестокими тиранами и людьми, вѣрующими въ цѣлебность дѣтской крови, постепенно изчезали въ Европѣ съ развитіемъ ея цивилизаціи. И эти виды дѣтоубійства составляютъ вездѣ принадлежность не разврата, какъ думаютъ, а суевѣрнаго варварства. Особенный же, развитый въ Европѣ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь видъ дѣтоубійства—есть убійство незаконныхъ дѣтей, со-

*) Подобную же легенду я слышалъ въ Казани объ одномъ тамошнемъ трактирщикѣ, который жилъ уже въ настоящемъ столѣтіи и котораго мнѣ называли, если не ошибаюсь, Щербаковымъ.

вершаемое большею частію вслѣдствіе позора и отверженности, навлекаемыхъ на мать ея незаконною связью, а на ребенка — его незаконнымъ рожденіемъ. Развитію этого вида дѣтоубійства въ старинной Европѣ, какъ и въ современной намъ, содѣйствовали, во-первыхъ, бѣдность и гнетъ брачной жизни, а во-вторыхъ, преслѣдованіе церковью, законодательствомъ и общественнымъ мнѣніемъ незаконныхъ половыхъ связей.

Развращенность всѣхъ классовъ стариннаго европейскаго общества всегда находила себѣ жестокихъ оппонентовъ. Законодатели и администраторы принимали противъ нея строгія мѣры. Уже Карлъ в. запрещалъ женатому человѣку держать наложницу, подъ страхомъ наказанія за нарушеніе брака. Церковное законодательство со временъ Латеранскаго собора также вооружалось противъ конкубината, считая его грѣховнымъ дѣломъ и для міряяъ, и для духовныхъ. Имперскій полицейскій уставъ 1530 г. и одинъ изъ полицейскихъ эдиктовъ Карла V 1548 г. рекомендовали духовнымъ и свѣтскимъ властямъ неусыпно слѣдить за людьми, живущими въ конкубинатѣ, и наказывать ихъ. Сильное распространеніе проституціи также не разъ вооружало правительства и противъ проститутокъ и противъ ихъ посѣтителей. Даже половыя отношенія, происходившія тайно, часто раскрывались полицейскимъ надзоромъ и навлекали на виновныхъ наказанія, которыя состояли иногда въ публичномъ церковномъ покаяніи, а чаще въ варварскомъ истязаніи и безчещеніи прелюбодѣевъ. Вотъ что разсказываетъ, напр., объ этихъ наказаніяхъ кобургская лѣтопись. „2 апрѣля 1658 г. тюрингенскій извозчикъ Гансъ Виртъ за то, что соблазнилъ двухъ дѣвокъ и обѣщалъ на нихъ жениться, послѣ церковнаго благовѣста былъ поставленъ у колокольни, съ цѣпнымъ кольцомъ на шеѣ, и тутъ съ обѣими дѣвками, на головахъ которыхъ были вѣнки изъ соломы, онъ былъ обязанъ простоять всю обѣдню". Но чаще, соблазненныя дѣвушки съ позоромъ изгонялись изъ мѣста ихъ жительства; съ барабаннымъ боемъ водили ихъ по улицамъ и вокругъ базарной площади, затѣмъ наказывали ихъ розгами и выгоняли за городскія ворота. Даже въ концѣ XVIII в. Марія Терезія учредила особыя *Комиссіи о цѣломудріи*, Keuschheits-Komissarien, закрытыя потомъ, какъ рѣшительно недостигавшія своей цѣли. Въ Россіи блудники и прелюбодѣи подвергались и денежному штрафу и тѣлесному наказанію. Прелюбодѣйныя дѣла до Петра в. были въ вѣдѣніи духовной власти, и архіереи, разъѣзжая для обозрѣнія своихъ эпархій, иногда публично наказывали прелюбодѣекъ кнутами. Не менѣе каралась падшая женщина и въ семействѣ. Патріархальный деспотизмъ царилъ въ европейскомъ семействѣ во всей своей грубости вплоть до XIX в. Понятно, что при такомъ устройствѣ семьи, незаконная любовная связь, а тѣмъ болѣе незаконная беременность дочери или жены должны были вести къ

страшнымъ семейнымъ трагедіямъ, карамъ, физическимъ и нравственнымъ истязаніямъ виновной, должны были навлекать позоръ и возбуждать негодованіе общества не только противъ нея, но и противъ всей семьи, къ которой она принадлежала. Участь незаконнаго ребенка, въ большинствѣ случаевъ, была также печальна; ему грозили въ жизни отверженность, бѣдность, скитальчество. Результатъ ясенъ: мать незаконнаго ребенка избавлялась и сама, избавляла и ребенка отъ позора, умертвивъ его, и такимъ образомъ скрывъ слѣды своихъ преступныхъ связей. Нерѣдко, впрочемъ, замужнія женщины имѣли возможность выдавать своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей за законныхъ. Но достаточно было малѣйшаго подозрѣнія со стороны ревниваго мужа—и ребенокъ и мать подвергались его гнѣву, часто даже находилась въ опасности самая жизнь ихъ. Даже при дворахъ крупныхъ и мелкихъ потентатовъ, гдѣ царилъ самый необузданный развратъ, отцы, мужья и любовники, покровительствуя этому разврату, однакожъ карали его послѣдствія. Сами они могли распутничать сколько хотѣли, но женщинъ обязывали быть вѣрными себѣ, а иногда позволяли и имъ развратничать, только не беременѣть. Такъ, напр., распутный ландграфъ кассельскій Морицъ узналъ отъ своего гофмаршала, что жена его Юліана поцѣловалась съ однимъ придворнымъ. Ландграфъ сдѣлалъ сцену. Придворный отомстилъ гофмаршалу тѣмъ, что застрѣлилъ его. Преступника осудили на смертную казнь. Сначала ему отрубили правую руку, потомъ живому распороли грудь и вырвали сердце, которое было показано палачомъ присутствовавшему при казни ландграфу. Мать и невѣста казненнаго сошли съ ума отъ страха. Вскорѣ вдова убитаго гофмаршала забеременѣла отъ одного офицера. Ланграфъ и тутъ вмѣшался. Онъ предложилъ ей на выборъ, или, что онъ живую заложитъ ее вмѣстѣ съ ребенкомъ въ каменную стѣну, или, чтобы она выѣхала изъ его владѣній. Она уѣхала.

При такой развращенности, и вмѣстѣ при такой фарисейской строгости закона и нравовъ множество незаконнорожденныхъ дѣтей было убиваемо. О громадномъ числѣ убиваемыхъ свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя историческія извѣстія, и строгіе законы, которыми думали остановить это преступленіе, и частыя описанія казней дѣтоубійцъ. А сколько дѣтоубійствъ оставалось вовсе неоткрытыми. Въ женскихъ монастыряхъ были даже особые могильные склепы, въ которыхъ хоронились умершія и убитыя дѣти монахинь, и о существованіи которыхъ узнавали только въ позднѣйшее время. Въ старинной Россіи, также какъ въ Европѣ, много незаконныхъ дѣтей истреблялось матерями, и ихъ трупы бросались или въ воду, или въ отхожія мѣста. Особенно развито было дѣтоубійство въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ монастыряхъ, по свидѣтельству раскольничьихъ же писателей. Количество выброшенныхъ и подкинутыхъ было еще громаднѣе числа уби-

ваемыхъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ и прямыя извѣстія, и дома для найденышей, возникавшіе во многихъ концахъ Европы. Въ Парижѣ, напр., во время жизни Винцента Поля, церкви и публичныя мѣста были усѣяны выброшенными дѣтьми, а въ Сенѣ плавали трупы убитыхъ. При Людовикѣ XIV участь этихъ дѣтей была особенно несчастна, вслѣдствіе раззореній народа и голода. И во второй половинѣ XVIII в., какъ мы увидимъ ниже, дѣтоубійство и дѣтовыбрасыванье достигли такой степени, что возбудили и въ законодателяхъ, и въ публицистахъ серьезную тревогу и дѣятельное стараніе объ отысканіи средствъ для прекращенія этого зла.

IV.

Мы видѣли, что главнѣйшая причина дѣтоубійства, у всѣхъ народовъ, стоявшихъ и стоящихъ внѣ европейской цивилизаціи, заключается въ бѣдности, суевѣріи, деспотизмѣ отцовской власти, жестокости войнъ, самодурствѣ тирановъ и въ страхѣ стыда отъ незаконнаго рожденія. При этомъ мы видѣли, что съ постепеннымъ развитіемъ цивилизаціи изчезаютъ мало-по-малу нѣкоторыя изъ этихъ причинъ и производимые ими виды дѣтоубійства,—принесеніе дѣтей въ жертву, казнь дѣтей отцами и т. д. Но несмотря на то, что современная Европа достигла небывалой еще высоты цивилизаціи, несмотря на то, что въ ней уже не существуетъ болѣе нѣкоторыхъ видовъ дѣтоистребленія, свойственныхъ только варварству, дѣтоубійство въ ней не только существуетъ, но даже во многихъ странахъ замѣтно усиливается.

Причины распространенія и усиленія дѣтоубійства въ современной Европѣ заключаются главнымъ образомъ въ постепенномъ обѣдненіи народныхъ массъ.

Извѣстно, что съ конца XVIII в. въ Европѣ и преимущественно въ Англіи начинается великій общественный переворотъ. Быстрое развитіе промышленности и введеніе машинъ увеличило суммы богатства европейскихъ націй и подняло ихъ на вершину матеріяльнаго прогресса. Но съ тѣмъ вмѣстѣ явились на сцену массы неизвѣстныхъ старинной Европѣ пролетаріевъ, людей безъ собственности, полунагихъ, голодныхъ, истощенныхъ, тупыхъ и испорченныхъ нравственно. Ихъ вопіющая бѣдность и безпомощность тотчасъ дали себя почувствовать и классамъ, пользующимся всѣми благами цивилизаціи, такъ что отъ несчастнаго положенія, въ которое ввергнуты пролетаріи, должны страдать и выше ихъ лежащіе общественные слои,—страдать не только отъ страха грозящихъ въ будущемъ событій, но и отъ преступленій, порождаемыхъ отчаянною судьбою пролетаріевъ. Нѣкоторыя преступленія, и преступленія очень крупныя, начали усиливаться именно съ того времени, какъ пролетаріатъ сталъ возрастать и обхва-

тывать Европу. Въ числѣ этихъ постоянно усиливающихся преступленій, мы видимъ дѣтоубійство и дѣтовыбрасыванье.

Первая причина громадной распространенности двухъ послѣднихъ преступленій—нищенство народныхъ массъ. Въ то время, какъ совершалось быстрое индустріяльное развитіе Европы, массы рабочаго народа стягивались изъ селъ въ центры городской промышленности, лишались своихъ хозяйственныхъ обзаведеній, бросали земледѣліе и поступали въ работу къ буржуазіи изъ-за куска хлѣба. Вонючія, сырыя и темныя квартиры, биткомъ набитыя голодными и изнуренными рабочими, ничтожная задѣльная плата, совершенная неувѣренность въ томъ, что завтра можно имѣть кусокъ хлѣба, произволъ и стачки фабрикантовъ, болѣзни, быстро разрушающія организмъ—вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ современное положеніе рабочаго класса. И вспомните, что въ этомъ омутѣ живутъ не одни мужчины, но и женщины и безпомощныя дѣти. Промышленный прогрессъ, въ настоящей его формѣ, недовольствуется пожираніемъ взрослыхъ и сильныхъ мужчинъ,—бурный потокъ его увлекаетъ и губитъ всѣхъ людей, не различая ни пола, ни возраста. Но мы считаемъ излишнимъ и неудобнымъ входить здѣсь въ подробности о современномъ положеніи рабочаго класса; мы представимъ здѣсь только тѣ данныя, которыя ближе другихъ относятся къ нашему предмету.

Поразительно число неимущихъ, содержимыхъ на общественный счетъ. Въ Англіи, по даннымъ, сообщаемымъ Цезаремъ Контини, содержалось на общественныя суммы:

	Въ рабочихъ домахъ.	На своихъ квартирахъ.	Всего.
Въ 1857 г.	121,669	737,287	858,956
— 1858 —	120,140	751,031	871,171
— 1859 —	110,703	705,590	816,293
— 1860 —	110,603	687,763	798,366
— 1861 —	122,600	720,366	842,966
— 1862 —	130,974	820,953	951,927

Во Франціи на счетъ „благотворительныхъ бюро", bureaux de bienfaisance, получали содержаніе или помощь въ 1833—1887 г. среднимъ числомъ 731,311 человѣкъ ежегодно, въ 1848 г. — 982,516 ч., а въ 1853 г. 1,022,996 человѣкъ.

Въ Пруссіи, по вычисленію Бокка, въ 1849 г. на общественный счетъ получали вспоможенія 567,659 чел. и содержалось въ благотворительныхъ учрежденіяхъ 219,277 чел. Затѣмъ получало содержаніе на общественный счетъ отцовъ семействъ:

въ 1852 г.	1855	1858	1861
290,070	288,225	399,459	327,667

По замѣчанію Бокка, ни въ Швеціи, ни въ Даніи, ни даже въ Англіи нѣтъ такого громаднаго числа лицъ, содержащихся на общест-

венный счетъ, какъ въ Пруссіи. Въ округѣ Бромбергѣ 1 такой нищій, содержимый общественною благотворительностью, приходится на 116 жителей, въ Маріенвердерѣ 1 на 73 жителя, въ Познани 1 на 52, въ округѣ Кельнѣ 1 на 9, въ округахъ потсдамскомъ, берлинскомъ, штральзундскомъ и бреславльскомъ 1 на 12—13 жителей; въ городѣ Берлинѣ 1 на 6, въ г. Бреславлѣ 1 на 2, въ Грейфсвальдѣ и Пренцлау 1 на 3, въ Магдебургѣ, Кельнѣ, Трирѣ, Мюльгаузенѣ 1 на 4!

Въ Бельгіи, по указаніямъ Аренса, въ 1839 г. состояло на общественномъ содержаніи 587,095 чел.; 1 такой неимущій приходился на 7 жителей. Въ 1853 г. число это возрасло до 1,489,488 ч.; т. е. около 1/4 всего населенія, а во Фландріи около 1/3 состояло на общественномъ пропитаніи и вспомоществованіи.

Приведенныя цифры краснорѣчивѣе всякихъ описаній говорятъ о горестномъ положеніи европейскихъ народныхъ массъ. И нужно замѣтить, что призрѣваются на счетъ общественной благотворительности еще не самые несчастные: хотя бѣдность и лишенія сокращаютъ на нѣсколько лѣтъ ихъ жизнь, хотя имъ и приходится умирать очень рано, но все-таки они имѣютъ шансы не умереть вдругъ голодною смертію, не погибнуть втеченіе нѣсколькихъ дней отъ недостатка пищи. Они счастливѣе, поэтому, тѣхъ своихъ собратовъ по несчастію, извѣщая о смерти которыхъ полиція цивилизованной Европы безстрастно отмѣчаетъ—*умерли голодною смертью!* И это случается чаще и болѣе всего въ самой богатой и развитой странѣ, съ ея громадною столицею. Въ Лондонѣ *умирало голодною смертью:*

	1851 г.	1852	1853	1854	1855	1856	1857	1858	1859	1860	1861 г.
Взросл.	28	23	34	32	35	28	29	38	26	27	27
Дѣтей.	252	267	302	325	358	366	363	372	445	381	453

Въ Англіи, кромѣ Лондона, умерло съ голода.

	мужчинъ.	женщинъ.	дѣтей.
1862 г.	37	36	1126
„ 1863 „	93	47	(нѣтъ цифры).

Само собою понятно, что тамъ, гдѣ обстоятельства такъ давятъ человѣка, гдѣ бѣдность доводитъ его до голодной смерти, гдѣ нѣтъ для него никакой надежды на улучшеніе своей участи, тамъ жизнь не очень привязываетъ человѣка и является сильная наклонность къ самоубійству изъ-за бѣдности и экономическихъ лишеній. Приводимъ цифры изъ уголовной статистики Бельгіи за 1840—1849 и Франціи за 1856—1861 г.

	Бельгія.	Франція.	
		мущинъ.	женщинъ.
Всѣхъ самоубійствъ.	2428	18,713	5749
Изъ этого числа			

причиною самоубійствъ были:			
a) бѣдность	110	897	171
b) разстройство состоянія	66	1108	74
c) потеря состоянія	10	153	16
d) потеря мѣста и занятія	7	88	19
e) недостатокъ работы	4	„	„
	197	2246	280

Люди, находящіеся въ столь безотрадномъ состояніи, люди, которые умираютъ сами съ голода, видятъ муки своихъ дѣтей, тоже умирающихъ голодною смертью и не ожидаютъ для своего потомства ничего, кромѣ тѣхъ же страданій, той же мучительной жизни, бремя которой влачатъ они сами,—такіе люди естественно дѣлаются дѣтоубійцами и дѣтовыбрасывателями. Если въ нихъ осталось еще чувство состраданія къ своимъ малюткамъ, если ихъ сердце болѣзненно сжимается при каждомъ стонѣ голоднаго ребенка, при каждомъ взглядѣ на его увядающую, мертвенноблѣдную фигуру, при каждой мысли объ ожидающихъ его въ жизни страданіяхъ, то они легко доходятъ до рѣшенія убить ребенка, или, по крайней мѣрѣ, выбросить его, съ надеждою, что какой нибудь сострадательный человѣкъ или домъ для найденышей пріютятъ его. Если же обстоятельства убили въ родителяхъ всѣ чувства, кромѣ холоднаго разсчета, если, размышляя о судьбѣ своего ребенка, они находятъ, что держать его для нихъ *невыгодно*, а отдѣлаться отъ него, напротивъ, *выгодно*, то что можетъ остановить ихъ отъ осуществленія этого справедливаго разсчета? Законныя дѣти выбрасываются почти исключительно по бѣдности или разсчету. А выбрасывается ихъ очень много; это покажетъ, напр., слѣдующая таблица, въ которой числа найденышей больше чиселъ внѣ-брачныхъ рожденій, и при этомъ цифра избытка должна быть ниже цифры выброшенныхъ законныхъ дѣтей, такъ какъ довольно незаконныхъ дѣтей остается невыброшенными.

Департаменты Франціи.	Годы.	Число незаконныхъ рожденій.	Число найденышей.
Устьевъ Роны.	1832	1219	825
Нижне-шарантскій . . .	1824	582	573
Корсиканскій	1824	141	143
Шерскій	1827	391	411
Дордонскій.	1829	578	755
Илль и Вилленъ. . . .	1832	312	465

Что степень бѣдности, степень дороговизны предметовъ первой

необходимости имѣютъ сильное вліяніе на усиленіе разсматриваемыхъ явленій, показываютъ, между прочимъ, и цифры найденышей въ разные года. Такъ 1816 и 1817 г. были годами большихъ бѣдствій въ Европѣ, годами голода и дороговизны, и число найденышей въ нихъ значительно возрасло, сравнительно съ предыдущими годами. Найденышей было:

	Въ Парижѣ, въ Hospice des enfants trouvès.	Въ Миланѣ, въ домѣ св. Катерины.	Цѣна 1 мюйда хлѣба.
Года: 1815	10,739	2280	59 лиръ.
— 1816	11,116	2625	75
— 1817	11,829	3082	63
— 1818	12,813	„	„
— 1819	13,248	„	„

Въ парижскомъ домѣ для найденышей мы видимъ и за другіе года сильное возрастаніе подкидываемыхъ, особенно въ бѣдственные и слѣдующіе за ними года. Цифры эти мы приведемъ ниже, а теперь посмотримъ на причины этого явленія. Знатокъ французскихъ дѣлъ, Бенуастонъ де-Шатонефъ, говоритъ, что „истинными причинами увеличенія числа выбрасываній и съ тѣмъ вмѣстѣ числа найденышей служатъ, безъ сомнѣнія, бѣдность, безнравственность и злоупотребленія. За это говоритъ и то обстоятельство, что въ теченіе десяти лѣтъ, за исключеніемъ двухъ несчастныхъ годовъ 1831 и 1832, число подкидываній мало измѣнялось. Недостатокъ, голодъ, общественныя смуты, промышленные кризисы, конечно, увеличиваютъ число выбрасываній, но ихъ вліяніе преходящее; пока они существуютъ, они содѣйствуютъ только усиленію причины, которую создали не они, которая уже существовала раньше, которая будетъ существовать даже и тогда, когда они прекратятся; это *бѣдность*, ужаснѣйшее изъ всѣхъ золъ, такъ какъ она источникъ всѣхъ ихъ... И когда видишь, съ одной стороны, постепенное увеличеніе дѣлъ милосердія, обществъ благотворительности, раздавателей милостыни, сборы и налоги въ пользу бѣдныхъ, помощь, оказываемую 2,000,000 нищихъ, а съ другой стороны, видишь постепенное умноженіе банкротовъ, воровъ и найденышей, то невозможно сомнѣваться въ сильномъ значеніи всюду царящей бѣдности, невозможно, по крайней мѣрѣ, не приписать ей существеннаго вліянія на увеличеніе числа дѣтовыбрасываній“. Къ этому нужно прибавить, что бѣдность имѣетъ еще и посредственное вліяніе на увеличеніе дѣтоубійствъ и дѣтовыбрасываній. Извѣстно, что чѣмъ изобильнѣе и дешевле годъ, тѣмъ больше заключается браковъ и наоборотъ. Въ послѣднемъ случаѣ, когда въ дурной годъ меньше заключается браковъ, увеличивается число внѣ-брачныхъ совокупленій и, слѣдовательно, число незаконныхъ рожденій. А чѣмъ больше незаконныхъ дѣтей, тѣмъ больше дѣтоубійствъ и дѣтовыбрасываній. Поэтому, въ годы усиленной бѣд-

ности усиливается и дѣтовыбрасываніе. И вообще, этихъ преступленій больше въ бѣдномъ классѣ, чѣмъ въ богатомъ—въ послѣднемъ дѣти убиваются и выбрасываются не по неимѣнію средствъ для ихъ пропитанія, а по другимъ причинамъ.

Что же касается дѣтоубійства въ особенности, то изысканіе причинъ его почти всегда показываетъ, что или убитыя дѣти были незаконнорожденными, или *ихъ родители находились въ крайней бѣдности.* Почти всѣ законныя дѣти убиваются и почти всѣ законные зародыши истребляются изъ-за бѣдности. А законныхъ дѣтей истребляется очень много. По данымъ криминальной статистики Англіи за 1863 г. въ ней обслѣдовано найденныхъ мертвыми дѣтей:

	Законныхъ.		Незаконныхъ		Всего.
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	
Моложе 1 года.	1455	1224	507	478	3664
Отъ 1 г. до 7 л.	1569	2259	645	578	5051
Итого	3024	3483	1152	1056	8715

Хотя коронерами и признано изъ этого количества только 28% насильственныхъ смертей, но, какъ мы увидимъ ниже, на приговоры коронеровъ полагаться нельзя, число дѣтоубійствъ, выставляемое ими, всегда ниже дѣйствительнаго. И всѣ убійства законныхъ дѣтей, какъ мы уже замѣтили, имѣютъ свои причины въ бѣдности родителей. „Въ Англіи — говоритъ Контини — дѣтоубійство совершается не одними только матерями-дѣвушками, старающимися спасти тѣмъ свою честь, но и замужними женщинами, которыхъ гнусный разсчетъ или бѣдность заставляютъ истреблять плодъ своего чрева. Въ послѣднемъ случаѣ дѣтоубійство (въ большинствѣ случаевъ) не бываетъ смертоубійствомъ (l'assasinat), т. е. дѣйствіемъ быстрымъ и насильственнымъ, оставляющимъ послѣ себя внѣшніе и очевидные признаки: оно совершается иначе. Родители даютъ своимъ дѣтямъ постепенными дозами питье съ опіемъ, которое оказываетъ на ихъ организмъ дѣйствіе медленное, но вѣрное, или постепенно уменьшаютъ пищу, необходимую для поддержанія жизни дѣтей... Дитя медленно погибаетъ. И хотя эти ужасныя комбинаціи не избѣгаютъ вниманія сосѣдей, но *терпимость касательно этого пункта здѣсь всеобщая*". Тотъ же авторъ говоритъ, что въ низшихъ классахъ англійскаго общества та мать считается *счастливою*, которой удастся или изгнать свой плодъ, или убить ребенка, и тѣмъ избавиться отъ большихъ хлопотъ и лишеній, которыя соединяются съ его воспитаніемъ.

Разительные примѣры, до чего доводитъ бѣдность родителей, какъ она дѣлаетъ ихъ положительно помѣшанными и заставляетъ ихъ въ этомъ состояніи убивать своихъ дѣтей, представляютъ слѣдующіе два случая изъ англійской жизни.

Въ январскую полночь 1862 г. въ Лондонѣ къ одному констэблю

подходитъ на улицѣ какая-то женщина и спрашиваетъ — „гдѣ полицейскій домъ?“ — „Что вамъ тамъ нужно?“ спросилъ ее констэбль.— „Мнѣ нужно отдать себя подъ стражу, потому что я умертвила своего ребенка“.—„Когда, гдѣ и какъ?“—„Сегодня вечеромъ въ Ребека-Коуртъ я задавила его черной тесемкой“. — „Почему же вы это сдѣлали?“ — „Изъ нужды — я не могла долѣе видѣть, какъ онъ мучился отъ голода!“—Констэбль отвелъ ее въ полицейскій домъ, а самъ пошелъ къ ней на квартиру. Въ комнатѣ онъ нашелъ всего только одинъ матрацъ, на которомъ лежали двое дѣтей—дѣвочка лѣтъ двухъ, живая, и мальчикъ мѣсяцевъ 10, удавленный тесьмою. Констэбль отвезъ обоихъ въ рабочій домъ, и когда вернулся къ подсудимой въ полицію, она снова подтвердила свой разсказъ, прибавивъ, что не убила дѣвочки потому, что она была въ параличѣ. Виновной было 37 лѣтъ, имя ея — Мэри Гамильтонъ. Изъ свидѣтелей главнѣйшимъ была свекровь Мэри, показавшая, что ея мужъ ремесломъ портной, человѣкъ очень трудолюбивый; но послѣдніе два года, за неимѣніемъ работы и за болѣзнію старшаго ихъ ребенка, они жили въ крайней нищетѣ. Мэри всегда была тихая и смирная женщина, но въ послѣднее время вела себя довольно странно, впадала въ меланхолію и отчаяніе, такъ что отъ нея нельзя было добиться отвѣта. Разъ она отправилась съ умершимъ малюткой въ Сиденгэмъ и бродила всю ночь, неизвѣстно зачѣмъ. Въ послѣднее время часто она по цѣлымъ днямъ ничего не ѣла, и это усиливало ея отчаяніе и меланхолію. Адвокатъ подсудимой, Слей, обращалъ вниманіе присяжныхъ на отчаянную нищету, которая была причиною совершенія преступленія, и говорилъ, что, нѣтъ никакого сомнѣнія, разсудокъ Мэри былъ поврежденъ, вслѣдствіе ужаснаго ея положенія, и что поэтому нельзя вмѣнить ей совершеннаго ею преступленія. Присяжные оправдали ее, а судья объявилъ, что подсудимая будетъ задержана нѣкоторое время (during Her Majesty's pleasure) и что о будущности ея позаботятся.

Другой случай еще трагичнѣе. Въ Дублинѣ, въ южной кемберландской улицѣ, въ четвертомъ этажѣ, жилъ нѣкто Джонъ Моллей съ женою, двумя дѣтьми и невѣсткой. Прежде онъ былъ сторожемъ въ гостинницѣ въ Брейѣ, но нѣсколько времени тому назадъ лишился этой должности и остался безъ мѣста. Слѣдствіемъ этого была крайняя бѣдность, такъ что имъ приходилось закладывать бѣлье и другія вещи, чтобы не умереть съ голода. Въ числѣ прочаго были заложены и воротнички отъ рубашекъ. Одѣваясь однажды, Моллей не находилъ воротничка, который, по его соображеніямъ, долженъ былъ быть у него. Вслѣдствіе нищеты и несчастныхъ обстоятельствъ Моллей сдѣлался до такой степени раздражительнымъ, что когда невѣстка сдѣлала ему какое-то замѣчаніе на счетъ воротничковъ, то онъ мгновенно пришелъ въ ярость, схватилъ кочергу и нанесъ ею невѣсткѣ глу-

бокую рану въ лѣвый високъ. Она бросилась отъ него внизъ по лѣстницѣ. Жена старалась успокоить его, но онъ и ее сталъ бить кочергою и нанесъ ей раны въ голову и въ другія части тѣла. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, она вырвалась на улицу съ крикомъ: „рѣжутъ!“ Этимъ не ограничилось бѣшенство Моллея. Двое его дѣтей, изъ которыхъ младшему было два года, попались ему подъ руку. Онъ схватилъ младшаго и перерѣзалъ ему горло, такъ что голова совсѣмъ отдѣлилась отъ туловища. Потомъ бросился на старшаго и хотя нанесъ ему смертельную рану, но смерть послѣдовала не въ ту же минуту. Вслѣдъ за тѣмъ, несчастный сталъ на порогѣ комнаты, звалъ кого нибудь на помощь, громко плакалъ, умолялъ помочь ребенку и, ломая свои руки, восклицалъ,: „ахъ несчастный, несчастный!“ Полиція скоро явилась и взяла его подъ стражу безъ всякаго съ его стороны сопротивленія. Находясь въ полиціи, Моллей былъ очень блѣденъ, но въ совершенно нормальномъ состояніи духа, записывалъ показанія свидѣтелей и самъ спрашивалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Присяжные освободили его отъ суда, какъ подверженнаго по временамъ помѣшательству. Миттермайеръ, въ своемъ сочиненіи о судебной психіатріи (переводъ въ Ж. Мин. Юстиціи 1867 г., № 4, 5), приводитъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Такъ, онъ говоритъ, что совершеніе дѣтоубійства стоитъ нерѣдко въ связи съ стремленіемъ къ самоубійству. Одинъ индивидъ, наприм., былъ мучимъ влеченіемъ лишить себя жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и убить своихъ дѣтей, такъ какъ онъ представлялъ себѣ, что они послѣ его смерти были бы принуждены вести несчастную жизнь. Покушеніе на самоубійство не удалось, но дѣтей онъ лишилъ жизни.

Другой случай: женщина Соммеръ убила нѣсколькихъ дѣтей. Она умерла въ заведеніи умалишенныхъ и при вскрытіи ея трупа оказалось, что мозгъ ея находился въ весьма болѣзненномъ состояніи. Одинъ почтенный отецъ семейства впалъ въ глубокую меланхолію, вызванную тяжелою потерею имущества, такъ что онъ ничего не могъ оставить послѣ себя своимъ дѣтямъ. Болѣзнь усилила его тоску и онъ рѣшился убить и дѣтей, и себя.

Въ Австріи былъ такой же случай: одной женщинѣ было отказано отъ той фабрики, гдѣ она работала, и она это до того приняла къ сердцу, что вознамѣрилась сама лишить себя жизни и о своемъ рѣшеніи сообщила своей матери и дѣтямъ. Послѣ того, какъ они ее отговаривали отъ самоубійства, она рѣшилась убить мать и дѣтей. Она исполнила умыселъ, но всѣ были спасены. Основательное мнѣніе врача-эксперта доказываетъ, что эта женщина, ко времени совершенія преступленія, страдала душевнымъ разстройствомъ и помѣшательствомъ. Въ одномъ, обсуждавшемся въ Кальмарѣ случаѣ, стояла передъ судомъ женщина Лекомтъ, обвиняемая въ утопленіи своего ребенка. По

совершенія преступленія, она призналась въ томъ своей матери, потомъ снова возвратилась на мѣсто дѣянія, и увидѣвъ, что ребенокъ еще живъ, еще разъ погрузила его въ воду, и затѣмъ сама сообщила полиціи о совершенномъ ею убійствѣ. По показанію всѣхъ свидѣтелей, подсудимая, трудолюбивая и честная женщина, постоянно терпѣла дурное обращеніе отъ своего распутнаго и расточительнаго мужа, который, за дурное съ нею обращеніе, содержался въ тюрьмѣ. Предвидя, что по выходѣ мужа изъ тюрьмы, она подвергнется еще болѣе жестокому отъ него обращенію, Лекомтъ рѣшилась убить любимаго ею ребенка, чтобы такимъ образомъ самой попасть въ тюрьму. Присяжные оправдали ее.—Въ другомъ случаѣ, одна женщина была предана суду за убійство своихъ трехъ дѣтей. Подсудимая оказалась весьма честнаго поведенія. Взволнованная рядомъ насчастныхъ случаевъ, мучимая мрачными мыслями, она въ отчаяніи рѣшилась было на самоубійство, но затѣмъ убила своихъ дѣтей. Врачъ объявилъ ее дѣйствовавшею въ душевномъ разстройствѣ. Въ судѣ она не обнаружила никакого раскаянія, а напротивъ, радовалась, что ея дѣти теперь ангелы. Она оправдана. Но бѣдность не всегда дѣлаетъ людей такими полупомѣшанными преступниками. Очень часто, заглушая въ нихъ всѣ человѣческія чувства, кромѣ разсчетливости и корысти, она заставляетъ ихъ совершать преступленія не въ припадкѣ бѣшенаго отчаянія, а съ хладнокровнымъ сознаніемъ выгодъ, которыя могутъ быть извлечены изъ преступленія. Много дѣтоубійствъ совершается благодаря такимъ разсчетамъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ въ деревнѣ Швебдѣ, въ великомъ герцогствѣ Гессенъ-Кассельскомъ, жило семейство Миллеръ, состоявшее изъ престарѣлыхъ супруговъ, ихъ дочери Христины и незаконнорожденнаго ея четырехлѣтняго сына Фридриха, прижитаго ею съ жителемъ той же деревни Бютемейстеромъ, человѣкомъ женатымъ и небѣднымъ. Въ 1846 г. Бютемейстеръ соблазнилъ Христину обѣщаніемъ жениться на ней, коль скоро онъ успѣетъ выхлопотать разводъ со своею женою. Когда родился Фридрихъ, то Бютемейстеръ убѣдилъ Христину не объявлять его отцомъ ребенка, хотя обѣщался содержать его и, дѣйствительно, издержалъ на него 200 талеровъ. Но ему было очень жаль этихъ денегъ, тратимыхъ имъ на маленькаго Фридриха, жаль тѣмъ болѣе, что въ то время дѣла его начали разстраиваться. Онъ рѣшился отдѣлаться отъ ребенка, и съ упорною настойчивостью старался объ этомъ впродолженіи четырехъ лѣтъ. Черезъ восемь недѣль послѣ рожденія Фрица, Бютемейстеръ посѣтилъ Христину. Она была въ комнатѣ одна съ ребенкомъ, который спокойно спалъ въ своей колыбели. Бютемейстеръ послалъ ее затворить дверь, какъ вдругъ она услышала крикъ ребенка. Прибѣжавъ назадъ, она увидѣла, что ребенокъ высунулъ языкъ, и на языкѣ и на губахъ у него было что-то

бѣлое и сухое, какъ будто толченый сахаръ. Христина поспѣшила стереть этотъ порошокъ какъ можно лучше. Черезъ нѣсколько времени ребенокъ имѣлъ сильную рвоту, и Христина начала бранить Бютемейстера, говоря ему, „видишь: ты далъ ему чего-то нехорошаго!“ На другой день на губахъ ребенка видны были пузыри, какіе бываютъ отъ мышьяка. За неудачею этой попытки, Бютемейстеръ повторилъ ее въ 1850 г. Фридрихъ заходилъ къ отцу, который далъ ему выпить пива; вернувшись домой, ребенокъ заболѣлъ и Христина была убѣждена, что отецъ пытался снова отравить его. Черезъ годъ 2 октября 1851 года, Фридрихъ прибѣжалъ очень веселый къ своей бабушкѣ, которая въ то время была занята работою, и закричалъ ей: „бабушка, я былъ у отца и онъ мнѣ что-то далъ!“ — „Что такое, дитя, пирожекъ или сахару?“—спросила старуха.—„Нѣтъ“.—„Такъ онъ далъ тебѣ выпить чего нибудь изъ завернутой бумажки“. Затѣмъ мальчикъ побѣжалъ къ дѣду, чтобы и ему сообщить о счастливомъ событіи, послѣ чего онъ ушелъ играть на улицу со своими товарищами. Но очень скоро онъ вернулся къ бабушкѣ, жалуясь на боль въ желудкѣ. Ей не было времени съ нимъ заняться, и она отослала его къ дѣду. Вслѣдствіе распросовъ ребенка и вспомнивъ прежніе поступки съ нимъ Бютемейстера, дѣдъ наведенъ былъ на подозрѣніе, что ребенокъ отравленъ своимъ отцомъ. Онъ далъ Фридриху молока, какъ противоядія. Но боль усиливалась, началась сильная рвота, дыханіе ребенка сдѣлалось тяжелымъ, голосъ слабымъ, страшная жажда мучила его. Черезъ два часа онъ умеръ. Медицинское свидѣтельство заключило, что онъ умеръ отъ отравы мышьякомъ, котораго открыто въ желудкѣ, посредствомъ химическаго разложенія его внутренностей, около 8 грановъ. Бютемейстеръ былъ тотчасъ же арестованъ, но не сознавался въ дѣтоубійствѣ почти до своей казни, послѣдовавшей 22 октября 1852 года.

Дѣтоубійства, подобныя сейчасъ разсказанному, очень часто встрѣчаются въ европейской судебной практикѣ. И повидимому, они совершаются отцами болѣе, чѣмъ матерями; это и понятно: холодный разсчетъ гораздо легче овладѣваетъ всецѣло душою мужчины, чѣмъ женщины; кромѣ того, обязанность пропитанія ребенка лежитъ не столько на матери, сколько на отцѣ, слѣдовательно, послѣдній гораздо больше первой чувствуетъ на себѣ тяжесть этого воспитанія. Часто въ этихъ дѣлахъ преступники проявляютъ поразительное хладнокровіе, отсутствіе всякаго сожалѣнія о своей жертвѣ, и руководятся однимъ только сознаніемъ невыгоды кормить ребенка и выгоды убить. Такъ, напр., стаффордскій городской клеркъ разсказываетъ о слѣдствіи, произведенномъ надъ трупомъ дѣвушки 16 лѣтъ, отравленной отцомъ потому, что *по причинѣ своего слабаго сложенія она не могла принесть ему никакой пользы*. Разслѣдовавшій дѣло коронеръ призналъ ее умершею естественною смертью; но черезъ три мѣсяца трупъ былъ вырытъ изъ

земли и въ желудкѣ нашли значительное количество мышьяку. Судья Кольриджъ былъ за осужденіе преступника, но присяжные, по своему отвращенію отъ смертной казни, объявили его *невиновнымъ*. Подобные мужья часто заставляютъ женъ производить изгнаніе своего плода. Такъ въ 1811 г. въ Стаффордѣ одинъ мужчина былъ казненъ за убійство своей законной жены. Она была беременна, а преступникъ хотѣлъ произвесть выкидышъ разными насильственными мѣрами,—онъ колотилъ ее въ животъ локтями, катался черезъ нее и т. д. Несчастная умерла, не выкинувъ ребенка.—Въ октябрѣ 1861 г. производилось судебное слѣдствіе надъ трупомъ Елизаветы Гэрретъ, 34 лѣтъ, которая погибла отъ средствъ, испытанныхъ надъ нею, съ цѣлью плодоизгнанія, медикомъ Вэлемъ. Законный мужъ Елизаветы былъ соучастникомъ преступленія и приговоренъ къ тюремному заключенію за предумышленное убійство. Такіе процессы, часто встрѣчаемые въ европейской судебной практикѣ, указываютъ на многочисленность дѣтоубійствъ и плодоизгнаній, совершаемыхъ родителями по бѣдности и по разсчету. На вліятельность этихъ причинъ указываетъ и то обстоятельство, что чѣмъ мѣстность населеннѣе пролетаріями, тѣмъ въ ней сильнѣе дѣтоубійство. Во всей же ужасной наготѣ вліяніе бѣдности на дѣтоубійство обнаружила исторія англійскихъ burial clubs, *погребальныхъ клубовъ*. Въ этихъ обществахъ, которыя очень распространены въ Англіи, застраховывается жизнь взрослыхъ и дѣтей. Послѣ шестнадцати незначительныхъ взносовъ, застрахованное лицо, послѣ своей смерти, погребается на счетъ клуба. Небогатые похороны въ Англіи стоятъ 1 фунтъ стерлинговъ; погребальные же клубы выдаютъ на похороны отъ 3 до 5 фунтовъ стерлинговъ. Слѣдовательно, родственники умершаго, получивъ изъ клуба похоронную премію и, издержавъ 1 фунтъ на похороны, имѣютъ въ барышахъ отъ 2 до 4 фун. стерл. Результатъ этого: *родители застраховываютъ своихъ дѣтей въ погребальныхъ клубахъ, затѣмъ умерщвляютъ ихъ и берутъ погребальную премію, чтобы сколько нибудь поправить свое состояніе.* „Никто не можетъ сказать, —пишетъ Клей—сколько дѣтей падаетъ жертвою желанія получить погребальную премію“ (изъ клуба). Авторъ утверждаетъ, что *въ сотняхъ или тысячи случаевъ* перспектива погребальной преміи дѣлаетъ родителей незаботливыми о здоровьѣ своихъ застрахованныхъ дѣтей и доводитъ ихъ до преступленія. Если дѣти дѣлаются больными, то они оставляются въ добычу смерти. Доказано, напр., что въ Престонѣ застрахованныя дѣти подвергаются отъ родителей серьезной и предумышленной небрежности, доводящей ихъ до смерти. Одинъ изъ агентовъ погребальнаго клуба въ Манчестерѣ говоритъ: „я имѣю сильныя основанія думать, что такая небрежность предумышленна и что единственнымъ побужденіемъ къ ней служитъ для родителей надежда полученія страховыхъ премій. Джозефъ Кей, въ „Social Condition and

Education of the people„ говоритъ, что существованіе погребальныхъ клубовъ служитъ однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ смертности дѣтей". Кей объясняетъ далѣе, что дѣтей предумышленно подвергаютъ небрежности ради полученія изъ клуба похоронныхъ денегъ; что родители обѣщаютъ уплатить свои долги послѣ смерти кого нибудь изъ ихъ семьи, обыкновенно ребенка, и т. д. „Одна служанка, ребенокъ которой былъ нездоровъ, отказалась подать ему медицинскую помощь, говоря: „нечего объ этомъ и думать, онъ застрахованъ въ двухъ погребальныхъ клубахъ!" Даже кормилицы спекулируютъ такимъ образомъ жизнію дѣтей, ввѣренныхъ ихъ попеченію. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ Кейемъ, смертность дѣтей, застрахованныхъ въ погребальныхъ клубахъ, *на 8% больше смертности дѣтей не застрахованныхъ*.... Дѣтоубійство застрахованныхъ такъ распространено, что въ умахъ родителей уже одинъ фактъ застрахованія ребенка вызываетъ мысль о необходимости или неизбѣжности его смерти. По свидѣтельству Эдвина Чодвикка, въ Манчестерѣ и Стаффордѣ пасторы нерѣдко слышатъ отъ женщинъ низшаго класса подобныя выраженія о застрахованномъ въ клубѣ дитяти: этотъ ребенокъ не будетъ жить, онъ застрахованъ въ погребальномъ клубѣ! И чѣмъ больше такихъ клубовъ въ городѣ, тѣмъ родителямъ выгоднѣе убивать своихъ дѣтей, потому что они могутъ записывать ихъ не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ клубахъ, и, убивъ застрахованнаго, брать съ каждаго клуба похоронную премію. Ребенка обыкновенно записываютъ въ четырехъ или пяти клубахъ, а нѣкто застраховалъ ребенка *въ девятнадцати различныхъ похоронныхъ клубахъ Манчестера*, слѣдовательно, этотъ нѣкто долженъ былъ получить преміи отъ 57 до 95 ф. ст., т. е. до *598 р. сер.!* — Осенью 1848 г. одна женщина изъ графства Эссексъ была обвиняема въ отравленіи одного изъ своихъ дѣтей; присяжные оправдали ее. За годъ передъ тѣмъ она была подозрѣваема въ отравленіи двухъ другихъ дѣтей, но освобождена отъ дѣла по недостатку уликъ. Въ 1851 г. умеръ ея мужъ, она была признана виновною въ его отравленіи. Разслѣдованія, произведенныя по этому дѣлу, открыли, что между женщинами округа Торнъ существуетъ что-то въ родѣ тайнаго общества съ цѣлью отравленія мужей и дѣтей и полученія за послѣднихъ страховыхъ премій изъ погребальныхъ клубовъ! Боркъ Рэйанъ приводитъ много подобныхъ случаевъ. Такъ одинъ отецъ былъ обвиняемъ въ умерщвленіи своего ребенка посредствомъ голода. Этотъ ребенокъ былъ застрахованъ въ десяти погребальныхъ клубахъ. Присяжные не нашли возможнымъ обвинить отца, и тотчасъ же по освобожденіи отъ дѣла, онъ получилъ изъ клубовъ 34 ф. ст. преміи. Раньше онъ имѣлъ еще шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ каждое было застраховано; за одного изъ этихъ дѣтей родители получили погребальной преміи 20 ф. ст. — Упомянутый нами выше отецъ, отравившій мышьякомъ свою

шестнадцатилѣтнюю дочь, бывшую „совершенно безполезною для него" по слабости своего здоровья, получилъ за нее изъ разныхъ клубовъ 8 ф. ст. Въ то же время Робертъ и Джорджъ Сандисы были обвиняемы въ убійствѣ своихъ дѣтей, также застрахованныхъ въ погребальныхъ клубахъ. Въ Ливерпулѣ одна женщина обвинялась въ убійствѣ одного и въ отравленіи двухъ другихъ своихъ дѣтей; тотчасъ послѣ смерти ихъ, она отправилась по клубамъ собирать похоронныя преміи, и т. д.

Что можетъ быть ужаснѣе этихъ фактовъ и что можетъ лучше ихъ указать на вредность филантропіи: филантропы желаютъ доставить бѣднякамъ приличное погребеніе, и вмѣсто того, только содѣйствуютъ усиленію дѣтоубійства!....

Рядомъ съ обѣднѣніемъ народныхъ массъ, идетъ постепенное огрубѣніе общественныхъ нравовъ, какъ необходимый результатъ безпомощной жизни. Въ этомъ страшномъ круговоротѣ постоянной человѣческой борьбы за насущный кусокъ хлѣба и теплый уголъ семейныя связи дѣлаются гнетущимъ бременемъ, и деспотизмъ мужа въ отношеніи жены и дѣтей достигаетъ размѣровъ чистаго варварства. Вмѣстѣ съ тѣмъ проституція въ семействѣ и внѣ его развивается очень быстро.

Необходимымъ результатомъ, и вмѣстѣ хорошею мѣркою такого явленія служитъ большое число внѣ-брачныхъ дѣтей. По даннымъ, сообщаемымъ въ одномъ изъ отчетовъ англійскаго генералъ-регистратора, на 100 родившихся дѣтей оказывается процентовъ:—

	Законныхъ.	Незаконныхъ.
Въ Баваріи	79,402	20,598
— Саксоніи	85,003	14,997
— Виртембергѣ	88,260	11,740
— Австріи.	88,620	11,380
— Ганноверѣ.	90,124	9,876
— Даніи	90,649	9,351
— Пруссіи.	92,848	7,122
— Франціи	92,885	7,114
— Бельгіи.	93,228	6,772
— Англіи	93,279	6,721
— Норвегіи	93,322	6,678
— Швеціи.	93,438	6,562
— Ломбардіи.	96,100	3,900
— Сардиніи	97,909	2,091
— Венеціи.	97,500	2,500
— Россіи *)	97,050	2,950
— Петербургской губ. .	88,110	11,890

*) По даннымъ «Статистическаго Временника» 1866 г., изд. центр. статистическаго комитета.

Эти процентныя отношенія законныхъ рожденій къ незаконнымъ, само собою, измѣняются, если брать не цѣлыя страны, а только города и округи. Во многихъ мѣстахъ число незаконныхъ дѣтей гораздо больше, а во многихъ меньше приведенныхъ среднихъ цифръ. Во Франціи, по сообщенію „Journal de Société de Statistique de Paris“ 1865 г., № 8, было:

	Въ 1862 г. Всѣхъ рожденій	незаконныхъ.	Незаконныхъ на 100 рожденій. Въ 1862 г.	1861 г.	въ 1860 г.
Въ депараментахъ Сены	60,203	15,655	26,08	26,53	26
Въ городахъ . .	254,730	28,469	11,18	12	11,36
— деревняхъ . .	680,414	29,795	4,38	4,38	4,04
Всего .	995,167	73,919	7,43	7,63	7,24

Приведенныя цифры показываютъ, что незаконныхъ рожденій гораздо болѣе въ мануфактурныхъ, чѣмъ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ. Кольбъ, въ своей статьѣ: „Fabrikwesen“ вполнѣ подтверждаетъ это, говоря, что внѣ-брачныхъ рожденій особенно много въ фабричныхъ мѣстностяхъ. Напр., во Франціи, въ сенскомъ департаментѣ незаконныхъ рожденій 27,21, въ ронскомъ 14,18, нижнесенскомъ 11,10, верхнерейнскомъ 8,91. Департаменты же съ наименьшимъ числомъ незаконныхъ рожденій тѣ, которые ближе всего къ земледѣльческому быту и при этомъ не имѣютъ ни большихъ городовъ, ни сильныхъ гарнизоновъ. Послѣдніе даже болѣе фабрикъ вліяютъ на число внѣ-брачныхъ рожденій.

Теперь посмотримъ, какъ то же самое общество, которое порождаетъ и поддерживаетъ это печальное явленіе соціальной жизни, давитъ своими законами незаконнорожденныхъ дѣтей и покрываетъ позоромъ и ихъ самихъ, и ихъ матерей.

По римскому праву — pater est, quem nuptiae demonstrant, т. е. отецъ рожденнаго въ законномъ бракѣ ребенка есть мужъ его матери. Поэтому, только въ законномъ бракѣ рожденныя дѣти считались *законно* или *справедливо* рожденными jure или legitime quaesiti или legitimi liberi. Незаконными же дѣтьми были дѣти, родители которыхъ находились въ недозволявшей брака степени родства, или прижитыя отцомъ съ женою другого или съ публичною женщиною; равнымъ образомъ—незаконны тѣ дѣти, которыя „не могутъ указать своего отца“. Незаконный ребенокъ не имѣлъ права требовать отъ своего отца содержанія. Только при императорахъ, когда конкубинатъ былъ дозволенъ и сдѣлался нѣкоторымъ образомъ равносиленъ браку, незаконныя дѣти получили значительныя права и даже участіе въ наслѣдствѣ.

Когда римское право начало переходить на почву новыхъ варварскихъ государствъ, то у нѣкоторыхъ народовъ долго не могли привиться упомянутыя постановленія римскаго императорскаго права и незакон-

нныя дѣти не имѣли правъ ни на почетныя мѣста, ни правъ обыкновеннаго и леннаго наслѣдованія. Въ другихъ же странахъ постановленія римскаго права одержали верхъ надъ туземными законами. Долго шла борьба двухъ элементовъ — варварскаго принципа отверженности незаконныхъ дѣтей и принципа римскаго. Римскія воззрѣнія путемъ судебной практики, и путемъ законодательнымъ постепенно облагораживали законы европейцевъ. Наконецъ, европейскія законодательства пришли, относительно незаконныхъ дѣтей, къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

1) Законный отецъ тотъ, кто въ періодъ времени отъ 182 до 300 дней до рожденія ребенка имѣлъ съ его матерью совокупленіе; но ребенокъ будетъ незаконнымъ, если доказано, что въ упомянутый періодъ съ его матерью имѣлъ совокупленіе не мужъ ея, а другой мужчина, или что мужъ не имѣлъ съ нею совокупленія. Незаконны также всѣ дѣти дѣвушекъ и вдовъ, родившихъ болѣе, чѣмъ черезъ 300 дней послѣ смерти своего мужа.

2) Отецъ незаконнаго ребенка обязанъ давать ему до извѣстнаго возраста содержаніе, *сумма котораго равняется стоимости содержанія дѣтей низшаго класса*. При этомъ отецъ не обязанъ держать его въ своемъ домѣ или семьѣ, а средства содержанія онъ передаетъ лицу, подъ опекой котораго состоитъ его незаконный ребенокъ. При несостоятельности отца, обязанность содержанія переходитъ на мать; при несостоятельности послѣдней — на родителей матери или отца, затѣмъ на общину или на мѣстную кассу бѣдныхъ. Во многихъ странахъ родители отца не обязываются содержать незаконнаго ребенка своего сына. Всѣ незаконныя дѣти состоятъ подъ покровительствомъ государства, которое назначетъ имъ опекуна, даетъ вспомоществованія, наблюдаетъ, чтобы ихъ отецъ выполнялъ въ отношеніи къ нимъ свои обязанности и т. п.

3) Незаконный ребенокъ принадлежитъ только матери, носитъ ея фамилію, состоитъ подъ ея властью, а подъ властью отца не состоитъ, не можетъ получать отъ послѣдняго наслѣдственной части безъ завѣщанія; онъ наслѣдникъ своихъ *кровныхъ* родственниковъ—матери и ея родни.

Такимъ образомъ, отецъ не многимъ обязывается относительно своего незаконнаго ребенка. Но къ исполненію и этихъ немногихъ обязанностей ребенокъ или его мать могутъ принуждать отца только съ большимъ трудомъ. Въ этомъ случаѣ законы болѣе потворствуютъ отцамъ, чѣмъ помогаютъ ихъ несчастнымъ дѣтямъ.

Прусскій законъ 24 апрѣля 1854 г. въ § 13 говоритъ, что притязанія незаконнаго ребенка на исполненіе отцомъ его родительскихъ обязанностей состоятельны только въ двухъ случаяхъ: 1) когда, по §§ 1, 2, 6, 8, и 9, притязанія на этого мужчину его матери основа-

тельны и 2) если ребенокъ можетъ представить ясное признаніе того мужчины, котораго онъ называетъ своимъ отцомъ, что онъ дѣйствительно отецъ этого ребенка. Притязанія же матери несостоятельны, и незаконныя дѣти не имѣютъ права на полученіе содержанія отъ своихъ отцовъ, дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если мать ребенка въ періодъ его зачатія совокуплялась не съ однимъ мужчиной; 2) если она личность позорная въ половомъ отношеніи, особенно если она a) за половую связь брала деньги или подарки, b) или извѣстна своею развратною жизнію, или c) раньше была беременна внѣ брака отъ мужчины, считаемаго родителемъ реренка, или d) раньше была виновна въ нарушеніи брачныхъ обязанностей, въ прелюбодѣяніи, или e) если предполагаемый отецъ ребенка не имѣетъ еще 20 лѣтъ отъ рода и ею соблазненъ къ совокупленію.

Баденское законодательство до 1851 г., въ подражаніе французскому, допускало состоятельность притязаній матери на пропитаніе своего незаконнаго ребенка его отцомъ только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если истица обольщена этимъ мужчиной, или 2) онъ совокуплялся съ нею, доведя ее предварительно до временной невозможности обладать своими чувствами, посредствомъ вина, напр., или 3) держалъ ее, какъ наложницу. Въ остальныхъ случаяхъ мать незаконнаго ребенка не могла требовать ему содержанія отъ мужчины, котораго она называла отцомъ его. Но баденскій кодексъ 21 февраля 1851 г. предоставилъ нѣсколько болѣе возможности незаконнымъ дѣтямъ доказывать *родительство* (Vaterschaft, paternité) своихъ отцовъ, и обязалъ послѣднихъ выдавать имъ на содержаніе отъ 10 крейцеровъ до 1 флорина въ недѣлю.

По цюрихскому кодексу 1862 г. отецъ незаконнорожденнаго ребенка не обязанъ содержать его, если во время совокупленія съ его матерью ему не было еще 16 лѣтъ; если забеременѣвшая отъ него знала, что онъ женатъ; если втеченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ она была проституткой и т. д. Если отецъ или мать ребенка не въ состояніи воспитывать его, то эта обязанность возлагается на ихъ родителей, затѣмъ на общину.

Подобнымъ же образомъ распоряжается судьбою незаконнорожденныхъ и граубюнденскій кодексъ 1862 г. „Большинство же швейцарскихъ законодательствъ — говоритъ Зиригъ — примыкаютъ къ принципу материнства", т. е. предоставляютъ заботы о незаконномъ ребенкѣ одной его матери.

Англійскій парламентскій актъ 14 августа 1838 г. возлагаетъ обязанность воспитанія незаконнаго ребенка только на его мать, а въ случаѣ ея несостоятельности—на мѣстное благотворительное учрежденіе, при чемъ она вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ поступаетъ во владѣніе рабочаго дома, workhouse. Управленіе благотворительнаго учреж-

денія можетъ отыскивать и доказывать родительство незаконному ребенку, требуя отъ отца ему пропитаніе, размѣръ котораго—1½ шиллинга въ недѣлю и которое отецъ обязанъ выдавать до семилѣтняго возраста ребенка. Положеніе незаконныхъ дѣтей въ Англіи особенно ухудшилось со времени акта 1844 г., которымъ опекуну ребенка запрещено преслѣдовать его отца, доказывая его родительство.

Жестче всѣхъ въ этомъ отношеніи французское законодательство. Code Civil, art. 340, возлагаетъ всѣ заботы о незаконномъ ребенкѣ на его мать и защищаетъ его отца отъ всѣхъ притязаній на полученіе отъ него содержанія, даже на признаніе его родительства: la recherche de la paternité est interdite" (отысканіе родительства запрещается),—кромѣ случаевъ соблазненія или изнасилованія, ведущихъ за собою рожденіе незаконнаго ребенка. Того же принципа держатся кодексы бельгійскій, гессенъ-дармштадтскій, саксенъ-веймаръ-эйзенахскій, сардинскій 1837 г. *). Само собой понятно, что всѣ эти кодексы не устраняютъ добровольнаго признанія отцомъ своего родительства и добровольнаго принятія имъ на себя обязанности воспитывать своего незаконнаго ребенка.

Такимъ образомъ, европейскія законодательства или вовсе отказываютъ незаконному ребенку въ отысканіи его отца и въ принужденіи его воспитывать ребенка, или затрудняютъ это и назначаютъ самую незначительную цифру отцовскаго содержанія, или возлагаютъ всѣ заботы о ребенкѣ на его мать, женщину, въ большинствѣ случаевъ, бѣдную или развратную, или наконецъ, поручаютъ незаконныхъ дѣтей благотворительнымъ учрежденіямъ, средства которыхъ ограничены и не могутъ удовлетворять потребностямъ всѣхъ незаконныхъ. Плохи эти законы!

По русскому праву незаконныя дѣти суть: 1) рожденныя внѣ брака,

---

*) Введеніе этого принципа въ законодательства произошло вслѣдствіе слѣдующихъ соображеній: 1) Притязанія незаконнаго ребенка на полученіе содержанія отъ своего отца основаны на простой фикціи, именно: отцомъ ребенка и поэтому лицомъ, обязаннымъ содержать его, считается человѣкъ, имѣвшій съ его матерью совокупленія за нѣсколько времени, опредѣленнаго закономъ, до рожденія ребенка. 2) Соображаютъ, будто бы дозволеніе отыскивать родительство и получать незаконнымъ дѣтямъ содержаніе отъ ихъ отцовъ, необходимо содѣйствуетъ усиленію народной развращенности, такъ какъ женщины, вступая въ недозволенныя половыя связи, надѣются, что рожденныя ими незаконныя дѣти не останутся безпомощными. 3) Дозволеніе отыскивать родительство ведетъ ко многимъ ошибкамъ и обманамъ. 4) Оно ведетъ также къ умноженію ложныхъ присягъ. 5) Это дозволеніе не приводитъ къ существеннымъ результатамъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ отцы не могутъ давать на содержаніе ребенка требуемой суммы. Наконецъ, 6) статистическія данныя показываютъ, что запрещеніе отыскивать родительство и требовать незаконнымъ дѣтямъ содержаніе отъ ихъ отцовъ «не увеличиваетъ дѣтоубійства». Читатель видитъ, какъ пошлы и неосновательны всѣ эти соображенія юристовъ.

хотя бы ихъ родители и вступили впослѣдствіи въ законный бракъ; 2) происшедшія отъ прелюбодѣянія; 3) рожденныя болѣе чѣмъ черезъ 360 дней послѣ смерти отца или по расторженіи брака разводомъ; 4) всѣ прижитыя въ бракѣ, который на основаніи законовъ будетъ, по формальному приговору духовнаго суда, признанъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ; 5) рожденныя въ бракѣ, который расторгнутъ по совершенной, надлежащимъ образомъ доказанной, импотенціи мужа (Св. Зак. изд. 1857 г., т. X, ч, I, ст. 132—134). Хотя отецъ незаконнаго ребенка обязанъ доставлять ему содержаніе, но такой ребенокъ не можетъ ни носить фамиліи своего отца, ни получать наслѣдство не только отъ отца, но и отъ матери своей. Только по особой „монаршей милости" такому ребенку можетъ быть предоставленъ удѣлъ въ родительскомъ имѣніи, но черезъ это онъ „не пріобрѣтаетъ правъ на наслѣдство послѣ другихъ своихъ родственниковъ" (ст. 136, 137).

Постановленія объ общественномъ положеніи незаконныхъ дѣтей въ Россіи заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ: „Незаконнорожденныя отъ женъ, вдовъ и дѣвокъ городского или сельскаго свободнаго состоянія, также отъ солдатскихъ женъ, вдовъ и дѣвокъ и ихъ дочерей, равно и подкидыши, воспитываемые состоящими въ службѣ нижними воинскими чинами,—по достиженіи совершеннолѣтія причисляются въ городское или сельское состояніе, въ которое сами поступить пожелаютъ" (ст. 138). „Воспитанниковъ воспитательнаго дома изъ незаконнорожденныхъ или неизвѣстнаго происхожденія дѣтей запрещается опредѣлять въ гражданскую службу съ присвоеніемъ права на полученіе классныхъ чиновъ, хотя бы они были воспитаны Приказами Общественнаго Призрѣнія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ-то: въ уѣздныхъ училищахъ, гимназіяхъ, въ Спбургскомъ Коммерческомъ училищѣ и другихъ имъ подобныхъ. По достиженіи ими 21 года, они причисляются къ городскимъ или сельскимъ податнымъ обществамъ, по ихъ избранію". (Св. Зак., т. XIII, статья 557). Такой незаконнорожденный можетъ избавиться отъ податного состоянія только пріобрѣтя ученую степень и неразлучныя съ нею права. Такимъ образомъ, если *мать незаконнаго ребенка принадлежитъ къ одному изъ свободныхъ сословій, то ребенокъ, не наслѣдуя ея званія, поступаетъ въ податное состояніе.* Но относительно незаконныхъ дѣтей, матери которыхъ принадлежатъ къ несвободнымъ сословіямъ, законъ держится совершенно противоположнаго принципа: *такія дѣти непремѣнно наслѣдуютъ званіе своей матери.* — Прежде незаконныя дѣти крѣпостныхъ женъ и дѣвокъ признавались „по матерямъ крѣпкими владѣльцу сихъ послѣднихъ". „Незаконнорожденныя дѣти казачьихъ вдовъ, женъ и дѣвокъ зачисляются въ казачье сословіе. Незаконнорожденные сыновья женъ и дочерей башкирцевъ, мещеряковъ, тептерей и бобылей оренбургской губерніи и казаковъ войска оренбургскаго и уральскаго, отдаваемыхъ

за проступки въ военную службу, оставляются навсегда въ сихъ сословіяхъ по принадлежности. Незаконнорожденныя отъ женъ и дочерей нижнихъ почтовыхъ служителей, равно и младенцы, подкидываемые почтальонамъ, причисляются къ почтовому вѣдомству. А таковыя же дѣти, рожденныя отъ женъ, вдовъ и дочерей военныхъ и заводскихъ нижнихъ чиновъ, мастеровыхъ, состоящихъ или состоявшихъ въ горномъ вѣдомствѣ... и вообще всѣхъ придворныхъ вѣдѣній, причисляются къ тѣмъ вѣдомствамъ, къ которымъ матери принадлежали. Незаконнорожденныя отъ женъ, вдовъ и дочерей крестьянъ удѣльныхъ причисляются къ удѣльному вѣдомству" (т. X, ч. I, ст. 139—143).

Изъ обозрѣнія европейскихъ законовъ о внѣ-брачныхъ дѣтяхъ мы видимъ, что они уже при самомъ рожденіи осуждены на горькую участь. Большинству ихъ предстоитъ жизнь, полная изнурительнаго труда, голода, мученій, отверженности, жизнь, нагоняющая на нихъ болѣзни и сводящая ихъ въ преждевременную могилу. Какъ не велика смертность законныхъ дѣтей въ Европѣ, но смертность незаконныхъ еще больше. Кетле (Sur l'homme, I, 240) говоритъ, что по вычисленіямъ Баумана и Зюсмильха, смертность дѣтей представляетъ слѣдующія отношенія:

	Законныхъ.	Незаконныхъ.
1-го мѣсяца отъ рожденія.	1	2,0
2—3 " " "	1	2,4
4—6 " " "	1	1,7
6—12 " " "	1	1,5
2-хъ лѣтъ " "	1	1,4
3—4 " " "	1	1,3

По дальнѣйшимъ вычисленіямъ Баумана только 1/10 незаконнорожденныхъ дѣтей достигаетъ зрѣлаго возраста.

Такая смертность незаконныхъ объясняется, главнымъ образомъ, безпомощностью большинства ихъ. Законъ не столько принуждаетъ отцовъ заботиться объ ихъ содержаніи и воспитаніи, сколько предоставляетъ это совѣсти и добровольному согласію отцовъ. А совѣсть не только отцовъ, но даже и матерей оказывается слишкомъ растяжимою въ этомъ отношеніи. Множество незаконныхъ дѣтей отвергаются не только отцами, но и матерями. Во Франціи, напр., по словамъ журнала парижскаго статистическаго общества 1865 г., „незаконнорожденные раздѣляются на два различныхъ класса: 1) тѣ, которые признаны или отцомъ или матерью или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, 2) тѣ, которые не признаны". Численное отношеніе между этими двумя классами представляется въ слѣдующемъ видѣ.

	Незаконныхъ въ 1862 г.		Признанныхъ на 100 незаконныхъ		
	Признан.	Непризнаныхъ.	1862 г.	1861 г.	1860 г.
Въ департ. Сены.	4,009	11,646	25,61	26,29	26.66

— городахъ „	7,242	21,227	25,44	23,51	22,97
— деревняхъ „	12,608	17,187	42,33	38,65	37,23
Всего . .	23,859	59,060	32,28	29,84	32,50

Такимъ образомъ, около $^2/_3$ незаконнорожденныхъ дѣтей (62,82) остаются непризнанными своими родителями, и, слѣдовательно, брошенными на произволъ судьбы.

Въ Англіи, по словамъ Б. Рэйана, незаконнымъ дѣтямъ „часто очень трудно найти своихъ отцовъ, и они поступаютъ на содержаніе приходовъ“. По свидѣтельству Тьюбса, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, 85 человѣкъ получали ежедневно по шилингу каждый отъ мэрильбонскаго прихода (st. Márylebone), потому что они были не въ состояніи открыть своихъ отцовъ. По той же причинѣ къ 1 января 1858 г. въ Англіи состояло на содержаніи приходовъ 14,427 незаконныхъ дѣтей.

Ниже, когда мы будемъ говорить о дѣтовыбрасываньи и найденышахъ, мы приведемъ еще другія цифры, которыя яснѣе вышеприведенныхъ покажутъ, что огромное большинство незаконныхъ дѣтей отвергается и бросается на произволъ судьбы ихъ родителями.

Куда же идутъ эти дѣти? Они закабаляются на фабрики, они плутуютъ въ городахъ, входятъ въ общества воровъ и другихъ преступниковъ и, недостигши еще зрѣлаго возраста, сами попадаются за свои преступленія въ руки полиціи и суда. Слѣдующая таблица отлично выясняетъ, что огромное большинство малолѣтнихъ преступниковъ состоитъ изъ незаконнорожденныхъ дѣтей, а остальная часть изъ дѣтей, участь которыхъ одна и та же съ незаконнорожденными. Цифры этой таблицы относятся къ Франціи.

Годы.	Общее число малолѣтнихъ преступник.	Изъ нихъ было дѣтей преступниковъ же.	Незаконнорожден. дѣтей.	Дѣтей публичныхъ женщ., брод. и нищ.
1853	7,715	753	(нѣтъ цифры).	2,220
1854	9,158	785	5,646	1,775
1855	8,095	(нѣтъ цифры)		1,963
1856	9,758	1,075	6,148	2,186
1858	9,336	1,015	5,687	2,208
1859	8,921	1,065	5,584	2,103

Слѣдовательно, почти $^7/_{10}$ малолѣтнихъ преступниковъ были незаконными дѣтьми, родители которыхъ бросили ихъ на произволъ судьбы;

$^2/_{10}$ были дѣтьми публичныхъ женщинъ, бродягъ и нищихъ;

$^1/_9$ были дѣтьми преступниковъ.

Относительно Англіи мы приведемъ другую таблицу, которая также разъясняетъ судьбу множества дѣтей, родители которыхъ принадлежатъ къ низшимъ классамъ общества. Въ Англіи было:

	Въ 1861 г.			Въ 1862 г.		
	Мальчик.	Дѣвуш.	Всего.	Мальчик.	Дѣвуш.	Всего.
Воровъ и грабителей:						
моложе 16 лѣтъ. .	3149	1053	4202	3347	1260	4607

16 лѣтъ и старше	18,396	5447	23,843	19,474	5715	25,189
моложе 16 лѣтъ	42	25	67	50	20	70
16 лѣтъ и старше	2876	678	3554	2940	773	3713
Проститутокъ:						
моложе 16 лѣтъ	—	1389	1389	—	1507	1507
16 лѣтъ и старше			(нѣтъ цифры).			
Подозрѣваемыхъ лицъ:						
моложе 16 лѣтъ	2977	999	3976	3040	1083	4123
16 лѣтъ и старше	23,472	5049	28,521	24,625	5264	29,889
Бродягъ:						
моложе 16 лѣтъ	4162	3145	7307	4074	2886	6990
16 лѣтъ и старше			(нѣтъ цифры).			
Всего:						
моложе 16 лѣтъ	10,230	6611	16,945	10,511	6756	17,267
16 лѣтъ и старше	62,361	46,837	109,198	62,279	47,505	109,784

Большинство англійскихъ малолѣтнихъ преступниковъ, какъ и французскихъ, были или незаконнорожденными, или происходили изъ тѣхъ поддонковъ общества, въ которыхъ участь и законныхъ и незаконныхъ дѣтей одинаково несчастна.

Такимъ образомъ, незаконнорожденнаго ребенка, при самомъ его появленіи на свѣтъ, поражаютъ бѣдность, болѣзни, смерть, а если онъ переживетъ первый періодъ своего дѣтства, если ему удастся достигнуть того возраста, когда онъ будетъ въ состояніи ходить на своихъ ногахъ, дѣйствовать своими руками, соображать своей головой, — то бурный потокъ жизни несетъ его прямо въ тюрьму, на каторгу, или на висѣлицу. Его мать, хотя и незнакома со статистикой, но по горькому опыту жизни знаетъ, какая судьба предстоитъ ея дѣтищу. Не лучше ли убить его и тѣмъ спасти его отъ ужасной жизни, а себя отъ хлопотъ и мученій, причиняемыхъ его воспитаніемъ и видомъ постоянныхъ страданій его? И мать убиваетъ ребенка.

Но вотъ другая, еще болѣе сильная причина убійства незаконнорожденныхъ,—это позоръ, которымъ общество покрываетъ и незаконнорожденнаго ребенка, и его мать. Оно отвергаетъ падшихъ женщинъ, платитъ за грѣхъ матерей ни въ чемъ невиноватымъ дѣтямъ и, въ то же время, считаетъ совершенно безразличными поступками не только развратъ мужчинъ, за который оно жестоко караетъ женщинъ, но и похожденія мужчинъ, соблазняющихъ невинныхъ дѣвушекъ. И то, что женщинѣ вмѣняется въ позоръ и въ преступленіе, ея соблазнителю или любовнику поставляется нерѣдко въ честь. Часто развратникъ пріобрѣтаетъ себѣ репутацію „ловкаго человѣка“ по числу соблазненныхъ имъ женщинъ. И при этомъ, общество караетъ падшую женщину съ какимъ-то чисто восточнымъ тупоуміемъ, — оно караетъ самое преступленіе, не обращая вниманія на родъ и степень силы его

мотивовъ, вовсе упуская изъ виду принципъ индивидуальной вмѣняемости. Для него падшая женщина — существо отверженное, пала ли она вслѣдствіе вопіющей бѣдности, соблазнена ли гнуснымъ развратникомъ, хотѣвшимъ на ней жениться, или отдалась разврату вслѣдствіе нравственной испорченности и корысти. Но взгляните на тѣ общественные слои, изъ которыхъ летятъ эти перуны на падшихъ женщинъ; посмотрите на этихъ замужнихъ женщинъ, головы супруговъ которыхъ украшены десятками роговъ, на этихъ вдовъ, нанимающихъ себѣ постельныхъ франтовъ, на этихъ содержановъ и великосвѣтскихъ львицъ, у которыхъ

Брилліанты, цвѣты, кружева,
Доводящіе умъ до восторга,
И на лбу роковыя слова:
„Продается съ публичнаго торга!"

Нѣтъ словъ, чтобы достаточно обрисовать это лицемѣріе, эту бездну противорѣчій и безмыслицы! И не ищи, падшая женщина, участія, сострадания, терпимости въ томъ нравственномъ мракѣ, который, какъ бы въ насмѣшку, называется свѣтомъ.

Но верхъ непослѣдовательности—это отверженность незаконныхъ дѣтей за то, что согрѣшила ихъ мать. И это дѣлаетъ общество, которое смѣется надъ китайцами, что они казнятъ дѣтей за преступленія ихъ родителей! И эти люди считаютъ себя христіанами, они безъ всякаго зазрѣнія совѣсти называютъ себя послѣдователями Того, Кто защитилъ отъ судей и благословилъ блудницу, Кто такъ любилъ дѣтей и такъ милостиво относился къ падшимъ женщинамъ!

Такіе нравы нерѣдко доводятъ падшую женщину до самоубійства. Такъ, по даннымъ криминальной статистики Франціи 1856—1861 г., всѣхъ женскихъ самоубійствъ въ этой странѣ было 5749, изъ этого числа причиною 97-ми самоубійствъ была внѣ-брачная беременность и 18-ти—стыдъ и страхъ стыда.... И вообще, по статистическимъ даннымъ, стыдъ внѣбрачной беременности и незаконорожденнаго рожденія—одна изъ самыхъ сильныхъ причинъ женскаго самоубійства, наклонность къ которому вообще у женщинъ въ 3—4½ раза слабѣе, чѣмъ у мужчинъ.

Но не у всѣхъ, даже не у большинства падшихъ женщинъ достаетъ духу предпочесть свою смерть жизни ребенка. Такая женщина часто еще живетъ надеждою на лучшіе дни, или имѣетъ сильную привязанность къ жизни или не обладаетъ достаточною храбростью, чтобы наложить на себя руку. Между тѣмъ, ее проклинаетъ отецъ, мать постоянно плачетъ и разбиваетъ сердце виновной своими стонами объ ея безчестіи; ее бранятъ братья, чуждаются сестры; иногда ее выгоняютъ изъ дома, а за дверьми своего дома она встрѣчаетъ только презрѣніе и насмѣшки. Ее страшитъ несчастная будущность ребенка

и тотъ отчетъ, который онъ можетъ потребовать въ ея поведеніи, когда онъ выростетъ. Прибавьте къ этому ненормальное состояніе женщины при беременности и въ первое время послѣ родовъ. У беременной является тошнота, рвота, головная боль, прекращеніе менструаціи. Даже просто неправильная менструація можетъ подвергнуть женщину ипохондріи, меланхоліи, сумасшествію, пляскѣ св. Вита, каталепсическому экстазу и другимъ нервнымъ болѣзнямъ. У беременной появляются капризы, прихоти, неестественныя желанія, суевѣріе, меланхолія, жестокость. Часто характеръ женщины измѣняется во время беременности въ самыхъ существенныхъ чертахъ своихъ. Послѣ родовъ женщина не менѣе подвержена болѣзнямъ—разлитіе молока можетъ вогнать ее въ лихорадку, даже въ сумасшествіе... При этомъ нужно еще вспомнить, что сплошь и рядомъ, внѣбрачно-беременныя женщины принуждены скрывать свою беременность и родить гдѣ нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, въ сортирѣ, хлѣвѣ, на улицѣ, на вѣтру или на морозѣ, безъ всякой посторонней помощи. Это еще болѣе усиливаетъ тѣ патологическіе припадки, которымъ подвержена родильница. Страхъ, стыдъ, борьба эгоизма и материнской любви, постоянныя заботы о скрытіи своего положенія, безсонныя ночи, муки рожденія, физическая слабость и нервное разстройство послѣ того, — все это дѣлаетъ психическое состояніе незаконнородившей дѣтоубійцы исключительнымъ, патологическимъ. Она дѣйствуетъ въ умоизступленіи, въ истерикѣ, часто рѣшается на дѣтоубійство моментально, вслѣдствіе сильнаго и скоропреходящаго аффекта, какъ дѣвушка Уланда въ его стихотвореніи „Des Pfarrers Tochter", она держитъ на рукахъ своего незаконнаго ребенка, размышляя о своей горестной участи: „о, горе! ты сдѣлалъ меня матерью, не сдѣлавъ сначала женою! и вырвавъ изъ волосъ серебряную булавку, она воткнула ее въ сердце мальчика" *). Мы уже видѣли выше, что дѣтоубійцы изъ бѣдности часто дѣйствуютъ въ полномъ умственномъ разстройствѣ; то же нужно сказать и о незаконнородившихъ или незаконно-беременныхъ женщинахъ, рѣшающихся на плодоизгнаніе и дѣтоубійство.

Такъ въ Ипсвичѣ одна дѣвушка судилась за дѣтоубійство. Она все скрывала свою беременность и, наконецъ, родила ребенка, котораго ея сестра нашла въ ихъ общей спальнѣ *съ горломъ, перерѣзаннымъ отъ уха до уха*. Сестра тотчасъ сказала объ этомъ отцу, который, увидя виновную, обратился къ ней со словами: „Боже мой! Джэнъ, что ты надѣлала!" Дѣвушка была такъ разстроена, что отъ

---

*) O, weh mir, dass du mich zur Mutter gemacht,
Bevor du mich machtest zum Weibe!....
Da riss sie die silberne Nadel vom Haar,
Und stiess sie dem Knaben in's Herze...

однихъ этихъ словъ, она упала на полъ, словно подстрѣленная и *оставалась безъ языка и безъ сознанія втеченіи нѣсколькихъ недѣль*". Лордъ Кэмпель направлялъ присяжныхъ „оправдать подсудимую, какъ дѣйствовавшую безъ сознанія". Присяжные оправдали ее.

Въ подобномъ же психическомъ разстройствѣ находилась Мэри Ньюэллъ, 20 лѣтъ. Она была звѣрски прогнана своимъ обольстителемъ, лишена всякой матеріальной помощи; пораженная горемъ и отчаяніемъ, она положила своего ребенка въ мѣшокъ, наполненный камнями, и ночью бросила его въ рѣку. Мэри осуждена на *вѣчную* каторгу.... *Вѣчный* позоръ европейскому обществу и правосудію за такія жертвы!...

На нравственное разстройство и умоизступленность указываютъ и частые факты совершенно излишней и неразумной жестокости, учиняемой надъ ребенкомъ. Такъ, напр., Ханна Кукъ убила своего незаконнаго ребенка, и убила его съ чисто-безумною жестокостью: *изломала ему руку, проломила черепъ, переломила челюсть и разодрала ротъ!...* Чѣмъ возможно объяснить такое глупое звѣрство, какъ не состояніемъ, близкимъ къ сумасшествію? А такіе случаи встрѣчаются постоянно и ведутъ къ вѣрному заключенію, что большинство незаконнородившихъ дѣтоубійцъ дѣйствуютъ въ истерикѣ, умоизступленіи, словомъ, въ состояніи невмѣняемости. Близорукое же правосудіе часто принимаетъ эти факты „жестокости", какъ обстоятельства, отягчающія вину подсудимой!.... Часто преступница является существомъ крайне тупымъ, глупымъ и совершаетъ дѣтоубійство въ состояніи полной невмѣняемости. Такова была, напр., Марія Шне, судившаяся въ 1819 г. въ Веймарѣ. Съ шестилѣтняго возраста способности ея отупѣли, вслѣдствіе жестокаго обращенія съ нею родителей. Въ школѣ она положительно ни чему не научилась; ея тупоуміе было столь велико, что пасторъ не могъ научить ее даже основнымъ началамъ вѣры. Эту идіотку соблазнилъ одинъ молодой развратникъ. Она забеременѣла, родила и убила ребенка. Въ судѣ Марія обнаружила совершенное равнодушіе, и на вопросъ, зачѣмъ она убила дитя, отвѣчала: „я этого не знаю".—Ее приговорили къ *десятилѣтнему заключенію въ рабочемъ домѣ!* Впрочемъ, такое рѣшеніе судей за полвѣка назадъ не должно удивлять насъ, когда оно возможно и въ наше время. Въ 1857 году во Франціи Марія Форъ была осуждена въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Она родила ребенка, бывши одна въ комнатѣ, хотѣла звать на помощь, но ей сдѣлалось дурно и слабость непозволила ей кричать. Дитя родилось живымъ, и Форъ, *въ припадкѣ горячечнаго бреда*, схватила его за ноги и разбила ему голову о подоконникъ. Даже мужчины, убивающіе незаконныхъ дѣтей своихъ женъ, совершаютъ иногда это преступленіе въ полномъ умопомѣшательствѣ. Такъ, въ бытность мою въ Красноярскѣ я видѣлъ въ тамошнемъ сумасшед-

шемъ домѣ помѣшаннаго Калачова, поселенца частоостровской волости, енисейской губерніи. Живя въ деревнѣ, онъ зарѣзалъ ночью двухъ незаконныхъ дѣтей своей жены, пробрался съ трупами въ церковь, положилъ обоихъ ихъ на престолъ, отворилъ царскія двери, зажегъ всѣ свѣчи и паникадило, и отправившись на колокольню, ударилъ въ набатъ. Его арестовали, и съ тѣхъ поръ онъ уже нѣсколько лѣтъ сидитъ въ упомянутомъ сумасшедшемъ домѣ. Бываетъ даже особая манія дѣтоубійства. „Droit des Femmes", 1869, № 21, разсказываетъ слѣдующій случай. Къ полицейскому комиссару является учитель Л. и проситъ помѣстить его въ убѣжищѣ св. Анны. „Я не сумасшедшій,—говоритъ онъ — но мономанъ, одержимый непреклоннымъ желаніемъ убить ребенка. Въ дортуарѣ коллегіи X. я уже дѣлалъ нѣсколько покушеній на убійство воспитанниковъ, ввѣренныхъ моему попеченію, но успѣвалъ преоборотъ свою манію. Теперь я не могу болѣе бороться"... Въ это время къ комиссару привели пятнадцатилѣтняго мальчика, пойманнаго на воровствѣ. Учитель пришелъ въ ажитацію и сдѣлалъ движеніе, чтобы броситься на него, но былъ удержанъ.

Само собою понятно, что разсматриваемый нами видъ дѣтоубійства чаще всего встрѣчается въ среднемъ и въ высшемъ классѣ общества. Въ низшихъ же классахъ, гдѣ семейная жизнь обставлена самыми грустными картинами бѣдности и гнета, дѣтоубійство изъ стыда, ради сохраненія половой чести, случается гораздо рѣже. Между русскими крестьянами такое дѣтоубійство также не очень распространено. „Взгляните на наши сельскія общества—пишетъ г. Филипповъ въ статьѣ о специфическихъ преступленіяхъ женщинъ, — молодой парень уходитъ въ солдаты или на оброкъ въ дальную сторону; жена его каждый годъ рожаетъ безъ него; а онъ, всякій разъ, получая отъ нея цидулку о рожденіи и крещеніи ребенка, напивается пьянъ съ радости, что ему Богъ послалъ работника". Въ двухъ деревняхъ самарской губерніи я встрѣтилъ въ 1861 году нѣсколько солдатокъ и крестьянокъ, имѣвшихъ дѣтей, въ рожденіи которыхъ ихъ мужья не принимали никакого участія. И эти матери нисколько не безпокоились за свое поведеніе, нисколько не боялись ни ревности мужей, ни общественнаго мнѣнія крестьянъ, совершенно равнодушныхъ къ этому. Въ западной Сибири и въ енисейской губерніи я старался распрашивать объ этомъ крестьянъ и солдатъ изъ сибирскихъ уроженцевъ; всѣ мнѣ говорили, что несмотря на сильный развратъ, царящій въ деревняхъ, на большое количество незаконнорожденныхъ дѣтей, дѣтоубійство случается чрезвычайно рѣдко. Крестьянинъ при рожденіи незаконнаго ребенка его дочерью, часто даже женою, радуется ему точно также, какъ и законному. Напротивъ, въ той же Сибири, въ городскомъ населеніи, дѣтоубійство и плодоизгнаніе случаются довольно часто и почти всегда изъ страха, стыда и ради охраненія половой чести.

Мы видѣли, что много незаконнородившихъ дѣтоубійцъ дѣйствуютъ въ истерикѣ, въ умопомѣшательствѣ и т. п. состояніяхъ невмѣняемости. Но если даже такая женщина и можетъ управлять своими дѣйствіями, если она не до такой степени больна, чтобы не могла удержаться отъ преступленія, то ее окружаетъ иногда такое сцѣпленіе побудительныхъ обстоятельствъ къ совершенію дѣтоубійства, что она необходимо дѣлается если не виновницею, то, по крайней мѣрѣ, соучастницею преступленія. Такія обстоятельства мы находимъ, напр., въ убійствѣ дѣтей, являющихся плодомъ кровосмѣшенія. Этотъ видъ разврата довольно распространенъ въ низшихъ слояхъ европейскаго общества, гдѣ жилища такъ тѣсны, развращенность такъ сильна, что братъ легко соблазняетъ сестру, свекорь невѣстку, вотчимъ падчерицу, отецъ дочь. Представьте себѣ, что отъ такой связи рождается ребенокъ и связь, слѣдовательно, открывается. Это вноситъ въ семейство несравненно больше раздора, чѣмъ обыкновенная преступная связь, на которую часто родные смотрятъ даже благосклонно. Сами виновные стыдятся своего поступка несравненно сильнѣе, чѣмъ простого прелюбодѣянія. При этомъ, въ одномъ семействѣ не одинъ, а два виновныхъ, не одна, а двѣ воли, наклонныя и стремящіяся къ преступленію. Наконецъ, множество дѣтей, являющихся плодомъ кровосмѣсительной связи, бываетъ идіотами, уродами, больными,—слѣдовательно, мало возбуждаютъ къ себѣ любви и состраданія: если бы они и остались жить, то жили бы только на муку и себѣ, и другимъ. Приводимъ здѣсь одинъ такой случай изъ французской юридической практики.

Дѣло было въ 1866 году, въ департаментѣ Верхнихъ Пиринеевъ. Обвинительный актъ содержалъ въ себѣ слѣдующее: Пьеръ Порталь живетъ въ Либаросѣ съ женою своею Маріею Анти, пятнадцатилѣтнимъ сыномъ и незаконною дочерью Анти, Магдалиною. Эта послѣдняя уже нѣсколько лѣтъ живетъ въ услуженіи у землевладѣльца сосѣднихъ приходовъ и часто посѣщаетъ свою мать и ея мужа, съ которымъ, какъ говорили, она была въ преступной связи. — Прошлымъ лѣтомъ пронесся въ Бетпокрѣ, гдѣ она тогда находилась, слухъ объ ея беременности. Хозяева ея, взволнованные этимъ, просили 23 іюня младшаго лекаря освидѣтельствовать ее. Лекарь нашелъ несомнѣнные признаки четырехмѣсячной беременности. На другой день ей было отказано и она вернулась въ Либаросъ, гдѣ всѣ замѣтили ея болѣзненный видъ. Предшествовавшая молва объ ея беременности стала болѣе достовѣрною. Къ концу августа уже никто не сомнѣвался въ ея положеніи. Черезъ нѣсколько дней стали говорить, что она родила, и съ первой же минуты общественное мнѣніе подозрѣвало преступленіе. Порталь и Магдалина долго запирались: сначала они говорили о большой потерѣ крови, потомъ о мертворожденномъ ребенкѣ, котораго Порталь унесъ и спряталъ сперва въ хлѣвъ, а потомъ въ дупло ка-

штановаго дерева. Когда Порталь указалъ въ рощѣ это дерево и его разсѣкли топоромъ, то между обломками нашли три маленькія косточки, которыя, по изслѣдованію эксперта, признаны косточками ребенка, *давно умершаго* и давно уже находившагося въ дуплѣ. Слѣдовательно, эти останки относятся къ необъясненному случаю, который остался тайною. 17 сентября Магдалина показала, что она родила на своей кровати; на ея крики прибѣжалъ Порталь и, взявъ ребенка изъ-подъ одѣяла, задушилъ его. Она приказала его похоронить. 18 сентября и Порталь и Магдалина призналиcь, что они давно уже согласились во что бы то ни стало скрыть послѣдствія беременности Магдалины, и что дѣлали много попытокъ произвести выкидышъ, которыя остались тщетными. Когда попытки обоихъ обвиненныхъ не произвели желаннаго результата, то Порталь обратился къ женщинѣ, давно извѣстной своимъ искуствомъ производить выкидыши. Встрѣтясь съ нею однажды на рынкѣ въ Три, они уговорились на счетъ этого дѣла. Эта женщина, Марія Маулусъ, получившая отъ Порталя за свои услуги 40 франковъ, привела беременную Магдалину въ деревню Антинъ, гдѣ старая женщина, съ которою свели эту дѣвушку, сдѣлала ей операцію, вслѣдствіе которой послѣдняя должна была выкинуть. Эта старуха — акушерка Дешунъ, уже давно извѣстная тѣмъ, что занималась преступною практикою плодоизгнанія. Такъ какъ ея операція не удалась, то Магдалина Анти пришла къ ней снова въ сопровожденіи Маріи Маулусъ, и повивальная бабка снова сдѣлала ту же операцію. Послѣ этого было рѣшено, что Порталь убьетъ ребенка, если только онъ родится. Что ребенокъ родился живымъ, доказывается тѣмъ, что онъ кричалъ послѣ рожденія и черезъ полчаса былъ живъ, послѣ чего Порталь лишилъ его жизни, задушивъ его, по собственному его показанію, руками, а по словамъ Магдалины—растопталъ его ногами. Послѣ того тѣло ребенка было снесено Порталемъ въ хлѣвъ, и ночью онъ отдалъ его на съѣденіе свиньямъ. Какъ при совершеніи самаго преступленія, такъ во время слѣдствія и суда, Магдалина дѣйствовала подъ вліяніемъ того ужаса, который всегда внушалъ ей жестокій Порталь. Онъ имѣлъ надъ нею безграничную власть. Присяжные оправдали ее. Порталь присужденъ къ галерамъ навсегда, а Жанна Дешунъ и Марія Маулусъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію.

Но и кромѣ подобныхъ случаевъ, падшая родильница можетъ найти въ своемъ семействѣ не только укрывателей и пособниковъ, но даже подстрекателей къ дѣтоубійству и плодоизгнанію. Мать или сестра несчастной, часто сами совершавшія такое преступленіе надъ своими дѣтьми, берутъ на себя скрыть ея проступокъ отъ остальной семьи, особенно отъ отца, и совершаютъ дѣтоубійство или побуждаютъ къ тому родившую или, наконецъ, скрываютъ уже содѣянное ею преступленіе.

Въ концѣ 1864 г. одна англійская дѣвушка, въ отсутствіе своего отца, почувствовала приближеніе родовъ, и родила при своей матери и сестрѣ, которыя помогали ей при этомъ. „Какъ намъ скрыть это рожденіе отъ нашего отца?“ въ испугѣ говоритъ несчастная.—„А вотъ какъ!“ отвѣчаетъ мать родильницы, и при этомъ садится на новорожденнаго, который и умираетъ подъ тяжестью ея тѣла.

Боркъ Рэйанъ разсказываетъ, что въ Іоркшайрѣ одна старуха 82 лѣтъ съ своею внучкою 22 лѣтъ обожгли и потомъ удавили ребенка послѣдней.

Часто любовникъ, не имѣя возможности или не желая ни жениться на беременной отъ него дѣвушкѣ, ни воспитывать ребенка, или помогаетъ дѣтоубійству, или самъ совершаетъ его. Чаще же всего любовники являются подстрекателями, пособниками или совершителями плодоизгнанія, и иногда дѣйствуютъ съ ужасающей жестокостью.

8 сентября 1856 г. дѣвушка Іоанна Пейрерюкъ, 18 лѣтъ, нанялась въ горничныя къ богатымъ землевладѣльцамъ общины Турнеръ, супругамъ Ге. Семейство Ге, состоявшее изъ отца (80 л.), матери и двухъ сыновей, пользовалось репутаціей крайней безнравственности. Іоанна завела любовную связь съ сосѣднимъ лакеемъ Донисомъ и Ге отцомъ. Въ началѣ 1857 г. она забеременѣла и открыла свою тайну сосѣдкѣ и родственницѣ семейства Ге, Маріи Руде, которая давала ей микстуру для плодоизгнанія, но послѣдняго не совершилось. Беременность Іоанны сдѣлалась между тѣмъ замѣтною, и *мэръ общины призвалъ ее къ себѣ и началъ допрашивать*, но Іоанна отпиралась. Эти допросы, сдѣланные безтактнымъ мэромъ, конечно, еще болѣе утвердили въ несчастной дѣвушкѣ страхъ стыда и тѣмъ послужили отдаленною причиною дѣтоубійства. Замѣтимъ при этомъ, что французскіе мэры довольно часто выказываютъ свою рачительность о нравственности общины въ такой вредной формѣ. Іоанна согласилась съ старикомъ Ге и Маріей Руде убить ребенка, когда онъ родится, и сжечь въ печи; *Ге обѣщалъ дать ей 2,000 франковъ*, если она его скроетъ. Она задушила ребенка; приговорена въ каторгу на 20 л., Ге въ тюрьму на 20 л., а Руде объявлена невинной.

Д-ръ Беккъ, со словъ вермонтскаго судьи Гутчинсона, разсказываетъ о дѣлѣ Нормана Клевеланда, судженнаго за убійство Ханны Розъ. Ханна была беременна отъ Клевеланда, и онъ употреблялъ разныя средства, чтобы произвесть выкидышъ, но тщетно. Тогда онъ ввелъ въ матку острый инструментъ, и беременная умерла почти мгновенно. На шейкѣ матки было сдѣлано имъ шесть ранъ. Подвздошная вена была ранена и желудокъ наполненъ кровью. Клевеландъ приговоренъ къ повѣшенію, но помилованъ пятью годами каторжной работы въ тюрьмѣ.

Берлинскій профессоръ Вагнеръ разсказываетъ другой случай, за-

мѣчательный, между прочимъ, тѣмъ, что несмотря на жестокія средства, женщина, подвергнутая этимъ операціямъ, осталась не только живою, но и здоровою. На седьмомъ мѣсяцѣ своей беременности, она рѣшилась произвести выкидышъ посредствомъ нѣкоторыхъ медикаментовъ, но не успѣла. Тогда она стянула свой животъ широкимъ ремнемъ, но и это не помогло. Тогда ея любовникъ встаетъ колѣнами на ея животъ и давитъ его изо-всей силы. Но выкидыша все нѣтъ. Любовникъ начинаетъ топтать животъ беременной; наконецъ, онъ беретъ острыя ножницы и старается проткнуть uterus черезъ вагину. Кровь льется ключомъ, но выкидыша не было долго и послѣ этого. Наконецъ родился мальчикъ, умершій черезъ четыре дня, мать же осталась жива и здорова.

Выше мы говорили, что въ Англіи между женщинами низшаго класса открыта была нѣсколько лѣтъ тому назадъ тайная ассоціація, основанная съ цѣлью помогать другъ другу въ отравленіи своихъ мужей и дѣтей. Это дѣлалось съ корыстною цѣлью. Но и падшія женщины, желая скрыть свой позоръ, нерѣдко обращаются къ своимъ знакомымъ и подругамъ за совѣтами и пособіями для совершенія дѣтоубійства, въ особенности же плодоизгнанія; если эти послѣднія женщины опытны въ такихъ дѣлахъ, то онѣ помогаютъ первымъ или даже сами совершаютъ то, о чемъ у нихъ просятъ совѣта. Случается, что дѣвушка, повѣряя подругѣ тайну своей беременности, узнаетъ, что и эта подруга также беременна. Въ виду угрожающей имъ будущности, въ виду ожидающаго ихъ позора, обѣ подруги рѣшаются общими силами совершить дѣтоубійство или плодоизгнаніе. Иногда въ такомъ заговорѣ участвуетъ даже нѣсколько дѣвушекъ. Такъ въ 1860 г. въ Дудлеѣ забеременѣли четыре дѣвушки — Ньюелль, Уилеръ, Гюнтъ и Бонтъ,—всѣ дочери уважаемыхъ родителей. Онѣ, съ общаго согласія, рѣшились произвесть плодоизгнаніе. Разъясненія этого дѣла Сарою Гюнтъ, шестнадцатилѣтнею дѣвушкою изъ числа заговорщицъ, полны возмутительныхъ, неудобныхъ для печати подробностей, хотя всѣ виновныя отличались прежде благонравіемъ и приличнымъ поведеніемъ. Всѣмъ этимъ дѣвушкамъ удалось произвесть выкидышъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ дѣлается яснымъ, что частое вытравленіе зародышей порождаетъ необходимость въ пріисканіи искусныхъ къ тому пособниковъ, порождаетъ особый классъ спеціалистовъ-плодоизгнателей. Гэллардъ, со словъ Morning Chronicle, говоритъ, что „плодоизгнаніе—вещь обыкновенная въ Англіи и употребляемыя для него средства всѣмъ извѣстны“. Но такъ какъ эти средства подвергаютъ опасности здоровье, даже самую жизнь беременной женщины; такъ какъ дѣвушки, выросшія въ порядочныхъ семействахъ и потомъ забеременѣвшія, не имѣли раньше случая узнать этихъ средствъ, то и является необходимость обращаться для произведенія выкидыша къ

спеціалистамъ. Деверджи говоритъ, что англійскія акушерки занимаются этимъ искуствомъ. Въ Манчестерѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, существовалъ особый домъ, въ которомъ плодоизгнаніе производилось по всѣмъ правиламъ искуства, и въ который почти открыто обращались желавшія того беременныя женщины. Нѣкоторые плодоизгнатели пользуются особенною славою и приглашаются даже на практику въ другіе города. „Одна изъ моихъ паціентокъ — пишетъ докторъ Боркъ Рэйанъ — увѣряла меня, что извѣстными медицинскими средствами она можетъ произвесть плодоизгнаніе въ пять дней. Она также говорила мнѣ, что есть очень извѣстные люди, которые производятъ выкидышъ фунтовъ за 5 стерлинговъ, и она сама ѣздила изъ Лондона въ Манчестеръ совѣтоваться съ однимъ изъ нихъ. По возвращеніи, она начала принимать привезенные ею медикаменты; въ одну ночь меня позвали къ ней, и я нашелъ ее въ страшныхъ мукахъ. Ночью она выкинула.“

На винчестерскихъ ассизахъ 1861 г. нѣкто Гукеръ и двѣ женщины, его соучастницы, судились за изгнаніе плода одной молодой женщины. За работу Гукеръ получилъ 20 шиллинговъ, половину впередъ, другую послѣ выкидыша. Онъ производилъ плодоизгнаніе посредствомъ инструментовъ, и въ судѣ признался, что *живетъ этою практикою уже шестнадцать лѣтъ*. Онъ былъ приговоренъ къ каторжной работѣ на 7 лѣтъ, а обѣ соучастницы къ шестимѣсячному заключенію.

Въ Лейчестерѣ, въ мартѣ 1853 г., Чарльзъ Ашеръ былъ судимъ за произведеніе выкидыша замужней женщинѣ, Елисаветѣ Флетчеръ, мужъ которой жилъ въ Америкѣ; она отправлялась къ нему и хотѣла предварительно истребить свой плодъ, пріобрѣтенный отъ любовника. Ашеръ обѣщался произвесть выкидышъ за 2 соверена. Флетчеръ ходила къ нему три раза, но его средства были безуспѣшны. Сосѣди хотѣли отговорить Елисавету отъ ея намѣренія, но она отвѣчала: „если Ашеръ не успѣетъ, то есть одинъ человѣкъ въ Ноттингэмѣ, пойду къ нему.“ Послѣ одной изъ операцій Ашера, Флетчеръ сильно заболѣла. Послали за Ашеромъ. При этомъ извѣстіи онъ задрожалъ, сказавъ, что это *первый случай его неудачи*. Онъ сосланъ на 14 лѣтъ; Флетчеръ умерла.

Въ Страудѣ, въ 1860 г., былъ осужденъ нѣкто Гайднъ, выдававшій себя за медика и произведшій посредствомъ инструмента выкидышъ одной беременной дѣвушкѣ, которая и умерла отъ этой операціи. Ей *посовѣтовали знакомые* идти къ Гайдну, и она говорила, что *къ нему часто пріѣзжаютъ разныя леди въ каретахъ* и что онъ плодоизгнаніемъ добываетъ себѣ хлѣбъ.

Эти примѣры, особенно послѣдній, хорошо выясняютъ, что плодоизгнаніе сильно распространено, и что въ самомъ обществѣ есть люди, которые за деньги всегда готовы произвесть то, чего нѣкоторыя

изъ беременныхъ женщинъ никогда бы не рѣшились сдѣлать сами собою. Въ средѣ плодоизгнателей, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, находятся акушерки, даже медики. Кромѣ упомянутыхъ пособій, которыя задумавшая плодоизгнаніе личность находитъ въ окружающемъ ее обществѣ, это преступленіе поддерживается существующими воззрѣніями на него въ томъ же обществѣ. На него смотрятъ или безразлично или, по крайней мѣрѣ, не такъ строго, какъ на убійство дѣтей и взрослыхъ, отравленіе и т. п. Объектомъ преступленія, по общераспространенному убѣжденію, здѣсь является не дѣйствительная человѣческая личность, а только человѣческая личность въ возможности. И эта недѣйствительность личности объекта преступленія увеличивается соразмѣрно со степенью ранней беременности. Изгоняемый плодъ вовсе не человѣкъ, а только зародышъ человѣка; въ ранній періодъ своего развитія онъ не почувствуетъ никакихъ насильственныхъ мѣръ противъ него, какъ бы жестоки они ни были. Такое теченіе идей можно сравнить съ тѣмъ, напр., что человѣкъ, который не только самъ не рѣшится зарѣзать курицу, но не можетъ вынести и одного вида этой операціи, безъ малѣйшаго смущенія разбиваетъ и уничтожаетъ куриное яйцо,—эту *курицу въ возможности*, какъ foetus—человѣкъ въ возможности. До какой степени распространены въ цивилизованныхъ обществахъ такія понятія, можно видѣть, напр., изъ деклараціи медицинскаго общества въ Іовѣ (въ Соед. штатахъ), выдержки изъ которой мы сообщаемъ здѣсь.

„Такъ какъ извѣстно, что преступленіе криминальнаго плодоизгнанія *страшно распространено и увеличивается во всѣхъ классахъ общества*; такъ какъ прогрессъ цивилизаціи и религіозная пропаганда, повидимому, не содѣйствуютъ уменьшенію этого преступленія, то рѣшено:

1) „Что члены этого общества вмѣстѣ съ Американскимъ Медицинскимъ Обществомъ и другими подобными организаціями будутъ употреблять всѣ усилія для распространенія понятій о криминальномъ характерѣ обычаевъ, *которые очень часто считаются безвредными и часто употребляются многими изъ такихъ людей, которые содрогаются даже при одной мысли о разрушеніи человѣческой жизни.*“

2) „Члены этого общества, согласно съ мнѣніями лучшихъ и умнѣйшихъ людей медицинской профессіи во всѣхъ странахъ, думаютъ, что foetus есть живое существо съ самаго перваго времени своего существованія; что преднамѣренное уничтоженіе его — кромѣ случаевъ, въ которыхъ это необходимо для сохраненія жизни — есть преступленіе, столь же чудовищное, какъ и дѣтоубійство, и его совершители должны считаться уголовными преступниками (felons), по законамъ человѣческимъ, какъ и по всѣмъ заповѣдямъ нравственности“.

3) „Каждый членъ этого общества, подавшій совѣтъ для соверше-

нія упомянутаго поступка, будетъ изгнанъ изъ членовъ и будетъ считаться недостойнымъ быть товарищемъ всякаго почтеннаго медика".

4) „Мы объявляемъ, что *распространенный между собственниками газетъ обычай дѣлать публикаціи, поддерживающія криминальное плодоизгнаніе*, служитъ важною причиною распространенія этого преступленія и безнравственности, за что такіе издатели и собственники газетъ въ высшей степени отвѣтственны".

5) „Столь же вреднымъ мы объявляемъ *обыкновеніе многихъ дрогистовъ, которые держатъ для продажи и распространяютъ препараты, обыкновенно употребляемые для плодоизгнанія*".

Кромѣ исчисленныхъ обстоятельствъ, содѣйствующихъ совершенію разсматриваемыхъ преступленій, дѣтоубійству, какъ незаконныхъ, такъ и законныхъ дѣтей, много содѣйствуютъ притупленность чувствительности и жестокость нравовъ, замѣчаемыя въ низшихъ классахъ народонаселенія многихъ европейскихъ странъ. По свидѣтельству компетентныхъ людей, въ низшемъ слоѣ населенія большихъ городовъ нравы чрезвычайно грубы, и чувствительность притуплена бѣдностью, жизнью, въ которой люди принуждены часто относиться другъ къ другу, какъ голодныя собаки, дерущіяся за брошенную имъ кость. Къ этому нужно прибавить еще впечатлѣнія, получаемыя отъ такихъ варварскихъ зрѣлищъ, какъ бой быковъ въ Испаніи, боксъ въ Англіи, смертная казнь и т. п. Послѣднее зрѣлище почти всюду привлекаетъ къ себѣ густыя толпы народа; зрители глазѣютъ, пьютъ, курятъ, закусываютъ, хохочутъ, шутятъ надъ палачомъ и преступникомъ, держатъ пари—струситъ или нѣтъ преступникъ передъ лицомъ смерти и т. д. Люди, такъ хорошо чувствующіе себя при видѣ казни своего ближняго, легко рѣшаются на дѣтоубійство и часто на жестокое. Эта жестокость проявляется иногда въ самой возмутительной формѣ: мать, напримѣръ, убиваетъ ребенка не изъ бѣдности, не ради сохраненія своей репутаціи, а чтобы навлечь на своего врага подозрѣніе въ убійствѣ. Такой случай былъ въ 1867 г., во Франціи, въ дѣлѣ Августы Марке, 23 лѣтъ. Она утопила своего ребенка въ колодцѣ, и затѣмъ, явясь къ мэру, объявила, что заклятый врагъ ея, сосѣдка, воспользовавшись ея отсутствіемъ изъ дому, взяла ночью ея дитя и бросила его въ колодезь. Обвиняемая сосѣдка кое-какъ оправдалась отъ этой лжи. Если такъ дѣйствуетъ чувство мести, то удивительно ли, что гораздо сильнѣе должны дѣйствовать разнообразныя чувства и душевныя волненія, обуревающія душу матери незаконнаго ребенка!

Пьянство, распространенное особенно въ массахъ городского населенія, пьянство которому въ средѣ пролетаріевъ предаются и мужчины, и женщины, и дѣти, — часто также доводитъ людей до дѣтоубійства. „Оно — говоритъ Цезарь Контини — играетъ важную роль въ печальной драмѣ дѣтоубійства, во-первыхъ, по тѣмъ несчастнымъ слу-

чайностямъ, которыя оно ведетъ за собою, какъ, напр., заспаніе ребенка въ постели; потомъ по нравственному и умственному паденію, въ которое оно повергаетъ родителей". Напившійся до бѣшенства отецъ нерѣдко убиваетъ въ этомъ изступленіи своего ребенка, а пропившійся до нитки бросаетъ его на произволъ судьбы.

Наконецъ, невѣжество, царящее въ низшихъ классахъ европейскаго общества, сильно благопріятствуетъ этому, какъ и всякому другому преступленію. Во Франціи изъ 810 человѣкъ, подвергнутыхъ слѣдствію за дѣтоубійство, 697 не умѣли ни читать, ни писать. Это показываетъ что во Франціи, какъ и въ Англіи, *дѣтоубійство господствуетъ преимущественно въ самомъ низшемъ классѣ народа.* Безграмотность же и неимѣніе ни малѣйшаго понятія ни о требованіяхъ гуманности, ни о правилахъ человѣческой нравственности, какъ это часто замѣчается между пролетаріями, составляютъ условія, сильно благопріятствующія развитію разсматриваемыхъ преступленій.

Къ числу причинъ убійства незаконныхъ дѣтей принадлежитъ еще ревность. Жена имѣетъ незаконную связь; рождаетъ отъ нея ребенка; мужъ, знающій или подозрѣвающій эту связь, изъ бѣшенства ревности, изъ мести своей невѣрной женѣ и ея любовнику, убиваетъ этого ребенка.

Наконецъ, извѣстное количество дѣтоубійствъ совершается въ тѣхъ случаяхъ, когда разбойники или воры убиваютъ вмѣстѣ со взрослыми и дѣтей, или когда семейные разсчеты заставляютъ истреблять дѣтей изъ какихъ нибудь корыстныхъ видовъ, напр. въ надеждѣ получить черезъ ихъ смерть наслѣдство. Такъ, напр., въ 1831 г., казнили женщину Геше Маргариту Готфридъ изъ Бремена, которая въ разное время отравила 15 человѣкъ, въ томъ числѣ своихъ дѣтей, мать, отца и двухъ мужей, да 15 другихъ попытокъ ей не удались. Такъ въ 1866 г. былъ арестованъ проживавшій въ деревнѣ Фулью собственникъ Мартенъ Рео. Впродолженіе тринадцати лѣтъ онъ отравилъ своего шурина Пьера Рео, первую свою жену Марію и вторую жену Жюли. Все это онъ дѣлалъ съ цѣлью завладѣть ихъ наслѣдствами. А чтобы имѣніе женъ не могло ускользнуть отъ него, перейдя къ ихъ дѣтямъ, онъ старался сдѣлать женъ безплодными, пичкая ихъ какими-то зельями. Несмотря на это, у него родился отъ второй жены сынъ Абель. Въ началѣ 1866 г. онъ отравилъ и сына, смерть котораго, такимъ образомъ, передавала ему долю изъ материнскаго наслѣдства, слѣдовавшую отравленному.

V.

Выяснивъ причины современнаго дѣтоубійства въ Европѣ, перейдемъ къ статистическимъ даннымъ, которыя могутъ намъ дать понятіе о движеніи этого преступленія, его распространенности и т. д.

По общему голосу компетентныхъ въ этомъ вопросѣ лицъ, *количество дѣтоубійствъ постепенно увеличивается.* Судьи, особенно англійскіе, высказываютъ постоянно то же мнѣніе, равно какъ и журнальная пресса. Такъ, при обсужденіи одного дѣла о дѣтоубійствѣ въ январѣ 1860 г., судья Катингъ говорилъ: „этотъ классъ преступленій постоянно увеличивается". Daily News 27 февраля 1864 г. пишетъ: „Не перестаютъ повторять, что мы живемъ во времена прогресса, и, въ доказательство нашего шествія впередъ по пути цивилизаціи, показываютъ храмы, учебныя заведенія, музеи, ученыя учрежденія, возникающіе вокругъ насъ со всѣхъ сторонъ. Но если мы взглянемъ на статистику преступленій, то увидимъ *страшное возрастаніе числа дѣтоубійствъ.* Значитъ, вопреки увѣреніямъ нашихъ реформаторовъ, нравственность страны не идетъ впередъ наравнѣ съ другими улучшеніями, и что въ низшихъ и въ среднихъ классахъ нравы остаются тѣмъ же, чѣмъ они были пятьдесятъ лѣтъ назадъ".

Въ Англіи въ 1810 — 1833 было 337 обвиненій въ дѣтоубійствѣ, т. е. среднимъ числомъ по 14 въ годъ. А такъ какъ населеніе Англіи и Уэльза по тремъ счисленіямъ 1810, 1828 и 1830 г. среднимъ числомъ было 12,000,000, то, слѣдовательно, 1 дѣтоубійство приходилось на 850,000 жителей. Въ послѣднее же время, ежегодное число дѣтоубійствъ далеко превышаетъ прежнюю цифру 14. Даже количество убиваемыхъ *дѣтей моложе 1 года* въ десять—въ двадцать разъ больше прежняго числа 14, подъ которымъ подразумѣваются дѣти и моложе, и старше 1 года. Въ Англіи убивалось дѣтей моложе 1 года:

		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.
Въ 1858 г.	Лондонъ .	16	21	168
„ — „	Англія . .	67	64	
„ 1859 „	Лондонъ .	36	42	237
„ — „	Англія . .	77	82	
„ 1860 „	Лондонъ .	57	53	316
„ — „	Англія . .	97	109	
„ 1861 „	Лондонъ .	26	41	214
„ — „	Англія . .	60	87	
„ 1862 „	Лондонъ .	39	36	242
„ — „	Англія . .	88	79	

Даже по этимъ цифрамъ, за пять лѣтъ, можно видѣть постепенное увеличеніе дѣтоубійствъ. Но если мы возьмемъ изъ этихъ цифръ цифру 1861 года, когда дѣтоубійствъ сравнительно съ ближайшими предыдущими годами было мало, и потомъ вышеприведенную цифру за начало столѣтія, то получимъ:

Годы.	Число жителей.	Число преступленій въ годъ.	1 дѣтоубійство на
1810—1833 г. .	12,000,000	14	850,000 жит.
1861 „ .	20,061,725	214	93,746 —

Во Франціи обвиненій въ дѣтоубійствѣ было: 1816—1825 г. 983, т. е. среднимъ числомъ въ годъ 98; въ 1836—1840 г. 157 обвиненій, т. е. около 31 въ годъ; въ 1841 г. 180 обвиненій, въ 1846 г. — 167, 1850 г. 164, въ 1851 г. 198, въ 1855 г. 173, въ 1856 г. 190, въ 1857 208, 1858 г. 224. Что замѣчаемаго изъ этихъ цифръ увеличенія числа дѣтоубійствъ нельзя приписывать увеличенію народонаселенія, это видно, во-первыхъ, изъ того, что народонаселеніе во Франціи прибываетъ весьма медленно, по Кольбу всего около 40,000 въ годъ; во-вторыхъ, это видно изъ слѣдующаго исчисленія:

Годы.	Число жителей.	Число дѣтоубійствъ.	1 дѣтоубійство на
1841. . .	34,230,178	180	190,167 жит.
1851. . .	35,783,170	198	180,713 „
1857. . .	36,121,288	208	173,660 „

Въ Швеціи въ 1749 — 1778 г. было 342 дѣтоубійства, среднимъ числомъ по 12 въ годъ; въ 1847—1850 г. 168 дѣтоубійствъ, среднимъ числомъ 28 въ годъ. Народонаселенія же въ Швеціи было въ 1751 г. 1,785,726 челов., а въ 1850 г. 3,482,541 человѣкъ: слѣдовательно, втеченіе столѣтія народонаселеніе почти на 100,000 человѣкъ не доросло до цифры удвоенія, а число дѣтоубійствъ болѣе чѣмъ удвоилось. Докторъ Вебстеръ, путешествовавшій по Швеціи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нашелъ заключенныхъ по суду въ тюрьмы 1,183 человѣка, изъ нихъ 106 за дѣтоубійство и 26 за плодоизгнаніе. Обвиненіе въ плодоизгнаніи было въ 1845 г. 8, 1846 году—7, 1847 г. 7. 1848 г. 5, 1849 г. 4, 1850 г. 4.

Относительно другихъ странъ, къ сожалѣнію, нѣтъ цифръ за большіе періоды времени. Разсматривая же цифры за небольшіе періоды, мы видимъ чрезвычайно сильныя колебанія ежегодной цифры дѣтоубійствъ. Впрочемъ, при этомъ нельзя не замѣтить постепеннаго, хотя и съ уклоненіями, увеличенія числа дѣтоубійствъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время.

Въ Пруссіи обвиненій въ дѣтоубійствѣ было въ 1853 г. 134, въ 1834 г.,—145, 1835 г.—154, въ 1836 г.—57, въ 1838 г.—51, въ 1839 г.—38, 1840 г.—36, 1841 г.—50, 1855 г.—38, 1856 г. — 61, 1857 г. —70. Такимъ образомъ, возрастая сильно до 1835 г., въ этомъ году дѣтоубійство разомъ сильно уменьшилось, и затѣмъ, постепенно уменьшаясь до 1840 г., съ этого года начало увеличиваться, и къ 1857 г. почти удвоилось. Пропорціональное отношеніе дѣтоубійствъ къ жителямъ было такое въ упомянутый періодъ уменьшенія:

Годы.	Число жителей.	Число дѣтоубійствъ.	1 дѣтоубійство на
1834 . .	13,509,927	145	93,178 жит.
1837 . .	14,098,125	59	238,951 „
1840 . .	14,928,501	36	414,680 „

Въ плодоизгнаніи въ Пруссіи обвинялось въ 1854 г. 0, въ 1855 г.—7, въ 1856 г.—24, въ 1857 г.—13.

Въ великомъ герцогствѣ Гессенъ было обвиненій въ дѣтоубійствѣ въ 1847 г. 3, въ 1848 г.—1, въ 1850 г.—5, въ 1851 г.—4, въ 1852 г.—1, 1853 г.—6, 1854 г. — 3, 1855 г. — 4, 1856 г. — 5, 1857 г. — 7, 1858 г.—2, 1859 г.—3. Пропорціональное отношеніе къ жителямъ:

1852 г.	854,314 жит.	1	дѣтоубійство.	1	дѣтоубійство	на	854,314 жит.
1855 „	836,424 „	4	„	1	„	„	209,106 „
1858 „	845,424 „	2	„	1	„	„	422,712 „

Въ плодоизгнаніи обвинялось въ 1847, 1848 и 1851 г. 0, въ 1849 г.—2, 1850 г.—3, въ 1852 и 1853 г.—7, въ 1854 г.—1, въ 1856 г.—3, 1858 г.—5.

Въ Баваріи въ судебный годъ 1850 — 51 было 18 обвиненій въ дѣтоубійствѣ, въ 1854—55 г.—12, въ 1855—56 г.—13, въ 1856—57 г.—24.—Пропорціональное отношеніе къ жителямъ:

1850 — 51 г.	4,520,751 жит.	*) 18 дѣтоуб.	1	дѣтоуб.	на	251,152 ж.
1856 — 57 „	4,541,556 „	**) 24 „	1	„	„	189,282 „

Въ Виртембергѣ обвиненій въ дѣтоубійствѣ было въ 1829—1830 г. 31, съ іюля 1832 по январь 1834 г. такихъ обвиненій было 20, въ 1834—36 г.—4, въ 1852—53 г.—8. Жителей въ этомъ королевствѣ считалось въ 1832 г. 1,578,147, а въ 1858 г. 1,690,898. Слѣдовательно, въ 1832—34 г. 1 дѣтоубійство приходилось на 78,557 жителей.

Въ австрійской имперіи въ 1856 г. было 222 обвиненія въ дѣтоубійствѣ, а жителей по переписи 1857 г. было 37,939,000, слѣдовательно, 1 дѣтоубійство приходилось на 170,896 жителей; обвиненій въ плодоизгнаніи было въ томъ же году 46.

Въ герцогствѣ Брауншвейгъ обвиненій въ дѣтоубійствѣ было въ 1853—54 г.—4, 1860 г. — 3; а жителей было въ 1852 г. 271,208, въ 1857 г. 269,915, слѣдовательно, 1 дѣтоубійство приходилось тысячъ на 90 жителей.

Въ Ирландіи въ 1826—32 г. было 176 дѣтоубійствъ, при населеніи среднимъ числомъ въ 7,500,000 душъ, т. е. 1 дѣтоубійство приходилось на 300,000 жителей.

Въ Испаніи въ 1843 г. было 116 обвиненій въ дѣтоубійствѣ.

Въ кантонѣ Бернъ съ 1 іюля 1851 по 31 декабря 1852 г. было 8 обвиненій, а жителей было около 460,000, слѣдовательно, 1 дѣтоубійство приходилось почти на 57,000 человѣкъ.

Въ Сардиніи въ 1853 г. было 5 дѣтоубійствъ, изъ нихъ 2 „для спасенія чести и 3 по неразумѣнію“.

Вышеприведенными цифрами мы только хотѣли показать, что дѣ-

*) 1849 г.

**) 1855 г.

тоубійство очень распространено въ Европѣ, а въ нѣкоторыхъ странахъ, напр. въ Англіи, Франціи, Швеціи, оно несомнѣнно усиливается все болѣе и болѣе. Относительно другихъ странъ, мы не можемъ привести столь же несомнѣнныя доказательства его постепеннаго усиленія, какъ относительно трехъ поименованныхъ. Изъ приведенныхъ цифръ статистики нѣкоторыхъ странъ можно даже сдѣлать совершенно противоположный выводъ, именно о постепенномъ ослабленіи въ этихъ странахъ дѣтоубійства. Но такое заключеніе было бы черезчуръ поспѣшнымъ и поверхностнымъ. Приведенныя цифры относятся только къ небольшимъ періодамъ времени, а даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ постепенное возрастаніе дѣтоубійства несомнѣнно, въ нѣкоторые изъ небольшихъ періодовъ времени замѣчается его уменьшеніе, наверстываемое съ излишкомъ въ послѣдующее затѣмъ время. При этомъ, нужно еще принять во вниманіе несовершенство статистическихъ свѣдѣній о дѣтоубійствѣ, несовершенство, которое всѣ сознаютъ даже относительно французскихъ и англійскихъ статистическихъ данныхъ. И вышеприведенныхъ цифръ никто не считаетъ цифрами дѣйствительнаго количества дѣтоубійствъ: это только цифры дѣтоубійствъ, открытыхъ полиціей и признанныхъ таковыми судомъ. На самомъ же дѣлѣ, количество этихъ преступленій несравненно больше. Много убитыхъ дѣтей заносится въ вѣдомости по другимъ статьямъ, а не по дѣтоубійству, и значится, напр., *мертворожденными, заспанными, найденными мертвыми, умершими отъ неизвѣстной причины* и такъ далѣе.

Что въ числѣ дѣтей, считаемыхъ мертворожденными, находится довольно убитыхъ, въ этомъ свидѣтельствуютъ многіе знатоки дѣла. Мидльсекскій коронеръ говорилъ въ 1859 г.: „удивляюсь, что такое множество мертворожденныхъ дѣтей доставляется въ разные рабочіе дома столицы и погребается безъ всякаго разслѣдованія! Должно ли удивляться при этомъ множеству дѣтоубійствъ, о которыхъ извѣщается отъ времени до времени!“ Отъ 1 января до конца ноября, говоритъ Medical Times and Gazette, — 93 мертворожденныхъ ребенка были представлены для погребенія въ мэрильбанскій рабочій домъ; нѣкоторыя изъ нихъ возбуждали столь сильное сомнѣніе въ своей мертворожденности, что ихъ отказались принять. 15 сентября 1859 года въ Лондонѣ, въ приходѣ св. Панкратія, производилось слѣдствіе надъ трупомъ одного ребенка. Медикъ рабочаго дома объявилъ при этомъ, что въ мертвецкой лежатъ 7 дѣтскихъ труповъ, записанныхъ мертворожденными, но 2 изъ нихъ, по его изслѣдованію, были живорожденными и подверглись смерти уже впослѣдствіи.

Во Франціи мы видимъ то же самое. По словамъ Journal de la Société de statistique de Paris 1865 г., „подъ именемъ мертворожденныхъ разумѣются не только умершія до или во время акта рожденія,

но еще и *всѣ тѣ дѣти*, которыя представляются мертвыми гражданскому чиновнику и безъ свидѣтельства о рожденіи. Въ числѣ же мертворожденныхъ вписывается и небольшое количество дѣтей, найденныхъ мертвыми на улицѣ и о происхожденіи которыхъ, поэтому, узнать нельзя".

На прикрытіе мертворожденіемъ дѣтоубійства указываетъ также постепенное возрастаніе количества мертворожденныхъ и численний перевѣсъ мертворожденныхъ незаконныхъ надъ законными. Во Франціи съ 1841 по 1860 г. число мертворожденныхъ возрасло отъ 3,27 до 4,40% на 100 рожденій, по исчисленію вышеупомянутаго статистическаго журнала. И при этомъ нужно замѣтить, что возрастаетъ преимущественно количество мертворожденныхъ незаконныхъ. Между ними и законными были слѣдующія отношенія:

Годы.	Мерворожденныхъ законныхъ на 100 рожденій.	Мертворожденныхъ незаконныхъ на 100 рожденій.
1857	4.05	7.47
1858	4.02	7.15
1859	4.11	7.05
1860	4.16	7.69
1861	4.03	7.34
1862	4.02	7.82

Въ Пруссіи, по Кетле, въ 1827 г. 1 мертворожденный приходился на 29 рожденій; въ послѣднее время, по Бекку, среднимъ числомъ за десять лѣтъ, мертворожденные составляли 3.90 на 100 рожденій. Въ Берлинѣ, по Касперу, въ послѣднюю половину предыдущаго столѣтія, мертворожденныхъ на 100 незаконныхъ рожденій было *втрое больше*, чѣмъ мертворожденныхъ на 100 законныхъ рожденій. Въ 1819—1822 г. считалось:

	Рожденій.	Мертворожденныхъ.	Мертворожденныхъ на 100 рожденій.
законныхъ. .	22,643	937	4.14
незаконныхъ.	4,002	317	7.92

Въ Геттингенѣ Касперъ считалъ на 100 рожденій 3 мертворожденныхъ законныхъ и 15 незаконныхъ.

Въ Бельгіи въ 1856 г. на 123,653 законныхъ рожденій приходилось мертворожденныхъ 5495, т. е. 4.44 а на 10,524 незаконныхъ рожденій приходилось мертворожденныхъ 641, т. е. 6.08.

Разсматривая далѣе отношеніе смертности законныхъ или незаконныхъ, мы видимъ, что послѣднихъ умираетъ больше, чѣмъ первыхъ. Въ Австріи, напр., по даннымъ пятидесятыхъ годовъ, на 1000 родившихся живыми умирало на 1 году:

	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.
Законныхъ. . . .	248	212	460
Незаконныхъ. . .	361	342	703

Касперъ свидѣтельствуетъ, что изъ 28,705 дѣтей умершихъ въ Берлинѣ до пятнадцатилѣтняго возраста 1813 — 1822 г. было 5,508 незаконныхъ; слѣдовательно, ежегодно умирало 2,311 законныхъ и 160 незаконныхъ; рождалось же первыхъ 5,663, вторыхъ 1,080; и такъ, законныхъ умирало 1 на $2._5$, незаконныхъ 1 на $1._0$.

Конечно, этотъ перевѣсъ смертности незаконныхъ надъ законными долженъ быть приписанъ не одному, неоткрытому полиціей дѣтоубійству, а и другимъ причинамъ, напр., болѣзнямъ, наслѣдованнымъ отъ развратныхъ и истощенныхъ родителей; но все-таки встрѣчающіеся въ европейской юридической практикѣ случаи показываютъ, что въ числѣ предполагаемыхъ умершихъ естественною смертью дѣтей, въ особенности незаконныхъ, находится извѣстное число предумышленно лишенныхъ жизни.

То же нужно сказать и о дѣтяхъ, смерть которыхъ приписывается разнымъ случайностямъ, напр. нечаянному *заспанію* (overlaying, etouflement dans un lit). Говоря о громадной смертности дѣтей, въ своей „Sudden Death", д-ръ Грэнвилль замѣчаетъ: „какъ не ужасно это преждевременное разрушеніе человѣческой жизни, но я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что по мѣрѣ нашего приближенія къ настоящему времени, не только сумма этихъ потерь, несомыхъ обществомъ, замѣтно возрастаетъ, но, кромѣ того, это возрастаніе сопровождается обстоятельствами, очень заставляющими вѣрить въ его неестественность. Такъ, смертность дѣтей больше въ дистриктахъ мануфактурныхъ, чѣмъ въ мѣстностяхъ чисто земледѣльческихъ". Далѣе Грэнвилль говоритъ, что почти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ, по приговорамъ, дѣти „найдены мертвыми", „заспаны случайно въ постели", „задохлись отъ большаго пріема молока матери, спавшей въ то время, какъ дитя сосало грудь",—*„почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, или дѣти были незаконныя, или ихъ родители находились въ бѣдности"*.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ чрезвычайно трудно узнать причину смерти даннаго ребенка. Какъ доказать, умышленно или не умышленно онъ задавленъ матерью въ постели; обжегся ли ребенокъ самъ или его обожгла мать съ цѣлью умерщвленія; отчего умеръ ребенокъ, найденный мертвымъ на улицѣ и т. д. Поэтому слѣдователи и не въ состояніи во множествѣ случаевъ рѣшить — убитъ ли изслѣдуемый ребенокъ или умеръ отъ другихъ причинъ. Между тѣмъ, умершихъ отъ этихъ *другихъ причинъ* такъ много, что припомнивъ прочія, наводящія подозрѣніе обстоятельства, необходимо приходишь къ убѣжденію, что дѣтей убивается несравненно больше, чѣмъ признается убитыми. Докторъ Ланкастеръ въ Economist, 12 August, 1865, утверждаетъ, что въ Англіи есть *отъ 12,000 до 13,000 матерей ежегодно совершающихъ дѣтоубійства*, большая часть которыхъ относится или къ насильственнымъ видамъ смерти, или остается вовсе неизвѣстною,

такъ какъ много дѣтскихъ труповъ пропадаетъ безъ всякаго слѣда въ рѣкахъ, клоакахъ, закопанными въ землю и т. д. Относительно Мидльсекса, въ частности, Ланкастеръ говоритъ, что *число дѣтоубійцъ, избѣгающихъ такимъ образомъ слѣдствія и суда, по крайней мѣрѣ, равно числу подвергающихся слѣдствію дѣтоубійцъ*.

Численность же находимыхъ мертвыми дѣтей, изъ числа которыхъ многія остаются безъ опредѣленія истинной причины смерти ихъ, громадна. Въ 1861 г. въ восточной части Мидльсекса подвергся изслѣдованію 421 трупъ дѣтей, моложе 2 лѣтъ, и только относительно 17 труповъ присяжные объявили предумышленное убійство. Въ западномъ отдѣленіи Мидльсекса подверглось изслѣдованію 316 труповъ, и въ большинствѣ случаевъ приговоръ гласилъ — „найденъ мертвымъ", „найденъ мертвымъ въ ящикѣ" и т. д. Въ Уэстминстерѣ съ его областью было 91 слѣдствіе; въ городѣ Лондонѣ и Бургѣ Саутверкѣ—84. Всѣхъ же слѣдствій въ упомянутыхъ дистриктахъ столицы было 1104. Въ Lancet приводится слѣдующая классификація этихъ случаевъ, по приговорамъ о причинахъ смерти:

	Число дѣтскихъ труповъ.
Предумышленное убійство	66
Непредумышленное убійство . . .	5
Найдено мертвыми.	141
Удуш. неизвѣстно какъ причиненное.	131
Удушеніе случайное	147
Умершихъ отъ небреженія, голода, холода, выброшенія и болѣзни.	614

„Трудно — говоритъ Daily News 26 Apr. 1864, — анализировать эти цифры такъ, чтобы показать, сколько изъ этихъ дѣтей было умерщвлено; вѣроятно, что *по крайней мѣрѣ цѣлая половина ихъ и даже гораздо больше* были секретно преданы смерти при обстоятельствахъ, неоставившихъ на нихъ никакихъ признаковъ для доказательства причины ихъ смерти. *Большая часть этихъ дѣтей была незаконнорожденными*".

Число дѣтей, найденныхъ мертвыми и подвергнутыхъ слѣдствію во всей Англіи, было:

	Трупы дѣтей моложе 1 года.	Отъ 1 до 7 лѣтъ.	Всего.
Въ 1862 г.	3239	2763	6,002
„ 1863 „	3664	2843	6,507

Уэлей (Whaley), коронеръ столичнаго мидльсекскаго дистрикта, и его преемникъ докторъ Ланкастеръ производили слѣдствія надъ трупами дѣтей, найденными мертвыми въ числѣ:

Въ 1857 г.	1858 г.	1859 г.	1860 г.	1861 г.	1863 г.	1864 г. *).
146	42	68	87	84	68	74

Изъ слѣдующихъ таблицъ читатель можетъ познакомиться какъ съ приблизительнымъ количествомъ умерщвленныхъ дѣтей въ Англіи, такъ и съ самыми средствами умерщвленія. Цифры эти относятся къ 1862 году.

Причины смерти.			Менѣе 1 года.	1 года.	2 лѣтъ.	3 лѣтъ.	4 лѣтъ.	Всего.
Переломы и ушибы.	Англія	мальчиковъ	33	36	43	42	42	440
		дѣвочекъ	30	40	38	28	20	
	Лондонъ	мальчиковъ	16	6	6	14	6	
		дѣвочекъ	15	10	6	5	4	
Порѣзы и уколы.	Англія	мальчиковъ	2	2	1	5	1	14
		дѣвочекъ	—	—	1	—	—	
	Лондонъ	мальчиковъ	1	—	—	1	—	
		дѣвочекъ	—	—	—	—	—	
Обжоги.	Англія	мальчиковъ	47	221	237	203	150	1733
		дѣвочекъ	70	192	150	152	109	
	Лондонъ	мальчиковъ	5	27	32	27	15	
		дѣвочекъ	9	30	23	18	16	
Ядъ.	Англія	мальчиковъ	40	9	8	2	7	141
		дѣвочекъ	35	4	7	5	2	
	Лондонъ	мальчиковъ	7	2	1	—	2	
		дѣвочекъ	7	—	2	—	1	
Асфиксія вслѣдствіе погруженія.	Англія	мальчиковъ	14	69	63	74	47	416
		дѣвочекъ	16	33	48	22	15	
	Лондонъ	мальчиковъ	5	2	—	2	1	
		дѣвочекъ	4	1	1	—	—	
Убійство (meurtre).	Англія	мальчиковъ	88	3	2	1	1	258
		дѣвочекъ	79	3	1	1	1	
	Лондонъ	мальчиковъ	39	1	—	—	—	
		дѣвочекъ	36	1	—	—	1	
Всего.			598	692	669	602	441	3002

Двѣ слѣдующихъ таблицы дополняютъ вышеприведенную и даютъ возможность точнѣе опредѣлить нѣкоторыя обстоятельства дѣтоубійства.

Втеченіе пяти лѣтъ, 1852—1856, въ Англіи было:

*) Въ Лондонѣ, какъ и въ остальной Англіи, дѣтоубійство постепенно возрастаетъ; между тѣмъ, эти цифры показываютъ, что несмотря на то, втеченіе нѣкоторыхъ небольшихъ періодовъ оно *временно* уменьшается такъ же быстро и сильно, какъ было, напр., въ Пруссіи въ 1836—1840 г. (см. выше). Вотъ еще основаніе не довѣрять кажущемуся уменьшенію дѣтоубійства въ нѣкоторыхъ странахъ, цифры которыхъ мы приводили выше.

Дѣтоубійствъ		608
Заспанныхъ дѣтей		530
Удушенныхъ пищею ниже 5 лѣтъ . .		129
Удушенныхъ постельными принадлежност.		965
Убитыхъ неизвѣстными средствами и умершихъ	моложе 1 года.	936
не отъ вышеприведенныхъ причинъ. . . .	„ 5 лѣтъ.	137
Удавленныхъ	ниже 1 года . . .	49
„ „	„ 3 лѣтъ . . .	3
Повѣшенныхъ	„ 1 года . . .	5
„ „	„ 5 лѣтъ . . .	1

Слѣдующая таблица, какъ и таблица предшествующая послѣдней, относится къ 1862 г.

Причины смерти.			Моложе 1 г.	1 года.	2 лѣтъ.	3 лѣтъ.	4 лѣтъ.	Всего
Удушеніе.	Англія	мальчиковъ	381	25	7	1	—	1101
		дѣвочекъ	339	14	8	7	13	
	Лондонъ	мальчиковъ	154	11	1	—	—	
		дѣвочекъ	132	4	2	2	—	
Неклассифированные случаи и небрежн.	Англія	мальчиковъ	128	7	6	6	4	310
		дѣвочекъ	91	9	7	1	2	
	Лондонъ	мальчиковъ	24	1	1	1	—	
		дѣвочекъ	22	—	—	—	—	
Другая неклассифированная насильственная смерть.	Англія	мальчиковъ	4	2	—	1	—	16
		дѣвочекъ	3	—	2	3	1	
	Лондонъ	мальчиковъ	—	—	—	—	—	
		дѣвочекъ	—	—	—	—	—	
Внезапная смерть отъ неизвѣстной причины.	Англія	мальчиковъ	389	41	14	9	4	1047
		дѣвочекъ	357	36	12	6	6	
	Лондонъ	мальчиковъ	78	1	3	2	—	
		дѣвочекъ	82	5	2	—	—	
Причины, точно необозначенныя или плохо опредѣленныя.	Англія	мальчиковъ	1387	186	79	37	27	3235
		дѣвочекъ	1054	170	77	44	25	
	Лондонъ	мальчиковъ	66	4	1	1	1	
		дѣвочекъ	60	9	2	2	3	
	Всего		4751	525	224	123	86	5709

Изъ этихъ таблицъ мы видимъ:

1) Больше чѣмъ половина дѣтскихъ смертей (3235) остается безъ точнаго опредѣленія ихъ причины, кромѣ того, 1047 внезапныхъ смертей отнесено къ „неизвѣстнымъ причинамъ".

2) Изъ общаго числа выясненныхъ слѣдствіями причинъ смерти дѣтей болѣе всего погибаетъ: a) отъ обжоговъ, затѣмъ b) отъ уду-

шенія, с) переломовъ и ушибовъ, d) асфиксіи вслѣдствіе погруженія, е) неклассифированныхъ случаевъ и небрежности, f) убійства, g) яда, h) удавленія, i) повѣшенія; наконецъ отъ неупоминаемыхъ въ этихъ таблицахъ, но иногда случающихся k) обезглавленія и l) погребенія заживо.

3) Изъ общаго числа дѣтскихъ смертей огромное большинство относится къ возрасту ниже 1 года, затѣмъ слѣдуютъ дѣти 1 года, 2 лѣтъ, 3 л., 4 л.

4) Изъ дѣтей же, насильственная смерть которыхъ доказана, болѣе всего погибаетъ 1 года, затѣмъ 2 лѣтъ, 3 лѣтъ, ниже 1 года, 4 лѣтъ.

5) Въ нѣкоторыхъ цифрахъ, относящихся къ неизвѣстнымъ или точно неопредѣленнымъ причинамъ смерти, мы видимъ численный перевѣсъ дѣвочекъ надъ мальчиками; это заставляетъ насъ предполагать, что тутъ есть нѣсколько случаевъ насильственной смерти дѣвочекъ, такъ какъ естественною смертью дѣвочекъ вообще умираетъ меньше, чѣмъ мальчиковъ.

Къ этому мы должны прибавить еще нѣсколько словъ о средствахъ плодоизгнанія, которыя раздѣляются на два главныхъ класса: а) средства механическія и b) медикаменты. Средства механическія состоятъ въ стягиваніи живота беременной ремнями, въ давленіи его локтями, топтаніи ногами и т. п. Также употребляютъ нѣкоторые инструменты, вводимые въ uterus для совершенія операціи, а иногда для той же цѣли пользуются просто деревянными спицами или лучинами. Медикаменты же состоятъ большею частію изъ микстуръ или декоктовъ нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ медицинскихъ средствъ, перечислять которыя мы не будемъ, такъ какъ распространеніе подобныхъ свѣдѣній можетъ быть вреднымъ.

Дѣтоубійство и плодоизгнаніе суть преступленія, почти исключительно совершаемыя женщинами. Женщина гораздо ближе къ ребенку, чѣмъ мужчина, и поэтому имѣетъ и болѣе возможности, и болѣе побужденій убить его. Незаконный ребенокъ причиняетъ страданія почти только одной матери; законный ребенокъ бѣдной матери болѣе всего наноситъ безпокойства и страданій ей же. По даннымъ французской криминальной статистики за нѣсколько лѣтъ количество дѣтоубійцъ-мужчинъ относится къ числу дѣтоубійцъ-женщинъ какъ $^4/_{14}$: $^{13}/_{14}$ а число плодоизгнателей къ числу плодоизгнательницъ какъ $^1/_4$: $^3/_4$.

По французскимъ же даннымъ составлена и слѣдующая таблица о вліяніи на совершеніе дѣтоубійства и плодоизгнанія возрастовъ человѣческой жизни:

Возрастъ.	Число дѣтоубійствъ.	Число плодоизгнаній.
1— 16 лѣтъ . .	2	0
16— 21 „ . .	331	46
21— 25 „ . .	492	102

25— 30 лѣтъ . .	487	114
30— 35 „ . .	276	106
35— 40 „ . .	200	80
40— 45 „ . .	100	94
45— 50 „ . .	62	65
50— 55 „ . .	44	45
55— 60 „ . .	39	43
60— 65 „ . .	60	23
65— 70 „ . .	21	15
70— 80 „ . .	11	13
80—100 „ . .	1	1

Такимъ образомъ, maximum дѣтоубійства и плодоизгнаній относится къ 21—30 г. жизни, т. е. къ періоду полнаго развитія физическихъ силъ, половыхъ страстей и способности дѣторожденія; къ періоду, когда въ человѣкѣ надъ чувствомъ и фантазіей начинаетъ преобладать холодная разсчетливость, когда, поэтому, выгодность дѣтоубійства болѣе чѣмъ въ предыдущій возрастъ способна подвигнуть его на преступленіе.

Слѣдующій за тѣмъ возрастъ по количеству дѣтоубійцъ есть 16—21 г.,—періодъ наибольшаго числа обольщеній женщинъ, которыя, впрочемъ, по своей физической недоразвитости, менѣе способны къ дѣторожденію, чѣмъ женщины послѣдующаго возраста. Въ этомъ возрастѣ, женщина хотя и гораздо впечатлительнѣе, гораздо подверженнѣе страху стыда, чѣмъ въ послѣдующее время, за то въ этомъ возрастѣ много благороднаго самоотверженія въ человѣкѣ и слабѣе тѣ корыстные разсчеты, которые часто заставляютъ совершать дѣтоубійство.

Слѣдующіе за тѣмъ возрасты отъ 30 лѣтъ и далѣе представляютъ собою періодъ постепеннаго ослабленія и половыхъ страстей, и способности дѣторожденія; соразмѣрно съ этимъ уменьшается число дѣтоубійствъ и плодоизгнаній.

Такимъ образомъ, европейское общество носитъ въ своихъ нѣдрахъ сильныя причины, производящія одно изъ самыхъ ужасныхъ преступленій. Причины эти и обстоятельства, усиливающія разсматриваемое зло—бѣдность, развращенность и грубость нравовъ, невѣжество, несчастное положеніе незаконныхъ дѣтей и ихъ матерей. Преступленіе это громадно по своимъ размѣрамъ, какъ громадны и производящія его причины; оно постепенно возрастаетъ, по мѣрѣ того, какъ усиливаются эти причины, напр. половой развратъ. Хотя многія изъ причинъ, производившія особые виды дѣтоубійства въ средніе вѣка и производящіе ихъ до сихъ поръ у народовъ нецивилизованныхъ, давно уже не существуютъ въ Европѣ, хотя въ ней нѣтъ ни Молоховъ, ни Одиновъ, въ честь которыхъ закалалось, а въ нѣкоторыхъ странахъ

еще до сихъ поръ закалается столько дѣтей,—хотя европейскія женщины уже не питаются мясомъ своихъ дѣтищъ, а европейскіе солдаты не разбиваютъ о камни непріятельскихъ младенцевъ, — но все-таки, дѣтоистребленіе существуетъ, постепенно усиливается и, можетъ быть, скоро поставитъ Европу въ этомъ отношеніи на ряду съ Китаемъ и Индустаномъ!

Какія же мѣры принимала и принимаетъ Европа для искорененія этого зла?

Мѣры эти—кара закона и дома для найденышей.

VI.

Выше мы видѣли, что у нѣкоторыхъ варваровъ Европы, еще до введенія христіанства, существовали наказанія за дѣтоубійство и плодоизгнаніе. Въ началѣ европейской исторіи, при существованіи такъ называемой системы композицій, эти наказанія ограничивались большею частію вирою. Но вслѣдствіе постепенно увеличивавшагося вліянія христіанства и послѣднихъ законовъ объ этомъ преступленіи римскихъ императоровъ, законы европейцевъ становятся все строже и строже. Законодатели и судьи употребляли эту строгость, съ одной стороны, какъ результатъ ихъ личнаго негодованія противъ дѣтоубійства, а съ другой стороны, съ цѣлью напугать народъ и удержать его отъ преступленія. А такъ какъ подъ вліяніемъ христіанства и римскаго права, въ понятія и нравы европейцевъ вошла идея о различіи законнаго рожденія отъ незаконнаго, то убійство дѣтей, какъ мы уже говорили въ началѣ этой статьи, распалось на двѣ категоріи: убійство законныхъ дѣтей и убійство незаконныхъ, или въ тѣсномъ смыслѣ *дѣтоубійство.* За каждый изъ этихъ видовъ преступленія полагалось и полагается особое наказаніе. Интересно, что постепенное измѣненіе соотношенія между наказаніями за эти преступленія идетъ рука объ руку съ постепеннымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ Европы. Въ эпоху варварства въ народномъ представленіи власть родительская надъ законнымъ ребенкомъ, какъ освященная правомъ, простирается до всецѣлаго, абсолютнаго господства надъ такимъ ребенкомъ. Между тѣмъ, власть родителя надъ внѣбрачнымъ дитятей не освящена, не утверждена закономъ, и поэтому родитель не можетъ поступать съ нимъ такъ же произвольно, какъ онъ могъ бы поступать съ законнымъ ребенкомъ. Поэтому, убійство ребенка въ первомъ случаѣ признается болѣе *грѣхомъ*, чѣмъ уголовнымъ преступленіемъ; дѣтоубійство во второмъ случаѣ признается страшнымъ преступленіемъ, тяжесть котораго увеличивается еще предшествовавшимъ рожденію убитаго блудодѣяніемъ. Поэтому на низшей степени общественнаго

развитія первое преступленіе наказывается *гораздо легче*, чѣмъ второе, на которое обрушиваются всѣ кары, изобрѣтенныя варварскимъ уголовнымъ искуствомъ. Дольше всѣхъ европейскихъ народовъ на этой степени юридическаго развитія стояли русскіе. По уложенію Алексѣя, гл. XXII, 53—„буде отецъ или мать (законные) сына или дочь убіетъ до смерти, и *ихъ за то посадити въ тюрьму на годъ* а отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви божіи, у церкви божіи объявлять *тотъ свой грѣхъ* всѣмъ людямъ вслухъ, а смертію отца или матери за сына и за дочь не казнити". Такимъ образомъ, убійство законныхъ дѣтей считается здѣсь просто *грѣхомъ*. Между тѣмъ, убійство незаконныхъ, по уложенію, одно изъ самыхъ ужасныхъ преступленій.. XXII глава, § 26: „а буде которая жена учнетъ жити блудно и скверно и въ блудѣ приживетъ съ кѣмъ дѣтей, и тѣхъ дѣтей сама или иной кто по ея повелѣнію погубитъ, и сыщется про то допряма, и такихъ беззаконныхъ женъ и кто по ея велѣнью дѣтей ея погубитъ, *казнити смертію безъ всякія пощады*".

Въ Германіи до XVII в. убійство законныхъ дѣтей также наказывалось легче убійства незаконныхъ,—самое большое за первое—отсѣченіе головы или колесованіе. Между тѣмъ, убійцу незаконнаго ребенка ожидало погребеніе заживо, усиленное еще терзаніемъ раскаленными щипцами, вогнаніемъ кола въ тѣло и т. д. Одинъ люцернскій лѣтописецъ такъ описываетъ эту казнь: „Была вырыта глубокая могила, дно которой усыпали терновникомъ, положили туда убійцу, снова насыпали на нее терновнику и набросали земли, такъ однакожъ, что былъ оставленъ проходъ для трубки, вставленной въ ротъ, черезъ которую она дышала и ей давали по временамъ молока, чтобы продлить ея жизнь и мученія на много часовъ или дней". Даже послѣ изданія Каролины эта ужасная смерть не выходила еще нѣкоторое время изъ употребленія. Такъ въ 1570 г. въ Энзигхеймѣ, въ Альзасѣ, одна женщина была приговорена за дѣтоубійство къ погребенію заживо: „дно могилы велѣно было устлать терновникомъ, а другой слой терновника набросать на обнаженное тѣло преступницы; лицо ея покрыть платкомъ, съ отверстіемъ для вставленія ей въ ротъ трубки для дыханія, чтобы она дольше прожила и могла раскаяться въ совершенномъ ею гнусномъ злодѣяніи". Но это были уже послѣдніе отголоски отживающей старины, и преступница была помилована утопленіемъ. Въ Тургау въ 1596 г. одна дѣтоубійца была также приговорена въ погребенію заживо и помилована отсѣченіемъ головы. Впрочемъ, и послѣ изданія Каролины судьи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не отмѣняли нѣсколько времени этого наказанія. Въ Лаузицѣ, напр., дѣтоубійцы погребались заживо въ 1537, 1540, 1559 г.—Кромѣ того, было еще обыкновеніе сожигать дѣтоубійцъ живыми.

Constitutio criminalis Carolina (1532 г.), не смотря на всю свою

жестокость, все-таки была менѣе жестока, чѣмъ предыдущіе законы. Кромѣ того, въ ней уже замѣтны слѣды готовности положить болѣе тяжелое наказаніе за убійство законныхъ и менѣе тяжелое за убійство незаконныхъ дѣтей. Въ послѣднемъ случаѣ были приняты во вниманіе тѣ побудительныя причины, которыя дѣлаютъ убійство незаконнаго ребенка гораздо извинительнѣе, чѣмъ убійство законнаго. Слѣдовательно, приняты во вниманіе побужденія къ преступленію, а не законность или незаконность родительской власти, съ точки зрѣнія которыхъ прежде опредѣлялась степень жестокости наказанія. По 130-й статьѣ Каролины за убійство законныхъ дѣтей слѣдуетъ смертная казнь черезъ колесованіе, квалифицированная предварительнымъ терзаніемъ тѣла раскаленными клещами. Между тѣмъ, по 133 ст., за вытравленіе плода слѣдовало мужчинѣ отсѣченіе головы, а женщинѣ утопленіе. По 131 ст. за убійство незаконнаго ребенка положено замѣнять погребеніе преступницы заживо и вогнаніе кола въ ея тѣло утопленіемъ ея въ водѣ. „Но гдѣ такія злодѣянія случаются часто, пусть тамъ употребляютъ обычное погребеніе заживо и вогнаніе кола въ тѣло, чтобы больше было страха; или же передъ утопленіемъ терзать тѣло раскаленными клещами". Послѣ изданія Каролины не только это жестокое наказаніе постепенно изчезало, но практика замѣняла даже утопленіе простымъ отсѣченіемъ головы. Впрочемъ, все здѣсь зависѣло отъ степени судейскаго сострáданія, и сообразно съ нею назначалась казнь. Въ 1635 г. въ Цейтцѣ одна дѣтоубійца была „утоплена подъ мостомъ". Въ 1648 г. другая приговоренная къ утопленію въ мѣшкѣ, была помилована отсѣченіемъ головы. Въ 1573 г. въ Наумбургѣ „дѣвушка, погубившая своего ребенка, была казнена мечомъ". Въ Лейпцигѣ, въ 1570, 1576, 1591, 1610, 1650 г. употреблялась казнь утопленія. Къ началу XVIII в. входитъ почти во всеобщее употребленіе квалифицированное отсѣченіе головы и колесованіе. Терезіана (1764 г.) повелѣваетъ дѣтоубійцу „казнить мечомъ и, по обезглавленіи тѣла, положить его въ могилу, вколотить колъ въ сердце и потомъ зарыть". Если преступница причинила смерть ребенку только тѣмъ, что бросила его на произволъ судьбы, то кола въ сердце не вгонять. Но если преступница, „въ извиненіе покинутія ребенка, будетъ представлять, что она не знала, какъ обходиться съ новорожденными дѣтьми или будетъ дѣлать другія подобныя увертки, въ особенности, если скрытіе беременности навлекаетъ на нее сильное подозрѣніе въ злостномъ намѣреніи, то подвергнуть ее пыткѣ; если она и на пыткѣ будетъ говорить то же, то, смотря по обстоятельствамъ дѣла, „наказывать ее сильнѣе или легче". Если виновная совершила нѣсколько дѣтоубійствъ, „или если *убитое дитя умерло некрещенымъ*", то преступницѣ отсѣчь руку и ногу и положить ихъ на колесо; если она совершила дѣтоубійство „съ особенною жесто-

костью", то ее должно терзать раскаленными клещами или иначе усилить казнь.—За плодоизгнаніе, по этому кодексу, предписывалось отсѣченіе головы, равно какъ и за выбрасыванье ребенка, подвергающее опасности его жизнь. Прусское Земское Право (1791—1794), въ § 874, предписываетъ за убійство законныхъ дѣтей колесованіе, начиная съ нижнихъ членовъ, а за убійство незаконныхъ, § 965, казнь мечомъ, какъ главной виновницѣ, такъ и пособникамъ. По Земскому Праву смертная казнь слѣдуетъ въ крайнихъ случаяхъ и за дѣтовыбрасыванье.

Ходъ развитія уголовныхъ законовъ о дѣтоубійствѣ и въ остальной Европѣ былъ тотъ же самый, что и въ Германіи.

Во Франціи въ средніе вѣка судьи были до того жестоки, что уголовныя коммисіи Франца II получили названіе chambres ardentes, такъ какъ подсудимаго онѣ отсылали большею частію на костеръ. Предъ революціей смертная казнь слѣдовала *за 115 различныхъ преступленій!* Понятно, что съ дѣтоубійцами здѣсь не церемонились, — имъ предстояло „искуплять свои злодѣянія" погребеніемъ заживо, сожженіемъ на кострѣ, колесованіемъ и т. д. Эдиктомъ Генриха II въ 1556 г. даже *женщина, скрывшая свою беременность, если послѣ этого ребенокъ умеръ, осуждалась на смертную казнь*, хотя смерть дитяти могла послѣдовать безъ всякой вины со стороны матери. По этому милому образчику былъ составленъ и англійскій 21 *Актъ Іакова I*, по которому мать ребенка, найденнаго мертвымъ, должна была доказать, что онъ родился мертвымъ, въ противномъ случаѣ, она подлежала смертной казни. Это скрытіе беременности долго было несамостоятельнымъ преступленіемъ, а только поступкомъ, навлекающимъ подозрѣніе въ дѣтоубійствѣ. Но юридическая практика наложила на него штемпель самостоятельнаго преступленія, какимъ оно признано, даже очень недавно, и тѣми законодательствами, которыя раньше не шли по слѣдамъ упомянутыхъ эдикта Генриха II-го и акта Іакова I. Такъ изданный уже въ половинѣ XVIII в. баварскій кодексъ, повелѣвавшій передъ казнію терзать дѣтоубійцу раскаленными щипцами, постановилъ: мать должна непремѣнно доказать, что ея ребенокъ, найденный мертвымъ, родился „безъ всякихъ признаковъ жизни", въ противномъ случаѣ, она судится за дѣтоубійство и подлежитъ обезглавленію. Сколько невинныхъ жертвъ должно было падать подъ ударами такихъ тупоумныхъ законовъ!..

Несмотря на столь строгіе законы и жестокія казни, дѣтоубійство сильно возрастало и особенно въ концѣ XVIII в. такъ усилилось, что обратило на себя особенное вниманіе и государственныхъ людей, и всѣхъ друзей человѣчества. Ослабить его прежде всего старались съ помощью законодательства и находилось много головъ, которыя стояли не только за удержаніе существовавшихъ тогда жестокихъ казней, но

даже за ихъ усиленіе. Когда въ Германіи въ концѣ XVIII в. начали предлагаться преміи за лучшія сочиненія о мѣрахъ противъ дѣтоубійства, то множество изъ этихъ сочиненій говорило, что единственно вѣрное средство искоренить зло состоитъ въ усиленіи наказаній. Одинъ ученый мужъ предлагалъ квалифицировать смертную казнь колесованіемъ и терзаніемъ тѣла раскаленными клещами. Сервинъ, въ 1786 г. рекомендовалъ „обрѣзывать преступницѣ верхнюю губу или носъ и выжигать раскаленнымъ желѣзомъ знакъ на лбу, обозначающій преступленіе“.

Но все это были отголоски старыхъ понятій. Новые люди XVIII в. стояли за смягченіе наказаній. Беккаріа въ своей знаменитой книгѣ говоритъ: „если кто находится въ такомъ положеніи, что ему необходимо сдѣлать выборъ между своимъ позоромъ и смертью существа, которое не можетъ еще чувствовать потери жизни, то какъ можетъ такое лицо не предпочесть смерть тому жалкому положенію, которое предстоитъ и ему, и его несчастному плоду“? Много другихъ писателей во всѣхъ странахъ говорили въ одинъ голосъ съ Беккаріа. Даже въ Россіи князь Щербатовъ писалъ объ отмѣнѣ за дѣтоубійство смертной казни: „дѣва, погубившая свое дитя, прикрывая тѣмъ стыдъ свой, хотя, конечно, достойна смертнаго наказанія, но, взирая на обстоятельства ея, и что стыдъ и страхъ въ ней превозмогъ и материнскую любовь, и человѣчество, кажется, требуетъ пощады, а единственно да осудится на нѣсколько лѣтъ въ работу и приноситъ покаяніе Господу, коего она поступкомъ своимъ сугубо прогнѣвала“. Общественное мнѣніе Европы возбуждалось еще противъ казни дѣтоубійцъ многими возмутительными процессами и трагическими зрѣлищами самыхъ казней. Такъ напр., огромное впечатлѣніе на публику произвела судьба одной дѣтоубійцы, изображенная Гиппелемъ въ его Beiträge über Verbrechen und Strafen (2 изданіе 1797 г.). Кажется, эта исторія дала Шиллеру сюжетъ для его знаменитой и имѣвшей большое вліяніе баллады *„Дѣтоубійца“*. Стихи великаго поэта, проникнутые такимъ сочувствіемъ къ несчастной преступницѣ, находили себѣ множество партизановъ. Другіе поэты и беллетристы также много содѣйствовали возбужденію сочувствія къ женщинамъ, убивающимъ или бросающимъ своихъ дѣтей. Таково, напр., стихотвореніе Уланда „Des Pfarrers Tochter von Taubenhain“, отрывокъ изъ котораго приведенъ нами выше. Таково и популярное въ Россіи до пошлости стихотвореніе Пушкина:

Подъ вечеръ осени ненастной
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ и т. д.

Въ то же время агитація противъ смертной казни вообще поддер-

живала общественное мнѣніе противъ казни дѣтоубійцъ. А во многихъ тогдашнихъ сочиненіяхъ о дѣтоубійствѣ не только требуется смягченія наказаній за него, но и выясняется, что никакія наказанія—ни жестокія, ни кроткія,—не въ силахъ задержать гибельнаго потока преступленія, уносящаго ежегодно тысячи дѣтскихъ жизней; выясняется, что причины дѣтоубійства—не въ степени жестокости наказаній, а въ недостаткахъ общественнаго устройства и нравовъ. Учредители домовъ для найденышей, возникавшихъ въ Европѣ, руководились въ сущности вѣрною идеей, что причины дѣтоубійства въ бѣдности и въ тѣхъ нравственныхъ мукахъ, которымъ общество подвергаетъ мать незаконнаго ребенка; они ясно понимали, что противъ этого зла можно бороться только уничтожая его причины, но средства они выбрали фальшивыя. Какъ мы уже говорили выше, въ концѣ XVIII в. въ Германіи выходило множество книгъ и брошюръ о средствахъ противъ дѣтоубійства. Въ 80-хъ годахъ, напр., въ Мангеймѣ одинъ филантропъ задалъ на премію тему: „въ чемъ состоитъ лучшее, выполнимое средство остановить дѣтоубійство"? Въ отвѣтъ на это вскорѣ появилось *400 сочиненій!* Хотя во многихъ изъ нихъ проводилась мысль, что искомое средство состоитъ въ усиленіи наказаній, но все-таки большинство высказалось противъ наказаній, указывая такія причины преступленія, которыя нельзя уничтожить самыми ужасными карами закона. Таково, напр., сочиненіе Фелькерзама (1779 г.): „Политическій Опытъ о прекращеніи дѣтоубійства безъ всякихъ наказаній и безъ обремѣненія государства заведеніемъ домовъ для найденышей". Нѣкоторые предлагали съ той же цѣлью „учрежденіе нравственныхъ судовъ и высшаго Трибунала Совѣсти". Многіе стояли, какъ за самое лучшее средство, за дома для найденышей. Въ шлецеровской „Briefwechsel" одинъ сочинитель предлагалъ принуждать всѣхъ соблазнителей жениться на соблазненныхъ дѣвушкахъ, а при неравенствѣ общественнаго положенія обезпечивать послѣднихъ; кромѣ того, составить особые фонды для воспитанія незаконнорожденныхъ дѣтей. Въ томъ же изданіи другой писатель совѣтовалъ уничтожать посредствомъ образованія то понятіе о позорѣ, отъ котораго такъ страдаютъ незаконныя дѣти и ихъ матери, и воспитывать этихъ дѣтей на общественный счетъ. Ратлевъ въ своемъ сочиненіи „О духѣ уголовнаго права" (1790 г.) считаетъ лучшимъ средствомъ открытіе больницъ съ предоставленіемъ въ нихъ родильницамъ полной возможности скрывать свой позоръ. Знаменитый докторъ Франкъ въ своей „Системѣ медицинской полиціи" (1791 г.) совѣтуетъ уничтожить церковныя покаянія, и вмѣсто того, чтобы карать несчастныхъ женщинъ,—подавать имъ сострадательную помощь и всѣми мѣрами удалять отъ нихъ тотъ позоръ, который такъ гибеленъ и для ихъ дѣтей; Франкъ требуетъ, поэтому, домовъ для найденышей и родильныхъ больницъ для беременныхъ женщинъ.—Такимъ

образомъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. въ Европѣ поняли безуспѣшность карательныхъ мѣръ для прекращенія или ослабленія дѣтоубійства; поняли и въ чемъ заключаются главныя причины этого преступленія. Но указывая на эти причины, люди не видѣли еще, или не хотѣли видѣть, дѣйствительныхъ средствъ для устраненія этихъ причинъ, все дѣло хотѣли поправить только путемъ благотворительности— домами для найденышей и родильными больницами. Противъ этого направленія выступилъ Мальтусъ. Доказывая не только безполезность, но и положительную вредность благотворительности, онъ запрещалъ большинству людей бракъ, который при страшной дизгармоніи между количествомъ народонаселенія и количествомъ пищи необходимо ведетъ за собой вымираніе всѣхъ лишнихъ членовъ человѣчества и громадное дѣтоубійство. „Человѣкъ, который родится въ занятомъ уже мірѣ,—говоритъ Мальтусъ — если ни его семейство не имѣетъ средствъ для его пропитанія, ни общество не имѣетъ надобности въ его трудѣ,—*такой человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго права на какую бы то ни было долю пищи, онъ совершенно лишній на землѣ.* На великомъ банкетѣ природы для него не поставлено прибора. Природа высылаетъ его вонъ, и она не замедлитъ сама исполнить это свое приказаніе". Мальтусъ, наблюдавшій дѣтоубійство не только въ Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта, вывелъ изъ этихъ наблюденій заключеніе о совершенной неизбѣжности этого зла, коль скоро допущена дизгармонія между количествомъ пищи и числомъ ея потребителей. И конечно, ни Мальтусъ, ни его послѣдователи не могли быть защитниками уголовныхъ каръ противъ этого преступленія. Они, напротивъ, старались скорѣе содѣйствовать дѣтоубійству, чѣмъ противодѣйствовать ему. Мальтусъ, рекомендуя запретить неимущимъ людямъ вступленіе въ бракъ, въ то же время предлагалъ слѣдующій законъ: „Никакое дитя, родившееся отъ брака, заключеннаго черезъ годъ послѣ изданія этого закона, ни одно незаконнорожденное дитя, родившееся черезъ два года съ того же времени, не имѣютъ никакого права на приходскую помощь". Хотя ложная въ своей сущности, теорія Мальтуса, однакожъ, имѣетъ въ отношеніи къ нашему предмету ту долю справедливости, что указываетъ на неизбѣжность дѣтоубійства, долженствующую существовать до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать бѣдность и другія, производящія его причины. Понятно, что такой выводъ подрывалъ въ самомъ корнѣ теорію устрашенія.

Подъ такими вліяніями законы, карающіе дѣтоубійство, начали понемногу смягчаться, хотя не во всѣхъ странахъ разомъ и хотя въ нѣкоторыхъ государствахъ такого смягченія не послѣдовало до сихъ поръ.

„Нѣмецкіе уголовные кодексы, — говоритъ Боппъ, — выходя изъ психологическихъ основаній, принимая во вниманіе достойное само по

себѣ желаніе охранить половую честь, бѣдность и безпомощность, доводящія до этого преступленія, равно какъ и сопряженное съ совершеніемъ послѣдняго нервное возбужденіе, ослабляющее вмѣняемость,— отступаютъ отъ угрозъ смертной казни и предписываютъ временное лишеніе; сообразно со степенью виновности и съ количествомъ смягчающихъ обстоятельствъ". То же нужно сказать и о большинствѣ другихъ европейскихъ кодексовъ. При этомъ, нужно замѣтить, что большинство европейскихъ присяжныхъ оказывается крайне нерасположеннымъ подвергать дѣтоубійцъ не только смертной казни, но даже и другимъ менѣе жестокимъ наказаніямъ. Поэтому, много дѣтоубійцъ совершенно оправдывается присяжными, согласными лучше вовсе отпустить виновныхъ, чѣмъ жестоко наказать ихъ.

Первый уголовный кодексъ XIX в., австрійскій, отмѣнилъ за дѣтоубійство смертную казнь и замѣнилъ ее тюремнымъ заключеніемъ на время отъ 5 до 20 лѣтъ. Въ 1856 г. въ Австріи обвинялось за дѣтоубійство 222 челов., изъ нихъ наказано только 142. За плодоизгнаніе— также временное тюремное заключеніе, которому въ 1856 г. подвергнуто 27 человѣкъ изъ 46 обвинявшихся. Въ томъ же году посажено въ тюрьму за дѣтовыбрасыванье 55 человѣкъ изъ 65 обвинявшихся.

Уголовный кодексъ Виртемберга въ статьѣ 249 говоритъ: „мать, отнимающая жизнь у своего незаконнаго новорожденнаго ребенка, если она это дѣлаетъ съ намѣреніемъ, обдуманнымъ еще до родовъ, подвергается тюремному заключенію на 15—20 лѣтъ; въ противномъ случаѣ на 10—15 лѣтъ; если же ребенокъ, вслѣдствіе преждевременнаго рожденія неспособенъ продолжать жизнь внѣ чрева матери, то преступница наказывается, какъ за покушеніе".

Кодексъ в. г. Гессенъ (1841 г.) за дѣтоубійство въ тѣсномъ смыслѣ и дѣтовыбрасыванье, совершаемое съ цѣлью погубить ребенка, полагаетъ тяжкое заключеніе въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus) на время до 16 л.

По прусскому кодексу, мать, умышленно убившая при рожденіи или вскорѣ послѣ него своего незаконнаго ребенка, подлежитъ цухтгаузу на время отъ 5 до 20 лѣтъ.; за плодоизгнаніе—на первый разъ временное, а за рецидивъ — пожизненное тюремное заключеніе. За выбрасыванье ребенка моложе 7 лѣтъ, виновный подлежитъ не менѣе, какъ трехмѣсячному тюремному заключенію. Если же ребенокъ выбрасывается съ цѣлью лишить его жизни, то выбрасыватель судится, какъ дѣтоубійца. Впрочемъ, смертная казнь за дѣтоубійство въ Пруссіи оставлена для особенно крайнихъ случаевъ, но она почти никогда не налагается. Въ 1818—1854 г. за дѣтоубійство осуждено на смерть 124 ч., изъ нихъ казнено только 2, и то за убійство законныхъ дѣтей. И вообще, изъ обвиняемыхъ за дѣтоубійство, очень много совер-

шенно оправдывается. Такъ въ 1857 и 1859 г. за дѣтоубійство осуждено только 70 человѣкъ, между тѣмъ, какъ въ одинъ только 1857 г. обвинялось за него 70 ч. Въ Пруссіи несчастная судьба дѣтоубійцъ возбуждаетъ большое сочувствіе и въ присяжныхъ. „Въ послѣдніе годы — пишетъ Б. Рэйанъ — было нѣсколько случаевъ дѣтоубійства въ штральзундскомъ округѣ. Въ восьми случаяхъ беременность и роды были скрыты и дѣти умерщвлены. Въ одномъ случаѣ мать умерла; въ двухъ случаяхъ процессъ былъ остановленъ; въ трехъ дѣтоубійцы объявлены невиновными, въ одномъ случаѣ былъ произнесенъ приговоръ, равнозначительный невиновности, и только въ одномъ случаѣ преступникъ найденъ виновнымъ. Какъ бы парадоксально ни казалась мысль, что дѣтоубійство дозволяется прусскими законами, но, тѣмъ не менѣе, она справедлива." Далѣе Рэйанъ ораторствуетъ все въ томъ же тонѣ, возмущаясь гуманнымъ чувствомъ прусскихъ присяжныхъ, очень часто объявляющихъ невиновными дѣйствительныхъ дѣтоубійцъ.

Баденскій кодексъ 1841 г. за дѣтоубійство, на которое преступница рѣшилась еще до разрѣшенія отъ бремени, опредѣляетъ заключеніе въ цухтгаузѣ на время отъ 6 до 15 лѣтъ, въ противномъ случаѣ—не свыше 8 лѣтъ. И здѣсь, какъ и въ Пруссіи, очень много подсудимыхъ освобождается отъ дѣла. Въ 1829 г. было 10 обвиненій съ 6-ю освобожденіями отъ дѣла и 3-мя смертными приговорами; въ томъ же году обвинялось въ плодоизгнаніи 12 человѣкъ, изъ нихъ 10 освобождено отъ дѣла.

Другіе германскіе кодексы также не полагаютъ за дѣтоубійство смертной казни, кромѣ ганноверскаго, который, слѣдуя старому баварскому закону 1813 года, назначаетъ смертную казнь за рецидивъ.

Въ Нидерландахъ и Португаліи за рецидивное дѣтоубійство также полагалась до послѣдняго времени смертная казнь, и въ 1847—1857 г. казнено за это 3 человѣка.

На скандинавскомъ полуостровѣ — смертная казнь назначена за повтореніе дѣтоубійства, вытравленіе плода изъ чрева матери, произведенное кѣмъ нибудь противъ ея воли и подвергшее опасности ея жизнь, а также за выбрасыванье дѣтей, ведущее за собою смерть ихъ. Смертные приговоры рѣдко утверждаются королемъ.

Во Франціи за дѣтоубійство—смертная казнь, за вытравленіе плода—временное тюремное заключеніе. Почти во всѣхъ случаяхъ, суды, пріискавъ смягчающія обстоятельства, отмѣняютъ дѣтоубійцамъ смертную казнь и смертные приговоры почти исключительно слѣдуютъ за убійство законныхъ дѣтей. Слѣдующія таблички покажутъ, какъ благородное чувство французскихъ судей и присяжныхъ борется съ варварскимъ закономъ, осуждающимъ на смерть несчастныхъ дѣтоубійцъ.

	въ 1855 г.	1856 г.	1857 г.	1858 г.	1859 г.
Дѣтоубійцъ приговорено къ смерти	2	—	2	2	2
Избавлено отъ смерти вслѣдствіе смягчающихъ обстоятельствъ	110	126	140	158	140

Слѣдовательно, изъ 682 дѣтоубійцъ, подлежавшихъ по закону смертной казни, приговорено къ ней только 8 человѣкъ. Интересно, что въ случаѣ всѣхъ другихъ преступленій смертная казнь назначается гораздо чаще, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	въ 1855 г.		1856 г.		1857 г.		1858 г.		1859 г.	
	Приговорено къ смерти.	Избавлено отъ смерти.	Приговорено.	Избавлено.	Приговорено.	Избавлено.	Приговорено.	Избавлено.	Приговорено.	Избавлено.
За покушеніе на жизнь императора	1	1	—	—	—	—	3	1	—	—
— квалифицированное убійство	5	15	2	15	2	14	3	10	2	9
— убійство	44	91	35	89	37	85	21	78	28	73
— отцеубійство.	4	7	5	6	5	5	3	7	4	10
— поджогъ жилыхъ строеній.	7	66	3	59	5	78	4	53	2	56
— отравленіе	—	29	1	24	5	27	2	30	2	17
— самовольное лишеніе свободы.	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—
Всего . . .	61	329	46	193	56	210	36	179	38	165

Такимъ образомъ, преступниковъ, подлежавшихъ по закону смертной казни, приговорено къ смерти въ слѣдующемъ процентномъ отношеніи:

По итогу . .	13%
За отцеубійство.	32,7
— отравленіе .	7,3
— поджогъ . .	6,3
— дѣтоубійство.	1,1

Въ тюремномъ заключеніи въ 1857 г. содержалось за дѣтоубійство, плодоизгнаніе, покушеніе на нихъ и пособничество — мужчинъ 39, женщинъ 688, всего 727.

Въ Бельгіи, гдѣ за дѣтоубійство полагается смертная казнь, въ 1833—1844 г. послѣдовало за это преступленіе 7 смертныхъ приговоровъ. Изъ 184 смертныхъ приговоровъ за разныя преступленія въ 1850—55 годахъ на долю дѣтоубійства выпало 24.

Въ Англіи дѣтоубійство отнесено къ разряду преступленій felony и подлежитъ смертной казни. Но, по словамъ Борка Рэйана, состра-

даніе къ дѣтоубійцамъ и отвращеніе отъ смертной казни ведутъ въ тому, что дѣтоубійцы или вовсе освобождаются отъ дѣла или осуждаются не за дѣтоубійство, а за скрытіе беременности, ведущее за собою только два года тюремнаго заключенія. Для обвиненія въ дѣтоубійствѣ законъ требуетъ доказательства, что ребенокъ *рожденъ вполнѣ*, wholly born, и имѣлъ существованіе, независимое отъ тѣла матери. Между тѣмъ, доказать, что ребенокъ *вполнѣ рожденъ*, чрезвычайно трудно. Въ доказательство не можетъ идти даже присутствіе воздуха въ его легкихъ, ибо ребенокъ можетъ дышать во время самаго акта рожденія. „Недостаточно медицинскаго свидѣтельства", говоритъ Рейанъ—„что дитя дышало во время совершенія надъ нимъ злодѣянія, что оно было живо дѣйствительно и было убито. Это доказательство должно быть, повидимому, окончательнымъ, но не такъ на дѣлѣ; здѣсь-то и начинаются главныя трудности. Безусловно необходимо, при настоящихъ законахъ, доказать, что во время совершенія злодѣянія дитя было вполнѣ рождено, что оно существовало независимо отъ своей матери. Отсюда слѣдуетъ, что убійство ребенка во время самаго акта рожденія не есть убійство по закону." Дѣйствительно, при отсутствіи или недостаточности этого доказательства, англійскіе присяжные объявляютъ обвиняемыхъ въ дѣтоубійствѣ лицъ невиновными. Часто даже при имѣніи такого доказательства, присяжные даютъ тотъ же приговоръ, руководимые чувствомъ сожалѣнія къ несчастной преступницѣ и по особымъ обстоятельствамъ дѣла. Такъ, по словамъ Б. Рэйана, одна женщина, по недоказанности полнаго рожденія, была объявлена невиновной, хотя она перерѣзала у ребенка дыхательное горло. Въ Глочестерѣ въ 1855 г. женщина, по фамиліи Пэрри, была обвиняема въ убійствѣ своего ребенка. При входѣ въ ея комнату полицейскаго медика, она лежала въ постели, головой на подушкѣ, подъ которой найденъ трупъ ребенка съ перерѣзаннымъ горломъ. Медикъ не могъ положительно сказать, было ли дитя рождено живымъ, а присяжные объявили, что не имѣютъ основаній признать Пэрри виновною въ дѣтоубійствѣ, и нашли ее, какъ сплошь и рядомъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, виновною въ скрытіи беременности. Подобный же случай мы видимъ въ дѣлѣ Шарлотты Гюббль (въ январѣ 1860 г.) Докторъ Кингъ и его помощникъ присягнули, что ребенокъ былъ *рожденъ живымъ*; тѣло этого мальчика было найдено въ ящикѣ подсудимой еще теплымъ съ тесьмой, нѣсколько разъ обвитой вокругъ его шеи и сильно затянутой; присяжные объявили Шарлотту невиновной въ убійствѣ. Въ Ливерпулѣ, въ августѣ 1860 г., Анна Биллингтонъ судилась за предумышленное убійство своего новорожденнаго ребенка. Она скрывала свою беременность. Родивъ же, она спрятала ребенка подъ ступеньками лѣстницы. Медикъ нашелъ его съ перерѣзаннымъ горломъ, но не могъ сказать: „былъ ли онъ

вполнѣ рожденъ и имѣлъ ли независимое отъ матери существованіе во время нанесенія ему этой раны". Подсудимая, поэтому, осуждена за скрытіе беременности на 18 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія безъ работы. И такъ бываетъ во множествѣ случаевъ,—присяжные берутъ на себя облегченіе участи тѣхъ, которыхъ не хочетъ щадить законъ. Иногда подобные приговоры присяжныхъ публика встрѣчаетъ громкими аплодисментами. Даже состоявшіеся уже приговоры надъ дѣтоубійцами значительно смягчаются органами власти, облеченными этимъ правомъ. Такъ въ 1853 г. Анна Парръ приговорена къ смертной казни, а наказана пожизненной ссылкой. Въ Линкольнѣ въ 1855 г. Елисавета Лаундъ за предумышленное дѣтоубійство сослана на 15 лѣтъ. Въ Дерби Елиза Бесталль за тоже преступленіе заключена на 2 года въ тюрьму съ тяжкою работой. Джанна Джили приговорена къ смерти, а наказана пожизненной ссылкой и т. д. Поборники карательныхъ мѣръ, какъ цѣлебнаго средства противъ преступленій, сильно негодуютъ на „такія насмѣшки надъ правосудіемъ", какъ выражается Рэйанъ. Одни изъ нихъ проповѣдуютъ, что нужно отмѣнить за дѣтоубійство смертную казнь, непріязнь къ которой такъ часто заставляетъ присяжныхъ, вопреки очевидности, изрекать—*невиновенъ*, и замѣнить ее не столь ужаснымъ наказаніемъ; идеалъ этихъ господъ въ томъ, чтобы ни одинъ дѣтоубійца не могъ избѣгнуть кары правосудія и чтобы „вопли несчастныхъ дѣтей не призывали на великую націю бездны золъ отъ праведнаго Судьи!"

По прежнимъ законамъ о плодоизгнаніи (43 George III), преступникъ подлежалъ смертной казни въ томъ случаѣ, если женщина, изъ которой вытравлялся плодъ, была уже „quick with child", т. е. чувствовала уже движеніе ребенка въ маткѣ. Въ противномъ случаѣ, преступникъ избавлялся отъ смертной казни и подлежалъ одному изъ слѣдующихъ высшихъ наказаній. Послѣдній же законъ о плодоизгнаніи (1 Victoria c. LXXXV, 5, 6), гласитъ, что всякій, кто будетъ стараться произвести выкидышъ посредствомъ ли ядовитыхъ и вредныхъ снадобій, или инструментами, или другими средствами, „виновенъ въ фелоніи, и, будучи уличенъ въ этомъ, подлежитъ ссылкѣ за море на срокъ его, или ея жизни, или на другой срокъ, не менѣе, впрочемъ, пятнадцатилѣтняго, или же тюремному заключенію не свыше трехъ лѣтъ".

Вліяніе Европы хотя и смягчило немного русскіе законы о дѣтоубійствѣ, но все-таки они далеки еще даже отъ того состоянія, въ какомъ находятся европейскіе кодексы относительно этого предмета. Мы приведемъ слѣдующіе законы въ томъ видѣ, какъ они дѣйствовали до изданія указа 17 апрѣля 1863 г., отмѣнившаго тѣлесное наказаніе. По статьямъ 21, 1999 и 2000 XV т. Св. Законовъ, изд. 1857 г., виновный въ убійствѣ родного сына или дочери, внука или внуки,

какъ и всѣхъ родственниковъ восходящей и нисходящей линіи въ какой бы то ни было степени подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока, а до указа 17 апрѣля,—еще и наказанію 100 ударами плетей. Тому же наказанію, по ст. 2000, подлежитъ и убійца незаконнорожденнаго ребенка, если только нѣтъ облегчающихъ вину обстоятельствъ. Если убійство незаконнорожденнаго сына или дочери совершено матерью отъ стыда или страха *„при самомъ рожденіи младенца“*, то упомянутый срокъ каторжной работы сокращается на три степени. „Когда же дѣтоубійство онаго рода было *непредумышленное*, то виновная въ ономъ женщина, *особенно если она незамужняя и разрѣшилась отъ бремени въ первый разъ*, подвергается только лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ Сибири“, а до указа 17 апрѣля еще отъ 30 до 10 ударамъ плетей! Вспомните, что это *за непредумышленное* дѣтоубійство!... За изгнаніе плода женщины, безъ ея вѣдома и согласія,—каторжная работа на заводахъ отъ 4 до 6 л., а прежде еще 30—40 ударовъ плетьми. Если при этомъ беременная женщина умерла, то срокъ работъ увеличивается до 8 лѣтъ, а количество плетей до 50—60 ударовъ. Если же кто совершаетъ плодоизгнаніе съ согласія самой беременной, то подлежитъ ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а прежде еще 20 до 30 ударамъ плетей. Если же беременная сама, по собственному произволу или по согласію съ другими, *употребляетъ какое либо средство для изгнанія плода*, то лишается всѣхъ правъ состоянія и ссылается въ Сибирь, а прежде еще получала отъ 10 до 20 ударовъ плетей (т. XV, ст. 2011 и 22). Такимъ образомъ, и за совершенное плодоизгнаніе и за простое принятіе средствъ, по буквальному смыслу закона и плодоизгнательницѣ замужней и плодоизгнательницѣ незамужней, совершающей это преступленіе въ первый, во второй, или въ третій разъ, въ первый періодъ зачатія или передъ самымъ рожденіемъ, и дѣйствовавшей въ состояніи болѣзненномъ или здоровомъ,—все равно, всѣмъ одно наказаніе!..,

По русскому праву даже скрытіе рожденія незаконнорожденнаго ребенка есть самостоятельное преступленіе, предусматриваемое 2009 статьей XV тома. „Если будетъ доказано, что младенецъ родился мертвымъ, и *мать, волнуемая стыдомъ или страхомъ, только скрыла его тѣло*, вмѣсто того, чтобы объявить о томъ кому слѣдуетъ, подлежитъ заключенію въ тюрьмѣ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года“. За что же?

Такимъ образомъ въ настоящее время почти всѣ европейскіе народы смягчили наказанія за дѣтоубійство и отмѣнили закономъ или практикой смертную казнь за это преступленіе. Присяжные и судьи часто желаютъ лучше вовсе освободить преступника, чѣмъ подвергнуть его заслуженному наказанію. Нѣкоторые господа, даже изъ тѣхъ, кото-

рые требуютъ наказаній за другія преступленія, желаютъ вовсе оставить безъ наказанія если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя дѣтоубійства. Такъ, по мнѣнію лорда Джона Росселя, законъ не долженъ подвергать уголовному наказанію убійцу ребенка, которому не исполнилось еще 6 мѣсяцевъ, а за убійство ребенка свыше 6 мѣсяцевъ должно налагать уголовное наказаніе.

Но, не смотря на то, что общественное мнѣніе, присяжные, судьи и голоса благородныхъ ученыхъ высказываются за уничтоженіе жестокихъ наказаній дѣтоубійцъ,—все-таки еще не мало есть во всѣхъ странахъ Европы головъ, которыя не могутъ придумать противъ дѣтоубійства ничего лучшаго, кромѣ висѣлицы и каторги.

Дѣтоубійство не только не прекращается, но даже увеличивается. „Для всякаго,—говоритъ „Журналъ Министерства Юстиціи", 1862 г., № IV — кто слѣдитъ за количествомъ совершаемыхъ ежегодно преступленій и за уголовной статистикой, несомнѣннымъ дѣлается тотъ фактъ, что преступленіе дѣтоубійства сдѣлалось явленіемъ постояннымъ и повсемѣстнымъ. Преступленія этого рода не только не уменьшаются, а напротивъ, годъ отъ году увеличиваются, *и никакія угрозы закона, никакія полицейскія мѣры не въ состояніи воспрепятствовать ихъ совершенію!*" Дѣтоубійство увеличивалось и тогда, когда судьи и присяжные, не задумываясь много, отправляли преступниковъ на висѣлицу и подъ топоръ палача; оно увеличивается и теперь, когда смертная казнь за него почти всюду отмѣнена или закономъ или практикой. Не ясно ли, что тутъ законъ ни при чемъ! Да и что можетъ сдѣлать законъ тамъ, гдѣ множество лицъ совершаютъ преступленіе въ такомъ патологическомъ состояніи, что, опомнившись, сами не рады бываютъ своей жизни, навсегда отравленной воспоминаніями о совершенномъ дѣтоубійствѣ? Что можетъ сдѣлать законъ тамъ, гдѣ тѣ же самыя причины, которыя доводятъ до дѣтоубійства, заставляютъ людей налагать руки даже на самихъ себя, или подвергаютъ ихъ голодной смерти? Большинство такихъ людей не побоится не только тюрьмы и ссылки, но даже и висѣлицы. Кромѣ того, огромное большинство дѣтоубійцъ имѣютъ всегда вѣрные шансы избѣжать наказанія. Въ Англіи, какъ мы видѣли, полагается около 12,000 женщинъ, ежегодно совершающихъ дѣтоубійство, между тѣмъ, уличается въ этомъ преступленіи ежегодно только около 200 человѣкъ, слѣдовательно, болѣе 11,500 дѣтоубійцъ ежегодно совершаютъ это преступленіе совершенно безнаказанно! Для чего же, и справедливо ли наказывать ту ничтожную часть преступниковъ, которые менѣе осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ и которыхъ слѣпой случай бросаетъ въ руки полиціи? Но представимъ себѣ, что лучшую теперь въ Европѣ англійскую полицію удается довести до идеальнаго совершенства, и всѣ 12,000 дѣтоубійцъ будутъ непремѣнно схвачены ею. Насколько милліоновъ фунтовъ стер-

линговъ это увеличитъ расходы государственнаго казначейства?.... И что же получится за эти деньги? 12,000 лицъ, виновныхъ въ дѣтоубійствѣ, Англія будетъ терять ежегодно, заключая ихъ въ тюрьмы и отправляя ихъ въ ссылку. А такъ какъ полиція должна преслѣдовать всѣ преступленія, то въ сильной степени должно увеличиться и количество людей, ежегодно изгоняемыхъ обществомъ за другія преступленія, изъ которыхъ многіе теперь остаются безъ наказанія. Расходы, потраченные на это, обѣднятъ страну, и при томъ она лишится огромнаго числа производительныхъ людей. И при этомъ, нѣтъ основанія ожидать ни совершеннаго искорененія дѣтоубійства, ни его значительнаго ослабленія. Дѣтоубійцы, дѣйствующіе въ истерикѣ изступленія, умопомѣшательствѣ, отчаяніи, не удержатся отъ преступленія неизбѣжною перспективою суда и каторги. Для многихъ дѣтоубійцъ, для которыхъ каторга и тюрьма вовсе не страшны въ сравненіи съ ихъ жизнью, неизбѣжность наказанія также не можетъ быть помѣхою. Они всегда будутъ извлекать выгоды изъ преступленія. Вѣдь большинство разбойниковъ не уходитъ отъ рукъ суда, но это развѣ прекращаетъ разбой? Есть и другіе роды преступниковъ, изъ которыхъ почти ни одинъ не избѣгаетъ наказанія, и при этомъ, такія преступленія не только существуютъ, но даже иногда увеличиваются. Но, можетъ быть, наказаніе приноситъ огромную пользу, какъ средство исправительное? Положимъ, что даже всѣ, посаженные въ тюрьмы и сосланные на каторгу преступники, исправляются, что совершенно невѣроятно, такъ какъ большинство ихъ остается такими же, какими были и до своего вступленія въ эту острожную академію. Но представимъ себѣ, что всѣ они исправляются. Выйдетъ вотъ что: въ извѣстный періодъ времени вы исправили всѣхъ захваченныхъ преступниковъ, но таже самая жизнь, которая создала и приготовила преступника, выработываетъ новыхъ и снова отдаетъ ихъ въ вашу острожную школу и т. д. до безконечности. Въ отношеніи же къ большинству дѣтоубійцъ въ особенности, теорія исправленія оказывается еще болѣе несостоятельною, чѣмъ въ отношеніи вообще къ преступникамъ. Въ чемъ состоитъ по этой теоріи исправленіе преступника?

Въ томъ, чтобы уничтожить въ его душѣ тѣ наклонности, инстинкты и желанія, которые доводятъ его до преступленія. А множество дѣтоубійцъ доводится до преступленія стыдомъ и чувствомъ чести, слѣдовательно, чтобы исправить ихъ, необходимо уничтожить въ нихъ стыдъ и чувство чести!.. Нѣкоторыя матери, какъ мы видѣли, убиваютъ своихъ дѣтей единственно по любви къ нимъ, чтобы избавить ихъ отъ неизбѣжныхъ и ужасныхъ страданій бѣдности; слѣдовательно, чтобы исправить этихъ дѣтоубійцъ, необходимо подавить въ нихъ чувства материнской любви! Слѣдовательно и стыдъ, и чувство чести, и материнская любовь суть порочныя, преступныя наклонности, кото-

рыя необходимо искоренять въ человѣкѣ, чтобы они не довели его до преступленія! Какъ много дѣтоубійцъ дѣйствуетъ въ состояніи сильнаго нервнаго разстройства, въ бѣшенствѣ отчаянія, въ истерикѣ, умопомѣшательствѣ. Ужели и ихъ наказывать для исправленія? Но это окончательно нелѣпость, ихъ нужно лечить, а не наказывать! Возьмите еще тѣхъ дѣтоубійцъ, которые осуждаются на пожизненное тюремное заключеніе, или которые, совершивъ два-три рецидивныхъ дѣтоубійства, должны за нихъ сидѣть въ тюрьмѣ до самой смерти. Ужели и ихъ наказываютъ съ цѣлью исправленія? Но кому нужно, кому полезно исправленіе этихъ заживо похороненныхъ людей? Оно не приноситъ никакой пользы обществу, такъ какъ заживо зарытый въ тюрьмѣ преступникъ вовсе не участвуетъ въ общественной жизни; правда, онъ лишенъ возможности совершить преступленіе, но его совершаетъ кто нибудь другой, и количество преступленій нисколько не уменьшается отъ того, что нѣкоторыхъ преступниковъ на всю жизнь сажаютъ въ каменный мѣшокъ. Если же въ разсматриваемомъ случаѣ имѣется въ виду только личное исправленіе преступника, то и это оказывается несостоятельнымъ. Исправленіе преступника имѣетъ только практическую цѣну; его исправляютъ для того, чтобы сдѣлать его полезнымъ и честнымъ гражданиномъ, чтобы научить его, какъ должно противостоять тѣмъ обстоятельствамъ, которыя вовлекаютъ человѣка въ преступленіе. Но если преступникъ долженъ просидѣть въ тюрьмѣ всю жизнь, то къ чему его исправленіе, гдѣ онъ можетъ приложить привитыя къ нему тюремною жизнію правила? А пока онъ не покажетъ себя исправившимся на дѣлѣ, въ жизни, на свободѣ, до тѣхъ поръ никто не можетъ сказать, что онъ, дѣйствительно, исправился. Онъ можетъ обманывать на счетъ своего нравственнаго исправленія, обманываться и самъ, считая себя способнымъ прожить честно. Такъ и въ дѣлѣ дѣтоубійства корни соціальнаго зла лежатъ гораздо глубже, чѣмъ думаютъ юристы. А чтобы уничтожить извѣстное явленіе, надо уничтожить самую причину, порождающую его. Тутъ никакія полумѣры не помогутъ исправленію зла. Если мать убиваетъ свое дитя въ большинствѣ случаевъ изъ страха, голода и холода, то надо всѣхъ матерей накормить и одѣть и т. д.

VII.

Мы уже видѣли, что древній міръ передалъ въ наслѣдство новому, кромѣ каръ закона, еще дома для найденышей, какъ средство, предваряющее дѣтоубійство и плодоизгнаніе. Мы разсмотримъ здѣсь въ общихъ чертахъ исторію этой мѣры и степень ея цѣлесообразности.

Колыбелью домовъ для найденышей была Италія. Въ 787 г. такой

домъ былъ основанъ въ Миланѣ, а въ 1096 г. основанъ сиротскій домъ въ Константинополѣ. Въ 1198 г. папа Инокентій III обратилъ въ домъ для найденышей часть госпиталя св. Духа, основаннаго въ 728 г. однимъ саксонскимъ королемъ.

Въ средневѣковой Европѣ, вскорѣ послѣ введенія христіанства, является обычай, въ силу котораго дѣти подкидывались на земли церквей и поступали на ихъ попеченіе. Этотъ обычай въ однихъ странахъ превратился послѣ въ общинное и приходское попеченіе о найденышахъ, а въ другихъ странахъ содѣйствовалъ появленію воспитательныхъ домовъ въ очень раннее время. Кромѣ того, въ періодъ крестовыхъ походовъ основалось нѣсколько орденовъ госпитальеровъ, главною обязанностью которыхъ было посѣщеніе бѣдныхъ, уходъ за больными, заботы о сиротахъ и найденышахъ. Одинъ изъ этихъ орденовъ, именно св. Духа, состоявшій преимущественно изъ міранъ, существовалъ со спеціальною цѣлью призрѣвать и воспитывать сиротъ и найденышей. Это братство было утверждено папой въ 1204 г., и знаменитый своею благотворительностью Guy de Montpellier былъ назначенъ магистромъ госпиталя св. Духа. Богатыя приношенія изъ всѣхъ христіанскихъ странъ стекались въ Римъ для поддержанія этого госпиталя и воспитанія помѣщавшихся въ немъ найденышей. Основавъ первые воспитательные дома, Италія съ тѣмъ вмѣстѣ первая изобрѣла и развила систему безразличнаго принятія дѣтей, не обращая вниманія на законность или незаконность ихъ рожденія. Здѣсь было сочтено необходимымъ также доставлять беременнымъ женщинамъ такое мѣсто для разрѣшенія, гдѣ бы они могли скрыть свой стыдъ и сохранить свое инкогнито. Для принятія дѣтей изобрѣтены особаго рода пустые деревянные цилиндры, однимъ концомъ выходящіе на улицу, а другимъ внутрь убѣжища. Принесшее ребенка лицо можетъ положить его въ этотъ *туръ* и незамѣтно удалиться; звонокъ даетъ знать въ убѣжище, что въ туръ положенъ ребенокъ. Въ настоящее время въ госпиталь св. Духа дѣти доставляются не только изъ Рима и его окрестностей, но и изъ отдаленныхъ провинцій, даже изъ сосѣднихъ государствъ. Ежегодно поступаетъ около 900 дѣтей, изъ которыхъ двѣ трети незаконнорожденныя, а остальная треть состоитъ изъ законныхъ дѣтей бѣдныхъ родителей. Найденышей почти всегда отсылаютъ изъ госпиталя въ деревни къ кормилицамъ. Госпиталь Санъ-Рокка служитъ вмѣстѣ и домомъ для найденышей, и родильною больницею, въ которой несчастныя женщины могутъ разрѣшаться отъ бремени съ сохраненіемъ своего полнаго инкогнито; онѣ не только не распрашиваются объ ихъ имени, фамиліи и званіи, но даже во все время своего пребыванія въ госпиталѣ онѣ могутъ никому не показывать своего лица. По выздоровленіи онѣ оставляютъ госпиталь, а дѣти отдаются на попеченіе кормилицъ, состоящихъ подъ надзоромъ

сестеръ милосердія. Оставляющее въ госпиталѣ ребенка лицо даетъ запечатанное въ конвертѣ письменное свѣдѣніе объ его имени и происхожденіи; конвертъ распечатывается въ томъ случаѣ, если ребенка потребуютъ обратно изъ госпиталя.

Во Франціи при Людовикѣ XIII огромное количество выбрасываемыхъ дѣтей и сильное развитіе дѣтоубійства побудили одну набожную женщину, мадамъ Легуа, основать домъ для найденышей. Но этого дома было далеко недостаточно для всѣхъ выбрасываемыхъ малютокъ, сотни которыхъ постоянно виднѣлись на площадяхъ и улицахъ Парижа! Въ началѣ XVII в. эти дѣти подбирались полиціей и помѣщались въ улицѣ Saint Laudri на воспитаніе къ одной вдовѣ, которая не имѣла средствъ для прокормленія ихъ и у которой они умирали часто съ голода. Двѣ служанки, ходившія за ними, чтобы не слышать ихъ криковъ и держать ихъ въ состояніи сна, давали имъ обычныя снотворныя средства, отъ которыхъ дѣти также часто умирали. Дѣтей изъ этого убѣжища даже *продавали по 2 су за штуку!..* Въ такомъ положеніи были дѣла до св. Винцента Поля († 1660 г.). Этотъ филантропъ сначала подбиралъ найденышей на улицахъ Парижа и спасалъ ихъ, но скоро понялъ непригодность такой благотворительности. Онъ постарался составить изъ нѣкоторыхъ дамъ филантропическое общество и посовѣтовалъ имъ посѣтить убѣжище найденышей въ улицѣ S. Laudri. Дамы ужаснулись и большого количества помѣщавшихся тамъ дѣтей, и ихъ несчастнаго положенія. Но средствъ на содержаніе всѣхъ дѣтей онѣ не имѣли; поэтому было выбрано по жребію только 12 малютокъ, которые и помѣщены въ особомъ домѣ подъ надзоромъ мадамъ Легуа. Участь оставшихся въ прежнемъ убѣжищѣ дѣтей побудила Винцента обратиться съ просьбою о помощи къ Аннѣ Австрійской; она выхлопотала отъ короля въ пользу найденышей ежегодный доходъ съ пяти большихъ фермъ, до 12,000 ливровъ. Но эта сумма была далеко недостаточна и требовалось на содержаніе найденышей до 40,000 ливровъ въ годъ. Въ 1640 году король пожертвовалъ въ ихъ пользу Бисетръ, затѣмъ были куплены еще два дома. Смерть Винцента не остановила этого дѣла. Это было время дѣятельности Кольберта, а благотворительныя учрежденія составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ его заботъ. Эдиктъ 1662 г. предписывалъ основать въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ королевства госпиталь для бѣдныхъ больныхъ, нищихъ и сиротъ, которыя въ этихъ убѣжищахъ должны были учиться ремесламъ, къ какимъ они окажутся способными. Мужчинамъ, желавшимъ жениться на сиротахъ изъ госпиталя Милосердія, были назначены денежныя вспоможенія. „Въ то же время—говоритъ Бланки въ своей Histoire de l'économie politique — были основаны первые дома для найденышей, сдѣлавшіеся съ тѣхъ поръ убѣжищами, болѣе убійственными для дѣтей,

чѣмъ самое дѣтовыбрасыванье". Въ 1670 г. Hospice des enfants trouvés былъ сдѣланъ однимъ изъ парижскихъ госпиталей. Дѣти тысячами посыпались сюда со всѣхъ концовъ Франціи, и ихъ число постоянно возрастало. Съ 1540 года, когда основано въ Парижѣ первое убѣжище, и до 1793 г. принято было 405,744 ребенка; въ 1540—61 г.—7668; въ 1662—63 г.—14,101; въ 1684—1705 г.—38,382; въ 1706—1727 г.—40,437; въ 1728—49 г.—64,143; въ 1750—71 г.—114,729; въ 1772—93 г.—129,143 ребенка. Національный конвентъ распорядился соединить домъ для найденышей съ родильнымъ отдѣленіемъ, и назначилъ для помѣщенія ихъ два пустыхъ монастыря, куда и поступало ежегодно около 4.000 дѣтей. Другимъ своимъ декретомъ конвентъ обязалъ всѣ госпитали принимать найденышей или дѣтей, брошенныхъ своими родителями. Наполеонъ еще болѣе конвента благоволилъ къ этимъ убѣжищамъ, такъ какъ онъ разсчитывалъ комплектовать найденышами свою армію. Въ этихъ видахъ онъ ввелъ итальянскую систему туровъ и безразличнаго принятія дѣтей. Эта система, впрочемъ, сочтена необходимою и по большому количеству дѣтей, бросаемыхъ своими законными родителями; на 10 бросаемыхъ дѣтей считается въ Парижѣ 1, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи даже 2 законныхъ. Термъ и Монтфальконъ считаютъ до 3,400 законныхъ дѣтей, ежегодно бросаемыхъ родителями во Франціи. Въ Ліонѣ, въ Hôtel-Dieu, матери также часто приносятъ своихъ законныхъ дѣтей и оставляютъ ихъ тутъ навсегда. И нужно замѣтить, что причиною покиданія законныхъ дѣтей бываетъ не одна только бѣдность, а также и нѣкоторыя дурныя наклонности родителей, выработанныя въ нихъ грубою жизнію въ развратѣ, преступленіяхъ и невѣжествѣ. Монтфальконъ и Термъ показали, что общественныя бѣдствія и дороговизна въ Ліонѣ въ 1836 г. нисколько не имѣли вліянія на количество выбрасываемыхъ дѣтей, между тѣмъ, тѣ же самыя причины, какъ мы уже видѣли, въ другихъ мѣстахъ производятъ совершенно обратное дѣйствіе. Слѣдовательно, бѣдность не всегда служитъ причиною дѣтовыбрасыванья и, слѣдовательно, есть дѣти, выбрасываемыя не по необходимости, не изъ бѣдности. При такой расположенности нѣкоторыхъ родителей отдѣлываться отъ своихъ дѣтей, дома для найденышей необходимо должны не столько предварить дѣтоубійство, сколько усиливать дѣтовыбрасыванье. Родители, которые хотѣли бы отдѣлаться отъ ребенка, часто не выбрасываютъ его на улицу только потому, что боятся подвергнуть опасности его жизнь, если его не подберетъ какой нибудь сострадательный человѣкъ. Но коль скоро они видятъ, что само общество готово помочь имъ въ ихъ намѣреніи, то, не задумываясь, относятъ ребенка въ домъ для найденышей. Этимъ только и можно объяснить постоянное и быстрое возрастаніе числа найденышей, подкидываемыхъ въ воспитательные дома, какъ во Франціи,

такъ и во всѣхъ другихъ странахъ. Выше мы видѣли, какъ быстро увеличивалось это число въ Парижѣ до революціи. Въ первые годы реставраціи оно достигало 80.000, съ ежегоднымъ расходомъ въ 14,000,000 франковъ; въ 1824 г. принятыхъ дѣтей было уже 116,000, а въ 1833 г. 127,000. Быстрое увеличеніе найденышей подняло шумъ и въ обществѣ, и въ средѣ ученыхъ. Начали трактовать, какъ бы пресѣчь продолженіе этого явленія. Одни предлагали строго наказывать дѣвушекъ-матерей; другіе предлагали наказывать и штрафовать холостыхъ мужчинъ, ведущихъ развратную жизнь и т. д. Бенуастонъ-де-Шатонефъ указывалъ, какъ на главную причину этого явленія, на увеличеніе бѣдности, развращенности и *на самые дома для найденышей*, въ особенности на ихъ систему туровъ и безразличнаго принятія. Дома для найденышей при своемъ учрежденіи были назначены для принятія брошенныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Но вскорѣ стали приниматься и законныя дѣти. По невозможности держать въ самыхъ домахъ огромное число дѣтей, начали пріискивать для нихъ кормилицъ внѣ этихъ убѣжищъ. Деревенскія дѣвушки и женщины, подкидывающія своихъ дѣтей, начали ихъ брать къ себѣ въ качествѣ кормилицъ, и черезъ эту спекуляцію нашли возможность получать плату за воспитаніе собственныхъ своихъ малютокъ. Карусъ говоритъ, что въ парижскій госпиталь для бѣдныхъ больныхъ дѣтей часто доставляются дѣти съ обозначеніемъ фамилій и адресовъ ихъ родителей; но когда ребенокъ выздоравливаетъ и когда начинаютъ отыскивать его родителей, то и фамиліи, и адресы оказываются ложными: родители сдѣлали это, чтобы избавиться отъ своего ребенка. Въ виду такихъ обстоятельствъ и ужаснувшись постояннаго возрастанія расходовъ на найденышей, правительство рѣшилось употребить репрессивныя мѣры. Туры и система безразличнаго принятія въ большей части госпиталей были уничтожены. Для принятія же женщинъ въ родильныя отдѣленія Парижа было постановлено непремѣннымъ условіемъ брать съ поступающей обязательство не бросать ребенка и взять его съ собой при выпискѣ изъ госпиталя. Но при этомъ были приняты мѣры для того, чтобы помогать бѣднымъ женщинамъ воспитывать ихъ дѣтей дома. Втеченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ послѣ принятія этихъ мѣръ, матери 458 дѣтей взяли ихъ къ себѣ вслѣдствіе убѣжденій начальства госпиталя и выдачи имъ денежнаго вспоможенія, между тѣмъ какъ раньше онѣ были расположены отдѣлаться отъ этихъ дѣтей.

Примѣръ Франціи и Англіи и вмѣстѣ серьезныя безпокойства, причиненныя дѣтоубійствомъ и дѣтовыбрасываньемъ, возбудили и въ Великобританіи мысль о необходимости домовъ для найденышей. Еще въ 1713 г. поэтъ Аддисонъ агитировалъ въ пользу этихъ учрежденій, но только въ 1738 г. основанъ въ Лондонѣ капитаномъ Карамомъ Foundling Hospital, поддерживаемый сначала богатыми благотворителями,

въ особенности знаменитымъ нѣмецкимъ композиторомъ Генделемъ. Правительство также давало на этотъ домъ значительныя суммы; парламентъ ассигновалъ для него ежегодно по 10,000 ф. ст., но съ тѣмъ, чтобы принимать всѣхъ дѣтей, возрастъ которыхъ былъ сначала опредѣленъ не свыше 2, потомъ 6 и наконецъ 12 мѣсяцевъ. Число приносимыхъ дѣтей и здѣсь постоянно возрастало; въ первый годъ ихъ было 3,296, во второй 4,085, въ 1756 г. 5,510, въ 1760 г. 6,000, а ежегоднаго расхода на нихъ было уже 45,000 ф. стерл. Дѣти свозились со всѣхъ концовъ государства, и скоро для нихъ не стало мѣста въ госпиталѣ. Такъ же, какъ и во Франціи, сюда доставлялись не одни незаконнорожденныя, но и законныя дѣти, отъ которыхъ родители желали почему нибудь отдѣлаться; сюда приносили и больныхъ дѣтей для излеченія, и умирающихъ для погребенія. Кромѣ родителей, незаконныхъ дѣтей сбывали сюда еще общины, желавшія свалить съ своихъ плечъ заботы объ ихъ воспитаніи. Поэтому уже въ 1759 г. парламентъ издалъ болѣе строгія правила для принятія дѣтей, и съ тѣхъ поръ лондонскій воспитательный домъ предназначенъ только для незаконныхъ дѣтей; для опредѣленія же ихъ незаконнорожденности существуетъ особая коммисія. Послѣ крещенія, ребенокъ, какъ это дѣлается и во Франціи, отсылается въ деревню къ кормилицѣ, по достиженіи же имъ пятилѣтняго возраста, онъ возвращается въ воспитательный домъ для ученія. Если мать пожелаетъ взять его обратно, то должна, во-первыхъ, усыновить его, а во-вторыхъ, доказать, что она имѣетъ средства для его содержанія. Этотъ домъ получаетъ ежегодно доходовъ 11,000 ф. ст. и кромѣ того 40,000 ф. с. благотворительныхъ суммъ. Воспитаніе каждаго ребенка стоитъ 360 ф. ст., кромѣ экстраординарныхъ расходовъ, напр. на леченіе. Ежедневно принимается только 37 дѣтей, а приносится больше 200. Дѣтей, воспитываемыхъ здѣсь съ дѣтства до пятнадцатилѣтняго возраста, въ настоящее время 460.

Кромѣ лондонскаго, домъ для найденышей существовалъ еще въ Дублинѣ; здѣсь въ самомъ домѣ содержалось около 2,000 дѣтей, да около 7,000 въ деревняхъ у кормилицъ. Кромѣ благотворительныхъ суммъ, онъ потреблялъ ежегодно казенныхъ до 40,000 ф. ст. Этотъ домъ, какъ убыточный для казны и недостигающій своей цѣли, закрытъ въ 1835 г. Вообще, въ Великобританіи очень неблагосклонно относятся къ домамъ для найденышей, находя, что они приносятъ только одинъ денежный ущербъ и вовсе «несогласны съ геніемъ націи». Незаконныя дѣти состоятъ на попеченіи приходскихъ общинъ и помѣщаются въ рабочихъ домахъ.

Въ Германіи воспитательные дома возникаютъ съ начала XVIII в. Въ 1709 г. такой домъ основанъ въ Гамбургѣ, съ цѣлью предупрежденія дѣтоубійства. «Но вскорѣ — говоритъ Боппъ — число приноси-

мыхъ новорожденныхъ и даже взрослыхъ дѣтей оказалось столь громаднымъ, что это заведеніе принуждены были сначала ограничить, а потомъ и вовсе закрыть. Для него было недостаточно даже дохода въ 100,000 марокъ ежегодно. Вмѣсто этого заведенія открытъ сиротскій домъ, въ который принимаются дѣти, найденныя брошенными внутри города» Подобный же сиротскій домъ основанъ въ Баденѣ маркграфомъ Карломъ Фридрихомъ. Во время французскаго владычества въ Майнцѣ тамъ основанъ домъ для найденышей. Въ 1829 — 1833 г. здѣсь было 1,106 дѣтей, воспитаніе которыхъ до 14 лѣтъ обходилось вообще до 47,490 флориновъ. Въ Австріи Іосифъ II основалъ благотворительныя заведенія для принятія не только незаконныхъ, но и законныхъ дѣтей, брошенныхъ своими родителями. Эти дома содержатся казною; въ 1849 г. ихъ было въ имперіи 33, въ томъ числѣ 12 въ Ломбардіи. Въ этомъ году въ нихъ было 25,420 дѣтей, да внѣ ихъ, на воспитаніи у кормилицъ, 81,465 дѣтей. Въ остальныхъ государствахъ Германіи домовъ для найденышей нѣтъ, и попеченіе о нихъ возлагается на общины. Въ в. г. Гессенъ, напр., «найденыши, пока они не будутъ въ состояніи пропитываться сами, полиціей или попечительствомъ о бѣдныхъ того мѣста, гдѣ они найдены, отдаются за опредѣленное вознагражденіе на воспитаніе частнымъ людямъ». Вообще же, Германія, какъ и Англія, не благопріятствуетъ учрежденію домовъ для найденышей.

Въ Россіи первый воспитательный домъ основанъ въ Петербургѣ Петромъ Великимъ. Здѣсь держатся системы безразличнаго принятія, и есть родильное отдѣленіе для беременныхъ женщинъ. Здоровыхъ дѣтей обыкновенно отдаютъ въ деревни кормилицамъ. Въ этотъ домъ въ настоящее время поступаетъ ежегодно около 3,000 дѣтей. Въ московскомъ воспитательномъ домѣ въ 1831 г. было 22,028 ребятъ, содержаніе которыхъ стоило больше 17,000,000 р. асс. въ годъ. Кромѣ этихъ двухъ, другихъ домовъ для найденышей въ Россіи нѣтъ. Въ сиротскіе дома принимаются только сироты, оставшіяся послѣ родителей въ положеніи, требующемъ призрѣнія (Св. Зак. т. XIII, ст. 373). «Воспитательные же дома для призрѣнія незаконнорожденныхъ младенцевъ, по дознаннымъ крайнимъ неудобствамъ существованія ихъ въ губерніяхъ», въ 1834 г. основывать подъ вѣдѣніемъ приказовъ общественнаго призрѣнія запрещено. Еще заранѣе, въ 1828 г., постановлено, — «въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сіи дома уже существуютъ, свободный пріемъ въ оные младенцевъ прекратить, а допускать только въ уважительныхъ и неизбѣжныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ случаѣ поднятія полиціею младенца, неимѣющаго родственниковъ, могущихъ и обязанныхъ воспитывать его». Доставленные въ приказы общественнаго призрѣнія младенцы отдаются или на воспитаніе благотвори-

телямъ безъ платы, «или же съ платою, сколь можно умѣренною» (Полн. Собр. Зак. № 2125 и 6759; Св. Зак. т. XIII, ст. 542—545).

Послѣ этихъ историческихъ замѣтокъ о домахъ для найденышей, мы должны разсмотрѣть степень ихъ полезности.

Прежде всего насъ поражаетъ во всѣхъ этихъ заведеніяхъ такая громадная смертность дѣтей, что можно заподозрить прислугу и надзирателей—не стряпаютъ ли они изъ дѣтскаго мяса пирожковъ, подобно одному старинному трактирщику въ Парижѣ!—Въ дублинскомъ домѣ для найденышей втеченіе 1791—1797 г. было:—

принято дѣтей	12,786
изъ нихъ умерло	12,561
осталось на слѣдующіе годы . . .	225!...

Въ петербургскомъ воспитательномъ домѣ въ пять мѣсяцевъ 1770 года принято дѣтей 181, изъ нихъ умерло *втеченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ* 39; въ 1771 г. изъ 472 дѣтей умерло 395; «съ 1772 по 1784 г.—говоритъ де-Гуронъ—было всего принято 7709 дѣтей. Правительство не рѣшилось привесть во всеобщую извѣстность значительную смертность, опасаясь тѣмъ повредить самому заведенію». Въ 1785—1798 г. принято 15,843 ребенка, изъ нихъ умерло 13,069; въ 1811 г. принято 2,699, умерло 1,348, или около 50%; въ послѣдующіе годы изъ 3,650 принимаемыхъ умирало до 1,200. — Въ московскомъ воспитательномъ домѣ въ 1770—1798 г. принято 37,607 дѣтей, изъ нихъ умерло 30,507. Въ Архангельскѣ въ 1812 г. изъ 417 принятыхъ умерло 377.—Въ домахъ для найденышей другихъ государствъ смертность также велика. Въ вѣнскомъ домѣ въ концѣ XVIII вѣка умирало дѣтей, даже въ самые благопріятные годы *70 изъ 100*. И несмотря на то, что правительство принимало всѣ возможныя заботы объ этомъ домѣ, а Іосифъ II самъ часто посѣщалъ его, все-таки въ 1822 г., по совершеніи всѣхъ улучшеній, смертность дѣтей составляла $22^1/_4$ на 100. Въ настоящее время также, несмотря на всѣ заботы и пособія, едва одинъ ребенокъ изъ двѣнадцати остается въ живыхъ.—Въ Палермо въ 1823 г. изъ 597 принятыхъ дѣтей умерло 429. Въ Метцѣ умираетъ ихъ $^7/_8$. Относительно Франціи мы находимъ слѣдующія оффиціальныя данныя въ Annuaire de l'économie politique et de la statistique Гильомена. «Я имѣлъ случай—говоритъ авторъ—показать въ своемъ отчетѣ 1851 г. по серьезнымъ изслѣдованіямъ и положительнымъ вычисленіямъ, что *половина или 50% подкидываемыхъ дѣтей погибаетъ въ первый годъ по рожденіи*... Изъ 3,507 дѣтей, рожденныхъ и принятыхъ въ 1844 г., втеченіе двѣнадцати лѣтъ умерло 2,659, т. е. 75,81 на 100. Изъ 3,563 дѣтей, рожденныхъ и принятыхъ въ 1845 г., въ теченіе двадцати лѣтъ умерло 2,700, т. е. 75,77 на 100. Средняя же смертность въ общемъ населеніи Франціи до двѣнадцатилѣтняго возраста только 42 на 100,

по таблицамъ Дювиллярда».—Въ Греноблѣ изъ 100 принятыхъ умираетъ *въ первый годъ* 25, въ Ліонѣ 36, а ранѣе, въ 1820 г., — 50; въ Монпеллье—60; въ Руанѣ достигаетъ совершеннолѣтія 1 изъ 27, и большая часть «изъ оставшихся живыми такъ несчастны, что *только 2 изъ 108* могутъ быть полезными людьми!..» Въ Партенэ, по Б. Рейану, умираетъ въ первый годъ изъ 100 дѣтей 35, а въ Х. *)—80, въ Мюнхенѣ—57, въ Касселѣ *только 10 изъ 741 достигали четырнадцатилѣтняго возраста!* Въ Лондонѣ умирающихъ до десятилѣтняго возраста $16^{2}/_{3}$%; но такого благопріятнаго отношенія вовсе не встрѣчается между дѣтьми, состоящими на попеченіи приходскихъ общинъ. Въ Мэрильбонѣ въ пять лѣтъ до 1 января 1850 г. было записано 1,109 незаконныхъ дѣтей, и изъ нихъ умерло 516 или около 46%. Въ дистриктѣ Всѣхъ-Усопшихъ (All-Souls) изъ 145 родившихся умерло 87 или около 53%. Въ дистриктѣ Христовой Церкви изъ 233 родившихся умерло 209 или 93,7%! Въ дистриктѣ св. Іоанна изъ 148 родившихся умерло 129 или 81%. Въ дистриктѣ Кавендишскаго сквера изъ 40 родившихся умерло 36 или 90% и т. д.

Само собою понятно, что если такая громадная смертность составляетъ неизбѣжное зло домовъ для найденышей, если эти дома губятъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ гораздо больше дѣтей, чѣмъ ихъ избивается, то они приносятъ не пользу, а положительный вредъ, machen Kindermord, какъ выражается д-ръ Гуфеландъ. Для разъясненія этого важнаго вопроса необходимо познакомиться съ причинами такой громадной смертности и узнать — устранимы онѣ или нѣтъ.

Мы уже говорили выше, что дѣти часто доставляются въ воспитательные дома не только больными, но даже умирающими. Эти заболѣвшія еще дома дѣти въ спертой атмосферѣ госпиталя, подъ небрежнымъ надзоромъ наемныхъ надзирателей, умираютъ вскорѣ же послѣ ихъ принятія въ домъ. Для этихъ дѣтей домъ для найденышей служитъ только погребальнымъ клубомъ, и его существованіе приноситъ только одну пользу упомянутому разряду дѣтей—приличное погребеніе. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи дома для найденышей совершенно излишни, такъ какъ приличное погребеніе можно доставлять и другими путями, а упомянутая причина смертности найденышей въ воспитательныхъ домахъ будетъ неустранимымъ и неизбѣжнымъ зломъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать бѣдность и всѣ связанныя съ нею невзгоды.

Вторая причина смертности найденышей сходна съ первою. Дѣти сплошь и рядомъ приносятся въ воспитательные дома издалека; въ

*) Мы не понимаемъ, почему Б. Рэйанъ, словно россійскій сочинитель-обличитель, обозначаетъ какой-то городъ такимъ алгебраическимъ знакомъ!

ліонскомъ, напр., домѣ можно встрѣтить дѣтей не только изъ Франціи, но и изъ Фрейбурга, Женевы, Савойи. А такъ какъ занятія ихъ бѣдныхъ родителей не позволяютъ имъ отлучаться надолго изъ ихъ мѣстожительства, то малютки большею частію отправляются въ воспитательные дома съ оказіей, и есть люди, которые обращаютъ въ промыселъ эту доставку дѣтей. Наемные доставщики обращаются съ ними очень небрежно, и подвергая ихъ голоду, холоду, жару, кладутъ въ организмъ ихъ зерно болѣзней, которыя мѣшаютъ ихъ жизни въ госпиталѣ. Случается даже, что доставщики избавляются отъ хлопотъ доставленія своей ноши тѣмъ, что или бросаютъ ребенка, или убиваютъ. Такъ. Б. Рэйанъ разсказываетъ, что одна женщина съ двумя своими дочерьми промышляла доставкою дѣтей изъ своего мѣстожительства, за 300 миль отъ Лондона, въ лондонскій воспитательный домъ. Дѣти доставлялись крайне небрежно и чрезвычайно страдали отъ дурнаго обращенія съ ними доставщицы. Другой доставщикъ, странствующій мѣдникъ, былъ осужденъ за убійство ребенка, который былъ порученъ ему своимъ отцомъ, за извѣстную плату, для доставки въ лондонскій воспитательный домъ; мѣдникъ дорогой убилъ его.—Понятно, что и эта вторая причина смертности дѣтей въ домахъ для найденышей неустранима до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать въ общественной жизни элементы, поддерживающіе ее, или пока такіе дома не будутъ основаны не только въ каждомъ городѣ, но и въ каждой деревнѣ, чтобы устранить упомянутую доставку дѣтей и занимающихся ею людей.

Третья причина, это — эпидеміи, *необходимо появляющіяся во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ скучены въ большомъ количествѣ дѣти* и особенно въ домахъ для найденышей. Первая изъ этихъ эпидемій—отвердѣніе клѣтчатой ткани—встрѣчается исключительно только въ этихъ заведеніяхъ. «Muguet—гов. Рэйанъ—или афтіозное (молочничное) изъязвленіе рта есть другая форма болѣзни, поражающей и быстро разрушающей этихъ бѣдныхъ найденышей». Кромѣ того, они «сильно страдаютъ отъ воспаленія легкихъ, по истинѣ рокового характера». Слѣдовательно, содержаніе найденышей въ домахъ необходимо влечетъ за собой эпидеміи до того смертоносныя, что даже самые рьяные защитники этихъ домовъ давно уже постарались выдумать особую систему воспитанія найденышей, по которой ихъ, при первой возможности, удаляютъ изъ воспитательнаго дома и отдаютъ въ частныя дома кормилицамъ, большею частію деревенскимъ бабамъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи несостоятельность и смертоносность домовъ для найденышей признаны самыми пламенными ихъ апологистами!

Четвертая причина несчастнаго положенія найденышей въ воспитательномъ домѣ и ихъ громадной смертности есть необходимо свя-

занная съ такими учрежденіями небрежность ухода за дѣтьми. Уходъ за дѣтьми требуетъ большой внимательности, заботливости, искуства, а что можетъ побудить наемныхъ нянекъ и кормилицъ къ постоянной заботливости, къ постояннымъ хлопотамъ о дѣтяхъ! Онѣ дѣлаютъ лишь настолько, на сколько ихъ обязываетъ незначительное жалованье и на сколько необходимо, чтобы ихъ не лишили мѣста. Естественной привязанности къ этимъ ребятамъ, материнской любви въ нихъ нѣтъ, слѣдовательно, не можетъ быть и материнской заботливости о нихъ. Помѣщать же не только всѣхъ, но даже большую часть матерей въ воспитательный домъ невозможно, какъ невозможно довести наемныхъ прислужницъ до необходимой степени заботливости и исправности. Контроль надъ ними будетъ тоже наемный и поэтому болѣе или менѣе равнодушный къ интересамъ ребенка. Да и каковъ долженъ быть по числу этотъ контроль надъ цѣлою ордою прислуги, какую видимъ, напр., въ московскомъ воспитательномъ домѣ, гдѣ служитъ 233 мужчины, 279 женщинъ и 539 кормилицъ, всего 1051 человѣкъ!

Наконецъ, самою главною причиною смертности найденышей, по свидѣтельству всѣхъ знакомыхъ съ этимъ дѣломъ медиковъ, служитъ отсутствіе материнскаго молока и въ особенности кормленіе дѣтей изъ рукъ, тюрей, коровьимъ молокомъ и т. п. Послѣднее гораздо смертоноснѣе даже кормленія грудью деревенской, небрежной, бѣдной и истощенной кормилицы. Виллерме приводитъ слѣдующія данныя, хорошо объясняющія различіе результатовъ разныхъ системъ кормленія. Въ Ліонѣ, гдѣ дѣти всѣ кормятся грудью, смертность ихъ составляетъ 33,7; въ Парижѣ, гдѣ не всѣ кормятся грудью, смертность 50,3; въ Реймсѣ, гдѣ всѣ дѣти кормятся не грудью, а изъ рукъ, смертность ихъ 60,9. Въ лондонскомъ домѣ въ 1741 г. кормившихся грудью умирало 20%, а кормившихся изъ рукъ—54%.

Въ силу этого, во всѣхъ домахъ для найденышей, гдѣ только позволяютъ средства, давно уже принята система кормленія дѣтей грудью наемныхъ кормилицъ. А такъ какъ достать потребное число кормилицъ, которыя согласились бы жить въ самомъ домѣ, невозможно, и такъ какъ одно уже пребываніе въ стѣнахъ воспитательнаго дома смертоносно для дѣтей, то найденышей обыкновенно отдаютъ на прокормленіе деревенскимъ бабамъ. Хотя сельскій воздухъ лѣтомъ и благотворно дѣйствуетъ на дѣтскій организмъ, но это дѣйствіе совершенно парализируется тою небрежностью, съ какою ходитъ за ребенкомъ наемная кормилица, почти всегда обремененная собственными дѣтьми. Часто одна кормилица ухитряется, вопреки правиламъ, кормить двухъ, трехъ, четырехъ найденышей, и кормить ихъ не грудью, а чѣмъ попало—жеванымъ хлѣбомъ, кашей, картофелемъ и т. д. Прибавьте къ этому еще неудобства и лишенія, необходимо связанныя съ бѣдною

крестьянскою обстановкою, неудобства и опасности для здоровья дѣтей, сопряженныя съ переносомъ ихъ въ деревню и обратно,—и окажется, что прокормленіе найденышей деревенскими бабами, неимѣющими возможности надлежащимъ образомъ заботиться даже о своихъ дѣтяхъ, очень немногимъ лучше кормленія ихъ изъ рукъ въ госпиталѣ. Въ XXII книжкѣ „Отечественныхъ записокъ" 1865 года мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о прокормленіи деревенскими бабами найденышей изъ петербургскаго воспитательнаго дома. Крестьянки берутъ себѣ *воспитанниковъ* за 2—за 3 рубля въ годъ. У крестьянокъ такой уговоръ положенъ: которая баба родитъ, та беретъ воспитанниковъ для себя и для другихъ; нынѣ беретъ одна, на будущій годъ другая и т. д. Баба, отправляющаяся за воспитанниками, беретъ, кромѣ своего, еще нѣсколько паспортовъ отъ другихъ бабъ. Сначала получитъ одного ребенка по одному паспорту, потомъ другого по другому и т. д... У кого есть коровы, тѣ кормятъ молокомъ, а если нѣтъ, то калиной, звѣробоемъ, хлѣбомъ жеванымъ и т. д." Такимъ образомъ, если воспитываемые въ деревнѣ умираютъ нѣсколькими процентами менѣе воспитываемыхъ въ домѣ для найденышей, то это нужно отнести почти исключительно къ дѣйствію сельскаго чистаго воздуха.

Апологисты воспитательныхъ домовъ, признавая существованіе всѣхъ упомянутыхъ, смертоносныхъ для найденышей обстоятельствъ, относятъ ихъ къ злоупотребленіямъ, къ явленіямъ, которыя можно устранить. Но ни одинъ изъ этихъ апологистовъ не указалъ еще до сихъ поръ никакихъ дѣйствительныхъ средствъ для устраненія этихъ обстоятельствъ.

Какъ мы видѣли, система безразличнаго принятія законныхъ и незаконныхъ дѣтей усиливаетъ дѣтовыбрасыванье, развращаетъ родителей и обременяетъ государство огромными расходами на содержаніе найденышей, большинство которыхъ въ первые годы жизни погибаетъ. Поэтому и въ Англіи, и во Франціи, и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ бросили наконецъ эту вредную и крайне убыточную систему и стали принимать только незаконныхъ дѣтей. Но что принесенный ребенокъ—незаконнорожденный, это нужно доказать; слѣдовательно, все поведеніе его матери, которое она такъ ревностно старается скрыть, что выбрасываетъ или даже убиваетъ своего любимаго ребенка,—все поведеніе его матери, въ такомъ случаѣ, обнаруживается передъ совершенно посторонними людьми, въ лондонскомъ воспитательномъ домѣ, напр., передъ цѣлой коммисіей. Глупо предполагать, что въ домъ, устроенный по такой системѣ, понесутъ своихъ незаконныхъ дѣтей тѣ матери, которыя убиваютъ или выбрасываютъ ихъ по единственному побужденію скрыть свой стыдъ. А между тѣмъ, заводя такіе дома, устроители ихъ имѣютъ цѣлью прекратить или, по крайней мѣрѣ,

уменьшить дѣтоубійство!—Слѣдовательно, и первая, и вторая системы несостоятельны, а третьей нѣтъ и быть не можетъ.

Далѣе, даже защитниками воспитательныхъ домовъ признаны смертоносными какъ самое пребываніе дѣтей въ этихъ домахъ, такъ и кормленіе ихъ изъ рукъ; поэтому, ихъ не держатъ въ самомъ домѣ, а отдаютъ въ деревню, гдѣ положеніе почти нисколько не улучшается. Слѣдовательно, и та и другая система смертоносны. И никто не скажетъ, что есть средства, не подвергая ребенка явной опасности смерти, кормить его изъ рукъ или держать въ госпиталѣ; равнымъ образомъ, никто не укажетъ дѣйствительныхъ средствъ, могущихъ заставить деревенскихъ кормилицъ кормить ребенка какъ слѣдуетъ; этого невозможно сдѣлать уже по одному тому, что въ окрестныхъ съ домомъ деревняхъ кормилицъ недостаточно, и крестьянки берутъ найденышей только потому, что надѣются не слѣдовать обязательному для нихъ правилу кормить ихъ своею грудью. Слѣдовательно, и пребываніе въ въ деревнѣ смертоносно для найденышей. Равнымъ образомъ смертоносны переносы найденышей въ воспитательный домъ отъ родителей и изъ воспитательнаго дома въ деревню. Конечно, мы согласны съ апологистами домовъ для найденышей, что если принять дѣятельныя мѣры, то можно значительно уменьшить вредность упомянутыхъ обстоятельствъ. Но для этого, прежде всего, необходимо, такъ сказать, усѣять страну домами для найденышей и употреблять на нихъ почти всѣ государственные доходы. Въ Англіи, напр., существуетъ только одинъ воспитательный домъ въ Лондонѣ; въ него ежегодно принимается 37 дѣтей и на нихъ расходуется 51.000 ф. ст.; приносится же дѣтей ежегодно 200; если принимать всѣхъ ихъ, то расходы возвысятся до 275,675 фунтовъ стерлинговъ; это—на 2,800,000 лондонскихъ жителей; если же дома для найденышей учредить равномѣрно по всей Великобританіи, имѣвшей въ 1861 г. болѣе 29,000,000 жителей, то расходы увеличатся до 28,562.658 ф. ст., между тѣмъ какъ ежегодный доходъ Англіи только 64,340,000 ф. ст. *). Московскій воспитательный домъ тратитъ больше 17,000,000 р. асс., существуя главнымъ образомъ для московской губерніи, въ которой въ 1858 г. жителей было 1,599,808 ч.; въ россійской же имперіи въ томъ же году было жителей 66,510,226 человѣкъ; слѣдовательно, если бы дома для найденышей, подобные московскому и съ такимъ же отношеніемъ къ числу жителей, распространить по всей имперіи, то расходовъ на нихъ было бы около 250 милліон. руб. сер. между тѣмъ Россія имѣетъ ежегодныхъ доходовъ только около 400,000,000 рублей! Конечно, представленное нами исчисленіе не совсѣмъ правильно, такъ какъ, во-первыхъ, не по всей Англіи и Россіи такъ же много найденышей, какъ въ Лондонѣ и

*) Петербургскій домъ стоитъ въ годъ до 900,000 руб. сер.

Москвѣ, во вторыхъ, въ лондонскій и въ московскій дома поступаютъ найденыши не изъ однихъ только Лондона и московской губерніи,—но мы все-таки считаемъ выше приведенныя цифры расходовъ по устройству и содержанію воспитательныхъ домовъ во всей Великобританіи и Россіи не только не превышающими ихъ возможной дѣйствительности, но даже стоящими ниже ея. Нужно вспомнить, что въ приведенныя нами цифры не вошли суммы, потребныя на первоначальное устройство домовъ; суммы на ихъ необходимое улучшеніе, напр., на увеличеніе жалованья деревенскимъ кормилицамъ, которыя, напр., изъ петербургскаго воспитательнаго дома получаютъ за каждаго ребенка только по 2—по 3 р. въ годъ; суммы, необходимыя для устройства контроля надъ кормилицами и няньками и т. д. Слѣдовательно, если бы и возможно было сдѣлать требуемыя улучшенія въ институтѣ домовъ для найденышей, то это стоило бы такихъ громадныхъ денегъ, какихъ европейскія государства дать рѣшительно не въ состояніи.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, мы имѣемъ полное право сказать словами Гуфеланда—«keine Findelhäuser, denn Findelhäuser machen Kindermord!» Ибо какое слово приличнѣе *дѣтоубійства* для того истребленія дѣтей, какому они подвергаются въ домахъ для найденышей! И почему же предпочитать этотъ моръ дѣтей въ воспитательномъ домѣ ихъ смерти на улицѣ?.. Да къ тому же, какъ ни много принимается найденышей въ воспитательные дома, количество выбрасываемыхъ и погибающихъ на улицѣ не убываетъ замѣтнымъ образомъ.

Главная цѣль воспитательныхъ домовъ—уменьшеніе размѣровъ дѣтоубійства. Но эта цѣль или совершенно не достигается, или достигается въ степени, почти равной нулю. Когда во Франціи были уничтожены дома въ 23 департам., то дѣтоубійство немного *увеличилось въ 9 департаментахъ, въ 13-ти уменьшилось, а въ 2-хъ осталось на прежней степени.* „Опытъ этотъ—говоритъ Б. Рэйанъ — „былъ повторенъ въ другихъ департаментахъ и *въ результатѣ не оказалось увеличенія дѣтоубійства.*» Точно тотъ же результатъ получился и при закрытіи туровъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Бельгіи. Во Франціи въ три года, предшествовавшіе введенію туровъ, было 82 слѣдствія о дѣтоубійствѣ, а въ три года, слѣдовавшіе за ихъ введеніемъ, 117 слѣдствій. Теперь, если взять страны съ турами, какъ Ирландію, Францію и нѣкоторыя провинціи Бельгіи, и затѣмъ страны безъ туровъ, какъ Англію, Баденъ, Пруссію, нѣкоторыя провинціи Бельгіи, то въ первыхъ оказывается больше дѣтоубійствъ, чѣмъ въ послѣднихъ; 1 дѣтоубійство приходится на 351,321 жителя, а въ послѣднихъ 1 на 426,861 жит. Эти цифры взяты нами изъ книги Б. Рэйана, яраго защитника воспитательныхъ домовъ и въ тоже время противника туровъ и системы безразличнаго принятія. Этими цифрами онъ хочетъ

доказать, что туры вліяютъ на увеличеніе дѣтоубійства, и въ то же время изъ кожи лѣзетъ, стараясь убѣдить читателя, что воспитательные дома безъ туровъ—лучшее средство для уменьшенія дѣтоубійствъ! Ужь если кто признаетъ цѣлесообразность воспитательныхъ домовъ, тотъ необходимо долженъ стоять за туры и за систему безразличнаго принятія, какъ за единственное средство, доставляющее незаконнородившей матери возможность скрыть свой позоръ, изъ страха открытія котораго она убиваетъ или бросаетъ на улицу своего незаконнаго ребенка. Но, по моему мнѣнію, изъ вышеприведенныхъ цифръ нельзя сдѣлать никакого вывода ни за, ни противъ туровъ. Что въ странахъ съ турами больше дѣтоубійства, чѣмъ въ странахъ безъ туровъ, это, во-первыхъ, зависитъ, по всей вѣроятности, не отъ туровъ, а отъ большей или меньшей силы элементовъ и отношеній, порождающихъ дѣтоубійство: вѣдь и въ разныхъ странахъ, вовсе неимѣющихъ туровъ, количество дѣтоубійствъ различно, — въ одной больше, въ другой меньше; во-вторыхъ, приведенное положеніе не совсѣмъ вѣрно, какъ основанное не на цифрѣ дѣйствительныхъ дѣтоубійствъ; въ различныхъ же странахъ необходимо существуютъ и различныя численныя отношенія между количествомъ дѣйствительныхъ преступленій и количествомъ преступленій, подвергнутыхъ суду и слѣдствію,—различіе этихъ отношеній зависитъ отъ степени развитія общественной жизни и, въ особенности, отъ степени совершенства полиціи; слѣдовательно, сравненіе упомянутыхъ цифръ не можетъ привесть къ вѣрному результату. Итакъ, этотъ статистическій пріемъ не годится въ настоящемъ случаѣ ни для доказательства pro, ни для доказательства contra. Повидимому, мы можемъ получать болѣе достовѣрные результаты изъ статистическихъ данныхъ одной и той же страны за время, когда въ ней не было туровъ. Такія свѣдѣнія представлены выше относительно Франціи; но изъ нихъ также нельзя ничего вывести—въ одномъ случаѣ увеличеніе дѣтоубійствъ совпадаетъ со временемъ открытія туровъ, въ другомъ—со временемъ ихъ закрытія, въ третьемъ случаѣ, со временемъ закрытія туровъ совпадаетъ уменьшеніе дѣтоубійствъ. Изъ этихъ данныхъ можно сдѣлать только одинъ логическій выводъ, что увеличеніе или уменьшеніе дѣтоубійства вовсе не зависитъ отъ существованія или несуществованія туровъ. Что же касается вообще домовъ для найденышей и ихъ вліянія на движеніе дѣтоубійства, то современное состояніе статистики и здѣсь не позволяетъ намъ сдѣлать сколько нибудь вѣрнаго вывода. Если читатель взглянетъ еще разъ на приведенныя за нѣсколько страницъ предъ симъ цифры дѣтоубійствъ въ разныхъ странахъ, то увидитъ, что, напр., во Франціи и въ Австріи, въ странахъ, имѣющихъ дома для найденышей, дѣтоубійствъ *больше*, чѣмъ въ Пруссіи и герцогствѣ Гессенъ, въ странахъ, неимѣющихъ упомянутыхъ домовъ. Но заключать отсюда, что дома для

найденышей увеличивають дѣтоубійства невозможно уже по одному тому, что въ Англіи, обходящейся безъ воспитательныхъ домовъ, *гораздо болѣе* дѣтоубійствъ, чѣмъ въ странахъ, снабженныхъ такими учрежденіями. И ни одинъ защитникъ этихъ домовъ не доказалъ еще цифрами, что они уменьшаютъ размѣры дѣтоубійства. Мы же думаемъ, что существованіе воспитательныхъ домовъ не уменьшаетъ количества дѣтоубійцъ и плодоизгнателей, какъ богадѣльни не уменьшаютъ количества нищихъ. И безъ всякихъ цифръ, совершенно à priori, можно доказать, что существованіе такихъ домовъ нисколько не уменьшаетъ дѣтоубійства, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ его видовъ. Люди, убивающіе своихъ дѣтей съ цѣлью получить за нихъ премію изъ погребальнаго клуба, не имѣютъ никакихъ основаній не совершать дѣтоубійства потому, что въ ихъ городѣ или дистриктѣ есть домъ для найденышей,—въ этомъ согласится съ нами всякій. Далѣе, существованіе такого дома не можетъ нисколько помѣшать совершенію дѣтоубійства такими лицами, которыя дѣйствуютъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ болѣзненныхъ припадковъ, какъ, напр., всѣ незаконнородившія женщины и дѣвушки, люди, доведенныя бѣдностью до отчаянія; дѣтоубійцы-отцы, совершающіе преступленіе подъ вліяніемъ ревности; люди, убивающіе дѣтей въ пьяномъ видѣ и т. д. Далѣе, незаконнородившія матери, убивающія своихъ дѣтей при самомъ ихъ появленіи на свѣтъ или вскорѣ послѣ того, стараются только о томъ, чтобы никто не зналъ объ этомъ фактѣ; поэтому, въ огромномъ большинствѣ случаевъ такія дѣтоубійцы скрываютъ и беременность, и роды. Если же мать захочетъ отдать своего незаконнаго новорожденнаго ребенка въ воспитательный домъ, то она почти всегда не въ состояніи сдѣлать этого тотчасъ послѣ рожденія; ребенокъ долженъ пробыть у ней нѣсколько времени, и поэтому фактъ его рожденія сдѣлается извѣстнымъ не только семейству родильницы, но и постороннимъ людямъ. Послѣ этого, мать хоть не отдавай его въ домъ для найденышей, — все равно, ея жизнь уже опозорена, ея честь отнята у ней нахально толпою фарисеевъ-обывателей!—Слѣдовательно, если бы и удалось довесть дома для найденышей до желанной степени совершенства, то и тогда они немогли бы не только искоренить дѣтоубійства, но даже уменьшитѣ его въ сколько нибудь значительной степени.

VIII.

Обобщая все сказанное нами о дѣтоубійствѣ въ современной Европѣ, мы видимъ, что главная и основная причина широкой распространенности и постепеннаго возрастанія этого ужаснаго преступленія заключается въ *бѣдности*. Мы видимъ, что эта основная причина дѣй-

ствуетъ весьма разнообразно, даетъ непосредственные и посредственные результаты. Люди убиваютъ дѣтей потому, что ни имъ самимъ, ни этимъ дѣтямъ ѣсть нечего, и родителямъ невыносимо смотрѣть на страданія малютокъ,—страданія, быстро приближающія ихъ къ смерти. И родители сокращаютъ эти мученія ребенка, предупреждаютъ его смерть отъ голода или болѣзней, неразлучныхъ съ ихъ нищенскимъ образомъ жизни. Далѣе — бѣдная мать, вѣчно занятая работою, не имѣетъ времени много ходить за ребенкомъ, и чтобы избавить его отъ безпомощныхъ криковъ и мученій, она даетъ ему разныя снотворныя средства, которыя погружаютъ его въ вѣчный сонъ. Такая мать совершаетъ непредумышленное убійство и совершаетъ его по *бѣдности*. Другой, чрезвычайно распространенный видъ непредумышленнаго дѣтоубійства,—заспаніе дѣтей въ постелѣ, имѣетъ свою причину также въ бѣдности, — въ тѣснотѣ квартиръ, въ истомленности матерей отъ работы, истомленности, нагоняющей на нихъ мертвецкій сонъ и т. д. Дѣтоубійцы, совершающіе преступленіе изъ корысти, напр., тѣ, которые, убивая своихъ дѣтей, желаютъ разжиться преміей изъ погребальныхъ клубовъ, — отцы незаконныхъ дѣтей, убивающіе ихъ, чтобы не тратиться на ихъ прокормленіе, — отцы и матери, изгоняющія свой плодъ потому, что содержаніе многочисленной семьи имъ не подъ силу,—всѣ такіе и имъ подобные дѣтоистребители доводятся до своихъ злодѣяній ничѣмъ инымъ, какъ бѣдностью. Кромѣ такого непосредственнаго вліянія на распространеніе и усиленіе дѣтоубійства, бѣдность имѣетъ еще громадное вліяніе въ томъ же направленіи. Она усиливаетъ и доводитъ до безобразныхъ размѣровъ пьянство, притупленность нравственныхъ и физическихъ чувствъ, производитъ болѣзненную раздражительность, жестокость характера, даже повергаетъ людей въ сумасшествіе, — а все это сильно содѣйствуетъ совершенію разсматриваемыхъ злодѣяній. Далѣе, бѣдность усиливаетъ половой развратъ, разрушаетъ семейную жизнь, производитъ громадное число незаконныхъ рожденій, — а все это ведетъ за собою дѣтоубійство, и ведетъ широкими путями. Во-первыхъ, чѣмъ болѣе нищенское состояніе народа производитъ незаконныхъ дѣтей, тѣмъ болѣе ихъ убивается по недостаточности, особенно въ чрезвычайно многочисленныхъ случаяхъ, когда незаконныя дѣти отвергнуты своими отцами и ихъ воспитаніе лежитъ на заботѣ ихъ неимущихъ матерей. Во-вторыхъ, много незаконныхъ дѣтей, явившихся на свѣтъ результатомъ бѣдности, умерщвляется ихъ матерями изъ страха стыда и ради спасенія своей половой чести. Дѣтоубійство послѣдняго рода совершается, правда, и достаточными людьми, но все таки такихъ дѣтоубійствъ больше въ бѣдныхъ, чѣмъ въ зажиточныхъ классахъ. Имущему человѣку менѣе представляется необходимости замѣнять браки внѣбрачными связями, у имущихъ людей, поэтому, и менѣе незаконныхъ дѣтей. При это мъ

впрочемъ, нужно замѣтить что убійствъ незаконнорожденныхъ дѣтей потому только больше въ низшихъ, чѣмъ въ высшихъ классахъ, что въ первыхъ гораздо больше этихъ дѣтей, чѣмъ въ послѣднихъ. Если же бы незаконныхъ дѣтей было равное число и въ высшемъ, и въ низшемъ классѣ, и при этомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ эти классы сохранили бы нынѣшнее statu quo, то въ высшемъ классѣ убійствъ незаконныхъ дѣтей было бы гораздо больше, чѣмъ въ низшемъ. Въ высшихъ слояхъ европейскаго общества несравненно сильнѣе развиты чувство стыда, зависимости отъ общественнаго мнѣнія, чѣмъ въ тѣхъ поддонкахъ общества, которые у нашихъ предковъ назывались *подлымъ народомъ*.

Такимъ образомъ, бѣдность и отверженность, позорность внѣбрачнаго рожденія исчерпываютъ собою всѣ причины современнаго дѣтоубійства, которое такъ пугаетъ Европу своимъ постепеннымъ возрастаніемъ. Великъ этотъ ужасъ, это смущеніе, нагоняемое дѣтоубійствомъ. О немъ разсуждаютъ на конгрессахъ соціальныхъ наукъ, ежегодно пишутъ сотни статей, брошюръ и книгъ; въ Англіи начали даже основывать особыя общества для противодѣйствія ему. Но во всемъ этомъ мало толку. Люди не видятъ, по своему тупоумію, или не хотятъ показать другимъ, по своимъ разсчетамъ, истинной причины зла. Одни указываютъ, какъ на причину—на ослабленіе каръ закона, напр., докторъ Боркъ Рэйанъ; другіе указываютъ на отсутствіе домовъ для найденышей; третьи—на существованіе этихъ домовъ и т. д. Всѣ эти господа, представляя такія причины усиленія дѣтоубійства, конечно, не задумываются въ изобрѣтеніи ему противоядій... Мы же не хотимъ быть такими изобрѣтателями, не хотимъ, подобно шарлатанамъ-медикамъ, прописывать пластырь для заживленія ранъ, являющихся результатомъ патологическихъ страданій всего общественнаго организма. Пока не измѣнятся соціальныя отношенія, пока народныя массы не поднимутся изъ бѣдности и не разовьются нравственно, пока не освободится женщина, пока современная цивилизація не вступитъ на болѣе высокую ступень своего развитія,—до тѣхъ поръ ужасная болѣзнь дѣтоистребленія неизбѣжна, неизлечима, неискоренима, какія бы пожертвованія ни дѣлала филантропія для ея предваренія и какихъ бы мѣръ ни выдумывали юристы для борьбы съ нею.

III

ПРОСТИТУЦІЯ.

ПРОСТИТУЦІЯ.

I.

Промыселъ разврата, или проституція, есть одно изъ ужаснѣйшихъ золъ, разъѣдающихъ общество. Эта торговля живымъ человѣческимъ мясомъ возмущаетъ душу и своимъ характеромъ, и своими причинами, и своими губительными результатами. Ненормальныя условія жизни порождаютъ въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ и отдѣльныхъ личностяхъ неестественное, чрезмѣрное раздраженіе полового инстинкта, страсть разврата, постепенно возрастающую и требующую постояннаго разнообразія удовольствій. Этимъ одержимы преимущественно богатые, хорошо обстановленные, мало занятые классы. Рядомъ съ ними стоитъ въ этомъ отношеніи масса неимущихъ бѣдняковъ и пролетаріевъ, забитыхъ нищетой, сплошь и рядомъ лишенныхъ возможности наслаждаться радостями брачной жизни и стремящихся утопить свое вопіющее горе въ винѣ или заглушить его въ оргіяхъ копѣечнаго разврата. Кромѣ того, во всѣхъ почти культурныхъ обществахъ есть цѣлые, часто чрезвычайно многочисленные классы лицъ, на которыхъ религія или государственный законъ налагаютъ обязанность постояннаго или временнаго безбрачія, таковы, напр., духовенство буддійское и католическое, таковы многія арміи. Природа, да вдобавокъ еще развращенная природа, беретъ свое, и эти классы становятся однимъ изъ самыхъ главныхъ возбудителей и покупателей разврата. Сюда же слѣдуетъ отнести и тѣхъ людей, которыхъ разныя обстоятельства и самый родъ ихъ занятій лишаютъ на долгій и, во всякомъ случаѣ, на непривычный для нихъ срокъ возможности удовлетворять половой потребности, а затѣмъ, поставивъ ихъ на время въ благопріятную для этого обстановку, снова до удобнаго случая принуждаютъ ихъ къ воздержанію. Это матросы, странствующіе купцы, путешественники, вы-

пущенные на свободу послѣ долговременнаго заключенія арестанты и т. д. По той же дорогѣ идетъ и большинство лицъ, которыя почему нибудь не могутъ или не хотятъ устроить себѣ брачную жизнь, а также тѣ, кого бракъ не удовлетворяетъ. Наконецъ—и это относится преимущественно къ женщинамъ — развратъ и незаконная половая связь являются болѣзненной реакціей природы нѣкоторымъ условіямъ общественной и семейной жизни. Законъ и обычай всегда строже къ поведенію женщинъ, чѣмъ къ поведенію мужчинъ. У грубыхъ, неразвитыхъ народовъ женщина—вещь, которую, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, продаютъ, отдаютъ на подержаніе, выбрасываютъ на улицу, какъ негодную собаку, принуждаютъ во всемъ повиноваться чужой волѣ, нисколько не соображаясь ни съ ея чувствами, ни съ ея желаніями. Какъ дочь,—она рабыня отца, какъ жена—рабыня мужа, какъ наложница—рабыня своего содержателя, какъ женщина—рабыня всѣхъ мужчинъ, составляющихъ государство, издающихъ законы, заправляющихъ дѣлами религіи. Женихъ или захватываетъ ее силою, или покупаетъ у ея родителей, и она обязана жить съ нимъ, какъ бы невыносимъ онъ ни былъ для нея. Родительская власть въ такомъ архаическомъ семействѣ заправляетъ брачными дѣлами дѣтей, удерживаетъ ихъ отъ браковъ по любви, часто соединяетъ съ лицами, ненавистными для нихъ, или же, по какимъ нибудь соображеніямъ, а нерѣдко по одному глупому самодурству, ставитъ ихъ въ невозможность удовлетворять развившейся уже половой склонности посредствомъ какого бы то ни было брака. У женщины естественно возникаетъ реакція противъ такихъ правилъ; она стремится къ свободѣ чувства, хочетъ во что бы то ни стало быть *любящимъ лицомъ*, а не *любимою только вещью*. Нелюбящая мужа жена увлекается преступною любовью постороннихъ, нравящихся ей мужчинъ, нерѣдко поступая такъ по одному только желанію отомстить мужу или за его неосновательную ревность, или за свою унизительную неволю. Дочь, желающая выйти замужъ и недопускаемая до этого родителями или обстоятельствами, будучи не въ силахъ удерживать порывы своей страстной натуры, отдается секретно любовнику. Конечно, связь по любви съ однимъ мужчиной не развратъ еще; но громадное большинство подобныхъ женщинъ съ дѣтства поставлено въ такія условія, которыя или прямо развиваютъ въ нихъ однѣ только наклонности къ грубымъ половымъ удовольствіямъ, несоединеннымъ ни съ какой нравственной симпатіей къ любовнику, или же вынуждаютъ ихъ изливать неудовлетворенную надлежащимъ образомъ страсть на каждаго мужчину, сколько нибудь подходящаго къ ихъ вкусу. Во всякомъ случаѣ, если при развитіи такихъ стремленій между женщинами, упомянутыя стѣснительныя для нихъ условія архаическихъ порядковъ не измѣняются къ лучшему, то увеличивается женскій развратъ, подаетъ руку безнравственности мужчинъ, и вмѣстѣ,

соединенными усиліями, они потрясаютъ основы архаическаго семейства и проникнутой его принципами общественной жизни. Точно такъ же вѣдь и въ другихъ соціальныхъ сферахъ извѣстное зло производитъ другое, разрушительное для него зло, которое и заставляетъ людей исправить прежніе порядки. Прогрессъ не всегда состоитъ въ созданіи новаго, а часто ограничивается пока одною только порчею отжившей старины, и зло часто служитъ неизбѣжнымъ спутникомъ являющагося на свѣтѣ блага. Исторія представляетъ намъ нѣсколько эпохъ, отличающихся особенными успѣхами женской эманципаціи. Но большая часть этихъ эпохъ отмѣчена въ тоже времясильною развращенностью нравовъ и крайнею шаткостью семейныхъ началъ. Никогда въ древности развратъ не достигалъ такихъ отвратительныхъ размѣровъ, какъ въ послѣднюю эпоху Рима, и съ тѣмъ вмѣстѣ, никогда въ древности женщина не пользовалась такими правами и такой свободой. Въ средніе вѣка и въ періодъ возрожденія развратъ былъ развитъ въ высшей степени, а женщины имѣли значительную долю самостоятельности. Въ XVII и XVIII в. Европа была развращена до мозга костей, и въ то же время женщины управляли государствами, вліяли на политику и литературу, дамскіе салоны были центрами разума и прогресса. Да не подумаетъ проницательный россіянинъ, что все это говорится нами въ защиту разврата, ради разрушенія семейства и тому подобныхъ нелѣпостей, или что мы считаемъ развратъ неразлучнымъ спутникомъ женской эманципаціи. Мы только указываемъ на несомнѣнные историческіе факты, свидѣтельствующіе, что если естественныя и законныя стремленія человѣка вообще лишены возможности выйти на свободу путемъ мира и чести, то они вырываются путемъ порока и преступленія.

Такъ возникаетъ и развивается *спросъ* на половой развратъ. Какія же причины порождаютъ *предложеніе*, производятъ проституцію? За рѣшеніемъ этого вопроса мы обратимся сначала къ исторіи.

Проституція есть результатъ извѣстныхъ соціальныхъ порядковъ; у народовъ, стоящихъ на низшей степени общественнаго развитія, нѣтъ и проституціи, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, въ какой она появляется съ началомъ цивилизаціи. Представьте себѣ племя, разбитое на отдѣльныя семейства, постоянно переходящія съ мѣста на мѣсто, отдѣленныя пустынями отъ другихъ людей, круглый годъ занятыя заботами о своемъ пропитаніи. Кто и съ кѣмъ будетъ тутъ проститутничать? У каждаго мужчины есть жена, которая постоянно при немъ, и которою онъ вполнѣ удовлетворяется. У такихъ изолированныхъ дикихъ племенъ, которыхъ, нужно замѣтить, очень немного, замѣтна и первобытная чистота нравовъ и слабость половыхъ возбужденій, какъ результатъ постоянныхъ физическихъ трудовъ и нѣкоторыхъ особенностей первобытной женщины, которая ни по физіономіи, ни по го-

лосу, ни по размѣрамъ тѣла, ни по платью почти вовсе не отличается отъ мужчины; а извѣстно, что въ исторіи развитіе половой любви идетъ паралельно съ развитіемъ половыхъ отличій. Когда же семьи соединяются въ роды и племена, когда усовершенствованія матеріальной культуры окружаютъ людей извѣстнымъ довольствомъ, когда мужчина получаетъ возможность добывать и содержать много женъ и, наслаждаясь лѣнью, сваливать всѣ труды на ихъ спину, когда начинаются войны, торговля и другія сношенія съ чуждыми племенами и народами, когда развивается рабство и господамъ выпадаютъ на долю праздность, довольство и одна забота о наслажденіяхъ, — тогда являются развратъ и проституція, замѣчаемыя въ настоящее время у большинства дикихъ народовъ. „Пьянство и половой развратъ развиты вообще у нихъ въ высшей степени,“ говоритъ Вайцъ. У множества дикарей незамужняя женщина не только можетъ распутничать сколько ей угодно, но даже чѣмъ больше у нея любовниковъ, тѣмъ больше чести ей. Въ языкѣ бушменовъ и бечуановъ нѣтъ даже отдѣльныхъ словъ для выраженія отдѣльныхъ понятій женщины и дѣвушки. У многихъ племенъ очень распространены скандалезные танцы, и европейскій канканъ, какъ извѣстно, заимствованъ отъ полинезійцевъ. Онанизмъ, педерастія и скотоложство также не рѣдкость. Такое развитіе полового разврата стоитъ въ непосредственной связи съ развитіемъ международныхъ сношеній. Такъ, педерастія и другіе пороки этого рода, неизвѣстные прежде у негровъ, только недавно введены къ нимъ турками. У индійцевъ сѣверной Америки развращенность и проституція появились съ особенною силою только послѣ нашествія европейцевъ. И въ Америкѣ, чѣмъ ближе къ морю живутъ индійскія племена, тѣмъ они развращеннѣе, чѣмъ дальше отъ него, тѣмъ цѣломудреннѣе. Грубый развратъ, въ которомъ обвиняютъ южно-американцевъ, развитъ между ними главнымъ образомъ испанцами. Въ Африкѣ, чѣмъ удаленнѣе негры отъ вліянія бѣлыхъ, тѣмъ менѣе между ними половыхъ излишествъ и всякой развращенности. Такое вліяніе производитъ на дикарей не одно только столкновеніе съ какимъ нибудь болѣе цивилизованнымъ народомъ, напр. съ европейцами или турками, но и со всякимъ чужимъ племенемъ. Военная шайка, охотникъ, купецъ, бездомный странникъ, удалившіеся надолго изъ своего семейства и попавшіе къ чуждому народу, нуждаются въ женщинахъ. Патріархальное гостепріимство извѣстно: хозяинъ радушно принимаетъ каждаго прохожаго, каждаго чужестранца, даже своего кровнаго врага, предлагая ему все лучшее, что есть у него. Поступая такимъ образомъ, онъ надѣется, что если и самъ будетъ когда нибудь находиться въ подобномъ положеніи, то и ему будутъ оказаны точно такія же услуги. Кромѣ того, у многихъ племенъ путешественникъ даритъ хозяевъ за свое угощеніе. И мнѣ кажется, что однимъ изъ главнѣйшихъ основа-

ній пресловутаго патріархальнаго гостепріимства служитъ то обстоятельство, что большинство путешественниковъ отправляется въ чужую землю съ торговыми цѣлями, или, во всякомъ случаѣ, не прочь поторговать съ жителями мѣстностей, въ которыхъ имъ приходится останавливаться. Въ первичныя эпохи цивилизаціи купецъ является благодѣтелемъ народа, къ которому онъ пріѣзжаетъ издалека съ товарами. При всей тогдашней ненависти къ иностранцамъ и подозрительной боязни ихъ, купца всюду принимаютъ съ распростертыми объятіями, стараясь доставить ему всевозможныя удобства и тѣмъ побудить его къ торговымъ поѣздкамъ на будущее время. Однимъ изъ главнѣйшихъ удобствъ служитъ тогда возможность половыхъ удовольствій, особенно для тѣхъ, которые подолгу принуждены жить на чужбинѣ, какъ, напр., торговцы, пріѣзжавшіе къ норманнамъ и остававшіеся у нихъ цѣлую зиму, пользуясь гостепріимствомъ хозяевъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, обычай гостепріимства, а съ другой, нужда и разсчетъ заставляютъ дикаря отдавать свою жену, дочь и сестру путешественнику. Такой обычай мы видимъ у большинства дикихъ народовъ, напр. у гренландцевъ, сибирскихъ тунгусовъ и т. д. У жителей Африки угощеніе женами своихъ гостей и пріятелей въ очень большомъ ходу, и эта проституція развита особенно въ странахъ, много посѣщаемыхъ европейцами. Сильнѣе всего она въ Конго и на Золотомъ берегу. Существовала она также у европейскихъ варваровъ и часто носила характеръ настоящаго промысла, такъ какъ развратомъ дочери или жены кормились ея родители или мужъ. Въ большинствѣ случаевъ побужденіемъ къ такому торгу является бѣдность, но часто также и желаніе родителя или мужа добыть отъ гостя водки, табаку или какую нибудь бездѣлушку. Сами женщины не всегда остаются безучастными въ этомъ промыслѣ; извѣстна страсть дикарокъ къ разнымъ блестящимъ украшеніямъ, въ родѣ зеркальцевъ, бусъ, мишуры и т. д. Пріученныя семейною властью къ промыслу развратомъ, онѣ скоро начинаютъ заниматься имъ и самостоятельно и секретно отъ семьи, или съ ея вѣдома и для ея пользы. Такъ напр., на островахъ Южнаго океана и у мальгашскихъ племенъ „женщины въ высшей степени нецѣломудрены и продажны“, что, однако, не возстановляетъ противъ нихъ семействъ, пользующихся выгодами такого промысла. Такъ, у американскихъ индійцевъ проституція замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ, подъ вліяніемъ бѣлыхъ и изъ-за денегъ, достигла большихъ размѣровъ. У нѣкоторыхъ бразильцевъ странника, тотчасъ послѣ его прихода, окружаютъ женщины и поютъ: „ты взялъ на себя такъ много труда, чтобы придти къ намъ! Ты добрый, храбрый человѣкъ и ты принесъ съ собой такія прекрасныя вещицы!“ Эти прекрасныя вещицы всегда производятъ свое дѣйствіе на женщинъ если, только того пожелаетъ гость. Возникшая такимъ образомъ домашняя проституція постепенно рас-

ширяетъ кругъ своихъ дѣйствій, и родители или мужья начинаютъ предлагать своихъ женъ не однимъ только гостямъ и иностранцамъ и, не изъ-за однихъ только денегъ. Какой нибудь завоеватель или могущественный родовой князекъ нуждается въ женщинахъ; отцы и мужья предлагаютъ ему своихъ супругъ и дочерей, желая или пріобрѣсть тѣмъ его милость, или оградить себя отъ его произвола. Въ библіи разсказывается нѣсколько фактовъ, какъ родители избавляются отъ враговъ, откупаясь невинностью своихъ дочерей. Такъ, когда два чужестранца остановились переночевать у жившаго въ Содомѣ Лота и когда жители города, окруживъ его домъ, начали съ враждебнымъ намѣреніемъ требовать, чтобы гости вышли и показались имъ, то Лотъ отвѣчалъ обывателямъ: „умоляю васъ, не дѣлайте зла этимъ чужестранцамъ! У меня есть двѣ невинныя дочери; я приведу вамъ ихъ, дѣлайте съ ними что угодно, только оставьте въ покоѣ моихъ гостей!“ (Бытія XIX, 7). Въ другомъ подобномъ случаѣ, отданная такимъ образомъ на жертву, для избавленія гостя отъ опасности, дѣвушка, подвергшись половымъ злоупотребленіямъ въ теченіе цѣлой ночи, къ утру умерла. У многихъ народовъ проституція связана съ бракомъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что за прелюбодѣяніе жены мужъ имѣетъ право взыскивать денежную виру съ ея любовника. И нерѣдко мужья превращаютъ этотъ обычай въ промыселъ, поощряютъ женъ къ разврату, ловятъ любовниковъ и, на основаніи закона, обираютъ ихъ. Многіе негры сильно спекулируютъ своими женами. Негръ посылаетъ жену въ такую мѣстность, гдѣ ее не знаютъ. Она окружаетъ себя любовниками. Черезъ нѣсколько времени приходитъ мужъ, ловитъ этихъ любовниковъ и беретъ съ нихъ штрафъ. Нерѣдко голый бѣднякъ дѣлается, благодаря такой спекуляціи, богачомъ. Если любовнику нечѣмъ откупиться отъ мужа, то онъ поступаетъ къ нему въ рабство. Наконецъ, одною изъ причинъ домашней проституціи служитъ суевѣріе. У всѣхъ народовъ въ періодъ ихъ младенчества боги и полубоги разгуливаютъ по землѣ въ образахъ человѣческихъ и нерѣдко ухаживаютъ за земнородными женщинами. Отъ такихъ связей происходитъ часто потомство, превосходящее другихъ людей необычайною силою и тому подобными достоинствами, составляющими идеалъ человѣка въ первобытномъ обществѣ. А такъ какъ всякій мужъ и всякая жена желаютъ имѣть по возможности хорошихъ дѣтей, то хозяйки, съ согласія своихъ владыкъ, а иногда самовольно стараются завести интрижку съ чужестранцемъ, который на время пріютился въ ихъ жилищѣ, и въ которомъ они почему нибудь подозрѣваютъ бога, героя или богатыря. У всѣхъ народовъ есть сказанія о подобныхъ связяхъ и хорошихъ результатахъ ихъ для тѣхъ семействъ и племенъ, женщины которыхъ приходились по вкусу упомянутымъ божественнымъ странникамъ. У норманновъ была легенда, свидѣтельствующая о сильной распространенности этой прос-

титуціи между варварами, и приписывавшая такой связи высшихъ существъ съ женщинами происхожденіе общественнаго строя. Гримдалль, странствуя по землѣ, приходитъ къ старымъ супругамъ Ай и Эддѣ; черезъ девять мѣсяцевъ послѣ его посѣщенія, Эдда родила мальчика Треля (рабъ), съ черною и грубой кожей, горбатаго и безобразнаго, сдѣлавшагося родоначальникомъ рабовъ. Приходитъ Гримдалль въ другой домъ, и хозяйка его Амма рождаетъ черезъ девять мѣсяцевъ сына, здороваго и веселаго, который быстро ростетъ, обуздываетъ быковъ, дѣлаетъ плуги, телѣги, дома, амбары, обработываетъ землю и становится родоначальникомъ крестьянъ. Идетъ Гримдалль дальше и приходитъ къ третьимъ супругамъ. Хозяйка черезъ девять мѣсяцевъ рождаетъ сына Ярла, который благополучно ростетъ, учится употребленію оружія, объѣзжаетъ лошадей, охотится, завоевываетъ страну и дѣлается родоначальникомъ дворянъ.

Такимъ образомъ, прежде всего возникаетъ семейная проституція; антрепренерами ея вмѣстѣ съ родителями и мужьями являются рабовладѣльцы. Съ рабынею, пріобрѣтенною путемъ войны или купли, церемонятся не больше, чѣмъ съ дочерью или женою. Коль скоро сношенія съ иностранцами и запросъ на развратъ достигаютъ значительныхъ размѣровъ, рабовладѣльцы тотчасъ пускаютъ въ ходъ своихъ рабынь, угощая ими гостей и предлагая ихъ за извѣстную плату всѣмъ желающимъ. Въ Дагомеѣ даже самъ король содержитъ такіе непотребные дома, выручая съ нихъ значительныя суммы. Такимъ же промысломъ занимаются и повелители уаксавовъ въ южной Каролинѣ, а въ древности за него брались иногда даже блистательные фараоны Египта. Рамзесъ торговалъ своей дочерью; царь Хеопсъ, совершенно промотавшись на постройку пирамиды, не могъ найти другого средства для поправленія финансовъ, кромѣ красоты своей дочери. Она принуждена была проститутничать и выручкою обогащать своего папашу. Когда такимъ образомъ сильные міра забираютъ въ свои руки промыселъ разврата, то проституція семейная начинаетъ переходить въ публичную, существуя однакожъ все-таки для иностранцевъ главнымъ образомъ, а не для туземцевъ, достаточно снабженныхъ женщинами. Съ развитіемъ государственной власти, она беретъ на себя главное попеченіе о чужеземцахъ и старается доставить имъ возможность половыхъ удовольствій, подобно тому, какъ въ первичную эпоху народной жизни главы семей угощаютъ путешественниковъ своими женами, дочерьми, или рабынями. Гостепріимная проституція обращается въ общественный обычай, даже въ государственный законъ. Въ торговыхъ городахъ Африки, въ Средней Азіи — купцу или путешественнику даютъ женщинъ на все время его пребыванія въ этихъ мѣстностяхъ. Въ Персіи эта чисто-проституціонная форма брака получила даже религіозный характеръ; здѣсь можно жениться не только

на нѣсколько мѣсяцевъ или дней, но даже на нѣсколько минутъ, и муллы, благословляющіе подобные браки, какъ настоящіе сводни, имѣютъ у себя особыя комнаты, отдаваемыя новобрачнымъ за извѣстную плату. Даже у персидскихъ несторіянъ родители сплошь и рядомъ предлагаютъ иностранцамъ на извѣстное время своихъ дочерей, и такіе проституціонные браки заключаются въ присутствіи священниковъ. У кафровъ, готентотовъ, индійцевъ, у жителей Мекки, словомъ у большинства нецивилизованныхъ народовъ мы видимъ то же самое явленіе. У дикарей женщины доставляются родителями, въ обществахъ же, обладающихъ какою нибудь государственною организаціею, о проституціонномъ продовольствіи иностранцевъ часто заботится само правительство. Такимъ образомъ, возникаетъ проституція публичная, которая у многихъ народовъ появляется очень рано въ ихъ исторіи, и которою занимаются вдовы, рабыни, отпущеницы, сироты, подкидыши и тому подобныя подневольныя или совершенно безпомощныя личности, вынуждаемыя нищетою продавать свое тѣло. Такъ, на европейскомъ сѣверѣ публичныя женщины появляются еще въ древности, сначала онѣ были изъ рабынь и отпущеницъ, а потомъ и изъ свободныхъ. Въ Алжиріи, гдѣ проституція развита съ древности въ высшей степени, этимъ промысломъ занимаются преимущественно замужнія женщины, прогнанныя своими мужьями или торгующія собой съ ихъ согласія, вдовы, сироты, отпущеницы и т. д. Каждое племя имѣетъ извѣстное число проститутокъ, обложенныхъ данью. Въ большинствѣ случаевъ, причиною продажнаго разврата служитъ здѣсь, какъ и вездѣ, бѣдность; нѣкоторыя проституничаютъ для того, чтобы составить себѣ приданое и затѣмъ выходятъ замужъ. У большинства же культурныхъ народовъ Востока, на шеѣ которыхъ сидятъ сильныя жреческія касты, публичная проституція превращается въ религіозную и эксплуатируется духовенствомъ. Непотребный домъ отъ семейнаго очага переносится въ храмъ божества. Выше мы уже указали одну точку соприкосновенія проституціи съ вѣрованіями первобытныхъ народовъ. Вѣра въ возможность половой любви между богами и прельстившими ихъ женщинами не умираетъ съ возникновеніемъ цивилизаціи; подобные мифы лежатъ даже въ основаніи нѣкоторыхъ религій. Половая любовь не только служитъ однимъ изъ главныхъ предметовъ мифическихъ сказаній, но и имѣетъ свои спеціальныя божества, очень сильныя и вліятельныя, богослуженіе которымъ состоитъ въ извѣстныхъ обрядахъ, изображающихъ любовную страсть и въ принесеніи величайшихъ женскихъ сокровищъ, — дѣтей и дѣвственности, въ жертву этимъ божествамъ. Въ Перу, Индустанѣ, Тибетѣ и др. странахъ, независимо отъ вышеупомянутой жертвы, но на томъ же основаніи, возникаетъ институція весталокъ, — дѣвушекъ, посвященныхъ на служеніе богамъ и связанныхъ обѣтомъ вѣчнаго цѣломудрія. Но

въ большинствѣ случаевъ это цѣломудріе существуетъ только въ легендахъ. Перуанскія весталки, напримѣръ, выбирались изъ красивѣйшихъ дочерей дворянъ для поддержанія вѣчнаго огня на алтаряхъ солнца и давали обѣтъ пожизненнаго цѣломудрія; но изъ ихъ же числа инка выбиралъ для своего гарема наложницъ, число которыхъ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ. Въ Индустанѣ тысячи невинныхъ дѣвушекъ, часто изъ лучшихъ фамилій страны, посвящаются богамъ, растлѣваются браминами, и затѣмъ остаются при храмахъ, сколько для религіозныхъ услугъ, столько же и для утѣхи жрецовъ. Толпы этихъ баядерокъ съ музыкой, пѣснями и танцами шатаются по странѣ, возбуждая сладострастіе и удовлетворяя его за деньги; нѣкоторыя изъ нихъ выручаютъ большія суммы. Въ древнемъ Вавилонѣ жрецы дѣйствовали еще лучше, захвативъ здѣсь всю проституцію въ свои руки; по закону, сочиненному, конечно, ими, каждая вавилонянка была обязана однажды въ своей жизни проводить извѣстное время въ храмѣ Милиты, или Венеры, отдаваясь за деньги каждому желающему изъ иностранцевъ, толпы которыхъ постоянно тѣснились на этомъ религіозномъ базарѣ порока. Деньги, вырученныя этими временными проститутками, поступали на алтарь богини, а оттуда въ карманы жрецовъ. Такой же проституціонный культъ существовалъ еще въ Египтѣ, Финикіи, Карфагенѣ, Арменіи, Персіи, по временамъ въ Палестинѣ, словомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ международныя сношенія были развиты, а духовенство достаточно сильно для того, чтобы захватить въ свои руки выгодный промыселъ разврата. На всемъ обширномъ пространствѣ Востока, на разныхъ нарѣчіяхъ пѣлись гимны божествамъ половыхъ наслажденій, и каждое такое богослуженіе сопровождалось или тѣлеснымъ самоистязаніемъ молящихся, или свальнымъ грѣхомъ *). Жреческія касты сильнѣе всего содѣйствовали развращенію народа и развитію проституціи. Они умѣли пользоваться половыми инстинктами людей ради своихъ интересовъ. Въ качествѣ лекарей, они давали средства противъ полового безсилія, помогали женщинамъ въ родахъ, устрояли возбудительныя, сладострастныя мистеріи и т. д. Суевѣрные поклонники доставляли имъ безпрекословно своихъ дочерей и своихъ женъ. На малабарскихъ островахъ невѣста раджи до сихъ поръ отдается сначала на три дня верховному жрецу, а потомъ уже поступаетъ къ своему мужу. Магометанинъ съ радостью

*) Относительно упомянутаго самоистязанія и его связи съ развратомъ, можетъ дать отвѣтъ только человѣкъ, обладающій спеціальными свѣдѣніями въ физіологіи. Я же укажу только на тотъ общеизвѣстный фактъ, что розги возбудительно дѣйствуютъ на нѣкоторыя личности, производя даже сладострастное сѣмяистеченіе. Люди компетентные, въ родѣ популярнаго у насъ пошляка д-ра Дебэ, рекомендуютъ сѣченіе, какъ одно изъ самыхъ сильныхъ возбудительныхъ средствъ, особенно, если оно производится женщинами или въ присутствіи женщинъ.

открываетъ дервишу двери своего гарема и крайне доволенъ, если святой мужъ обезчеститъ его жену. Особенно развратительное влiянiе имѣетъ безбрачное буддiйское духовенство.

У дикарей, стоящихъ на низшей степени общественнаго развитiя и занятыхъ постоянно тяжелыми трудами, половая возбудительность слаба; нѣтъ у нихъ, съ одной стороны, богатыхъ, мало занятыхъ или вовсе ничего не дѣлающихъ людей, покупающихъ развратъ, а съ другой стороны, нѣтъ и такой сплошной бѣдности, которая въ культурныхъ обществахъ заставляетъ женщину или ея собственника торговать порокомъ. Но лишь только среди дикаго племени возникаетъ какая нибудь аристократiя, какъ тотчасъ же ходъ дѣла совершенно измѣняется. Распространяется многоженство, заводятся гаремы, которые въ сущности ничто иное, какъ непотребные дома, содержимые исключительно для ихъ владѣльцевъ,—развратъ усиливается и скоро дѣлается промысломъ. Богатство, праздность и власть, несоединенные ни съ какимъ нравственнымъ развитiемъ, развращаютъ высшiе классы. Полудикiе аристократы и корольки не спускаютъ ни одной смазливенькой женщинѣ, захватывая всѣхъ красавицъ въ свои гаремы и растлѣвая народные нравы. Въ извѣстной рѣчи Самуила, желавшаго отвратить евреевъ отъ избранiя царя, выяснена эта черта, общая всѣмъ государямъ нецивилизованныхъ народовъ: „Царь отберетъ у васъ и дочерей вашихъ и рабынь вашихъ“ (I Сам., VIII, II). Послѣдующiя событiя вполнѣ оправдали это пророчество. И не на одномъ пламенномъ Востокѣ происходитъ такое развращенiе высшихъ классовъ. Взгляните на холодный туманный сѣверъ съ его грубыми воинами — норманнами, жизнь которыхъ проходитъ въ кровавыхъ сѣчахъ и постоянномъ плаванiи по морямъ. Короли и аделунги этихъ желѣзныхъ людей вовсе не изнѣжены и не такъ праздны, какъ восточные государи и аристократы, но и они постоянно бросаются на подвластныхъ и неподвластныхъ имъ женщинъ, „какъ голодные волки на стада овецъ и захватываютъ все, что имъ нравится“. Эти насилованiя и соблазны, это разрушенiе семейства, это искуственное размноженiе публичныхъ женщинъ, посредствомъ вывоза ихъ изъ-за границы, это превращенiе дворцовъ въ дома порока—все это растлѣваетъ и массы народа. Иногда развращенiе совершается такъ быстро, что не успѣетъ еще дворъ выйти изъ полудикаго состоянiя, а аристократiя не совсѣмъ бросить еще первобытную моду ходить нагишомъ, какъ вся страна уже давно превратилась въ сплошной непотребный домъ, общество разрушено, а населенiе быстро вымираетъ отъ излишествъ разврата и дѣтоубiйствъ. Такую картину представляютъ собою Сандвичевы острова.

Развитiе деспотическаго управленiя, черезъ горнила котораго проходили всѣ народы, успѣвшiе сложиться въ государства, сопровождается объѣднѣнiемъ массъ. Деспоты душатъ народъ поборами, нало-

гами, повинностями; тысячи, сотни тысячъ людей отрываются отъ своихъ хозяйствъ, и подъ ударами палокъ принуждаются строить для своихъ уже немного цивилизованныхъ повелителей дворцы и крѣпости, водопроводы и мосты, храмы и пирамиды. Первобытныя эпохи исторіи всѣ ознаменованы такими громадными постройками, что умъ современнаго наблюдателя теряется въ исчисленіи количества человѣческихъ силъ, употребленныхъ на эти гигантскія сооруженія. Даже рожденіе такого ничтожнаго государства, какъ, напр., Сандвичевы острова, такъ дорого обходится массамъ народа, что онѣ съ трудомъ переживаютъ его. Задавленные чрезмѣрными налогами и повинностями, сандвичане принуждены были бросать земледѣліе и дошли до такой нищеты, что толпы способныхъ работниковъ не могли найти другого выхода, кромѣ эмиграціи въ Калифорнію, Колумбію и южную Америку. Голодъ, проституція и дѣтоубійство достигли высшей степени. Во что же обходится народу созданіе болѣе блестящей цивилизаціи, чѣмъ сандвичанская, созданіе, напр., Вавилона, пирамидъ Египта, храмовъ и дворцовъ Индустана, содержаніе утопающихъ въ роскоши султанскихъ дворовъ, жреческихъ кастъ! Вся первичная цивилизація, съ ея государственными порядками, искусствами, науками создавалась до сихъ поръ не иначе, какъ на милліонахъ труповъ людей, погибавшихъ въ битвахъ, отъ голода, отъ истощенія чрезмѣрными работами. И если, напр., постройка пирамидъ доводила даже самихъ фараоновъ до такой бѣдности, что ихъ дочери принуждены были проститутничать, то что же удивительнаго, если массы голоднаго народа начинали гуртами выводить своихъ женъ и дочерей на рынки разврата. Для цѣлыхъ рядовъ поколѣній проституція дѣлается наслѣдственнымъ промысломъ (Езекіилъ, XVI, 45, XXIII, 10) и принимаетъ характеръ кастальности.

Первобытная цивилизація создается и развивается при несмолкаемомъ шумѣ битвъ. Сотни тысячъ, милліоны народа забираются въ войско, и это отрыванье ихъ отъ производительнаго труда убиваетъ промышленность, поддерживая въ странѣ постоянную нищету, доводимую до крайнихъ предѣловъ войнами, во время которыхъ самыя цвѣтущія страны превращаются въ безплодныя, безлюдныя пустыни, усѣянныя грудами развалинъ и пепла отъ пожарищъ, да человѣческими трупами. А за каждымъ усиліемъ народной нищеты неминуемо слѣдуетъ и усиленіе проституціи, которую, кромѣ того, войны и арміи развиваютъ еще другимъ, непосредственнымъ способомъ. Сборища солдатъ, оторванныхъ отъ своихъ семействъ, всегда крайне развратительно дѣйствуютъ не массу народа, даже во время мирныхъ стоянокъ. А во время походовъ и войнъ эти полчища опустошителей насилуютъ однѣхъ женщинъ и уводятъ домой толпы другихъ для проституціи. Жены же и дочери солдатъ, предоставленныя надолго, если не навсегда, на волю судьбы, лишенныя опоры мужей и отцовъ, ушед-

шихъ на войну и часто погибающихъ тамъ, по необходимости принимаются за тотъ же промыселъ разврата.

Востокъ—классическая страна всевластныхъ и роскошныхъ деспотовъ, опустошительныхъ войнъ, всесильнаго духовенства и самой отчаянной бѣдности народныхъ массъ; все это, при помощи жаркаго климата и возбудительной пищи, во всѣ времена производило тамъ такой развратъ и столь обширную проституцію, какихъ Европа никогда не видывала у себя развѣ только въ предсмертную эпоху Рима. Менѣе другихъ оріенталовъ были развращены евреи, такъ заботливо изолированные отъ чужестранцевъ и долго неимѣвшіе на своей шеѣ деспотовъ. Публичная проституція была у нихъ еще во время патріарховъ. Онанизмъ, скотоложство, мужеложство (Исх. XXII, Левитъ XVIII), кровосмѣшеніе даже дѣтей съ родителями, не говоря уже объ обыкновенномъ развратѣ,—пятнаютъ собою множество страницъ еврейской исторіи. Часто сталкиваясь съ сирійскими племенами, евреи заводили у себя сладострастные культы Молоха и Ваала, состоявшіе въ жертвоприношеніи дѣтей и въ разныхъ постыдныхъ церемоніяхъ, кончавшихся обыкновенно свальнымъ грѣхомъ. Жрецы Ваала-Вильфегора были все юноши, безбородые, красивые, умащенные благовоніями, въ храмахъ же своего бога они продавали себя на содомію всѣмъ желающимъ. При тѣхъ же храмахъ состояло и промышляло развратомъ множество женщинъ. На вершинахъ горъ, въ тѣни лѣсовъ, окружавшихъ храмы Ваала, на перекресткахъ дорогъ, на улицахъ городовъ, даже въ самомъ храмѣ Іеговы, всюду были разсыпаны публичныя женщины, — сиріянки, египтянки, вавилонянки, аравитянки. Палестина, по выраженію пророковъ, была величайшею блудницею и „прелюбодѣйствовала на каждомъ холмѣ, подъ каждымъ деревомъ въ полѣ". При всемъ этомъ, Палестина была развращена менѣе, чѣмъ другія восточныя государства, менѣе, чѣмъ Вавилонъ, этотъ громадный публичный домъ, въ которомъ отцы продавали для разврата своихъ дочерей, а мужья женъ, чтобы на выручку купить себѣ духовъ и помады; она была не такъ развращена, какъ Египетъ, съ его густымъ народонаселеніемъ, предававшимся разврату въ публичныхъ процессіяхъ, любодѣйствовавшимъ въ повалку у многочисленныхъ алтарей Изиды и нерѣдко удовлетворявшимъ свое сладострастіе трупами дѣвушекъ вскорѣ или черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ смерти; Палестина была менѣе развращена, чѣмъ Финикія, это царство богатыхъ купцовъ, сладострастной Астарты, центръ роскоши и морской торговли, изъ котораго во всѣ страны древняго міра мореплаватели привозили вмѣстѣ съ товарами и религію порока. Нужно замѣтить, что какъ на древнемъ, такъ и на новомъ Востокѣ чрезвычайно мало аристократическихъ проститутокъ, живущихъ исключительно для высшаго класса, богатыхъ и вліятельныхъ. Только въ Египтѣ были три такихъ, изъ

которыхъ одна даже управляла всѣмъ царствомъ, но это было не при египетской, а при греческой династіи птоломеевъ, да и сами-то куртизанки происходили изъ Европы. Это отсутствіе аристократической проституціи объясняется тѣмъ, что у всѣхъ знатныхъ и богатыхъ людей есть домашнія непотребныя заведенія, гаремы; промыселъ разврата, поэтому, существуетъ здѣсь почти исключительно для народной массы и для иностранцевъ. Поэтому всѣ проститутки находятся въ крайней бѣдности, по временамъ только успѣвая пожить въ нѣкоторомъ довольствѣ. Выручаютъ онѣ съ своего промысла очень мало; въ крымскую войну европейскіе солдаты въ Турціи обыкновенно добывали себѣ женщинъ не дороже, какъ за кусокъ хлѣба! И до такого положенія въ концѣ своей дѣятельности доходитъ каждая проститутка. Бѣдность родила ее, бѣдность продала ее, бѣдность же сведетъ ее и въ могилу. Въ государствахъ Востока проституція имѣетъ ужасающіе размѣры, благодаря крайней нищетѣ народныхъ массъ. Большинство домовъ терпимости содержатся рабовладѣльцами, а большинство проститутокъ состоитъ изъ невольницъ. Въ Китаѣ сотни тысячъ дѣвушекъ продаются родителями содержателямъ публичныхъ домовъ; дѣвушки, брошенныя своими родственниками на произволъ судьбы, также подбираются торговцами женскаго тѣла и воспитываются ими для проституціи. Въ Японіи родители тоже сплошь и рядомъ продаютъ своихъ малютокъ женскаго пола въ непотребные дома, гдѣ ихъ воспитываютъ и потомъ, по достиженіи ими двѣнадцатилѣтняго возраста, пускаютъ въ оборотъ. — „Бѣдныя армянскія матери — говоритъ Портеръ — живущія въ предмѣстьяхъ персидскихъ городовъ воспитываютъ своихъ дочерей для разврата и лѣтъ двѣнадцати продаютъ ихъ тому, кто больше заплатитъ“. Проституція служитъ здѣсь наслѣдственнымъ промысломъ. Проданная такимъ образомъ дѣвушка почти всегда родилась отъ проститутки и, въ свою очередь, также продаетъ впослѣдствіи дочерей, рожденныхъ ею въ развратѣ. — „Въ Абиссиніи—говорятъ путешественники Комбъ и Тамизье — всѣ готовы доставлять вамъ женщинъ,—мать приводитъ свою дочь, братъ сестру, цари и царицы нисколько не стѣсняются предлагать вамъ своихъ служанокъ или придворныхъ дамъ, даже священники не лучше мірянъ въ этомъ отношеніи“.

II.

Средиземное море, эту колыбель древней цивилизаціи, можно вполнѣ справедливо назвать и колыбелью европейской проституціи. Вся торговля, всѣ сношенія Европы съ другими странами шли по водамъ этого моря, на греческихъ, итальянскихъ и малоазіатскихъ берегахъ котораго раньше всего возникли густо населенные города и

30*

колоніи, служившіе центрами торговли и промышленности, принимавшіе въ своихъ стѣнахъ тысячи заѣзжихъ иностранцевъ и посылавшіе свои торговые флоты въ отдаленныя страны. Въ этихъ-то центрахъ прежде всего возникала и сильнѣе, чѣмъ въ болѣе континентальныхъ мѣстностяхъ, развилась проституція, которая въ первую эпоху своего существованія была предназначена исключительно для заѣзжихъ чужеземцевъ. Въ Коринфѣ, напр., этомъ приморскомъ центрѣ древней торговли, проститутокъ было гораздо больше, чѣмъ въ Афинахъ; путешественникъ могъ найти въ этомъ городѣ публичныхъ женщинъ всѣхъ странъ и состояній; законъ и администрація здѣсь вовсе не контролировали разврата, почти всѣ коринфянки занимались проституціей, почти въ каждомъ домѣ торговали любовью, а въ храмахъ Венеры были заведены школы для обученія дѣвушекъ всѣмъ тайнамъ порока. Греки ѣздили и посылали назначенныхъ для проституціи дѣвушекъ учиться разврату въ Коринфъ и въ Египетскій городъ Навкратисъ. На коринфскихъ возвышенностяхъ проститутки, глядя на море, сторожили прибытіе иностранныхъ кораблей; и лишь только судно входило въ гавань, лишь только пассажиры высаживались на берегъ, какъ тотчасъ окружали ихъ толпы прелестницъ, до того очаровательныхъ и вмѣстѣ раззорительныхъ, что въ Греціи составилась пословица: *въ Коринфъ безнаказанно не съѣздишь!* Изъ приморскихъ же городовъ и, главнымъ образомъ, изъ Малой Азіи, Финикіи, съ Либоса, Кипра, Тенедоса, Милета, Абиноса и другихъ острововъ Средиземнаго моря, Греція и Италія получали самое большое количество проститутокъ. Изъ волнъ того же моря вышла и сама Венера, которая была не только богинею любви и красоты, а также богинею проституціи, даже, можно сказать, проституткою. Приплывшая въ Элладу по морю, какъ всѣ куртизанки, она въ двадцати мѣстностяхъ Греціи называлась именами, въ переводѣ означающими гетера или камелія. Главными поклонниками ея были публичныя женщины съ своими любовниками, и не одинъ изъ ея храмовъ былъ выстроенъ и украшенъ проститутками на деньги, выработанныя развратомъ. Соблазнительные мифы, статуи и пѣснопѣнія, фаллосы и циническія церемоніи, бѣшенныя оргіи сладострастія и растлѣніе невинностей—вотъ въ чемъ состоялъ такъ долго державшійся въ Греціи культъ Венеры, этой родной сестры восточныхъ Милитъ, Астартъ, Изидъ и т. д. Нѣкоторые изъ ея храмовъ буквально были непотребными домами, въ которыхъ жили посвященныя богинѣ дѣвушки. въ коринфскомъ, напр., ихъ было болѣе тысячи. Сначала эта храмовая проституція существовала исключительно для иностранцевъ, а доходы ея шли въ пользу духовенства. Дѣвушки, посвященныя богинѣ родителями, клали на алтарь ея всю выручку, а посторонніе женщины только часть; Венера была покровительницей половой любви. а съ тѣмъ вмѣстѣ и продажнаго разврата;

поэтому, проститутки, отправляясь на свой промыселъ, испрашивали у нея помощи и благословенія, а въ случаѣ успѣха, обыкновенно приносили на алтарь ея благодарственную жертву, что дѣлали, кромѣ того, и любовники, когда имъ удавалась какая нибудь трудная интрига. Нѣкоторыя бѣдныя дѣвушки, особенно жительницы Кипра и Лидіи, проститутничали въ храмахъ Венеры до тѣхъ поръ, пока изъ платы за развратъ не составляли себѣ достаточнаго приданаго, и затѣмъ преспокойно выходили замужъ. Подобный же характеръ носили культы Адониса и Вакха, которые, вмѣстѣ съ венеринымъ культомъ, продолжали существовать даже тогда, когда въ народѣ оскудѣла самая вѣра въ своихъ боговъ, когда религіозная проституція перестала эксплуатироваться духовенствомъ и осталась только въ культовыхъ обрядахъ, придавая разврату колоритъ религіозной приличности, и своими празднествами доставляя удобные случаи для ярмарокъ порока. Но хотя эта проституція и была только созданіемъ народной жизни, все-таки каждому понятно, что вмѣстѣ съ тѣмъ она была и школою разврата. Не менѣе сильна и вредоносна была она у римлянъ, даже въ періодъ полнаго паденія ихъ вѣры. Исторія римскаго народа начинается въ непотребномъ домѣ и его родоначальницей была, по преданію, публичная женщина Акка Лауренція, которая занималась своимъ ремесломъ въ храмѣ съ такимъ успѣхомъ, что пріобрѣла обширныя земли, которыя были ею завѣщаны римскому народу, и на которыхъ онъ построилъ свой вѣчный городъ.*) Въ честь ея ежегодно совершались вплоть до V в. по Р. Х. особыя празднества, душою которыхъ былъ религіозный развратъ, и которые обыкновенно сопровождались самыми циническими зрѣлищами въ циркѣ. При звукахъ трубъ стекались въ него многочисленныя толпы проститутокъ, раздѣвались здѣсь до-нага и съ наглымъ безстыдствомъ показывались зрителямъ. Подобными же результатами сопровождалось и введеніе въ Римъ культа Венеры. Ея храмы служили центрами разврата, ея алтари заваливались жертвоприношеніями проститутокъ и ихъ покупателей, ея празднества сопровождались оргіями и мистеріями, въ которыхъ актеры разыгрывали разныя мифологическія сцены съ такимъ возмутительнымъ цинизмомъ, что, по выраженію Арнобія, Венера превращалась въ пьяную вакханку, которая предается всѣмъ безстыдствамъ и всѣмъ гнустностямъ разврата. Въ томъ же родѣ были культы Купидона, Пріапа, Бахуса. Но безобразнѣе всѣхъ былъ культъ Озириса и Изиды. Храмы и часовни въ честь послѣдней богини были всюду, и служили вмѣстѣ съ тѣмъ домами непотребства, достойными настоятелями которыхъ были жрецы, преданные всевозможнымъ поро-

*) По другимъ легендамъ, эта *волчица*, lupa—такъ называлась въ Римѣ проститутка низшаго сорта—воспитала Ромула и Рема.

камъ и способные на всякое преступленіе, первые пьяницы, первые развратники, первостепенные сводники и самые наглые обольстители дѣвушекъ.

И въ Греціи и въ Римѣ жрецы, конечно, были не послѣдними насадителями разврата, хотя религіозную проституцію и невозможно считать исключительно ихъ созданіемъ. Въ античномъ мірѣ, какъ и на востокѣ, развратъ развивался всѣмъ, что было богато, праздно и самовластно. Дворы греческихъ тирановъ, македонскихъ царей, преемниковъ Александра, дѣйствовали на подвластныя имъ націи такъ же развратительно, какъ и дворы Даріевъ, Сардаиапаловъ, Соломоновъ. Дворъ же римскихъ императоровъ былъ въ полномъ смыслѣ исходною точкою того ужаснаго разврата, въ оргіяхъ котораго погибла имперія вѣчнаго города. Нужно много бумаги, чтобы описать всѣ подвиги этихъ владыкъ вселенной. Посмотрите на лучшаго изъ нихъ, на Юлія Цезаря, и вы съ негодованіемъ отвернетесь отъ такого безнравственнаго человѣка, который, пользуясь своею властью, не спускаетъ ни одной смазливенькой женщинѣ, то и дѣло растлѣваетъ невинныхъ дѣвушекъ, проматываетъ на развратъ громадныя суммы трудовыхъ народныхъ денегъ, платитъ Сервиліи за одинъ только визитъ 1,500,000 франковъ, предлагаетъ сенату проектъ закона о введеніи многоженства, и получаетъ отъ Светонія вполнѣ заслуженное имъ прозвище *мужа всѣхъ женщинъ*. Посмотрите теперь на юношу Октавія, который не перестаетъ развращать женщинъ, попирая изданные имъ же самимъ строгіе законы противъ прелюбодѣянія. Августу его друзья доставляютъ со всѣхъ сторонъ женщинъ и невинныхъ дѣвушекъ, раздѣваютъ ихъ до-нага и сама жена его ведетъ ихъ на смотръ къ своему повелителю, который оставляетъ у себя однѣхъ и отправляетъ назадъ другихъ, забракованныхъ. Его развратныя оргіи, сопровождаемыя разыгрываньемъ соблазнительныхъ сценъ изъ греческой миѳологіи, такъ дорого стоили бѣдному народу, что въ Римѣ начался голодъ, и жители съ горькою ироніей говорили, что *боги съѣли весь хлѣбъ*, намекая на упомянутыя мистеріи, раздражавшія похоть старика Августа во время его празднествъ. Пьяница Тиверій, такъ жестоко наказывавшій другихъ за каждый проступокъ противъ половой нравственности, казнилъ смертью мужчинъ и женщинъ, несоглашавшихся быть жертвами его скотскаго сладострастія, и часто наполнялъ покои своего дворца толпами женщинъ, чтобы видомъ наготы ихъ возбуждать свои упавшія силы. Калигула былъ еще хуже. Онъ держалъ цѣлую стаю содомитовъ, насиловалъ и растлѣвалъ самыхъ знатныхъ римлянокъ, приглашаемыхъ на его банкеты, силою власти изъ своихъ сладострастныхъ видовъ расторгалъ браки, и наконецъ открылъ въ своемъ дворцѣ *непотребный домъ*, въ буквальномъ значеніи слова. Посѣтители этого заведенія принуждены были, чтобы не прогнѣвить тирана, платить гораздо до-

роже, чѣмъ въ другихъ проституціонныхъ домахъ, и тѣмъ пополнять промотанную на развратъ казну его. Голіогабалъ впослѣдствіи явился въ этомъ отношеніи достойнымъ подражателемъ Калигулы. Неронъ дошелъ до той степени разврата, на которой красота и изящная обстановка уже не удовлетворяютъ человѣка, испытавшаго все разнообразіе порока, и могутъ раздражать его только безобразіе и грязь. Неронъ обыкновенно шатался инкогнито по улицамъ Рима, по кабакамъ, харчевнямъ и другимъ мѣстамъ самаго отвратительнаго разврата, предаваясь всевозможнымъ безобразіямъ, вступая въ драки и часто унося во дворецъ слѣды сильныхъ побоевъ на своемъ царственномъ тѣлѣ. Онъ составилъ что-то въ родѣ министерства изъ разныхъ сводниковъ и содомитовъ, рачительно доставлявшихъ ему живое мясо. Коммодъ сдѣлалъ изъ своего дворца кабакъ и проституціонный домъ, въ который привлекались женщины лучшихъ фамилій цѣлыми сотнями.— Любезнѣйшими друзьями и сподвижниками развратныхъ дѣяній Геліогабала были три кучера, Протогенъ, Гордій и Гієроклъ. Иногда онъ приглашалъ на свои вечера всѣхъ до одной проститутокъ Рима, катался по городу въ колесницѣ, запряженной нагими женщинами, а въ его путешествіяхъ за нимъ слѣдовали шестьсотъ колесницъ, наполненныхъ сводня́ми, содомитами и проститутками. Царственныя женщины Рима немногимъ лучше мужчинъ, матери развращаютъ своихъ дѣтей, дѣти насилуютъ матерей; одна императрица шатается ночью по улицамъ города и самымъ грязнымъ домамъ, продаваясь каждому встрѣчному мужчинѣ, другая изъ проститутокъ дѣлается женою цезаря и ужасомъ народа. Повелители Греціи не доходили до такихъ безобразій, какъ владыки Рима, но не доходили единственно потому, что не имѣли такой власти и такихъ громадныхъ средствъ, какія сосредоточивались въ рукахъ цезарей, какъ львиная часть добычи римскаго народа, ограбившаго весь міръ. Власть надъ жизнью и имуществомъ милліоновъ людей, несмягчаемая никакимъ контролирующимъ вліяніемъ, праздная жизнь среди скоро наскучающихъ удовольствій, рабская угодливость окружающихъ, — все это дѣлало дворы Эллады такими же центрами народнаго развращенія, какими были дворы Востока и Рима. Когда Греція покорила Азію, когда республику покорилъ деспотизмъ, когда побѣжденные народы грабились своими повелителями, неудовлетворявшимися трудами ихъ кормителей-рабовъ, когда лѣнивое и сытое барство потеряло вкусъ ко всему, кромѣ нѣги и разврата, когда Демосфенъ, напрасно вызывавшій для спасенія отечества хоть одного доблестнаго эллина, пропѣлъ свою лебединую пѣснь на развалинахъ греческой свободы, уступившей мѣсто тиранніи и нищетѣ народныхъ массъ,—тогда развращенность высшихъ греческихъ классовъ достигла высшей своей степени. А такъ какъ дворы и аристократія обращали на служеніе своей роскоши и своему разврату преимущественно

массы простого народа, который, кромѣ того, принимался за промыселъ порока отъ голода и бѣдности, то въ концѣ концовъ развращались и массы. Впрочемъ и въ Греціи, и въ Римѣ народъ иногда глубоко возмущался безнравственнымъ развратомъ своихъ повелителей-эксплуататоровъ и тѣмъ, что эти господа отнимали у него такъ много женщинъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ или силою власти, или силою капитала. Возьмемъ хоть высшіе классы того же римскаго общества въ эпоху основанія вселенской монархіи, и мы увидимъ, что каждая страница изъ исторіи запятнана развратомъ; непотребные дома—любимѣйшее мѣсто пребыванія аристократовъ, жены которыхъ въ то же время толпами стекаются требовать отъ полиціи своей записи въ проституціонныя книги на свободное занятіе промысломъ разврата и заработываютъ себѣ послѣднимъ деньги на роскошныя платья, на экипажи и лошадей, на лакомства и благовонія, на пиры и содержаніе наемныхъ любовниковъ; развратъ въ домахъ, развратъ въ храмахъ, развратъ въ театрѣ, самый циническій развратъ въ циркѣ и на улицахъ. „Порокъ дошелъ до своего зенита", восклицаетъ Ювеналъ. Римская аристократія, съ своими полководцами и цезарями во главѣ, разоряетъ міръ, воздвигаетъ храмъ *Юпитеру-Грабителю*, захватываетъ силою или покупаетъ женщинъ всѣхъ странъ для проституціи, вводитъ въ Римъ сладострастные культы Востока, и на свой развратъ высасываетъ изъ народа послѣдніе жизненные соки, доводя его до такой бѣдности, до такого остервенѣнія, что принуждена постоянно давать *„хлѣба и зрѣлищъ"*, чтобы онъ въ припадкѣ голодной ярости, подобно Самсону, не разрушилъ зданія ея несмолкающихъ празднествъ разврата. Всѣ, у кого только были власть и золото, кончали тѣмъ, что вмѣсто закона ставили анархическій произволъ, а вмѣсто прежней строгой, черезчуръ уже патріархальной, нравственности создавали религію порока. Конечно, упомянутыя отношенія класса повелителей къ массамъ подданныхъ не единственная, хотя въ сущности главная причина разврата и проституціи, но это единственная причина того, что развратъ и проституція доходятъ до такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ въ Римѣ. Чѣмъ разнообразнѣе, изысканнѣе, распространеннѣе развратъ, тѣмъ дороже онъ стоитъ, тѣмъ богаче должны быть его потребители, тѣмъ бѣднѣе народъ; а чѣмъ больше бѣдности, тѣмъ болѣе развращенности въ народныхъ массахъ, тѣмъ болѣе продается на рынкахъ порока женщинъ, которыя, или сами, или по волѣ ихъ родителей, доходятъ до этого промысла путемъ голода, наготы и безпріютности. Нужно еще замѣтить, что римская и греческая аристократіи рѣдко подвергались необходимости дожидаться, пока голодные пролетаріи приведутъ имъ своихъ дочерей на продажу за кусокъ хлѣба,—они могли всегда накупить сколько угодно рабынь и тѣшить ими свою откормленную плоть. Рабство было матерью древней проституціи. Государства античной

древности были основаны на рабствѣ, были обществами существенно аристократическими и строго національными; для свободнаго и цивилизованнаго гражданина Эллады и Рима рабъ, иностранецъ, плебей были не людьми, а животными, обязанными пропитывать, обогащать и увеселять своихъ повелителей. Семейство у такихъ народовъ носитъ тотъ же самый характеръ, служитъ прототипомъ рабовладѣльческаго государства; жена и дѣти—рабы отца, онъ ихъ собственникъ, повелитель, первосвященникъ и верховный судья, имѣющій надъ ними право жизни и смерти. Вслѣдствіе этого, когда античныя правительства брались за проституцію съ цѣлью обратить ее въ статью дохода и организовать такъ, чтобы по возможности предохранить общественные нравы отъ губительныхъ вліяній разврата, то они дѣйствовали вполнѣ согласно съ растлѣнными нравами и грубо-эгоистическими тенденціями *мужскаго аристократическаго населенія страны.* Мужчины, даже развращенные до мозга костей и невидящіе въ этомъ ничего дурного, всегда чрезвычайно строги къ поведенію своихъ женъ, запертыхъ въ гинекеи, неимѣющихъ доступа ни къ общественнымъ занятіямъ, ни ко многимъ изъ публичныхъ увеселеній, которыя совершенно монополизированы мужчинами. Въ подобныхъ обществахъ, гдѣ нравственность обязательна только для женщины, гдѣ развращенное мужское населеніе зорко слѣдитъ за каждымъ шагомъ своихъ рабынь, заключенныхъ въ гаремы, незаконныя связи любовныя чрезвычайно трудны и опасны. Религія, правительство, каждый мужчина ревниво охраняютъ и поддерживаютъ въ своей странѣ институцію архаическаго семейства, этотъ фундаментъ первобытнаго общества. Прелюбодѣяніе всегда жестоко наказывается не только государствомъ, но и самовольною властью мужа провинившейся жены. У Горація и другихъ римскихъ поэтовъ часто упоминаются случаи, какъ любовники замужнихъ женщинъ, застигнутые мужьями, умираютъ подъ розгами, сбрасываются съ высокой кровли, подвергаются увѣчьямъ и ограбленію до-гола, мужья обрѣзываютъ имъ носъ, уши, половыя части и т. д. „Подвергаясь ярости мужа—говоритъ Горацій такому любовнику — ты рискуешь всѣмъ своимъ благополучіемъ, своею жизнію, своею честію". „Не нужно трогать матронъ, а лучше имѣть дѣло съ проституткой", продолжаетъ поэтъ.—„Когда я творю любовь съ нею, то не боюсь, что вотъ - вотъ вернется ея мужъ; заскрипятъ ворота, залаетъ собака и мнѣ придется тотчасъ же бѣжать нагишемъ и босикомъ,—ибо горе тому, кого поймаетъ мужъ матроны"!.. Такимъ образомъ и чувство собственной безопасности и желаніе сохранить выгодный для нихъ характеръ національной семьи заставляли мужчинъ держать гражданокъ—пока послѣднія не разбили своихъ цѣпей и не предались такому же разврату, какъ ихъ достойные супруги—держать этихъ самокъ въ рабской подчиненности и строгой нравственности, а свои разнузданныя страсти удовлетворять исключительно иностран-

ными рабынями и отпущенницами, а если и туземными женщинами, то, во всякомъ случаѣ, плебейками. Они хотѣли наслаждаться вмѣстѣ и скромнымъ цѣломудріемъ своихъ женъ и развратомъ проститутокъ, и предаваться шумнымъ оргіямъ непотребныхъ домовъ и отдыхать въ тиши своего жилища, среди рабски-покорнаго ихъ волѣ семейства. Принимаясь регулировать проституцію, государство, съ одной стороны, преслѣдовало свои финансовыя цѣли, а съ другой, имѣло въ виду сейчасъ изложенные интересы мужчинъ высшихъ классовъ. Извѣстнѣйшимъ учредителемъ государственной проституціи въ древности былъ Солонъ. Желая обратить въ казну республики доходы духовенства, получаемые послѣднимъ съ промысла разврата, и въ то же время, предохранивъ семейную жизнь отъ вліяній порока, дать удовлетвореніе развратнымъ наклонностямъ мужчинъ, Солонъ основалъ казенный непотребный домъ, населявшія который женщины были рабынями, купленными и содержимыми на счетъ государства, а доходы съ ихъ промысла поступали въ казну республики. Въ тѣхъ же интересахъ и соображеніяхъ была развита римлянами доктрина о необходимости проституціи. „Очень жестоко — говоритъ Цицеронъ — было бы запретить юношамъ всякое сношеніе съ проститутками. Кто осуждаетъ за это нашъ вѣкъ въ развращенности, тотъ осуждаетъ также обычаи нашихъ предковъ и ихъ уступчивость. Когда же люди воздерживались отъ этого, когда осуждали это, когда не позволяли этого?„ Даже Катонъ, самъ строго-нравственный Катонъ, проповѣдывалъ, что „молодые, люди вмѣсто того, чтобы волочиться за чужими женами, должны ходить къ проституткамъ". Послѣ нашихъ вышеизложенныхъ объясненій читатель пойметъ смыслъ этой доктрины о необходимости проституціи.

Такъ вліяла развращенность общества на мыслителей и законодателей; не менѣе пагубное вліяніе имѣла она и на литературу. Мы не будемъ говорить о греческихъ писателяхъ; объ этихъ Сафо, пѣвицахъ лесбійской любви, объ этихъ импотентныхъ, отвратительныхъ старикашкахъ Анакреонахъ, — ради краткости, мы упомянемъ только о золотомъ вѣкѣ римской литературы. Горацій, Овидій, Тибуллъ, Катуллъ, Проперцій, Ювеналъ, Петроній, Марціалъ, — словомъ всѣ геніи и таланты римской поэзіи были развѣ только немногимъ лучше той сгнившей въ развратѣ аристократіи, для которой они писали и которую хлестали бичами своихъ сатиръ. Одинъ служитъ при дворѣ оберъсводникомъ, другой умираетъ отъ полового истощенія, третій пишетъ для однихъ только пламенныхъ любителей непотребныхъ домовъ, четвертый на старости лѣтъ всецѣло отдается пороку содоміи и т. д., и все это каждый изъ нихъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти разсказываетъ публикѣ въ превосходныхъ стихахъ! Цари римской поэзіи были тѣмъ же въ своей жизни и сферѣ, чѣмъ были въ своей владыки имперіи. Театръ имѣлъ то же направленіе. Напр., въ пьесахъ Плавта

и Теренція почти нѣтъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, кромѣ сводней и проститутокъ. Соблазнительность содержанія увеличивалась еще жестами актеровъ и актрисъ, а въ самыхъ театрахъ и около нихъ были мѣста, гдѣ зритель могъ всегда удовлетворить возбужденную спектаклемъ страсть. Понятна послѣ этого ненависть къ театрамъ первыхъ христіанъ и ихъ учителей. Да и не только отцы церкви,—даже Овидій не совѣтуетъ „посѣщать театровъ, гдѣ нельзя видѣть ничего, кромѣ любовниковъ". На ряду съ актерами въ этомъ отношеніи и въ Греціи и въ Римѣ стояли пѣвицы, танцорки и музыкантши, толпы которыхъ привлекали взоры и услаждали слухъ на общественныхъ гуляньяхъ, при религіозныхъ церемоніяхъ, на свадьбахъ, и національныхъ торжествахъ. Какое вліяніе имѣли эти артистки—показываетъ слѣдующій случай. Царь Антигонъ давалъ блестящій праздникъ аркадскимъ посланникамъ, серьезнымъ, скромнымъ и почтеннымъ старикамъ. Пришли въ залъ полунагія танцорки и начали танецъ, который такъ расшевелилъ суровыхъ аркадскихъ стариковъ, что они не могли усидѣть на мѣстѣ и забывъ о присутствіи царя, бросились на танцовщицъ... „Молодая дѣвушка — говоритъ Горацій, — которая забавляется сладострастными танцами Іоніи, уже съ самаго нѣжнаго возраста мечтаетъ о преступной любви". Ко всѣмъ этимъ возбужденіямъ прибавьте еще бани, роскошныя и многочисленныя, въ которыхъ моются вмѣстѣ мужчины и женщины, сводни соблазняютъ дѣвушекъ, любовники устрояютъ rendez-vous, цезари и патриціи высматриваютъ новыя жертвы для своего сладострастія, между тѣмъ какъ ихъ жены развратничаютъ съ баньщиками или кучерами. Порокъ доходитъ до того, что неудовлетворяясь обыкновенными способами удовлетворенія, выражается въ самыхъ противуестественныхъ формахъ педерастіи и лесбійской любви, которыя въ античномъ мірѣ пользовались полными правами гражданства *).

Небывалое въ исторіи Европы развитіе разврата въ Римѣ стоитъ въ самой тѣсной связи съ развитіемъ основанной на силѣ войскъ вселенской власти вѣчнаго города. Арміи по обыкновенію, развращали населеніе покоренныхъ странъ, военныя и другія колоніи римлянъ пропагандировали развратъ между пришельцами варварами; Римъ, раззорявшій вселенную, получалъ отовсюду не только громадныя суммы

---

*) Педерастія санкціонировалась даже греческой религіей; самъ Зевсъ жилъ съ Ганимедомъ. Моралисты и поэты прославляли эту страсть, какъ крѣпкій союзъ дружбы. Ей приписывали то святое воодушевленіе, съ которымъ 300 фиванскихъ героевъ съ Эпаминондомъ во главѣ умерли геройскою смертью при Херонеѣ. Эта страсть считалась чѣмъ-то до того сильнымъ, что въ плутарховой біографіи Агезилая нѣкто за обузданіе своей любви къ одному мальчику восхваляется, какъ великій герой и ставится на ряду съ Леонидомъ. Діогенъ Лаерцій прославляетъ Зенона за то, что онъ умѣренно предавался педерастіи.

на свой развратъ, но и наполнялъ свои непотребные дома толпами прекрасныхъ плѣнницъ, приведенныхъ изъ разныхъ земель, захваченныхъ желѣзными когтями римскихъ орловъ. Идеаломъ римскаго воина долго считалась совершенно воздержная, цѣломудренная жизнь въ лагерѣ, особенно во время войны. „Я иду подъ знамена, прости Венера, прости любовь"! поетъ Тибуллъ. Военачальники, обладавшіе древнеримскими доблестями. всегда строго слѣдили за поведеніемъ солдатъ; Сципіонъ, напр., принявшись за дисциплинированіе арміи, выгналъ изъ лагеря 2000 публичныхъ женщинъ. Но наконецъ развращенность взяла свое, и римская армія всюду возила за собой походные дома непотребства. Нравы, развившіеся въ арміяхъ во время походовъ и завоеваній, сохранялись ими и во время мирныхъ стоянокъ въ Италіи, быстро прививаясь къ жизни ея обитателей. Возвращеніе арміи изъ похода было всегда праздникомъ разврата. Когда Цезарь тріумфально входилъ въ Римъ послѣ завоеванія Галліи, то его солдаты пѣли: „граждане, берегите женъ, — мы ведемъ къ вамъ плѣшиваго развратника! Цезарь, въ Галліи ты промоталъ на любовь все золото, взятое тобою въ Римѣ!" Въ этомъ совѣтѣ гражданамъ заключается самая грубая солдафонская иронія: кто могъ уберечь тогда женщину отъ цезарей, солдатъ и золота?

Рабство поило, кормило, одѣвало, нянчило древнюю цивилизацію, рабство же главнымъ образомъ доставляло и проститутокъ. Большинство публичныхъ женщинъ Эллады и Рима были рабынями, которыя или покупались, или силою захватывались въ непріятельскихъ странахъ во время войнъ и походовъ. Особенно силенъ былъ этотъ промыселъ въ Римѣ, куда, послѣ каждаго завоеванія римскихъ войскъ, приводились многочисленныя толпы рабынь, назначенныхъ для проституціи, и рабовъ-мальчиковъ, которыхъ скопили и дѣлали евнухами. „Дѣвушки, взятыя въ плѣнъ морскими пиратами, также подвергались продажѣ и покупались для проституціи" (Seneca). Въ Римѣ, при храмѣ Венеры, существовалъ даже рынокъ, спеціально предназначенный для продажи и покупки рабынь-проститутокъ. Кромѣ того, въ Италіи, особенно въ самомъ Римѣ, было не мало антрепренеровъ разврата, которые воровали римскихъ дѣвушекъ и мальчиковъ, затѣмъ продавали ихъ для проституціи сводникамъ, или же сами, развративъ этихъ дѣтей, начинали эксплуатировать ихъ порочность (Plaut. у Jeannel, 12—15). Продажа дѣтей родителями на проституцію была также въ ходу, и большею частію отцы и матери дѣлали это, какъ говоритъ Плавтъ, „не по жестокосердію, *„а для того, чтобы не умереть съ голода"*. Часто, впрочемъ, родители сами развращали своихъ дѣтей и продавали ихъ единственно для того, чтобы получить денегъ на пьянство и другія удовольствія. „Возможно ли было желать,— скажемъ словами Ювенала — чтобы не была блудницею молодая дѣвушка, которая никогда не могла, не ве-

реводя дыханія, пересчитать любовниковъ своей матери“! Такія мамаши, не задумываясь, развращали и продавали своихъ дочерей. Тоже дѣлало не мало мужей съ своими женами. какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Светоній, Ювеналъ, Горацій и др. Случалось даже такъ, что „*мужъ выручалъ развратомъ деньги отъ любовника жены, а жена отъ любовницы мужа*“! Безпомощныя, одинокія сироты и найденыши, которыхъ было такое множество и въ Греціи и въ Италіи, захватывались своднями и другими эксплуататорами разврата, обращались въ рабство и отдавались на публичную проституцію. Кромѣ того, въ Римѣ государственная власть сама бросала многихъ женщинъ въ безвыходный омутъ продажнаго порока. Прелюбодѣйныя жены сначала отдавались на публичное половое поруганіе всѣмъ желающимъ мужчинамъ и съ тѣмъ вмѣстѣ осуждались на пожизненную проституцію. Во время же гоненій на христіанъ, множество мученицъ и исповѣдницъ, приговоренныхъ къ смертной казни, до совершенія послѣдней, отводились въ публичный домъ, и тамъ отдавались на поруганіе всѣмъ желающимъ развратникамъ, которыхъ находилось всегда множество, такъ какъ государственная власть предлагала имъ это подлое удовольствіе безплатно. Рабовладѣльцы, сводни, пираты, государство, богатые родители продавали дѣвушекъ и мальчиковъ развратникамъ, конечно, не по бѣдности; но мы уже приводили свидѣтельство, что многіе родители отдавали на развратъ дочерей своихъ лишь потому, чтобы *не умереть съ голода.* Марціалъ то же говоритъ о нищихъ матеряхъ. И женщины, пускавшіяся въ проституцію самовольно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ вынуждались къ тому той же бѣдностью. Такъ, греческія диктеріады, если только онѣ были не рабынями, купленными спекуляторомъ, а женщинами свободными доходили до своего промысла путемъ бѣдности и нищеты, и только кое-какъ поддерживали свою жизнь скудною платою, получаемою съ своихъ столь же бѣдныхъ, какъ они сами, любовниковъ, — матросовъ, отпущенниковъ, безработныхъ бродягъ. Многія изъ нихъ почти вовсе не имѣли даже платья, а съ тѣла никогда не могли смыть и соскрести покрывавшихъ его вшей. Въ Римѣ одни проститутки развратничаютъ потому, что „безъ визитовъ мужчинъ въ ихъ домѣ долженъ водвориться голодъ“ (Plaut.); другія потому, что „для нихъ нѣтъ другого дѣла“ (Hor.); третьи для того, чтобы „содержать себя и свое семейство“ (Plaut.); большинство ихъ страдаетъ въ такой ужасной нищетѣ, что продаетъ себя, чтобы имѣть „кусокъ чернаго сухаря, размоченнаго въ бульонѣ“ (Terent.) или „фунтъ муки въ день“ (Horat.). Впрочемъ, римскіе авторы, какъ подобаетъ аристократическимъ проповѣдникамъ морали, а вслѣдъ за ними и собравшій ихъ мнѣнія многоученый докторъ Жанель, хотя и говорятъ, что большинство проститутокъ происходило въ Римѣ изъ нищихъ, крестьянокъ, работницъ, отпущенницъ и сиротъ,

но ихъ развратъ приписываютъ не бѣдности, а лѣности! А сущность дѣла, между тѣмъ, такъ осязательна, что въ приведенныхъ нами выше мѣстахъ, изъ тѣхъ же авторовъ, они сами забываются и указываютъ причину разврата въ вопіющей бѣдности народныхъ массъ, раззоренныхъ войнами, налогами, взятками, умиравшихъ голодною смертью, забитыхъ и униженныхъ, и только по временамъ оглашавшихъ столицу міра дикими, отчаянными криками — *„крови или хлѣба"*! Однакожъ, въ упомянутыхъ замѣчаніяхъ римскихъ писателей о лѣности и отвращеніи отъ труда, какъ о причинахъ проституціи, есть извѣстная доля правды. Деспотизмъ и безсовѣстная эксплуатація народныхъ массъ, раззоряя ихъ, съ тѣмъ вмѣстѣ убиваютъ въ нихъ всякую энергію, всякое желаніе трудиться *въ пользу другихъ*, а самимъ оставаться все въ той же нищетѣ. Но такъ какъ трудъ для другихъ при усердіи работника даетъ ему кусокъ негоднаго хлѣба, то при уменьшеніи этого рабскаго усердія естественно уменьшается и самый кусокъ, увеличивается нищета и смертность, усиливаются преступленія и проституція. Что же касается причинъ, заставляющихъ проститутничать женщинъ высшихъ и среднихъ классовъ, то историческая критика ничего не можетъ сказать противъ мнѣній объ этомъ римскихъ писателей. Плавтъ, съ обычнымъ своимъ цинизмомъ, говоритъ: „кобыла ничего не требуетъ отъ жеребца, корова отъ быка и баранъ соблазняетъ овцу не подарками. Одна только женщина обираетъ мужчину; одна только она отдаетъ въ кортомъ свое тѣло и свои ночи, продавая удовольствіе, раздѣляемое съ другимъ". Причинами, заставлявшими достаточныхъ женщинъ торговать собой, были искуственныя наклонности къ блеску, роскоши и комфорту, немогшія быть удовлетворенными другими средствами, кромѣ промысла развратомъ. Подобными же соблазнами увлекалось и не мало бѣдныхъ дѣвушекъ. Соблазнители были на каждомъ шагу. Дѣвушекъ совращали даже ихъ собственныя матери. „Небольшая бѣда—говоритъ своей дочери гречанка Кробила—отдаться богатому человѣку; небольшая бѣда перестать быть дѣвушкой и получить за одинъ только разъ *мину* (около 25 руб. сер.), на которую я куплю тебѣ ожерелье". Дочь послушалась и мать радуется, что она своимъ ремесломъ избавитъ и ее и себя отъ угнетающей ихъ бѣдности. Сводни и имъ подобные соблазнители, „эта язва общества, эти губители юности", по выраженію Теренція, всюду сторожили дѣвушку и, посредствомъ самыхъ разнообразныхъ уловокъ, вовлекали ее въ западню порока. Особенно легко доставались имъ дѣти, которыхъ они съ 5—6 лѣтъ начинали воспитывать спеціально для проституціи, а между тѣмъ малолѣтнія были самымъ ходкимъ и самымъ прибыльнымъ товаромъ. Въ Греціи, особенно въ Афинахъ, были даже особыя школы, въ которыхъ открыто обучали дѣвушекъ всѣмъ тайнамъ порока, и послѣ такого воспитанія, завлеченная въ сѣти малютка пере-

ставала, конечно, и думать о порядочной жизни. Наконецъ, причиною продажнаго разврата было также положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ. Много женщинъ, даже мужчинъ проститутничали для того, чтобы, скопивъ извѣстную сумму, выкупиться отъ своего рабовладѣльца на свободу; „они освобождались продажнымъ развратомъ и при помощи его дѣлались гражданами". Мало того, проституція была тогда для женщины единственнымъ средствомъ освободиться отъ стѣсняющихъ ее архаическихъ порядковъ и принять дѣятельное участіе въ общественной жизни. И въ Греціи, и въ Римѣ, жена долго была безусловною рабыней мужа, удаленною не только отъ общественныхъ занятій, но даже и отъ общественныхъ удовольствій и лишенною всякой возможности образованія; мужчины даже старались лишить ее послѣдней утѣхи, — забавы модами, и оставляя себѣ всѣ излишества комфорта, издавали строгіе законы противъ женской роскоши и женскихъ модъ. И въ то время, какъ свободная гражданка была невольницей, рабыня-проститутка, избавленная отъ власти семейства, пользовалась полною общественною свободою. Проститутки были законодательницами модъ, онѣ занимались науками и искуствами, блестѣли остроуміемъ, вокругъ нихъ собирались дружескіе кружки Сократовъ, Платоновъ, Апеллесовъ, Горацієвъ, Пливіевъ; черезъ государственныхъ людей онѣ нерѣдко двигали судьбами народовъ; въ римскомъ сенатѣ засѣдала втеченіи всей его исторіи только одна женщина, проститутка-императрица Семіамира. Такая свобода и соединенныя съ нею достоинства, благодаря которымъ гетеры такъ успѣшно привязывали мужчинъ, не могли не увлечь и невольницъ-гражданокъ. И вотъ, въ послѣднюю эпоху Рима, передъ эдилами являются густыя толпы матронъ, женъ и дочерей самыхъ знатныхъ патриціевъ, записываются въ проституціонныя книги, сливаютъ семейную женщину съ публичной и путемъ порока добываютъ себѣ такую свободу, о которой не могли даже и грезить во времена строгихъ семейныхъ добродѣтелей.

Само собою понятно, что не всѣ проститутки были въ состояніи достигать богатства и виднаго общественнаго положенія, освобождаться отъ рабовладѣльцевъ и нищеты. Для этого нужны были красота, умъ, даже образованіе; обладавшія ими въ значительной степени получали кучу денегъ и пріобрѣтали самыхъ вліятельныхъ поклонниковъ, служили украшеніемъ общества, принимали у себя царей и посланниковъ, поэтовъ и художниковъ, генераловъ и философовъ, комфортабельно жили въ аристократическихъ кварталахъ, несмотря на частыя репрессивныя мѣры администраціи, блистали нарядами и модами, соблазняя матронъ на общественныхъ гуляньяхъ, въ театрахъ, на домашнихъ праздникахъ. Это были Помпадуръ и Ментенонъ своего времени, и, подобно имъ, также раззоряли богачей и народъ. Въ Греціи онѣ возвели даже свое ремесло на степень науки и создали *фи-*

лософію проституціи, распадавшуюся на школы лесбійскую, сократическую, циническую и эпикурейскую, въ чемъ имъ помогали ихъ друзья философы. Нѣкоторыя изъ нихъ получали всемірную извѣстность и люди всѣхъ странъ стекались, чтобы только взглянуть на нихъ. Фрина была такъ богата, что предлагала фивянамъ выстроить на свой счетъ весь ихъ городъ, разрушенный врагами; Лаиса своими богатствами равнялась съ царями; нѣкоторыя изъ гетеръ брали за разъ съ любовниковъ не менѣе таланта, т. е, около 2,000 р. сер. Веспасіанъ однажды заплатилъ такой куртизанкѣ 400,000 сестерцій, Матонъ 100,000 и т. д. Множество аристократовъ совершенно проматывались на нихъ, а цари и правители выжимали изъ народа послѣдніе соки на подарки этимъ женщинамъ. Такъ любовница македонскаго царя Дмитрія Поліоркета (за 300 л. до Р. Х.) Ламія пользовалась безграничнымъ вліяніемъ на своего любовника. Однажды, во время своей власти надъ Афинами, Дмитрій обложилъ афинянъ налогомъ, съ безжалостною строгостью содралъ съ нихъ 250 талантовъ, около 500,000 руб. сер., и отдалъ это своей Ламіи „*на мыло!*" Но куртизанки, нажившія состояніе и потомъ бросившія свое ремесло, были исключеніемъ, и почти всѣ этого сорта женщины были богаты лишь до тѣхъ поръ, пока могли получать большіе доходы за свои прелести, доходы, которые проживались ими тотчасъ же по полученіи. Общая участь этихъ куртизанокъ состояла въ томъ, что сначала они поднимались на высшую степень счастія и репутаціи гетеры, видѣли у своихъ ногъ поэтовъ, генераловъ, царей, потомъ, быстро опускаясь по лѣстницѣ проституціи, въ старости онѣ дѣлались презираемыми, забытыми, оставленными. Одинъ только публичный домъ низшаго сорта принималъ тогда эти развалины красоты. Нищета и соединенная съ нею отверженность были общею долею публичныхъ женщинъ древняго міра, какъ и новаго. Большинство ихъ, обитая въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ, проводя жизнь въ грязныхъ кабакахъ и харчевняхъ, подъ портиками храмовъ или просто на улицѣ, не имѣя ни платья, ни опредѣленной квартиры получая самую ничтожную плату, — кое-какъ перебивалось со дня на день на счетъ матросовъ, пролетаріевъ, рабовъ, отпущенниковъ. Эти массы несчастныхъ женщинъ дѣлятся древними писателями на многія категоріи, изъ которыхъ мы упомянемъ только о нѣсколькихъ. Римскія *булочницы* (alicariae) были уличныя проститутки, сидѣвшія обыкновенно у дверей булочныхъ и продававшія особые хлѣбы разнообразныхъ соблазнительныхъ формъ: онѣ были рабынями и служанками хлѣбопродавцевъ и въ ихъ пользу проститутничали въ булочныхъ день и ночь. *Могильщицами* назывались публичныя женщины, жившія на кладбищахъ, и ночевавшія всегда подъ открытымъ небомъ, имѣвшія любовниками только такихъ же бѣдняковъ, какъ и онѣ сами, нанимавшіяся въ похоронныя плакальщицы и этимъ пополнявшія свою

скудную проституціонную выручку. Третья категорія, такъ называемыя blitidae имѣли самый безобразный, дикій, идіотическій видъ, и были такъ презираемы всѣми, что не смѣли показываться на улицахъ города, а бродили по окрестнымъ полямъ и въ ночной темнотѣ успѣвали иногда прельщать прохожихъ, да и то преимущественно пьяныхъ. *Лачужницы* были аристократки сравнительно съ ними, потому что имѣли квартиры въ *лачугахъ* (casae), бывшихъ не лучше сабачьихъ конуръ. *Кабачницы* (copal) проститутничали по дешевымъ цѣнамъ въ кабакахъ и тавернахъ низшаго сорта. *Двухъобольныя* получали за визитъ не болѣе 2 оболовъ. *Площадныя* были дѣвушки, пришедшія изъ деревень и блуждавшія по городскимъ улицамъ безъ пристанища, безъ обуви, голодомъ, въ грязныхъ лохмотьяхъ. Въ томъ же родѣ были и *волчицы*. Изъ такихъ-то несчастныхъ созданій состояла самая большая часть проституціоннаго контингента. Онѣ имѣли связи только съ подобными же имъ бѣдняками, которые часто не могли платить даже и двухъ оболовъ и брали ихъ силою, застигнувъ гдѣ нибудь на пустырѣ; такихъ бѣдняковъ было много, и въ Римѣ они носили техническое названіе semitrarii. Толпы этихъ женщинъ подвергались крайнему презрѣнію со стороны всѣхъ. Богатая и красивая гетера, пока была молода, управляла царями, народами, служила украшеніемъ избраннаго общества; но то же самое общество, выжавъ изъ нее всѣ жизненные соки, выбрасывало ее въ помойную яму нищеты и съ омерзеніемъ отворачивалось отъ своей бывшей богини.

Мы уже говорили, что большею частію древнія проститутки были рабынями, развратничали по волѣ своихъ господъ и обогащали ихъ своимъ промысломъ; случалось даже, что освобождая такую невольницу, господинъ давалъ ей свободу только подъ условіемъ содержать его доходами своего разврата. Въ томъ и другомъ случаѣ промыселъ проститутки былъ для нея неизбѣжною необходимостью, отъ которой она не могла избавиться. Изъ свободныхъ проститутокъ большинство, какъ и нынѣ, жило у содержателей и содержательницъ публичныхъ домовъ, въ такой же зависимости отъ своихъ хозяевъ, какъ и проститутки-невольницы. Въ Греціи и Римѣ содержаніе публичныхъ женщинъ было однимъ изъ распространеннѣйшихъ занятій; содержатель, leno, встрѣчался во всѣхъ общественныхъ состояніяхъ и подъ всѣми масками; содержательницами же были преимущественно ех-проститутки, успѣвшія сколотить своимъ промысломъ копѣйку, или нажившіяся, благодаря какому нибудь случаю. Иногда публичный домъ приносилъ такіе огромные доходы, что даже почтенные граждане, въ Афинахъ, напр., давали свой капиталъ на основаніе такого заведенія, открытаго на чужое имя, и обогащались доходами съ него. Рабыни или кабальныя должницы своихъ содержателей, проститутки подвергались со стороны послѣднихъ самой возмутительной, безжалостной эксплуатаціи; ихъ

заставляли развратничать безъ отдыху, то побуждая ложными обѣщаніями освобожденія, то за недостаточную выручку подвергая ихъ столь жестокому бичеванію, что спина ихъ обливалась кровью. Когда же содержатель видѣлъ, что женщина такъ истощена своимъ ремесломъ, что отъ нея нельзя уже ожидать выгоды, то онъ продавалъ ее или выгонялъ отъ себя навсегда.

Порокъ эксплуатировали не одни только содержатели формальныхъ публичныхъ домовъ, а также и тысячи сводней. У трактирщиковъ, баньщиковъ, цирюльниковъ, кабачниковъ, булочниковъ, парфюмеровъ, и т. д. всегда были рабы и рабыни, слуги и служанки, развратомъ которыхъ они торговали. Эти же господа доставляли желающимъ силою захваченныхъ или хитростью соблазненныхъ невинностей. Развращенное общество равнодушно смотрѣло на эти мерзости и администрація вовсе не думала ни ограничивать этихъ пропагандистовъ разврата, ни контролировать деспотическаго тиранства содержателей надъ женщинами и мальчиками. Хотя содержатели проститутокъ и презирались, хотя законъ и подвергалъ ихъ многимъ ограниченіямъ, но это было лишь по временамъ и въ концѣ концовъ они всегда брали верхъ надъ репрессивными мѣрами правительства. Такъ, напр., сначала во всѣхъ городахъ для публичныхъ домовъ были отведены только самые отдаленные и самые грязные кварталы; но мало-по-малу эти дома подвигаются все къ центру города и наконецъ прочно водворяются въ лучшихъ частяхъ его. Въ Римѣ эти заведенія гнѣздились около цирковъ, театровъ, рынковъ. Вокругъ большого цирка стояли ряды конуръ (cellae et fornices), служившихъ для проституціи чернаго народа до и послѣ игръ. Большинство подобныхъ заведеній было грязно и бѣдно. Многочисленныя толпы проститутокъ наполняли не только города, но даже ихъ окрестности; многія изъ нихъ были независимы отъ содержательницъ и составляли, такъ сказать, летучіе отряды, рыскавшіе всюду, чтобы найти покупателя и добыть себѣ кусокъ хлѣба. Изъ этихъ независимыхъ проститутокъ однѣ никогда не бывали въ кабалѣ у содержателей, другія выкупались отъ нихъ, третьи были выкуплены ихъ любовниками, четвертыя, — и кажется, составлявшія большинство,—были старухи и больныя, сдѣлавшіяся невыгодными для содержателей и поэтому прогнанныя ими. Общее число проститутокъ было громадное. Въ Афинахъ гетеръ высшаго класса бывало около 150, а публичныхъ женщинъ другихъ сортовъ, по словамъ Атенея, „такое множество, что ни одинъ городъ, равно населенный, никогда не имѣлъ ихъ столько“. Въ Римѣ впослѣдствіи ихъ было больше, чѣмъ въ Афинахъ, и даже самомъ проституціонномъ городѣ Греціи—Коринѳѣ. По траяновской переписи ихъ оказалось 32,000, но многія уклонились отъ этой ревизіи, производившейся съ фискальною цѣлью. Существованіе проституціоннаго налога заставляло всегда женщинъ избѣгать

записи въ полицейскія книги, и поэтому сейчасъ приведенная цифра далеко не обнимаетъ всего числа проститутокъ Рима, этого непотребнаго дома вселенной.

По нѣкоторымъ поверхностнымъ замѣткамъ древнихъ писателей и болѣе точнымъ свѣдѣніямъ о современной проституціи, мы совершенно вправѣ заключить, что для древнихъ публичныхъ женщинъ ихъ ремесло и ихъ жизнь были невыносимымъ, сплошнымъ страданіемъ. Подобно новѣйшимъ, древнія проститутки постоянно предавались пьянству, чтобы забываться и не чувствовать такого отвращенія къ разврату, которое обыкновенно убиваетъ трезвую публичную женщину. На то же отвращеніе къ своему ремеслу указываетъ и то обстоятельство, что почти всѣ онѣ имѣли постоянныхъ любовниковъ; значеніе этого факта читатель совершенно пойметъ, когда мы будемъ говорить о новѣйшей проституціи. У древнихъ, какъ у современныхъ продавицъ порока, одна и та же лживость, перемѣна именъ, скрытіе своего званія, мѣста родины, — результаты стыдливости и общественной отверженности. Презираемыя, гонимыя, угнетаемыя, онѣ отличались, подобно современнымъ, солидарностью между собой и чувствомъ братской дружбы. Горька была участь ихъ. Не говоря уже о тяжелыхъ налогахъ, которые часто взыскивались съ жестокостью и лишали ихъ послѣдняго куска хлѣба, онѣ страдали много отъ разныхъ происковъ, интригъ и распоряженій партіи, стоявшей за чистоту общественныхъ нравовъ, а иногда дѣйствовавшей подъ вліяніемъ семейныхъ женщинъ, покидаемыхъ ихъ мужьями, такъ увлекавшимися красотою публичныхъ. Въ Греціи на нихъ нерѣдко взводились ложныя обвиненія вслѣдствіе мести, корысти или ревности, и безъ особенно счастливаго случая, обвиненная проститутка погибала, ее могли осудить, не выслушавъ даже оправданій. По временамъ имъ запрещалось носить извѣстныя одежды, жить въ извѣстныхъ кварталахъ, ѣздить въ экипажахъ и т. д. Въ Греціи дѣти не только проститутокъ, но даже наложницъ оставались навсегда также безправными и отверженными, какъ и ихъ матери; они не имѣли права ни наслѣдовать, ни говорить передъ народомъ, ни сдѣлаться гражданами; а матери не могли требовать отъ нихъ исполненія сыновнихъ обязанностей. Въ римской республикѣ гражданину запрещенъ бракъ съ проституткою и послѣдняя оставалась отверженной даже и въ томъ случаѣ, когда бросала свое ремесло. Всѣ агенты проституціи подвергались здѣсь какъ бы гражданской смерти, подобно рабамъ, гладіаторамъ и гистріонамъ; они не имѣли права ни наслѣдовать, ни завѣщевать, ни опекать своихъ дѣтей, ни занимать общественныхъ должностей, ни быть свидѣтелями въ судѣ, ни присутствовать на торжественныхъ религіозныхъ праздникахъ, ни жаловаться на личныя обиды; они были предоставлены полному произволу администраціи, которая, впрочемъ, дѣлала имъ много

незаконныхъ послабленій, столь частыхъ, что они, на основаніи своей давности, нерѣдко входили въ обычай. Поэты, обыватели, развратныя матроны, даже доктора всѣхъ пороковъ—цезари презирали и ругали ихъ. Какъ же помирить эту общественную отверженность проститутокъ съ античною терпимостью, даже любовью къ проституціи, съ доктриною объ ея необходимости и спасительности, съ развращенностью общества, съ громаднымъ вліяніемъ гетеръ?—Во-первыхъ, такое разногласіе древнихъ мнѣній зависитъ въ извѣстной степени отъ личностей и партій, имѣвшихъ эти мнѣнія. Во-вторыхъ, презиралась и гонилась только масса проститутокъ, этихъ бѣдныхъ, грязныхъ, истощенныхъ рабынь, оскорблявшихъ и зрѣніе, и обоняніе патриція и его понятія о мнимомъ благородствѣ крови. Но даже и послѣ этого упомянутое противорѣчіе все-таки остается очень рѣзкимъ. Древняя проститутка, при всей терпимости къ ней, даже иногда протекціи государства, при всемъ увлеченіи ею лучшими и всякими людьми общества, была однакожъ презираемою, нечистою тварью и передавала свой позоръ всему своему потомству. Въ древнемъ мірѣ женщина была не лицомъ, а орудіемъ, — орудіемъ сладострастія, труда и продолженія рода; проститутка, въ частности, была орудіемъ разврата, и какъ всякое орудіе, цѣнилась до тѣхъ поръ, пока исполняла свое назначеніе, не ею самою опредѣленное. Прибавьте къ этому, что она была или рабыней, или происходила не отъ благородной крови, почти всегда отъ иностранцевъ; а по античному воззрѣнію и праву, рабъ не былъ человѣкомъ, каждый рабъ былъ иностранцемъ въ дѣйствительности, а каждый иностранецъ считался рабомъ въ возможности. Матроны, не только развратничавшія секретно съ какими нибудь кучерами или гладіаторами, но даже продававшія себя публично, вовсе не были такъ отвержены, какъ проститутки. И параллельно съ этимъ, послѣднія не награждались презрѣніемъ, не были отверженицами въ средѣ низшихъ классовъ народа, ненавидѣвшихъ и развратъ, и проституцію патриціевъ... Высшіе классы, такимъ образомъ, силою своей власти или своего богатства, захватывали бѣдныхъ красавицъ, наслаждались ими, пожирали ихъ жизнь, и затѣмъ съ презрѣніемъ выбрасывали въ мрачную, зловонную яму пролетаріата, изъ которой былъ одинъ выходъ—смерть, смерть отъ холода, смерть отъ голода, смерть отъ руки исполнителя патриціанскаго правосудія, палача, смерть отъ болѣзней, имѣющихъ въ упомянутой ямѣ главное свое обиталище. Такова была общая участь проститутокъ, за весьма немногими исключеніями.

Въ то время, какъ древнее общество справляетъ свои предсмертные пиры, любуется гибелью тысячъ народа въ циркахъ и упивается запахомъ человѣческой крови, грабитъ вселенную, заводитъ непотребные дома во дворцахъ цезарей, убиваетъ своимъ деспотизмомъ массы народа, и, съ обычною наглостью тупого деспота, топчетъ ногами и

презираетъ всѣхъ имъ ограбленныхъ, избитыхъ, развращенныхъ, сведенныхъ съ ума, превращенныхъ въ безсмысленныхъ животныхъ,— съ береговъ Іордана раздается кроткій, любвеобильный голосъ: „идите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные, и я успокою васъ!“ Всѣ отверженные и задавленные древней цивилизаціей идутъ на голосъ учителя, унижающаго гордыхъ, возвышающаго смиренныхъ, проповѣдывающаго равенство и братство. Нищіе, рыбаки, рабы, отпущенники, римскіе могильщики, проводящіе въ катакомбахъ всю свою жизнь и никогда невидящіе солнца, нагіе поденщики, самая грязная чернь, всѣ отверженники стекаются къ реформатору и водою крещенія смываютъ печать своей отверженности. Проститутки были самыми горячими прозелитками евангелія и усердными спутницами цѣломудреннаго Іисуса, проповѣдывавшаго такую терпимость къ нимъ и такъ человѣчно прощавшаго всѣ ихъ прежніе грѣхи. Но отцы первыхъ вѣковъ церкви, считая бракъ священнымъ только потому, что цѣлью его было „христіанское рожденіе и воспитаніе дѣтей“, всякое половое удовольствіе, несопровождаемое такою цѣлью и не освященное церковью, считали смертнымъ грѣхомъ; проститутки были для нихъ отверженными грѣшницами и подвергались строгимъ церковнымъ покаяніямъ. Христіанскіе законодатели Византіи сбираютъ въ свои сундуки значительные налоги „со всѣхъ нищихъ, со всѣхъ проститутокъ, рабовъ, отпущенниковъ“, запрещаютъ патриціямъ жениться на публичныхъ женщинахъ, предписываютъ послѣднимъ носить платье съ извѣстными условными признаками ихъ отверженности, кладутъ печать позора на дѣтей ихъ, жестоко наказываютъ какъ растлителя дѣвушки, такъ и послѣднюю, не обращая вниманія, соглашалась она или нѣтъ отдаться своему соблазнителю, и т. д. Но ухудшая такимъ образомъ положеніе несчастныхъ публичныхъ женщинъ, христіанскіе законодатели нисколько не достигали своей главной цѣли,—искорененія разврата. „Развратъ не былъ промысломъ, приносящимъ выгоды народу, напротивъ, онъ возбуждался и поддерживался страстями вельможъ и богачей“, говоритъ Дюфуръ, и поэтому всѣ усилія ослабить его оставались тщетными: наказывая съ примѣрною жестокостью простой народъ, императоры не смѣли такъ же безцеремонно поступать съ главною опорою разврата,—высшими классами, и, несмотря на всѣ ихъ репрессивныя мѣры, византійская имперія была и умерла такою же развратною, какъ и Римъ. Самъ Феодосій въ одной изъ своихъ новеллъ (Nov. 14, authent. col. 2, tit. 1, De lenon.) признается, что развратъ и проституція пожираютъ имперію, несмотря на всѣ законы и жестокія наказанія. „Извѣстные люди употребляютъ для своего обогащенія жестокія и гнусныя средства; разъѣзжая по провинціямъ и отдаленнымъ странамъ, они обманываютъ несчастныхъ дѣвушекъ разными обѣщаніями, привозятъ ихъ въ этотъ великолѣпный городъ (Византію), помѣщаютъ въ

своихъ домахъ, даютъ имъ платье и дурную пищу, потомъ предаютъ ихъ на публичный развратъ и берутъ себѣ ихъ выручку. Они заставляютъ эти несчастныя жертвы подписывать обязательства, по которымъ тѣ, втеченіе опредѣленнаго срока, принуждены заниматься своимъ преступнымъ и нечестивымъ промысломъ; и преступленія этого рода умножаются въ такой степени, что совершаются всюду, и въ нашемъ императорскомъ городѣ и въ странахъ забосфорскихъ, и, что всего ужаснѣе, эти обиталища порока открываются подлѣ церквей и самыхъ почтенныхъ домовъ... Есть злодѣи, лишающіе невинности дѣвочекъ, недостигшихъ еще дѣсятилѣтняго возраста, и человѣколюбивые люди едва могутъ выкупать этихъ несчастныхъ дѣтей на вѣсъ золота"... Новелла заключается угрозами жестокихъ наказаній, бывшихъ совершенно недѣйствительными въ странѣ, раззоряемой деспотами и развращаемой тою аристократіей, которая, не краснѣя, слушала громовыя рѣчи Златоуста, смѣло обличавшаго ее во всевозможныхъ порокахъ и злодѣяніяхъ. Провинціи погибали отъ анархіи, опустошались администраторами, вымирали отъ голода, и удивительно ли, что они вели на рынки Византіи своихъ женъ и дочерей продавать богатымъ развратникамъ! Такою же жалкою попыткою, какъ кары закона, оказались и магдалинскія убѣжища, впервые заведенныя въ Константинополѣ ех-проституткою, императрицею Феодорою. Основавъ убѣжище, она велѣла силою забрать въ него съ улицъ 500 публичныхъ женщинъ, которымъ было такъ хорошо въ этомъ благотворительномъ заведеніи, что большинство ихъ утопилось въ морѣ въ первую же ночь!..

III.

Роскошь и утонченный развратъ—вотъ что прежде всего заимствовала отъ римлянъ аристократія европейскихъ варваровъ. Грубая, необузданная, страстная, она продолжала предсмертныя оргіи Рима, сопровождая ихъ всевозможными злодѣяніями и безпорядками, столь обыкновенными въ несложившемся еще обществѣ. Сила дала ей власть, а власть дала возможность выжимать изъ народа послѣдніе жизненные соки и въ частности формировать для своей утѣхи гаремы изъ дѣвушекъ низшихъ классовъ. Захватыванье и насилованье женщинъ были такъ обыкновенны, что создали юридическій обычай: *право первой ночи*, узаконенное, впрочемъ, впервые императоромъ Максиминомъ, постановившимъ, что рабъ не можетъ жениться безъ согласія господина, который долженъ быть „предвкусителемъ на всѣхъ свадьбахъ" (ut ipse in omnibus nuptiis praegustator esset). И втеченіе вѣковъ этимъ гнуснымъ правомъ пользовались феодалы Европы, пока, наконецъ, оно не было уничтожено подъ вліяніемъ женщинъ, преимущественно порядочныхъ

королевъ. Но право первой ночи, какъ оно ни отвратительно, все-таки не составляло главнаго зла того анархическаго произвола, которому долго подвергались всѣ женщины, подвластныя и даже неподвластныя феодаламъ, постоянно растлѣвавшимъ ихъ, забиравшимъ ихъ для своего наложничества, составлявшимъ изъ нихъ цѣлые гаремы. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда публичные дома не были еще распространены въ Европѣ и существовали лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, ихъ замѣняла домашняя проституція. Короли, аббаты, епископы, бароны имѣли въ своихъ домахъ родъ сералей или непотребныхъ заведеній, содержимыхъ на счетъ вассаловъ; по выраженію одного писателя XI в., каждый ленный владѣлецъ кормилъ въ своемъ гинекеѣ столько же проститутокъ, сколько было собакъ въ его псарнѣ. Иногда этихъ наложницъ набиралось такъ много подъ одной кровлей, что хозяинъ не имѣлъ средствъ содержать ихъ и былъ принуждаемъ освобождать нѣкоторыхъ, чтобы не умерли съ голода всѣ. Хотя эти гинекеи и имѣли характеръ промышленныхъ заведеній, такъ какъ запертыя въ нихъ женщины занимались въ пользу своихъ господъ, но уже съ X вѣка ихъ названіе дѣлается синонимомъ публичнаго дома, чѣмъ они и были въ сущности. У сильныхъ владѣльцевъ ихъ было даже по нѣскольку у каждаго. У Меровинговъ и Карловинговъ они были разсѣяны по разнымъ мѣстамъ ихъ владѣній, занимались приготовленіемъ льна, мыла, посуды, масла и т. п., и въ то же время поставляли наложницъ для своихъ господъ. Феодалы даже заманивали въ нихъ постороннихъ мужчинъ и брали деньги за ихъ визиты. Феодальные же гаремы для собственной утѣхи ихъ владѣльцевъ продолжали существовать по мѣстамъ вплоть до временъ новой исторіи. Крѣпостныя женщины въ средніе вѣка также продавались и вымѣнивались своими господами, и желающіе могли покупать ихъ для наложничества. Независимо отъ наложницъ, рабынь, служанокъ, дѣлу домашней проституціи служили также собственныя жены и дочери владѣльцевъ; многіе родители и мужья или угощали ими своихъ гостей, или предлагали ихъ даже за деньги; многія жены и дочери дѣлали то же, независимо отъ своихъ семейныхъ владыкъ. Ничѣмъ неограниченный произволъ, огромныя богатства, пріобрѣтаемыя посредствомъ грабежа, разбоя, войны и поборовъ съ народа, праздная жизнь, вліяніе развращенной Италіи и Востока,—все это растлѣло до корня феодальное общество, заразившееся вскорѣ послѣ своего возникновенія самыми грубыми пороками. Мы не будемъ говорить уже о томъ, какъ феодалъ развратничалъ въ своемъ замкѣ, какъ, разъѣзжая по деревнямъ, онъ соблазнялъ и насиловалъ крестьянокъ, какъ портилъ женщинъ своего класса, какъ онъ, подобно Ченчи, лишалъ невинности своихъ дочерей, или подобно Жану де-Тройе († 1468 г.), прижитыхъ со своею дочерью дѣтей убивалъ всѣхъ съ ея согласія; какъ онъ, по-

добно меровингскимъ королямъ, не отступалъ ни передъ убійствами, ни передъ войной, чтобы только завладѣть приглянувшейся женщиной, какъ онъ дѣлалъ отдаленныя путешествія и спалъ въ женскихъ объятіяхъ въ замкахъ бароновъ, въ хижинахъ крестьянъ, въ кельяхъ монахинь, въ непотребныхъ домахъ сладострастной Италіи. Размѣры этой развращенности могутъ быть опредѣлены распространеніемъ противуестественныхъ пороковъ, являющихся лишь результатомъ полнаго пресыщенія женщинами. Мужеложство, соединенное иногда съ кровосмѣшеніемъ, доходило до ужасныхъ размѣровъ, такъ что, по словамъ де-Витри (Histoire occidentale, ch. VII) „человѣкъ, содержащій нѣсколько наложницъ, отличался сравнительно примѣрною нравственностью„! Одинъ изъ первыхъ вельможъ Франціи, Жиль де-Рецъ (Retz), сожженный на кострѣ въ 1440 г., проводилъ все свое время въ растлѣніи дѣтей, которыхъ доставляли ему со всѣхъ сторонъ его слуги и камердинеры; насладившись ими разъ или два, онъ душилъ ихъ, и въ подземельяхъ его замковъ было найдено множество остововъ этихъ несчастныхъ жертвъ; ему было даже пріятнѣе перерѣзывать горло малюткамъ, чѣмъ удовлетворять на нихъ свою животную страсть; часто оба эти наслажденія онъ соединялъ вмѣстѣ, и злоупотреблялъ ими до тѣхъ поръ, пока они не умирали. За каждаго доставленнаго ему ребенка онъ платилъ отъ 2 до 3 экю. Уголовныя лѣтописи тѣхъ временъ показываютъ, какъ часто совершались тогда насилованія малолѣтнихъ дѣвочекъ, не говоря уже о взрослыхъ, насилованія мальчиковъ и т. д. Количество преступленій скотоложства было особенно значительно во Франціи, гдѣ оно постепенно увеличивалось до конца XVI в. и гдѣ казнили смертью не только скотоложцевъ, но даже и животныхъ. Такъ въ 1546 г. былъ сожженъ Гюго Видъ за сожительство съ коровою, которая прежде сожженія была убита; въ 1556 г. Жанъ де-лагСель сожженъ съ ослицею за сожительство съ нею; въ 1601 г. былъ повѣшенъ и потомъ сожженъ Клоденъ де Кюланъ за связь съ собакою и т. д. Этотъ гнусный порокъ доходилъ до ужасающихъ размѣровъ. Итальянцы, участвовавшіе въ осадѣ Ліона въ 1562 г. привели съ собой изъ Италіи разряженныхъ и богато украшенныхъ козъ, но не удовольствовались ими; всѣ почти дѣти и козы въ деревняхъ Дельфината подверглись ихъ скотскому злоупотребленію, и крестьяне нашлись вынужденными сожечь своихъ опоганенныхъ животныхъ... Сытое, сильное, тунеядное феодальное дворянство, развращаясь само, развращало до мозга костей и всю народную массу. Средневѣковая безнравственность представляетъ ужасную картину. Матери растлѣваютъ своихъ сыновей, отцы дочерей, братья сестеръ, самые ближніе родственники содомитствуютъ другъ съ другомъ, рыцари угощаютъ посѣтителей, если не своими женами и дочерьми, то во всякомъ случаѣ служанками, феодальныя дамы поощряютъ другъ друга къ раз-

врату, дочери графовъ проникаютъ въ спальни чужихъ мужчинъ и принуждаютъ послѣднихъ къ любви съ собою, дамы одѣваютъ и раздѣваютъ гостя, даже провожаютъ его въ баню и помогаютъ ему мыться, въ церквахъ, на турнирахъ, на балахъ женщины являются полунагими: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ распространяется даже обычай гулять совершенно нагишомъ по улицамъ, въ баняхъ и купальняхъ мужчины и женщины купаются вмѣстѣ безъ всякихъ костюмовъ, актеры и актрисы иногда являются на сцену въ одеждѣ Адама и Евы, трубадуры, воспѣвая любовь, также мало стѣсняются въ выраженіяхъ и въ выборѣ сюжетовъ, какъ и поэты золотого вѣка римской литературы.

Вмѣстѣ съ дворянствомъ дѣйствовало и католическое духовенство. Безбрачіе монаховъ и бѣлаго духовенства, при власти и богатствахъ, которыми обладали они, принесло такіе развратительные плоды, которые портили народъ едва ли не больше, чѣмъ дворянство. Патеры заводятъ цѣлые гаремы, монахи, какъ голодные волки, бросаются на женщинъ, и часто силою увлекая ихъ въ свои монастыри, держатъ здѣсь въ заключеніи; духовники соблазняютъ своихъ исповѣдницъ; іезуиты проповѣдуютъ, что женщина не грѣшитъ, если говоритъ своему любовнику: „я отдаюсь тебѣ во имя І. Христа“. Развратъ приходскаго духовенства простирался до того, что ради охраненія своихъ женъ и дочерей отъ стастолюбія попа, прихожане сплошь и рядомъ формально обязывали его содержать наложницу. Громадная власть духовенства надъ народомъ давала ему возможность наживать огромныя богатства и наполнять свои гаремы лучшими женщинами. Какъ развратительно дѣйствовало духовенство на народъ можетъ показать слѣдующая исторія, разсказанная по подлиннымъ актамъ Дюлоромъ въ его „Histoire de Paris“. „Шарль де-Сенектеръ, сеньоръ города д'Орильяка и аббатъ монастыря, два его племянника, въ томъ числѣ одинъ бывшій аббатомъ въ монастырѣ св. Іоанна, его племянница Марія, настоятельница женскаго д'орильякскаго монастыря, монахи и монахини обоихъ монастырей предавались всѣмъ крайностямъ разврата (и это было въ половинѣ XVI столѣтія). Каждый монахъ жилъ въ монастырѣ съ одной или нѣсколькими наложницами, — дѣвушками, соблазненными имъ и уведенными изъ родительскаго дома, или женщинами, похищенными отъ мужей. Въ саду у аббата было особое зданіе, спеціально предназначенное для разврата и украшенное соблазнительными картинами; патеры были обыкновенными поставщиками женщинъ въ это убѣжище, на племянникахъ аббата лежала та же постыдная обязанность. Они облагали этою натуральною данью не только городъ, но и всѣ окрестныя деревни; они вырывали дѣвушекъ изъ объятій ихъ матерей, при полномъ дневномъ свѣтѣ, въ виду жителей, они презирали общественное мнѣніе, крики и плачъ своихъ

жертвъ, которыхъ пинками и ударами гнали въ монастырь, гдѣ онѣ и предавались растлѣнію аббата, его племянниковъ и другихъ монаховъ". Мало того, что духовенство предавалось всевозможнымъ оргіямъ, посѣщало публичные дома, развращало своихъ духовныхъ дочерей, пользовалось правомъ первой ночи, занималось нерѣдко сводничествомъ, — оно, кромѣ всего этого, водворяло въ Европѣ многоженство и педерастію, которая извѣстна также подъ именемъ *кардинальской любви*. Во Франціи въ 1581 г. была составлена статистическая таблица о духовенствѣ, въ которой всего духовенства съ церковными служителями показано 1.018.782, наложницъ духовенства 1.151.754, содомитовъ 39.583. Еще св. Бонифацій писалъ, что „нѣкоторые изъ поповъ и монаховъ имѣютъ по *пяти* и *болѣе наложницъ*." Монастыри были постоянными притонами пьянства и разврата. Отъ мужскихъ не отстали и женскіе. Сюда съѣзжались кутить и развратничать окрестные дворяне и монахи. Стѣны монастырей сплошь и рядомъ оглашались криками дѣтей, прижитыхъ монахинями со своими любовниками. Для солдатъ во время ихъ походовъ женскія обители были публичными домами. Этотъ поповскій развратъ, разъѣдавшій всю Европу, сосредоточивался, главнымъ образомъ, при дворѣ тѣхъ, которые претендовали быть божественными повелителями неба и земли. Дворцы папъ сплошь и рядомъ превращались въ настоящіе непотребные дома, а подъ именемъ непогрѣшимыхъ первосвященниковъ правили ихъ любовницы. Здѣсь, какъ и при всѣхъ тогдашнихъ дворахъ, развратъ не ограничивался однимъ конкубинатомъ,—здѣсь развратничали во вся тяжкая, соблазняли, насиловали... По словамъ Луитпранда, въ Римѣ женщины и дѣвушки иногда „вовсе не ходили молиться надъ гробомъ св. апостоловъ", потому что попы насиловали ихъ даже въ церкви!.. Доходило до того, что папа жилъ съ собственною дочерью... Такой ужасный развратъ сопровождался всегда интригами и злодѣйствами. Папы и другія духовныя особы были не просто развратниками, но развратными тиранами. Въ Авиньонѣ, напр., въ 1509 г. незаконный сынъ папскаго легата обезчестилъ жену одного дворянина и былъ за это убитъ ея мужемъ. Легатъ задумалъ дьявольскую месть. Онъ пригласилъ къ себѣ все высшее общество Авиньона, и въ то время, какъ гости спокойно сидѣли за столомъ, всѣ выходы изъ залы были заперты, легатъ поджегъ домъ и вся авиньонская аристократія сгорѣла заживо, въ томъ числѣ погибъ, конечно, и убійца легатскаго сына.

Вся исторія Европы вплоть до новѣйшаго времени проходитъ въ непрерывныхъ войнахъ, а каждая старинная война сопровождалась почти поголовнымъ растлѣніемъ женщинъ, попадавшихся солдатамъ. Холостые или оторванные отъ семей, они дѣйствовали развратительно и во время своихъ мирныхъ стоянокъ, насилуя однѣхъ, соблазняя другихъ, уводя съ собою третьихъ. Въ лагеряхъ всѣхъ европейскихъ

войскъ всегда были толпы публичныхъ женщинъ, безъ которыхъ солдаты не ходили въ кампаніи и число которыхъ часто равнялось численности арміи. Отъ нихъ не могли и не хотѣли избавиться ни короли, ни военачальники. Когда Генрихъ II принялъ свои репрессивныя мѣры противъ всякой проституціи, то осмѣлился только ограничить число лагерныхъ женщинъ, постановивъ, чтобы ихъ было не болѣе 1 на 3 солдатъ. Иногда эти проститутки зазнавались и возвышали свою плату. Во Франціи походные непотребные дома существовали до XVII в. Иногда ихъ содержали сами военачальники, эксплуатировавшіе, такимъ образомъ, и проститутокъ, и офицеровъ, и солдатъ. Развращенность войскъ, особенно нерегулярныхъ, была такъ велика, что во время крестовыхъ походовъ ей изумлялись даже магометане. Возвращаясь изъ походовъ, крестоносцы заводили у себя формальные гаремы.

Три упомянутыхъ фактора—феодальное дворянство, католическое духовенство и солдатство, сходились въ одномъ общемъ центрѣ, при королевскомъ гинекеѣ, который, поэтому, и шелъ втеченіе стольких столѣтій во главѣ европейскаго разврата. Мы не будемъ говорить о полудикихъ меровингахъ, о карловингахъ и ихъ великомъ родоначальникѣ, въ глазахъ котораго его дочери превратили королевскій дворецъ въ непотребный домъ, мы подвинемся дальше и взглянемъ на дворы болѣе новые, въ особенности на французскій. „Если взглянуть на старинную Европу — говоритъ Тэккерей въ своихъ Four Georges,—ландшафтъ ужасенъ: пустыни, несчастныя и ограбленныя, полусожженныя хижины и дрожащіе крестьяне, собирающіе ничтожную жатву. Поодаль отъ крика и шума стоитъ Вильгельмслустъ или Лудвигсруэ или Монбижу или Версаль, возлѣ города, скрытый лѣсомъ отъ обнищалой деревни, — огромный позолоченный, чудовищный дворецъ. Можетъ ли дворъ быть великолѣпнѣе, вельможи и кавалеры храбрѣе и величавѣе, дамы прелестнѣе? Но въ самомъ этомъ центрѣ власти, какія ужасныя пятна, низость, преступленія, позоръ! Цѣну несчастной провинціи король повязываетъ на бѣлую шею своей любовницы... Каждый князь подражаетъ французскому королю и имѣетъ свой версаль, свой дворъ и свое великолѣпіе, свои сады со статуями, свои фонтаны и своихъ тритоновъ, своихъ актеровъ, своихъ пѣвцовъ, свой гаремъ, свои бриліанты и разные титулы для обитательницъ гарема, свои празднества, картежные столы, турниры, маскарады и банкеты, которые, продолжаются по цѣлымъ недѣлямъ и за которые народъ платитъ своими деньгами, если они есть у несчастныхъ бѣдняковъ, а когда нѣтъ, то своимъ тѣломъ, своею кровью и ихъ тысячами продаютъ ихъ господа и повелители, которые весело ставятъ на карту цѣлые полки, вымѣниваютъ батальоны солдатъ на бриліантовыя ожерелья для танцовщицъ, словомъ, забираютъ въ карманъ свой народъ“! Развратъ

при германскихъ дворахъ доходилъ до невообразимаго скотства. Августъ Саксонскій, напр., имѣлъ любовницей свою дочь Оржельскую, которая сначала была въ связи съ своимъ братомъ, графомъ Рутовскимъ, однимъ изъ 354 побочныхъ дѣтей ихъ общаго отца. „Съ какимъ цинизмомъ — говоритъ Шерръ въ своей „Исторіи Цивилизаціи Германіи", — онъ попиралъ всякій стыдъ и всякую нравственность, можно видѣть изъ того, что въ 1767 г. онъ держалъ пари съ тогдашней своей любовницей Козель, что можетъ выпустить монеты съ изображеніемъ ея дѣтородныхъ частей, и выигралъ это пари, велѣвъ вычеканить гульдены, извѣстные нумизматикамъ подъ именемъ гульденовъ Козель." При дворѣ курфирста-архіепископа майнцскаго Эрталя безстыдство доходило до того, что священники носили ленты своихъ крестовъ въ видѣ женскихъ секретныхъ членовъ! Императоръ Леопольдъ II (1790—1792) превратилъ дворецъ въ непотребный домъ и умеръ отъ постояннаго возбужденія своихъ истощенныхъ силъ химическими средствами. Кабинетъ императора, разобранный послѣ его кончины, представлялъ настоящій арсеналъ сладострастія.

При дворахъ королей съ самаго начала европейской исторіи были десятки, сотни проститутокъ содержавшихся изъ королевской казны и не отстававшихъ отъ двора даже во время его путешествій. Для управленія ими во Франціи былъ назначенъ roi des ribauds, родъ министра, должность котораго при Францискѣ I была передана дамѣ и существовала до конца XVI вѣка. Съ развитіемъ придворной утонченности измѣнился и характеръ дворцовой проституціи. *Публичныя женщины* изчезаютъ со сцены и снова являются на нее въ качествѣ *дамъ*, утонченныхъ, образованныхъ, изящныхъ. Однѣ изъ нихъ и живутъ при дворѣ, другія только временно украшаютъ его своимъ присутствіемъ, соединяя въ одну компанію и дворъ и высшее общество, къ которому онѣ принадлежатъ. Главнымъ совершителемъ этой перемѣны былъ Францискъ I, говорившій, что „дворъ безъ дамъ—это садъ безъ цвѣтовъ и скорѣе похожъ на дворъ турка или сатрапа, чѣмъ на дворъ всехристіаннѣйшаго короля". И украшенъ былъ дворъ прелестными дамами, которыми, по словамъ Брантома, Францискъ хотѣлъ замѣнить прежнихъ проститутокъ. Наборъ этихъ дамъ и королевскихъ метрессъ производился разными способами. При многихъ дворахъ были, напр., вельможныя и невельможныя сводни. При Карлѣ VI эту должность исполняли два августинскихъ монаха, жившіе во дворцѣ, при Францискѣ I кардиналъ де-Лорренъ не только промышлялъ женщинъ, но и „собственноручно дрессировалъ ихъ для короля"; при Генрихѣ IV всѣ придворные наперерывъ старались угодить по этой части не только королю, но и принцамъ и вельможамъ. Итальянецъ Заметъ за это искуство изъ простого кардонщика сдѣланъ барономъ, королевскимъ совѣтниковъ, фонтенблоскимъ губернаторомъ и богачомъ. Помощниками

его были герцогъ де-Бельгардъ и маркизъ Варрень. Самыя знатныя дамы не пренебрегали этимъ выгоднымъ промысломъ, какъ это бывало и при другихъ дворахъ, напр., при берлинскомъ, гдѣ даже „знатныя дворянки дѣлались сводницами, соблазняли дѣвушекъ и обучали ихъ, какъ нужно избавляться отъ беременности“. Милости королей, богатства и титулы, расточаемыя ими и вельможами на любовницъ, дѣйствовали такъ развратительно, что родители вели во дворецъ на поруганіе своихъ дочерей, а мужья покупали себѣ чины и должности на своихъ женъ. Феодалы, превратившись въ придворныхъ вельможъ и чиновниковъ, считали за счастіе видѣть своихъ женъ и дочерей наложницами государей. Въ старинной Европѣ толпы дворянокъ постоянно переѣзжали отъ двора къ двору, отыскивая занятія; и если онѣ обращали на себя милостивое вниманіе государей, то оставались при дворѣ, дѣлались фаворитками его величества или его высочества, получали огромныя суммы, дѣлались герцогинями, маркизами и т. п., не теряя общественнаго уваженія за тотъ способъ, какимъ онѣ достигли своего повышенія. Эти-то блудницы нерѣдко и посылались королями къ другимъ дворамъ, „*съ особыми порученіями*“. Катерина Медичи организовала при французскомъ дворѣ изъ знатныхъ проститутокъ такъ называемый „*летучій эскадронъ королевы*“; входившія въ составъ его женщины, разъѣзжая по Франціи и заграницей, соблазняли государей и знатныхъ людей, вывѣдывали отъ нихъ политическія тайны, отклоняли ихъ отъ дѣйствій, несогласныхъ съ планами королевы и т. д. Та же королева съ политическою цѣлью развратила, говорятъ, своихъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей.

Читателю, можетъ быть, покажется страннымъ, что развратъ старинныхъ дворовъ Европы мы называемъ проституціей; но въ этомъ нѣтъ рѣшительно никакого преувеличенія,—это былъ не развратъ, а промыселъ развратомъ. Всѣ придворныя любовницы получали деньги, содержаніе, титулы, награды своимъ родственникамъ и т. д. Даже не получая денегъ, онѣ могли наживаться, благодаря своему положенію. Такъ, когда въ Англіи, послѣ казни мятежниковъ 1685 года, было приступлено къ конфискаціи ихъ имуществъ, дворъ имѣлъ въ этихъ конфискаціяхъ свою долю; болѣе всего отличались здѣсь хищностью и жестокостью дамы. Королева упросила, чтобы ей отдали сто мятежниковъ, и выручила за продажу ихъ 1,000 гиней. Дамы содрали 1,000 ф. стерл. съ купца, сдѣлавшаго взносъ въ кассу мятежной арміи. Но главная добыча получена ими не съ него. Въ Тонтонѣ нѣсколько дѣвицъ поднесли Монмуту знамя. Двѣ изъ нихъ умерли въ тюрьмѣ, одна отъ эпидеміи, другая отъ страха жестокаго суда; но большая часть были живы; нѣкоторымъ изъ нихъ не было еще и десяти лѣтъ отъ роду. Фрейлины выпросили позволеніе вынудить и отдать имъ, фрейлинамъ, выкупъ съ родственниковъ этихъ дѣвочекъ; онѣ просили

7,000 фунт., но имъ могли уплатить менѣе, чѣмъ $1/3$ этой суммы. Нерѣдко даже придворныя проститутки брали за отдѣльный визитъ. Главный смотритель Версаля ухаживалъ за одной принцессой, но сначала встрѣчалъ отъ нея только отказы и презрѣніе; наконецъ, она согласилась продать ему свою ночь за прельстившую ее вышивную работу по канвѣ! Это ли не проституція!.. Старинные дворы, особенно французскій, мало чѣмъ уступали въ этомъ отношеніи двору римскихъ цезарей. Та же безобразная жизнь, всецѣло посвященная оргіямъ и сладострастію; тѣ же сцены грязнаго цинизма, тѣ же насилія, то же содержаніе мальчиковъ, этихъ прелестныхъ *миньоновъ* Генриха III, которыми такъ восхищается Капефигъ; то же развращеніе всѣхъ классовъ общества, и наконецъ—чего не было въ Римѣ — множество могилъ, въ которыя безвременно ложились жертвы сифилиса. Сколько однихъ французскихъ королей погибло отъ этой ужасной болѣзни!..

Искуства, состоявшія встарину подъ милостивымъ покровительствомъ потентатовъ, заражались послѣдними и слѣдовали общему настроенію. Какъ у древнихъ римлянъ, дворцы и сады ихъ были наполнены самыми соблизнительными барельефами, статуями, группами, картинами, преимущественно мифологическаго содержанія. Искуство оскверняль, такимъ образомъ, болѣе всего французскій дворъ, угождая вкусамъ котораго, самые великіе артисты Возрожденія — Леонардо Винчи, Бенвенуто Челлини и др., творили похабщину, изображая и рѣзцомъ и кистью сцены самаго грязнаго разврата, мужеложства, скотоложства и т. п. и такія-то произведенія не таились подъ спудомъ, какъ дѣлается нынѣ развратниками, а украшали собою залы, салоны, кабинеты и сады дворцовъ. Литература и театръ носили тотъ же характеръ. Въ Англіи, напр., вся толпа драматурговъ, слѣдующихъ за реставраціей, изображаетъ исключительно прелюбодѣяніе, и изображаетъ его, какъ главное достоинство и призваніе благовоспитаннаго джентльмена. „Это міръ, въ которомъ женщины подобны самымъ развратнымъ, безстыднымъ и безчувственнымъ мужчинамъ, а мужчины слишкомъ скверны для какого нибудь другого мѣста, кромѣ Пандемоніума или острова Норфолька“ (Маколей, IV, 135 — 189). Въ Германіи съ половины XVII в. царитъ „самая безнравственная литература“, а оперныя пѣвицы и актрисы, играя безстыдныя пьесы, сопровождаютъ ихъ похабными жестами и являются на сцену не только въ соблазнительныхъ костюмахъ, но иногда даже и нагишомъ. О Франціи ужъ и говорить нечего. Если бы пересчитать сочиненія исключительно сальнаго, и притомъ самаго сальнаго содержанія, услаждавшія собою дворъ и высшіе классы Франціи въ XIV—XVIII в., то для однихъ заглавій ихъ не хватило бы цѣлой нашей статьи. Даже мистеріи священнаго содержанія состояли здѣсь почти изъ однихъ площадныхъ выраженій и сценъ самаго циническаго разврата. Самая жизнь художниковъ, натуръ страст-

ныхъ и впечатлительныхъ, была фривольна да безобразія. Прочтите, напр., записки знаменитаго Бенвенуто Челлини, и чуть не на каждой страницѣ вы найдете разсказы о томъ, какъ „завелась у него интрижка съ прехорошенькой дѣвочкой.“ Заговоривъ о какой нибудь натурщицѣ, Челлини обыкновенно ведетъ рѣчь въ такомъ тонѣ: „она служила мнѣ моделью и я раздѣлялъ съ нею чувственныя удовольствія.“ Особеннымъ развратомъ отличались актеры и актрисы. Актрисы не только развратничали, но были нерѣдко еще *общими женами* для всѣхъ мужчинъ своей труппы.

Торговля, какъ это бываетъ вездѣ, была однимъ изъ главныхъ возбудителей проституціи въ старинной Европѣ. Во Франціи даже во времена гоненій на всякую проституцію, итальянскимъ купцамъ дозволялся не только обыкновенный развратъ, но даже мужеложство или „кардинальская любовь“. Столь же сильнымъ факторомъ были университеты: въ средніе вѣка и въ періодъ Возрожденія въ нихъ бывало по десяти, по пятнадцати тысячъ студентовъ разомъ; понятно, что такія сборища холостой молодежи должны были развратительно дѣйствовать на женское населеніе. Въ средневѣковомъ Парижѣ школьный кварталъ былъ населенъ исключительно профессорами, учителями и студентами всѣхъ націй, число которыхъ простиралось до 15,000 и которые состояли въ тѣсной дружбѣ со множествомъ проститутокъ, не только содержали ихъ, но даже защищали отъ разныхъ репрессивныхъ мѣръ правительства. Нравы стариннаго студенчества, его оргіи и волокитства, необузданность и корпоративная сила,— все это вело за собою то, что университеты были одними изъ главныхъ факторовъ женскаго развращенія и центрами, около которыхъ собирались проститутки.

Наконецъ, немаловажными проявленіями разврата служили и многія религіозныя секты, хотя развращенность нѣкоторыхъ изъ нихъ и положительно сочинена ихъ безчестными врагами, католическими патерами. Тампліеры обвиняются въ самомъ грубомъ мужеложствѣ; булгары, беггарды, анабаптисты и множество другихъ еретиковъ отличались повальнымъ развратомъ; адамиты ходили нагишомъ и творили блудъ публично; мистики XVIII в. доходили часто до скотства и т. д. Католицизмъ тоже принесъ свою дань общему настроенію нравовъ. Монашескій орденъ „братцевъ“, напр., разсѣянный по всей Европѣ, считая грѣхомъ всякую постоянную связь, и въ теоріи и въ практикѣ держался полной общности женщинъ. Во многихъ мѣстахъ вплоть до революціи существовала котолическо-религіозная проституція. Языческія божества половыхъ отношеній превращены были въ несуществовавшихъ никогда католическихъ святыхъ, капеллы и неприличныя языческія статуи которыхъ изчезли только во время революціоннаго погрома. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проститутки имѣли даже свои церкви, построенныя во имя Маріи Магдалины.

Мы уже говорили выше, что въ средніе вѣка, какъ это было и въ древности, господа формировали изъ своихъ рабынь публичные дома или заставляли ихъ проститутничать въ одиночку. То же дѣлали и родители, власть которыхъ въ средніе вѣка была громадна. Уже первые европейскіе кодексы, такъ называемые leges barbarorum, сильно нападаютъ на эту гнусную торговлю дѣтьми, которыя, будучи проданы для проституціи родителями, содержали ихъ доходами своего промысла. И впродолженіе долгихъ столѣтій непрестанно раздаются голоса законодателей, проповѣдниковъ, путешественниковъ, свидѣтельствующіе о громадныхъ размѣрахъ этого злоупотребленія семейной властью. „Множество матерей—восклицаетъ Мэллярдъ, французскій средневѣковой проповѣдникъ, — множество матерей продаютъ и сводничаютъ своихъ дочерей, заставляя ихъ развратомъ наживать себѣ приданое". Мужья, какъ и въ древности, торговали иногда своими женами. Государственная власть, подъ вліяніемъ римскихъ традицій, нѣкоторое время осуждала женщинъ на публичную проституцію. Такъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ средневѣковой Франціи, дѣвушку, изобличенную въ незаконной любви, отводили въ публичный домъ и отдавали въ полное распоряженіе его содержателей.

Разбои феодаловъ, кулачное право, крестовые походы, постоянныя войны, опустошительныя эпидеміи и голодовки, раззорительный деспотизмъ, постоянные поборы и взяточничество, религіозныя гоненія, бароны и короли, рыцари и солдаты, патеры и приказные—все это раззоряло, угнетало, убивало народы старинной Европы и постоянно повергало ее во всѣ ужасы неисходной бѣдности. Бѣдность сплошь и рядомъ заставляла родителей убивать и продавать своихъ дѣтей и женъ; такая продажа не считалась преступленіемъ, и Гейлеръ, знаменитый нѣмецкій проповѣдникъ XV в., говоритъ, что „отцу дозволительно, въ случаѣ голода, продавать своихъ дѣтей". Лишившіяся семейства или мужей, погибшихъ на войнѣ, бѣжавшія отъ домашняго деспотизма, прогнанныя или проданныя супругами, сироты, найденыши—словомъ, всѣ бѣдныя, безпомощныя женщины не имѣли часто никакого другого средства пропитанія, кромѣ разврата. Служанки, работницы, крестьянки, принужденныя бросить деревни, любовницы, покинутыя своими соблазнителями, разныя ремесленницы, какъ-то: перчаточницы, золотошвейки, шляпочницы, базарныя торговки, колбасницы, вотъ кто принимался преимущественно за промыселъ разврата. Рутебефъ, разсказывая объ учрежденіи Людовикомъ IX магдалинскаго убѣжища, говоритъ, что въ него поступило „множество женщинъ, *доведенныхъ до разврата бѣдностью*". Проституція всегда усиливалась во время голода, послѣ войнъ и эпидемій, когда цѣлыя цвѣтущія провинціи превращались въ пустыни, отъ городовъ и деревень оставались только груды пепла, сотни тысячъ народа оставались безъ

пищи, крова и, разбредясь въ разныя стороны, одни погибали съ голода, другіе шли въ разбой, третьи отдавались проституціи. Не развращенность, не желаніе богатства, а только неимѣніе куска хлѣба доводило до этого промысла, о чемъ свидѣтельствуетъ уже низкость платы, за которую продавалась женщина. Въ 1357 г. герцогъ Карлъ Блуа, увидѣвъ сидящую около его замка на дорогѣ бѣдную женщину, спросилъ ее, что она тутъ дѣлаетъ? „Добываю себѣ хлѣбъ продажею своего тѣла", отвѣчала незнакомка. Герцогъ началъ распрашивать объ ея жизни и узналъ, что она занимается порокомъ лишь для того, чтобы не умереть съ голода. „Воздержись отъ грѣха, по крайней мѣрѣ, втеченіе св. недѣли", посовѣтовалъ ей герцогъ. „Я воздержалась бы мѣсяцъ, если бы у меня было 20 су", отвѣчала несчастная. Герцогъ далъ ей 40 су, и съ помощью ихъ только она вовсе бросила развратъ и, вышедши замужъ, повела правильную жизнь. Въ Австразіи въ половинѣ XV в., говорятъ лѣтописцы, „*можно было имѣть четырехъ женщинъ за одно куриное яйцо*, яйцо стоило грошъ (gros), а женщина только 4 денье (deniers), даже дешевле". Во Франціи 3 су была самая обычная плата проституткѣ въ средніе вѣка. Въ XVIII в. женскій трудъ во Франціи стоилъ не болѣе 10 или 12 су въ день; женскую работу сильно начали отбивать мужчины, отчаянная бѣдность начала сильнѣе, чѣмъ прежде, толкать женщину въ порокъ. Въ Парижѣ считали тогда отъ 40 до 60 тысячъ проститутокъ (Goncourt, La femme au XVIII siècle, 249). Самая жизнь большей части проститутокъ, жизнь, исполненная лишеній, страданій, гоненій, также свидѣтельствуетъ о томъ, что женщины брались за промыселъ разврата вовсе не для наживы или удовольствій. А такая жизнь была удѣломъ почти всѣхъ проститутокъ. Мы не можемъ опредѣлить даже приблизительно ихъ численности встарину, но имѣемъ совершенно достаточныя основанія утверждать, что въ большихъ городахъ тогда ихъ было больше въ нѣсколько разъ, чѣмъ теперь, и больше не относительно только, а даже абсолютно. Въ Парижѣ, напр., въ XV в. ихъ было записныхъ 13,000, между тѣмъ какъ гораздо лучше устроенной полиціи современнаго Парижа извѣстно ихъ никакъ не болѣе 6,500. Въ нынѣшнемъ Страсбургѣ публичныхъ домовъ 27, проститутокъ записанныхъ около 300, а въ концѣ XV и началѣ XVI в. домовъ для легальной проституціи было 100, проститутокъ же такое множество, что имъ не доставало жилищъ. Въ Римѣ въ 1542 г. было 45,000 публичныхъ женщинъ, платившихъ проституціонный налогъ (Avé-Lallement, Das deutsche Gaunerthum, I, 47). Изъ этой громады несчастныхъ женщинъ нужно, конечно, исключить проститутокъ аристократіи, знавшихся съ магнатами, кардиналами, богачами и ведшихъ зажиточную, часто даже роскошную жизнь. Но почти всѣ онѣ, подобно гетерамъ древности и камеліямъ нашихъ дней, что наживали, то и проживали не-

медленно и, по мѣрѣ изнашиванья своего тѣла, постепенно падали въ цѣнѣ, пока не принуждены были вступать въ грязный омутъ плебейской проституціи, съ ея безпріютностью, наготою и голодомъ. Поэтъ XVI в., Дюбеллуа, довольно удачно изобразилъ превратности жизни аристократической куртизанки. Шестнадцати лѣтъ, „по примѣру безстыдной матери", она лишается невинности, потомъ продается преемственно тремъ дворянамъ и кардиналу, въ качествѣ дѣвственницы; кардиналъ полюбилъ и обогатилъ ее; наконецъ выдалъ замужъ за одного джентельмена, который ограбилъ ее до нага и заставилъ снова заняться промысломъ разврата. Она пріобрѣла трехъ любовниковъ и, получая съ нихъ ежемѣсячно девяносто экю, зажила припѣваючи. Проходятъ года, красота увяла, молодость пролетѣла,—и вмѣсто кардиналовъ и дворянъ куртизанка принимаетъ, за самую низкую цѣну, палача, который черезъ нѣсколько дней, по распоряженію начальства публично наказываетъ ее на площади. Нищіе, пролетаріи, бродяги, наполнявшіе собою старинную Европу, воры и мошенники—вотъ въ какомъ обществѣ жило большинство проститутокъ, отверженное, презираемое, гонимое всѣми сытыми и чистыми людьми, коль скоро послѣдніе находили, что соблазненныя, купленныя, изнасилованныя ими женщины уже поизносились или надоѣли и ихъ нужно замѣнить другими жертвами. Въ низшихъ же слояхъ народа, среди бездомныхъ бродягъ и мошенниковъ, проститутки находили хоть какое нибудь покровительство. Воры, пролетаріи, бродяги всегда были родными братьями публичныхъ женщинъ по ихъ общей матери—бѣдности; изъ нихъ же проститутки выбирали себѣ постоянныхъ любовниковъ и защитниковъ и награждали ихъ такою привязанностью, ради которой любовнику прощалось рѣшительно все. Въ Парижѣ въ XVII в. публичные дома были главными пристанищами воровъ, бродягъ и разбойниковъ. Многіе изъ нихъ, какъ и нынѣ, будучи любовниками проститутокъ, жили совершенно на ихъ счетъ. Самые грязные кварталы и захолустья городовъ служили центрами для нищихъ, бродягъ, проститутокъ, цыганъ, мошенниковъ. Среди этихъ пристанищъ первое мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, парижскому „Двору Чудесъ", такъ хорошо изображенному у В. Гюго, въ его „Notre Dame de Paris". Занимая въ городѣ обширное пространство со множествомъ закоулковъ, лачугъ, старыхъ брошенныхъ домовъ, заваленный всевозможными нечистотами, дворъ чудесъ служилъ для всѣхъ отверженниковъ общества вѣрнымъ убѣжищемъ, въ которое боялись проникать не только граждане, но даже полиція. Женщины здѣсь всѣ были проститутки, грязныя, покрытыя лохмотьями, продававшія себя за 3 су, а многія еще дешевле и участвовавшія во всѣхъ мошенническихъ подвигахъ мужскаго населенія двора чудесъ. Дѣти развращались здѣсь уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ и продавались для проституціи родителями или самовольно,

всѣми на произволъ судьбы. Дороговизна припасовъ,
йны и голодъ, старость и болѣзни, полицейскія
ало множество безпріютныхъ женщинъ, неимѣ-
и въ такихъ вертепахъ, какъ дворъ чудесъ.
ча тьма бѣдныхъ женщинъ, неимѣвшихъ
живішихъ при дорогахъ, на поляхъ,
XV и XVI в. стекались многочи-
ющихъ другихъ средствъ къ жизни,
лищъ, кромѣ улицы и церковныхъ ко-
шатались банды такихъ женщинъ, голод-
ьныхъ, во множествѣ умиравшихъ; ихъ не пу-
воляя останавливаться только за ихъ стѣнами, и
къ; голодъ заставлялъ ихъ хитростью обходить по-
ложенія, проникать въ городъ и оставаться въ немъ; но
несчастную ловили, то послѣ жестокихъ наказаній рукою
иногда съ отрѣзаннымъ носомъ и ушами, ее выпроваживали
родскія ворота. Никакія жестокости не могли остановить этихъ,
рожденныхъ бѣдностью и разливавшихся по всей Европѣ, потоковъ нищенской проституціи. Вмѣстѣ съ нищими рыскали всюду и толпы болѣе зажиточныхъ женщинъ, посѣщая ярмарки, коронаціи, рейхстаги, турниры, церковные праздники, соборы и др. общественныя собранія; на константскомъ соборѣ, напр., ихъ было до 1,500. Постоянными же центрами, привлекавшими этихъ странницъ, были столичные, военные, торговые, университетскіе и съ многочисленнымъ духовенствомъ города, большинство жителей которыхъ принадлежало, однакожъ, обыкновенно, къ бѣднымъ классамъ.

Къ странствующимъ самостоятельнымъ проституткамъ, къ этимъ несчастнымъ созданіямъ, неимѣвшимъ и крова и жившимъ по городамъ вмѣстѣ съ собаками, принадлежали, главнымъ образомъ, тѣ, которыя почему нибудь ходили по очень ужь низкой цѣнѣ и не могли давать никакихъ барышей содержателямъ публичныхъ домовъ. Всѣ же цѣнныя женщины забирались послѣдними и держались въ кабалѣ до тѣхъ поръ, пока были выгодны. Эти содержатели, вмѣстѣ съ многочисленными сводниами, вербовали женщинъ для своихъ заведеній и исполняли особыя порученія, очень выгодныя, разныхъ богачей, магнатовъ, принцевъ, кардиналовъ, аббатовъ и т. п. Агенты проституціонныхъ эксплуататоровъ разъѣзжали по разнымъ странамъ набирать проститутокъ, соблазняя неопытныхъ дѣвушекъ хитростью, предлагая умирающимъ съ голода кусокъ хлѣба и задатокъ, закабалявшій ихъ навсегда, покупая дочерей у родителей, рабынь у господъ, силою овладѣвая беззащитными женщинами, особенно одинокими сиротами, и доставляя этотъ товаръ своимъ антрепренерамъ. Весьма значительное число проститутокъ добывалось изъ женскихъ монастырей, этихъ га-

ремовъ епископовъ и монаховъ. Многіе непотребные дома приносили громадные доходы ихъ хозяевамъ. Въ Парижѣ, напр., въ XVI в. славилась своимъ огромнымъ богатствомъ „матушка Кардинъ", имѣвшая нѣсколько большихъ домовъ терпимости въ разныхъ частяхъ столицы; нѣкоторые содержатели наживались до того, что дѣлались банкирами. Соблазнъ такою фортуною и бѣдность порождали тьму сводней, несмотря на варварскія наказанія, которымъ онѣ часто подвергались въ Европѣ втеченіе нѣсколькихъ столѣтій. Иногда ихъ предавали смертной казни, чаще всего ихъ публично и жестоко сѣкли, конфисковали имущество, обрѣзывали носъ и уши, выгоняли за городъ, заключали навѣчно въ тюрьму и т. д. Но сводни все-таки существовали, и нуждавшееся въ нихъ развращенное общество доставляло имъ защиту и оборону отъ строгости закона. То же самое было и съ проституціей вообще; подъ вліяніемъ христіанскихъ ригористовъ, многіе законодатели, государи и парламенты запрещали проституцію вовсе, подъ страхомъ жесточайшихъ наказаній, но она все-таки продолжала существовать и развиваться. Вмѣстѣ съ гоненіями на евреевъ, еретиковъ, мыслителей, средніе вѣка опозорены еще и жестокими преслѣдованіями проститутокъ. Въ Германіи дѣвушку, обличенную въ развратѣ, сѣкли публично розгами, съ барабаннымъ боемъ проводили по улицамъ города и изгоняли изъ него навсегда, не понимая, что лишивъ ее куска хлѣба и пристанища, вынуждають ее навсегда отдаться промыслу развратомъ. Во Франціи такихъ женщинъ штрафовали деньгами, сажали въ тюрьму, бичевали, изгоняли, и администрація дѣйствовала при этомъ съ самымъ возмутительнымъ произволомъ. Проститутокъ сажали здѣсь на деревянную лошадь, нещадно дули кнутомъ и затѣмъ при колокольномъ звонѣ изгоняли изъ города; если онѣ возвращались, то отрубивъ имъ одну руку, ихъ изгоняли снова. Иногда ихъ клеймили раскаленнымъ желѣзомъ, или, привязавъ къ хвосту дикой лошади, угоняли ее въ поле. Сплошь и рядомъ всѣ эти варварскія жестокости творились ради забавы или изъ желанія ограбить публичные дома и поживиться отъ проститутокъ зажиточныхъ. Иногда публичныя женщины гибли цѣлыми сотнями за разъ; такъ, при Генрихѣ III маршалъ Строцци „распорядился бросить въ рѣку Луару 800 публичныхъ дѣвушекъ, слѣдовавшихъ за его лагеремъ". Такъ, въ 1560 г., подъ вліяніемъ протестантскаго ригоризма въ Парижѣ былъ предпринятъ крестовый походъ на проституцію, полиція, вмѣстѣ съ чернью, разрушала публичные дома, конфисковала найденныя въ нихъ имущества, изгоняла проститутокъ изъ города, бичевала ихъ, клеймила, словомъ, употребляла всевозможныя жестокости, чтобы стереть ихъ съ лица парижской земли. Но все напрасно; прошло какихъ нибудь сто лѣтъ, и проститутки отомстили за себя, сѣвши на шеи королей Франціи и забравъ ее въ свои руки въ лицѣ Ментенонъ, Помпадуръ

и другихъ царственныхъ метрессъ. Точно также, втеченіи нѣсколькихъ столѣтій проституткамъ запрещали носить дорогія украшенія и платья, носимыя богатыми и знатными обывательницами; много притѣсняли и наказывали ихъ за постоянное ослушаніе подобныхъ постановленій; но и тутъ проститутки взяли верхъ и сдѣлались первыми модницами. Европы. Наконецъ, ихъ постоянно старались держать вдали отъ городскихъ центровъ и аристократическихъ кварталовъ, изгоняя въ кварталы, назначенные для всѣхъ отверженниковъ общества. Упорно боролась противъ этого проституція и кончила тѣмъ, что расползлась и крѣпко усѣлась на всѣхъ запрещенныхъ для нея до тѣхъ поръ мѣстахъ. Не разсказывая о подробностяхъ этой вѣковой борьбы проституціи съ правительствомъ, замѣтимъ только, что она сопровождалась часто насиліями, обыкновенными при всякой средневѣковой борьбѣ; проститутки большею частію упорствовали и добровольно не оставляли, хотя и занятыхъ ими, но все-таки запрещенныхъ кварталовъ, и поэтому изгонялись изъ нихъ силою; иногда онѣ находили защитниковъ и противопоставляли силу силѣ; такъ, напр., парижскіе студенты не разъ защищали ихъ отъ солдатъ и полиціи. Въ глазахъ большинства онѣ были всегда существами отверженными, погибшими навѣки. Буржуазія, дворянство и духовенство лицемѣрно презирали ихъ, а народъ ненавидѣлъ и часто осыпалъ ихъ не только бранью, но даже каменьями. Женитьба честнаго человѣка на ех-проституткѣ считалась безнравственностью со стороны жениха и достойнымъ жестокаго наказанія преступленіемъ со стороны невѣсты.

Если городскія общины покупали себѣ за деньги у королей и феодаловъ свою муниципальную свободу, то тѣмъ легче короли и феодалы давали за деньги свободу разврата. Во всей Шампани, напр., проститутки всегда имѣли право заниматься своимъ ремесломъ, уплативъ налоги феодальнымъ владѣльцамъ. Въ Монтлюсонѣ каждая публичная женщина платила единовременно 4 денье. Въ Нормандіи налогъ тоже не превышалъ 4 денье; въ Парижѣ онъ былъ ризличенъ, смотря по сорту проститутокъ: отъ нѣсколькихъ денье онъ возвышался здѣсь до 40 соль. Хотя денежная выгода, получаемая отъ проституціи государствомъ, феодалами и городами, была одною изъ главныхъ причинъ терпимости публичнаго разврата, но дѣло не ограничивалось этимъ финансовымъ разсчетомъ. Развращенность мужчинъ и боязнь за сохраненіе въ чистотѣ нравовъ семейства — вотъ что заставляло терпѣть проституцію и поддерживало ученіе о ней, какъ о „спасительномъ средствѣ, охраняющемъ дѣвическую и женскую честь“. Силою заставляя женщину слѣдовать правиламъ половой нравственности, мужчина оставлялъ за собою и наслажденіе ея цѣломудріемъ, и утѣху порочностью проститутки. Спасительность проституціи доказывали даже текстами католическіе патеры, напр. испанскій монахъ Хуанъ Дель

Ольмо, издавшій въ 1680 г. особое объ этомъ сочиненіе. И за это-то выгодное и спасительное ремесло брались феодалы и городскія общины. Въ Германіи публичные дома считались собственностью городовъ и отдавались ими въ аренду содержательницамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ главный надзоръ за проститутками поручался палачу и онѣ погребались на живодернѣ; въ другихъ же мѣстностяхъ, публичнымъ женщинамъ, „за ихъ служеніе общественному *благу*", давались права гражданства. Ремесло ихъ было регулировано до мелочей, и какъ всѣ ремесленники, онѣ составляли особый цехъ, обладавшій нѣкоторыми привиллегіями. Въ 1462 г. въ Нюрнбергѣ проститутки подали въ городской совѣтъ жалобу на нарушеніе ихъ цеховой привиллегіи обывательницами, которыя, сформировавъ публичный домъ, завлекали въ него многихъ мужчинъ. Резолюція совѣта на эту просьбу неизвѣстна; но по другому такому же заявленію проститутокъ въ 1508 г. совѣтъ предоставилъ имъ разрушить отбивавшій у нихъ доходы публичный домъ. Во Франціи городскія общины протежировали проституціи изъ-за тѣхъ же интересовъ. Жители Систерона завели въ 1424 г. на городской счетъ публичный домъ; вступавшая въ него женщина платила 4 соль въ пользу женскаго монастыря, монахини котораго должны были отмаливать грѣхи проститутокъ. Вильгельмъ IX, герцогъ Аквитаніи и Пуатье, построилъ въ Ніортѣ публичный домъ по образцу женскихъ монастырей. Въ Тулузѣ съ незапамятныхъ временъ существовалъ публичный домъ, открытый на счетъ города и приносившій ему большіе доходы. Главными посѣтителями и защитниками этого „аббатства" были студенты университета, который, вмѣстѣ съ городомъ, эксплуатировалъ проституцію, получая свою долю изъ ея доходовъ. Когда женщины аббатства упросили Карла VI дозволить имъ ношеніе всѣхъ нарядовъ, запрещавшихся тогда проституткамъ, то большинство городскихъ жителей, возмущенное такимъ уравненіемъ публичныхъ женщинъ съ семейными, начало цѣлый рядъ гоненій на первыхъ, забрасывая ихъ на улицахъ грязью и каменьями, выживая ихъ изъ „честныхъ" улицъ, нападая толпами на аббатство, подвергая его жительницъ побоямъ и оскорбленіямъ, и наконецъ довели ихъ до того, что онѣ всѣ до одной бѣжали изъ аббатства. Городъ, лишившійся такимъ образомъ важной статьи доходовъ и будучи не въ силахъ обуздать своеволіе черни, обратился съ просьбою о помощи къ королю. Карлъ VI завернулъ во время своего путешествія въ Тулузу, лично изслѣдовалъ все дѣло, возстановилъ аббатство и взялъ проститутокъ подъ свое особенное покровительство. Въ 1525 г. университетъ отнялъ у нихъ занимаемыя ими зданія; онѣ снова были изгнаны за городъ, но граждане снова построили имъ домъ еще лучше прежняго. Въ Монпелье промыселъ разврата былъ отдаваемъ городомъ въ аренду, въ началѣ XV вѣка имъ занимался Кларъ Панэ, платившій

городу большія суммы. Послѣ его смерти публичные дома перешли по наслѣдству къ двумъ его сыновьямъ, которые, даже сдѣлавшись банкирами, не переставали эксплуатировать проституцію и приняли къ себѣ въ долю дворянина Делакруа. Городъ далъ этой честной компаніи вѣчную привиллегію на промыселъ разврата, подтвержденную за извѣстную ежегодную дань королемъ, и Карлъ VIII въ своей грамотѣ даже назвалъ упомянутыхъ эксплуататоровъ разврата „служителями общественныхъ интересовъ и блага". Во множествѣ другихъ французскихъ городовъ были подобные же привиллегированные дома непотребства, обогащавшіе своихъ содержателей и приносившіе значительные доходы городамъ и феодальнымъ владѣльцамъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ. И лѣтописи старинной Европы наполнены проституціонными тяжбами между разными эксплуататорами разврата, между арендаторами домовъ, напр., и городомъ, между привиллегированными проститутками и женщинами, отбившими у нихъ доходы своимъ секретнымъ ремесломъ, между лицами и сословіями, присвоившими себѣ исключительное право проституціонной юрисдикціи и т. д. Такъ, въ 1273 г. жители Шарлье жаловались на аббата, завладѣвшаго ихъ привиллегіей суда любодѣйныхъ дѣлъ; аббатъ не уступалъ и ссылался на старинныя преимущества своего монастыря, началась продолжительная тяжба. Въ 1304 г. возникли споръ и процессъ между жителями Сенъ-Кентена и монахами; послѣдніе хотѣли выгнать изъ городскихъ предмѣстій проститутокъ, но горожане отстаивали ихъ; королевскій совѣтъ рѣшилъ въ пользу монаховъ. Одинъ изъ подобныхъ процессовъ въ Парижѣ продолжался болѣе ста лѣтъ, и его никакъ не могли покончить ни короли, ни парламентъ. Людовикъ Св. сдѣлалъ улицу Baillehoé привиллегированнымъ мѣстомъ проституціи, какъ одну изъ самыхъ худшихъ улицъ. Но со временемъ она обстроилась и многіе буржуа, жившіе въ ней, получали огромные доходы отъ отдачи въ кортомъ проституткамъ своихъ домовъ. Но духовенство Сенъ-Мери вздумало изгнать проститутокъ изъ Baillehoé. Началась болѣе чѣмъ столѣтняя тяжба. Проститутки и буржуа указывали на данныя имъ грамоты Людовика Св.; хотя они были юридически совершенно правы, но въ 1388 г. духовенство взяло верхъ и префектъ приказалъ всѣмъ проституткамъ немедленно очистить Baillehoé. Поддерживаемыя домохозяевами, проститутки не повиновались; высланная противъ нихъ команда изгнала ихъ силою. Но онѣ вскорѣ опять поселились въ той же улицѣ, и тяжба духовенства съ буржуа кончилась не ранѣе царствованія Генриха IV, короля англійскаго и французскаго.

Такъ порождался и эксплуатировался развратъ въ старинной Европѣ. Деспотизмъ, праздность и богатство порождали его, а рабство и нищета доставляли ему средства удовлетворенія. Покормившись недолго,

пожалуй, даже покутивъ съ богатыми развратниками, бѣдная женщина снова впадала въ ту же бездну нищеты и преступленій, изъ которой ее на время вытащила рука сводни или прельстившагося ею мужчины. Въ награду же за свою вынужденную жертву, она получала общее презрѣніе. Отношенія къ ней государства, общества и духовенства были полны варварства и лицемѣрія. Патеры, забывая ученіе Христа, патеры, бывшіе, благодаря своей праздной роскоши и безбрачію, однимъ изъ главныхъ факторовъ проституціи, эксплуатировали публичныхъ женщинъ, бичевали и вѣшали однѣхъ, ведя крайне безобразную жизнь съ другими. Нѣкоторые изъ самыхъ развращенныхъ государей являлись самыми ревностными проповѣдниками нравственности и самыми яростными гонителями проституціи. Буржуа, предписывая правила нравственности для женщинъ своего класса, считали дѣломъ дозволеннымъ не только развращать женщинъ простонародья, но даже торговать ими. И втеченіе столѣтій ни одного гуманнаго слова за жертвъ порока! Заводили, правда, по мѣстамъ Магдалининскія убѣжища, да что въ нихъ! Въ однихъ убѣжищахъ проститутки заваливались работой, кормились плохо и мерли, какъ мухи, въ другихъ онѣ вели прежнюю жизнь со своими наставниками нравственности. Такъ французское аббатство Фонтевро, основанное съ цѣлью принятія раскаявшихся публичныхъ женщинъ, было превращено его настоятелемъ и основателемъ въ непотребный домъ и большинство монахинъ забеременѣло отъ благочестиваго аббата.

IV.

Въ то время, какъ нѣкоторыя опасенія задерживаютъ совершеніе разумныхъ, вовсе не коммунистическихъ, соціальныхъ реформъ, разрушеніе семействъ и общность женщинъ развиваются въ Европѣ съ ужасающею быстротой. Взгляните на жизнь европейскаго пролетаріата, и вы увидите, что въ ней остались отъ брака и семьи только однѣ развалины, увидите здѣсь самую возмутительную общность женщинъ, отъ которой съ омерзѣніемъ отвернулись бы и Платонъ, и Кампанелла, и всѣ другіе мыслители, мечтавшіе введеніемъ ея облагодѣтельствовать человѣчество. Въ высшихъ, зажиточныхъ классахъ замѣчается подобное же явленіе, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. Европейская семья не имѣетъ уже нынѣ того характера, какимъ она отличалась лѣтъ двѣсти назадъ. Почти вездѣ въ Европѣ количество браковъ постепенно уменьшается, а количество разводовъ и холостяковъ постепенно увеличивается. Такъ идутъ дѣла въ Римѣ, напр., какъ свидѣтельствуетъ докторъ Жако. Въ Англіи на 100,000 женщинъ:

Съ 1796	по 1805	г. ежегодно заключалось	1,716	браковъ.
„ 1806	„ 1815	„ „ „	1,637	„
„ 1816	„ 1825	„ „ „	1,607	„
„ 1826	„ 1835	„ „ „	1,588	„
„ 1836	„ 1845	„ „ „	1,533	„

Во Франціи замѣтно такое же уменьшеніе, хотя и съ сильными колебаніями, которыя объясняются или экономическими кризисами, или особенно хорошимъ сравнительно положеніемъ промышленныхъ дѣлъ въ данное время. Въ этой странѣ было заключено браковъ:

Въ 1848 году	293,552
„ 1851 „	286,884
„ 1852 „	281,460
„ 1853 „	280,609
„ 1854 „	270,906
„ 1855 „	283,846

Количество разводовъ и реакцій противъ строгихъ правилъ о нерасторжимости брака также постепенно возрастаютъ, даже въ такихъ окаменѣлыхъ обществахъ, какъ австрійское. Въ Парижѣ, напр., законно доказанныхъ нарушеній супружеской вѣрности было:

въ 1854 г. — 501
„ 1866 „ — 685

Разводовъ въ 1854 г. — 1682
„ „ 1866 „ — 2570

Незаконныхъ дѣтей на 38,775 законныхъ:

въ 1864 г. — 14,868
„ 1866 „ — 15,510.

Въ Петербургѣ изъ 79,388 замужнихъ женщинъ живетъ съ мужьями только 52,274, слѣдовательно 27,114 или 1/3 живетъ розно. Число женщинъ, не выходящихъ замужъ, гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Въ 1864 г. на 1000 женщинъ старше 40 лѣтъ приходилось въ Вѣнѣ 459 незамужнихъ и 408 замужнихъ; въ Парижѣ 264 незам. и 592 зам.; въ Лондонѣ 303 незам., и 551 зам.; въ Берлинѣ 373 незамужнихъ и 503 замужнихъ.

Безбрачіе усиливается, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно усиливается и запросъ на развратъ. Пролетарій, которому не на что содержать семью и который часто теряетъ даже всякій вкусъ къ семейной жизни, солдатъ, которому не дозволяютъ жениться или котораго необходимость заставляетъ жить розно со своей семьей, католическій духовный, которому не приказано и думать о женщинѣ, матросъ, принуждаемый своими путешествіями къ долгому и непривычному для него воздержанію, горожанинъ, невступающій въ бракъ по недостаточности средствъ для такъ называемой „приличной“ семейной обстановки, праздный, беззаботный, ничѣмъ незанятый, кромѣ удовольствій своего тѣла,

свѣтскій шелопай,—все это родители и возбудители разврата, пожирающаго Европу и угрожающаго довести ее до того же состоянія, въ какомъ находился древній Римъ въ послѣднюю эпоху своей исторіи. Излагаемыя мною ниже подробности покажутъ читателю, что, по своей развращенности, Европа и теперь немногимъ отстала отъ Рима. Несмотря на покровъ лицемѣрія, на сдерживающую силу обычаевъ, законовъ и полиціи, на свѣтскую позолоту, прикрывающую развратъ, онъ развивается и съ упорною настойчивостью подтачиваетъ основы современнаго общества. На всей жизни разныхъ классовъ общества, на театрѣ, литературѣ, даже на извѣстнаго сорта наукѣ,—на всемъ лежатъ слѣды его глубокаго вліянія. Это неустанное волокитство и ухаживанье за прекраснымъ поломъ, эти возбудительные для большинства балеты, эта беллетристика, воспѣвающая на всѣ манеры одну только половую любовь, эти канканы, это распространеніе соблазнительныхъ картинъ и фотографій, эти quasi-ученыя книги о женщинѣ, въ родѣ „Физіологіи брака“ Дебэ, съ такимъ остервѣненіемъ читаемой въ нашихъ провинціяхъ, наконецъ, это сочиненіе о любви одного изъ геніальнѣйшихъ людей Франціи, Мишле—что такое все это, какъ не подкрашенное проявленіе самаго глубокаго разврата. Законодательство, судъ и администрація Франціи покровительствуютъ всему этому, не обязывая мужчинъ содержать своихъ законныхъ дѣтей, запрещая даже ходатайство матерей объ этомъ, освобождая развратниковъ отъ обѣщаній жениться на соблазненныхъ ими дѣвушкахъ. Недавно въ числѣ присяжныхъ, судившихъ дѣвицу, убившую своего ребенка, былъ отецъ этого ребенка и на ряду съ другими призналъ подсудимую виновной!.. Случается, что мужчина, растлившій дѣвушку, самъ же представляетъ ее въ полицію для записи въ проституціонную книгу!... Мало этаго,—реакціонные политики давно уже пользуются систематическимъ развращеніемъ нравовъ, какъ средствомъ для успокоенія тревожныхъ умовъ, покровительствуя шпицъ-баламъ, канкану, пріапической живописи, клубничной литературѣ, заводя даже на казенный счетъ образцовые дома разврата, какъ это дѣлали, напр., въ Парижѣ Наполеонъ III и Гаусманъ. Къ этимъ факторамъ развращенія принадлежитъ нетолько балетъ, но и опера. Изъ итальянскихъ донесеній кавалера Менца Меттерниху—говоритъ Гервинусъ—видно, что развитіе сенсуализма намѣренно поддерживалось въ Австріи, какъ существеннѣйшее средство для развлеченія неспокойныхъ умовъ. Для осуществленія этаго плана нельзя было придумать ничего лучше (оперы), этой музыкальной шумихи, которой древніе придавали, наряду съ танцами, сномъ и пиршествами, значеніе забавы, располагающей людей къ замѣнѣ серьезныхъ жизненныхъ интересовъ игрою и удовольствіями; это для взрослыхъ дѣтей что-то въ родѣ хлопушки Архотаса, которую въ древности давали маленькимъ дѣтямъ для того, „чтобы они ничего не ломали въ

домѣ". Благодаря этой системѣ развращенія погибало всегда не мало опасныхъ личностей, какъ преждевременно погибъ, напр., сынъ Наполеона I. Благодаря этой системѣ Вѣна сдѣлалась самымъ привольнымъ городомъ Европы. Наложничетво, покровительствуемое законами, неналагающее на мужчину никакихъ обязательствъ, болѣе и болѣе замѣняетъ собою бракъ, стоющій гораздо дороже наложничества. Многочисленныя арміи солдатъ, для которыхъ бракъ затрудняется или запрещается, и безбрачное католическое духовенство болѣе всего содѣйствуютъ этому коренному развращенію Европы. Давно ли, напр., во Франціи судилось нѣсколько поповъ за насиліе и растлѣніе, и два монаха за педерастированье въ своей школѣ 42 мальчиковъ. Духовенство даже и не скрываетъ своей развращенности. Въ Перу, напр., въ 1854 г. одинъ приходскій священникъ хвастался извѣстному ученому Бастіану, что онъ „имѣетъ 28 дѣтей и въ скорости надѣется окончить третью дюжину" *). Но гдѣ же эти классы принуждены искать удовлетворенія своимъ постоянно возбуждаемымъ и развивающимся страстямъ? Вѣдь женщины этихъ общественныхъ слоевъ, если не гораздо нравственнѣе, то, во всякомъ случаѣ, гораздо сдержаннѣе мужчинъ, и послѣднимъ нельзя развернуться какъ слѣдуетъ въ средѣ своего прекраснаго пола. То же самое было и у древнихъ народовъ, которые поэтому и покупали для проституціи рабынь съ иностранныхъ рынковъ. Въ современной Европѣ совершить такую операцію несравненно легче, чѣмъ въ древнемъ мірѣ. Для подобныхъ закупокъ вовсе не нужно ѣздить ни въ Азію, ни въ Африку, а стоитъ только выйти на улицу многолюднаго цивилизованнаго города и спросить живого

---

*) Для развращенія женщинъ духовенство пользуется исповѣдью и проповѣдью. Вотъ что, напр., въ пятидесятыхъ годахъ въ Марсели проповѣдывалъ женщинамъ одинъ іезуитъ. Похваливъ ихъ ревностную дѣятельность на пользу общества іисусова, онъ продолжалъ: «употребляйте всевозможныя средства, чтобы убѣждать вашихъ отцовъ, вашихъ братьевъ, вашихъ мужей, и тѣхъ, которые *милы вамъ въ другихъ отношеніяхъ* (à d'autres titres). Работайте въ вертоградѣ господнемъ во всѣ мгновенія своей жизни; работайте днемъ, работайте вечеромъ, *работайте ночью, и въ особенности ночью, вѣдь ночь—ваша сила*, возлюбленныя сестры!» Во французскомъ молитвенникѣ, одобренномъ архіепископомъ руанскимъ много молитвъ и кантъ, которыя въ монастырскихъ воспитанницахъ неизбѣжно пробуждаютъ половую страсть. Вотъ выдержки. «Ахъ, возлюбленный моего сердца, радость моя, наслажденіе мое, любовь моя, богъ мой, все мое!.. Наконецъ-то, я счастлива, обладая тобою! Обнимай меня, сожигай, поглощай мое сердце своею любовью. Возлюбленный мой со мною! Іисусъ отдался мнѣ! Я люблю тебя всею душою, я люблю тебя за любовь твою!» Въ набожной книгѣ *Палата Божественной любви* любовь описывается подъ образомъ мужчины, что по французски не бросается въ глаза, такъ какъ слово *l'amour* мужескаго рода. „Его станъ благороденъ и роскошенъ, губы румяны, волосы русы, откинуты назадъ" и т. д. Извѣстный аббатъ, авторъ романа «монахиня», свидѣтельствуетъ, что всѣ подобныя средства вполнѣ успѣшно дѣйствуютъ на монахинь и монастырскихъ воспитанницъ.

человѣческаго мяса. Предложите только деньги, и вамъ тотчасъ доставитъ его умирающая съ голоду бѣдность.

Мы не будемъ повторять тѣхъ подробныхъ статистическихъ данныхъ о бѣдности, которыя приведены уже нами въ „Дѣтоубійствѣ“, не будемъ говорить, какъ въ Европѣ люди умираютъ голодною смертью, какъ они избавляются отъ своей адской жизни посредствомъ самоубійства, какъ въ самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ странахъ *цѣлая четверть*, даже *цѣлая треть* всего народонаселенія живетъ только на средства общественной помощи и не можетъ существовать безъ нихъ. Здѣсь мы будемъ только доказывать, что главная, почти единственная причина европейской проституціи заключается въ ужасной бѣдности народныхъ массъ. Передъ нами болѣе двадцати ученыхъ монографій о промыслѣ разврата, и почти всѣ ихъ авторы въ одинъ голосъ утверждаютъ, что законная мать проституціи—бѣдность. Одно уже такое единство мнѣній, котораго вовсе не замѣчается при рѣшеніи другихъ соціальныхъ вопросовъ, свидѣтельствуетъ о самой несомнѣнной достовѣрности факта.

Извѣстно, въ какомъ жалкомъ, несчастномъ состояніи находятся массы фабричныхъ рабочихъ и большей части крестьянъ западной Европы. Тяжкій трудъ нисколько не обезпечиваетъ ихъ, и у сколько нибудь зажиточнаго хозяина скотъ живетъ, пожалуй, лучше и пользуется большимъ комфортомъ, чѣмъ эти бѣдняки, втоптанные въ грязь и раздавленные колесами колесницы гордой европейской цивилизаціи. Но положеніе женщины здѣсь еще вдвое хуже, чѣмъ положеніе мужчины. По извѣстнымъ изслѣдованіямъ Вильерме, до пятнадцатилѣтняго возраста рабочая плата мужчинъ и женщинъ почти одинакова. Затѣмъ женская плата все постепенно уменьшается и, начиная съ двадцатилѣтняго возраста, равняется только половинѣ мужской платы. Во Франціи, въ земледѣльческомъ быту женщина получаетъ лишь нѣсколько сантимовъ въ день; въ фабричной работѣ женщина добываетъ 1 франкъ, многія швеи не болѣе 75 сантимовъ, а заработокъ кружевницъ часто не превышаетъ 30 сант. въ день, за 16 часовъ работы. Въ Англіи еще хуже. „Работа иглой такъ мало обезпечиваетъ, что занимающіяся ею молодыя дѣвушки съ трудомъ могутъ получать отъ 3 до 5 франковъ въ недѣлю, работая ежедневно по 16 и 18 часовъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе жизни этихъ бѣдняжекъ! Онѣ должны вставать въ 4 или 5 часовъ утра и тотчасъ садиться за работу или бѣжать къ купцамъ за заказами. Работаютъ онѣ вплоть до полночи безъ отдыха, въ тѣсныхъ комнатахъ, въ которыхъ собираются онѣ по 5 и по 6, ради экономіи въ огнѣ и свѣтѣ. Эта сидячая и непрерывно трудовая жизнь до времени старитъ ихъ, если только еще раньше не пожретъ ихъ чахотка (Rayan)“. Вдобавокъ ко всему, въ Англіи множество женщинъ лишены возможности, вслѣдствіе конкуренціи мужчинъ, добыть себѣ даже

самую утомительную и самую дешевую работу. Мужчины не только на фабрикахъ захватываютъ въ свои руки тѣ отрасли труда, которыя въ другихъ странахъ исполняются женщинами, они овладѣли даже работами иглы, а также мѣстами въ разныхъ конторахъ и публичныхъ учрежденіяхъ. И не мало найдется мѣстностей, въ которыхъ женщина не можетъ имѣть рѣшительно никакого промысла, кромѣ разврата. Такъ, въ приморскихъ городахъ, напр., въ Ливерпулѣ, самый характеръ мѣстнаго простонароднаго труда устраняетъ отъ него женщинъ и дѣтей. Разными морскими, весьма тяжелыми работами занимаются здѣсь исключительно мужчины, а женщинамъ и дѣтямъ остается только проститутничать и воровать.

Статистическія данныя несомнѣнно доказываютъ, что *всѣ почти безъ исключенія* публичныя женщины происходятъ изъ класса рабочихъ или бѣдныхъ крестьянъ. Мы могли бы завалить читателя десятками подобныхъ статистическихъ таблицъ, доказывающихъ этотъ въ высшей степени поучительный фактъ. Вотъ напр., 3,332 парижскихъ публичныхъ женщины, представившихъ въ полицейскую префектуру полныя копіи со своихъ метрическихъ свидѣтельствъ. Почти всѣ они происходятъ отъ отцовъ, принадлежащихъ къ рабочему классу, въ томъ числѣ 454 отъ поденьщиковъ, занимающихся самыми тяжкими работами, 325 отъ земледѣльцевъ, 100 отъ бывшихъ въ домашней прислугѣ, 65 отъ портныхъ и т. д. Замѣчательно, что у 3 изъ этихъ женщинъ, родившихся въ Парижѣ, и у 31, родившейся въ департаментахъ, отцы были *учителями*. Для объясненія этого страннаго, повидимому, факта, нужно знать, въ какомъ положеніи находятся во Франціи школьные учителя, особенно отставные. Въ одномъ изъ номеровъ газеты „Siécle“ напечатано: „во Франціи оказываютъ почетъ и уваженіе только военачальникамъ и безполезнымъ администраторамъ, между тѣмъ какъ въ бюллетеняхъ читаемъ извѣстія въ родѣ слѣдующихъ: годичная пенсія г-ну Ф. Р., отставному учителю, родившемуся въ 1794 г., *за 48 лѣтъ службы*, *100 франковъ*“, или: „годичная пенсія г-ну Д., отставному учителю, *за 60 л. службы*, *61 франкъ*“! Это хуже положенія самаго послѣдняго рабочаго.

Занятія родителей почти всегда бываютъ и занятіями самихъ женщинъ, пока онѣ не отдадутся проституціи. Требюше и Пуара Дюваль сдѣлали слѣдующіе выводы изъ своихъ изслѣдованій о профессіи парижскихъ проститутокъ:

	На 1,000 женщинъ.
1) Женщинъ безъ опредѣленныхъ занятій	87,40
2) Служанокъ	81,69
3) Жилетницъ	52,22
4) Поденщицъ	45,08
5) Башмачницъ	31,41

6)	Бѣлошвеекъ	22,95
7)	Гладильщицъ	22,30
8)	Линейщицъ	21,73
9)	Швей	19,65
10)	Золотошвеекъ	17,11
11)	Позументщицъ	16,69
12)	Модистокъ	13,69
13)	Актрисъ	13,59
14)	Корсетницъ	13,30
15)	Прачекъ	13,08
16)	Пуговочницъ	12,52
17)	Перчаточницъ	12,20
18)	Цвѣточницъ	11,29
19)	Плюмажницъ	10,13
20)	Шапочницъ	10,00

Остальныя — тоже разныя ремесленницы, за немногими исключеніями, напр. 2 повивальныя бабки и т. п. У Паранъ-Дюшатле въ числѣ 3.120 проститутокъ помѣщено 3 повивальныхъ бабки, 7 лавочницъ, довольно зажиточныхъ, 6 музыкантшъ, 16 актрисъ, наконецъ 3—рѣдкое, чрезвычайное исключеніе—получающихъ ренту въ 200, 500 и 1000 франковъ. Ниже мы объяснимъ, изъ-за чего проститутничаютъ небѣдныя женщины, а теперь обратимся къ разсмотрѣнію профессій этихъ несчастныхъ созданій въ другихъ городахъ, кромѣ Парижа. Въ Брестѣ, по изслѣдованіямъ д-ра Рошара, многія изъ проститутокъ, до впаденія въ этотъ промыселъ, вовсе не имѣютъ опредѣленныхъ занятій, а остальныя происходятъ изъ служанокъ, швей, прачекъ, гладильщицъ и т. д. Въ Ліонѣ изъ 3,884 публичныхъ женщинъ 1,554 жили шитьемъ разнаго рода, 775 занимались разными работами на фабрикахъ, стиркою бѣлья, дѣланіемъ игрушекъ, шапокъ и т д; 732 не имѣли опредѣленныхъ занятій. а были то поденьщицами, то служанками, то сидѣльщицами въ кабакахъ и т. д; 410 занимались шелковыми работами, 228—торговлею разнаго рода, 161—обработкою полей, 54 изъ актрисъ, пѣвицъ, учительницъ, дочерей родителей, бывшихъ когда-то зажиточными, но потомъ раззорившихся. Въ Нантѣ изъ 264 проститутокъ 127 были изъ крестьянокъ, принужденныхъ бросить обработку полей, остальныя—разнаго рода ремесленницы. Въ Эдинбургѣ на 1,160 публичныхъ женщинъ приходилось 660 работницъ, 300 служанокъ, 200 вдовъ или женъ, оставленныхъ мужьями. Въ Алжирѣ изъ 319 европейскихъ проститутокъ было 278 швей, 11 прачекъ и т. д. Въ Бернѣ, по изслѣдованію д-ра д'Эрлаха, почти всѣ проститутки принадлежатъ къ классу поденьщицъ и служанокъ, и только немногія—изъ швей или женщинъ, ведущихъ на свой счетъ какое нибудь маленькое дѣло.

Но для полнаго освѣщенія предмета—цифръ недостаточно; нужно взглянуть на положеніе этихъ женщинъ въ своихъ семействахъ и внѣ ихъ.

Въ „Дѣтоубійствѣ“ мы уже разсказывали, какъ бѣдность нерѣдко доводитъ этихъ несчастныхъ до того, что они убиваютъ своихъ дѣтей, отравляютъ мужей и родственниковъ, чтобы немного поправиться на деньги, выдаваемыя на ихъ похороны изъ такъ называемыхъ „погребальныхъ обществъ“. Послѣ этого, что же удивительнаго въ томъ, если онѣ, ради куска хлѣба, продаютъ свое тѣло сначала богатымъ людямъ, людямъ съ эстетическими требованіями, а потомъ, когда оно поизносится и одряхлѣетъ, — своему же брату, пролетарію. У Некрасова такая женщина вынуждена выйти на Невскій, чтобы заработать на „гробикъ ребенку и ужинъ отцу“. А сколько есть матерей, промышляющихъ развратомъ ради избавленія своего семейства отъ голодной смерти, сколько дочерей торгуетъ своимъ тѣломъ для пропитанія больной, престарѣлой матери! Подобные факты можно встрѣтить очень часто, особенно въ большихъ городахъ. „Нерѣдко — говоритъ Паранъ — можно встрѣтить замужнихъ женщинъ, лишившихся мужей или брошенныхъ ими, которыя отдаются проституціи единственно для того, чтобы не допустить свое многочисленное семейство до голодной смерти; еще чаще можно видѣть молодыхъ дѣвушекъ, которыя, будучи не въ состояніи заработать трудомъ сумму, необходимую для своихъ престарѣлыхъ и дряхлыхъ родителей, начинаютъ по вечерамъ промышлять развратомъ, чтобы пополнить свой дефицитъ, непокрываемый трудомъ. Этотъ классъ проститутокъ многочисленнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ“. Въ Англіи—то же самое, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ превосходной книгѣ «The great sin of great cities». Одна англійская проститутка, которую положительно нельзя было заподозрить въ лживости, разсказываетъ о себѣ: „пока мужъ мой былъ живъ, я оставалась вѣрна ему. Онъ умеръ, и я съ ребенкомъ находилась въ такой крайней нищетѣ, что вынуждена была, во избѣжаніе нашей голодной смерти, заработывать хлѣбъ развратомъ. Если бы я могла жить трудомъ, то никогда не пошла бы промышлять на улицу. Къ сожалѣнію, я должна сказать, что очень много женщинъ находится въ такомъ же положеніи, какъ я; сотни замужнихъ и незамужнихъ женщинъ дѣлаютъ то же самое и по тому же побужденію“. Очень часто матери промышляютъ развратомъ, хотя могли бы жить трудомъ, по любви къ своему ребенку, по нежеланію разстаться со своимъ милымъ дѣтищемъ, которое, между тѣмъ, не даетъ имъ работать.

Положеніе женъ и дочерей въ семействахъ еще хуже. Семья пролетарія — это не только сѣдалище самой возмутительной бѣдности, сцена постоянныхъ ссоръ, дракъ, пьянства, но и школа половыхъ пороковъ. Да здѣсь, собственно говоря, и нѣтъ семьи, а царитъ сплош-

ной развратъ всѣхъ со всѣми. Напр. въ общинѣ Кросвилль чрезвычайная раздробленность поземельной собственности произвела нищенство, къ которому сначала прибѣгали только какъ къ крайнему средству болѣе несчастные, обѣднѣвшіе жители, и которое теперь обратилось въ общій промыселъ. Эта деревня представляетъ какую-то республику нищихъ, живущихъ, подобно цыганамъ. Браковъ въ ней вовсе нѣтъ. Жители предаются кровосмѣшенію и всѣмъ случайностямъ совокупленія. Отсюда произошелъ цѣлый разсадникъ дѣтей, которыя съ малолѣтства пріучаются своими родителями къ нищенству. Нарушившій общій обычай и вступившій въ бракъ подвергается палочнымъ ударамъ въ возмездіе за невѣрность. Семьи также нѣтъ въ средѣ того многочисленнаго класса, который, ведя полукочевую жизнь и занимаясь всевозможными темными дѣлами, составляется изъ всевозможныхъ отверженниковъ общества и называется у нѣмцевъ «Gaunerthum». Здѣсь случается, что отцы живутъ съ дочерьми, братья съ сестрами; здѣсь дѣвушки начинаютъ лѣтъ съ 12; здѣсь есть не только многоженцы, содержащіе по 10 и 12 наложницъ, но и женщины, содержимыя цѣлой компаніей мужчинъ. У фабричныхъ рабочихъ, особенно у французскихъ, тоже постепенно усиливаются отвращеніе къ прочной, не только брачной, но даже любовной связи (connubium) и стремленіе къ возможно частой перемѣнѣ любовницъ 12 — 14 лѣтъ дѣвушки уже начинаютъ. „Эти достойные сожалѣнія нравы—говоритъ г-жа Добіе — изгоняютъ бракъ изъ среды рабочихъ классовъ. Развращенность Парижа проникла во всѣ наши города и теперь губитъ деревни. Развратные и грубые работники Альзаса выдумали даже нѣмецкое слово для обозначенія распущенности, освобождающей ихъ отъ всѣхъ обязанностей. Пьянствовать, мѣнять женщинъ чаще, чѣмъ платье, бросать на улицу своихъ дѣтей, всѣ эти дѣйствія, возбуждающія одинъ только хохотъ, обозначаются словомъ parisieren, т. е. *жить по парижски*. У многихъ фабрикантовъ вошло въ обычай не давать дѣвушкѣ работы, не лишивъ предварительно ее невинности. Законъ и администрація смотрятъ на все это сквозь пальцы. „Достаточно сказать — говоритъ г-жа Добіе — что одинъ смотритель дома слѣпыхъ могъ разстлѣвать молодыхъ дѣвушекъ, ввѣренныхъ его попеченію, — его только смѣнили за это"! Понятно, какіе уроки даетъ дѣвушкамъ подобная жизнь. Даже тамъ, гдѣ сохранились еще остатки семейства, онѣ постоянно должны подвергаться половымъ соблазнамъ и искушеніямъ. Въ темныхъ, сырыхъ и чрезвычайно тѣсныхъ помѣщеніяхъ, на пучкахъ гнилой соломы спятъ здѣсь истомленныя трудомъ, а подчасъ и отуманенныя винными парами семейства; родители взрослыя дѣти, полунагіе братья и сестры, дѣвушки посторонніе мужчины — все это растянулось въ повалку и проводитъ ночи другъ подлѣ друга и развратничаетъ. Во Франціи это бываетъ сплошь и

рядомъ, какъ свидѣтельствуетъ Паранъ-Дюшатле и др. Но это общій неизбѣжный обычай всѣхъ странъ, обладающихъ блестящею цивилизаціей и при современныхъ условіяхъ труда неразлучнымъ съ ней пролетаріатомъ. Въ низшихъ классахъ англійскаго народа, напр., давно уже господствуетъ въ семейной жизни ужасное смѣшеніе половъ. Дѣти и родители, братья и сестры, родственники и родственницы, свои женщины и чужіе мужчины — набивающіеся для ночлега въ тѣсную конуру, какъ сельди въ бочку, естественно должны терять всякое чувство деликатности и цѣломудрія. Не старый еще отецъ спитъ на одной постели со своей взрослой дочерью, мужъ, жена и свояченица лежатъ на одной узкой соломенной постилкѣ, мать принимаетъ любовника въ присутствіи своихъ дочерей,—вотъ сцены, которыя постоянно можно встрѣтить въ кварталахъ пролетаріевъ. Вотъ что разсказываетъ, напр., о себѣ одна четырехлѣтняя парижская дѣвочка, приведенная въ тюрьму вмѣстѣ со своей матерью. „Дома по вечерамъ я постоянно одна въ комнатѣ, мама спозаранку укладываетъ меня въ постель и идетъ *искать папу. Папы* я никогда не видала, но каждый вечеръ я слышу, какъ онъ разговариваетъ, хохочетъ и пляшетъ съ мамой“. И эта еще не изъ самыхъ возмутительныхъ сценъ,—не такія бываютъ! Паранъ весьма справедливо говоритъ, что молодыя дѣвушки, подвергнутыя на болѣе или менѣе продолжительное время тюремному заключенію, со всей его развратительной обстановкой, развращаются гораздо менѣе, чѣмъ въ домахъ своихъ родителей, ведущихъ нищенскую и скотскую жизнь. Нерѣдко родители просто торгуютъ своими дочерьми, силою отдавая ихъ въ руки богатымъ развратникамъ или хозяйкамъ публичныхъ домовъ. Такъ, въ Лондонѣ Давидъ Росненъ (27 л.) вмѣстѣ съ женою жилъ на проституціонную выручку своихъ трехъ дочерей, имѣвшихъ около 15 лѣтъ, Вечеромъ онъ обыкновенно посылалъ одну изъ дочерей на улицу, она приглашала трехъ мужчинъ, достойный родитель бралъ съ нихъ деньги и въ своей же квартирѣ отдавалъ имъ дочерей. Въ Италіи, и особенно въ Римѣ, по свидѣтельству д-ра Жако, простолюдинка продаетъ свою дочь, только бы дали за нее подороже, хотя, „подобно хлѣбу, дѣвушки гораздо дороже въ Парижѣ, чѣмъ въ Римѣ“. И не въ одной Италіи, а положительно во всей Европѣ власть и сила родителей нерѣдко употребляются ими на такую гнусную торговлю тѣломъ и душою своихъ дѣтей. Ужъ если промотавшійся аристократъ, некрасовскій „Папаша“, выводитъ на продажу свою молоденькую дочь, чтобы на выработанныя ею развратомъ деньги задавать блестящія пирушки гусарамъ и рисоваться передъ камеліями, то чего же ждать отъ обезсмысленныхъ нищетою и порокомъ пролетаріевъ!.. Еще чаще можно найти мужей или отдающихъ своихъ женъ въ кортомъ, съ ихъ, конечно, согласія, или силою и побоями заставляющихъ ихъ рыскать ночью по улицамъ и добы-

33

вать деньги посредствомъ самой грубой проституціи. И если въ англійскомъ законодательствѣ до сихъ поръ еще не уничтожена статья, дозволяющая мужу *отвести жену на веревкѣ на базаръ и продать ее тамъ*, то почему же такому автократноту супругу и не отдавать своей жены другимъ за деньги во временное пользованіе!... Докторъ Жако говоритъ, что онъ „долго отказывался вѣрить въ существованіе столь постыдной отвратительной и унизительной торговли мужей своими женами, но теперь окончательно убѣдился въ ней". При такомъ характерѣ семейной жизни, при этой постоянной нищетѣ и даже голодной смерти, такъ часто угрожающей семейству пролетарія, понятно, почему нерѣдко цѣлыя семьи не знаютъ другого промысла, кромѣ проституціи. Паранъ-Дюшатле говоритъ, что въ бывшихъ у него спискахъ публичныхъ женщинъ онъ встрѣчалъ 16 разъ мать и дочь, вмѣстѣ промышлявшихъ развратомъ, 4 раза—тетку и племянницу, 22 раза двоюродныхъ сестеръ; кромѣ того, въ числѣ 5183 проститутокъ фигурировали 164 раза по двѣ сестры, 4 раза три сестры и 3 раза четыре сестры. Докторъ Тэтъ сообщаетъ слѣдующую таблицу объ эдинбургскихъ проституткахъ:

2	матери съ четырьмя дочерьми каждая .	8 дочерей.
5	матерей съ тремя дочерьми каждая . .	15 „
10	матерей съ двумя дочерьми каждая . .	20 „
24	матерей съ одной дочерью каждая . .	24 „
41	мать.	67 дочерей.

Кромѣ того, въ Эдинбургѣ же втеченіе одного года было записано вмѣстѣ 1 разъ 6 сестеръ, 1 разъ 5 сестеръ, 3 раза 4 сестры, 10 разъ 3 сестры, 18 разъ 2 сестры. „Случается", говоритъ Тэтъ — „что въ Эдинбургъ прибываютъ цѣлыя семейства и всѣ члены ихъ вмѣстѣ предаются проституціи".

Хотя защита, доставляемая дѣвушкѣ или женщинѣ семействомъ, слаба, хотя вліяніе семьи сплошь и рядомъ развратительное, но положеніе женщины одинокой, безсемейной, вообще гораздо хуже ея жизни въ семействѣ. Тысячи превратностей, несчастій, болѣзней, соблазновъ ждутъ ее на каждомъ шагу и отдаютъ въ руки разврата. А промышленная современная жизнь самыми разнообразными путями разбиваетъ семью и разбрасываетъ въ разныя стороны ея членовъ. Особенно печально положеніе несовершеннолѣтнихъ, слабыхъ и неопытныхъ сиротъ изъ рабочаго класса. Онѣ доставляютъ проституціи самый значительный контингентъ. Въ Ліонѣ, напр., по изслѣдованіямъ Поттона, изъ *3884* публичныхъ женщинъ *3484* или были круглыми сиротами или по разнымъ обстоятельствамъ не могли жить вмѣстѣ со своими родителями, или же имѣли только больныхъ, дряхлыхъ родителей и принуждены были пропитывать ихъ. Вмѣстѣ съ сиротствомъ

на голову дѣвушекъ часто падаетъ еще нравственная обязанность пропитывать своихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ или одного изъ своихъ овдовѣвшихъ родителей, больного и негодного ни для какой работы. И такая сирота проситъ у разврата хлѣба, котораго ей не даетъ трудъ. Мы приведемъ здѣсь глубоко-трагическій, потрясающій разсказъ о себѣ одной лондонской шестнадцатилѣтней дѣвушки. „Я сирота. Десяти лѣтъ я поступила служанкою къ одному мелкому торговцу. Это была ужасная служба! Хозяйка обходилась со мной жестоко и часто била. Черезъ три недѣли, проведенныхъ мною въ этомъ мѣстѣ, я потеряла свою мать. Отецъ же мой умеръ еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Я терпѣла ужасное обхожденіе хозяйки цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Она била меня и руками и палкой. Я была вся покрыта синяками. Наконецъ, я убѣжала. Имѣя 3 шиллинга, я поступила на дешевую квартиру къ одной мистрисъ“. Это была квартира самаго грязнаго разврата. Сирота насмотрѣлась здѣсь всякой гадости. Когда три шиллинга были издержаны ею, ее выгнали на улицу. Здѣсь ее встрѣтилъ понравившійся ей юноша лѣтъ пятнадцати и уговоривъ ее жить съ собой, привелъ ее обратно на прежнюю квартиру. Черезъ три мѣсяца этого любовника посадили въ тюрьму. „Я была огорчена, хотя онъ и заразилъ меня“. Сирота нарочно сдѣлала покражу, чтобы, попавъ на тюремное содержаніе, не умереть съ голода. Ее посадили на мѣсяцъ. „И жила я такимъ образомъ три года, то съ деньгами, то безъ гроша. Все это время я жила на Kent Street, въ домѣ, наполненномъ ворами и погибшими женщинами. Въ одной комнатѣ здѣсь спало около пятидесяти взрослыхъ мальчиковъ и дѣвушекъ. Постели— ужасно грязныя и наполненныя вшами. Цѣлую ночь здѣсь горѣла свѣча. Многіе мужчины и женщины спали совершенно нагими или плясали то же нагишомъ. Нѣкоторые изъ нихъ были еще дѣти“. Развратъ здѣсь былъ на распашку. Каждую ночь драка. „Послѣ трехъ лѣтъ такой жизни я украла у мясника кусокъ говядины, чтобы попасть въ тюрьму. Такая жизнь опротивѣла мнѣ и я не знала, какъ изъ нея выйти. Послѣ моего освобожденія я провела на улицѣ два дня и одну ночь“. Затѣмъ новое преступленіе съ тою же цѣлью. „Я думала о своей постыдной жизни, о разрушеніи своего здоровья и мнѣ казалось лучше постоянно оставаться въ тюрьмѣ, чѣмъ снова начинать прежнюю жизнь. Меня продержали въ заключеніи шесть мѣсяцевъ. При освобожденіи я нарочно, съ прежней цѣлью, разбила лампу, и меня продержали еще пятнадцать дней. Это было мое послѣднее заключеніе“. Сирота вернулась къ прежней жизни, отвращеніе отъ которой, хотя и не искорененное вовсе, было на время побѣждено въ ней страхомъ голодной смерти и невозможностью найти другой выходъ.

Рядомъ съ этимъ многочисленнымъ классомъ сиротъ нужно по-

ставить и тѣхъ дѣтей, которыхъ почему нибудь родители прогоняютъ отъ себя, предоставляя имъ жить какъ и чѣмъ угодно. Безконтрольность родительской власти и силы, несмягчаемая въ низшихъ, загрубѣлыхъ классахъ народа никакими нравственными правилами, сплошь и рядомъ приводитъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Полуголодные, пьяные, обезсмысленные дикою злобою на свою судьбу, бѣдняки изливаютъ свою злость на собственныхъ дѣтей и деспотствуютъ въ семействахъ такъ же, какъ восточные деспоты въ своихъ владѣніяхъ. Прочтите романъ Гринвуда „Исторія маленькаго оборвыша", и вы познакомитесь съ ужасною жизнью этихъ семействъ, изъ которыхъ дѣти такъ часто эмигрируютъ и съ малолѣтства начинаютъ жизнь уличнаго бродяги, умирающаго съ голода, принужденнаго жить воровствомъ, преслѣдуемаго полиціей, проводящаго дни въ бѣготнѣ и работѣ, когда она навернется, а ночи гдѣ-нибудь въ сырой и вонючей канавѣ. И нужно замѣтить, что огромная часть дѣтей бѣднаго класса богатыхъ городовъ подвержена подобной участи, которая прямо ведетъ къ преступленію и пороку. Если ребенка не прогоняютъ отъ себя родители, если онъ не эмигрируетъ изъ семьи самъ, то родители продадутъ его на базарѣ. Въ Лондонѣ, напр., есть дѣтскій рынокъ, на который по утрамъ родители выводятъ своихъ дѣтей обоего пола, начиная съ семилѣтняго возраста, и отдаютъ ихъ въ наймы каждому встрѣчному на недѣлю, на мѣсяцъ и т. д. Понятно, къ чему можетъ вести такая продажа. Вмѣстѣ съ сиротами, вмѣстѣ съ бѣжавшими отъ родителей или брошенными ими несовершеннолѣтними дѣвушками, проданныя такимъ образомъ родителями захватываются разными агентами проституціи и продаются ими въ качествѣ невинностей. Если, для достиженія этой подлой цѣли, ласки и соблазны оказываются недѣйствительными, то прибѣгаютъ къ силѣ или наркотическимъ средствамъ, парализующимъ въ дѣвушкѣ всякое сопротивленіе. Это вполнѣ организованный промыселъ, съ многочисленными агентами, съ большимъ сбытомъ, установившимися цѣнами; главнымъ рынкомъ его служитъ Лондонъ, получающій этотъ живой товаръ чуть не въ цѣлой Европѣ и дающій за каждую невинность отъ 500 до 2500 франковъ; второй громадный рынокъ — Парижъ. Содержательницы публичныхъ домовъ часто вступаютъ въ договоръ съ разными извощиками, которые и привозятъ имъ обманомъ молоденькихъ дѣвушекъ, получая извѣстную плату за каждую доставляемую голову. То же самое дѣлаютъ разные агенты, рыскающіе не только по улицамъ своего города, но разъѣзжающіе по всей Европѣ за добычею невинностей и доставляющіе ихъ на главные рынки разврата.

Рядомъ съ одинокими, безпомощными дѣтьми и несовершеннолѣтними дѣвушками увлекаются на арену проституціи вдовы и женщины, брошенныя своими мужьями или любовниками. О вдовахъ мы уже

говорили, и проститутокъ дѣлается изъ нихъ гораздо меньше, чѣмъ изъ брошенныхъ любовницъ. Множество разнаго сорта мужчинъ,—студентовъ, солдатъ, приказчиковъ и т. д., соблазняютъ въ провинціяхъ неопытныхъ дѣвушекъ, привязываютъ ихъ къ себѣ, обѣщаютъ жениться, увлекаютъ ихъ съ собою въ большія города и здѣсь скоро бросаютъ. Не имѣя ни знакомыхъ, ни хлѣба, ни квартиры, окруженная на каждомъ шагу обольстителями, такая дѣвушка скоро увлекается потокомъ разврата. Кромѣ того, многія, потерявшія невинность на родинѣ, гонимыя позоромъ или нуждою, идутъ въ большія города искать работы и не находя ее, выходятъ на публичную продажу. Очень много служанокъ подвергаются той же участи. Такъ часто обольщаютъ ихъ хозяева, такъ часто теряютъ они мѣста за свое „безпутство" и остаются безъ хлѣба и крова, что въ спискахъ проституціи они составляютъ одно изъ самыхъ большихъ чиселъ. Мы приведемъ здѣсь интересную таблицу парижскихъ проститутокъ, отлично выясняющую громадную важность упомянутыхъ причинъ.

Побудительныя причины.	Число проститутокъ.
1) Крайняя бѣдность и голодъ	1,441
2) Потеря отцовъ и матерей, изгнаніе изъ родительскаго дома; полное одиночество и безпомощность	1,255
3) Необходимость пропитывать престарѣлыхъ и слабыхъ родителей	37
4) Старшихъ дочерей въ семьѣ, неимѣющихъ ни отца, ни матери и содержащихъ своихъ малолѣтнихъ сестеръ и братьевъ, а иногда племянниковъ и племянницъ	29
5) Женщинъ, овдовѣвшихъ или брошенныхъ мужьями и пропитывающихъ многочисленоое семейство	23
6) Пришедшихъ изъ провинцій искать въ Парижѣ работы	280
7) Привезенныхъ въ Парижъ и брошенныхъ солдатами, офицерами, студентами и т. п. . . .	404
8) Служанокъ, обольщенныхъ и потомъ прогнанныхъ своими хозяевами	289
9) Наложницъ, брошенныхъ своими любовниками и ненашедшихъ дѣла	1,425
	5,183

Къ этому нужно еще прибавить, что въ числѣ одинокихъ, безпомощныхъ женщинъ находится довольно значительное количество незаконныхъ дочерей, непризнанныхъ отцами или вовсе незнающихъ

своихъ родителей. Такъ, на 1183 публичныхъ дѣвушки, рожденныхъ въ Парижѣ и о происхожденіи которыхъ въ рукахъ полиціи находились подробныя, точныя свѣдѣнія, приходилось:

законныхъ	назаконныхъ	слѣдовательно
946	237	1 незак. на 3, 98 зак.

Французскіе департаменты представляютъ относительно этого слѣдующія данныя: на 3,667 публичныхъ женщинъ 2,997 законныхъ, 385 незаконныхъ, слѣдовательно 1 незаконная на 7, 78 законныхъ. Въ числѣ простиcтутокъ не мало также дѣвушекъ воспитанныхъ въ домахъ для найденышей и потомъ выпущенныхъ на вольный свѣтъ работать, а больше голодать и бѣдствовать.

Трудно представить себѣ положеніе всѣхъ этихъ женщинъ, лишенныхъ труда или занимающихся крайне плохо вознаграждаемой работой,—положеніе, которое такъ часто доходитъ до крайнихъ предѣловъ страданія во время голода, закрытія фабрикъ, промышленныхъ кризисовъ и подобныхъ общественныхъ бѣдствій. Все это увеличиваетъ число безпомощныхъ, безработныхъ женщинъ и усиливаетъ проституцію; это замѣчено всѣми основательными наблюдателями. Такъ, напр., въ 1816 и 1817 г. Европу угнеталъ сильный голодъ и въ Парижъ, этотъ всемірный рынокъ проституціи, пріѣзжало изъ за-границы вдвое, втрое, даже вчетверо больше проститутокъ, чѣмъ въ предыдущіе и послѣдующіе годы. То же самое явленіе замѣчается во время революцій, имѣющихъ вообще такое гибельное вліяніе на ходъ промышленной жизни. Но жизнь бѣдныхъ классовъ ужасна и безъ этихъ кризисовъ. Въ Лондонѣ около *70,000* людей не имѣютъ даже самой дрянной квартиры и ночуютъ въ канавахъ, водосточныхъ трубахъ, подъ лодками, арками мостовъ и т. д. „Въ Парижѣ есть тысячи индивидуумовъ, неимѣющихъ никакого жилища и проводящихъ ночи, гдѣ придется" (Parent). Въ Страсбургѣ много женщинъ, пришедшихъ въ городъ за работой и ненаходящихъ ее, „спитъ подъ воротами, въ дилижансахъ, въ бочкахъ" (Strohl). Да и гдѣ иначе въ большихъ городахъ! Чтобы дать читателю какое-нибудь понятіе о такой жизни, мы сообщимъ слѣдующій разсказъ, извлеченный Леономъ Фоше изъ англійской газеты „Examiner". „Сторожа парка и полисмены приводятъ въ послѣдніе дни въ полицейское бюро много молодыхъ дѣвушекъ, находимыхъ спящими подъ деревьями Гайдъ-Парка и Кенсингстонскихъ садовъ. Эти несчастныя, всѣ безъ исключенія, находятся въ такой ужасной бѣдности и такъ заражены болѣзнями, что власть дѣлаетъ имъ благодѣяніе, отсылая ихъ въ тюрьму, гдѣ онѣ найдутъ и убѣжище и медицинскую помощь. По сообщенію сторожей, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ около пятидесяти человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ не имѣютъ ночью другого пристанища, кромѣ деревьевъ парка и отверстій въ откосахъ. Большинство изъ нихъ—мо-

лодыя дѣвушки, отъ 14 до 17 лѣтъ, приведенныя солдатами изъ провинціи, развращенныя ими и потомъ предоставленныя своей ужасной судьбѣ. Эти несчастныя созданія ведутъ такую жизнь съ самаго дѣтства, не имѣя по ночамъ другого пристанища, кромѣ парковъ, гдѣ онѣ буквально сгниваютъ въ нищетѣ, грязи и болѣзняхъ". Но и общія квартиры въ большихъ городахъ для ночлега бѣдняковъ не менѣе грязны и развратительны, чѣмъ ночлеги въ канавахъ, подъ мостами или открытымъ небомъ. Въ Лондонѣ, напр., какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ городахъ, эти квартиры каждую ночь набиты сотнями человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. „Невозможно описать сценъ разврата, происходящихъ въ этихъ логовищахъ; онѣ такъ ужасны, что публика не повѣритъ описанію", говоритъ Фоше.

Такими-то путями бѣдность ведетъ къ промыслу порокомъ, къ промыслу, отъ котораго съ негодованіемъ, большею частію лицемѣрнымъ, отвертываются моралисты. Мы видѣли, что женщинамъ часто приходится выбирать между своею смертью, или смертью своего семейства, и нравственностью. Находятся и такія, которыя предпочитаютъ смерть, но только положительный глупецъ или человѣкъ съ сердцемъ дикаго звѣря можетъ требовать отъ всѣхъ этихъ женщинъ такой *нравственности самоубійства*. Что же дѣлать и чѣмъ помочь? Жизнь поставила ихъ такъ, что инстинктъ самосохраненія неизбѣжно ведетъ ихъ къ пороку; а помочь... но о помощи имъ нечего и думать.

Выше мы уже говорили, что въ рядахъ проститутокъ есть весьма незначительный процентъ женщинъ, принадлежащихъ къ болѣе или менѣе зажиточнымъ состояніямъ, — актрисъ, повивальныхъ бабокъ, учительницъ и т. д. Сплошь и рядомъ, онѣ далеко не составляютъ даже и 1% общаго числа проститутокъ въ данной мѣстности. Большинство ихъ состоитъ или изъ дочерей совершенно раззорившихся родителей, или изъ женщинъ, лишившихся своихъ занятій и, слѣдовательно, подверженныхъ всѣмъ страданіямъ нищенской жизни. Однѣ изъ нихъ увлечены и обмануты любовниками, обѣщавшими жениться, другія увлеклись подарками волочащейся молодежи и перспективой комфорта, который доставитъ имъ любовная связь. Обманувшись въ своихъ надеждахъ, большинство этихъ дѣвушекъ и желало бы вернуться къ прежней жизни, но уже поздно!.. Не только общественное мнѣніе, но даже семья и знакомые считаютъ ихъ *обезчещенными*, безнравственными и бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ чумы. Для женщинъ у насъ составленъ особый нравственный кодексъ, другой, чѣмъ для мужчинъ. И за то, что въ мужчинѣ считается поступкомъ безразличнымъ и естественнымъ, безжалостное и несправедливое общественное мнѣніе казнитъ павшую женщину, силою толкая ее въ преступленіе и ставя въ невозможность вернуться къ порядочной жизни. Павшая, но раскаявшаяся Магдалина съ тяжкими рыданіями валяется въ ногахъ

нашихъ; но мы не хотимъ слышать ея воплей, и, вмѣсто того, чтобы подать ей руку помощи и освободить ее отъ порока, въ которомъ всѣ мы столько же виноваты, сколько и она, мы въ припадкѣ безчеловѣчно-моральнаго негодованія пинками сталкиваемъ ее въ бездну, изъ которой нѣтъ возврата. „Если такая женщина принадлежитъ къ низшимъ классамъ", говоритъ одинъ англійскій авторъ—„то какой другой промыселъ открытъ передъ ней кромѣ проституціи? Если она работница, то какая хозяйка пуститъ ее въ свою мастерскую? Если она служанка, то какая женщина дастъ ей у себя мѣсто? Если она принадлежитъ къ болѣе высокому состоянію, то можетъ ли она найти убѣжище въ своемъ семействѣ? Чего ей ожидать? Оттолкнутъ-ли ее съ гнѣвомъ и презрѣніемъ, или примутъ со слезами радости? Увы, кто не знаетъ, что на сотню отцовъ, привѣтствующихъ возвращеніе блуднаго сына и охотно прощающихъ его, едва ли найдется одинъ, который, поднявшись надъ варварскою моралью свѣта, открылъ бы свои объятія павшей, но раскаявшейся дочери!" (The great sin of gr. cit., p. 19)...

Нѣтъ, тебѣ состраданья не встрѣтить,
Нищеты и несчастія дочь!
Свѣтъ тебя предаетъ поруганью
И охотно прощаетъ другой,
Что торгуетъ собой по призванью,
Безъ нужды, безъ борьбы роковой!

А такихъ торговокъ не мало, но они имѣютъ честь принадлежать къ зажиточнымъ классамъ, торговлю ведутъ контрабандой, въ полицейскихъ книгахъ не записаны,—и свѣтъ смотритъ на ихъ шалости сквозь пальцы. Мы не говоримъ объ этихъ упитанныхъ кобылицахъ, увѣшанныхъ шелками и украшенныхъ золотомъ, роскошные будуары которыхъ посѣщаются десятками любовниковъ, наслаждающихся не за деньги, а pour amour; мы не говоримъ объ этихъ полуразвалившихся богатыхъ старушонкахъ, обезьянья похотливость которыхъ заставляетъ ихъ содержать разныхъ постельныхъ гайдуковъ и франтовъ, — мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о женщинахъ высшаго и средняго классовъ, промышляющихъ развратомъ, по примѣру дочери царя Хеопса, которая торговала собою въ пользу своего папаши, промотавшагося въ пухъ на постройку пирамиды. Такія женщины есть во всѣхъ большихъ городахъ Европы и случается, что онѣ торгуютъ собой даже съ вѣдома и согласія своихъ мужей. Бѣдная дѣвушка продаетъ себя часто лишь для того, чтобы получить кусокъ хлѣба и не умереть съ голода, а зажиточная красавица покупаетъ себѣ на свои ласки и прелести роскошные дома и виллы, кружева и брилліанты, блестящіе экипажи и тысячныхъ рысаковъ. Но не будемъ говорить объ этихъ придворныхъ фавориткахъ, о любовницахъ потентатовъ; спустимся

немного пониже и приведемъ нѣсколько фактовъ. „Въ Эдинбургѣ свѣтскія женщины, по хладнокровному разсчету, для покрытія своихъ безалаберныхъ расходовъ или по изысканному вкусу къ роскоши, принимаются за проституцію. То же самое замѣтно и въ другихъ городахъ Шотландіи. Дамы пользующіяся въ своихъ постоянныхъ мѣстопребываніяхъ незапятнанной репутаціей и отлично принятыя въ лучшемъ обществѣ, подъ разными ложными предлогами посѣщаютъ Эдинбургъ и секретно торгуютъ здѣсь своими прелестями. Чрезвычайныя суммы, выманиваемыя у увлеченныхъ ими мужчинъ, доказываютъ, что цѣль такого ихъ постыднаго поведенія состоитъ въ поправленіи разстроенныхъ финансовъ" (Tait и Richelot). Въ Италіи и особенно въ Римѣ также довольно подобныхъ барынь, заработывающихъ развратомъ кареты и наряды. „Люди, хорошо знакомые съ римскими нравами, увѣряютъ, что вмѣстѣ съ такимъ развратомъ, эти женщины имѣютъ сильную привязанность, даже любовь, къ своимъ мужьямъ" (Jacquot). О французскомъ обществѣ и говорить нечего,—здѣсь много подобной сволочи. Кромѣ того, встрѣчаются еще въ высшихъ европейскихъ классахъ разныя Мессалины, т. е. женщины, предающіяся публичному, часто очень грязному разврату, ради наслажденія; но ихъ мало и почти всѣ онѣ ведутъ такую жизнь вслѣдствіе нимфоманіи.

Мы видѣли, что доводитъ женщинъ до рѣшимости торговать своимъ тѣломъ. Но къ чести благородной женской природы необходимо сказать, что весьма многія изъ этихъ несчастныхъ созданій, убиваемыхъ бѣдностью и развращаемыхъ окружающею ихъ обстановкою, предаются пороку только тогда, когда мужчина, воспользовавшись ихъ безвыходнымъ и беззащитнымъ положеніемъ, увлечетъ ихъ силою, хитростью или обманомъ. По всей Европѣ раскинута обширная и хорошо организованная система коммерціи разврата, съ многочисленными агентами, со множествомъ интригъ, хитростей, уловокъ, даже съ газетными объявленіями о покупкѣ и продажѣ женскаго тѣла *). Многочисленныя сводни обоего пола распространены повсюду, существуютъ въ тысячѣ формъ, то въ грязныхъ лохмотьяхъ нищеты, то окруженныя всѣмъ блескомъ роскоши. Многія изъ нихъ принадлежатъ даже къ высшимъ классамъ или, по крайней мѣрѣ, приняты въ нихъ за свое богатство или за свои нечистыя услуги. Однѣ изъ нихъ рыскаютъ по всей Европѣ и разными обманами увозятъ на главные рынки разврата дѣвушекъ, подъ предлогомъ работы, соблазняя ихъ высокою платою и выдавая впередъ значительныя суммы. Другіе агенты, преимущественно женщины, сторожатъ добычу на извѣстныхъ улицахъ, въ конторахъ общественныхъ дилижансовъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и т. д.

*) Одно подобное объявленіе изъ Гамбурга, кажется, я встрѣтилъ однажды въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; женщины названы въ немъ *«ходкимъ товаромъ»*.

Здѣсь они ловятъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, стекающихся въ большіе города изъ провинцій искать какой нибудь работы. Подъ предлогомъ руководительства этихъ провинціалокъ въ незнакомомъ городѣ, доставленія квартиръ и работы, упомянутыя сводни втираются къ нимъ въ довѣріе, а затѣмъ силою или хитростью отдаютъ ихъ въ руки развратникамъ или же доставляютъ содержательницамъ публичныхъ домовъ, получая съ нихъ во Франціи отъ 10 до 25 фр. за штуку. Ришло говоритъ, что въ Лондонѣ часто попадаются въ подобную западню даже молодыя, неопытныя и незнакомыя со столицей дамы. И много подобныхъ козней. Легче всего достается сводням самый цѣнный въ ихъ ремеслѣ товаръ — несовершеннолѣтнія, невинныя дѣвочки, соблазняемыя угощеніями и подарками, завлекаемыя въ мѣста разврата и здѣсь растлѣваемыя. Въ благочестивомъ Лондонѣ охота сводней за этими малютками производится въ особенно обширныхъ размѣрахъ по воскресеньямъ, такъ какъ въ эти дни по улицамъ проходятъ огромныя толпы дѣтей въ общественныя школы и обратно. Заманенную въ публичный домъ дѣвочку иногда удерживаютъ въ немъ силой, а если она особенно молода и наивна, то послѣ растлѣнія ее отпускаютъ домой. Одна десятилѣтняя дѣвушка, ходившая каждое воскресенье въ школу, была сманена такимъ образомъ своднею и продана какому-то развратнику. Каждое воскресенье приходила она въ мѣсто своего паденія, ее продавали и затѣмъ отпускали къ родителямъ. Конфекты и другіе подарки заставляли ее продолжать свои воскресные визиты къ своднѣ. Еще не выросши, она уже развратилась. Другая, пятнадцатилѣтняя дѣвушка поступила швеей къ какой-то жилетницѣ. Недѣли черезъ двѣ, хозяйка завлекла ее въ домъ терпимости, который содержала сама, и сдѣлала ее публичной женщиной (Rayan). Здѣсь кстати разскажу еще одинъ, извѣстный мнѣ случай изъ петербургской жизни. Одна бѣдная дѣвушка, по выходѣ изъ Смольнаго института, долго жила на квартирѣ своего брата, студента, терпя всевозможныя лишенія. Нѣсколько разъ объявляла она въ Полицейскихъ вѣдомостяхъ о своемъ желаніи заняться швейною работою. Въ одинъ прекрасный день, къ ней является какая-то очень приличная пожилая дама, и, говоря, что ей нужно готовить приданое своимъ двумъ дочерямъ, предлагаетъ ей у себя квартиру и шитье за выгодную плату. Институтка переѣхала. Хозяйка взяла у нея для прописки въ полиціи институтскій аттестатъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ другіе документы, сказавъ, что это необходимо. Когда швея-квартирантка пришла вечеромъ въ великолѣпное помѣщеніе хозяйки, то была познакомлена съ нѣсколькими ея „дочерьми“ и нѣсколькими „племянницами“. Въ гостяхъ было нѣсколько мужчинъ. Институтка скоро поняла, куда попала она. Къ ней навязался одинъ изъ посѣтителей и ее взяли бы силой, если бы во время не пріѣхала въ этотъ публич-

ный домъ компанія студентовъ и офицеровъ. Институтка обратилась къ нимъ за защитой. Содержательница начала увѣрять посѣтителей, что эта дѣвушка продалась ей и, задолжавъ много денегъ, отдала ей въ залогъ свои документы. Но посѣтители нагнали на содержательницу такого страха, что она принуждена была тотчасъ же освободить свою плѣнницу. Въ большинствѣ подобныхъ случаевъ, европейскія сводни употребляютъ для овладѣнія обманутой дѣвушкой или силу, или извѣстныя одуряющія и усыпляющія средства, приготовленіе и торговля которыми, вмѣстѣ съ разными конфертативами, составляютъ одну изъ непослѣднихъ статей проституціонной промышленности. Въ Англіи, и во многихъ другихъ странахъ, есть еще два особенныхъ способа увлекать женщинъ въ развратъ. Это предсказанія и торговля соблазнительными картинами и книгами. Множество молодыхъ женщинъ, особенно служанокъ и работницъ, сильно вѣрятъ въ предсказателей и часто ходятъ къ нимъ, отдавая за ихъ пророчества послѣдній пенни. Во время этихъ женскихъ сборищъ, разные мужчины, скрытые гдѣ-нибудь за перегородкой или драппировкой, смотрятъ, не придется ли имъ по вкусу какая-нибудь изъ посѣтительницъ. О своемъ выборѣ они сообщаютъ предсказателю, который своимъ суевѣрнымъ вліяніемъ заставляетъ бѣдную женщину отдаться развратнику, такъ какъ она безусловно вѣритъ его совѣтамъ и предсказаніямъ. Подобное же вліяніе имѣетъ и продажа соблазнительныхъ картинъ, фотографій и книгъ, продажа столь прибыльная въ Англіи, что ею занимаются большіе торговые дома. До учрежденія въ Лондонѣ Общества для обузданія разврата, эта промышленность приняла наконецъ чрезвычайные размѣры. Многочисленные разносчики наводняли всѣ Соединенныя королевства упомянутыми картинами и книгами. Учебныя заведенія, мужскія и женскія, были завалены ими. Даже въ настоящее время, послѣ враждебныхъ и успѣшныхъ дѣйствій упомянутаго антипроституціоннаго общества противъ этой промышленности, ею занимаются въ Англіи до 4,000 человѣкъ. Во Франціи, Германіи и другихъ странахъ эти произведенія грязнаго искуства также очень распространены, и служатъ не только для возбужденія стариковъ, но соблазняютъ и молодежь, которая, заразившись ихъ вліяніемъ, и смотря по своей житейской обстановкѣ, при существованіи еще многихъ другихъ подобныхъ факторовъ, тѣмъ легче рѣшается или покупать развратъ или продавать себя для разврата.

При объясненіи причинъ, заставляющихъ публичныхъ женщинъ приниматься за свое ремесло, необходимо обратить вниманіе на возрастъ и степень умственнаго развитія проститутокъ.

Относительно возраста мы замѣтили слѣдующее, чрезвычайно замѣчательное совпаденіе статистическихъ данныхъ. По изслѣдованіямъ Вильерме, какъ мы уже говорили, до пятнадцатилѣтняго возраста

рабочая плата мужчинъ и женщинъ почти одинакова; затѣмъ женская плата постепенно понижается и *начиная съ двадцатилѣтняго возраста, равняется половинѣ мужской*. Такимъ образомъ, въ первые двадцатые годы вполнѣ развившаяся уже женщина чувствуетъ и гораздо больше потребностей и гораздо большую нужду, чѣмъ когда-нибудь раньше. Замѣтьте же теперь, что *въ рядахъ проститутокъ и дѣтоубійцъ гораздо больше женщинъ, только-что начавшихъ второе десятилѣтіе своей жизни, чѣмъ женщинъ всякаго другого возраста*. За справкою о дѣтоубійцахъ совѣтую обратиться къ „Дѣтоубійству", довольно щедро снабженному цифрами, а здѣсь приведу только данныя о возрастѣ проститутокъ. Въ числѣ 3248 парижскихъ публичныхъ женщинъ было, по одной изъ таблицъ Паранъ-Дюшатле, имѣвшихъ при запискѣ въ проституціонные реестры:

10 лѣтъ	2 дѣвушки		21 годъ	303 дѣвушки.	
11 „	3	„	22 „	300	„
12 „	3	„	23 „	215	„
13 „	6	„	24 „	179	„
14 „	20	„	25 „	136	„
15 „	51	„	28 „	101	„
16 „	111	„	35 „	26	„
17 „	149	„	40 „	11	„
18 „	279	„	49 „	12	„
19 „	322	„	62 „	1	„
20 „	389	„			

Для сокращенія, нѣкоторые возрасты мы выбросили, какъ сдѣлано и въ слѣдующей таблицѣ о другихъ проституткахъ, на общее число которыхъ, 3235, приходилось:

12 лѣтъ	1	20 лѣтъ	216	25 лѣтъ	193	49 лѣтъ	10
13 „	3	21 „	204	27 „	151	51 „	8
14 „	8	22 „	246	30 „	113	55 „	4
15 „	18	23 „	240	37 „	43	57 „	3
19 „	115	24 „	207	41 „	25	64 „	2

Вообще же, на 1000 французскихъ проститутокъ приходится женщинъ:

10 лѣтъ	0,20	23 лѣтъ	74,18	36 лѣтъ	15,07	49 лѣтъ	3,09
11 „	0,30	24 „	63,98	37 „	13,28	50 „	1,54
12 „	0,30	25 „	60,27	38 „	12,05	51 „	2,47
13 „	0,92	26 „	63,39	39 „	11,43	52 „	0,92
14 „	2,44	27 „	49,14	40 „	9,58	53 „	0,92
15 „	5,20	28 „	46,67	41 „	7,72	54 „	0,60
16 „	13,60	29 „	38,94	42 „	6,49	55 „	1,23
17 „	17,00	30 „	34,93	43 „	7,10	56 „	0,30
18 „	31,22	31 „	39,25	44 „	4,63	57 „	0,92

19	„	35,54	32	„	33,69	45	„	4,32	58	„	0,61
20	„	66,76	33	„	24,14	46	„	3,40	59	„	0,30
21	„	63,06	34	„	24,14	47	„	4,01	64	„	0,30
22	„	76,97	35	„	19,81	48	„	1,85	65	„	0,30

Въ Ліонѣ изъ 3884 публичныхъ женщинъ 942 имѣли менѣе 21 года, 2476 имѣли отъ 21 до 31 года, 386 отъ 31 до 41 г., 80—болѣе 41 года. Въ Лондонѣ изъ 2196 проститутокъ 3 имѣли менѣе 15 лѣтъ, 414 отъ 15 до 20 лѣтъ, 872 отъ 20 до 25 лѣтъ, 525 отъ 25 до 30, 273 отъ 30 до 40 лѣтъ, 88 отъ 40 до 50 лѣтъ, 19 отъ 50 до 60 лѣтъ. Въ Петербургѣ изъ 493 проститутокъ цѣлая половина, 246, принадлежитъ къ 20—26 лѣтнимъ.

Такимъ образомъ, проститутокъ болѣе въ возрастѣ 20, 21, 22, 23 лѣтъ, въ слѣдующіе возрасты число ихъ постепенно уменьшается, особенно начиная съ 30 лѣтъ. Почему же это? Вѣдь у женщины 27,30, 32 и т. д. лѣтъ рѣшительно тѣ же потребности, страсти, та же половина мужской платы, какъ и у двадцатилѣтней. Это зависитъ отъ того, что большинство женщинъ, принявшись за промыселъ развратомъ 20—23 лѣтъ, можетъ выносить это пагубное занятіе, какъ увидимъ, лишь втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ и затѣмъ изчезаетъ съ этого рынка порока. Рѣдкія исключенія изъ этого правила такъ втягиваются въ свое занятіе, что продолжаютъ его даже до 50—65 лѣтъ, продавая изрѣдка свои сгнившія и увядшія прелести какому-нибудь пьяному матросу, рабочему или совершенно одурѣвшему отъ своего безпутства богатому развратнику, который находитъ иногда высшее наслажденіе въ уродливой, грязной и старой женщинѣ. Контингентъ слабыхъ, неопытныхъ дѣтей, моложе 20 лѣтъ, весьма значителенъ, особенно въ Англіи, гдѣ особенно падки на молоденькую невинность *). Въ Москвѣ изъ 957 проститутокъ начали промышлять развратомъ—1 съ 11 лѣтъ (0,10%), 5 съ 12 л. (0,52), 26 съ 13 л. (2,71), 93 съ 14 л. (9,71), 150 съ 15 л. (15,75), 180 съ 16 л. (18,80). Д-ръ Тэтъ разсказываетъ, что въ Эдинбургѣ одинъ джентльменъ заключилъ съ содержательницей публичнаго дома условіе доставлять ему регулярно каждую недѣлю по двѣ несовершеннолѣтнихъ невинности. Выше мы видѣли, что въ проституціонныхъ спискахъ значатся даже десятилѣтнія дѣти, но эти дѣти попали въ инрегистрацію уже послѣ того, какъ они нѣсколько времени занимались своимъ ремесломъ тайкомъ отъ полицейскаго контроля. Въ скрытной проституціи живутъ развратомъ дѣвочки не только 10, но даже *9 8 и 7 лѣтъ!* Докторъ Рэйанъ и другіе медики разсказываютъ, что имъ нерѣдко даже приходится лечить подобныхъ малютокъ отъ сифилиса. Многія изъ этихъ дѣвочекъ имѣютъ даже,

*) Въ Лондонѣ есть даже публичные дома, въ которыхъ не держатъ дѣвочекъ старше 14 лѣтъ.

какъ большинство проститутокъ, любовниковъ-мальчугановъ *). Многія изъ малолѣтнихъ проститутокъ обращаются сами къ полиціи съ просьбою о запискѣ ихъ, „онѣ оказываются уже знакомыми со всею отвратительною практикою разврата и весьма часто не имѣютъ ни жилища, ни родителей", говоритъ Паранъ-Дюшатле. Полиція чаще всего отказываетъ имъ въ инрегистраціи, онѣ уходятъ, но затѣмъ полицейскіе агенты ловятъ ихъ снова на ихъ скрытномъ промыслѣ и это продолжается до тѣхъ поръ, пока полиція не вынуждена будетъ дать имъ дозволеніе на занятіе легальной проституціей.

Умственное и нравственное развитіе вступающихъ въ проституцію женщинъ крайне плохо, несмотря на такую распространенность въ западной Европѣ народнаго образованія. *Большинство проститутокъ даже безграмотно.* Напр., изъ 4,470 публичныхъ женщинъ, *родившихся въ Парижѣ*, 2,332 не умѣли подписать своей фамиліи, 1,780 подписывались, но плохо, 110 подписывались хорошо, о 248 нѣтъ свѣденій. Въ то же время изъ парижскихъ проститутокъ, рожденныхъ въ сѣверной полосѣ Франціи, 3,497 не умѣли писать, 2,212 подписывались, но худо, 75 подписывались хорошо. То же самое относительно женщинъ средней и южной полосы.

Въ Ліонѣ, изъ 3,884 проститутокъ, 2,577 были совершенно невѣжественны и безграмотны, 1,307 умѣли только читать, 792 могли читать и писать, и въ томъ числѣ 62 получили порядочное образованіе.

Въ Манчестерѣ въ 1840—1855 г. приходилось на 10,000 проститутокъ:

1) Неумѣющихъ ни читать, ни писать . . .	5,761
2) Умѣющихъ только читать, или читать и писать, но плохо	4,760
3) Умѣющихъ хорошо читать и писать . . .	78
4) Получившихъ хорошее образованіе . . .	1

Въ Лондонѣ изъ арестованныхъ публичныхъ женщинъ было на 10,000

	Неумѣющ. ни читать, ни писать.	Умѣющ. читать или читать и писать, но плохо.	Умѣющ. хорошо читать и писать.	Образованныхъ.
Въ 1837—1842 г.	4,524	5,031	432	13
„ 1843—1848 „	3,672	5,893	425	10
„ 1849—1854 „	2,306	7,444	212	39

Какъ видите, все это народъ невѣжественный, потому что даже и умѣнье читать и писать не соединено у проститутокъ съ образованіемъ,

*) Чадвикъ и Майнъ говорятъ, что въ числѣ посѣтителей лондонскихъ публичныхъ домовъ ежегодно бываетъ до 100,000 мальчиковъ!

и Паранъ говоритъ, что почти всѣ онѣ находятся въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ не только относительно научныхъ свѣдѣній, но даже относительно религіи и нравственныхъ правилъ. Бѣдность моритъ ихъ голодомъ, лишаетъ образованія и возможности освободиться отъ грубыхъ вліяній своей среды, бѣдность принуждаетъ ихъ къ пороку и многія изъ нихъ, при своемъ кругломъ невѣжествѣ, при своей грубой развращенности съ колыбели, отдаются ему безъ угрызеній совѣсти хотя жизнь проститутки скоро поселяетъ въ нихъ полное отвращеніе какъ увидимъ ниже. О множествѣ проститутокъ можно сказать, что онѣ никогда не падали, что онѣ родились проститутками и были спеціально воспитаны для промысла развратомъ.

Мы избавимъ читателя отъ излишняго утомленія и не будемъ утруждать его вниманія цифрами, доказывающими, что проститутки доставляются болѣе всего тѣми городами и округами, въ которыхъ сильно развита промышленная жизнь или крестьяне находятся въ жалкомъ положеніи. Послѣ нашей предыдущей трактаціи это понятно само собою. Болѣе подробное вниманіе мы обратимъ здѣсь на то вліяніе, какое имѣетъ на усиленіе и сосредоточеніе проституціи на извѣстномъ пунктѣ сильная скученность въ немъ извѣстныхъ классовъ народонаселенія, солдатъ, моряковъ, разныхъ рабочихъ, католическаго духовенства купцовъ, богатой и праздной свѣтской молодежи и т. д. Все это люди или холостые, или разлученные со своими семействами и непривыкшіе къ долговременному воздержанію, притомъ люди, для которыхъ кутежи и волокитство—первѣйшія и часто единственныя удовольствія. Благодаря имъ, во-первыхъ, развращается сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, малонаселенныхъ мѣстахъ, женское населеніе тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они живутъ. Первыми изъ такихъ сѣятелей разврата и неразлучнаго съ нимъ сифилиса служатъ арміи. Гдѣ квартируетъ войско, тамъ всегда очень много портится женщинъ и очень много рождается незаконныхъ дѣтей. Эти соблазненныя солдатами женщины, какъ мы уже говорили, весьма часто уводятся ими съ мѣстъ родины и, будучи брошены своими любовниками на чужбинѣ, принимаются за проституцію. Подобное же вліяніе имѣютъ и другіе, упомянутые нами классы. Во-вторыхъ, въ мѣстахъ густого народонаселенія сплошь и рядомъ существуетъ такой сильный запросъ на проститутокъ, что мѣстное предложеніе не можетъ удовлетворять его, и сюда стекаются женщины съ разныхъ другихъ пунктовъ, въ которыхъ сильно предложеніе, но почти вовсе нѣтъ сбыта. Такъ, напримѣръ изъ таблицъ о французскихъ публичныхъ женщинахъ, видно что въ нѣкоторыхъ департаментахъ туземныхъ проститутокъ очень мало, а между тѣмъ въ Парижѣ тѣ же самые департаменты доставляютъ ихъ очень много. Такимъ образомъ возникаютъ и поддерживаются главные рынки разврата,—столицы, города промышленные, приморскіе и воен-

ные. И не только вся извѣстная страна, но и вся Европа, часто даже другія части свѣта высылаютъ сюда дочерей своихъ на продажу и поруганіе. Иногда здѣсь бываютъ ярмарки разврата; въ извѣстное время и по извѣстнымъ нуждамъ скопляется здѣсь больше народонаселенія, чѣмъ его бываетъ обыкновенно; вмѣстѣ съ этимъ пріѣзжаютъ сюда и проститутки для временнаго промысла. Такъ бываетъ при всѣхъ торговыхъ ярмаркахъ, при всемірныхъ выставкахъ, при скопленіяхъ войскъ, даже при собраніяхъ дипломатовъ; на вѣнскій конгрессъ, напримѣръ съѣхалось проститутокъ чуть ли не больше, чѣмъ было тутъ придворныхъ посланниковъ, министровъ, государей и войскъ.

V.

Численности публичныхъ женщинъ не знаетъ никто, даже самые лучшія статистическія бюро. Извѣстно только количество проститутокъ, записанныхъ въ полицейскіе реестры; но это весьма незначительная доля женщинъ, занимающихся промысломъ разврата; вездѣ есть проституція скрытная, избѣгающая контроля самой усердной полиціи и наблюденій самаго зоркаго изслѣдователя. Впрочемъ, на основаніи нѣкоторыхъ, довольно достовѣрныхъ данныхъ, можно сказать, что, смотря по мѣстности и обстоятельствамъ, проститутокъ скрытныхъ *впятеро— вдесятеро* больше, чѣмъ проститутокъ явныхъ; если такое исчисленіе и невѣрно, то во всякомъ случаѣ, количество скрытныхъ проститутокъ въ немъ не преувеличено.

Въ Лондонѣ, по вычисленіямъ Рэйана и Тальбота, до *80,000* проститутокъ.

Но это еще не все. Проституціей живутъ не однѣ публичныя женщины, а и множество другихъ лицъ, — содержательницъ публичныхъ домовъ, ихъ семей, сводней и т. п. агентовъ и прислужниковъ порока. „Вычислено", говоритъ д-ръ Рэйанъ — „что въ Лондонѣ живетъ проституціей посредственно или непосредственно *400,000* человѣкъ и ежегодно расходуется на нее *200,000,000* франковъ".

О проституціи другихъ городовъ нѣтъ даже и такихъ гипотетическихъ исчисленій, а есть только цифры публичныхъ женщинъ, записанныхъ въ полицейскія книги. Изъ этихъ цифръ нельзя сдѣлать рѣшительно никакихъ выводовъ. Какъ много въ Европѣ публичныхъ женщинъ, усиливается проституція или уменьшается, какъ велики доходы ея,—эти и подобные вопросы изслѣдователь, боящійся впасть въ серьезную ошибку, долженъ оставить безъ всякаго отвѣта. Приведемъ примѣръ невозможности какихъ бы то ни было прочныхъ выводовъ на основаніи упомянутыхъ цифръ. Положимъ, что въ извѣстномъ городѣ число записныхъ проститутокъ уменьшилось; изъ этого отнюдь

нельзя заключить, что въ немъ ослабъ промыселъ разврата,—извѣстно, что многія публичныя женщины, выписавшись изъ полицейскихъ книгъ, продолжаютъ заниматься проституціей тайно. Даже если бы достовѣрно извѣстно было, что выписанныя изъ проституціонныхъ книгъ женщины обратились къ другимъ промысламъ, а не къ разврату, то и отсюда еще нельзя заключить объ уменьшеніи въ этомъ городѣ проститутокъ,—можетъ быть, на мѣсто выбывшихъ явилось столько же, даже болѣе тайныхъ промышленницъ. Если же, напротивъ, въ полицейскихъ книгахъ число проститутокъ увеличилось, то съ равною справедливостью можно предполагать, что увеличилось, или количество публичныхъ женщинъ вообще или же только количество записныхъ; можетъ быть, полиція рачительнѣе занялась открытіемъ тайныхъ проститутокъ или многія изъ нихъ почему-нибудь нашли нужнымъ явиться самимъ для записи,—онѣ вѣдь часто дѣлаютъ это.

Вотъ цифры записныхъ проститутокъ въ разныхъ городахъ въ 1858 году:

Лондонъ	30,015	Эдинбургъ	800
Нью-Іоркъ	13,000	Гамбургъ	786
Парижъ	6,500	Манчестеръ	710
Ливерпуль	2,900	Лейпцигъ	564
Москва	2,000	Бордо	563
Петербургъ (въ 1867 г.)	1,823	Нантъ	498
Гласговъ	1,475	Страсбургъ	497
Марсель	1,229	Гага	380
Мадридъ	1,175	Роттердамъ	362
Ліонъ	1,060	Швейцарскія гор.	352
Брюссель	866	Копенгагенъ	260
Берлинъ	840	Римъ	56

Ни одной изъ этихъ цифръ довѣрять нельзя; въ Лондонѣ, напр., показано проститутокъ 30,015, а по другой таблицѣ за тотъ же 1858 г., ихъ считается 40,000; по оффиціальнымъ же свѣденіямъ лондонской полиціи за 1867 г. въ столицѣ Великобританіи показано публичныхъ женщинъ „около 10,000!“ Въ Берлинѣ показано 840, а по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 1867 года—10,860. Разбирайте, гдѣ тутъ правда. Можно только вообще принять за совершенно достовѣрное, что число проститутокъ, сосчитанныхъ оффиціальными или частными статистиками, всегда гораздо ниже дѣйствительнаго числа ихъ. Возможно ли, напр., чтобы въ такомъ большомъ, развратномъ и постоянно наполненномъ пріѣзжающими городѣ, какъ Римъ, ихъ было только 56.

Попытаемся теперь взглянуть на тайную проституцію, насколько доступно наблюденію это мрачное, ужасное море порока, глухо ревущее подъ ногами цивилизованнаго общества, разрушающее семью и увлекающее въ свои бездны тысячи жертвъ. Въ этомъ темномъ цар-

ствѣ — главная фабрика сифилиса, главное сѣдалище разврата, который гораздо обширнѣе и ужаснѣе какой угодно записной проституціи. Всѣ почти безъ исключенія женщины, предающіяся потомъ проституціи, теряютъ свою невинность въ этомъ омутѣ и промышляютъ порокомъ сначала всѣ тайно, а потомъ уже часть ихъ записывается въ проституціонныя книги. Въ числѣ являющихся добровольно къ полицейской записи или приводимыхъ содержательницами публичныхъ домовъ и полисменами не бываетъ почти никогда невинныхъ дѣвушекъ.

Контингентъ тайныхъ проститутокъ чрезвычайно разнообразенъ по своему составу. Въ него входятъ служанки семейныхъ и холостыхъ людей, модистки, повивальныя бабки, женская прислуга трактировъ, гостинницъ, кабаковъ, одинокія и безпомощныя вдовы, оставленныя мужьями жены и дочери, преимущественно солдатскія, наконецъ даже цѣлыя семейства.

Причины, заставляющія этихъ женщинъ скрывать свое ремесло, также очень различны. Многія изъ нихъ промышляютъ скрытно лишь для того, чтобы избавиться отъ стыда, неразлучнаго для нихъ съ явкой въ полицію и съ церемоніей періодическаго медицинскаго освидѣтельствованія ихъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ государство взимаетъ съ нихъ пошлины за право заниматься развратомъ, проститутки скрываются часто изъ желанія избавиться отъ этихъ сборовъ, уплата которыхъ обременительна для ихъ нищенскаго кармана. Многія не отдаются вѣденію полиціи потому, что не рѣшаются потерять реноме у своихъ родственниковъ и знакомыхъ, боятся подвергнуть себя общественному позору и отверженности, отъ которыхъ такъ страдаетъ несчастная записная проститутка; и вотъ они принимаютъ всевозможныя мѣры, чтобы окончательно скрыть ото всѣхъ свой промыселъ. Замужнія женщины, дочери строгихъ отцовъ, служанки щекотливыхъ и взыскательныхъ хозяевъ необходимо должны проститутничать тайкомъ, если только не хотятъ подвергнуться гнѣву и взысканіямъ людей, имѣющихъ власть надъ ними. Наконецъ — и это одна изъ самыхъ главныхъ причинъ—тайная проституція не выходитъ на свѣтъ потому, что главный ея промыселъ состоитъ въ добычѣ и продажѣ дѣвической невинности, за которыя законъ наказываетъ виновныхъ очень строго. Равнымъ образомъ, мужья, торгующіе своими женами, и родители, промышляющіе тѣломъ своихъ дѣтей, ради собственной безопасности отъ уголовной кары, должны скрывать отъ власти какъ свой собственный, такъ и промыселъ своихъ женъ и дѣтей. Законъ наказываетъ за это строго.

Въ тайной проституціи, какъ и въ явной, какъ и во всякой промышленности, дѣло не обходится бозъ эксплуатаціи слабаго сильнымъ. По всей вѣроятности, какъ и въ промыслѣ записного разврата, большинство тайныхъ проститутокъ получаетъ изъ своей выручки только

самую незначительную часть, а всѣмъ остальнымъ наживаются ихъ эксплуатантки содержательницы. Не безъинтересно познакомиться нѣсколько съ тѣми хитростями и уловками, которыя употребляютъ эти торговки женщины для скрытія своего промысла отъ полиціи. Въ Парижѣ двѣ такихъ женщины, назвавшись акушерками, имѣющими ученицъ, поселились въ самыхъ богатыхъ кварталахъ столицы и начали торговлю невинностями; извѣстно, что за одну изъ нихъ было заплачено 500 франковъ. Одна старуха, которую по костюму и характеру ея рѣчи обыкновенно принимали за благотворительную даму, водила часто съ собой по улицамъ двухъ или трехъ дѣвочекъ, хотя и скромно одѣтыхъ, но всегда такихъ миленькихъ, что прохожіе невольно засматривались на нихъ. Подъ предлогомъ доставленія помощи этимъ дѣтямъ, она водила ихъ въ разные отели, особенно же къ богатымъ англичанамъ, вкусы которыхъ были хорошо знакомы ей. Эта старушонка такъ ловко скрывала свое ремесло, что пользовалась общимъ уваженіемъ знавшихъ ее. Многія изъ этихъ сводней торгуютъ дѣвушками подъ предлогомъ доставленія имъ разныхъ занятій или просто держатъ ихъ въ какомъ-нибудь своемъ заведеніи, нарочно для этого открытомъ, напр., въ швейной, подъ видомъ работницъ. Одна изъ такихъ артистокъ считалась хорошею дергальщицею зубовъ, и подъ видомъ паціентокъ къ ней приводили молодыхъ дѣвушекъ и сходились лакомые до нихъ мужчины. Нѣкоторыя открываютъ у себя мастерскую живописи и набираютъ нѣсколько „ученицъ". Другія заводятъ съ той же цѣлью рестораны, въ которыхъ сходятся обѣдать мужчины и дѣвушки и т. д.

Этотъ родъ проституціи особенно вреденъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ промыселъ разврата хотя и освященъ обычаемъ, но запрещается закономъ, какъ въ Испаніи и Папской Области. Усиленное распространеніе развращенности и сифилиса, сводничество, достигающее безобразныхъ размѣровъ, тираннія содержательницъ надъ дѣвушками, сосредоточеніе проституціи въ семействахъ, вмѣсто гласныхъ публичныхъ домовъ—вотъ результаты запрещенія явной проституціи. Фарисействующая власть, желая избавиться отъ упрека въ поблажкѣ пороку и въ то же время не рѣшаясь признаться въ своемъ положительномъ безсиліи искоренить его, старается удалить его съ глазъ и занавѣсить покровомъ запретительныхъ законовъ.

Проституція раздѣляется вездѣ на два главныхъ вида,—аристократическую и плебейскую; лучшій сортъ женщинъ захватывается всемогущимъ капиталомъ, низшіе сорта остаются на долю бѣднымъ классамъ. Само собой понятно, что число проститутокъ того и другого сорта соразмѣрно съ числомъ мужчинъ, принадлежащихъ къ каждому изъ этихъ двухъ главныхъ подраздѣленій современнаго общества, т. е. проститутокъ плебейскихъ гораздо больше, чѣмъ аристократическихъ. Въ Брестѣ,

напр., 20 явныхъ домовъ терпимости; изъ нихъ 19 посѣщаются солдатами, матросами, ремесленниками и вообще людьми низшаго класса, и только 1 служитъ исключительно для мужчинъ высшаго полета. Въ Нантѣ изъ 31 дома 6 существуютъ для высшихъ и среднихъ сословій, а 25 для низшихъ. Въ Страсбургѣ 27 домовъ,—7 аристократическихъ и 20 плебейскихъ. Подобное же отношеніе и въ другихъ мѣстахъ. Всюду лучшія женщины покупаются богачами, проводятъ нѣсколько времени въ комфортабельной обстановкѣ, затѣмъ онѣ быстро спускаются въ ряды плебейскаго разврата, а вмѣсто нихъ богачи закупаютъ свѣжій товаръ. Нищенское, пролетарное состояніе можно назвать поэтому нормальною жизнію публичныхъ женщинъ.

Этотъ громадный контингентъ проститутокъ раздѣляется въ свою очередь на нѣсколько сословій. Одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ въ немъ солдатскія женщины, которыя въ большихъ городахъ, особенно въ Парижѣ, не имѣютъ даже квартиръ, а таскаются всю свою жизнь по кабакамъ, отдаленнымъ бульварамъ, преимущественно же наводняютъ собою городскія окрестности и пригородныя деревни, гдѣ большинство ихъ почуетъ или просто подъ открытымъ небомъ, или много-много гдѣ-нибудь въ темномъ подвалѣ или въ углу сарая. Паранъ видѣлъ одинъ погребъ, расположенный на пять метровъ ниже земной поверхности и снабженный только одной отдушиной; въ немъ квартировали до тридцати этихъ несчастныхъ женщинъ. Нѣкоторые спекуляторы устроиваютъ для нихъ досчатые бараки, имѣющіе 1 метръ длины и $^1/_2$ метра ширины, и отдаютъ ихъ въ кортомъ; въ каждой изъ этихъ сырыхъ, грязныхъ, холодныхъ конуръ проводятъ ночь не менѣе двухъ дѣвушекъ, на гнилой, вонючей, усѣянной вшами и блохами соломѣ. Нѣкоторыя спятъ подъ мостами, въ канавахъ, въ строющихся домахъ, и т. д. Многія проводятъ большую часть своего времени гдѣ-нибудь около казармъ въ кабакахъ, харчевняхъ и другихъ мѣстахъ, часто посѣщаемыхъ солдатами. Большинство этихъ женщинъ приходитъ въ Парижъ и подобные города вмѣстѣ съ солдатами, въ качествѣ ихъ любовницъ, а здѣсь нужда заставляетъ ихъ дѣлаться публичными проститутками и часто продавать себя буквально за *ломоть хлѣба* или *кусокъ мяса*. Почти всѣ онѣ больны, безобразны, постоянно голодны, одѣты въ отвратительныя лохмотья, едва прикрывающія ихъ истощенное, грязное, усыпанное насѣкомыми тѣло; ихъ не берутъ даже въ самые бѣдные публичные дома. Ихъ очень много, въ нѣкоторыхъ городахъ не менѣе одной на трехъ солдатъ. Въ своемъ поведеніи онѣ не стѣсняются ничѣмъ, и, по словамъ Парана, не обращая никакого вниманія на прохожихъ, при полномъ дневномъ свѣтѣ публично амурничаютъ съ солдатами и совершаютъ самые грязные акты.—Въ приморскихъ городахъ подобную же роль играютъ проститутки, спеціально существующія для военныхъ и купеческихъ матросовъ. Впрочемъ онѣ

не такъ многочисленны, по крайней мѣрѣ, въ приморскихъ городахъ Англіи ихъ недостаточно для удовлетворенія всѣхъ моряковъ. Когда въ портѣ ожидаются какія-нибудь торговыя и военныя суда, то содержательницы публичныхъ домовъ выписываютъ на время женщинъ изъ Лондона, которыя тотчасъ и высылаются имъ по желѣзной дорогѣ на опредѣленный срокъ и за извѣстную плату. Лишь только корабль входитъ въ гавань, какъ она покрывается лодками, наполненными публичными дѣвушками и вмѣстѣ съ ними содержательницами или ихъ агентами. Каждая лодка на перерывъ предлагаетъ свой товаръ. Матросы просятъ у офицеровъ дозволенія принять на кораблѣ „своихъ женъ". Дозволяется. Корабль наполняется женщинами и пошла безобразная оргія!..

Для фабричныхъ рабочихъ, поденьщиковъ, извозчиковъ, разныхъ воровъ и мошенниковъ, простолюдиновъ безъ опредѣленныхъ занятій также есть особый, весьма многочисленный классъ проститутокъ. Большинство ихъ такъ отвратительно, что онѣ принимаются только въ дома терпимости, посѣщаемые ворами и мошенниками всякаго рода. Большинство этихъ женщинъ не можетъ уже заработывать себѣ пропитаніе однимъ развратомъ—такъ онѣ истаскались, одряхлѣли—и онѣ принимаются за воровство, не оставляя, впрочемъ, и проституціи. Цинизмъ ихъ, нищета, одежда, самая наружность—ужасны. Въ Мадридѣ „каждый вечеръ бродятъ эти бѣдныя, дурно одѣтыя женщины по улицамъ, площадямъ и отдаленнымъ закоулкамъ столицы. Большинство ихъ доведено до такого унизительнаго состоянія бѣдностью, отверженностью или послѣдствіями первоначальнаго паденія. Это служанки, неимѣющія мѣста, часто обольщенныя и потомъ прогнанныя своими хозяевами, сироты, женщины безъ занятій, словомъ, всѣ несчастныя, неимѣющія ни источниковъ, ни средствъ существованія. Онѣ занимаются своимъ промысломъ или въ публичныхъ садахъ или въ отдаленныхъ аллеяхъ гульбищъ и разныхъ закоулкахъ, смотря по степени отверженности, до которой доводитъ бѣдность". (D-r Guardia). Въ Брюсселѣ этотъ классъ женщинъ помѣщается преимущественно въ городскихъ предмѣстьяхъ, гдѣ проституція, соединяемая часто съ мошенничествомъ, „развертывается вполнѣ свободно и дѣйствуетъ съ возмутительнымъ цинизмомъ" (Marinus). Въ Эдинбургѣ для этихъ, вполнѣ отверженныхъ обществомъ созданій проституція служитъ большею частію только пособіемъ для совершенія воровства. Онѣ живутъ въ ужасныхъ захолустьяхъ High Street и Grassmarket, и внушаемый ими страхъ такъ великъ, что никто не рѣшается квартитовать въ сосѣдствѣ. Онѣ почти никогда не моются и носятъ свою одежду до тѣхъ поръ, пока она не развалилась отъ гнилости. Часто онѣ втеченіи нѣскольких дней не съѣдаютъ ни одного куска хлѣба и нерѣдко, получивъ деньги, пропиваютъ ихъ, а потомъ голодаютъ опять до по-

вой получки. Квартиры ихъ отвратительны. Доктора Тэта пригласили однажды къ такой больной, умиравшей женщинѣ. Онъ вошелъ въ комнату, наполненную почти нагими женщинами и двумя мужчинами въ лохмотьяхъ. Три изъ этихъ женщинъ лежали на полу недвижимо-пьяныя. Другія дрались, и кровь текла ручьями по ихъ щекамъ. Въ квартирѣ не было ни постелей, ни стульевъ. Въ углу лежала груда соломы. Единственною утварью оказались стаканъ и бутылка водки. Съѣстного не было ни у кого ни крошки, и больная лежала голодная въ одномъ углу, на грязномъ обрывкѣ ковра, безъ одѣяла, безъ бѣлья и платья, въ одной только старой юбкѣ. Въ Англіи, особенно въ ея столицѣ, этотъ классъ женщинъ не имѣетъ большею частію квартиръ, какъ мы уже говорили раньше, и живутъ онѣ то въ кабакахъ и тавернахъ, то въ разныхъ мѣстахъ разврата, куда онѣ уводятся купившими ихъ мужчинами, то подъ открытымъ небомъ, на вѣтру и холодѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ. Почти всѣ англійскія проститутки низшихъ сортовъ или сами воровки или имѣютъ связь съ ворами и мошенниками. Въ Лондонѣ, по оффиціальнымъ свѣденіямъ, почти $^2/_3$ преступниковъ, ведущихъ открытую войну съ обществомъ и законами, имѣютъ связи съ содержательницами публичныхъ домовъ, служащихъ любимымъ мѣстопребываніемъ разныхъ бродягъ; стекающихся въ столицу со всѣхъ сторонъ. Здѣсь собираются сходки воровъ, отсюда они расходятся на промыселъ во всѣ части города, сюда же возвращаются и съ добычею, изъ которой содержательницы получаютъ извѣстную долю. Проститутки нерѣдко принимаютъ сами участіе въ этихъ экспедиціяхъ и, заманивая мужчинъ въ засады, предаютъ ихъ въ руки воровъ. Даже мужчины, посѣщающіе публичные дома этого сорта, нерѣдко подвергаются не только грабежу и увѣчьямъ, но даже смерти. Въ кварталѣ Fleet-ditch, наполненномъ такими домами, есть громадный водопроводъ, который сообщается съ Темзой. „Содержатели и сподвижники публичныхъ женщинъ бросаютъ въ него трупы своихъ жертвъ, которые далеко уносятся рѣкой, и полиція, такимъ образомъ, лишается возможности открыть мѣсто преступленія". Въ 1843—1854 г. въ Лондонѣ на 10,000 человѣкъ обоего пола, арестованныхъ за воровство, приходилось 3,605 проститутокъ. „Въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Гласговѣ также нѣтъ ни одного публичнаго дома низшаго сорта, который въ то же время не былъ бы вертепомъ разбойниковъ„ (Leon Faucher).—Въ Парижѣ есть особенный разрядъ публичныхъ женщинъ называемыхъ на административномъ языкѣ perreuses и femmes de terrain. Это все пожилыя бабы, иногда 40, 50, 60 лѣтъ, состарѣвшіяся въ занятіяхъ своимъ ремесломъ и такъ сроднившіяся съ нимъ, что имъ трудно бросить его, даже если представится случай получить честный трудъ и за него кусокъ хлѣба, чтобы не умереть съ голода. Живутъ онѣ большею частію на пустыряхъ, гдѣ-нибудь среди камней

и бревенъ, навоженныхъ для построекъ, на отдаленныхъ рынкахъ подъ колоннадами старинныхъ зданій, на берегу рѣки, на лѣстницахъ набережной. Онѣ такъ невыносимы, что самый грязный пролетарій увлекается ими только съ пьяныхъ глазъ, да и то ночью. Ихъ цинизмъ не можетъ быть описываемъ. Большею частью онѣ въ союзѣ съ ворами или служатъ агентами и поставщиками педерастовъ. Изъ другихъ, низшихъ разрядовъ проститутокъ также многія имѣютъ связи съ ворами и мошенниками, а для нѣкоторыхъ проституція служитъ только покровомъ ихъ воровскихъ дѣйствій. Нерѣдко онѣ толпами нападаютъ на какого-нибудь прохожаго, заводятъ съ нимъ скандалъ и во время суматохи обираютъ его. Особенно страдаютъ отъ нихъ одиноко ходящіе пьяницы.

Описанныя нами отношенія проститутокъ къ низшимъ классамъ народа имѣютъ въ себѣ слѣдующую поучительную черту.

Цивилизованное общество, для утѣхи котораго, между прочимъ, и существуютъ проститутки, награждаетъ ихъ презрѣніемъ и полною отверженностью. Этому подвергаются особенно женщины, потерявшія цѣну между развратниками высшаго класса и поэтому перешедшія на базары пролетарнаго разврата. Одинокія, безпомощныя, презираемыя, онѣ находятъ здѣсь и помощниковъ, и любовниковъ, и защитниковъ. Грубый солдатъ, развращенный бѣдностью пролетарій относятся къ нимъ гораздо гуманнѣе, чѣмъ какой-нибудь высокообразованный англійскій лордъ, чувствующій дрожь омерзѣнія при одномъ взглядѣ на такую женщину. Общество довело ее до порока, позабавилось ею и потомъ выбросило вонъ, какъ негодную тряпку, и она естественно ищетъ себѣ защиты въ той грязи, въ какую упала, хотя бы это была защита разныхъ злодѣевъ, воровъ и тому подобныхъ враговъ отринувшаго ее общества. Въ рядахъ преступниковъ, солдатъ, пролетаріевъ публичная женщина не только получаетъ иногда въ кредитъ, даже даромъ, временный пріютъ, какое-нибудь платье, кусокъ хлѣба, но мужчины здѣсь сплошь и рядомъ покровительствуютъ ей, спасая ее отъ разныхъ преслѣдованій и нападеній. Въ особенности этимъ отличаются солдаты. Въ Парижѣ нѣсколько разъ случалось, что солдаты силою противились выполненію административныхъ мѣръ, клонившихся къ искорененію или ограниченію промысла разврата между низшимъ классомъ проститутокъ. Эти сопротивленія были всеобщи въ 1815 — 1825 г., и въ армейскихъ и въ гвардейскихъ полкахъ. Особенно замѣчательно сопротивленіе, оказанное королевской гвардіей въ 1818 г., когда администрація хотѣла изгнать упомянутыхъ женщинъ съ нѣкоторыхъ площадей и другихъ мѣстъ, на которыхъ онѣ обыкновенно сходились съ солдатами.

Между читателями несомнѣнно найдется такой добродѣтельный человѣкъ, который, узнавъ отъ меня о тѣсной связи проституціи низ-

шаго сорта съ воровствомъ и мошенничествомъ, окончательно проникнется благороднымъ негодованіемъ противъ этихъ „скверныхъ мерзавокъ", которыхъ онъ всегда презиралъ ужъ за одно ихъ спеціальное ремесло. Я негодую вмѣстѣ съ тобою, о, добродѣтельный россіянинъ! Въ самомъ дѣлѣ, не возмутительно ли видѣть, какъ сотни тысячъ женщинъ, молодыхъ, неопытныхъ, умирающихъ съ голода, иногда развращенныхъ родителями и воспитанныхъ на принципахъ порока и преступленія, — продаются, покупаются, лишаются наконецъ своихъ цѣнныхъ прелестей, выбрасываются въ самую среду преступленій и голодной смерти, и здѣсь еще по физической или нравственной, но во всякомъ случаѣ неизбѣжной необходимости, продаютъ себя сплошь и рядомъ *за 2 су* или *кусокъ солдатскаго хлѣба*, и при своей наготѣ, при постоянной перспективѣ голодной смерти рѣшаются на воровство! Я негодую, читатель, но знаешь ли на кого и на что? Не на этихъ созданій, физическая и нравственная отвратительность которыхъ достойна одного только сожалѣнія, а на тѣ обстоятельства, которыя довели ихъ до этого, на то соціальное колесо, которое разбило ихъ и вдавило въ грязь.

Но оставимъ эти ужасныя трущобы и отправимся туда, гдѣ развратъ ходитъ не нагимъ или въ лохмотьяхъ, а въ шелкахъ, бархатѣ, золотѣ, и брилліантахъ. Мы, впрочемъ, не долго пробудемъ здѣсь, среди этихъ femmes galantes, femmes à parties и другихъ проститутокъ высшихъ сортовъ, по-дѣломъ раззоряющихъ богатыхъ развратниковъ, иногда сколачивающихъ деньги и выгодно выходящихъ замужъ, даже за важныхъ персонъ. Онѣ блестятъ богатствомъ и красотой, украшаютъ собою общественныя гулянья, театры, пикники самой отборной аристократической молодежи, ихъ не презираютъ, не гоняютъ на медицинское освидѣтельствованіе, не оскорбляютъ на улицахъ. Но не прельщайтесь, читатель, такимъ, повидимому, сноснымъ положеніемъ ихъ. Каждая изъ этихъ красавицъ или продана родителями, или кинулась въ развратъ по бѣдности, или вовлечена въ него негодяемъ, котораго любила, или, получивъ пошлое, безсмысленное воспитаніе, не имѣя другихъ идеаловъ, кромѣ внѣшняго комфорта, купила его цѣною своего тѣла. Все это крайне грустныя соціальныя явленія. Еще грустнѣе судьба этихъ женщинъ. Весьма немногія изъ нихъ, накопивъ извѣстную сумму, бросаютъ свой промыселъ, или посредствомъ своего ума, особенной энергіи, хитростей, интригъ пробиваютъ себѣ дорогу къ брачной карьерѣ. Большинство же ихъ, бросаемое любовниками, спускается по лѣстницѣ проституціи все ниже и ниже, пока не упадетъ на самое дно общественнаго ада, гдѣ женщина стоитъ лишь 2 су!

VI.

Въ экономическомъ отношенiи публичныя женщины раздѣляются на два главныхъ класса; однѣ изъ нихъ живутъ самостоятельно и сами пользуются всею выручкою своего промысла, другiя же находятся въ зависимости отъ своихъ эксплуаторовъ, относящихся къ нимъ, какъ ко всякому другому товару.

Само собою понятно, что положенiе самостоятельныхъ проститутокъ лучше положенiя зависящихъ отъ содержательницъ публичныхъ домовъ. Многiя изъ нихъ, кромѣ проституцiи, занимаются еще какимъ нибудь ремесломъ, подспорьемъ которому служитъ выручка за развратъ. Днемъ онѣ работаютъ, шьютъ, вяжутъ, моютъ бѣлье и т. д., а вечеромъ стараются пополнить свою скудную задѣльную плату посредствомъ проституцiи. Онѣ гораздо порядочнѣе и трудолюбивѣе, чѣмъ женщины, живущiя у содержательницъ въ ихъ „аббатствахъ". Иногда случается, что онѣ дѣлаютъ кой-какое денежное сбереженiе и, порядочно устроившись при помощи его, бросаютъ свое порочное ремесло. Но для женщины нужно очень много благопрiятныхъ условiй и обстоятельствъ, чтобы она могла при своемъ промыслѣ быть самостоятельною. Основная причина проституцiи — бѣдность, слабая, униженная, голодная бѣдность. Послѣ того, что мы уже разсказывали о жалкомъ положенiи женщинъ, вынужденныхъ продавать себя и о раскинутой для погибели ихъ системѣ интригъ и козней, понятно, что большинство проститутокъ должно попадать въ экономическое рабство эксплуататоровъ порока, и только меньшинство въ состоянiи избѣгнуть этой экономической кабалы. Статистическiя данныя вполнѣ подтверждаютъ это. Въ Нантѣ, напр., въ 1856 г. было записано 234 проститутки, живущихъ въ домахъ терпимости, и только 30 самостоятельныхъ. Въ Эдинбургѣ на 600 зависимыхъ публичныхъ женщинъ приходится около 200 самостоятельныхъ. Въ Берлинѣ было въ 1844 г. 287 женщинъ въ публичныхъ домахъ и 18 самостоятельныхъ. Въ Копенгагенѣ въ 1852 г. было въ домахъ 139 проститутокъ, а самостоятельныхъ 56. Въ Гамбургѣ 334 въ домахъ и 178 самостоятельныхъ. Въ Брюсселѣ въ 1846—1856 г. самостоятельныхъ было почти столько же, сколько и въ публичныхъ домахъ. Замѣчательно, что статистическiя данныя обнаруживаютъ борьбу, которая должна идти между содержательницами-эксплуатантками и независимыми отъ нихъ проститутками. Въ Берлинѣ въ такой борьбѣ перевѣсъ на сторонѣ содержательницъ, потому что здѣсь —

Въ 1796 г. было 54 проститутки въ публичныхъ домахъ и 67 самостоятельныхъ.

Въ 1808 г. — 230 въ домахъ и 233 самостоятельныхъ.

Въ 1809 г. — 198 въ домахъ и 113 самостоятельныхъ.
Въ 1844 г. — 287 въ домахъ и 18 самостоятельныхъ.

Въ Берлинѣ, слѣдовательно, побѣдили содержательницы. Но бываетъ иногда и наоборотъ. Въ Страсбургѣ, напр., ежемѣсячно записывалось среднимъ числомъ:

			Женщинъ въ публичные дома.	Самостоятельныхъ.
1853	года,	послѣдняя треть	112,5	34
1854	"	1 четверть	113,0	28
—	"	2 "	118,7	38
—	"	3 "	119,7	47
—	"	4 "	105,0	59
1855	"	1 "	108,7	59
—	"	2 "	114,7	63
—	"	3 "	115,0	70
—	"	4 "	133,7	67
1856	"	1 "	110,3	77
—	"	2 "	121,0	88
—	"	3 "	125,0	104
—	"	4 "	147,6	99

Такимъ образомъ,втеченіе четырехъ лѣтъ число зависимыхъ проститутокъ почти одно и тоже, между тѣмъ, какъ число самостоятельныхъ увеличилось болѣе, чѣмъ вчетверо, хотя самостоятельныя и не достигли еще численнаго перевѣса надъ зависимыми, какъ это видимъ, напр., въ Брестѣ, гдѣ въ публичныхъ домахъ живетъ 131 женщина, а самостоятельныхъ 213. Но такой перевѣсъ самостоятельности—только счастливое исключеніе. Въ большинствѣ же мѣстностей и случаевъ проститутки не въ состояніи сохранить свою независимость и попадаютъ въ когти тѣмъ торговкамъ женскою плотью, для которыхъ въ нашей цѣломудренной литературѣ нѣтъ даже приличнаго названія, такъ что постоянно затрудняетесь, какъ титуловать этихъ женщинъ и содержимые ими дома.

Содержательницы публичныхъ домовъ, по своему происхожденію, раздѣляются на нѣсколько классовъ. Большинство ихъ состоитъ изъ пожилыхъ проститутокъ, сдѣлавшихъ съ молодости сбереженіе или получившихъ отъ какого-нибудь благодѣтеля сумму, необходимую для открытія публичнаго дома. Въ Англіи такими благодѣтелями нерѣдко являются богатые развратники, ревнующіе о лучшемъ устройствѣ и развитіи проституціи. Во вторыхъ, между этими эксплуатантками не мало женщинъ, принадлежащихъ къ порядочнымъ фамиліямъ и принявшимся за такое гнусное ремесло ради барышей; иногда содержательницы служатъ только оффиціальными хозяйками заведенія, а въ сущности онѣ приказчицы настоящихъ собственниковъ, остаю-

щихся за ширмами и пользующихся хорошей репутаціей въ обществѣ. Въ Эдинбургѣ, напр., одна изъ этихъ женщинъ — вдова *секретаря печати*, получающая ежегодную пенсію; три другихъ—жены или вдовы людей также почтенной профессіи. Одинъ публичный домъ содержался здѣсь нѣсколько времени *протестантскимъ пасторомъ съ женою*; два—женами финансовыхъ чиновниковъ; одинъ—супругою полицейскаго сержанта.... „Почтенныя дамы, даже священники шотландской церкви принимаютъ участіе въ этой постыдной торговлѣ. Одинъ изъ этихъ пасторовъ, хозяинъ дома, занятаго публичными женщинами, отвѣчалъ сосѣдямъ, недовольнымъ такимъ его промысломъ: „я получаю хорошій доходъ съ дома, и мнѣ все равно, кто бы ни жилъ въ немъ", (Richelot и Tait). Подобные содержатели, обладая значительными средствами, ведутъ иногда свое дѣло на очень большую ногу; нерѣдко устраиваются для этого промышленныя компаніи изъ бандоршъ, домовладѣльцевъ, виноторговцевъ, продавцевъ мебели и т. д. Случается, что одна бандорша содержитъ нѣсколько домовъ, въ Парижѣ — иногда до восьми, одинъ на свое имя, остальные же на имя другихъ женщинъ, состоящихъ у нея управительницами, въ полиціи записанными, какъ самостоятельныя содержательницы. Бандоршами часто дѣлаются служанки содержательницъ, или успѣвшія сколотить деньгу, или заводящія публичный домъ на средства своей хозяйки, или получившія отъ нея такое заведеніе по наслѣдству, послѣ ея смерти. Наслѣдственныя дома терпимости существуютъ даже въ семействахъ. «Въ Парижѣ есть нѣсколько семей, которыя втеченіе многихъ поколѣній не имѣютъ другого занятія, кромѣ управленія домами проституціи; мать занимается своимъ промысломъ въ одномъ кварталѣ, а дочь въ другомъ; дома переходятъ по наслѣдству отъ матери къ дочерямъ, отъ тетокъ къ племянницамъ и т. д.» (Parent-Duchâtelet).

Несмотря на разнообразіе общественныхъ положеній, достатковъ, образованности этихъ содержательницъ, онѣ имѣютъ очень много чертъ, общихъ всѣмъ ихъ классамъ. Все это женщины энергическія, съ властительнымъ характеромъ, предпріимчивыя спекуляторши съ черствымъ сердцемъ, которому нѣтъ дѣла ни до чести, ни до страданій человѣка, были бы только хорошіе барыши. Отъ проститутокъ своихъ онѣ требуютъ не только безотвѣтной покорности, но и уваженія, считая ихъ своими рабочими скотинами, обязанными *«вырабатывать»* (терминъ) для нихъ по стольку-то въ день. Дома бандорша привыкаетъ быть госпожею и барынею; очень естественно, что она старается держать ту же роль и въ общественной жизни. Въ Англіи и Франціи, въ Бордо, напр., бандорши высшаго сорта задаютъ тонъ въ модахъ своимъ изысканнымъ и богатымъ туалетомъ. Онѣ блестятъ на гуляньяхъ, въ театрахъ, концертахъ, даютъ у себя балы, большіе

обѣды, музыкальные вечера и т. д. Въ Эдинбургѣ—то же самое, и на общественныхъ гуляньяхъ бандорши, нисколько не стѣсняясь, смѣшиваются съ лицами высшей аристократіи. Онѣ имѣютъ хорошія связи и знакомства, часто пользуются полнымъ уваженіемъ родовитыхъ джентльменовъ и начиненныхъ золотомъ буржуа. Имъ дѣлаются даже общественныя оваціи, съ подарками, хвалебными спичами и *благодарственными адресами!* Однажды, напр., богатые обычные посѣтители первокласснаго дома терпимости въ Эдинбургѣ, принадлежащіе къ лучшимъ фамиліямъ Шотландіи, поднесли содержательницѣ великолѣпный подарокъ *„въ знакъ своей признательности за ея образцовое управленіе заведеніемъ и за рачительность, съ которою она удовлетворяла требованія посѣтителей“*. И нечего удивляться этому, пустые и развратные шалопаи — родные братья бандоршамъ; не естественно ли имъ чувствовать къ послѣднимъ самое дружеское расположеніе! Другое дѣло — люди низшихъ классовъ, люди хотя грубые и невѣжественные, но своимъ горькимъ опытомъ знающіе тяжесть всякой экономической эксплуатаціи, — они презираютъ и глубоко ненавидятъ содержательницъ, этихъ тварей, занятыхъ превращеніемъ въ золото высасываемой ими женской крови... Но многія бандорши богаты, приличны, полированы, угождаютъ вкусамъ высшей публики, и почему же ей не уважать ихъ!.. Такое уваженіе дѣлаетъ ихъ часто до того надменными, что онѣ даже при сношеніяхъ съ властями принимаютъ тонъ, приличный развѣ какой нибудь дѣйствительно солидной дамѣ, а ужъ никакъ не содержательницѣ публичнаго дома. У Парана приведено много образцовъ ихъ прошеній къ префектамъ. Одна, напр., пишетъ: «доживъ до 82 лѣтъ и будучи матерью многочисленнаго семейства, я умоляю васъ, г. префектъ, о помощи и покровительствѣ. Вы—отецъ бѣдныхъ, опора вдовицъ и сиротъ, поддержка скорбящихъ, прибѣжище несчастныхъ—не откажете, вѣроятно, въ моей просьбѣ. Будучи въ столь престарѣломъ возрастѣ и чувствуя приближеніе часа, когда, предавъ духъ мой Господу Богу, я должна буду предстать передъ моимъ Создателемъ, я обязана позаботиться объ обезпеченіи дѣтей своихъ» и т. д. Она проситъ префекта дозволить ея дочери и внучкѣ промыселъ развратомъ. Другая, ходатайствуя о разрѣшеніи ей содержать публичный домъ, пишетъ: «желая сохранить незапятнанною свою репутацію честности и изящности, пріобрѣтенную мною въ нашемъ кварталѣ, я вынуждена, для исполненія *моихъ священныхъ обязанностей и долга чести*, открыть домъ терпимости»... Третья проситъ о томъ же, увѣряя префекта, что она останется «всегда достойною его протекціи, уваженія и почтенія». Многія говорятъ въ своихъ просьбахъ, что онѣ «всегда пользовались уваженіемъ всѣхъ добрыхъ людей». Одна пишетъ, что она «уже 14 лѣтъ добываетъ себѣ такимъ образомъ (содержаніемъ дома терпимости) средства *для*

честнаго существованія»... и т. д. Для составленія подобныхъ просьбъ и вообще для своей дѣловой переписки богатыя бандорши содержать особыхъ *секретарей*, которыми нерѣдко бываютъ ихъ мужья и любовники, между тѣмъ какъ отцы и матери, своею неотесанностью могущіе компрометировать подобную барыню, держатся гдѣ-нибудь на кухнѣ или въ людской, исполняя самыя черныя и тяжелыя работы. Въ Парижѣ около 1/4 всѣхъ содержательницъ замужнія. Мужья ихъ большею частію содержатъ гдѣ-нибудь по сосѣдству съ заведеніями своихъ супругъ кофейни, гостинницы, рестораны, въ которые они, посредствомъ зависящихъ отъ женъ ихъ дѣвушекъ, привлекаютъ много посѣтителей. Большая часть этихъ мужей пьяницы, воры и живутъ съ наложницами. Супруги ихъ въ свою очередь обзаводятся любовниками нерѣдко нѣсколькими за разъ. Многіе изъ любовниковъ состоятъ на содержаніи у этихъ почтенныхъ дамъ, хотя и занимаютъ иногда *„прекрасное положеніе въ свѣтѣ или въ арміи“*, какъ говоритъ Паранъ-Дюшатле. Дѣти содержательницъ въ странахъ, гдѣ законъ запрещаетъ матерямъ держать ихъ при себѣ, часто воспитываются въ хорошихъ школахъ и пансіонахъ, и съ помощью образованія да капитала своихъ маменекъ нерѣдко составляютъ хорошую карьеру, въ особенности дочери, приданое которыхъ доходитъ иногда до 50 и 100 тысячъ франковъ. Женская прислуга публичныхъ домовъ по преимуществу набирается изъ бывшихъ проститутокъ—на старости это ихъ спеціальное занятіе. Неиспорченныя женщины само собою разумѣется, не долго могутъ сохраниться въ этихъ притонахъ разврата. Мужская прислуга—кучера, лакеи, музыканты,—не имѣютъ особенностей.

Въ проституціонной, какъ и во всякой промышленности, судьба далеко не одинаково благопріятна къ предпринимателямъ,—нѣкоторые изъ нихъ обогащаются, большинство перебивается кое-какъ, а многіе раззоряются въ конецъ. Выручка публичныхъ домовъ крайне разнообразится не только по ихъ достоинству, но и по времени, болѣе или менѣе благопріятному для этого промысла. Нѣкоторые изъ парижскихъ публичныхъ домовъ выручаютъ въ день 500 — 600 франковъ, а въ простонародныхъ публичныхъ домахъ каждая проститутка обязывается иногда «заработывать» для хозяйки отъ 10 до 15 фр. въ день. Многія аристократическія содержательницы наживаютъ въ Парижѣ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ сумму, которая даетъ имъ отъ 5 до 30 тысячъ фр. годоваго дохода. Въ Лондонѣ онѣ сплошь и рядомъ могутъ платить за одну только квартиру отъ 500 до 12,000 франковъ. Въ Петербургѣ одинъ домъ платитъ только за помѣщеніе 6,000 р. въ годъ, а устройство въ немъ такъ называемой зеркальной спальни стóило содержательницѣ до 7,000 р. Въ Эдинбургѣ нѣкоторые дома терпимости выручаютъ каждую ночь до 500 франковъ. Кромѣ упомянутыхъ выше условій, степень выручки зависитъ также отъ искуства и

распорядительности содержательницы. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы заманить какъ можно болѣе мужчинъ. И несмотря на строгія преслѣдованія полиціи, для этого употребляются сплошь и рядомъ запрещенныя средства,—напр., зазываніе прохожихъ прислугою, ходящею по улицамъ или стоящею у парадныхъ дверей дома. Въ Англіи содержательницы часто распространяютъ въ публикѣ адресы и рекламы о своихъ заведеніяхъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно магазины и торговые дома. Въ Парижѣ то же самое. Проститутки, высылаемыя содержательницами промышлять на улицу, нерѣдко обязаны непремѣнно приводить каждый вечеръ извѣстное число мужчинъ,—иначе ихъ ждутъ жестокіе побои и истязанія. Есть содержательницы, которыя часто, для возбужденія своихъ женщинъ къ «работѣ», даютъ имъ разные конфертативы, столь сильные, что нерѣдко происходитъ отравленіе. Иногда случается, что женщинъ въ домѣ не достаетъ для посѣтителей, въ такихъ случаяхъ ихъ *занимаютъ* у другихъ содержательницъ за извѣстную плату и часто выписываютъ даже на время изъ другихъ городовъ.

Не менѣе возмутительны и всѣ остальныя отношенія хозяекъ къ проституткамъ. Мы уже говорили отчасти о тѣхъ козняхъ, которыя всюду устраиваются для неопытныхъ и бѣдныхъ дѣвушекъ бандоршами съ ихъ многочисленнымъ штабомъ своднеи. Много женщинъ вербуютъ онѣ въ больницахъ, въ которыхъ постоянно находятся ихъ тайные агенты, соблазняющіе легкомысленныхъ и нищихъ дѣвушекъ подарками, задатками и обѣщаніями. Для большинства ихъ больница служитъ единственнымъ прибѣжищемъ, за воротами котораго ихъ ожидаетъ голодъ, нагота и постоянное пребываніе подъ открытымъ небомъ; естественно, что онѣ хватаются за проституцію, какъ утопающій за соломенку. Содержательницы домовъ средняго и низшаго сорта рекрутируютъ женщинъ даже въ тюрьмахъ, часто поджидая у воротъ выхода ихъ, истомленныхъ, босыхъ, полунагихъ, и великодушно предлагая имъ содержаніе, платье и квартиру. Сироты, вдовы, неопытныя малолѣтнія дѣвочки, брошенныя любовницы, прогнанныя служанки, голодающія безъ дѣла работницы—все это дичь, которая легко попадаетъ въ сѣти этихъ достоуважаемыхъ dames des maisons. Агенты ихъ рыскаютъ по всей Европѣ и посредствомъ разсказанныхъ уже нами обмановъ и хитростей привзоятъ женщинъ, куда слѣдуетъ.

Переступивъ однажды порогъ публичнаго дома, завербованная женщина попадаетъ въ жестокую неволю, освободиться отъ которой ей чрезвычайно трудно, часто даже невозможно. Огромное большинство этихъ женщинъ наги, босы, голодны; получая отъ содержательницы платье, часто дорогое, разныя цѣнныя украшенія, хорошій столъ, денежный задатокъ, — онѣ такъ задалживаютъ ей за все это, что при извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ всякой кабалы, не въ состояніи

никогда расплатиться съ хозяйкою, которая между тѣмъ постоянно старается увеличивать сумму ихъ фиктивнаго долга, покупая имъ разныя бездѣлушки, наряды, билеты въ театры и концерты и т. д. или даже — это верхъ благородства — помогая немного ихъ изнывающимъ въ бѣдности семействамъ. Всѣ деньги, выручаемыя проститутками, идутъ въ карманъ содержательницѣ, а сами онѣ постоянно остаются ея вѣчными кабальными должницами. Посѣтители публичныхъ домовъ очень хорошо знаютъ о такомъ безвыходномъ положеніи ихъ обитательницъ, и нѣкоторые, сверхъ опредѣленной платы содержательницѣ, дѣлаютъ еще подарки принимающимъ ихъ дѣвушкамъ. Но и эти подарки, особенно если они значительны, часто отнимаются всемогущими въ стѣнахъ своей квартиры бандоршами. Такіе порядки, конечно возмущаютъ всѣхъ проститутокъ; всѣ онѣ ненавидятъ содержательницъ и мстятъ имъ; между закабаленными и кабалительницами постоянно идетъ борьба, и въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ результатомъ этой борьбы, склонившейся на сторону проститутокъ, явилось новое распредѣленіе дохода, по поламъ между содержательницей и выработавшей его дѣвушкой. — Въ дѣлѣ управленія женщинами всѣ ихъ „мамаши", какъ проститутки обыкновенно титулуютъ содержательницъ, являются строгими до жестокости, самодурными до варварства. Побои, плеть, лишеніе пищи и тому подобныя средства — все пускается ими въ ходъ для того, чтобы проститутки благоговѣйно дрожали передъ ними и рабски выполняли всѣ ихъ приказанія и капризы. Пикнуть никто не смѣй! Требованія полиціи, невыполненіе которыхъ можетъ повлечь за собою закрытіе дома, требованія о поддержаніи въ немъ тишины и порядка заставляютъ содержательницъ еще болѣе усиливать свое по истинѣ террорное управленіе.

Проститутки, какъ мы уже сказали, ненавидятъ содержательницъ и стараются мстить имъ всѣми мѣрами, какія находятъ возможными. Большею частію онѣ эмигрируютъ изъ дома терпимости, унося съ собою платья и другіе цѣнные предметы. Ихъ обыкновенно ловятъ, и содержательница подвергаетъ ихъ наказаніямъ, а для предупрежденія новаго побѣга держитъ ихъ полунагими втеченіе цѣлаго дня, выдавая имъ платье только по вечерамъ, когда онѣ должны принимать посѣтителей.

Въ большихъ городахъ, гдѣ тысячи, десятки тысячъ народа не имѣютъ опредѣленныхъ жилищъ, существуютъ предназначенныя для нихъ квартиры, maisons garnies, или гостинницы, большею частію крайне грязныя, съ гнилой соломой вмѣсто постелей, съ кучами сора на полу, темныя и дурно снабжаемыя воздухомъ. Это пристанища всевозможныхъ бродягъ, мошенниковъ, безквартирныхъ рабочихъ, уличныхъ комедіантовъ, разносчиковъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это квартиры проститутокъ, хотя и сохранившихъ свою независимость отъ со-

держательницъ публичныхъ домовъ, но вырабатывающихъ такую ничтожную сумму, которая едва достаточна для ихъ ежедневнаго пропитанія и поэтому немогущихъ занимать болѣе порядочныхъ помѣщеній. Выше мы уже говорили о жизни въ этихъ притонахъ нищеты и порока. Несмотря однакожъ на всю ея невыносимую гадость, проститутки предпочитаютъ ихъ публичнымъ домамъ. Хозяева этихъ квартиръ обыкновенно доставляютъ имъ у себя небольшой кредитъ и покровительство, желая удерживать ихъ у себя и тѣмъ привлекать болѣе квартирантовъ. Среди грязи и нищеты этихъ квартиръ проститутки пользуются независимостью, которой онѣ должны окончательно лишиться, вступивъ въ публичные дома, ненавистные для нихъ, какъ тюрьмы.

Кромѣ этихъ квартиръ проститутки имѣютъ пристанища въ кабакахъ, харчевняхъ, винныхъ погребкахъ, табачныхъ лавкахъ и т. п., хозяева которыхъ, понимая прибыльность разврата, держатъ для него особыя, сокровенныя помѣщенія.

Существуетъ еще другой родъ такихъ притоновъ: это maisons de passe—квартиры, отдаваемыя на короткое время, на нѣсколько часовъ или минутъ, всѣмъ приходящимъ лицамъ обоего пола. Сюда приводятъ своихъ посѣтителей тѣ проститутки, которыя или вовсе не имѣютъ своей квартиры, или почему нибудь не могутъ принимать въ ней. Сюда приходятъ съ любовниками замужнія и другія женщины, которымъ необходимо скрывать свое поведеніе. Въ Парижѣ нѣкоторые изъ этихъ домовъ существуютъ спеціально для актрисъ и вообще для женщинъ, служащихъ при театрахъ.

Аристократическая проституція имѣетъ подобные же притоны въ такъ называемыхъ maisons à parties. Высшаго сорта бандорши даютъ въ этихъ домахъ обѣды и вечера, на которыхъ собираются развратники всѣхъ классовъ общества, встрѣчаясь здѣсь съ лучшими проститутками и великосвѣтскими Мессалинами.

Наконецъ сотни и тысячи проститутокъ каждый вечеръ наполняютъ собою улицы, мосты, бульвары, площади большихъ городовъ, продаваясь встрѣчнымъ мужчинамъ.

VII.

Христіанскія общества, отвергая примѣръ и ученіе Христа, презираютъ публичныхъ женщинъ съ такимъ злобнымъ негодованіемъ, что невольно задаешь себѣ вопросъ—въ чемъ же состоятъ ихъ христіанскія чувства? И нужно замѣтить, что проститутки вообще, при всей своей неразвитости и порочности, обладаютъ нѣкоторыми очень рельефными нравственными достоинствами, которыхъ въ извѣстныхъ слояхъ

отвергающаго их „добродѣтельнаго“ общества гораздо меньше, чѣмъ въ рядахъ этихъ жертвъ бѣдности и порока.

Отверженныя всѣми, проститутки относятся другъ къ другу обыкновенно съ чувствомъ братской, безкорыстной солидарности. Больная, голодная, несчастная женщина всегда можетъ ожидать отъ своихъ порочныхъ соремесленницъ посильной помощи, ухода и утѣшенія. „Множество публичныхъ женщинъ въ трудныя времена каждую недѣлю, даже каждый день доставляютъ пропитаніе живущимъ по сосѣдству съ ними старикамъ, больнымъ людямъ и многочисленнымъ семействамъ“ (Parent-Duchâtelet). Такою взаимною симпатіей и сострадательностью отличаются не только крайне-впечатлительныя француженки, но и проститутки всѣхъ другихъ народностей, даже холодныя англичанки. Въ Лондонѣ, напр., по свидѣтельству самыхъ достовѣрныхъ наблюдателей, онѣ никогда не замедляютъ помогать одна другой въ несчастіяхъ и страданіяхъ. „Одна молодая дѣвушка, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ развратной и нищенской жизни, дошла до крайне несчастнаго положенія, вслѣдствіе разстройства своего здоровья, не имѣя въ то же время для своего существованія никакихъ другихъ средствъ, кромѣ промысла развратомъ. Сострадательныя проститутки, ея подруги, желая избавить ее отъ необходимости умереть отъ разврата, составили изъ своихъ скудныхъ доходовъ сумму, необходимую для того, чтобы больная могла провесть остатокъ своей жизни въ покоѣ и раскаяніи“ (Richelot). При такой возвышенной сострадательности другъ къ другу, большинство проститутокъ отличается взаимной солидарностью и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Хотя Требюше и замѣчаетъ, что „въ проституткахъ полиція имѣетъ справедливѣйшихъ доносчиковъ“, но это относится только къ тѣмъ исключительнымъ случаямъ, когда ссоры и интриги поселяютъ въ проституткѣ бѣшенную ненависть къ своему врагу и жажду мести, удовлетворяемую доносомъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онѣ никогда не шпіонничаютъ и не доносятъ. Это то же одно не изъ послѣднихъ нравственныхъ достоинствъ во многихъ современныхъ государствахъ.

Общепризнанный фактъ, что всѣ проститутки не только не находятъ рѣшительно никакого удовольствія въ развратѣ, но даже чувствуютъ всегда *непобѣдимое отвращеніе къ нему* — новое доказательство, что ихъ загоняетъ въ проституцію и удерживаетъ въ ней только одна крайняя необходимость. Поэтому, большинство ихъ только въ пьяномъ видѣ и можетъ заниматься своимъ ремесломъ. Вино спасаетъ ихъ отъ изнеможенія и лишаетъ сознанія ихъ дѣйствій. „Ни одна дѣвушка, — говорятъ онѣ — не можетъ вести такую жизнь, не пьянствуя“ (The gr. sin of gr. cities, p. 5). „Всѣ свѣденія, собранныя объ этомъ порокѣ, доказываютъ, что проститутки начинаютъ пьянствовать ради одного только самозабвенія; нечувствительно онѣ такъ привы-

каютъ къ вину, что для нихъ дѣлается уже невозможнымъ возвращеніе къ трезвости“ (Parent-Duchâtelet). Нѣкоторыя даже и развратничаютъ только для пріобрѣтенія средствъ на пьянство. При такомъ отвращеніи отъ разврата съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, всѣ проститутки имѣютъ сильное стремленіе къ прочной и постоянной связи, основанной на любви. Характеръ и состояніе такихъ любовниковъ очень разнообразны,—тутъ есть и генералы, и литераторы, и банкиры, и студенты, и приказчики торговыхъ домовъ, а проститутки низшаго сорта отдаются исключительно рабочимъ всякаго рода: солдатамъ, бродягамъ и мошенникамъ. Эти женщины не только ничего не получаютъ отъ своихъ любовниковъ, но большею частію сами же и содержатъ ихъ, вырабатывая имъ на пищу, платье и квартиру. „*Въ Парижѣ множество молодыхъ людей*,—говоритъ Паранъ-Дюшатле — *не имѣютъ никакихъ другихъ средствъ существованія*“, кромѣ этого содержанія, доставляемаго имъ любовницами. Страсть проститутокъ къ этимъ господамъ неистова и безпредѣльна. У большей части изъ нихъ любовники—грубые, жестокіе, пьяные мошенники и пролетаріи, щедро награждающіе ихъ за любовь бранью, побоями, увѣчьемъ; въ госпитали часто приводятъ этихъ женщинъ, избитыхъ до полусмерти своими возлюбленными, но только что успѣютъ онѣ вылечиться, какъ снова спѣшатъ соединиться съ жестокими избранниками своего сердца. Единственная польза проституткамъ отъ любовниковъ — это доставляемая послѣдними защита. Оскорбляетъ ли кто публичныхъ женщинъ на улицѣ, преслѣдуетъ ли и задерживаетъ ихъ полиція, бьетъ ли ихъ содержательница публичнаго дома,—любовники, если они случатся по близости, тотчасъ спѣшатъ на выручку своихъ подругъ. Эта страсть къ любовникамъ есть только одно изъ проявленій замѣчаемой въ большинствѣ проститутокъ сильнѣйшей наклонности къ семейной жизни. Быть матерью — это ихъ завѣтный идеалъ, о которомъ онѣ мечтаютъ и говорятъ съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ. „Одна изъ нихъ со слезами говорила мнѣ, — разсказываетъ Паранъ — что достоинство матери подняло бы ее въ собственныхъ ея глазахъ изъ того униженія, въ какое она попала, и что она возбудила бы уваженіе къ себѣ во всѣхъ, кто увидѣлъ бы, съ какою заботою она выполняетъ обязанности, возложенныя на женщинъ законами природы“. Другая такая же дѣвушка сошла съ ума отъ печали, что изъ трехъ рожденныхъ ею дѣтей не было ни одного живаго. Случается, что проститутки, которымъ не удается имѣть собственныхъ дѣтей, *воруютъ чужихъ*, лишь бы найти только существо, на которое можно было бы изливать всѣ чистѣйшія чувства своего сердца. Если проституткѣ случится забеременѣть и родить, то нѣтъ предѣловъ нѣжности и предупредительности, съ которыми наперерывъ услуживаютъ ей ея подруги. Однѣ ходятъ за матерью, другія няньчатъ ребенка, третьи

моютъ дѣтское бѣлье,—онѣ рады отдать родильницѣ свою послѣднюю рубашку. Большинство родившихъ всегда заботится о воспитаніи своихъ дѣтей, а небрежную, недобрую къ дѣтямъ мать публичныя женщины презираютъ и доносятъ на нее. „Большинство этихъ матерей старается воспитывать своихъ дѣтей такъ, чтобы сохранить ихъ отъ порока",—говоритъ Паранъ. —Здѣсь представляется любопытный, но плохо изслѣдованный вопросъ, на сколько природа удовлетворяетъ этимъ страстнымъ желаніямъ проститутки быть матерью? Многіе думаютъ, что публичныя женщины не имѣютъ дѣтей, но это неправда; изъ имѣющихся у насъ подъ руками цифръ и наблюденій разныхъ изслѣдователей видно, что проститутки способны къ дѣторожденію, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ женщины неразвратныя. Въ большинствѣ случаевъ проститутки приписываютъ причину своей беременности не случайнымъ своимъ посѣтителямъ, а любовникамъ. Въ Парижѣ однажды 620 публичныхъ женщинъ были спрашиваемы, имѣли ли онѣ дѣтей и любовниковъ; изъ нихъ —

отказалось отвѣчать на эти вопросы	217
отвѣчали, что у нихъ были любовники но не было дѣтей	213
— что онѣ имѣли любовниковъ, которые сдѣлали ихъ матерями	125
— что любовниковъ у нихъ не было, но дѣти были.	26
— что любовники были, но дѣтей не было	31
— что имѣли дѣтей, но будучи замужними, онѣ приписываютъ произведенія ихъ своимъ мужьямъ .	8

Слѣдовательно, изъ 403 отвѣчавшихъ проститутокъ, 159 имѣли дѣтей. Въ парижскихъ родильныхъ больницахъ помѣщалось проститутокъ-родильницъ:

Въ 1817 г.	33	13,6	1823 г.	60	22,1
„ 1818 „	44	17,0	1824 „	64	22,6
„ 1819 „	60	23,0	1825 „	55	20,9
„ 1820 „	56	20,0	1826 „	39	16,0
„ 1821 „	54	18,5	1827 „	41	16,5
„ 1822 „	66	22,7	1828 „	48	18,0

Но такъ какъ не всѣ беременныя проститутки родятъ въ больницахъ, то выставленные сейчасъ проценты нужно считать ниже дѣйствительныхъ.

Въ Ліонѣ изъ 3,884 проститутокъ имѣли дѣтей 1,161, но въ томъ числѣ 619 родили до своей записки въ проституціонныя книги, что, конечно, еще не освобождаетъ ихъ отъ подозрѣнія въ томъ, что онѣ занимались развратомъ и до своей беременности. Въ Страсбургѣ, по изслѣдованіямъ Штроля, самостоятельныхъ проститутокъ, рождавшихъ дѣтей, приходится 33 на 100, а проститутокъ публичныхъ домовъ —

22 на 100. Наблюденія же, сдѣланныя въ Брюсселѣ, далеко не соотвѣтствуютъ только что приведеннымъ; по словамъ Маринуса, здѣсь 1 беременная проститутка проходится на 40 небеременныхъ. Во всякомъ случаѣ, обо всѣхъ, сейчасъ приведенныхъ нами цифрахъ должно сказать, что онѣ далеко не обнимаютъ количества проститутокъ, оказавшихся способными къ дѣторожденію. Цифры, доставляемыя больницами, не заключаютъ въ себѣ числа публичныхъ женщинъ, рождающихъ внѣ больницъ. Остальныя данныя основаны на показаніяхъ самихъ проститутокъ, изъ которыхъ множество, какъ мы уже видѣли, отказывается отвѣчать на подобные вопросы, да и отвѣчающимъ нельзя довѣрять вполнѣ: виновность въ дѣтоубійствѣ и плодоизгнаніи, а также нѣкоторыя другія причины часто заставляютъ ихъ давать совершенно ложныя показанія.

Неудовлетворяемая потребность любви, при постоянномъ возбужденіи развратомъ, нерѣдко принимаетъ у этихъ женщинъ совершенно противоестественное направленіе.

Такъ страстная, впечатлительная натура отверженной и осужденной на адское существованіе женщины всюду ищетъ отрады или забвенія,—то въ любви къ дѣтямъ, то въ водкѣ, то въ помощи несчастнымъ, то въ противуестественныхъ порокахъ, то въ обжорствѣ и лакомствѣ, которыя замѣчаются у всѣхъ проститутокъ. Но нѣтъ ей отрады на землѣ, а для забвенія при помощи вина часто нѣтъ денегъ или до него не допускаетъ содержательница. Нищенство, рабство, необходимость промышлять развратомъ, отвратительнымъ для всякой проститутки, побои любовниковъ, преслѣдованія полиціи—все это дѣлаетъ жизнь публичной женщины ненавистною для нея. Она вполнѣ сознаетъ свою отверженность, она презираетъ себя, она употребляетъ часто всѣ усилія, чтобы бросить свой постыдный образъ жизни, но напрасно—общественный потокъ уноситъ ее къ неизбѣжной погибели. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ того, что умъ и сердце публичныхъ женщинъ обезображены порокомъ вовсе не до такой степени, какъ можно бы думать, судя по ихъ внѣшнему поведенію во время ихъ занятій своимъ промысломъ,—однимъ изъ сильныхъ доказательствъ этого служитъ ихъ деликатная приличность внѣ сферы разврата. При медицинскихъ освидѣтельствованіяхъ, при всѣхъ, столкновеніяхъ съ благосклонными къ нимъ и непорочными людьми большинство ихъ обнаруживаетъ совѣстливость и держитъ себя въ высшей степени прилично. „Всѣ изучившіе публичныхъ женщинъ Парижа свидѣтельствуютъ, что внѣ своего промысла онѣ отличаются приличіемъ, скромностью и стыдливостью,—гов. Паранъ—а между книгами, которыя онѣ читаютъ, никогда не встрѣчается соблазнительныхъ и похабныхъ“. Та же совѣстливость, вмѣстѣ съ боязнію разныхъ преслѣдованій, служитъ источникомъ извѣстной лживости проститутокъ. Же-

ланіе сохранить незапятнанной репутацію своего семейства, боязнь, какъ бы не узнали объ ихъ порочности родные и знакомые, часто просто ребяческое, шаловливое желаніе спутать администрацію и позабавиться надъ нею—все это заставляетъ проститутокъ измѣнять или вовсе перемѣнять свои имена и фамиліи. Это всюду дѣлаетъ цѣлая половина ихъ, если не больше, и такимъ образомъ, постоянно говоря ложно о своемъ происхожденіи, онѣ естественно привыкаютъ къ лживости и относительно другихъ предметовъ. Та же проклятая обстановка, та же безвыходность положенія пріучаютъ ихъ не только къ пьянству и картежной игрѣ, но также и къ лѣни. Можно безъ всякаго преувеличенія и согласно съ авторитетнымъ свидѣтельствомъ Парана сказать, что $^{9}/_{10}$ публичныхъ женщинъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ, особенно изъ живущихъ въ публичныхъ домахъ. Рядомъ съ этимъ недостаткомъ нужно поставить и ихъ страшную неряшливость въ своей квартирѣ, въ платьѣ, ихъ крайнюю нечистоплотность, вшивость, очень обыкновенную даже у самыхъ элегантныхъ проститутокъ, небрежность въ хозяйствѣ, беззаботное проматыванье денегъ на пустяки и т. д. Конечно, у большинства эти недостатки зависятъ отъ крайней бѣдности, въ которой онѣ находятся или находились прежде, но тому же самому содѣйствуетъ и вся жизнь, убивающая всякую энергію, всякую любовь къ работѣ, которая не въ состояніи освободить ихъ. Излишество половыхъ отправленій и крѣпкихъ напитковъ, истощая женщинъ, довершаетъ это окончательное разслабленіе характера, которое впрочемъ замѣчается только у проститутокъ, долго занимавшихся своимъ убійственнымъ ремесломъ. Въ первое же время онѣ отличаются крайнею впечатлительностью, легкомысліемъ, подвижностью, непостоянствомъ во всемъ,—что составляетъ также неизбѣжные результаты ихъ жизни, въ которой нѣтъ ничего прочнаго, все постоянно измѣняется, въ которой каждый день и часъ женщина должна ожидать какой-нибудь бѣды, какой-нибудь перемѣны и перемѣны большею частію къ худшему. Кромѣ того, легкомысленность, въ которой упрекаютъ проститутокъ всѣ наблюдатели ихъ жизни, часто служитъ только послѣдствіемъ неумолкающаго инстинкта самохраненія, который заставляетъ тонущую въ соціальномъ морѣ несчастную проститутку хвататься за каждую встрѣчную соломенку и ждать спасенія отъ плывущей мимо щепки. Надежда, хотя и слабая, но все-таки увлекающая ихъ впечатлительную натуру, заставляетъ ихъ, напр., постоянно переѣзжать изъ города въ городъ, изъ одного квартала въ другой, или мѣнять публичные дома, что дало происхожденіе французской поговоркѣ: elles sont, sous ce rapport, des véritables filles publiques. Всюду ищутъ, бѣдныя, выхода и погибаютъ въ этихъ поискахъ!

Немногія натуры могутъ долго выдерживать такую жизнь, и го-

воря вообще, проститутка не долго занимается своимъ отвратительнымъ и убійственнымъ промысломъ. Вотъ, напр., ліонскія публичныя женщины; изъ нихъ:

1	занималась развратомъ		27 лѣтъ.
4	„ „		15 „
17	„ „		10 „
248	„ „	отъ 5 до	10 „
915	„ „	„ 3 „	5 „
1672	„ „	„ 1 „	3 „
1027	„	или менѣе или болѣе	1 года.

Въ Страсбургѣ изъ 262 женщинъ —

1	жила проституціей	24 года.	8	жили проституціей	8 лѣтъ.
1	„ „	18 лѣтъ.	16	„ „	7 „
1	„ „	17 „	15	„ „	6 „
4	„ „	13 „	25	„ „	5 „
4	„ „	12 „	38	„ „	4 „
4	„ „	11 „	57	„ „	3 „
3	„ „	10 „	44	„ „	2 „
8	„ „	9 „	22	„ „	1 „

Подобные же сроки и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, т. е. большая часть проститутокъ занимается своимъ промысломъ *отъ 1 до 3 лѣтъ только*.

Куда же онѣ изчезаютъ?

Во-первыхъ, ихъ пожираютъ болѣзни и истребляетъ смерть. Не говоря уже о сифилисѣ—о которомъ см. ниже—проститутокъ губитъ множество всевозможныхъ болѣзней, изъ которыхъ однѣ являются спеціальнымъ результатомъ ихъ промысла, другія — результатомъ нищенской жизни, съ ея лишеніями и невзгодами, наконецъ, третьи служатъ послѣдствіемъ непомѣрныхъ трудовъ, угнетавшихъ этихъ женщинъ до ихъ вступленія въ проституцію.

Глубокія нравственныя страданія, которымъ такъ подвергаются проститутки, нерѣдко производятъ у нихъ истерическіе припадки и конвульсіи. Многихъ поражаетъ умопомѣшательство. Въ Парижѣ съ 1811 по 1815 поступило въ Сальпетріеръ 105 спедшихъ съ ума проститутокъ, — процентъ значительный; изъ этого числа около $^2/_3$ помѣшалось, имѣя отъ роду 25—40 лѣтъ (отъ 15 до 20 лѣтъ—4, отъ 20 до 25—15, отъ 25 до 30—26, отъ 30 до 35—25, отъ 35 до 40—18, отъ 40 до 45—10, отъ 45 до 50—5, отъ 50 до 55—0, отъ 55 до 60—1, отъ 60 до 65—1); слѣдовательно, и здѣсь двадцатые годы женской жизни гораздо убійственнѣе, чѣмъ другіе возрасты. Изъ этихъ 105 сумасшедшихъ помѣшалось отъ причинъ неизвѣстныхъ—37, отъ страха 3, отъ излишества разврата 3, послѣ родовъ 8, отъ крайней бѣдности 11, отъ меркуріальнаго леченія 3, отъ пьянства 13, отъ сильныхъ мораль-

ныхъ страданій 27. Въ числѣ болѣзненныхъ страданій, которымъ подвергаются публичныя женщины, одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ побои, увѣчья и раны, нерѣдко смертельныя, получаемыя ими отъ содержательницъ, любовниковъ, уличныхъ дебошировъ и т. д. Вслѣдствіе этого многія остаются уродами и калѣками на всю жизнь — вмѣсто выткнутаго глаза, напр., съ искуственнымъ, вмѣсто сломанной и потомъ отнятой хирургомъ ноги съ деревяшкой *и т. д.* Требюше замѣчаетъ, что подобное безобразіе и уродство часто не только не уменьшаетъ дохода проститутки, но даже „доставляетъ ей бо́льшіе барыши, чѣмъ красота!..“ Слѣдующая таблица больныхъ парижскихъ проститутокъ познакомитъ насъ съ родомъ ихъ болѣзней.

Больныхъ	катаррами и чахоткой	87
„	пневмоніей и острою плеврезіей	15
„	апоплексіей и страданіями мозга	5
„	ревматизмомъ	13
„	нарывами	2
„	раковидными завалами почекъ	1
„	офтальміей	11
„	страданіями утеруса	41
„	воспаленіемъ и другими страданіями желудка	58
„	ранами и ушибами	90
„	лихорадками	46
„	рожами и сыпями	23
	Всего	392

Кюлерье и Расье въ своемъ Dictionnaire de médecine говорятъ, что́ большинство проститутокъ не въ состояніи долго выносить своей жизни и скоро умираетъ отъ болѣзней сердца, чахотки, органическихъ поврежденій печени и др. внутренностей. Чахотка чаще всего убиваетъ проститутокъ, равно какъ и болѣзненные результаты постояннаго пьянства. О другихъ болѣзняхъ мы распространяться не будемъ; мы уже видѣли, какъ бѣдна и несчастна жизнь этихъ женщинъ, и само собою понятно, что онѣ изъ первыхъ должны падать жертвами холеръ, тифовъ, лихорадокъ и тому подобныхъ бичей человѣчества.

Болѣе всего поражаетъ смерть проститутокъ отъ 20 до 30 лѣтъ. „Эти женщины говорятъ сами, что въ проституціи низшаго класса женщина совершенно изнашивается въ три года“ (Parent), а такъ какъ большинство принимается за промыселъ развратомъ съ двадцатилѣтняго возраста, то понятно, что этотъ же возрастъ болѣе всего долженъ страдать и отъ нападеній смерти. Къ сожалѣнію, мы почти вовсе не имѣемъ цифръ смертности публичныхъ женщинъ и должны поэтому ограничиваться только безцифренными показаніями разныхъ

докто́ровъ. Въ Нантѣ «много проститутокъ погибаетъ отъ чахотки» (Baré). Въ Лондонѣ средняя жизнь публичной женщины, по однимъ 4, по другимъ 7 лѣтъ (Clarke и Rayan); многія изъ нихъ сходятъ съ ума, множество погибаетъ отъ лихорадокъ (Rayan). Въ Эдинбургѣ ежегодно умираетъ $^1/_7$, даже $^1/_6$ проститутокъ; немногія изъ нихъ живутъ долѣе 25 лѣтъ (Richelot). Весьма крупная цифра изъ тѣхъ, которыхъ не убиваетъ болѣзнь, гибнетъ отъ собственныхъ рукъ. Наклонность къ самоубійству чрезвычайно развита между ними, и проститутка очень часто, подобно ея сестрѣ, «Утопленницѣ» Томаса Гуда, до того доводится своей жизнью, что у ней остается одно только желаніе—

Гдѣ бы то ни было, какъ бы то ни было,
Только-бъ изъ міра ей прочь!...

Въ Эдинбургѣ, напр., *ежегодно четверть, даже треть* проститутокъ покушаются на самоубійство и около $^1/_{12}$ успѣваютъ предать себя смерти! (Tait). Въ Лондонѣ также «многія» кончаютъ самоубійствомъ (Rayan). Въ Парижѣ „самоубійство гораздо чаще между проститутками, чѣмъ между другими женщинами. Это зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ занятія ихъ своимъ ремесломъ и отвращенія, возбуждаемаго имъ въ нихъ“ (Trebuchet и Poirat-Duval). Нужно вспомнить при этомъ, что по статистическимъ даннымъ, женщины весьма рѣдко рѣшаются на самоубійство, и только одна невыносимость проституціонной жизни порождаетъ большое количество самоубійцъ-женщинъ.

Итакъ, значительная часть проститутокъ безвременно сходитъ въ могилу. Другія во множествѣ выбываютъ постоянно съ проституціоннаго рынка, или выписываясь изъ полицейскихъ книгъ, или изчезая безслѣдно. Въ Парижѣ, въ которомъ въ разные годы настоящаго столѣтія считалось отъ 2 до 5 тысячъ записныхъ проститутокъ,

	было выписано изъ списковъ по ихъ желаніямъ или по волѣ власти.	выписано вслѣдствіе ихъ изчезновенія изъ вида полиціи.	всего.
Въ 1817 г.	485	575	1060
1818 „	477	582	1059
1819 „	469	571	1040
1820 „	415	716	1131
1821 „	433	733	1166
1822 „	417	739	1156
1823 „	502	605	1107
1824 „	442	602	1044
1825 „	456	527	983
1826 „	486	554	1040
1827 „	490	542	1032

1828 „	572	415	987
1829 „	298	536	834
1830 „	234	502	836
1831 „	284	452	736
1832 „	449	618	1167

Относительно болѣе чѣмъ половины выписанныхъ вслѣдствіе ихъ безслѣднаго исчезновенія, Паранъ-Дюшатле говоритъ, что „крайне трудно получить точныя свѣденія о томъ, что сдѣлалось съ ними". Но во всякомъ случаѣ можно сказать, что однѣ изъ нихъ принялись за новыя занятія или продолжаютъ гдѣ-нибудь скрытно старое ремесло, а другія—сошли въ могилу.

Много проститутокъ бросаетъ свой промыселъ, поступая на содержаніе; часто онѣ привязываются къ старымъ холостякамъ, преимущественно изъ рабочихъ, поселяются у нихъ, хозяйничаютъ, работаютъ и живутъ съ ними, какъ законныя жены. Когда же эти друзья ихъ умираютъ, то онѣ, лишенныя пріюта, помощи и всѣхъ средствъ къ жизни, сплошь и рядомъ снова должны приниматься за свое прежнее ремесло. Въ Парижѣ большинство тряпичниковъ и чистильщиковъ улицъ живетъ съ такими женщинами. Лучшихъ часто берутъ разные аристократы, въ спискахъ которыхъ, помѣщенныхъ у Парана, фигурируютъ между прочимъ 16 богатыхъ французовъ, 8 англичанъ, 7 богатыхъ американцевъ, 3 полковника, одинъ русскій адмиралъ и *„3 персоны, занимающія столь видныя мѣста, и съ такими извѣстными именами, что ихъ нельзя обозначить здѣсь!!."* Вѣроятно, что-нибудь въ родѣ министровъ или лицъ королевской крови. Понятно, что такая завидная сравнительно доля достается немногимъ; для достиженія ея нужны какъ физическія, такъ и извѣстныя умственныя достоинства; этотъ выходъ изъ проституціи такое же исключеніе, какъ и счастливый бракъ. На проституткахъ женятся большею частію фигляры, кабачные сидѣльцы, слуги гостинницъ и публичныхъ домовъ, иногда рабочіе. Въ Парижѣ бываетъ ежегодно отъ 20 до 25 такихъ браковъ. Не мало проститутокъ, какъ увидимъ изъ нижеслѣдующихъ таблицъ, возвращается въ свои семейства по волѣ родственниковъ или родителей. Другія принимаются за работу, если могутъ добыть ее. Третьи поступаютъ въ прислуги, преимущественно къ трактирщикамъ, виноторговцамъ, содержательницамъ публичныхъ домовъ и подобнымъ личностямъ, которыя не пренебрегаютъ ими за ихъ прежнее поведеніе. Нѣкоторыя, какъ уже сказано, дѣлаются „аббатиссами", какъ во Франціи называютъ содержательницъ публичныхъ домовъ. Есть и такія, которыя, скопивъ малую толику деньжонокъ, берутся за какой нибудь самостоятельный промыселъ, но ихъ очень немного, и ни одна изъ нихъ не принадлежитъ къ женщинамъ, освобождающимся отъ содержательницъ. Упомянутую экономію, освобождаю-

щую проститутокъ отъ необходимости продолжать свой промыселъ, однѣ изъ нихъ дѣлаютъ обыкновенно посредствомъ труда, а нѣкоторыя при помощи подарковъ отъ привязанныхъ къ нимъ или сострадательныхъ людей. Большинство же проститутокъ идетъ въ шайки воровъ, мошенниковъ, бродягъ, попадая затѣмъ въ тюрьму или ссылку. Тюрьма для многихъ остается единственнымъ прибѣжищемъ, и выпущенныя на свободу, онѣ дѣлаютъ новыя преступленія, чтобы опять поступить на острожное содержаніе. Большинство этихъ заштатныхъ проститутокъ почти совершенно наги, постоянно голодны, спятъ на площадяхъ, подъ мостами, въ канавахъ, и заключеніе въ тюрьму — настоящее благодѣяніе для нихъ. Для удержанія ихъ въ острогѣ не нужно ни замковъ, ни караула. Въ революцію 1830 г. въ Парижѣ толпа любовниковъ подобныхъ женщинъ овладѣла тюрьмою, въ которой онѣ сидѣли и возвратила имъ свободу; однѣ изъ нихъ наотрѣзъ отказались покинуть свое обычное пристанище, другія ушли, но черезъ два же дня явились обратно! Выше мы уже говорили о воровствѣ проститутокъ, а теперь приведемъ нѣсколько цифръ о другихъ совершаемыхъ ими преступленіяхъ. Въ Парижѣ въ 1821—1827 г. обвинялись передъ судомъ 603 проститутки, въ томъ числѣ за воровство 477, за самоуправство и насиліе 43, за нанесеніе ранъ 26, за публичную неблагопристойность 19, за сопротивленіе властямъ 19, за пособничество развращенію малолѣтнихъ 7, за возмутительные (séditieux) крики и продажу соблазнительныхъ сочиненій 7, за поддѣлку монеты и ассигнацій 2, за поджогъ 1, за прелюбодѣяніе 1, за содержаніе азартной игры 1, за убійство 1. Изъ нихъ осуждено на тюремное заключеніе 323, въ томъ числѣ 3 навѣчно, 1 на 8 лѣтъ, 1 на 7 л., 8 на 6 л., 27 на 5 л., 2 на 4 года, 5 на 3 г., 18 на 2 г., 10 на $1^1/_2$ г., 11 на 15 мѣсяцевъ, 1 на 14 м., 14 на 13 м., 84 на 12 м., 7 на 8 м., 38 на 6 м., 2 на 5 м., 8 на 4 м., 38 на 3 м., 10 на 2 м., 35 на 1 мѣсяцъ. Число арестованныхъ въ Парижѣ проститутокъ гораздо больше числа записанныхъ проститутокъ вообще, т. е. каждая ежегодно арестуется болѣе одного раза. Въ 1853 г. было арестовано ихъ 5094. а въ 1854 г. 5756. Въ тюрьмѣ св. Лазаря постоянно сидитъ ихъ отъ 450 до 600. Въ тюрьму или тюремную богадѣльню св. Діонисія ежегодно присылается на житье отъ 8 до 10 публичныхъ женщинъ, арестованныхъ за нищенство. Тюрьма дѣйствуетъ на нихъ не только убійственно, но и развратительно. „По единодушному мнѣнію всѣхъ, *онѣ выходятъ изъ тюремъ и больницъ болѣе развращенными и порочными, чѣмъ какими поступаютъ въ нихъ*“ (Parent-Duchâtelet). „Здѣсь,-говоритъ въ своемъ рапортѣ 1854 г. ревизоръ парижскихъ тюремъ — проститутки самаго низшаго сорта развращаютъ окончательно заключенныхъ съ ними молодыхъ дѣвушекъ 12—18 лѣтъ“. Изъ многочисленныхъ наказаній, которымъ под-

вергаются проститутки независимо отъ тюремнаго заключенія мы упомянемъ о двухъ слѣдующихъ. Уставъ о проституціи въ швейцарскомъ кантонѣ Бернѣ полагаетъ, если проститутка, отдавшись мужчинѣ при условіи помощи, будетъ требовать отъ него денегъ — должныхъ или недолжныхъ, все равно,—осуждать ее къ заключенію въ рабочій домъ или къ наказанію кнутомъ черезъ палача! Въ Англіи долго употреблялось наказаніе проститутокъ посредствомъ tread mill; это огромный барабанъ на утвержденной оси, внутрь котораго засаживаются осужденныя, обязанныя ходить тамъ непрерывно по одному направленію и своимъ движеніемъ вертѣть этотъ барабанъ—убійственное для здоровья занятіе, выдуманное „просвѣщенными мореплавателями„! И при всѣхъ-то подобныхъ мученіяхъ и лишеніяхъ множество проститутокъ стремится въ тюрьму, какъ въ лучшее свое пристанище!

Извѣстная часть проститутокъ поступаетъ въ разныя заведенія, спеціально устроенныя для исправившихся публичныхъ женщинъ. Но такихъ „магдалинскихъ убѣжищъ“ мало, да и проститутки охотнѣе идутъ въ тюрьмы, чѣмъ въ эти дома покаянія, съ ихъ полумонастырскими уставами, работами, добродѣтельными дамами, наставляющими нравственности и т. д. Въ парижскій домъ „Добраго пастыря“ въ 1821—1833 г. поступило всего только 245 проститутокъ, изъ которыхъ 50 умерло, 87 выпущено по ихъ просьбѣ, 40 выслано за неповиновеніе, 26 поступило въ больницы и т. д. По свидѣтельству компетентныхъ наблюдателей у множества поступившихъ въ эти дома проститутокъ зарождаются серьезныя болѣзни, часто влекущія за собою смерть. Въ четырехъ лондонскихъ домахъ—Magdalen Hospital, Lock Asylum, London female Penitentiary и Guadrian Society—съ 1758 по 1843 г. было принято проститутокъ 12,601, изъ нихъ 7,529 возвратились въ свои семьи или приходы, или поступили къ разнымъ занятіямъ, 176 умерло, *2024 выслано за неповиновеніе*, *49 бѣжало* и т. д.; въ Magdalen Hospital 107 были поражены сумасшествіемъ и др. неизлечимыми болѣзнями. Нравственная, полумонастырская атмосфера убѣжищъ невыносима для большинства проститутокъ, привыкшихъ совершенно къ другой жизни. „Я многихъ изъ нихъ разспрашивалъ объ этомъ,—пишетъ Паранъ — и вотъ, что онѣ отвѣчали мнѣ: „намъ говорятъ тамъ только объ адѣ да объ умерщвленіи плоти; намъ постоянно напоминаютъ нашу прежнюю жизнь; насъ третируютъ и наказываютъ, какъ дѣтей“!... Читатель, конечно, понимаетъ, какъ безтактна такая метода; онъ понимаетъ, вѣроятно, и то, что всѣ подобныя убѣжища приносятъ пользу только въ тѣхъ случаяхъ, когда они доставляютъ ex-проституткамъ возможность существовать посредствомъ труда; но и эта польза личная, а не общая, и мѣрами благотворительности невозможно ни искоренить, ни уничтожить проституцію, соціальные факторы которой на мѣсто раскаяв-

шихся и пристроившихся къ честнымъ занятіямъ проститутокъ будутъ постоянно высылать на базары порока новыя и новыя жертвы. Когда пораженъ весь организмъ, когда всѣ условія жизни содѣйствуютъ развитію болѣзни, покрывающей его отвратительными язвами, тогда не помогутъ никакіе пластыри, налѣпляемые сострадательными руками на эти вонючія язвы. Нужно общее, радикальное лекарство, которое могло бы уничтожить внутреннія причины болѣзни.

Чтобы читатель могъ судить о томъ, какъ много проститутокъ выписывается по каждой изъ сейчасъ упомянутыхъ причинъ, мы приведемъ нѣсколько статистическихъ данныхъ. Въ Ліонѣ, изъ 3884 проститутокъ:

Вышло замужъ	37
Взято родителями.	160
Принялись за свои прежнія занятія	114
Умерли въ больницахъ	76
Осуждены исправительной полиціей	31
Преданы ассизному суду	4
Поступило въ убѣжища, благотворительныя заведенія и исправительные дома	234
Высланы администраціей на родину	212
Изчезли, оставили промыселъ разврата	2226
Остались въ проституціи	690

Въ Парижѣ съ 1845 по 1854 г. выписано:

Вышедшихъ замужъ	205
Умершихъ	953
Пріобрѣтшихъ средства къ жизни	141
Занявшихся трудомъ.	1091
Изчезнувшихъ изъ виду полиціи	7452
Осужденныхъ въ тюрьмы	153
Поступившихъ въ убѣжища	89
Получившихъ livre de tolerance	91

Надъ этими цифрами стоитъ только немного поразмыслить, и мы поймемъ, что *громадное большинство выписанныхъ, если только не помѣшаетъ смерть, скоро должны возвращаться къ тому же промыслу разврата и даже падать на болѣе низкую ступень проституціи, чѣмъ прежде.*

Начнемъ хотя съ поступившихъ въ тюрьмы и исправительные дома. Пройдетъ срокъ ихъ заключенія, и выйдутъ они на свободу еще болѣе развращенными, чѣмъ прежде, какъ мы уже говорили, полунагими, голодающими, безпріютными. У самыхъ воротъ тюрьмы ихъ ожидаютъ агенты проституціи, даютъ имъ обувь и платье и уводятъ въ публичные дома. Избѣгнувшія этой сѣти, на завтра же, а во всякомъ случаѣ черезъ нѣсколько дней, вынуждены будутъ голодомъ или

убить себя или совершить новое преступленіе, чтобы попасть въ тюрьму, или начать прежній промыселъ... Исправили!

Число выписанныхъ проститутокъ, занявшихся трудомъ, довольно значительно въ однихъ спискахъ и гораздо меньше въ другихъ. Такая разность указываетъ на извѣстныя колебанія, постоянно происходящія въ промышленной жизни. Разные кризисы, остановка и закрытіе фабрикъ и т. п. оставляя безъ дѣла множество рабочихъ, всегда увеличиваютъ число проститутокъ; *„но всѣ эти дѣвушки бросаютъ развратъ и возвращаются къ труду, коль-скоро трудъ возобновляется"*. (Richelot). Но каждый день съ ними можетъ повториться та же исторія, и лишившись работы, онѣ снова вынуждены будутъ приняться за продажу единственной собственности,—своего тѣла. Та же бѣдность, которая заставила ихъ продаться въ первый разъ, заставитъ и во второй, и въ третій и т. д.

Самая большая цифра приходится на долю изчезнувшихъ изъ виду полиціи и высланныхъ ею на родину. Огромное большинство ихъ продолжаетъ заниматься проституціей, — одни явной, другія тайной; остальныя же топятся, отравляются, вѣшаются или поступаютъ на какую-нибудь работу до тѣхъ поръ, пока безработность и голодъ снова не обратятъ ихъ къ проституціи.

Взятыя приходами, родственниками и родителями, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, получаютъ возможность жить безразвратно. Но характеръ и положеніе ихъ семей, о которыхъ мы уже говорили, заставляютъ предположить, что такіе случаи исключительны и что взятая въ семейство проститутка должна продолжать свой промыселъ; иногда даже родители только затѣмъ и берутъ ее, чтобы пользоваться ея выручкой.

Множество мужей, женившихся на проституткахъ, торгуютъ своими женами; другія жены проститутничаютъ сами собой, для пополненія своихъ скудныхъ семейныхъ расходовъ.

Поступившія въ магдалинскія убѣжища также выходятъ изъ нихъ къ родителямъ, пристроиваются къ мѣсту, множество вскорѣ же послѣ поступленія выгоняются за неповиновеніе дисциплинѣ и т. д. Всѣхъ ихъ ожидаетъ та же участь, какъ и тѣхъ, которыя выписываются, не поступая въ убѣжища. Мораль магдалинскихъ пріютовъ, какъ бы она ни была вліятельна, остается безсильною тамъ, гдѣ возвышаетъ свой голосъ убійственная нищета.

И безъ магдалинской морали, какъ мы видѣли, большинство проститутокъ чувствуютъ такое отвращеніе къ своему промыслу, какого навѣрно не имѣютъ всѣ эти нравственные учителя убѣжищъ, неиспытавшіе, что значитъ торговать порокомъ....

Наконецъ извѣстный процентъ выписанныхъ изъ проституціонныхъ

книгъ женщинъ поступаетъ въ ряды содержательницъ публичныхъ домовъ.

Итакъ, выписка проститутокъ, какъ бы она ни была значительна, отнюдь не говоритъ объ оставленіи разврата не только всѣми выписанными, но даже значительною ихъ частью. Изложенныя нами сейчасъ апріорныя разсужденія вполнѣ подтверждаются статистическими данными, свидѣтельствующими, что выписанныя публичныя женщины вскорѣ же послѣ своей выписки находятся вынужденными снова приняться за проституцію. Пусть читатель взглянетъ на приведенную нами выше таблицу о парижскихъ проституткахъ, выписанныхъ въ 1845—1854 г.; всѣхъ ихъ выписано 9,983; исключимъ изъ этого числа умершихъ и пріобрѣтшихъ средства къ жизни, т. е. лицъ, отъ которыхъ нельзя уже ждать возвращенія къ проституціи, останется 8,889. Изъ нихъ втеченіе того же періода уличены въ проституціи полиціей и снова записаны въ проституціонныя книги 4,507, т е. болѣе половины! А зная, какъ безсильна самая лучшая полиція въ дѣлѣ выслѣживанья тайной проституціи, мы имѣемъ полное право предполагать, что и изъ остальной половины если не всѣ, то во всякомъ случаѣ большая часть обращаются къ тайной проституціи. Въ особенности это нужно сказать о той, самой многочисленной категоріи выписанныхъ, которыя значатся изчезнувшими изъ виду полиціи. Онѣ рыскаютъ по разнымъ мѣстностямъ, и на родинѣ и заграницей, промышляя по прежнему развратомъ. Около половины ихъ скоро попадаетъ снова подъ контроль полиціи. Изъ 5,433 женщинъ, изчезнувшихъ такимъ образомъ изъ виду парижской полиціи, уличено въ продажномъ развратѣ и поэтому снова внесено въ проституціонныя книги:

Въ первый же годъ по изчезновеніи	1,415
Во второй — — — —	526
Въ третій — — — —	125
— четвертый — — —	48
— пятый — — —	3
— шестой — — —	4
— седьмой — — —	3
— восьмой — — —	2

И самое большое число ихъ (260) поймано на развратѣ въ первые же четыре мѣсяца.

Нѣкоторыя выписываются очень часто, но такъ оплошны, что попадаются снова каждый почти разъ послѣ ихъ выписки. Это нужно сказать въ особенности о тѣхъ проституткахъ, которыя выписываются вслѣдствіе ихъ высылки администраціей на родину. Многія изъ нихъ возвращаются тотчасъ же въ городъ, только другою дорогою и снова

попадаются полиціи на своемъ промыслѣ; въ Парижѣ, такимъ образомъ,

4	были	арестованы	6	разъ	5	были	арестованы	11	разъ
6	„	„	7	„	7	„	„	12	„
6	„	„	8	„	1	„	„	13	„
2	„	„	9	„	2	„	„	14	„
10	„	„	10	„	1	„	„	15	„
5	„	„	16	„	3	„	„	19	„
3	„	„	17	„	1	„	„	23	„
4	„	„	18	„	1	„	„	32	„

Слѣдовательно, изъ выписанныхъ проститутокъ перестаютъ заниматься своимъ промысломъ однѣ только умершія, да развѣ еще крайне незначительное число изъ выписанныхъ по всѣмъ другимъ причинамъ, кромѣ смерти. Для громаднаго же большинства проституція служитъ какимъ-то заколдованнымъ кругомъ, въ которомъ должна вѣкъ свой вращаться женщина, по временамъ и только на короткіе сроки вырываясь изъ него, затѣмъ снова возвращаясь въ него же и продолжая такимъ образомъ вплоть до окончанія своей многострадальной жизни.

VIII.

Всѣ современные и прежніе законы, изданные съ цѣлью искорененія или ограниченія проституціи, вся энергическая дѣятельность европейской администраціи, клонящаяся къ тому же, — все это въ большинствѣ случаевъ безсильно противъ зла, порождаемаго глубокими соціальными причинами. Многочисленные законы и распоряженія, спеціально посвященные проституціи, стремятся по возможности противодѣйствовать распространенію порока и сифилиса. Но ихъ попытки большею частію не удаются да и не могутъ удаваться. Напр., во всѣхъ почти государствахъ признается безнравственнымъ выдавать проституціонные билеты на право промысла развратомъ малолѣтнимъ дѣвушкамъ и замужнимъ женщинамъ. И не выдаютъ: но изъ этого выходитъ только вотъ что. Малолѣтней отказали въ записи, черезъ нѣсколько дней ее ловятъ на продажномъ развратѣ, подвергаютъ аресту, увѣщеваютъ исправиться; она снова проситъ проституціонный билетъ, ей снова отказываютъ, снова ловятъ за тайную проституцію и т. д., до тѣхъ поръ, пока полиція не выдастъ ей билета. Это случается постоянно. Другія мѣры — уже чисто репрессивныя — имѣютъ цѣлью затруднить какъ самое вступленіе въ проституцію, такъ и занятіе ею. Таковы налоги на проститутокъ,—этотъ остатокъ старины, когда государство обращало порокъ въ статью дохода. Въ Гам-

бургѣ, напр., проститутка ежемѣсячно должна платить, смотря по своему классу, отъ 5 франковъ и 70 сант. до 1 фр. 90 сант.; общій доходъ Гамбурга отъ проституціи 22,560—26,320 фр. въ годъ. Въ Брюсселѣ содержательницы публичныхъ домовъ ежемѣсячно вносятъ въ казну отъ 5 до 78 франковъ и т. д. При бѣдности большинства публичныхъ женщинъ подобные налоги безчеловѣчны, столь же безчеловѣчны, какъ и поступокъ французской администраціи, которая, ревнуя о нравственности, запретила въ Парижѣ устроенную нѣкоторыми филантропами, вспомогательную кассу, которая могла бы поддерживать проститутокъ *во время ихъ болѣзни и старости.* Помогать больной и безсильной старухѣ, изволите ли видѣть, безнравственно, и такую мысль высказываетъ правительство, называющее себя христіанскимъ!... Чтобы можно было судить о стѣсненіяхъ, которымъ, большею частью напрасно подвергаются проститутки, мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ французскаго устава о проступкахъ и преступленіяхъ публичныхъ женщинъ, влекущихъ за собою наказаніе виновныхъ. Преступленія: 1) Находиться въ запрещенныхъ для проституціи мѣстахъ. 2) Показываться на улицѣ въ недозволенные часы. 3) Лежать въ пьяномъ видѣ на улицахъ и вообще публичныхъ мѣстахъ. 4) Просить пристанища въ военныхъ постахъ. 5) Прогуливаться по улицамъ днемъ тихими шагами и пристально смотрѣть на мужчинъ. 6) Не быть въ публичномъ домѣ въ часы, для визитовъ назначенныя. 7) Просить милостыню. 8) Ходить съ открытой головой и шеей и т. д. При несуществованіи большей части подобныхъ правилъ общественная нравственность нисколько не страдала бы, а между тѣмъ они гнетутъ проститутокъ и, возбуждая въ нихъ постоянныя сопротивленія и нарушенія, плодятъ только число наказуемыхъ проступковъ и нисколько не уменьшаютъ разврата. Эти мѣры такъ же дѣйствительны, какъ и мѣры, принимавшіяся прежде и еще недавно противъ сифилиса. Въ Ліонѣ, напр., до начала нынѣшняго столѣтія, женщины, заболѣвшія сифилисомъ, подвергались вмѣстѣ съ леченіемъ въ больницѣ и жестокимъ наказаніямъ, бритью головы и т. п. То же самое было и въ другихъ городахъ, а у насъ въ Россіи до настоящаго царствованія зараженныхъ сифилисомъ солдатъ сначала пороли, а потомъ начинали лечить! Даже въ современной Европѣ до сихъ поръ сохранилось какое-то нелѣпое предубѣжденіе противъ сифилиса; напр., во Франціи администраціи часто представляются проекты частныхъ людей о мѣрахъ для предупрежденія венерической заразы; но давать ходъ такимъ проектамъ администрація считаетъ „скандальнымъ и безнравственнымъ", и потому отвергаетъ всѣ ихъ! (Parent, II, 340—356). А между тѣмъ эта болѣзнь, трудно излечимая, съ каждымъ годомъ распространяется все больше и больше, и общество даже не подозрѣваетъ, до какой степени проѣла его венера... Въ Вели-

кобританіи, по всѣмъ достовѣрнымъ вычисленіямъ д-ра Голленда, *ежегодно заражаются сифилисомъ 1,652,500 человѣкъ!..* Главное сѣдалище сифилиса—большіе города, особенно приморскіе, посредствомъ которыхъ Европа постоянно мѣняется своей венерой съ Азіей и Америкой. Жаннель вычисляетъ, что на 28,395 иностранныхъ корабляхъ, ежегодно приплывающихъ во Францію, находится не менѣе 15,000 сифилитиковъ, распространяющихъ заразу во французскихъ гаваняхъ. Въ 1862 и 1863 годахъ англійская армія ежегодно имѣла на 1,000 человѣкъ, 318 сифилитиковъ, въ 1864 году—390, а до 1851 года въ ней было на 1,000 только 181 сифилитикъ. Въ англійскомъ флотѣ, стоящемъ у береговъ, на 1,000 чел. сифилитиковъ до 1851 года ежегодно было 134, а въ 1862 г.—143. Во французской арміи въ 1864 г. на 1,000 чел. сифилитиковъ было 108. Рабочіе страдаютъ отъ сифилиса не менѣе солдатъ и матросовъ, а въ нижнихъ слояхъ проституціи нерѣдко случается, что 1 зараженная приходится не болѣе какъ на 3, даже на 2 публичныхъ женщины. Въ Бордо въ 1852 г. на 100 проститутокъ приходилось 24 сифилитки, а на 307 тайныхъ проститутокъ, уличенныхъ полиціей въ 1863—1866 г., 241, т. е. *78 на 100* еще до своей записи были больны венерой по одному или по нѣскольку разъ. Тайныхъ проститутокъ заражается и болѣетъ венерой гораздо больше, чѣмъ записныхъ, а проститутокъ непотребныхъ домовъ гораздо больше, чѣмъ проститутокъ самостоятельныхъ. Вотъ таблица, относящаяся къ Парижу:

Годы.	Проституток въ домахъ Парижа.	Проститутокъ въ домахъ его окрестностей.	Самостоятельныхъ.	Незаписанныхъ.
1845 . .	1 сифилистка на 142	1 сиф. на 59	1 сиф. на 261	1 сиф. на 6
1846 . .	1 „ „ 151	1 „ „ 53	1 „ „ 183	1 „ „ 6
1847 . .	1 „ „ 154	1 „ „ 51	1 „ „ 350	1 „ „ 6
1848 . .	1 „ „ 125	1 „ „ 37	1 „ „ 181	1 „ „ 5
1849 . .	1 „ „ 128	1 „ „ 44	1 „ „ 200	1 „ „ 5
1850 . .	1 „ „ 148	1 „ „ 47	1 „ › 142	1 „ „ 5
1851 . .	1 „ „ 198	1 „ „ 60	1 „ „ 180	1 „ „ 5
1852 . .	1 „ „ 184	1 „ „ 75	1 „ „ 349	1 „ „ 5
1853 . .	1 „ „ 183	1 „ „ 122	1 „ „ 402	1 „ „ 5
1854 . .	1 „ „ 176	1 „ „ 102	1 „ „ 376	1 „ „ 4

Слѣдовательно, бѣдныя проститутки окрестностей заражаются почти втрое больше, чѣмъ женщины болѣе зажиточныхъ кварталовъ. Деспотизмъ содержательницъ, заставляющихъ своихъ дѣвушекъ „работать“ безъ устали, производитъ то, что послѣднія заражаются почти вдвое больше, чѣмъ проститутки самостоятельныя. Изъ такихъ же проститутокъ, арестованныхъ въ Парижѣ въ 1816 — 1828 г., на 3,110 приходилось сифилитокъ 814, т. е. 1 на 3,82, а въ 1857 —

1866 г. на 19,560 арестованныхъ было 4,370 больныхъ сифилисомъ. Въ Страсбургѣ (1853 г.) на 100 тайныхъ проститутокъ было 83 сифилитки. Въ Бордо было:

	Въ 1858 г.	Въ 1863 г.	Въ 1866 г.
На 100 проститутокъ больныхъ венерой изъ записанныхъ	2,26	1,77	1,63
На 100 проститутокъ больныкъ венерой изъ незаписанныхъ или тайныхъ. . . .	49,26	23,06	27,24

Въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ Британской имперіи, по Жаннелю, число зараженныхъ проститутокъ превосходитъ 50 на 100.

Дѣти страдаютъ отъ сифилиса въ очень значительномъ количествѣ. Въ Парижѣ въ лурсинскомъ госпиталѣ въ 1835—1844 г. лежало венерой—644 мальчика и 1,054 дѣвочки, въ 1845—1855 г.—мальчиковъ 556, дѣвочекъ 878.

Сифилисъ, какъ доказываютъ несомнѣнно статистическія свѣдѣнія, которыхъ, однакожъ, ради краткости, мы приводить не будемъ, заѣдаетъ преимущественно бѣдныя массы народа, которымъ лечиться отъ него и некогда, и не на что, среди которыхъ иногда на 3 здоровыхъ проститутки приходится 1 больная, въ которыхъ мы видимъ дѣтей, заразившихся отъ полового сношенія съ дѣтьми же, и цѣлыя поколѣнія, которыя зачаты, рождены и въ свою очередь зачинаютъ и рождаютъ дѣтей въ сифилисѣ... Если бы эта болѣзнь была смертоносна, то Европа скоро превратилась бы въ безлюдную пустыню; но отъ сифилиса умираютъ мало. Въ лурсинскомъ госпиталѣ, въ Парижѣ, умирало сифилитиковъ:

Въ 1792—IX г.	1 на	48	больныхъ.
„ 1805—1814 г.	1 „	67,24	„
„ 1815—1824 „	1 „	57,46	„
„ 1825—1834 „	1 „	88,58	„
„ 1835—1844 „	1 „	97,35	„
„ 1845—1865 „	1 „	71,69	„

Въ Марсели въ 1852—1856 г. изъ 3,547 проститутокъ, лечившихся отъ сифилиса, въ больницѣ умерло 29. Въ Нантѣ въ 1845 — 1855 г. изъ 2,484 больныхъ умерло 26.

Но эта несмертоносная болѣзнь тѣмъ не менѣе распространяется съ ужасающею быстротою и въ сотняхъ своихъ видоизмѣненій болѣе и болѣе разрушаетъ и физическое и нравственное здоровье народовъ. И если современное теченіе дѣлъ не измѣнится, то что будетъ съ Европой лѣтъ черезъ пятьсотъ, не будетъ ли ея народонаселеніе поголовно заражено венерой, не будутъ ли женщины рождать дѣтей, страдающихъ съ перваго же своего появленія на свѣтъ разнымъ ху-

досочіемъ, золотухой, слабостью всего организма, англійскою болѣзнью, наслѣдственнымъ сифилисомъ? Много пишется проектовъ и книгъ объ искореніи сифилиса и ограниченіи пораждающей его проституціи, но все это остается безплоднымъ толченіемъ воды [1]). И лучшіе изъ писателей, изслѣдовавшихъ этотъ предметъ, говорятъ, вмѣстѣ съ Паранъ-Дюшатле, что „проституція неизбѣжна, что она существовала и *всегда будетъ существовать* въ большихъ городахъ, потому что, подобно нищенству, подобно игрѣ, она служитъ промысломъ и спасительнымъ средствомъ отъ голода".

Все убѣждаетъ насъ въ томъ, что цивилизованный міръ не можетъ повторить исторіи Китая и остановиться на современной ступени своего соціальнаго прогресса. Бѣдность и невѣжество народныхъ массъ, рабство женщины, войны и другіе подобные факторы народнаго раззоренія — рано или поздно должны изчезнуть съ лица цивилизованной земли; тогда, и только тогда проституція будетъ невозможной, а сифилисъ и другіе бичи человѣчества сданы будутъ въ архивъ исторіи. Въ Европѣ нѣтъ уже ни такого суевѣрія, ни такого всевластнаго духовенства, какъ въ древности, поэтому въ ней нѣтъ и религіозной проституціи. Власть родителей и мужа значительно ослаблена, рабовладѣльцы уничтожены, — и меньше проституціи домашней. Вселенскій деспотизмъ римлянъ, Клавдіи и Нероны невозможны болѣе почти ни въ одной европейской странѣ, равно какъ невозможно, подобно Риму, ограбить весь міръ; поэтому Европа и не видѣла никогда у себя ни разврата, ни проституціи въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ они были созданы всевластнымъ деспотизмомъ вѣчнаго города и нищетою умиравшаго съ голода, покореннаго и ограбленнаго міра. Человѣчество, слѣдовательно, мало-по-малу побораетъ принципы, служащіе врагами и разрушителями его счастія...

---

[1]) Въ № 7 «Отечественныхъ записокъ» 1869 года въ анонимной статьѣ о проституціи авторъ рекомендуетъ вернуться ко временамъ «мудраго Солона», уничтожить частные непотребные дома и открывъ *казенные*, подъ управленіемъ спеціальныхъ чиновниковъ, сдѣлать проституцію государственнымъ учрежденіемъ!...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

РАВНОПРАВНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ

ВЪ АМЕРИКѢ.

РАВНОПРАВНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ ВЪ АМЕРИКѢ.

Рѣчь, произнесенная Д. У. Куртисомъ въ нью-йоркскомъ конституціонномъ собраніи, 19-го іюля, 1867 г. [1])

(Куртисъ предложилъ слѣдующую поправку къ конституціи штата: «исключить изъ перваго отдѣла слово «мужчина», и вездѣ, гдѣ стоитъ въ этомъ отдѣлѣ «онъ» прибавить: «или она»; гдѣ—«его», прибавить: «или ея»).

Предлагая перемѣну, столь новую въ нашей политической практикѣ, но столь согласную съ духомъ и принципами нашего управленія, я долженъ только показать, что она не противна разуму и не опасна для государства. Однакожъ, я чувствую себя въ нѣсколько затруднительномъ положеніи, ибо въ то время, какъ существенныя основанія предлагаемой перемѣны вполнѣ ясны для меня, возраженія на нихъ представляются пустыми и неопредѣленными. Съ формальнаго открытія дебатовъ по этому вопросу въ нашей странѣ, на конвентѣ 1848 г., и вплоть до настоящаго времени, оппозиція этому движенію, насколько я знакомъ съ нею, была только повтореніемъ извѣстныхъ традиціонныхъ предразсудковъ или протестомъ одной сантиментальности, а спорить съ ними все равно, что сражаться съ зараженнымъ воздухомъ или состязаться съ восточнымъ вѣтромъ. Я, право не понимаю, почему комитетъ измѣнилъ фразу: „жители мужскаго пола, или граждане“, которая обыкновенно употребляется въ конституціонныхъ оговоркахъ, ограничивающихъ избирательныя права. Въ настоящемъ случаѣ слово „человѣкъ“ темно; оно, безъ сомнѣнія, относится и къ женщинамъ, точно также, какъ и слово „родъ человѣческій“. Но цѣль оговорки очевидна, и докладъ комитета дѣлаетъ ее несомнѣнною.

---

1) Въ переводѣ сокращена.

Если бы члены комитета захотѣли сказать прямо то, что они выразили не прямо, то одиннадцатый параграфъ читался бы такъ: „идіоты, сумасшедшіе, лица состоящіе подъ опекой, преступники, женщины и лица, уличенныя въ подкупности не пользуются избирательными правами". Въ своемъ докладѣ комитетъ не объясняетъ намъ, почему онъ женщинъ Нью-Йорка въ политическомъ отношеніи ставитъ въ одинъ разрядъ съ идіотами и преступниками. Онъ утверждаетъ только, что общее освобожденіе женщины было бы нововведеніемъ,—что справедливо относительно каждаго шага политическаго прогресса и, поэтому, говоритъ въ его пользу; далѣе, комитетъ выражается такъ, что хочетъ сказать, будто бы такое освобожденіе несогласно съ женственностью,—это только предвзятое предположеніе и предразсудокъ. Я желаю знать, господа, и спрашиваю во имя политической справедливости и благосостоянія этого штата, почему цѣлая половина взрослыхъ жителей, которая столь же жизненно заинтересована въ хорошемъ управленіи, какъ и другая половина, которая владѣетъ собственностью, управляетъ своимъ имуществомъ, платитъ налоги, которая освобождена отъ всѣхъ обязанностей добрыхъ гражданъ, хотя и обладаетъ полнымъ разумомъ и способностями,—почему она безусловно лишена политическихъ правъ и поставлена въ одинъ разрядъ съ сумасшедшими и преступниками? Мальчикъ сдѣлается мужчиною и избирателемъ; сумасшедшій можетъ выздоровѣть и получить свои права; идіотъ, способный къ развитію подъ благотворнымъ вліяніемъ новѣйшей науки, можетъ образоваться въ полноправнаго гражданина; преступникъ, руки котораго обагрены кровью его страны и свободы, можетъ быть прощенъ и возстановленъ въ правахъ; но ни возрастъ, ни мудрость, ни особенныя способности, ни общественныя заслуги, ни усилія, ни пламенное желаніе,—ничто не можетъ избавить женщину отъ этой ненормальной и чрезвычайной неправоспособности! На какихъ же разумныхъ основаніяхъ утверждается это? Да ни на какихъ! Это противно естественной справедливости, общепризнаннымъ традиціоннымъ началамъ американскаго управленія и раціональной политической философіи. Абсолютное лишеніе женщины политическихъ правъ въ этомъ штатѣ есть просто узурпація. „Въ каждомъ вѣкѣ, въ каждой странѣ" — говоритъ около ста лѣтъ назадъ историкъ Гиббонъ — „мудрѣйшій или, по крайней мѣрѣ, сильнѣйшій изъ двухъ половъ, узурпировавъ себѣ государственныя права, предоставлялъ другому полу одни только заботы и удовольствія домашней жизни".

Исторія показываетъ намъ, что узурпирующій классъ, какъ его называетъ Гиббонъ, всегда регулировалъ положеніе женщины на основаніи собственныхъ своихъ теорій и интересовъ. Варваръ-персъ, напр., наказывалъ смертью обиду, нанесенную его женѣ, но поступалъ такъ не ради ея самой. Она была частью *его*. И цивилизованный англича-

нинъ Блекстонъ только повторяетъ этого варвара-перса, когда говоритъ, что мужъ и жена составляютъ одно лицо — супруга. Господа, было бы чрезвычайно забавно, если бы только не было грустно, прослѣдить результаты, вытекающіе изъ этой теоріи для человѣческаго общества и несчастное вліяніе на прогрессъ цивилизаціи этого болѣзненнаго предпочтенія мужскаго пола. Гиббонъ приводитъ одинъ интересный примѣръ этаго, а о другомъ примѣрѣ до сихъ поръ напоминаетъ духъ англійскихъ законовъ о разводѣ. Въ Римѣ былъ храмъ, посвященный богинѣ покровительницѣ мира брачной жизни. „Но уже одно ея названіе Viriplaca, — умилостивительница мужей, — показываетъ", говоритъ историкъ, „что раскаяніе и подчиненіе всегда требовалось отъ жены", какъ будто только она одна подавала поводъ къ раздорамъ. Въ изданной въ 1632 г. книгѣ: „Law's Resolution of Women's Rights" анонимный и пріятный авторъ говоритъ въ нѣсколько насмѣшливомъ тонѣ: „несомнѣнно, что мужчина и женщина составляютъ одно лицо, но нужно знать, какимъ образомъ. Когда небольшой ручей или маленькая рѣчка впадаютъ въ Роданъ, Гумберъ или Темзу, то бѣдный потокъ теряетъ свое названіе: онъ вполнѣ соединяется со своимъ новымъ товарищемъ, у него нѣтъ своей отдѣльной силы, онъ не имѣетъ ничего своего, будучи *покрытъ* рѣкою. Женщина, коль-скоро она выйдетъ замужъ, называется *covert*, по-латыни *nupta*, т.-е. *покрытая*, какъ будто она закрывается облакомъ и оболакивается тѣнью; она теряетъ свое собственное теченіе; ея господинъ дѣлается ея новымъ *я*, ея спутникъ—ея владыкой. Вотъ основаніе тому, что женщины не имѣютъ голоса въ парламентѣ, не участвуютъ въ составленіи законовъ, ничего не утверждаютъ своимъ согласіемъ, ничего не отвергаютъ своимъ несогласіемъ. Всѣ они считаются или женами или кандидатками въ жены и всѣ ихъ желанія принадлежатъ ихъ мужьямъ".

Изъ этой теоріи древняго общества, что женщина въ соціальномъ отношеніи составляетъ низшую и подчиненную часть мужчины, вытекаетъ та система законовъ о женщинахъ, которая теперь такъ быстро измѣняется въ каждой цивилизованной странѣ; между тѣмъ, упомянутая теорія, какъ традиціонный предразсудокъ, упорно держится въ нашихъ политическихъ обычаяхъ. Но государство, которое, подобно нью-йоркскому штату, признаетъ за всѣми своими членами равенство индивидуальныхъ правъ, объявляя, что никто не можетъ быть лишенъ ихъ иначе, какъ закономъ страны или судомъ своихъ равныхъ,— которое признаетъ женщинъ собственниками и плательщиками налоговъ, отвѣтственными гражданами,—такое государство уже совершенно отказалось отъ старой феодальной и языческой теоріи и поэтому не имѣетъ ни малѣйшаго права поддерживать основаннаго на ней вредоноснаго порядка вещей. Достопочтенный и краснорѣчивый джентль-

менъ отъ Онондаги сказалъ, что онъ согласенъ на всякое расширеніе свободы, если только оно безопасно для государства. Я совершенно согласенъ съ нимъ, господа, и комитетъ, предполагая сохранить исключительное положеніе женщинъ, обязанъ былъ показать, что безправность женскаго пола необходима для благосостоянія и безопасности государства. Комитету нечего спрашивать у меня о тѣхъ основаніяхъ, въ силу которыхъ я требую расширенія свободы. Я указываю, господа, на тотъ фундаментъ, на которомъ основана эта свобода, и я требую освобожденія женщинъ на томъ основаніи, что какія бы то ни было политическія права, которыми владѣютъ мужчины, должны равнымъ образомъ принадлежать и женщинамъ.

Я не желаю вдаваться въ интересный вопросъ о происхожденіи управленія. Если нѣкоторые утверждаютъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ джентльменомъ отъ Брума, что естественныхъ политическихъ правъ вовсе нѣтъ и что никто не родился избирателемъ, то я не буду останавливаться, чтобы спорить съ ними; но такъ какъ достопочтенный джентльменъ отъ Брума по своей профессіи медикъ и хирургъ, то я напомню ему, что если никто не родится избирателемъ, то никто не рождается и взрослымъ человѣкомъ, ибо каждый человѣкъ родится ребенкомъ. Но *онъ* рожденъ съ правомъ безпрепятственно сдѣлаться взрослымъ человѣкомъ, и я спрашиваю почтеннаго джентльмена, какъ американскаго гражданина и политическаго мыслителя, — если никто не рождается избирателемъ, то ужели не рождается каждый человѣкъ съ правомъ сдѣлаться избирателемъ на одинаковыхъ правахъ съ другими людьми? Какой же другой смыслъ можетъ имѣть фраза, которую я нахожу въ понедѣльничномъ номерѣ нью-йоркской „Трибуны“ и которая такъ часто раздается здѣсь: „главною основою управленія служитъ равенство правъ всѣхъ гражданъ“.

Я думаю, всѣ мы согласны, что есть нѣкоторыя естественныя права. Этотъ лѣтній воздухъ, который такъ благорастворенно дышитъ на наше ежегодное національное собраніе, звучитъ еще тѣмъ краснорѣчіемъ, къ какимъ упомянутыя права были провозглашены нашими отцами. Изъ всѣхъ пламенныхъ рѣчей того времени я приведу слова Александра Гамильтона, сказанныя имъ въ отвѣтъ одному тори: „священныхъ правъ человѣческаго рода нечего искать въ старыхъ пергаменахъ или покрытыхъ пылью граматахъ. Они написаны рукою самого Божества во всей книгѣ человѣческой природы и не могутъ быть изглажены или затемнѣны никакою силою смертнаго“. Въ слѣдующемъ году Томасъ Джефферсонъ изложилъ политическій символъ вѣры нашихъ отцовъ въ Великой Декларацiи, слова которой звучатъ во всю исторію тѣхъ дней. Какъ лира Амфіона воздвигала стѣны города, такъ подъ музыку этихъ словъ американская цивилизація подвигается постепенно на свою настоящую арену. Наши отцы стояли на техни-

ческой легальной почвѣ, когда началось столкновеніе съ Великобританіей; но когда тираннія завладѣла этой почвой, они естественно поднялись, какъ бы въ болѣе чистые слои воздуха, въ сферу основныхъ истинъ. Угнанный бурею изъ виду земли морякъ правитъ по звѣздамъ; и наши отцы, будучи принуждены изслѣдовать всю совокупность соціальныхъ правъ и обязанностей, основали свое управленіе на томъ, что̀ называлось у нихъ очевидными истинами, и Декларація независимости была не страстнымъ манифестомъ революціонной войны, но спокойнымъ и простымъ изложеніемъ новой политической философіи и практики.

Права, которыя они объявили неотчуждаемыми, обыкновенно называются естественными, въ отличіе отъ политическихъ правъ, но они не ограничиваются поломъ. Женщина имѣетъ такое же точно право на свою жизнь, свободу и собственность, какъ и мужчина, а слѣдовательно, она имѣетъ такое же право, какъ онъ, и на равное покровительство; въ этомъ-то, по моему, и заключается смыслъ словъ „право голоса". Если я имѣю естественное право на эту руку, то я имѣю такое же естественное право на все, что содѣйствуетъ мнѣ пользоваться ею; если я имѣю естественное право на свою жизнь и свободу, то я имѣю точно такое же право на все, что покровительствуетъ этой жизни и свободѣ и чѣмъ пользуются другіе люди. Я прошу моего уважаемаго друга, докладчика комитета, указать на какое-нибудь право, которое Богъ даровалъ и ему и мнѣ, и на гарантію этого права, которую бы Богъ далъ ему, но не далъ мнѣ. Тотъ же самый вопросъ я предлагаю и за всѣхъ женщинъ нашего штата. Ужели онѣ имѣютъ менѣе естественныхъ правъ на жизнь, свободу и собственность, чѣмъ мой достопочтенный другъ, докладчикъ комитета, и можетъ ли онъ отказать послѣдней изъ этихъ женщинъ въ той гарантіи этихъ правъ, на которую онъ притязаетъ самъ? Нѣтъ, господа, естественное, или, какъ мы называемъ, гражданское право и его политическая гарантія неразрывно связаны между собою. Такова была строгая логика революціи. Лордъ Гоуеръ зубоскалилъ въ парламентѣ надъ американскими колонистами: „пусть американцы болтаютъ о своихъ естественныхъ и божественныхъ правахъ... Я стою за насильственное введеніе этихъ мѣръ". Д-ръ Джонсонъ ревѣлъ намъ черезъ атлантическій океанъ, что „обложеніе налогами еще не тираннія". Джемсъ Отосъ говорилъ за Америку, за здравый смыслъ, за вѣчную справедливость: „нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній, въ силу которыхъ бы каждый человѣкъ, обладающій здравымъ умомъ, не долженъ имѣть голоса при выборѣ представителей. Если извѣстное лицо имѣетъ слишкомъ собственности, чтобы нуждаться въ особенномъ покровительствѣ и защитѣ ея, однакожъ его жизнь и его свобода что нибудь да значатъ!.." И еще задолго до Джемса Отиса лордъ Сом-

мерсъ говорилъ въ палатѣ общинъ, что право голоса есть единственно вѣрная гарантія, которая обезпечиваетъ жизнь и собственность англичанина.

Каждый человѣкъ, такимъ образомъ, рождается со справедливымъ притязаніемъ на такую же гарантію своихъ естественныхъ правъ, какою пользуются другіе люди. Практическій вопросъ тутъ заключается только въ томъ, какимъ наилучшимъ способомъ можетъ быть достигнута эта гарантія, и это вопросъ управленія, которое, согласно Деклараціи, установлено для огражденія упомянутыхъ правъ. По британской теоріи они могутъ быть гарантированы гораздо лучше развитымъ меньшинствомъ, чѣмъ невѣжественною и страстною массой. Всякій, конечно, согласенъ, что управленіе лучшихъ есть лучшее управленіе; вопросъ только въ томъ, какъ найти этихъ лучшихъ? Наши отцы на вопросъ о лучшемъ и вѣрнѣйшемъ обезпеченіи естественныхъ правъ отвѣчали своею знаменитою фразою—„согласіе управляемыхъ". То-есть, коль-скоро каждый человѣкъ рождается съ одинаковыми естественными правами, то онъ имѣетъ и право на обезпеченіе ихъ, одинаковое со всѣми другими людьми; и коль-скоро это обезпеченіе заключается въ правительствѣ, то здравый смыслъ и опытъ требуетъ, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ свой голосъ въ управленіи на совершенно одинаковыхъ и цѣлесообразныхъ условіяхъ, которыя бы не были необходимо и безусловно недостижимы для какой бы то ни было части народонаселенія.

По справедливости, эти условія не могутъ быть произвольными. Но аргументъ достопочтеннаго джентльмена отъ Шенектади и аргументы другихъ, которые отдѣляютъ правительство отъ общества, клонятся къ тому, что государственные дѣятели могутъ принимать и исключать по своему произволу, что они могутъ установлять совершенно произвольныя различія, основанныя на цвѣтѣ кожи, полѣ, ростѣ, вѣсѣ и т. д. Такова сущность теоріи мистера Дугласа о главенствѣ скуаттеровъ, утверждающей, что большинство бѣлыхъ поселенцевъ мужскаго пола на извѣстной территоріи можетъ лишать всѣхъ правъ меньшинство цвѣтныхъ жителей, и что она имѣетъ полное право такъ дѣйствовать... Грубая сила, господа, можетъ кое-что сдѣлать; но мы говоримъ здѣсь о правахъ, и притомъ о правахъ, гарантируемыхъ нашимъ управленіемъ, и я отрицаю, что народъ нью-йоркскаго штата можетъ по справедливости, т.-е. согласно съ здравымъ разумомъ и вытекающими изъ него принципами нашего управленія, — что онъ можетъ *навсегда* лишать голоса въ управленіи извѣстный классъ лицъ или какое бы то ни было лицо, если только не будетъ ясно доказано, что ихъ участіе въ политической власти опасно для государства. „Въ средѣ развитаго и цивилизованнаго народа — говоритъ Джонъ Стюартъ Милль — не должно быть никакихъ паріевъ, никакихъ лицъ, ко-

торые были бы лишены правъ иначе, какъ по ихъ собственной винѣ... Каждое лицо лишается правъ, — сознаетъ оно это или нѣтъ, — кольскоро другіе люди присвояютъ себѣ неограниченную власть распоряжаться его судьбою. Поэтому, не можетъ быть достаточно удовлетворительнымъ тотъ порядокъ народнаго голосованія, который устраняетъ извѣстное лицо или извѣстный классъ, и въ которомъ избирательное право не предоставлено всѣмъ желающимъ совершеннолѣтнимъ людямъ". Томасъ Геръ, одинъ изъ даровитѣйшихъ политическихъ мыслителей нашего времени, говоритъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда женщина удовлетворяетъ требованіямъ, налагаемымъ на мужчину,—„нѣтъ никакого достаточнаго основанія лишать ея правъ народнаго представительства. Это лишеніе является остаткомъ феодальныхъ законовъ и не гармонируетъ съ другими гражданскими учрежденіями страны".

Докладчикъ комитета спрашиваетъ у миссъ Энтони, если избирательное право есть право естественное, то можно ли отрицать его у дѣтей? Ея отвѣтъ кажется мнѣ вполнѣ удовлетворительнымъ. Она сказала только: „мы не просимъ ничего, кромѣ справедливаго, а не произвольнаго регулированья. Если *вы* имѣете право, то и *мы* имѣемъ его." Уважаемый докладчикъ, едва ли будетъ отвергать, что одно дѣло регулировать пользованіе извѣстнымъ правомъ, согласно съ требованіями здраваго разума и опыта, а другое дѣло отрицать это право безусловно и навсегда. Надежное практическое правило нашего управленія, какъ оно выражено Джемсомъ Мадисономъ, гласитъ, что это управленіе „происходитъ отъ всей массы народа, а не отъ какой-нибудь незначительной части его или привиллегированнаго класса." Когда Гладстонъ въ своей знаменитой рѣчи, которая привела въ смятеніе Англію, говорилъ, что никто не можетъ быть по справедливости лишенъ правъ иначе, какъ на основаніи его личной неспособности или ради общественной безопасности, то онъ только повторилъ мысль Джозефа Уаррена, принадлежащую къ разряду мудрѣйшихъ и самыхъ практическихъ истинъ политики: „я желалъ бы такого управленія, которое предоставляло бы каждому человѣку самую полную свободу дѣлать, что ему угодно, но въ то же время удерживало бы его отъ причиненія зла другимъ людямъ." Не такого ли же управленія, господа, мы желаемъ для этаго штата? И если каждый человѣкъ въ Нью-Йоркѣ имѣетъ естественное право на жизнь, свободу и собственность, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на извѣстное участіе въ охраняющемъ ихъ управленіи, то на какихъ же практическихъ основаніяхъ предполагается удерживать безусловную и безнадежную неправоспособность цѣлой половины взрослаго народонаселенія?

Утверждаютъ, что женщины имѣютъ уже своихъ представителей въ мужчинахъ. Гдѣ же послѣдніе представительствуютъ за нихъ? когда они избираются? Если мнѣ скажутъ, что женщины имѣютъ предста-

вителей по долгу чести (are virtually represented), то я, вмѣстѣ съ Отисомъ, отвѣчу, что „ни законъ, ни конституція ничего не говорятъ о представительствѣ по долгу чести. Это и уловка и иллюзія, совершенно неосновательныя и нелѣпыя“. Если онѣ имѣютъ представителей, то когда же выбираютъ ихъ, спрашиваю я снова. Никто не рѣшится утверждать, чтобы онѣ когда-нибудь совѣщались объ этомъ. Утверждать, что интересы и привязанность мужчинъ заставляютъ ихъ хлопотать о справедливомъ и мудромъ законодательствѣ для женщинъ такъ же ревностно, какъ бы они старались о самихъ себѣ,—утверждать это значитъ только бить на одинъ эффектъ. Это старая увертка, имѣющая въ виду политическія привиллегіи извѣстнаго класса. Британскій парламентъ сто лѣтъ назадъ говорилъ то же самое нашимъ колоніямъ: „мы всѣ находимся подъ властью одного и того же правительства; наши интересы тожественны; мы всѣ британцы; Боже храни короля! долой мятежъ и сыновъ свободы!“ Колоніи возмутились этимъ и протестовали съ негодованіемъ, потому что притязаніе парламента на дѣйствительность изданныхъ имъ законовъ было несправедливо, потому что онѣ дошли до той истины, которая въ настоящее время потрясаетъ Англію и которая уже обагряла кровью нашу страну, до той истины, что никакой классъ гражданъ и никакой отдѣльный гражданинъ не могутъ быть облекаемы постояннымъ и исключительнымъ обладаніемъ политическою властью. „Нѣтъ примѣра въ исторіи — говоритъ Бокль — чтобы какой-нибудь классъ, обладая властью, не злоупотреблялъ ею.“ Это также справедливо по отношенію къ мужчинамъ, какъ къ классу, какъ справедливо относительно наслѣдственной аристократіи или класса помѣщиковъ. Мужчины недостаточно мудры, недостаточно благородны, недостаточно честны для того, чтобы законодательствовать какъ слѣдуетъ для женщинъ. Законы самыхъ цивилизованныхъ народовъ угнетаютъ и унижаютъ женщинъ. Законодательство имѣетъ въ виду интересы законодательнаго класса. Въ Англіи, во время знаменитыхъ преній по поводу перемѣнъ въ законахъ о бракѣ, Гладстонъ сказалъ, что—„когда евангеліе пришло въ міръ, то женщина была поднята до одного уровня со своимъ сильнѣйшимъ спутникомъ.“ Но въ то самое время, какъ онъ говорилъ это, англійское право развода, составленное мужчинами для регулированья ихъ домашнихъ отношеній къ женщинамъ, провозглашалось «омерзительнымъ и деморализирующимъ,» «варварскимъ,» «непристойнымъ,» «позоромъ для страны,» «оскорбительнымъ для чувства справедливости.» Еслибы равенство, о которомъ говорилъ Гладстонъ, было настолько же политическимъ, на сколько оно представляется сентиментальнымъ, то могъ ли бы онъ или другой какой государственный человѣкъ предположить, чтобы право развода было тѣмъ, что́ оно есть, или чтобы современное англійское право могло отдавать мужу всѣ заработки жены, или чтобы законы

Франціи запрещали женщинѣ принимать какой бы то ни было подарокъ безъ позволенія ея супруга?

Мы просимъ женщинъ довѣриться намъ, такъ какъ мы имѣемъ одинаковые съ ними интересы. Но развѣ какой угодно деспотъ не говоритъ то же самое? Онѣ знаютъ, и мы всѣ знаемъ, и собственный нашъ опытъ учитъ насъ, что единственная гарантія естественныхъ правъ заключается въ избирательномъ шарѣ. Онѣ знаютъ, и цѣлая страна знаетъ, что когда мы уничтожили рабство, то эманципація могла быть окончена и гарантирована только посредствомъ избирательныхъ шаровъ въ рукахъ освобожденнаго класса. Гражданскія права были только насмѣшливою фразою, пока политическая власть не дала имъ существованія. Годъ тому назадъ губернаторъ южной Каролины, Орръ, говорилъ намъ, что права освобожденныхъ будутъ гораздо *безопаснѣе* въ рукахъ ихъ прежнихъ господъ. «Не угодно-ли вамъ прогуляться въ моей гостинной, сказалъ паукъ мухѣ!..» Нью-Орлеанъ, Мемфисъ, безчисленныя и постоянныя преступленія показали, что значила эта *безопасность*. Тогда нація, не медля долѣе, вручила освобожденнымъ избирательные шары и сказала: «защищайтесь сами!» И теперь губернаторъ Орръ, проповѣдуетъ, что мудрость южной Каролины заключается въ отрѣченіи отъ всѣхъ партій и въ сердечномъ союзѣ съ цвѣтными гражданами. Губернаторъ Орръ знаетъ, что человѣкъ съ одними гражданскими правами есть не болѣе, ни менѣе, какъ холостой зарядъ. Дайте ему избирательный шаръ, и вы вложите пулю и сдѣлаете зарядъ дѣйствительнымъ. Въ этой части страны, которая кипитъ старою ненавистью и оскорбленною гордостью, и въ которой ея соціальная система сдвинута со своего основанія, никакая другая мѣра во сто лѣтъ не привела бы къ такому дѣйствительному умиротворенію, какое достигнуто въ одинъ годъ однимъ только обѣщаніемъ избирательнаго права. Единственная существенная опасность во всемъ дѣлѣ этаго преобразованія заключалась только въ томъ, если бы конгрессъ вздумалъ оставить въ южныхъ штатахъ политическую власть въ рукахъ одного класса, какъ это предлагаетъ теперь для Нью-Йорка докладъ комитета.

Если меня спросятъ, зачѣмъ женщинамъ понадобилось избирательное право, то я отвѣчу въ свою очередь вопросомъ—а зачѣмъ оно нужно мужчинамъ? Почему въ настоящее время британскіе рабочіе такъ упорно требуютъ его? Взгляните на англійскіе законы, регулирующіе трудъ, и вы увидите почему они нуждаются въ избирательныхъ шарахъ, потому что-законы о трудѣ и капиталѣ составлены однимъ классомъ капиталистовъ, и поэтому несправедливы. Я не забываю о прогрессивныхъ законахъ Нью-Йорка относительно женскихъ правъ. Билль о собственности 1860 года со своими дополненіями, по свидѣтельству «Нью-Йоркской трибуны,» спасъ отъ пауперизма 5000 женщинъ. Въ слѣдующемъ году Иллинойсъ уравнялъ женщинъ съ мужчинами от-

носительно правъ собственности. Я упоминаю объ этихъ фактахъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ читаю, что Луи-Наполеонъ хочетъ, на извѣстныхъ условіяхъ, дозволить французамъ говорить то, что они думаютъ. Но если подобныя реформы желательны, то они совершились бы гораздо скорѣе и разумнѣе въ томъ случаѣ, если бы у женщинъ были политическія права.

Не правда, г. докладчикъ, что женщины имѣютъ своихъ представителей въ общепринятомъ и настоящемъ значеніи слова. Законы составляются для нихъ другимъ классомъ на основаніи теорій, которыя, не страшась никакой политической оппозиціи, поддерживаютъ этотъ классъ, и въ прямомъ нарушеніи тѣхъ самыхъ принциповъ, которыхъ онъ такъ упорно держится, коль-скоро дѣло идетъ о собственныхъ его интересахъ. Я живу, господа, въ графствѣ Ричмондъ. Въ немъ 27.000 жителей. Они владѣютъ собственностью и управляютъ ею. Они обложены налогами и платятъ ихъ; вообще, они какъ слѣдуетъ исполняютъ обязанности гражданъ. Но представьте себѣ, что комитетъ вводитъ слѣдующую оговорку въ предлагаемое имъ постановленіе: «идіоты, сумасшедшіе, лица состоящіе подъ опекой, преступники, жители графства Ричмондъ и лица, изобличенныя въ подкупности не должны имѣть избирательныхъ правъ.» Это была бы самая чудовищная несправедливость, величайшее нарушеніе всякаго основнаго права и американскаго принципа. И какъ бы вы на меня посмотрѣли, господа, еслибы въ этомъ случаѣ я обратился къ своимъ друзьямъ и сосѣдямъ и сказалъ имъ: «собраніе думаетъ, что вы по долгу чести (virtually) представляетесь избирателями Уэстчестера и Чотоки?»

Я не имѣю, г. докладчикъ, никакихъ суевѣрій относительно избирательнаго права. Я не думаю, чтобы оно тотчасъ же избавило женщинъ отъ всѣхъ несправедливостей, отъ которыхъ оно не совсѣмъ избавляетъ и мужчинъ. Но какой политическій факторъ спасаетъ столь многихъ? Мы видимъ вокругъ себя тысячи бѣдныхъ мужчинъ; но передъ ними открыты всѣ пути. У нихъ есть свои защитники, свои голоса, они составляютъ законы и наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, у нихъ есть для защиты сильныя руки. И здѣсь же мы видимъ тысячи бѣдныхъ женщинъ, которыя маленькою иголкою отбиваются отъ смерти и безчестья; но вотъ, хитрая рука науки воруетъ у нихъ эту маленькую иголку. Право голоса не дѣлаетъ упомянутыхъ мужчинъ ни счастливыми, ни уважаемыми, ни богатыми, ни благородными; но они все-таки съ неусыпною заботливостью охраняютъ его, очень хорошо зная, что это—золотыя ворота, ведущія ко всякому благу. Преимущество, даваемое этимъ правомъ одному полу, необходимо должно быть предоставлено и другому. Оно вооружило бы послѣдній самымъ сильнымъ оружіемъ, какое только извѣстно въ политическомъ обществѣ; оно поддержало бы естественное равновѣсіе половъ въ людскихъ отношеніяхъ

и доставило бы каждому возможность свободнаго дѣйствія въ своей сферѣ.

Но, господа, комитетъ говоритъ намъ, что избирательное право женщины было бы опаснымъ нововведеніемъ, что оно поколебало бы уважаемыя традиціи. Хорошо!—Въ 1790 г. женщины въ первый разъ были признаны школьными учителями въ Массачузетсѣ, и это было революціоннымъ нововведеніемъ! Съ тѣхъ поръ оно распространилось всюду и сдѣлалось однимъ изъ великихъ цивилизующихъ факторовъ въ этой странѣ. Нововведеніе! Изъ боязни его, господа, когда Самуэль Ромильи предложилъ отмѣнить смертную казнь за кражу носоваго платка, коронные блюстители законовъ говорили, что это подвергнетъ опасности все уголовное право Англіи. Когда билль объ уничтоженіи торговли невольниками прошелъ черезъ палату лордовъ, то лордъ Сентъ-Винцентъ всталъ и выступилъ впередъ, объявляя, что онъ умываетъ руки въ разрушеніи британской имперіи. Когда гринвичскіе пенсіонеры увидѣли въ первый разъ пароходъ на Темзѣ, то они то же протестовали, говоря, что они не признаютъ пароходства, какъ дѣла противнаго природѣ. Когда въ концѣ царствованія Карла II-го Лондонъ имѣлъ уже полмилльона жителей, то уличные фонари встрѣтили въ немъ ожесточенную оппозицію,—до такой степени уважаемыя традиціи враждебны усиленію свѣта! Пятьдесятъ лѣтъ назадъ канцлеръ Ливингстонъ писалъ, что предположеніе о желѣзной дорогѣ для передвиженія тяжестей по четыре мили въ часъ—проэктъ остроумный, можетъ быть, даже «основательный теоритически,» но что все-таки желѣзная дорога не можетъ быть столь дешевою и удобною, какъ каналъ. Въ нашей странѣ, господа, уважаемыя традиціи существуютъ для того, чтобы быть нарушаемыми. Америка уже несомнѣнно рѣшилась нарушать традиціи и въ замѣнъ ихъ вводить болѣе благоразумныя учрежденія. Такъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, то, что комитетъ называетъ революціоннымъ нововведеніемъ, было предложено въ дистриктѣ Колумбія,—именно дарованіе избирательныхъ правъ освобожденнымъ невольникамъ. Ужасные результаты такого переворота были подробно предсказаны въ одномъ изъ миріады посланій президента Соединенныхъ Штатовъ, которымъ онъ объявлялъ свое veto. Но они все-таки вотировали. Если кто и покушался нарушать порядокъ выборовъ, то уже отнюдь не новые избиратели. Выборы совершились совершенно спокойно, и ни одно изъ опасеній президента не оправдалось. Дарованіе правъ, долго отрицаемыхъ или задерживаемыхъ, никогда не поведетъ къ общественнымъ смутамъ, которыя порождаются только отказами въ этихъ правахъ. Вестъ-индскіе рабы приняли свое освобожденіе съ молитвою и на колѣняхъ; освобожденіе женщины совершится, такъ же мирно, какъ утро переходитъ въ день.

Ужели мнѣ будутъ возражать еще, что если женщины и не участ-

вуютъ въ выборахъ, то все-таки оказываютъ громадное вліяніе на
литику, и поэтому не нуждаются въ избирательномъ правѣ? Если
серьозно стали опираться на этотъ аргументъ, то мнѣ достаточно бі
бы пробѣжать глазами по этой залѣ, и я увидѣлъ бы многихъ дос
почтенныхъ джентльменовъ, политическое вліяніе которыхъ признае
всѣми. Могутъ-ли они, въ силу этаго основанія, законнымъ и спра
дливымъ образомъ, быть лишены правъ? Ужели почтенный докладчи
комитета думаетъ, что извѣстный гражданинъ не долженъ имѣть пра
голоса потому, что онъ имѣетъ вліяніе? А что даетъ это вліяніе? Е
даютъ способности, умъ, честность. Ужели и они должны быть устр
нены отъ выборовъ? Ужели политическая власть должна принадлежа
только глупости, невѣжеству, и подлости?

Или, можетъ быть, скажутъ, что женщины не нуждаются въ пра
голоса и ихъ необходимо спросить объ этомъ? А на какомъ основан
ихъ должно спрашивать?.. Необходимо предполагать, что и мужчин
и женщины также желаютъ пользоваться своими естественными пр
вами, какъ глаза нуждаются въ свѣтѣ, а легкія въ воздухѣ. Разв
мы откладывали эманципацію рабовъ въ ожиданіи того времени, когд
они сами станутъ просить объ освобожденіи? Нѣтъ, господа, когд
война дала намъ легальное право разбить ихъ оковы, мы не спраши
вали ихъ, не предпочитаютъ ли они оставаться рабами. Мы знали
что они люди, что люди по природѣ своей должны ходить прямо і
видя ихъ согбенными и пресмыкающимися, мы нашли такое положе
ніе неестественнымъ, не обращая вниманія на то, признаютъ-ли они
его такимъ или нѣтъ. Относительно женщинъ, мы признаемъ, что онѣ
имѣютъ тѣ же естественныя права, какъ и мы. Мы видимъ, что онѣ
владѣютъ собственностью и платятъ налоги, и мы необходимо должны
предполагать, что онѣ желаютъ пользоваться и всякою гарантіей этихъ
правъ, какою обладаемъ мы. Когда въ этомъ штатѣ каждый годъ тысячи юношей достигаютъ совершеннолѣтія, то мы вѣдь не дѣлаемъ же
имъ торжественнаго вопроса о томъ, желаютъ ли они вотировать. Мы
естественно предполагаемъ, что они желаютъ, и говоримъ имъ: «идите
и на одинаковыхъ условіяхъ со всѣми нами подавайте свои голоса.»
Но нѣкоторые джентльмены говорятъ, что имъ извѣстно множество
женщинъ, которыя не желаютъ вотировать и которыя считаютъ это
«не женственнымъ» (not ladylike). Я, господа, тоже знаю многихъ мужчинъ, которые обыкновенно держатся въ сторонѣ отъ политики, какъ
отъ дѣла *«не джентльменскаго.»* И что̀ достопочтенные джентльмены,—
которые знаютъ множество женщинъ, не желающихъ вотировать,—подумали бы о предложеніи лишить меня права голоса на томъ основаніи, что мои сосѣди не желаютъ подавать своихъ голосовъ? Были рабы,
предпочитавшіе оставаться рабами,—но развѣ это аргументъ противъ
освобожденія? Если даже предположить, что большинство женщинъ

этаго штата не желаетъ вотировать, то развѣ это можетъ служить основаніемъ тому, чтобы лишать правъ представительства даже *одну* женщину, платящую налоги, отнимать даже у одного ни въ чемъ не виновнаго лица гарантію его жизни и свободы?

Мнѣ говорятъ, что, выражаясь языкомъ комитетскаго доклада, наше предложеніе, явно противорѣчитъ распредѣленію функцій и обязанностей между полами. Если выразиться какъ слѣдуетъ по англійски, то это значитъ, г. докладчикъ, что подача голоса дѣло не женственное. Я знаю, господа, что при одномъ только упоминаніи о политическихъ правахъ женщины, во многихъ головахъ тотчасъ возникаетъ ужасное видѣніе того, какъ весь женскій полъ бросится изъ своихъ дѣтскихъ и кухонь къ избирательнымъ урнамъ. Думаютъ, что если женщины примутъ дѣятельное участіе въ политической жизни, то въ домѣ водворится хаосъ изъ незаштопанныхъ чулковъ, непочиненныхъ рубашекъ и покинутыхъ въ люлькахъ ребятъ, раздирающихъ воздухъ своими дикими воплями. Но какъ же управляются мужчины? Ужели они бросаютъ свои лавки, свои плуги, свои должности и проводятъ время у избирательныхъ урнъ? Житейскія занятія мужчинъ также чужды политической дѣятельности, какъ и занятія женщинъ. Въ приготовленіи пищи и въ уходѣ за дѣтьми рѣшительно нѣтъ ничего болѣе несовмѣстимаго съ политическими обязанностями, чѣмъ, напр., въ рытьѣ каналовъ, шитьѣ сапоговъ или другомъ какомъ необходимомъ занятіи. Въ Англіи женщина, имѣющая акціи въ остъ-индской компаніи, можетъ вотировать. Она можетъ также вотировать въ качествѣ желѣзнодорожнаго акціонера. Но если она продастъ свои акціи и купитъ домъ, то она не имѣетъ права подать голоса при проведеніи мимо ея дверей дороги, на содержаніе которой взимается налогъ съ ея дома. Скажите же, во имя здраваго смысла, почему отвѣтственная человѣческая личность, подающая свой голосъ о спеціальныхъ промышленныхъ проэктахъ, не можетъ вотировать, когда дѣло идетъ о промышленномъ законодательствѣ? Точно съ такою же основательностью, съ какою мужчины признаютъ не женственнымъ участіе женщинъ въ политикѣ, женщины могутъ рѣшить, что участіе въ ней мужчинъ дѣло не мужское. Мы не можемъ знать, что́ женственно и что́ нѣтъ до тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ будетъ рѣшаться по теоріямъ, созданнымъ мужчинами. Теперь мы знаемъ только, что считается женственнымъ по понятіямъ и въ интересахъ мужчинъ. Мы узнаемъ что́ женственно на самомъ дѣлѣ только тогда, когда женщины получатъ то же самое равенство развитія и ту же самую свободу, какія имѣютъ и мужчины. Предлагаемая мною поправка есть только просьба о томъ, чтобы вы избавили женщинъ отъ ихъ неправоспособности и предоставили имъ такую же свободу выбора, какою пользуемся мы.

Когда, поэтому, комитетъ объявляетъ, что вотированіе несовмѣс-

тимо съ распредѣленіемъ функцій между полами, то какой смыслъ заключается въ этомъ? Ужели женщины менѣе заинтересованы въ хорошемъ управленіи, чѣмъ мужчины? Мы видимъ неправду въ законодательствѣ, злоупотребленія въ судахъ; у насъ есть госпитали, смирительные дома, тюрьмы, игорные дома, билліардныя залы; у насъ на каждомъ углу кабаки, и я не знаю какое громадное число преступленій въ штатѣ порождается ими; у насъ въ штатѣ 40.000 пьянницъ и сотни тысячь дѣтей ихъ,—все это предметы, которыми занимается законодательство; но при исключительно мужскомъ законодательствѣ преступленіе, соединенное со всѣми этими явленіями, становится громаднымъ и сложнымъ. Уже ли жены, матери и сестры нью-йоркскихъ жителей имѣютъ менѣе жизненныхъ интересовъ въ этомъ и менѣе практическаго знанія, чѣмъ ихъ мужья и отцы. Никто не дойдетъ до такого безумія, чтобы утверждать это. Или женщины отъ природы неспособны понимать политическія дѣла? Но и этаго никто не утверждаетъ. Или у нихъ не хватаетъ необходимаго для политики разума? Но коль-скоро вы пользуетесь этимъ мѣриломъ разума для исключенія женщинъ, какъ пола, то вмѣстѣ съ ними на томъ же самомъ основаніи, должно лишить избирательныхъ правъ и большинство мужчинъ. Или можетъ быть, имъ нельзя бывать на общественныхъ политическихъ митингахъ? Но мы сами же приглашаемъ ихъ. Или имъ не слѣдуетъ ходить въ мѣста выборовъ? Конечно, нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ, въ большихъ городахъ, грязны и опасны; но долгъ полиціи устранить эти недостатки. Вѣдь никакой же порядочный мужчина не желаетъ вотировать въ кабакѣ или получить въ это время проломъ своей головы. Опусканіе избирательнаго шара въ ящикъ—актъ самый простой, краткій и невинный, какой только можно себѣ представить. Прошедшей зимой сенаторъ Фрелинггейзенъ, повторяя обычныя риторическія фразы, говорилъ о возвышенной и святой миссіи женщинъ. Но если люди, съ возвышенною и святою миссіей, могутъ безъ ущерба для своей нравственности, съ обнаженными грудями сидѣть до полночи въ театрахъ, подвергаясь изученію каждаго посредствомъ бинокля, то какимъ образомъ ихъ возвышенная и святая миссія можетъ пострадать отъ опусканія въ ящикъ избирательнаго шара? Въ чемъ въ другомъ состоитъ эта возвышенная и святая миссія женщины, какъ не въ томъ, чтобы быть по возможности лучшимъ, дѣятельнѣйшимъ, человѣчнымъ существомъ? Расширять сферу долга и степени отвѣтственности, при соотвѣтствующихъ этому способностяхъ и разумѣ, значитъ возвышать, а не ослаблять святость жизни.

Но если женщины будутъ вотировать, то онѣ должны засѣдать и на скамьѣ присяжныхъ. Почему же и нѣтъ? У насъ обыкновенно каждый годъ тысячи женщинъ подвергаются слѣдствію, какъ преступницы и не судятся судомъ своихъ равныхъ. И если извѣстная женщина

достаточно дурна для того, чтобы совершить гнусное преступленіе, то не нелѣпо ли съ нашей стороны предполагать, что женщины слишкомъ хороши для того, чтобы знать, что есть на свѣтѣ подобныя преступленія? Если онѣ не могутъ быть присяжными, то, конечно, не должны быть и свидѣтелями. Въ одной старой книгѣ сэра Джорджа Мэккензи говорится: «женщины устраняются отъ свидѣтельства или потому, что онѣ слишкомъ уже подвержены чувству сострадательности, и поэтому не должны быть принимаемы въ уголовныхъ дѣлахъ болѣе, чѣмъ въ гражданскихъ; или же потому, что законъ не хотѣлъ безпокоить ихъ и ставить ихъ въ слишкомъ уже фамильярныя отношенія съ чужими мужчинами, что̀ естественно случилось бы, еслибы женщины постоянно появлялись въ судахъ.» По свидѣтельству Юма, этаго правила держались вплоть до начала XVIII вѣка. Но если слишкомъ уже фамильярныя отношенія къ мужчинамъ такъ пагубны, то уже ли эти мужчины столь чисты, что они одни могутъ составлять законы для женщинъ, уже ли они столь честны, что одни могутъ судить женщинъ за нарушеніе этихъ законовъ? Нѣсколько лѣтъ на ливерпульскихъ ассизахъ, при обсужденіи дѣла, по которому давались особенно важныя свидѣтельскія показанія, м-ръ Россель говорилъ, что «свидѣтельство женщинъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше мужскаго. Ихъ способность къ обсужденію мельчайшихъ подробностей лучше, и когда на лицо болѣе двухъ фактовъ и кое-чего не достаетъ, онѣ своими догадками дополняютъ этотъ недостатокъ.» «Качества же, которыя дѣлаютъ ихъ способными давать свидѣтельское показаніе, дѣлаютъ ихъ способными и разбирать или изслѣдовать его,»—говоритъ мистриссъ Даллъ.

Но—продолжаютъ оппоненты—вы хотите, чтобы женщины поступали на государственную службу? Почему же и нѣтъ, если онѣ способны къ ней и желаютъ этаго? Въ моемъ сосѣдствѣ есть почтмейстерша, которая вотъ уже семь лѣтъ извѣстна за такого превосходнаго чиновника, что когда прошелъ слухъ объ ея смѣнѣ, то это затронуло за живое все общество. «Антикварій» Скотта показываетъ, что примѣры подобной службы бывали въ Шотландіи. Александръ Андрью говоритъ, что «не было дѣломъ необыкновеннымъ, что женщины занимали должности смотрителей въ сельскихъ приходахъ.» Графиня Ричмондъ, мать Генриха VII, была мировымъ судьей. Лэди Бартлетъ также была мировымъ судьей и въ Глочестершейрѣ обыкновенно засѣдала на скамьи вмѣстѣ съ судьями; она была назначена королевой Маріей. Графиня Пемброкъ была наслѣдственнымъ шерифомъ въ Уэстморлендѣ и отправляла свои обязанности. Генрихъ VIII поручилъ одно судебное слѣдствіе лэди Аннѣ Беркелэ, которая открыла его въ Глочестерѣ и постановила приговоръ. Дочь Генриха VIII, Елисавета Тюдоръ, была королевою Англіи, по имени и на самомъ дѣлѣ въ са-

мый блестящій періодъ англійской исторіи. Была ли Елисавета неспособна? Поступала ли она не сообразно со своимъ поломъ? Или вы скажете, что это была исключительная женщина? Да, она была исключительная женщина, но не болѣе, чѣмъ Альфредъ, Маркъ Аврелій или Наполеонъ были исключительными мужчинами. Нѣкоторые изъ старинныхъ англійскихъ писателей держатся того мнѣнія, что женщина можетъ исполнять почти всѣ важнѣйшія должности въ королевствѣ. И дѣйствительно, если Викторія можетъ разсуждать въ совѣтѣ со своими министрами, то почему же другая какая-нибудь способная англичанка не можетъ разсуждать въ парламентѣ или американская женщина въ конгрессѣ?.... Если не женственно для женщины вотировать или занимать должность, то не женственно и для Викторіи быть королевой Англіи. Для составленія законовъ не нужно никакихъ такихъ талантовъ и никакой премудрости, которыя были бы исключительно свойственны мужскому полу. Тутъ нужны только умъ да опытность.

Способность составлять законы необходимо предполагается, кольскоро женщинамъ дозволяютъ владѣть и управлять собственностью и подлежать обложенію налогами. Какъ часто женщина, вдовая, замужняя или одинокая, является руководящимъ геніемъ семейства — воспитываетъ дѣтей, управляетъ имѣніемъ, даетъ иниціативу, совѣтуетъ, рѣшаетъ. Развѣ есть какое-нибудь существенное различіе между подобными обязанностями и способностью исполнять ихъ и законодательною дѣятельностью. Въ Нью-Джерсеѣ конституція 1776 г. допускала къ выборамъ всѣхъ жителей извѣстнаго возраста, живущихъ въ извѣстной мѣстности и имѣющихъ извѣстную собственность. Въ 1797 г., въ актѣ, регулировавшемъ выборы, говорилось: „каждый избиратель долженъ явно и въ виду всѣхъ класть *его или ея* билетъ съ написанными на немъ именами лицъ, за которыхъ *онъ или она* подаетъ голосъ“. Одинъ нью-джерсейскій старожилъ говоритъ, что „это право было вполнѣ признаннымъ, и о немъ даже мало говорили и думали“. Но въ 1807 г. право голоса было ограничено только бѣлыми гражданами мужскаго пола извѣстнаго возраста, состоянія и мѣстожительства, а въ 1844 г. былъ уничтоженъ имущественный цензъ. Не показываетъ ли такое устраненіе женщинъ, что ихъ вотированье найдено неудобнымъ или нежелательнымъ? Вовсе нѣтъ. Это показываетъ только, что мужчины собственники забаллотировали женщинъ, что нисколько не касается права и способности женщины вотировать. М-ръ Дугласъ, какъ я уже говорилъ, составилъ теорію, въ силу которой бѣлые совершеннолѣтніе колонисты извѣстной мѣстности имѣютъ право рѣшать, должно или нѣтъ обращать въ рабство цвѣтныхъ жителей. Они, конечно, могутъ рѣшать такъ и даже, при имѣніи необходимой для того силы, могутъ осуществлять свои рѣшенія. Но это ни мало не будетъ говорить въ пользу рабства на ихъ территоріи.

Мужчины, занимаясь практическимъ вопросомъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ имѣютъ въ виду только свои собственныя цѣли. Двадцать пять лѣтъ назадъ канадское управленіе въ ясныхъ и строгихъ выраженіяхъ запретила женщинамъ вотировать. Но въ 1850 г., ради извѣстной сектаторской цѣли имъ дозволили участвовать въ выборахъ школьныхъ попечителей. Мнѣ совѣстно даже касаться столь пошлаго пункта. Если въ чемъ и нуждается политическая практика нашего штата, такъ это въ *совѣсти*, а женщина—совѣсть расы. Если мы въ этомъ собраніи должны составить мудрую конституцію, если другіе послѣ насъ въ этой залѣ будутъ исправлять законы и наблюдать за должнымъ ихъ выполненіемъ, то намъ необходимо постепенно пріучаться къ той утонченной нравственной и умственной атмосферѣ, въ которой обыкновенно вращается женщина. Это собраніе обязано принимать мѣры къ улучшенію государственнаго управленія. Но если законодательство и администрація унизились до оправданія политическаго мазурничества и къ нимъ не можетъ прикоснуться, не замаравшись, ни одна чистая рука, то, начиная дѣло своего очищенія, не должны ли мы вспомнить, что политикою до сихъ поръ всецѣло заправляли одни только мужчины. Какъ же очистить ее? Ужели нѣтъ для этаго никакого радикальнаго средства, никакой не испытанной еще силы, не одной только силы искуснаго надзора, но и силы контролирующаго характера? Если бы мы сидѣли въ этой залѣ съ закрытыми окнами до тѣхъ поръ, пока воздухъ сдѣлался бы сгущенымъ и удушливымъ, то не были-ли бы мы глупцами, еслибы забывъ о великомъ очистителѣ, начали вспрыскивать залу растворомъ хлористой извести и жечь ассафетиду? Для освѣженія комнаты намъ стоило бы только открыть нáстежь окна, и благорастворенный лѣтній воздухъ тотчасъ выгналъ бы всѣ нечистые газы и далъ бы новую жизнь нашимъ легкимъ. И если мы хотимъ очистить политику, то стоитъ только пустить на нее мощный потокъ чистѣйшаго гуманнаго вліянія, какое только извѣстно намъ.

Нѣкоторые говорятъ, что если женщины будутъ вотировать, то онѣ должны также отбывать и военную службу. Нѣтъ сомнѣнія, что когда нація идетъ на войну, то она имѣетъ полное право требовать услугъ ото всѣхъ своихъ гражданъ, мужчинъ и женщинъ. Но война не ограничивается однимъ только нанесеніемъ ударовъ. Важная задача ея заключается въ томъ, чтобы сдѣлать удары дѣйствительными. Ужели храбрый англичанинъ бросавшійся въ челюсти смерти подъ Балаклавой вѣрнѣе сослужилъ на полѣ битвы свою службу, чѣмъ Флоренсія Найтингаль? То, что поддерживаетъ, сохраняетъ, возобновляетъ физическую силу, точно такъ же существенно важно, какъ и самая сила. Законъ, ъв виду нравственныхъ услугъ, оказываемыхъ духов-

ными, избавляетъ ихъ отъ военной повинности; да и на войнѣ-то десять человѣкъ изъ ста не носятъ оружія и не сражаются, а только служатъ остальному войску. Женщины, какъ граждане всегда участвовали и всегда желаютъ участвовать, нисколько не менѣе мужчинъ, въ этой общей защитѣ отечества. Уходъ за воинами, безвѣстные и безчисленные труды въ госпиталяхъ и дома точно также важны для національной безопасности, какъ и участіе въ битвахъ. Но если физическія услуги во время войны равно распредѣляются между полами, то моральныя силы оказываются болѣе значительными у женщинъ. Женщины Юга поддерживали мятежъ, а безъ женщинъ Сѣвера не могло бы спастись государство. Съ перваго момента войны до послѣдняго, во всѣхъ шумныхъ городахъ, въ отдаленныхъ долинахъ, въ дремучихъ лѣсахъ, на сельскихъ холмахъ, въ открытыхъ лугахъ, всюду, гдѣ только были жены, матери, сестры, возлюбленныя, тамъ были и занятыя руки, которыя не переставали работать ночь и день, впродолженіе четырехъ длинныхъ лѣтъ. Мать бросала работу только для того, чтобы благословить своихъ сыновей, летѣвшихъ на битву; жена,—чтобы поцѣловать уходившаго отца своихъ дѣтей; сестра улыбалась брату и молилась за возлюбленнаго, которые отправлялись туда же. Сколько сотъ тысячъ домовъ и сердецъ на вѣки лишились ушедшихъ, но не возвратившихся! Но эти дамы и сердца были и воодушевленіемъ и утѣшеніемъ людей, сражавшихся на полѣ битвы. Они укрѣпляли руку, которая билась за нихъ. Когда сынъ или мужъ падали въ ужасной свалкѣ битвы, храброе сердце женщины разбивалось въ тишинѣ, но ея пальцы не переставали работать. Когда милый братъ или возлюбленный страдали до сумасшествія, до отчаянія, любящее сердце женщины поддерживало ихъ духъ, а ея непрестанныя заботы возстановляли его здоровье. Это высшая моральная сила дѣйствововала посредствомъ безчисленныхъ каналовъ, подобно солнечному свѣту, оживотворяющему природу, и безъ нея успѣшная война была бы невозможна. И вотъ, тысячи и тысячи этихъ женщинъ просятъ теперь права голоса въ томъ управленіи, которое онѣ защищали. Можно-ли отказать имъ?

Я снова обращаюсь къ моему достопочтенному другу, докладчику комитета. Онъ рыскалъ по странѣ съ воплями о всеобщей подачѣ голосовъ и полной амнистіи. Право голоса и амнистія кому же? Тѣмъ, которые старались утопить государство въ крови его благороднѣйшихъ гражданъ, тѣмъ, которые разрушили столько семейныхъ счастій и разбили столько женскихъ сердецъ. Господа, я не осуждаю его воплей. Я не противорѣчу его политикѣ. Я не болѣе, чѣмъ онъ, жажду мести и также сильно, какъ мой благородный другъ, желаю видѣть жатву мира на поляхъ битвъ. Но, господа, въ Нью-Іоркѣ есть

одна мать, воспитавшая своего сына въ вѣрности Богу и отечеству. Когда страна сдѣлала воззваніе, оба они отвѣчали на него. Мать и сынъ, по своему каждый, содѣйствовали защитѣ отечества. Злая судьба войны сразила юношу въ страшный день при Андерсонвиллѣ. Умирая отъ жажды, онъ поползъ, чтобы напиться изъ тинистаго пруда; но его застрѣлилъ часовой, убилъ за вѣрность отечеству. „Я требую амнистіи этому часовому, я требую, чтобы онъ вотировалъ",—вопіетъ достоуважаемый докладчикъ комитета. И я не говорю, что его требованіе неразумно. Но я спрашиваю его, спрашиваю васъ, спрашиваю каждаго честнаго и патріотическаго гражданина въ этомъ штатѣ, на какомъ достаточномъ основаніи справедливости, опыта или здраваго смысла мы дадимъ избирательный шаръ убійцѣ нью-іоркскаго юноши и откажемъ въ немъ его матери?

Я изложилъ всѣ существенныя основанія предлагаемой мною поправки. Не добро человѣку быть одному. Онъ соединяется съ женщиной въ созданіи человѣческаго общества; ихъ право и интересы въ управленіи имъ тожественны; общество до тѣхъ поръ не въ состояніи достичь высшей ступени своего дѣйствительнаго развитія, пока одинъ полъ не перестанетъ предписывать границы свободѣ и дѣятельности другаго пола. Высота цивилизаціи измѣряется положеніемъ женщинъ. Гдѣ онѣ совершенныя рабыни, тамъ мужчина совершенный варваръ; мѣрою перехода отъ варварства къ цивилизаціи служитъ признаніе за женщиной равныхъ съ мужчиною правъ на свободное развитіе. Поэтому, когда м-ръ Милль вноситъ въ парламентъ свою петицію о политической равноправности женщинъ, то мы видимъ подъ нею подписи тѣхъ англійскихъ мужчинъ и женщинъ, идеи которыхъ служатъ предтечами дальнѣйшихъ успѣховъ цивилизаціи. Мѣру которую докладъ комитета объявляетъ совершенно революціонною и опасною для истинныхъ функцій пола, мудрѣйшій изъ современныхъ политическихъ мыслителей считаетъ разумною, охранительною, необходимою и неизбѣжною. Разсвѣтъ въ Англіи скоро превратится въ ясный день у насъ. Передъ американскимъ принципомъ равноправности падаютъ преграда за преградой на пути человѣческаго прогресса. И если мы еще далеки отъ его полнаго усвоенія и отъ совершеннаго согласованія съ нимъ законовъ, то онъ въ этомъ случаѣ испытываетъ такую же судьбу, какъ и духъ христіанства, къ полной славѣ котораго медленно приближаются христіане. Отъ шумной и хлопотливой политики мы обращаемъ свои взоры къ вѣчному сіянію этаго принципа, и видимъ, что узурпація пола—послѣдняя форма касты, которая гнѣздится еще въ нашемъ обществѣ.

Изъ этой рѣчи Куртиса читатель видитъ, что эманципація женщины логически вытекаетъ изъ всего строя американской конституціи, которая безъ освобожденія женщины является зданіемъ неоконченнымъ, лишеннымъ тѣхъ частей, которыя необходимо должны быть въ немъ, чтобы была выполнена идея строителей. Въ Европѣ противники женскаго дѣла имѣютъ еще хоть какое-нибудь основаніе относиться къ нему съ пренебреженіемъ, но въ Америкѣ политическая агитація женщинъ достигла уже такой силы и такихъ размѣровъ, что даже враги относятся къ ней вполнѣ серьозно. Въ то время, какъ печаталось (по обстоятельствамъ, очень долго) второе изданіе этой книги, въ Америкѣ женское дѣло значительно двинулось впередъ. Послѣ освобожденія негровъ, какъ извѣстно, къ конституціи Союза были сдѣланы XIV-е и XV-е дополненія, которыя давали освобожденнымъ всѣ права гражданства, объявляя, что каждое *лицо*, рожденное или натурализованное въ Соединенныхъ Штатахъ, пользуется въ нихъ „гражданствомъ“ и что „никакой штатъ не можетъ ограничивать привиллегій или правъ своихъ гражданъ“. Главное изъ этихъ правъ — избирательное. Представители народа, утверждая эти дополненія, имѣли въ виду только негровъ; но эманципаціонная партія утверждаетъ, что они, сознательно или безсознательно, даровали права всѣмъ *лицамъ*, т. е. мужчинамъ и женщинамъ. Составитель XIV дополненія, Бингамъ, оффиціально заявилъ, что подъ словомъ *лицо* онъ дѣйствительно разумѣлъ и мужчинъ и женщинъ. Вся эманципаторская партія начала усиленно хлопотать о распространеніи на женщинъ упомянутыхъ дополненій и о проведеніи черезъ конгрессъ XVI-го дополненія къ конституціи, узаконяющаго полную политическую равноправность женщины. Въ началѣ 1871 г. Викторія Удгёллъ, издательница одного журнала, составила въ этомъ смыслѣ записку и подала ее конгрессу, который поручилъ разсмотрѣніе ея судебному комитету. Комитетъ большинствомъ голосовъ призналъ ее неосновательною; но мнѣніе меньшинства, составленное судьею Лонгриджемъ и подписанное генераломъ Бутлеромъ, передано въ палату представителей.

Между тѣмъ, подоспѣли выборы 1871 г., и многія женщины заявили рѣшительное желаніе участвовать въ нихъ. Въ Мичиганѣ двѣ женщины вотировали, не встрѣтивъ никакого препятствія со стороны властей. Если избраніе кандидата, за котораго они подавали голоса, будетъ признано законнымъ и онъ получитъ свое мѣсто въ конгрессѣ, то вопросъ о законности женскаго вота будетъ рѣшенъ. Въ Титусвиллѣ мистриссъ Бреттъ участвовала въ выборахъ вмѣстѣ со своимъ мужемъ. Въ Филадельфіи миссъ Бернгемъ явилась къ выборамъ и въ качествѣ гражданина Соединенныхъ Штатовъ, потребовала записать

свое имя въ списки избирателей. Ей было отказали; но она начала объяснять, что по духу конституціи и по смыслу XIV и XV дополненій къ ней, каждая женщина считается гражданиномъ и поэтому имѣетъ право представительства. Ее допустили къ выборамъ. Въ той же Филадельфіи была внесена въ избирательные списки докторъ медицины Елена Миллеръ, но на выборахъ ея голосъ былъ признанъ не дѣйствительнымъ. Въ Нью-Йоркѣ изъ многихъ женщинъ, желавшихъ вотировать, только одна допущена къ выборамъ инспекторомъ гринвичской улицы; всѣ же другіе инспекторы отказали женщинамъ, являвшимся вотировать. Въ штатѣ Іовѣ нѣсколько женщинъ было допущено къ выборамъ и въ другихъ мѣстностяхъ, кромѣ территоріи Йомингъ, женщины которой уже нѣсколько лѣтъ пользуются политическими правами. Въ Колумбіи Сара Спенсеръ и Сара Вебстеръ были устранены отъ выборовъ, и, подобно женщинамъ, потерпѣвшимъ такую же неудачу въ другихъ мѣстахъ, начали процессъ противъ отказавшихъ имъ бюро избирательной регистраціи. Судъ призналъ ихъ жалобу неосновательною, и онѣ аппеллировали въ верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ, рѣшеніе котораго еще неизвѣстно намъ, когда мы пишемъ эти строки. Очень вѣроятно, что и верховный судъ откажетъ имъ; очень вѣроятно, что и конгрессъ отвергнетъ предложенный ему билль о XVI дополненіи къ конституціи, но это только придастъ новую энергію настояніямъ эманципаторовъ, рѣшившихся повторять свое предложеніе конгрессу въ каждую сессію его до тѣхъ поръ, пока въ пользу реформы не получится законнаго большинства голосовъ. Содѣйствовать успѣху этаго билля съ особенной энергіей взялся „Національный Комитетъ о правахъ и воспитаніи женщинъ". Комитетъ этотъ собираетъ теперь со всего союза подписи къ слѣдующей „Деклараціи и обязательству женщинъ Соединенныхъ Штатовъ":

„Мы, нижеподписавшіяся, будучи убѣждены, что священныя права и привиллегіи гражданства въ нашей республикѣ дарованы намъ основной конституціей, подтверждены и выяснены XIV и XV дополненіями къ ней,—обязуемся принять на себя гражданскія обязанности въ своихъ штатахъ, коль-скоро будутъ устранены всѣ легальныя препятствія къ тому.

„Будучи убѣждены, что нравственныя достоинства личности служатъ лучшею гарантіей національной свободы, мы обязуемся при выборахъ кандидатовъ на общественныя должности, прежде всего обращать вниманіе на ихъ добросовѣстность и честность.

„И наконецъ, будучи убѣждены, что самъ Богъ былъ верховнымъ авторомъ американской Деклараціи независимости, мы обязуемся въ духѣ этаго приснопамятнаго акта, дѣйствовать рука объ руку съ нашими отцами, супругами и сыновьями для поддержанія той равно-

правности, на которой съ самаго начала была основана республика, чтобы *согласіе управляемыхъ* вполнѣ сдѣлалось первымъ условіемъ справедливаго управленія".

Едва только эта декларація была напечатана въ журналахъ, какъ въ комитетъ начали поступать во множествѣ изо-всѣхъ концовъ страны сочувственныя письма и подписи, изъ которыхъ, по заявленію комитетскаго отчета, „къ слѣдующей сессіи конгресса составится не одинъ огромный томъ". Комитетъ разсылаетъ всюду даровые экземпляры своей деклараціи и разныхъ брошюръ о женскомъ и другихъ политическихъ вопросахъ, собирая пожертвованія на эту даровую пропаганду. Но такъ какъ масса стремящихся къ эманципаціи женщинъ принадлежитъ къ бѣдному, трудящемуся классу, и имъ трудно жертвовать комитету даже какой-нибудь долларъ, то денежные сборы комитета въ послѣднее время оказались не соотвѣтствующими его широкимъ намѣреніямъ. „Мы убѣждены,"—говорится въ его отчетѣ—„что если бы могли вести свое дѣло какъ слѣдуетъ втеченіе года, снабдить каждое семейство въ республикѣ эманципаціонными трактатами и узнать имена всѣхъ женщинъ, желающихъ вотировать, то въ ближайшую сессію конгресса вопросъ былъ бы поставленъ передъ нимъ настоятельно и женщины признаны были бы избирателями ко времени наступающихъ выборовъ президента." Въ отвѣтъ на многочисленныя письма, комитетъ рекомендуетъ всѣмъ желающимъ правъ женщинамъ слѣдующую программу дѣятельности.

„1. Каждая женщина должна подавать голосъ или добиваться подачи голоса на всѣхъ союзныхъ, штатскихъ и муниципальныхъ выборахъ, на основаніи майскаго акта 1870 г.

„2. Женщины должны составлять клубы въ каждомъ городѣ съ цѣлью приготовленія другъ друга къ исполненію этой обязанности". На суммы этихъ клубовъ должно вести иски, противъ лицъ, устраняющихъ женщинъ отъ участія въ выборахъ.

„3. Каждая женщина, желающая вотировать, должна доставить въ комитетъ свое имя и адрессъ", съ приложеніемъ посильнаго денежнаго пожертвованія, предназначаемаго для дароваго распространенія въ народѣ политическихъ трактатовъ.

„4. Женщины должны стараться защищать свое дѣло передъ законодательной комиссіей каждаго штата; устроять школы и публичныя лекціи въ каждомъ городѣ и въ каждомъ селѣ; должны привлекать на свою сторону своихъ мужей, отцовъ и братьевъ".

Такимъ образомъ, въ Америкѣ наступаетъ послѣдній актъ борьбы за равноправность женщины. Во имя естественнаго права и конституціи, ради увѣнчанія величественнаго зданія демократической республики, женщины требуютъ себѣ равноправной свободы, и недалекъ

тотъ день, когда онѣ торжественно заявятъ о себѣ въ вашингтонскомъ Капитоліѣ. Успѣхъ женскаго дѣла въ Америкѣ не подлежитъ сомнѣнію, потому что оно опирается здѣсь на школы, находящіяся въ рукахъ женщинъ, на конституцію и даже на религію, которая въ Европѣ, особенно въ католической, не благопріятствуетъ эманципаціи. Большая часть американскихъ сектъ признаетъ и пропагандируетъ равенство половъ. Лѣтомъ 1871 г. старѣйшина Ливанской Горы, поселенія шекеровъ, былъ въ Лондонѣ и въ своей лекціи о шекеризмѣ говорилъ англичанамъ: „Когда я смотрю на христіянскія націи и ихъ соціальныя системы, то вижу всюду громадное зло; не всѣ люди благоденствуютъ, не всѣ они достаточно снабжены пищею, платьемъ и жильемъ. Почему же это? Не объясняется ли это чѣмъ-нибудь изъ основаній вашего управленія? Подумайте-ка. Это вѣдь управленіе мужчинъ; женскій элементъ не имѣетъ въ немъ представителей. Правда, у васъ есть королева; но она царствуетъ болѣе какъ король, чѣмъ какъ женщина. Вашъ парламентъ, ваша палата лордовъ, ваша палата общинъ вовсе не имѣютъ женскихъ представителей націи. Наконецъ, цѣлая половина вашего народонаселенія состоитъ изъ женщинъ, которыя обладаютъ такими же способностями, такими же чувствами и имѣютъ тѣ же самыя нужды, какъ и другая половина. Почему же онѣ подчиняются законамъ, въ составленіи которыхъ не участвуютъ, подлежатъ наказаніямъ за нарушеніе этихъ законовъ и налогамъ, а между тѣмъ вовсе не имѣютъ представительства? Я только къ слову упомянулъ объ этомъ, какъ о предметѣ способномъ занять умъ простаго шекера во время, свободное отъ труда. Вы, конечно, извините меня, такъ какъ я не принадлежу къ міру. Мы же думаемъ — и считаемъ это своей основной идеей—что божество двойственно, что міромъ управляютъ Небесный Отецъ и Небесная Мать, и что поэтому, всякое нормальное управленіе должно быть основано на такомъ же началѣ, должно признавать существованіе двухъ постоянныхъ элементовъ въ человѣчествѣ, мужскаго и женскаго. И я приписываю войну, и соціальное зло, и много другихъ вещей, которыя можно указать въ вашихъ соціальныхъ системахъ и организаціи, главнымъ образомъ отсутствію такого нормальнаго управленія“. Эта безъискуственная рѣчь простаго американскаго мужика показываетъ, до какой степени идея равенства половъ начинаетъ проникать даже въ массу народа. И не однѣ только новыя секты, но и большинство старыхъ — методисты, баптисты, анабаптисты, унитаріи и т. д. — признаютъ въ Америкѣ равноправность женщины. Въ 1871 г. въ Соединенныхъ Штатахъ считалось уже шестьдесятъ восемь женщинъ, оффиціально утвержденныхъ въ должности пасторовъ при церквяхъ разныхъ вѣроисповѣданій; многія женщины, кромѣ того, учили и проповѣдывали безъ оффиціаль-

наго назначенія къ извѣстной церкви. Даже у мормоновъ началось сильное движеніе противъ многоженства и обусловленнаго имъ порабощенія женщины. Лѣтомъ 1871 г. въ столицу мормоновъ прибыла достопочтенная мать современнаго женскаго движенія въ Америкѣ, сѣдовласая мистриссъ Стэнтонъ, которая успѣваетъ и хлопотать о своемъ семействѣ, и присутствовать на всѣхъ замѣчательныхъ женскихъ митингахъ, вести дебаты, читать лекціи, писатъ въ газеты, руководить дѣлами женскихъ ассоціацій. Вмѣстѣ со своею спутницей, не менѣе знаменитою миссъ Энтони, она, окруженная толпами мормонокъ, читала имъ лекцію о правахъ и обязанностяхъ женщины, разсуждала о многоженствѣ, говорила о тираннія мужчинъ и произвела на мормонокъ сильное и благопріятное впечатлѣніе. Эти двѣ женщины въ нѣсколько мѣсяцевъ проѣхали поперегъ весь Союзъ, побывали въ сотняхъ городовъ и поселеній, собирая митинги, читая лекціи, агитируя женщинъ, собиравшихся всюду на голосъ ихъ лучшихъ и благороднѣйшихъ друзей. „Журналы Запада — говоритъ Revolution — относятся къ мистриссъ Стэнтонъ и миссъ Энтони съ замѣчательнымъ уваженіемъ. Ихъ поѣздка походитъ почти на тріумфальное шествіе.“ И въ большихъ городахъ, и въ новыхъ колоніяхъ, и у мормоновъ на Соленомъ Озерѣ, и въ рудникахъ Калифорніи, — всюду женщины встрѣчали ихъ съ восторгомъ и провожали благословеніями. Эта поѣздка принесетъ большую пользу дѣлу эманципаціи, привлекши къ нему тысячи новыхъ сторонницъ.

10231

9-23

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

SEP 25 1981 ILL

7053173

